Ретиф де ла Бретон

СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН

ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО

Совращенный поселянин. Жизнь отца моего

Никола-Эдм Ретиф де ла Бретон

Н.-Э. Ретиф де ла Бретон. Совращенный поселянин. Жизнь отца моего
СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН,. ИЛИ. ОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ, ОБРАЩЕННОЕ К КНИГОПРОДАВЦУ
ОБОЗРЕНИЕ ВСЕХ ВОСЬМИ ЧАСТЕЙ
СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН,. ИЛИ. ОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ, НАЙДЕННОЕ В НАЧАЛЕ РУКОПИСИ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПИСЬМО I
ПИСЬМО II
ПИСЬМО III
ПИСЬМО IV
ПИСЬМО V
ПИСЬМО VI
ПИСЬМО VII
ПИСЬМО VIII

ПИСЬМО IX
ПИСЬМО X
ПИСЬМО XI
ПИСЬМО XII
ПИСЬМО XIII
ПИСЬМО XIV
ПИСЬМО XV
ПИСЬМО XVI
ПИСЬМО XVII
ПИСЬМО XVIII
ПИСЬМО XIX
ПИСЬМО XX
ПИСЬМО XXI
ПИСЬМО XXII
ПИСЬМО XXIII
ПИСЬМО XXIV
ПИСЬМО XXV
ПИСЬМО XXVI
ПИСЬМО XXVII
ПИСЬМО XXVIII
ПИСЬМО XXIX
ПИСЬМО XXX
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПИСЬМО XXXI
ПИСЬМО XXXII
ПИСЬМО XXXIII

ПИСЬМО XXXIV
ПИСЬМО XXXV
ПИСЬМО XXXVI
ПИСЬМО XXXVII
ПИСЬМО XXXVIII
ПИСЬМО XXXIX
ПИСЬМО XL
ПИСЬМО XLI
ПИСЬМО XLII
ПИСЬМО XLIII
ПИСЬМО XLIV
ПИСЬМО XLV
ПИСЬМО XLVI
ПИСЬМО XLVII
ПИСЬМО XLVIII
ПИСЬМО XLIX
ПИСЬМО L
ПИСЬМО LI
ПИСЬМО LII
ПИСЬМО LIII
ПИСЬМО LIV
ПИСЬМО LV
ПИСЬМО LVI
ПИСЬМО LVII
ПИСЬМО LVIII
ПИСЬМО LIX

ПИСЬМО LX
ПИСЬМО LXI
ПИСЬМО LXII
ПИСЬМО LXIII
ПИСЬМО LXIV
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПИСЬМО LXV
ПИСЬМО LXVI
ПИСЬМО LXVII
ПИСЬМО LXVIII
ПИСЬМО LXIX
ПИСЬМО LXX
ПИСЬМО LXXI
ПИСЬМО LXXII
ПИСЬМО LXXIII
ПИСЬМО LXXIV
ПИСЬМО LXXV
ПИСЬМО LXXVI
ПИСЬМО LXXVII
ПИСЬМО LXXVIII
ПИСЬМО LXXIX
ПИСЬМО LXXX
ПИСЬМО LXXXI
ПИСЬМО LXXXII
ПИСЬМО LXXXIII
ПИСЬМО LXXXIV

ПИСЬМО LXXXV
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПИСЬМО LXXXVI
ПИСЬМО LXXXVII
ПИСЬМО LXXXVIII
ПИСЬМО LXXXIX
ПИСЬМО XC
ПИСЬМО XCI
ПИСЬМО XCII
ПИСЬМО XCIII
ПИСЬМО XCIV
ПИСЬМО XCV
ПИСЬМО XCVI
ПИСЬМО XCVII
ПИСЬМО XCVIII
ПИСЬМО XCIX
ПИСЬМО C
ПИСЬМО CI
ПИСЬМО CII
ПИСЬМО CIII
ПИСЬМО CIV
ПИСЬМО CV
ПИСЬМО CVI
ПИСЬМО CVII
ПИСЬМО CVIII
ПИСЬМО CIX

ПИСЬМО CX
ПИСЬМО CXI
ПИСЬМО CXII
ПИСЬМО CXIII
ПИСЬМО CXIV
ПИСЬМО CXV
ПИСЬМО CXVI
ПИСЬМО CXVII
ПИСЬМО CXVIII
ПИСЬМО CXIX
ПИСЬМО CXX
ПИСЬМО CXXI
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПИСЬМО CXXII
ПИСЬМО CXXIII
ПИСЬМО CXXIV
ПИСЬМО CXXV
ПИСЬМО CXXVI
ПИСЬМО CXXVII
ПИСЬМО CXXVIII
ПИСЬМО CXXIX
ПИСЬМО CXXX
ПИСЬМО CXXXI
ПИСЬМО CXXXII
ПИСЬМО CXXXIII
ПИСЬМО CXXXIV

ПИСЬМО CXXXV
ПИСЬМО CXXXVI
ПИСЬМО CXXXVII
ПИСЬМО CXXXVIII
ПИСЬМО CXXXIX
ПИСЬМО CXL
ПИСЬМО CXLI
ПИСЬМО CXLII
ПИСЬМО CXLIII
ПИСЬМО CXLIV
ПИСЬМО CXLV
ПИСЬМО CXLVI
ПИСЬМО CXLVII
ПИСЬМО CXLVIII
ПИСЬМО CXLIX
ПИСЬМО CL
ПИСЬМО CLI
ПИСЬМО CLII
ПИСЬМО CLIII
ПИСЬМО CLIV
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПИСЬМО CLV
ПИСЬМО CLVI
ПИСЬМО CLVII
ПИСЬМО CLVIII
ПИСЬМО CLIX

ПИСЬМО CLX
ПИСЬМО CLXI
ПИСЬМО CLXII
ПИСЬМО CLXIII
ПИСЬМО CLXIV
ПИСЬМО CLXV
ПИСЬМО CLXVI
ПИСЬМО CLXVII
ПИСЬМО CLXVIII
ПИСЬМО CLXIX
ПИСЬМО CLXX
ПИСЬМО CLXXI
ПИСЬМО CLXXII
ПИСЬМО CLXXIII
ПИСЬМО CLXXIV
ПИСЬМО CLXXV
ПИСЬМО CLXXVI
ПИСЬМО CLXXVII
ПИСЬМО CLXXVIII
ПИСЬМО CLXXIX
ПИСЬМО CLXXX
ПИСЬМО CLXXXI
ПИСЬМО CLXXXII
ПИСЬМО CLXXXIII
ПИСЬМО CLXXXIV
ПИСЬМО CLXXXV

ПИСЬМО CLXXXVI
ПИСЬМО CLXXXVII
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПИСЬМО CLXXXVIII
ПИСЬМО CLXXXIX
ПИСЬМО CXC
ПИСЬМО CXCI
ПИСЬМО CXCII
ПИСЬМО CXCIII
ПИСЬМО CXCIV
ПИСЬМО CXCV
ПИСЬМО CXCVI
ПИСЬМО CXCVII
ПИСЬМО CXCVIII
ПИСЬМО CXCIX
ПИСЬМО CC
ПИСЬМО CCI
ПИСЬМО CCII
ПИСЬМО CCIII
ПИСЬМО CCIV
ПИСЬМО CCV
ПИСЬМО CCVI
ПИСЬМО CCVII
ПИСЬМО CCVIII
ПИСЬМО CCIX
ПИСЬМО CCX

ПИСЬМО CCXI
ПИСЬМО CCXII
ПИСЬМО CCXIII
ПИСЬМО CCXIV
ПИСЬМО CCXV
ПИСЬМО CCXVI
ПИСЬМО CCXVII
ПИСЬМО CCXVIII
ПИСЬМО CCXIX
ПИСЬМО CCXX
ПИСЬМО CCXXI
ПИСЬМО CCXXII
ПИСЬМО CCXXIII
ПИСЬМО CCXXIV
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ПИСЬМО CCXXV
ПИСЬМО CCXXVI
ПИСЬМО CCXXVII
ПИСЬМО CCXXVIII
ПИСЬМО CCXXIX
ПИСЬМО CCXXX
ПИСЬМО CCXXXI
ПИСЬМО CCXXXII
ПИСЬМО CCXXXIII
ПИСЬМО CCXXXIV
ПИСЬМО CCXXXV

ПИСЬМО CCXXXVI
ПИСЬМО CCXXXVII
ПИСЬМО CCXXXVIII
ПИСЬМО CCXXXIX
ПИСЬМО CCXL
ПИСЬМО CCXLI
ПИСЬМО CCXLII
ПИСЬМО CCXLIII
ПИСЬМО CCXLIV
ПИСЬМО CCXLV
ПИСЬМО CCXLVI
ПИСЬМО CCXLVII
ПИСЬМО CCXLVIII
ПИСЬМО CCXLIX
ПИСЬМО CCL
ПИСЬМО CCLI
ПИСЬМО CCLII
УСТАВ. ПОСЕЛКА УДЕН, В КОТОРОМ ЖИВУТ ОБЩИНОЙ ЧЛЕНЫ РОДА Р***
ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КНИГА ПЕРВАЯ
[Глава I]
[Глава II]

[Глава III]
[Глава IV]
КНИГА ВТОРАЯ
[Глава V]
[Глава VI]
[Глава VII]
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КНИГА ТРЕТЬЯ
[Глава VIII]
[Глава IX]
[Глава X]
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
[Глава XI]
[Глава XII]
[Глава XIII]
ПРИЛОЖЕНИЯ
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕТИФЕ
РЕТИФ ДЕ ЛА БРЕТОН В РОССИИ
КОММЕНТАРИИ

Н.-Э. Ретиф де ла Бретон
Совращенный поселянин
Жизнь отца моего

Издание подготовили

О. В. ВОЛКОВ и Е. А. ГУНСТ при участии Г. С. БУАЧИДЗЕ

Н.-Э. РЕТИФ ДЕ ЛА БРЕТОН. 1785
Гравюра Л. Бертье с рисунка Л. Бине

СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН, ИЛИ ОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ, ОБРАЩЕННОЕ К КНИГОПРОДАВЦУ

Мне представляется, сударь, что эти письма могут принести пользу не только обитателям деревни, где теперь мало-мальски состоятельные люди стали читать книги подобно горожанам, но и самим жителям городов. Нередко случается, что родители как в столице, так и в других городах Королевства не вполне осведомлены о риске, которому они подвергаются, когда недостаточно заботятся о своих детях. Эта книга может их многому научить.

В ней читатель увидит, как молодой человек, наделенный всеми талантами и преимуществами, дарованными умом и счастливой внешностью, гибнет именно вследствие этих преимуществ. Это не единичный пример, так случается каждый день. Если некоторые деревенские парни и преуспевают в больших городах, так это существа плутоватые, коварные, лицемерные и умственно ограниченные; таким иной раз удается идти по намеченному пути, и происходит это во вред

обществу, ибо эти пришельцы бросаются в свет, ничего не имея за душой, и отвоевывают у других то, чего им самим недостает; они пользуются при этом неблаговидными приемами, которые философу нетрудно наблюдать. Отсюда то неприятное чувство, которое возникает у человека при виде выскочки. Это чувство — не слепая зависть; это благородный инстинкт, и притом инстинкт естественный. Не так давно некий умный человек говорил мне, что хорошо бы написать книгу под названием «Обоснованные предрассудки». Я с этим вполне согласен: нет обычая, нет закона, нет даже такого повального заблуждения, свойственного целому народу, которые не имели бы разумной причины. Не буду повторять здесь выпадов против жизни в городах, осмелюсь только высказать мысль, что было бы полезно не то что запретить деревенским жителям пребывание в городах, но показать им все темные стороны городской жизни в сравнении с теми преимуществами, которыми они пользуются у себя в деревне, а главное убедить их в том, что удача в городе подобна крупному выигрышу в лотерее: в ней сто тысяч проигрывают, а выигрывает один.

Надеюсь, сударь, что это сочинение будет иметь некоторый успех. Да воспримут всем сердцем

сеньоры «Устав», завершающий книгу, и да постараются осуществить его в своих владениях! Государство, нравы и они сами от этого только выиграют.

Кланяюсь вам, сударь. Поторопите печатание этого труда и попросите господ журналистов возвестить о нем, из уважения не столько к его достоинствам, сколько к тем побуждениям, которые руководили мной при собирании этих писем.

ОБОЗРЕНИЕ ВСЕХ ВОСЬМИ ЧАСТЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эдмон, он же Поселянин, прибывает в город и переживает здесь ряд невзгод, которые, однако, вскоре рассеиваются. Совратитель начинает завладевать им, а склонность Эдмона к увлечениям как нельзя лучше способствует этому.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Живописец, хозяин Эдмона, женит его на девушке, которую он сам соблазнил. Совратители стараются вытравить в сознании крестьянского паренька всякие представления о честности, которые они именуют деревенскими предрассудками. Эдмон, уже поддавшийся разврату, соблазняет девушку по имени Лорета. Его жена умирает от ревности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Совратители, и в особенности некий господин Годэ, поучают Эдмона, извращая непреложные истины. Эдмон влюбляется в жену своего хозяи-

на, женщину добродетельную, и осмеливается, злоупотребляя добротой этой дамы, признаться ей в своем чувстве. У него приключение с некоей кокеткой, а девушку, которую он любил, он уступает своему брату. Он совершает насилие над супругой хозяина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эдмон едет в Париж на помощь сестре, которую похитил маркиз. Он дерется с похитителем на дуэли. Он опускается до того, что дает согласие на предложение маркиза взять его сестру на содержание, в то время как сам влюбляется в жену маркиза.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Эдмон и его сестра доходят до самого мерзкого разврата.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Эдмон хочет стать актером, сочинителем и т. п. Сестра его меняется. Он ради корысти женится на старухе, его обвиняют в том, что он отравил жену. Трагическое происшествие.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Эдмон приговорен к каторжным работам; родители его умирают от горя. Он возвращается с каторги и сам карает себя за свои преступления. Он убивает сестру.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Смерть Эдмона. Меры, принятые его родней, с целью избежать подобных несчастий.

СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН, ИЛИ ОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Недавняя история, составленная на основе подлинных писем ее участников

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ, НАЙДЕННОЕ В НАЧАЛЕ РУКОПИСИ

Я собрал в этой связке не только письма несчастного, который причинил мне много горя, но и письма различных лиц, имея в виду предупредить членов нашей семьи и всех деревенских жителей об опасностях, подстерегающих молодежь в городах. О дети мои! Будем верны нашим селам и потщимся пребывать в блаженном неведении о преимуществах, которые сулят человеку большие города; вкус к утехам прививается пороком; отсутствие веры побуждает предаваться им, возможности для этого добываются преступлениями, а плодами их нередко оказываются нищета, позор, страдания. С пользой прочтите эти письма, где вы можете проследить завоевания

развратa, постепенно овладевающего честным, непорочным сердцем. Вы увидите в них молодого поселянина, несколько преуспевающего на первых порах; потом увидите, как он мало-помалу утрачивает свои возвышенные чувства, становится развратником, подлецом, преступником, как он увлекает в пучину распутства свою несчастную сестру и губит ее безвозвратно, как он потом на время исправляется с тем, чтобы пасть еще ниже. Дети мои! От всех этих бесчинств их почтенные родители умерли с горя, и на всю семью пала тень позора... Несчастный, наконец, опомнился и воздал себе должное... но это было плодом отчаяния. Я видел его, и сердце мое разбилось, ибо этим несчастным был мой брат.

Подписано: *Пьер Р****

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Наша семья не выделяется ни знатностью, ни богатством; из рода в род мы поселяне; однако наши предки были несколько состоятельнее нас. Они заложили на принадлежащей им земле деревню Вилье, в просторечии именуемую Вильелез-О. В стародавние времена они породнились

со знатным семейством де Куртенэ, обитавшем в той же местности; потомки де Куртенэ по женской линии, став простыми земледельцами, все же пользовались правом не платить подати, которое было некогда пожаловано их благородным предкам. Наша мать происходила из рода Бертро, рода угасшего, но дворянство коего подтверждается грамотами с 1200 года, а до этого теряется где-то в истоках государства.

Со времени основания Вилье наши предки всегда были земледельцами. Когда во Францию проникла Реформация, они безмятежно возделывали свои земли. Они примкнули к новому вероучению, и сей необдуманный поступок повлек за собою их разорение, ибо, когда новая секта была разгромлена, им пришлось рассеяться по провинции, а многим из них даже покинуть пределы Королевства. Они за бесценок продали родовую усадьбу Вилье, и с той поры у нас там нет уже ни клочка земли. Во время «драгонад»{1} наш прадед вернулся в лоно католической церкви; дед и отец были воспитаны в этой вере и мы также исповедуем ее. У Пьера Р***, нашего деда (именем

{1} Комментарии: 2.1

Драгонады. — После отмены Нантского эдикта в 1685 году начались преследования протестантов, получившие название драгонад потому, что они осуществлялись королевскими драгунами.

коего нарекли и меня), было трое детей от Анны Кердеруа, родственницы председателя Б-ского парламента: наш отец и две дочери. Последние подпали под влияние двух своих теток, из коих одна нашла убежище в Англии, а другая в Пруссии; тетки одновременно приехали во Францию, чтобы повидаться со своим отцом, и последний, не желая стеснять детей в вопросах веры, отпустил с ними дочерей. Тем временем наш отец Эдм Р*** (да примет его господь в свое лоно) женился на девушке из хорошей семьи, которую его отец сам для него выбрал, хотя все приданое ее состояло в добродетели, кротости и красоте. Барб де Б***, наша бесценная, добрая матушка, принесла ему четырнадцать детей и это благоволение божие внушило отцу, всецело посвятившему себя семье, мысль устроить кое-кого из детей в городе, ибо в деревне он не мог оставить им никакого наследства. Намерения у него были самые лучшие (иных у него не бывало), но людская порочность придала им совсем иной оборот.

Однажды наши родители поделились своими планами с чиновником из города В***; тот им напомнил что некогда отец был дружен с господином С***, нотариусом из В***, одна из дочерей которого вышла замуж за господина Парангона,

художника, живущего в О***, и спросил, кого именно из детей они хотят отпустить из родительского дома. Отец призвал Эдмона, который был младше меня на два года и носил его имя, как я ношу имя нашего деда. Увидев брата, судебный пристав пришел в восторг от внешности мальчика и сказал: «Определите его к зятю господина С***; ручаюсь вам, он выйдет в люди; у него руки, созданные орудовать чем-нибудь поизящнее, чем мотыга и рукоятка сохи; я уверен, что со временем он достигнет такого положения, которое превзойдет все ваши чаяния. Я переговорю с госпожой Парангон — она сейчас гостит у своего отца; это на редкость добрая женщина, уж не говоря о том, что она очень хороша собой. Снаряжайте его; оставить такого юношу здесь — все равно, что погубить его». А поговорив с Эдмоном, чиновник еще больше уверился в правоте своих слов, ибо на все вопросы брат отвечал разумно, а главное — скромно.

Неделю спустя наши славные родители отправились в О*** к господину С***, старинному другу отца, и взяли с собой Эдмона, ибо госпожа Парангон, которой чиновник расхвалил брата, пригласила их, чтобы они могли переговорить с ее мужем. Эдмон был представлен, но не ей самой,

ибо она была чем-то занята, а непосредственно господину Парангону; мальчик произвел на художника хорошее впечатление, и он согласился взять его к себе. Господин С*** обещал Эдмону рекомендацию, а родителей наших принял весьма радушно. Когда они собрались уезжать, госпожа Парангон и другие дамы вышли их проводить, а Эдмон застыдился, покраснел и не решался взглянуть на провожающих. Все стали расхваливать его скромность; одна барышня похлопала его по щеке, тут он заалел, как вишня, и этим всех очень насмешил. А госпожа Парангон сказала: — Вы смеетесь над его простодушием и застенчивостью, а со временем вам, быть может, придется плакать от дерзости бессовестного щеголя. — Она пообещала нашим родителям позаботиться об Эдмоне, а покамест матушка беседовала с младшей сестрой этой дамы, Фаншеттой, и дарила ей какую-то мелочь, дама справлялась у батюшки о нраве Эдмона. Славный старик рассказал о том, что Эдмон чувствителен, услужлив, хоть иной раз и слишком резок и вспыльчив. «Ему шестнадцать лет, — говорил батюшка, — однако страсти в нем дремлют, и дай бог, чтобы так продолжалось еще долго! Он, как говорится, существо субтильное, — поэтому-то я и думаю, что из него выйдет толк. Он

любит читать и знает Библию наизусть; латынь он изучил отлично и даже немного греческий; господин кюре говорит, что для живописца таких знаний вполне достаточно». Госпожа Парангон осталась весьма довольна этими сведениями, а Эдмон их разговора не слышал, ибо в это время стоял на пороге, наблюдая прохожих, и наши славные родители вернулись домой в полном восторге от успеха своих хлопот.

Сразу же купили все необходимое для снаряжения Эдмона; наш почтенный батюшка и любящая матушка целых полтора месяца мудро наставляли сына, наконец господин Парангон затребовал его к себе, и он уехал. Это было пятого ноября 1748 года; с того дня и начинается наша переписка, ибо Эдмон написал мне сразу по приезде в О***.

ПИСЬМО I

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО Р ***, ЕГО СТАРШЕМУ БРАТУ

Приезд к господину Парангону

Любезный братец!

Принимаюсь за письмо, чтобы сообщить те-

бе, что мы с Жорже добрались благополучно и что матушкин осел в полном порядке, хотя и причинил нам немало огорчений — он сбросил брата вместе с его поклажей в канаву, но брат ничуть не пострадал, и все осталось в целости, а приехали мы очень поздно, поэтому Жорже остался тут ночевать, а завтра поутру отправится домой. Ах, братец! Если бы ты только видел, какие здесь бульвары, и какой шум, и какая толчея и какие все-таки тут все веселые. Ты обалдел бы от удивления; тут все люди заносчивые и половина ничего не делает; тут играют, развлекаются, выпивают и все трактиры полным-полны. Мы все это уже видели, потому что добрый господин Парангон послал нас прогуляться по городу и один из его подмастерьев повел нас по всем местам. Ах, какие тут красивые церкви! Если бы ты только видел! Если бы только видел! В соборе есть святой Христофор с дубовым посохом по крайней мере футов пятидесяти в высоту, а доходит он ему только до подбородка; вот занятно! Потом еще есть высокие-превысокие часы, а на циферблате сделан шар, который отмечает, когда светит луна; если луны нет, шар весь черный, когда появляется молодой месяц, шар слегка золотистый, потом все больше и больше, а когда луна полная — он

совсем золотой; потом луна убывает, убывает, и шар снова становится черным; есть тут еще дорожки, обсаженные деревьями, которые похожи на липу возле нашей церкви; потом еще есть река, на ней лодки, есть коши{2}, и еще плоты и мельницы; не могу тебе даже сказать сколько тут всякой всячины . . . . . .[1]

{2} Комментарии: 2.2

Кош — старинная барка, служившая для перевозки пассажиров и грузов.

[1] Примечания: 1.1

Этих точек нет в письмах; я поставил их всюду, где требовалось по смыслу, тем более, что, пообтесавшись, Эдмон сам стал их употреблять *(прим. корректора).*

Скажу тебе, что, покамест я писал эти две странички, какая-то барышня, которую я поначалу принял за госпожу Парангон (а дамы этой здесь нету, но я этого не знал), барышня эта заглянула мне через плечо и принялась смеяться, сказав: «есть тут еще, потом еще есть ... И даже осел во всем этом участвует!» Она что-то шепнула господину Парангону, когда он пришел, чтобы прочесть мое письмо, и он тоже смеялся и сказал, что научит меня писать поскладнее, а я этому очень рад, хоть мне и стало стыдно. Ведь я знаю, что пишу плохо, потому что никогда не писал от себя, а когда писал переводы с латыни, так господин кюре мне их диктовал и ничего не давал мне писать самому. Но я кончаю писать, а то опять придет насмешница. Мне слышно, как господин Парангон ей говорит: «Письмо простодушное, но не такое уж глупое». Остаюсь, любезный братец, твой смиренный и покорнейший слуга и брат

Эдмон Р***

Низко кланяюсь любезному батюшке и любезной матушке, а также братцам и сестрицам, и Мари-Жанне.

ПИСЬМО II

1 декабря.

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

В городе Эдмон скучает; он сравнивает здешнюю жизнь с жизнью в деревне

Любезный братец, я пишу тебе, хотя еще не получил от тебя ответа, и пишу для того, чтобы облегчить душу и чтобы сказать, что твоя судьба совсем не такая, как моя, и что я тебе завидую, хотя здесь кое-чему учусь, чего нет у нас; потому что у меня много досуга из-за того, что я ничего не делаю, и я принялся читать книги из библиотеки господина Парангона и нашел там такие, о которых даже никогда и не слышал. Например сочинения Буало, комедии Мольера и еще трагедии Расина и Корнеля. Я прочел эти книги с таким удовольствием, что даже позабыл все свои здешние огорчения. По вечерам, после ужина, когда плохая погода и я тут никого не знаю, я беру книжку и читаю вслух кухарке; ей, как видно, очень по вкусу трагедии, особенно те, сочинителя

которых зовут Расином; одна из его трагедий, по названию «Береника», на днях тронула и ее, и меня до слез. Но такие забавы не могут продолжаться целый день и временами бывает очень тяжело. Ах, Пьер! Ты счастливо живешь в местах, где мы с тобой родились; ты свободен; ты не напрягаешь ума изо всех сил; твоя работа требует только умелых рук и прилежания, а я должен сосредоточивать все внимание, чтобы постичь основы мудреного искусства, я лишился всякого покоя и свободы. Я стал как бы рабом; я в чужом доме принижен, отвержен, на меня тут обращают внимания меньше, чем на тех животных, от которых никакой пользы нет и держат их только ради забавы. Пьерро! Братец мой! В каком я положении! И что только меня принуждает к этому! Помнишь, когда мы с тобой ходили в школу мэтра Жака, я на свою беду выучился читать, писать и считать скорее, чем ты; я не расставался с пером, я переписывал псалмы и антифоны, которые поют в церкви, и поэтому наши добрые родители (с лучшими намерениями, конечно) решили, что из меня выйдет ученый; они отдали меня к господину кюре, чтобы я выучился латыни, а когда они увидели, что я бегло читаю латинскую книжку по-французски, они были сами не свои

от радости и решили, что мне надо жить в городе, чтобы преуспеть, и со временем стать опорой для сестер и младших братьев. В довершение всего злополучный благодетель посоветовал им поместить меня к зятю господина С***, и вот я тут. О проклятые способности, которые тогда у меня оказались! И к чему мне, как говорится, *преуспевать,* если для этого надо сначала унизиться и подлыми занятиями запятнать лучшие дни жизни! Ибо здесь, Пьер, не то, что у нас, где каждый трудится; наша матушка, сестры заняты тем же, что и поденщицы; батюшка и мы с тобой и батраки — все одно. А здесь некоторые работы хозяева никогда не делают сами, они как бы постыдны и противны всякому порядочному человеку, потому что такими их считают люди, которые поручают эти работы другим; а меня заставляют выполнять такие работы, хоть я и ученик, а не слуга, потому что видят, что я добродушный и кроткий, а не гордец, как мои товарищи. Я ем на кухне; мне сказали, что это только на время, пока я не отучусь от деревенских повадок и не оденусь получше. А что в наших повадках уж такого плохого? И разве я тут всякий день не одет так, как был одет у нас по воскресеньям? Оказывается, одежда у меня *немодная.* Помимо

прочих пороков, у этих людей есть тот недостаток, что они уважают только самих себя и себе подобных; это верное средство никогда не совершенствоваться. Что касается меня, я застенчив, *неотесан,* как они говорят; зато товарищи мои — нахальные, и по-здешнему это хорошо; здесь хвалят то, что у нас осуждают, и осуждают то, что всякий порядочный человек спокон веков хвалил... Но может быть мне на пользу, что они меня немного чураются. Если бы ты только видел, какие за хозяйским столом все чревоугодники и обжоры! Каждый жрет мяса раза в три больше, чем у нас; можно подумать, что в городе только для того и живут, чтобы есть. Дурной пример! А послушал бы ты, о чем говорят за едой! Посмотрел бы, как вольно обращаются с бедными девушками, которые покинули своих добрых родителей и родные деревни, где все равны, и переехали в город, чтобы провести лучшее время жизни в презрении и рабстве! Разговаривают с ними грубо, пускаются во всякие обидные сравнения! Кажется, будто эти несчастные девушки (и только потому, что мы деревенские) — существа ниже других и что с ними можно стесняться не более, чем со скотиной. Я стараюсь не замечать этих гадостей, потому что мне бывает просто стыдно.

Представь себе, что твоя Мари-Жанна, девушка милая, ласковая, скромная, служит в городе и что какой-нибудь вертопрах требует от нее постыдных услуг, обращается с нею грубо, говорит ей и позволяет себе на деле такие вещи, которые здесь каждый день терпит совсем молоденькая, хорошая девушка, служащая в доме!.. Ах, братец! Какая разница с тем, как живут у нас! Там все сидят за одним столом, батраки — рядом с нашими братьями, девушки-служанки или поденщицы вместе с нашими сестрами; все работают без разбора; все они — помощницы, а не служанки; наш достойный отец возглавляет стол; мудрый старец с удовольствием взирает на восемь своих дочек и пять сыновей (ибо я, увы, уже не в счет) — самых работящих и самых скромных из всех, сидящих за столом; он видит, что посторонние относятся к нему так же почтительно, как и родные дети, что все внимательно и благоговейно прислушиваются к его поучительным и вместе с тем увлекательным речам; а тем временем наша добрая матушка следит за тем, чтобы на столе всего было достаточно, чтобы все были довольны; она все проверит, все устроит и тоже принимается слушать отца и слушает даже внимательнее остальных.

А посмотрел бы ты, как тут встречают крестьян, которые каждую неделю доставляют в город продовольствие! С ними почему-то обращаются презрительно, и мне думается, тут сказывается не что иное, как глупость горожан; ибо несчастные крестьяне отвечают тем, что ненавидят их и мстят им за дурное обращение тем, что продают все втридорога и всячески обманывают тех, кто их презирает, и мне кажется, что очень хорошо, что они таким путем хоть чуточку возмещают постоянные обиды; не будь у них такой возможности, они, пожалуй, и вовсе перестали бы поставлять товар на рынок.

Поэтому я вовсе не собираюсь сближаться со здешними людьми, а, наоборот, хотел бы, чтобы они и впредь не допускали меня в свое опасное общество. Все мне здесь противно; я очень скучаю, любезный братец! Мне здесь не по себе, и я еще никогда не бывал в таком положении; не будь книг, я сбежал бы отсюда. Кланяйся от меня нашим любезным родителям и скажи, что я, чего доброго, захвораю... Нет, не говори им этого, а то они встревожатся и это будет на моей совести; к тому же я все же хочу постараться и приспособиться к здешней жизни. Поцелуй за меня братьев и сестер; особенно Юрсюли скажи, чтобы меня не забывала. Будь здоров и передай от меня поклон твоей любезной Мари-Жанне.

Твой брат и друг, и т. д.

Господин Парангон дал мне кое-какие указания, как надобно сочинять письма; сам видишь, я стараюсь следовать его советам; но как учитель он довольно крут — идет ли речь о рисунке или о том, что я сказал; а барышня, которая надо мной потешалась, все так и потешается[2].

---

[2] Примечания: 1.2

Мы опускаем обычные приветствия, так же как и подпись *(прим. издателя).*

ПИСЬМО III

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я подбадриваю брата

Любезный братец, пишу тебе эти строки, чтобы сообщить, что я твое письмо получил, от первого числа нынешнего месяца; кроме того, хочу сказать тебе, что мы были премного довольны, что получили от тебя весточку; скажу также, что с тех пор, как тебя нет в С***, никаких радостей у нас нету, а матушка целыми днями плачет, тоскуя по тебе, а братьям, сестрам и мне кажется, что мы тебя не видели уже добрых десять лет. Но тебе надобно набраться терпения, милый Эдмон; говорят, что только начало трудно; нам, разумеется, хотелось бы, чтобы ты был здесь, но батюшка говорит, что жизнь в городе тебе на пользу, и нас это малость утешает в том, что ты не с нами, а что до городских жителей, так ты не удивляйся и не огорчайся. Наберись терпения, а когда ты научишься живописному ремеслу, то ты уже ни от кого не будешь зависеть. Несмотря на поговорку, это славное и превосходное ремесло, когда есть

к нему способности. Твой хозяин — богач и все господа из соседних замков хотят, чтобы он у них работал, а когда он разговаривал в В*** с нашим батюшкой, то он сказал, что один португальский живописец, по имени Авелар, скупил все дома на одной улице Лиссабона, а это как бы вроде Парижа, и что тогда эту поговорку переменили и стали говорить: «богат, как художник Авелар»; он сказал также, что только распутники бывают голодранцами и нищими, а ты, любезный Эдмон, слава богу, не такой и никогда таким не станешь. Будь молодцом и приезжай к нам на рождество. Юрсюль и все братья и сестры тебе кланяются, и Мари-Жанна тоже и она благодарит тебя, что ее не забываешь.

Добрая матушка наша тебя целует, сегодня утром она мне так сказала: «Напиши ему, чтобы он жил в страхе божьем, был умником и все у него пойдет хорошо». Не стесняйся, пиши мне все; ты ведь знаешь, что никто, кроме меня, не берет письма на почте, я заезжаю за ними по пути, когда еду в В*** на базар, и я покажу остальным только те, которые можно.

ПИСЬМО IV

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

О том, как с ним дурно обращаются; он впервые упоминает о мадемуазель Тьенетте

Мое отвращение от города, любезный братец, еще усилилось после того, как я побывал дома и, чтобы окончательно не упасть духом, я вспоминаю, что говорил на рождестве наш добрый батюшка. Я изнываю от скуки, и, если бы не надежда вновь повидаться с вами на пасху, я, кажется, совсем захирел бы. Я недавно попросил позволения уехать в субботу на страстной в полдень и мне позволили, но если бы это зависело только от одной особы, живущей здесь, то ничего не вышло бы. Ты уже знаешь, братец, что в отсутствие госпожи Парангон, которая в Париже, ее заменяет и управляет всем домом ее родственница; это девушка высокого роста, стройная, красивая, но такая надменная, чванная, нахальная, самодовольная, что в каждом ее взгляде чувствуется, что она требует, чтобы все ее боготворили. Мадемуазель Манон Палестин (так

ее зовут) с первых же дней начала давать мне всякие поручения, совершенно не относящиеся к моему ремеслу, — и все это, как я тебе уже писал и говорил при встрече, только потому, что вид у меня простодушный. Я все исполнял и готов был бы исполнять еще более черную работу (потому что не умею никому отказывать, а тем паче красивой девушке; удовольствие угождать ей искупало бы труд, если бы она, приказывая, пользовалась только своей красотой). А так как человек любит командовать, я стал ей необходим. Поэтому-то она и воспротивилась моему отъезду. Хозяин сказал, что, поскольку еще не подписан договор о моем учении, я свободен и что, кроме того, вполне разумно мне еще раз съездить к родителям, чтобы сказать им, насколько я доволен своим новым положением. Когда дело мое выгорело, мадемуазель Манон стала говорить мне всякие колкости; она — первая девушка, убедившая меня в том, что быть красивой еще не значит быть милой. Вчера, например, ей поднесли пирог, она угостила им двоих старших учеников и сделала вид, будто меня просто не замечает. Я весьма равнодушен к пирогам, но, братец, у нас так не поступают; у нас поостереглись бы причинить малейшую обиду даже самому незначительному человеку, вроде

Жако-подпаска. Вот какова мадемуазель Манон! Я считаю, что это жестоко! Она всех унижает (кто ей не по вкусу, конечно); посмотрел бы ты, как она обращается с девушкой, которая прислуживает здесь в доме! Мне порою бывает стыдно за нее. Мадемуазель считает, что обходиться без посторонней помощи — ниже ее достоинства. Только и слышишь: «Тьенетта, подай мне то-то; Тьенетта, подай мне это». Стоит той чуть замешкаться, как на нее посыпется: «дура, тетёха, чучело, разиня». Мне думается, главная вина бедной Тьенетты в том, что она такая же молодая и хорошенькая, как мадемуазель Манон, если не лучше. Как можно, повторяю, так не уважать окружающих! Право, я не поверил бы, что есть такие люди, если бы сам не был тому свидетель.

Так вот — в страстную субботу утром я отправлюсь в путь; буду гнать вовсю, а ты выезжай мне навстречу к лесу Куртенэ, а то и к Прованшеру, чтобы я мог тебя обнять несколькими минутами раньше. Низко кланяюсь любезным родителям. Я много думаю о том, что мне сказала Юрсюль; покажи ей это место моего письма, но только наедине, чтобы не обидеть остальных. До скорого свидания, друг мой.

ПИСЬМО V

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Здравые мысли, но ненадолго

Чтобы понять, любезный старшой, какое счастье иметь таких родителей, как наши, надобно, чтобы обстоятельства на некоторое время разлучили нас с ними. Как я растроган! Вернувшись в город, я все время вспоминаю их добрые наставления и то, как они меня обласкали... да и вы все тоже. Я стал крепче духом после того, как повидался с ними и они мне открыли глаза на людские пороки, о которых, по их словам (и я им верю), мне было скорее вредно, чем полезно, узнать прежде, чем я сам попаду в город. Не забываю я и того, что все вы мне говорили, а особенно ты, любезный Пьер, и милая Юрсюль. Здесь нет таких дружных семей, как наша; нас четырнадцать детей, и нет среди нас такого, который не пожертвовал бы жизнью ради остальных. Мы не будем богаты, зато будем любить друг друга. Родительское имущество, которое мы стали бы отнимать друг у друга, не стоит и тысячной доли

того сокровища, которое таится в дружбе каждого из наших братьев и сестер. Будем мужественны, дорогой Пьер; старшие из нас помогут младшим, мы все будем поддерживать друг друга, как дети того старца, историю которого я прочел на днях. Он взял пучок розог, вроде нашей вербы, и предложил им переломить пучок; ни одному это не удалось; тогда он взял ветки сам и, хоть и был старым и немощным, переломил их все — одну за другой. Прекрасный урок для нас! Наше единение и то счастье, которое оно приносит нам, — лучшая надежда нашей доброй матушки: с нашей стороны было бы неблагодарностью, если бы мы лишили ее этой радости. Я полагаю, однако, что чаяния наших родителей осуществились бы полнее, если бы они всех нас заняли земледельческим трудом, — такая семья, как наша, стоит целой деревни; мы не оставили бы ни клочка земли необработанным, мы улучшили бы уже имеющиеся пахотные участки и обогатили бы батюшку, не уронив ни его, ни себя. Что же еще сказать тебе, Пьер? За меня выдали бы Лороту, нашу кузину с матушкиной родины, как за тебя выдадут Мари-Жанну ... Но всему этому не бывать, нечего мне о том и думать.

Отношения с мадемуазель Манон у меня по-

прежнему неважные, она постоянно высмеивает меня, старается всячески унизить. Я все-таки ей прощаю; Тьенетта подает мне в этом пример. Недавно эту девушку сильно разбранили и я слышал, как она говорила мадемуазель Манон:

— Вы моя хозяйка и ученее меня; я знаю, что все, что вы мне говорите, — мне на пользу, я вам очень благодарна и люблю вас за вашу строгость еще больше.

Я удивился, что так может говорить деревенская девушка, которой еще только восемнадцатый год, да еще своей ровеснице. Мне, право, жаль, что девушка из хорошей семьи добровольно унизила себя, став служанкой. Но примерами добродетели надобно пользоваться всегда, откуда бы они ни исходили. Ответ Тьенетты, кажется, произвел впечатление на мадемуазель Манон, с ней она стала обращаться лучше, зато со мной еще хуже. Я не могу подавлять в себе врожденную гордость, которая должна быть присуща всякому человеку, а это возмущает мадемуазель Манон. Я замечаю, что мужчины, живущие в городе, относятся не так уважительно, как у нас, к тем, кого они называют «прекрасным полом», хотя и выказывают женщинам сугубое почтение. Однако их истинная сущность легко обнаруживается,

как только они имеют дело с женщинами, которые в имущественном отношении стоят ниже их; тут они с лихвой вознаграждают себя за все унижения, на которые идут, когда имеют дело с равными себе.

Мне доставляет удовольствие беседовать с Тьенеттой: эта девушка — сама нежность, она умница и очень добродетельна. Мне говорили, что добродетель необходима ей для защиты от хозяина. Меня просветил на этот счет господин Луазо, ее земляк. Я ушам своим не верил. Как может забывать о своем долге человек, женатый на прелестной женщине (ибо я ее видел в В***, когда с родителями ездил к ее отцу, чтобы представиться ему)! Мне это совершенно непонятно. К тому же (это между нами) он франкмасон, из тех, что на своих сборищах видят дьявола в обличии большущего черного быка[3]. Да тут еще и почище дела творятся... Но вернемся к Тьенетте. Она девушка скромная; она не любит, чтобы за ней ухаживали; я единственный в доме, с кем она хороша, потому что я не позволяю себе в разговоре никаких вольностей и охотно провожу время в обществе ее земляка, господина Луазо, а также

[3] Примечания: 1.3
Это распространенный в деревнях предрассудок.

и потому, что, когда мы сидим вдвоем, я охотно читаю ей вслух, в то время как она занимается своей работой. Она очень чувствительная: вчера после ужина я читал ей книжку, где напечатано письмо некоей Ариадны к подлецу по имени Тезей, который бросил ее на необитаемом острове: во время чтения я взглянул на Тьенетту и увидел, что она вся в слезах. Боже мой! Как она была мила в эту минуту! Право же... но она служанка! Иной раз она напоминает мне Мари-Жанну, твою милую возлюбленную; нравом она очень похожа на нее. Какой ты счастливец. Как ты думаешь — будь Лорота чуть постарше, она была бы не хуже Мари-Жанны? Но ничего не говори мне об этом.

Я пишу тебе все, что придет в голову, и кончаю, когда больше нечего сказать. Спокойной ночи, любезный Пьер. Крепко люби

твоего верного Эдмона.

ПИСЬМО VI

26 мая, день св. Пелерена

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Мои мысли о службе в городе

Пишу тебе, любезный Эдмон, в ответ на твое письмо, которое меня порядком озадачило, поэтому я не решился показать его отцу и даже матушке; ты ведь знаешь, какие они щепетильные относительно чести, и твоя дружба с Тьенеттой не будет им по душе, и ты знаешь, как они были против твоей наметившейся склонности к нашей кузине Лороте по той причине, что она деревенская, а тебе нужно устроиться в городе. Они еще сильнее воспротивятся, когда узнают, что ты влюбился в служанку, хотя я, как тебе известно, никого не презираю. Но если девушка побывала в услужении в городе, знаешь, любезный Эдмон, это придает ей дурной налет; отец и матушка несчетное число раз о том твердили. Ты сам писал мне в одном из своих писем, что какому-нибудь славному батраку, жнице или девушке, нанятой помогать в хозяйстве, не в чем упрекнуть самих себя, они ведь все равно что хозяйские дети; так оно и есть, зато, черт возьми, городская служанка, ливрейный лакей, все те, кто занят раболепным трудом или страдают от него, — вызывают отвращение; вызывают, Эдмон, отвращение оттого, что человек с благородной душой никогда до этого не

унизится. Мне очень жаль эту бедную девушку, если она не устояла, а тебе надобно быть с ней вежливым, но особенно сближаться не следует. А мадемуазель Манон чудная барышня, но что тебе до ее чванства? Когда же госпожа Парангон возвратится, тебе не придется больше иметь дело с этой недотрогой; она, должно быть, воображает, что вышла из лона св. Луи, хотя на самом деле она, через Катрво из Сен-Сира, из того же рода, что и мы. Мы еще только *четвероюродные,* а нас уже и знать не хотят. Ну и пусть! А вот Юрсюль жалуется, что ты ее забыл; знай, что у нас только она одна читала твое письмо, если не считать Мари-Жанны; но последние строки я от нее утаил. Мы все трое целуем тебя.

ПИСЬМО VII

24 июня, день св. Иоанна

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Опасный пример

Мне кажется, братец, что я не давал тебе повода к тревоге, о которой ты говоришь. Я принимаю

ее за новое доказательство твоей любви ко мне; но успокойся; Тьенетта ничуть не опасна — я имею в виду себя; милая девушка сочла меня достойным своей откровенности. Она любит и любима; она попала в положение, ей вовсе не подобающее, из-за смелого поступка, который я не одобряю. Я раскрою тебе ее тайну, ибо знаю, что ты ее свято сохранишь. Ее родители живут в городе Авале и пользуются там уважением; Тьенетта ушла из отчего дома по той причине, что ее хотели выдать замуж вопреки ее воле, и теперь родители, как сам понимаешь, не знают, где она находится. Ее возлюбленный последовал за нею, но так, чтобы не повредить доброй славе девушки; еще до бегства своей милой он упросил родителей устроить его к здешнему прокурору, чтобы усовершенствоваться в своей профессии, и приехал сюда всего через две недели после нее. Бедные влюбленные видятся каждый день после ужина в моем присутствии; до последнего времени Тьенетта лишала себя этих свиданий, но с тех пор, как мы с ней подружились, мы по вечерам выходим под предлогом подышать свежим воздухом и направляемся на площадь св. Этьена, где нас поджидает господин Луазо. Они с Тьенеттой так нежны друг с другом, что меня

это трогает и мне начинает казаться, будто и я участник их любви. Поэтому я очень счастлив, что могу содействовать им; их обращение друг с другом весьма благопристойно, и не бывает у них слова, которое они не могли бы сказать в присутствии своих родителей. Сегодня, например, Тьенетта, не будь меня, не пошла бы со своим возлюбленным в тир, где стреляют по «птичке»; это прекрасное развлечение, куда сходится весь город, и особенно дамы в великолепных нарядах.

А что касается того, что мы четвероюродная родня мадемуазель Манон, то, вероятно, она об этом и знать не знает, а если бы и знала, так от этого ничего не изменилось бы. Здесь и родные-то братья и сестры едва считают себя родственниками; вот с каким-нибудь бездетным дядюшкой, после которого можно получить наследство, считаться будут, а не то, так он племянникам совершенно чужой человек. Я даже видел женатых людей, которые и вовсе позабыли бы, что у них есть родители, если бы не обычай расписываться на Новый год у них, в книге посетителей. Суди по этому, какая важная штука здесь твое четвероюродное родство!

Передай, пожалуйста, нашему любезному батюшке вместе с моим низким поклоном и сы-

новней любовью, что господин Парангон ждет его в будущий четверг, чтобы составить договор о моем учении; срок моего обучения будет считаться только с того дня, когда будет заключен договор, поэтому я прошу его не откладывать поездки. Хотели было подождать возвращения госпожи Парангон, но она еще не скоро закончит свои дела; поэтому договор подпишут без нее — таково желание хозяина.

Поцелуй за меня братьев и сестер. Скажи Юрсюли, что зря она жалуется и что я постоянно ее вспоминаю; и для нее, и для тебя я всегда буду преданнейшим братом.

ПИСЬМО VIII

15 августа, день пресвятой Девы

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Эдмону начинают льстить, и это ему нравится

С тех пор, как договор о моем учении подписан, мадемуазель Манов начинает относиться ко мне лучше: она удостаивает меня беседы, а иной раз

даже улыбается мне. Хотя я теперь и знаю, какого она нрава, я склонен позабыть причиненное мне зло и видеть одно лишь добро: с каждым днем она кажется мне все красивее. У наших девушек нет других преимуществ, кроме природной красоты и стройности; дурнушка так и остается дурнушкой, а миленькие как бы середка на половинку; а в городе все прелести подчеркиваются; не говоря уже о белизне кожи, какой почти никогда не встретишь в деревне, здесь выставляют напоказ и красоту волос и всего прочего. Я никогда не слыхал, чтобы у нас в деревне хвалили красивые руки, здесь же такие руки очень ценятся. У нас совсем не замечают ножки, обутой в деревянный башмак и грубые чулки, а здесь делают все возможное, чтобы блеснуть хорошенькой ножкой. С трудом решаюсь сказать тебе, что здесь стараются одеться так, чтобы дать представление о красоте груди, что здесь так затягиваются, что можно задохнуться, — лишь бы талия казалась тонкой, что здесь пускаются в жеманство, в подзадоривание, в притворство, бросают на тебя украдкой взгляд, так что даже самый черствый человек и тот растает. У нас все женщины одеваются одинаково, а в городе всякая норовит выбрать себе фасон к лицу; даже дурнушки умеют так нарядиться и

так выставить напоказ что есть в них лучшего, что поначалу я думал, что здесь все женщины красивые, и только недавно я научился разбираться в них.

Что касается мадемуазель Манон, то она сказала Тьенетте, что я понемногу начинаю обтесываться и со временем стану славным парнем. Потом она ловко задала Тьенетте уйму вопросов, выведывая, не втираю ли я ей очки. Тьенетта сказала, что нет, что я малый тихий и что весь досуг посвящаю чтению. Мадемуазель Манон ответила, что это очень хорошо, и напрасно я думаю, будто она на меня сердится. — Да что вы, мадемуазель, — ответила Тьенетта, — я этого совсем не замечаю, он отзывается о вас не иначе, как в самых почтительных выражениях; неужели вам кто-нибудь передал, что он обижается на вас? — Нет, нет... Но уж очень он робок... Можно подумать, что он меня боится... Скажите ему, что если он со мной заговорит, я его не съем... — Тьенетта не преминула передать мне весь этот разговор.

Днем, когда я спустился в залу, направляясь в мастерскую, я застал там мадемуазель Манон одну. Она пошла со мной, чтобы посмотреть мои рисунки. Она сама тоже учится рисованию и гораздо дольше меня, поэтому она дала мне

несколько советов. Ничто так не действует на меня, как ласковое слово и вежливое обхождение. Я был вне себя, когда она случайно наступила мне на ногу; это длилось всего лишь миг; она покраснела и спросила: — Вам больно? — Я ничего не ответил, но мне хотелось воскликнуть: «Нет, мадемуазель, напротив, мне очень приятно». Затем мы немного побеседовали. Мадемуазель Манон сказала, что, когда я приехал из деревни, я производил не столь хорошее впечатление, как теперь; я был неловок и потому казался глуповатым; теперь она с удовольствием признается, что ошиблась. — Городской наряд, прекрасные кудри, которыми вы теперь не пренебрегаете, непринужденность в обращении, которую вы все больше усваиваете, превратили вас совсем в другого человека и придают вам... придают обольстительный вид. Густые, правильного рисунка брови придают вашим большим глазам особую живость... впрочем, глаза пока что говорят только о робости; у вас орлиный нос; хоть он и длинноват, однако ничуть вас не портит. А губы... никогда еще не видела я таких пунцовых! Как они свежи! — Она коснулась их пальцем, и все лицо мое стало пунцовым, как губы, которые она похвалила; она улыбнулась мне так изящно... как

у нас, милый Пьерро, не умеют улыбаться. — Вы прекрасно сложены, — продолжала она, — хотя еще и не вошли в полную силу... Кто бы подумал, когда вы приехали, что под забрызганными сапогами скрываются такие точеные ноги?.. Поверьте, Эдмон, вы станете прекрасным кавалером.

Ах, Пьер, я и не подозревал, что она столь добра! Как она меня порадовала! В деревне никогда не услышишь ничего подобного, и хотя там пной раз и дают понять человеку, что ценят его, все же никогда не станут его в глаза расхваливать. Я начинаю понимать, что повсюду недостатки возмещаются известными достоинствами и зло — добром. Мадемуазель Манон положила свою руку на мою, и мне было с ней отнюдь не скучно, как вдруг появился господин Парангон. Она тотчас же отняла руку, но он все заметил; он бросил на нас угрюмый, злобный взгляд и отослал меня в мастерскую.

Я понемногу привыкаю к городу; на все, что мне на первых порах здесь не нравилось, надлежит смотреть иначе. Что ни говори, мне думается, что если бы наши деревенские девушки хоть чуточку были похожи на городских, то у нас жилось бы еще лучше. Мне очень хотелось бы, чтобы нашу милую Юрсюль прислали сюда в обучение, как и

ей самой желательно и как мы об этом толковали; она хороша собою, а когда к этому прибавятся изящные манеры и то, что в свете зовется «грацией», то она превзойдет всех девушек, слывущих в О*** красавицами, и составит партию куда авантажнее, чем в С**. Повлияй в этом отношении на наших любезных родителей, а мне это будет дважды приятно — и потому, что речь идет о пользе для сестры, и потому, что она составила бы мне тут приятную компанию и тем самым уберегла бы меня от дурной. В ожидании твоей весточки остаюсь твой преданный друг, и т. д.

ПИСЬМО IX

ОТ ГОСПОДИНА ПАРАНГОНА — К ОТЦУ Д'АРРАСУ, ИЗ ОРДЕНА ФРАНЦИСКАНЦЕВ

Предполагается опутать Эдмона, и отец д'Аррас вступает в игру

Прошу, достопочтенный отец, принять в число ваших духовных детей деревенского юношу, который уже месяцев семь-восемь находится у меня в обучении. У меня особые причины вверить его в столь надежные руки. Малый прямой,

бесхитростный и вместе с тем неглуп; у меня на него виды и я тороплюсь с их осуществлением, пока он еще не утратил своего деревенского простодушия; я этих людей знаю, ими легко вертеть, покамест они еще не освоились, а стоит упустить время и дать им обтесаться, как они делаются хуже городских. Познания приходят к ним на смену полному невежеству, им ведомо и добро и зло, вследствие чего они безвозвратно ускользают из-под нашего влияния. Впрочем то, что я намерен для него сделать (a retentum[4] он никогда не узнает) — действительное благо, и его почтенные папенька и маменька будут на верху блаженства; они обременены многочисленной семьей, следовательно детям они большого наследства не оставят, и хорошее приданое приведет стариков в восторг. Если бы не это соображение, я не решился бы осуществить свой план — я слишком честен, чтобы злоупотреблять доверием тех, кто отдает мне своих детей в обучение. Не сомневаюсь, достопочтенный отец, в вашем содействии и остаюсь, и т. д.

---

[4] Примечания: 1.4
Тайного повода к этому *(лат.)*.

ПИСЬМО X

ОТВЕТ

Какими путями собираются завладеть умом Эдмона

Очаровательная кузина уже говорила мне об этом. Согласен. Пришлите его ко мне завтра к восьми часам утра. Если мне не удастся совладать с ним, значит, паренек уж очень тугой.

Любезная кузина рассказала мне, как вы за него принялись, в я нахожу вашу тактику весьма философичной; она доказывает, что вы оба отменные знатоки человеческого сердца. Право же, я не придумал бы ничего лучшего. Вы его принижаете, кормите его на кухне, чтобы он привык считать себя существом низшего порядка; Манон оттолкнула его от себя, оскорбила с тем, чтобы он больше ценил ее доброе отношение, когда ей вздумается снизойти до него. Стоит послушать рассуждения этой девятнадцатилетней девушки! Нынешняя молодежь имеет все основания считать, что она умнее, понятливее и опытнее старцев минувших поколений. Я помогу вам, но

благодарить меня будет не за что, ибо главное вы сделаете сами.

Я только что получил портрет. Мне кажется, что вы сильно приукрасили девицу и написали ее не такой, как она есть, а такой, какою она себя воображает; это новое доказательство вашего прекрасного таланта; по поведению человека вы угадываете, какую ему хотелось бы иметь внешность. Ваши две небольшие картинки прелестны. Я догадался, что нашему приору хочется подарить кому-то такие картинки, и поэтому дарю их ему сам, ибо знаю, как своим подношением обязываю его. Я вам все объясню при встрече (а она не за горами, ибо с воскресенья я буду свободен от службы). Пока я пишу вам эти строки, одна дама рассматривает картинки; ей хотелось бы «того самого» — вы понимаете меня; я замечаю, что все женщины неравнодушны к этому, даже в живописи; между тем, «того самого» предостаточно и в повседневной жизни. Но насчет этих картинок и портретов — молчок! Та, которой они предназначаются, не сможет их никому показывать и ваша прекрасная работа не получит должной оценки до тех пор, пока имя дарителя будет храниться в тайне. Но у особы этой есть маменька — воплощение услужливости; все подаренное — это

подарки маменьки, тут обе в выигрыше. Муж боготворит столь добрую маменьку и передает ей то, что поклонники дарят дочери, таким образом подарки удваиваются.

Прощайте, любезный Парангон; делитесь со мной всем, что вас касается, даже если касается косвенно. Вы дали мне повод услужить вам и тем самым доставили мне истинное удовольствие.

P. S. А как дражайшая половина? Когда вернется? Я думал, что она ангел, а она, оказывается, женщина, — убеждаюсь в этом по ее пристрастию к столице.

ПИСЬМО XI

29 августа, в наш престольный праздник

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОИУ

В этом письме я даю советы, какие может дать только неопытный человек

Любезный братец, нынче нам особенно хотелось, чтобы ты был с нами. За обедом отец собрал всех нас вокруг себя и благословил нас,

а меня — вдвойне, с тем, чтобы я передал его благословение тебе, что я с радостью и делаю в настоящих строках, любезный Эдмон. Потом матушка раздала нам по куску пирога, а когда отложила твой кусок, чтобы отдать его бедным, то залилась слезами, а батюшка сказал: — Что вы за слабая женщина! Ваш сын ведь не среди волков, не среди разбойников, так что же так о нем горевать? Возьмите себя в руки. С детьми приходится разлучаться ради их же блага, и я намерен также и Юрсюль отправить в город. — И наша добрая матушка ушла на кухню, сдержала рыдания и утерла лицо, но глаза у нее весь день были красные. Должен тебе сказать, что твое письмо рассеяло мою тревогу. Несмотря на твои уверения, я все-таки боялся, как бы Тьенетта не завлекла тебя и как бы ты в нее не влюбился. Какова бы она ни была — она служит в городе, она огорчила своих родителей и они не знают, что с нею сталось, — а все это нехорошо. Другое дело мадемуазель Манон, и если она с тобою подружится, то ее дружба может тебе быть очень полезной.

А что у нас?.. Нынче я показал твое письмо матушке и оно ее малость успокоило, и она сказала, что ей очень хотелось бы, чтобы у нее была такая

милая невестка; она ведь видела мадемуазель Манон в В***, когда ты там был с нашими родителями. Но надобно вести себя добропорядочно и не давать себе воли; сам видишь, это пришлось бы господину Парангону не по душе. Не могу больше тебе писать, любезный Эдмон, хоть жаль с тобой расставаться — мне надобно убрать ячмень, подготовить рожь для посева. Прощай, мой друг, сообщай мне почаще о своих делишках, это будет мне утешением в разлуке. Все наши крепко тебя целуют, а мы с Юрсюль, так же как и Мари-Жанна, еще чуточку покрепче.

ПИСЬМО XII

24 июня, день св. Иоанна
10 часов вечера

Суббота, 1 сентября[5]
ОТВЕТ,

[5] Примечания: 1.5
Так в подлиннике; см. продолжение письма *(прим. переводчика).*

из коего явствует, что, под влиянием города, Эдмон уже сильно изменился. Он начинает упоминать о мадемуазель Эдмэ

Боже! Как порадовало меня твое письмо! Некоторые места его я показал Тьенетте. Она горько заплакала еще до того, как прочла то, что ты о ней говоришь, а когда прочла — заплакала еще горше; он сказала, что надеется со временем завоевать уважение такого славного парня, как ты. Это очень мило, любезный Пьер! Зато твои слова очень суровы... Но побуждения у тебя добрые, а поэтому и сама Тьенетта согласна с тобою. Но поговорим о другом.

Я то и дело становлюсь в тупик перед городскими нравами («нравы» это значит обычаи, поведение, поступки). Кто мог бы вообразить? Любезный братец, эту тайну я открываю тебе одному... Даже не знаю, с чего начать... Вчера господин Парангон и мадемуазель Манон... О, как это гадко!.. Я ни за что не поверил бы, что мадемуазель Манон... Короче говоря, вчера я пошел за понадобившейся мне вещью в комнату, которая над спальней госпожи Парангон. Спальня всегда заперта, между тем мне показалось, что оттуда доносится голос мадемуазель Манон; из

любопытства, из склонности всегда находиться там, где она, я подошел к двери и прислушался. Я совсем обалдел, когда услышал также и голос господина Парангона. Я хотел было отойти, но меня остановило из ряда вон выходящее обстоятельство: мне почудилось, что он ее целует. Я не в силах был побороть искушение и посмотрел в замочную скважину. Я увидел, — да, любезный Пьер, увидел, — что хозяин держит в объятьях девушку, лица которой мне не было видно, но которая не могла быть ни кем иным, как кузиной его жены, раз я только что явственно слышал ее голос. Вот только платья этого я в тот день на мадемуазель Манон не видел. Поначалу она, видимо, сопротивлялась; я слышал, как она говорила очень тихо, невнятным голосом, что вот-вот приедет госпожа Парангон и что теперь пора обуздывать себя.(«Теперь» — повторил я мысленно.) Господин Парангон не внял ее словам, а наоборот. Но тут они немного отошли в сторону и мне уже ничего не было видно; однако я не слышал, чтобы девушка сопротивлялась.

Я отошел от двери. Я был сам не свой. Я спустился в залу, хотел приняться за рисование, но у меня ничего не получалось. Чтобы прийти в себя, я вышел в сад погулять, все мне было противно;

я направился в кухню, к Тьенетте; она только что вернулась домой и, как мне показалось, была чем-то взволнована. Я был такой растерянный, что она обратила на это внимание и спросила — что со мной. Я ответил довольно сердито: — Ничего. — Как-никак вы не в духе?[6] — Ах, Тьенетта! — Что за вздох! — И не думаю вздыхать. — Стыдитесь? — Да, стыжусь, если... — Но, сударь, вы что-то очень взволнованны. Неприятности? Эдмон, что ваши неприятности сравнительно с моими муками! — Да со мной ничего. — Конечно, обращение мадемуазель Манон вас очень огорчает, но есть человек, который все это понимает и положит этому конец. — Мне все безразлично, если то, что я видел... — Тьенетта не поняла меня; ее кликнула мадемуазель Манон, и я вышел из комнаты. Эта девушка — само благоразумие; конечно, многое ей известно, однако она молчит; она не любит сплетничать, не любит копаться в чужих секретах... Но вот мадемуазель Манон зовет и меня. На этом я остановлюсь; завтра продолжу.

---

[6] Примечания: 1.6

Я опускаю слова «сказала она», «ответил я» и т. п., имеющиеся в оригинале *(прим. корректора).*

Продолжение

Продолжаю свою исповедь, милый Пьер. Мадемуазель Манон — коварная обманщица (если предположить, что именно она находилась в комнате с господином Парангоном, как я тебе вчера писал). Поверишь ли, что после этого она была со мной ласкова, как никогда! До чего же она бесстыжа! Правда, она никак не может предполагать, что у меня есть какие-то подозрения и что я что-то видел и слышал; но сама-то она знает, что сотворила, и, мне кажется, в таком случае (если она виновна, — а ведь можно и ошибиться) девушка должна опасаться, что по глазам узнают ее затаенные мысли, а сама она должна бы замечать в глазах окружающих заслуженный ею укор: я, по крайней мере, очень опасался бы этого, будь я на ее месте. Но нет! Она и не помышляет об этом. В отношении меня она — вся внимание и ласка! О, не будь у меня этих подозрений!.. Подлая! (если то была она). Нужно обладать чувством чести, чтобы противостоять ей! Хорошо, что я тебе все написал; это послужит мне в будущем уздой, если у меня появится искушение любить девушку, которая ведет себя нескромно (если то была она, сам понимаешь). Сейчас она мне сказала, что гос-

подин Парангон везет ее на ярмарку в деревушку Сен-Лу-ан-Во, неподалеку от столицы, куда все сегодня направляются поразвлечься; она добавила, что я мог бы тоже туда приехать, разыскать их там и подойти, сделав вид, будто встретил их случайно. Но я не собираюсь следовать ее совету. Однако на ярмарку я все-таки поеду — Тьенетта просит меня проводить ее, чтобы она могла там встретиться с господином Луазо, не нарушая правил скромности. Сейчас мы отправляемся; письмо закончу вечером.

О, сколько у меня новостей, любезный Пьер! Мы только что с ярмарки, я еще никогда не видел такого прекрасного праздника. Представь себе жителей целого города — и взрослых, и малых, — развлекающихся на лоне природы. Как я тебе уже говорил, Во находится неподалеку от столицы, среди лугов, на берегу реки, которая течет к северу; к деревне можно пройти только пешком, потому что дорога со стороны города идет круто вниз; на юге деревни протекает порядочный ручей, берущий начало у подножья соседних холмов; его обрамляют ивы и тополя, образуя восхитительную тень. Здесь танцевали — и городские танцы, и деревенские; в сторонке были расставлены столы, за которыми люди

угощались, тут же играли во всевозможные игры. Такого зрелища я еще никогда не видел, и оно меня как-то одурманило; я замер на месте, словно душа моя вся сосредоточилась в глазах. Чтобы извлечь меня из этого восторженного состояния, господин Луазо обратил мое внимание на мадемуазель Манон — она танцевала; я затесался в толпу, чтобы незаметно наблюдать за ней. О, Пьер! Не следовало бы такой обманщице, такой... (если допустить, что виденное мною — правда и что в спальне была она)... не следовало такой девице быть столь миловидной. Вот так-то мужчины и теряют голову! Когда она перестала танцевать, я, вероятно, подошел бы к ней, как она мне советовала, но тут я услышал за спиной звук гобоя; я обернулся — несколько городских девушек, работниц с виноградников, собирались в хоровод. Тьенетта и Луазо побежали к ним и увлекли меня за собой. Девушки не хотели, чтобы в хороводе участвовали парни; особенно одна из них, одетая лучше других, возражала против парней, потому что они, мол, пьяные. Я обратил на нее внимание и подошел поближе, чтобы лучше разглядеть ее. Нет, решительно невозможно представить себе девушку красивее: Альбано не мог бы вообразить глаз более ласко-

вых; божественный Рафаэль не создал бы более совершенной головки; Веронезе не воспроизвел бы гвоздики и розы ее щечек, а ведь это величайшие живописцы! Зовут ее Эдмэ; она пикантная (как здесь выражаются) брюнетка, лет шестнадцати, застенчивая, как девушка из наших краев, но в среде подруг — веселая, оживленная, как большинство городских. По ее беззаботной веселости видно, что ее сердце еще неуязвимо; но ласковый взгляд, смущение, когда с ней заговаривает парень, милый румянец, заливающий ее щеки, говорят о том, что неуязвимым оно будет недолго. Я был ей признателен за то, что она вырвала свою руку из руки какого-то мужлана, который грубо схватил ее. В повадках пригородных крестьян есть некая смесь деревенской простоты и городской вольности, и это делает их прямо-таки отвратительными. У нас, по крайней мере, грубость частично скрадывается скромностью и сдержанностью, зато дерзость здешних жителей обнаруживает их грубость вовсю, да они еще ею хвалятся. Тьенетта присоединилась к девушкам, одета она почти так же, как они, и поэтому они ее охотно приняли; потом она так ловко подладилась к ним, что они и меня с господином Луазо допустили в хоровод. Я не преминул

оказаться рядом с прелестной брюнеткой; по глазам ее я заметил, что она собирается перебежать на другое место, и в самых учтивых выражениях постарался удержать ее. Мне это вряд ли удалось бы, если бы сестра Эдмэ, слышавшая меня, не сказала: — Да что ты, Эдмэ, этот молодой человек не съест же тебя. Не разыгрывай недотрогу, будет куда лучше. — Прелестная Эдмэ потупилась и, не сопротивляясь, позволила мне взять ее за руку. Вскоре танец разгорелся, и веселость Эдмэ, казавшаяся мне главной чертой ее характера, помимо ее воли вырвалась наружу. Затем мы стали играть в фанты, и я имел удовольствие — и какое удовольствие! — поднять ее на руки. В благодарность за то, что девушки приняли нас в свое общество, Тьенетта предложила им угощение. Все очень мило согласились, но Эдмэ мы уговорили с превеликим трудом; она не слушалась даже сестры — веселой, привлекательной толстушки, которая сразу же приняла приглашение. В жизни своей я так приятно не закусывал. Я заметил, что излишняя услужливость не по душе Эдмэ; я постарался примениться к ее вкусу или, как здесь говорят, к ее «щекотливой деликатности», и поэтому оказывал ее подругам не меньше внимания, чем ей самой. Однако я по глазам ее старался

уловить, что ей нравится, и ухаживал за ней непринужденно и как бы равнодушно, что и дало желанные плоды, ибо, когда она заметила, что я ее не выделяю среди остальных, она несколько приручилась. После угощения Тьенетта и Луазо предложили девушкам сплясать для них бургиньоту — живой, легкий танец, не известный ни в О***, ни у нас, зато очень распространенный в Морване. Право же, ни городские контрдансы, ни менуэты, ни паспье, мателоты и аллеманды не могут сравниться с бургиньотой, когда ее пляшут так, как плясали Тьенетта и Луазо. Однако нам в этой затее пришлось раскаяться: нас окружили любопытные, а среди них оказались и господин Парангон с мадемуазель Манон; последняя, увидев меня в толпе, кивнула мне, и тут я заметил, что Эдмэ следит за мною. Поэтому я был настороже и разговаривал с мадемуазель Манон очень сдержанно. К счастью, господину Парангону наша беседа пришлась не по вкусу; он подошел, чтобы ей помешать, а мадемуазель Манон не удалось сдержать досады: жертвой ее дурного настроения стала Тьенетта, которую она спросила — кто ей позволил прийти на ярмарку? (А все расхваливали изящество и скромность Тьенетты, хотя она и была наряжена морвандкой; но

она была так хороша собой!..) Господин Парангон ответил за нее, что она пришла с его разрешения. Мадемуазель Манон прикусила губу и повернулась к нам спиной. Нам с Тьенеттой и Луазо это было на руку: мы поспешили присоединиться к Эдмэ и ее подругам. Деревенские парни, которые прежде вертелись вокруг них, появились снова. Я спросил сестру Эдмэ, не эти ли парни привели их на ярмарку? — Нет надобности провожать нас, — ответила она, — мы и одни можем прийти. А знакомы мы с ними потому, что они живут на улице Сен-Жермен; мы не водимся с мужчинами, — так и знайте. — Мне это очень понравилось. Я предложил Тьенетте отойти в сторону и поиграть с девушками в какие-нибудь игры. Нам удалось улизнуть от надоедливых малых, которые, к тому же, успели уже изрядно выпить; мы устроились в сторонке, на прелестном лугу и стали играть в «господина кюре». Ты знаешь игру. О, любезный Пьер, какое я получил удовольствие! Я постарался избежать, чтобы меня назначили кюре; вместо меня выбрали Луазо и прелестным губкам Эдмэ пришлось говорить мне «ты». Каждый раз, когда приходила моя очередь отвечать, я обращался к ней; она, с одной стороны, боялась, как бы ей не пришлось платить за фант, а с другой — застен-

чивость не позволяла ей сказать мне слишком фамильярное словечко; поэтому она колебалась, краснела. Но как у нее все это получалось мило!.. Пьерро, Пьерро, я не мог не умиляться!.. Но это еще не все. Стали разыгрывать фанты, а моих там было немало! От меня требовали всякой всячины, мне же хотелось только одного... Наконец, желание мое осуществилось. Когда пришла очередь сестры Эдмэ приказывать мне, она сказала: — Сделайте хотя бы одно из трех: первое — полетайте над лугом, второе — вцепитесь зубами в луну, третье... не знаю, право, что придумать... поцелуйте Эдмэ. — При этом слове у меня закружилась голова, да и сейчас, когда я пишу тебе, у меня сердце порхает, как птичка. Я встал, трепеща от радости; когда я обнял Эдмэ, коснулся губами ее щеки, нежной и розовой, как лепестки розы, сердце мое готово было вырваться из груди. Ах, какое восхитительное дыханье! Словно веяние первого весеннего зефира... После этого, за все время, пока продолжалась игра, она ни разу не решилась взглянуть на меня. Такая стыдливость, братец, только усиливает обаяние ее красоты... Что за прелестная игра фанты, прелестная для любви!

Между тем время шло, солнце стало заходить,

возвещая о конце этого прекрасного дня и о том, что пора возвращаться в город. Мы отправляемся в путь, но на вершине холма нас окружают деревенские парни и осыпают нас бранью. Я шел между Эдмэ и ее сестрой — я им помогал взбираться на холм; один из парней подкрался ко мне сзади и ударил меня по затылку. Я не драчун, но задира всегда получает у меня сдачи. Я тихонько высвободил руку, которой поддерживал Эдмэ, и стал взглядом искать негодяя; я не собирался сильно отлупить его; я только схватил его за руку, встряхнул и отбросил на несколько шагов, на траву, у края дороги; он с трудом встал, но его так шатало, что он опять упал и покатился под откос при воплях двух тысяч свидетелей. Товарищи вздумали было отомстить за него; тут я заметил, как милая Эдмэ встревожилась за меня, она стала ласково уговаривать их и чуть не плакала. Я улыбался, видя, как она напугана, и не могу выразить, как мне это было приятно... Мужланы находились под хмельком, поэтому нам с Луазо нетрудно было всех их, одного за другим, отправить вслед за их товарищем. Так мы от них избавились, после чего спокойно продолжали путь.

Но подумай только — до чего я бестолков!

Придя в город, мы с Эдмэ потеряли друг друга в толпе (а может быть, это проделка ее сестры, так как она что-то в этом духе шепнула Эдмэ). А я не догадался спросить, где они живут, и теперь не знаю, как мне разыскать мою очаровательную брюнетку; впрочем, город не так уж велик. Тьенетта долго подтрунивала над моей оплошностью, а Луазо очень одобрил мой вкус (он думал, что я справился насчет адреса); он находит, что девушка столь же скромна, сколь и красива. Его возлюбленная также рассыпалась в похвалах, а потом они взглянули один на другого... Право же, они очень любят друг дружку... Я знал это, но теперь, после встречи с Эдмэ, я понимаю, как они должны быть счастливы.

ПИСЬМО XIII

8 сентября, день пресвятой Девы

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я делаю ему выговор

Пишу тебе эти строки в ответ на твое большое письмо, любезный Эдмон. Читая его, я сначала

прямо-таки окаменел. Боже ты мой! Ну и мадемуазель Манон! Да это просто змея какая-то (если предположить, как ты сам говоришь, что это была она)! А в этом случае об ней и думать нечего — как о выеденном яйце. А я ведь вообразил, что она для тебя подходящая; а она, видно, ничтожество из ничтожеств; все же надо еще проверить, прежде чем сказать ей окончательно abrenuntio Satana[7] (как говорят при крещении). А что ни толкуй, Тьенетта мне не по душе; когда поступаешь честно, так нечего прятаться; тут что-то кроется. А что до прелестной Эдмэ, о которой ты много говоришь, то, друг любезный, это меня не так радует, как я радовался, когда речь шла о мадемуазель Манон; не привязывайся к ней, не разузнав хорошенько, кто она такая. Надобно метить в положительное, — таково мое мнение. Поэтому, если она дочь почтенных родителей и если имеются виды на приданое — я буду на твоей стороне, в противном же случае: nescio vos[8]. Ты не торопись; ухаживай, как ухаживают у нас — года три-четыре ведут знакомство прежде чем пожениться и за это время не очень-то сбли-

---

[7] Примечания: 1.7
Отрекаюсь от сатаны *(лат.).*

[8] Примечания: 1.8
Не знаю вас *(лат.).*

жаются; беседуют больше с родителями, чем с девушкой; оно и хорошо; у старших учатся вести хозяйство, слушаются их советов. А молодежь между собою одни глупости болтает. Скажу тебе, что поговаривают о том, чтобы нас с Мари-Жанной нынешней зимой поженить, — положимся на волю моих и ее родителей. Мне думается, что у меня будет милая и честная жена, поэтому я доволен. Юрсюль время от времени заговаривает с матушкой о том, чтобы отправиться к тебе, но я этого не советую; твое положение не кажется мне теперь твердым и определенным. Драка в Во мне не нравится, тут отдает шалопайством. У нас в таких случаях разумные люди объясняются, а не спускают друг дружку под гору — а вдруг ты их ранил бы и они притянули тебя к суду!.. Дело пустячное, а шуму много. У нас сказали бы: «Эдмон Р*** подрался с пьяными; сам, видно, был под мухой». Хороша честь! Но, чтобы не закончить письмо сердитыми словами, попрошу матушку добавить несколько слов.

* * *

Милый Эдмон, посылаю тебе филозелевые носки, штаны, два жилета и бурaкановый кафтан, чтобы ты мог принарядиться по воскресеньям и

в праздники; мой Пьерро все мне рассказывает и говорит, что тебе выходит счастье, если будешь вести себя хорошо. Надобно себя вести хо рошо, сынок. Целую тебя крепко.

Твоя мать Б. де Б.

* * *

Я ничего не подсказывал, она все написала сама; было бы непочти тельно с моей стороны и как бы кощунственно, если бы я примешал к этим строкам что-то свое. Прощай, люби своего брата, как он тебя любит.

Юрсюль и Мари-Жанна целуют тебя, и все остальные тоже.

ПИСЬМО XIV

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Подлый поступок хозяина; Эдмон знакомится с отцом д'Аррасом

— Не доверяйтесь тому, что слышится из-за двери, и тому, что видно в замочную скважину, — так, любезный Пьер, говорил нам мэтр Жак, наш школьный наставник, — ты, вероятно,

помнишь. Мудрые слова, я убедился в этом на собственном опыте! Сегодня утром мадемуазель Манон сказала мне, что через два дня должна вернуться домой госпожа Парангон; ей не было надобности уверять меня в том, что она очень рада этому известию, — радость так и светилась в ее глазах и во всем ее облике. Она добавила доверчивым и правдивым тоном, так что я не мог ей не поверить, что наконец-то она избавится от преследований господина Парангона (преследований! — тут есть над чем задуматься!), что она больше не останется в его доме и впредь может не скрывать своего расположения к тому, кто его заслуживает. Произнося эти слова, она взглянула на меня так дружелюбно, так ласково, так нежно, что я покраснел от удовольствия, а мадемуазель Манон потупилась и тоже покраснела. Потом она продолжала разговор так: — Не скрою от вас, сударь (это она впервые назвала меня «сударь»), что мне пришлось собрать все силы, чтобы выдержать наскоки моего кузена (проклятые «наскоки» и «преследования» мне отнюдь не по душе!); он ставил меня в... такие... положения... если бы нас застали, могли бы подумать... Но, слава богу, при помощи небольшой хитрости мне удалось выпутаться из затруднений, так что некоторые

поступки, глубоко возмущавшие меня, перестали меня волновать. Я охотно уехала бы отсюда еще до возвращения кузины, но меня удерживали чрезвычайно важные соображения: пришлось бы объяснить мой поступок матери, сестре, а может быть и самой кузине, а если бы я и скрыла причины, так о них догадались бы, ибо господина Парангона все хорошо знают, и вы сами можете себе представить, какое это произвело бы впечатление в обществе и в семье, где согласие и так висит на волоске; одной только кузине и в пору терпеть такое положение. Скоро вы увидите ее, она женщина очаровательная, почтенная, хоть и совсем еще юная; она добродетельна без ханжества, а горести свои, разрывающие ей сердце, она скрывает под внешней веселостью; она такая добрая, что всякий, знакомый с ней, ее боготворит; она до того ласковая, что кажется воплощением дружелюбия... она мой лучший друг, уверяю вас. (О, любезный Пьер, если этот портрет не подсказан лестью, то какое для меня счастье жить в доме, которым руководит столь достойная женщина! Кроме того, если хозяйка — ее лучший друг, значит не она была... понимаешь?) — Господин Парангон не заслуживает такой жены, — продолжала мадемуазель Манон.

— Если бы вы все знали!.. (Тут она закрыла лицо руками и, как мне показалось, вздохнула.) А вот Тьенетта... — продолжала она. — Мне известно, мадемуазель, что он предлагал Тьенетте... — ответил я. — Да, но вам не известно, что он совратил эту бедную девушку и украдкой от родителей выманил ее из семьи; они люди небогатые, но ни за что не стерпели бы такого позора. Когда она приехала сюда, господин Парангон встретил ее и поместил на постоялом дворе под вывеской Сен-Жак, где она притворялась, будто не знакома с ним; они провели вместе ночь, стараясь соблюсти внешнюю благопристойность. Однако девушка обманывает своего соблазнителя; предпочтение она отдает Луазо, который всюду сопровождает ее, когда она уходит из дому. (Я не в силах был скрыть свое удивление, любезный старшой; Тьенетта мне этого не рассказывала.) Она внимает речам обоих и, кажется, обоих водит за нос. (О небо, возможно ли это?) Если вы мне не верите, то можете легко убедиться собственными глазами. — Принимаю ваше предложение, мадемуазель, — ответил я, — мне доставляет удовольствие, когда порочных людей выводят на чистую воду. — Поверьте, сударь, — продолжала мадемуазель Манон, — не имей я особых причин, я не стала

бы унижать эту девушку в ваших глазах, кроме того, я вполне полагаюсь на вашу скромность. Примите во внимание, что сегодня я уезжаю, чтобы повидаться с матушкой, и что моим отсутствием, несомненно, воспользуются. Давайте сговоримся так: я попрошу господина Парангона отпустить вас со мной, якобы для того, чтобы вы меня проводили, но вы останетесь здесь. Вот ключ от моей спальни; вы осторожно проникните в нее и оттуда увидите... нечто такое, от чего придете в изумление и что страшно возмутило меня однажды, когда я случайно, помимо воли, оказалась очевидицей этого.

Здесь наш разговор был прерван появлением господина Парангона и я сразу же прибежал к себе, чтобы взяться за перо, пока еще ничего не забыл. Скоро продолжу.

. . . . . .

Я только что беседовал с Тьенеттой, я долго говорил о мадемуазель Манон; она отвечала односложно; я продолжал свое, наконец она, видимо, вышла из терпения, ибо воскликнула:
— Боже! До чего мне нравится ваше отношение к людям! Если бы все были похожи на вас, как счастливо или, по крайней мере, спокойно жилось бы на свете! Еще вчера вы так восторженно

описывали Эдмэ, сегодня в том же духе отзываетесь о мадемуазель Манон. Другая подумала бы, что вы непостоянны в своих привязанностях, а я поздравляю вас: вы все воспринимаете с лучшей стороны. — Мне почувствовался тут упрек и стало немного стыдно, но я скрыл это, как обычно делают в городе, под напускной развязностью. Я ответил, что мадемуазель миловидностью не уступает Эдмэ, что с последней я почти незнаком и, пожалуй, уже не разыщу ее, так как все мои старания до сих пор ни к чему не привели; зато нрав мадемуазель Манон мне с каждым днем нравится все больше. О, любезный Пьер, видел бы ты, как Тьенетта покраснела! Неужели она догадывается, что мадемуазель Манон все знает и что она мне все рассказала? Она покраснела, значит, виновата; от того, что я сказал, не краснеют без особых причин. Я продолжал разговор о мадемуазель Манон; Тьенетта хвалила ее — она ее не любит, а хвалит. Пьерро, ведь это оттого, что она ее боится... А ведь это хорошая черта — хвалить тех, кого не любишь. Не многие способны на это, хотя бы и с корыстной целью. А Тьенетта — более того — даже сказала, растрогавшись: — Для мадемуазель я готова на все; я знаю ее не хуже, чем вы. Но возвращается мадам... Я всегда

буду жалеть мадемуазель... да, я люблю ее, и я это докажу. — Не знаю, как отнестись к этому; откладываю свое суждение и выскажусь только после того, как увижу ожидаемое. Мадемуазель Манон пришла за мной, она уезжает.

. . . . . .

Ах, Пьерро, Пьерро! Что же такое жизнь!.. Да, друг мой, я все видел; решительно все, что можно видеть. Мы с мадемуазель Манон вышли из дому; господин Парангон отправился к своему приятелю врачу, франкмасону и одному из величайших выпивох во всем городе. Я скоро вернулся, поспешил в спальню, запер за собою на ключ стеклянную дверь и задернул занавес. Больше часа все было тихо. Наконец, дверь в спальню госпожи Парангон отворилась, и я получил возможность кое в чем убедиться. Сначала я увидел господина Парангона; сердце у меня так билось, словно я ждал увидеть возле него мадемуазель Манон или Эдмэ. Я строил множество планов, не в силах остановиться ни на одном из них: то я собирался вывести Луазо из заблуждения, то решал хранить молчание. Наконец, появилась Тьенетта, я узнал ее только по платью, потому что лицо у нее было закрыто... Мне кажется, что и в самом деле она соглашается на такие

постыдные дела только по принуждению, ибо я видел, как она сопротивлялась, и даже, кажется, слышал плач. Между тем, какая же надобность быть такой податливой? О Луазо, бедный Луазо! Так злоупотребляют твоей доверчивостью!.. Но тут какая-то интрига, для меня непостижимая ... Никогда больше не стану свидетелем такой сцены, в ней было нечто до крайности тягостное. Поведение господина Парангона меня глубоко возмущало, однако надо было вытерпеть все до конца, ибо я не мог выйти из своего тайника, и я искренно проклял бы свое любопытство, если бы это не помогло мне основательно узнать окружавших меня людей и не предохранило в дальнейшем от их козней.

Как только я обрел свободу, я побежал подышать свежим воздухом в соседний с нами сад францисканского монастыря. Я прохаживался, погруженный в свои мысли. Ко мне подошел монах по имени отец д'Аррас (он мой духовник). Это человек во цвете лет, всецело, мне кажется, посвятивший себя набожности; беседа его весьма поучительна; он говорил со мной очень ласково, предложил мне множество услуг, притом так вежливо, что мне стало с ним очень легко. Можно подумать, что, принимая их, я делаю ему

одолжение. Он подробно расспрашивал о нашей семье, о нашем состоянии, о моих способностях и образе мыслей; он, как видно, остался очень доволен моими ответами и взял с меня обещание часто навещать его, — скорее как друга, чем как духовного отца. Беседа с ним пролила на мои раны бальзам и мне стало легче.

Расставшись с ним, я пошел к Тьенетте. О, какое притворство! Я застал ее совершенно спокойной, невозмутимой... просто невероятно, как женщины умеют притворяться!.. Бедняга Луазо!.. Не знаю, что и думать обо всех этих колдуньях (а они колдуньи и есть, раз так околдовывают своих поклонников). Неужели и мадемуазель Манон такая же обманщица? Остается только Эдмэ — мне кажется, что она такая и есть, какою ее видишь... А все-таки досадно, что я встретил ее в Во: чувствую, что из-за нее я не могу всецело отдаться надежде, которую, как видно, подает мне мадемуазель Манон, при условии, что я окажусь достойным ее.

Вот, любезный Пьер, сколько новостей и сколько таких событий, о которых у нас и понятия не имеют. Целую твою любезную суженую, а также Юрсюль и всех братьев и сестер. Мне надобно бы черный кафтан, помимо цветного, который я от

вас получил; во многих случаях приличие здесь требует черного, например, когда (на прошлой неделе) умерла от оспы трехмесячная дочка владетельной принцессы Швабии, двор был три дня в трауре, но некоторые лица из общества узнали об этом только в последний день и успели облечься в черное только часа на три, когда отправлялись на прогулку в сад, где устраиваются соревнования стрелков из пищали. Будь у меня черный кафтан, я мог бы пригласить туда мадемуазель Манон. Благодарю тебя за деньги, которые ты прислал мне на пряжки, я купил отменные, самые модные; отсылаю тебе медные, раз ты по доброте своей считаешь их подходящими для тебя. Всякий раз, когда я вспоминаю Пьера Р***, я думаю, что у меня — лучший из братьев.

ПИСЬМО XV

ОТ ОТЦА Д'АРРАСА К МАДЕМУАЗЕЛЬ МАНОН

Вот опаснейший друг Эдмона

Я надеялся, мадемуазель, переговорить с Вами вчера, но мне не посчастливилось: я получил распоряжение отправиться в Сенбри и неделю

служить там (хоть и очень этого не люблю). Тамошний кюре в отъезде, а викарий заболел. Вот что хотел я Вам сказать.

Уверены ли Вы в своем решении относительно юного Р***? Удастся ли вполне сохранить тайну? Словом, будет ли этот юноша счастлив? Мои вопросы Вас удивляют; но они обоснованны — познакомившись с Эдмоном, я почувствовал к нему симпатию, то непреодолимое влечение, которое сам себе не можешь объяснить; он внушает мне чувство нежной дружбы. Поэтому, служа Вам, я хотел бы служить и ему. Я знаю вам цену, красавица, и это главное. Но Эдмон не лишен предрассудков: успеем ли мы рассеять их? Время не терпит. Мой образ мыслей Вам известен: я все одобряю, Ваши доводы станут моими доводами, но берегитесь! Эдмон не дурачок: я его раскусил. Вы скажете — тем лучше. Да, лишь бы решение, которое Вы мне сообщили недавно, было столь же прочно и неизменно, сколь оно показалось мне искренним. Не готовьте себе поводов для сожалений, — так же как и мне. Мне было бы очень прискорбно обмануть Эдмона в его мечтах, если же он будет счастлив, значит не будет обманут.

ПИСЬМО XVI

ОТВЕТ

О, хитрый змий!

Вы не можете себе представить, как я рада, что Эдмон вам нравится; он создан, чтобы быть любимым; на этого милого юношу все взирают моими глазами и питают те же чувства, что и я. А Вы еще спрашиваете, твердо ли мое намерение! О, д'Аррас, Вам ли задавать такой вопрос? Решение мое свято, нерушимо, клянусь любовью и честью... которая мне сейчас дороже, чем когда-либо. Как дорого обошлись мне недавние жертвы, и все же они кажутся мне куда легче прежних! Я заслужила эту ужасающую пытку... Эдмон будет счастлив, если это зависит только от моей любви и верности. Что же касается денег, о которых Вы не упоминаете, то дело устраивается так, что Вы даже посоветовали бы больше умеренности... но мама и сестра настаивают на своем. Не беспокойтесь; только преодолейте предрассудок, из опасения как бы он не оказался роковым. Я

страшно боюсь Тьенетты, этой virtuose[9]; такие девицы, выработав удобную для себя форму добродетели, по отношению к другим безмерно строги. Известное Вам осуществилось; мне оно было противно; но он[10] хотел во что бы то ни стало и, несмотря на успех, я раскаиваюсь. Опять прежние... сердце мое называет это иначе. Все вы со мной несогласны, — что же, в добрый час, если ваша система правильная. Но мне трудно убедить себя в вашей правоте. Прощайте, любезный отец; у Вас столько высоких качеств, особенно по отношению к друзьям, что невозможно не прощать Вам и многие недостатки.

Не подписано[11]

ПИСЬМО XVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

---

[9] Примечания: 1.9
Добродетельной *(итал.)*.

[10] Примечания: 1.10
Господин Парангон.

[11] Примечания: 1.11
Эти два слова начертаны рукою Пьера.

Прибытие госпожи Парангон. Начало злосчастной страсти

Пишу тебе, любезный братец, в часы, когда весь дом моего хозяина предается радости. Госпожа Парангон только что прибыла из Парижа. Это светлая шатенка с прекрасными чертами лица; у нее такой ласковый взгляд, что устоять перед ним невозможно; рот ее великоват, но приятных очертаний; белые, мелкие и тесно поставленные зубы; рост выше среднего, стан легкий, гибкий и изящнее, чем обычно бывает у важных барынь. Но такой портрет всего лишь грубый набросок; надобно видеть ее собственными глазами, чтобы почувствовать, что все это значит: все в ней отмечено особым очарованием. Тонкие, изящные ноги, грудь, восхитительные руки — все это у нее кажется гораздо совершеннее, нежели у других красавиц. А особенно очаровала меня ее улыбка, в ней сочетается вся прелесть улыбки Юрсюли, улыбки мадемуазель Манон, Эдмэ и Тьенетты, а у каждой из них улыбка полна прелести. Прибавь к этому, что хозяйка в цветущем возрасте, что цвет лица у нее ослепительно белый, а кожа необыкновенно тонкая и атласистая. Она пожелала познакомиться с каждым из нас. Мои

товарищи и Тьенетта представились ей раньше меня; каждый из них получил подарок: Тьенетта — ожерелье с подвесками; Альгард, старший из учеников, прекрасную табакерку; Тинторетто — модную тросточку. Я с завистью наблюдал, как она с ними обращается, и смущенно стоял позади других. Тьенетту она дважды облобызала и назвала ее своим милым другом; я покраснел от негодования. Но я просто не в силах правдиво передать тебе, сколь ласково обошлась она со своей кузиной, а сама мадемуазель Манон показалась мне в ее объятиях еще в тысячу раз милее, чем раньше. Наконец, настал мой черед; я приблизился с таким робким, таким растерянным видом, что она, видимо, даже удивилась. Она обратилась к мужу, давая мне время оправиться: — Это должно быть юный ученик...? — Господин Парангон ответил утвердительно и добавил, что очень доволен мною. Мадемуазель Манон не преминула подкрепить эту похвалу, за что я ей весьма благодарен. — Это мой подопечный, — продолжала любезная дама, — и мне хотелось бы, чтобы он оправдал мое доверие. — Она подарила мне книгу в роскошном переплете, сказав при этом, что ей уже сообщили, как я люблю свое искусство и что она хочет поощрить меня. Она сама

раскрыла книгу и я увидел в ней большое собрание рисунков, скопированных с произведений великих мастеров, как то: Рафаэль, Микельанджело, Корреджо, Тициан, Винчи, Буонаротти, Альбано, Караччи, Лебрен, Лесюёр, Буше, Ванлоо и т. д. Не могу высказать тебе, любезный Пьер, до чего я тронут этим прекрасным даром, который мне еще дороже от того, что я получил его из таких рук.

Повидавшись с домочадцами, она вышла в залу и зала вскоре наполнилась соседями. О, как все любят ее! Боже мой, какая эта похвала человеку! Казалось, люди вновь видят после разлуки свою дочь, свою обожаемую сестру, а девушки — любимую подругу. Я замер от удивления и восторга. Наконец, все разошлись, чтобы дать ей отдохнуть, и возле нее остались только Тьенетта да я, потому что мадемуазель Манон отправилась к матери и сестре, чтобы передать им множество прелестных вещиц, которые привезла для них родственница.

А теперь, братец, я задаюсь вопросом: как же столь очаровательная женщина не внушает мужу благоговейной любви? Правда, она долго отсутствовала; но говорят, что отъезд ее был вызван огорчениями не в меньшей степени, чем

необходимостью устроить кое-какие дела. О, почему супруг видит ее не моими глазами!.. Когда я смотрю на нее, в груди у меня разгорается пламя, меня охватывает радость, ликованье, я чувствую порывы ... Какое счастье видеть ее каждодневно, иметь возможность исполнять ее приказания! Чем труднее они были бы, тем больше они радовали бы меня. И теперь я понимаю, как легко, с какой радостью трудились наши прародители в земном раю: Адам помышлял о Еве, Ева об Адаме, как я помышляю о ней, и они работали один для другого. Однако продолжаю.

Тьенетта помогала госпоже Парангон раздеваться, а я стоял тут же. (Просто не понимаю, как я мог позволить себе такую нескромность). — Так вот, милая Тьенетта, — проговорила она, очевидно, не замечая меня, — вам очень хотелось, чтобы я вернулась, и вот я с вами. — Тьенетта, ни слова не произнеся, поцеловала у нее руку и я заметил, что глаза ее полны слез. (От угрызений совести; понимаешь, она еще не привыкла к пороку и совесть у нее не спокойна). — Милая Тьенетта... — продолжала госпожа Парангон, — теперь меня это уже не волнует... Однако я никак не думала, что это возможно... Я была очень неосторожна... я ведь знала его ... мне не следовало ... Если я и

огорчаюсь теперь, так лишь из-за той, которая... — Тьенетта вздохнула и взглянула на меня. Госпожа Парангон, как видно, погрузилась в раздумье, из которого она вышла, чтобы обратиться ко мне. Она сказала мне, если не ошибаюсь, что-то очень ласковое, но я почти не слышал ее — такое смятение и восторг вызывал ее голос в моей душе. Разговаривая со мной, она что-то искала, потом протянула мне прекрасные золотые часы и спросила при этом, сумею ли я их завести? В ответ на мои слова она показала мне, как это делается, и предложила их мне, добавив: — Дарю их вам от имени особы, которая вас очень ценит. — Я ответил: — Они будут для меня, сударыня, самым ценным из всего, чем я владею, и я всю жизнь буду помнить от кого я их получил. — С этими словами я удалился. Я готов был подумать, что часы дарит мне мадемуазель Манон, однако боялся, что таким предположением чересчур льщу своему самолюбию.

Что ты мне на все это скажешь, любезный Пьер? Право, мне кажется, что госпожа Парангон — единственная вполне достойная женщина среди всех, которых я видел. Ты не можешь представить себе эту нежность, эту спокойную сдержанность. Она приветлива со всеми; она ласкова с Тьенет-

той; ей все известно и тем не менее она зовет ее «милая Тьенетта»! Она во всем упрекает самое себя и говорит, что сама виновата. А та не умирает от стыда у ее ног! Она осмеливается смотреть ей в лицо! О, я бы на ее месте погиб, провалился бы сквозь землю! Прелестная женщина, вы достойны венца, достойны такого сердца, которое ... вы заслуживаете человека, достойного вас!

Теперь мне уже не так нетерпится вновь увидеть Эдмэ; да и мадемуазель Манон кажется мне теперь не столь красивой, а женщина из наших мест — просто ничто. Все прелести вместила в себе Колетта К***...

Прощай, любезный Пьерро! Никогда еще так нежно не любил тебя твой Эдмон.

ПИСЬМО XVIII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я продолжаю заблуждаться

Отвечаю тебе, любезный братец, наспех и первым делом скажу, что всегда тебе говорил: твоя Тьенетта немногого стоит; скажу также, что очень рад, что ты не уверен в том, что видел в

отношении мадемуазель Манон; не могу скрыть от тебя своего удивления, что ты так расхваливаешь госпожу Парангон, замужнюю женщину, другое дело будь она девушкой или вдовой, а тут тебе делать нечего, любезный Эдмон, и не советую тебе забивать голову ее достоинствами; этим пусть занимается ее муж, а ежели он ее не ценит, тем хуже для него. Скажу тебе еще, что, как мне кажется, ты в делах дружбы вертишься как флюгер — нынче у тебя одна, завтра — другая, и вообще у тебя семь пятниц на неделе. Но я очень рад, что ты привыкаешь к городу, и, пожалуй, чересчур к нему привыкнешь, но ведь тебе предстоит там жить, так уж лучше любить его, чем ненавидеть; но не забывай наставлений нашего батюшки и не подражай без разбора всему, что видишь, и *берегись самого себя;* я слышал от людей старинных и мудрых, что человек самому себе самый опасный враг. Будь осмотрителен и выбери себе такую, какая тебе под стать — будь то мадемуазель Манон или мадемуазель Эдмэ; ты еще юнец в чересчур молод для женитьбы, потому что еще не устроился в жизни; однако, если представится случай и к тому же удачный, то женитьба скорее поможет тебе в живописном искусстве, чем повредит, ибо жена, располага-

ющая достатком, развяжет тебе руки. А потому обращай внимание на поведение девушки, на ее семью, на ее приданое; все это очень важно, и все же последнее — наименее важное из трех соображений, хоть и им пренебрегать нельзя. Что касается меня, то все это я обретаю у Мари-Жанны, да еще и миловидность вдобавок, хоть ты и злословишь малость насчет наших крестьянок; желаю тебе такой жены, как она, или же — и это доказательство моей любви к тебе — желаю тебе понравиться мадемуазель Манон; мы знакомы с ее семьей; это семья почтенная и располагающая достатком; войдя в нее, ты не унизишься, а наоборот, возвысишься; однако посоветуйся еще, поразмысли, а если решишься — сообщи мне, и я поговорю с нашими родителями, а Юрсюль мы пошлем к тебе. Все мы целуем тебя, но среди всех твоих братьев в сестер нет таких, не считая Юрсюли, которые любили бы тебя так, как любит тебя П. Р.

Я счастлив, что тебе довелось познакомиться с отцом д'Аррасом, — поздравление с этой удачей я приберег на конец письма. Я прочел нашей доброй матушке то место твоего письма, где ты говоришь о нем; она очень порадовалась; она наказывает тебе слушаться советов этого доброго

пастыря и просит, чтобы он не забывал ее в своих молитвах.

ПИСЬМО XIX

29 сентября, утром.
Вечером

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он неудачно защищается и выдает свои истинные помыслы

Я — флюгер, любезный братец? Да нет же, вовсе нет! Разве надобно закрывать глаза на окружающее и сковывать свою мысль? Тьенетта показалась мне красивой, мадемуазель Манон — привлекательной и красивой, Эдмэ — привлекательной, любезной и прекрасной, госпожа Парангон — еще прекраснее, еще привлекательней, еще любезнее, еще красивее и вдобавок весьма достойной уважения; словом это — совершенная женщина. Быть может, черты лица у нее не лучше, чем у трех других, ибо Тьенетта прелестна, мадемуазель Манон столь же прелестна и в ней вдобавок есть нечто возбуждающее

чувственность и, как говорится, притягательное; у Эдмэ восхитительные темные волосы, чарующая юность и такая трогательная наивность... А у госпожи Парангон красота более зрелая, у нее изящество и непринужденность, которые приобретаются в свете, особенно при жизни в столице, и о которых у нас и понятия не имеют, но они дают себя знать с первого же взгляда; прибавь к этому, что ее добродетели произвели на меня даже еще большее впечатление, нежели внешняя привлекательность. Обладай Эдмэ всем этим — я не колебался бы, как колеблюсь сейчас... но я видел ее всего лишь раз и очень рад, что не больше; я даже не буду стремиться вновь повидаться с ней, чтобы все внимание сосредоточить на мадемуазель Манон и порадовать вас этим, ибо я чувствую, что она вам больше по душе. К тому же, меня несказанно радует мысль, что я могу стать кузеном госпожи Парангон.

Я ничего не имею против брака: наоборот, мне кажется, что, несмотря на мою молодость, мне следует жениться, чтобы быть счастливым; однако, едучи сюда, я никак не предполагал, что этот вопрос возникнет так скоро: это делается как-то само собою. Скажу тебе, что сегодня господин Парангон очень задушевно говорил со мной о своей

кузине и довольно недвусмысленно коснулся вопроса о женитьбе, давая мне понять, что имеет на меня виды. Однако я, опасаясь попасть впросак, отвечал уклончиво; я напомнил ему, что еще очень молод, что у меня еще нет определенного положения, что нельзя мнить себя живописцем, когда еще только начинаешь знакомиться с основами искусства, что я еще только вступил на долгий и трудный путь и пока что неизвестно, достигну ли я намеченной цели. Он ответил, что уже ясно представляет себе, кем я стану со временем, и что это его весьма радует. Как понимать такое благоволение, покровительство и доброту? С одной стороны, я говорю себе, что у меня нет никаких, как здесь выражаются, *выдающихся* заслуг, чтобы удостоиться столь лестных слов, и что достаток мой отнюдь не так велик, чтобы за меня сосватали красивую девушку, не имея к тому тайных причин, которые я, однако, никак не возьму в толк; с другой стороны, мне думается, что меня любят, потому что я стараюсь быть услужливым, любезным, исполнительным; я никогда ни над кем не подтруниваю и не ябедничаю на своих товарищей; мне говорят лестные слова о том, что я гораздо способнее их (да это, кажется, я и сам понимаю): так считает и госпожа Паран-

гон, и мадемуазель Манон, которая с тех пор как здесь не живет, приходит к нам каждый вечер ужинать; но последняя уж чересчур превозносит мои успехи и поэтому я ей не верю, а госпоже Парангон, как я заметил, даже бывает неловко за нее; сама она не расхваливает меня, хотя в других отношениях, по-видимому, очень ко мне расположена...

Меня прервали на середине письма. Госпожа Парангон пожелала соревноваться со мною в копировании небольшой картинки Буше; я проработал без перерыва весь день, но не доволен собою.

Дважды мадемуазель Манон просила меня с ней погулять и я с удовольствием сопровождал ее, поддерживая под руку. Сегодня, перед тем как выйти из-за стола, госпожа Парангон дала мне спешное поручение; я тотчас же вскочил — так мне не терпелось угодить ей. Вернувшись, я застал ее одну; она встретила меня приветливо и весело и спросила, не составлю ли я ей компанию, так как выходить она не собирается, Я покраснел и пробормотал нечто невнятное, чего ни она, ни сам я не поняли; я был вне себя — так польстили мне ее слова! Она села, усадила меня рядом и подала мне книгу, которую просила почитать.

Только я приступил к чтению, как вошла Тьенетта и тоже села рядом с хозяйкой, чтобы слушать. Я не мог не подумать: «Как же госпожа Парангон, столь добродетельная женщина, зная эту девушку, не прогонит ее? Почему она терпит ее возле себя? Хорошо быть доброй, но, думается, не следует быть слабой и потакать пороку». Книга, которую мне дали, называется «Письма маркиза де Розеля». Я читал быстро; казалось, все, что говорит автор, он почерпнул в моем сердце. Но как же я был изумлен, узнав, что Леонора — обманщица! Я украдкой взглянул на Тьенетту. На середине первой части меня просили остановиться. Мы стали обсуждать прочитанное: госпожа Парангон высказала самые возвышенные и тонкие чувства; к удивлению моему Тьенетта осмеливалась вторить своей хозяйке; у нее хватало дерзости изливаться в чувствах, которые я счел бы не менее возвышенными, не знай я ее. В конце концов, не помню уже в связи с чем, она заговорила об Эдмэ: она разузнала, кто эта милая девушка, и я сейчас поделюсь с тобой этими сведениями.

Эдмэ Сервинье — дочь состоятельного виноградаря, который может дать своим двум дочерям довольно богатое приданое. Младшая (красавица) получила гораздо лучшее образование,

чем ее сестра, ибо с шести лет до пятнадцатилетнего возраста воспитывалась у монахинь общины Провидения. Этим и объясняется, что она живет весьма замкнуто и неохотно принимает участие в играх и развлечениях сверстниц, а когда участвует, то всегда просит удалить из компании знакомых молодых людей, потому что они несносны ей своей грубостью. Эта девушка образованна, искусна во всех видах рукоделия и ничем не стала бы выделяться в порядочном обществе (как здесь выражаются, имея в виду богачей); зато среди молодежи своего круга она сильно выделяется, что, пожалуй, невыгодно для нее самой (как заметила Тьенетта) и вынуждает ее вести довольно унылый образ жизни. Ей нужен бы человек, который был бы ей под пару.

Правда, братец, — это очаровательная девушка и я очень сожалею, что приходится от нее отказаться. Я еще некоторое время поразмыслю, чтобы потом не раскаиваться, да и ты противник поспешности в этом вопросе.

Передай мой почтительный поклон батюшке и матушке, и т. д.

ПИСЬМО XX

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Кто такой д'Аррас? Странная беседа с девушкой

Вчера, любезный Пьер, я больше двух часов гулял с добрым монахом, о котором тебе уже говорил. Не могу тебе описать, как он был со мною мил; мы, кажется, подружились на всю жизнь, он меня многократно уверял в этом. Он не из числа тех щепетильных благочестивых людей, которые против любых удовольствий и никогда не отклоняются от намеченного пути; он допускает развлечения и сам не прочь принять участие в благопристойной компании. Так, после прогулки мы закусили в монастырском саду в обществе двух-трех его друзей и нескольких монахов, приглашенных отцом д'Аррасом, когда они проходили мимо нас. В обители его весьма уважают, и духовные наставники предоставляют ему полную свободу. Он из хорошей семьи, располагает порядочной пенсией, которую аккуратно выплачивает ему его единственная сестра,

богатая женщина; он употребляет эти деньги лишь на то, чтобы заслужить всеобщую любовь; поэтому двери лучших домов города всегда для него открыты, а это немалое доказательство его достоинств. Он сказал, что хочет заняться моим развитием и познакомить меня с хорошими людьми. Как видишь, для меня большое счастье, что я ему понравился. Госпожа Парангон, с которой он говорил обо мне, по-видимому, довольна, что я сошелся с человеком, который может стать моим добрым советчиком.

Я как никогда колеблюсь между мадемуазель Манон и милой Эдмэ. Одна мне больше по сердцу, другая больше подходит для моего продвижения в обществе. Вторая выказывает мне все больше внимания и даже так откровенно говорила со мною, что у меня есть основания предполагать, не поддаваясь самообольщению, что мысли ее заняты мною. Я не должен, да и не хочу, мой друг, что-либо скрывать от тебя.

Вчера господин Парангон повез жену обедать в город. Перед отъездом он велел Тьенетте попросить мадемуазель Манон, если та придет, чтобы она побыла у нас и поужинала в моем обществе. И действительно, расставшись с отцом д'Аррасом, я застал мадемуазель Манон у нас. Она, смеясь, ска-

зала, что ждет меня с великим нетерпением, что уже семь часов, и она боялась, что я не вернусь домой, а буду ужинать, как оба мои товарища, где-нибудь в другом месте. Она добавила, что перед тем как сесть за стол, хочет пройтись по саду и протянула мне руку, чтобы я проводил ее. Смеркалось. Сначала мы на ходу беседовали о безразличных вещах; мы обошли несколько аллей, потом мадемуазель Манон присела на газон, я поместился рядом с нею и между нами произошел следующий разговор: — Какое сегодня ясное небо! Я не помню такой прекрасной осени. — Да, мадемуазель, погода восхитительная. — Звезды, кажется, горят ярче, живее обычного. — Да, мадемуазель. — *Да, мадемуазель!* А знаете ли, сударь, — вы отвечаете не особенно ловко. Вам невдомек, что я жду комплимента? Или вы не умеете их говорить? — Простите, мадемуазель, — умею. Вот, например, когда вы стали говорить о том, как прекрасны звезды, я хотел сказать... — Что сказать? — Сказать... — Так что же? — Что ваши глаза сияют еще ярче и еще ласковее, чем звезды. — Правда? Вы так подумали? — Правда, мадемуазель. Но я не решался. — Но такие вещи всегда говорят, особенно с глазу на глаз. Их говорят очень просто... Когда беседуешь без

свидетелей, можно сказать еще очень многое... Я хотела бы служить вам наперсницей. Давайте, откроем друг другу наши маленькие тайны. Но только откровенно. Я не хочу ничего от вас скрывать, однако с условием, что и вы мне все расскажите. Любили ли вы? Влюблены ли сейчас?... Вы, кажется, покраснели? Бросьте, к чему смущение? Чувствительность — не позор для доброго сердца. Кроме того, не забывайте, в меру вашей откровенности буду откровенна и я. — Я любил бы, если бы... — Если бы что? — Если бы надеялся на взаимность. — Мне кажется, вы не из тех, кого легко отвергнуть (при этих словах ее прелестная ручка играла прядью моих волос). Та, которая тронула ваше сердце, никак не может считать себя несчастной, и, знай я — кто она такая, я замолвила бы за вас словечко. — Вы очень добры, мадемуазель. — Мне кажется, что я скорее добра по отношению к ней. Вы назовете мне ее? — Назвать! — Конечно. — Но... — Не решаетесь? — Я боюсь... — Чего же? Боитесь ее оскорбить? — Но ведь есть вещи... — Не заблуждайтесь. Нельзя оскорбить девушку, говоря о своей любви к ней, даже говоря ей это прямо в лицо. Она хороша собою? — Еще бы! Очаровательна. — Какого она роста? — Лучше и желать нельзя. — Понимаю.

Она высокая, но в меру. Брюнетка? Белокурая? Ни то, ни другое, может быть? — Так оно и есть. Волосы у нее прекрасные (тут я запнулся и посмотрел на волосы мадемуазель, — они у нее пепельного оттенка)... — Она богата? — Даже чересчур, так что мне не возвыситься до нее. — Вы не честолюбивы! А замечали ли вы, что и она к нам неравнодушна? — Я не льщу себе на этот счет. — К чему же такая скромность? — Когда хорошо себя знаешь, всегда боишься переоценить себя. — Значит, надо ставить нас в необходимость прямо говорить вам, что вас любят, и даже по нескольку раз повторять: вас любят, любят? Если поклонник такой тупица, так он не заслуживает... Впрочем, самомнение — большой недостаток; поклонник, страдающий самомнением, был бы мне прямотаки противен; в милой сдержанности столько очарования! Только бы она не выходила за определенные границы. Например, мне хотелось бы, чтобы мой поклонник (если бы он у меня был)... по моим вопросам... вопросам несколько настойчивым... несколько необычным... догадался бы, что мною руководит не пустое любопытство... Но вот Тьенетта идет за нами. После ужина мы продолжим разговор и я со своей стороны тоже кое в чем признаюсь вам, и даже вразумитель-

нее, чем вы».

Когда мы возвратились, я заметил, что мадемуазель Манон и Тьенетта настроены совсем по-разному: мадемуазель Манон была на редкость веселая и это придавало ей еще большую прелесть, зато Тьенетта была печальна и хмурилась, причем ее дурное настроение заметно усиливалось всякий раз, когда мадемуазель Манон шептала мне что-нибудь на ухо. Она ужинала вместе с нами, но вскоре вышла из-за стола и села у крылечка, однако и там пробыла недолго; возвратилась она с господином Луазо, которого мадемуазель Манон приняла холодно, хотя раньше всякий раз, когда он приходил ко мне, оказывала ему радушный прием. Я удивлялся, что он не уходит, несмотря на сердитый вид мадемуазель Манон, которая и не думала скрывать своего неудовольствия; сам я в таких случаях бегу без оглядки. Наконец, выйдя из терпения, она попросила меня подать ей руку и проводить ее. Господин Луазо собрался было последовать за нами; она резко попросила его не беспокоиться. Мне показалось, что ее тон совсем сразил его. Мы направились было к двери, но заметили, что Тьенетта куда-то вышла; пришлось ее подождать. Тут я подумал — какой же господин Луазо

неделикатный, раз он никак не хочет оставить нас наедине; он понимал, что мы раздосадованы (ибо и я уже перестал скрывать это), но, видимо, он не желал ни с чем считаться. Мы надеялись все же отделаться от него, прибегнув к резкости, но приезд госпожи Парангон расстроил все наши ухищрения. Она почувствовала себя плохо и вернулась домой, чтобы лечь в постель. Она попросила господина Луазо проводить ее кузину, а я побежал за сердечными каплями.

Когда я возвратился, возле нее была Тьенетта; она не захотела принять лекарство, и, казалось, была вполне спокойна, — до такой даже степени, что я опять взялся за чтение вслух, которое начал накануне. Под конец у меня совершенно непроизвольно, без какого-либо определенного намерения, вырвалось: «Какой он счастливец!» Обе слушательницы улыбнулись, а Тьенетта сказала: — Не правда ли, мадам, будет очень жаль...? — Конечно, друг мой, уверяю тебя, — ответила госпожа Парангон. — «Друг мой»! Вот уж истинно, не понимаю я этой дамы, как не понимаю и Тьенетты. Неужели они сообщницы?.. Нет, быть этого не может... Однако до слуха моего доходят некоторые сплетни о том, будто госпожа Парангон не терпит ласк своего супруга, будто она

совершенно спокойно относится к тому, что ее права присваивает себе другая, будто дурное поведение господина Парангона... даже не могу тебе это передать, я тут ничего не понимаю... будто его поведение совершенно отдалило ее от мужа. Но в таком случае, значит, госпожа Парангон уже не достойнейшая женщина, заслуживающая глубокого уважения... (сердце мое отвергает такую мысль, она нестерпима для меня!), а Тьенетта тогда столь же виновна, сколь достойна жалости. Время все разъяснит.

Еще раз признаюсь тебе, что, выслушав отзывы госпожи Парангон и Тьенетты (ибо они заговорили об Эдмэ), я в полной нерешительности. Мадемуазель Манон очень мила; если бы ты только знал, как она была пленительна, сколько в ней было очарования, когда она беседовала со мной в саду! Кроме того, женитьба на ней больше порадовала бы наших любезных родителей и тебя самого... Однако я чувствую, что предпочитаю Эдмэ: но это ничего не дает, а когда живешь в городе, надлежит думать прежде всего о том, как бы выдвинуться... О, будь на месте той или другой госпожа Парангон, я не колебался бы ни минуты!

ПИСЬМО XXI

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Завладевают его умом

Право же, любезный Пьер, я сам не свой, но кажется не заблуждаюсь. Сомнения больше нет, мадемуазель Манон благоволит ко мне. Господин Парангон, казавшийся мне таким холодным, угрюмым, принимает во мне горячее участие: я (по его словам) вполне подходящая партия для кузины его жены; он собирается тщательно развивать мои способности и в недалеком будущем откроет мне все тайны своего искусства. Но, чтобы ты все это лучше понял, я передам теперь слово за словом разговоры, которые я вел с ними обоими.

Тебе уже известно, что мадемуазель Манон собиралась тоже открыться мне в своих чувствах, но, как помнишь, нам не удалось возобновить беседу после ужина. Вчера днем господин Парангон предупредил меня, чтобы я был наготове к семи часам, потому что он намерен отправиться со мной ужинать в город. Сам понимаешь — я был

крайне удивлен таким знаком благоволения; еще больше удивился я — и крайне приятно, — когда выяснилось, что мы находимся у матери мадемуазель Манон; она приняла меня так радушно, словно я ее сын. После обычных приветствий господин Парангон вместе с матерью и старшей сестрой мадемуазель Манон удалился в другую комнату, а мы с нею остались наедине. Никогда еще она не казалась мне столь прекрасной; в наряде ее было что-то кокетливое и изысканное, он очень к ней шел; я не мог не восхищаться ею; но я молчал; она тоже молчала и мы только смотрели друг на друга. Я впервые заметил в ее взгляде робкую стыдливость; лицо ее дышало скромностью и замешательством. В глубине сердца я сказал ей: «Прекрасная Манон! Сколь достойны вы сейчас поклонения, которого, очевидно, теперь уже не требуете!» Мы долго молчали. Она заговорила первая, ласково обратившись ко мне:

— Вы задумчивы, Эдмон? И я тоже витаю в мечтах... Вздыхаете? Скажите же мне, что за счастливица исторгает у вас эти вздохи? Вы не отвечаете? — Да, мадемуазель, когда сердце полнится чувством, трудно подобрать слова. — Чувство! Как сладостно нежное чувство! Но еще сладостнее внушать его кому-то; блаженны лю-

бовники, наслаждающиеся им вместе... Давайте, побеседуем. Что вы мне скажете? — Это я мог бы задать вам такой вопрос, если бы я только смел. — Если бы только смел! Вы чересчур сторонитесь людей, Эдмон.

(Я приблизился к ней; она улыбнулась, словно не это имела в виду.)

— А почему бы вам не задавать мне вопросы? — Раз вы меня поощряете — извольте... Мне кажется, что признание — за вами. — Вы мне напоминаете? Неужто вы еще помните это безрассудство? — Безрассудство ли, мудрость ли — мне интересно знать. — Ах, как мне нравится, когда вы такой! Именно таким мне и хочется вас видеть. — Раз я удостоен этого счастья — утолите же мое жгучее любопытство, мадемуазель! — Если вы будете очень настаивать, я, пожалуй, преступлю границы скромности. (Тут я поцеловал ей руку.) Вот как вы вынуждаете меня? Тогда прочь сдержанность. (Краска бросилась мне в лицо, я испугался, что оскорбил ее.) Ничего не поделаешь, надобно сдаваться, — продолжала она. — Однако справедливость требует, чтобы между нами было полное равенство. Вы меня спрашивайте, как я спрашивала, а ответы будете понимать с полуслова. Ну, начинайте. — Мадему-

азель, что у вас за секрет? — Эдмон! — Да! Какого это рода секрет? — Но неужели я должна отвечать на такой вопрос? — Должны, притом искренне. — Так это, думается мне... любовь. — Только думается? Значит, это еще не наверное. — Считайте, что наверное. — Вы влюблены? — Влюблена. — Сильно? — Сильно, — В мужчину? — В молодого человека. — Какой счастливец! — Это уже не вопрос и отвечать я не стану.

Я несколько минут молчал, потом спросил: — А он знает о своем счастье? — Должен бы знать. — Значит, вы соблаговолили сказать ему об этом? — Да, но совсем недавно. — Как же он отнесся к столь бесценному признанию?

Она немного помолчала. — Он один может ответить на это. — Неужели вы сомневаетесь в том, что любимы? Ах, вашим прелестям подвластно все! — С тех пор, как я с ним познакомилась, я стала сомневаться в их могуществе. — И вы будете ему верны? — До гроба. — За что вы любите его? — За то, что он такой, как есть. — Он первый властелин вашего сердца? — Ну, знаете, вы задаете такие вопросы... Да, первый. Чувство, которое он внушает мне, я еще не испытывала никогда в жизни. — Он молод? — Моих лет. — Внешность? — Безупречная. — Выражение лица?

— Превосходное, а будет еще лучше. — Ум? — Он умный. Но его ум еще не засверкал. — Не могу догадаться. — Как скоро вы отчаиваетесь. — Где же сыскать столь совершенного любовника? — Совершенного? Я этого не говорила. Но он может стать таким. — Так что же, — заслуживает он?.. — Да, сударь, заслуживает чувство, которое он пробудил во мне; он достоин... Я жалею, что не познакомилась с ним раньше. — Ах, мадемуазель, я начинаю завидовать его счастью. — Слепец! Зачем же завидовать? — Да где ж он в то время, как ему уготована столь блистательная участь? — Возле меня.

Любезный Пьерро, в глазах у меня потемнело, я уже ничего не видел перед собою; я нащупал руку Манон, и губы мои прильнули к ней; я бросился к ее ногам потрясенный, вне себя. Моя прелестная возлюбленная склонилась ко мне; ее прекрасные уста коснулись моей щеки, и она проговорила: — Встань, друг мой. Да, ты тот, кого я люблю, ради тебя господин Парангон беседует с моей матерью и хлопочет, чтобы она согласилась назвать тебя своим зятем. — Какое счастье! — воскликнул я. — Ах, теперь все мои помыслы будут только о вас! Что за радость для моих родителей! Как счастлива будет моя матушка назвать вас своей дочерью!

И я тут же показал ей письмо, в котором ты сообщаешь мне об этом, но в это время в комнату вернулись ее мать, сестра и господин Парангон. Вид у всех троих был несколько задумчивый, однако дамы были со мной чрезвычайно ласковы, особенно мать. За обедом мадемуазель Манон сидела сильно раскрасневшись и почти не открывала рта; она решалась бросать на меня только беглые взгляды, да и то как бы тайком. Встали из-за стола около десяти; мы собрались уходить, а когда уже направились к двери, госпожа Палестин вынула из шкафа прекрасные манжеты, вышитые собственноручно мадемуазель Манон, и подарила мне их. Работа отменная; я не знал как благодарить.

На обратном пути господин Парангон спросил, какое впечатление произвели на меня люди, у которых мы ужинали. Я ответил, что это очень любезные дамы, что госпожа Палестин — достойнейшая женщина, напомнившая мне мою мать, что мадемуазель Манон — красавица, вроде моей сестрицы Юрсюли, а мадемуазель Клодон, старшая сестра, показалась мне девушкой с приятным, уживчивым характером.

— Так вот, — продолжал он, — вы тоже им подходите; я питаю к вашим родителям большое

уважение, а к вам отношусь как к собственному сыну; поэтому я решил выдать Манон за вас. После женитьбы вы поселитесь у тещи, вы будете чувствовать себя там словно в родной семье, короче говоря, будете как сын; я по-прежнему буду прилагать все старания, чтобы ваши способности развились; вы сможете спокойно совершенствоваться в своем искусстве, потому что брак принесет вам необходимый для этого достаток; госпожа Палестин уже теперь видит в вас опору своей старости и сделает для вас все, от нее зависящее; она богата, а старшая ее дочь, не обладающая крепким здоровьем, решила остаться в девушках; со временем все перейдет к вам. Не будь этих редкостных преимуществ, я, при всем своем расположении к вам, не стал бы торопиться, но надо ковать железо пока горячо... если, конечно... у вас нет иных намерений.

Я поблагодарил господина Парангона за его заботы и сказал, что госпожа Палестин и мадемуазель Манон оказывают мне большую честь и что я постараюсь оказаться достойным ее.

— Если так, то я за все ручаюсь, — сказал господин Парангон, — жена, с которой я поделился этим планом, высказала кое-какие соображения против... Таковы уж женщины, дитя мое; они

ласково встречают вас, улыбаются; вам кажется, будто они очень расположены к вам, и вдруг вы обнаруживаете, что вы для них — нуль. Вы, например, наверняка думали, что моя жена желает вам блага, а между тем она противится ему. Даже милая девчурка Тьенетта, в присутствии которой я говорил, и та не удержалась и высказала свое мнение: — Ваша кузина может найти партию получше — какого-нибудь чиновника, врача, мало ли еще кого... — Это меня ничуть не удивляет, сударь, — отвечал я, — ваши заботы обо мне столь незаслуженны... — Оставим мои заботы. Уж если говорить все начистоту — Манон влюблена в вас и я просто исполняю ее желание, с которым сама она долго боролась; бедная девушка боялась меня. По простодушию своему она плохо меня знала. А я вижу далеко вперед, вы человек хороший; если будете ревностно трудиться, вы со временем превзойдете многих, которые воображают себя более способными. Посмотрите, как в Париже ценят всяких Ванлоо, Буше, Верне {3} и многих других, как перед ними заискивают вельможи... Я даю вам прелестную женщину, она влюблена в вас; я даю ей мужа, который не сможет не любить ее и

{3} Комментарии: 2.3

Ванлоо, Жан-Батист (1684—1745), *Буше,* Франсуа (1703—1770), *Верне,* Жозеф (1714—1789) — французские художники.

пойдет далеко. Ведь когда собираешься вступить в брак, друг мой, надо любить друг друга; госпожа Парангон меня не любила, я любил ее самоотверженно; со временем я понял, что чувство мое остается без ответа; что ж, я стал холоден, как мрамор, но такое состояние мне не по душе, оно мне противно не могу сказать до какой степени... Малютку Манон я воспитал, она выросла у меня на глазах, я привязался к ней как отец к дочери и думаю, что, выдавая ее за вас, я готовлю ей счастливое будущее. Жена иной раз ревновала меня к ней. Ревновала до такой степени, что даже подозревала... В конце концов она убедилась, что все это вздор; однако, боюсь что в глубине души она не любит Манон. — Мне кажется, сударь, что вы несколько несправедливы к вашей супруге; я видел, как она встретила мадемуазель Манон и... — Бедный простачок! Попали пальцем в небо! Женщины! Да ведь они ласкают друг дружку, чтобы удобнее было нанести удар... приятельницы обнимаются, а хотели бы удушить друг друга. Но бросим это. Храните все в тайне, пока не будет полной уверенности в успехе; мы имеем дело с женщинами, а ум у них — флюгер, который вертится по ветру. Если они раздумают, то надо вести себя так, чтобы они не могли хвастаться,

будто отказали нам; особенно моей жене и ее достойной наперснице — ни слова! Ваших родителей я уведомлю, и вы тоже напишите им.

Мы уже подошли к подъезду. В ожидании нас госпожа Парангон и Тьенетта читали. Господин Парангон, не дожидаясь расспросов, солгал жене. Любезный Пьер! Хотя теперь я знаю, что она отнюдь не'так расположена ко мне, как я предполагал, я не мог не подумать: «Как можно лгать столь очаровательной жене! У меня от своей никогда не будет тайн!»

Да, теперь я решил бесповоротно: мадемуазель Манон именно то, что мне нужно. Поговори об этом с нашими любезными родителями и растолкуй им, что теперь уже нет никаких причин не отправлять Юрсюль в город. Мадемуазель Манон быстро познакомит ее со здешними обычаями и модами, они подружатся и наш союз станет от этого еще счастливее. Мы с тобой можем, любезный братец, справить свадьбы почти одновременно. Крепко целую тебя.

P. S. Отец д'Аррас познакомил меня с очень приятным человеком, только что приехавшим из Парижа; имя ему — господин Годэ. Он гравер, большой мастер своего дела, хоть и довольно молод; человек он богатый. Ко мне он относится

весьма благосклонно, благодаря отзыву обо мне отца д'Арраса, который, как видишь, начинает осуществлять свое обещание и помогает мне выйти в люди.

ПИСЬМО XXII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

По невежеству, я помогаю тем, кто толкает его в пропасть

Спешу ответить тебе, любезный мой Эдмон, чтобы сказать: наконец-то ты близок к тому, чего я для тебя желал! Да благословит господь наши браки и да хранит он наших нареченных! Что же до доброго монаха, то мы с матушкой очень рады, что ты с ним познакомился и что он свел тебя с хорошим человеком, и мы надеемся, что он призовет на тебя благословение господне. Это уже хорошее начало. А что до любезной мадемуазель Манон, то она должна изгнать из твоей памяти всякое воспоминание об остальных. Читая два твоих последних письма, я даже подумал, что нехудо было бы, если бы Мари-Жанна чуточку походила на нее; но у нас не водится, чтобы девушки

говорили парням такие ласковые словечки, да то, да се, как у вас, а когда я представляю себя это, у меня прямо-таки в ушах щекотно становится. Мы получили письмецо от господина Парангона, в котором он сообщает о том, что сделал для тебя, а батюшка, предварительно прочитав его матушке, собрал нас всех и нам тоже прочитал, а после ужина он мне велел прочитать в Библии рассказ о женитьбе Исаака и Ревекки, и, покамест я читал, мы видели, как он утирал набегающие слезы. А потом мы, как всегда, помолились, а под конец он всех нас благословил и, повернувшись к Юрсюли, которую он собирается на днях послать к тебе, он благословил ее вторично за тебя и поручил ей передать тебе его благословение. Мы все растрогались и от радости прослезились; потом мы все перецеловались и по очереди поцеловали батюшку и нашу добрую матушку. Приближается сбор винограда, но насчет поставок они поедут только через неделю или две. Послезавтра я провожу Юрсюль до Сенбри, а ты приезжай туда ей навстречу. Остальное скажу тебе при свидании. Все мы любим тебя всем сердцем, люби и ты нас так же, а особенно

твоего брата Пьерро.

ПИСЬМО XXIII

10 октября

ОТ ГОСПОДИНА ГОДЭ К МАДЕМУАЗЕЛЬ МАНОН

Появляется настоящий совратитель Эдмона

Признайтесь, неотразимая кузина, что Вам нужна была моя помощь. Что стал бы делать д'Аррас? У духовных всегда остается немного щепетильности. Я не премину появиться к Вашему торжественному дню, но раньше мне показываться не следует из-за прекрасной Парангон. Юноша — ее подопечный, а ей все известно, она может раскрыть ему подоплеку наших намерений. Я весьма доволен нареченным, он достоин внимания; в то же время мне представляется, что он из числа тех плутов, от любви которых со временем остаются одни только крылышки. Право же, вы вполне можете слегка обманывать его, не испытывая тех легких угрызений, о которых Вы мне пишете. Он будет в долгу недолго. Что касается известного Вам предрассудка, то я уже начал

подрывать его, но деревенщина держится за этот предрассудок не на шутку! А не то я сказал бы Вам: прислушивайтесь к голосу любви больше, чем к голосу осторожности. Удивляюсь, что после того, как Вы показали изголодавшемуся юноше каплю меда, он не последовал примеру Ионафана{4}; значит, французы не такие лакомки, как иудеи. А ведь это послужило бы вернейшим успокоительным средством... Если бы нам удалось продержать его некоторое время в столице, Вы могли бы провести критический период где-нибудь в уединении, но ведь Вы считаете разлуку слишком опасным испытанием верности.

Папаша Парангон избрал самый разумный ход, его путешествие задумано превосходно. Время не терпит, а Вы все еще мечетесь между Сциллой и Харибдой{5}.

P. S. Я узнал, что д'Аррас по простодушию своему упомянул обо мне в разговоре с Вашим нареченным: посоветуйте последнему хранить

{4} Комментарии: 2.4

Ионафан — иудейский военачальник, сын Саула; дважды одержал победу над филистимлянами (Библия). Не зная о том, что Саул дал распоряжение войску не вкушать до битвы никакой пищи, он поел в лесу меду, за что едва не поплатился жизнью.

{5} Комментарии: 2.5

Сцилла и Харибда — утес и водоворот в Сицилийском проливе, считавшиеся в древности крайне опасными для мореплавателей.

полнейшее молчание относительно Ваших дел. Предоставьте мне открыть ему в свое время, что мы с Вами родственники, я это сделаю осторожно, не испортив дела.

ПИСЬМО XXIV

На другой день, в 10 часов утра
10 часов вечера

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Хорошее начало с одной стороны; запасный выход — с другой

Юрсюль приехала сюда сегодня, друг мой, в десять часов. Я с радостью расцеловал ее и для полноты счастья мне недоставало только тебя. Почему ты сам не привез ее? Я рассчитывал повидаться с тобой в Сенбри и как раз собирался отправиться туда, когда Юрсюль с Бертраном появились в доме господина Парангона. Признаюсь тебе, я крайне удивился тому, что наши мудрые родители отпустили их в дорогу вдвоем: что стали бы делать эти ребятишки, если бы в лесу Фей, в ложбине, через которую люди всегда

проезжают не без опаски, на них напали бы злоумышленники?[12] Но они, слава богу, доехали целы и невредимы. Госпожа Парангон сидела одна в гостиной — она их и приняла. Наша милая Юрсюль подошла к ней, зардевшись; она попросила повидаться с братом, не называя меня по имени. Любезная хозяйка не стала забавляться ее смущением; она сразу все поняла, заметив в сестре сходство со мной, и велела Тьенетте позвать меня. Когда я вошел в гостиную, сестрица сидела возле хозяйки, а та что-то ласково говорила ей. Юрсюль вскочила с места, бросилась мне на шею и, не успев вымолвить ни слова, дважды поцеловала меня. — Сразу видно, что девушка совсем не любит брата, — сказала с улыбкой госпожа Парангон. — Ах, сударыня, — простодушно воскликнула сестрица, — после родителей нет человека, который был бы мне так дорог! — Вы устали, милая девушка, — продолжала госпожа Парангон, — пойдемте в комнату, которая вам предоставляется; Тьенетта, идите с нами. — Потом, видя, что Юрсюль смотрит, пойду ли и я, добавила: — Придется ненадолго расстаться с милым братцем, но вскоре мы его позовем.

---

[12] Примечания: 1.12
Там было несколько нападений и еще совсем недавно, в 1772 г.

Столь лестный для нас прием тронул меня больше, чем все милости, оказанные мне госпожой Парангон до того времени. Полчаса спустя за мной пришла Тьенетта. Госпожа Парангон оставила нас с Юрсюлей наедине, сказав, что надо же нам поделиться своими маленькими тайнами. И действительно, у сестрицы оказались секреты, которых я никак не ожидал. Заверив меня в добрых чувствах наших почтенных родителей, братьев, сестер и в своих собственных, она затем передала мне содержание своей беседы с госпожой Парангон и вот что она сказала:

— Когда мы вошли сюда, мадам снова осыпала меня ласками и стала уверять, что я несказанно обрадовала ее, приехав к ней без особых церемоний. — Я принимаю вас, — добавила она, — как дар, ниспосылаемый мне небесами, я хочу заменить вам здесь мать, сестру. Ответьте мне такими же чувствами и нынешний день станет одним из счастливейших в моей жизни. Сердце у меня чувствительное, любить — его насущная потребность; но половина рода человеческого для меня под запретом, раз я замужем, что же касается людей одного со мною пола, то здесь мне судьбой ничего не предложено, кроме этой девушки... Тьенетты, — выговорила она с некоторым уси-

лием. — Сядьте рядом со мной. Вы видите ее; она не совсем то, чем кажется; я ценю ее; она мне приятельница, утешение, она мой единственный друг; подружитесь и вы с ней, она этого заслуживает. Но предупреждаю: скоро мы ее лишимся. Я сожалела бы об этом одна, теперь вы разделите мое чувство. Моя душа ищет единения только с душами чистыми, такими же как у вас, милые девушки... Прелестная Юрсюль, вы не будете жить у тех людей, где собираются вас устроить... нет, не будете там жить... обещайте мне. Предоставьте мне распоряжаться вашей судьбой, пусть она будет в руках вашего самого нежного друга... Вас удивляют, вероятно, мои пылкие чувства, ведь я вас еще совсем не знаю. Сама не понимаю, чем объяснить их, не хочу искать их причину, достаточно того, что они владеют мною, что я люблю вас и что я буду относиться к вам так же, как к моей младшей сестре Фаншетте, которую я нежно люблю. Можете рассчитывать на мое постоянство... А теперь говорите вы; расскажите мне о себе, о своих чувствах... — Я смущена, мадам, вашими милостями. — отвечала наша Юрсюль, — единственное мое желание — отблагодарить вас за них и оказаться достойной вашей доброты. Слушаться вас будет для меня законом.

Не знаю, — продолжала сестра, — чем мой незамысловатый ответ так понравился мадам, но она воскликнула, глядя на Тьенетту: — Душа этой девушки соответствует ее прекрасной внешности! — Она поцеловала меня и тут же велела тебя позвать.

Речь Юрсюли, любезный старшой, меня прямотаки ошеломила. У меня в голове такой сумбур, что я уже ничего не понимаю: Тьенетта достойна уважения! Она подруга, утешение хозяйки! Как видно, госпожа Парангон обманывается насчет этой девушки, она ничего не знает о новых выходках мужа, она имела в виду только старые, когда говорила, запинаясь, и когда ее слова казались мне вполне ясными. Неужели добродетель всегда будет жертвою лицемерия? Это великое счастье, что Юрсюль станет другом госпожи Парангон, сестре не найти женщины более добродетельной, покровительницы более почтенной. Но стать подругой Тьенетты! О, какая бездна — сердце женщины! Но подумай, прошу тебя: достаточно какого-то злополучного влечения, чтобы развратить нас! Не соверши Тьенетта ошибок, так Юрсюль должна бы гордиться дружбой с нею; не страдай господин Парангон такой жаждой не любви, но женщин, у него не было бы существен-

ных недостатков; но именно это его неуместное, непреодолимое влечение ведет его к кутежам (которые ничуть не беспокоят господина Годэ, как он сам утверждает), к пьянству и карточной игре, за которой он скучает; именно из-за этого извращенного влечения он и стал безразличным к несравненной прелести своей супруги... Да, брат, как я ни увлечен мадемуазель Манон, будь ее кузина девушкой и осмелься я рассчитывать... Но ты запретил мне даже помышлять об этом. Возвращаюсь к тому, что она сказала сестре.

К великому своему удивлению, я вижу, что госпожа Парангон не желает, чтобы Юрсюль жила вместе с моей невестой. Правда, она не знает о том, в каких я отношениях с мадемуазель Манон. Ну что ж, все-таки мне хотелось бы, чтобы все делалось так, как желает госпожа Парангон, поэтому умоляю наших любезных родителей ни в чем не противиться ее воле. Огорчить госпожу Парангон! Я, кажется, предпочел бы смерть... Это такое сердце!.. Такая прекрасная душа!... То же самое я сказал и сестрице...

Госпожа Парангон ни за что не хочет, чтобы Бертран отправился домой сегодня же, хотя я и напомнил ей, что его ждет коляска. Поэтому я откладываю письмо и закончу его вечером.

Странные существа — женщины! Проявите по отношению к ним почтительность, покорность или просто выкажите доверие — и они сразу же злоупотребят этим. Сегодня утром, незадолго до приезда сестрицы, господин Парангон отправился за город (забыл тебе об этом сказать); следовательно, Юрсюли он не видел. Часов в одиннадцать, оставив недописанным это письмо, я спустился в гостиную и застал там госпожу Парангон одну. — Что за прелестная сельчанка там наверху! — обратилась она ко мне, — когда эта девушка появилась, мне почудилось, будто передо мной какая-то нимфа; ее переливчатый голос, скромно потупленный взор, смущение, чистота, сияющая в каждом ее движении, в каждом слове, поразили меня; я не помню, чтобы когда-либо испытывала такое чувство. Побеседовав с нею два раза, я навсегда привязалась к ней. Тьенетта наряжает ее; сейчас вы ее увидите; милая Юрсюль одета скромно, без вычурности, но до чего же она украшает свой наряд! — Я не мог удержаться и ответил: Сударыня, именно так однажды отозвалась о вас Тьенетта. — Вы вместо Юрсюли отвечаете мне комплиментом на комплимент... Но я хочу попросить вас кое о чем. Скажите, никто еще не знает, что ваша сестра

здесь? — Никто, сударыня. — А вы исполните мое желание? — Еще бы, сударыня. По доброте своей вы забываете, что можете отдать мне любое распоряжение. — Эдмон, вы выросли в деревне, и мне хочется верить, что сказанное вами — не пустые слова, как бывает в городе; поэтому я принимаю их всерьез и благодарю вас. — Сударыня, — ответил я, — благоволите всегда помнить, что исполнять ваши приказания для меня... — Надо устроить так, — прервала она меня, — чтобы господин Парангон не знал, что ваша сестра здесь и чтобы он ее не видел; никто не должен об этом знать, кроме нас, то есть кроме вас, Тьенетты и меня, — решительно никто. Я требую этого от вас. — Я совершенно обомлел и не знал что ответить; она продолжала: — Завтра же она уедет к моей тете, которая очень любит меня; тетя станет для нее другом, и я не буду ее к тете ревновать, а ко всякой другой ревновала бы. Вы поняли меня? Так и скажите вашим родителям: Юрсюль принадлежит мне, она на это согласна, она моя, ну и ваша тоже, конечно. Сейчас она пообедает наверху с вашим братом, а вы — тут, со мной. Днем мы побываем у нее, но я хочу скрыть ее от всех домочадцев. Загляните к ней на минутку и возвращайтесь к столу.

Есть тут чему дивиться, чему изумляться, любезный старшой! Я рассчитывал, что сестра, подружившись с мадемуазель Манон, с ее матерью, пособит мне в деле женитьбы... Тут нелепица какая-то! Подумай: я буду женат, буду видеться с сестрой, как же мне скрыть ее от жены? Для этого надо бы жить в каком-нибудь огромном городе вроде Парижа. Да и к чему вся эта таинственность? Право же, каждая женщина — только женщина и госпожа Парангон не лучше остальных... Рука моя дрожала, когда я писал эти слова, я будто кощунствую, понося это небесное создание. Конечно, то, что она сказала Юрсюли, властность, с какою она уже поко рила ее ум, — все это меня смущает, удивляет, не позволяет мне роптать. Войдя к Юрсюли, я заметил, что глаза у нее красные словно она плакала; вместе с тем мне показалось, что она в прекрасном настроении. Она сказала, взяв меня за руку: — Братец, едучи сюда, я еле сдерживала радость при мысли, что с каждым шагом приближаюсь к тебе, а ведь я и не подозревала, что здесь меня ожидает другая радость, которую ты же приготовил мне, сам того не зная. Друг мой, ты отверз для меня два сердца, узнать которые было не трудно... и в миг мое собственное забилось в лад с ними... — Она

помолчала, глядя на меня, потом добавила: — Эдмон, все, что мадам тебе сейчас сказала, вполне разумно; размышлять тут нечего, ибо, скажу тебе, нам с тобой выпало великое счастье, что мы нашли такого добродетельного друга... Не будь ее, город... как о нем говорят... мужчины... женщины... все страшило бы меня... — Она взглянула на младшего брата: — Ступай, милый Бертран, возвращайся в деревню, и не поддавайся соблазну покинуть ее; тебе не выпадет такого счастья, как Эдмону. Я последовала бы за тобою, я отреклась бы от всех благ, которые мне здесь сулят, не найди я тут доброй руководительницы, которая только и думает, что о благополучии Эдмона и о моем; здешняя хозяйка для меня — покровительница, которую я уже полюбила как родную мать. — Это колдовство какое-то! — невольно воскликнул я, — и у сестры, и у брата словно одни глаза, одно сердце!.. — Позади меня появилась Тьенетта; она подала кушанья и села обедать вместе с Юрсюлей и Бертраном, а мне сказала, что внизу уже садятся за стол. Я отправился туда.

Как только мои однокашники вернулись к своим занятиям, госпожа Парангон повела меня к сестре. Не успели мы войти в комнату, как появилась Тьенетта и доложила, что пришла ма-

демуазель Манон. Госпожа Парангон смутилась, Юрсюль залилась румянцем. Они переглянулись. После минутной нерешительности первая попросила меня пойти побеседовать с ее кузиной и под предлогом хорошей погоды пригласить ее в сад, а сама она, сестра и Бертран отправятся к госпоже Канон (так зовут ее тетушку, о которой она мне говорила), куда и мне надлежит прийти, как только я освобожусь. Я полетел к своей обожаемой невесте. Ты не можешь себе представить, как мне было тяжело притворяться и скрыть от нее приезд моей сестры, особенно временами, когда она как никогда выказывала мне нежность, доверие, привязанность... О, теперь моя любовь к ней — до гроба, любезный Пьер! Она подумала, что я в доме один, и сама предложила погулять в саду. Мы сели у виноградной лозы, на которой были оставлены самые крупные кисти муската. Пока мы беседовали, Манон с жадностью поглядывала на них. Она высвободила свою руку из моей и отвечала мне невпопад. — Что с вами? — спросил я, улыбнувшись. — Разве вы не видите, что мне хотелось бы... — Чего? — Не догадываетесь? — при этом она бросила на виноград быстрый взгляд и тотчас же потупилась; на глазах ее я заметил слезинки. Я тотчас же поднялся, сорвал самые

спелые гроздья и положил их ей на передник. Она не могла скрыть своей радости; с каждой веткой, которую я подавал ей, она говорила: — Еще! Мне хочется еще! — Она с жадностью скушала две ветки, а ягоды с третьей одну за другой подала мне. Остальные ей уже не были нужны, и она попросила меня убрать их с глаз долой. Я нашел это несколько странным, но мне доставляло бесконечное удовольствие исполнять ее прихоти. Потом мы разговорились, как ты увидишь ниже.

— Кузен в деревне, — сказала она. — Да, он уехал утром. — Знает ли кто-нибудь, куда он отправился? — Я не знаю, мадемуазель; но мадам... — Она резко перебила меня: — Мадам тоже не знает. — А что нам до его поездки? — сказал я, смеясь. — Когда я возле вас, меня уже ничто не волнует. — Мне приятно, когда вы так говорите, Эдмон; но, заговорив о поездке кузена, я имела в виду именно вас: ведь господин Парангон отправился к вашим родителям. Мы будем счастливы, я начинаю верить в это; до сих пор я не решалась надеяться; но вы сохранили тайну, и это поможет осуществлению наших намерений. Остерегайтесь кузины: госпожа Парангон женщина причудливая, своенравная; это ее единственный недостаток, не будь его — она была бы

совершенством. Мы с господином Парангоном хотели бы, чтобы она узнала о нашем браке лишь в самый день свадьбы. — Пусть будет по-вашему, согласен, — отвечал я, — однако к чему таиться от нее? Я знаю, что она любит вас. — Мне тоже так кажется... однако... иногда ей приходят в голову странные мысли... Сказать? Я несколько виновата перед нею, признаюсь вам в этом, как другу... Ах, зачем я не узнала вас раньше!.. Я искренне люблю вас; пусть тайна наших сердец останется между нами, если о ней узнает кто-то третий, кто бы он ни был... понимаете, кто бы он ни был... вы лишитесь меня... Через несколько дней мы безраздельно будем принадлежать друг другу... и вы сами понимаете, что в этом вопросе никто не принимает ваших интересов так близко к сердцу, как я. Итак, верьте в любовь чистую, самоотверженную, но не верьте в бескорыстную дружбу. — Но ведь я вас боготворю, прекрасная моя возлюбленная, — так к чему же такие речи; они смущают меня. — Да рассеет поцелуй это смущение. Ах, Эдмон, будь ваше сердце таким же как мое, одно-единственное слово могло бы навеки утвердить наше взаимное уважение... Но вы еще не знаете жизни. Неужели нельзя обрести в одном и том же существе и вашу душевную

чистоту и отсутствие предрассудков... правда, обоснованных... но обоснованных, впрочем, на пустяках... Несчастная я! — Вы несчастная? Вы, дарующая мне такое блаженство, никогда не будете несчастной! Любезная Манон! — Должна признаться вам, Эдмон, что вы не первый тронули сердце, которое ныне обожает только вас. — А вы любите меня? — Больше жизни. — Раньше, когда я жил в деревне, ваше признание огорчило бы меня, но теперь, раз вы любите меня одного, я ничего другого и не желаю. — Какое доброе предзнаменование! Значит, вы не станете ревновать, узнав что... привязанность (совсем другого рода, чем к вам)... — Уже после того как вы полюбили меня? — Что вы, я заслуживала бы презрения... — Что ж, если теперь вы любите меня одного, — я счастливейший из смертных. — В таком случае, возлюбленный мой, у меня не должно быть от вас никаких тайн... Я хочу, чтобы источник ваших чувств был совершенно чист. Так знайте же... Но прежде я хочу дать вам клятву, которую никогда в жизни не нарушу... Клянусь... Но когда пелена будет разорвана и все обнаружится... будете ли вы все так же любить меня? — Со своей стороны, клянусь всем, что есть святого... — отвечал я. — Хорошо, — сказала она.

Верить ли мне было своим глазам, любезный брат? Манон, гордая Манон хотела, показалось мне, опуститься передо мной на колени! Движение это промелькнуло как молния. Я удержал ее в своих объятиях, усадил на дерновую скамью и принял то положение, которое куда больше подобает мне, чем ей. Она обняла меня: — Ты любишь меня, — пролепетала она, — повторяй мне это без конца; тогда я, быть может, поверю, что так оно и есть... супруг мой... будь моим другом... другом нежным, снисходительным, прости мне ошибку... которая мне самой мерзка...

Тут мы услышали чьи-то шаги. Я встал и увидел отца д'Арраса; он направлялся к нам. Он приехал из Сенбри нарочно, чтобы повидать нас. Мы с Манон пошли ему навстречу. Казалось, он в восторге от того, что видит нас вместе. По-видимому, господин Парангон, проезжая мимо, сообщил ему под секретом о предстоящем нашем браке, ибо он дал нам несколько отличных наставлений относительно супружеского долга. То, как мы внимательно слушали его, показалось ему добрым предзнаменованием: он вскользь сделал мадемуазель Манон несколько очень тонких комплиментов; она мило покраснела и, чтобы скрыть от меня свое смущение, попросила со-

рвать прекрасный цветок, который еще цвел на некотором отдалении. Не знаю, о чем она просила доброго пастыря, но, возвращаясь с цветком, я услышал его слова: — Ни в коем случае делать этого нельзя. — Вероятно, он разрешил какое-то ее сомнение. Почти тотчас же Манон ушла, а добрый наставник отправился к вечерне, я же побежал к тетушке госпожи Парангон.

Я застал сестру и ее новую покровительницу тихо беседующими в гостиной, в другом углу сидела добрая госпожа Канон с Бертраном. Меня упрекнули, что я заставляю себя ждать. Я ответил, что к нам в сад зашел отец д'Аррас. Мой ответ был встречен благосклонно. — Итак, дорогой Эдмон, как же подвигаются дела? — спросила добрая госпожа Канон. — Подвигаются медленно, сударыня. — Не все сразу, дитя мое! Однако остерегайтесь штиля и туманов, — у каждого свои виды. Когда кошка нагадит, она засыпает грех землей. Воробей вьет гнездо в гнезде ласточки. Кукушка откладывает яйца в гнездо зеленушки. Льстит нам человек — значит обмануть собирается. Недоверие — мать благополучия. Поняли? — Отлично понял, сударыня. Все, что вы говорите — истинная правда, ведь все это поговорки. — Слушайтесь моей племянницы, она превосход-

ная женщина. Понимаете? Слушайтесь ее... Что уж и говорить, восемнадцатилетний парень соглашается, чтобы его взнуздали! Занятно видеть, как женят ребенка! Но знайте: женщины — товар обманчивый. Нет жены — купил бы, есть жена — убил бы. Я была женщиной (в моем возрасте уже перестаешь быть женщиной) и знаю женщин, они обводят мужчин вокруг пальца! Ах, змеи подколодные! Я знала, да и сейчас еще знаю таких, что... — К счастью, госпожа Парангон и сестра, подойдя, прервали ее разглагольствования, а не то на меня снова обрушился бы целый поток поговорок. Оказывается, со времени приезда Юрсюли тайна моего брака уже перестала быть тайной, о нем много болтают, причем неодобрительно. Утешает меня лишь мысль, что сестра не знает о том, как скоро он должен совершиться. Но мне очень тяжело, что госпожа Парангон начинает замечать, что я от нее что-то скрываю. Эта мысль не дает мне покоя. А все-таки прежде чем на что-либо решиться, я дождусь возвращения господина Парангона.

Вот сколько новостей, любезный мой Пьерро, а ведь до конца еще порядочно. В дальнейшем предвижу немало дрязг. Но решение мое бесповоротно.

P. S. Юрсюль осталась у госпожи Канон — госпожа Парангон хочет, чтобы она жила там.

ПИСЬМО XXV

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Хитрость господина Парангона

Из твоих писем я понял, что теперь больше не начинают письма как встарь словами: «В первых строках моего письма...» и т. п. Поэтому и я не буду их употреблять.

Едва я вернулся, любезный Эдмон, домой, проводив Юрсюль с Бертраном до вершины пригорка, как к нам пожаловал твой хозяин, добрейший господин Парангон; он приехал, чтобы уговорить наших родителей отправиться завтра же вместе с ним на твою помолвку с мадемуазель Манон. Будет одно только оглашение в воскресенье, а двух других вообще не будет, чтобы можно было обвенчаться во вторник на будущей неделе. Поэтому я, любезный братец, и посылаю тебе тайком от родителей это письмо с Жорже, чтобы ты их встретил на опушке леса. Батюшка будет верхом, а матушка в обычной

повозке, ибо лошади, с которыми уехала Юрсюль в крытом экипаже, вернутся только вечером и им надо будет отдохнуть. Матушка, пожалуй, устанет, проехав четыре лье без остановки, но я позаботился о ней: скажу тебе по секрету, что я распорядился построить шалаш из ветвей орешника и граба и украсить его лозами с кистями винограда, которые я нарезал собственноручно. Шалаш устроен на опушке Прованшерского леса, в том самом месте, до которого я тебя проводил, когда ты отправлялся в город; с тех пор этот уголок всегда как-то умиляет меня, и мне там всегда становится и грустно и вместе с тем радостно. Завтра спозаранку я отправлю туда кое-что из провизии; люди, которые привезут ее, уедут по другой дороге, как только ты появишься, а ты сядь у входа в шалаш и, когда батюшка с матушкой и господин Парангон подъедут, ты сыграй на флейте ту песенку, что любит матушка. Они весьма удивятся, а я притворюсь, будто тоже очень удивлен, а им все это будет очень приятно и они среди этой унылой природы приятно подкрепятся. Об одном только сожалею, любезный братец, что мне не удастся быть свидетелем твоей свадьбы. В отсутствие батюшки дом будет на мне, надо следить за молодым вином и позаботиться о севе

пшеницы; как ты сам знаешь, сейчас такая пора, когда каждый час на вес золота, упустишь погожий день, так его потом, пожалуй, и не нагонишь. Зато Мари-Жанна согласилась быть на твоей свадьбе вместо меня, и родители отпускают ее; раз меня там не будет, значит никаких сплетен на ее счет распускать не придется. Будут у тебя также все наши братья и сестры — те, что в состоянии совершить такое путешествие, но, кроме Кристины и Марианны, они отправятся лишь за двое суток до твоего торжественного дня; батюшка велел ехать Жорже и Бертрану, а из сестер, помимо Кристины и Марианны, Брижите, Мартоне и Клодине; значит, со мной останутся только Огюстен-Николе да малыш Шарло с Бабеттой и Катишей — все они страсть как обижены; они упрашивают матушку, плачут, хитрят как умеют; они даже ходили просить господина Парангона и он соблаговолил замолвить за них словечко. Но стоило только батюшке бросить взгляд, — ты знаешь, как он может строго взглянуть, — и вся эта суета прекратилась. Мы все проводим родителей до полдороги, до того самого места, где шалаш; тут останется только Жорже, он вызвался стеречь дом вместо меня, — ты ведь знаешь, какой он добряк. Должен сказать тебе, любезный Эдмон,

что я не думаю, чтобы Мари-Жанна и наши сестры, несмотря на свои душегрейки и деревенские наряды, не понравились бы в городе. Господин Парангон все восхищается ими; главное, говорит он, ему не терпится увидеть Юрсюль. Желаю тебе, друг мой, исполнения всех твоих желаний и целую твою дорогую нареченную и поручаю тебе с Юрсюлью Мари-Жанну; вы ведь знаете, какая она застенчивая. Хорошо бы, если и мадемуазель Манон оказалась завтра в шалаше, да это дело невозможное.

ПИСЬМО XXVI

В тот же день, что и предыдущее

ОТ ГОСПОДИНА ПАРАНГОНА К МАДЕМУАЗЕЛЬ МАНОН

Вот что готовил он моему брату

Мои хлопоты удались как нельзя лучше; эти славные люди бывают готовы на все, когда вообразят, что речь идет о выгоде для их детей. Так что же, капризница, сдержал я слово или нет? Правда, — не отрекаюсь, — я всего лишь выполняю свой

долг, а все-таки разве ловкость и пыл, с какими я действую, не заслуживают благодарности? Я не употребил бы этого слова, в котором звучит как бы упрек, если бы с некоторых пор не замечал с твоей стороны сдержанности в отношении меня. Не думаю, чтобы такая стреляная птичка, как моя очаровательная кузина, позволила похитить свое сердце птенцу, которого мы столь успешно заманиваем в ловушку. Во всяком случае, одно не должно мешать другому. Впрочем, ты меня понимаешь. Советую тебе поехать навстречу этим добрым людям, это очень важно. Они не привыкли к вежливости и будут от такой встречи в восторге; мы их приберем к рукам и они лишь со временем увидят гордую Юнону; твое обольстительное личико окончательно заманит их в наши сети, не говоря уже о твоих обычных милых словечках и непорочном виде, которые так очаровывают светских людей, а деревенских и подавно покорят. Я все устроил для ускорения обряда, но черт хитер, а женщины еще хитрее (не в обиду тебе будь сказано) и тебе это известно по собственному опыту. Твои прелестные проделки куда тоньше тех, о которых так занятно рассказывают Боккаччо и Лафонтен. Но я сделал все, что представляется мне необходимым. Мамаша

по-прежнему злится, не правда ли? Что ж, тем хуже для нее! Все же она хорошая женщина, шумит не так уж громко и на людях скрывает свои невзгоды. Прощай, цыпочка. Но будь со мной пооткровеннее: смазливому шалуну не под силу изгнать меня из твоего сердца.

P. S. Его сестра Юрсюль в городе, ты, вероятно, ее видела; здесь очень расхваливают мордочку этой Волчицы (прости мне дурной каламбур, но имя ее и значит «волчица»). Говорят, она самая красивая из здешних девушек, а они тут как на подбор.

ПИСЬМО XXVII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я замечаю, как он меняется

Мне не удалось сказать тебе кое-что во время нашей встречи, поэтому берусь за перо. Прежде всего скажу, что я был очень удивлен (приятно), что мадемуазель Манон тоже оказалась в шалаше вместе со своей матушкой и сестрой, но никак не могу уразуметь, как могли эти дамы не видеть Юрсюль? Когда они мне это сказали, я еще не распечатал твоего письма, которое только

что получил; а прочтя его, я удивился не менее, хотя и в другом смысле. Что *это такое* значит и что *это такое* замышляет госпожа Парангон? А ты так сразу и слушаешься женщины, которая тебе никто? Что же плохого было бы, если бы Юрсюль приехала навстречу родителям вместе с этими дамами? Тут ты, друг мой, промахнулся. Вдобавок, сдается мне, ты пишешь как-то презрительно и небрежно; выходит, что твоя Суженая сама с тобой заигрывает. А ведь ты видел, как обрадовалась наша добрая матушка, как она ее приласкала, как называла своей любезной дочкой, как не отпускала от себя. Ты видел, как эта милая и пригожая барышня приголубила Кристину и Марианну и как она ласково с ними говорила, и с каким веселым и довольным видом слушал ее батюшка, который не очень-то любит всякие такие штучки. Когда мадемуазель Манон у тебя спросила, почему не видно Юрсюли, ты что ответил? Томным взглядом — вот и все, а она им все-таки удовлетворилась. Она даже ответила за тебя нашему отцу, который задал тебе тот же вопрос. По-моему, ты сильно изменился. Ты по-прежнему чистосердечен, порукою тому твои письма, а все-таки кажется, что ты уже не такой. Видно, тут город сказывается и ты в этом не ви-

новат. Друг мой, оставайся таким, каким я тебя знал, не меняйся, дорогой мой; ежели человек хорош, он может измениться только к худшему. Я деревенщина, мужлан, но, черт возьми, я хочу быть хорошим братом, хорошим мужем, хорошим сыном и со временем — хорошим отцом. Вот как я улещаю Мари-Жанну. Я никогда не расхваливаю ее внешность; даже не будь на свете зеркал женщина всегда лучше всякого знает, что у нее красиво. А я беру ее за руку, но не целую руку, как ты, а говорю: Мари-Жанна, ты девушка старательная, когда мы поженимся, ты станешь примерной хозяйкой, ты любишь родителей и будешь любить детей, которых пошлет нам бог, и они будут тебя любить, ты воспитаешь их хорошими подданными; мы будем жить в согласии, потому что ты кроткая, а я тоже не злой. Все мне в тебе нравится, Мари-Жанна, от головы до ног; не потому, что ты красивее других, но ты опрятная и все тебе к лицу. Ты малость привередлива в еде, ну и тем лучше, вкуснее будешь кормить своих; ты не потерпишь, чтобы даже пса побили, детей ты станешь воспитывать ласково, и выговоры твои будут мягкие, ты будешь поощрять ребятишек своей милой улыбкой. Ты очень набожна, и это тоже хорошо, обо мне-то этого сказать нельзя;

но я почитаю господа и молюсь и утром, и на ночь за батюшку, за матушку, за братьев и сестер, за себя самого, наконец, и тебя не забываю. Ты не любишь духовенства и тут ты права; женщина должна смотреть на пастырей, не разговаривая с ними, и разговаривать с ними, не глядя на них, то есть видеть их только в алтаре, а разговаривать с ними только на исповеди. Итак, Мари-Жанна, нам вместе будет хорошо.

С этими словами я расстаюсь с ней и замечаю, что она провожает меня взглядом до последней возможности, а стоит мне совсем обернуться — и она сразу потупится и застыдится. Теперь, когда ты вкусил городских лакомств, тебе все это покажется пустяками; так-то вот в городах у вас и притупляется чувствительность. Что же касается тебя, любезный Эдмон, то мне думается, что тебе выпало великое, редкостное счастье, теперь остается только хорошенько заслужить его, и ты, надеюсь, его заслужишь. Прошу тебя сообщать мне обо всем, особенно же о причудах госпожи Парангон, суть которых мне непонятна, но, сдается мне, тут что-то плутует Тьенетта. Главное, помни, что жена должна для тебя быть дороже всех друзей и всех подруг. Чуть было не забыл сказать тебе словечко касательно доброго

отца д'Арраса: пусть он будет твоим другом, понимаешь, а не другом твоей жены; когда женщина хороша как мадемуазель Манон, так для монахов это один соблазн, как бы они набожны ни были; поэтому ходи к нему ты, а ему ходить к тебе не след, — так я считаю. Прощай, любезный братец, пиши и до и после свадьбы твоему верному до гроба другу.

ПИСЬМО XXVIII

19 октября

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он чует какой-то обман

Любезный старшой, когда жестокая буря треплет ветви орешника у нас на вершине холма, они все же не так содрогаются, как сейчас содрогаются мой ум и сердце. Когда я увидел тебя в шалаше, тайные предчувствия уже отравляли мне встречу с тобой. Мне кажется, что с моей женитьбой все происходит не так, как у других. Родители приехали в пятницу, в воскресенье было оглашение, а во вторник, в виде исключения,

нас обвенчают. Родители едва успеют поговорить со мной; ими совсем завладели другие — то отец д'Аррас, то господин Парангон, то господин Годэ. Только что приехавших братьев и сестер устроили в удобном доме в предместье, который принадлежит матери моей невесты, но там они ни с кем не могут видеться, кроме членов семьи госпожи Палестин; более того, я и сам уже не вижу госпожи Парангон — муж отправил ее в деревню. Она увезла туда с собой Юрсюль и наши дорогие родители уже не выражают желания, как в первые два дня, повидаться с этой дамой и с дочерью; Тьенетта и та находится при хозяйке. Тут что-то кроется и я очень смущен и встревожен; как только моя любезная Манон оставляет меня наедине, меня охватывает нестерпимая грусть... Признаться тебе? Я завидую тому, как вы с Мари-Жанной любите друг друга. Прелестная девушка, которая вскоре будет мне сестрой, сидит возле меня, я говорю ей, что пишу тебе... Сейчас я попрошу ее сделать здесь приписку... Она не решается. О милая застенчивость! Она отказывается написать хоть словечко, как я ни убеждаю ее, что оно придаст письму особую ценность. Но вот вошла матушка и велит ей написать. Читай же, любезный брат, и припади лобзанием к этим

бесценным строкам:

«Пьер, простите меня, что я осмеливаюсь вам писать, но так пожелала ваша добрая матушка и я исполняю ее волю. Теперь вы один и все заботы на вас; берегите себя, прошу вас, я ведь знаю какой вы и как изнуряете себя работой. Вашей доброй матушки нет при вас и некому теперь позаботиться, чтобы вам было тепло, когда вы возвращаетесь домой, и чтобы подать вам стакан вина и чтобы дать сухое белье на смену. Мне, может быть, не следует так много рассуждать, но я рада, что мне велели написать эти строки, потому что я могу вам это сказать. Кланяюсь вам, Пьер, и желаю, чтобы была хорошая погода, тогда работать куда легче.

Мари-Жанна С.»***

Я думал, друг мой, что приписка будет ласковей... Впрочем, что я! Чего же еще надо, ведь только о тебе и речи!

. . . . . .

Меня прервал отец д'Аррас, он нас всех пригласил гулять, потом повел в свой монастырь и, с позволения приора, женщины вошли в сад; там нам предложили угощение. По правде говоря, все эти знаки внимания меня смущают. Вечером он должен с нами ужинать. Он наговорил много

лестного о моей нареченной, и мы с удовольствием слушали его. На обратном пути он побеседовал со мной отдельно и коснулся таких вопросов, в отношении которых я всегда придерживался совсем другого мнения. Речь зашла о ревности; он поведал мне о весьма странных нравах некоторых народов, причем подкреплял эти исторические сведения такими убедительными доводами, что я сознавал, что здравый смысл на его стороне, хотя все это мне еще противно. (Господин Годэ, человек очень ученый и владелец превосходной библиотеки, обещал дать мне почитать ту книгу, о которой говорил отец д'Аррас.) Во время этой беседы, когда мы пересекали дорогу в Сеньелэ (где находится госпожа Парангон с Юрсюлей и Тьенеттой), навстречу нам попался какой-то паренек, он так пристально на меня посмотрел, точно мы с ним знакомы, а на некотором расстоянии он раза два-три обернулся. Я чуть было не пошел вслед за ним, чтобы расспросить, кто он такой, но из уважения к отцу д'Аррасу сдержался. Когда мы возвратились, моя нареченная пришла за нашей матушкой и сестрами и увела их к своей матери. Я воспользовался этим временем, чтобы закончить письмо и поразмыслить в одиночестве, а подумать есть о чем.

ПИСЬМО XXIX

На следующий день

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Он раскрывает готовящийся обман

Читай, брат, читай и, если можешь, сдержи свое возмущение, я же не в силах совладать с обуревающим меня негодованием... Читай:

Письмо от госпожи Парангон к Эдмону

«Теперь уже не время скрывать что-либо, сударь. Зная, в каких Вы обстоятельствах, я считаю, что молчать было бы с моей стороны преступлением. Вас обманывают, собираются Вас обесчестить: Манон... (но не говорите никому о том, что я Вам открою), Манон беременна... да... беременна от моего мужа. Вот причина той поспешности, которая, конечно, не может не удивлять вас. Меня удалили, ибо я все знаю, а всем известно, как хорошо я к Вам отношусь. Юрсюль не вызывают потому, что я с ней очень подружилась и это дает основание думать, что

я от нее ничего не скрываю. Я велела Тьенетте перерядиться, чтобы она могла добраться до Вас, и она Вам расскажет подробности; верьте этой милой девушке, она Вам откроет все, что знает о Манон, расскажет лишь потому, что я ей так приказала. Но держите все в тайне, не позорьте мою кузину в глазах Ваших родителей; моя цель — спасти Вас, а вовсе не губить ее. Я намечаю для Вас другую партию в будущем, когда Вам уместно будет обзавестись семьей; та девушка Вам полюбится, я в этом уверена. Пусть эта сладостная надежда служит Вам утешением. Я люблю Вас так же, как и Вашу сестру, как самое себя. Будьте здоровы, любезный мой Эдмон. Юрсюль целует Вас. Исполните все, что Тьенетта Вам скажет. Но остерегайтесь господина Годэ, кузена Манон, — он не избегал бы меня, будь у него добрые намерения».

Любезный брат, эту записку мне только что передал паренек, который, видимо, искал случая повидать меня и воспользовался тем, что я один вышел из дому. Он сказал, чтобы я завтра рано утром пришел в тир. Оказывается, это Тьенетта, а я ее и не узнал! Прощай. Посылаю тебе это письмо, а также вчерашнее с разносчиком, который сейчас отправляется к Вам. Завтра напишу еще.

ПИСЬМО XXX

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Он убеждается в своей ошибке насчет Тьенетты и у знает, кого он видел со своим хозяином в обличии Тьенетты

Счастливец Пьерро, Мари-Жанна оберегает тебя от опасностей, которые мне грозили и которые все еще приводят меня в трепет! Вчера в шесть утра я был в тире. Там меня поджидал молодой человек или, лучше сказать, Тьенетта. С мрачным, растерянным видом подхожу к ней; стыд совсем придавил меня. — Что это? Такое уныние из-за утраты того, что вы вовсе и не любите! — воскликнула Тьенетта. Я взглянул на нее с удивлением. — Нет, вы не любите ее, — продолжала она, — вас ослепляли ее молодость и кокетство — только и всего. Поверьте, вам дорога другая... Пойдемте, давайте спокойно поговорим; вот там, за изгородью нам никто не помешает... Я все прочла в вашем сердце, Эдмон; ко мне вы уже давно охладели. У вас зародились насчет меня обидные подозрения, но если бы речь шла только о моем самолюбии,

я никогда не решилась бы рассеять их, показать вам всю эту трясину подлостей и гнусностей... Начну, однако, с самого начала.

История Тьенетты

Как вам известно, я из Аваля. Когда отец господина Луазо переехал из Клам*** в наш городок, у него было два сына и дочь; девушка стала моей подругой и источником всех последующих моих невзгод. Видясь с ней каждый день, я подружилась также и со старшим из братьев. Юноша этот получил превосходное образование; он всегда бывал в высшем обществе — будь то в Дижоне, будь то в Париже; несмотря на свою молодость, он стал воспитателем сына начальника первого из этих двух городов. Воспитанник его умер и он вернулся под родной кров. От окружающих юношей он отличался мягким нравом, чувствительным сердцем, добродетельным образом жизни. Мои родители охотно принимали его у себя. Мы с ним, сами того не сознавая, тесно сблизились, а у Терезы Луазо тем временем началась постыдная связь с чиновником податного ведомства. Он был развратник и как только узнал в каком положении оказалась его доверчивая возлюбленная, поспешил скрыться. Вам известны нравы наших

захолустных городков: мои родители, и особенно отец, строго-настрого запретили мне видеться с кем-либо из этого семейства. К стыду своему признаюсь, что у меня недостало сил подчиниться такому распоряжению. У родителей возникли на этот счет подозрения и было решено выдать меня замуж, даже не спросив моего согласия, за первого же кто ко мне посватается. Я вообще не хотела замуж, но будь я даже расположена к послушанию, подвернувшийся жених оказался человеком столь отвратительным, что хуже и быть не может. Я узнала обо всем стороной и решила уйти из дома — не для того, чтобы принадлежать господину Луазо, а просто чтобы избежать ненавистного. Возлюбленный мой не только не обрадовался этому решению, но сначала даже стал отговаривать меня и я с трудом убедила его, что это шаг необходимый.

Уйдя из-под родительского крова, я прожила неделю в глухой деревне, притворяясь больной; чтобы двинуться дальше, я дожидалась знака господина Луазо — он должен был меня уведомить, что люди, погнавшиеся по моим следам, возвратились домой. Я приехала сюда, никого здесь не зная, как и меня никто не знал. Остановилась я на невзрачном постоялом дворе, хозяин которо-

го, по имени Туранжо, раньше, когда господин Парангон служил в армии, был у него денщиком, а потом стал его слугою; господин Парангон всегда очень любил его, скажу вам даже, хоть это и несколько странно, что в доказательство своего расположения, он женил его на горничной, в которую до своей женитьбы сам был влюблен. Я сказала хозяйке постоялого двора (той самой женщине, которая раньше находилась в связи с господином Парангоном), что приехала, чтобы поступить в услужение. Как только я призналась в своем намерении, — а догадаться о нем по моему платью и повадкам было трудновато, — со мной стали обращаться гораздо проще. Вечером мне захотелось лечь спать пораньше; мне сказали повременить и что ужинать я буду за общим столом; постояльцев я не видела и поэтому согласилась; но, когда стали садиться за стол, в комнату вошел какой-то горожанин, которого встретили с большим почтением. Он сказал, что поужинает с нами, а место его оказалось рядом со мной. Я сразу поняла, что меня принимают за искательницу приключений; я страшно смущалась, а когда начались вольные речи, я собралась встать из-за стола и удалиться. Тут господин Парангон (а это был он) обнял меня,

чтобы удержать. Я стала отбиваться так решительно, что мне удалось вырваться и уклониться от его бесстыжих ласк. Судите сами, в каком я была смятении. Хозяин с хозяйкой высмеивали мои страхи и неприступность, они грубо намекали, что вряд ли я всегда была такой недотрогой, однако сказали, что оставят меня в покое. Я расплакалась и попросила проводить меня в комнату, которая мне предназначена. Господин Парангон, как я заметила, знаком показал, что не возражает, чтобы меня туда отвели. Я трепетала, находясь в этом проклятом доме. К счастью, мне дали лампу, полную масла, и я решила всю ночь не смыкать глаз, а дверь заложить мебелью. Такая предосторожность оказалась нелишней. Часов в одиннадцать мне послышался шорох — он доносился со стороны алькова. Я в ужасе попятилась, но затем, когда шорох прекратился, у меня хватило мужества подойти к алькову, чтобы проверить собственными глазами. Едва я откинула полог, как меня обхватили чьи-то сильные руки; лампа выпала у меня из рук. Я пронзительно закричала; но на подлеца это никак не подействовало, он понес меня на кровать и всячески пытался довести меня до изнеможения. В эту минуту кто-то резко постучался в дверь; подлец, державший меня на

руках, мгновенно скрылся через потайную дверцу, оказавшуюся в алькове. Совсем обессилев, я с большим трудом села на кровати. Это меня спасло: я успела обдумать свое положение. Прежде всего я поспешила задвинуть щеколду, которая имелась на потайной дверце, затем я крикнула стучавшему, что решительно никого не впущу в комнату, пока не рассветет, раз покушавшийся на меня негодяй скрылся, а обе двери я заперла изнутри. Некоторое время было тихо, но мне почудилось, что за дверью кто-то перешептывается; в конце концов хозяйка громко спросила во сне ли я испугалась или действительно что-то произошло; она настоятельно посоветовала мне уснуть и удалилась. Остальная часть ночи прошла спокойно. На утро, спустившись вниз часов в восемь, я застала там много народу. Я спросила сколько с меня причитается, так как решила переехать в другое место. Хозяйка стала передо мной извиняться; она уверяла, будто все делалось только для того, чтобы испытать меня; теперь она убедилась, что я честная девушка; она хочет загладить досадные ночные впечатления и доказать мне, что и она порядочная женщина, а потому подыщет мне подходящее место, чего не решилась бы сделать накануне. — А чтобы

рассеять всякое недоверие, вот вам адрес, — добавила она, — идите и представьтесь этой даме; сначала, если хотите, справьтесь, что говорят о ней в городе, и вот увидите, какого мнения о ней люди. — Я взяла адрес, а наведенные мною справки оказались весьма благоприятными; так мое пребывание на постоялом дворе, чуть не погубившее меня, обернулось совсем иначе. Я представилась госпоже Парангон, ей требовалась горничная; муж ее так вел себя, что мою предшественницу ей пришлось уволить. Я ей подошла; но позже она мне призналась, что наняла меня с большой опаской. Вот первая часть моей истории, перехожу ко второй.

Подавая к столу, я немало удивилась, узнав в лице хозяина дома того самого горожанина, с которым я ужинала накануне на постоялом дворе. Я еще не умела притворяться и с перепугу сочла нужным все рассказать моей молодой хозяйке. Добродетельная женщина ответила мне так: — Милая деточка, надо быть осторожной; не следует все высказывать; вы могли бы вести себя здесь разумно и вместе с тем оставить меня в неведении относительно слабостей моего мужа. Но раз зло уже совершено, мне остается только извлечь из него возможную пользу. Я

полагаюсь на вас, Тьенетта; я сразу поняла, что вы честная девушка и воспитаны лучше, чем большинство служанок; поэтому я и возлагаю на вас большие надежды. Старайтесь бывать со мной побольше; для услуг мне было бы вполне достаточно одной девушки, но дело в том, что... Вы милая, мне будет приятно видеть вас возле себя и я постараюсь, чтобы это было взаимно. — Доброта ее меня очень тронула, я почувствовала, что готова открыть ей свое сердце. Я взяла ее руку, поцеловала ее и расплакалась. — Дочь моя, не знаю, что и думать... Неужто именно вы... Встаньте. Какой-то внутренний голос говорит мне, что вы достойны моей дружбы, но сначала познакомимся поближе, этого требует осторожность. — Тут ей пришлось уйти, потому что к ней кто-то пришел. Позже, когда я опять оказалась с ней наедине, эта несравненная женщина, еле познакомившаяся со мной, но уже слышавшая о моем приключении, не задала мне больше ни одного вопроса.

Прошло несколько дней и господин Парангон, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания. Это мнимое спокойствие длилось недолго. В один прекрасный день, когда хозяйка должна была обедать у своей тети, госпожи

Канон, он явился ко мне в комнаты жены. Начал он с самых соблазнительных обещаний и выгодных предложений; затем он сказал, что если я своим упорством превращу его любовь в ненависть, то мне придется горько раскаяться. Я ответила, что исполняю свой долг и поэтому бояться мне нечего. С самого его прихода я не спускала глаз с двери, собираясь убежать, но он стоял так, что я не могла пройти. Наконец, когда он сделал шаг, намереваясь подойти ко мне поближе, мне удалось ускользнуть; до самого возвращения хозяйки я сидела в гостиной, через которую все время кто-нибудь проходит. Господин Парангон был взбешен, тем более что я отказалась исполнять кое-какие его распоряжения, ибо тогда я могла снова попасться в его руки[13]. Когда хозяйка возвратилась домой, он ей на меня пожаловался; та сделала вид, будто очень удивлена моим поведением, слегка меня пожурила и попросила мужа простить меня. Но, как только мы с ней остались наедине, она сказала: — Я все вижу, деточка; ты мне очень нужна. Ничего не говори мне про господина Парангона; лучше расскажи о себе. Кто твои родители? — В

[13] Примечания: 1.13

В подлиннике написано: Я отказалась спуститься в погреб, чтобы полить белый салат, который там выращивался, и т. д.

ответ я покраснела. — Боишься доверить мне свои секреты? — продолжала она. — Что вы, сударыня! — ответила я. — Сейчас вы все узнаете. — И в самом деле, я ей все рассказала, вот как вам сейчас. Она побранила меня за мой опрометчивый, отчаянный поступок, но говорила так осторожно, что я убедилась не столько в своем заблуждении, сколько в ее доброте. Я показала ей письмо господина Луазо, который с согласия своих родителей должен был приехать сюда несколько дней спустя, приняв все меры предосторожности, чтобы нас не заподозрили в сговоре. — Теперь ты должна мне обещать, если хочешь заслужить мое уважение, — сказала госпожа Парангон, — что никогда не будешь встречаться со своим возлюбленным с глазу на глаз. Обещаешь? — Я обещала не колеблясь, и нарушила слово только раз, да и то по весьма уважительной причине: это даже было не свидание, потому что я только сказала ему, чтобы он немедленно явился в дом, где присутствие его необходимо. Господин Луазо к нам пришел, милая моя хозяйка с ним познакомилась и одобрила мой выбор. Больше того — она взялась успокоить моих родителей, поручившись им, что я нахожусь в почтенном доме и что его хозяйка, подружившаяся со мной, будет достаточной за

меня порукой, в чем легко убедятся, когда узнают, кто именно эта дама. Я приписала к ее письму несколько слов; я молила простить мне мой ложный шаг и как перед богом поклялась никогда не делать ничего, что было бы оскорбительно для моей семьи и противно полученному мной воспитанию. Позже я узнала от господина Луазо, что родители всем показывали это письмо и что оно значительно умерило их горе.

В это время хозяйке пришлось поехать в Париж — там умер ее родственник, а она единственная его наследница. Узнав об этом, она призвала меня и сказала: — Дитя мое, неосторожно оставлять нежного ягненка перед пастью голодного волка; я уезжаю; как нам быть? Если я увезу тебя с собою, он догадается о причине; оставить тебя — здесь значит наверняка погубить. Мне хочется найти такой выход из положения, чтобы и тебя уберечь и не выдать наших опасений. — Она на минуту задумалась. — Кажется нашла! — воскликнула она, — моя кузина Манон девушка хоть и совсем молоденькая, но разумная, и ловко справляется с господином Парангоном, когда он уж очень начинает вольничать. Я поручу ей заменять меня в мое отсутствие. Вы всегда будете вместе и господину Парангону придется считаться и с ней, и с тобой...

Таким образом все устроится. Да, — добавила она, — это единственное разумное решение; теперь я почти спокойна. Манон несколько высокомерна; тебе, пожалуй, будет нелегко... Я предупрежу ее, но пусть секрет остается между нами; в твоем положении излишняя обходительность опасна, так как привлечет к тебе внимание. — Все произошло точь-в-точь, как предвидела хозяйка.

Моя почтенная доброжелательница уехала. Мадемуазель Манон первые дни обращалась со мной довольно ласково и мы с ней были неразлучны, но я заметила, что понемногу она меняется и охладевает ко мне; вопреки обещаниям, данным хозяйке, она стала оставлять меня одну. Однажды господин Парангон воспользовался этим и стал снова повторять свои гнусные предложения; он осмелился запереть меня в комнате и пустился в вольные рассуждения, которые мне поневоле пришлось выслушивать. Не помню в связи с чем, но он сказал, что человек, обидевший меня на постоялом дворе, имел в виду лишь доставить ему легкую победу надо мной, и что если бы я отперла дверь, когда кто-то стучался, якобы желая прийти мне на помощь, то ему теперь не оставалось бы желать того, чем он наслаждался бы уже несколько дней. Говоря это, он все время

хитрил; он уверял, смеясь, что на этот раз мне не ускользнуть. Я была в ужасе. Я отчаянно сопротивлялась. Крики мои удивляли его, но отнюдь не обескураживали. Он старался заглушить их приемом, на которой он один и был способен. Ему это удавалось, а я в негодовании напрягала все свои силы и уже стала изнемогать, как вдруг услышала голос мадемуазель Манон, — она, задыхаясь, кричала, чтобы немедленно отперли дверь. Господин Парангон поспешил привести себя в порядок. Он повернул ключ. Мадемуазель Манон вошла, разъяренная; я заливалась слезами. Она стала осыпать кузена упреками, а мне дерзнула сказать, что я получила то, чего и добивалась. — Нет, мадемуазель, — вскричала я, — нет, я ничего не добивалась и ничего не получила, благодаря небу и вам. Хоть вы и жестоко со мной обошлись, все же я признательна вам. Но я ухожу, я не останусь здесь ни минуты... — Я быстро сбежала вниз, мадемуазель Манон устремилась за мною. Она стала мне объяснять, что я вызову нежелательный шум, что я должна дождаться госпожи Парангон и оправдать ее доверие. Ей нетрудно было убедить меня, ибо то же самое подсказывало мне и сердце. Где найти такую хозяйку, такого друга, как госпожа Парангон? Я

удалилась в каморку и стала горько оплакивать прискорбные последствия своего бегства из родительского дома; до сих пор оно представлялось мне простительным, но последствия его, которые уже сказались и вновь сказываются, говорят мне, как безрассуден был мой поступок.

С того дня господин Парангон не сказал мне ни слова. Сердце мое успокаивалось. Мадемуазель Манон стала со мной еще сдержаннее, но меня это не трогало. Она пренебрегала мною, всячески старалась меня унизить. А что мне было до этого? Настоящая моя хозяйка меня уважала, она даже писала мне об этом. С господином Луазо я перестала разговаривать, но я видела его, была спокойна, почти не испытывала угрызений совести. Тем временем вы, господин Эдмон, приехали сюда; я с первого же дня поняла, что вы — молодой человек достойный уважения и можете стать другом и господина Луазо, и моим. У вас были и другие права на мое расположение, ведь не кто иной, как госпожа Парангон навела справки о ваших родителях через чиновника из В ***, она увидела вас однажды на дороге в С ***, когда вы гнали стадо вашего отца к реке, на купанье; она была очарована тем, как вы разговаривали с крестьянскими девушками, которые шли вместе

с вами: она справилась, кто вы такой; получив ответ, она пожелала вызвать вас из деревни и поговорила на этот счет со своим отцом. Можете себе представить, как ее огорчило, что она отсутствовала во время вашего приезда; она писала мне, чтобы я старалась заглаживать все обиды, которые могли быть нанесены вам в ее доме. Вот вам объяснение, почему я так вела себя с вами. С другой стороны, ваше простодушие и привлекательность произвели неожиданное впечатление на господина Парангона и на кузину хозяйки (однако, не они вызвали вас сюда и тогда они еще не задумали того, что хотят осуществить теперь). Презрение, которое выказывала вам мадемуазель Манон, было притворным, она действовала по советам господина Парангона, который по собственному опыту знает, насколько препятствия увеличивают цену вещам. Мадемуазель Манон почувствовала к вам склонность; она призналась мне в этом однажды, в минуту веселого настроения и даже намекнула, что боится встретить во мне соперницу. Я сочла долгом рассеять ее опасения. Но к чему привела эта зарождающаяся склонность? Прочтите эту записку: узнаете почерк?

«Должен же быть конец твоей неприступности,

прелестная кузина, как и всему на свете. Мне не хотелось говорить тебе об этом сегодня утром, когда ты была так хороша, — я боялся, как бы твои прекрасные глаза не запылали гневом. Поэтому высказываю свои мысли письменно, а так как сегодня я обедаю в городе, у тебя до моего возвращения достанет времени поразмыслить. Итак, не сама ли ты виновата в том, что бедная Тьенетта отвлекает меня от твоих чар? Если бы в тот раз ты не помешала мне, я о ней и думать-то перестал бы. Да и вообще мне кажется, что не она сама по себе разжигает во мне желание; тут дело в ее тоненькой талии, простеньком и изящном платьице, которое на всякой другой девушке имело бы жалкий вид, а на ней мило и весьма аппетитно. Прими от меня такое платьице, кузина; под предлогом костюмированного бала я велел сшить для тебя из той же материи, из какой сделано лучшее платье Тьенетты. Порадуй меня — надень его и ты совсем уничтожишь эту девушку. Как ты в нем будешь мила!... Да, бесенок, я люблю одну тебя. Моя прекрасная и вялая супруга со своими большими глупыми глазами и в восемнадцать лет не внушала мне и половины того, что я чувствую к тебе. Твоя живость, твои вспышки, твое сопротивление — все очаровательно. Ах, дорогая

моя Манон, ты — истинное сокровище! Откажись от злополучной сдержанности, которая пока что все портит; отбрось страх, цыпленочек, отбрось это обычное девичье пугало, раз у нас уже заготовлен материал, чтобы залатать твою честь, если я образую в ней чересчур явную брешь. Требуемый дурачок уже налицо... Впрочем, это слово к нему не подходит; он новичок, но не дурак, дураком в некотором смысле он может стать со временем, после того как послужит для осуществления наших замыслов. Самое занятное во всем этом то, что он — подопечный моей жены; впрочем, можешь не сомневаться, что я сделаю для него даже больше, чем обещал ради своей очаровательной кузины. Прощай, малютка; увижусь с тобой часа через три, чуточку навеселе, но в самый раз как нужно для любви».

Такова была, любезный братец, прочитанная мною записка. Почерк господина Парангона — сомнения ни малейшего. О подлость! — Читайте другую, — сказала Тьенетта.

«Вы хотите, всевластный кузен, чтобы Вам прощали решительно все... Ну что ж, согласна... но с условием, что вы отвечаете за своего ученика и за то, что мама даст согласие. Вы умеете ею вертеть и не беретесь за то, чего не можете сделать. Чтобы

доказать Вам, что я только и думаю о том, как бы угодить Вам, посылаю эту записку с Искупителем, Вам эта выходка придется по вкусу. Что касается до переодевания, которое вы мне предлагаете, то соглашаюсь на него тем охотнее, что таким образом вытравлю из головы юноши все помыслы о Тьенетте. Надо только принять меры к тому, чтоб он не узнал меня».

О презренная тварь! Я остолбенел... Я хорошо помню, что относил эту подлую записку... Тьенетта продолжала: — Вот вам господин Парангон и его прелестная кузина. Эти две записки окончательно разоблачают их; мы с хозяйкой ни за что не показали бы их вам, если бы не знали, насколько вы благоразумны. Но мы рассчитываем на вашу выдержку и убеждены, что вы положитесь на хозяйку: она собирается оттянуть, а потом и вовсе отменить свадьбу. Вашей сестре все известно; в свое время она растолкует дело вашим родителям. А теперь позвольте задать вам один вопрос, а затем кое-что вам разъяснить. Видели вы то, что вам предлагали показать? — Я ответил, что видел. — И что же вы подумали обо мне? — Подумал такое, за что прошу прощения, — ответил я, краснея. В этот миг, вспомнив, что на мне часы, подаренные мне, как я предполагал,

моей недостойной возлюбленной, я вынул их и собирался было разбить. — Нет, нет, — воскликнула Тьенетта, схватив меня за руку, — не огорчайте меня... Храните их со спокойной совестью. Должна сказать вам, что они исходят не от той, на кого вы думаете... Уходя из дому, я взяла с собою небольшую сумму, — это деньги, которые мне дарили еще с детства; я истратила из них совсем немного. А вы как-то сказали, что вам очень нравятся часы господина Луазо... вы его друг, да и мой, осмеливаюсь сказать. Я просила хозяйку привезти для вас такие часы... и не стыжусь этого. Вы знаете, как искренни дары дружбы, а этот должен быть вам особенно дорог еще и потому, что мои деньги — только половина стоимости часов, остальное дополнило лицо, достойное нашего самого глубокого уважения и привязанности. Но вернемся к тому, что мне надлежало вам сказать.

Преступные любовники не сожгли записок, которые вы только что прочли, хотя должны были бы их уничтожить. Господин Парангон оставил полученную им у себя в кабинете вместе с другими бумагами и забыл о ней. Мадемуазель Манон, вероятно, вернула ему его записку, а, может быть, он сам взял ее назад. Тем временем

госпожа Парангон написала мне, чтобы я выслала ей несколько корзин фруктов и дичи, а для этого мне потребовалась обертка. Я попросила бумаги у господина Парангона. Он показал мне стопку ненужных бумаг, а там случайно оказались и эти листки. Я их не заметила. Корзины прибыли в Париж и госпожа Парангон выбросила листки бумаги, не обратив на них внимания; зато люди, у которых она жила, заметили их и сказали ей об этом намеками. Люди эти, впрочем, не были знакомы с мадемуазель Манон и не знали, что именно она хозяйничает в доме. Но, когда госпожа Парангон возвратилась сюда, ее парижские друзья решили переслать ей эти записки. Судите сами, как она была изумлена, узнав почерк мужа и кузины. Я, со своей стороны, по некоторым признакам и раньше подозревала предосудительную связь господина Парангона с мадемуазель Манон, но мне казалось неуместным говорить об этом хозяйке. Возвратившись домой, она разгадала, какие виды имеет на вас господин Парангон, так как подслушала несколько его разговоров с мадемуазель Манон. Она пришла в ужас, а ее доброе отношение к кузине изменилось; она, пожалуй, простила бы ей слабоволие, но такой черный обман простить не могла. Она относится к вам

с большим участием, — говорю вам об этом с ее ведома, но даже если бы вы были ей безразличны, или даже противны, — она и тогда не допустила бы, чтобы так подло обманывали молодого человека. Пусть какой-нибудь Туранжо, подлая душа, зная всю правду, женится на сожительнице ее мужа; для такого человека, как он, тут имеется вполне достаточное основание: выгода. Но ведь вам, господин Эдмон, вам, которого ждет счастье, если вы овладеете ремеслом, вам ли служить презренною ширмой для гнусной интриги!.. Нет, вы не будете унижены до такой степени!.. Умерьте вашу скорбь, осушите слезы — причиной им может быть только чувство стыда от сознания, что вас так разыграли. Хозяйка обдумывает для вас план, который не вызовет у вас ни сожалений, ни чувства неловкости: речь идет о девушке куда прекраснее... — Не Эдмэ ли это? — перебил я ее в волнении. — Согласна, что эта милая девушка могла бы вознаградить вас за прошлое, но судя по нескольким намекам, вырвавшимся у хозяйки, та, которую она имеет в виду, еще лучше. В ближайшие дни вы не увидите ее; ее хотят поместить вместе с любезной Юрсюлей, под надзор госпожи Канон, в столичный пансион, где госпожу Парангон боготворят: там девушки,

сохраняя высокую нравственность, приобретут те непринужденные манеры, которые так вас околдовали. Когда госпожа Парангон решила скрыть от вас приезд вашей сестры, она не предвидела, какой оборот примут события и того, что ваши родители вот-вот приедут; теперь же, в соответствии с новым планом госпожи Парангон, Юрсюль должна немедленно появиться, а госпожа Парангон постарается заручиться согласием ваших родителей на осуществление этого плана. Она хлопочет только о том, чтобы вам и сестре было хорошо, — это ее единственная цель. И тут кроется весьма важная причина. — Какая же? — У хозяйки нет детей и она почти уверена, что их и не будет. Она станет считать вас как бы своим братом. Это твердое решение, которое ничто не может изменить. Господин Парангон собирается включить в ваш брачный договор с мадемуазель Манон статью о том, что он условно, если у него не будет потомства, завещает вам значительную часть своего состояния. Госпожа Парангон сделает более того: в случае ее кончины вы станете ее единственным наследником и семья ее не захочет, да и не сможет возражать. Любите же ее, как родную сестру, у нее к вам именно такое чувство. Она не только не ревнует мужа к своей кузине,

а больше того — она искренне желала бы, чтобы ее муж привязался к этой девушке, раз уж она не устояла. Это пошло бы господину Парангону на пользу в отношении здоровья, избавило бы его от безрассудных трат и всевозможных последствий распутной жизни. Да и сама госпожа Парангон успокоилась бы, ибо она нередко говорит о том, что счастье — не для нее, она жаждет только покоя. Покидаю вас. Сдерживайтесь. Не выдавайте своих истинных мыслей и чувств. Следуйте во всем воле хозяйки. Если вас немного погодя кто-то вызовет — идите и делайте все, что вам посоветуют.

Что скажешь, любезный брат?.. Что за вертепы города! А я-то уже начинал так их любить! Вот мой почтенный учитель! Какая подлость! Как ловко этот гнусный совратитель расставляет ловушки невинности!.. Я хочу, чтобы матушка и сестры незамедлительно уехали бы отсюда, здешний гнилой воздух осквернит их; проживи Мари-Жанна тут подольше, она станет недостойна моего брата. Да что я говорю! Ведь здесь живет госпожа Парангон, воплощенная добродетель! О вместилище противоречий, страшная бездна, когда только я разберусь в тебе?..

Я пишу, ожидая, чтобы внизу проснулись. Друг

мой, приезжай за родителями и своей возлюбленной! Поспешай! Придумай какие-нибудь беды! Солги впервые в жизни! Юрсюль, которая должна теперь появиться, по дороге все расскажет матушке и порвет мои бесчестные узы. Прощай.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПИСЬМО XXXI

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Женщины любят город

Вот все наши и возвратились домой, любезный мой Эдмон, а госпожа Парангон в письме, переданном Юрсюлей, все разъяснила нашим родителям. Но мы в таком смущении и растерянности, что еле скрываем это. Ведь все спрашивают, женился ли ты, а у сестер и Мари-Жанны — весело ли они погуляли на свадьбе? Мы отвечаем как умеем. Но лучше хоть как-нибудь ответить, чем признаться, что тебя так подло провели. А ты меня теперь больше не слушайся, мне следовало хвалить то, что я осуждал, и осуждать то, что

хвалил. Родители в большом расстройстве и, как видно, готовы изменить свое решение и взять тебя обратно, если ты пожелаешь. Жду только твоего слова, чтобы заговорить с ними на этот счет. Что касается Юрсюли, то им нежелательно, чтобы она возвращалась в город, но госпожа Парангон, должно быть, уж очень привязала ее к себе, ибо сестре как будто не хочется оставаться дома, хотя вряд ли так уж полюбился ей город за два дня. Впрочем, ручаться ни за что нельзя; я мало знаю города, но убедился, что там царство женщин, это «их стихия», как сказал однажды отец Антуан Фудриа, наш кюре; раз они там побывали, — увезти их оттуда все равно, что вытащить рыбу из пруда. А ты, любезный Эдмон, веди себя осторожно, чтобы не нажить врагов; советуйся с добрым отцом д'Аррасом и господином Годэ. Юрсюль не откровенничает; мне она не сказала ни слова, она ведь не знает, что мне уже все известно, а братья и сестры в полном неведении. Целую тебя по-братски и горячо желаю, чтобы ты в скором времени оказался среди нас. Но воля твоя.

ПИСЬМО XXXII

1 ноября

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Вот первое письмо, в котором уже почти нет искренности

Нет, любезный старшой, мне уже не наслаждаться жизнью в деревне; жребий брошен; город я одновременно и люблю и ненавижу... но чувствую, что расстаться с ним не могу... Теперь это дело уже невозможное и я останусь тут на всю жизнь. Право же, меня здесь удерживают тысячи уз, и все такие крепкие, что их никак не разорвать. Пытаюсь разобраться в том, чем же мне нравится город. Меня привлекает вежливость — она приятнее сердечности; затем изящество в обращении — наши деревенские щеголи здесь показались бы просто нелепыми. В итоге незаметно привыкаешь относиться к селянам свысока; более того, если горожанин проведет некоторое время в деревне, а потом возвратится в город, то он сам сознает свою отсталость: он становится застенчив,

не столь самоуверен, как раньше, — покамест не войдет в прежний тон. Этим объясняется непреодолимое отвращение людей, вкусивших городской жизни, к деревенской простоте; они не могут отказаться от городской учтивости, от усвоенных ими манер и, снова превратившись в селян, вернуться к их низменным понятиям. Трудно поверить как часто молодые люди считаются с этим, казалось бы, слабым доводом, даже не подозревая того, какой пустяк определяет их умонастроение. Добавь к этому, что все же в городе живется веселее, что все здесь приятнее, образ мыслей здесь тоньше, совершеннее, а это, друг мой, весьма важное обстоятельство, ибо образ мыслей передается от одного к другому, и когда его усвоишь, то чувствуешь себя хорошо только со своими единомышленниками, прочих же начинаешь презирать и даже тяготиться своим превосходством. Ты скажешь, что городские жители не так добры; не стану защищать их, но доводы мои можно подкрепить еще одним обстоятельством, основанным на самой естественной и сладчайшей человеческой склонности, а именно: женщины здесь — прекрасные цветы, это своего рода чарующие сирены, дающие тысячи разнообразных радостей. У нас знают только фи-

зическую сторону любви (то есть чувственность); нежности не ведают, за исключением редких чувствительных сердец, вроде твоего, братец; здесь же плотская сторона любви и нежности — всего лишь сотая доля наслаждений, доставляемых женщинами. Здесь молодые люди радуются уже одному тому, что им удалось показать себя и что городские красавицы видели, как они туда-сюда прохаживались на гулянии; они знают, что удовольствие это — взаимно и женщины, которым они хотели показаться, сами желают их видеть, да и себя показать; если красивая женщина поклонится им — сердце их преисполняется радостью и гордостью. Общение с прекрасным полом здесь полно очарования, беседа с женщинами упоительна, манеры у них непринужденные, легкие и столь изящные, что возле них проводишь время в каком-то беспрерывном опьянении. Ты представить себе не можешь, друг мой, какое волнение в сердце мужчины вызывает любезная улыбка красивой особы, словечко, дружеский жест, которым он удостоился на глазах у толпы соперников, и тысячи других мелочей, о которых я умолчу из опасения, что эта тема не придется тебе по вкусу.

Возвращаюсь к твоему предложению. Благода-

рю тебя за него, как за доказательство дружбы. Но воспользоваться им я не хочу, и ты не хлопочи — это не принесет мне счастья; теперь я, пожалуй, уже недостоин жить среди вас. А если ты меня все так же любишь, как доказывал своим поведением до последнего времени, то доставь мне утешение, которого я горячо желаю: сделай все возможное, чтобы мне вернули Юрсюль. Ее присутствие мне необходимо, ее советы мне крайне полезны, ее общество избавит меня от поисков другого общества, и мы с ней будем поддерживать друг друга.

Сегодня я в достаточной степени успокоился, чтобы поделиться с тобой подробностями, которые тебе еще неизвестны.

Когда Тьенетта ушла, я возвратился в свою комнату, намереваясь обдумать дальнейшие шаги. Отвергнув множество противоречивых планов, я решил предоставить действовать госпоже Парангон. Когда наступило время отправиться к мадемуазель Манон, я пошел к ней, как обычно. Она была красива, ласкова, обаятельна, как никогда; в тот час она затмила своей прелестью всех знакомых мне очаровательных женщин. Я потупился, сердце мое трепетало: я пожалел ее... пожалел, что она показалась мне уже недостойной моей привязанности. Я подумал о том, что

наши радости призрачны, недолговечны и рассеиваются словно дым. Манон! Манон!.. Она будила во мне желания, ее порочность не притупляла их, даже напротив, еще пуще обостряла. Не знаю, что это было за чувство; конечно, оно не было чистым, ибо мгновение спустя я устыдился его; потом оно вновь вспыхнуло во мне и тотчас же сменилось стыдом. Вероятно, так рождаются преступления. Ибо я говорил себе: — Женой моей она не будет, я предпочту умереть, но не соглашусь на это, и все-таки меня влечет к ней. — Вот что творилось в моей душе, когда Манон подошла ко мне. Я не сказал ей ни слова; она повлекла меня в уединенную комнату. — Вы молчаливы сегодня, — сказала она, взяв меня за руку, — посмотрите мне в глаза. Вы встревожены, что с вами?.. Что с тобою, супруг мой возлюбленный? — Она произнесла это так ласково, что я не выдержал, и слезы хлынули из моих глаз. О, что за слезы! Никогда еще они не были столь горькими! Если бы я тебе не написал обо всем, если бы госпожа Парангон ничего не знала, я бросился бы в ее объятия и воскликнул бы: — Манон, мне все известно и я тебе все прощаю! — Но теперь это зависело уже не от меня. — Что с вами, любезный мой Эдмон, — повторяла она. — Вы пугаете меня. — Ах, мадемуазель, как я

несчастен! — Боже мой! — Мадемуазель, я любил вас. — Что я слышу? Значит, вы меня разлюбили? — Это должно быть вам безразлично. — Мне? Безразлично? Великий боже! — Мадемуазель, вы не любите меня, вы никогда меня не любили... — Перестаньте... Кто вам это сказал, неблагодарный? — Ваше поведение. Гибель моя не взволнует вас, вы меня жестоко... Мадемуазель, что я вам сделал и зачем вам понадобилось обрушивать позор на несчастного... на самое себя? — Предоставляю вам высказаться, терпеливо предоставляю вонзить в мое сердце кинжал. — А до этого вы собственной рукой вонзили его в мое сердце. — О, это уж слишком!.. Эдмон, я вас люблю... Я люблю вас. — Вы собирались доказать это. — Да, я докажу. Я не могла предвидеть этот жестокий разговор... не могла предвидеть... Я растерялась... Возьмите этот документ; другой его экземпляр находится у нотариуса, и там недостает только вашей подписи. Прочтите его, я должна была именно сегодня вручить его вам, как вы увидите из его содержания; вы убедитесь и в том, что я всецело полагалась на ваше великодушие. Эдмон, с тех пор как я полюбила вас, я вам свято верна, а если раньше, к несчастью... Но читайте!

Я прочел, любезный брат, документ, по которо-

му мать и сестра Манон передают мне все свое состояние. Затем я распечатал другую бумагу, содержание которой переписываю.

«Когда ты станешь читать это унизительное признание, та, что пишет тебе, будет у твоих ног, — как ей и подобает (она и была у моих ног, любезный Пьер, но я не мог этого стерпеть). Она умрет от скорби, если ей не удастся тронуть тебя. Она открыла бы тебе свое сердце и раньше, доверила бы тебе как властелину все свои тайны, но этому препятствовали советы окружающих, ее собственная неопытность и боязнь утратить тебя. Да, бесценный возлюбленный, моя участь в твоих руках; в твоей власти даровать мне жизнь или смерть, честь или бесчестие. Без тебя я погибла; с тобою я счастлива (если вообще можно быть счастливой, даже в объятиях любимого, когда сердце терзают угрызения). Вручаю тебе, подписываю это признание (его подпишут также моя мать и сестра), и оно станет для тебя поручительством, что ошибки такие не повторятся (они просто невозможны), или же орудием мести, если я дам тебе повод к неудовольствию. Отдай его, если хочешь, на сохранение твоему брату, которому, как говорят, ты всецело доверяешь, однако в запечатанном виде, чтобы мне не

пришлось краснеть ни перед кем, кроме тебя. О любимый мой! Не презирай меня! Я у твоих ног как преступница, ожидающая страшного приговора. Пусть слезы, которые я проливаю, смягчат твое сердце... Если бы ты не был единственным моим возлюбленным, если бы сердце не побуждало меня ценить тебя выше собственного моего счастья, я, быть может, решилась бы обмануть тебя. Но я не могу жить без тебя, всякий другой, предложи он мне свою руку, внушил бы мне только отвращение. Один ты мой желанный, ты или смерть — другого выбора нет... Сжалься над скорбью любящей тебя... Не ты, а другой ... о мука! О неиссякаемый источник слез!.. Но девственность моего сердца осталась нетронутой; пусть возлюбленный, боготворимый мною, поверит мне, хоть я и не достойна доверия!

Перед тем как связать себя узами брака с человеком, которого я всегда буду боготворить, я должна, внимая голосу совести и наперекор мнению моих близких, признаться ему ... что меня лишили невинности и что в настоящее время на мне лежит печать моего преступления... Но если он готов великодушно мне это простить, я постараюсь сделать так, чтобы ему никогда не пришлось раскаиваться в своем поступке. Я

его обожаю, он это знает; обычные женские обязанности станут для меня наградой; я проявлю неслыханное рвение и поставлю себя в полную зависимость от него, — пусть она станет моею карою, а для него — наградой. Мы с матерью хотим, чтобы этот документ расширил его права и дал ему безграничную власть надо мной; пусть он будет полным властелином, и, если ему заблагорассудится, предпишет мне жить либо в деревне, на моей ферме Этиве, либо в монастыре на самую скромную пенсию, выделенную из моего приданого, которое мы передаем в его полную собственность. Если же он, по снисходительности своей, разрешит мне жить возле него и позволит его любить, то никогда у него не будет возлюбленной более нежной, более верной, более угодливой и супруги, предупреждающей малейшие его желания. Настоящий документ, который я передаю ему, прошу считать первым знаком моей глубокой преданности. Составлено в А*** октября 22 дня 17** г.

(Подписано матерью и обеими сестрами)

P. S. Теперь жду решения своей участи, дорогой Эдмон. Выносите приговор. Но молю, пусть он не будет чересчур суров».

Как только я дочитал до конца, она бросилась мне в объятия, стала обнимать меня; я был сам не свой; она молчала и только плакала; я тоже заплакал, я был не столько возмущен ее ошибками, сколько жалел ее. Наконец, я сказал: — Мадемуазель, я к вам не питаю ненависти, не презираю вас, но... — Упрекай, упрекай меня, — воскликнула она, — я заслужила это, любезный Эдмон; прояви свою власть, злоупотреби ею, если хочешь, и узнай, сколь безгранична моя любовь. — Господин Парангон... — Он погубил меня, а ты можешь спасти; в моих глазах он — чудовище, я больше никогда не увижусь с ним. — Вы издевались надо мною; вы заставили меня отнести записку... — Я ничего не отрицаю... Любимый мой, тогда я еще не изменилась. Но сделала я это не из тех побуждений, какие могли мне приписать те, кто тебе рассказал об этом... и я догадываюсь, кто это сделал... — О Манон, как горько сознание, что я сам служил посредником... — Будь уверен, я отомщу за тебя своему сообщнику и покараю самоё себя. Знай, что подлый совратитель рассчитывает продолжать... и после нашей свадьбы; он уверяет, что любит меня, что я всех затмила в его сердце и что он меня уступает только от избытка нежности ко мне; он считал, что не подвластен

этому чувству, а теперь, впервые в жизни, оно завладело им; я пользуюсь этим чувством, чтобы укрощать его и заставить его нам служить; он уступает мне, хоть и бесится, уступает, как те адские силы, которых божественная воля иной раз подчиняет праведникам... Друг мой, если бы ты знал, как он осуществил свое подлое намерение, ты, может быть, отчасти простил бы меня... У меня еще остается луч надежды... если ты захочешь, ты можешь вернуть мне расположение кузины; тогда она станет моим единственным другом; с ней я продолжала бы видеться, но с мужем ее — никогда! — Любезная моя Манон, оставим всякую надежду; я подавлен горем от сознания, что теряю вас. — Нет, друг мой, ты не так жестокосерд! Нет! Возлюбленный мой, супруг мой бесценный... приди ко мне! — Она склонилась мне на грудь. Мы надолго замерли в объятиях друг у друга; красота ее пленяла меня; ее ласковые речи оживляли мой ум; казалось, она освобождает его из оков жестоких сомнений; она возвращала душе моей радость, чувствам моим — их остроту... «О боже, — думал я, — какого блаженства я лишаюсь! Что в сравнении с Манон все остальные красавицы, — ведь они всего лишь прекрасные картины, великолепные статуи, — и человеку,

подобно Пигмалиону[14], надо молить Любовь, чтобы она оживила их красоту своим божественным огнем». — Буду ли я твоею? — пролепетала она после долгого молчания. — Манон, вы — мое божество; моя нерешительность — для вас забава. — Неужели мне посчастливилось тронуть вас? — Больше того! — О добрый юноша! Сердце твое непорочно, душа чувствительна; верь, я не обману их. — Обманывайте, если хотите. Манон, моя жизнь, честь моя — все принадлежит вам. — Пойдем, мой бесценный друг, поспешим к моей матери, поскорее возвестим ей, что тебе я обязана жизнью. Пойдем, мой супруг...

Мы пришли к госпоже Палестин. Мои ответы на вопросы, которые мне стали задавать, не оставляли никаких сомнений насчет того, что мне все было известно еще до признаний Манон. Мамаша и обе дочери некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом госпожа Палестин обратилась ко мне: — Согласны ли вы немедленно отправиться к венцу, если к этому не окажется препятствий? — Как вам будет угодно,

---

[14] Примечания: 1.14

Пигмалион — прославленный скульптор, создавший столь прекрасную статую, что сам в нее влюбился; он обратился к Венере с мольбой оживить ее, и мольба его была услышана. Это из античной мифологии, которую мне приходится изучать в связи с моим ремеслом *(прим. самого Эдмона).*

я на все согласен, — отвечал я. — Не знаю, буду ли я счастлив, но *она* сказала, что будет счастлива, и для меня этого достаточно. — Манон стала нежно благодарить меня и это еще больше утвердило меня в моем решении. Послышался голос господина Парангона; Манон попросила мать избавить нас от встречи с ним. Вскоре все приготовления уже были сделаны. Господин Годэ помогал мне в хлопотах; мы ускорили формальности и отец д'Аррас готов был обручить нас с согласия и в присутствии господина кюре. Все должно было скоро завершиться и мне хотелось, чтобы человек, которого ты обещал послать за нашими родителями, не успел приехать. Однако хлопоты и приготовления заняли некоторое время, было уже около одиннадцати; матушка и сестры находились с моей нареченной; к родственникам были посланы люди, чтобы сообщить им, что в силу непредвиденных обстоятельств, обряд состоится раньше, чем предполагалось. Тем временем какой-то неизвестный юноша подошел к Мари-Жанне и попросил ее передать мне, под строжайшим секретом, — что со мною желают переговорить. Мне удалось выйти на улицу никем не замеченным; я рассчитывал увидеть Тьенетту и уже твердо решил, что ей скажу, То

была не она. — Что вы делаете, — воскликнула незнакомка, — вы хотите окончательно погубить себя? Вас собираются женить и вы соглашаетесь, невзирая на все, что вам известно? — По голосу я узнал госпожу Парангон. — Сударыня! Это вы! — вскричал я. — Следуйте за мною, — продолжала она, — разрешите мне эту непостижимую загадку: вы женитесь на Манон! — Любовь ее ко мне гораздо глубже, чем ее вина... Ах, вы не знаете ее! — Даже слишком хорошо знаю. — Она хочет быть вашим другом и больше никогда не встречаться с господином Парангоном. — И ей удалось обольстить вас! — Если с моей стороны это иллюзия — не отнимайте ее у меня, сударыня, — она мне дорога; я люблю вашу кузину... — Молодость! Боже мой, как опасно иной раз отсутствие опыта! Молодость и желания вводят вас в заблуждение; вам только кажется, что вы любите. Поверьте, юноша, так попадается большинство молодых людей: познакомятся, понравятся друг другу, покажется, будто созданы один для другого, женятся и вскоре убеждаются, что ошиблись: начинают беситься, но уже поздно! Трепещите, содрогайтесь при одном слове «брак»; трепещите при мысли о том, какую девушку вы собираетесь взять в неразлучные спутницы... Скажите: ужели

вы будете уважать ее? — Я люблю ее, это больше, чем уважение. — Мне вас жаль: это в тысячу раз меньше. — Любовь заключает в себе, сударыня, все благородные, возвышенные чувства... — Да, любовь! А вы называете любовью чары, созданные ласками и заигрыванием кокетки. — Я очень признателен ей. — И у вас есть за что благодарить ее? — Да, сударыня, есть. — Что и говорить, и у вас и у меня немало оснований быть ей признательными, — соединим же, прошу вас, эти чувства и они дадут редкостные плоды... Стыдитесь, Эдмон, — не меня, я ваш друг, — но самого себя. Неужели вы повторили бы такие речи в присутствии Юрсюли? — Сударыня, я не понимаю... — Что помешало бы вам? Ах, дорогой Эдмон, значит, не будь меня, вы погибли бы! Вас любят, говорите вы. Какое диво! Я прямо-таки изумлена! Вам вручают свое состояние (я все знаю, как видите) — неужто вы можете руководствоваться столь мелкой корыстью? Неужто только в этом заключается для вас весь смысл предстоящего союза? Разве вы не видите, что сначала она хотела просто одурачить вас, а, познакомившись с вами поближе, сама стала жертвой любви (не скажу: вашей жертвой) и вот вы уже растаяли! Д'Аррас (с добрыми намерениями, конечно) и господин Годэ

(несомненно, с дурными) помогают ввергнуть вас в бездну. Отдаю справедливость первому: он действует из дружбы к вам, ибо, не зная, что в отношении вас имеются лучшие виды, полагает, что у вас нет пути, кроме того, который открывается сейчас. Второй же, если бы дело касалось его, был бы столь же неразборчив, как вы. Холостяк не имеет представления о чистоте отношений, которая знакома только женатым порядочным людям... Но вернемся к сути дела, Эдмон: если бы вас полюбила другая девушка, и даже еще нежнее, бескорыстнее, и была бы она достойнее, прекраснее, ласковее, и — как знать — богаче (хотя на этом обстоятельстве я не настаиваю) — каково было бы ваше решение? — Сударыня, Манон умрет, если я брошу ее. Какой будет скандал: здесь вся родня, все уже разглашено, ваша семья поставлена в известность... Предоставьте мне осуществить то, что мне суждено, — иное решение будет неуважением к Вам. — Изумлению моему нет границ! Слепец! Бумагу, которую вам дали прочитать, сочинил господин Годэ; он ее продиктовал... Но вам не дадут погубить себя, нет, нет, не дадут! Прощайте. Сейчас ваша сестра докажет вам, как вы ей дороги.

Она ушла. Я замер на месте и смотрел ей вслед;

она уже исчезла, а мне еще слышался ее голос и казалось, будто я говорю с нею.

Наперекор мне, любезный Пьерро, им удалось воспрепятствовать моим намерениям. Четверть часа спустя появилась Юрсюль; она переговорила с матушкой. Твой посланец завершил дело. Батюшке и матушке, предварительно их предупредив, сказали в присутствии посторонних, что у них дома случилась беда[15] (при этом сильно ее преувеличили); родители сделали вид, будто страшно напуганы, прервали церемонию и уехали в тот момент, когда праздничный стол был уже накрыт, брачный контракт подписан, даже метрическая запись сделана, так как отец д'Аррас, как всегда дальновидный, и господин Годэ (а этот еще дальновиднее) попросили писца держать документы наготове, чтобы не пришлось надолго задержаться в храме, — время было уже позднее. Не прошло и часа, как все многочисленное общество рассеялось словно облачко, а твой брат остался наедине с Манон... Даже самых благоразумных иной раз покидает осторожность... Но я, пожалуй, преувеличиваю. Весной и осенью

[15] Примечания: 1.15

Речь шла о пожаре в небольшом сеновале, где была сложена солома; она загорелась из-за неосторожности батрака, который ходил туда под утро с лампою.

выпадают дни, когда небо покрыто быстро бегущими облаками и яркий солнечный свет то создает впечатление прекрасного погожего дня, то вдруг меркнет, потому что солнце скрылось за плотным облаком, и тогда кажется будто настала унылая зимняя пора. Таково и мое теперешнее настроение.

Прощай, друг мой. Госпожа Парангон поджидает Юрсюль и надеется, что она приедет на этой неделе. Пусть тебе я буду обязан радостью видеть их вместе.

ПИСЬМО XXXIII

В тот же день

ОТ МАНОН К ГОСПОДИНУ годэ

Она, кажется, изменилась

Мой муж пишет своему старшему брату, желая исподволь подготовить его к неизбежному признанию, как Вы нам советовали. Теперь у меня к Вам и к отцу д'Аррасу просьба, но прежде всего мне хочется принести Вам обоим живейшую благодарность, ибо (я всегда буду это утверждать)

если бы Вы мне не внушили, что спасение мое — в признании и преданности, если бы соответствующим образом не подготовили господина Р***, если бы не разъяснили мне козней моей кузины — я погибла бы. Я обязана Вам и еще большим: чувство к господину Р***, которое Вы мне советовали выказывать, стало для меня непритворным, оно всегда будет определять мое поведение. Но у меня к Вам просьба. Поверьте, я обращаюсь с ней к Вам потому, что хорошо знаю Ваши взгляды. Вы атеист (я употребляю это слово, ибо убеждена, что оно для Вас не обидно); так вот во имя ... всего, что Вам дорого (ибо, к сожалению, ничто для Вас не свято) не разрушайте в сердце моего мужа того, что Вы зовете предрассудками. Я была Вашей сообщницей, я перестаю ею быть; Вы знаете, как я была воспитана; рано или поздно добрые начала берут верх, поэтому я признаю, что без религиозного чувства, без чести и самоограничения нет счастья. Я отрекаюсь от своих заблуждений; да смоют мои слезы грязь, которою я себя запятнала!.. Я счастлива, но не заслужила счастья; последующим своим поведением я обязана исправить прошлую вину. Надеюсь, Вы не отвернетесь от меня. С этой надеждой остаюсь благодарная Вам и т. д.

ПИСЬМО XXXIV

ОТВЕТ

Елей грешника да не намастит главы моей

Думайте что хотите о моих верованиях, очаровательная кузина, но с Вашей стороны было бы крайне несправедливо считать меня человеком безнравственным. Мне тридцать два года, а в этом возрасте мировоззрение уже окончательно определяется. Разве Вам известны какие-нибудь мои пороки? Вы знаете мое отношение к представительницам вашего пола — я боюсь их, избегаю их и обожаю; присутствие женщины — благодатное пламя, оно меня греет и радует, но я держусь от него поодаль, чтобы ощущать лишь приятную теплоту, и отнюдь не хочу, чтобы меня, как некоего нового Сцеволу{6}, заставили держать его в руке. Из того, что зовется любовью, я ценю только физическую сторону, притом с соблюдением приличной умеренности. Другое

{6} Комментарии: 2.6

Сцевола — мифический римлянин, прославившийся геройством во время осады Рима этрусками; будучи схвачен неприятелем, сжег свою руку на огне, чтобы доказать, что он презирает смерть.

дело — дружба; до этого чувства я так же охоч, как больной водянкой до запретной влаги и, сам не пойму, в чем тут дело, но какое-то простодушное обаяние, присущее облику и манерам Эдмона, влечет меня к нему. Я люблю его и считаю, что Вы должны благодарить небо за то, что у меня нет предрассудков; будь они у меня, Вы ничего не добились бы и я настроил бы его против Вас. Насчет этого любезного юноши отец д'Аррас того же мнения, что и я, и он очень рад нашему единодушию. Приказывайте же нам, что нужно делать, чтобы Ваш муж был счастлив, и мы все исполним. Клянусь Вам самым дорогим, что у меня есть, — моим юным другом.

ПИСЬМО XXXV

15 ноября

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Это письмо — ловушка, которую он нам расставил

О чем же вы думаете, любезный старшой? Госпоже Палестин ничего не сообщают, ничего не

пишут. Ведь надо было действовать осмотрительно, чтобы разрыв никого не возмутил. Объясни это, прошу тебя, нашей любезной матушке; беда еще невелика, ее можно еще поправить, когда сюда снова пришлют Юрсюль, — госпожа Парангон настойчиво ее требует.

Здесь все наперебой изъявляют мне свои дружеские чувства, в том числе и хозяин и его почтенная супруга; но дружба первого обманчива, я ему не доверяю, слова его я толкую двояко... Я пребываю в состоянии, которое можно бы назвать счастливым, если бы не некоторый привкус... Но он скоро пройдет, а когда у меня перед глазами не будет напоминания о моем позоре ... я буду счастлив даже больше, чем надеялся.

Мадемуазель Манон уехала на полгода; она в обители, где настоятельницей ее родственница; мать и сестра отправились вместе с нею. Пусть наши родители напишут им вежливое письмо в доказательство своего уважения, но ни в коем случае не следует упоминать о свадьбе. И пусть письмо отдадут Юрсюли, а она пусть приезжает не позже воскресенья. Полагаюсь во всем этом на тебя, любезный братец, и прошу тебя, братьев и сестер верить в мою самую искреннюю дружбу.

P. S. Из прилагаемой записки ты узнаешь исто-

рию совращения мадемуазель Манон; думаю, что, прочтя ее, ты сочтешь эту несчастную девушку более достойной прощения. Она написала эти строки, чтобы вручить их мне взамен другого письма, которое продиктовал ей ее кузен господин Годэ и которое она мне вручила в тот день, когда все обнаружилось.

«Любезный супруг мой, до шестнадцати лет я и не подозревала, что есть существа другого пола, чем тот, к которому я сама принадлежу. Из людей милых моему сердцу я виделась только с кузеном Годэ, но я была еще слишком юна, когда он уехал из нашего города. Когда он возвратился, у меня, как вам известно, уже не оставалось выбора. Достигнув возраста, когда рождаются страсти, я впала в какое-то тревожное состояние, все обычные развлечения стали мне противны и несносны. Я не знала чему приписать свое душевное томленье. Но я замечала, что стоило мне только оказаться в обществе, где много молодых людей, как смятение мое на время как бы утихало. Между тем ни один юноша особенно меня не привлекал, все они интересовали меня в равной степени; следовательно, не присутствие какого-либо определенного мужчины доставляло мне удовольствие, а инстинкт влек меня

к мужчинам вообще. (Именно в таком состоянии я находилась, когда встретилась с вами в В***; это я похлопала вас по щеке, и сделала это неспроста — мне хотелось, чтобы вы взглянули на меня.) Молодые люди в А***, пожалуй, самые нелюбезные на свете — грубые, тщеславные, дерзкие, нескромные, чувственные, чревоугодники; чтобы довольствоваться ими, надо обладать чудовищной физической потребностью и никогда в жизни не знать ничего лучшего. Я была именно в таком положении. Однако ни одному из них я не отдавала предпочтения и целый год сердце мое беспорядочно металось.

В эти роковые для меня дни моей кузине Парангон понадобилось отправиться в Париж. Она предложила мне взять на себя управление ее хозяйством. По невинности своей я переоценила свои силы. Я не страшилась опасности просто потому, что еще не ведала о ней.

Итак, я заменила кузину. Ее муж, хоть человек и не такой уж обаятельный, все же был крайне опасен для девушки моего темперамента. Ему было лет тридцать шесть, это годы полной зрелости; он неглуп, у него светские манеры, необузданное влечение к женщинам и мировоззрение, отлично оправдывающее любой разврат. Вот в руки

какого человека попала неопытная девушка, достаточно привлекательная, чтобы возникло желание погубить ее; а в глубине ее сердца вдобавок притаился враг, готовый предательски сдать крепость при первой же атаке.

Будь я даже настороже, первое время мне ничего не грозило; но я была доверчива и советы кузины, данные ею мне перед отъездом, я сочла пустыми страхами молодой женщины, которая слывет в обществе недотрогой. К тому же и возраст ее — она всего лишь на год старше меня — препятствовал мне относиться с особым доверием к ее словам. Увы, тогда еще я не понимала, сколь различны бывают два человека, с виду схожие, когда один из них силен духом и привержен добродетели, а у другого этих качеств нет.

Месяца через полтора господин Парангон стал проводить возле меня больше времени; речи его были любезны, иной раз лестны; он старался разжечь огонь, тлевший во мне, и с этой целью стал давать мне читать книги с описанием любовных похождений: «Могилу Философии», «Софу»{7},

{7} Комментарии: 2.7
«Софа» — роман Кребийона-сына (1745), в котором описываются многочисленные любовные приключения.

несколько романов госпожи де Вильдье{8}, в которых говорится о замужних женщинах, поощряющих речи и поступки своих поклонников; в конце концов он совсем развратил мое сердце и ум. Но этого было еще недостаточно, чтобы восторжествовать над моей добродетелью и одолеть взгляды, внушенные хорошим воспитанием. Желая подорвать и то и другое, он стал давать мне сочинения безбожные. Первым из них оказалась «Д.» господина де В***{9}, тогда только что вышедшая в свет... Трудно было бы выбрать более приятный яд; эта поэма — безусловно, шедевр подобного жанра и она сначала очаровала меня прелестью стихов, а под конец внушила мне презрение к святым истинам Церкви. На подмогу этой опасной книжке явились «Разоблаченное христианство», «Обед у графа де Буленвилье», «Священная зараза», «Опыт о предрассудках», «Болингброк», «Письма о чудесах», «Исповедание веры деистов» и некоторые другие

{8} Комментарии: 2.8

Мадам Вильдье (1640—1683) — псевдоним Марии Дежарден, автора популярных в свое время романов.

{9} Комментарии: 2.9

*«Д.» господина де В**** — имеется в виду «Орлеанская Девственница» Вольтера (1762). Вольтер долгое время отрицал свое авторство.

в том же духе{10}. Господин Парангон говорил, что просвещает меня, а сам старался растлить мое сердце и мне стало казаться, что пагубное начало, заключающееся в этих книгах, и есть истина. Он нарочно давал мне самые какие ни на есть мерзкие книги, вдохновленные похотью. Раньше я не подозревала, что существуют дурные книги, поэтому я доверчиво брала все, что он мне предлагал, и читала эти сочинения сначала из любопытства, затем потому, что они стали мне нравиться, а в конце концов я даже сама стала их выпрашивать.

Теперь господин Парангон решил, что может приступить к кое-каким беседам. Первые дни я отвечала на эти попытки так, как они того заслуживали; развращенность моя была еще, так сказать, только теоретической, а на деле я была столь же скромной, как и раньше. Но добродетель, лишенная твердой основы, долго не устоит; незаметно для себя, я привыкла выслушивать его речи (куда более сдержанные, чем то, что я читала в книгах). А как только коварный враг моей добродетели убедился, что слух мой уже

{10} Комментарии: 2.10

Здесь приводится ряд названий вольнодумных, порнографических и атеистических произведений, которые господин Парангон давал Манон с целью развратить ее.

нецеломудрен, ибо целомудрия не осталось и в моем сердце, он решил, что может безнаказанно атаковать меня и с других сторон. Мне хотелось бы, чтобы этот рассказ пошел на пользу девушкам и чтобы он, если возможно, был предан гласности; я охотно напечатала бы его, прикрывшись вымышленным именем. Когда господин Парангон убедился, что я терплю его речи, он приступил к действиям. Сначала все ограничивалось несколько вольными шутками, но постепенно он позволял себе все больше и больше, в расчете распалить мою чувственность и вооружить ее против колеблющейся добродетели. К этому добавлялись похвалы, которые одновременно и льстили моему самолюбию, и внушали мне сочувствие к тем мукам, которые причиняли мои *несравненные* прелести.

Трудно допустить, что девушка моего возраста, с моим темпераментом, с моей внешностью могла выдержать столь хитро подготовленное нападение. Некоторое время я, однако, не сдавалась; потом стала уступать, но лишь понемногу — то одну вольность стерплю, то другую, вплоть до весьма решительных. Так продолжалось довольно долго; сердце мое было развращено, мне самой хотелось преодолеть последнюю преграду,

однако страх удерживал меня; я понимала, что могло стать плодом отношений еще более интимных, чем те, которые уже существовали между нами, и одна мысль об этой опасности приводила меня в трепет. Пока я не ссылалась на эту причину, он хоть и настаивал, но все же считался с тем, что он называл «моей щепетильностью», но стоило мне только сказать о боязни последствий — и я погибла. Выставлять этот слабый довод в качестве защиты — пожалуй, величайшая неосторожность, какую может допустить девушка. Действительно, как только стала известна причина моего сопротивления и выяснилось, что добродетель моя тут ни при чем, так начались разговоры о том, каким образом можно избежать того, что меня страшит. Он, правда, не предлагал мне тех способов, которые опасны для жизни и от которых я пришла бы в негодование; речь шла о другом, и я имела глупость, или, вернее, низость уступить. Я не пытаюсь смягчить свою вину, ссылаясь на то, что он применил насилие, хотя так оно и было; в дальнейшем-то ведь я соглашалась.

Но вскоре я заметила, что он забывает о преступных мерах предосторожности; я трепетала; я наотрез отказалась исполнять то, чего от меня

хотели. Так обстояло дело, когда к моему соблазнителю приехал молодой ученик, привлекательная внешность которого показалась человеку, раздраженному моим отказом, подходящим орудием для победы надо мной. Оказалось, что это тот самый юноша, которого я видела в В*** и который с тех пор занимал мои мысли. Мой соблазнитель поспешил попросить родителей этого юноши, чтобы они отпустили его в учение; причем он, конечно, имел в виду воспользоваться им для осуществления своих замыслов в отношении меня. Добавлю, что он уже не раз прибегал к подобной интриге. Как только юноша переехал к нему, мой соблазнитель стал применять другую тактику; он начал рассказывать мне о том, что многие выдают своих любовниц за простоватых молодых людей, которым они впоследствии покровительствуют. Он расхваливал мне деревенских жителей, их умение прокладывать себе дорогу в жизни, как только им удается преодолеть первое препятствие, и т. д. Ему ничего не стоило убедить меня в своей правоте, едва лишь я увидела того, кто привлек его внимание. Он просил меня быть его союзницей. Судите сами, с каким удовольствием я исполнила его просьбу.

Сперва я только восхищалась красотою учени-

ка моего соблазнителя и продолжала безудержно распутничать; я имела низость считать этого юношу дурачком, который в свое время послужит ширмою моего позора. Но вскоре он усвоил такой тон и поведение, которые совсем покорили нас, женщин; его привлекательное, благородное лицо приняло выражение изысканности, которой ему недоставало только от отсутствия соответствующей среды, — теперь он вызывал у меня не только восхищение, но и нежность. В это время истинная любовь стала возвращать в сердце мое и добродетель. Я с трудом терпела своего совратителя, он вызывал у меня отвращение, брезгливость и даже ужас. Однако я еще не могла от него отделаться; какое это было наказание! Что за мука страстно любить одного, а против воли отдаваться другому!.. Думаю, что нет страданий более жестоких! При этих-то обстоятельствах и обнаружилось то, чего я особенно страшилась. Я воспользовалась этим, чтобы положить конец близости с моим совратителем, зато при всяком удобном случае старалась поощрить моего возлюбленного на такие отношения. Мне это не удавалось и я была в отчаянии. Совратитель мой страдал от этого. Видя, что нет никакой надежды меня успокоить, он стал делать все возможное,

чтобы задуманный им брак был заключен.

Чем больше я виделась с моим кумиром, тем больше привязывалась к нему; в глубине души я клялась любить его одного; если бы не эта мысль, я умерла бы от сознания, что намереваюсь обмануть его. Я собиралась загладить этот обман и дать ему столько счастья, что моя вина обернулась бы для него благом... Увы! Надежда, которою я обольщалась, навеки утрачена мною! Разве что...»

На этом она остановилась, любезный брат. Прочтя эту исповедь, столь чистосердечную, словно она написана для духовника, ты поймешь, что несчастной девушке невозможно было не поддаться обману, зато господин Парангон — презренный искуситель, и со временем ему придется ответить перед Создателем за все зло, которое он причинил мадемуазель Манов и мне.

ПИСЬМО XXXVI

20 ноября

ОТ ЭДМОНА К ОТЦУ Д'АРРАСУ

Здесь он говорит без обиняков

Все устроилось, дорогой отец, и этим я обязан исключительно Вам и господину Годэ: Ваши мудрые советы спасли мою жену и меня самого, причем нам удалось избежать ссоры с моими родителями и с друзьями, среди коих первое место всегда будет занимать госпожа Парангон. Батюшка написал письмо, которое мы у него просили; сестра находится при госпоже Парангон, они неразлучны и их взаимная привязанность радует меня; счастье, которым я наслаждаюсь благодаря Вам, становится еще полнее. Как и Вам, мне думается, что именно Юрсюль должна помочь мне со всеми помириться. Никто и не подозревает, что брак мой состоялся; мы объявим о нем, когда обстановка станет благоприятнее. Но не могу не дивиться тому, как удачно сложились обстоятельства. Все было готово, все подписано; господин Годэ торопил моих родителей с отъездом, он так их стращал, что господин Парангон подумал, не сошел ли он сам с ума; он спрятал брачный контракт, убрал с глаз долой метрические книги и делал все это с невозмутимым спокойствием. Как легко обманывать простодушие, прямоту и наивность! Каким укором была мне благород-

ная доверчивость родителей, какие она будила во мне угрызения совести! Мы отправились в церковь; был час дня. В храме — никого кроме свидетелей. Мы могли бы пародировать слова Дени: «Смотрите, как боги покровительствуют проделкам мошенников». Когда я размышляю обо всем этом, не могу не видеть тут руку судьбы, от которой мне не уклониться. Что я стал бы делать? Манон, несомненно, покончила бы с собою, я уже видел заготовленный яд ... и, как Вы с господином Годэ справедливо заметили, причиною этого несчастья оказался бы я. Словом, теперь она — моя жена; тайну эту придется хранить, быть может, несколько лет. Особенно тяжело мне таиться от моего лучшего друга — от брата; но так надо. Благодарю Вас за то, что по доброте своей Вы согласились стать духовником в монастыре, куда удалилась госпожа Палестин с обеими дочерьми. В разлуке, на которую я обречен, меня будет утешать мысль, что Вы часто беседуете с моей женой. Прощайте, возлюбленный отец; не оставляйте нас без своей поддержки.

ПИСЬМО XXXVII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Советы, которым трудно следовать

Дело решено, любезный Эдмон; через месяц нас с Мари-Жанной обвенчают; приготовься и приезжай по этому случаю вместе с Юрсюль, а ежели госпожа Парангон пожелает оказать нам честь, равно как и мадемуазель Тьенетта, то наши родители, моя нареченная и сам я будем этому весьма рады. На этот случай прилагаю письмо нашего любезного батюшки, а ты со своей стороны тоже постарайся, чтобы они приехали. Я вполне уверен в той, на ком женюсь, милый Эдмон; она не то, что городские девушки, которые сами целуют одного, а руку протягивают для поцелуя другому, как я видел на картинке у одного О***ского каноника. Но вот ты и отбился! Пойми, ты еще слишком молод, чтобы помышлять о женитьбе, погоди пока не изучишь свое ремесло и предоставь твоей доброй хозяйке подыскать тебе жену, ибо лучше получить невесту из ее рук, чем из рук твоего доброго хозяина. Ах, какая хитрая

бестия! Как он нас обольщал сладкими речами и благодушием! Наши родители все вспоминают это, когда мы остаемся втроем. Твоя мадемуазель Манон правильно поступает: говорят, она уходит в монастырь. А ты, друг мой, старайся вести себя хорошо, будь разумным малым, слушайся госпожи Парангон и мадемуазель Тьенетты, они дают тебе добрые, правильные советы, в них сама мудрость и осторожность; насчет тебя я на них вполне полагаюсь. Зато глаз их я бы опасался. Право же, как говорят мужчины, против них не устоишь; они прямо-таки предатели, хоть женщины и сами-то того не знают. Вот и у меня с Мари-Жанной так получается; иной раз она делает что-нибудь не по мне, так ежели я хочу ее побранить, мне приходится зажмуриваться, потому что стоит только мне на нее взглянуть, как я размякаю, становлюсь как тряпка, — вид у нее такой ласковый, глазками она так поводит, что сам уже ничего не соображаешь и говоришь как раз то, чего говорить не следовало. Присматривай за Юрсюль; за другими лучше все замечаешь, чем за самим собой, поэтому следи за всеми ее поступками. Другого сказать мне тебе нечего, любезный брат, разве что: работы у меня хоть отбавляй и писать тебе длинных писем, при всем желании,

не могу. Целую Юрсюль; Мари-Жанна вам обоим кланяется, а также и все наши братья и сестры.

Письмо от отца Р*** к госпоже Парангон

Сударыня!

Беру на себя смелость писать к Вам, чтобы поблагодарить Вас за все милости, которые Вы оказываете моим детям, за которые я всю жизнь буду Вам признателен. Ибо. Вы, сударыня, для моей дочери все равно что Ноэми для Руфи, а для моего сына все равно что Мелхола, дочка царя Саула, для Давида, которого она спустила из окна в корзинке, чтобы спасти его от недругов. Поэтому, сударыня, я поручаю вашему благостному попечению и под Ваше покровительство брата и сестру все равно, как праведный Товит поручил своего сына ангелу, чтобы тот отвел его к Рагуилу, где он оградил его от козней дьявола и женил его на добродетельной женщине. И прошу Вас быть для них, как Девора для Валака, которого она поддержала, и поступить с врагами их благополучия, как Иаиль поступила с Сисарой, военачальником полчищ Иавина, царя Моавитского, которая вонзила ему кол в висок, и как великодушная Юдифь поступила с безбожным Олоферном. И, кроме того, молю Вас, сударыня, если они на беду совер-

шат какую провинность, помочь им исправиться и помириться со старшими, подобно фекоитянке, которая была послана Иоавом и, при помощи ловкой выдумки помирила Авессалома с отцом его Давидом. Мне ведомо, сударыня, что Вы наделены всеми добродетелями Сарры и прелестями Рахили, которая так дорога была своему супругу Иакову, что он четырнадцать лет отслужил за нее Лавану. Вам подобает милость господня, как Анне, которая молилась у входа в храм, который находился в Силоме, а в это время первосвященник Илий принял ее за пьяную и спросил, что с нею такое и тут он предсказал ей, что она родит сына, который стал великим святым пророком Самуилом. Желаю и Вам, сударыня, такой же благодати и прошу Вас исполцить нашу покорнейшую просьбу и пожаловать на свадьбу моего старшего сына, которого мы с божьего благословения на днях женим. Не откажите, сударыня, оказать нам такую честь и поверьте, что Ваше лестное присутствие умножит нашу радость. Пьер женится на девушке доброй и честной, она приветливая и собою хороша, а нрав у нее еще того лучше, такою, думается мне, была Ревекка, когда Елиазар повез ее, чтобы выдать за Исаака, сына его хозяина, патриарха Авраама. Вы же,

сударыня, будете здесь как прекраснейший цветок из венка, которым украсят голову невесты, и будете подобны Суламифи из Песни Песней, которую пел мудрый царь Соломон {11}. Жена почтительнейше кланяется Вам и просит снизойти к нашей просьбе. В заключение имею честь быть, сударыня, бесконечно благодарным за Ваши благодеяния покорнейшим и недостойным слугою

Э. Р*

Свадьба состоится в 13-й день Генваря.

Из Саси, декабря 20 дня 1749 г.

ПИСЬМО XXXVIII

1750 г.

ОТ ЭДМОНА К ЕГО РОДИТЕЛЯМ

Письмо поздравительное и лицемерное

Почтеннейший и любезнейший батюшка и почтеннейшая и любезнейшая матушка!

С наступлением нового года исполняю свой приятнейший долг, раз он состоит в том, чтобы

{11} Комментарии: 2.11

Упоминаемые в этом письме имена и события взяты из Ветхого завета (Библии).

пожелать вам всяческого благополучия, которое станет и нашим благополучием. Да будет вам дано, дражайшие батюшка и матушка, все дни наступившего нового года провести в добром здравии, в каком вы находитесь сейчас, когда вам пишет ваш сын. И да будет ваша радость плодом добронравия ваших детей и моего, а также Юрсюли, которая присоединяется к моим пожеланиям. Вместе с тем, дражайшие родители, иной раз случается, что дети, под влиянием обстоятельств, совершают ошибки, к коим ни сердце их, ни воля нимало не причастны; я надеюсь, что если мною были или будут допущены подобные ошибки, то вы окажете вашему сыну снисхождение. На рождестве я выполнил все обряды, установленные нашей святой церковью, и тем самым подготовился ко вступлению в новый год. Отец д'Аррас исповедовал меня. Сестра также все выполнила и, вероятно, достойнее, чем я, ибо я постоянно допускаю ошибки, которые меня весьма огорчают, но избежать коих не в моей власти. Полагаюсь на вашу доброту и уповаю на то, что в трудные минуты жизни ваши сердца всегда будут открыты для вашего Эдмона.

Бывают обстоятельства, дражайшие батюшка и матушка, когда особенно ясно сознаешь сынов-

ний долг; так случается, когда сам готовишься завязать узы брака, как сейчас готовится мой старший брат: тут представляешь себе, какими ты хотел бы видеть тех, кто будет обязан тебе жизнью, и, сообразно с тем, чего сам от них ждешь, ведешь себя в отношении даровавших тебе жизнь. Я говорю все это не без причины и надеюсь, что настанет время, когда я смогу открыть вам свое сердце.

Все, с кем я говорил здесь о вас, дражайшие родители, шлют вам пожелания полнейшего благоденствия, среди них назову прежде всего господина и госпожу Парангон, госпожу Палестин и ее двух дочерей, особенно мадемуазель Манон, которая привязана к вам как дочь и льстит себя надеждой на взаимное расположение; господин Луазо и мадемуазель Тьенетта кланяются Вам.

Честь имею пребывать с глубоким уважением, и т. д.

Приписка Юрсюли

Присоединяюсь к брату, любезные папенька и маменька, чтобы призвать на вас милость божью и просить вашего благословения. Безграничная покорность, благоговение, любовь — вот все, чем я могу почтить вас; брат удачливее меня,

— он посылает вам нечто такое, что, как он знает, придется вам по вкусу. Но какие бы знаки внимания он ни посылал вам, я уверена, что ими не выразить всей любви к вам, которая переполняет наши сердца.

Остаюсь, любезный папенька, благоговеющая перед вами дочь, и т. д.

ПИСЬМО XXXIX

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Его испорченность начинает сказываться, хотя он еще не чужд благородных чувств и доброты, но с тех пор, как он вступил в брак, ради которого ему пришлось пренебречь совестью, он решительными шагами идет по пути порока. Дети мои, не зря в старину было установлено то, что нынешние вертопрахи именуют предрассудками, они — стражи чистоты нравов и тот, кто их почитает, надежной стеной огражден от преступлений

Вот я, друг мой, и в отчем доме; здесь меня ожидало много радостей и я без удержу предаюсь им. Да, ты прав, надо наслаждаться жизнью.

Пользоваться благами, которые ниспосланы нам богом, не значит быть нечестивцем; такое рассуждение может, правда, завести далеко, но ты, дорогой ментор, свое изумительное искусство пренебрегать щепетильностью сочетаешь с мудрой осторожностью, посему я всецело доверяю тебе и считаю, что знакомство с тобою — великое благодеяние, которым я обязан отцу д'Аррасу, нашему общему другу, и вместе с тем величайшая удача, вытекающая из моего брака с твоей очаровательной кузиной. Не будь тебя, я совершил бы величайшую глупость, упустив невесту с приданым в двадцать пять тысяч экю{12}. Кстати, правда ли, что ее мать и старшая сестра собираются постричься, чтобы я не раскаивался в жертве, которую им принес? Если они опасаются быть мне в тягость, то напрасно, я не из жестоких; тех, кто меня любит, и я люблю. Но пусть решают сами. Когда Манон освободится от бремени, я, думается мне, буду любить ее так же, как если бы ничего и не случилось. Твои взгляды, любезный ментор, превосходны, я ценю их теперь еще больше. Право же все это бредни и предрассудки. Ты мне рассказал о многих женщинах, которые

{12} Комментарии: 2.12

Экю — старинная французская серебряная монета, обычно достоинством в три франка.

оказались в таком же положении, как и моя жена, причем покой их супругов отнюдь не нарушался, рассказал о множестве девушек, поклонники коих воображают, будто они — Лукреции, поведал о том, как изо дня в день утрачивается невинность и как она вновь возрождается из пепла! Так что мне, воистину, не следует чересчур сокрушаться о моей маленькой беде. И именно тебе, любезный ментор, я обязан этой безмятежностью...

А знаешь ли, ты все-таки нехороший! Жена моя не поблагодарит тебя за совет, который ты мне даешь. Однако твоя мысль об отмщении «око за око», действительно, занятна ... А я-то воображал, что ты друг Лежебоки (так мы зовем его между нами, ибо он раздвигает шторы не раньше одиннадцати). Но ты мне отвечаешь: «Да разве у него могут быть друзья? Этот человек живет только для себя, все окружающее приносит в жертву себе, хочет, чтобы все служило лишь его утехам...» Да, таков и есть господин Парангон. Жена его здесь — она не пожелала расстаться с Юрсюлей — и Тьенетта тоже здесь. Знаешь ли, — несмотря на твои шуточки, которые я считаю не слишком неуместными, — моя очаровательная возлюбленная внушает мне веру в добропорядочность женщин ... А что ты имел в виду намедни, когда

в ответ на мои слова о ее привязанности к Юрсюли, стал ехидно посмеиваться? Признаюсь, я тебя не понял. Но, как бы то ни было, благоговение, которое я питаю к госпоже Парангон, меня самого радует; мое уважение к добродетельной Колетте С*** столь беспредельно, как моя любовь к Манон.

Не скрою, любезный друг: семейное торжество и сопутствующее ему веселье пробудили во мне чувственность. И ты ни за что не догадаешься, какой предмет избрал для этой цели Амур! Речь идет об обольстительной красотке, девушке скромной, простодушной и целомудренной, с венком на голове, — словом, о моей невестке. Я ни минуты не помышлял чего-то добиться от той, что предназначена брату (я содрогаюсь при одной мысли об этом, но она мне приглянулась), мне доставляло бесконечное удовольствие танцевать и беседовать с нею. Я поцеловал ее всего лишь разок, ибо почувствовал, что делаю это с излишней страстью. Не вздумай проболтаться об этих безрассудствах моей жене; впрочем, я быстро остыл. Среди прочих родственников, приглашенных на свадьбу, оказалась девушка из матушкиной деревни, к которой я некогда был неравнодушен; она приехала очень поздно. Жених встретил ее, а

позаботиться о ней в дальнейшем поручил мне. Я обращался с ней как со своей старой пассией. Кузина — прелесть; она стройная, взгляд у нее скорее нежный, чем живой, ротик маленький, свежий; она весела и простодушна; грудь у нее еще не вполне развилась, зато такой красивой ножки я просто не видывал. Ей только что минуло шестнадцать. Она не румяная, но лицо ее — как бы чарующий набросок, и кажется, будто она ожидает только любви и ее утех, чтобы расцвести и зарумяниться. Именно этим чаяниям я и намерен пойти навстречу, мой добрый и верный ментор. Право же, следовало бы пожелать Телемаху{13}, чтоб его Ментор был похож на моего; мадемуазель Эвхариде это пошло бы на пользу, чего нельзя сказать об Антиопе! Однако действовать мне надо с величайшей осторожностью, сам понимаешь с кем я тут обязан считаться: с родителями, а еще больше — со старшим братом (перед которым мне еще долго предстоит таиться), и, наконец, с госпожой Парангон; ее

{13} Комментарии: 2.13

...следовало бы пожелать Телемаху... — герой романа Фенелона «Приключения Телемаха» (1699) странствует по свету в поисках своего отца Улисса. Ему сопутствует богиня мудрости Минерва, принявшая облик Ментора. Эвхарида, подруга нимфы Калипсо, и Антиопа, дочь царя Идоменея, — целомудренные девушки, в которых последовательно влюбляется Телемах.

уважения я боюсь лишиться больше, чем всякого другого. Все, однако, идет довольно успешно, благодаря неопытности моей юной жертвы, а также благодаря остаткам былого доверия, которого я в прошлом вполне заслуживал. В следующем письме дам тебе более пространные сведения. Прощай, папаша!

ПИСЬМО XL

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Это письмо относится к числу тех, которые я изъял бы, если бы не надлежало показать постепенное развитие порочности. Эдмон в нем рассказывает о том, как он совратил нашу кузину

С маленькой кузиной покончено, любезный ментор. Что за прелесть деревенские девушки! Их простота прямо-таки чарует, к тому же тут срываешь самый что ни на есть бутон! *Таков мир,* — как ты сказал однажды, — *одно потеряешь, два найдешь.* Только дураки огорчаются. Ведь тот, кому достанется эта девушка, окажется в таком же положении, в какое поставил меня Лежебока.

Нашла коса на камень! Спасайся, кто может! Вывернусь, как сумею! Я мог бы нагромоздить тут поговорок побольше, чем Санчо Панса, и все они одна другой утешительнее. Верный друг — сокровище, и ты — лучшее тому доказательство: о проказах своих будем сокрушаться, когда состаримся, не так ли, дружище?

Как сейчас увидишь, маленькая кузина сдалась с непередаваемой грацией. Вчера вечером, когда все разошлись по своим углам, а мой дорогой братец занялся тем, чтобы его целомудренная и прекрасная половина перестала зваться девушкой, я не стал зря терять времени и, пока он упивался дозволенными радостями, я искал радостей запретных. Я проводил маленькую Лору в ее комнату и удалился, предоставив ей улечься в постель, но попросил ее не гасить свечу, потому что другой у меня нет. Она поспешила раздеться, чтобы мне не пришлось долго ждать. Управившись с ночным туалетом, она крикнула мне: — Кузен, я легла. Возьмите свечу. — Я тотчас же вошел. Свечу я уронил, как бы невзначай наступил ногой на фитиль и сделал вид, будто крайне раздосадован таким пассажем; затем я подошел к постели, чтобы пожелать девушке спокойной ночи и поцеловать ее. Поцеловал раз, поцеловал два; кузина

посмеивалась; позволил себе вольность, кузина стала защищаться, но так неловко! Прикрывая грудь, она обнажила все остальное. Ты только представь себе, что со мною сталось бы, если бы кто-нибудь догадался о моей проделке!.. Сегодня кузина рассеянна, мечтательна; полученный ею вчера урок, по-видимому, очень занимает ее, его стоит повторить, что я и надеюсь сделать сегодня вечером. Но вот она входит, покидаю тебя на время: Дружба терпеливее, чем Любовь.

. . . . . .

Надо рассказать тебе продолжение. Лора робко подошла ко мне; она не решалась поднять взор. — Что с вами, Лорота?[16] — спросил я. — У вас такой грустный вид. — Нет; но мне стыдно. — Стыдно? Полноте! Чего же стыдиться такой хорошенькой девушке? Ко мне, ко мне, милая кузинушка! — Ах, нет, нет! — Как нет? Разве вы уже переменились ко мне? — Нет, кузен. Но теперь, значит, надо на мне жениться? — А за чем дело стало? — Правду говорите? — Так почему бы не жениться? Разве вы не прелесть? Разве мы не пара? — Ну, если вы обещаете... — Клянусь! (Ну не подлец ли я, — сам видишь! Что скажешь на это? Однако совесть во

---

[16] Примечания: 1.16
В наших краях говорят «Лорота» вместо «Лоры» или «Лореты».

мне подает голос; такие дела до добра не доведут.) — Значит, я могу вам верить? — Ах, любезная Лорота! Неужто вы считаете меня негодяем? — Я этого не говорила. — Разве я дал повод для столь несправедливых подозрений? — Нет, нет, кузен; я ведь помню, как мы в детстве любили друг дружку. — Значит, я, по вашему мнению, не могу лгать? — Боже мой! Конечно, нет! — Так докажите, что вы не считаете меня обманщиком. — Докажу когда угодно.

Тут я поймал ее на слове; она стала защищаться; я притворился обиженным, из глаз моих полились вероломные слезы, я стал жаловаться, что она не любит меня. Славная девочка изо всех сил принялась уговаривать меня и, в конце концов, стала кроткой как овечка[17]. И только с этой минуты я могу льстить себе мыслью, что окончательно покорил ее. Я не намерен так просто расстаться с нею; эта жемчужинка влечет меня к себе; право же, она нравится мне до такой степени, что если так будет продолжаться... Но посмотрим, как все это обернется. А вдруг я завязну? Через три дня она уедет, мне придется раскаиваться в своей подлости, ибо, когда после

[17] Примечания: 1.17

Девушкам, пожалуй, полезно познакомиться с такими повадками — они довольно распространены в обществе.

свадьбы все разбредутся по домам, где же мне ее взять?.. Но, друг мой, — молчок; я исповедуюсь тебе, как исповедовался бы отцу д'Аррасу. Понял?

ПИСЬМО XLI

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Смесь добра и зла; но последнее преобладает

Не пишешь целую неделю! Что с тобою? Заболел, умер, похоронен, погребен? Или же юная кузина...[18] Да уж лучше бы умереть, папаша; юная кузина меня совсем заполонила. Я люблю ее, я ее обожаю, я схожу по ней с ума, я не в силах расстаться с нею. Она моя. Но особенно странным покажется тебе то, что как только мое влечение к ней стало заметным, добродетельная госпожа Парангон принялась поощрять его; видно, любая девушка хороша, лишь бы она отвлекала меня от ее кузины. Однако сегодня я говорю «прощай» всем своим утехам; Лорета уезжает. А мы про-

[18] Примечания: 1.18

Слова, набранные курсивом, взяты из письма Годэ к Эдмону; оно не сохранилось по причине, о которой говорится в письме. LV. В таких случаях фразы, повторенные отвечающим, всегда приводятся курсивом, как здесь *(прим. издателя).*

будем здесь еще неделю — такова воля госпожи Парангон.

Итак, ничто не в силах было умерить пыл моей тещи и свояченицы: обе постриглись. В глубине души я этим огорчен. Будь у меня подозрения, что на это толкнул их ты или д'Аррас, я на вас рассердился бы... как на чересчур ретивых друзей. *Жена моя чувствует себя хорошо* — это известие бесконечно порадовало меня. Между нами говоря, любезный папаша, я собираюсь изменять ей лишь до нашего воссоединения, а после мы заживем словно два голубка, будем ворковать от нежности и наслаждаться друг другом. Посему, как видишь, мне вовсе не след глубоко ввязываться в приключение, о котором идет речь. Ведь если бы мне удалось уговорить маленькую кузину тайком приехать в город, ее могли бы накрыть. Какой переполох поднялся бы тогда в семье! Нет, об этом и думать нечего. Кроме того, я и жену свою ценю; она меня любит, я ее тоже люблю, хотя бы из признательности. Я сторонник нравственных добродетелей, без них человек недостоин жизни, ибо надо же как-то возмещать свои пороки. Ты мыслишь и поступаешь лучше, нежели говоришь, папаша: ты добрый, ты обязательный, великодушный человек, каких мало,

ты тайком делаешь добро неизвестным тебе людям, и вдруг хочешь, чтобы я был несправедлив к собственной жене!.. Уж позволь мне подражать тебе в добродетели, раз я подражаю тебе в пороках... Впрочем, быть может, у тебя есть некий retentum[19], которого я не улавливаю?

Я отнюдь не возражаю против того, что моя теща *превратила все свое состояние в наличные* и что ты от моего имени хлопочешь *о приобретении прекрасного поместья близ бенедиктинского монастыря.* Луга, пашни, мельницы и крупорушки вкупе с виноградниками и садами могут, как мне сказывали, приносить три тысячи шестьсот ливров дохода, а это больше, чем проценты с капитала. Я вполне одобряю твою затею; можешь заключать сделку *на семьдесят тысяч франков, дав кому следует приличную взятку, раз госпожа Палестин говорит, что у нотариуса хранятся ее семьдесят пять тысяч.* Помышляя о том, что эта дама делает для меня, я невольно укоряю себя в неблагодарности; я неуважительно отношусь к ее дочери, ради которой она отдает мне все свое состояние. Однако господин Парангон причинил моей супруге и мне больше зла, чем кажется на

[19] Примечания: 1.19
Тайная мысль *(лат.).*

первый взгляд[20]. Я недоволен всеми, кто просветил меня. Зачем было открывать мне глаза? Не будь этих доброжелателей, я бы больше уважал себя... Да, жена моя поступила неосмотрительно. Госпожа Парангон... О, насчет нее должен сказать: что бы она ни делала, ее поступки всегда кажутся мне разумными. Но я сердит на мадемуазель Тьенетту, на господина Луазо, я готов даже сердиться на сестру... Однако в чем же ее вина? Просто я не в духе. Обратимся к более приятным мыслям.

Ты сулишь мне весьма отрадную жизнь в будущем, представляю ее себе заранее. Мы будем тесно связаны, мы будем видеться изо дня в день; я надеюсь, что со временем нам удастся примирить госпожу Парангон с моей женой, тогда мы образуем очаровательный кружок, и ты будешь нашим философом, а д'Аррас — духовником. Мне очень хочется, чтобы так получилось, и я уже веду соответствующую подготовку. Госпожа Парангон всегда была очень добра ко мне, и я еще многого жду от этой прекрасной души... Сейчас я провожу маленькую кузину. Прощай, любезный ментор, умерь свои любовные утехи и береги здоровье ради тех, кто тебя любит.

---

[20] Примечания: 1.20

Вот луч света, проникающий в сердце Эдмона. Так случается нередко, но слабые лучи эти лишь освещают его подлость, но не исправляют его.

ПИСЬМО XLII

ОТ ТОГО ЖЕ к ТОМУ ЖЕ

Новая опасность

Представь себе, любезный ментор, корабль, плывущий по бурному морю; то его гонит попутный ветер, то бросает к берегам, противоположным тем, к коим он стремится, — вот что представляет собою мое сердце уже четыре дня, с тех пор как юная кузина уехала домой. Она настолько занимала меня, что, так сказать, закрывала мне глаза на прелести всех других женщин, а между тем ее очарование было не самым опасным!.. После того как суета улеглась, как все посторонние разъехались и мы спокойно зажили в узком семейном кругу, мы пользуемся последними погожими днями, которые дарит нам природа, и гуляем в саду родительского дома; тут моя хозяйка, Тьенетта, господин Луазо, Юрсюль, Мари-Жанна и я. Тьенетта и Луазо идут поодаль, Юрсюль большей частью беседует с новобрачной, а я сопутствую госпоже Парангон, поддерживая ее под руку, и мне кажется, что в ее

взгляде сквозит довольство. О себе же скажу, что стоит ей слегка опереться на меня и сердце мое трепещет; мне хотелось бы взять на руки весь этот драгоценный груз без остатка.

Вчера наша беседа коснулась Лореты; госпожа Парангон спросила, какого я мнения об этой славной девочке? Я решил отвечать осторожно. — Она мила, — сказал я. — Мила? И это все? Вы отзываетесь о ней столь сдержанно? — Да что же, она действительно недурна. — А я, сударь, считаю, что она очаровательна. — Пожалуй. — Она олицетворение юности. — Спору нет. — Она заслуживает отличную партию. — Разумеется, сударыня. — Гораздо лучшую той, какую можно себе представить по вашим холодным ответам, сударь. — Я отвечаю со всем жаром, на который способен, сударыня. — В самом деле: мила. Согласен. Спору нет. Разумеется, сударыня, — в этих словах столько пылу! Видимо, я не права, я заблуждаюсь! — Предположим, сударыня, что ответы мои, как вы изволили заметить, сдержанны. Но моя ли тут вина? — Значит, моя! — Что и говорить, мне известна особа, которая затмевает все, что тщится блистать рядом с нею. Отсутствующие здесь не при чем. — Я вас не понимаю, Эдмон. — Верю; все, что я говорю, для вас вдвойне непо-

нятно. — Зачем же тогда говорить? — Дело в том, сударыня, что мне хочется, чтобы вы приказали мне высказаться яснее. — Тут у нее подвернулась нога, она оступилась, но я успел поддержать ее, обхватив обеими руками. Полному наслаждению не сравниться с тем, что я испытал; я не решался опустить ее на землю. Но простой ее взгляд (мне показалось, что он брошен самой невинностью) вернул меня к действительности. Я робко попросил ее присесть. Она села, потому что ощущала в ноге легкую боль. Я дал ей понять, что опасаюсь возможных последствий. Она успокоила меня милой улыбкой. Я дотронулся до ее ножки, слегка повертел ее в разные стороны (ах, друг мой, в жизнь свою я не испытывал ничего подобного), и в глазах ее я прочел смущение, однако без тени строгости. Мы продолжали беседу.

— Вы хотите сказать (это она говорит), что Лора не так уж понравилась вам? А я то думала, что вы не на шутку увлечены. — Такому увлечению, сударыня, есть в моем сердце препятствие. — Очень жаль; Лора меня очаровала. — Вы были очарованы также и той... — Не знаю, зачем только я завела этот разговор, — живо перебила она меня, — он меня утомляет. — Так оставим его, сударыня, и позвольте поговорить о вас. — Обо

мне? А что обо мне говорить? — Что вы достойны самого глубокого уважения, как и самой нежной привязанности, и такие именно чувства я питаю к вам. — На эти чувства я отвечаю искренней дружбой; я делю ее между вашей сестрой и вами, но так, что каждый из вас владеет ею безраздельно. — Тут я осмелился поцеловать ее руку. Она порывисто отняла ее, сказав: — Такие вещи мне приятны только от Юрсюли. — Значит, мы не равны — и вот разница. — Равенство только в моем сердце. — Как же мне убеждаться в равенстве, если оно сказывается по-разному? Вы возбуждаете во мне ревность. — Неужели вы такой несправедливый? — Нет, сударыня, но мне всегда придется опасаться, как бы у меня не похитили бесценное сокровище, обладание которым ничем не обеспечено. — Отнять его у вас никто не может. — Вы предпочитаете мне мою сестру? — Однако вы становитесь требовательным, сударь! Свои дары я хочу распределять свободно. — Вы сердитесь потому, что я поцеловал вам руку. — Однако, Эдмон, какой же природы чувства, которые вы питаете ко мне? — Ах, сударыня, они именно такие, какие вы можете внушать, — нежные и благоговейные; ваша доброта и ваше очарование для меня неотделимы. — Так

и порешим. Тут не место ухищрениям кокетки. Я сознаю свои обязанности: будем как брат и сестра; усвойте чувства, соответствующие таким отношениям, как усвоила их я. Эдмон, я люблю вас, и вскоре вы узнаете, что я намерена для вас сделать. Я льщу себя надеждой, что мне удастся обеспечить вам прочное счастье. Я не тороплюсь открыть вам свой план и жду, когда ваше сердце перестанет метаться. Дай бог, чтобы мне удалось лучше, чем кому-либо другому, положить конец нерешительности, в которой вы пребываете! — Нерешительности? Но я ее давно преодолел, сударыня... — Тут к нам подошли мои сестры и Тьенетта, и госпожа Парангон прервала речь, отвечая на какой-то их вопрос. Потом она встала и пошла, слегка прихрамывая. Я был чуть ли не в восторге от этого маленького происшествия, сам понимаешь почему: ей пришлось опираться на мою руку. Мы возвратились домой.

Дома произошла другая забавная сцена, любезный ментор. Госпожа Парангон и сестра удалились в свою комнату. Над нею помещается чулан, в котором, как мне было известно, есть окошечко; я ловко забрался туда. Первых их слов я не застал, но вот заговорила несравненная дама: — Нет, дочь моя, я никогда не забуду, что я заму-

жем. Если муж мой ведет себя предосудительно, то это не значит, что и я могу себя вести подобным же образом. Я это отлично знаю. Но я желала твоему брату счастья, я могу содействовать ему и это — единственная дозволенная мне радость... Не знаю, что со мной, но я как-то встревожена... Мне бы хотелось, чтоб он осмелился меня любить, я уверена, что удержу его в надлежащих границах; сдержанная любовь не распутство; он еще отнюдь не испорчен (о, Годэ, какое тяжелое впечатление произвело на меня это слово!). Если бы он влюбился в меня, я отторгла бы его от Манон; она недостойна его, она может только его унизить, она хотела его обмануть; а затем, когда он повзрослеет, мне нетрудно будет привести его к намеченной мною цели. Я не могу надеяться, не могу даже помышлять о том, что он станет моим, и посему я предназначаю его моей сестре; я никогда всерьез не помышляла ни о Лоре, ни об Эдмэ, мне только хотелось, чтобы эти девушки отвлекали его от обольстительницы, покамест сестра моя еще ребенок. Вы знаете ее, ей десять лет. Внешность ее с годами будет все лучше и лучше. Я стану радоваться за Эдмона, и он тоже будет счастлив. Он станет мне братом; как брата, я могу непредосудительно любить его, мне уже

не придется краснеть за свою склонность... Ах, Юрсюль, Юрсюль, если бы ты только знала, какая мука — ревность!.. Вот только что он взял меня за руку, поцеловал ее... Мне пришлось призвать на помощь весь свой разум, чтобы отнять ее, пришлось рассердиться, чтобы заглушить преступную радость... А потом, когда он говорил со мной, воображение помимо моей воли рисовало мне то блаженство, которое я испытывала бы, если бы могла ответить ему взаимностью... Но я говорю лишнее, я забываю, что от веяния предосудительной любви может поблекнуть чистота моего друга. — Мне бесконечно приятно слушать вас. — Я чересчур увлеклась, Юрсюль. — Нет, нет, ведь я люблю вас, люблю брата и вы тоже любите его.

В твоем сердце это похвальное чувство, а в моем... — И в вашем тоже. — Нет, дочь моя; еще шаг и оно станет преступным. — Вы этого шага никогда не сделаете. — Ах, кто может поручиться! Ищущий погибели — погибнет... Милая моя Юрсюль! — Любезный, достойнейший друг мой! Вы плачете! Позвольте мне утереть эти слезы. — Надо отвлечь Эдмона от пагубной страсти, она ужасает меня; да, пусть я лишусь покоя, но сделать это необходимо. — Если брат любит меня,

он от нее откажется; я скажу, что требую этого во имя нашей дружбы. — Сохрани тебя бог, друг мой! Любовь можно преодолеть только любовью; никакими доводами, рассуждениями, даже дружбой тут не поможешь... они бессильны против этой страсти... Не могу описать тебе, что творится в моем сердце; когда я заметила, что твой брат льнет к девушке, которая тут гостила, я очень обрадовалась; я думала, она заслонит Манон; она не столь опасна, как Манон; она не столь коварна, не столь подла. Сейчас мне удалось кое-что у него выведать и я в восторге: он к ней равнодушен. Как понимать все это? — Это значит, что вам хочется, чтобы он любил только вас. (Обратив взор к небесам:) — Вот глас невинности!.. (Сестре:) Боюсь, что так оно и есть, дитя мое. Сколь я была бы несчастна, не будь возле меня такого друга, как ты! — Да, мое сердце принадлежит вам, принадлежит безраздельно! — Юрсюль! Бесценное дитя! — Достойнейший друг мой! — Значит, ты очень любишь меня? — Нет слов, чтобы высказать мою любовь! Позвольте обнять вас.

Тут перо выпадает из рук моих. Боже, до чего счастлива была Юрсюль!.. Вошла Тьенетта и присоединилась к их беседе. Представь себе эту восхитительную группу и скажи — не предпочел

бы ее сам Амур трем грациям? — Ах, милые мои девушки, — воскликнула госпожа Парангон, — какое счастье — дружба! В ней не приходится раскаиваться, тут не ведаешь ни измены, ни непостоянства. Тут говорят не коварные уста. Милые девушки, обе вы так же чисты сердцем, как прекрасны внешностью!

Пора уже было садиться за стол и Тьенетта ушла, чтобы помочь моей матери и сестрам. Я спустился вниз. Но я был столь взволнован, что вместо того, чтобы отправиться к госпоже Парангон, погулял в саду. Ужин прошел оживленно, как сам понимаешь, я тоже немало способствовал этому. Взоры всех милых сотрапезников были прикованы к прекрасной даме и я радовался за нее, видя их восторг. Мои братья оспаривали друг у дружки честь оказать ей какую-нибудь мелкую услугу, а сестры не могли скрыть, что немного завидуют Юрсюли; сама же обожаемая особа, видя их преклонение, старается показать, как она тронута их расположением. Не одна только ее красота производит на всех столь сильное впечатление: Юрсюль, быть может, не менее миловидна, но госпожа Парангон... она вот такая, как есть; это, так сказать, идеал красоты. Всякая другая женщина может быть изящна, может

обладать невыразимым обаянием, трогать и покорять сердца лишь в той степени, в какой она приближается к этому идеалу. Не знаю, природе ли она обязана тем, что от нее веет добротой и какой-то особой непосредственностью, или это, как говорят, привито ей столицей. Но не все ли равно? Теперь это уже неотъемлемо. О, как мне хочется увидеть столицу, этот столь хваленый город, где женщины чаруют, даже не обладая красотой, где они внушают страсть, не будучи верны, где они правят мужчинами, не скрывая своей деспотической власти и где заставляют обожать даже самые явные свои пороки. Я хочу увидеть ее как можно скорее, я сгораю от нетерпения[21].

После обеда я зашел в комнату госпожи Парангон. Мы с ней мало поговорили, ибо она попросила меня почитать новую книгу, которую ей только что прислали. Это «Письма Абеляра и Элоизы» {14}, переложенные в довольно жалкие, а попросту говоря в скверные, французские стихи. Тем не менее, письма очень тронули нас... Я

---

[21] Примечания: 1.21

Увидишь и раскаешься, несчастный!

{14} Комментарии: 2.14

«Письма Абеляра и Элоизы». — В переписке средневекового богослова Абеляра (1079—1142) и монахини Элоизы отразились драматические перипетии их любви. Переписка издавалась неоднократно.

говорю «нас» — остальное тебе понятно. Прощай, дружище. Как видишь, из-за госпожи Парангон я чуть не забыл, что у меня есть жена. Передай ей, что я здоров и что напишу ей как только вернусь в город.

ПИСЬМО XLIII

ОТ ГОСПОЖИ ПАЛЕСТИН К ЭДМОНУ

Манон падает и преждевременно родит

Врач — господин Тьено — расскажет Вам, любезный сын мой, какое несчастье случилось с Вашей женой, моей дочерью. Верьте, если небу угодно будет взять ее от меня, мои предначертания относительно Вас останутся без изменений. Сим письмом я подтверждаю, что выполню их неукоснительно. Старшая дочь кланяется Вам. Бедная больная крепко Вас целует. Ваш искренний друг и доброжелательная мать Мари К***, вдова Палестин.

ПИСЬМО XLIV

В тот же день

ОТ ЭДМОНА К МАНОН

Как можно изъясняться в одних и тех же чувствах стольким различным женщинам! Город — опасное местопребывание для людей с таким сердцем, как у Эдмона

Мужайся, мой бесценный друг, — несчастье, случившееся с тобою, не грозит пагубными последствиями — так уверяет меня врач. Будь хоть малейшая опасность, он не покинул бы тебя, хоть ты и находишься в надежных руках. А заслуги господина Берриа тебе хорошо известны, как и всему городу. Смотри береги себя ради своего супруга, а насчет всего остального не беспокойся. Наш позор покрыт мраком полнейшего молчания, а раз о нем никто не знает, значит, его вовсе нет. Отныне я могу безмятежно наслаждаться сознанием, что принадлежу тебе; никаких помех уже не существует; теперь ты вернешься ко мне с чистым сердцем, и посему я твердо надеюсь, что в будущем нас ожидает счастье.

Сейчас я получил письмо от господина Парангона, которое я, прочитав, немедленно сжег. Он сообщает, что ребенка увезли и окрестили в деревне в восьми лье отсюда (это Пуррен), причем

фамилию отца записали, а фамилию матери переделали на Энитсела. Он пишет также, что младенец выживет, несмотря на преждевременные роды, что соблазнить тебя его побудило только желание иметь сына. Далее он уверяет меня, будто, потеряв надежду иметь ребенка от жены, начал искать другую женщину, которая подарила бы ему радость отцовства; он говорит также, что до сих пор все ему отлично удавалось, и что если я доволен своей судьбой, то теперь его уже ничто не тревожит. Он строит планы относительно устройства ребенка, которому он намерен передать все свое состояние, но ты сама понимаешь, какие все это бредни. Нам до этого дела нет. Я передаю тебе содержание его письма, лишь желая развлечь тебя и утешить, так как было бы несправедливо осуждать твои материнские чувства. Я презирал бы тебя, если бы ты не любила всю жизнь существо, которое выносила под сердцем.

Сведения, которые он сообщает о твоем кузене Годэ и об отце д'Аррасе, удивляют меня меньше, чем ты могла бы предполагать. Я знаю, какой вольнодумец первый из них; но ко всему, что могут мне о нем сказать и что прежде, когда я еще был неопытен, вызвало бы у меня к нему

отвращение, теперь я отношусь вполне терпимо[22]. Что же касается до отца д'Арраса, то мы ведь знаем, какой образ мыслей господствует в монастырях. Дорогая моя, людей надо принимать такими, какие они есть, и с ними дружить. Что до тебя, то заявляю тебе, что всегда буду полагаться на твою добродетель. Если ты мне изменишь и я узнаю об этом, то местью моей станет презрение. Если же ты мне будешь верна, то, хоть это и твой прямой долг, я буду считать это за милость и соответственно буду тебе благодарен. Твое и мое счастье зависит от нашей взаимной привязанности, а когда женщина мила, как ты, и красота ее дополняется еще и умом, то она сама виновата если в своем муже, порядочном человеке, не умеет распознать любовника, супруга и друга.

[22] Примечания: 1.22

Так случается всегда с тем, кто начинает оправдывать негодяя, делая постыдные признания.

Я мог бы поведать тебе еще многое, писать тебе мне не утомительно, но боюсь, что ты утомишься, читая мое послание. Прощай, милая малютка, целую твою матушку и сестру; скажи им, что я тронут их великодушием и что, случись беда, я так же искренне отказался бы от их дара, как искренне они мне его предлагают. Почтительно кланяюсь матери-настоятельнице; вот родственница, которую я буду боготворить всю жизнь.

Твой друг, твой любовник и муж, и т. д.

ПИСЬМО XLV

20 февраля

ОТ МАНОН К Д'АРРАСУ

Нет покоя грешникам

Вот он и стал, кажется, таким, как вы хотели. Чего же Вам еще? Один замышляет его обмануть, другой — закалить, вы хотите его успокоить, а я оказываюсь всего лишь жертвой. Такая роль мне не по вкусу, скажите это господину Годэ, а также и другому. Она противна моему характеру, пусть примут это во внимание. О боже, как ужасно, как прискорбно потерять уважение к самой себе; самоуважение — узда более надежная, чем законы и религия; они бессильны, если нет самоуважения. О, если бы я уважала себя, моему соблазнителю не удалось бы вчера вырвать у меня обещание... И все-таки надо притворяться добродетельной! Что ж, буду притворяться. Но в случае разоблачения — пусть трепещут!

(Без подписи)

ПИСЬМО XLVI

22 февраля
На другой день

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОДИНУ ЛУАЗО

Он открывает тайну своего брака с мадемуазель Манон

Тебе известен источник моих тайных страданий, друг мой; я открылся тебе и рассказал, что меня унижает и что в моих глазах изобличает всю низость, которую я совершил по отношению к своим родителям, бессовестно обманув их. Изо дня в день лгать! Пренебречь любимым братом! Лукавить с такой женщиной, как госпожа Парангон! Закрыть доступ в свое сердце Юрсюли, твоей подруге, тебе самому! Мне это стало прямо невмоготу. И для этого трудного признания я избрал тебя и не раскаиваюсь в своем выборе, ибо даже любовь не могла осилить твоей обычной сдержанности и ты не выдал доверенной тебе тайны. Но бремя моего признания не долго будет угнетать тебя. Нас так некстати прервали[23], что я не мог поделиться с тобою нынешними своими планами; сейчас расскажу тебе то, чего не успел поведать до твоего отъезда.

Когда я написал жене, она находилась в большой опасности, я знал об этом, но не показывал вида. Письмо мое, говорят, так обрадовало ее, что

---

[23] Примечания: 1.23
Исповедь свою Эдмон начал в С***.

с нею случился благотворный припадок, после которого дело пошло на поправку. Следовательно, я вторично спасаю ее жизнь, а тебе известно, что сделанное кому-либо добро привязывает нас к этому человеку сильнее, чем его — к нам[24]. Она вышла из монастыря; все удалось сохранить в полнейшей тайне. При встрече я нашел ее такой красивой, что ни о каком раскаянии в принесенной мною жертве не может быть и речи. Кроме того, какое неожиданное упоение — тайна, которою мы должны окутывать себя! В кругах, где мы бываем, не знают о том, что я имею к ней отношение, и посему всякий откровенно говорит то, что думает о ней. Все ее хвалят, каждый по-своему. Один вздыхает по ней и сообщает мне об этом; другой выражает свои чувства грубовато и требует от меня того же; Эллипюд{15} хотел бы провести с нею ночь — пусть то будет последняя в его жизни; де Ф*** готов пожертвовать ради нее всем, вплоть до своей наглости; красавец Эти-

---

[24] Примечания: 1.24

Истинная правда, которой не придают должного значения; именно поэтому мы так чувствительны к несправедливости тех, которые нам чем-либо обязаны.

{15} Комментарии: 2.15

Эллипюд — анаграмма фамилии Дюпийль (Dupille).

фереип{16} согласен принести ей в жертву свое зеркало и свое самодовольство, Ш*** — свои леса и мызы, Бель*** — замок, даже деревяшка В*** собирается распрощаться ради нее со своими варзийскими угодьями{17}. Как бы то ни было, я не спокоен; я чувствую, что молодая особа, живущая одна со служанкой и каждый вечер принимающая в темноте мужчину, не может, в конце концов, не дать повода к сплетням, а здесь они, как тебе известно, раз в десять ядовитее, чем где бы то ни было. Выходом из положения могла бы послужить только дружба с госпожой Парангон и двумя девушками, с теми, которых ты так удачно назвал «трио граций». Манон дополнила бы это число — тебе ведь известно, что мнения поэтов на сей счет расходятся и что в древности допускались как три, так и четыре грации. Впрочем, к какому бы мнению ты ни примкнул, мы легко помиримся: госпожа Парангон станет среди них Венерою. Итак, дружба с тремя грациями могла бы устранить все затруднения и защитить нас от козней Лежебоки, если он не изменится. Но как

{16} Комментарии: 2.16

Этифереип — анаграмма фамилии Пьерфит (Pierrefite).

{17} Комментарии: 2.17

Варзийские угодья — в местности с богатыми пастбищами, близ Кламси.

осуществить этот план? Пришлось бы все разоблачить: моя возлюбленная столь великодушна, что мне тут опасаться нечего, но я уверен, что такой выход сильно огорчит ее.

Поговорим о тебе, друг мой: скоро ли ты вернешься сюда? Госпожа Парангон намедни сказала мне, что родители твоей подруги, по-видимому, собираются образумиться. Им ничего не остается, как выдать свою дочь за тебя. Мадемуазель Тьенетта — полная противоположность Манон, она сама невинность, и с нею легко ладить. Я советовал бы тебе не устраиваться для жительства ни в нашем городке, ни в О***; на твоем месте я поселился бы либо в столице, либо в Дижоне; я даю такой совет не без корысти; если ты выберешь один из этих городов, то он станет для меня родиной, и я поселюсь возле вас; следовательно, прямо-таки необходимо, чтобы Манон и мадемуазель Тьенетта подружились. Я уже рассказал жене истинную историю твоей суженой; она была крайне изумлена и просила меня помочь ей загладить ее вину перед этой милой девушкой.

Господин Годэ, на которого ты, кажется, очень зол, не заслуживает столь горьких упреков; что касается отца д'Арраса, то образ мыслей его, конечно, мало соответствует его званию; но он хоть

не лицемер, он показывает себя таким, каков есть. Первого из них ты, кажется, даже не считаешь порядочным человеком, а я не могу отказать ему в этом по следующим соображениям: он верный друг, искренний, благонадежный, хоть и чересчур склонен к некоторым удовольствиям (ну и что ж, тем хуже для девиц, чьи родители нерадивы, и для мужей, чьи жены чересчур податливы); к тому же он неспособен доставлять себе эти удовольствия подлым, унизительным путем. Недавно он изложил мне свои взгляды на жизнь, и они показались мне столь убедительными, что я не мог не согласиться с ними. Приезжай поскорее! Мы втроем поговорим на эти животрепещущие темы...[25] Сейчас я должен оставить письмо. В доме какой-то переполох; если удастся, мы с женой воспользуемся им, чтобы осуществить задуманный нами план.

Вчера мне пришлось отложить письмо из-за весьма приятного события: к нам приехала младшая сестра госпожи Парангон. *Три грации* приняли ее очень ласково. Фаншетта — истинная жемчужинка. Представь себе черты лица такие же, как у ее сестры, такую же улыбку и вместе

[25] Примечания: 1.25

Из письма XCVII станет ясно, о каких именно убедительных взглядах идет здесь речь.

с тем живость, которую старшая утратила, по-видимому, уже навсегда. Все были довольны и веселы, и я решил, что настал самый подходящий момент для того, чтобы Манон навестила свою кузину. Я предупредил об этом последнюю. Сначала на всех лицах появилось удивление и тревога. — Откуда вам известно, что Манон собирается сюда? — спрашивали меня. — Разве вы ее наперсник? Она вас избрала своим глашатаем? Что ей здесь надо? — Я отвечал: — Сударыня, она нуждается в вашей снисходительности и дружбе; она заслуживает и того, и другого. Соблаговолите выслушать ее. Ей многое надо сказать вам. Позвольте ей навестить вас сегодня же, сейчас. — Изумление *трех граций* росло с каждым моим словом; молчание их я принял за согласие; я низко поклонился и побежал к Манон. По пути я объяснил ей, как держать себя. — Сейчас вы увидите, как я люблю вас, — ответила она.

Приезжаем. Госпожа Парангон и ее две приятельницы еще сидели на тех же самых местах, где я их оставил. Завидев кузину, Манон оставляет мою руку, робко подходит к ней; но, заметив, что во взгляде кузины мелькнуло суровое выражение, она, вместо того чтобы обнять ее, падает перед ней на колени и хватает ее руку, чтобы

поцеловать. — Что такое? — воскликнула госпожа Парангон, — что вы хотите? Что вы делаете, мадемуазель? — Дорогая моя, великодушная, родная! — прервала ее Манон, — благополучие и покой может мне принести только прощение, которое я жду от вас. — Я вас прощаю, мадемуазель. Я уже все простила, уже давно. Встаньте, эта поза не к лицу такой красивой девушке. — Я могу принять здесь, кузина, только одну из двух поз. — Что вы хотите сказать? — Либо позвольте мне стоять перед вами на коленях, либо примите меня в свои объятия. Кузина, я боготворю вас, — видите, я плачу; это слезы скорби и раскаяния. Ах, позвольте мне напомнить вам чувства, которые вы некогда питали ко мне. Забудьте об ошибке, которая мне глубоко ненавистна; позвольте любить вас и вскоре я заслужу и вашу любовь. Покуда я не верну себе ваше уважение и дружбу — до тех пор буду считать себя недостойной мужниной любви, каковы бы ни были мое раскаяние и моя преданность ему. Я связана нерасторжимыми узами с человеком, которого люблю больше жизни, но даже в его объятиях я чувствую, что без вас не могу быть счастлива... — Вы замужем?! — Да, кузина, и вот мой супруг. — Эдмон! — Да, Эдмон! — О небо! — Теперь вы

знаете мою тайну, судьба моя в ваших руках. — Я не злоупотреблю этим, мадемуазель... Да, не злоупотреблю, несмотря на... Эдмон! Что же мне теперь думать о вас? Да что я говорю!.. Вы женаты? Женаты? Да как же так...? — Я ответил, что, когда мои родители уехали, соответствующие документы были ими уже подписаны, что все уже было заготовлено, как того требует закон, и боязнь стать причиною смерти Манон побудила меня внять ее настойчивым просьбам. Я добавил, что, когда я возвратился сюда из родительского дома и вновь увидел Манон, вновь убедился в ее привязанности, в ее добронравии, то в сердце моем возгорелись чувства, вполне подобающие супругу. — Не могу прийти в себя от изумления, — сказала госпожа Парангон, — переводя взгляд с Манон на мою сестру. — В сущности он прав, дочь моя (обратилась она к последней); побуждение, заставившее его так действовать, похвально, и Манон теперь уже не преступница... (Не знаю, что именно она хотела этим сказать; но она сама себя перебила): — Юрсюль, поцелуйте свою сестру, — продолжала она. Это слово преисполнило нас живейшей радостью. Госпожа Парангон, казалось, была довольна этим. Я на руках поднес к ней жену, она не оттолкнула ее. Тут я выказал

своей прелестной кузине (я впервые так назвал ее) столько уважения и преданности, столь горячую признательность, чтоона, улыбнувшись, промолвила, что очень довольна мною. О, что за превосходная женщина! Это голубка, неведающая злобы, это душа, созданная, чтобы любить и быть любимой; добродетель ее бесподобна! Будь все женщины таковы, на земле перевелся бы порок! Заметь, что она ничего не требует за прощение. Она сказала кузине: — Ну что ж, будь счастлива. Честная, законная любовь — единственный источник радости; иначе женщину ждет только обманчивая видимость, под которой таятся стыд, преступление и раскаяние; непрестанно памятуй об этом, кузина. Если моя дружба тебе на пользу, с радостью дарю ее тебе; люби мужа и тем самым заслужи ее; будь мне подругой, раз вы оба этого желаете. Я беру на себя вновь вызвать сюда родных Эдмона; вот эта милая девушка поможет мне, — не правда ли, любезная Юрсюль? — Разумеется, сударыня, — ответила та, — ведь теперь эта дама — моя сестра, а ваш друг. — И, обращаясь к моей жене, она добавила: — Не сомневаюсь, сестра, в ваших достоинствах и добродетелях, раз вы покорили моего брата.

При этих словах в комнату вошла Фаншетта,

ее познакомили с кузиной, и разговор перешел на другие темы. Как я тебе уже говорил, девочка эта — прелесть, и если бы судьба моя не была уже решена, я охотно осуществил бы замысел ее сестры. Я в восторге от этой пленительной покровительницы! Ведь я знал каковы были ее намерения; когда малютка приехала, госпожа Парангон собралась мне ее показать, узнать мое впечатление, — и вот все ее замыслы рухнули; но и это не вызывает у нее гнева, она все прощает, более того — она хочет быть нам полезной... Она даже вызывает у меня чувство сожаления, что я счастлив. Ах, как было бы упоительно пожертвовать ради нее своим счастьем!..

Остаток дня прошел отменно. Я увез свою жену, когда ожидали возвращения господина Парангона. Приехав к ней, я уже не принимал таких мер предосторожности, как раньше. Мы поужинали вдвоем. Девушка, прислуживающая ей, была, видимо, удивлена нашей непринужденностью; она видит меня впервые, ибо Манон всегда сама отворяла мне дверь. Все же мне пришлось ненадолго выйти, а потом снова войти через заднюю дверцу. Пройдет несколько дней и мы, надеюсь, откажемся от этих стеснений, по крайней мере в домашней обстановке.

Я сказал, что собираюсь писать тебе; тебе кланяются; мадемуазель Тьенетта рассчитывает на твою осторожность, а я — на твою дружбу.

Два-три дня спустя я получил от господина Луазо записку, которую не могу теперь разыскать; смысл ее был такой:

Следует быть ко всему готовым, любезный господин Р***, жизнь — зыбкие подмостки, на коих приходится наблюдать самые поразительные сцены и чем они поразительнее, тем меньше следует торопиться высказывать суждения о них. Нередко они бывают вызваны такими причинами, в силу которых оказывается достойным похвалы то, что на первый взгляд заслуживало осуждения. К такого рода событиям относится и то, о котором меня просили Вас уведомить. Ваш брат Эдмон, мой близкий друг, женился; но взгляды мои Вам известны и Вы понимаете насколько я далек от мысли восхвалять дурной поступок. Так вот, Ваш брат не мог поступить иначе и я лично уважаю его после этого еще больше. Клянусь Вам в этом перед богом. С тех пор как мадемуазель Манон стала его женой, она — воплощенная добродетель, и т. д.

ПИСЬМО XLVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он либо сам отвлекается от своего позора, либо меня хочет отвлечь

У меня такое ощущение, любезный старшой, будто с моих плеч сняли нестерпимое бремя. Ты знаешь, как я люблю тебя, и необходимость что-то от тебя скрывать причиняла мне жестокие страдания. Наконец, благодаря вмешательству госпожи Парангон, наши родители все одобрили; я отлично сознаю сколь многим я обязан их снисходительности и понимаю, что мой брак был нежелателен. Но убеди их, друг мой, что они составили счастье одного из своих сыновей. Женщин, достойных уважения, можно разделить на две группы, любезный старшой: одни добродетельны постоянно, другие, допустив падение, именно благодаря этому падению утвердились на стезе добродетели. Не в меру хвалимый, хоть и решительно никакого значения не имеющий,

цветок невинности[26] в действительности столь мало ценится в женщине, что у молодой вдовы оказывается при равных достоинствах не менее искателей, чем у девственницы. На это ты мне возразишь, что одно дело вдова, а другое — девушка, не сумевшая сберечь себя. Согласен: первая не нарушает своего долга, она отдает то, что ей уже не принадлежит, душа ее девственна и чиста. Другая, наоборот, соглашается на то, что ей запрещено законами общества, она оказывается слабой или еще хуже того. Но все это не имеет отношения к мадемуазель Палестин, которую соблазнили в таком возрасте, когда опыт еще не приходит на помощь благоразумию. К тому же, эта прелестная женщина не считает себя безгрешной; она страдает от этого и кается; в итоге она только нежнее со мною, только скромнее и ласковее с окружающими. Ошибку свою, друг мой, она в отношении меня исправила с лихвой; по правде говоря, я не знаю, было ли бы лучше,

[26] Примечания: 1.26

Мысль неверная. Этот цветок — действительное и достойное глубокого уважения преимущество, раз оно придает особую прелесть обладанию любимым существом. Если это преимущество воображаемое, значит его вообще нет; но развратники распространяют опасную мысль, будто невинность — пустяк, лишь для того, чтобы разоружить девушек против их козней и распущенности. Вдова — не девственница, но сердце ее целомудренно, а это усугубляет целомудрие телесное.

если бы она не совершила ее[27].

Наш брак, заключенный при столь странных обстоятельствах, теперь у всех на устах. О нем толкует весь город, но в разговорах все представляется гораздо благороднее, чем есть на самом деле. Добрая настоятельница монастыря Сен-Ж***, родственница моей жены, навеки похоронила истину, которая могла бы опозорить меня. Благодаря прекрасной фигуре Манон, положение ее при приезде в монастырь не бросалось в глаза, а затем несчастье, случившееся с ней (она оступилась), устранило возможные кривотолки. Поэтому пусть наши любезные родители не тревожатся на этот счет. Прошу тебя испросить у них милостивое позволение привезти к ним мою жену; ей очень хочется повидаться с ними; полагаю, вид ее и речи лучше всего, что я могу написать, убедят их в ее сердечной доброте и они признают, что ошибка ее объясняется лишь молодостью, неосторожностью, живостью нрава; ибо она полная противоположность тем вялым, равнодушным красавицам, которые мнят себя

[27] Примечания: 1.27

Тут он только пускает пыль в глаза; прочтя письма Манон и другие, приведенные мною, никто на эту удочку не попадется. Чистое сердце, безупречное поведение придают жизни невыразимую прелесть, намного превышающую то, что расхваливает здесь мой несчастный брат.

примерными девушками только потому, что лишены темперамента. Да, жена моя — существо чувствительное, даже сладострастное (а это, по-моему, достоинство), но она не порочная.

Юрсюль здорова и, по-видимому, счастлива благодаря заботам своей достойной покровительницы. Зараза, разлитая в городском воздухе, не коснется ее; сестра становится здесь лишь изящнее; порок не решится завладеть сердцем, в котором царит госпожа Парангон. Сейчас она живет у госпожи Канон, тетки моей кузины (госпожа Парангон требует, чтобы я так называл ее). Об этой даме я тебе уже писал. Это своего рода дикарка; она сидит у себя взаперти, без конца громит мужчин и тех женщин, которые не отказывают нам во внимании. Юрсюли у нее хорошо; я хочу сказать, что она там в полной безопасности; если же она уезжает оттуда, то проводит время у госпожи Парангон и с нею неразлучна. Признаюсь тебе, что если бы Юрсюль не бывала в обществе моей почтенной кузины, то я стал бы опасаться за нее: ведь нескончаемые наставления госпожи Канон могут в конце концов наскучить ей до такой степени, что станут казаться привлекательными именно те, о коих говорится столько дурного. Впрочем, беды тут большой не будет; если бы

мы вздумали выдать сестру замуж теперь же, то нашлось бы несколько искателей, достойных внимания. Но во всем этом следует положиться на мудрость госпожи Парангон.

Господин Луазо, так понравившийся тебе, когда ты гостил у нас, наконец, вернулся сюда. Он предпринял некоторые шаги в отношении семьи мадемуазель Тьенетты, о которых он не раз говорил тебе. Все прошло довольно удачно: теперь господин Дом***, отец юной особы, знает, где находится его дочь. Когда он получил эти сведения, обнаружилось сколь глубоко уязвлено его сердце: он отнюдь не проявил желания видеть ее. Он только велел своему сыну отправиться вместе с господином Луазо и не оставлять сестру до ее замужества. Правда, прочитав письма госпожи Парангон и прокурора, у которого живет господин Луазо, письма, полные самых лестных отзывов о молодых людях, господин Дом*** не поскупился на ласки в адрес своего будущего зятя, вплоть до того, что сказал: — Переношу на вас всю любовь, которую я питал к дочери, а ей позволяю по-прежнему называть меня отцом лишь потому, что она станет вашей женой, ибо она нанесла мне глубочайшую рану, которую вы теперь залечиваете; вы поступаете более благородно, чем поступил бы я

сам, будь я в вашем возрасте и на вашем месте; не думаю, что я женился бы на девушке, которая настолько забылась, что бросила родителей, бросила тех, кто воспитал ее, лелеял... которая, быть может... — Не сомневайтесь в добродетели вашей дочери, сударь, — сказал Луазо, — непослушание такому отцу, как вы, — единственная ошибка, которою она может попрекнуть себя, и в силу сложившихся обстоятельств эта ошибка, пожалуй, простительна. На другой же день по прибытии в О*** она попала к воплощенной добродетели и ее молодая хозяйка заменила ей мать, с которой она рассталась, и никогда мадемуазель Дом*** не сходила со стези, подобающей девушке из благородной семьи. Она любит меня; с моей стороны было бы несправедливым сомневаться в этом, однако сама она никогда не признавалась мне; никогда она не давала мне возможности наслаждаться ее лицезрением и ее речами иначе, как в присутствии третьих лиц. — То, что вы говорите, радует меня, — отвечал старик Дом***, — но она повергла меня в глубокую скорбь. Вы мне теперь сын, а она будет отныне всего лишь сноха. Составим требуемые документы, я подпишу их здесь. Ее мать и ваша поедут в О*** вместе с вами; мне же нет надобности присутствовать при этом

бракосочетании.

Сколько его ни уговаривали, он остался непоколебим. Но еще печальнее то, что обнаружилось новое доказательство его негодования: мадемуазель Тьенетта почти лишена наследства. Меньше всего огорчен этим, по-видимому, господин Луазо; обе матери, которых Тьенетта сразу же по приезде вновь расположила к себе, в отчаянии; по их желанию свадьба отложена и теперь уже может состояться только после пасхи; отсрочили ее потому, что они собираются написать господину Дом*** и уговорить его, хоть это и совершенно безнадежно. Луазо считает, что ему с женой нецелесообразно обосноваться в Ав***; здесь он назначен прокурором; на решение его повлияло то, что он получил контору человека, пользовавшегося большим доверием, причем эту контору ему уступили очень дешево{18}. Думаю, что наш друг поддержит ее репутацию как благодаря своим познаниям, так и благодаря присущей ему честности.

Приключения этих любовников отвлекли меня от моих собственных. На днях мадемуазель

{18} Комментарии: 2.18

... контору ему уступили очень дешево. — В те времена допускалась продажа нотариусами и адвокатами своих контор при условии, что покупатель обладает соответствующим цензом.

Тьенетта совершенно преобразилась. Госпожа Парангон, помирившись с моей женой, пригласила ее к обеду; были у нас мадемуазель Фаншетта, моя сестра и еще несколько дам, приятельниц хозяйки. Мадемуазель Тьенетта появилась совершенно неожиданно для всех, кроме Юрсюли, которая помогла ей одеться в господское платье. Никто ее не узнал. Хозяин просто глазам не верил, когда увидел какую-то незнакомую девушку, — он не был предупрежден об изменении в ее судьбе, которое так радует его жену. Когда сели за стол, он стал рассыпаться в любезностях и наговорил много лестного о ее внешности. Только голос выдал ее и ее все узнали. Тут господин Парангон стал еще пуще изумляться: он подумал, что это карнавальная шутка, ибо все от души хохотали.
— Я остаюсь при своем мнении, — продолжал он, — мадемуазель очаровательна и я советовал бы ей всегда ходить в таком наряде, он ей удивительно к лицу. — Тут мы ему все объяснили, а Луазо, присутствовавший за обедом, поведал историю своей любви. По выражению лица и поведению господина Парангона можно было заключить, что он сильно смущен; он рано удалился к себе и никто об этом не пожалел, особенно моя жена, которая собиралась даже отклонить из-за него

приглашение кузины.

В следующем письме я расскажу тебе о свадьбе нашего друга и дам точный отчет обо всем, что окажется достойным внимания. Прощай, любезный брат; нежно целую твою супругу. Жена кланяется тебе; напиши ей в таком тоне, чтобы она полюбила тебя, а пока что она тебя побаивается.

ПИСЬМО XLVIII

ОТ ПЬЕРРО К МАНОН

Письмо, написанное ради поддержания отношений

Любезная сестрица, имею честь обратиться к Вам от имени моих родителей, а также от имени жены моей и моего собственного и просить Вас пожаловать к нам на пасху. Мы будем весьма рады Вас видеть, а главное — поближе познакомиться, как полагается между такими близкими родственниками. По получении Вашего ответа мой брат Бертран отправится за Вами в страстную субботу в крытом экипаже. Поверьте, родители наши полны чувства глубокой нежности к Вам и

любви, с моей же стороны — чувство такое, что я могу его выразить Вам лишь устно, ведь Эдмон мой любимый брат, мы с ним особенно привязаны друг к другу, а Вы — его половина, так судите же сами, чем Вы являетесь для меня... А вот и жена моя хочет тоже написать Вам несколько слов.

От Мари-Жанны

Для меня будет истинной радостью видеть Вас здесь, любезная сестрица; близко знающие Вас говорят о Вас столько хорошего, что я надеюсь, что мы с Вами очень подружимся. Не проходит дня, чтобы свекровь не говорила о Вас и ей очень хочется побеседовать с Вами, чтобы Вы знали, как она Вас любит, и хочется доказать, что для Вас она будет самой нежной матерью.

Остаюсь, любезная сестрица, безгранично преданная Вам, и т. д.

А я, любезная сестрица, то же самое, что жена говорит о моей матери, скажу Вам об отце. Мы — добрые люди и есть у нас кое-какие заслуги, которые будут в дальнейшем Вам на радость больше чем кому-либо. Честь имею быть, и т. д.

ПИСЬМО XLIX

ОТ МАНОН К Д'АРРАСУ

Луч света

Вот я и возвратилась от родителей моего мужа или, вернее сказать, из храма благостной природы. До сих пор я еще не встречала таких прекрасных людей; вокруг них все дышит чистосердечием и невинностью; достаточно пожить возле них, чтобы стать такою же. Теперь решено, я ни за что не исполню обещания, которое Ваш друг[28] вырвал у меня; я больше этого не желаю, нет, нет и нет. Истинное счастье кроется только в чистой совести, в непорочном сердце. Теперь я вкусила этого счастья и стала похожа на тех европейцев {19}, которые, случайно попав к дикарям, остаются у них по влечению сердца и не хотят с ними расставаться. Назовите это как

---

[28] Примечания: 1.28

Господин Парангон.

{19} Комментарии: 2.19

... похожа на тех европейцев... — В XVIII веке было широко распространено мнение, что дикарям присуща чистота нравов, которой европейцы лишились в связи с развитием цивилизации.

угодно — предрассудком, глупостью, капризом, наивностью — но решение мое непоколебимо. Если он станет угрожать, скажите ему, что он мне не страшен. Я имею достаточно влияния на мужа, он поверит всему, что я захочу — будьте в этом уверены. Советы моего кузена Годэ принесли мне только вред; что же касается Вас, отец д'Аррас, то я рассчитываю на Вашу дружбу к господину Р*** и, зная Ваши чувства, прошу рассудить нас. Сообщите *ему* мое решение незамедлительно, а то *он* может приехать и будет крайне удивлен приемом, который его здесь ожидает. Если же Вы его предупредите, то тем самым избавите от необходимости выслушать весьма неприятную отповедь.

ПИСЬМО L

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Мой несчастный брат весьма ловко удерживает Юрсюль, внушает уважение к своей жене и признается в тайной страсти к госпоже Парангон

Есть приятные новости, любезный Пьер; не

сомневаюсь, что ты обрадуешься им не меньше, чем я. Вчера господин Луазо и мадемуазель Тьенетта сочетались браком, свадьба получилась блестящая сверх ожиданий; молодежь — юноши и девушки, — приглашенная женихом, прибыла из Ав*** третьего дня; его друзья встретились с нашими и получилось многочисленное общество. Сам понимаешь, моя жена и сестра заняли среди собравшихся не последнее место. Именно они мне доставили радость, переполняющую мое сердце. Юрсюль одержала победу, достойную ее во всех отношениях, ибо человек, которого она покорила, обладает и личными заслугами, и богатством. Это молодой советник президиаля{20}; пусть его чин тебя не пугает; сватовство ведется в высшей степени пристойно: с сестрой он еще не говорил, а открылся госпоже Парангон и от нее же я все и узнал; Юрсюль еще даже ничего не знает; ей скажут, когда дело будет решено окончательно: в этом отношении можно вполне положиться на осторожность добродетельной кузины моей жены, ведь это она поставила такие условия молодому воздыхателю и он их принял; с другой стороны, госпожа Канон, которой дове-

{20} Комментарии: 2.20
Президиаль — в дореволюционной Франции суд средней инстанции.

рили секрет, обещала, что ни одного мужчины не подпустит к Юрсюли. Как видишь, любезный старшой, если это дело выгорит, так к великой пользе и для сестры, и для нас; если же оно сорвется, то Юрсюли не придется горевать и ничего зазорного для нее в этом не будет. Теперь ты сам можешь заключить сколь драгоценна для нас дружба госпожи Парангон. Я просто не находил слов, чтобы выразить ей свою признательность. Жена моя, охваченная тем же чувством, поцеловала у нее руку, сказав: — Чем больше я вас узнаю, кузина, тем меньше считаю себя достойной вашей дружбы, и тем она мне желаннее; я едва осмеливаюсь вас любить, это чувство слишком приближает меня к вам; но я благоговею перед вами, как перед божеством. — Я заметил, что при этих словах из глаз прекрасной кузины покатились слезинки; она отвернулась от меня, чтобы скрыть свое волнение, и стала ласкать мою жену; я понял, что у нее, наконец, возродились та нежная дружба и полное доверие, которые связывали их в первые годы их знакомства. Это один вопрос, теперь — другой.

Госпожа Парангон рассталась с нами и ушла к Юрсюли, которую привезла к нам госпожа Канон; меня увел господин Луазо — он меня разыскивал;

покуда мы с ним беседовали, я заметил, что господин Парангон направился вслед за моей женой в сад; мной овладело острое чувство ревности и я пошел им вдогонку. Жена спешила к беседке из орешника, расположенной в самом глухом уголку сада; но кузена своего она не заметила; это не ускользнуло от моего внимания; я устремился по другой аллее и опередил жену, получив таким образом возможность спрятаться в листве. Манон вошла и села на скамейку; она обратила взор к небесам, а по щекам ее потекли слезы. Немного погодя они иссякли; цвет лица ее оживился и выражение его стало спокойным; она вынула из кармана шкатулку; я разглядел, что это мой подарок; она несколько раз поцеловала ее, глядя на миниатюру, которой там не было, когда я подарил ей шкатулку, и миниатюра оказалась ... моим портретом: Манон взирала на него с нежной истомой, которая была красноречивее самых страстных слов. Я был вне себя; я собирался войти в беседку и осыпать ее ответными ласками, чего не мог сделать портрет, как вдруг появился господин Парангон. При виде его Манон вскрикнула от удивления и ужаса.

— Не бойтесь, прекрасная кузина, — сказал неверный супруг достойнейшей из женщин, — я

пришел только для того, чтобы излиться в жалобах. — Оставьте меня, прошу вас, — воскликнула Манон, — и избавьте меня от речей, которые будут мне противны. — Так вот ваша благодарность, Манон! — Ради бога, сударь, удалитесь. Если на беду кто-нибудь появится здесь, если мой муж узнает... — Вы боитесь моих упреков! — Это вам следует бояться моих упреков; вы недостойны такой жены, как ваша. — Прекрасная кузина выступает в роли защитницы моей жены? — Ваша холодная ирония, сударь... Да что говорить... Я ухожу, сударь... — Нет, вы меня выслушаете, по крайней мере. — Вы осмеливаетесь удерживать меня? — Да, осмеливаюсь. — О небо! Столь подлая дерзость вполне достойна вас! — Пусть — *подлая дерзость,* как вам будет угодно; но вы выслушаете меня и сопротивление ваше ни к чему не приведет. — Трепещи, несчастный! Не доводи меня до крайности; уходи или дай мне уйти... твое присутствие... унижает, оскорбляет меня, оно мне тягостно... О небо! Мука эта заслужена мною! Но какие же муки готовит твое правосудие, о боже, гнусным совратителям! — Дайте этой горечи излиться! — Это невыносимо!.. О, если бы господь направил сюда моего супруга!.. Несчастный, ты воспользовался моей неопытностью, злоупотре-

бил моей юностью, моей чувствительностью... — Нет, вашей склонностью к наслаждениям, красавица моя, вашим темпераментом, если вообще можно говорить о том, будто я чем-то злоупотребил. — Ты хочешь оскорбить меня? Нет, если человек от природы чувствителен — это не значит, что он преступник; но внимать тебе, не любя, было преступлением и оно заслуживает страшной кары; преступлением было осквернять вкупе с тобою любовь, принося ее в жертву необузданной похоти. Да, я чувствительна, но... Жестокий, ты внушил бы мне отвращение к самим наслаждениям и мне стали бы ненавистны все радости, на которых зиждется счастье, если бы... — Успокойтесь, прекрасная кузина; я последовал за вами сюда не для того, чтобы вызвать ваш гнев. Я понимаю, жажда наслаждений (с вашей стороны) придавала мне в ваших глазах известную прелесть; когда желания ваши были удовлетворены, я представился вам в ином свете. Но если вы согласитесь... — Послушайте, сударь, уже одно согласие выслушивать ваши гнусные предложения будет с моей стороны преступлением; ваше присутствие здесь, повторяю, для меня мученье. Извольте положить ему конец.

— Мое присутствие для вас мученье? Прежде

вы так не говорили.

— И стыжусь этого теперь, сударь. — Вы мне обещали... — Что я вам обещала, после того как полюбила мужа? — Но ведь вы же обещали...

— Я ненавижу вас. Пропустите меня, сударь!.. — И не подумаю. — Я позову на помощь. — Вряд ли это вам удастся. — Да, позову, пусть в ущерб самой себе... Несчастный, да что ты задумал? — По-видимому, он собирался заткнуть ей рот, но в это время я зашумел, выходя из засады, и он так испугался, что убежал. Когда я подошел к рыдающей жене, его там уже не было. Мое появление усугубило ее скорбь; догадываясь по моему растерянному виду, что я собираюсь уйти, она упала передо мной на колени и крепко обхватила мои ноги. — Любезный мой супруг, я невиновна, — лепетала она. — Уверяю вас, невиновна. — Я помог ей подняться и обнял. — Вы верите мне? — спросила она, робко обращая на меня взор, затуманенный слезами. — Я все слышал, любезный друг мой, — отвечал я, — я пришел сюда еще раньше вас. Мне все известно; ваш кузен чудовище, и если бы меня не сдерживало уважение к женщине, которой мы столь обязаны... Ограничимся тем, что вы никогда не будете попадаться ему на глаза... Манон, сегодняшний день — счаст-

ливейший в моей жизни; нынче я убедился, что ты достойна самой горячей моей привязанности. — Едва я проговорил последнее слово, как увидел приближающихся госпожу Парангон и сестру. Я сделал Манон знак, чтобы она ушла с Юрсюль, а сам сразу же рассказал кузине о том, что произошло. Неверность мужа не так уж огорчила ее, зато благородное и мужественное противодействие Манон весьма ее порадовало. Так я и предполагал. — Пойдем, похвалим ее, — сказала мне госпожа Парангон, — муж сам поставил себя в глупое положение; но в вашем развращенном городе ему нетрудно будет вознаградить себя за неудачу. — Мы подошли к Юрсюли и Манон и сообща решили, что моя жена, за отсутствием ее матери и сестры, поселится у госпожи Канон и пробудет там в обществе Юрсюли до тех пор, пока не кончится срок моего пребывания у хозяина. Такое решение вопроса понравилось Манон, оно вполне соответствовало ее желаниям; она, смеясь, шепнула мне на ухо, что горячая симпатия к Юрсюли, очевидно, удел всех любящих меня женщин.

Как видишь, друг мой, теперь я, наконец, могу надеяться на счастье. Утром я виделся с отцом д'Аррасом, — он уезжает в тот самый монастырь,

где провела несколько месяцев моя жена. Я последую твоему совету и постараюсь устроить так, чтобы он стал другом моим, а не жены. Намедни мы с ним встретились в гостях в одном доме и он вздумал побеседовать с Юрсюлью, но госпожа Канон, ненавидящая монахов, резко отозвала ее. Тогда он начал любезничать с моей кузиной, а та не стала его слушать и подсела к Манон. Не удивляйся таким выходкам, здесь это в обычае и при всем том отец д'Аррас все-таки пользуется уважением. Ему не пришлось долго подыскивать себе собеседницу, несколько женщин оспаривали друг у друга эту честь. Мне кажется, что госпожа Канон относится с неменьшей подозрительностью и к господину Годэ; она следит за малейшими его поступками и не дает ему сказать и двух слов не только Юрсюли, но даже мадемуазель Фаншетте. До завтрего, любезный старшой. Люблю тебя всем сердцем.

ПИСЬМО LI

В тот же день

ОТ ГОСПОДИНА ПАРАНГОНА К Д’АРРАСУ

Разъяснение предыдущего письма

Раз Эдмон ничего не сказал Вам, любезный отче, о вчерашней сцене, опишу ее в двух-трех словах. После нашей последней встречи Манон не давала мне покоя, требуя, чтобы я обсудил с ней, как предотвратить или рассеять подозрения ее мужа. Мне этого не хотелось, ибо я считал такую встречу для себя небезопасной. В конце концов я сдался; нам показалось, что свадьба — подходящий для этого случай; дважды мы вместе выходили из дома, но неудачно; я говорю «неудачно» и действительно так оно и было, ибо Околпаченный за нами не последовал, а мадам не пожелала ничего слушать, как ты меня и предупреждал. Но, поскольку она крайне своенравна, я не обратил на ее слова особого внимания. Наконец, когда мы вышли в третий раз, Эдмон последовал за нами и сцена разразилась, совсем как в комедии «Метромания» {21}. Плутовка разыграла все так правдоподобно, что

{21} Комментарии: 2.21

«Метромания» — комедия французского драматурга и поэта Алексиса Пирона (1739).

я даже испугался и не зря. Забавно было бы (для постороннего), если Манон вызвала меня в парк, чтобы выложить мне свои подлинные чувства и посмеяться надо мною. На такое предположение меня наводит то обстоятельство, что теперь я уже окончательно лишен возможности увидеться с нею наедине. Моя жена-недотрога ни на шаг не отпускает ее от себя. Она гуляет не иначе, как с нею и малюткой Юрсюль, и, словно этого еще мало, ее отдали под охрану фурии Канон... Ах, если бы прелестная селяночка согласилась возместить мне урон, я с удовольствием предоставил бы братцу его целомудренную половину! Но это дело несбыточное; эта жемчужинка наделена не одной, а целыми тремя добродетелями: дряхлой, трухлявой добродетелью госпожи Канон, столь же колючей, хриплой как Цербер {22}; кисло-сладкой добродетелью моей жены и собственной прелестной добродетелью, которую, думается мне, можно было бы приручить не хуже всякой другой, не будь двух подпорок, которые крепко поддерживают ее и до смерти ее запугивают.

Из моих слов Вы можете заключить, что Эдмон вполне спокоен (если не считать, что моя беседа

{22} Комментарии: 2.22
Цербер — многоголовый пес с гривою и хвостом из змей (греч. миф.).

с его женой привела его в бешенство, которого я мудро избежал); таким образом, Вы можете быть довольны, зато я не доволен ничуть. Однако, если бы Манон захотела, мы наперекор Вам могли бы быть счастливы, как никогда. Но я все думаю, вернее, боюсь: не дурачат ли меня? Уж не отдал ли я прелестную кузину этому мужлану в чистый себе убыток? Сами понимаете, это было бы весьма досадно, ибо как-никак, а пилюлю придется проглотить и, несмотря ни на что, благодетельствовать тому, кого мне надлежит ненавидеть. Прощайте.

ПИСЬМО LII

На другой день после предыдущего

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Невинность порой самообольщается

Вот какой у меня сейчас произошел разговор с госпожой Парангон, любезный старшой; он послужит дополнением к моему вчерашнему письму. Утром мне доложили, что госпожа Парангон требует меня к себе. Я застал ее одну. Она с

ласковым, но несколько печальным видом молча велела мне сесть.

— Вы женаты, сударь, — сказала она, помолчав, — и вы счастливы; вы любите жену, она любит вас; да будет же так до конца ваших дней!.. Вам известно — Тьенетта вам когда-то сказала, — что я люблю вас, что я обратила на вас внимание еще до того, как вы приехали сюда; по моему наущению вашим родителям посоветовали направить вас на поприще живописи и доверить заботам господина Парангона. Когда я возвратилась домой и вновь увидела вас, я укрепилась в своем намерении привязать вас к себе самыми крепкими узами; вы молоды, я знала, что до вашего устройства в жизни еще далеко и посему решила предназначить вам свою сестру. Небу угодно было устроить иначе, но вы стали мужем моей родственницы, на этом я теряю всего лишь степень-другую родства, зато радуюсь при мысли, что осуществилась моя столь вожделенная мечта видеть ваше счастье. Следовательно, теперь присутствие здесь Фаншетты бесполезно; ведь я хотела познакомить вас друг с дружкой, чтобы вкусы ваши определились и по возможности сошлись. Мой Отец, овдовев, уже не в состоянии заботиться о дочери, вышедшей из младенческо-

го возраста, поэтому я немного погодя отправлю ее в столицу; тетя отвезет ее, поместит у почтенных людей и сестра пробудет там, пока не повзрослеет достаточно, чтобы жить у меня, не подвергая опасности свою добродетель, ибо вы сами представляете себе сколь я боюсь выходок такого необузданного человека как... Но мне бы хотелось, чтобы Юрсюль проводила Фаншетту; я предвижу здесь множество опасностей для вашей сестры: не говоря уже о господине Парангоне, который ищет случая поговорить с нею, как только она к нам приезжает, у нее здесь есть поклонники, которых я опасаюсь. Не возражаете ли вы против того, чтобы госпожа Канон увезла их обеих? (Я выразил согласие кивком, чтобы ее не прерывать, ибо слова ее приводили меня в восторг). — Как ни приятно мне общество Юрсюли, ради ее блага я жертвую им, — продолжала она. — Я уже уведомила о своем намерении советника, о котором говорила с вами вчера; он представил мне кое-какие возражения, подоплека коих мне ясна; но если он действительно любит вашу сестру, то разлука не охладит его чувств, если же это лишь поверхностная склонность, мимолетное увлечение, то не стоит на него обращать внимания. Не будь меня, кузен, вы уже поставили бы

сестру в весьма опасное положение, — подумать только, вы посоветовали ей избрать в духовники вашего друга отца д'Арраса!.. Я уважаю религию и горжусь этим, но стократ лучше пренебрегать некоторыми ее предписаниями, чем исполнять их, подвергая опасности свою добродетель. Запомните, юный вертопрах, что ни в коем случае совестью девушки не должен руководить молодой священник, пусть даже самый безупречный, что не всегда можно положиться даже на тех, кого уже охладили годы и что лишь весьма осторожные и опытные люди могут давать советы по этой части. Я — женщина, я по опыту знаю, с какою бесстыдной дерзостью и вожделением эти мнимые целители наших душ заглядывают в самые сокровенные уголки нашего сердца не с тем, чтобы удалить оттуда порок, а чаще всего с тем, чтобы изведать нашу слабость и исторгнуть из сердца семена добродетели. Остерегайтесь всех монахов и вообще духовных лиц; из тысячи редко найдешь хоть одного; чей образ мыслей соответствовал бы его положению. Ваша жена послушалась моего совета и рассталась с ним... Но довольно об этом. Как вы думаете, ваши родители подтвердят полномочия, которые они дали мне в отношении Юрсюли? Спросите у них.

Ты легко представишь себе, что я ответил этой несравненной женщине. Я поблагодарил ее от своего имени, от имени родителей и обещал написать им немедленно.

Я собирался удалиться, как вдруг госпожа Луазо, жена и Юрсюль отворили дверь комнатки, из которой они все слышали. Кузина продолжала, обращаясь к Манон: — Люби своего милого мужа, не позволяй ему слишком привязываться к людям, которые могут дурно влиять на него; ты знаешь, что такое город и как там все фальшиво; постарайся, чтобы твой опыт пошел ему на пользу.

Я удалился, ибо кузина просила меня написать как можно скорее. Этот шаг, на который она так легко пошла, опровергает подозрения, какие пытались мне внушить насчет характера ее привязанности к Юрсюли. Кузен Годэ и отец д'Аррас должны хорошо знать сердце человеческое, и тем не менее они ошибаются, ведь не хотят же они меня обмануть. Когда они мне описывают распутство женщин, я замечаю, что они делают это не без лукавого удовольствия, — такие рассказы их потешают. Но что мне до этого? Я наслаждаюсь общением с ними, не заражаясь их пороками. Я даже признателен им за то, что они исцеляют ме-

ня от предрассудка, распространенного в наших деревнях, насчет непорочности людей той породы, к которым принадлежит один из них. Теперь я отношусь с уважением к духовенству в целом, но презираю большинство его представителей.

Посоветуй нашим любезным родителям сообразоваться со всеми пожеланиями госпожи Парангон, об этом просит Юрсюль так же, как и я. Целуем твою милую жену и всех братьев и сестер. Поддержи нас как следует, повторяю: мне кажется, что в Париже Юрсюль ждет весьма счастливая судьба.

ПИСЬМО LIII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Его подлый поступок в отношении Лороты всплывает наружу

Эдмон! Эдмон! Что ты наделал, несчастный! Ах, что ты наделал! Воспользовался девичьей неопытностью! Лишил чести родственницу! Ты, женатый человек, обманул, посулил жениться! О, кто же помрачил твой разум, совратил сердце? Лорота, кузина наша, Лорота!.. К нам приезжала

ее мать; она в отчаянии, рвет на себе волосы, проклинает день моей свадьбы и твоей, — ибо они только тут узнали, что ты женат. У меня сердце разрывается на части. Ах, Эдмон, несчастный брат мой! Что до того, что ты выдвинешься в городе, если ты лишишься добродетели, чести и погубишь свою душу! И если я не смогу уважать тебя!..

Родителям все известно. Сам понимаешь, что это значит.

ПИСЬМО LIV

ОТ ЭДМОНА К Д'АРРАСУ

Он пересылает своему коварному другу предыдущее письмо и советуется с ним

Поддержите меня, дражайший отче, мужество меня покидает... Посмотрите, что мне пишут!.. Сердце мое разрывается на части, глаза исходят слезами... Да это еще не все: разъяренные родители проклинают меня — так они велели передать госпоже Парангон через посланца, постороннего

человека[29]. Они имели неосторожность довести случившееся до сведения моей жены и тем самым вонзили ей нож в сердце. Значит, верно говорят, что добродетель и отвращение к пороку, когда они слепы, могут причинить не меньше вреда, чем само преступление... Вместо того, чтобы так разбушеваться... Но дело сделано; непреклонная суровость губит меня, а капля снисходительности могла бы спасти... Они меня проклинают! Я трепещу; отцовское проклятие — страшное несчастье, и я навлек его на себя!.. Помогите мне советом, любезный отче; обещаю беспрекословно последовать ему. Из любви ко мне постарайтесь съездить к девчушке Лоре, завладейте умом матери и дочки, бросьте своих монахинь, летите мне на помощь, Вас кличет дружба; пустите в ход любые средства; заставьте их, если возможно, снять с меня обвинение... Но я всецело полагаюсь на Ваше рвение и Вашу дружбу... Отец! Сколь дорого я расплачиваюсь за несколько часов удовольствия! Значит правда, непреложная правда,

[29] Примечания: 1.29

И в самом деле, так обычно ведут себя наши поселяне, а столетие или два тому назад так действовала и знать. Если они разгневаны, то поручают первому встречному высказать вам их чувства. Правда, это неосторожно, зато доказывает некую прямоту, достойную уважения, не говоря уже о том, что такого рода устный выговор куда внушительнее письма, которое посторонние не прочтут.

что кара неуклонно следует за преступлением и что, как говаривал добрый кюре, воспитавший меня, преступление неизменно тащит ее за собою на железной цепи!

Я вижу жену, которая еле сдерживает слезы; мне тяжко от сознания, что она не решается жаловаться; ей стыдно. Я знаю причину этого стыда, и он передается моему собственному сердцу и наполняет его горечью. Госпожа Парангон не сказала мне ни слова. Я предпочел бы, чтобы меня укоряли; тогда моя скорбь и раскаяние получили бы какой-то исход. К счастью, Юрсюль только что уехала с маленькой Фаншеттой в столицу, и ей не успели еще сказать, — хоть этого я избежал... Но жена! Госпожа Парангон!.. О, такой удар скажется на всей моей дальнейшей жизни; я в ужасе... Прощайте, не медлите ни минуты; Вашему другу не на кого надеяться, кроме Вас.

P. S. Господин Годэ, к несчастью, в отъезде; его ждут завтра. И куда это он скрылся?

ПИСЬМО LV

ОТ МАНОН К ГОСПОДИНУ ГОДЭ

Душераздирающее раскаяние

Наконец-то я тебя распознала, гнусный виновник моих невзгод и преступлений: я обнаружила одно из твоих отвратительных писем[30]: ты советовал Эдмону «возместить ущерб»... Несчастный! Ты погубил меня, ты разверз передо мною бездну, в которую увлек меня мерзкий Парангон, трепещи — я разоблачу тебя! Я податлива, я чересчур податлива, и меня легко обольстить... я заслужила кару... признаю это перед лицом бога... Бога, которого ты оскорбляешь своим гнусным поведением. Я умру... но не той смертью, которая ожидает тебя, не смертью негодяев[31]... Несчастный, ты хотел развратить сердце Эдмона, отнять у него стыд... не ради меня, как ты говорил, а ради самого себя... Теперь я все открою ему, все ему расскажу...

---

[30] Примечания: 1.30
О нем говорится в письме XLI.

[31] Примечания: 1.31
Страшное предсказание, как видно будет из дальнейшего!

Сейчас, кузен, я бросилась к подножию распятия; теперь я уже не та. Смертельный удар нанесен; но я прощаю Вам. Я с тревогой думаю о моем сыне; не приближайтесь к нему, запрещаю Вам! Но заклинаю Вас: следите, чтобы о нем заботился Эдмон и моя добродетельная кузина... Еще одно слово: ради самого себя, пощадите свою душу, пощадите Эдмона. Я молю за Вас бога. Я в отчаянии от того, что сейчас содеяла, надлежало ждать покамест господу богу угодно будет положить конец моему существованию ... хоть оно мне и нестерпимо... Эдмон, Эдмон, которого я боготворила, мне изменил!.. и я не имею права роптать!.. Как я наказана! Ах, страшные муки, которые я терплю, это муки ада... Вот плоды преступления! Кузен, я несу за него кару уже в этой жизни... Эдмон жестоко расплачивается за минутные наслаждения, а я расплачиваюсь еще страшнее... чего же ждать подлому растлителю?.. Прощай... Загляни в собственную душу, тебя заклинает умирающая. Прощай, прощай навеки...

(Без подписи)

ПИСЬМО LVI

Час спустя

ОТВЕТ,

в котором доброе начало берет верх над пороком

Если еще не поздно, живите, живите, сударыня, ради Эдмона — живите! Эдмон Вас любит, боготворит; я искуплю свои преступления, я изменюсь. Живите, иначе Вы повлечете моего друга за собою в могилу. Ах, кузина! Вы привели меня в трепет — последние строки Вашего письма, Ваше решение ужасает меня!.. Да, я совратил Эдмона, но, поскольку я совершенно свободен от предрассудков, я поступил так лишь потому, что желал ему счастья и вам тоже. Как мог я не предвидеть печальных последствий!.. Повторяю: живите, а тот, которого Вы ненавидите, ради Вас, Вас одной и ради Эдмона готов собственноручно ослепить себя, лишь бы заслужить Ваше уважение.

P. S. Я только что вернулся из Акколе, куда ездил по делу. Если бы днем раньше, я предупредил бы

несчастье, но судьба решила иначе.

ПИСЬМО LVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Непритворная скорбь

Безумцы! И мы еще любим жизнь! На краткие мгновения мы отдаемся радости! Да что мы такое, несчастные! Жертвы, веселящиеся в ожидании собственной гибели! Одни падают, увенчанные цветами, под первым же ударом роковой секиры; другие, сжигаемые медленным, беспощадным огнем, томятся, вместо того чтобы жить. О тщета людских радостей и счастья!.. Брат, я только что лишился той, которую любил, той, к которой сердце мое привязалось чересчур поздно. Когда она чистосердечно вернулась на стезю добродетели и тем самым стала достойной любви, я оказался недостойным ее, и небо отняло ее у меня... Ах, зачем ей все рассказали! Зачем родители отравили наши счастливые дни!.. Манон подавила свою скорбь и слезы; она решила, что я ее разлюбил и что она уже никогда не будет любима; эта мысль тем сильнее овладела ею, что ее былые ошибки...

Кровь ее оледенела, источник жизни иссяк; она умерла; она погибла от моей руки и от руки моих близких! О, тщетные сожаления!.. О, если бы мне спуститься вслед за ней в могилу, которую выкопали мои прегрешения!

ПИСЬМО LVIII

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Это письмо вызывает сочувствие и утешает

Глубокочтимый и великодушный друг, мне недостает слов, чтобы выразить, сколь я Вам обязан; Ваши заботы и доброта вернули меня к жизни; воздух местности, где я увидел свет, окончательно восстанавливает мои силы, через несколько дней я буду в состоянии вновь взяться за привычные занятия и возвратиться к Вам; но я не замедлю исполнить Ваш приказ и поделюсь с Вами трогательными словами, с которыми обратилась ко мне моя несчастная супруга в последние минуты своей жизни.

Мы были одни, она только что улеглась в постель. Я подхожу к ней; она хватает мою руку своей пылающей рукой, она испускает протяж-

ный вздох. Я смущенно потупляю взор. — Сударь, — говорит она, — вы скоро освободитесь от ненавистного существа. Я не ропщу; Небо справедливо; если бы у меня были основания жаловаться, если б я осмеливалась Его в чем-нибудь упрекнуть, так это в том, что Оно допустило, чтобы душа, подобная Вашей, осквернилась изменой и вероломством! О, супруг мой! Кара следует за преступлением неторопливым, но твердым шагом; я сама тому доказательством: пусть мой пример послужит Вам на пользу. — Что такое? — вскричал я. — Чего вы опасаетесь, Манон? Что вы сделали? — Вас еще трогает моя судьба? Значит, я умру счастливой? — Вы? Умрете? Вы, обожаемая? Ах, супруга моя!.. — Послушайте, что я скажу. Теперь уже недопустимо обманываться. Друг мой, позволь мне заглянуть в твое сердце, с тобою говорит сейчас не жена; узы наши разорваны; говорит с тобою друг, который хотел бы, чтобы его смерть принесла тебе пользу, раз он был недостоин при жизни дать тебе счастье.

Я был сам не свой, я метался по комнате, хотел выйти. Манон удерживала меня. Наконец, я вырываюсь, посылаю за помощью и возвращаюсь к ней.

— Зачем омрачать мои последние мгновенья?

— спокойно сказала она. — Я хотела посвятить их одному тебе. Я не страшусь надвигающейся смерти; без сладостного сознания, что я любима, жизнь для меня — ничто. А любимой я быть уже не могла... — Нет! Вы любимы, любимы, бесценная супруга! Я боготворю вас; лишь преступный дурман на несколько минут увлек меня в сторону, когда я еще мало знал вас. Друг мой, любовь, которую вы мне внушили, любовь истинная родилась позднее; этой любви сопутствует уважение, не сомневайтесь же в ней. — Ужели это правда? Ужели мое решение пожертвовать собой ради вашего счастья будет для вас наказанием? — О, жестокая! Что за намек! Вы приводите меня в ужас. — Друг мой, я ошибалась... Горе женщине, чье поведение небезупречно. Скорбь, стыд и неуверенность не покинут ее ни на миг; она не может питать доверия к человеку, в чьих глазах она недостойна уважения. Я рассуждала так: я получила по заслугам; мое прегрешение — несмываемое пятно, и я пришла в отчаяние. Когда женщина сама согрешила, ей приходится взирать на распутство мужа без ропота. О, любезный мой Эдмон! В будущем доверьте свою душу только душе непорочной! Будь я невинна, моя скорбь была бы не столь остра, не столь жестока, мое отчаяние не столь

глубоко, не столь беспросветно. Но я подумала: как вернуть его? Чары разрушены, уважать меня он не может; презрение ко мне толкнуло его на разврат, я осквернила душу, которая, не будь меня, осталась бы незапятнанной; но я сама покараю себя; и я себя покарала; мне казалось, что узы, соединяющие нас, необходимо разорвать, дабы вы могли возвратиться на путь добродетели.

Я вскрикнул в отчаянии.

— Слушайте меня, — продолжала она, — воспользуемся последними минутами, пока мы еще одни. Супруг мой любезный, заклинаю тебя своею любовью, которая была безграничной с самого начала, заклинаю любовью, которая вернула мое сердце на стезю честности, беги злых и развратных, избегай также женщин слабых и падших; береги себя; счастье и истинные радости возможны лишь в лоне добродетели. Не забывай меня; остерегайся дружбы моего кузена Годэ, отца д'Арраса и... буду до конца откровенной... остерегайся обаяния моей кузины, но доверься ей, чтобы она привела тебя на путь благоразумия. Она — безупречная женщина; она столь совершенна, что даже злословие, исчерпав все средства, вынуждено было сомкнуть свои ядовитые уста. Ты нас помирил, это первое твое благодеяние.

Слезы ручьями струились по моим щекам; я твердил, что последую за нею в могилу. Она заговорила вновь:

— Ты любил меня! О бесценный супруг мой! Теперь мне жаль расставаться с жизнью. И все же я умерла бы счастливой, если бы у меня не оставался сын...

В комнату вошли люди. Врач, фельдшер бросились оказывать ей помощь, но вскоре они заметили... О, достойнейший друг мой, увольте меня от дальнейших описаний...

— Я так и знала, что уже ничего не сделаешь, — прошептала умирающая, — утром я написала письмо кузену. Любезный друг мой, сжальтесь... над моим сыном...

То были ее последние слова...

Вашей дружбе, несравненная кузина, я обязан своим существованием, но и заботы обо мне отца д'Арраса живейшим образом трогают меня. Когда я рассказал ему о последствиях, какие имело мое прискорбное приключение с Лорой, он полетел к этой девушке, хотя она и живет за пять с лишнем лье от обители, которою он руководит; ему удалось завоевать доверие как матери, так и дочери, и настолько подчинить их себе, что он их уговорил не только прекратить жалобы (увы, вполне

обоснованные), но и уехать из тех мест: он сам проводил их в столицу, причем сделал все возможное, чтобы они там ни в чем не нуждались; в своем желании угодить мне он даже преступил границы благоразумия и в глубине души я не одобряю его; он пишет[32], что уговорил Лору подписать, без ведома ее матери, письмо к моим родителям, в котором она сознается, что понапрасну назвала меня виновником совершенной ею ошибки. Сделал он это, по его словам, с тем, чтобы помирить меня с моей семьей и успокоить жену... Увы, Манон уже не было со мною, но он этого не знал. Как я несчастен! Видите, все против меня и невинность Лоры вторично приносится мне в жертву, а я не пожинаю от этого никаких плодов, кроме лишних раскаяний. А что Вы скажете о таких доводах, любезная кузина? Извинительно ли поведение моего друга? Письмо, подписанное Лорой, уже оказало ожидаемое действие на моих родителей; оно было получено в то время, когда я находился в отчаянии, поддерживаемый только Вами; письмо всем показывали,

[32] Примечания: 1.32

Письмо это затерялось, но мне помнится, что тогда ходили слухи, будто отец д'Аррас действовал в этом вопросе по указанию господина Годэ; последний взял на себя все заботы по устройству Пороты и ее обеспечению, ибо состоял с нею в преступной связи.

разгласили. По прибытии сюда, я поспешил опровергнуть его. Старший брат считает, что я поступил как подобает порядочному человеку, родители перестали гневаться, но Лоретта окончательно обесчещена в глазах местных жителей; ей сюда уже не вернуться никогда. Я вздумал было ее защищать, но меня и слушать не стали; если бы я принялся хулить ее, мне бы поверили — таковы люди! Теперь у меня остались только Вы да старший брат; Ваше расположение, так же как и его, выдержит любое испытание. Обладая столь бесценным сокровищем, я не вправе жаловаться. Не лишайте меня своей дружбы, о достойнейшая из женщин! Вы выше слабостей, присущих Вашему полу и людям вообще; Ваше поведение всегда подтверждало это: помогите же мне стать более достойным того имени, какое Вы давали мне столько раз, когда я находился на краю могилы. Ах, я не могу без слез вспоминать те ласковые, те трогательные выражения, они вернули меня к жизни!

«Друг мой, не подавляй своей скорби; за нее тебя можно лишь хвалить... О, друг мой, дай до конца проявиться своей благодарности к женщине, боготворившей тебя ... твое сердце все еще добродетельно, раз оно столь чувствительно...

Кузен мой, будем стенать вместе; будем вместе оплакивать друга, которого мы узнали вполне лишь при его утрате; мы будем чудовищами, если не станем оплакивать ее всю жизнь...»

О, прекрасная кузина! Вы правы: но кем я окажусь, если забуду сколь многим *я* обязан Вам! Кем я окажусь тогда! К счастью, я чувствую: этому не бывать. Ваш образ навсегда запечатлелся у меня в сердце... я не забуду его до самой смерти.

ПИСЬМО LIX

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Писано в моем присутствии, быть может искренне

Рассуждение бессильно против чувства, кузен; я чувствую, а чувствовать значит больше, чем удостовериться. Если бы мы сменили все наши пороки на добродетель — разве тогда не были бы мы счастливы? «Чувство вводит в заблуждение, — скажете Вы, как уже не раз говорили; — в основе чувства может лежать заблуждение, так же как и истина». Согласен. Но ответьте на мой вопрос и Вам придется признать, что в основе чувства,

владеющего мною, — истина. Я не намереваюсь, однако, спорить с Вами и Вас опровергать; я нахожусь на гораздо более низкой ступени, чем Вы; я хочу только просить Вас относиться ко мне так, словно Вы — истинный христианин, а я — глубоко верующий. В надежде на Ваше расположение остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО LX

ОТВЕТ

Опьянение, наслаждение, скорбь и безумие — вот четыре состояния, при которых человек поступает независимо от своей воли; Вы находитесь в одном из перечисленных состояний, посему прощаю Вам Вашу записку. Написать Годэ всего шесть строк, Эдмон!.. Сударь, я заслуживаю Вашей любви будь Вы хоть сверхверующим, ибо я вас люблю, и нет для меня большего удовольствия, как доставлять удовольствие Вам. Так будет всю жизнь. Но, в наказание Вам, не скажу больше ни слова; как и Вы, ограничусь шестью строчками — вот они. Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО LXI

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Великодушие матери Манон. Вести о Лороте

Время притупляет остроту радости и остроту скорби; я, наконец, немного успокоился, любезный старшой. В первые дни моего пребывания здесь можно было опасаться новых приступов отчаяния. И правда, трудно передать тебе, какую я ощущал здесь пустоту... Я любил ее глубже, чем сам сознавал!.. Сколько я пролил слез, друг мой, сколько слез!.. И какое мучительное чувство вызвал в моем бедном сердце вид ее матери и сестры! Мы все трое заливались слезами — в этом и заключался весь наш разговор. На другой день я просил передать им, что больше не считаю себя вправе владеть их наследством и возвращу им его. В ответ они пригласили меня присутствовать при их пострижении. Я поспешил в монастырь и просил повидаться с матерью моей супруги, дабы уговорить ее изменить свое решение. Мне ответили от ее имени, что обе они отказываются говорить с кем бы то ни было впредь до совер-

шения обряда. Я подумал, что, быть может, они сделают исключение для госпожи Парангон. Я отправился за нею, она приехала, но и ей не удалось повидаться с ними. Пришлось отказаться от этой мысли. Вчера они приняли постриг. Два часа спустя после обряда они прислали мне сказать, что будут ждать меня в приемной. Тут они проявили все свое расположение ко мне; вид у них был просветленный, почти радостный. По знаку матери, дочь вскоре удалилась. Тогда госпожа Палестин мне сказала: — Любезный сын мой, вам я доверяю больше, чем кому бы то ни было; я знаю вашу честность, знаю, как вы любили мою дочь. Посему я пренебрегла всеми мерами предосторожности, какие предписывает закон, и решила обратиться к вам с просьбой, которую вы сейчас услышите, лишь когда все будет зависеть исключительно от вашего великодушия. Вы — владелец нашего состояния; но вам известно, что есть невинное существо... Умоляю вас: обещайте усыновить его, обещайте здесь, перед лицом господним и передо мною. Я удовольствуюсь вашим словом; обещайте, что передадите ему полностью все состояние его матери, когда бог призовет вас к себе, но не ранее, ибо я хочу, чтобы до тех пор этим состоянием пользовались вы.

— Она умолкла. Я плакал. Я поклялся выполнить ее волю, хоть она и просила меня не связывать себя клятвами. Я добавил: — А все проценты с капитала, сударыня, я оставляю в вашем распоряжении. — Говорите тише, — сказала она, — если нас услышат, это может нам повредить — нас станут здесь всячески донимать. От вашего предложения я отказываюсь. Мы внесли в монастырь вклад не меньше других, никакой скидки нам не сделали, а если бы в моем новом положении было возможно и разрешено копить деньги, у меня было бы лишь одно желание — передавать свои сбережения вам. Прощайте, любезный сын мой. По-прежнему любите меня: мы неустанно будем воссылать мольбы о вас и вашем питомце. Прощайте, сын мой... — Она задернула занавеску. Но я еще добрых четверть часа стоял, рыдая и не двигаясь с места, ибо моя скорбь жестоко обострилась. Признаюсь тебе, друг мой, что, если бы мужские монастыри были таковы, какими они мне некогда представлялись, я без колебаний укрылся бы в одном из них, чтобы оплакивать там свои заблуждения. Но, любезный брат, я знаю, что такое монастыри; это — подобие ада; настоятели угнетают монахов, вплоть до того, что подавляют всякую живую мысль; это от-

вратительная теократия, осуществляя которую руководители возводят себя на место бога (именно это и означает слово «теократия»); монахи же, со своей стороны, всеми силами стараются уклониться от возмутительного произвола, — он возник в Аравии, в Индии, в знойном климате и не годен для европейцев. Этими сведениями, как и многими другими, я обязан отцу д'Аррасу; именно он поднял завесу, скрывавшую от моего взора распутство и порабощенность монахов. Он не лучше себе подобных, но он по крайней мере не лицемер.

Госпожа Парангон собиралась сама отвезти Юрсюль в Париж, но, на мое счастье, как тебе известно, изменила свое намерение; однако она обещает в скором времени навестить ее. На днях мы получили вести от любезной сестрицы[33]: она просит госпожу Парангон поскорее исполнить свое обещание. Она пишет, что столица ей очень нравится и что для полноты счастья ей недостает лишь ее друга. Она жалуется, что я ей не пишу. Юрсюль не знает всех моих горестей. Госпожа Парангон хочет сама ей все рассказать при свидании, чтобы таким образом смягчить

[33] Примечания: 1.33
Письмо Юрсюли не отыскалось.

удар. Как видишь, друг мой, я на некоторое время расстанусь с нею. Меня утешает лишь мысль, что я уступаю ее не кому иному, как сестрице.

Ни отец д'Аррас, ни господин Годэ еще не воротились из Парижа, но последний пишет мне[34], что Лора разрешилась дочерью; она весьма довольна, что освободилась от тягостного бремени и собирается без помех наслаждаться всем, что может ей предложить столица. Что значит «без помех», мне непонятно; это загадка, объяснения коей я жду от отца д'Арраса, — он должен вот-вот появиться. Заботы кузена о младенце меня весьма трогают. Прошу передать ребенка кормилице, которую я к нему посылаю; она из той же местности, что и мой подопечный; пусть младенцы растут вместе; прекрасная кузина одобряет эту мою прихоть.

Друг мой, к величайшим страданиям порой примешивается крупица радости. Правда, дочка несколько утешает меня, но обошлась она мне дорого, и все же, когда я думаю о ней, сердце мое трепещет, и живейшее мое желание — поцеловать ее. Ах, брат! Почему мы иной раз становимся отцами ценой преступления? Какое сладостное

---

[34] Примечания: 1.34
Письмо утрачено.

имя — отец!.. Счастливец старшой, ты будешь носить его без угрызений совести, для меня же природные радости, в самом источнике своем, отравлены преступлением!..

Сегодня утром пришел к нам советник, поклонник Юрсюли. Госпожа Парангон сообщила ему о своей предстоящей поездке: он попросил позволения послать Юрсюли письмо, которое он не запечатает и в котором обратится к ней лишь как друг нашей семьи. Просьбу удовлетворили. Ободренный полученным согласием, он стал умолять, чтобы ему позволили преподнести возлюбленной небольшой подарок. В этом кузина ему отказала. Он заметил, что ввиду разделяющего их расстояния это не грозит ни малейшей опасностью. Но кузина осталась непреклонна. — Тогда хоть передайте подарок, не упоминая обо мне, — продолжал советник. — Госпожа Парангон пожелала взглянуть на подношение; оно показалось ей чересчур дорогим, и последовал окончательный отказ. Достойный молодой человек, казалось, был глубоко обижен. И в самом деле, мне было горько за него. Но кузина, вероятно, права.

Я очень обрадовался, узнав, что сестрица, твоя супруга, чувствует себя хорошо. Передай ей от

меня низкий поклон. Я хочу одним из первых поцеловать твоего наследника, когда он появится на свет. Друг мой, желаю ему, чтобы он был наделен таким же сердцем, как у его отца, такими же добродетелями, как у его матери, и чтобы возле него был такой же друг, каким для тебя являюсь я, твой Эдмон.

ПИСЬМО LXII

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Сожаления Эдмона по поводу отъезда госпожи Парангон в Париж; сожаления, которые его совратители спешат умерить

Вот я и один, печальный, растерянный. О, любезный брат! Полное, томительное одиночество здесь совсем не то уединение, в каком оказываешься среди наших лесов. Там в ясный летний день человек не одинок, он общается с Природою, наслаждаясь ее красотами. Подлинное тягостное одиночество наступает, когда мы разлучаемся с единственным другом; окружающие нас недоброжелательные мужчины и лживые женщины, которые стремятся нас обольстить, но становятся

от этого еще противнее, — это не компания, это одно терзанье.

Кузина уехала; правда, она увидит Юрсюль, но самое-то ее я уже не увижу! И всей моей любви к сестре не возместить понесенной мною утраты. Мы провожали ее целых десять лье — господин Парангон, господин Луазо с женой и я. Когда мы прощались, мне пришлось сдерживаться из-за посторонних, зато на возвратном пути я отстал от других, чтобы дать волю слезам. Госпожа Луазо, догадавшись об этом, намекнула мужу, чтобы он уехал вперед с господином Парангоном.

Она подождала меня. При ней я не стал стесняться и залился горючими слезами. У этой молодой особы превосходный нрав, муж ее — счастливейший человек на свете. Говорят, ее отец столь тронут добрыми отзывами о дочери, которые он слышит со всех сторон, что готов возвратить ей прежнее расположение; по его словам, он ждет лишь доказательств, что она твердо встала на путь добродетели. Как счастлив тот, любезный старшой, кто, огорчив родителей подобно ей и мне, может со временем загладить былые ошибки добродетельным образом жизни! Какой она подает прекрасный пример, и как мне хочется ему последовать!

Два дня спустя мне сообщили о возвращении отца д'Арраса. Я очень обрадовался. Давно уже я не встречал человека, которому был бы так обязан. Я отправился к нему в монастырь. Он встретил меня, как отец встречает сына.

— Право же, — сказал он, обнимая меня, — я поверил, что вернулся, только в тот миг, когда увидел тебя. Но что это, друг мой? Ты как будто грустишь? — Я ничего не ответил, а он продолжал: — Прости мою рассеянность, дорогой мой; я знаю, что у тебя немало поводов печалиться, и понимаю, что присутствие преданнейшего из друзей не в силах залечить раны, нанесенной твоему бедному сердцу. Твоя грусть мне по душе, не скрывай ее от меня; если я задумаю рассеять ее, так не холодными советами и не суровыми наставлениями. А пока что поужинаем вместе; у меня будет отец приор, отец викарий, брат Сент-Эрмин и еще одно лицо, не говоря уже об изысканных кушаньях и о вине, которым меня наградил папаша Сенбри; словом, как видишь, кутеж. Скажу тебе, Эдмон, положа руку на сердце, с полной откровенностью — я монах только по имени, а единственное звание, которое принимаю и которым горжусь перед близкими, это звание благородного человека, друга веселья и

Эдмона, а последнего звания я не уступлю даже за все сокровища Индии.

Любезный брат, чье сердце не оценит подобной откровенности? Я достойным образом ответил отцу д'Аррасу и порадовал его. Ни слова благодарности за оказанные услуги — он не хотел ничего слушать. Все, мол, сделал господин Годэ, а он только подал несколько советов — вот и вся его заслуга.

При последних его словах к нам подошел мой кузен: — И меня тоже не благодари, — сказал он, обнимая меня. — Я старался ради самого себя, я следовал велению своего сердца; я действовал с корыстными побуждениями и только сам должен быть себе признателен.

Я поблагодарил его и мы заговорили о несчастной Лорете. — Ах, какое славное, прелестное создание! — промолвил кузен, — просто соблазн! Не беспокойся, мы о ней позаботились, она счастлива, довольна. — Вот доверенность ее матери, — подхватил д'Аррас, — господин Годэ впишет в нее свое имя, ибо я-то ведь, по нашим нелепым законам, в юридическом отношении — мертвец; тем не менее действовать я буду как живой и господину Годэ не придется утруждать себя. Я уполномочен продать их имущество, а вырученные

деньги я помещу выгодно и надежно. Видишь, как они мне доверяют? — Когда он все продаст, — прервал его кузен, — я надеюсь прибавить к полученной сумме кое-что из своих сбережений и таким образом получится приличная рента. Еще раз повторяю, дорогой: я тебя очень люблю и клянусь тебе, — д'Аррасу это известно, — что все будет сделано без твоего участия.

Не знаю, что и думать, любезный братец, то ли мой кузен весьма порядочный человек, то ли он... подлец! Но надо всегда верить в хорошие черты людей, особенно, когда речь идет о друзьях.

Вошли приглашенные. Накрытый стол произвел на них весьма приятное впечатление. Когда приступили к ужину, гости еще более развеселились. Вино показалось мне превосходным, хоть я до него не такой уж охотник; оно было очень легкое и посему не вызывало опьянения, а только разливало по всему телу тепло, не затуманивая головы. Никогда еще не встречал я людей столь приятных, как эти три монаха; их воспитанность, учтивость, приветливость, изящество манер производили чарующее впечатление. Мало-помалу, однако, человеческое естество стало проступать в них все явственнее. (Здесь мы опускаем некоторые подробности, приведенные в письме.) Я

с особым удовлетворением отметил, что Годэ несколько раз принимался уверять, что *он уважает узы брака.* Он не презирает союза, дарующего родине сынов, — следовательно, хоть этим пороком он не страдает. Не думаю, чтобы подобные разговоры могли повредить мне, наоборот, я черпаю в них полезные знания и знакомлюсь со светскими нравами, в этом и заключается их польза.

* * *

Здесь мы опускаем письмо Эдмона с поздравлением по случаю Нового года. Он сообщал в нем новости об Юрсюли, превозносил благодеяния госпожи Парангон и поздравлял родителей с продолжением их рода в лице внука, которым они обязаны своему добродетельному старшему сыну, «Вашему наместнику в отношении нас, младших».

ПИСЬМО LXIII

1751 г.

ОТ ЭДМОНА К ЛУАЗО

Здесь мы увидим, как Годэ ведет его к пороку путем, усеянным цветами, а в письме, которое он здесь приводит, увидим добродетельную женщину, допускающую неосторожное признание

Итак, дорогой мой, я останусь здесь совсем один; все друзья покидают меня и примирение твоего тестя с дочерью оборачивается, друг мой, для меня несчастьем. Только лишаясь тебя, я начинаю понимать, сколь ты мне необходим. Если мой кузен и дорогой моему сердцу отец д'Аррас через месяц или два тоже покинут меня, как они говорят, то я впаду в безысходную грусть; уже сейчас я ощущаю в сердце своем жуткую пустоту. Однако мне волей-неволей приходится отбросить мрачный тон, чтобы поздравить тебя, друг мой, и твою очаровательную подругу; да благословит господь доброго старца, раз он намерен возместить все зло, которое он вам причинил и которое легло бы пятном на добродетельную Тьенетту. Наслаждайся же счастьем в своих родных местах!

Теперь ты королевский прокурор{23}, и твоя новая должность дает тебе возможность проявить все достоинства, которыми ты обладаешь; будь, любезный мой, опорой бедняков, защитником вдов и сирот; отомсти в своем округе за всех, кто страдает от людей преуспевающих, не бойся пересолить в этом отношении; россказни о чиновнике, который благодетельствует бедняку за счет богатея — вздор, этого ты нигде не увидишь, и я не советую тебе так поступать; увы, обездоленная часть рода человеческого не метит столь высоко, она просит лишь одного — чтобы ее не угнетали. Но ты ведь не забыл всего, что мы с тобой видели здесь, когда ты бывал в суде, и ты помнишь, как часто бедняк проигрывал тяжбу лишь оттого, что он бедняк. Друг мой, львы и тигры в ливанских пустынях не столь кровожадны; разбойник, грабящий путников, не столь опасен и не столь виновен, как недостойные судьи, которые взвешивают обстоятельства дела, считаясь прежде всего с собственной жадностью и похотью.

Да что я тебе толкую здесь, друг мой! Ведь это то же, что, как говорится, переливать из пустого

{23} Комментарии: 2.23

Королевский прокурор — прокурор при суде низшей инстанции.

в порожнее.

Должен признаться (а сначала мне не хотелось говорить об этом), что один из названных мною друзей (и ты сразу поймешь, что это не монах) делает все возможное, чтобы я терпеливо переносил отсутствие друзей, в том числе и его самого. Ты знаешь девицу Барон-старшую — очаровательную, живую, веселую барышню, всегда как бы окруженную грациями и весельем; зато скромность, говорят, далеко не всегда сопутствует ей. Так вот, вчера он меня с нею познакомил. — Вот прекрасное тоническое средство для всех твоих недугов, — шепнул он мне на ухо, указывая на нее, — я поручу тебя этой девице как опытному врачу. Быть может, иной раз придется применить и железо с огнем, — продолжал он вслух, обращаясь к ней, словно она слышала предыдущие его слова, — у больного, которого я вам поручаю, раны застарелые, но, при надлежащем терпении и доверяясь природе, их, думается мне, удастся исцелить.

Красотка, несомненно заранее предупрежденная, улыбнулась и весьма мило поздоровалась со мной. Мы пошли погулять. По возвращении начались танцы и, несмотря на мое отвращение к этому виду развлечений, пришлось танцевать и

мне. Все это показалось мне весьма пошлым, мне стало скучно, и я рано отправился домой. Здесь я нашел подлинную радость. Меня ждало письмо от нашего глубокочтимого друга. Я перепишу для тебя это письмо; она позволяет поделиться им также и с супругами Луазо.

Письмо от госпожи Парангон к Эдмону

Мне захотелось написать Вам первою, кузен, а долго медлила я только потому, что такой медлительности требовали обстоятельства. Ведь о некоторых чувствах, как Вы знаете, говорить трудно, написать же о них иной раз все-таки решаешься, и именно так с некоторых пор обстоит у меня дело в отношении Вас.

Вы свободны, Эдмон; все наши былые планы, сначала казавшиеся осуществимыми, потом оставленные, теперь стали чем-то большим, чем приятные бредни. Вы мне кузен; я всю жизнь довольствовалась бы этим, если бы не надеялась со временем назвать Вас еще более нежным именем. Вам надо стать мне братом, рассчитывайте на это и ведите соответствующий образ жизни. Фаншетта хороша собою; я предвижу, что нрав у нее будет очень нежный; мы с Вашей сестрой уже теперь всячески стараемся сблизить Вас и мы в

этом безусловно преуспеем. Властвовать над собою — задача нелегкая, Эдмон; иному легче было бы управлять целым государством, чем сдерживать свои чувства... Брат мой (ибо мы верим, что Вы им станете), когда придет время, я открою Вам свое сердце. Вы жалуетесь, Эдмон? Значит, Ваши страдания еще не совсем поглотили Вас?

Ваша прелестная сестрица, кажется мне, счастлива. Столичный воздух действует на нее благотворно; если бы Вы видели ее, то пришли бы в восторг. Когда мы вместе выезжаем, я замечаю, что все взоры обращены на нее, зато она ни на кого не смотрит. Блаженная безмятежность! Я всячески буду стараться, чтобы так продолжалось как можно дольше.

Вчера меня посетил советник; по его словам, его привели сюда дела, а по-моему — одна лишь Юрсюль. Он видел ее, но так, что она его не заметила. Что и говорить, он влюблен как никогда; на мужчин гораздо больше впечатления производят наши прелести, чем добродетели. Он хотел тут же написать Вашим родителям и покончить с этим вопросом вопреки воле его дяди, который давно уже подобрал для него невесту и собирается завещать ему свое крупное состояние. Я удержала советника. К чему спешить? Его пылкая страсть

может внезапно угаснуть, а женщина будет страдать. Я готовлю своей подруге иную участь: я хочу, чтобы весь мой опыт, мои несчастья и горести послужили к упрочению ее счастья. Она никогда не станет женой человека, которому пришлось бы пожертвовать ей часть своего состояния, это влечет за собой слишком тяжкие последствия.

Я получила весточку от нашего друга, госпожи Луазо, она много говорит о Вас, мне это приятно, ибо доказывает, что она любит Вас. Скажите ей, что я весьма рада счастливому повороту в ее судьбе и что я ей напишу, как только выкрою спокойную минуту, а в подтверждение своих слов можете показать ей это письмо; от милого друга тайн не бывает. А пишу я сначала к Вам потому, что Вы страдаете; второе письмо будет к ней. Мне очень по душе ее *рассудительный* супруг; да не удивит Вас это прилагательное; человек всегда рассудителен, если умеет так сохранять хладнокровие, как господин Луазо. С человеком такого склада женщина рискует куда меньше, чем с таким, как Вы, Эдм'он; я даже осмелюсь сказать, что с ним она будет счастливее. И тем не менее, если бы мне пришлось выбирать... я выбрала бы не наиболее надежного. Со временем я, быть может, открою причину этого, но не вздумайте

возгордиться: причина эта, пожалуй, не делает чести ни Вам, ни мне...

О боже! Госпожа Канон негодует. Я слышу, как она говорит: «Что это она так расписалась? Если она пишет к мужу, то с него хватит и одного слова, достаточно сказать ему, что он скотина; если она пишет к кому-то другому, так это весьма дурно».

Ничего, ничего, любезная тетушка! Боже мой, неужели мы все к старости станем такими, как она? Прощайте, кузен.

Любезный мой *Рассудительный!* Это письмо доставляет мне куда больше удовольствия, чем все развлечения, которыми собирается порадовать меня Годэ.

ПИСЬМО LXIV

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Рождение моего сына

Приезжай, любезный братец, мы с нетерпением ждем тебя; приезжай поцеловать племянника! Мать чувствует себя хорошо и целует тебя от всего сердца; я безмерно счастлив, а она и подавно. Вот что значит природа! Родив сына, Мари-Жан-

на ни на что, кроме него, не обращает внимания. Даже я, которого она еще вчера горячо любила, теперь — ничто; на меня взирают безразлично и, кажется, весь свет, все живые существа должны быть внимательны только к ее сыну; вскрикнет он — она содрогается, спит — она им любуется, проснется — она целует его, а посмотрит на нее — она отвечает ему улыбкой, да еще какой!.. Это надо видеть собственными глазами. О любезный младенец, с самого появления на свет ты — обладатель бесценного дара — сердца матери, сердца безупречно чистого, куда никогда не закрадывался порок! Когда я пишу эти строки, любезный Эдмон, мне кажется будто я парю где-то в небесах. Приезжай, братец, приезжай поскорее; приедешь — поговорим. Дело в том, что твои ужины с монахами мне не по душе, и если я упоминаю о них в такие дни, значит уж очень они меня тревожат. Перед отъездом сообщи нашу радостную весть Юрсюли, чтобы все родные одновременно разделили нашу радость. Жду тебя, чтобы обнять нежно, как никогда.

Твой счастливый брат и друг навеки, и т. д.

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПИСЬМО LXV

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Пользуясь во зло неоспоримыми истинами, Годэ подготовляет своего ученика к усвоению опасных софизмов

Ты обладаешь умом, друг мой, и особым тактом, основанным на крайней чувствительности, которая нередко приводила меня в восторг. Но полученное тобою воспитание лишило тебя способности правильно судить об окружающем; поэтому мне приходится сначала исправить этот недостаток, а уже после этого начать с того, с чего я начал бы с обыкновенным человеком. Чтобы ускорить благотворный процесс, в итоге которого ты станешь более стойким, и чтобы избавиться от необоснованных страхов, еще донимающих тебя, тебе следует вычеркнуть из памяти все, что ты знаешь и опять начать с азов. Когда ты оказываешься лицом к лицу с каким-либо яв-

лением, ты судишь о нем не так, как следует, а соответственно усвоенным тобою взглядам. Следовательно, эти взгляды надо изменить. Именно это я и собираюсь сделать со временем при помощи письма; ты будешь его перечитывать и, таким образом, оно оставит у тебя более глубокое впечатление, нежели устная беседа, которая легко забывается[35].

С тех пор, как ты живешь в свете, все, видимо, удивляет и возмущает тебя. Ты постоянно не в духе и от этого все воспринимаешь в мрачном свете: все кажется тебе отвратительным, — кроме того, что выходит за рамки естественности. А знаешь ли отчего так происходит? Оттого, что тебе внезапно, минуя промежуточные стадии, дали вкусить морали, отличной от общепринятой. Посмотрим же, что именно тебя в нас так возмущает: взглянем при свете разума на тех подлых смертных, которых ты так решительно презираешь, на коих ты сам становишься похож в минуты самозабвения, а потом приходишь от этого в отчаяние; ведь я, думается мне, раскусил тебя; ты страдаешь не столько от искреннего раскаяния, сколько от сознания, что опустился

[35] Примечания: 1.35
См. письмо XCVII.

до нашего уровня, — самолюбие твое уязвлено. Сравним же устаревшие, нелепые принципы, за которые ты держишься, и наше поведение, — тогда резче выступит их различие.

Тебе внушили и ты теперь сам так думаешь, что *надлежит отказываться от того, что нас особенно привлекает; смиряться перед людьми; отвечать им добром на зло;* тебе показали преимущества такого поведения и ты почувствовал их, поддавшись обману. Если бы все придерживались таких взглядов, на земле царили бы наслаждения и невинность. С другой стороны, люди, не уступающие тебе в разуме и нравственности, каждодневно дают примеры, противные этой прекрасной теории. Мы видим, что они не чураются удовольствий, удовлетворяют свои страсти — не отказываются от любви, славы, тщеславия и кое-чего менее благородного. По-твоему, все любуются лучшим, а следуют за худшим. А это неверно: все следуют за лучшим, а бегут худшего. Чтобы ты понял эту загадку, полезно напомнить тебе слова поэта: «Trahit sua quemque voluptas»[36]. Дурной человек и человек добродетельный таковы потому, что им нравится быть такими;

[36] Примечания: 1.36
Всякого страсть своя увлекает *(лат.).*

все зависит от положения, от точки зрения, от причины, побуждающей их действовать. Ужели ты воображаешь, что Франциск Ассизский {24} обретал меньше радости в умерщвлении плоти и нищете, чем другие — в мирских утехах? Скажу больше: ни один светский человек не обретает в своих наслаждениях столько радости, сколько обретал святой Франциск в своих самоистязаниях. В чем же тогда заслуга, спросишь ты? По существу говоря, не знаю; если же иметь в виду общество, то вот в чем. Все мы, какие ни на есть, любим людей, которые отказываются от того, чего сами мы добиваемся; их отказ от своей доли усыпляет в нас две изнуряющие страсти: ревность и самую подлую из всех — зависть. Святой Франциск создал себе счастье, неслыханные радости, которые ничего ни у кого не отнимали — ни любовницу, ни сокровища, ни поместья, ни имущество, ни должности, ни почести, к которым всякий стремится, — поэтому все уважали и чтили его. Кто мог бы ему завидовать? Только тот, кто избрал бы такую же стезю. Поэтому для меня не подлежит сомнению, что, если бы все монашеские

{24} Комментарии: 2.24

Франциск Ассизский (1182—1226) — основатель монашеского ордена францисканцев; члены ордена отказывались от богатства и прочих жизненных благ.

наставники жили вместе, они самым набожным образом растерзали бы друг друга. А теперь нам станет понятно, почему людей, слывущих злыми, все ненавидят и поносят; объясняется это тем, что слишком многие жаждут тех же благ; чтобы добраться до них, надо раздавить целую толпу завистников. Все, кто преуспевает, — от грабителя-убийцы до человека, богатеющего благодаря своим трудам, — вызывают к себе ненависть и сами ненавидят окружающих. Грабитель-убийца — это завистник, честолюбец, он так жаждет наслаждений, что, желая вырвать у другого вожделенные блага, лишает его жизни и подвергает опасности свою собственную; потеря этих благ повергает его в скорбь, которая сильнее страха смерти. Подобный человек несчастен во всех отношениях: он живет в страхе и трепете, а когда попадется, становится беднее самого бедного; он лишается всего, вплоть до жалости, которую обычно вызывают у нас несчастные. Что до тех, кто преуспевает и наживается менее гнусными путями, то ты сам знаешь, как к ним относятся бедняки: они считают, что нет такого дворянина, такого богача, который не нанял бы десятка два убийц, будь он уверен в безнаказанности. Следовательно, этим людям завидуют, они вызывают к

себе ненависть, отвращение; достаточно им бросить на бедняка беглый взгляд, чтобы убедиться в этом. Сравнение человека добродетельного с человеком порочным (я называю добродетельным того, кто создает себе радости, не вызывающие ни у кого зависти, а порочным — его противоположность) ясно показывает на чем основано уважение людей к первому и ненависть ко второму; следовательно, не существует естественной, врожденной идеи добродетели и порока; идея эта — искусственная, она — следствие социального устройства.

Между тем, из этого ты должен заключить, что социальный человек, наделенный разумом, никогда не будет дурным. Я говорю «разумом», ибо разум — это источник сердечной доброты; следовательно, люди с злым сердцем стали такими вследствие неразумия, — подобно тому, как немые от рождения немы лишь вследствие своей глухоты. А тебе, любезный Эдмон, известно, сколь мало найдется действительно разумных, хорошо *понимающих* людей, посему нечего тебе удивляться, что вокруг столько людей дурных, т. е. слепцов, избирающих для достижения счастья, всем нам равно желанного, окольный путь, в известном смысле, сомнительный.

Говорят, что великие негодяи могли бы стать великими деятелями; именно поэтому, конечно, люди заурядные примиряются с величием героев, почитая их доблесть следствием сложившихся обстоятельств. Однако они жестоко заблуждаются: герой — полная противоположность негодяя; они схожи только в одном отношении — необузданностью желаний. Но какая при этом разница! Один, горя благородным желанием, помышляет лишь о благе ближних и жертвует ради них всем, вплоть до собственной жизни; другой, раздираемый подлой, эгоистической жадностью, хочет все захватить лично для себя и готов пожертвовать даже родиной ради удовлетворения малейшего из своих желаний. Значит, не только обстоятельства создают как героя, т. е. человека самой высокой добродетели, так и негодяя или самого жадного себялюбца; они отличаются друг от друга по самому своему существу. (Следовательно, как видишь, я не превращаю слово «герой» в синоним «завоевателя» и т. п.)

Но обе эти разновидности людей — и боготворимая и ненавидимая обществом — в равной мере ему необходимы как движущая сила. Несомненно одно: природа, создающая эти разновидности, эти две ярко выраженные крайности, не произ-

водит ничего бесполезного. Кто мы такие, чтобы измерить ее непостижимую глубину и судить ее бесконечную мудрость? Почему в царстве минералов и в царстве растений природа создает яды? Она создает их с тою же целью, с какою в животном царстве создает хищных зверей; соответственно она и среди разумных существ творит порочных и подлых, как создает яды и хищников.

Следуй же совету, который я дам тебе, мой друг. В любом случае умеряй свою желчь и принимай мир таким, какой он есть; усвой мудрые наставления, которые почтенный отец дает сыну в комедии под названием: «Управительница», и те, что дает Филент в «Мизантропе» Мольера{25}. Сторонись злых и сам не будь таким; старайся быть счастливым, ничего не отнимая у других; особенно дорожи дружбой; этот путь к обогащению и радостям никого не раздражает, наоборот, им восхищаются — все по той же причине, о которой я говорил выше, — имея в виду личную выгоду; не у всех столь доброе сердце, чтобы любить, зато не найдется человека, который не

{25} Комментарии: 2.25

... мудрые наставления... что дает Филент в «Мизантропе» Мольера. — Имеются в виду советы, с которыми обращается Филент к своему другу Альцесту, главному герою комедии.

хотел бы быть любимым, а истинный друг являет такой пример, что каждому хочется заслужить не менее преданную дружбу.. Но люди нередко забывают истину: Ut ameris, amabilis esto[37].

Вспоминай иногда примеры, что у тебя перед глазами. Из двух лиц, которые обманули тебя, — да и меня сбили с толку, — одна стала жертвою своего собственного преступления, не дававшего ей покоя; другой претерпел крушение всех своих надежд, и, пожалуй, дает кое-кому основания относиться к нему без особого уважения... Не знаю, понимаешь ли ты меня? Да и сам ты, чуточку перехватив в вольностях с Лоретой, мало ли ты страдал?

Впрочем, далеко не всегда от нас, слабых и беспомощных смертных, зависит избежать преступления. Я наблюдаю человека в дни его детства; вижу, что в два-три года счастье его заключается в куклах и свистульках, немного позже — в обладании мячиком, воланом или птичкой; затем вижу, как сердце его раскрывается при виде милого существа: сколько тут безрассудств! Да и то сказать, заблуждения слишком быстро проходят в наших городах; наслаждение слишком быстро

---

[37] Примечания: 1.37
Чтобы тебя любили, будь достойным любви *(лат.).*

рассеивает иллюзию, и от преждевременного познания женщин иссякает источник счастья, который должен бы орошать нашу весну и лето. За всем этим следуют дела. Тут начинается великая комедия: посмотрите, как эти маски мечутся, друг друга обманывают, хохочут над собственными ошибками и стараются извлечь из них пользу! И из всей этой толпы марионеток ни одна не подозревает, что она всего лишь беспомощная кукла, которую приводит в движение медная проволочка. Но хватит на сей раз нравоучений. Я никогда еще так много не разглагольствовал, ибо никого так не любил, как Эдмона. Прощай, дружище! Всегда рад служить тебе.

ПИСЬМО LXVI

8 часов вечера
Полночь

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он снова встречается с Эдмэ, что не мешает ему завести интригу с развратницей, которая могла бы сделать порок привлекательным, если бы это вообще было возможно

Прекрасная мораль, друг мой! И, признаться, ты говоришь весьма убедительно. Однако (тут ты опять скажешь, что воспитание затуманило мой разум), мне кажется, что если б я вел себя лучше, если бы был хорошим сыном, хорошим братом, хорошим другом, словом — порядочным человеком, то мне эта мораль не так нравилась бы. Это значит, что она мне все-таки нравится, да так оно и есть; ум мой с нею вполне согласен, и только сердце, сердце ей противится. Но оно не гневается на тебя за то, что ты просвещаешь мой ум; сердцу кажется, что хорошо бы быть добродетельным независимо от последнего; Сократ{26}, несомненно, обладал такой добродетелью; Платон{27},

{26} Комментарии: 2.26
Сократ (470—399 до н. э.) — древнегреческий философ.

{27} Комментарии: 2.27
Платон (429—347 до н. э.) — древнегреческий философ.

Аристид{28}, Эпикур{29}, Сципион{30}, Катон{31}, Цицерон{32}, Тит{33}, Юлиан{34} и многие другие были добродетельны вопреки своим знаниям. И именно поэтому их заслуги особенно велики, именно поэтому они гораздо выше заурядных «порядочных людей», у которых добрым сердцем руководит слепой ум.

Скажи-ка, красавица Барон-старшая, конечно, твоя ученица? Черт возьми! Ну и женщина! Какой ум! Какая свобода от предрассудков! Восхитительно! Я еще не имел понятия об очаровании такого рода: женщина-вольнодумка представляет для меня всю прелесть новизны. Никак не могу успокоиться, с каждым днем все больше восхищаюсь ею. Какой задор, какая беспечность! И, вдобавок, сколько чувства, какое ласковое, чарующее обра-

---

{28} Комментарии: 2.28

Аристид (ок. 540—ок. 468 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель.

{29} Комментарии: 2.29

Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ.

{30} Комментарии: 2.30

Сципион (235—183 до н. э.) — римский полководец.

{31} Комментарии: 2.31

Катон (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель.

{32} Комментарии: 2.32

Цицерон (106—43 до н. э.) — римский государственный деятель, оратор и писатель.

{33} Комментарии: 2.33
Тит (41—81 н. э.) — римский император.

{34} Комментарии: 2.34
Юлиан (331—363 н. э.) — римский император.

щение! Что за обольстительная плутовка! Цель ее — наслаждения, и она этого не скрывает, наоборот! Она гордится тем, что вызывает желания, и первейшим долгом своим почитает их удовлетворять. Таковы были древние галльские женщины, они жили в глухих лесах и не знали удержу; насытившись желудями и дичью, они принимали на своем ложе первого же приглянувшегося им юношу. Честь, добродетель, стыдливость, все эти громкие слова из лексикона недотрог, по мнению Мадлон, ничего не означают или означают лишь глупость. И подтверждается это тем, что всякий мужчина, пока речь идет о других, делает вид, будто относится к таким понятиям с уважением, но старается вытравить их из сердца женщины, едва дело коснется его самого. Любовь, наслаждение — вот что определяет судьбу очаровательной Мадлон Барон, вот божества вселенной. Философ, деистка, материалистка, безбожница (на протяжении какого-нибудь часа она успела блеснуть всем этим), она судит о религии по заблуждениям духовенства и, следовательно, судит вкривь и вкось; об обязанностях женщин она судит по их поведению и, не имея лучшего мерила, судит только по их отношению к мужчинам; о мужчинах у нее весьма дурное мнение, как они того и

заслуживают, и все же, представь себе, она сознается, что любит их до умопомрачения[38]. Что до меня, то, откровенно говоря, я не слишком ее уважаю и все же не могу провести дня, не повидав ее. Для меня это какое-то новое колдовство; ведь я не люблю ее, я не тревожусь, не ревную; но она мне нравится, возле нее мне всегда приятно; я отправляюсь к ней без особого волнения, расстаюсь без усилия. Быть может, это и есть счастье, друг мой? Быть может, я его не знал до сих пор? Быть может, добродетель (женская) не имеет никакого значения для счастья? Минутами я готов поверить тебе, что так оно и есть, но боюсь, как бы тем самым не оскорбить само небо. Я не сужу, сердце мешает мне судить; однако я чувствую, что никогда еще мне не было так хорошо. Моя привязанность к кузине — чувство беспокойное, грустное, глубокое и такое странное, что я радуюсь, что ее сейчас здесь нет; ее отсутствие — для меня страшная мука, но оно отдаляет ее не только от меня, но и от Лежебоки; чувство, которое я питал к жене, порою тоже было мучительным;

[38] Примечания: 1.38

Это всего лишь провинциальная кокетка; она в карты не играет и никого не разоряет. Портрет столичной кокетки был бы совсем иным. Познакомьтесь с ним по превосходному поучительному роману под названием «Отец Скряга» *(прим. издателя).*

некая юная Эдме (тебе это неведомо) повергала меня в меланхолию в течение нескольких недель; Лора... ах, в моем чувстве к ней, мне кажется, есть нечто общее с тем, что внушает мне мадемуазель Барон; ибо влечение мое к ней — острое, легкое, поверхностное и вместе с тем упоительное. Да, папаша, я начинаю верить: вот чувство, ради которого мы созданы; значит, оно в самой природе, и люди жизнерадостные, о которых ты мне однажды толковал, правы, питая именно его; таких людей я осуждал, даже возмущался ими — и все это по неопытности: женщина не создана для одного единственного мужчины; все красавицы имеют на нас права; милое непостоянство — вполне естественный инстинкт; любовь единственная — чувство деланное, тягостное, несправедливое, самоуправное... Право же, дивная Мадлон только по наитию могла решиться на свое восхитительное кокетство... И все же, как сладостно быть безраздельно любимым!.. Ну, да, сладостно всякое обладание. Сладостно владеть прекрасным замком, прекрасным поместьем, доходами, обеспечивающими полный достаток, сладостно обладать всем этим, распоряжаться им! Настанет день, думается мне, когда, несмотря на еще не изжитое отвращение, я стану филосо-

фом-годэтистом или баронистом... Если же это окажется для меня недостижимым, я отрекусь... Все сказываются предрассудки — так ведь, любезный ментор? А знаешь, лучший довод в пользу нового миросозерцания, которое ты предлагаешь мне усвоить, — прелести Мадлон. Едва я увижу ее, как перестаю рассуждать и чувствую, что неоспоримый факт говорит в твою и ее пользу.

Некий Полэ — верховод нашего кружка. Это чудо распутства: гордец, хлыщ, нахал, шут гороховый, ломака, а отсюда неукоснительно следует — человек отличного воспитания, очаровательный, *восхитительный, божественный* (эти напыщенные прилагательные недавно доставлены к нам дилижансом из Парижа). Он неустанно твердит мне, что хочет меня воспитать. Я отнюдь не польщен таким обещанием, ибо, — говорю откровенно, папаша, — если уподоблюсь ему, то буду краснеть от стыда. Неужто теперь модно разглашать о каком-нибудь знаке внимания, как только получишь его, а то и раньше? Видно, такова мода, ибо Полэ поступает так и никто его за это не осуждает. Между тем мне хочется последовать его примеру и кое о чем проболтаться, но, конечно, только тебе, мой важный ментор. Нынче вечером у Мадлон, по обыкновению, танцы;

я приглашен; но милая девушка не ограничивается этим заурядным знаком внимания — она хочет, чтобы в разгар суматохи мы исчезли из залы и, *скрывшись в ее будуаре, некоторое время без помех насладились друг другом.* Ну как? Что изречет твоя философия насчет такого свидания? Я дам тебе о нем отчет и запечатаю письмо только вечером, когда расстанусь с этой любезной, предупредительной девицей.

Снова берусь за перо еще до свидания, чтобы сказать тебе, что я только что сделал самое восхитительное, необыкновенное, приятное открытие. Полэ после работы зашел за мной и в ожидании ужина мы с ним прогулялись по крепостному валу в сторону бенедиктинского монастыря. Мы избрали это пустынное и весьма непривлекательное место потому, что слышали, будто тут собираются девушки, работающие в виноградниках и весьма сговорчивые. И действительно, нам попались там три-четыре девушки, но такие уродины, что они кого хочешь удержат от распутства. Одна только была ничего себе; она оказалась козьей пастушкой, на вид лет четырнадцати; мне стало ее жаль, я ее подозвал, порасспросил немного и мне показалось, что ее еще можно извлечь из трясины, в которую она

начинает погружаться. Она отвела меня к своим родителям, беднякам, которые, по-видимому, сами же подучивают ее. Я предложил им поместить девочку в Убежище[39] и определить ее на место, как только она научится грамоте и усвоит начатки религии (ибо к ней поневоле приходится прибегать всякий раз, когда хочешь преподать нравственные основы). Они согласились, а так как Убежище было оттуда в двух шагах, то я сразу же и отвел ее. Но не об этом я хотел тебе рассказать. Пока я был занят хлопотами, Полэ продолжал прогуливаться. Пристроив девочку в Убежище и поручив ее заботам матушки-надзирательницы, которая оказалась родственницей моей жены, я вернулся к Полэ, а он мне и говорит, что заметил в окне соседнего дома редкостную красавицу. Он показал мне дом. Из любопытства я спросил одного из местных жителей кому он принадлежит. — Богатому виноградарю, по прозвищу папаша Сервинье — услышал я в ответ. Никак не думал, что это имя может привести меня в такое смятение! Оно было столь велико, что, если бы не темнота, Полэ сразу заметил бы, как я взволнован. Гуляя, мы еще раз прошлись мимо

[39] Примечания: 1.39

Это своего рода приют, куда за небольшую плату принимают детей обоего пола, дают им кое-какие знания и приучают к труду.

этого дома; дверь была растворена и в сенях я весьма явственно увидел прелестную Эдмэ. Она, показалось мне, еще похорошела; между тем, одета она была очень небрежно, но таких девушек небрежность только красит. И полуодетая, Эдмэ казалась жемчужинкой, соблазнительнее которой трудно себе что-либо представить. Я замер, любуясь ею, но тут кто-то резко захлопнул дверь. Столь неожиданная встреча повергла меня в задумчивость. Папаша, юная Эдмэ — прелесть! Она добродетельная, честная; за нею дадут некоторое приданое, так разве, по-твоему, безрассудно привязаться к ней? Правда, по впечатлению, которое она произвела на меня, я чувствую, что эта юная красавица вернет твоему Эдмону все его прежнее простодушие. Что ж из того, если он будет счастлив? Ведь счастья ты ему и желаешь?.. Сейчас я сажусь за стол; с Барон я увижусь после ужина; но уверяю тебя, ей придется пустить в ход все свое кокетство, чтобы развеять мою мечтательность.

Бить отбой через каких-нибудь четыре часа, конечно, весьма предосудительно! Да что ж, приходится! Да, любезный друг, все в мире отступает перед очаровательной Барон — ум, красота, таланты, добродетель! Она затмевает все; даже в любви, да, в любви, в сладостной и неизменной

нежности нет такого очарования, как в томном кокетстве этой девушки. Сосредоточь все свое внимание, папаша; я должен тебе все рассказать; утехи мои — дело твоих рук; кроме того, поведать тебе о них — значит вторично насладиться ими.

В половине девятого я пришел к госпоже Барон. Не могу не отметить тут одного обстоятельства, которое неотступно занимает меня, а именно, что сама госпожа Барон — женщина весьма почтенная. Она всего лишь мачеха Мадлон и ее сестер; она воспитывает их как горячо любимых дочерей; она не отказывает им в скромных радостях, а если ловкие плутовки позволяют себе и радости нескромные, то добрая маменька не подозревает о них. Вот так-то, друг мой, сердца благородные, откровенные, прямые всегда и оказываются одураченными! Для них было бы истинным счастьем никогда не расставаться с заблуждениями и до самой могилы сохранять иллюзии, ибо, если такой человек узнаёт истину, он вызывает к себе жалость даже больше, чем человек дурной[40]. Ты мне возразишь, что

[40] Примечания: 1.40

Что человек добродетельный жестоко страдает, когда узнает, что порок злоупотребил его доверчивостью и простодушием, — это верно; но неправда, будто тогда он становится столь же несчастным, как обманутый дурной человек. Истину эту может легко проверить сам читатель.

творимое легкомысленными сестрами еще не есть настоящее зло; что злом оно стало бы лишь в воображении их воспитательницы, узнай она обо всем; что покамест она пребывает в неведении, — а так, вероятно, и будет всегда, — зло это нереально. Прекрасно понимаю, но признаюсь тебе, что я еще недостаточно развращен... (или, если хочешь, недостаточно просвещен), чтобы твердо верить в сию истину. Бросим, однако, рассуждения и вернемся к фактам.

В половине девятого я был возле своей прекрасной соседки. Сначала танцевали менуэт и поэтому все держались очень чинно; но, когда начались контрдансы и внесли в общество некоторый беспорядок, дело пошло куда веселее. Мы с Мадлон все время оказывались в первом ряду, так что Бердон, вторая сестра, в конце концов спросила не без досады: всегда ли так будет? А нам только этого и надо было. Мы потихоньку скрылись. Мадлон поднялась в свою комнату, немного погодя я последовал за нею. После встречи с Эдмэ, я несколько охладел к ней. Когда мы уселись, я не выказывал того нетерпения, какое ее прелести возбуждали во мне прежде. Как женщина ловкая и неунывающая, она заявила, что ей страшно жарко. — Нас здесь никто не побеспоко-

ит, — добавила она, — поэтому не плохо было бы переодеться. — Вы думаете? — Конечно. — Так расшнуровать вас? — Нет, нет; позовите Маротту[41]. — Сохрани меня, боже, от такой глупости! Прежде всего снимем корсаж. — Последовало некоторое сопротивление. Но то, что я увидел, придало мне смелости. Друг мой! Белоснежная грудь, восхитительное колыхание; я дал, было, волю рукам, но меня остановили: — Перестаньте, сударь. Руки у вас как лед. — (Обрати внимание, сколь тонко насмешничают красавицы, едва приметят малейший холодок!) Тем временем я продолжал помогать и восхищался: Что за талия! — Вы находите? — Право же, и платье, и белье — как оно ни изящно — только скрывают прелести! — А теперь извольте оставить меня... на минуту. — Но зачем же, повелительница? — Да ведь это не должно вас особенно огорчать... — Не должно огорчать! Ах, несравненная девушка! — Но вы, как будто, уже приходите в себя. Возьмите же себя в руки, пожалуйста, а не то... — Я в руки себя не взял, папаша; все завесы рухнули... О небо, какая прелесть! У Зевксиса{35}, несомненно, была подобная модель,

---

[41] Примечания: 1.41
Так зовут их служанку.

{35} Комментарии: 2.35
Зевксис (464—398 до н. э.) — древнегреческий живописец.

когда он писал трех богинь, обнаживших свои сокровища перед взором фригийского пастуха, а в фигуре богини любви, которая одержала верх над соперницами, не могло быть больше неги и совершенства. Вне себя, потеряв голову, я мог бы в этот миг не посчитаться с самой добродетелью. После упорного сопротивления, стойкость которого смягчалась ласковой улыбкой, после тысячи прелестных препятствий мне дано было вкусить высшего блаженства... Мадлон радовалась могуществу своего очарованья, но, словно новая Галатея{36}, она, обнажив на миг свои прелести, поспешила снова прикрыть их. Она надела нарядный пеньюар, подчеркивавший стройность ее стана, и казалась в нем покрытою снежными хлопьями; грудь была еле прикрыта газом, вокруг шеи — розовая ленточка, а брелок на ней в виде бриллиантового сердечка спускался в море белизны; на ножке — крошечная туфелька, которая, как новое очарованье, словно звала меня изменить прежнему. — Мы долго отсутствовали, — сказала она, — покажитесь там, я скоро приду; если заметили мое исчезновение, новое платье послужит мне оправданием. — Я подчинился.

{36} Комментарии: 2.36

Галатея — статуя работы Пигмалиона, оживленная Афродитой (Венерой) по просьбе скульптора (греч. миф.).

Когда я сошел вниз, мне показалось, что никто не обратил внимания на наше отсутствие. Мадлон появляется вслед за мной, входит она шумно, все оборачиваются в ее сторону, восхищаются; мамаша подзывает ее, целует; она счастлива, что дочка столь красива и желает ей от души повеселиться. И она, любезный ментор, принялась исполнять желание мачехи, да, принялась исполнять его от чистого сердца! В первом контрдансе мы заняли такие места, чтобы вместе исполнять фигуры. Милая девушка оказывала мне множество знаков внимания, которых никто не мог заметить; зато она оказывала их так, что они становились еще ценнее: этот контрданс, дорогой мой любезник, стоил полного наслаждения!

Некоторое время подразнив и поманив меня, Мадлон опять скрылась. Как только я заметил, что ее нет в зале, я тоже исчез и пробрался к двери ее спальни; дверь оказалась полуотворена; я увидел свою богиню, она томно растянулась на шезлонге; голову она склонила на руку, глаза полузакрыла; все ее прелести были прикрыты, как у самой скромной испанки, едва виднелся кончик ее крошечной ножки. Я запер дверь на задвижку, бросился к ней... Взор мой горел желаньем. — Тише, сударь! — Ах, повелительница, зачем

же откладывать!.. — Помечтаем о наслаждении. — Друг мой, вкусим его, а уж потом будем о нем мечтать. — Вы вертопрах, а я хочу, чтобы вы стали умником. Понимаете? Все, что предшествует наслаждению, — восхитительно; если соблюдать благую последовательность, то наслаждение сменяется еще большим наслаждением; пустячок за пустячком придают ему ни с чем не сравнимую прелесть. Потом — совсем другое дело; воображение гаснет и бездействует; память — холодный дар, она может воспроизвести только материальное, а восхитительная иллюзия, которая всегда выше истины, уже не сочетает свою прелесть с прелестью, присущей возлюбленной. Да, не будь иллюзии — что сталось бы с самой прекрасной смертной? — Что до меня, прекрасная Мадлон, то я в подспорьи иллюзии не нуждаюсь; в вас реальность превосходит все очарованье, какое только можно вообразить. — Вы льстец. — Правда, надобно было добавить: когда любишь... — Неужто вы любите? — И вы еще спрашиваете? — Надолго ли? — Навеки! — Ах, можно ли так лгать... Вскоре новый предмет... — Ваши прелести должны бы подсказать вам, что тот, кто в вас влюблен, уже не может изменить. — Мои прелести отнюдь не убеждают меня; я так мало полагаюсь на них, что

не надеюсь сохранить завоеванное сердце даже на то время, пока еще буду хороша собою. — Ах, хороши вы будете всегда. Но даже если вы изменитесь, я всю жизнь буду видеть вас такою, как сейчас. — Ну и лжец! — засмеялась она. — Неужто я так хороша? — Равной вам нет. — Это очень неопределенно. А точнее выразиться вы бы не могли? — Не мог бы? Да нет, пожалуйста: например, прелестные губки, соблазнительные, так и манящие поцелуи, поцелуи без конца... А грудь... — Вы уже приступаете к действиям, а я только просила сказать точнее! — Я и обращаюсь к подробностям. — Мадлон лукаво улыбнулась. Она слегка обняла меня и мне показалось, что я умру от блаженства... Как стремительно несутся счастливые мгновения! Настало время расстаться, — и вот я пишу тебе. Прощай, друг мой. Если счастье только в иллюзиях и сладостном опьянении, то может ли дать его холодная, нравоучительная философия?

ПИСЬМО LXVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

После всего вышесказанного он все-таки влюблен в Эдмэ и хочет на ней жениться. Он пересылает мне письмо Юрсюли

Мне кажется, что чувство ненависти нередко зависит от нас самих, любим же мы помимо нашей воли, любезный старшой. И счастлив тот, кому случай сразу же предлагает предмет, вполне достойный привязанности; счастлив тот, кому до этой встречи не приходится переходить от ошибки к ошибке. Не предложило ли мне небо уже давно именно такую девушку в лице ласковой и простодушной Эдмэ? Я вновь встретился с нею несколько дней назад, а вчера впервые нанес ей визит. Она была одна; я напомнил ей о нашей прежней встрече и просил уделить мне немного времени для беседы. Ее замешательство, румянец, стыдливо потупленный взор, в котором все же светилось некоторое удовлетворение, — все говорило о том, что память обо мне еще не совсем изгладилась из ее сердца. Визит мой был краток, ибо я боялся показаться назойливым, но вышел я от нее не менее очарованным, чем после первой нашей встречи в Во. Что скажешь на это, братец? Не сделать ли мне эту девушку предметом всех моих чаяний и желаний? А покамест я нахожусь

в состоянии какой-то странной растерянности: кузина была столь добра, что поделилась со мной своими видами на меня, причем я чувствую, что склонен согласиться с нею. Но мадемуазель Фаншетта еще так юна, за долгое время, покамест мне придется ждать ее, у меня будет столько соблазнов, что я не теряю надежды склонить мою добродетельную кузину к моей точке зрения. Она так добра!.. Однако до чего сладостно было бы стать ее братом! Фаншетта прелестна... Помоги мне выйти из затруднения, любезный старшой; в данном случае надо считаться не столько со своими честолюбивыми замыслами, сколько с возможностью сохранить нравственную чистоту. Девушка, вроде Эдмэ, может без остатка заполонить сердце, которое не на шутку привяжется к ней.

Покамест я писал тебе, мне подали письмо Юрсюли. Вот копия с него.

Письмо от Юрсюли к ее брату Эдмону

«Если бы я могла поступать, как мне желательно, то я, любезный друг, уже написала бы тебе писем двадцать, но госпожа Канон нас очень стесняет; на каждый пустяк надобно просить разрешение, и только второй раз она мне поз-

воляет поговорить с тобою. Намедни она мне не разрешила писать под тем предлогом, что мой обожаемый друг пишет за нас двоих. Однако я не жалуюсь на то, что она столь властно обращается с нами; та, которой легко бы выйти из-под ее власти и которой я почитаю своим долгом во всем подражать, сама подает мне и мадемуазель Фаншетте пример безоговорочного подчинения. Да, любезный братец, помышляя о ней, я беспрестанно благодарю небо за то, что оно даровало мне столь достойнейшую покровительницу. Как мы должны любить ее!.. Она много потратилась на меня; прошу тебя поведать об этом нашим любезным родителям. Не могу не удивляться тому, что она подарила мне несколько драгоценностей, которыми вовсе не обязательно обладать, а когда я их надеваю, то чувствую, что наряд мой отнюдь не соответствует моему положению. Когда я впервые появилась в прекрасном ожерелье, сверкающих серьгах и т. п., мне подумалось, что госпожа Канон, наверно, не одобрит такой роскоши и, следовательно, мне не придется носить эти вещи; мне было совестно за эти драгоценности. И вдруг она, которая бранит нас по пустякам, ни звука не проронила; она словно не заметила моих украшений. Это в ее

характере... Тебе, друг мой, пожалуй, любопытно будет знать, какое у меня впечатление от этого огромного города? Я еще очень мало узнала его: мы выезжаем редко и почти всегда в карете и я почти не видела улиц, ибо госпожа Канон имеет обыкновение задергивать занавески на обеих дверцах. Если же идем пешком, она заставляет нас так низко опускать на лицо капор, что мы видим один только тротуар. Не понимаю, почему нам не позволяют немного подышать свежим воздухом у двери, которая выходит на великолепный балкон. На другой день по приезде мы с мадемуазель Фаншеттой устроились там и с бесконечным удовольствием наблюдали толпу, двигающуюся как бы волнами; вдруг явилась госпожа Канон и велела нам вернуться в комнаты, причем сказала это таким тоном, словно мы совершили великое преступление; с тех пор нам запрещено даже подходить к двери. Видно, это кому-то не понравилось, ибо я слышала, как хозяйка дома громко отвечала какому-то очень нарядному господину, который выходил от нее и притом смотрел в нашу сторону. Надобно, однако, признаться, что, когда мы въезжали в Париж со стороны Бургундии, я видела очень некрасивые улицы, где кишит грязный, жалкий люд; зато в

предместье Сен-Жермен, где мы живем, совсем другое дело, а места еще того красивее мы увидели на днях, когда госпожа Канон повезла нас в Тюильри. Погода стояла чудесная, а так как это редкость в такое время года, то каждый хочет ею воспользоваться. Меня предупредили, что мы отправляемся в места очаровательные, поэтому я рассчитывала получить большое удовольствие, однако я имела в виду лишь сад; я его представляла себе вроде нашего, но только украшенного произведениями искусства. Оказалось, что между ними нет ни малейшего сходства. Половина этого прекрасного сада посыпана песком, четверть его отведена под цветы и кустарник, остальную часть занимают деревья. Я чувствую, что в этом обширном саду больше всего ценят планировку, порядок, величественный вид, который приятно поражает, когда вступаешь туда; прекрасные статуи, в достоинствах коих я начинаю разбираться; фасад дворца, примыкающий к нему с одной стороны, и все прочее. Но все это, несомненно, не так очаровало бы меня, если бы не совершенно новое для меня зрелище, поглотившее все мое внимание, а именно бесчисленная, блестящая толпа мужчин и женщин; никогда еще не доводилось мне видеть нечто, хотя бы отдаленно

похожее на это великолепие. Побыв тут минут пять, я уже перестала смущаться, что на мне бриллианты, а видя какие драгоценности украшают других дам, пожалуй, скорее готова была покраснеть оттого, что на мне не столь богатые. Но глупенькое тщеславие владело мною недолго; я сосредоточила внимание на окружающих и перестала думать о себе. Однако я полагаю, что непредосудительно мне будет воспользоваться виденным, чтобы наряжаться с большим вкусом; здесь это вполне допускается и мой друг сама так поступает. Насчет нее мне пришла в голову мысль, которою я хочу поделиться с тобой. Мне вздумалось проверить, найдется ли среди всех этих столь нарядных женщин хоть одна, которая могла бы сравниться с нею очарованием: поверь, братец, не нашлось ни одной. В большинстве своем женщины здесь не хороши собою; но прирожденный вкус превосходно возмещает, как говорится, немилости природы. С одним только не могу я примириться — с румянами; но с ними здесь, по-видимому, свыклись. Что за нелепый обычай! Как могут молодые, красивые женщины жертвовать своим свежим цветом лица в угоду моде, которую выдумали женщины бесцветные и, конечно, уже немолодые. Без румян красивые

куда лучше[42], дурнушки не так дурны, а пожилые не так походят на фурий; ибо, как я замечаю, румяна придают живость и блеск молодым, у старух же получается не что иное, как раскраска. Что до меня, так, будь я хоть герцогиней, никогда не стала бы я уродовать себя такой маской — вблизи она делает женщину безобразной как плафонная живопись и терпима только на большом расстоянии. Я нахожу также, что женщины здесь уж чересчур беззастенчивы; такой вид придают им, вероятно, те же румяна; а женщины, которые сами по себе не стали бы румяниться, все же румянятся из подражания; некоторые столь пристально меня разглядывали, что я смущалась и краснела; я заметила, что они радовались этому, как победе. Что касается мужчин, то мне не пристало смотреть на них, поэтому не знаю их повадок, но, если судить по женщинам, так поведение мужчин уж совсем непристойно...[43]

---

[42] Примечания: 1.42

Пристрастие женщин к румянам — вопрос, решить который затрудняются даже самые умные люди: румянами пользуются все — как цивилизованные, так и дикарки. Лично я думаю, что тут сказывается женская скромность — они не верят в могущество собственных чар *(прим. Эдмона).*

[43] Примечания: 1.43

Наивная девушка ошибается: в большинстве мужчины скромнее женщин *(прим. Эдмона).*

Мне здесь очень хорошо, мой друг; мне тут нравится, хотя я и не могу объяснить, что кажется таким привлекательным среди здешней грязи и множества весьма неприятных вещей. Я с ужасом думаю о дне, когда госпожа Парангон уедет. Мысль о нашей разлуке иной раз исторгает у меня слезы. Прощай, любезный братец. Сообщи поскорее нашим любезным родителям о моих делах и передай им мои самые почтительные чувства. Остаюсь и буду до последнего вздоха

твоим преданным другом и сестрой
Юрсюлей Р ***

Мадемуазель Фаншетта просит передать тебе от нее поклон».

Это письмо, друг мой, даст тебе ясное представление о жизни нашей милой Юрсюли и о том, сколь многим обязано наше семейство госпоже Парангон. Передай нашим любезным родителям, что они могут не думать о расходах Юрсюли, я беру это на себя. Что скажешь насчет доброй госпожи Канон? Что ж, молоденьким девушкам надлежит находиться под опекой именно такой женщины. Расстаюсь с тобою, друг мой, хоть и хотелось бы еще поговорить, — дела призывают меня. Отвечай как можно скорее. Прощай.

ПИСЬМО LXVIII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Как относятся к нам наши родители

Твое письмо и письмо сестры очень обрадовали нас, особенно твое, любезный Эдмон; оно доставило нам такое удовольствие, что ты и представить себе не можешь. Я уже давно понял, что женщина может быть с тобою вполне счастлива и что ты хороший семьянин, раз так хорошо жил с первой женой. Все же должен сделать тебе маленькое замечание, а именно, что ты не имеешь права ни о ком помышлять, покамест не сделаешь предложения Лороте и ты сам понимаешь почему; вот ежели она тебе откажет, в чем я не сомневаюсь после того, что ты мне написал, то тогда ты можешь мечтать о мадемуазель Эдмэ. Я тоже думаю, что она честная и ласковая девушка и что она будет тебя любить, поэтому неплохо было бы вам сочетаться, лишь бы это не поссорило тебя с госпожою Парангон, с этим надобно особенно считаться; поэтому, ежели она даст согласие, советую тебе сделать

предложение мадемуазель Эдмэ, тем более, что я знаю, что нет ничего лучше, как жить с тем, кого любишь, а нет уверенности, что ты со временем полюбишь мадемуазель Фаншетту, как сейчас любишь мадемуазель Эдмэ. Мне кажется, что она из почтенной семьи; блеску тут нет, но при случае ее родные будут тебе поддержкой. Вроде как у меня в отношении с тестем; недавно я купил небольшую лесосеку и мне не пришлось ни к кому обращаться за деньгами, его кошель был к моим услугам. Вот мое мнение. Насчет нашей любезной сестрицы Юрсюли я спокоен, но батюшка с матушкой приказывают тебе сказать, что хотят сами платить за нее. Она их детище, говорят они, и, пока Господь Бог дарует им жизнь, они желают, чтобы их любезная дочка была на их иждивении и не чувствовала себя сиротой. А твое доброе сердце они ценят и любят тебя за него, как сам понимаешь, еще крепче. Они каждый год делают мне обычный подарок и я не решаюсь отказываться, потому что они обидятся, и тебе они тоже собираются послать. Добрые родители, хоть и небогаты, а все-таки хотят что-то подарить детям, даже тем, которые, вроде нас с тобою, богаче их: делать нам добро — их право, от которого, говорят они, они ни за что не откажутся. Не стану

высказывать какие-либо соображения на этот счет. Скажи Юрсюли, что жене моей до смерти хочется повидаться с нею; добавь еще то, что любезная матушка мне сейчас сказала, а именно — что ей хочется послать дочке кое-какие безделушки, которые она купила на свои сбереженья; она ведь откладывает для того, чтобы чем-нибудь одарить детей, ни на что другое добрая матушка не тратится. Прощай, любезный друг мой; давай действовать сообща: я буду давать тебе разумные советы, я ведь хочу тебе добра, как самому себе.

ПИСЬМО LXIX

12 мая

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Ухищрения кокетки, намеревающейся завлечь Эдмона

Тебе еще не удалось повидать ни госпожу Парангон, ни мою сестру, ни даже госпожу Канон; ты считаешь, что дверь старой ханжи для тебя заперта. Конечно, зря она так поступает и я не на шутку рассердился бы на нее, если бы не знал,

что очаровательная Лора свою дверь для тебя не запирает. Итак, прелестная Лорета тобою покорена!.. Я радуюсь твоей удаче и не ревную, хотя отец д'Аррас, когда вернулся, и рассказал мне об этом с явным намерением нас поссорить; я все равно тебе друг. Нет, ты меня не обманывал; я непонятлив и поэтому сначала не уразумел скрытого смысла твоих слов: «Я старался только ради самого себя», которые ты твердил не без волнения. Итак, в добрый час, приятель! Но остерегайся превратностей; говорят, в той местности, где ты находишься, сердца красавиц изменчивы как морская волна: избранником нередко мнит себя тот, кто уже устарел как возлюбленный и заменен другим. Клянусь, не ревность и не оскорбленное самолюбие подсказывают мне эти слова — я ведь хорошо понимаю, что у Лореты нет ни малейших оснований быть довольной мною... Бедненькая невинность!.. Такие скрытницы опаснее других, когда доходит до дела. Все, что я тут говорю, поверь, говорю без злобы. В доказательство признаюсь тебе, что я без памяти влюблен. Догадайся в кого!.. В Мадлон? Нет! В ее беленькую, пухленькую сестру Бердон? Нет! В кого-либо из ее подруг? Нет, всего лишь в девушку с виноградников, в Эдмэ, юную, пленительную Эд-

мэ, о которой я упоминал в предыдущем письме и которую мне не терпится назвать своей женой. Как видишь, приятель, я уступаю тебе все прежние и будущие свои права на Лору; сохраняю за собою лишь нашу дочку. Если бы ты только знал, как она мила! Со временем я стану боготворить ее; мне кажется, она будет еще лучше, чем мать.

Передавал ли тебе кто-нибудь из наших, что я поссорился с Мадлон? На случай, если ты ничего не знаешь, я тебе расскажу. Как бы то ни было, вина тут не моя. Я никак не думал, что можно быть столь неделикатной! То, что она совершила по отношению ко мне — мерзко, отвратительно! Некоторым женщинам дозволено кокетничать, допускаю; не следует всю жизнь принадлежать одному-единственному возлюбленному, согласен; тем не менее, надо относиться друг к другу с уважением, надо соблюдать известные приличия. А вот послушай, что придумала прекрасная Мадлон, чтобы порвать. В прошлый четверг... Да, именно в четверг мадемуазель встречает меня в полдень на прогулке у Порт-дю-Тампль; она была с сестрами и двумя прелестными кузинами Аньесой и Терезой, которых ты зовешь Венериными пиратками. Подхожу к ним; Мадлон опирается на мою руку, долго шепчет мне на ухо

милые пустячки, старается показать, что я ее избранник; не знаю, сердце ли во мне говорило или тщеславие, но я был польщен; на вечер назначено было свидание, вроде того, о коем я тебе дал отчет; я, как сам понимаешь, являюсь минута в минуту. Мадлон была само очарование, но как будто избегала меня; я приглашаю ее на танец, вид у нее рассеянный; она ссылается на нездоровье и отказывается танцевать, а мне поручает свою младшую сестру Манетту. Пока я танцую с этой девочкой, Мадлон исчезает. Я не сразу это замечаю, Манетта забавляет меня; знаешь, как она мила, если бы не маленький изъян в стане, она была бы лучше двух своих старших. Наконец прихожу в себя и отправляюсь к своей красавице. Первая дверь заперта; я в отчаянии; несколько минут нетерпеливо жду, вижу, что дверь отворяется и появляется Мадлон, я хочу извиниться, она лукаво улыбается. Мне кажется, что она сердита; следую за нею; она приглашает меня танцевать. Я случайно бросаю взор на одну из дверей залы, ближайшую к комнате Мадлон; в залу *незаметно* входит высокий белокурый юноша, которого я не видел тут во время *отсутствия* красавицы. То был луч света, жестоко ранивший меня. «Как! Мне уже предпочитают другого! Значит, грош

мне цена», — подумал я. Я испытал унижение; я не стал жаловаться, но почти не решался поднять глаз на изменницу. Мне не хотелось беседовать с нею и я рано ушел. Поведение мое, несомненно, встревожило предательницу: через день я получил от нее следующую записку:

«Вы — ребенок; приходится прощать Вам такие вещи, какие не прошли бы для Вас безнаказанно, будь Вы настоящим мужчиной. К чему эта обида, к чему внезапное бегство, к чему старание избегать меня третьего дня вечером? Излечитесь от таких слабостей — Вам ли жаловаться? Скажите на милость, прекрасный сударь, чем я Вам обязана? Думаю, ничем! А Вы? Вы должны, сударь, быть мне признательны; благодарность — это самое малое, что я вправе требовать от Вас за свою благосклонность... Посудите же, сколь Вы несправедливы! За то, что я отношусь к Вам так хорошо, за то, что я поступила с Вами, как поступают только с горячо любимым, — я лишаюсь, как видно, свободы и, став покорной рабыней того, кого я завоевала, должна ради него отказаться от всего света, быть ко всем несправедливой, а расточительной только для него. Спрашиваю еще раз: какие у Вас права? Только те, сударь, что я дарую Вам по своей доброте; иных у Вас нет. Вид

у Вас столь предприимчивый, что я почла Вас более взрослым, чем Вы есть на самом деле... Я намерена выполнить пожелание нашего друга и кое-что добавить к Вашему воспитанию. Третьего дня Вы на меня рассердились — вот Вам мое оправдание. Молодой человек, который вошел в залу вслед за мной и так Вас раздосадовал, бывал у моей доброй матушки еще задолго до Вас. Он не лишен изящества, хорош собою, приехал он накануне и на другой день должен был уехать в деревню, где постоянно живет; мы знакомы с того времени, как он здесь служил чиновником; в беседе, которую мы с ним вели перед Вашим приходом, мы вспоминали те дни; он нарисовал предо мною картину деревенской жизни, столь грустную и трогательную, что вызвал у меня сострадание. Затем он дал мне понять, что я могу загладить все его прошлые огорчения и сообщить ему силы переносить грядущие, если буду добра к нему и если у него останется приятное воспоминание о кратких часах, проведенных в городе. Его слова показались мне вполне разумными и я просто из учтивости... Ведь бедному юноше предстояло на другой день уехать... Так вот, станьте на мое место, — разве Вы не поступили бы точно так же? Вот все мое преступление. В другой

раз постарайтесь быть справедливее. Ведь я-то ничего тут не выиграла. Эдмон, он ни в каких отношениях не стоит Вас. До вечера, прекрасный злюка; я готова заключить мир, но при условии, что ты попросишь у меня прощения».

Записка эта, папаша, должного эффекта не произвела: я ее получил, только что расставшись с Эдмэ. Эдмэ превосходит Мадлон; она, если хотите, не так податлива; но с этим маленьким изъяном я свыкнусь. Вчера я написал о ней брату и окончательно решусь после того, как получу совет от него, от тебя и от одной особы, которую я чту.

Знаешь ли, зараза мне передается, и я становлюсь лицемером. Ваш брат не краснеет ни при каких обстоятельствах, я же еще не решаюсь предстать таким, каким вы меня сделали. Когда я пишу брату, я прикрываю свое сердце занавесом, чтобы скрыть опустошения, которые вы в нем произвели. Ты сам поймешь, в каком смысле надобно воспринимать то, что я говорю, любезный ментор. Я оказался бы плохим твоим учеником, если бы еще придерживался устаревшей деревенской морали. Однако я всегда буду почитать своим долгом относиться с уважением к предрассудкам брата. Кстати, напиши мне так, чтобы твое письмо помогло преодолеть его щепетильность в

отношении Лоры; ведь он говорит без обиняков, что я не могу жениться на другой, пока Лора не откажет мне. Друзья целуют тебя. Ты по достоинству оцениваешь их дружбу (за исключением дружбы д'Арраса; он тоже к тебе расположен, хоть и намеревался над тобой подшутить). Моя же дружба — искренна, и ты знаешь, что иною она и не может быть, даже согласно учению твоего мудрого Эпикура; ведь он говорит, что дружба — это поле, требующее обработки.

Здесь необходимо предупредить читателя, что мы сочли нужным изъять, не упоминая об этом, много таких подробностей, которые разъяснили бы природу привязанности Годэ к Эдмону; тут необходима самая глухая завеса; впрочем, эти подробности не имеют никакого отношения к развитию событий, ибо вкусы и намерения совратителя изменились в связи с его знакомством с Лоретой, в которую он безумно влюбился.

ПИСЬМО LXX

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Он намекает на свою предстоящую женитьбу на Эдмэ и ловко дает понять кузине, что испуган своей страстью к ней

Сударыня и глубокочтимая кузина!

Единственное, что могло несколько утешить меня в Вашем отсутствии, это Ваше письмо. А то, что я получил сегодня от Юрсюли, побуждает меня еще более ценить Вас и быть Вам признательным. Это не означает, что я надеюсь со временем стать достойным Ваших благодеяний; нет, сударыня! То, что Вы делаете для сестры и для меня, превышает всю нашу признательность; но мы безгранично верим в Вашу доброту, а потому надеемся, что Вы примете нашу признательность такою, как она есть.

Позвольте, сударыня, поделиться с Вами планом, который я, однако, осуществлю лишь в том случае, если Вы его одобрите. Вы знаете мою слабость. В возрасте, когда бушуют страсти, трудно справиться с сердцем, уже познавшим сладость любви; то ли по уже усвоенной привычке, то ли потому, что от природы я склонен воспламеняться скорее других — но пустота в сердце для

меня невыносима. Я вновь повстречался с Эдмэ, девушкой, о коей госпожа Луазо Вам, несомненно, говорила; признаюсь Вам, что при виде ее в моем сердце вновь ожили чувства, которые она возбудила в нем в Во, и мне кажется, что самым благоразумным было бы соединить наши судьбы. Таким путем я приведу к Вашим стопам, сударыня и любезная кузина, еще одну почитательницу, — если только Вы одобрите мои намерения. Здесь на моем пути с каждым днем возникают все новые опасности; но есть опасность еще большая, о которой я не смею говорить; милая Эдмэ предохранит меня от нее; так, по крайней мере, мне думается, судя по тому, что с тех пор, как я с нею вновь встретился, мне не хочется участвовать в вечеринках, на которые меня часто приглашают. Я непрестанно помню о Вас, прекрасная и добродетельная кузина. Помня о том, какие у Вас планы насчет моей будущности, я вряд ли осмелился бы просить Вашего одобрения на мой союз с мадемуазель Сервинье, но я чересчур хорошо знаю, что благородная, возвышенная и чистая душа, обитающая в теле восхитительнейшей из женщин, внушает ей помыслы бесконечно более высокие, чем мысли прочих людей. Для любви, как Вам известно, существует определенный воз-

раст; Вашей милой сестрице до него еще далеко, и я опасаюсь, что, когда она достигнет оного, мы с нею уже не будем подходить друг другу, — словом, что она отвергнет меня. Скажу, кроме того, что сейчас я силюсь выпутаться из сетей кокетки, которая, желая удержать меня, пользуется самыми соблазнительными чарами сладострастия.

Несчастье мое в том, что я могу преодолеть увлечение только путем другого увлечения и отказаться от недозволенных утех, лишь заменив их дозволенными, столь же острыми, но не столь преходящими. Я нахожу в Эдмэ больше прелести, чем в той, которую собираюсь покинуть, притом Эдмэ привлекает меня невинностью и скромностью, коих нет у первой. Эдмэ берет верх; но кокетке, всегда вооруженной, нетрудно будет завладеть слабым сердцем, постоянно готовым воспламениться, если я не вручу его без остатка более достойному предмету, с которым вступлю в священный союз. Как Вы понимаете, сударыня и возлюбленная кузина, самые мои грозные враги в данном случае гнездятся во мне самом; это мои необоримые страсти. Эдмэ удовлетворит их лишь после того, как наш союз будет освящен, соперница же ее ждет только минуты, когда сможет заключить меня в свои объятия.

Вот все мои тайны, обожаемая кузина; доверяю их Вам; тут они все, за исключением лишь одной и именно той, в которой сокрыта главная опасность, ибо сия тайна побуждает меня вести самый рассеянный образ жизни, лишь бы отвлечься от сладостной, но преступной мысли, останавливаться на коей все равно, что стоять на раскаленных угольях. Решите же мою судьбу.

Остаюсь глубоко уважающий, бесконечно преданный, и т. д.

ПИСЬМО LXXI

ОТ ЭДМОНА К ЛУАЗО

Он опасается, что разгневал госпожу Парангон и поэтому просит немедленно ей написать. Затем он рассказывает о весьма приятной прогулке с Эдмэ и ее сестрой

Любезный друг, попроси жену немедленно написать моей прекрасной кузине и заступиться за меня. Спросишь, что случилось? Потерпи минутку и все поймешь. Твой преданный и непутевый друг совершает в ваше отсутствие уйму оплошностей; будь он возле вас, он охотно вам во

всем бы исповедался, но доверить это бумаге не решается; он признается только в том, что делает ему честь. Он влюблен. «Тут нет греха», — заметит твоя милая подруга. Он влюблен в юную, трогательную Эдмэ, с которой мы с вами встретились в Во; он хочет на ней жениться. Твоя жена опять-таки скажет, что это вполне естественно. Но он хочет, чтобы его намерение одобрила госпожа Парангон, по отношению к коей он питает все чувства, какие могут внушать дружба, любовь и родственные узы; а эта дама имеет на него иные, известные вам виды. Вы знаете также, сколь лестным показался мне ее план, когда она мне о нем поведала: сердце мое тогда было... свободно, то есть я не смел тогда отдавать никому предпочтение; предстоящее обладание драгоценным даром, обладание девушкой, которую мое воображение наделяло невыразимой прелестью, — все это вселяло в меня радужную надежду, тем более, что в моем тогдашнем положении я не мог рассчитывать ни на что более реальное. Но вот я опять увиделся с Эдмэ; сердце мое помимо воли вновь открылось для упоительного чувства, зародившегося во мне при первой встрече. Коль скоро вы оба знаете сию прелестную девушку, я прошу посредничества госпожи Луазо и умоляю

ее поддержать меня в письме к кузине. Я боюсь, любезные друзья мои, не отказа, мне страшно ее огорчить. Если твоя милая супруга поведает кузине обо всех достоинствах Эдмэ (которую, помнится, она и сама видела), то я надеюсь, что удастся убедить ее в моей правоте, что именно и требуется.

С тех пор как мы возобновили знакомство, я нередко вижусь со своей возлюбленной, но я не хочу говорить с ней о женитьбе до тех пор, покамест не будут устранены все препятствия. Она добродетельная, ласковая, простодушная. Поведение ее старшей сестры, которая весьма расположена ко мне и всячески содействует нашим встречам, могло'бы подвергнуть милую Эдмэ некоторой опасности, не будь мое уважение к ней столь же глубоким, как и моя любовь. Они знают, что я был женат и овдовел, но они, как видно, избегают затрагивать эту тему. А так как мне еще рано предстать перед их родителями, то я всячески обхаживаю старшую сестру, чтобы она позволяла младшей встречаться со мной; и вот, желая доставить мне полное удовольствие, она провожает сестру с тем, чтобы дать нам спокойно побыть наедине, когда мы забираемся в какой-нибудь укромный уголок. Сначала я не

понимал, чем объяснить подобное поведение со стороны столь порядочной девушки, как эта старшая сестра, секрет недавно раскрылся, и вы узнаете об этом в конце моего письма.

Сегодня утром мы ходили в осинник, что на берегу Ионны, над плотиной (чудесное местечко, куда и вы не раз приходили *поворковать);* мы уселись в самом тенистом уголке. Като (старшая сестра) ушла в сторону, сказав, что хочет нарвать нарциссов. И вот я наедине с Эдмэ. Я стал изъясняться обворожительной девушке в своей пылкой любви; скромный румянец придавал всему ее облику ту особую пикантность, ту манящую сдержанность, которые волнуют до глубины души. Я взял ее руку; она ее не отняла, но опустила влекущий взор, в котором всегда поблескивают искорки любви. Я ей сказал: — Прекрасная Эдмэ, нет вам равной! — Она подняла свои чудные глаза и на мгновение наши взгляды встретились; молния, сверкнувшая в ее взоре, была мне ответом. — Как вы прелестны, — продолжал я, — как достойны любви! — Я еще не мечтала об этом. — Неужто? Ваше сердце все еще недоступно чувству..? — Недоступно? (Тут последовал вздох). — А если это не так, то сколь же счастлив человек, которому удалось его тронуть! — Не думайте, что

кто-то другой... — возразила она с живостью; она покраснела и потупилась. Восклицание ее, столь же стремительное, сколь и наивное, привело меня в восторг, однако я не показал виду. — Я знаю, что вы хотите жить, не связывая себя узами чувств. — Нет, почему же, — ответила она, — но как мне поверить, что вы любите меня? — Это другое дело; я клянусь вам и готов дать любое доказательство. — А что касается меня, то я должна молчать; то, что дозволено вам, не дозволено мне. — Прелестное дитя!.. Соблаговолите сказать мне только, могу ли я надеяться? — Вы и так уже разгадали меня. — Пока у меня не будет полной уверенности, я буду постоянно сомневаться. — Когда девушка соглашается, как я, выслушать признание в любви, она тем самым уже отвечает поклоннику. — Да, но существует язык и более определенный, существуют доказательства более убедительные. — Так говорите же! Я дам любые доказательства. — Любые! Эдмэ, любые! — Да, все, какие пожелаете, и тем самым я узнаю, насколько вы любите меня... Не удивляйтесь моим словам; вчера я вычитала в книжке, что «девушка в большей безопасности возле того, кто действительно любит ее, чем возле равнодушного мужчины, ибо первый — хранитель ее невинности, а второй

помышляет только о том, как бы ее невинность похитить». Вы любите меня, верю; то, как вы со мной говорите, ваши взгляды... Со мной еще никогда так не говорили и никогда так на меня не смотрели.

Ах, друзья мои! Какое уважение вызывает к себе истинная невинность! Она простодушна, но не слепа. Я знаю кокетку, которая иной раз разыгрывает наивность. Она иначе отвечала бы мне и иначе поняла бы мои вопросы. Я почувствовал прилив такой нежности, какой доселе еще не испытывал, если не считать... той божественной женщины, которой все мы поклоняемся. Я поцеловал руку Эдмэ; уста мои надолго припали к ней, и Эдмэ ее не отнимала; это все, на что я дерзнул в то мгновенье, все, чего желал. Зато немного погодя! Ах, друзья мои, если бы вы знали нынешнее состояние моего сердца, вы содрогнулись бы при мысли об опасности, грозившей моей возлюбленной. А не то, так пришли бы в восторг от могущества добродетели.

— Я счастлива, — пролепетала Эдмэ, когда я взглянул на нее, — таких мгновений, как то, что сейчас пронеслось, еще не было в моей жизни. — Не было и в моей, — отвечал я. — А ваши слова придают ему еще большую прелесть. — Эдмэ!

— Друг мой! — Будемте жить друг для друга. — Да, будемте любить друг друга вечно! — Обожаемая, поклянитесь мне в этом. — Нет, а то со временем вы станете объяснять мое постоянство тем, что я боюсь стать клятвопреступницей. — Кроме того, любовь иной раз засыпает под клятвы. — Так не будем же никогда клясться, мой друг. — Никогда! Однако есть клятва, которую... — О, что касается этой, — я вам ее дам. — Надо было видеть ее и слышать, как она это произнесла! Я почувствовал, что если наша милая воркотня продлится еще немного, я выйду из поставленных себе границ; дабы положить конец наваждению, я поднялся с места, подал руку девушке, которую буду любить всю жизнь, и мы направились к берегу, где сидела ее сестра.

Дружеская близость, проглядывавшая в наших отношениях, очаровала добрую Катрин; она, как вам известно, веселая толстушка и не лишена прелести; постоянная веселость очень ее красит, ибо источник ее кроется в добром нраве и все, что она говорит, подсказывается ей сердцем. Я сел между сестрами. После нескольких незначительных фраз Катрин мне сказала, что видела всех моих родственников, когда они приезжали сюда, и спросила, который из моих братьев

женат. Я ответил, что как раз тот, единственный, которого она не видела. Она покраснела — это случилось с нею, кажется, впервые. — А не знаете ли вы, — продолжала она, — у того толстяка, шатена с кудрями, ниспадающими на плечи, есть возлюбленная? — Нету, — отвечал я. — Он иногда навещает вас? — Редко; ко мне присылают обычно младшего, Бертрана. — А как зовут того, которого я имела в виду? — Жорже. — И он никогда тут не бывает? — Он приезжал бы, если бы оказалось, что это вам желательно. — Но что же я могу сказать? Надеюсь, однако, что если он приедет вместо господина Бертрана, — а к тому времени вы познакомитесь с нашими родителями, — то вы окажете нам честь и приведете его к нам... так же как и всех других ваших родственников, которые будут навещать вас. — Я ответил, что не премину исполнить ее желанье. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что наш Жорже ей приглянулся. И хорошо бы, друзья мои! Это вполне подходящая партия для нашего брата: у папаши Сервинье двадцать арпанов виноградников, лучших в этой местности[44], два дома в городе, не считая того, в котором они жи-

[44] Примечания: 1.44
Арпан виноградников там ценится от тысячи ливров до тысячи экю.

вут, несколько пахотных участков в пригороде, у ручья — три арпана под люцерной; из последних легко было бы извлекать порядочную прибыль, если отвести их под огород; вдобавок у него хорошо обеспеченная рента.

Подробности эти я узнал у людей, хорошо знающих его дела. Наконец, женитьба Жорже на Катрин явилась бы лишним оправданием моего брака с Эдмэ. Брат обосновался бы здесь; он хорошо знает сельские работы и виноградники, поэтому мог бы поселиться у нашего тестя, со временем он стал бы распорядителем всего нашего общего имущества...

Дай боже, чтоб все это не оказалось пустыми мечтами! Я рассчитываю на благое вмешательство госпожи Луазо; все мелкие подробности, которые я привел выше, предназначаются для нее, дабы она воспользовалась ими по своему усмотрению, когда будет писать к моей прекрасной кузине.

ПИСЬМО LXXII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

К чему приводит покорность любви, которую честная душа сама от себя скрывает

Посылаю тебе, любезный братец, два письма, оба неблагоприятные моим намерениям, хоть и по совершенно разным соображениям. Первое письмо — от почтенной кузины, второе — от господина Годэ.

Письмо госпожи Парангон к Эдмону

«Неужто со мною, кузен, надобно прибегать к столь церемонному тону? Ваше первое письмо было проще, дружественнее. В последнем Вы как будто обнаруживаете страх передо мной. Сказать ли, что Вы правы?.. Счастливцы мужчины (если предположить, что распущенность ведет к счастью)! Вам все дозволено; едва возникнет у Вас желание — его удовлетворение становится священным, неукоснительным законом; Вы предпринимаете атаки со всех сторон, находите убедительные доводы и отказать Вам невозможно. О друг мой! Ради меня Вы не жертвуете ничем!.. Но я не хочу упреками прикрывать свое согласие, без которого Вы можете обойтись. Сравним, однако, мое положение с Вашим... Какая тут

огромная разница, Эдмон! С одной стороны — свобода, развлечения, с другой — увы! — рабство, лишения... У меня был один-единственный друг, сердце мое не знало иных забот, кроме заботы о его счастье: я предназначала ему... Не могу выразить, как счастье Юрсюли, моей сестры и Ваше усладило бы мою жизнь! Да, я была бы счастливее даже Вас самих. Но так, значит, суждено, чтобы братом мне стали не Вы, а другой человек... Если Вам так угодно, кузен, я согласна. Не бойтесь потерять во мне друга ... Но вот я и забываю о том сравнении, которое хотела провести.

Колетта С ***, родившаяся чувствительной, созданная, чтобы быть счастливой именно в силу своей чувствительности, вынуждена отказаться от чувства, которое ей дороже жизни, но все же не так дорого, как добродетель. В душе ее — безмерная потребность в нежной привязанности (она без колебаний признается Вам в этом), и если бы она не держала себя постоянно в узде ... Конечно, она нашла бы какое-нибудь легкомысленное оправдание своей непреодолимой склонности. Убегая от любви, она кинулась в объятия дружбы и природы; ей мнилось, что тут она в безопасности; ее хотят вырвать из этой крепости; хотят разрушить стену, которой она

отгораживается от опасности. Ибо она уже не может сама сдерживать себя; однако не тот, кого она старается избегать, натолкнул ее на ужаснувшее ее открытие. Юная красавица, напоминающая ей любимые черты, открыла ей истину; Колетта почувствовала, что любит ее горячее, чем просто подругу. Как глубоко огорчило ее это открытие!.. Тогда она даже с сестрой запретила себе ласковое обращение, в котором самый щепетильный судья не обнаружил бы ничего предосудительного; она стала обращаться с ней строже, чем обращаются отвратительные стражи персидских гаремов с красавицами, попавшими в их варварские руки; она стала бояться оскорбить дружбу лаской, источник коей нельзя назвать чистым. Она справилась с собою, Эдмон; она не может упрекнуть себя ни в малейшем отклонении от правильного пути. Но если бы Вы только знали, что выстрадало ее сердце!.. О, друг мой! Какие приходится выдерживать битвы, чтобы побороть природу!..

Она решила отказаться от счастья и черпать радость в счастье другой; она хотела придать привязанности, против которой возмущается ее добродетель, законный характер, сделав братом предмет сей привязанности... Вы этого не желаете, Эдмон; Вы принудите ее приглушить чувство,

которое составляло счастье всей ее жизни, ибо это чувство она не имеет права питать к мужу посторонней женщины...

Но пусть все это не смущает Вас, кузен, если рука Эдмэ необходима для Вашего покоя или если нет другого средства, кроме женитьбы, чтобы оградить Вас от опасностей, о которых я, кажется, догадываюсь.

Юрсюль ничего не знает. Я переживаю свои горести одна. Советник порою заходит к нам; я разговариваю с ним редко, принимает его тетушка. Юрсюль не видится с ним никогда. Госпожа Канон, которой, как вы знаете, трудно угодить, весьма довольна им. Я желаю этого брака — для нее, для Вас, для самой себя. Любезная сестра Ваша целует Вас. Вижу, что ей очень хочется, чтобы я прочла ей это письмо, но это невозможно. Фаншетта... Признаться ли? Сердце этой девочки, кажется, вроде моего. Она просит позволения добавить здесь несколько слов... Я согласилась бы, если бы они относились к ее будущему супругу. Прощайте, любезный кузен. Либо любите нас сильнее, либо сделайте так, чтобы мы стали равнодушнее... Я говорю так за нас троих».

Добрейший братец мой, если бы ты только мог видеть меня! Да, сейчас я еще достоин кузины,

Фаншетты и тебя... Что ж, теперь я решился, принял непоколебимое решение... У меня новый план, о котором я поведаю тебе. Надо следовать примеру этой мужественной женщины!.. О, как я уважаю ее за это... Сколько битв, сколько побед, слабостей и добродетели!.. Но прежде чем поделиться моим планом, познакомлю тебя с посланием кузена.

Письмо от Годэ к Эдмону

«Душа пошлая и низменная! Скажи, создан ли ты для счастья? Ты даже лишен способности чувствовать его. Едва получив свободу, едва закружившись в вихре развлечений, ты уже заводишь речь о женитьбе на простодушной пастушке, пресной красотке, добродетельной недотроге, которая будет без конца вздыхать, любить тебя, обожать; которую тебе придется искренно, нежно, неизменно, вечно любить, холить, беречь а не то окажешься изменником, предателем, клятвопреступником, подлецом, самым несправедливым, самым жестоким, самым неблагодарным из всех смертных. Что ж, друг мой, тебе остается только сделать шаг — и ты погиб безвозвратно... Послушай! Ты еще не в таком возрасте и не в таком положении, чтобы

отрекаться от света; берегись, тебя ждет горькое раскаянье... Кроме того, что это за Эдмэ? В каком обществе можешь ты с нею появляться? По-видимому, в блестящих кругах Гран-Кэра[45] и родной деревни? Да, там, в твоем глухом захолустье вы сможете наслаждаться верностью под сенью орешника; вы сможете вместе объезжать свои нивы, а когда коса коснется ваших лугов, вместе ворошить сено; сколь сладостное занятие для сельских любовников!.. Однако эти дурацкие утехи вянут как скошенные цветы; придет пресыщение, а пресыщению нет конца, и тогда наш глупый супруг станет скучать, стенать, беситься... Ах, Эдмон, на твоем месте я сейчас умер бы со стыда! Красавец, статный, талантливый, брось вызов судьбе! Не говоря уже об искусстве (в коем ты делаешь быстрые успехи), тебе остается еще тысяча разных путей для продвижения, а неудачная женитьба может все испортить. Пусть твои мелкие, ограниченные, пошлые планы — обычный недостаток деревенских жителей — сменятся благородными мечтами!

С тех пор как я ближе познакомился с тобой, у меня зародились кое-какие виды на тебя; я

---

[45] Примечания: 1.45

Квартал, где живут одни только виноградари да ломовые извозчики.

много раз раскаивался в том, что приложил руку к твоей первой женитьбе, позволь же мне теперь сослужить тебе службу по моему разумению. Как я тебе уже сто раз твердил, все наши моралисты как философы, так и христиане утверждают, что человек — создание падшее; но этой неоспоримой истине они придают различный смысл. А знаешь ли ты, каким путем вернуть человеку все его первородное достоинство? Для этого надо забыть все предрассудки, опрокинуть все препоны, воздвигнутые мещанским воспитанием и гнетущие нас как ярмо. Друг мой, на свете возможны только два состояния: раба и властелина. Мудрец страшится первого и пренебрегает вторым; он не хочет цепей и никого не заковывает в них; всё стесняющее свободу ему ненавистно; он готов отказаться от страстей, даже от тех, которые придают прелесть существованию, если они ведут к его порабощению. Поверь, если и могут женщины доставить тебе счастье, так только подобные Мадлон... Я не мог не посмеяться над твоею глупостью! Поезжай же в Персию, бедняга Эдмон, и прикажи, чтобы при появлении твоей красотки

кричали «курук» {37}. Ревнивый азиат — явление рядовое, но ревнивый француз — чудовище, ибо это нечто совершенно противоестественное; климат Франции, нравы — все идет вразрез с ревностью.

Записочка, которую прислала Мадлон, сделала бы свое дело, будь твои принципы потверже; она приводит весьма убедительное оправданна и меня оно вполне удовлетворило бы. Впрочем, знай, что все тут просто шутка: блондин вовсе не так преуспел, как ты полагаешь; он — родственник, он просил оказать ему кое-какую услугу и только прочел ей докладную записку, в которой подробно изложил обстоятельства дела; чтобы оказать просимую услугу, надо было как следует познакомиться с его доводами. Твоя ревность только позабавила Мадлон; она вздумала потешиться и ты отменно сыграл роль шута. Все это неутешительно!

Что означают, скажи на милость, последние строки твоего письма и что ты понимаешь под лицемерием? Ты все такой же простачок!.. Обращаться с некоторыми людьми в соответствии

{37} Комментарии: 2.37

Курук — предостережение, которое выкрикивали евнухи, сопровождавшие носилки с женщинами гарема, предупреждая прохожих мужчин, чтобы они уходили с дороги.

с их предрассудками — это по-твоему лицемерие? А я утверждаю, что такого рода лицемерие — общественная доблесть; это не предательская маска, которою прикрывают лицо; это ласковое попустительство, всегда приятное тому, к кому оно относится, ибо оно доказывает желание нравиться собеседнику и жертвовать ради него всем, чем только возможно; словом, это мнимое лицемерие не что иное, как истинная вежливость.

Новости, относящиеся лично ко мне, я оставил напоследок. Твоя догадка правильна: Лора и слышать не хочет о замужестве; она счастлива; мать ее разделяет наши взгляды и все идет как нельзя лучше. Оказалось, что, помогая тебе, я действую в собственных интересах, но и не будь тут для меня корысти, я все равно помог бы тебе. Прощай, любезный Эдмон. Никакой женитьбы, никаких ребячеств! Следуй по пути, который открыт пред тобою, а если невзначай споткнешься — зови на помощь

Твоего друга до гробовой доски».

Не думай, любезный старшой, что последнее письмо для меня убедительно: одна только госпожа Парангон могла бы внушить мне силу одержать над самим собою победу... великую победу, уверяю тебя... Но вот, наконец, план, о ко-

тором я возвестил тебе в первых строках письма.

Бертран собирается приехать сюда на Троицын день; попроси родителей, чтобы они послали вместе с ним и Жорже, а чтобы ты не удивлялся, скажу тебе сразу, что в нашей местности не вижу для наших братьев лучших партий, чем две младшие Сервинье. Я частично посвящу Катрин в свой замысел и убежден, что она приложит все старания, чтобы он осуществился. Признаюсь, я не в силах окончательно отказаться от Эдмэ и примириться с мыслью, что она вступит в какую-либо чужую семью; мне кажется, что если она составит счастье Бертрана, то и сам я буду счастлив; он добрый, недурен собою, тихого нрава; он, конечно, не останется равнодушным к Эдмэ, когда увидит ее, а если он полюбит ее, в силах ли она будет отказать ему в своей руке? Повторяю, я не могу уступить ее никому, кроме как очень дорогому мне человеку, человеку, которого я люблю, как самого себя. Не следует, однако, думать, что эта замена может быть предложена без надлежащей подготовки; я стану действовать исподволь; тем временем мы будем просить руки Катрин для Жорже. Сообщи мне свое мнение обо всем сказанном, когда приедут братья. Я решил не видеться с Эдмэ впредь до их приезда.

Остаюсь, любезный старшой, горячо любящий всех вас.

ПИСЬМО LXXIII

ОТ ПЬЕРРО к ЭДМОНУ

Я подозреваю и опасаюсь притворства

Родители одобряют оба твои замысла, любезный Эдмон, и посылают Жорже с Бертраном. Они очень дорожат честью, которую собирается оказать тебе госпожа Парангон, и удивляются, как ты мог колебаться. Я прочитал им кое-что из письма этой доброй, милостивой дамы и оно вызвало у них слезы радости; другое письмо я им не показал. Они надеются, что ты и Юрсюль будете большим утешением в их уже надвигающейся старости. Они беспрестанно заводят разговор между собою, а также и со мной о том, как счастливо складывается судьба их мальчиков, которые женятся выгодно и притом на хороших девушках, а ведь мы, как ты знаешь, небогатые и нас много, и теперь они не раскаиваются, что послали тебя в город, раз ты там хорошо себя ведешь и заботишься о братьях, как родители и ожидали, зная

твой добрый нрав. Вот что они наказывали написать тебе и вдобавок они просят тебя действовать разумно и осмотрительно во всем, что касается братьев и тебя самого.

Сам же я, любезный братец, не так спокоен, как они. О, друг мой, смотри, как бы город и пагубные наставления не испортили тебя. Я почти ни шиша не понял из письма твоего коварного кузена, не знаю, что это такая за мадемуазель Мадлон, но нахожу, что все это довольно грубо и довольно-таки странно. По-моему, любезный Эдмон, есть два вида лицемеров: одни, начиная развращаться, краснеют за свои дурные поступки и от стыда скрывают их, а другие, подлецы, уже больше не краснеют; они подавили в себе совесть, и действуют ловко, изворачиваются и так и эдак, чтобы удовлетворять свои распутные желания, и надевают личину добродетели, чтобы успешнее обморочить порядочных людей. Лицемерие спокон века потворствует преступлениям; когда оно появляется, то оно все равно как тень, что скрывает преступника от солнца; когда лицемерие в цвету, то оно удобное покрывало, за которым не видать уродства. Остерегайся лицемерия, любезный братец; ибо привычка притворяться влечет за собою вкус к порокам, даже если раньше его

не было. Что до Лороты, то больше мне о ней не говори; это роняет тебя в моих глазах; она нам родственница, а между тем мы оказались причиною ее срама; я ведь вижу, что она опускается, и будь в моей власти вытащить ее, не опасаясь ей повредить, так я бы ее вытащил, но у меня нету никаких возможностей, а тебя я просить об этом не хочу, чтобы не вышло еще того хуже.

Относительно мадемуазель Сервинье поступай, как считаешь нужным. Эдмэ мне по душе. Ежели у Бертрана с нею что-нибудь получится, мне хотелось бы, чтобы он привез ее сюда; она станет подругой моей жены, и я знаю, что жена стала бы любить ее еще горячее потому, что ты ее любил. Мы все целуем тебя. Остаюсь твой брат и лучший друг.

ПИСЬМО LXXIV

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он знакомит наших братьев с папашей Сервинье и сообщает мне о письме Юрсюли

Я с двумя братьями посетил отца Эдмэ. Бертрана и Жорже я обо всем предупредил, Катрин

предупредила своего отца, а меня представила ему еще за два дня до того, сказав, что я — личный друг ее духовника, приора францисканского монастыря. Жорже, как тебе известно, добродушен и прям, но несколько корыстен; посему он мне заранее обещал исполнять все, что бы я ему ни велел; он сдержал слово; зато Бертран, более щепетильный, ничего мне не обещал, сказав, что сначала надобно посмотреть. Но я им тоже доволен. Предварительно я наедине поговорил со стариком насчет старшей дочери. Это человек старого закала, из тех, что сразу дают согласие, если предложение им нравится, и понимают вас с полуслова. Он знал о том, какое положение занимаем мы в деревне, и т. д. Когда я его уведомил о предстоящем приезде батюшки, это, по-видимому, весьма польстило ему; он собирается как следует угостить отца и попотчевать лучшим вином. В этом радость стариков и их утешение, ибо все остальное для них уже утрачено безвозвратно.

Заметив, что он в хорошем настроении, я хотел было заговорить об Эдмэ и Бертране, да побоялся, что старикан проболтается; я хочу устроить дело так, чтобы девушка не по принуждению, а по собственной воле исполнила наши желания. Для

начала хорошо уже то, что она приглянулась Бертрану; он уверил меня, что другой жены не желает. Кроме того, я хотел узнать у Эдмэ, какого она мнения о брате. Она отозвалась о нем с похвалой. После первого посещения Жорже и Бертран еще два раза без меня побывали у своих возлюбленных; приняли их отменно; к Жорже относятся уже как к поклоннику, а к Бертрану просто как к его брату. Что из того! Пусть его там любят, а как любят — это уже другое дело; внести некоторое изменение в характер этого чувства легче, чем внушить его заново. Вот каковы дела. Перейдем к другим новостям, они тоже порадуют тебя.

Одна новость, чрезвычайно для меня важная, это, что на днях возвращается госпожа Парангон. Я только что узнал об этом из письма Юрсюли; его передал мне советник, которому она сама его вручила, вероятно, для того, чтобы мы с ним встретились. Не могу тебе передать до чего любезен был со мною этот господин, как дружественно со мною обошелся и как предлагал всяческие свои услуги. На все это я отвечал должным образом и ничем не выдал, что мне известно его чувство к сестре.

А вот письмо Юрсюли.

«Пишу тебе в большом расстройстве, любезный

братец. Скоро я лишусь той, что мне дороже жизни. Мне здесь хорошо, но вся прелесть столицы заключалась для меня именно в ее присутствии. Не забывайте оба писать мне почаще; единственной моею радостью будет переписываться с вами. Через неделю... о, как незаметно она пролетит... через неделю она уезжает. Каким счастливцем станешь ты, братец! Ты будешь видеть ее изо дня в день, будешь беседовать с нею... Почаще поминайте меня, чтобы я была хоть в ваших мыслях, так же как вы в моих... Не следует, однако, изображать мое положение более мрачным, чем оно будет в действительности; наш почтенный друг оставляет как бы часть самой себя в лице мадемуазель Фаншетты; не могу тебе передать до какой степени она привязана ко мне и сердце мое отвечает ей тем же; трудно найти создание очаровательнее этой девочки. У нее будет и нрав и миловидность сестры. Немалое преимущество также жить под наблюдением госпожи Канон; правда, она воспитательница строгая, но что мне до ее строгости, если я пуще смерти боюсь чем-либо нарушить свой долг?

Мне хотелось описать тебе довольно нелепый и весьма досадный случай, приключившийся с нами намедни в Тюильри, но думаю, что госпожа

Парангон гораздо лучше и подробнее расскажет тебе о нем. Как тебе известно, раньше я очень радовалась предстоящей поездке в Тюильри, теперь же она мне глубоко противна. Что это за люди — парижане! Можно подумать, что они никогда не видели более или менее хорошеньких женщин. Кроме того, выражения их восторга так похожи на оскорбления, что быть предметом их восхищения глубоко унизительно[46]. Они, например, окружили нас и один нахал уставился на госпожу Канон, став прямо перед нею, а потом, указывая на госпожу Парангон, Фаншетту и меня, закричал: — Видно, это те самые Грации, к которым Венера приставила Мегеру в качестве гувернантки! — Кому дано право публично оскорблять почтенную женщину только на том основании, что она уже немолода? Другой (но этот меня не возмутил) заметил, что наш друг — очаровательнейшее создание, какое только можно себе представить. Многие громогласно высказывали свое мнение; мне, право, кажется, что они принимали нас за какие-то диковинки, которыми можно вдоволь любоваться, заплатив

[46] Примечания: 1.46

Это суждение провинциалки, только что попавшей в столицу; такие женщины всегда принимают проявления непомерного восторга за оскорбление *(прим. Эдмона).*

за такое удовольствие. По тяжелому чувству, которое я вынесла из этого приключения, я догадываюсь, сколь унизительно должно быть ремесло актерок, хотя его здесь все и расхваливают. В Тюильри мы больше не поедем. Здесь есть и другие, менее людные парки, где можно не опасаться подобных оскорблений. Например, Королевский ботанический сад, там мы гуляли вчера и я получила большое удовольствие. С первых шагов меня обдало приятным ароматом цветущих лип; я в восторге от тамошних разнообразных лужаек; мне показалось, будто я перенеслась в родные места, я узнавала знакомые посевы. А одна рощица, раскинувшаяся на холме, куда нас отвели, показалась мне милее всего Тюильрийского парка. Туда-то мы и будем теперь ездить. Мы с Фаншеттой там вволю побегали, порезвились и никто не обратил на нас внимания. Прелестный мой друг сама присоединилась к нашим забавам и госпожа Канон не бранилась, как во время той злополучной поездки в Тюильри. Я уже мечтаю о том, как в следующий раз мы вдвоем с Фаншеттой разыщем места, где были вместе с очаровательнейшей из женщин, и поплачем там, сокрушаясь об ее отсутствии; мечта печальная, но она мне по душе.

Прощай, любезный Эдмон. Родителям нашим я не пишу; я жду того времени, когда сделаю некоторые успехи в живописи, которой меня учит мой друг, а после ее отъезда я буду продолжать занятия под руководством М***, которому она меня поручила; этот превосходный учитель будет приезжать три раза в неделю ради мадемуазель Фаншетты и меня; надеюсь, что со временем он не откажет и тебе в своих наставлениях.

Только стала я запечатывать письмо, как в комнату вошла моя юная подружка. — Что вы пишете, друг мой? — Письмо к брату! — Можно прочитать? — Пожалуйста. — Она прочла, а потом попросила позволения добавить на полях несколько строк.

От Фаншетты

«С тех пор, как нас сюда привезли, сударь, мне до смерти хочется узнать, зачем мы здесь и почему нас не оставили в О***, где нам было куда лучше. Я спрашивала у сестры, она не говорит, у госпожи Канон и спрашивать не стоит, а моя милая Юрсюль сама не знает. Вы друг моей сестры и мой тоже, — ведь так Вы сказали однажды, — так проведайте же в чем тут секрет и напишите нам. Последние дни сестра много плакала, сообщаю Вам об этом, может быть это касается Вас, потому что однажды, когда она забыла, что я возле нее, она вслух назвала Ваше имя. Утешьте ее, очень прошу Вас, и сообщите милой Юрсюли удалось ли Вам что-нибудь разузнать. Я написала бы Вам длинное-предлинное письмо, да боюсь, что меня застигнут. У меня к Вам тысяча вопросов. Например, почему сестра первое время охотно заговаривала со мною о Вас, часто восхищалась, какой Вы хороший, а теперь она молчит и ходит грустная; да и о многом другом я хотела бы у Вас спросить. Однако заканчиваю, потому что трепещу, как бы госпожа Канон не увидела мои каракули. Желаю Вам всего самого лучшего. Ваш верный друг

Фаншетта С»***

От Юрсюли

«Разве не счастье получить такую записку?[47] Если наша повелительница одобрит, — на что я надеюсь, — так ты получишь прелестное письмецо. Спокойной ночи, любезный друг».

Истина глаголет устами невинности, которая сама не понимает значения своих слов, любезный старшой. Какое счастье вновь увидеть кузину и вернуть ей жизнерадостность! Как она добра ко мне! Сколь много нового открывается в краткой записке Фаншетты! О, друг мой! Чем заслужил я счастье, которое предназначают мне небеса? Теперь я твердо, непоколебимо решил: впредь я в своем поведении не допущу ничего такого, что могло бы огорчить моего достойнейшего друга! Пора как-то заслужить ее милости, а до нынешнего дня я был просто-таки недостоин их...

Кто-то зовет меня; письмо окончу погодя.

Оказалось, что это отец приор. В пакете, который ему прислали из Парижа, нашлось кое-что для меня, кое-что касающееся моего ремесла, а именно превосходные гравюры Кара и Коше-

---

[47] Примечания: 1.47

Надо иметь в виду, что Юрсюль ничего не знала о том, как мечется ее брат.

на{38}, и еще письмо господина Годэ. Он сообщает, что, наконец, после записки, посланной им госпоже Парангон, он повидался с нею и с нашей сестрой. Он говорит, что Юрсюль все хорошеет и что встреча с нею теперь может оказаться для человека небезопасной. Все письмо — сплошные хвалы кузине и мадемуазель Фаншетте. Я признателен ему, что он так пишет; он даже не подозревает, сколь мне это приятно. Но я совсем не понял одной фразы в конце письма, которую он добавил и притом безо всякой связи с предыдущим. «Истинный друг обязан всячески угождать тому, кого он любит; так я и намерен поступать в отношении тебя всякий раз, как представится случай; не надо бояться причинить мимолетное огорчение, если за сим последует подлинная радость». По-моему, это не имеет никакого отношения к тому, о чем я ему писал.

Прощай, мой друг. Поцелуй за меня свою любезную супругу; скажи ей, что я решил доверить ей свою дочку, как только отпадет надобность в кормилице. Не нахожу слов выразить, как я люблю этого ребенка.

{38} Комментарии: 2.38

... гравюры Кара и Кошена... — *Лоран Кар* (Cars, 1699—1771) — французский гравер. — *Кошен* — семейство художников, давшее несколько выдающихся мастеров гравюры (XVII—XVIII вв.).

ПИСЬМО LXXV

ОТ ЭДМОНА К ЮРСЮЛИ

Как он решается понемногу заводить разговор о своей любви к замужней женщине и вовлекать в него сестру

Любезная сестрица! Мой очаровательный друг — здесь, я пишу в ее присутствии, взор ее следит за бегом моего пера, а уста повторяют каждое начертанное мною слово. Милая Юрсюль! Возлюбленная и нежная сестра, никто лучше тебя не может представить себе в каком я нахожусь положении, я вдвойне счастлив: и беседа с *нею,* и пример ее добродетелей были мне в равной мере необходимы; я жаждал увидеть чарующие черты, в сравнении с коими все кажется мне несовершенным. Нет, никогда я не испытывал чувств, подобных тем, что внушает мне она. Это не предосудительная страсть, ибо у меня нет никаких желаний, которые были бы противны добронравию, и вместе с тем это чувство столь нежное, что оно, видимо, не что иное как любовь... Суровый взгляд, любезная сестра, сейчас смутил меня. Ах,

за что же ей гневаться! Ведь в ее пленительных чертах я вижу черты любезной супруги, которую она предназначает мне. Да, люблю я Фаншетту, обожаемая же сестра ее внушает мне чувство, которому нет названия. Фаншетту я обожаю: я глубоко тронут вниманием, которое она оказала мне, написав мне несколько строк; я всячески буду стараться быть супругом, достойным ее; я рассчитываю заслужить ее не только своею любовью, но и добродетелью... В награду за это обещание я удостоился милости, которой никак не ожидал (и о ней мне разрешено сообщить тебе), а именно — поцелуя. Блаженный миг!.. Сестра! Какая ты счастливица, ведь тебя столько раз касались ее прекрасные уста!.. Мне пришлось прервать письмо: прекраснейшая в мире рука отняла у меня перо и возвращает мне его только при условии, что я буду писать *разумнее*... Но что же такое неразумное я сказал?.. Она покидает меня, сестра; она взволнована, глаза ее полны слез. Я докончу письмо один и дам тебе отчет обо всем, что произошло.

Известие о скором приезде жены застигло господина Парангона врасплох. У нас в те дни гастролировала труппа комедиантов; мягкосердный господин Парангон (вкупе с несколькими

приятелями, столь же падкими на доступные удовольствия) усиленно ухаживал за актерками и по дому пополз шепоток о том, что ласки этих дам причинили ему жестокий вред. Тем не менее на другой день он сказал мне, что мы с ним поедем в карете встречать госпожу Парангон за два лье и возьмем двух верховых лошадей. Мы выехали во вторник утром и в Режене застали дилижанс. Я сел в дилижанс, а господин Парангон остался в карете. Кузину мы нашли в сторожке, при ней была только служанка. Увидев меня, она воскликнула: «Вот как! Это кузен!» — и хотела, было, направиться ко мне. Я подошел к ней и поцеловал ей руку. Служанка вышла, неся какие-то свертки, и я надолго задержал ее руку и она не отнимала ее. Я был так взволнован, так растроган, что пролил несколько слез. Прекрасная кузина была взволнована не менее меня. Я заметил, что она не решается меня расспрашивать. Посему я сам поспешил сказать, что окончательно отказался от мысли вступить в брак, противный ее замыслам; я изложил ей свой план, созревший у меня после моего предыдущего письма и уже почти осуществленный, а именно — уступить Эдмэ Бертрану; я сказал, что сестра Эдмэ влюблена в Жорже, и поделился с нею всем, что предпринял

для успешного осуществления этих планов. Тут я увидел, что глаза ее загорелись радостным и лестным для меня огоньком, сам же я был так рад ее возвращению, что чувство мое сказывалось в малейшем моем жесте. Когда служанка перенесла всю поклажу, мы вышли из сторожки и направились к карете, которая благодаря сидевшему там господину Парангону и многочисленной клади была уже совсем полна. Супруги встретились весьма учтиво. Затем наш очаровательный друг села на лошадь; тебе известно, как изящно она держится в седле и как любит верховую езду; мы предоставили господину Парангону ехать довольно медленно, а сами пришпорили коней, чтобы не стеснять его. Отъехав на такое расстояние, что нас уже нельзя было видеть, мы убавили шаг и приблизились друг к другу.

— Итак, я встречаю вас именно таким, как мне хотелось, но каким я отнюдь не надеялась вас увидеть, — сказала кузина. — Неужели вы не сознаете, какую власть дают вам надо мною милости, коими вы удостаиваете меня? — Но я не хочу ничем быть обязанной чувству признательности. — Не признательность тут причиною, а дружба, уважение, привязанность, благодарность, восторг, которые внушают ваши несравненные

достоинства, — вот чем объясняется, что я стремлюсь исполнить любые ваши желания; исполняя их, делаешь то, чего сам желаешь. — Вы очень предупредительны, кузен, если говорите это искренне!.. Теперь я расскажу вам о вашей милой сестрице. Я пролила немало слез, когда пришлось с нею расстаться! Она просила вам передать, что любовь ее к вам не выразить словами. — И любит она не неблагодарного; пусть только представится мне случай доказать ей это на деле. — За вашу заботу об Юрсюли я еще больше ценю вас. — Прекрасная кузина, а о любезной Фаншетте вы мне ничего не скажете? — Она очень быстро развивается и умственно, и физически; я сделала два ее портрета — в натуральную величину и в миниатюре; большой я везу в багаже и вы сами увидите, какие изменения произвели в ней столичный воздух и несколько месяцев, проведенных там; а сейчас взгляните на миниатюру. — Она прелестна, очаровательна... и до чего трогательна!.. Она — вылитый ваш портрет... Право, я завидую тому, кто имел счастье запечатлеть ее расцветающую прелесть. — Мне и самой было очень приятно писать ее... На большом портрете я написала только голову, остальное — работа Юрсюли. — Сестры! — Да, вашей сестрицы. — Неужели сестра...

— Да, она вас превзошла. Вы мечетесь, чересчур пылкие страсти отвлекают вас и успехи ваши не так значительны, как должны бы быть. Когда мы жили взаперти, я познакомила Юрсюль с основами любимого мною искусства; мы посвящали ему все досуги. Занятия дают пищу душе, они не оставляют в ней пустоты, доступной порокам.

Сам не знаю, как это получилось, но при ее последних словах я протянул ей портрет. Она посмотрела на меня, сказав: — Он предназначался вам. — Я покраснел скорее от удовольствия, чем от стыда за свою рассеянность, и ответил: — Он будет мне чрезвычайно дорог, дорог вдвойне. — Да будет так всегда! — Всегда, клянусь, — всегда! Рука, создавшая его, и руки, на нем изображенные (ведь это и ее и ваши черты), превращают его в бесценное сокровище. — Я не возражаю против того, чтобы вы в своем сердце объединяли меня с сестрой. — Ах, сударыня, я солгал бы, если бы обещал вас разъединить. — Это еще не все... — Боже, чья же рука так приукрасила меня? — Рука дружбы. — Осмелюсь ли поверить... — Это было желание Юрсюли. — Сестра не могла так превосходно написать... — Вы меня не поняли. Юрсюли хотелось иметь ваш портрет; в угоду ей я и написала; она сняла с него две копии и оставила

их у себя. — Ах, сударыня, дайте... — Подумайте, что вы делаете! — Правда, — сказал я, смущенный новой своей оплошностью, — я не подумал... Благоволите... — Вы так говорите, будто *вы* мне его дарите. Но ведь он мой. — Я пробормотал: — Я немного забылся, как видите. — Она продолжала: — Вот этот я вам подарю (т. е. твой, любезная сестрица); но с условием: вы вернете мне копию, которую снимете с него сами.

Принимая портрет, любезная Юрсюль, я схватил руку, которая мне его протягивала, и собирался припасть к ней, но мне сказали: — Эдмон, сердце мое известно вам; я открыла перед вами его слабости и его тайны; будьте мне другом, истинным другом, чтобы я могла свободно предаваться чувствам, которые вы вызываете во мне; не омрачайте, кузен, его радости; свыкнитесь с тем, что я вам сестра; я хочу видеть в вас не более, как брата, но брата бесценного, брата нежно любимого... Эдмон, вы не представляете себе, до какой степени в вашей власти содействовать моему счастью. Пусть же я буду обязана им не кому иному, как вам, мой друг. — Что вы! Да ведь я обязан вам всем своим благополучием, самая любимая из всех женщин! — воскликнул я. — Я — любима? Мне всегда так хотелось быть люби-

мой! — Царите же в моем сердце. — Принимаю царство, которое вы предлагаете мне. — И властвуйте в нем безраздельно! — Мне это будет тем радостнее, что власть свою я употреблю только вам на счастье. — Дивная кузина!.. — Тут я умолк. Сердце мое исполнилось таким благоговением, что мне показалось, будто передо мною ангел божий...

Она возвращается в комнату. — Как, письмо еще не готово? — Нет еще. Надо добавить, что вы мне продиктуете для моей сестры. — Так пишите: Любезная Юрсюль, я люблю тебя, конечно, меньше, чем ты того заслуживаешь, но так, как только может любить мое сердце. У меня много поводов, сокрушаться о твоем отсутствии, твое общество так мне приятно, твоя дружба так непохожа на чувства, в которых мне здесь признаются! Единственное, что утешает меня в разлуке с тобою, это уверенность, что я вскоре вновь увижу тебя.

— А для мадемуазель Фаншетты?

— Скажите, что я люблю ее, что она обожаемая мною девочка, что я возлагаю на нее все надежды и уверена, что она принесет мне успокоение. А больше я ничего не скажу — пишите от себя.

Прошу тебя передать моей суженой «Прекрасная Фаншетта; у вас сестра, которая внушает окружающим чувство благоговения ко всему, что связано с нею, а никто так не близок ей, как вы, никто ей так не дорог; судите же, как люблю я вас, вас, которой достаточно было бы и собственных чар, чтобы пленить мое сердце. Да, бесценная моя, клянусь: моей преданности не будет ни границ, ни конца; я буду счастлив, если вы хоть чуточку будете ценить моп чувства. Но боюсь, как бы мой дар не был вам безразличен! Пока же полагаюсь на свою сестру, пусть она лелеет вас вместо меня. Верьте, что все, чего бы она ни сказала вам от моего имени, куда бледнее того, что чувствует к своей обожаемой суженой.

Ее бесконечно преданный слуга, и т. д.».

Любезный друг считает, что записочка составлена прелестно и поздравляет Фаншетту. Я хочу приложиться к подолу ее платья; она резко отдергивает его; она не хочет допустить с моей стороны ни малейшей неверности ее возлюбленной девочке... Меня просят тебе сказать, что мы постоянно вспоминаем тебя и предпринимаем довольно решительные шаги, чтобы порадовать тебя и вызвать к нам... Ограничусь лишь таким

намеком, остальное должно еще храниться в тайне.

Теперь я знаю подробности вашего приключения в Тюильри; оно довольно забавно и я не вижу особых оснований так сетовать на ваших поклонников и на сад. Но меня удивляет, что ты забыла рассказать мне о молодом маркизе, который говорил тебе любезности, предложил вам свою карету, чтобы вызволить вас из толпы, и стал ждать ее возвращения, а не поехал с вами, дабы его учтивость не истолковали превратно. Кузина говорит, что он был очень скромен, располагал к себе услужливостью и казался привлекательным, хоть и был нехорош собою; однако кузина полагает, что ты даже не узнала бы его при встрече, ибо ни разу не взглянула на него. Ах, любезная моя сестрица, в наше время находишь столько женщин, которые сами себя предлагают, что скромным уже решительно нечего опасаться... Меня бранят за то, что я тебе это написал, и в то же время не хотят, чтобы я эти строчки зачеркнул. Кузина советует тебе вести себя всегда столь же осмотрительно, любить ее, любить Фаншетту и передать от нее поклон госпоже Канон.

А что до меня, любезная Юрсюль, то, клянусь, я люблю вас всех троих так, что моих чувств не выразить словами. Посему обещаю быть

вечным и неизменным другом вас всех троих.

ПИСЬМО LXXVI

10 часов вечера

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Истинная любовь, какова бы она ни была в начальной стадии, всегда приводит к добродетели

Любезный Шарлатан, не хочу больше верить в твои лекарства. Наслаждайся сам радостями, которые ты так расхваливаешь, они не для меня. Я знаю утехи более сладостные и более острые, — я вкушаю их в нежной, незапятнанной дружбе. Как хорош был бы ты, любезный друг, если бы ограничивался радостями, которые я познал и предпочитаю всем остальным!.. Но я никого не осуждаю. Самое лучшее и неоспоримое твое правило — это *безразличная терпимость;* надо

страдать безропотно, не убиваясь, не озлобляясь, и пусть каждый будет счастлив по-своему; клянусь тебе, что никогда не отступлю от этого правила... А ты все с Лоретой, не правда ли?.. Однако вот ты и стал верным, — а она-то не изменяет? А как же твое утверждение, что женщины — монеты, которым надлежит переходить из рук в руки? Ответьте на вопрос, прекрасный резонер! Или Вы в разладе с самим собою?.. Ну, ничего! Прощаю Вам все. Если вы отрекаетесь от прежних заблуждений потому, что Лора увлекла вас в новые, еще более упоительные, — так и то хорошо.

Я снова увиделся с обворожительной и ветреной Барон и весьма доволен ею, она — философ и все воспринимает с лучшей стороны. — Так как же? По-прежнему носитесь с устаревшими предрассудками? По-прежнему считаете, что вам должны быть верны... а сами себя, разумеется, считаете вполне свободным? — Да, по-прежнему. — Тем хуже для вас. В убытке вы один. — Как-нибудь утешусь. — Придется; но ведь это не всякому удается. — Вы сердитесь? — Не слишком, даже хочу с вами помириться. — И я тоже, от всего сердца. — Вы просто чудак, а в сущности-то вы — славный. — Вы называете, мадемуазель, чудачеством... — Боже, — воскликнула она, закрывая

мне рот рукою, — вы, кажется, собираетесь сказать дерзость... Приходите вечером. — Я не преминул явиться, мы смеялись, танцевали, а потом (не знаю, как плутовка это устроила) у нас с нею произошел «разговор», во время которого она мне доказала, что права ничуть не менее, чем я. — Теперь вы свободны, — сказала она мне. — Я милостиво обошлась с неблагодарным и тем самым подтвердила наш разрыв.

Сейчас, утром, пишу тебе и недоумеваю: наш разговор был сон или действительность? Право же, наши взгляды слишком расходятся, чтобы я искал новой встречи; я говорю Чаровнице: прощай! В силу своей добродетели? Нет, по слабости; сердце мое неудержимо льнет к другой. Я раскаиваюсь в мимолетном желании, в легком вздохе, если он исторгнут у меня не *ею*... Приходится прервать письмо; двое моих братьев пришли повидаться со своими возлюбленными; сейчас я их туда отправлю...

По правде говоря, взгляды, изложенные в твоем последнем письме, до того странны, что я не решился переслать письмо старшему брату: боюсь, что оно приведет его в ужас[48]. Как? Ты считаешь,

---

[48] Примечания: 1.48

Этого зловредного письма я не нашел в своем собрании, но знаю, что весь яд его содержится в письме XCVII.

что все религии одинаково хороши, одинаково безразличны и полезны лишь как узда для норовистой лошади? Друг мой, тут уже проглядывает безбожник. Мне было бы очень прискорбно, если бы так оно и было, а стань я сам безбожником — то пришел бы от этого в отчаяние. Понимаю, что в письме от 5 февраля[49] ты меня подготовлял к таким мыслям... Меня снова прерывают. Приходится, друг мой, на время расстаться с тобою...

Странная, неожиданная новость! Прислушиваясь к мнению всех, кто любит меня, я преодолел свою страсть к Эдмэ (я как раз собирался поговорить с тобою об этом, когда меня прервали); я подумал: пусть мой брат Бертран будет счастлив вместо меня, это послужит мне утешением в утрате. Не тут-то было. Неизвестно откуда явившийся, очень богатый человек только что попросил у отца ее руки. Старик, не зная ни о моей прежней страсти, ни о склонности дочери, ни о моих новых планах, обещал ему дочь. Девушка в отчаянии; отец решительно настаивает, чтобы свадьба ее состоялась в один день со свадьбой старшей дочери, невесты другого моего брата, — обо всем этом мне со слезами на глазах поведал бедняга

---

[49] Примечания: 1.49
Письмо LXV.

Бертран. Он добавил, что жених явился к старику Сервинье как раз в то время, когда и они находились у него, и ему показалось, будто он где-то уже видел этого человека; он предполагает, что это кто-то из моих знакомых, ему лет тридцать пять. Я бросился к Эдме; мне подумалось, что если она окажется в чьих-то других руках, а не в руках моего любезного Бертрана, то для меня это будет двойная утрата; Бертран — хороший парень, и я любил бы его, даже не будь он мне братом. Я допустил большую оплошность, не предупредив вовремя отца... Между тем, не мог же я без соответствующей подготовки просить для брата руки девушки, которую считают моей избранницей... Ничего не поделаешь — нужда свой закон пишет — переговорю со стариком. В конце письма сообщу тебе, чем кончилось это недоразумение, весьма меня огорчившее.

Сомнений нет: красивый, очень богатый господин просил у папаши Сервинье руки Эдме. Старик, вняв мольбам старшей дочери и самой Эдме, не дал окончательного ответа. Я только что говорил с ним насчет Бертрана; возможный наш союз с двумя его дочерьми, как будто ему по душе. Он обещал подумать, сказал, что руководит им не корысть и что он предпочел

бы для младшей такого мужа, который самому ему нравился бы и который сблизил бы сестер, а не богатого, который отдалит их друг от друга навсегда; добавил, что посоветуется с дочерью. Он позвал ее. Я хотел было удалиться. — Нет, вы не будете лишним при нашей беседе, — сказал старик. И, обращаясь к дочери: — Я думаю, что не надобно придавать значения богатству; впоследствии может оказаться, что красавец, который просит твоей руки, презирает нас, меж тем как, войдя в ту же семью, что и сестра, ты будешь там желанной, и вы будете поддерживать друг друга. Что скажешь на это, Эдмэ? Не лучше ли сестрам выйти за двух братьев? — Милая девушка, залившись румянцем, ответила: — Батюшка, я ничего другого и не желаю. — Пусть так и будет, дочка; господин Бертран красивый парень, ласковый. Ну, господин Эдмон, по рукам; даю вам слово.

Он оставил нас наедине. Эдмэ была так смущена, так взволнована, что еле слышала последние слова отца. Когда мы оказались одни, пришлось объяснить ей, о чем идет речь. Для меня сцена была тягостная, я не знал с чего начать; вот как я, тем не менее, взялся за дело. — Эдмэ, никогда еще вы не были мне так дороги, как сегодня; однако... (она вскинула на меня глаза; ах, что за влекущий

взгляд!..) однако, сердце, пылавшее страстью к другой, уже недостойно вашего. — Почему же? Если оно любит меня, если меня это радует? — Нет, прекрасная Эдмэ... Оно само себя казнит... оно хочет, чтобы вы были счастливы в той степени, как того заслуживаете. А чтобы дать вам счастье, надо быть уверенным в себе, не ведать порока и его опасных чар... Став вашим мужем, я подверг бы вас опасности изведать непостоянство; к тому же, тут много и других препятствий... Тем не менее, я прошу вас составить счастье моей жизни... да, без вас я не могу быть счастливым. — О чем же вы просите, сударь? Что хотите сказать? — Согласитесь стать мне сестрою! Бертран обожает вас, он более достоин вас, чем я, человек, обуреваемый жестокими страстями, которые постоянно влекут его в сторону. — Теперь понимаю: вы полюбили другую! — Не думайте, что я изменился по отношению к вам, мадемуазель; не будьте несправедливой; если вам угодно ввергнуть меня в отчаяние — возненавидьте меня и откажитесь стать моей сестрой... Ах, любезная Эдмэ, удостойте моего брата чувством, которое составило бы мое счастье, если бы прежние обязательства... — Счастья вашего оно не составляло, сударь, да никогда и не составило бы, нет, нет!.. Обязатель-

ства... Боже, значит вы забыли о них! — Объяснять все это пришлось бы слишком долго... но если вы требуете, не стану таиться: если я и был перед вами виноват, то это относится только к тому времени, когда не рассчитывал вновь встретиться с вами. Однако выскажитесь, мадемуазель; если вы требуете, чтобы я порвал связи... довольно крепкие... чтобы я обездолил несчастный плод... (Как видишь, я не лишен ловкости; не прибегая к прямой лжи, я не говорил и всей правды, но что ж поделать? Я следую твоим правилам). — О небо, — воскликнула в ужасе милая девочка. — Распорядитесь же моей судьбой, — продолжал я, — судьбою брата: составьте счастье четверых или же... — Довольно! Вместо себя вы предлагаете мне хорошего человека; у меня нет против него предубеждения, я ценю его достоинства... Но... вы только и делали, что огорчали меня! — Любезная сестрица! — я бросился к ее ногам, — позвольте мне называть вас этим сладостным именем!.. Позвольте воззвать к вашему сердцу; я люблю вас, я вас боготворю, соблаговолите же осчастливить меня в лице моего брата, который мне бесконечно дорог. Я не прошу, чтобы вы решились сразу же; позвольте Бертрану открыть перед вами свое сердце; отнеситесь к нему всего

лишь как к брату возлюбленного вашей сестры и... как к моему брату. Как только вы его поближе узнаете, смею вас уверить, вы его оцените за его собственные достоинства. Он боготворит вас; он сам говорил; как же отвергнуть милого, ласкового юношу? — Это уже слишком! Оставьте меня, оставьте! Ступайте! Я не стыжусь своих слез, однако оставьте меня, оставьте, прошу вас... мне никогда не следовало бы встречаться с вами... вы нарушили мой покой с первого же знакомства... жестокий человек, оставьте меня! — Пришлось, любезный мой, удалиться и, право же, в тот миг я был не менее достоин жалости, чем та, что изгоняла меня. Я не преминул сообщить о случившемся Катрин и обоим моим братьям. Первая бросилась к Эдмэ (грубовато:) — Да что же это такое? Ты плачешь... (помягче:) Друг мой, милая сестрица, я не собираюсь бранить тебя, ты знаешь, как я люблю тебя; но скажи на милость, какая разница? Разве не стоит один другого? Знаешь, уж если говорить начистоту, Эдмон парень чересчур самодовольный, только собою и занят. Бертран куда привлекательнее — положительный, кроткий, он тебя любит и будет любить; все это надо принимать во внимание... Отвечай же, милая сестрица; неужто ты хочешь, чтобы в моей

новой семье меня стали попрекать за то, что ты отказалась от моего деверя? Подумай, какую каверзу ты мне устроишь. А вдруг мои взбеленятся и откажутся сыграть свадьбу, так ведь мысль обо мне станет преследовать тебя как злой дух. Хоть я тебя и люблю всем сердцем, но, пожалуй, пристукнула бы тебя, случись это по твоей вине... Но не о том речь. Бертран хороший малый, если захочешь, еще как тебе понравится! Ей-богу, я это чувствую. Мне кажется, над такой заменой я ни минуты не задумывалась бы. — Господи! Любезная сестрица, — отвечала Эдмэ (не особенно удивленная речью сестры), — не беспокойся; твое счастье мне так же дорого, как мое собственное; положись на мою дружбу. — Тут Катрин позвала Жорже. А тот, кому так хотелось последовать за ним, не решился войти. Целых полчаса влюбленные взывали к великодушию Эдмэ, потом они сделали знак Бертрану, чтобы он заменил их. Они несколько раз убеждали Эдмэ позволить ему войти; но девушка рыдала и говорила: — Нет, нет, он может подумать, что я плачу оттого, что он мне противен.

Когда она оказалась наедине с Бертраном, ее скорбь, по-видимому, немного улеглась. Брат уверяет, что сердце подсказало ему самые ласковые

слова (и я ему верю — молодой, влюбленный, у ног красивой девушки...), говорит, что она выслушивала его без неудовольствия и поэтому он надеется тронуть ее. Во всем этом нет ничего чудесного. Он не сомневается, что его поддержит старшая сестра, ведь для нее совершенно безразлично, кто из нас — Бертран или я, — станет мужем ее сестры.

Прощай, любезный ментор; скажи Лоре, что дочка ее — ангел красоты.

ПИСЬМО LXXVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он сообщает мне о беседе относительно брака, которая была у него с отцом д'Аррасом

Нет путей неведомых истинной дружбе; она принимает любые формы, пользуется любыми средствами. Такова, братец, дружба, которую господин Годэ и отец д'Аррас питают ко мне, как ты сейчас сам убедишься.

Теперь уже нет никаких препятствий для двойной свадьбы; родители могут приезжать, когда пожелают; старик Сервинье готов довести дело

до конца, и обе его дочери тоже согласны. Я беру на себя все предварительные хлопоты, какие здесь приняты, вроде церковного оглашения, получения соответствующего разрешения и т. п. Но представь себе: господин Годэ, убежденный, что брак с мадемуазель Эдмэ вредно сказался бы на моем продвижении, покинул столицу и тайно прибыл сюда, чтобы просить руки моей возлюбленной для самого себя, с единственной целью помешать моей женитьбе; всем жертвуя ради меня, он намеревался отнять у меня мадемуазель Сервинье, прибегнув к приемам, которых я отнюдь не одобряю, а тебя они и подавно возмутят; но как не чувствовать признательности к человеку, чье рвение столь беззаветно, что ничто не пугает его и не обескураживает? Его успокоило письмо, посланное мною несколько дней тому назад; это письмо ему переслали из Парижа, куда я его направил. Он тотчас же приехал ко мне и посвятил меня в свой замысел. Появление его меня крайне удивило и вместе с тем обрадовало. Мне хотелось поведать ему немало всякой всячины. Право же, этому бесценному другу недостает только одного — чистоты нравов; надо же, чтобы на этой благородной душе были пятна, от которых тускнеет блеск ее добродетелей! Я не мог

скрыть от отца д'Арраса, что сожалею об этом, когда он, по просьбе Годэ, заговорил со мною о женитьбе. Вот что мне ответил д'Аррас:

— Здесь сказывается изъян в нашем воспитании; наши наставники тщатся сделать из своих учеников людей, превысивших человеческую природу, привить человеку безразличное отношение к самому себе, устремить его к какому-то идеальному счастью, принудить его отказаться от личной любви и от существеннейшей, основной нашей способности — от воли. Что же получается? Нечто весьма естественное и точь-в-точь то, что получилось бы, если бы возымели безрассудное желание остановить течение Ионны: скопившаяся вода вскоре разнесла бы все плотины и причинила бы ужасные разрушения. Воспитание может быть благотворным, лишь когда оно стремится управлять страстями, умерять их, держать их в равновесии; их прилив и отлив столь же необходимы для души, как кровообращение и движение влаги — для тела; страсти — результат чувствительности, венец божьего творения; стремиться к уничтожению страстей значит противоречить предначертаниям Верховного Существа; это значит, стремиться к невозможному. Ужели врач, желающий выле-

чить больного, лишит его крови и влаги на том основании, что все болезни коренятся в них? Будемте людьми и только людьми; желание стать чем-то большим — нелепая затея. Мы постоянно высмеиваем глупую напыщенность какого-нибудь мелкого чиновника, легкомыслие маркизов, жеманство аббатов, кокетство стареющих женщин; и правильно поступаем; так почему же не высмеиваем мы куда более опасные притязания людей, которые тщатся выйти за пределы человечности и делают вид, будто пренебрегают почестями, достатком, удовольствиями? К тому же, отказываясь от этих благ в одном месте, они стремятся получить их побольше в другом. Они отказываются от уважения, чтобы заслужить благоговение, от достатка — чтобы поставить себя выше богатства, которому иной раз недоступно то, что бывает доступно ханже, расхаживающему с сумою; от светских утех — чтобы наслаждаться любованием окружающих и любованием самим собою, своею исключительностью, которою упивается и ханжа, быть может, даже помимо воли...

Друг мой, хоть я и приложил руку к вашей первой женитьбе, не думайте, что я противоречу самому себе, когда возражаю против брака, о котором сейчас идет речь. Дабы составить

ваше счастье, счастье людей просвещенных и независимых, потребно одно из двух: или чтобы женщина обладала всеми достоинствами и ваш ум, достаточно созрев, был бы способен оценить эти достоинства и довольствоваться ими; или чтобы вы были уже на возрасте и женились бы на юном существе, чьи молодость и наивность внушали бы к нему снисходительность. А снисходительность вырабатывается тогда, когда человек уже много пожил; ее приобретаешь лишь после того, как философически оценишь все людские склонности и слабости. Разовьем эту мысль.

Когда человек утрачивает свою изначальную невинность или живет в среде, где ее почти невозможно сохранить, ему остается один-единственный путь, а именно — не брать на себя обязательства любить только одну женщину, предпочитать ее всем остальным, видеть ее без отвращения изо дня в день; надо выждать, когда юношеский туман станет понемногу рассеиваться, когда нрав ваш начнет приобретать некоторую устойчивость, в силу которой вы станете не столь падки на новизну. Достигнув возраста, когда начинает сказываться власть привычки, легче быть верным; это приблизительно сорокалетний

возраст, с небольшими колебаниями в ту или иную сторону в зависимости от того, быстро или медленно развивался темперамент человека. Сия склонность к привычному объясняется несколькими причинами: уже все испробовано и острота восприятия притупилась; еще более притупляют ее честолюбие, увлечение делами; тут человеком овладевает некая леность, он предпочитает удовольствия, которые находятся у него под рукой, в то время, как деятельная юность предпочитает удовольствия труднодоступные и т. д.

В правильном подборе собирающихся соединиться узами брака (в отношении возраста) сказывается великая мудрость; но в нашем климате величайшее заблуждение воображать, будто подходят друг другу ровесники. Восемнадцатилетняя девушка не годится для юноши того же возраста, и еще меньше — для более молодого, если предположить, что брак нерасторжим. В противном случае, можно было бы, даже следовало бы поступать по примеру американских отомахов: они сочетают молодых людей со зрелыми женщинами, к которым юноши, по-видимому от природы, чувствуют больше влечения. Расхождение в возрасте сильнее сказывается в южных странах, к северу оно становится не столь ощутимым. В

Испании, в Италии тридцатилетнему мужчине потребна девушка лет пятнадцати; во Франции и в Англии подходят друг другу пятнадцатилетние и двадцатипятилетние и т. д. Но удивительное дело, в Перу наблюдается нечто прямо противоположное: там мужчины теряют способность к брачной жизни лет в тридцать—тридцать пять, женщины в этом возрасте достигают полной силы; следовательно, в этой стране приходится сочетать пятнадцатилетних мальчиков с тридцатипятилетними женщинами, и т. д. В Турции, наоборот, надо выдавать пятнадцатилетних девушек за сорокалетних мужчин; так там и поступают. Смысл этих соотношений в том, что испокон века женщина, чтобы быть счастливой, должна в лице своего мужа иметь покровителя, руководителя; эта потребность свойственна ее полу, хотя порой и затмевается гордынею, однако и при наличии гордыни она дает себя знать. Муж должен видеть в своей супруге существо доверчивое, нижестоящее, ласковое, покорное, которое он превосходит только физической и умственной мощью, зато уступает ему в нежности, изяществе, приятных талантах и даже, пожалуй, почти во всех общественных добродетелях. Так вот, если допустить возрастное равенство

супругов в любом климате, — разве каждый из них получит то, что ему требуется, и будет ли он доволен? Весьма вероятно, что в некоторых отношениях супруги будут желать совсем иного. Если же станут считаться с существенными различиями каждой страны, то из этого воспоследуют великие преимущества и для супругов, и для общества. Тридцатилетний француз найдет в девушке лет восемнадцати—двадцати (как я только что говорил) жену доверчивую, которая охотно воспользуется его знаниями и советами, чтобы управлять хозяйством; ее едва распустившиеся прелести будут для него желанны, покамест он в том возрасте, когда любовь является основною страстью. Если у юной супруги появятся прихоти (а у кого их не бывает!), то муж, очарованный ее красотой, преисполненный снисходительности к ее юности, примирится с ними как с простым ребячеством, удовлетворит их, смеясь, и не будет от них страдать. А разве мог бы он так же поступить с женой одного с ним возраста, от которой он вправе требовать такой же рассудительности, какая присуща ему самому?.. Юной же супруге разве не легко будет подчиняться воле мужа и уступать ему, доверяя его опыту и знаниям? Послушание окажется для нее более приятным и не

столь тягостным.

По правде говоря, все эти предосторожности не были бы столь необходимы, как мне представляется, будь воспитание наших девушек не столь нелепым. Вечно окруженные с нашей стороны вниманием и заботой, они не слышат ни слова (по крайней мере от матерей) о том уважении, о той преданности, какие они должны питать к нам. Что же получается? Великие бедствия: девушка, возомнившая, что она лучше всех, испорченная слащавым ухаживанием небескорыстных поклонников, в конце концов находит себе мужа, другими словами, существо далеко не совершенное: иллюзии, которыми она жила, рассеиваются в первую же неделю; затем муж довольно решительно пускается по дорожке, указанной самою природою. И вот наша юная супруга оскорблена, она в отчаянии, она начинает жаловаться; все вокруг ей вторят и даже преувеличивают ее горести; она считает, что нарушены ее самые священные права, что она несчастнейшая из женщин; не ведая, в чем заключаются истинные обязанности и права мужа, она отказывает ему и всячески его ущемляет; единомыслие нарушено, любовь ослабевает и, что того хуже, ослабевает уважение, дружба; как же можно уважать ос-

новное право мужа, когда его уже не любишь, презираешь, считаешь несправедливым, и когда все вокруг твердят, что ты права?

Действительно, нам уже все уши прожужжали, твердя, что оба пола равны и что если неверен муж, то может быть неверной и жена. Не будем углубляться в этот вопрос, имеющий прямое отношение к физиологии; нетрудно доказать, что потребности мужчины превышают потребности женщины, что беременность и тому подобные явления, ограничивающие женщин, не ограничивают мужчин. Предположим полное равенство: вы, женщина, окутываете мое отцовство тайной, я же, мужчина, не поступаю так в отношении вашего материнства. А каких только последствий не влечет за собою эта неуверенность в цивилизованном обществе! Муж утрачивает охоту копить богатства для потомства; наоборот, он расточительствует, он предпочитает разориться, лишь бы не оставить наследства незаконным детям жены; множество граждан, находящихся с ним в каких-то взаимоотношениях, оказываются втянутыми в его крах, и за одним разорением следуют другие. Какое неимоверное заблуждение! И даже если бы равенство, согласовалось с законами природы (чего в действительности нет), то и

тогда разве не следовало бы осудить его посредством социального закона? Не следовало ли бы подвергать неверную жену такой каре, которая устрашала бы и тем самым сдерживала бы ее?

Есть у меня и другие поводы упрекать женщин: их высокомерие, их властность по отношению к домочадцам, авторитет, который они себе присваивают, ставя себя выше главы семьи, — все это источники тех неурядиц, которые мы наблюдаем в обществе. Женский пол создан для подчинения, и я предсказываю европейским народам, что не будет у них ни высокой нравственности, ни спокойствия, доколе они не поставят женщин на надлежащее место. Я говорю, основываясь на опыте; все мужья согласятся со мною, и возражать станут лишь холостяки, которым на руку независимость и свобода женщин. Женщинам свойственны крайности, и они не стараются обуздывать себя и придерживаться равновесия; считать их за равных мужчинам, значит предоставить им господство... Да разве они удовлетворятся этим господством!.. Ни в коем случае; женщина сознает свою власть лишь тогда, когда злоупотребляет ею. Она — вечный ребенок и у нее бывают лишь приступы разумности; в одно мгновение она зачеркивает всю проявленную ею

до того осторожность. Если иные из них сдерживаются более или менее продолжительное время, значит, у них есть некая опора, которая нам не видна. Дом, всецело управляемый женщиной, не может существовать; в нем бури, шквалы все разнесут; женщина, которой вы только что любовались, при малейшем противоречии превратится в Эвмениду{39}, и все полетит за окно. Возьмите проституток, дерзости у них во сто раз больше, чем у мужчин, зато нет отваги, свойственной последним; все эти фурии оказываются трусихами там, где мужчина бывает непоколебим, а ведь проститутки такие же женщины, как и все остальные, только у них одной уздой меньше.

Вернем же себе власть, отнимем ее у тех, кто неспособен ею пользоваться; поработим их, столько же ради их собственного благополучия, сколько ради того, чтобы не быть жертвами их бездарности[50].

Итак, любезный мой Эдмон, Вы еще чересчур

{39} Комментарии: 2.39

Эвмениды — богини мщения, иначе фурии или эриннии.

[50] Примечания: 1.50

Прости, прекрасный пол; это речи холостяка; такие люди боготворят тебя и поносят, льстят тебе и тебе изменяют. Прости! (*Прим. книгоиздателя).*

молоды, чтобы жениться, управлять, руководить женой и предотвращать тяжкие осложнения, о которых я веду речь. Первая ваша женитьба в этом отношении ничему не научила вас: у вас была жена, которая, несмотря на сложившиеся обстоятельства и всё, в чем ее так упрекали, лучше всякой другой могла принести вам счастье, принимая во внимание ваш тогдашний, возраст и положение. А иначе разве я приложил бы руку к вашему браку? Эдмэ для вас недостаточно молода, но вашему брату она вполне подходит, как и подсказала вам осторожность. Бертран не знает света, он не предназначен для светской жизни; Эдмэ тоже; они будут верны друг другу; они будут любить друг друга положенное время; каждый будет на своем месте. Ибо все сказанное мною излишне там, где царит невинность. Зато если бы Эдмэ вышла за вас, свет вскоре испортил бы это милое существо, то же получилось бы и с Лорой. И поверьте, друг мой, если бы не эти веские доводы, я, как честный человек, никогда не решился бы отговаривать вас от брака с матерью вашего ребенка; но советовать противное, значило бы, пожалуй, нанести вред вам всем троим: малютка Лора обрела бы определенное положение, зато мать ее и вы вскоре утратили бы покой, а все трое

— благополучие.

Для счастливой семейной жизни потребно стечение целого ряда обстоятельств, в зависимости от того, где и в каком окружении вы живете. В городе в наше время муж должен не только быть ласковым и верным, хорошо управлять хозяйством, вести дела, тщательно воспитывать детей; зная французские нравы, я пришел к убеждению, что, кроме того, муж должен быть безгранично снисходительным, уступить жене место, предназначенное ему как главе семьи и природой, и законами; через несколько месяцев после свадьбы он должен считать жену свободной от данного ею обета верности, вменить себе в обязанность быть любезным с поклонниками жены, ублажать их и удаляться на свою половину или на службу, когда поклонник-фаворит займет возле нее место; он должен под страхом жестоких потрясений давать своей счастливой половине деньги на игру, на расходы, которые она считает нужными и т. п. При таких условиях семья в столице покоится на прочном основании: муж кое-когда удостаивается ласки, более того, за отсутствием любовника, его можно порою увидеть рядом с нею в карете, жена опирается на его руку во время прогулки и принимает его в будуаре.

Но вздумай только супруг противоречить... ограничивать ее расходы... тогда все погибло: дурное настроение, крик вскоре выведут его из терпения и принудят воспользоваться своим правом и прибегнуть к наказаниям... Засим воспоследует торжество жены: если она красивая и к ее услугам имеется какой-нибудь вельможа, то на мужа не обращают внимания или упрятывают его в тюрьму; если же последний сам занимает некоторое положение, то возбуждают дело о разводе, получают его, а затем живут в свое удовольствие.

Сомневаюсь, чтобы подобный брак казался вам привлекательным; тем более, что не знаю другого лекарства для наших мужей, кроме безграничного терпения; разве что у супруга достанет твердости, достанет силы, чтобы обуздать жену, а такое преимущество дано только королям, принцам королевской крови да носильщикам, ибо в городе лишь эти три положения дают возможность управлять поведением супруги по собственному усмотрению.

У нас брак нерасторжим. Вам, быть может, любопытно узнать мое мнение на этот счет. Несмотря на все неудобства нерасторжимости, я ее одобряю, любезный Эдмон, ибо в противном

случае возникли бы еще большие неудобства. Но мне хотелось бы, чтобы бесплодие, как и полная неспособность к брачной жизни, давали право разорвать эти узы, и чтобы мужчина, не имеющий детей от жены, мог развестись и жениться на другой, так же как и она — выйти за другого; но все это при условии, что если у жены, вышедшей за другого, появятся дети, а у него их не окажется и от второй жены, то ему будет запрещено вступить в третий брак, причем запрет этот должен быть введен не столько из-за таких мужчин, сколько из опасения, как бы возможностью менять жен не воспользовались распутники.

Мудрость законов, созданных людьми при возникновении общества и направленных на защиту благопристойности, доказывается и тем, что, не будь этих законов, предназначенных обуздывать неистовства любви, сия восхитительная страсть утратила бы половину своего очарования, благопристойность требует известных усилий; уничтожьте ее и все станет вялым и смутным... Однако замечаю, что я пускаюсь в нравоучение, терпеть не могу догматического тона и сам не понимаю, как это я им увлекся. Заканчиваю: брак был бы с вашей стороны неосторожностью, принимая во внимание ваши намерения, ваши

обстоятельства. Совсем иначе обстоит дело с вашими братьями; думаю, что они поступают правильно и я готов был бы поручиться за их счастье, если бы, сохранив свое благодушие, они восприняли образ жизни молодых спартанцев.

Теперь хочу сказать вам словечко о плане, с которым приехал сюда господин Годэ. Вы удивляетесь, что он не остановился бы перед похищением Эдмэ перед вашей свадьбой, хотя и не собирался жениться на ней. Он оказался бы, спору нет, подлецом и вполне заслужил бы ваше презрение, если бы за этим поступком последовало все то мерзкое, что можно предположить. Но я сам выступил бы в защиту невинности, и Эдмэ прилично устроили бы где-нибудь в окрестностях столицы. Верьте моему чувству чести и моей дружбе к вам.

На этом наш разговор прервался, ибо в комнату, где мы с ним находились, вошла госпожа Парангон. Д'Аррас тотчас же удалился, сказав несколько общепринятых любезностей. Мне кажется, он заметил, что кузина не без огорчения взирает на тесные узы, соединяющие меня с ним и с господином Годэ.

Ей был по душе уход д'Арраса; она, действительно, слышала наш разговор. — Я не охотница

до чужих секретов, — сказала она мне, — однако я принимаю в вас такое участие, что мне страшно захотелось узнать, о чем вы беседуете с отцом д'Аррасом; но, признаюсь, я считала бы себя преступницей, если бы скрыла от вас, что я все слышала. Признаюсь и в том, что его рассуждения совпадают с моими, он высказывал немало мыслей, с которыми я вполне согласна. Иное дело господин Годэ; он прямо-таки опасен, и по многим причинам следует сожалеть о вашей с ним дружбе; тут и религия, и просто честь... Будьте с ним знакомы, раз он родственник вашей жены, — с этим ничего не поделаешь; но, любезный мой Эдмон, не дружите с ним. Человек, пренебрегающий своими обязанностями, с помощью жалких софизмов вконец заглушивший в себе голос совести и, так сказать, извративший свой ум, не может быть добродетельным. Остерегайтесь, как бы он в один прекрасный день не предал вас, если этого потребует корысть или овладевшая им страсть. Главное, не давайте ему никаких поручений, которые послужили бы ему поводом для посещения вашей сестры или же моей... Я весьма опасаюсь, как бы этот человек не оказал на вас тлетворного влияния... Эдмон! Моему сердцу достаточно вас одного. Ужели же Юрсюль, Фан-

шетта и я, втроем, не можем заполнить вашего?

О братец, как забилось мое сердце, когда она произнесла эти слова! Я не нашелся, что ответить, но хотел поцеловать ее руку. Она подставила мне щеку, сказав почти шепотом:

— Изгоним, братец, из наших отношений все, что похоже на отношения любовников; друзья порою тоже целуются, но они не целуют друг у друга руки. Я вам сестра, чаще напоминайте мне об этом.

Если ты имеешь представление о совершенном счастье, любезный старшой, то поймешь мое состояние в тот миг.

Советник все так же внимателен, он частенько у нас бывает. Несколько дней назад дядюшка его заболел и притом опасно, ему больше восьмидесяти. Если племянник станет независим, то с вопросом о женитьбе, думается мне, будет покончено, как только минет установленный обычаями срок. Когда получу вести от Юрсюли, которой я писал на прошлой неделе[51], то немедля поделюсь ими с тобой. Поцелуй за меня свою любезную подругу, милого племянничка и всех братьев и сестер.

---

[51] Примечания: 1.51
Письмо LXXV.

ПИСЬМО LXXVIII

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Как Эдмон поступает в отношении Эдмэ

Уехать так стремительно, даже не попрощавшись со мной! Понимаю, тебе не хотелось огорчать мою очаровательную кузину. Другой на моем месте, дабы избавить себя от изъявления благодарности, сделал бы вид, будто подозревает, что тобою руководит не столько дружба, сколько любовь, что, конечно, Лорета, нежная Лорета послужила причиною твоего поспешного отъезда. Но я-то читаю в твоем сердце, правильно оцениваю твое поведение и с радостью сознаю, до какой степени я тебе обязан... Признайся, однако, что ты упиваешься блаженной свободой! Поздравляю! Пользуйся ею как можно дольше, будь хорошим отцом семейства, вместо того, чтобы быть скверным холостяком; и ты, и государство от этого только выиграют.

Вот уже несколько дней, как мои братья Бертран и Жорже находятся здесь. Относительно Эдмэ я последовал твоим советам. Прежде всего

я польстил ее самолюбию, уверив ее в своей безграничной привязанности; затем я показал ей весьма нежное письмо Бертрана, когда она прочла его, я снова стал ее уверять, что нельзя видеть ее и не влюбиться, доказательством чему служат чувства, внушенные ею моему младшему брату; что возможность принадлежать ей я всегда почитал за высшее счастье. Я не посмел сказать ей, что уже непоправимо связан, как ты советовал; нет, я не решился лгать, зато прибег к другому средству, на которое надоумил меня наш добрый друг д'Аррас. Я сказал правду: я признался в приключении с Лоретой, не называя ее; намекнул, что, желая сохранить возможность жениться на ней, я не намерен связывать себя сейчас никаким обязательством, хотя как будто и соглашаюсь в далеком будущем на союз, желательный госпоже Парангон, предлагающей мне свою, еще совсем юную сестру; *особа* же, о которой речь, не сегодня-завтра должна предпринять какие-либо определенные шаги; особенно старался я убедить милую девушку в том, что на решение мое ни в какой мере не могла повлиять любовь, поскольку сию страсть можно питать лишь к существу, по возрасту своему способному на нее ответить. Я добавил, что признательность и тысяча других

веских причин повелевают мне неукоснительно считаться с супругой моего хозяина. Когда Эдмэ узнала, кто ее истинная соперница, она как будто немного успокоилась; из ее ответа я понял, что соперница эта, хотя ей и отдают предпочтение, не так уж ей ненавистна, ибо еще не скоро может получить то, что ей предназначают. Все же она вздохнула. Однако она вновь взяла письмо Бертрана и перечитала его. Я удалился, предоставив ей поразмыслить.

Эдмон и госпожа Парангон

Эдмоном овладевает любовь

В тот же день ее навестила госпожа Парангон. Чего только не в силах сделать эта чудесная женщина! Ее присутствие действует лучше всяких доводов. Она-то окончательно и убедила Эдмэ. Уверившись в этом, она назначила мне час, когда я застану их вместе. Я не преминул явиться, однако из осторожности дал им достаточно времени для беседы с глазу на глаз. Когда только я появился на пороге, Эдмэ подошла ко мне: — Будьте же мне братом, — сказала она, краснея, — я постараюсь перенести на господина Бертрана чувства, которые вы внушили мне, и отныне питать к вам те, которые питала к нему. Не бойтесь, не избегайте меня; будемте друзьями навеки. — Столь благородные чувства, источник коих был для меня ясен, преисполнили меня восторгом, но вместе с тем и опечалили меня. Кузина, легко читавшая в моем сердце, стала прощаться с Эдмэ и тем самым отогнала овладевшие мною мысли. Я направился вслед за нею, но ты достаточно меня знаешь и догадаешься, что благодаря отсутствию одной и моим чувствам к другой я вскоре пришел в равновесие.

Итак, любезный ментор, с этим вопросом решительно покончено. Но хоть я больше и не

помышляю о женитьбе, мне вспоминается наша последняя беседа; я записал ее, пока все хорошо помнил. Перечитывая запись, я все больше убеждаюсь, что твоя философия — самая естественная[52]. Ах, друг мой! Два существа на свете изумляют меня: кузина и ты. Одно — создание ангелоподобное, другое... дьявол. Но дьявол, столь достойный быть ангелом, что, надеюсь, со временем он им и станет... Ты — безбожник?! Боже мой, боже!.. А она, госпожа Парангон!.. Добродетельная кузина, возлюбленный друг!.. Столь молодая и столь разумная!.. Но оставим эту тему, а то ты воспользуешься ею и наговоришь мне такого, чего я не желаю слышать. Смелости, в отношении нее!.. Ах, Годэ, при всем своем эпикурействе, ты не мог бы не уважать ее и молча не боготворить.

Прощай, бесценный друг... Предупреждаю, что несколько дней не смогу писать тебе ввиду свадьбы братьев. О них не стану тебе рассказывать. Эти славные парни будут счастливы и довольны своим растительным существованием; у тебя они могут вызвать только жалость.

---

[52] Примечания: 1.52

Из этой беседы о браке, содержащейся в письме LXXVII, мы исключили по меньшей мере три четверти *(прим. издателя).*

ПИСЬМО LXXIX

Июля 31 дня, в день св. Жермена

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Простодушная картина жизни славных людей

Я льстил себя надеждой, что обниму тебя здесь, любезный старшой, но ты словно дал зарок никогда ногой не вступать в города, — даже самые благоприятные обстоятельства не в силах тебя сюда заманить. Я легко обиделся бы на тебя, если бы можно было обижаться на добродетель и чистое сердце. Итак, прощаю тебе, что ты вынуждаешь меня описывать свадьбу наших братьев и постараюсь передать тебе радость обоих семейств. Сомневаюсь только удастся ли мне изобразить до какой степени наши родители довольны стариком Сервинье, его дочерьми и всеми хозяйственными приготовлениями, чтобы молодым жилось хорошо.

Позавчера, после того как приехали наши славные родители с твоей любезной женой и

сестрами, были подписаны брачные контракты и состоялось обручение; вчера их обвенчали. О чувствах Жорже и Катрины можешь не беспокоиться; они любят друг друга *с упоением* и гонят прочь все условности; даже особая заботливость, известная обходительность — и те не входят в планы их супружеских отношений. Что касается Бертрана, тут другое дело; ты знаешь, какой он ласковый; он не вполне уверен в сердце Эдмэ и поэтому всячески старается завоевать его. В конце письма я передам тебе разговор, который я подслушал сегодня утром, — сейчас мне хочется поскорее рассказать тебе о наших любезных родителях.

Ах, друг мой, как много ты теряешь, что не видишь до чего они довольны!.. Постараюсь описать тебе их радость.

Когда они приехали, папаша Сервинье встретил их как брата и сестру, — так он их и назвал. Всех троих объединяли одни и те же чувства, одна и та же сердечность; с первых же минут они почувствовали себя непринужденно, как бывает после десятилетнего знакомства, ибо с первых же минут поняли, что подходят друг другу и мыслят одинаково. Катрин присутствовала при этом; она весело подошла поздороваться с нашей матуш-

кой, выказывая при этом откровенную и даже бурную радость; она поспешила снять с нашего почтенного батюшки шейный платок, подала ему хлопчатобумажный колпак; потом она сняла чепец с матушки так живо, так ласково, что всех нас очаровала. Покончив с этим, она помчалась в погреб, вымыла стаканы, налила вина и принесла их в горницу, где сидели наши родители. Матушка, по обыкновению, попросила одной воды. Катрин, тревожась за ее здоровье ввиду сильной жары, чуть ли не на коленях стала ее упрашивать выпить вина, но убедившись, что уговоры тщетны, на минуту вновь исчезла, унося холодную воду, а вернулась с парным молоком, которое и предложила ей. Когда родители освежились, она сказала, что сбегает за сестрой, которая ходила к портнихе для какой-то переделки (ибо Эдмэ относительно нарядов столь же требовательна, сколь Катрин к ним равнодушна).

Пока славная девушка отсутствовала, батюшка высказал свое мнение о ней: и матушка, и он в восторге от столь превосходного выбора, и они были ко мне так добры, что даже поблагодарили меня.

Наконец, в комнату вошли обе сестры. Мне хотелось бы передать тебе впечатление, какое

произвела Эдмэ на наших родителей: они замерли столько же от радости, сколь и от восхищения. Очаровательная Эдмэ сначала подошла к матушке, которая приняла ее в свои объятия. Затем ласковая девушка села у ее ног, взяла руку и поднесла к губам. — Теперь у меня опять будет мама, — говорила она, — такая же добрая, как та, которой я лишилась. — Конечно, дочь моя, — отвечала Барбара де Б***, — конечно, я буду для вас доброй матерью. — Суди сам, друг мой, что должна была чувствовать эта славная, простая женщина, непривычная к нежному и почтительному обращению, свойственному Эдмэ: та добавила много приветливых слов, но бессвязно и непоследовательно. Батюшка подошел к Эдмэ, взял ее за руку и сказал: — Дочь моя, да благословит вас господь: ваша сестра подобна Лии{40}, а вы — прекрасны, и муж будет любить вас как Рахиль{41}; возлюбленные дочки, обе вы — дар, который я благоговейно принимаю из рук Предвечного. — Папаша Сервинье воскликнул: — О, брат мой, вы тот, с которым я мечтал встре-

{40} Комментарии: 2.40

Лия — старшая дочь Лавана, первая жена Иакова (Библия).

{41} Комментарии: 2.41

Рахиль — младшая дочь Лавана, жена Иакова, мать Иосифа и Вениамина (Библия).

титься более сорока лет! Вы знаете Писание и вы набожны без ханжества, ибо любите вино; выпьем же, брат мой, и с кубком в руке, как некогда патриархи, возблагодарим бога за блага, которые он дарует нам!

Тем временем Катрин ласково беседовала с нашими братьями и сестрами, накрывала на стол, шутила, смеялась, отталкивала Жорже, который пытался сорвать у нее поцелуй. Сели за стол. И здесь старики раскрыли друг пред другом сердца: в незамысловатых их взглядах, в их болтливости, даже в многократном повторении одного и того же было нечто столь трогательное, что я такого еще никогда не слыхал; в их ссылках на священное писание звучало такое благоговение, такая естественность, достоинство, какие в наши дни не звучат даже в устах духовенства. Ах, каким хорошим священником мог бы стать любой почтенный отец семейства!.. Тем временем матушка занималась своими молодыми невестками и мной. Я заметил, что ее взор с особой благосклонностью останавливался на Эдмэ (столь велико могущество красоты!). Затем она обращала его на своего наименее достойного сына с выражением, которое я отлично понимал: она, казалось, благодарила меня за то, что я сделал для Бертрана, и

поощряла меня просить для самого себя милую Фаншетту... Наконец, она взяла твою жену за руку и сказала ей: — Мари-Жанна, они будут похожи на вас и я буду их любить, как вас люблю. — О, друг мой, что за существо — мать!.. Ее сердце — пылающий костер; ее деятельная, ненасытная нежность растет, питаемая радостью, и счастье одного из ее детей только усиливает, в ней жажду видеть столь же счастливыми и остальных.

Покамест Катрин занималась хозяйством, подавала на стол, хлопотала, Эдмэ отвечала матери своего нареченного лаской на ласку. Такое поведение ее, естественно, было соответствующим образом оценено, как она и ожидала: матушка, видя ее хорошее настроение, завела речь о Бертране и обо мне. Эдмэ воспользовалась случаем, чтобы открыть свои истинные чувства. Она скромно призналась, что дала себе обет любить Бертрана, но не раскаивается в том, что прежде любила меня. Такое признание не могло не вызвать одобрения матушки; она ответила (с непосредственностью чистой, безгрешной души), что кровь в нас течет одна и та же и что братья не могут завидовать друг другу. Не знаю, так ли это, но Эдмэ как будто пришлась по вкусу подобная мысль.

Свадебное торжество прошло вполне благопристойно. Венчание состоялось в десять часов. Эдмэ была восхитительна и я сам слышал, как многие почтенные люди удивлялись тому, что в их городе можно еще отыскать такое, никому не известное, сокровище. Катрин тоже была не лишена привлекательности: благодаря ее полноте, румянцу, веселости, цветущему здоровью она всем казалась, как говорили, *лакомым кусочком;* однако Эдмэ ее решительно затмевала. Затеяли танцы, — старики не возражали. Общество собралось отменное: у папаши Сервинье, хоть он всего лишь виноградарь, почтенная родня; я, со своей стороны, пригласил нескольких друзей: главными среди них были супруги Парангон и господин советник. Поэтому, хотя посторонние гости и принадлежали к лучшим местным семействам, мы были ограждены от того неприличного панибратства, которое позволяют себе молодые люди из почтенных семей, когда оказываются в обществе женщин, коих они считают ниже себя по положению. Твоя милая жена и сестры наши чувствовали себя совсем свободно, а так как они хороши собою и притом скромны, то все наперебой оказывали им всяческие знаки внимания. Я восхищался непринужденностью и приветливо-

стью Бертрана; он был удивительно расторопен: принимал гостей, развлекал их и делал все так, что его похвалили бы в самом отменном обществе, и я заметил, что похвалы, которые ему расточали, были весьма приятны его супруге. Что касается Жорже, то он невозмутимо наслаждался своим благополучием, тем, что за ним ухаживают и что Катрин с ним так ласкова... Но нам очень недоставало тебя, любезный старшой! И Бертран, и даже Жорже несколько раз говорили мне об этом; госпоже Парангон тоже хотелось видеть тебя и она о тебе так лестно отзывалась, что Эдмэ с нетерпением ждет встречи с тобою.

Как видишь, друг мой, я рассказываю тебе все во всех подробностях и стараюсь, чтобы ты хоть заочно был бы как можно ближе к нам. Надо еще передать тебе разговор Эдмэ с Бертраном.

Сегодня утром я отправился поздравить молодых. Начал я с Катрины и Жорже. Посещение получилось тем веселее, что я оказался не один. По обыкновению, отпускались всякие шуточки и я имел случай убедиться, что Катрин, несмотря на свой веселый нрав, довольно стыдлива. На шутки она отвечала, но так, что внушала уважение к священному союзу двух супругов. Она мне очень понравилась; редко случается слышать,

чтобы так весело высказывали серьезные мысли и внушали сдержанность тем, кто бросил вызов. Убедившись, что она отлично защищается, я незаметно ускользнул. Я уже собирался войти к Бертрану, как услышал в их комнате голоса и полюбопытствовал, о чем у них идет разговор. Эдмэ отвечала ему:

— Не понимаю, друг мои, о чем вы говорите, и почему просите прощения, но будьте уверены, что это совершенно излишне; вы ничем не обидели меня; наоборот, меня очень трогает ваша нежность. (Бертран) — Бесценная супруга моя! (Эдмэ) — Любезный муженек! (Бертран) — Вы — прекраснейшая из женщин, но нрав ваш, кажется, даже превосходит вашу красоту. (Эдмэ) — Такая похвала мне весьма приятна, и я постараюсь быть все более и более достойной ее. Я знаю, что любовь может погаснуть, а заслуженное уважение — никогда. Ваше уважение будет сокровищем и я стану бережно его хранить. (Бертран) — Я не сомневался, что вы — бесценный перл. Но увы!.. (Эдмэ) — Любезный супруг, позволь мне еще некоторое время любить тебя как брата, в спокойствии души и плоти, которое, быть может, сладостнее всех утех любви. Я радуюсь этому, а тебя это, как видно, огорчает, и я осмеливаюсь, друг

мой, лишь в этом тебе противоречить. (Бертран) — Утешьте же меня, по крайней мере, сказав, что любите меня. (Эдмэ) — Да, я люблю вас, и ничто в мире не могло принудить меня к лживости и заставить выйти за вас без любви.

Последовало молчание, а в тот самый миг, когда я по нескольким оброненным словам понял, что разговор вот-вот возобновится, подошла Катрин. У нее был ключ; она вошла к молодым как ни в чем ни бывало и, смеясь, стала журить их за леность. Остальных визитеров я задержал, из-за Эдмэ. А когда твоя жена и сестры вошли в спальню, Катрин заперла дверь. Немного погодя все четверо молодых супругов появились во всем своем блеске, если не считать, что в глазах Бертрана я заметил грустную дымку. А так как причину его огорчения я знал, то сказал о ней Мари-Жанне и кузине, чтобы они в случае надобности успокоили матушку, а то знаешь ведь, как материнская любовь проницательна.

Вот, друг мой, подробный рассказ обо всем, что произошло до сих пор. Добавлю еще, что Эдмэ, по-видимому, тяготеет к Мари-Жанне, а Мари-Жанна всем предпочитает Эдмэ. Прекрасные души узнают друг друга. Матушка и жена расскажут тебе еще многое, когда возвратятся домой, а

отъезд их намечен на завтра. И папаша Сервинье, и все мы упросили батюшку погостить здесь еще несколько дней, он не мог отказать нам. Приезжай встречать путниц к Прованшерскому лесу, а до него я провожу их, сколько ради них, столько и для того, друг мой, чтобы повидаться с тобой.

ПИСЬМО LXXX

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Он рассказывает о счастливом житье-бытье братьев и сожалеет об Эдмэ

Приезд братишки Огюстена-Николя чрезвычайно обрадовал нас. Двадцать шестого братья с женами и. я уедем отсюда.

Я рад, что нашей любезной старшей сестрице Брижитте сделано предложение. Она будет отличною женою, по нраву своему она вылитая наша добрая матушка, как Юрсюль — вылитый матушкин портрет. Искателя ее руки я не знаю, но вы отзываетесь о нем хорошо, поэтому и я отношусь к нему так благосклонно, как он сам того мог бы желать, если бы счастье его зависело от меня.

Здесь, у Жорже и Бертрана, все идет хорошо (хотя последний все еще находится под знаком неудачи). Батюшка имел счастье наблюдать благополучное начало супружеской жизни сыновей. И он, и папаша Сервинье оказались вполне согласны во всех советах, которые они давали молодым; поэтому вы, вероятно, слышите от батюшки те же похвалы старику Сервинье, какие мы здесь слышим нашему почтенному батюшке. Они расстались с большим сожалением, что очень тронуло меня.

Но вернемся к молодоженам. Надеюсь, что они будут счастливы; они подружились, все делают сообща, поэтому Катрин по-матерински управляет домом, а так как она бесконечно любит сестру, то оставляет на ее долю только приятную работу. Старик Сервинье оказался превосходным отцом, он очень ухаживает за зятьями, подсказывает им выгодную работу. Они затевают небольшую торговлю бочками; деньги им ссужает тесть и торговля, надо думать, будет прибыльная, особенно в нынешнем году, когда ожидается обильный урожай винограда.

Конечно, не мне раскаиваться в том, что я содействовал счастью Бертрана, он мне брат и брат горячо любимый, и все же я грущу, когда, наблю-

дая его счастье, думаю, что, пожалуй, упустил свое собственное. Если бы мне снова предложили то, что я утратил в лице Эдмэ, уж я бы не промахнулся. Прощай, друг мой.

ПИСЬМО LXXXI

2 сентября

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

В этом письме он полностью раскрывает замысел, о котором можно догадываться по предыдущему

Сам не знаю, что со мною, любезный кузен; тоска, печаль, безысходная меланхолия томят и угнетают меня. Я стал отказываться от веселых ужинов в предместье Сен-Мартен; конец прогулкам на острова[53] с нашими доступными красотками; все это теперь мне противно и, даже находясь в обществе Мадлон, я мог бы подумать, что окончательно пресыщен, если бы некоторые другие предметы не волновали мое сердце с та-

[53] Примечания: 1.53

Прелестные островки на реке Ионне в окрестностях города; они покрыты деревьями, благодаря чему гуляющих не видно с берега.

ким неистовством, которое доказывает, что оно не совсем утратило былой пыл.

Госпожа Парангон, по-видимому, избегает меня столь же старательно, как я избегаю всех. Когда мы в обществе людей, ей приятных, она со мною столь ласкова, что лучшего и желать нельзя; если же я застаю ее одну, ее взор становится строгим; это уже другая женщина, и я трепещу перед нею. Однако у меня немало причин желать, чтобы она рассеяла мои сомнения... Ах, друг мой, какая глубокая рана!.. Но можно ли пылать неукротимой страстью одновременно к двум женщинам? Нет, не могу в это поверить. Кузину я люблю, я обожаю ее; она, по ее словам, хочет быть хранительницей моей нежности впредь до того, как передаст ее своей сестре... Но, друг мой, от этакого фидеикомисса никому не легче... Сейчас ты меня поймешь.

После замужества Эдмэ стала еще в тысячу раз обольстительнее: Бертран, обожающий ее и по-прежнему пылкий в своих желаниях, всячески поощряет ее одеваться как можно лучше и соответственно ее красоте... Я все время с нею... постоянное присутствие и непринужденность в обращении открывают предо мною все новые и новые ее совершенства; ее очарование, ее до-

стоинства превосходят отменное впечатление, которое у меня было раньше... Да что говорить! Преступное пламя прорывается во мне помимо моей воли... И вместе с тем я обожаю кузину — и я сознаю, я чувствую, что люблю ее одну, что всегда любил только ее. Желания, которые будят во мне другие, лишь отсветы этой страсти. И доказательством, друг мой, служит то, что, когда я вижу госпожу Парангон, я сразу забываю все чары остальных... Ты, вероятно, потешаешься над моим состоянием. Ах, лучше скажи, как мне из него выпутаться: посоветуй, как склонить самую пленительную и самую строгую женщину, как уговорить ее удовлетворить неистовые желания, которые она возбуждает в своем поклоннике? Неужто природа станет противоречить себе самой? Неужто она наделила одно и то же существо всем, что повергает в любовное опьянение, и сердцем, неспособным испытать его упоительные восторги! Нет, это значило бы превратить свое прекраснейшее создание в чудовище, а если такое чудовище действительно существует, нужно его исправить... Не знаешь ли ты средства? Скажи! Колдовство, магия (если они существуют)... все готов я испробовать... А лучше всего, научи меня искусству обольщения, которым сам

обладаешь... Она ласкова, знаю. Но добродетель извратила в ней это похвальное качество, и мне слышится, как она говорит словами мольеровской недотроги[54]:

Отказом вам нельзя назвать мои стремленья

Наполнить красотой меж нами отношенья,

Старанья им придать такую чистоту,

Что истинной любви явила б красоту.

Но для меня вам мысль, как видно, трудно было

Очистить от страстей, отнять у низкой силы.

Ужели чистая вам близость не мила,

Когда сливаются в нас души — не тела?

Ясно, что эти превосходные чувства не внушены природой; это бред восторженного воображения, а вовсе не добродетель. А вдруг добродетель? Тогда я воскликну: «Сколь дорого обходится добродетель! Отказываюсь от нее, такой ценой не

---

[54] Примечания: 1.54

«Ученые женщины», действие IV, явление 2. *Перевод М. Тумповской.*

хочу ее приобрести!»

Но оставим эту тему, она повергает меня в печаль. Скажу тебе, что я только что возвратился из С*** с кузиной, двумя здешними братьями и опасной Эдмэ. Мы были на свадьбе старшей сестры, славной девушки, истинного автомата, которая выходит замуж без любви, без ненависти; сразу же после венчания она скромно почла себя служанкою мужа, а он — толстокожий крестьянин, работяга, заботливый хозяин, любит винцо, но пьет мало, ибо предпочитает его продать; дни отдыха он проводит не в радостях любви, а в проверке счетов, в обходе пашен, виноградников, в обдумывании необходимых работ и т. п. И вот, представь себе, любезный друг, мне кажется, что эти-то люди, эти своего рода блуждающие растения, и будут счастливы! Да, они счастливы, ибо невозможно, чтобы муж стал менее ласков, а если и станет, то жена этого не заметит; нельзя допустить, чтобы она чего-то требовала, чем-то распоряжалась, что-то расходовала; они в первый же день показали, что они собою представляют и, конечно, останутся себе верны. Госпожа Парангон завидует их участи, их образу мыслей, их чувствам... Поистине, завидовать-то должен был бы я!..

И вот еще: мы наблюдали здесь зрелище зарождающейся страсти во вкусе моего нового зятя. Следующему за Бертраном брату — зовут его Огюстен-Никола — приглянулась сестра Марсиньи (то есть мужа моей старшей сестры). И как же, думаешь ты, проявилось это предпочтение? Ухаживанием? Знаками внимания? Отнюдь нет! Тем, что он танцевал охотнее всего с нею? Нет, большей частью он приглашал другую. Далее, он ловко похищал и прятал от нее незамысловатые ее украшения; стоило ей только сорвать несколько плодов, как он бросался и отнимал их у нее; он разговаривал с нею сугубо важным тоном; в ее присутствии он старался казаться степенным и благоразумным, не в пример прочим парням. По этим недвусмысленным признакам все решили, что ласковый Огюстен-Никола неравнодушен к Жанетте Марсиньи. А когда заметили, что Жанетта отвечает ему на «вы», меж тем как он говорит ей «ты», то из этого сразу заключили, что и Жанетта неравнодушна к Огюстену-Никола.

Таких вещей мне еще не случалось наблюдать, и они весьма меня позабавили бы, будь я сам в ином положении. Но у меня на душе слишком скверно, чтобы что-то внешнее могло потешить меня.

Сестра моя Кристина тоже покорила юное сердце. Кристина очень мила, у нее тонкие черты и робкие манеры. Завоевала она молодого человека, нашего дальнего родственника, причем отец его — закадычный друг нашего батюшки. Друг этот арендует землю у сеньора и вдобавок он — сельский писарь. Сына своего он определил в город, к прокурору, и теперь сын, недавно вернувшийся в деревню, обладает званием стряпчего казенных дел. Такого возлюбленного Кристине и надобно было: как это бывает с нашими поселянами, парень понабрался в городе галантности, которая идет рука об руку с деревенским бахвальством. Думаю, что если бы Батист (так его зовут) увидел сестру на другой же день после возвращения, то его поведение и повадки были бы не так нелепы; но довольно скоро он утратил самоуверенность, и теперь у него повадки не то деревенские, не то городские, так что не скажешь, кто он такой. К счастью, было несравненно меньше людей, замечавших его замешательство, чем его поклонников. Короче говоря, он очень понравился, все девушки на выданьи завидовали счастью Кристины, и я заметил, что все они не менее кокетливы, чем городские; мне показались весьма опасными способы, прибегая к которым,

они пытаются отбить кавалера у соперницы; они стараются превзойти ее в скромности, в сдержанности, в изяществе, в обходительности, тщатся выказать большое трудолюбие и лучшее умение вести хозяйство. В довершение всего, они ловко злословят о подруге, выказывая притом величайшее отвращение к злоязычию и пустой болтовне. Батист почел Кристину для себя вполне подходящей, быть может, столь же из тщеславия, сколь по влечению сердца: ему лестно породниться с нами.

На третий день празднества господин Батист, вспомнив, что в городе влюбленные назначают друг другу свидания, решил воспользоваться тем расположением, которое ему выказывали, и непринужденностью в обращении, и добиться от Кристины тайного свидания. Он высказал свою просьбу. Другая сторона колебалась. Ему ответили не сразу; при первой же возможности ко мне обратились за советом — не осведомляясь, дурно ли это, — такая мысль и в голову не приходила, — но желая знать: как в городе? Не вредит ли подобная вольность доброму имени девушки? Сам догадываешься, каков был мой ответ: самый суровый янсенист не мог бы ответить строже. Я так застращал бедную Кристину, что она теперь,

вероятно, никогда в жизни не пойдет ни к кому на свидание. Подобное решение вопроса сразу же дало добрые плоды: получив отпор, Батист почувствовал к сестре еще большее уважение, так что в скором времени предстоит еще одна свадьба.

Знаешь ли ты, что после моего приключения с Лорой здесь считают меня до крайности опасным для девочек нашей деревни и всей округи? Маменьки запретили своим мало-мальски привлекательным дочкам беседовать со мною с глазу на глаз, и, не будь у меня множества забот, мне пришлось бы изрядно скучать или же довольствоваться дурнушками. Хоть я ничего и не собирался предпринимать, мне все-таки стало обидно, что мою сдержанность не оценивают по достоинству, и мне не раз хотелось одурачить почтенных матрон в отместку за их оскорбительные предосторожности. Однако я никому не отомстил, и теперь доволен этим.

Ты видишь, что, вдаваясь в такие ничтожные мелочи, я просто-напросто пытаюсь бежать самого себя. Но печаль вскакивает на коня и гонится за мною по пятам.

ПИСЬМО LXXXII

10 сентября

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Предосудительные советы, которым, однако, послушно следуют

Благородный муж! Итак, ты дошел до точки!.. Великолепные планы, возвышенные размышления, восхитительные теории... а практика по Годэ... Да что я говорю? Ведь у тебя не было обдуманного, подсказанного осторожностью плана, и если ты сейчас готов осуществить мои пожелания, то тебя довела до этого, с одной стороны, неуемная страсть, а с другой — опасение допустить серьезную оплошность... Словом, как бы то ни было, ты сдаешься. Послушай же, Эдмон: ты любим, любви все прощают. Дерзай же, малодушный юноша! Дерзай и будешь прощен. Но тщательно выбери подходящий случай, предусмотри все подробности, подготовь падение так, чтобы, вызвав его, оказаться в ее глазах достойным прощения, увлеченным, не совла-

давшим с соблазном. Ах, если бы ты только мог представить себе, какие утехи доставит тебе твоя совестливая кузина! Сколько упоительных побед ты одержишь, покамест ее робкая душа будет предаваться искреннему, неутихающему раскаянию. Какое ты узришь отрадное сочетание падений и раскаяний, слез и любовных вздохов! Нет, нет, друг мой, все женщины, которых ты знал до этого, — ничто; любая прекрасная тихоня превзойдет их всех, а ведь кузина не что иное, как очаровательная недотрога... Да что толковать, ведь тебе не воспользоваться всем этим, — вижу заранее, убежден. Тебе недостает опытности, а она, к сожалению, добывается только ценою глупостей и промахов... Счастлив тот, кому удается еще в юности обогатиться опытом... Тебе не вредно было бы иметь меня под рукою. Думаю, что мне удастся приехать. Друг мне дороже тех удовольствий, которых я лишусь. Сладостное чувство искренней дружбы равноценно любым утехам и может заменить их.

Не стану осуждать тебя за другую твою страсть; мне кажется, что с тех пор, как ты мне признался в ней, ты сам ее преодолел. Здесь угрызения совести не могут породить наслаждения, они породят только стыд. Да и станет ли Эдмэ слушать

тебя? Неужто ты возьмешься развращать ее? Ты ведь знаешь, что у таких, глупо-добродетельных девчонок никаких других достоинств нет, и им никогда не сменить унылые добродетели на милые пороки, как это удается Мадлон, прекрасной Виль***, резвой Мон***, величественной Ти***, чернобровой и ослепительной Л***, заносчивой Бер*** отменной чистюле, которая заставляет кухарку мыть монеты, принесенные с рынка, и в то же время не брезгует принимать... И вереница других! Оставь брату, созданному для прозябания, его любезную овечку — сколь многие ждут тебя в других местах! Да, я не сомневаюсь, что в столице тебе заготовлены венки из мирт, цветов Венеры... Но госпожи Парангон надобно добиться: она возвысит твое сердце, а победа над нею изгонит из него нелепое благоговение перед женской добродетелью; да, пыл этой чувствительной женщины выжжет твою предосудительную склонность к дурацкой нежности, осушит твою деревенскую слюнявость; словом, победив ее, ты станешь прелестнейшим мотыльком, порхающим по цветам любви. Ужели после нее ты с другою женщиной опять станешь нежничать? Нет, друг мой; поко-

рив ее, ты преодолеешь nec plus ultra[55] женской добродетели и тем самым унизишь весь женский пол... Прощай! Я сам себя подвожу, — ведь Лора видит, что я пишу, и намерена соперничать с госпожой Парангон... Ах, любезная Лорета, конечно, вы ее превосходите, особенно в очаровательном искусстве возбуждать и распалять желания... Кончаю, а то на меня обидятся, уже час, как меня ждут, чтобы *повторить пройденное.* Целую тебя миллион раз, а мои дружеские чувства превосходят всякое измерение.

ПИСЬМО LXXXIII

12 сентября

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Неистовство, опасное и для того, кто им охвачен, и для той, на которую оно обращено

Поневоле приходится прибегать к письму, раз Вы меня избегаете... раз ненавидите меня. Но в чем мое преступление? Что я бросился к Вашим ногам? Что поцеловал Вашу руку, что припал к

---

[55] Примечания: 1.55
Высшую степень *(лат.).*

ней, обливаясь слезами нежности и скорби, что коснулся нечаянно... именно нечаянно места, где бьется сердце, которое я обожаю и... в котором... казалось мне порою и я занимаю некоторое место?.. Вот все мои преступления. Вы встали; суровый взгляд; слезы... Я не заслужил такой суровости, не заслужил! Намерения мои были вполне невинны. Ужели я могу, ужели захочу, ужели посмею лгать Вам? Вам, *Вам,* моему божественному другу! Ах, прелестная кузина, значит, Вы уже не верите мне, не считаете меня больше своим другом?.. Жестокая! Вы боитесь не поражения (ибо вполне уверены в себе)! а боитесь утолить муки несчастного, который вручил Вам свое сердце и никак не ожидал, что Вы пренебрежете этим даром!.. Кончаю: скорбь душит меня... Да, я обожаю Вас, хоть и гибну от Вашей непомерной суровости: настанет день, когда Вы будете оплакивать несчастного и нежного Эдмона.

ПИСЬМО LXXXIV

13 сентября

Ответ

решительный, но неосторожный; любовь дает себя знать

Я оплакиваю тебя уже теперь, юный безумец. Душа у тебя лживая, я тебя разгадала... Несчастный! Твой друг — дурной человек!.. Ах, Эдмон! Возможно ли!.. Но как еще сомневаться? Я прочла твое письмо, и то, которое прислал тебе в ответ подлый Годэ... Что же такое твое сердце? Недостойное вместилище преступных намерений, предосудительных желаний... Я возмущена, да, возмущена до глубины души... но в тысячу раз больше — удручена... О боже, как жестоко караешь ты меня!.. Струитесь, слезы, струитесь над человеком самым любимым и самым недостойным любви!.. Эдмон! Если бы Вы захотели, какие восхитительные и невинные дни даровали бы Вам дружба, любовь и природа! Но Вы не хотите, жестокий! Вы все отравляете!.. Слушайте, человек слабый, сердце малодушное, которому суждено в скором времени окончательно развратиться, слушайте: если Ваши мерзкие желания нельзя побороть... О боже, что я чуть было не сказала... Но довольно рассуждений. Если ничто не в силах

остановить Вас, я знаю лекарство и, как оно ни ужасно, я прибегну к нему. Мне легче умереть, чем потерять к Вам уважение... Выбирайте.

ПИСЬМО LXXXV

На другой день после предыдущего

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Эдмон, в отчаянии от содеянного им, проклинает своего совратителя, но тут же отказывается от своих слов

Жаль, что тебя нет здесь и ты не видишь, что натворил! Жестокий человек, враг всяческой добродетели, жаль, что тебя здесь нет и ты не можешь дьявольски радоваться при виде умирающей жертвы твоего гнусного наущения и при виде неистового безумия подлого исполнителя, которого ты подстрекнул! О чудовище! Да воздаст тебе небо за все зло, которое ты нам причинил! Проклинаю тебя... а еще больше проклинаю себя самого! Да постигнут меня все муки, все кары, все мучения, которые небесное правосудие обрушивает на подлецов... Пусть стану я бродягой,

изгнанником, отверженным, омерзением для всех... И пусть моим безмерным мукам дивятся люди, и ты в том числе... Да, я хочу, чтобы моим страданиям не было конца... О преступление, сколь горьки твои плоды!

Послушай, кузен. Если, как я. думаю, твои дурные советы были внушены только желанием мне услужить — прощаю тебя. Но больше таких советов не давай — и торопись мне на выручку! Прощай[56].

Конец третьей части

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПИСЬМО LXXXVI

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

[56] Примечания: 1.56

Ответ Годэ я некогда читал, но впоследствии его не обнаружил: Годэ старался успокоить Эдмона, соглашаясь с ним, так что, к несчастью для моего бедного брата, они помирились. Разъяснение вышеприведенного письма читатель найдет в последующем.

Ужасающий пример для женщин добродетельных. Недозволенная любовь всегда превращает наиболее честного из любовников в раба и жертву другого

Не приезжай, друг мой; я оценил силу и основательность твоих доводов; прости, прости запальчивость, проявленную мною в предыдущем письме... я был вне себя... Спешу к тебе, хочу припасть к твоей груди... Да, мне не остается ничего другого, как бежать... Я был бы счастлив, если бы мог бежать самого себя!.. Выслушай, любезный кузен, выслушай то, чего я не мог рассказать тебе намедни.

Предмет моего поклонения прочла мое письмо от второго числа, ей попался и твой ответ. Из ее записочки, посланной в ответ на мою[57], убийственной и вполне мною заслуженной, я узнал об ее намерениях, из ряду вон выходящих и способных отрезвить меня (суди сам, я пересылаю тебе ее письмо). Преображенный, или, вернее сказать, крайне смущенный, я бросился к ее ногам с намерением отказаться от всего, что в моих чувствах могло возмущать ее. Она была

---

[57] Примечания: 1.57
Это письма LXXXIII и LXXXIV.

бледна, вся трепетала; слова мои успокоили ее; из ее прекрасных глаз полились слезы. Ах, как они растрогали меня!.. Затем мы поговорили. Она проявила ко мне всю снисходительность, какая только согласовывалась с ее взглядами. Я был счастлив. Казалось, беседа с нею, ее суждения вполне вернули невинность моей заблудшей душе.

Но беседа наша затянулась: желания вновь глухо заговорили во мне и опьянили меня прежде, чем я успел осознать их; взор мой горел; руки, пылающие, мятущиеся, сначала касались лишь ее платья; вскоре они завладели ее рукой, они сжимали ее, она сама сжимала мои... Устоять после этого было свыше сил человеческих!.. Я прижался лицом к ее коленям и вскричал: — Неужели вы обрекаете меня на танталовы муки!.. Жестокая, вы хотите видеть меня умирающим и испепеленным!.. Вам известно могущество ваших чар, вам оно слишком известно, чтобы вы не представляли себе всю глубину моих страданий... Но — я знал это — самая добродетельная женщина не что иное, как утонченная кокетка, она желает, чтобы жертвы чахли у ее ног, желает, подобно кровожадному тирану, наслаждаться зрелищем их пытки, внимать их стенаниям и упиваться

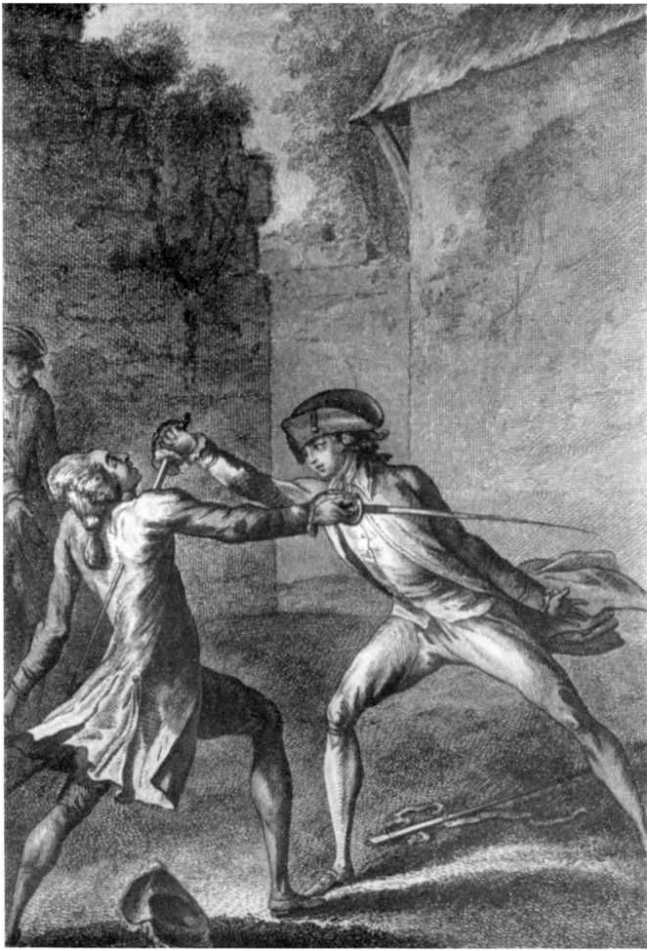
ими. Будь проклята добродетель (если быть добродетельной — значит быть похожей на вас), порок в тысячу раз привлекательнее... Она прикрыла мне рот рукою. Ах, что за восхитительное прикосновение!.. Секунду спустя я продолжал: — Что же, по вашему, мне делать в том состоянии, до которого вы меня довели?.. Я готов любыми средствами разбить мои оковы. Я готов на что угодно, лишь бы освободиться от них — пусть то будет порок, преступление... да, преступление... и отвечать за мои безумства будете вы... И ради кого вы превращаете меня в несчастнейшего из смертных? Ради мужа... который не заслуживает ни вашего, ни моего уважения. Какие, скажите на милость, у него права?.. Она ласково ответила: — Те самые, каких со временем будете требовать вы... Ах, я и без того уже слишком пренебрегала этими, вполне законными, его правами, и не скрываю от самой себя своей вины... О кузен! Неужто вы хотите, чтобы угрызения совести сменились у меня полным отчаянием?.. Но этого еще мало: я предназначаю вас для сестры. Оставим на миг в стороне религию и законы. Друг мой, неужто вы хотите, чтобы я, кроме того, заглушила в себе естественное чувство и представление о благопристойности? Могу ли я удовлетворить

ваши желания, не став подлой, презренной, самой последней, самой бесстыжей из женщин? Будьте же великодушнее! Любезный Эдмон, если я позволила себе любить вас, так только как брата; я начала радоваться чувству, которое вы внушили мне, хвалить себя за него лишь с тех пор, как убедилась, что искренне хочу, чтобы вы стали мужем Фаншетты. Я хочу, чтобы вы были счастливы... О, это самое заветное мое желание! Но я хочу, чтобы счастьем вы были обязаны моей сестре. Идти иным путем значит стать преступницей, опуститься до уровня падших женщин, которые отдаются...

Видя, что я собираюсь заговорить, она горячо продолжала: — Подождите. Если вы действительно так деликатны, как я всегда думала, то существует довод, который должен убедить вас, этот довод, чувствую, показался бы ничтожным всякому другому; но если и на вас он не произведет впечатления, то я потеряю к вам уважение. Довод следующий: господин Парангон порой пользуется правом, которое он имеет надо мною. То ли новый наряд, то ли привлекательное дезабилье, то ли — почем знать? — желания, возбужденные другими женщинами, но порой в нем вспыхивает внезапное вожделение... Так

ужели же вы, Эдмон, при вашей деликатности, согласились бы делить... Такая мысль мне отвратительна, и вас она должна приводить в ужас... Друг мой, если бы я принадлежала вам, то хотела бы принадлежать безраздельно... Да что я говорю? Моя щепетильная нежность требовала бы еще большего — мне хотелось бы, чтобы вы вообще были единственным, которому... Даже будь я вдовой, я почитала бы себя недостойной вас... Фаншетта, моя сестра, — вот кто вас достоин, в ее лице я по-своему и буду счастлива... Если бы вы только знали, как мне хочется внушить ей любовь и нежность к вам!.. Так ли долго остается ждать? Ей двенадцать, года через два она может стать вашей женой, мы заживем вместе все трое, а может быть и четверо, раз Юрсюли, за которою советник ухаживает все настойчивее, предстоит жить вместе с нами...

Похищение Юрсюли



Эдмон мстит за сестру

Ее речь околдовала меня; я был во власти безбрежной нежности и становился менее предприимчивым. Я стал уверять ее, что буду благоразумен, и она поверила в мою искренность (я и был искренен, друг мой). Я стал называть обожаемую не иначе как сестрою и, охваченный порывом, в котором не давал себе отчета, я отважился на поцелуй, воображая, что это поцелуй братский. Кузина, став доверчивей, ответила на него. Роковой поцелуй! Он положил конец затишью, и за ним последовала неистовая буря. То была не любовь; нет, друг мой; не сладчайшее из всех чувств завладело моим сердцем; то было отвратительное исступление, своего рода бешенство; разум, пристойность, самое простое уважение, даже чувство жалости — все было мною растоптано; я не пощадил ничего — ни стыдливости, ни изысканности самой прекрасной и самой почтенной из женщин. Ни слезы ее, ни отчаяние уже не трогали меня. В исступлении своем я с омерзительной грубостью насиловал, осквернял хрупкое тело, чарующую красоту, достойную только поклонения и ласки... Применить насилие!.. Боже мой! А я применил его... и к кому? И кто жертва этого отвратительного злоде-

яния... Та, которую я чту, как никого на свете...

Когда я окончательно восторжествовал над измученной, умирающей женщиной, послышались шаги господина Парангона. Куда бежать, где спрятаться? Я скользнул за полог кровати. Появляется муж, он видит жену в беспорядке, хоть и не представляет себе причины. Он думает, что она плакала, сокрушалась об обидах, которые он обычно причиняет ей. В сердце его закрадывается жалость, он встревожен ее опасным состоянием. А я, я был к ней неумолим! Он начинает утешать ее! А я довел ее до отчаяния! О боже! У меня не было даже того оправдания, какое бывает у развратников, считающих, что сопротивление женщины — только притворство, и что, доводя женщину до крайности, мы только угождаем ей. Нет, у меня не было и такого оправдания! Но как поведать тебе, друг мой, о дальнейшей сцене!..

Очнувшись, она никак не могла прийти в себя: беззлобная голубка безумствовала, негодовала, хотела разорвать в клочья все вокруг. Муж подумал, что она лишилась рассудка, он всех нас созвал; в этой сумятице мне удалось незаметно выйти из укрытия; но, несмотря на совершенное мною преступление, я не в силах был удалиться: тревога превозмогала стыд...Вскоре комната

наполнилась соседями и друзьями дома — все они обожают кузину. Недомогание ее они объясняли жаром (и в самом деле жар у нее был очень сильный). Пришли врачи и люди ученые, прописали лекарства. Улучив момент, я сказал Клодоне (девушке, которая прислуживает здесь после того, как госпожа Луазо раскрыла свое истинное происхождение), чтобы она ничего не давала хозяйке без моего ведома. Славная девушка обожает кузину (такова судьба всех, кто к ней приближается); зная с каким доверием хозяйка относится ко мне, она обещала ничего не давать ей без моего распоряжения. Я трепетал, друг мой, при мысли, что люди эти дадут ей какие-нибудь средства, которые убьют ее. Но вот что разрывает мне сердце и обостряет мои угрызения: я — единственный во всем доме, из чьих рук она соглашается что-либо принять, единственный, кого она слушается; порою она целует мне руки, шепотом умоляя, чтобы я пощадил ее честь... В минуты самого острого бреда, если я целую ее, она улыбается, прижимает меня к сердцу, как бы призывая вновь нанести ей обиду... Увы!.. Неужто можно опасаться, что разум не вернется к ней?.. Третьего дня, будучи в отчаянии, что она все в таком же положении, я стал на колени возле ее

ложа и, словно она могла внимать мне, принес ей клятву, что никогда больше не совершу того, что так огорчило ее. Она, казалось, слушала меня с радостью; из глаз ее полились слезы, но уже более спокойные. Обрадованный этим слабым успехом, я повторил свои уверения; я принес клятву самому Создателю. С той минуты ей становилось все лучше и лучше. Наконец, сегодня рассудок вернулся к ней... И первое, что она сделала, первое, друг мой (о, безысходное горе!)... она шепотом приказала мне удалиться и показываться ей на глаза не иначе как на людях. Ах, любезный кузен! Какое возмездие! Оно ужасно для человека с таким сердцем, как мое... Надо удалиться, броситься в твои объятия, и, быть может, умереть у тебя на груди...

ПИСЬМО LXXXVII

ОТ ГОСПОЖИ КАНОН К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Несчастье, которое повлечет за собою пагубные последствия

Боже мой! Вы и не представляете себе, любезная племянница, что произошло! Юрсюль похити-

ли! Похитил ее маркиз, тот самый, которого Вы знаете; да, тот самый — некрасивый, чуточку горбатый, который как-то предложил нам свою карету. Так вот, когда мы вышли намедни погулять на бульвар, он опять к нам подошел; я попросила его оставить нас. Он удалился, но, когда мы возвращались, нас на улице Бийет окружили какие-то люди, они были одеты как крестьяне и ссорились между собою. Они как звери — да они и впрямь звери — бросились к нам и нас разъединили: Фаншетта схватила меня за руку, а Юрсюль, которая шла впереди, они стали подталкивать к карете и силою втащили ее туда, а там уж — гони, возница!.. Как только все это разыгралось, крестьяне сгинули. Я стала кричать, Фаншетта плакала; к нам подбежали прохожие, появились стражники, но Юрсюли и след простыл. Произошло это несчастье в пять часов вечера, когда было еще совсем светло. Приезжайте поскорее, любезная племянница, ибо я сама не своя. Прихватите с собою Юрсюлиного брата, он многое может сделать при помощи своего друга, отца д'Арраса, — тот знает Париж как свои пять пальцев. Боже мой! В каком состоянии нам вернут ее? Бедная девочка, любезная крошка! Если бы Вы только знали, как Фаншетта горюет о ней,

жалость берет смотреть, — ведь Фаншетта уже не ребенок. Кланяюсь Вам, любезная племянница. Торопитесь, если дорожите жизнью своей тетки

вдовы Канон.

ПИСЬМО LXXXVIII

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Ложное понимание чести — следствие развращенности сердца

Я уезжаю с кузиной. Сестру мою похитили. Беги, спеши к госпоже Канон, расспроси, действуй, не пренебрегай ничем, ничего не упусти. Ах, друг мой, все забыто, всему конец — и желаниям, и угрызениям совести. Даже сама кузина все забыла — она помышляет лишь о своей подруге. Я киплю гневом, я взбешен... Как я жажду мщения! Смерть — пустяк, лишь бы отомстить, лишь бы обагриться кровью подлеца... Я весь в огне, он пожирает меня... Отец д'Аррас читает мне какие-то проповеди... Нашел время проповедовать! Отмщение или смерть!

ПИСЬМО LXXXIX

Из Парижа, октября 10 дня

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он сознает свою вину перед Юрсюлей

Сестра нашлась, друг мой. Но пожалей Юрсюль, пожалей несчастного Эдмона! Бегство виновника и распоряжения властей лишили меня возможности отомстить... О, братец! Выведет ли мое перо то, что я должен тебе написать? Юрсюль обесчещена, она умирает... Она не лишилась целомудрия, но утратила невинность... Это я, я виновник ее несчастья! Быть может, именно мои преступления и обрушили беду на ее голову!

Отец д'Аррас обнаружил убежище маркиза; он сообщил об этом господину Годэ, который, по собственному почину, выхлопотал соответствующее распоряжение, освободил и вернул Юрсюль... Но он вошел при этом в недостойную сделку. Он вынудил семью маркиза тут же вручить носильщику сверток с разными вещами на сто тысяч экю; кроме того, он дал сестре под-

писать документ, снимающий с маркиза вину, — в этой бумаге утверждается, будто маркиз ее не похищал, будто он встретил ее случайно и пригласил в свой замок, где оказал ей лишь обычные знаки внимания как всякий действительно влюбленный человек, стремящийся получить желаемое, и т. п. Юрсюль подписала бумагу, сама не зная, что в ней содержится, а господин Годэ, как видишь, вторично принес в жертву честь бедной девушки. Но, по его словам, поведение его вполне оправданно (да, надо сказать, и все того же мнения). По-моему же, тут нужна кровь, и я ее добьюсь... Опасаясь, как бы я с негодованием не возвратил маркизу плату за позор Юрсюли, кузен поспешил купить на ее имя поместье еще прежде, чем сообщил мне о сделке. Зло причинено, говорит он; потребовав столь значительную сумму за молчание Юрсюли, он имел в виду не только ее благосостояние, ее обеспечение, а хотел сгладить в глазах общества и знатного семейства ту разницу в происхождении и в общественном положении, которая разделяет сестру и маркиза. Сто тысяч экю — приличное приданое и в случае, если покушение будет иметь последствия, если сын предъявит законные права...

Восхитительные доводы! Да ведь Юрсюль во-

все не желает, чтобы подобные предположения подтвердились. Бедная девушка пребывает в таком состоянии, которое тронет даже самых бесчувственных; одна только госпожа Парангон и могла вернуть ее к жизни, влияние ее чарующих уговоров уже дает себя знать. Мадемуазель Фаншетта не отстает от нее. Как высоко ценит мое сердце заботы и внимание кузины! Она делит их между сестрой и мною, все время следит за мною, следит за каждым моим шагом и, едва я соберусь удалиться, она удерживает меня.

Что же еще сказать тебе, братец? Скажу, что господин Годэ — друг деятельный и принимающий молниеносные решения, что пороки его ужасают меня, а достоинства приводят в восторг. Кузина называет его чудовищным вместилищем всевозможных противоречий, она ненавидит и уважает его, боится и стремится с ним сблизиться. А Юрсюль, знающая его не так хорошо, называет его не иначе, как своим ангелом-хранителем. Госпожа Канон сокрушается, что не обратилась прежде всего к нему... Оберегай наших родителей, расскажи им лишь о благополучном исходе...

Когда я заканчивал письмо, в комнату вошел советник. Он каким-то образом узнал о нашем горе и прибежал предложить денежную помощь.

Теперь в ней уже нет надобности. Состояние сестры вызвало у него искренние слезы. Но всего он не знает. Мы хотим скрыть от него самое прискорбное, что есть в этой истории, я это одобряю и даже кузина соглашается, ибо речь идет о несчастьи, а не о заблуждении. Дай бог, чтобы не было последствий, которых мы опасаемся.

Прощай, хороший мой.

ПИСЬМО XC

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я сообщаю ему о приезде сестры

Любезный братец, мы только что встретили здесь госпожу Парангон, нашу бедную Юрсюль, мадемуазель Фаншетту, госпожу Канон и отца д'Арраса. Родители встретили первую как некое божество, перед которым они преклоняются (если позволено так говорить о земном создании), — до того почтительно выражали они свою признательность. А что касается сестры, то ты сам лучше себе представляешь, чем я могу описать, как трогательно они к ней отнеслись, да и мы все тоже. А что до мадемуазель Фаншетты, то

она — истинное сокровище и мы все очарованы ею. Что же касается отца д'Арраса, то матушка почитает его за святого. Должен сказать тебе, что то, что случилось с Юрсюлью, вызвало последствия, которых ты и опасался, и ее недомогания уже возвещают о них. Вот горе для всех нас! А что касается господина советника, то скажу тебе, что вчера он приходил и заперся с госпожой Парангон, нашей матушкой, Юрсюлью и госпожой Канон и что ему все открыли и дали все объяснения. Он очень плакал, но, в конце концов, сказал, что это ничего, раз было насилие.

Он одобрил, что мы не возбудили дела и сказал, что, прежде чем все обнаружится, сестре нужно вернуться в Париж, потому что там легко будет все сохранить в тайне. Он предложил жениться на Юрсюли, как только она поправится. О деньгах тогда еще не было разговора, о них сказал ему, с позволения госпожи Парангон, отец д'Аррас. Сначала он осудил, что приняли деньги, но, когда узнал, как господин Годэ устроил дело (без ведома сестры и ее родственников), он очень похвалил его. Во всем этом есть нечто весьма огорчающее батюшку и славную нашу матушку, а именно, что Юрсюль возвращается в Париж. Им кажется, что это все равно, что снова бросить овечку в волчью

пасть. И я тоже так считаю. Вот все, что я могу тебе сообщить, любезный мой Эдмон, да разве еще то, что жена принесла мне дочку и что она целует тебя и советует тебе сторониться негодяев, которых немало там, где ты обретаешься. Брось ты этот зловредный Париж, как только сможешь, любезный Эдмон. Я так же опасаюсь его для тебя, как и для Юрсюли.

ПИСЬМО XCI

ОТ ЭДМОНА К ОТЦУ Д'АРРАСУ

Он радуется тому, чему, казалось бы, не следовало радоваться

Ужели это правда, любезный отче? Ужели бесценный кумир моего сердца... Ужели преступление, совершенное лишь частично и за которое Вы так корили меня, — ужели оно будет завершено?.. Неужели невинное создание свяжет меня с ним сильнейшими и сладчайшими узами?.. Следите за всеми ее поступками; поддерживайте ее решимость, успокаивайте ее. Здесь-то, любезный отче, Вы с большей пользой, чем в отношении меня, можете применить все то утешительное,

что заключает в себе религия. Любезный д'Аррас! Берегите сокровище, доверенное мною Вам, — от этого зависит мое счастье. Прочь все мысли о женитьбе, теперь они, сами видите, рухнули навсегда. С тех пор как Вы сообщили мне эту благодатную весть, я не в силах скрывать свою радость и Лора, замечающая чудесную перемену, происшедшую во мне, приписывает ее любовному успеху, который я от нее якобы скрываю. Она права, это действительно успех, но далеко превосходящий все, что она может себе представить... Любезная кузина!.. Теперь прочь все угрызения! Естественное чувство, любовное пламя должно их испепелить...

Пишу Вам эту краткую записку наспех, у Лоры. Она кланяется Вам. Не теряйте надежды, что со временем она воспользуется Вашими уроками.

ПИСЬМО XCII

1752 г.

ОТ ЭДМОНА К РОДИТЕЛЯМ

Он меняется, увы!

Но стоит ли ему радоваться перемене?

С каждым уходящим годом все меняется вокруг меня, меняюсь и я сам. Сколь отличны обстоятельства, в которых я нахожусь сейчас, от прошлогодних! Теперь у меня совсем другое отношение к окружающему, совсем другой образ мыслей, день ото дня мне кажется, будто непроницаемая завеса спадает с моих глаз. Позвольте мне, любезные родители, поделиться с Вами новыми моими знаниями. Не будь Ваших милостей, я и сейчас еще пребывал бы в невежестве и занимался бы пустяками, в пристрастии к коим Вы не раз меня попрекали. И не бывает, любезный батюшка и добрейшая матушка, такого дня, чтобы я не возносил к небу мольбы о Вашем благополучии. Да продлит создатель Вашу жизнь на долгие годы и после того, как Ваши родительские заботы окажутся уже излишними для Вашего семейства.

На этом заканчиваю письмо, ибо меня призывают мои обязанности; передайте любезным братьям и сестрицам (особливо старшому), что я питаю к ним и всю жизнь буду питать самые дружеские чувства. Дай бог, чтобы за сим при-

ветственным письмом последовало еще много других!

(В том же конверте находилось письмо ко мне, в котором он рисует картину парижской сумятицы и рассказывает о том, что его особенно поразило).

Так как мне, пожалуй, долго не придется писать тебе, любезный старшой, то я пользуюсь досугом, чтобы поделиться с тобою кое-какими подробностями, которые были неуместны в письме к нашим любезным родителям. Я в Париже; для провинциала это совершенно новый мир; он менее похож на наши маленькие городки, чем последние — на деревню. Пока что я расскажу тебе лишь о внешней его стороне, о том, что наиболее поражает взор.

Париж — огромное скопище всевозможных строений, образующих несколько прекрасных улиц и множество других, весьма непривлекательного вида; воздух тут самый вредный; с одной стороны, тут изобилие, не вызванное необходимостью, с другой — скудость, создающая нестерпимые неудобства; какая-нибудь улица в пустынном квартале, где не проезжает и трех карет в день, имеет ширину в сорок футов, меж

тем как другая (например, улица Юшет, один из самых людных проездов) — шириною менее пяти футов, так что тут тебе то и дело грозит попасть под колеса. Несмотря на старание держать улицы в чистоте, по правде говоря, нельзя представить себе ничего грязнее некоторых кварталов; зловоние, которое они распространяют, под силу выдержать только привычным обитателям. Зато в других кварталах встречаются роскошные дворцы, блещущие изяществом и изысканной архитектурой. Поверишь ли, что в этом огромном городе, в наш просвещенный век, нет труб для стока вод? При малейшем дожде улицы затопляются целыми потоками нечистот, и в любую погоду пешеходов обдают брызгами черной жирной грязи, которую разбрасывают во все стороны колеса экипажей и лошади. На домах нет желобов для стока дождевой воды; из выступающих на крыше воронок на прохожих низвергаются потоки воды еще долго после того как кончится дождь. В Париже сразу бросается в глаза один недостаток, имеющий, быть может, даже политическое значение, а именно, что здесь совсем не заботятся об удобствах населения; народ здесь так презирают, что его еле-еле удостаивают вниманием; кареты давят просто-

народье и не принимается никаких мер, чтобы уберечь его; у человека, восседающего в карете, всегда более важные дела, чем у всей несчастной пехтуры, которая, однако, шагает лишь для того, чтобы добыть себе самое необходимое; легкомысленнейший щеголь, презреннейшая шлюха могут безнаказанно проехаться по животам ста тысяч честных людей, которые служат родине; они могут нестись во всю прыть, спеша совершить какое-нибудь никому не нужное дело, а то и преступление. Я убежден, что если бы от сточных канав и желобов страдали и богатые люди, то давным-давно был бы наведен порядок.

При первом взгляде на парижское население видишь нечто совершенно противоположное нашим провинциальным горожанам; у наших преобладают вялость, безразличие, склонность к покою, здесь наблюдаешь проворство, деловитость; здесь не ходят, а бегают, носятся; никто не обращает внимания на окружающих, мало заботятся о других, даже в случае крайней необходимости; все это существа разрозненные, не составляющие единого целого. Думаю, что в политическом отношении это выгодно, но люди тут, несомненно, проигрывают. Если человек, на которого напали грабители, станет искать

спасения в какой-нибудь лавочке, хозяин бесчеловечно выгонит его и будет хладнокровно наблюдать, как расправляются с ним злодеи. Однако не воображай, будто у всех этих толкающихся, суетящихся, чуть ли не по воздуху летящих людей, действительно спешные дела. Такие уж тут повадки. Куда, думаешь ты, несется этот отец семейства? На биржу? К фабрикантам? Нет, он летит к молоденькой гризетке, которая у него на содержании. А вон тот в судейской мантии, с мешками и связками бумаг? В суд? Нет, он направляется в галерею Палэ любезничать с модисткой. А аббат? Этот летит в фойе Комедии или Оперы{42} увиваться за актерками и судить о новой пьесе, которую сегодня репетируют. А юная особа, столь скромная, что взор ее не отрывается от земли? Она, братец, торопится на свидание, и т. д. Итак, как видишь, занятия определенной части здешних жителей стоят не больше, чем безделье у нас.

Легко понять, что безразличие, с каким относятся здесь люди к окружающим, не способствует честности. Существа, совершенно безразличные

{42} Комментарии: 2.42

...летит в фойе Комедии или Оперы... — Имеются в виду артистические фойе, вход в которые разрешался завсегдатаям театра, владельцам абонемента.

друг к другу и один другого не знающие, а следовательно ни перед кем не краснеющие, неизбежно будут стараться обмануть себе подобных. Так оно и случается: Париж — средоточие воровства, мошенничеств, грабежей, всевозможных пороков и преступлений. Женщины здесь, конечно, менее стыдливы и менее добродетельны, ибо общественное мнение, это могущее сдерживающее начало, здесь почти сведено на нет.

Еще одна особенность сразу поражает в Париже, а именно — неустойчивость всех рангов; здесь видишь, как путем неощутимых превращений человек переходит из одной крайности в другую, видишь, как тот, кто недавно валялся в грязи наподобие скотины, возвышается до уровня некоего божества (прости мне это выражение, но я затрудняюсь каким-нибудь другим словом определить положение некоторых лиц). Если бы не видеть этого собственными глазами, то казалось бы просто невероятным, даже непостижимым, как в стенах одного города могут обретаться существа одной и той же породы, с одинаковыми страстями, одинаковыми желаниями, но столь неравномерно наделенные благами, — притом они живут бок о бок и не перерезают друг другу глотку! Тут, знаю, сказывается воздействие обще-

ственных законов, и тем самым подтверждается мудрость оных; но законы создаются людьми, а действие их вызывает восхищение, ибо оно безошибочно и неоспоримо. Какое зрелище для философа являет это скопище людей, живущих рядом, из коих один располагает для удовольствия всего лишь одним днем из семи, а другой развлекается и днем, и ночью, да еще считает, что этого мало. Рабочий надрывается с утра до ночи на тяжелой работе, от которой, он знает, избавит его только смерть, и живет надеждой отправиться в воскресенье в кабак, выпить дрянного вина вместе с грубым и малопривлекательным предметом его любви; лакей, низведенный до уровня ниже человеческого, поставленный в один ряд с хозяйскими лошадьми и псами, терпит презренье, иной раз побои, не говоря уже о дерзостях, и сам радуется своему нравственному падению, посвящает свое существование роскоши и удобствам другого в надежде пережить своего мучителя и получить некоторую долю его запоздалых и сомнительных щедрот. Иные, рабы публики, которую они ублажают и забавляют, всю жизнь занимаются делом, совершенно для них безразличным; став своего рода передатчиками всякой всячины, сами ничего не чувствуя, они

живут и умирают, так и не подумав о самих себе.

Пока что я обнаружил лишь одну приятную особенность парижской жизни и проистекает она именно из того, что здесь люди обращают мало внимания друг на друга, — я имею в виду возможность одеваться как кому вздумается. Я, признаюсь, питаю слабость к нарядам и в этом отношении вполне удовлетворил свои желания; но поскольку здесь каждый волен одеваться как хочет и этим преимуществом пользуются решительно все, то удивить* окружающих своим туалетом гораздо труднее, чем у нас. Тем не менее впечатление, какое производит внешний облик человека даже на его знакомых, бывает еще настолько сильно, что многие жертвуют всем, лишь бы одеться нарядно. Нельзя отрицать и того, что если никому не известный человек роскошно одет, то это действует на воображение окружающих и его могут принять за герцога, пэра и т. д.

На этом умолкаю. Вернусь к затронутой теме в следующий раз.

ПИСЬМО XCIII

ОТ ЛОРЕТЫ К ГОДЭ

Она сообщает о дуэли Эдмона с маркизом

Мы с мамой никак не можем успокоиться, любимый мой, и я еле в силах писать к тебе. Известно ли тебе, что Юрсюль отомщена? Представляю себе, как ты встретишь эту весть; ручаюсь, что ты этого и ожидал. Эдмон — отважный кавалер, он далеко пойдет, о том свидетельствуют его первые шаги; чтобы нравиться существам нашего пола храбрость необходима. Маркиз получил должное в каких-нибудь две минуты. Между нами, получил поделом. Похитить, лишить невинности — фу, какое мещанство! Это хорошо было в век наших бабушек, а теперь всем так приелись похищения, что стоит наткнуться на него в какой-нибудь книжке, как тут же отбрасываешь ее, считая и сочинителя, и произведение его чем-то весьма ничтожным... Но, кажется, я ударяюсь в рассуждения, пускаюсь в философию, а ведь я должна тебе просто рассказать.

Третьего дня Эдмон вышел из дому, сказав, что хочет сам отнести на почту письмо к родителям по случаю Нового года. Он обещал сразу же возвратиться. Мы ждали его к обеду. Три часа

— его все еще нет. Садимся за стол. Я не могла есть, беспокоилась. Пробило четыре, потом пять, шесть, десять вечера — а Эдмона нет, как нет. Мы стали не на шутку тревожиться. Посылаем слуг ко всем, у кого он обычно бывает, — ни у кого он не появлялся. А вчера кто-то сказал, что он часто посещает некоего учителя фехтования (именно там, оказывается, он и проводил дни, но мы этого не знали). Бросились туда. — Господин, которого вы ищете, ушел от меня вчера часов в пять, — ответил учитель. — Когда мы с ним вышли на порог, другой мой ученик, маркиз***, проезжал мимо в карете; он удостоил меня поклоном и я, ничего не подозревая, назвал господину Эдмону имя молодого сеньора; господин Эдмон сразу же расстался со мною, сказав, что ему надобно поговорить с маркизом. Больше я его не видал. — Ответ этот почти все нам разъяснил. Нетрудно было догадаться о намерениях Эдмона. Остальную часть дня мы провели в смертельной тревоге. В полночь в дверь постучались — то был он, в крови, раненный, но легко. Я упала в обморок, и на этот раз по-настоящему; однако я поспешила прийти в себя, чтобы выслушать рассказ о его поединке.

Подойдя к маркизу, он обратился к нему с такими словами: — Вы маркиз такой-то? — Да.

— (Шепотом) Вы похитили девушку-провинциалку? — А какое вам дело? — Я брат оскорбленной и намерен отомстить подлецу, который сам себя опозорил, совершив насилие, и этот подлец — вы! — Я не подлец. Я был влюблен, я и сейчас влюблен в девушку, которую увез. Мне хотелось бы возместить невольное оскорбление, которое я ей нанес, и предложить ей руку; но к великому сожалению, семья моя возражает. — Вы думаете, сударь, что сможете жениться на ней? — Нет, сударь. — В таком случае соблаговолите, сударь, драться со мною оружием по вашему выбору и в месте, которое вы назначите. — Я очень сожалею об этом, сударь, но соглашаюсь, раз вы требуете. — Встречу назначили на завтра. Эдмон провел ночь в меблированных комнатах и не пожелал появиться у нас в течение дня. Этот легкий штришок дает понятие об его отваге. В половине пятого они встретились на пустыре неподалеку от больших бульваров, где никто не мог их увидеть, так как пустырь окружен высоким забором. Они дрались на шпагах, ибо это оружие позволяет показать во всем блеске ловкость и отвагу и производит меньше шума. Похитителя Юрсюли ваш друг, говорят, ранил смертельно. Мы спрятали Эдмона в доме, где не догадаются его искать.

Скажи, дорогой мой, что теперь делать? Посоветуй нам или сам приезжай. Только не вздумай его бранить; он поступил весьма похвально; доказательством этому то, что я его одобряю.

То, что касается лично меня, откладываю до следующего раза. Прощай, и т. д.

ПИСЬМО XCIV

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ЭДМОНУ

Что за слабость, невзирая на всю ее добродетель!

Жестокий враг моего покоя, перестанешь ли когда-нибудь обрушивать горести и муки на голову несчастной, единственная вина которой в том, что она помимо воли полюбила тебя? Ты беспрестанно подаешь мне новые поводы для слез, а последний... О боже, тут речь идет уже о твоей жизни! Эта мысль приводит меня в отчаяние, она подрывает во мне мужество. Безрассудный юноша! Ведь могущественная, влиятельная семья, которая, пожалуй, лишится единственного своего отпрыска, может потребовать твоей казни! Как ускользнешь ты от возмездия? Мне и без

того уже тяжело, а еще эта жестокая тревога!.. Гнев божий преследует нас, Эдмон; подумайте, ведь мы сами навлекли его на себя; обратитесь к милосердию господню, возьмите себя в руки; Вы еще не настолько погрязли в пороках, чтобы милостивый бог, которому мы поклоняемся, покарал Вас как отца. Пусть хоть это станет добрым плодом нашей вины... Я говорю *нашей* вины, хоть у меня и нет оснований винить себя в том, что это совершено с моего согласия... Эдмон, я готовлюсь стать матерью... а родные мои еще ничего не знают. Ах, кузен, как велика Ваша вина!.. Если бы Вам самому пришлось отвечать за преступления, которые Вы считаете (и вполне справедливо) непростительными, когда их совершают другие, то что сталось бы с Вами?

Мы с Вашей сестрой скоро уедем отсюда. Я брошусь к ногам родителей маркиза... Только бы он выжил, а я уверена, что мне удастся тронуть их... или же умереть у их ног. Ограничусь этими немногими строками; полагаю, что Вы слишком несчастны, чтобы еще описывать Вам в подробностях, как по Вашей вине страдает

Ваш самый нежный друг
(Без подписи)

P. S. Ваши родители в полном неведении.

ПИСЬМО XCV

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он сообщает мне обо всем, что касается Юрсюли и маркиза

Из письма Юрсюли вы в свое время узнали об ее благополучном прибытии сюда вместе с моей кузиной, мадемуазель Фаншеттой, госпожой Канон и господином Годэ. Госпожа Парангон, братец, не женщина; она — ангел. Я на воле и все благодаря ей: маркиз почти выздоровел и теперь мы с ним подружились, он покровительствует мне. И все благодаря ей. Семейство маркиза относится ко мне благосклонно — и опять-таки благодаря ей, — так она соблаговолила расхвалить меня.

Ты еще не знаешь, как завязался мой поединок с маркизом и как все произошло. За день-два до того срока, который я наметил, чтобы вызвать маркиза, случай свел меня с ним. Я считал, что противно правилам чести и доблести бросить врагу вызов, не объяснившись с ним начистоту. Я последовал за маркизом и легко настиг его, хоть он и ехал в кабриолете, ибо в такой тесной

уличке, как Английская, произошел; затор. Я объяснился с ним в немногих словах. Решили не откладывать дела. Оба мы явились точно в назначенное время. — Итак, сударь, вы требуете крови, — сказал он. Я ответил, что крови требует нанесенное нам оскорбление, своей грубостью он довел меня и сестру до того, что мы не можем видеть его не краснея, и надобно, чтоб его или моя смерть навсегда избавила нас от тягостного, угнетающего чувства. — Вы правы, — ответил он, — но большим несчастьем было бы для вас лишиться жизни, даже отстаивая правое дело. — Гораздо большим несчастьем, куда несноснее, было бы жить, сознавая обиду, которую вы нам нанесли, — возразил я, — пусть я буду убит или сам убью — зато я исполню свой долг, и сестра будет отомщена... С этими словами мы взялись за шпаги. Я заметил, что маркиз щадит меня. — Пускайте в ход всю вашу ловкость, — вскричал я, — она вам необходима... Видя, что он продолжает держаться оборонительной тактики, я крикнул: — Предатель! Хочешь превратить меня в твоего невольного убийцу и лишить чести также и меня? — После этого поединок принял тот характер, какого я желал. Маркиз нанес мне рану, я полуотвел удар и в тот же миг ранил его в корпус. Он

упал, кровь хлынула ключом. Я был удовлетворен местью и сердцем моим завладела жалость; рискуя собственной, я спас его затухающую жизнь; я сделал ему первую перевязку, остановил кровотечение, помог его лакею перенести его как можно осторожнее к лекарю. Мне надобно было поскорее скрыться, поэтому я расстался с ним, сказав напоследок: — Я больше не сержусь на вас; надеюсь, что вместе с кровью, потерянной вами, вы освободитесь от всего, что было в вас дурного и преступного. А как вы считаете, надлежало мне драться с вами? — Думаю, что да, — ответил умирающий, — и всем сердцем прощаю вам свою смерть. Я заслуживал и более позорной. — Он потребовал, чтобы я поцеловал его и предложил мне свой кошель, от коего я отказался.

Как только он немного окреп и ему разрешили разговаривать, к нему явилась госпожа Парангон. Она опустилась на колени возле его ложа. — Ах, поднимитесь, прекрасная дама, — сказал маркиз, — не вам, а мне надлежит стать на колени, ведь я — виновник. Но как устоять перед умоляющей красавицей! Он выслушал ее, потом велел доложить графу, своему отцу (к которому его перенесли лишь накануне), что он просит его и графиню, свою мать, прийти в его комнату.

— По словам этой дамы вы преследуете молодого человека, — сказал он им. — Зачем? Ведь это брат, отомстивший за жесточайшую обиду, и он вполне справедливо покарал меня; скажу более: вы преследуете юношу, столь же милосердного, сколь и отважного, ибо он спас мне жизнь, рискуя своею собственной. — Тут он рассказал о моем поступке, причем так удачно приукрасил его, что вызвал слезы у тех, кто жаждал моей крови. Меня простили; кузину мою приласкали, оставили к обеду и к вящей ее радости вручили ей краткую записку, написанную собственноручно графом и адресованную госпоже Канон, где граф просил передать мне, что, узнав о том, как я вел себя с его сыном, он прощает меня.

Госпожа Парангон совсем просто рассказала мне о своих удачных хлопотах, но я не сомневаюсь, что обязан ей гораздо большим, чем она говорит. Она добавила, что ее просили представить меня графу.

В тот же вечер я был принят в их доме. Собрание оказалось многолюдным: были тут и молодые, очаровательные дамы, но кузина все же затмевала их, несмотря на их румяна и пудру, на роскошь и изящество их нарядов. С нами была и мадемуазель Фаншетта. Мне отпустили несколько

комплиментов по поводу моей внешности. Дамы окружили меня, засыпая всякими вопросами, осведомились даже, есть ли у меня возлюбленная. Я взглянул на кузину, а она, смутившись моим молчанием и опасаясь, что истолкуют превратно мой взгляд, ответила за меня, указывая на Фаншетту. — Я предназначаю ему свою сестру, — сказала она, опустив прекрасные глаза. — Ах, граф, — хором вскричали все дамы, — как было бы жаль, если бы вы лишили это очаровательное создание возлюбленного, почти что супруга! Она, сомнения нет, влюблена в него... ибо он того вполне заслуживает, и вы причинили бы ей безутешное горе! — Я по достоинству оценил эти похвалы. А особенно мне польстило то, что, как мне показалось, и сама кузина была польщена. — Чем он занимается, — спросила одна из дам, — ему нужна должность? — Он живописец, сударыня, — отвечала кузина. — Я закажу ему свой портрет, — воскликнули в один голос дамы.

Граф (с которым мне, наконец, дали возможность поговорить с глазу на глаз) обещал мне свое покровительство так ласково, что тронул меня до глубины души; он сам был удивлен, что его слова произвели на меня столь сильное впечатление. — Вы человек чувствительный, — промолвил

он, — ну, что ж, если чувствительность не будет отвлекать вас в стороны, она может вас вознести даже выше, чем ум и выдающиеся способности.

Итак, любезный старшой, как видишь, я счастлив. Честь сестры восстановлена благодаря мне. Все так говорят, включая и советника. Поступок, который, казалось, должен был погубить меня, отворяет передо мною двери почтенного и влиятельного дома и тем самым поможет мне выйти в люди. С другой стороны, я каждодневно вижусь с кузиной, сестрой, мадемуазель Фаншеттой и другом моим, отцом д'Аррасом. Самый выдающийся столичный живописец соглашается руководить мною. Этим преимуществом я должен, опять-таки, госпоже Парангон. Могут ли быть лучшие виды на будущее? Добавь ко всему этому, любезный Пьер, что советник, по-видимому, еще сильнее влюблен в Юрсюль, чем прежде, что ему не терпится сочетаться с нею узами брака, что маркиз подтверждает клятвой свое намерение на ней жениться... Но признаюсь тебе, что к последнему она чувствует отвращение, зато далеко не безразлична к своему великодушному возлюбленному. Мы хоть и бываем в семье маркиза, но всячески стараемся отдалиться от него самого. Не знаю, однако, что случится, если родится сын.

Даже родные маркиза колеблются, когда он говорит им: — Ужели мне придется отречься от своей крови, от вашей, от имени, которое я сам ношу, от вашего наследника?..

Ах, Пьер! Я не договариваю всего до конца...

ПИСЬМО XCVI

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Еще один проблеск добродетели

Я ведь так тебе и говорил, что у тебя ничего не выйдет. Все твои прекрасные истины, вся твоя философия не в силах были убедить женщину, а ты еще хвалишься, что на твоей стороне очевидность! Ах, кузен, я отлично понимаю, что для того, чтобы стать твоим учеником, нужно иметь в сердце зачатки порока, потому-то я так скоро стал твоим последователем, а госпожа Парангон не станет твоей последовательницей никогда. Сдавайся, хотя бы на сей раз; согласись, что она, как ты выразился, *неприступна* и всегда будет такой. Чего мы только не испробовали? Она была здесь; судьба, так сказать, нам ее выдала. Мы были избавлены от госпожи Канон, которая

стесняла нас. Она скрывается от всех, скрывая свое положение, поэтому мы одни пользовались преимуществом видеться с нею. Мы говорили с нею, она предоставила нам высказаться до конца, а потом ответила, обращаясь к нашим сердцам; мы оказались сами себе судьями; она защищала добродетель и нам пришлось краснеть за наши намерения и осудить самих себя. Признаюсь тебе, друг мой, когда я увидел, что ты покраснел, я изменил свое мнение о тебе к лучшему. Годэ, сам Годэ не мог в душе не согласиться, что ни та, которую я люблю, ни сам я не обретем счастья в том, что казалось мне желанным, не обретем даже наслаждения, поскольку наслаждение, которое уравновешивается страданием, уже перестает быть наслаждением.

Помнишь, как мы с тобой однажды решили окончательно покорить ее? Она узнала об этом, и, конечно, выдал нас не кто иной, как Лора. Она не стала нас избегать, гнушаясь этим недостойным приемом; она встретила нас твердо, а когда мы нацелили на нее все наши батареи, когда начали атаку, она поднялась с таким видом, что мною овладел почтительный ужас: — Эдмон, — сказала она (и я все еще слышу ее голос), — сбросьте с себя маску и оставьте эту шутовскую роль; я

легко читаю в вашем сердце; оно развращено и вот — развратитель (она указала на тебя). Но не думайте, что уверенность в вашем падении, в вашей испорченности вызывает отвращение у той, кого вы оскорбляете; нет, кузен; по праведной воле небес я приговорена к тому виду казни, когда человека привязывают к смердящему трупу, и сей страшный образ, всюду преследующий меня, ни на минуту меня не покидающий, — кара за прегрешение, невольно содеянное мною, когда у меня родилось к вам чувство... несомненно преступное. Но у вас еще сохранилась малая толика того, что в свете называют *честью;* только этим вы еще и отличаетесь от самых свирепых дикарей. Именно на эту честь я и полагаюсь сейчас и не бегу от вас. Трепещите, Эдмон, как бы не потерять сию последнюю узду; увы, если вы лишитесь ее, мне прийдется расстаться с вами навеки... Я не колеблясь обнаруживаю перед вами свою слабость; к чему притворяться? Преступление (если это преступление) не на устах моих, а в сердце. Что же касается вашего приятеля, то предсказываю, что настанет день, когда он будет оплакивать — но тщетно — заблуждения, которые он привил вам. Что бы ни говорили, что бы ни делали, но право, справедливость, честность

— непременное условие для счастья; эта избитая мораль — плод опыта наших отдаленных предков, выразивших ее, пожалуй, в чересчур сухих правилах, но никому не возбраняется придать этим правилам большую гибкость. Если обратиться к живой книге, которую изо дня в день раскрывают перед нами окружающие, то легко найти в ней подтверждение правоты всех общепринятых нравственных норм.

Сейчас я не хочу перелистывать перед вами никакой иной книги, кроме той, где запечатлено ваше поведение, — сказала она тебе. — Скажите, разве все подлинные радости, которых вы вкусили, не были связаны с какими-либо благородными вашими поступками? В вашем поведении в отношении Эдмона, который во многом далеко не безупречен, есть и доброе начало; скажите сами: разве не в этом начале кроется вся прелесть вашей дружбы? — Ты не мог это отрицать. Потом она опять обратилась ко мне: — А вы, кузен? Ведь вы были рождены, чтобы ценить добродетель; так разве, отвернувшись от нее, вы не испытывали угрызений более острых, чем удовлетворение мимолетных прихотей? Я слышала и допускаю, что постепенно можно до того зачерстветь, что уже перестанешь чувствовать угрызения совести

(так случилось, кажется, с вашим другом). Но, Эдмон, никогда, как ни был бы дурен человек, он не совершает доброго дела, не испытывая при этом радости, бесконечно более сладостной, чем все удовольствия, доставляемые пороком. Обращаюсь к вам самим; пусть господин Годэ скажет: когда он сочувствовал кому-то, когда спасал жизнь и честь страдальцев, разве он не чувствовал, что добродетель — истинный источник счастья? — Тут я увидел, друг мой, на твоих глазах слезы; кузина, конечно, тоже приметила их, ибо добавила еще штришок, дотоле мне не известный: — Я знаю человека, — сказала она, — чьи взгляды и поведение в иных случаях находятся в непостижимом противоречии. Этот человек старался толкнуть своего искреннего друга на самый подлый поступок, он советовал ему обольстить сердце замужней женщины, затмить у нее сознание супружеского долга, вовлечь в греховное сожительство и тем самым довести ее до отчаяния. Вот, что он говорил, а вот, что он на днях сделал. Здесь живет некая парижанка, бедствующая, оставшаяся без работы, больная; она недавно похоронила мужа, живописца, со смертью которого все погибло, ибо он не располагал ничем, кроме таланта. У этой женщины...

(тут ты почел за благо выйти из комнаты) у этой бедной женщины не было твердых религиозных представлений; она решила, что две ее дочери, обе красавицы, — достояние, которым она может свободно распоряжаться, особенно, когда речь идет о том, чтобы обеспечить их самым необходимым. Она знала человека, о котором я говорю, и знала его именно со стороны нравственной, каковая далеко не безупречна. Она явилась к нему и попросила о помощи, предложив взамен все, что только может пожелать сладострастник. Этот бессовестный человек расспросил все подробности ее положения, дал немного денег и пообещал зайти к ней на другой день. Оставшееся время он употребил на то, чтобы проверить сказанное женщиной, и убедился, что его не обманывают. И как же поступил далее этот человек, старающийся развратить своего лучшего друга и женщину, которой он кое-чем обязан? Он явился к матери, сделал вид, будто принимает предложение, условился о цене, затем удалился с девушками в отдельную комнату и здесь занялся не чем иным, как разъяснением юным жертвам, которых мать уже уговорила пожертвовать добродетелью, в какую бездну они готовы броситься. Он не ограничился этим: он продал одну из своих

ферм и на-делил девушек приданым; на днях они вышли замуж; этому человеку захотелось насладиться сознанием, что он совершил доброе дело, и, искупая свои прежние бесчинства, он внушил набожные мысли двум несчастным, коих спас от двойной погибели.

Это еще не все. Тот же человек на днях навестил другое бедное семейство, глава коего хворает. Шестерых мальчиков он пристроил — кого в пансион, чтобы они научились грамоте, кого — в обучение ремеслу; две ночи он провел у постели тяжело больного, который теперь поправляется, и собирается подыскать ему работу. Все это он сделал от чистого сердца, что придает его заботам еще большую цену. Чего же ищет этот человек, совершая добрые дела? Ведь он не верит в вечное воздаяние! Он ищет радости более чистой, чем радость, доставляемая пороком, коим он уже пресытился; он ищет по возможности самоуважения, старается возвыситься в собственных глазах. Вот как нуждается человек в добрых делах, чтобы не стать самому себе несносным и не испытывать уже в мире сем подобия тех адских мук, которые он отрицает в мире грядущем.

Кузен, загляните в свое сердце; исследуйте его и представьте себе, какими бы счастливыми мы

были, если бы нам не в чем было себя упрекать, если бы нас объединяла чистая, доверчивая дружба, если бы мы могли без опаски делиться нашими печалями и радостями, если бы могли стать одной душой, — какая это была бы сладостная близость! — Так кто же мешает нам следовать этим предначертаниям? — вскричал я. — Теперь об этом и думать нечего, кузен, теперь уже поздно; счастье наше погибло вместе с невинностью. Неотвязное воспоминание отравляет все. Но уже немалое значение имеет то, что вы высказали сейчас такие мысли, — ведь вы пришли сюда совсем с другими намерениями! Ступайте, любезный мой Эдмон, ступайте к своему другу, который не выдержал бремени похвал, заслуженных кое-какими его добрыми делами, к человеку, которого, несомненно, отнюдь не тронули бы мои упреки; ступайте к нему, в эти минуты он не может быть опасен.

Я поспешил к тебе, но тебя только что увлекли в Шайо. Пишу на досуге и даже повторяю то, что ты уже знаешь, ибо это может пойти тебе на пользу: надо стараться делать добро друзьям... Ах, бедный мой ментор! Чувствую, что она права; сердце говорит мне об этом даже громче, чем говорила она: мы ищем счастья там, где его нет... Однако

до чего бывают сладостны заблуждения!

ПИСЬМО XCVII

15 апреля

ОТВЕТ

Годэ хочет до конца погасить в нем религиозное чувство[58]

Хоть я тебе и друг, хоть и смотрю на тебя глазами, порою затуманенными предубеждением, все же я правильно судил о тебе, узнав тебя досконально; ты, конечно, не лишен ума, но его подавляет воображение, чересчур легко воспламеняющееся; происходит это, вероятно, вследствие пленительной чувствительности, которою ты наделен. Люди подобного склада страдают большим недостатком; дело в том, что чувствительность, всегда слепая, заменяет им проницательность и они судят обо всем как бы в некоем опьянении. Повышенная чувствительность — порок нашего времени, друг мой; именно она придает такую

[58] Примечания: 1.58

Мы частично приводим это длинное письмо лишь потому, что опо дало повод для весьма убедительного ответа.

уверенность нашим юношам и превращает их почти поголовно в энтузиастов. Не стану доискиваться причины этой чувствительности, скажу только, что она проявляется и в нравственной области и в физической. Эта чрезмерно острая чувствительность легко притупляется, поэтому в наше время любовники столь непостоянны и легкомысленны, наши сочинители пишут слабо, неспособны на большие, глубокие произведения, и т. д. В городах род людской стал взбалмошным; он чересчур поддается порокам, ибо все фибры души беспрестанно напряжены, зрение, слух и воображение не знают отдыха; любой предмет, даже самый незначительный, способен возбудить человека и он уже не в силах отчетливо мыслить; внимание его поминутно поглощается все новыми предметами; отсюда наше непостоянство, наша непоследовательность и т. п. Таков ты и есть, Эдмон. Кузина твоя почти такого же склада, пожалуй, чуть покрепче. Отсюда, т. е. из слепой чувствительности, руководящей тобою, и следует исходить, объясняя твое поведение и твои чувства.

Чрезмерная образованность притупляет, —

сказал Паскаль{43}, чрезмерная чувствительность вредит рассудку; но как без образования не может быть знаний, так и отсутствие чувствительности не позволяет правильно судить: medio tutissimus ibis[59]. Следует остерегаться любых излишеств. Стоит нарисовать тебе привлекательную картину, показать что-то волнующее, заманчивое, словом, стоит тронуть твое сердце, и разум твой будет покорен. Из тебя получился бы прескверный судья; адвокат, ловко играющий на струнах человеческого сердца, был бы всегда уверен в твоей поддержке, как бы сомнительно ни было дело, которое он отстаивает. Такова беда всех, у кого чувствительность преобладает над разумом; страсти других людей всегда могут ввести их в заблуждение; подобные люди не способны занимать почти никаких должностей и вести общественную деятельность; зато они добрые, милые люди; они вкушают больше услад, нежели остальные, и именно посему их, помимо воли, особенно влекут к себе всевозможные удовольствия; но ярмо нег столь сладостно, что я не решаюсь его назвать бедой, невзирая на огорче-

{43} Комментарии: 2.43
Паскаль, Блез (1623—1662) — французский философ и математик.

[59] Примечания: 1.59
Во всем надлежит соблюдать меру *(лат.)*.

ния, которые служат как бы расплатой за утехи.

Чтобы исправить образ мыслей такого человека, как ты, и исправить основательно, мне не следует ограничиться доводами госпожи Парангон; надлежит, кроме того, просветить тебя, показав вещи с правильной точки зрения; есть умы избранные, достигающие этого сами, остальным же, в частности тем, чей разум подавлен чувством, приходится доказывать.

Каков же твой принцип, который ты считаешь всепобеждающим и перед которым, по-твоему, и я не устоял? Он гласит, что *счастье заключается только в добре*, которое делает нас сострадательными, справедливыми, великодушными по отношению к окружающим. Принцип этот я принимаю, но без ограничительного слова «только», и говорю: *в добре мы всегда обретаем радость*. Действительно, утверждать, что элементов счастья лишены удовольствия, не оправданные в моральном отношении (вроде твоего поведения с Мадлон и т. п.), значит отрицать очевидность, идти против предначертаний и целей природы. Итак, тут надлежит различать, с одной стороны, то, что допускает природа, а с другой — то, что вытекает из человеческих установлений и с чем посему можно не считаться (тайком, если ты

слаб, и открыто, если ты силен).

Все, что запрещают люди, условно и относительно: д'Аррасу запрещено иметь жену лишь потому, что он монах; тебе запрещается искать руки госпожи Парангон потому, что она замужем за другим; но, по существу говоря, в обоих случаях речь идет о реальном благе как для д'Арраса, так и для тебя. Другое дело запреты Природы: они всеобщи и непреложны; Природа запрещает творить зло при любых обстоятельствах. Вот пробный камень в любом случае, когда мы хотим проверить правильность того или иного своего поступка. Воздержусь от примеров, ты подберешь их сам.

Источник твоих заблуждений в том, что ты смешиваешь эти принципы: ты еще не научился различать то, чем человек наделен от Природы, и что он получил от общества. Естественный человек не ведает иного блага, кроме своей выгоды и безопасности, им он приносит в жертву все окружающее; это его право; это право всех живых существ; Природа разрешает пользоваться этим правом и никогда ничем его не ограничивала. Человек общественный, наоборот, окружен всяческими преградами, он подавлен, стеснен тьмой законов, тесно связанных между собой и

не подлежащих нарушению. Но эти законы, при всей своей необходимости, лишь человеческие установления, только люди — их создатели, их блюстители и вершители правосудия. Значит, надобно выяснить, от нарушения каких законов страдает прежде всего сам нарушитель, и какие законы созданы лишь в целях поддержания благопристойности; другими словами, выяснить, какие законы можно назвать произвольными, хотя их нарушение и наказуется людьми столь же строго, как нарушение законов самых необходимых.

Хотя естественный человек и не обязан считаться с законами общественными, тем не менее нельзя отрицать, что индивидуум, живущий в обществе, не может не соблюдать законов первостепенных, т. е. таких, нарушение коих привело бы к распаду общества ... Таких законов немного, и они делятся на две категории: законы *запретительные* и законы *коммутативные.* Первые говорят: *не убивай, не воруй, не совершай никакого насилия.* Вторые: *воздавай каждому должное, оказывай окружающим все посильные для тебя услуги.* Даже самый ограниченный общественный человек легко постигнет эти законы, ибо для этого ему достаточно спросить себя, как он хотел

бы, чтобы с ним поступали, и чего не хотел бы на себе испытать; далее, ему достаточно подумать о том, каковы бывают последствия оказанных людям услуг, о том, с какой приязнью относится он к человеку, сделавшему ему добро, и тогда, несомненно, в собственных же интересах ему захочется внушить людям столь же лестное чувство и к самому себе. В основе коммутативных законов лежит *взаимность;* получишь столько, сколько сам дашь и, кроме того, заслужишь общественное уважение, величайшее из социальных благ. Не стану говорить о законах запретительных: ясно, что общественный человек, убивающий, ворующий или совершающий какое-либо другое зло — безумец: он приносит в жертву небольшой преходящей выгоде спокойствие всей своей жизни, ибо, помимо наказания, которому его подвергает правительство, и помимо общественного порицания, ему придется испытать на себе то самое пренебрежение, какое он позволил себе в отношении других; отсюда можешь заключить, что, не будь этих законов, оказалось бы, что люди собрались в общество не для взаимной поддержки, а для того, чтобы терзать друг друга.

Законы, направленные на поддержание *благопристойности и порядка,* конечно, полезны;

но они не строго необходимы; лучшее доказательство этому, что наиболее невинными были эпохи, когда меньше всего соблюдали то, что считается благопристойностью в поступках и словах (не скажу, что тогда было меньше всего законов, охраняющих благопристойность, ибо мне возразят, что в них и надобности почти не было). Люди, нарушающие законы благопристойности, менее виноваты перед обществом, чем те, которые нарушают законы основные, каковыми являются законы первых двух видов. Убивает ли, крадет ли человек явно или тайно, он все равно совершает подлинное зло; если же нарушается закон благопристойности, то лишь огласка превращает это в преступление; если же нарушение остается втайне, оно уже перестает быть преступлением, ибо и в самом деле нельзя считать, что благопристойность нарушена, если поступка никто не видел и о нем не слышал. Если же непристойный поступок совершен публично, он может считаться преступным и этого достаточно, чтобы общество покарало виновного.

Я называю законами произвольными законы бесполезные для благополучия людей, законы *церемониальные:* их нарушение никак нельзя считать прегрешением, даже если их нарушают

публично, — что же говорить о том, если их нарушают тайно. Законы церемониальные родились еще в младенческие времена человечества; они могли быть полезными у тех народов, которые исповедовали жизнерадостные религии, ибо содействовали благоденствию и увеселению народа. Зато они становятся истинным ярмом, тиранией у народов суровых, придерживающихся жестоких, варварских обычаев, — таковы современные индийцы, японцы и пр., и т. п.

Есть еще и другие законы, которые, не будучи церемониальными, все же должны быть отнесены к разряду законов произвольных, — это те неразумные законы, которые возлагают на человека тяжкое бремя, противное предначертаниям природы. Эти законы называют законами *дисциплины;* таков закон, запрещающий то, к чему нас предназначает природа. Люди не только не обязаны выполнять все, что предписывается этими законами, но в иных случаях подчиняться им просто преступно.

После этого краткого вступления, дающего тебе правильное представление о добре и зле, суди сам о моем поведении; о людях надлежит судить, основываясь только на этих принципах; теперь подумай о том, как необоснованны те избитые

истины, к коим ты прибегаешь, толкуя о моих добрых и якобы дурных поступках, подумай о том, могла ли меня *сразить проповедь* твоей кузины. Я вышел из комнаты лишь потому, что не почел нужным ей отвечать, и собирался поговорить с тобою наедине.

Любезный мой Эдмон, я не сомневаюсь, что со временем тебе окажутся по плечу великие дела, если ты сможешь усвоить здравые взгляды в области физической и нравственной; а ведь последняя может быть благой, полезной и истинной лишь в том случае, если зиждется на первой. Под словом *физика я* разумею познание всех субстанций, начиная с божества и кончая мертвой материей, а под *нравственностью* — все поступки разумного *существа.* В наших беседах я уже не раз (правда без особого успеха) пытался внушить тебе правильный взгляд на природу; ты вконец ослеплен предрассудками, ты всегда взирал и на *вселенную* вообще, и на отдельные явления глазами рутинера и при своей косности и, я сказал бы даже тупости, совершенно не понимал меня, словно я говорил на языке готтентотов или патагонцев. Письмо, быть может, окажется более действенным; ты сможешь взвесить его лучше, чем невнимательно выслушанную и

вскоре забытую речь.

Дабы выработать разумную, действительно полезную мораль, целесообразную и удобную, надлежит строить ее на основе истины. Заблуждение, каким бы оно ни казалось выгодным, выгодно только в данную минуту, покамест не иссяк энтузиазм. Посему далеко не прав господин Руссо из Женевы, одобряющий Сират{44} персиян; подобное верование полезно лишь при известных обстоятельствах, но, стоит появиться вельможе, не разделяющему данного верования (что случается нередко), и человека этого уже ничто не остановит, а между тем, будь такой запрет основан на истине, на разуме, на взаимной пользе, он был бы вечным как сам бог и никогда не ослабевал бы. Истинная причина возникновения любых суеверий состоит в том, что они являются удобным средством обуздывать людей, держать их в повиновении, но сей удобный способ неизбежно теряет силу по мере того как люди, сначала изумленные или зачарованные, начинают разумно рассуждать. Тогда

{44} Комментарии: 2.44

Сират — по воззрениям персов — мост через пылающую бездну, по которому проходят души умерших; в последний день творения на этом мосту развернется борьба между праведниками и их гонителями и последние будут низвергнуты в пропасть.

они оказываются в положении гораздо худшем, чем были до того, как усвоили эти суеверия; именно в таком положении оказались люди во время крушения язычества: истинной причиной распущенности нравов в последние годы Римской республики — распущенности, которая и привела к падению республики, — явилось главным образом *рассуеверивание* (прости такое выражение), отказ от старинных заблуждений. Впрочем, всякая ложная религия приводит к такому кризису, кризису ужасному, ибо люди, еще находящиеся во власти предрассудков и поощряемые обветшалыми законами, начинают борьбу с разуверившимися, проливают потоки крови и за каких-нибудь сто-двести лет причиняют больше зла, чем разлагающая религия сделала добра за многие тысячелетия; ведь во время кризиса религии люди, ее отвергающие, и лицемеры, поддерживающие ее, не знают уже никакой узды.

Другой великий вред суеверий, на который обращают недостаточно внимания, заключается в том, что сторонники сих суеверий стараются придать им самостоятельное значение, меж тем как во время возникновения суеверий их воспринимали лишь как средство, укрепляющее общественные связи. Отсюда несметные богат-

ства и связанные с ними соблазны, великолепные античные храмы, величественными развалинами коих мы любуемся до сих пор, толпы жрецов и т. д. Но всякий здравомыслящий человек уразумеет тщету всего этого и ему станет ясно, что даже самые торжественные церемонии римлян были, в сущности, лишь ребяческой забавой, которой предавались взрослые. Я обнаружил это, как только стал относиться к миру сознательно. Когда же я познал истины физики, это стало для меня еще яснее; к тому же, наша религия, в частности Библия, дает столь высокое представление о божестве, что становится очевидной вся бесполезность античных обрядов.

Что до тебя, друг мой, то, поскольку ты не изучал этих вопросов, приходится тебя сразу же подвести к выводам, показать тебе истину и дать возможность ее осязать. *Что такое бог? Что такое человек? Что такое природа в целом?* Тут можно написать целые тома, но и они тебя ничему не научат. Я отвечу на эти три вопроса, представляющиеся на первый взгляд необъятными, отвечу в нескольких словах.

. . . . . .

(Издатель вынужден выпустить все

дальнейшие рассуждения господина Годэ, ударившегося в материализм, хотя славный Пьер Р в заголовке письма и говорит, что сообщает его своему потомству лишь потому, что доводы, приведенные в письме, достаточно опровергнуты, с чем мы вполне согласны. Об одном только мы сожалеем, делая это изъятие: мы тем самым лишаем героя этого сочинения главного оправдания его предосудительных поступков в глазах разумного читателя, который узрел бы все могущество соблазнов и ловкие приемы соблазнителя).*

. . . . . .

(Изложив свое понимание божества, добра и зла, нравственной независимости человека и его полной зависимости физической, он продолжает):

Перестань же, Эдмон, развивать свои софизмы; усвой здравые понятия о природе и божестве; изучай физику и обосновывай на ней все свои нравственные понятия. Тогда ты станешь естественным и социальным существом, усвоишь просвещение, и уже не будешь жалким рабом;

ты уразумеешь, до каких пределов допустимо отклоняться от социальных законов, не вызывая в окружающих нежелательного отвращения. Тогда ты будешь счастливым, избавишься от химер, ужасающих тебе подобных, перестанешь страшиться и настоящего, и будущего. Твой просвещенный ум, освободясь от малодушия, делающего свойственную тебе чувствительность столь для тебя опасной, превратит эту чувствительность в источник радости, и научит тебя ничего не бояться, не поддаваться ослеплению, не пьянеть от восторга перед явлениями, причины коих тебе будут известны и которые посему перестанут казаться тебе чем-то чудесным. Есть Высшее Существо, Создатель всего сущего. Вот первая истина: всем управляют общие, необходимые законы, обойти которые не может ни один человек; а вот вторая, не менее очевидная: все существующее — благо, даже то, что представляется нам злом, ибо это зло вытекает из благих законов; третья истина станет тебе понятной из следующего примера.

Насилие, конечно, зло и даже великое зло; живущий в обществе мужчина видит красивую девушку, бросается на нее и силою овладевает ею; это поступок, который социальные законы

карают смертной казнью, и они правы; если социальный человек пройдет мимо девушки, ничего ей не сказав, или только поклонится ей, его не осудят. Между тем законы природы, в силу коих этот необузданный мужчина совершил насилие, превосходны, полезны, необходимы. Согласись, что в них заключена дивная мудрость. Согласно этим законам, мужчина, увидев женщину, загорается вожделением, цель коего — сохранение рода; чем сильнее испытываемое им вожделение, тем он здоровее, тем легче подчиняется природе и т. д. Следовательно, все физические законы, заставившие мужчину совершить насилие над девушкой, хороши в глазах божества, но поступок, явившийся следствием этих законов, дурен; ибо из добра не всегда вытекает добро. И в самом деле, поскольку этот мужчина — существо социальное, законы Природы, сами по себе превосходные, привели ко злу, осуждаемому законами социальными, злу, всеми признаваемому, наказуемому обществом по его усмотрению, при условии, что воля общества известна каждому его члену.

Ну вот, друг мой, пожалуй, достаточно для одного письма. Возражения, которые ты пожелаешь высказать, отложим до нашей встречи. Добавлю только, что я не стал бы столь рьяно отучать

тебя от предрассудков, не живи ты в стране, где можно преуспевать и быть счастливым, только освободившись от них. В деревне, вроде той, где ты родился, не так уж плохо придерживаться заблуждений, которые могут служить уздой для людей грубых и не способных избавиться от предвзятых мнений, если их предоставить самим себе. Но людей, живущих в городах, если только они не скоты, надобно просвещать с юных лет и прививать им здравую мораль из опасения, что глаза их раскроются сами собою, а в таких случаях люди теряют всякую узду, губят себя и причиняют немало вреда окружающим. Прощай, бедняга Эдмон; ты еще недостаточно знаешь своего друга, а если бы знал его и при этом уважал, то он обеспечил бы тебе все счастье, каким только может наслаждаться человек.

ПИСЬМО XCVIII

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ЭДМОНУ

Приглашение неожиданное, однако мотивы его заслуживают одобрения

Почему кузен избегает меня после недостой-

ного письма, которое он сам же осудил в минуту отрезвления, даже смею сказать, в минуту негодования? Что отделяет его от меня — стыд, который он испытывает теперь, или раскаяние о прошлом? Боюсь, что он способен только на первое, да и то ненадолго. Могла ли я думать, после случившегося, *могла* ли думать, что мне придется приглашать Вас и что невнимание ко мне изобличает Вас не менее, чем Ваши преступные преследования... Кузен, Вы можете окончательно погубить себя, и я боюсь, как бы Ваше падение не привело к плачевным последствиям... Эдмон, есть несчастье худшее, чем утрата состояния, чести, жизни, и именно такого несчастья я и опасаюсь для себя и для всех, кто мне дорог. Возвращайтесь, кузен, возвращайтесь ко мне! Я знаю, Вы любите беседовать со мною. Возвращайтесь; я хочу научить Вас наслаждаться добродетелью; мне кажется, что теперь я достаточно сильна, и мне уже нечего опасаться, ибо теперь я буду опираться не на хрупкую честь, которая не что иное, как гордыня, а черпать силы в источнике всяческого блага. Ах, кузен! После нашего прегрешения я стала углубляться в религию, от которой Вас хотят оттолкнуть, и обрела в ней утешения, которые только она одна и может дать. Ах, зачем

не ведала я ее раньше! Надеюсь увидеть Вас сегодня вечером, надеюсь и прошу Вас.

ПИСЬМО XCIX

ОТ ТОЙ ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Она возражает и опровергает ложные рассуждения, заключающиеся в последнем письме Годэ

Приходится писать Вам, раз не удастся поговорить лично. Прочитайте, по крайней мере, мое письмо и не отдавайте, не распечатав его, Вашему совратителю. Заметьте, кузен, что когда он задумал нанести Вам решающие удары и до конца обнажить перед Вами свое безбожие, то он обратился к письму; как ни развращен этот меднолобый человек, он не мог бы, не краснея, высказать Вам то, что не побоялся изложить письменно. Да, как посмел он обратиться к столь прекрасной душе, как Ваша, дерзко замыслив вытравить из нее образ ее Создателя, ее Отца, ее Благодетеля! Нет, повторяю, как ни велика его дерзость, дерзость преступная, он еще не дошел до этого!

Но прежде чем опровергнуть его ложные принципы, позвольте мне провести сравнение его поведения с моим. Мы оба любим Вас, и Вы, конечно, не сочтете, что я наименее чуткая и наименее участливая из нас двоих. Между тем поведение наше совершенно различно. Моя дружба внушает мне желание, чтобы Вы относились к Божеству благоговейно, чтобы Вы любили, поклонялись Ему и блюли все Его святые заветы, которые суть выражение чистоты, справедливости и добра; моя дружба внушает мне желание, чтобы Вы были всегда великодушны, предупредительны, чтобы Вас любили только за Ваши благодеяния, услужливость и за все то, что делает человека приятным для окружающих; чтобы Вы были человеком умеренным, сдержанным, честным, богобоязненным и набожным, избегали всяких дурных и чересчур вольных поступков; словом, чтобы Вы неуклонно выполняли все обязанности по отношению к обществу. А чего требует, наоборот, дружба Вашего соблазнителя? Чтобы Вы порвали все узы, связывающие Вас с Богом, и не только с Богом, но и с людьми! Хороша же его цель, если для того, чтобы сделать из Вас то, что ему желательно, надобно вытравить из Вашего сердца всякое представление о долге и благопри-

стойности!

Я неученая, но я люблю Вас, — не только в пределах этой жизни, но и в вечности, предуготованной нашим душам, и, не будь у меня иных подспорий, одна моя любовь дала бы мне силы при помощи лишь здравого смысла опровергнуть опасные софизмы Вашего коварного врага.

Я ничего не смыслю в его рассуждениях о физике, зато знаю, — ибо так подсказывает разум, — что Божество, будучи источником всего существующего, не только подчинило Вселенную тем общим законам, коими мы восхищаемся и по которым светила вращаются с величественной точностью, но также, несомненно, определило и отношения между отдельными индивидуумами, дабы среди них царила та же гармония, что и между великими творениями. Действительно, если обратить внимание в области физической на то, что Бог создал хрупкую мошку, которой суждено жить лишь несколько часов, столь же предусмотрительно, как и слона и самого человека, то не следует ли, — судя о неизвестном по известному, как предлагает Ваш мудрец (так же предложит и всякий разумный человек), — заключить из этого, что божество столь же тщательно определило моральные взаимоот-

ношения между разумными существами, как и физические взаимодействия между Солнцем с его планетами и прочими небесными телами?[60] Но я чувствую, что моих скромных познаний недостаточно, особенно в споре с таким человеком, какого Вы избрали своим оракулом. Позвольте поделиться с Вами тем, что мне пишет об этом предмете почтенный пастырь; это кюре из С***, примерный священнослужитель, чьими добродетелями Вы сами восхищаетесь, и Годэ, как он ни развращен, не может не уважать их.

«Мы живем в такое время, — пишет кюре, — когда неверие стало столь распространенным, что на каждом шагу встречаешь его поборников, то более, то менее опасных. Поэтому надлежит непрестанно быть начеку и не только быть хорошо вооруженным, чтобы отбивать их атаки, но иметь под рукою все виды оружия. Ибо с одними приходится рассуждать, с другими надобно опираться на мораль, с этими лучше прибегать к помощи физики, с теми — взывать к чувству возвышенного, обратить их внимание на красоту религии и растрогать их; беспринципным

[60] Примечания: 1.60

Все эти рассуждения госпожи Парангон имеют отношение к тому, что мы сочли нужным исключить из предыдущего письма Годэ *(прим. издателя).*

вольнодумцам, каких немало в наших деревнях, целесообразно доказывать существование чудес и тем самым приводить их в трепет. Этих последних легче всего обращать, ибо, не обладая горделивой ученостью, они принимают все, что подтверждается убедительными доказательствами. Не стану говорить Вам о том, как я берусь за такого рода людей, поскольку тот, кому Вы желаете принести пользу, не принадлежит к их разряду. Что касается лиц, у коих тонкая чувствительность сочетается с более или менее обширными познаниями, то надобно стараться затронуть их сердца. Таков именно Ваш юный невер. Кто чувствителен, тот добр и почти всегда прямодушен: Паскаль, Фенелон{45} и др. были люди просвещенные и чувствительные; они верили в истины религии, ибо сначала дивились ее красотам, затем она покорила их сердце и они уразумели, что она соответствует их природному благородству. Если, как Вы говорите, юноша, которого Вы желаете обратить, человек подобного склада, то надлежит дать ему представление о религии, прекрасное и правдивое, в трогательной и благоговейной форме; надобно показать ее

{45} Комментарии: 2.45

Фенелон, Франсуа (1651—1715) — французский писатель, автор «Приключений Телемаха».

ему со стороны великих преимуществ, какие она давала и продолжает давать до сих пор; надобно ему разъяснить, что зло, которое приписывают религии, в корне противно ее духу и что дурные люди, пользующиеся ею как предлогом для своих преступлений, могли бы обрести для сего и другие предлоги; надобно, наконец, ему доказать, что, во всяком случае, религия, проповедующая любовь к Верховному существу и к ближним, возвышает человека, что даже будь она менее полезной, она все же была бы прекрасной. Но она полезна, и это можно доказать следующими рассуждениями.

Нельзя не усмотреть, что во Вселенной царит гармония и что именно благодаря этому порядку или гармонии существуют все ее отдельные части и все индивидуумы. Возьмем для начала столь великие творения, как Солнце и планеты; не подлежит сомнению, что есть некая сила и незыблемые Законы, удерживающие их на надлежащем расстоянии и на определенном месте относительно друг друга; в силу этих законов одни планеты удалились на большее расстояние от Солнца, как-то Марс, Юпитер и Сатурн, другие же остались ближе к светилу, чем наш земной

шар, — таковы Венера и Меркурий[61]; невозможно отрицать, что это обычные законы статики, в силу которых как жидкие, так и твердые тела, плавающие в жидкости, будучи предоставлены самим себе, всегда обретают равновесие. Из чего следует, что Вселенная прежде всего порядок, раз каждая субстанция несет в себе самой присущие ей свойства, коими и определяется ее место соответственно ее весу и массе.

Если мы перейдем к нашей планете, то увидим, что и здесь господствует тот же порядок, что и во Вселенной в целом: наилегчайший из четырех элементов — эфир, или субстанция огня, расстилается над воздухом, водою и землей, воздух — над двумя последними, а вода — над землей; причем более тонкая стихия всегда пронизывает ту, над которой она расстилается, а также и нижние, зато они в нее не проникают; эфир, или огонь, пронизывает три остальных стихии, воздух пронизывает воду и землю; вода проникает в плотную стихию, но для последней она непроницаема. Сей дивный порядок порождает все явления Природы. Эфир, приводимый в движение Солнцем, как говорит и сам безбожник

[61] Примечания: 1.61

Повторяем, что это научное рассуждение имеет отношение к тому, что нами выпущено в письме XCVII *(прим. издателя).*

(в этом мы с ним согласны)[62]{46}, или же другие частные причины, производят тепло и свет, а поскольку эфир самая тонкая из всех стихий, ибо он пронизывает их все с непостижимой легкостью, то он повсюду распространяет тепло, а также свет.

Воздух, окружающий землю и воду, в отличие от эфира, лишен свойства излучать при движении свет и тепло; хотя он и крайне подвижен, все же несравним с эфиром; составляющие его частицы, чересчур велики и посему не так быстро отталкиваются; воздух, говорю я, в силу своей текучести, эластичности и плотности обладает другим свойством, а именно передает звуки, подобно тому, как эфир передает свет и тепло.

У третьей стихии, воды, общее с двумя первыми

---

[62] Примечания: 1.62

Он утверждал, что, поскольку Солнце не что иное, как вихрь эфира, несравненно более горячий в центре ввиду его вращения, нежели эфир, находящийся на отдаленных окружностях, то можно уподобить Солнце и все другие неподвижные звезды морским водоворотам и водоворотам, которые наблюдают с мостов. Эти вихри производят тепло и свет; всякий раз, как эфир приходит в вихревое движение, он становится огнем; он пожирает наши леса; он образует пламя свечи и т. д. Посредством этих эфирных вихрей Бог положил конец хаосу; все частицы плотной материи, равномерно рассеянные по Вселенной, получили под влиянием тепла толчок, сосредоточились на различных расстояниях соответственно своей плотности, и затем образовали планеты. (Это теория отца Бертье* из Оратории) *(прим. издателя).*

{46} Комментарии: 2.46

Отец Бертье, Жозеф-Этьен (1702—1783), французский философ и физик,

сторонник декартовой теории образования небесных тел.

лишь то, что она находится в жидком состоянии; но она обладает иными свойствами в силу своей способности сливаться с различными веществами, в силу своей текучести, плотности молекул, веса, несжимаемости и летучести, благодаря коей она обращается в пар при малейшем нагревании; она смачивает, она напояет, она связует частицы четвертой стихии.

А эта последняя служит основанием для всего существующего: именно она придает всем существам определенность и устойчивость, придает им, благодаря своей осязаемости, гораздо большую реальность в наших глазах, чем это дано другим стихиям. Я остановился на этом, ибо различные свойства стихий позволяют сделать весьма важные выводы: сейчас мы покажем, какова великая цель творения, и докажем, что человек и животные не случайные явления во Вселенной, но цель и предел, поставленные пред

собою Творцом природы[63]. Однако предварительно сделаю еще одно замечание.

Ваш материалист считает, что весь этот дивный порядок еще не доказывает наличия разумного Существа и что для возникновения и поддержания этого порядка достаточно слепой Природы, управляемой необходимостью, другими словами достаточно разницы в весе и т. п. Но для обоснования первого вывода, который я хочу извлечь из порядка в мире физическом, мне нет надобности опровергать заблуждение неверующих, лежащее в основе их системы. Я могу сказать им: «Как же так? Если в мире физическом царит незыблемый тончайший и дивный порядок, то как можете вы утверждать, что его нет в мире моральном, что безразлично совершаем ли мы справедливость или несправедливость, что одно существо на всем протяжении своей жизни может угнетать другое существо, лишать его доли счастья, ради

[63] Примечания: 1.63

Истинность утверждения, что Природа имела в виду преимущественно живые существа, признается всеми религиями: в Египте имеется арабская надпись на карнизе мекиа или нилометра (это колодезь, предназначенный для измерения уровня воды в Ниле; когда он показывает 16 драас выше обычного, — а драас равен двадцати французским дюймам, — значит воды много; надпись гласит, что свет, воздух, дождь и т. п. существуют для живых существ. Есть предположение, что до магометанства эта надпись была на греческом языке, а до Александра — на египетском *(прим. издателя).*

коего оно было создано, и что нет силы, которая восстановила бы равновесие между этими двумя индивидуумами? Подумайте только, ведь это столь же нелепо, как утверждение, будто вода, поднятая машинами на вершину горы, не хлынет вниз, или будто в пруду, из которого вычерпнули ведро воды, останется ямка и окружающая вода не заполнит ее и поверхность пруда не сравняется. Материалистам никак не опровергнуть этого довода».

Чтобы быть последовательным и доказать, как я уже говорил, чувствительному и признательному человеку, что он возник не в силу слепого случая, я напомнил о свойствах, присущих стихиям. Действительно, все в мире, кажется, было создано для живых существ, и здесь опять-таки последовательность причин и следствий свидетельствует о безграничной мудрости Начала всех начал. Посмотрите хотя бы с какой прозорливостью (я беру этот пример из множества других), с какой прозорливостью Бог восхотел, чтобы солнце поднимало вверх пары и низвергало на землю дождь, а также, чтобы соли от жары становились твердыми и оседали, а чистая вода, испаряясь, поднималась вверх? Не говорит ли это о намерении давать животным и растени-

ям необходимую им влагу? Но я не ограничусь лишь, так сказать, материальной полезностью, которая всем известна; я пойду дальше и докажу, что, создавая две первые стихии, Природа имела в виду также и разумных существ, причем приведу столь убедительные доказательства, что невозможно их не принять. Я разумею эфир и воздух; первый является светом, у которого нет иного назначения во Вселенной, кроме как служить разумным существам на какой бы стадии они ни находились; второй обладает свойством передавать звуки, а это также пригодно только для существа разумного, способного к действиям, размышлению и анализу.

Тут возникает вопрос о разумных существах, ибо может показаться, будто я отношу к их числу всех животных; но я еще вернусь к этому. Сейчас я скажу несколько слов об одной из прекраснейших физических истин и объясню вам природу и свойства эфира — ведь спорить с нашими нынешними неверующими можно, только опираясь на чистую физику. Толкуя о стихиях, я сказал, что их четыре; но, говоря точнее, только три из них свойственны именно нашей планете, ибо эфир, или огонь, — стихия всеобщая, присущая также и Солнцу и звездам; он образует тот огромный

флюид, в котором плавают планеты и который является субстанцией Солнца; но если он — субстанция огня, то тем самым он, собственно, уже не огонь и не свет; чтобы он стал тем и другим, надобно определенное условие, а именно круговое движение достаточной скорости. Можно считать общепризнанной истиной, что только в эфире сосредоточено все движение, существующее во Вселенной, и что именно он приводит в движение все тела; именно посредством этого движения Изначальный Принцип дает жизнь всему сущему, как утверждает неверующий; таким образом, если бы прекратилось движение эфира, то Вселенная в тот же миг вновь превратилась бы в хаос. Солнце и звезды — вихри эфира, которые не могут не возникать в силу одного из законов, именуемых необходимыми. Вы легко поймете его необходимость, если примете во внимание, что эфир пронизывает все, границы его неведомы и он пребывает в непрестанном стремительном движении; затем представьте себе безбрежный океан, огромные массы плотной жидкости, хотя бы воды, находящейся в бурном движении, — тогда в разных местах по необходимости возникнут водовороты, ибо невозможно, чтобы жидкость устремлялась по прямой линии,

а раз ее будет столько же с той стороны, куда она стремится, сколько и с той, откуда она течет, то, неизбежно возникнет круговращение, и т. д.

В необъятном пространстве, заполненном эфиром, есть несметное, скажем даже бесконечное, с нашей точки зрения, число таких водоворотов; вследствие их вращения эфир обретает свойство светить и согревать, свойство выбрасывать, благодаря центробежной силе, массы материи в солнечный вихрь, могущий удержать ее, свойство отделять в этих массах, т. е. в планетах, воздух от воды, а воду от земли — три вещества, которые были бы неотделимы одно от другого и рассеяны в пространстве, если бы эфир не разобщал их при помощи движения и его производного — тепла.

Есть множество солнц; это истина, которую признавали еще древние, и которая в наше время не вызывает ни малейшего сомнения. Будь только одно солнце, существовал бы лишь один мир, одна система, планеты достигали бы огромных размеров, и там едва ли могла бы возникнуть жизнь, ввиду чрезвычайной плотности материи и гигантской величины небесных тел, которые не прогревались бы на полюсах. Между тем природа оживляет все, что только возможно, и наделяет каждое тело лишь строго необходимым

количеством материи — вот почему она создала бесконечное число солнц и бесконечное число зависящих от них планет. Не следует забывать, что именно солнца производят тепло; но тепло, и даже свет, не давали бы никакого эффекта, если бы не встречали на своем пути плотных и твердых тел, какими являются планеты. На значительном расстоянии от планет и довольно близко от Солнца царит непостижимый для нас холод. Воздух может отражать свет, но не тепло; вода отражает преимущественно свет, но также изрядное количество тепла; Земля превосходно отражает и то и другое. Подобным же образом и воспроизводительная способность самок оставалась бы недейственной, не будь самцов.

А ежели солнца — вихри эфира, ежели их так много, то разве не может, разве не должно случиться, что какое-нибудь из них погаснет, переместится, сольется с другим или распадется на две части; тогда среди планет, зависящих от него, возникнет ужасающий беспорядок. Не возвратятся ли они в состояние хаоса, и распавшись, рассеявшись, не обретут ли новое бытие, очутившись в новом водовороте эфира? В таком случае, разве это не подлинное сотворение, и стоит Божеству лишь восхотеть, чтобы создались

новый солнечный вихрь, новая система планет и распределились по местам планеты, которые должны от него зависеть. Это легко понять даже нам, столь ограниченным существам, если представить себе Бога во всем его величии, и почитать его солнцем среди солнц, которые, разумеется, ничтожны в сравнении с ним, хотя и представляются нам образом Божества.

Если бы эфир образовал лишь один вихрь, то и солнце было бы только одно и, как говорит неверующий, чье письмо Вы мне прислали, тогда невозможно было бы при помощи разума отличить его от Божества. Я того же мнения: поскольку Солнце являлось бы тогда единственным возбудителем жизни и движущей силой, человек сам по себе, без помощи Откровения, не мог бы догадаться, что оно не является Началом всех начал. Однако дело обстоит иначе: в природе существуют мириады солнц, но достаточно было бы и двух, чтобы разумный человек заключил из этого, что они — отнюдь не Божество, Ваш неверующий отлично определил Верховное Существо: *всемогуществом и безмерностью,* — говорит он, — *может обладать только одно-единственное существо.*

Следовательно, это Изначальное Существо

есть, а поскольку оно источник всего, то и само оно — все; и в этом я покамест тоже согласен с Вашим неверующим и говорю вместе с ним, что все существующее — проявление, модус Божества. Но я иду дальше, и, руководствуясь разумом, заключаю, что поскольку есть множество видимых проявлений, то ни об одном из них нельзя сказать, что оно и есть Бог; Он не Солнце, не Земля, ибо последние не вездесущи, а Бог должен быть вездесущ. Будем же искать, идя по стопам первобытных людей, признавших Божество, будем искать субстанцию, которая окажется, по природе своей, единственной и равномерно разлитой повсюду.

Эфир, действительно, разлит повсюду, однако не равномерно: ведь он отнюдь не одинаков в солнечном диске и в пятидесяти миллионах лье от центра сего светила, или на Земле, на Юпитере, на Сатурне. Но разум подсказывает нам, что Бог един во всех точках Вселенной. Что же это за субстанция, которая столь безупречно распределена? Субстанция эта нам известна; эта самая совершенная из всех субстанций, без нее все остальные были бы тщетны, поскольку мы не ведали бы о них; это субстанция, которой отчасти наделены и человек, и животные, сло-

вом это — разум; а так как она совершеннее всех остальных, то надобно думать, что это субстанция Божества. Легко усмотреть, что этим началом в равной степени проникнуто все необъятное пространство, ибо оно одушевляет и направляет все существа, каждое соответствующим образом и такими путями, постигнуть кои нам не дано. Это субстанция Божества; Природа — не слепое целое, как мнят материалисты, разумность некоторых тварей не есть свойство материи, из коей они состоят, — доказательством всему этому служит то, что в противном случае человек был бы единственным богом в природе, ибо он был бы единственным разумным существом, единственным, наделенным способностью познавать окружающее, и существовал бы только он один.

Поскольку есть Бог, поскольку он мудр и блюдет порядок как в мире духовном, так и в мире материальном; поскольку несомненно, что нарушения в физическом мире в некоторой степени обращаются против самих же нарушителей, как мы это непрестанно наблюдаем; поскольку не менее очевидно, что Бог как ради разнообразия, так и по другим причинам, вытекающим из его бесконечной мудрости, и прежде всего ради всеобщего блага предоставляет всему существу-

ющему и в физическом и в нравственном мире некоторую свободу нарушать законы, и поскольку само нарушение обусловлено этими законами и т. п., то разумно заключить, что нравственные бесчинства должны обращаться против тех, кто их допускает; что, следовательно, разумным существам предуготована и награда, и возмездие; что для Бога существует и добро, и зло, и что награда и наказание — естественное, необходимое и справедливое следствие определенных причин.

Что же касается поклонения Верховному Существу, то, не касаясь здесь Откровения, скажу, что это скорее дело чувства, чем рассудка; всем людям свойственна потребность отдаться в руки Божества, славить его в радости, взывать к его помощи в беде; а ведь если это чувство естественно, то в данном случае применима великая истина, что природа, не создающая ничего бесполезного, не наделила бы нас этим чувством, не будь в нем надобности.

Это чувство присутствия Божества дано человеку от рождения, а прочие существа, например животные, также им облагодетельствованные, разве лишены этого чувства и никак его не проявляют? Я не скажу, что человек — глава животного мира и что его поклонения достаточно, хотя я

так и думаю. Я различаю два вида врожденного преклонения перед Божеством: активное и пассивное; активное, *по-видимому,* свойственно только человеку (и существам, возвышающимся над ним) как самому совершенному творению, притом обладающему большим опытом, чем животные; пассивное же преклонение присуще всем остальным творениям — *живущим, растущим* и *кристаллизирующимся,* если допустимо последнее выражение, удачно передающее мою мысль. Я сказал «по-видимому», ибо сие недостоверно, хотя и весьма вероятно. Действительно, быть может, животные выражают свое преклонение перед Божеством таким образом, который нам неизвестен...

. . . . . .

(Здесь развивалась абстрактная метафизика, которую нас принудили изъять.)

Природа, другими словами, совокупность всего сущего, от эфира до осязаемой материи, природа, всегда величественно-простая, извлекает несколько следствий из одной-единственной причины и никогда не порождает двумя причинами одно следствие. Эта доктрина, созданная

автором Экклезиаста{47} (гл. 3), не может повредить ни религии, ни нравам. Она может только внушить человеку более разумное поведение относительно животных, которых человек будет почитать как бы своими младшими братьями. Предупреждаю, что я тем не менее не намерен сделать из этого вывод, что человек не имеет права питаться мясом животных; я далек от подобной мысли и полагаю, что, наоборот, человек по природе своей плотояден, что мясо — его истинная, хоть и не единственная, пища; об этом свидетельствует незначительная емкость его желудка, его пристрастие к вареной еде (варка сокращает объем пищи и в то же время облегчает и ускоряет пищеварение); к тому же плотоядные созданы мудрою волею Божества, дабы противодействовать излишнему распространению других видов животных; чрезмерное размножение одних повредило бы другим, ибо количество пищи не соответствовало бы числу тех, кому надобно питаться, а отсюда воспоследовал бы голод и, как его следствие, эпидемия, которая может совсем уничтожить слабые существа. Я хочу сказать, что человек должен быть человечным,

{47} Комментарии: 2.47

... автором «Экклезиаста»... — «Экклезиаст», одна из книг Библии, приписывается израильскому царю Соломону (X в. до н. э.).

ласковым со всеми невредоносными существами и, за исключением мгновенья, когда они лишаются жизни, он должен оберегать их, как самого себя от мук и жестокостей, не приносящих ему никакой пользы, и т. д. Вот что я хотел сказать насчет животных, дабы лишить материалистов одного из доводов, к которым они столь часто прибегают.

Но если человек — жрец Природы, если он обязан активно поклоняться Божеству, хотя бы потому, что ему дана сия возможность, — значит должна быть какая-то религия. Какою же она должна быть? Мне представляется, что ее задача — создать чистый, исполненный сыновней любви культ Изначального Существа; пусть она управляет самыми сокровенными отношениями между людьми и пусть совокупностью своих предписаний создает между ними прочно обоснованную взаимную привязанность, пусть каждое ее предписание обеспечивает жизнь спокойную и безопасную; наконец, пусть она поощряет праведника надеждой на безграничную и бесконечную награду и в то же время устрашает злого картиной жесточайших мук. Я доказал выше, что поскольку Бог — прежде всего порядок, то невозможно, следуя его предначертаниям, не

наслаждаться благополучием, которое он дарует; точно так же, нарушая порядок, нельзя в конце концов не прийти к вытекающим отсюда немощам и бедам, раз беспорядок — не что иное, как нарушение гармонии, как цепь таких явлений в мире физическом и поступков в мире нравственном, которые не вяжутся одни с другими и в целом вызывают отвращение. Следовательно, религия, возвещающая наказания и награды, провозглашает истину, столь же достоверную, как то, что нам светит солнце.

Посмотрим теперь, какая из ныне известных религий обладает в наибольшей мере упомянутыми мною свойствами; я отказался от всех непреложных доказательств, данных нам Откровением, и должен пользоваться лишь чисто человеческими рассуждениями. Я несколько уклонился в сторону физики лишь потому, что хотел доказать неверам, что разбираюсь в ней не хуже, чем они; я хотел также доказать, что их ссылка на тождество человека и животных ничуть не противоречит религии. Из всех известных культов как древних, так и современных, по признанию самих Неверов, лишь чистому христианству дано объединить людей и сочетать их с Божественным Началом. Я сказал «чистое христианство», т. е.

такое, каким оно предстает в Евангелии, ибо, говоря о какой-либо религии, не следует ссылаться на ее заблуждения, надлежит ее рассматривать по существу. Законодатель христиан основал религию мудрую, человеколюбивую, мягкую, не столь обрядовую, как другие. Он сказал, что бремя его легко, что он хочет, чтобы несли это бремя только добровольно. Если лжеученики все перевернули, то это уже не христианство. И как же сказалось сие пагубное заблуждение? Человек сбросил с себя бремя; вместо того, чтобы искать спасения в былой чистоте религии, которая учит человека быть счастливым и добродетельным, он перестал отличать истинное учение от его искажений, а так как последние не выдерживают проверки со стороны здравого разума, он заключил, что все в религии ложно. Остановись, несчастный! Ужели ты хочешь отвернуться от своего Отца и Бога? Хочешь, как безумец, разрушить ограждение, установленное Божеством, чтобы ты не низвергнулся в пропасть? Ах! Береги это ограждение, иначе ты скатишься в бездну бедствий и познаешь, — но будет уже поздно, — что спасительные ограждения имели целью не держать тебя в рабстве, а оберегать тебя! Уразумей, что если бы тебе не удавалось обуздывать

свои страсти, все было бы разрушено, мир стал бы логовом лютых убийц, которые и сами вскоре оказались бы убитыми; несчастные жертвы, выйдя из рамок нравственности, лишились бы жизни, еще не успев образумиться; им не найти бы себе места в мире порядка; они были бы ввергнуты в чудовищный хаос и пребывали бы там либо временно, либо навеки, в зависимости от непостижимой воли праведного Судии.

Не буду больше распространяться об этом предмете, сударыня; нет надобности шаг за шагом опровергать Вашего невера; я доказал ему одно — существование Бога и необходимость культа; перец этими двумя величественными истинами рушатся все софизмы.

Если же написанное мною произведет на молодого человека, которому Вы сочувствуете, благоприятное впечатление, то я укажу ему несколько основательных трудов, которые откроют ему красоту христианства и окончательно внушат ему такие чувства к этой святой религии, какие сын питает к нежной, заботливой матери. Твердо надейтесь на это, если в нем заложены зачатки добродетели; рано или поздно к ним всегда возвращаются, и зачастую великие преступления ведут и к великому раскаянию. Если сердце у

него такое, как Вы говорите, я скорее склонен опасаться его отчаяния (если он не исправится), чем нераскаянности».

Оцените сами, любезный Эдмон, сколь основательно все, что пишет добрый пастырь. По-моему, он такой же философ, как и Ваш совратитель, но менее схематичен. Все, что он говорит, весьма последовательно. Я возношу, кузен, горячие мольбы к Небу, чтобы оно по милости своей просветило Вас; вновь став христианином, Вы сразу же станете хорошим сыном, хорошим другом, хорошим гражданином, а со временем — хорошим мужем и хорошим отцом, — словом, Эдмон, Вы будете счастливы. Постарайтесь же, кузен; на коленях умоляю Вас! Вооружившись верою, мы с Вами будем видеться, не подвергаясь опасности; правда, мы станем сокрушаться о своих прегрешениях, но по собственному опыту уверяю Вас, что слезы наши не будут лишены сладости... Ах, ужели Вы не захотите ничего сделать ради меня! Не захотите иметь нечто общее с той, которая столь искренне именует себя Вашей кузиной и верным другом!

ПИСЬМО С

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он обнаруживает безразличие к добру, расхваливает приятности парижской жизни и говорит о своей склонности к мотовству, которое губит столько народу

Ты скажешь, что я всегда соглашаюсь с последним собеседником. Да, еще неделю тому назад я был согласен с тобою, а сегодня — нет. Ах, кузен, это вопрос нешуточный и его не следует решать очертя голову. Покамест ты возле меня, говоришь со мною, опровергаешь все мои возражения со свойственной тебе быстротой и уверенностью, я поневоле разделяю твое мнение: непререкаемый тон, к которому ты прибегаешь, подавляет меня; но, когда я возле кузины, мне кажется, будто я слышу мелодичный голос воплощенной добродетели: каждое слово ее покоряет меня... Чтобы стать твоим последователем, я должен бы перестать видеться с нею. Такова власть, которую вы оба имеете надо мною; когда я возле одного из вас, я смотрю на все его глазами, я одухотворен его

душой. Во имя нашей дружбы — не раздирайте меня так: разыграйте меня в кости, и пусть выигравший отнимет меня у другого; ибо положению, в котором я нахожусь, надобно во что бы то ни стало положить конец — оно чересчур тягостно, я не выдержу его. На днях я получил от кузины письмо, но я тебе его не перешлю — не хочу давать вам повода к спорам, вся тяжесть и горечь которых падает на меня. Переменим тему.

Я решил окончательно обосноваться в Париже: вкусив прелесть свободной жизни, я почувствовал, до чего невыносима провинция. Я слышал от тебя не раз, что человек создан, чтобы быть независимым и что это возможно в двух противоположных случаях: надо жить либо в полном одиночестве, какое можно обрести только кое-где в провинции, либо в огромном городе, где из-за преизбытка населения индивид становится незаметным и теряется в толпе как песчинка на морском берегу. По-моему, в последнем случае человек еще гораздо свободнее; принуждение сводится здесь к неощутимым мелочам и гнет не чувствуется; здесь можно скрываться от людей и показываться по собственному желанию, можно видеться с кем хочешь; можно говорить и делать что вздумается, не опасаясь кривотолков; лич-

ных недостатков никто здесь не видит и никто не боится показаться смешным, меж тем как в провинции все заражены этим страхом; следовательно, ничто не ограничивает тут порывов деятельного человека, он пользуется полной свободой и осуществляет свои возможности до конца. Итак, жизнь здесь ни с чем не сравнима. А если добавить еще, что здесь можно беседовать с представителями всех народов мира, видеть в миниатюре их нравы и картину их жизни, то не найдется такого разумного человека, который не признал бы, что всякий, поживший в столице, неизбежно будет чувствовать себя изгнанником в любом другом месте.

Однако, чтобы жить здесь с приятностью, надлежит располагать некоторым достатком; у меня же денег, как тебе известно, весьма мало — я живу на проценты с капитала жены, но расходов у меня порядочно, и в конечном счете у меня остается каких-нибудь полторы тысячи ливров в год. Что это за деньги для человека, который бывает у маркиза де ***, ведь мне надобно быть хорошо одетым, чтобы появляться в семье этого знатного человека, надобно играть в карты, когда представляется случай. Мне стыдно говорить об этом, но приходится; я уже обращался за

помощью к кузине, даже к сестре, которая уже получила часть ренты, выхлопотанной тобою. Мне особенно неприятно было занимать у нее, зная, каков источник этих денег; к счастью, мне удалось отдать долг, ибо я довольно удачно продал несколько своих работ. Но потребности мои растут со дня на день. Сам понимаешь, что я говорю это не для того, чтобы испытать твою дружбу; я знаю в каком положении твои дела и прибегал к твоей помощи насколько это было допустимо; я ни за что на свете не хочу злоупотреблять твоей добротой, но все же намерен спросить тебя, не придумаешь ли ты какого-нибудь средства, которое позволило бы мне быть вам менее в тягость, чем сейчас? Поразмысли же, друг мой, и будь уверен, что я готов на все. Давно уже собирался я признаться тебе в этом, да все откладывал, вероятно скорее из застенчивости, чем по недостатку доверия. Ответь мне письмом.

В ожидании остаюсь твой надоедливый друг, и т. д.

ПИСЬМО CI

ОТВЕТ

Опасный способ поощрять порок, но в письме содержится великая истина насчет игры и насчет последствий неистовых страстей

В этих строках речь будет только о последней части твоего письма и прежде всего скажу тебе, чтобы ты не беспокоился; для меня достаточно, что ты чувствуешь неодолимое желание жить богаче и что это желание подхлестывает твое честолюбие; что же касается твоих трат, то я вполне одобряю их; одного только надобно опасаться, как бы не попасть впросак в игре: надеюсь, с тобою этого не случилось: доме, где тебе предлагали играть, — порядочные; однако маркиз может повести тебя в другие места. Во имя нашей дружбы советую тебе не делать развлечения единственным своим занятием; когда игра превращается в страсть, она становится самым презренным делом и уж лучше с головой погрузись в любовные интриги или в мистические бредни твоей любезной кузины, только не становись заядлым игроком. Кошелек мой к твоим услугам. Думаю, впрочем, что Юрсюль едва ли проживает все пятнадцать тысяч ливров и что ты можешь, без

зазрения совести, немного пользоваться этим доходом для своих нужд. Что до красавицы кузины, ты жестоко обидишь ее, если будешь отказываться от помощи. При наличии этих трех источников ты можешь жить прилично, а я тем временем поразмыслю. Друг мой, надлежит жениться на старухе, очень старой и очень богатой; надеюсь подыскать тебе что-нибудь подходящее, и тогда мне удастся вознести тебя очень высоко. Боюсь только, как бы ты не стал чинить мне дурацких препятствий, но в таком случае я не на шутку порву с тобою; предупреждаю об этом заранее. Год назад я не решился бы открыть тебе этот замысел, но ты постепенно растешь и начинаешь подавать некоторые надежды. Что же касается религии, то я пришел к убеждению, что говорить с тобою на эту тему значит попусту терять время; с пылкими юношами, вроде тебя, следует не рассуждать, а все предоставить развлечениям и страстям — они обычно заводят вас даже чересчур далеко. Прощай, милый мой. Ты можешь получить по прилагаемому чеку пятьдесят луи у банкира Б *** на улице Мармузе. Твой друг, и т. д.

ПИСЬМО CII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Теперь он уже в полном восторге от Парижа и описывает городские развлечения

Давно я не писал тебе, любезный старшой; но кое-кто из земляков, видавших меня в разное время, рассказали тебе о моем житье-бытье. Я целый месяц все откладывал письмо до того дня, когда можно будет сообщить тебе новость, которую вы ждете: родился сын. Маркиз узнал об этом тотчас же; он здесь; всем распоряжается он; младенца в крещении нарекут его именем; поведение его изобличает действительно благородного человека, и я радуюсь, что в нашем поединке не выказал большей ловкости. Итак, теперь представляются две партии; но их соперничество нам только на руку: если маркиз женится, то такой исход превзойдет все наши надежды; если же его семья воспротивится браку, остается советник, и любезная сестрица опять-таки будет пристроена. Должен сказать тебе, что у нас тут две роженицы: две недели назад особа, которой я интересуюсь,

родила девочку, такую же красавицу, как она сама; здоровье обеих больных не внушает ни малейших опасений.

Теперь поговорим обо мне. Здесь я гораздо быстрее делаю успехи, чем у господина Парангона; я уделяю работе больше времени и с большей пользой. Здесь у меня есть соперники, я чувствую себя перед ними неловко, ибо они далеко превосходят меня; надеюсь, однако, что вскоре догоню их; чувствую это по тому, как меня теперь увлекает искусство. Столица внушает куда большее желание выдвинуться и куда больший вкус к славе, чем наше захолустье. Я здесь в каком-то опьянении. Благодатный город! Свобода! Божественная свобода, наконец-то я обрел твою истинную обитель!.. Прости, братец, мой неуемный восторг! Да, здесь среди десяти тысяч душ, я чувствую себя более одиноким, чем ты в нашей пустынной округе; там встретишь одного человека и уже чувствуешь, что не одинок; приходится поговорить с ним или хотя бы поздороваться и как-то с ним считаться; а здесь я свободен как воздух; все окружающее, если захочу, становится не более как безразличным зрелищем; я сочетаю тут всю прелесть, какую может создать общение с воспитанными людьми и вид чарующих женщин,

с усладой безмятежного одиночества; словом, я наслаждаюсь всеми преимуществами общества, но не чувствую никаких его неприятных сторон. Вот, друг мой, как сходятся крайности: пустыни и самые населенные города в некотором отношении сходны между собой. Но города созданы для человека — живя здесь, я вполне в этом убедился; тут я в своей стихии: Париж (это я понял, как только переехал сюда), Париж в духовном отношении то же, что наши горы в физическом: здесь легче дышится; здесь находишься в каком-то упоительно-непринужденном состоянии, я чувствую его, но выразить не в силах.

Ты, вероятно, помнишь, что я тебе уже говорил[64]. Человеческая порода в Париже как бы хорошеет, благодаря отменному вкусу; здесь он превосходен как в нарядах и украшениях, так и во всем остальном; однако я нахожу в этом два недостатка: во-первых, как уже отметил один знаменитый сочинитель, наряды придают всем столичным жителям одну и ту же внешность; во-вторых, — что гораздо важнее, — они приводят к тому, что стирается разница между полами: мужчины норовят укладывать волосы

---

[64] Примечания: 1.64
Письмо XCII.

так, чтобы прическа как можно более походила на женскую, а женщины начинают придавать себе облик мужчин: мужа и жену, стоящих рядом с непокрытой головой, трудно отличить друг от друга. А ведь сходство полов, которое достигается одеждой ли, прической ли, привело и греков, и римлян к страшному распутству, распутству, неведомому в наших деревнях. Другое наблюдение: на первых порах жизни в Париже я не умел судить о нравственности людей по их одежде; я принимал всех женщин за порядочных; обогатившись некоторым опытом, я перешел к другой крайности и стал считать всех женщин проститутками — так они походят на последних; нужна изрядная опытность, чтобы наверняка отличать одних от других.

Сегодня не стану говорить тебе о бесчисленных развлечениях, которые на каждом шагу предлагаются человеку в столице. Тут развлечения всех родов; одни — публичные и возникают именно благодаря большой населенности; в течение трех месяцев я других и не знал: толпы народа, королевские сады, гуляния дают возможность наблюдать самые разнообразные сцены, приводящие меня в восторг. Теперь я уже не удивляюсь, что талант лучше развивается в столице, что она

служит колыбелью знаменитостей и убежищем утонченного вкуса; помимо того, что здесь все величественно, разве можно видеть столько привлекательных предметов и не стараться стать достойным их обладания? Поэтому поневоле развиваешь в себе способности, приносящие богатство. Право же, братец, я теперь уже не удивляюсь вялости и безразличию американских дикарей, обитающих в холодных краях, как, например, канадцев и т. п. Кто в дремучих лесах может вызвать на соревнование? Искусства зарождаются там, где роскошь, увеселения и все то, что запрещается суровой моралью; это непреложная истина; да и как им возникнуть в среде, где нет достатка, богатства и сильных страстей? Ах, друг мой, в провинции прозябают, и только в Париже живут полной жизнью.

Что касается развлечений, то есть среди них такие, которые неотъемлемы от городской жизни, — о них я говорил выше; тут и шедевры искусства, число коих почти бесконечно, и картины, и статуи, и архитектура и т. д. Есть и другие удовольствия, за них надо платить, однако так дешево (тут сказывается преимущество скопления большого числа людей), что чудесное представление в Опере (ежедневные расходы которой

достигают восьмисот ливров) можно посмотреть за сорок су; за другое, еще более увлекательное и более натуральное, представление в театре, именуемом Французским, платишь всего лишь двадцать су; то же самое у так называемых Итальянцев, где разыгрывают прелестные пьески с легкой музыкой, от которых весь Париж сходит с ума; расходы этих двух театров достигают четырехсот-пятисот ливров в день. Кроме того, театры должны платить актерам — и немало, чтобы их поощрять; надо выплачивать гонорар авторам (правда, довольно ничтожный), отчислять четвертую часть дохода в пользу бедных, и т. д. Какими несметными богатствами должен был бы обладать человек, если бы он вздумал наслаждаться всеми этими развлечениями один и за свой собственный счет? Да что я говорю — один! И сотне людей, и двум стам, будь они хоть принцы, это оказалось бы не под силу, меж тем как миллион пользуется всем этим почти даром. Суди по этому, друг мой, сколько пользы приносит людям общество и до какой степени оно необходимо для их счастья! Они поддерживают друг друга как деревья в лесу и, собравшись воедино, не боятся приступов скуки, терзающей человека одинокого. Я знаю, что в С*** тебе живется хоро-

шо без всего этого, но, любезный старшой, вот тебе доказательство того, что развлечения, о коих я говорю, предпочтительнее безмятежности, которую ты вкушаешь в своей деревне: я знаком с этой мирной жизнью, некогда она меня вполне удовлетворяла, а теперь я на нее уже не согласился бы; зато все, познавшие прелести городской жизни, подобно мне, предпочитают ее и умерли бы от скуки, случись им вернуться в деревню.

Я собираюсь давать тебе отчет обо всем, что увижу; таким образом ты станешь участником моих развлечений; разница между твоим и моим укладом позволит тебе правильно оценить их, а поскольку ты любишь все обдумывать, это послужит тебе приятной пищей для размышлений среди наших полей.

Прощай, любезный старшой; не премину скорости еще написать тебе.

P. S. Вчера я прочел, что ныне царствующий китайский император обнародовал пастырское послание своим подданным, вроде посланий наших епископов. Первое, что он предписывает, — это уважать родителей, и дает ему прекрасное обоснование; ты найдешь его, любезный братец, в собственном сердце, посему не стану тебе его излагать; второе — уважать старших; это пред-

писание мне очень нравится, особенно когда я думаю о тебе; зачастую младшие братья обязаны заботам и труду старших не меньше, чем родителям; это ты наблюдаешь изо дня в день; у нас нет закона, который обязывал бы чтить старших, но это еще не значит, что такой закон не нужен. Ведь наши законодатели живут в городах, а надо признать, что там младшие мало чем обязаны старшим; последним же нечего особенно радоваться, когда к ним приезжают младшие, ибо они вводят их в расход, не выказывая при этом ни послушания, ни признательности.

ПИСЬМО CIII

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Он рассказывает мне о сыне Юрсюли и продолжает описывать парижские развлечения

Пишу тебе в волнении, любезный старшой: мне только что сказали, что девочка, о рождении которой я тебе сообщил в своем последнем письме, умерла, хотя и речи не было об ее болезни; все произошло столь стремительно, что я не знаю, что и думать, особенно после того, как я

повидался с матерью; мне показалось, что эта чувствительная женщина не так-то уж огорчена... Но я пишу тебе о предмете для тебя не понятном.

Что же касается сына, о котором я сообщал в том же письме, то он стал предметом изрядных разногласий. Маркиз хочет жениться на его матери, семья противится, и не далее как вчера мать маркиза приезжала к известной тебе особе, чтобы расспросить ее и узнать, не она ли отговаривает молодого человека от женитьбы на той, которую выбрали для него родители. — Сударыня, — ответила *барышня,* — как вижу, вы не представляете себе, сколь плачевно мое положение; я не люблю вашего сына; оскорбление, которое он мне нанес, совершив надо мною насилие, не умеряется ни малейшим расположением к нему. Я знакома с другим человеком, добродетельным, скромным, великодушным в отношении меня, он любил меня еще до случившегося со мной несчастья, но я не знала об его чувстве; он и теперь любит меня. Вот перед этим благородным человеком мое сердце не устояло. Такова, сударыня, правда без прикрас; я говорю с вами, как говорила бы с родной матерью. — Графиня обняла ее и обещала прислать ей прекрасный, дорогой подарок. Затем она пожелала посмотреть на младенца. По-ви-

димому, она была очарована красотой ребенка; она долго ласкала его, потом попросила отдать ей его. *Барышня* ответила, что горячо любит сына и не хочет с ним разлучиться, что она собирается воспитать ребенка, но будет счастлива, если графиня отложит свое любезное предложение до того времени, когда он вырастет; тогда она, предварительно взрастив и воспитав в нем добрые чувства к себе, охотно его передаст отцу; долгая же разлука может эти чувства заглушить. — А я, — добавила она, — предпочла бы отказаться от всякой надежды на счастье, чем от естественного чувства, которое должно связать со мною невинное существо, которому я дала жизнь; однако не думайте, сударыня, что я собираюсь присвоить это чувство себе одной; не любя маркиза, я все же признаю его права; он может быть уверен, что я пробужу в сердце его сына должное уважение и любовь к нему. — Графиню, видимо, удивили эти трогательные слова; она не решилась настаивать. Таковы-то дела. Кузина и госпожа Канон вполне одобряют ответ *барышни.*

А теперь, друг мой, продолжу свое предыдущее письмо, исполняя данное тебе обещание. За эти дни я побывал в нескольких увеселительных местах, о которых тебе говорил. Здесь есть зрелища

для самых различных слоев населения. Госпожа Веронезе[65], жена моего нового учителя, посоветовала мне начать с низов. Поэтому я посмотрел канатных плясунов и побывал в Комической опере. Ты, друг мой, не имеешь никакого представления о подобных развлечениях. Первое из них — зрелище, которое ты принял бы за какое-то колдовство: мужчины и женщины ходят по протянутому канату, пляшут на нем, подпрыгивают очень высоко, снова опускаются на канат, садятся на нем, становятся на колени; в этих положениях они бьют в барабан, играют на скрипке, держат в равновесии на носу, на лбу шпагу, положенную на металлическую пластинку, быстро вращают ее, и т. п. Признаюсь, я пришел в восторг от всех этих не привычных для меня фортелей; до сих пор как следует не уразумею, как человек может до этого дойти. Но в восторге был я один: госпожа Веронезе (как и вся публика) смотрела на эти чудеса так безразлично, что возмущала меня и отравляла мне удовольствие. Я пришел к мысли, что акробаты настолько освоились и привыкли показывать такие фокусы, что они даются им уж не так-то трудно; а зрители до того привыкли к

[65] Примечания: 1.65
Это имя вымышленное — настоящее чересчур известно.

этому зрелищу, что оно уже кажется им чем-то пошлым; поэтому мы, деревенские, можем почитать себя счастливцами, что восторги наши и впечатлительность еще не притупились; мы получаем от этого такое удовольствие, о каком светские люди и не подозревают.

После канатоходцев и эквилибристов нам показали прыгунов, которые явили новые чудеса, ибо иначе я не могу назвать прыжки через обруч или бочонок. В последнем случае прыгают головой вперед, а выскакивают из бочонка вперед ногами. Наконец, показали всякие чудеса ловкости, еще более диковинные: например «волчок», когда человек складывается таким образом, что живот служит ему опорой, на которой он вращается как волчок и т. п.

Не стану говорить тебе о забавных пьесках, которые там показывали (танцы и всякие проделки давались в виде интермедий); меня так стыдили за то, что они мне понравились, что я уже не решаюсь заикаться о них; я дожидаюсь случая, чтобы посмотреть такие вещи, которые здешние жители одобряют (если вообще такие существуют, ибо угодить парижанам трудно), и тогда опишу тебе их. В заключение показали пантомиму; это комедия, в которой объясняются

только жестами; мне она не понравилась, в чем я и признался госпоже Веронезе. Она улыбнулась и сказала, что, судя по восторгу, в какой я пришел от остального, она надеялась, что и пантомима покажется мне очаровательной; она добавила, что это излюбленный номер зрителей и они, действительно, неистово хлопали. После этого намека на мою наивность, госпожа Веронезе встала и мы ушли из театра.

Два дня спустя (12-го числа[66]) мы были в Комической опере; с нами поехал господин Годэ. Это восхитительное зрелище: там дают прелестные пьески с куплетами, или на сочиненную для них музыку; по своему разнообразию, по соответствию мелодий со словами, по содержанию своему и характеру действующих лиц они так очаровательны, что просто трудно передать. Это куда лучше канатных плясунов, опасных прыжков и всяких фортелей. Актеры показались мне отменными; актерки прелестны и одна другой миловиднее, так что я затруднился бы, какой отдать предпочтение. Ремесло и положение этих людей представляется мне весьма привлекатель-

[66] Примечания: 1.66
Августа.

ным. В тот день давали три пьески[67]: первая — милая шутка под названием «Волшебное зеркало»; оно тускнеет от дыхания всякой девушки, которая недостаточно блюдет себя; вторая — «Сельский петух»; трудно представить себе что-нибудь более изящное, а местами и очень трогательное. Вот ее содержание: некий парень остался один на селе и все девушки бегают за ним, рассчитывая выйти за него замуж, а он влюблен только в одну, ее зовут Тереза; но тут возникают препоны, которые и служат содержанием пьески; в одном месте парень берет букет Терезы и поет, вдыхая его благоухание, следующий прелестный куплет — я его запомнил:

Как пленительно пахнут цветы!
Почему я сижу и вздыхаю?
О Любовь, притаилась в них ты,
И тебя с ароматом вдыхаю!

Трепещу я, объятый огнем,
И букет мне желаннее рая,
Ведь лежал он на сердце твоем,

[67] Примечания: 1.67
Все три пьесы были действительно разыграны в 1752 году на ярмарке Сен-Лоран.

О Тереза, моя дорогая![68]

В конце концов он женится на своей возлюбленной. Затем показали новую пьеску, название коей «Пигмалион»{48}: тут скульптор влюбляется в статую, которую он сам создал, и по его просьбе боги оживляют ее. Эта пьеса не напечатана, посему, чтобы дать тебе о ней понятие, посылаю тебе имеющееся у меня одно действие оперы того же названия и на тот же сюжет; но, чтобы как следует представить себе, что это такое, надобно видеть ее на театре.

На сегодня будет, любезный старшой. Рад буду при первой возможности написать тебе еще, а чтобы растянуть удовольствие не премину рассказать тебе обо всем, что видел.

ПИСЬМО CIV

---

[68] Примечания: 1.68

Перевод Е. Н. Бируковой.

{48} Комментарии: 2.48

«Пигмалион» — по-видимому, имеются в виду одноактная опера Рамо, текст Бало де Саво (1748) и одноактная опера Жана-Жака Руссо, представленная впервые в Париже в 1775 г. Руссо предложил в ней новшество, вызвавшее сенсацию, но не получившее, однако, дальнейшего развития: музыка не сопутствовала словам, а звучала в интервалах между репликами действующих лиц.

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Юрсюль дает маркизу своего рода отказ. Эдмон пишет мне о Комедии и всякой чепухе

Мы здесь в крайнем затруднении: маркиз во что бы то ни стало хочет жениться на Юрсюли; вчера он велел принести сына в их дом, чтобы показать всему семейству в расчете, что вид невинного младенца всех растрогает. Он настаивал, чтобы ребенок был узаконен. — Может быть, у меня другого и не будет, — добавил он, — тогда сколь горестно будет и вам и мне при мысли, что род наш угаснет лишь из-за того, что брак с другой девушкой не дал мне возможности узаконить ребенка, дарованного мне природой! Примите также во внимание, что мать его — девушка не легкомысленная, не корыстная, о ней нельзя сказать, что она поддалась соблазну и послушалась меня наперекор вашей воле; она — сама добродетель, а я совершил насилие, которое подвергло опасности ее жизнь. Согласитесь, что я должен предоставить ей половину своего состояния. Я опозорил свой титул, совершив низкий поступок, и окажусь достойным его лишь в том случае, если разделю его с нею. — Он умолк. Прелесть малень-

кого де ***, которым все любовались, нежные ласки, которые он оказывал преимущественно своей бабушке, графине де***, трогали все сердца; маркиз получил согласие. Граф самолично вместе с сыном приехал к Юрсюли, чтобы сообщить ей об этом. Но сестрица расплакалась; она сказала маркизу, что он ей неприятен. Слова эти смутили графа. Что же до маркиза, то он живо возразил: И сын тоже, мадемуазель? — Нет, но это-то меня и удручает, — ответила Юрсюль, — если бы не мысль о бесценном младенце, я ни минуты не потерпела бы присутствия человека, который... — Вы это заслужили, — сказал граф сыну. — Мадемуазель, — продолжал маркиз, — ваша неприязнь вполне законна, она свидетельствует о благородстве вашей души. Но как бы то ни было, вот, — он указал на ребенка — вот мой и ваш сын. — Я согласна пожертвовать собою ради него, сударь, — грустно ответила Юрсюль, — но с двумя условиями. Во-первых, чтобы до венчания мне не встречаться с маркизом, во-вторых, чтобы тотчас после обряда мне позволили удалиться в монастырь и маркиз не имел бы права взять меня оттуда. Я рада, что у сына моего будет знатное имя, присвоенное вашему роду, а от всех преимуществ, какие могут быть предоставлены

лично мне, я отказываюсь; счастье сына заменит мне все.

Подобное решение весьма озадачило графа; он просил Юрсюль проявить некоторую снисходительность. Но маркиз воскликнул, что принимает оба условия. Когда сестрица вышла из комнаты, он начал уверять отца, что, став ее супругом, уговорит ее, или попросит окружающих повлиять на нее; он знает, сколь безгранично она доверяет госпоже Парангон, и рассчитывает на эту даму, ибо она — воплощенная рассудительность; однако до свадьбы он не прибегнет к ее посредничеству из опасений, как бы не отпугнуть Юрсюль.

Вот, друг мой, как сейчас обстоят дела; расскажи о них нашим любезным родителям. Признаюсь тебе, что сам я склоняюсь на сторону маркиза; если наша сестра войдет в столь высокопоставленную семью, то и мы прославимся, и это может открыть перед нами пути к высокому положению и самому лестному будущему. На всякий случай пусть они пришлют мне сообщение о своем согласии и все необходимое для венца, чтобы я мог, как говорится, схватить быка за рога.

Кузина по доброте своей останется здесь до тех пор, покамест не решится судьба сестры. Но я с огорчением вижу, что она погружена в глубокую

печаль. Она больше чем кто-либо заслуживает счастья, между тем счастливой ее назвать нельзя. Что же такое сия хваленая добродетель, если она не приносит человеку счастья?.. Что же касается мадемуазель Фаншетты, то она день ото дня хорошеет; ее сестра сама воспитывает ее и взращивает в сердце милой девушки ростки добродетелей, присущих ей от рождения. Но (я уже давно так думаю) не мне суждено воспользоваться всем этим; не говоря уже о том, что я ее недостоин, сердце мое пленено навеки... Я жестоко скорблю от сознания, что из-за меня страдает достойная всякого уважения женщина и что не в моих силах положить конец ее страданиям; я готов всем пожертвовать ради нее, но не могу опровергать то, что очевидно: не могу утверждать, что день это ночь, а ночь — день; между тем, у нас с ней дело обстоит именно так, но об этом предмете, любезный старшой, говорить с тобою бесполезно.

Теперь расскажу тебе о познаниях, какие я приобрел здесь. Господин Годэ уверяет, что кузина согласилась с его мнением насчет того, что мне совершенно необходимо знать свет и все столичные развлечения. Посему он пользуется досугом, какой остается у меня после занятий искусством, чтобы все мне показать и ко всему

приобщить. Несколько дней спустя после выезда, о котором я тебе дал отчет в предыдущем письме, мы отправились к Итальянцам: это театр, на котором разыгрывают полуфранцузские, полуитальянские пьесы; рядовые персонажи или слуги, коих именуют здесь Арлекином или Скапеном, разговаривают на ломаном французском языке; остальные (а именно Скарамуш, Пьерро[69], Панталоне, Доктор, любовник, соперник, любовница, субретка, а иногда и мать любовницы) все говорят по-итальянски. Если бы в этом театре представляли только подобного рода пьесы, то актерам приходилось бы туго; но после такой пьесы дают одну или две, которые разыгрываются на французском языке. Французская пьеса, которую давали в тот вечер, называется «Мнимая служанка». Не стану передавать тебе ее содержание, скажу только, что я в жизни не видывал ничего трогательнее, ничего великолепнее той актерки, которая играла мнимую служанку. Зовут ее Коралина. Не знаю, хорошо ли она играет, я еще плохо разбираюсь в этом, но я понял, что нельзя себе представить актерку, которая еще больше подходила бы к этой роли; я получил

[69] Примечания: 1.69

В 1752 году в Итальянском театре уже не было Медзетино, но Скарамуш в Пьерро, ныне тоже исчезнувшие, еще действовали *(прим. издателя).*

величайшее удовольствие, какого только можно ждать от театра, я видел как бы подлинный персонаж, иллюзия была полная. Право же, она меня убедила в том, как иной раз приятно чувствовать, что сердце твое совершенно покорено; не боготворить таких женщин прямо-таки невозможно. Но сам понимаешь, как трудно в моем положении добраться до них, а даже и добравшись, как трудно удовлетворить все их потребности. За «Мнимой служанкой» последовала пародия под названием «Фанфала», в которой высмеиваются герои оперы «Омфала»{49}. Не стану рассказывать тебе о ней; тебе неизвестно многое, что надо знать, дабы понять, о чем идет речь, да и сам я не видел этой оперы и поэтому не мог как следует оценить комических положений.

Как видишь, друг мой, у жителей больших городов есть такие развлечения, о коих в деревне не имеют ни малейшего понятия. После пьес показали танцы: молоденькие девушки, или по крайней мере казавшиеся таковыми, чаровали зрителей своим изяществом и воздушностью; одеты они были в высшей степени изысканно — крошечные шляпки из лент и цветов, короткие

{49} Комментарии: 2.49

«Омфала» — опера в пяти действиях с прологом Детуша, слова Ламотта (1701).

корсажи, в которых они казались куколками, короткие юбочки, легкие, блестящие туфельки. Миловидные низкорослые мужчины тоже блеснули талантами, они очень забавны, но мне все-таки не понравились. Мне неприятно было, что мужчины до того изнежились и наряжены даже кокетливее женщин; они показались мне нескладными и нелепыми.

ПИСЬМО CV

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Мать маркиза де берет к себе сына Юрсюль; далее брат рассказывает мне о двух спектаклях — в Комедии и в Опере***

Юрсюль сама не знает, что делает, друг мой, и я не на шутку разозлился на ее бестолковость. Семья маркиза теперь, по-видимому, в восторге от ее отказа; на днях приезжала графиня: она так обольстила сестру красноречием и ласками, что убедила ее отдать им ребенка; теперь он в руках графини. Я не предвижу от этого ничего хорошего. Беда, когда осуществление задуманного зависит от женских капризов! При этой мысли я

прихожу в самое мрачное настроение, и только чтобы отвлечься, я третьего дня принял приглашение съездить в Комеди-Франсез, а вчера — в Оперу, о которых тебе и расскажу.

Сравнительно с Комеди-Франсез все прочие зрелища — чепуха; этот театр превосходит все и по достоинствам пьес, и по игре актеров; теперь я сам понимаю, что можно пренебрегать и акробатами и всем остальным, что мне довелось видеть. В Комеди-Франсез господствует разум, там проповедуют только здравую мораль, показывают только возможные и естественные сюжеты[70] и, как мне показалось, исполняют все в духе самого лучшего общества. Первая пьеса, которую давали, называется «Сения», ее сочинила дама[71]{50}, да так трогательно, что навертываются слезы. Никогда еще не получал я такого удовольствия. Уже немолодая актерка[72], но с голосом, проникающим до глубины души, играла

---

[70] Примечания: 1.70
Эдмон судит лишь по тому, что видел *(прим. издателя).*

[71] Примечания: 1.71
Госпожа де Граффиньи*.

{50} Комментарии: 2.50
Госпожа де Граффиньи — французская писательница (1693—1758).

[72] Примечания: 1.72
Госсен.

роль Сении, девушки-сироты, которая оказалась в самом жалком положении по той причине, что она *незаконная* и дурной человек, влюбленный в нее, знает об этом, а у нее есть возлюбленный, вполне достойный ее чувства, ибо он юноша добродетельный, и т. д. Слышал бы ты эту актерку, так, думается мне, стал бы обожать всех женщин этой профессии.

Вторая пьеса называлась «Вынужденное согласие»{51}; она не хуже первой, ибо там речь идет о девушке бесприданнице, которая вышла замуж за молодого человека из почтенной семьи, вопреки воле его родных; она старается склонить их на свою сторону и поступает к ним в услужение; благодаря ее добродетелям, ей удается завоевать сердца всей родни. Не могу тебе передать какие упоительные чувства вызывала во мне молодая актерка[73], исполнявшая главную роль; она очаровательна сама по себе и даже не нуждается в театральных прикрасах; талант ее еще не вполне расцвел как у первой, но чувствуется, что он со временем расцветет и что она обладает тем, что

{51} Комментарии: 2.51

«Вынужденное согласие» — одноактная комедия Гийо де Мервиля (1738).

[73] Примечания: 1.73

Геан.

другая уже утратила — свежестью юности; она от природы застенчива и это производит полную иллюзию в ролях, где она представляет честную девушку. Идя в театр, я не ожидал увидеть такое превосходное изображение чувств, какие сам переживал тысячу раз и по неопытности своей воображал при этом, что они свойственны только мне, во всяком случае некоторые их оттенки. Отныне я буду ходить предпочтительно в этот театр, ибо говорят, что там еще немало очаровательных актрис и первоклассных актеров помимо тех, что я уже видел. Как и в других театрах, тут дают также и небольшие балеты, в которых выступают очень миловидные танцорки. Господин Годэ знаком с одной из них, а так как мы с ним были в театре только вдвоем, то отправились к ней ужинать. Мы очень весело провели вечер, она рассказала нам скандальные истории всех театральных девиц. Они привели меня в восторг, ибо прежде я был чересчур лестного мнения об этих сиренах; все же она не могла сказать ничего дурного о молодой актерке, которая мне так понравилась, и я этому очень рад. Мне было бы досадно, если бы предмет моих восторгов оказался недостойным уважения. Часов в одиннадцать я ушел один, кузен остался у нее.

Теперь расскажу тебе об Опере, и счастье твое, что я не сделал этого вчера вечером, ибо ты получил бы одни восторженные восклицания. Сегодня я хладнокровнее. Опера — полная противоположность Комеди-Франсез; тут ничего естественного, ничего реального; это обитель фей, это сказочное царство. Пьесы не слишком увлекли меня, да пения я почти и не слышал, ибо оркестр, состоящий чуть ли не из пятидесяти инструментов — басов, скрипок, гобоев, флейт, фаготов, труб, литавр, — почти все время покрывает голоса. Давали итальянскую интермедию под названием «Учитель музыки» и пьесу на сюжет «Алфея и Аретузы». В интермедии актриса, которую зовут мадемуазель Тонелли, всех пленила своим голосом и отличным вкусом, но поскольку я не понимаю по-итальянски, я слышал одни лишь звуки, рулады и каденции.

Перехожу к балетам; о таких зрелищах, братец, ты не имеешь никакого понятия, — они особенно привлекают меня (но меньше, чем те, что дают пищу уму и сердцу, как в Комеди-Франсез). Сравнительно с балетом, какой представляют в Опере, балеты в других театрах — детская забава; на сцене иной раз собирается более сорока танцоров и танцорок, а так как хор, поющий в

пьесе, в это время остается на сцене позади танцующих, то получается как бы огромная толпа, долженствующая изображать то какой-нибудь народ, то духов, то чертей, сатиров, нимф и т. п. Существует несколько видов балета; одни из них простые и изображают народ, развлекающийся плясками и песнями; в этом случае множество танцоров, именуемых фигурантами и фигурантками, производят различные движения соответственно замыслу композитора, а время от времени бывают «выходы», т. е. появляются главные персонажи и начинают танцевать то в одиночку, то по двое, либо двое мужчин с одной женщиной, и т. д. Затем есть балеты-пантомимы, которые изображают и рисуют отдельные события, происшедшие во время празднества, так, например, когда два соперника дерутся из-за пастушки; тот, который берет верх, отнимает ее у другого и пляшет с нею, а пастушка, влюбленная в потерпевшего поражение, старается провести похитителя, что ей всегда и удается, и т. п. Есть и такие, в которых изображается лишь одно событие; эти балеты все равно, что пьеса. Таков, например, балет «Пигмалион»; ваятель влюбляется в сделанную им статую и видит, как она постепенно оживает; танцем и жестами он

выражает свой восторг и радость.

Наконец, есть балеты адские: тут видишь чертей, вызванных заклинателем или колдуньей; черти толпами выскакивают из огненной преисподней, которая изрыгает вместе с ними вихри пламени и дыма; фурия, вся обвитая змеями, пляшет, держа в руках пылающие факелы, которые горят очень ярко, ибо пропитаны спиртом, так что получается действительно страшное зрелище. Здесь имеются отличные танцорки, как например, мадемуазель Лани, принимающая самые грациозные позы; мадемуазель Лионне великолепно изображает фурий, о которых я только что упомянул; мадемуазели Пювинье, Карвиль и проч. Некий господин Дюпре — первый танцор; не стану задумываться о том, какова роль мужчин в такого рода представлениях, но, кажется мне, зрительницы мало ценят заслуги женщин.

ПИСЬМО CVI

ОТВЕТ

Я пересылаю ему разоблачающее его письмо, которое я счел за клевету

Очень благодарен тебе, любезный брат, за то, что ты мне подробно сообщаешь о всех новостях, касающихся тебя и нашей любезной сестрицы, а также за твое внимание и доверие ко мне, которые побуждают тебя описывать все, что ты делаешь; я усматриваю в этом твое братское расположение. Но, друг мой, я вижу также, что кое в чем ты проявляешь излишнюю прыть и занимаешься некоторыми такими делами, которые противны благонравию. Если бы я все рассказал нашим любезным родителям, они немало встревожились бы, но я не позволю себе злоупотребить твоим доверием. Посему, братец, я от собственного имени, как старший, к которому ты отнесешься с доверием и уважением, советую тебе не забывать добрых наставлений нашего отца и основ религии и чести, которые он нам преподал. Именно там, где ты теперь живешь, особенно надо помнить их. Любезнейший мой Эдмон, мне не подобает говорить с тобою назидательным тоном и разыгрывать грамотея, однако ты меня огорчаешь, — именно потому, что я отношусь и буду всю жизнь относиться к тебе

как первейший твой друг. Сейчас ты сам будешь судить, обоснована моя тревога или нет, ибо хотя от меня и требовали соблюдения тайны, я этого не обещал; вдобавок не понимаю, ради чего соблюдать секрет, если из-за этого я не смогу быть тебе полезным. Посему, любезный братец, посылаю тебе копию письма, которое я получил из Парижа, чтобы ты знал, что даже самые потаенные твои поступки известны и что их, как видно, хотят изобразить в еще более страшном виде.

«Поскольку мне известно, господин Пьер, что Ваша семья хоть и не знатная, но весьма почтенная, мне было бы весьма прискорбно, если бы с кем-нибудь из ее членов приключилось нечто такое, что может опозорить ее. Это побуждает меня поставить Вас по секрету в известность о том, как ведет себя Ваш брат живописец; мне кажется, юноша наделен пылкими страстями и его сжигает жажда наслаждений, а главное, вкусы у него дурные, а это говорит о том, что он никогда не преуспеет в своем ремесле. Я не стал бы высказывать столь горьких истин, не будь у меня в руках неоспоримых доказательств.

Вчера он был в компании маркиза де***, некоего англичанина, называющего себя милордом Пааф, и одного литератора. В их обществе находи-

лись три актерки из Опера-Комик, — смазливые, но не блещущие талантами, а именно, барышни Батист, Мантель и Прюдом-младшая. Ваш брат хорош собою, и посему дамы увивались за ним, каждая желала его завоевать. Маркиз некрасив, зато у него великосветские манеры и та непринужденность, тот властный тон, какие свойственны людям знатным и богатым. Милорд — иностранец и уже одним этим привлекателен для женщин. Из этого следует, что литератор оказался в незавидном положении. Между тем надобно сказать, что заслуги его довольно известны, и во всяком другом обществе это служило бы ему рекомендацией и внушило бы уважение. Но тон задавал господин Эдмон, Ваш брат, и хоть он и из крестьян, а вел себя так, словно маркиз де*** ему и в подметки не годится. Он ядовито высмеивал литератора, а тот отвечал ему эпиграммами слишком деликатными, чтобы их понял человек подобного склада.

Но это еще не все; последовала выходка, которая, не сомневаюсь, возмутит Вас. У литератора возвышенная, а следовательно чувствительная душа (хотя томные селадоны и упрекают его в том, что он недостаточно нежен); прелесть юной Прюдом, танцовщицы в названном мною театре,

пленила его; к несчастью, ей отдавал предпочтение и благородный Эдмон: ухаживание и заискиванье литератора поначалу отклонялись ею, но вдруг произошла перемена: литератору стали улыбаться, даже заигрывать с ним. Когда он был доведен до желательного состояния, Прюдом скрылась в соседний будуар, бросив на него тайком выразительный взгляд. Он поспешил вслед за нею. Едва они оказались наедине, свет был погашен, но он услышал, как танцовщица шепнула ему: «Пусть все останется в тайне; надо мною будут потешаться, если узнают что я неравнодушна к вам. А я люблю сочинителей, они — моя слабость, они знатоки по части удовольствий, они сочетают тонкость чувств с пылкостью ласк и очаровательными прихотями. Однако — ни слова! Я запрещаю говорить, разрешаю только вздохи». После этих коварных слов пылающие губы приникли к его губам. По правде говоря, дыхание красотки не отличалось приятностью, чем-то от нее отдавало, но Прюдом была столь хороша собою, что литератор, разгоряченный вином и яствами, и будучи к тому же темперамента весьма пылкого, без оглядки отдался страсти, которую будила в нем актерка. Временами до него доносились взрывы хохота,

но он думал, что это их сотрапезники продолжают веселый ужин или снова уселись за стол; впрочем, он особенно и не обращал внимания на окружающее и ему и в голову не приходило, что над ним потешаются. Между тем развязка близилась. Он слышал, что несколько человек вышло из-за стола и среди голосов ему послышался также и голос танцовщицы; в то же время он заметил, что сквозь щелку пробивается свет, и понял, что за дверью подслушивают. Пока в голове его мелькали эти досадные мысли, дверь с грохотом распахнулась и в будуар ввалилась вся компания с канделябрами в руках; у Прюдом их было целых два; все хохотали до слез, они тут же принялись извлекать из-за кушетки спрятавшуюся там женщину, при виде которой счастливец, которого она одарила ласками, содрогнулся от ужаса. То была одна из тех несчастных, что бродят по улицам, уродливая, грязная и — что еще того хуже — вся в красных пятнах, не предвещавших ничего доброго.

Вот какая выходка, господин Пьер! Предупреждаю Вас: если опасения оправдаются и окажется, что здоровью литератора нанесен вред, то он собирается решительно привлечь Вашего брата к ответу и сделать это ему будет нетрудно, ибо один из его родственников — крупный чиновник. Надеюсь, что и Ваши родители призовут к порядку сына, форменного негодяя. Приветствую Вас, любезный господин Пьер, от всего сердца.

Негре[74]{52}»

Я никогда не слышал об этом Негре и адреса своего он мне не оставил, но по каракулям его подписи можно заключить, что он не иначе как ученый. Что же касается самой каверзы, о которой он пишет, то она представляется до того мерзкой, что я не допускаю, чтобы ты мог так поступить, как и не допускаю мысли, что ты можешь водиться с такой компанией. Все же, друг мой, остерегайся распутства и всего, что ведет к нему. Общество маркиза де *** весьма лестно и

---

[74] Примечания: 1.74

Этой выходкой можно бы пополнить историю мистификаций Пуэнсине*, столь забавно рассказанную Монне, но еще забавнее мог бы рассказать об этом автор «Тени Пуэнсине» *(прим. издателя).*

{52} Комментарии: 2.52

Пуэнсине, Антуан (1735—1769) — французский драматург, автор одноактной комедии «Кружок, или Модный вечер» (1764) и музыкальной комедии «Том Джонс» (по Фильдингу, 1764). Во время путешествия по Испании утонул в Гвадалквивире.

я понимаю, что очень трудно отказывать таким людям в их желаниях; надо на все соглашаться, кроме того, что противно нашим обязанностям в отношении бога и ближних, — вот, думается мне, основное правило; в нем спасение, нельзя совершать ничего такого, что позорит человека. У нас жизнь идет своим чередом, что касается твоих хозяйственных дел и твоего имущества, то я за ним присматриваю и дам тебе отчет в праздник Сент-Андре. В заключение целую тебя от всего сердца.

ПИСЬМО CVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Мнимая смерть сына Юрсюли. Маркиз устраняется.

Эдмон признается в своих гнусностях и оправдывает их

Говорят, что сын Юрсюли, которого взяла к себе графиня, умер в таким образом оправдываются мои опасения, о коих я писал тебе в последнем письме. Это весьма прискорбное событие и для

сестры, и для меня, чем бы оно ни было вызвано. Я всячески стараюсь утешать мать, — она страшно привязалась к своему прелестному младенцу. В довершение горя, маркиз после этого сразу же устранился. Я прямо-таки в отчаянии — как много мы теряем — и все из-за упрямства сестры! Она сама виновата, что не стала маркизой, — и только потому, что предана советнику! Она его любит, зато я ненавижу; с некоторых пор он хмурится и мне это внушает подозрение.

Кузина решила, что присутствие ее здесь теперь бесполезно, и уехала в О***; она считает, что там принесет Юрсюли больше пользы, ибо и советнику вскоре придется вернуться туда. Ее отъезд — новое для меня огорчение. Я стал уже не тот, настроение у меня мрачное и все мне противно... Упустить такой на редкость благоприятный случай! Теперь об этом и думать нечего. Впрочем, родство с советником поднимет нас в глазах земляков; думаю, что капитал, каким владеет сестра, поможет сломить сопротивление старика-дяди. Надо только представить дело в благоприятном свете! Тут нам отлично помогут отец д'Аррас и господин Годэ, что бы ни говорили об этом несравненном друге. Я постараюсь, чтобы свадьба была сыграна как можно скорее; в том

положении, в каком находится Юрсюль, девушка всегда в тягость семье.

Теперь пора ответить на твое последнее послание, любезный старшой. Я знаю, кто написал полученное тобою письмо; я вынудил Негре — героя этой истории — сознаться; он, как видишь, не поскупился на похвалы самому себе. Каверза, на которую он жалуется, действительно была кем-то подстроена; в пылу гнева он обратился к тебе, чтобы мне насолить, но он дважды неправ, ибо ни я, ни мадемуазель Прюдом в этой проказе не участвовали. Все подстроил господин Пааф с помощью своего камердинера. Правда, мы не могли не позабавиться, — и только в этом весь наш грех. Что же касается ужина, то я принял в нем участие лишь в угоду маркизу. Но я не раскаиваюсь: знакомство с тремя актрисами весьма приятно и может быть полезно для молодого человека в моем положении; общение с такого рода женщинами опасно только для людей богатых, а не для тех, кто хоть и талантлив, но заведомо не располагает средствами, — да от художника и не требуют ничего, кроме его произведений. Но хватит об этом. Не стану описывать тебе наглого мулата, которого одурачили, ибо ты все равно не поймешь, что это за субъект. Он выдает себя за

литератора и страшно хвалится этим званием, между тем он вовсе не литератор; если говорить начистоту, он сочинил лишь несколько недурных вольнодумных песенок — вот и все.

Возвращаясь к своим делам, скажу, что после несчастья, о котором я говорил в первых строках письма, я стал усиленнее заниматься, а то я несколько запустил работу. Ведь я уже собирался стать военным, ибо маркиз обещал мне быстрое продвижение в чинах. Теперь этот план, как видишь, полетел вверх тормашками; зятя он стал бы продвигать, а постороннего... Кроме того, родство с маркизом придало бы мне весу, а на военной службе это очень важно, ибо офицеры чванятся своею знатностью и с трудом принимают в свою среду простолюдинов. Итак, буду придерживаться живописи. Юрсюль тоже учится у моего руководителя, успехи ее не хуже моих, но мадемуазель Фаншетта превосходит нас обоих. Эта милая девочка — истинное сокровище. Она растет, она похорошела и почти уже совсем сформировалась. Думаю, что теперь я легко воспылал бы к ней чувствами, какие кузина старалась пробудить во мне. Но ей, несомненно, что-то на меня наговорили, ибо она со дня на день становится со мною все сдержаннее и холоднее. Тот, кто наго-

ворил, прав. Прощай, братец. Я так расстроен, что даже не могу выразить словами.

ПИСЬМО CVIII

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Юрсюль покидает второй ее поклонник. Эдмон горюет о том, что и этот брак не осуществился

Можно ли было ожидать этого, братец? Советник пишет, что обдумал положение, что у родителей его другие планы, что они противятся его браку с Юрсюль... Он опасается, что случившееся получит огласку... Боже мой! Да ведь именно из-за него упущена возможность выдать ее за знатного человека, а он еще осмеливается... Он пренебрегает девушкой слишком для него слабой, слишком деликатной... или лучше сказать слишком уж глупой... Не будь этой дурацкой деликатности, она стала бы маркизой... Кузина была права, возражая против ее знакомства с советником, и дал бы нам бог твердо придерживаться ее совета!.. Теперь сестра в отчаянии; она рыдает, но говорит, что не раскаивается в жертве,

какую принесла неблагодарному... Зато я раскаиваюсь за нее!.. Если бы я мог предвидеть, что младенец умрет (или что его похитят — насчет чего у меня сильное подозрение, хоть и нет никаких доказательств)... Однако, рано отчаиваться; я повидаюсь с маркизом.

Сообщи эти прискорбные новости родителям, смягчив обстоятельства, как ты умеешь, — им нужно знать правду, чтобы они могли соответствующим образом вести себя с советником, — он ведь возвратился в наши края. Господин Годэ последовал за ним с намерением следить за всеми его поступками; Годэ — друг неутомимый и жертвует всем, когда надо нам помочь... Ах, зачем он связался... Но это тщетные пожелания! Да и все они у меня теперь тщетные, кроме одного — навсегда сохранить любовь моего добродетельного старшого (и я твердо надеюсь на это).

ПИСЬМО CIX

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Женитьба маркиза. Эдмон рассказывает своему приятелю, как гнусно он поступил с неким Негре

Неослабно наблюдай за советником, мой закадычный друг, ибо в отношении известного тебе дела здесь уже нет никаких надежд. Маркиз недавно женился на богатой и знатной наследнице, такой красавице, такой восхитительной, что просто не сможет не любить ее, даже если в его сердце еще не угасла страсть к той, которую он покинул. Однако на днях он принял меня весьма милостиво, вновь предложил мне свои услуги и просил почаще навещать его, — словом осыпал меня любезностями. В недалеком будущем выяснится, насколько я могу полагаться на его щедрые обещания.

Сестра постепенно успокаивается. Мы с мадемуазель Фаншеттой стараемся ее развлекать, а письма, которые она получает от моей кузины, тоже действуют на нее благотворно. Таланты ее столь успешно развиваются, что удивляют даже ее учителей. Мы пользуемся ею как моделью, когда требуется красивое лицо для какого-нибудь дорогого портрета и она появится в Салоне на картине, где изображен Александр, встречающий

мать и жену Дария {53}; Юрсюль предстанет в виде Статиры. Мне очень нравится, что после случившегося она еще выросла; отсюда можешь заключить, что небольшой ущерб, нанесенный ее фигуре, вероятно, уже почти возмещен...

> *(Далее Эдмон пишет, что воспользовался неожиданным стечением обстоятельств, чтобы написать обнаженную натуру; моделью ему послужили две редкостные красавицы, — затем он продолжает:)*

Юрсюль сложена превосходно, у нее мягкие, плавные линии; это идеальная натура, это подлинная Венера; Фаншетта более хрупка и еще не совсем развилась, она очень подходит для фигуры Гебы.

В твое отсутствие нас посетил Негре; чудак изрядно позабавил Лорету. Приключение, о коем я тебе писал, до того его возмутило, что он разбушевался, несмотря на свой ровный характер, но меня удивило, что жестокая выходка, которая,

---

{53} Комментарии: 2.53

... Александр, встречающий мать и жену Дария. — Во время битвы при Иссе (333 г. до н. э.) мать персидского царя Дария III и его жена Статира с детьми попали в плен к воинам Александра Македонского.

не будь предохранительного снадобья здешнего ловкого лекаря[75], могла не на шутку повредить его здоровью, не отбила у него охоту водиться с нами; правда, я постарался загладить свою вину, оказав ему нарочитое внимание. Но господин Негре весьма нахальный вольнодумец. Посуди сам, он во что бы то ни стало хочет, чтобы мы посещали шлюх, и я уже два-три раза заходил к этим презренным созданиям, чтобы позабавиться, наблюдая, как он своеобразно ведет себя с ними. Откровенно говоря, мне и самому хотелось познакомиться с этими несчастными, которые, посвятив себя удовольствиям, влачат тяжкое, унизительное существование[76]{54}. Будь у меня больше времени, я описал бы тебе несколько своих приключений, но ограничусь двумя, вернее сказать одним. Первое, — скажу вкратце, — случилось с нами в какой-то дыре на втором этаже, во дворе, в комнате полной чада от варившихся сосисок и кровяной колбасы. Там находились две

---

[75] Примечания: 1.75

Речь идет о «воде» господина де Преваля, парижского врача, применяющего отличную методу лечения.

[76] Примечания: 1.76

См. «Порнограф»*, гаагское издание 1770 года.

{54} Комментарии: 2.54

«Порнограф» — сочинение Ретифа де ла Бретона, представляющее собою некий устав и регламентацию, ограничивающие проституцию.

весьма неопрятные девицы, одна — маленькая, довольно миловидная блондинка, другая — весьма безобразная; мы кинули жребий; уродина досталась моему спутнику (не без плутовства блондинки) и т. д.

О другом приключении не могу не рассказать поподробнее, ведь, помнится, ты говорил, что совсем не знаешь женщин такого рода.

На днях мы обнаружили у выхода из Пале-Руаяля высокую, отлично сложенную девушку. Негре пристал ко мне, чтобы мы пошли за нею следом. Я сдался, но решил ни в коем случае не оспаривать у него благосклонность красотки. Нас ввели в просторную квартиру на третьем этаже на улице Шантр, где все было изящно, удобно, даже не без роскоши. Встретили нас весьма приветливо; это в обычае — принимают в таких местах всегда очень любезно. — Ребята, — сказала нам высокая девушка, — вас двое; неприлично иметь одну на двоих. — Не дожидаясь ответа, она нас покинула, а через несколько минут вернулась с очаровательной, но маленькой соседкой, которую назвала Дюплесси (сама она — Лебрен). Так обычно эти девицы подыскивают себе подруг — высокая работает с маленькой. Если их три, то они всегда разнятся по возрасту, росту и цвету

волос, чтобы угождать на все вкусы. Признаюсь, я как бы ошалел; до того я видел одних только скурёх — это любимое словечко Негре; а тут на меня производили впечатление и изысканность их нарядов, и легкость, остроумие речей, и непринужденность, и вежливость. Даже Негре был сам не свой и, подобно пресловутому ослу, замер между двумя, в равной мере красивыми, хоть и совсем разными девушками. В конце концов высокая спросила меня — которую из них я выбираю. В ответ я подал руку Дюплесси. Ах, друг мой, до чего опасны такого рода женщины! И они были бы еще опаснее, если бы... Но не следует забегать вперед[77]. Тут были не дурочки, как первые, с которыми я имел дело. Маленькая красотка расточала ласки, которых я до тех пор не ведал, меня опаляло какое-то жгучее пламя, сладострастное неистовство девушки пьянило меня... Я был покорен. Но едва только молния наслаждений погасла — маска с лица моей возлюбленной упала; она с полнейшим хладнокровием подала мне воды, вымылась сама — да так, что мне до сих пор противно, настолько все это отдавало *ремеслом;* она стала разглядывать себя в зеркало,

[77] Примечания: 1.77
Об этом опять-таки см. «Порнограф» (в начале).

распевая во все горло песенку, слова которой перевирала без зазрения совести; затем она села возле меня и угрюмо сказала: — Лебрен со своим мулатом никак не справится. Не то что я; раз, раз — и готово, и ступай своей дорогой. — Слова ее меня возмутили; я то воображал, будто она — чувствительная девушка, а она просто-напросто торопилась. Какая гадость! Это приключение отрезвило меня больше, чем первое, хотя и то было отвратительно. Но, по правде говоря, я о нем не сожалею: если бы притворное неистовство и нежность Дюплесси, если бы ее порывы были искренни, мне захотелось бы вновь встретиться с этой тварью и я бы, пожалуй, погиб, ибо бог знает, куда завела бы меня склонность к доступным наслаждениям!

Как видишь, любезный кузен, я не скрываю от тебя своих проказ, — для молодых людей они полезны, ибо весьма поучительны; во всяком случае, из этого приключения я, при помощи твоих советов, собираюсь извлечь для себя пользу.

ПИСЬМО CX

1753 г.

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он дает Эдмону разумные советы из скверных побуждений

Такое ли это великое горе, что твоя сестра не может стать женой ни одного из двух поклонников? Не думаю. Она молода, хороша собою, богата, умна, талантлива, — чего же еще надобно для счастья? Лора подробно расскажет тебе о свадьбе советника, — не стану говорить о ней, чтобы не повторяться. Потолкуем о тебе.

Разврата, любезный мой Эдмон, всегда надлежит избегать; он ни к чему не ведет, — разве что иной раз обогащает фаворитов развратного вельможи. Ужели такому красавцу как ты, надобно прибегать к подлым услугам публичных женщин, чтобы вкушать наслаждения, соответствующие твоему возрасту? Как! Ужели ты хочешь смолоду опуститься до уровня развратных старцев, которые уже не могут рассчитывать на благосклонность порядочных женщин и посему вынуждены ставить на карту свое здоровье, обращаясь к непорядочным? Кто водится с проститутками или даже с актерками? Только люди всеми осуждаемые или достой-

ные осуждения; глупцы, разоряющиеся на этом постыдном поприще в погоне за упоительными наслаждениями, за которые они так дорого платят. У настоящих проституток ты увидишь, помимо развратных стариков, лишь низкопробных хлыщей, у которых не достает средств, чтобы в обществе хорошо одетых женщин разыгрывать из себя волокиту, увидишь военных, утративших понятие о нравственности и даже о чести, жалких рабочих с неуемными страстями, готовых пожертвовать недельным заработком за незавидное удовольствие наспех поласкать призрак женщины. И ты, ты, Эдмон, счел возможным уже несколько раз опуститься до уровня этого подлого сброда! Ты позволил прикоснуться к твоему телу грязнухе, позорящей существа одного с нею пола, женщине, прелести коей до такой степени осквернены всем, что есть худшего в нас, мужчинах, что они превратились в нечто совершенно непотребное... Фу, гадость! Не говори мне больше об этих прискорбных приключениях, иначе мне придется напомнить тебе, что ты любим госпожою Парангон; любим женщиной честной, трогательной и столь прекрасной, что все, что может дать разврат, бесконечно ниже того, что сулит тебе добродетель. Чувствую, что

дружба с Негре опасна, но пусть он послужит тебе для сравнения: куда и идти такому человеку? Он заслуживает прощения, если допустить, что такое поведение вообще может быть оправдано. У чудовищ, подобных ему, другого выхода нет и ради них, быть может, правительство и терпит проституцию. Терпеть ее необходимо, хоть и весьма нежелательно, ибо она способствует распространению жестокой болезни, из-за которой человек оказывается в худшем положении, чем животные.

Я очень рад, что мне представился случай для такого резкого выпада против разврата, идущего вразрез с природой; я хочу, чтобы ты уразумел, что человек, преодолевший предрассудки, отнюдь не становится из-за этого сторонником разврата и всякого рода заблуждений: он уважает природу и ее священные законы. Сначала, на первых порах свободы, он подобен отвесу, который, будучи отведен в сторону, затем значительно отклоняется от перпендикуляра в другую сторону; просвещенный человек подобно отвесу постепенно возвращается к золотой середине, характеризующей честного человека и доброго гражданина. Я именно в таком положении; того же желаю и тебе.

Твой друг, и т. д.

ПИСЬМО CXI

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он сообщает мне о женитьбе советника. Мораль великих распутников. Он рассказывает о мерзком плане насчет Юрсюли, которого я в свое время не понял

Полагаю, у вас уже все знают, что советник женился и что избранница его — мадемуазель Лин ***, прелестная барышня из довольно хорошей семьи, хоть и мещанской (как и наша), причем девушка, конечно, далеко не столь богата, как наша сестра. Я только что узнал все это из письма, которое д'Аррас пишет одной своей приятельнице[78]. Час назад об этом сообщили Юрсюли и, должен признаться, я в восторге от того, как она приняла эту неприятную весть. Скажу тебе больше: маркиз по-прежнему влюблен в сестру. Он узнал, что сын его не умер и что его обманули, чтобы заставить жениться на девушке из такой же знатной семьи, как и его собственная. Он втайне негодует на своих родителей, а на днях даже заявил им, что если у него от жены не будет наследника, то он с нею разведется. Как видно, узы, которыми он связан, не только не заглушили его чувства, а наоборот, распалили его.

---

[78] Примечания: 1.78
Лоре.

Я часто вижусь с ним; вчера он сделал мне странное предложение, а именно: он хочет дружить с Юрсюлей, которая, в сущности (как он сказал), — его истинная супруга; он готов обставить ей дом, подарить хороший экипаж, дать ренту в сорок тысяч, включая сюда то, чем она уже располагает. Добиваясь моей поддержки, он привел несколько доводов и прежде всего, как самый убедительный, что в ее положении у девушки всегда бывает «некто»; это настолько принято, что он не переменил тему, даже когда в комнату вошел его дядя. Господин этот принял участие в разговоре и только заметил племяннику: что надо всегда заботиться о соблюдении приличий; жена у него молодая, привлекательная и было бы величайшей неосторожностью толкнуть ее на измену, подав ей соответствующий пример; с другой стороны, женившись на ней без любви, а лишь ради приличия, он должен прежде всего обзавестись одним или двумя наследниками, после чего оба они уже могут считать себя свободными; брак — не вечное рабство, как воображает простонародье и кое-кто из людей, зараженных предрассудками, брак — социальный договор, имеющий целью поставлять государству подданных, а также поддерживать род путем сочетания

двух богатых и знаменитых ветвей.

Мне показалось, что это те самые доводы, с помощью коих маркиза уговорили жениться, ибо он в таком духе и ответил, а именно, — узы эти нерасторжимы, однако сын его лишен всяких прав, и пусть не забывают его предупреждения насчет того, что если у него не будет наследников, то он станет настаивать на расторжении брака, в чем ему и была обещана поддержка.

Другой довод маркиза таков: сестре надо показаться в свете; богатство, открытый дом привлекут к ней избранное общество, среди которого она будет блистать своим изяществом и талантами, и постепенно усвоит тон, который со временем будет ей необходим. Я возразил, что девушка не может держать открытый дом, не вызывая кривотолков. Но это его не убедило; он привел мне в пример некую Нинон де Ланкло{55}, которая была куда хуже того, чем по его мысли должна стать

{55} Комментарии: 2.55

Нинон де Ланкло (1620—1705) куртизанка, славившаяся красотой и образованностью; ее салон посещали многие выдающиеся современники, особенно из среды вольнодумцев. Ей противопоставляются автором две женщины из высшего общества: *Франсуаза де Ментенон* (1635—1719), внучка поэта Агриппы д'Обинье, жена писателя Поля Скаррона; овдовев в 1660 г., она была приглашена в воспитательницы детей Людовика XIV, а после смерти королевы Марии-Терезы (1684) стала морганатической супругой короля. — *Маркиза Мария де Севинье* (1626—1696) — автор «Писем», в которых отразилась вся жизнь придворного общества того времени.

Юрсюль, ибо та была куртизанка, тем не менее ее благосклонности добивались самые знатные и самые уважаемые люди того времени, и она даже была другом госпожи де Ментенон и госпожи де Севинье, хотя первая и отличалась строгой набожностью и пользовалась неограниченным влиянием на Людовика XIV. — Да и сейчас еще, — добавил маркиз, — ее почитают потомки.

В точности не знаю, о каком образе жизни идет речь, но Юрсюли он вряд ли придется по вкусу. Боюсь, как бы она опять не растаяла. Один из учеников нашего преподавателя, весьма красивый малый, но негодяй, нашел, кажется, дорожку к ее сердцу. Я решительно против этой дружбы и потому, что это партия безденежная, и потому, что он скотина. Он распутник и немного подтянулся лишь с тех пор, как Юрсюль обратила на него внимание; между тем знаю, что всякий развратник снова возвращается к старым привычкам, как только угаснет любовь, на время исправившая его. Юрсюль, кажется, прислушивается к моему мнению на этот счет, я возлагаю большие надежды на ее благоразумие, а еще больше — на советы кузины; я попросил отца д'Арраса поговорить с ней об этом предмете. Прошу тебя также высказать сестре свои соображения, объединим-

ся для борьбы с этой страстью, покамест она еще в зародыше, ибо стоит ей укорениться, и из такого сердца, как у нашей сестры, ее не вырвешь никакой силой. Неужели после былых блестящих надежд нам опуститься до какого-то Лагуаша, человека без средств и безо всяких заслуг? Парень не обнаруживает никаких способностей к искусству, лентяй, чревоугодник, влюблен в свою внешность. Право, как подумаю, что чуть было не застал сестру... Бывают в жизни вещи, с которыми трудно мириться, но хуже всего, конечно, то, что по ее вине мы упустили богатство и знатность.

ПИСЬМО CXII

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он рассказывает о том, как познакомился с маркизой де ***

Чудные творятся дела, мой друг! После предыдущего моего письма я часто виделся с маркизом, он стал со мною еще любезнее, мы с ним настолько сблизились, что он пожелал представить меня своей жене; он просил ее мне покровительствовать. За несколько недель я удостоился

значительных милостей моей новой доброжелательницы. Теперь прочти внимательно следующее.

Маркиз представил меня в тот момент, когда она была занята своим туалетом. Будучи мало знаком со светскими нравами, я удивился, что он ввел меня к полуголой молодой красавице, обладательнице самых соблазнительных прелестей, какие только может вообразить себе смертный. Из-под короткой юбки виднелись изящные ножки в прелестных туфельках; полузастегнутый корсет еще не обхватывал ее прекрасные груди, и они были видны во всем своем естественном великолепии; очарование ее стройной талии невозможно передать словами, в глазах светилась чарующая нежность и от всего этого в целом веяло привлекательной свежестью. Я был ослеплен. Маркиза заметила мой восторг, да и сам маркиз, по-видимому, был польщен. Чтобы дать мне время прийти в себя, он стал меня расхваливать. Юная дама спросила, не соглашусь ли я пожертвовать несколькими утренними часами, чтобы изобразить ее в образе нимфы. Сам понимаешь, я с жаром ухватился за возможность полюбоваться такой красивой особой. Мы приступили к работе на другой же

день; снисходительный супруг оставлял нас совершенно одних. Признаюсь тебе, что ровно столько времени, сколько я проводил с его женой, сам он проводил с моей сестрицей; я поощрял это тем охотнее, что всей душой ненавижу Лагуаша, — Юрсюль влюбилась в него, а мне хотелось их поссорить.

Уже на второй день юная маркиза призналась мне, что приключение ее мужа с нашей сестрой ей известно; более того, она сказала, что маркиз все еще влюблен в Юрсюль и пренебрегает законной женой. — У меня пе было к маркизу никакой склонности, — добавила она, — посему я легко утешилась в его безразличии. — Я писал портрет. Непринужденная беседа маркизы придала мне смелости, я отпустил несколько любезностей и не приметил ни малейшего неудовольствия.

На третий сеанс я принес портрет сестры в обнаженном виде. Маркиза, не знакомая с Юрсюлей, стала восхищаться ее красотой и похвалила мою работу. Я сказал, что это портрет сестры. Маркиза покраснела и совершенно серьезно спросила, не приукрасил ли я ее? Я отвечал, что, наоборот, не сумел возвыситься до натуры. — Быть того не может! — повторила она два-три раза. Она смотрела на меня, опускала взор, снова обращала

его на меня и вновь опускала. — Красивая семья, — проговорила она наконец, — и я уверена, что и дети у вас будут прелестные, если половина ваша будет столь же хороша, как вы. — Я улыбнулся и сказал, что она не ошибается, что у меня две дочери, красота которых даже превосходит красоту сестры. — Да в этом и нет ничего удивительного, ибо обе они — дети любви, — добавил я полушепотом. За такое признание меня похлопали по щеке. Остальную часть сеанса мы провели весьма приятно, а речи маркизы предвещали мне нечто из ряду вон выходящее.

Наконец, когда я в четвертый, последний раз пришел писать портрет, она взяла в руки портрет сестры и стала разглядывать его с мечтательным и грустным видом. Молча полюбовавшись им по меньшей мере минут пять, она сказала: — А ведь очень приятно иметь картину, где ты изображена как есть, где образ твой не заслонен ненужными драпировками, которые к нему не относятся и не стоят того, чтобы тратили время на их изображение! В прошлом месяце мне исполнилось семнадцать... — Тут она обнажила руку повыше локтя и спросила: — Как вы думаете, судя по этому, так же ли я хороша, как портрет мадемуазель Юрсюли? — Вы в десять раз лучше, — посмел я

ответить. — Ну, это уж слишком, и теперь я вам больше не верю... да и вообще все это глупость, — добавила она и замолчала. Я по глазам ее видел, что ей хочется чего-то; она колебалась, она даже покраснела. Наконец, она спросила, как я взялся за дело и добровольно ли сестра согласилась послужить мне натурщицей. Я рассказал о том, на какую плутню пустился, чтобы добиться своего. Маркиза покусывала губки, потом переменила разговор.

Спустя несколько дней я опять отправился к маркизе; привратник мне сказал, что она не принимает. Я не знал, что это значит, и счел за дурной знак; я уже привык, когда мне наносят обиду, винить в ней самого себя и скромно сносить ее; но тут камеристка, видя, что я собираюсь уйти, сказала, что мадам велела, в случае если я приду, просить меня подождать, пока она не освободится. Девушка тотчас же провела меня в комнату рядом со спальней маркизы. Не успел я войти, как появился маркиз. — Вы как раз кстати, — сказал он, смеясь, — я только что от жены; я застал ее на том, что она любовалась портретом вашей сестры и у меня мелькнула мысль: а не раздобыть ли нам другой портрет для сравнения? Ведь маркиза тоже недурна. — Как? — вскричал я,

— вы разрешаете мне видеть... — Тихо! — прервал он меня, прикрыв мне рот рукою: — духовники, лекари и живописцы скромны в силу своей профессии; считается, что они устроены не так, как прочие мужчины. — Прекрасно! — подхватил я, смеясь, — мне не пристало отказываться от столь приятного занятия и ждать, чтобы меня упрашивали. — Пойдемте же, — продолжал он. Я последовал за ним в комнату с одним лишь круглым оконцем, проделанном в ставне; около него стоял столик, где я мог разместить весь свой инструмент. Выходя, маркиз оставил дверь приотворенной. Две минуты спустя я увидел прекрасную маркизу у нее в будуаре; она была почти обнаженная и никак не решалась влезть в приготовленную для нее холодную ванну. При виде такого совершенства карандаши выпали у меня из рук. Между тем я быстро образумился и сообразил, что зря теряю время, которое, быть может, уже никогда не наверстаю. Я ошибался; мне дали достаточно времени и полную возможность наблюдать; лучшего и желать было нельзя; я постепенно увидел все прелести — они достойны были богини. Казалось, из ванны не выходят нарочно, чтобы я мог закончить набросок; как только я нанес на бумагу последний штрих, из

ванной комнаты удалились. Я просидел еще с четверть часа, поправляя рисунок и стараясь придать контурам ту округлость, которая четко запечатлелась в моем воображении, но была мною передана недостаточно правдиво, ибо я спешил и старался чересчур долго не останавливаться на поразившей меня детали, чтобы из-за этого не упустить какую-нибудь другую прелестную черточку. Наконец лакей доложил, что маркиза меня ждет. Она сидела за туалетом и я снова увидел бесценные сокровища, завладевшие моим воображением. Возвратившись домой, я принялся за работу, а так как прекрасные формы, которые мне предстояло написать, лишены индивидуальных особенностей, свойственных человеческому лицу, то я дописал фигуру по памяти. На эту работу у меня ушло несколько дней.

Наконец вчера я опять отправился к маркизе. (Забыл сказать, что муж ее приходил взглянуть на картину и пришел от нее в восторг.) Портрет прекраснейшей из женщин тщательно упаковали и его понес сопровождавший меня слуга. Меня просили подождать в той же комнате рядом с ванной и я, видя натуру, еще раз подправил некоторые черты, до того совершенные, что искусство бессильно уловить их сразу. Головы я не касался

— портрет маркизы был мною точно скопирован. Итак, работа была завершена (в той мере, какая мне доступна) и едва только маркиза ушла из ванной, я отнес портрет в ее спальню, но ее там еще не было; картину я поставил на то же место, где стоял портрет Юрсюли, и поместил его в ту же раму, а портрет сестры убрал.

Когда все было расставлено по местам, вошла маркиза: сначала она не взглянула на картину; лишь поговорив несколько минут, она в ответ на мои восторженные похвалы ее красоте решила посмотреть на портрет Юрсюли, чтобы проверить, так же ли совершенна и сестра. Не могу передать тебе милое изумление, сказавшееся в ее взгляде и во всех ее движениях, когда она узнала себя на подмененной картине. Ее прелестный ротик приоткрылся, она залилась легким румянцем и лицо ее выражало одновременно и удивление, и радость, и смущение. Ах, как хороша была она в этот миг! Мне хотелось броситься к ее ногам и преклониться перед нею как перед божеством. Последовал поток вопросов: — И это мой портрет? Но как же удалось вам... Мне следовало бы разгневаться... Ужели это маркиз... Вот как меня разыграли... Но вы, как видно, весьма снисходительны! Согласитесь, все же, что мне

нельзя не сердиться... Конечно, вы ничего этого не видели, а только вообразили... А то просто ужасно... Сюзетта (так зовут камеристку)! Не вы ли подстроили эту проказу? Берегитесь, — если вы, так я вас немедленно уволю. Да нет, во всем виноваты один вы, сударь, и вы один и будете наказаны. Но из жалости я накажу вас без свидетелей. Сюзетта ступайте. — Сюзетта ушла. — В сущности, — сказала она, когда мы остались одни, — я должна поблагодарить вас за ваш труд и за то, что вы столь лестно изобразили меня, ибо не верится мне, что я в самом деле так хороша. — Сам понимаешь, как я должен был отвечать. — Скажем лучше, что истинный художник создает только прекрасное, посему вы так хорошо и изобразили меня и я должна быть вам тем более благодарна, особенно если вы признаетесь, что действовали по распоряжению маркиза. — Я сообразил, что такое предположение надобно подтвердить и, как только это сделал, мне было сказано много лестных и даже нежных слов; но я не решался принимать их за таковые и лишь сегодня утром узнал от Сюзетты (она, кажется, желает мне добра), что маркиз обратился ко мне с просьбой по воле самой маркизы, которая из приличия не решалась заговорить со мною о

портрете; девушка сказала также, что маркиза относится ко мне*как нельзя лучше* (это ее выражение). Поэтому в разговоре с маркизой я отчасти пустил в ход свое умение поволочиться, но со всеми предосторожностями, ибо хоть я и не знаю света, разум подсказывает мне, что вышестоящая женщина, влюбленная и желающая быть любимой, все же не терпит, чтобы поклонник пренебрегал расстоянием, разделяющим их, и что сокращать это расстояние и под конец свести его на нет — это удовольствие, которое она оставляет всецело за собою. И подобных поклонников немало — начиная с графа Эссекса{56}, возлюбленного королевы (на днях я был на представлении такой трагедии), и кончая поклонником рядовой мещанки, которого погубила преждевременная фамильярность.

Об успехах своих (если таковые последуют) я тебе напишу. Ах, кузен! Какое блаженство! Я не ведал его до сих пор — обладать женщиной, на которую и взора поднять не решался, подчинить ее себе, да и не одну ее, а в ее лице — целое над-

---

{56} Комментарии: 2.56

... граф Эссекс, Роберт-Деверу (1567—1601) — фаворит английской королевы Елизаветы; принял участие в заговоре против нее и был казнен. Его история послужила сюжетом для упоминаемой далее трагедии Тома Корнеля (1678).

менное семейство, которое лишь с презрением посматривало на тебя... О, если мне удастся отомстить за сестру, то, будь уверен, я сделаю это наилучшим образом.

Сейчас я узнал от Юрсюли, что маркиз рассыпался перед нею в нежностях и делал весьма выгодные предложения[79]; сестра уверяет, будто он ничуть не возмутил ее, ибо выражался весьма почтительно и не столько требовал вернуться к прошлому, сколько старался сказать ей что-нибудь приятное; он просил верить, что чувство его внушено ее несравненной красотой... Неплохо было бы и для нее и для нас, если бы она придерживалась подобного образа мыслей пять месяцев тому назад!.. Тем не менее я очень рад этой перемене, ибо презренный Лагуаш внушает мне страшные опасения. Вот каковы женщины! Их сердце — лабиринт, из коего не выберешься. Они полны тщеславия и в то же время всегда готовы унизиться; у них ум, знания, благоразумие, но в тот момент, когда этого никак не ожидаешь, они вдруг все это опровергают и ведут себя как дурочки, невежды и сумасбродки. Никак не могу распутать такого клубка противоречий.

---

[79] Примечания: 1.79
См. предыдущее письмо.

Прощай, любезный ментор, — мысли эти мне тягостны, более того, они тревожат и огорчают меня. Устремляюсь в твои объятия, — дружба излечивает все недуги.

ПИСЬМО CXIII

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Мнение погибшего человека, который хочет, чтобы и другой погиб, проникшись безумием века сего

Вот ты и достиг той счастливой поры, какой я желал для тебя, но я никак не надеялся, что ты доберешься до нее так скоро. Одно только смущает меня: сумеешь ли ты закрепить свое счастье, сумеешь ли воспользоваться им? Ибо когда в молодого человека, выросшего в простой среде, влюбляется знатная женщина, ему всегда угрожают подводные камни, — а именно: он начинает забываться, становится дерзким п, следовательно, несносным. Я не подозреваю тебя в подобной мелочности и безрассудстве, но ты недостаточно снисходителен; чтобы господствовать над такими женщинами, надо пред ними пресмыкаться

и в то же время избегать низости, которая может вызвать презрение. Сколь полезны были бы теперь дружеские советы. Сколь необходима тебе сейчас осторожность, сколь необходима ловкость! Первое и главнейшее правило, которого ты должен придерживаться, это, как я уже сказал, не допускать, чтобы почтительность превращалась в угодливость, — последняя будет напоминать возлюбленной о твоем низком происхождении; вместе с тем тебе не следует в манерах чересчур копировать непринужденность аристократов; пусть в чувствах твоих не будет излишнего благородства, ибо тогда скажут: «Как жаль, что он не знатного происхождения! Он занимает в обществе не то место, какое должен бы занимать», — а подобный отзыв только напомнит о вашем неравенстве. Придерживайся же золотой середины, учтивостью уподобляйся аристократу, но не слишком возвышайся над уровнем хорошо воспитанного и скромного мещанина.

Маркиза распахнет перед тобою дверь в высший свет, воспользуйся этим. Вот, наконец, увлечение, достойное тебя. Оставь, брось прежние, в том числе и свою сударыню Парангон с ее неприступной добродетелью, и маленькую Фаншетту, рожденную, чтобы стать голубкой

какого-нибудь мещанина-домоседа, брось всех женщин и дев такого рода, в особенности же — подальше от тех, для кого любовь — ремесло, от всяких актерок, содержанок и т. п. Кроме того, теперь тебе нужно усвоить новую тактику: не принимай никакого вознаграждения за свои картины; всякий, кому платят, тем самым унижен; эта истина относится даже к поэтам: трудись, но как человек стоящий выше своей профессии, от этого твои произведения покажутся только более совершенными, и платить за них будут услугами, которые куда дороже денег. Но все же совершенствуйся, не приглушай своего таланта, но ищи успеха только у женщин, о других меценатах не помышляй; у тебя все данные, чтобы нравиться женщинам, — ты статен, привлекателен наружностью, изящество Адониса {57} сочетается у тебя с доблестью Алкида {58}, — подобный юноша в Париже, да еще в наш век, непременно найдет покровительниц. Но грош цена была бы моим советам, если бы я ограничивался задачей сде-

{57} Комментарии: 2.57

Адонис — юноша, наделенный редкостной красотой; был смертельно ранен вепрем и превращен Афродитой в анемон (греч. миф.).

{58} Комментарии: 2.58

Алкид (иначе Геркулес, Геракл) — герой многочисленных сказаний, олицетворение добродетели и физической силы (греч. миф.).

лать из тебя всего-навсего великого живописца! Достаточно, если в живописи ты будешь тем, чем является Д***{59} в поэзии. У меня другие планы! Но, повторяю, остерегайся подводных камней! Всецело посвятив себя одной, ты можешь нажить опасных врагинь; надобно ловко изменять; теперь вечных привязанностей нет; любовь наших красавиц — вспышка, и она тем ярче, чем меньше воспламенившая ее искра и чем слабее дуновенье, которое гасит ее; поэтому избегай мимолетной ревности и вскоре непостоянство станет для тебя выгодным, ты станешь сам себе господин; ты уже не будешь любовником, зато, если хорошо будешь себя вести, сохранишь друга и покровительницу. Но вернемся к маркизе.

Не могу скрыть от тебя, до чего я польщен твоим приключением. Дабы подольше сохранить ее благосклонность, присматривайся к ее намерениям; льсти ее вкусам, поддерживай и удовлетворяй их все, вплоть до ее пороков, если можешь извлечь из них выгоду... Я предвижу, что маркиз будет стараться возобновить связь с Юрсюлью; что из того, если новый ход событий будет для тебя даже еще благоприятнее, чем был

{59} Комментарии: 2.59

*Д**** — по-видимому, имеется в виду поэт Клод-Жозеф Дора (1734—1780).

бы его брак с сестрою? Именно женщина вознесет тебя на ту высоту, которой я желаю для тебя; женщина будет действовать куда энергичнее, чем мужчина, покровительствующий другому мужчине... Я даже посоветовал бы тебе понемногу свести на нет щепетильность милой Юрсюли[80]; думаю, что маркиз тем более привяжется к ней, что теперь он уже не может на ней жениться, а ты сам понимаешь, как такое положение укрепит твои связи с очаровательной маркизой!.. Не растолковать ли тебе все это сестре и не сделать ли ее своей сообщницей?.. Маркиз был бы занят своим романом, а тебе с маркизой все-таки следует всячески остерегаться огласки, а главное, держать себя в строжайших границах в присутствии челяди. Мужья редко жалуются на жен, если их к этому не побуждают толки в обществе и дома. В случае если окажется, что маркиза дорожит какими-то принципами, сообщи мне о них; мы с тобой сообща постараемся внушить ей более приемлемые взгляды. Женщин подобных ей не так-то трудно покорить, куда хуже иметь дело с ветреницами. Англичане-пресвитерианцы, считающие, что смеяться — преступление, не

[80] Примечания: 1.80
Что за негодяй!

знают человеческого сердца: хохотушка — песок зыбучий; в ее сознании ничто не задерживается и ничто нельзя в нем закрепить. Готов служить тебе per fas et nefas[81].

ПИСЬМО CXIV

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Предвидения, вскоре подтвердившиеся

Не знаю, братец, как все это объяснить, но у нас письмами Юрсюли недовольны; она пишет так, как раньше не писала. Суди сам — посылаю тебе два ее письма[82]. Вдобавок, что это такая за склонность к Лагуашу, непривлекательный портрет коего ты мне нарисовал? Не понимаю, как сестра может им увлекаться, наперекор собственному рассудку и твоим советам. Наши любезные родители и слышать о нем не желают, говорю раз и навсегда. Девушка подобная ей — добронравная и с приданым — вполне может сыскать себе пару; посему, братец, наши добрые

---

[81] Примечания: 1.81
Всеми правдами и неправдами *(лат.).*

[82] Примечания: 1.82
Эти письма утеряны.

батюшка с матушкой передают тебе всю свою родительскую власть в отношении Юрсюли. Понял меня, брат? И просто покажи ей это письмо, а я со своей стороны советую тебе ни в коем случае не допустить неподходящего для нее замужества.

Но сказать ли тебе, любезный Эдмон, что я думаю на ее счет? Ладно, скажу; иначе я изменю нашей крепкой дружбе. Что-то подсказывает мне, что вам обоим грозит беда, и мысль такая приходит ко мне невольно именно после ваших писем. И в твоем, и в ее поведении чуется мне что-то неладное; похоже на то, что обоим вам стыдно и что вы пишете с тем, чтобы подготовить себе оправдание на тот день, когда я узнаю о ваших проступках... Любезный мой, бедный Эдмон! Вспомни наше детство; вспомни как мы, выслушав батюшкины наставления, давали друг другу обещания быть честными людьми и добрыми христианами; вспомни нашу милую матушку — сколько раз она говорила о том, как радостно будет ей видеть, когда мы подрастем, наши успехи в жизни и в то же время наше стремление к добру. И если мне позволительно думать, что и я занимаю в твоем сердце какое-то место, — вспомни обо мне, о своем старшом, который любит тебя и дорожит твоею честью, благополучием,

добронравием и чистотой веры, как своими собственными. О, как мне будет прискорбно, если твои беды, твои заблуждения... Вот, братец, слеза скатилась из моих глаз... Боже, как она горька!.. Мари-Жанна, моя жена, которая приходится тебе сестрою, и любит тебя как если бы была твоей единокровной, каждодневно, друг мой, молится о тебе. Это меня утешает. Она такая добрая! Господь внимает молениям добрых, которые обращаются к нему с сердечной непосредственностью. Бесценная женщина, она любит тебя как мать... А детки наши, друг мой, уже начинают копошиться вокруг нас и порою один вид их отвлекает меня от всех огорчении... Зато, Эдмон, бывает и так, чт'о мысль о детях еще более обостряет горе! Ребятишки напоминают мне о детстве и я думаю: «Вот такими же были и мы с братьями; Эдмон был такой, как его крестник, — а теперь мы разлучены!..» И сердце мое содрогается, на глаза набегают слезы... Что касается Бертрана и Жорже, то им живется хорошо, у них славные жены... Скажу тебе кстати, что Эдмэ с отцом на прошлой неделе приезжали к нам в гости. До чего хороший, почтенный человек папаша Сервинье! А если бы ты видел как Эдмэ льнет к Мари-Жанне и как Мари-Жанна отвечает ей взаимностью! Жена

говорила мне: «Этой милой и доброй сестрицей мы обязаны Эдмону; ведь это он подарил нам ее, но его-то кто нам вернет?..» Они очень хорошо отзывались о тебе, просто удивительно, как тебя все любят и сожалеют о твоем отсутствии! Кажется, нет для них большей радости, как видеть тебя... Любезный Эдмон, здесь чувства — искренние; в городе, говорят, они всегда обманчивы. Знаю, тебя будут любить повсюду, но мне сдается, что дружба злых, бесчестных людей — тот же яд; это все равно, что дружба кошачья — под ласковой лапкой всегда скрыты когти. Посему настоятельно советую тебе крайнюю осторожность как в отношении нашей сестры, так и в отношении самого себя. Сейчас спокойствие всего семейства зависит от вас двоих.

ПИСЬМО CXV

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Юрсюль соглашается на побег

Ах, друг мой! Что со мною теперь станется! Юрсюль и Лагуаш скрылись... Негодяй соблазнил сестру, похитил ее... или, вернее, она сама преда-

лась ему... Безрассудная девушка! Сумасбродка и хуже того — обманщица! Как она меня дурачила, притворяясь будто слушается моих советов и благосклонно принимает ухаживания маркиза! Мы оба злы на нее и возмущены ее недостойным выбором. Но это еще не все: как сказать родителям о таком несчастьи? Боже! Сколько посыплется упреков! Но можно ли было предполагать что-либо подобное? Девушка разумная, скромная, состоявшая в постоянной переписке с госпожой Парангон!.. Мы разыскиваем ее: маркиз исхлопотал официальные полномочия и я не сомневаюсь, что беглецов вскоре задержат. Но... но этим зло еще далеко не будет искуплено. Жду от тебя ответа, друг мой, или твоего приезда... Госпожа Канон рвет и мечет; меня она упрекает в том, что подавал дурной пример, что я без ее ведома сватал сестру, притом сватал неудачно, и несет всякий вздор. Будто все это и погубило сестру. А погубила ее — любовь! О роковая страсть!.. Маркиза негодует, ибо теперь ее муж сядет нам на шею... Так или иначе, лети ко мне на выручку.

ПИСЬМО CXVI

ОТВЕТ

Как подлец относится к преступлению

Пожалуй, я допускал возможность подобной выходки, какого бы хорошего мнения ни был о твоей сестре, но признаюсь, я не решался сказать тебе об этом. Дитя мое, как только женщина вкусит утех любви, хотя бы в итоге насилия, ей уже не устоять перед искушением. Начиная с Кассандры{60}, дочери доброго царя Приама, которая была лишена невинности святотатцем Аяксом{61} в храме Минервы и стала после этого публичной девкой, вплоть до твоей сестры, миллионы женщин, о коих умалчивает история, пошли по стопам сей злосчастной царевны. Три четверти наших парижских шлюх сначала стали жертвами насилия. Это неутешительно, но, друг мой, так оно и есть. Я выеду на днях и мы поста-

---

{60} Комментарии: 2.60

Кассандра — дочь Приама и Елены, обладавшая даром пророчества (греч. миф.).

{61} Комментарии: 2.61

Аякс — сын Оилея, участник троянской войны (греч. миф.).

раемся отделаться от твоей сестры, подыскав ей какого ни на есть мужа; теперь эту девушку уже не убережешь. Прошу тебя ничего не сообщать родителям, ибо не теряю надежды скрыть от них эту историю.

Только что виделся с госпожой Парангон; узнав новость, она остолбенела. Мне легко было бы распушить ее и я охотно сделал бы это, не будь Юрсюль твоей сестрой. Госпожа Канон написала ей, письмо подали как раз при мне; госпожа Парангон спешит на него ответить и просит никому не рассказывать о случившемся. «Вот наша участь!» — воскликнул некий знаменитый дурак, при виде околевшей лошади. А я скажу: «Вот женская добродетель!» Твоя очаровательная кузина, между нами говоря, приняла мудрое решение избегать тебя.

Что до прелестной маркизы, могу лишь повторить то, что уже говорил. Ублажай ее; помогай мужу, когда Юрсюль найдется, теперь она уже не будет столь щепетильной. А в дальнейшем, друг мой, не выходи из равновесия из-за пустяков; ты говоришь о девушке, похищенной с ее согласия так, словно речь идет о разграбленном городе. Будь уверен, пока ты мучаешься, красотка в объятиях любовника вкушает... Завидую Лагуашу, а

будь я женщиной, так завидовал бы Юрсюли.

ПИСЬМО CXVII

ВОЗРАЖЕНИЕ

Юрсюль приходит в себя; подлость ее любовника. Низость Эдмона и сопутствующие ей пороки

Впервые ты чересчур грубо отзываешься о бедах своего друга и я недоволен твоим письмом. Я всесторонне обдумал его; я достаточно тебя знаю, и не сочту тебя человеком бесчувственным; я хорошо понимаю, что ты говоришь столь легкомысленно лишь для того, чтобы немного утешить меня и смягчить, сгладить впечатление, произведенное на меня событиями. Но такой уж у меня склад ума: я легко мирюсь со всем, что касается лично меня, зато придаю большое значение тому, что касается моих родных или друзей. Поэтому в другой раз придерживайся легкого тона, говоря о какой-нибудь невзгоде лично меня касающейся, но суди серьезнее и разумнее о том, что относится к близким мне людям, иначе ты, вместо того, чтобы залечить рану, только

растравишь ее, а я знаю, что такого намерения у тебя нет. После сего краткого вступления, которое считаю необходимым, перехожу к последним сведениям относительно моей сестры.

Ее отыскали; Лагуаш мерзавец; я имел удовольствие вчера высказать ему это. Бедная девушка пришла в себя; ей нестерпима была мысль, что она причинила мне такое горе своим побегом. Маркиз приходил раз по десять в день за новостями; он вошел почти одновременно с нею; при виде Юрсюли он замер на месте. Очнувшись, он подошел к неблагодарной и сказал: — Счастье мое всегда зависело от вас; мало того, сама жизнь моя зависит от того, как вы меня примете. Ах, мадемуазель, вы бежите от человека, который обожает вас и следуете за тем, кто вас обманывает!.. — Юрсюль вздумала было оправдывать Лагуаша. — Мадемуазель, — возразил маркиз, — я употребил жестокое слово; я хочу сказать, что не допускаю, чтобы человек нормальный, со здравым умом и чистым сердцем, стал вас обманывать. Как может мыслящее существо остаться равнодушным к вашим прелестям? Но скотина, но существо ограниченное, лживое, сердце бесчувственное и порочное не в силах вас оценить. Хотите убедиться, что в таком очаровательном

создании, как вы, он ценит только деньги? Дайте согласие и я предложу ему ваш капитал с условием, что он женится на вас, но тотчас же с вами разлучится и уступит вас мне. — Юрсюль стала уверять, что ее возлюбленный не способен на подобную низость. Все же она согласилась его испытать. — Что ж, скоро вы узнаете, что он собою представляет, — заключил маркиз.

И действительно, на другой день он привел к нам Лагуаша, а меня с сестрой спрятал за портьерой; потом покровительственным тоном, обычным у вельмож, он изложил Лагуашу свое предложение. Мы ожидали спора, возражений, — ничего подобного; Лагуаш согласился на сделку без колебаний, с таким смешком, который даже красноречивее, чем сам поступок, изобличал его подлость. Он сказал маркизу: — Вы сами знаете ей цену, сударь; вы ведь ее наградили ребенком, помимо ее воли, как говорят. — И говорят правду, — ответил аристократ, — своего поступка я буду стыдиться всю жизнь. — Ну, а я сотню таких обработал бы и только гордился бы этим, а потом перепродавал бы их за любую цену — был бы покупатель. — Ступайте и ждите меня в нашем особняке, — сказал маркиз, побагровев от ярости. Что касается меня, то я еле сдержи-

вался и, продлись разговор еще две-три минуты, я выскочил бы и зарезал бы подлеца. Юрсюль, заливаясь слезами, по взглядам моим понимала, как я взволнован; она обняла меня и удерживала изо всех сил. Как только Лагуаш удалился, мы вышли из укрытия и я воскликнул: — Какой мерзавец! — Убедились? — спросил маркиз. Юрсюль поступила правильно: она поблагодарила его и уверила в том, что слезы, которых он свидетель, — последние. Эти слова и тон, каким они были произнесены, до такой степени тронули маркиза, что он бросился к ее ногам. Сестра протянула ему руку, он поцеловал ее; в этот миг мне показалось, что между ними полное согласие и я надеюсь, что все наладится, если только Юрсюль опять не выкинет какую-нибудь штуку. Разумеется, мне весьма претит, что она вовлечена в предосудительную связь после того, как чуть было не стала законной супругой... Но мой роман с маркизой, выгоды, какие я от него ожидаю, помощь, какую я намерен оказать сестре по твоим мудрым советам, — все это подсказывает мне такое поведение, которое, несомненно, сочли бы весьма преступным, если бы узнали о нем.

Оставив Юрсюль со служанкой, умной девушкой, в которой мы были вполне уверены, мы с

маркизом отправились к Лагуашу в сопровождении нескольких слуг, которые должны были войти в дом лишь по условленному сигналу. Маркиз обошелся с ним по заслугам; подлость этого проходимца распалила его гнев, он потерял самообладание и унизился до того, что ударил негодяя. Я и сам был взбешен, однако человеколюбие заговорило во мне, и я просил маркиза его пощадить. Маркиз сразу утихомирился и только приказал Лагуашу в течение трех часов выехать из Парижа, причем предупредил, что если Лагуаш попадется ему на глаза часом позже, то будет убит на месте. А чтобы у него не было предлога для промедления, маркиз отсчитал ему на дорогу двадцать пять луи. Лагуаш принял их со свойственной ему подлостью, но, уходя, стал извергать потоки брани. Слуг мы не звали, ибо в них не было надобности, но они не могли стерпеть дерзость подлеца и так отлупили его, что мы боимся за его жизнь. Маркиз велел перенести его в свой особняк и делает все возможное, чтобы спасти несчастного. Мы очень сожалеем об этом происшествии, ибо оно может вызвать толки и послужить нам во вред. Вот как обстоят дела сестры, а теперь о моих.

Маркиза относится ко мне все лучше и лучше.

Портрет ее я закончил; в ее наготе нет ничего непристойного, ибо я старался изобразить лишь то, что приятно для созерцания; портрет повесили в ее спальне, портрет сестры можно считать парным ему; и надо признать, что маркиза ни в чем не уступает сестре. Но я очень удивился, когда маркиза, показывая портреты двум своим приятельницам, не постеснялась сказать: — Это любовница моего мужа; как вы ее находите? — Начались сравнения и, как ты сам догадываешься, победу одержала маркиза как присутствующая при обсуждении. В это время вошел маркиз: беседа спокойно продолжалась на ту же тему; маркиз тоже высказался; делая вид, будто любуется женой, он, однако, с трудом отрывал взгляд от точной копии прелестей Юрсюли. Он обещал маркизе подарить ей свой портрет, выполненный тою же рукой. — А все-таки будет чего-то недоставать для полноты картины, — заметила одна из дам и, склонившись к уху маркизы, громко сказала: — Такой муж вполне заслуживает того, чтобы рядом с портретом его любовницы поместили портрет красавца, который мстит за вас. — Маркиза улыбнулась и украдкой бросила на меня выразительный взгляд. Ах, друг мой, сколько в нем было очарования! Суди сам

по действию, какое он на меня произвел. Меня обуял творческий восторг и я тут же добавил на портрете несколько мазков, благодаря коим ее обожаемое лицо стало еще вдесятеро живее. Она поняла все значение моего порыва: взгляд ее поощрял меня, распалял во мне вдохновенье, возносил куда-то ввысь. Выслушав восторженные похвалы дам и маркиза, я вышел в соседнюю комнату и сделал карандашный набросок сговорчивого супруга; надеюсь, что он выйдет похож, но приукрашивать его я не собираюсь; угодливость и лесть, доступные моему искусству, я приберегу для его портрета, который он намерен повесить у Юрсюли. Не страшно, если сестра заметит, что он приукрашен; ведь мы постепенно и незаметно для самих себя всегда находим в оригинале черты, изображенные на приукрашенном портрете. Опыт уже убедил меня в этой истине.

Откровенно говоря, мне кажется, что маркиз осведомлен о чувствах, связывающих меня с его женой, и поощряет их, ибо он старается предоставлять нам возможность быть наедине. Конечно, я ему оказываю такие услуги, что он должен быть доволен. Теперь он обращается со мною как с братом и настолько сглаживает разницу между нами, что можно подумать, будто Юрсюль — его

супруга. С другой стороны и сестра, несомненно, тронута таким обращением со мною и поэтому становится к нему благосклоннее... Однако, как осмелился я сказать это! Порою во мне оживают мои былые предрассудки... Сестра моя — содержанка!.. И притом безо всякой необходимости, раз она богата!.. Прочь эту пустую щепетильность: благородство, почтительность, с какими маркиз относится к ней, должны вполне успокоить меня. Она будет хозяйкой дома, будет устраивать обеды, блистать в обществе выдающихся людей и станет новой Нинон. Один из приятелей Негре, писатель куда талантливей, чем он, собирается посвятить ей свое произведение. Представь себе, каким он ее окружит ореолом! Маркиз нанял для нее актера из отличного театра, чтобы она училась декламации; певец из Оперы и знаменитейший танцор занимаются с нею, один ставит ей голос и прививает вкус к пению, другой совершенствует походку и развивает ее природные данные для искусства Терпсихоры. Он собирается устроить ей дебют в одном из трех театров, смотря по тому, какой из них окажется наиболее подходящим для ее способностей, но только с тем, чтобы она блеснула там раз пять-шесть и приобрела ту особую привлекательность, какая свойственна

женщинам, ставшим кумиром публики. Я весьма одобряю все эти замыслы, ибо полагаю, что таланты сестры и некоторая ее известность будут содействовать и моим успехам.

(Прошло больше года с тех пор, как Эдмон приехал в Париж; родителям он писал к Новому году, но даже не выразил пожелания, чтобы год был для них счастливым, считая, видимо, что такого рода пожелания — пошлость).

ПИСЬМО CXVIII

1754 г.

ОТ ЮРСЮЛИ К МАРКИЗЕ

О боже, до чего докатилась сестра!

Сударыня!

Пишет Вам не соперница (бог свидетель, я *не такая),* пишет уважающая Вас девушка, мной руководит чувство благодарности. Я знаю от брата, что Вы благоволите оказывать ему внимание, но я Вам пишу сейчас тайком от него. Будьте уверены, сударыня, что нет человека, более достойного

Ваших милостей, чем он. Его уважению к Вам и преданности нет границ, они могут сравниться только с моей собственной привязанностью к горячо любимому брату. По этой привязанности и судите, сударыня, о просьбе, с какой я обращаюсь к Вам. Ваш муж любит меня, и поверьте, что его несправедливость к Вам отнюдь не располагает меня платить ему взаимностью. Сейчас я вручаю Вам его судьбу и жду от Вас указаний, как мне вести себя. Как мне к нему относиться? Как Вам угодно, чтобы я вела себя с его соперниками? Их несколько, и ко всем ним сердце мое так же равнодушно, как и к нему. Предоставляю себя в Ваше распоряжение и, если надо за Вас отплатить, я готова на все, даже в ущерб себе. Приказывайте же, сударыня, и благоволите помнить, что Вы останетесь полновластной повелительницей той, что осмеливается назвать себя Вашей почтительнейшей..., и т. д.

ПИСЬМО CXIX

ОТВЕТ

достойной супруги мужа-распутника

Наша переписка нечто столь неожиданное и пикантное, что я не в силах от нее отказаться. Но чего же ты хочешь, милая девушка? Я не ревнива, нет, уверяю, я *не такая.* И однако я частично принимаю твое предложение; когда предоставляется случай помучить мужа, ни одна женщина не откажется от этого, и я не хочу быть тут исключением, такая добродетель мне не по душе, она слишком похожа на глупость. Поэтому сделай мне приятное — спусти на него всю свору. Он бешено ревнует (тебя, разумеется), так кокетничай же без удержу, а если этого будет мало — так иди еще дальше. За все, что ты для меня сделаешь, будет вознагражден твой брат и я воспользуюсь любым случаем, чтобы выдвинуть его. Прощай, красавица. Ты и прежде мне нравилась, а теперь я от тебя в восторге.

(Без подписи)

ПИСЬМО CXX

ВЫЗОВ

Юрсюль принимается разорять маркиза и предлагает его жене разделить с нею добычу

Ваше распоряжение будет выполнено, сударыня. Всю неделю я изощрялась в прихотях; все они были удовлетворены и, уверяю Вас, за немалые деньги, но мне совестно, сударыня, транжирить состояние, половина коего принадлежит Вам. Осмелюсь ли сделать Вам предложение и не будет ли это нескромным с моей стороны? Воспользуйтесь же, по крайней мере, моими набегами.

Жду Ваших распоряжений, чтобы сделать Вас участницей исполу. Честь имею..., и т. д.

ПИСЬМО CXXI

31 января

ДОСТОЙНЫЙ ОТКЛИК

Маркиза принимает предложение

Нет границ, милочка, моему изумлению и восторгу, которые ты во мне вызываешь. Право

же, выдумка прямо-таки неслыханная! И чтобы поощрить столь прекрасный план, обещаю тебе цену, которую ты запрашиваешь; да, очаровательная девушка, именно тебе, почти в той же мере, как и самому себе, *он* будет обязан счастьем! Итак, принимаю твое предложение. Действуй и раздели прибыль по совести. Не перестаю радоваться выбору маркиза, лучшего он сделать не мог; ты его огорчаешь, ты отвлекаешь меня от моих невзгод, даже помогаешь извлечь из них выгоду... Придется со временем напечатать твое жизнеописание; сегодняшняя выдумка восславит тебя в глазах потомства; ручаюсь, что память о тебе сохранится вечно. Прощай, крошка. Люблю тебя всем сердцем.

(В письме от Эдмона к Годэ, которое я читал, но впоследствии не обнаружил, содержалось следующее:)

10-го числа у Юрсюли была репетиция, а в воскресенье 11-го она дебютировала в Опере, в балетной группе «Шанз-Элизе»; она играла в балете «Кастор и Поллукс»; эту роль обычно исполняет мадемуазель Лани; танец Юрсюли вызвал единодушные рукоплескания. Нет слов, чтобы выразить, как легко и томно она танцевала! Но

маркиз хочет, чтобы этим она и ограничилась, я того же мнения. Несколько вельмож, присутствовавших на спектакле, уже направили к ней своих посланцев, но дверь для всех оказалась затворенной. Наибольшее упорство проявил посол***; он уже преклонного возраста, но у итальянцев любовный пыл сохраняется долго. Чтобы положить шумихе конец, Юрсюль распрощалась и больше на театре не появится.

Госпожа Канон весьма удивлена, что сестра не вернулась к ней. Это, мол, противоречит ее планам, и т. п.

Конец четвертой части

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПИСЬМО CXXII

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Несмотря на свою развращенность, он еще чувствует угрызения совести; но женщины склонны к большим крайностям; сестра угрызений не испытывает и старается приглушить их в сердце Эдмона

Наконец-то я счастлив... Ах, любезный мой ментор, я колебался сказать ли тебе об этом. Но когда искренний друг пребывает в неведении о наших радостях, так это еще не полное блаженство. Я счастлив... но в настоящую минуту я все-таки недоволен... Умолкните, призраки, созданные моим воображением. Давние предрассудки! Сгиньте навеки или дайте мне хоть несколько мгновений насладиться неомраченной радостью. Да, да, она отдалась... Да полно, тебе ли, Эдмон? Мог ли ты вообразить, когда у себя в деревне гнал отцовское стадо, те вершины славы, на которые возвела тебя несравненная маркиза?..

. . . . . .

Сейчас я бросил перо; тщетно стараюсь убедить себя в своем счастьи, оно становится для меня тягостным бременем. До чего я доведен! Ах, кто сказал бы мне в дни юности: «Ты соблазнишь чужую жену, ты продашь ее мужу сестру родную! Собственную сестру! Продашь Юрсюль, милую,

непорочную Юрсюль, ребяческие забавы которой так радуют сейчас твою мать». Увы, если бы я тогда ясно представлял себе, что такое счастье, ужели не стал бы я его воздвигать на основе честности? Я мечтал бы о законном союзе с милой, добродетельной девушкой... Нет, я не счастлив! Нет, нет, это вовсе не счастье. Ах, Годэ, вы с д'Аррасом погубили меня...

Опять прервал письмо, но по причине более утешительной. Страшная буря, которой я был охвачен, рассеялась, и это Юрсюль успокоила меня. Какого же ты будешь мнения о своем последователе, если простая девчурка оказалась философичнее и рассудительнее, чем он? Сестра растолковала мне, что все, именуемое нами «честью, добродетелью», на деле вовсе не соответствует истинной сущности сих понятий... Мне казалось, что говоришь со мною ты сам; твоя ученица, подлинно, делает тебе честь. Я заметил, что у женщин пользуются особым успехом два рода людей: те, что стремятся сделать из них святош, и те, что стараются превратить их в свободомыслящих. Значит, надлежит следовать по пути, указанному тобою; прости же мне непрестанные возвраты к предрассудкам, внушенным мне воспитанием. Порой они так одолевают меня,

осаждают так яростно, что с ними не сладить. Я ничего не скрываю от тебя; хочу, чтобы ты был очевидцем моей борьбы и моего торжества.

ПИСЬМО CXXIII

ОТ МАРКИЗЫ ДЕ *** К ЭДМОНУ

Высокомерное отношение порочной женщины к нижестоящему и к сообщнику, которого она хочет обмануть

Ревность! Какой же Вы ребенок! В уме ли Вы? Друг мой, да какая же мне корысть обманывать Вас? Что привязывает меня к Вам? Только то, что Вы мне нравитесь. А вот если Вы разонравитесь... Я разумнее Вас и в этом Ваше счастье. Приходите вечером, слышите? Я так хочу.

(Без подписи.)

ПИСЬМО CXXIV

В тот же день, что и предыдущее

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Дурное поведение мужа влечет за собою распутство жены. Эдмон все глубже погружается в трясину

Я только что сделал досадное открытие: маркиза взяла мне помощника (не могу сказать «соперника», — это изрядный плут, вида весьма внушительного). Сегодня утром, пользуясь своей привилегией, я вошел в комнаты маркизы; в это время я обычно нахожусь у своего учителя, посему меня здесь не ждали. Неслышно отпираю дверь ключом, который дала мне изменница, на цыпочках подбираюсь к дверям ее будуара и обнаруживаю, что она там не одна. Я в нерешительности: как поступить? Наконец, решаю уйти в соседнюю комнату и из предосторожности принимаюсь там рисовать. Оттуда-то я и увидел, как вышел от маркизы верзила. Не могу передать до чего я огорчился. Однако я сдержался, ибо маркиза еще могла видеть и слышать объяснение соперников, но как только мошенник стал спускаться по лесенке, ведущей в сад, я стремительно бросился ему вдогонку. Его торжествующий вид настолько распалил мой гнев,

что я порезал ему лицо, предупредив при этом, что если он осмелится звать на помощь, я заколю его насмерть. Когда нападают на виновного, он всегда думает, что преступление его обнаружено, — так и этот, бросившись передо мной на колени, стал умолять, чтобы я пощадил его и не выдал маркизу покамест он не скроется. Я оставил его на месте и, весь забрызганный кровью, побежал к маркизе. Заметив меня, она сделала вид... ах, какая подлость... сделала вид, будто крайне встревожена моим состоянием; бросилась обнимать меня, стала участливо расспрашивать *с кем это я подрался?*

— Я проучил наглеца, который возомнил о себе благодаря вашим милостям... — Благодаря моим милостям? — На этом объяснение прервалось, ибо маркизе доложили о приезде графини, ее матери. Я удалился. Час спустя я получил от маркизы записку[83]; она приказывала мне вернуться; суди сам, как я был к этому расположен. Но сестра видела посланца, она вошла ко мне, когда я еще держал записку в руках и, помимо моего желания, прочла ее. Ах, друг мой, как женщины в некоторых случаях поддерживают друг

[83] Примечания: 1.83
Это предыдущее письмо.

друга! Юрсюль не давала мне покоя, покамест я не написал ответ в том духе, как ей хотелось. Воображение мое отказывалось, но сестра продиктовала мне текст.

«Прошу Вас, сударыня, истолковать мой поступок не иначе, как следствие крайнего опасения утратить Ваше сердце; оно — величайшее мое сокровище, и я не был бы его достоин, если бы не оберегал его. Подчинюсь Вашей воле и признаюсь, сударыня, что мне самому это было необходимо; лишь у Ваших ног могу я вновь обрести утраченный покой. Осмелюсь сказать, сударыня, что если Вы гневаетесь на мою необузданность, то Вы несправедливы и не ведаете, сколь беззаветно предан Вам

покорнейший из Ваших рабов».

Рабов! Почему это слово так возмущает меня? Сестра права. Не будь я *презреннейшим из рабов,* ужели унизился бы я, опустился бы до того, что стал скрывать измены своей любовницы! Мадлон была того же пошиба, но какая разница в моем поведении! Ужели только оттого, что эта — маркиза? Но что мне до того? Вдобавок женщина, уступающая мужчине, будь это хоть ее лакей, всегда оказывается в более низком положении, чем мужчина, которому она отдается.

После столь блестящего ответа пришлось вечером предстать пред лицом любовницы Шампаня{62}. Я застал ее в прелестном туалете; трудно вообразить себе что-либо более соблазнительное. А грудь!.. Ах, Годэ, как мы слабы, когда боготворим все это! Несмотря на записку, которая была написана лишь моей послушной рукой, а отнюдь не продиктована разумом, я пришел, собираясь излиться в резких упреках. И что же? Обольщенный, ослепленный, очарованный, околдованный, я стал лепетать лишь нежные жалобы, за которыми последовало объяснение. Маркиза поклялась мне, что я единственный властелин ее сердца. — Но... (я вообразил, что это «но» ничего не означает, ибо оно было повторено раз пять-шесть, а за ним ничего не следовало; наконец, было добавлено:) Но сама от себя не зависишь... — Опять недомолвка, окончившаяся бесчисленными поцелуями, среди которых слышался лепет: — Сами видите, я с вами вполне откровенна... Давайте сговоримся... Если вы меня ненавидите, я не хочу больше жить... без вас я не могу быть счастливой... Ах почему, почему

{62} Комментарии: 2.62

Шампань — имя слуги, снискавшего благоволение маркизы. В старину во Франции было принято называть слуг по месту их рождения; слуга маркизы — уроженец Шампани.

человек, сорвавший первые цветы моего сердца, все-таки не... Ужели вы из числа тех, что придают значение любому пустяку и возмущаются преходящим удовольствием только потому, что не они его доставили?.. Успокойтесь и не тираньте женщину, которая вас боготворит. — Ничего не поделаешь, пришлось сдаться; да, думается мне, что и ты мне посоветовал бы так поступить.

Несколько слов о сестре. Она, кажется, осуществляет все то, что ты рассказывал о прекрасной Кассандре. Я пристально наблюдаю за нею и... признаться ли? — могу почти наверняка сказать, что и актер, и певец, и танцор добились от нее всего, чего хотели. Я попробовал было упрекнуть ее, но она стала приводить такие доводы, что боюсь, как бы она вскоре и вовсе не перестала оправдываться. Полагаю, что маркиза с нею в сговоре; Юрсюль напрямик сказала мне то, на что другая только намекнула; она сослалась на темперамент маркизы и на то, что муж ей неприятен и она его *слушается только ради меня...* Ах, вот жестокое признание, с ним я не свыкнусь никогда. Напиши ей; сам понимаешь, чего я от нее жду; у меня только и осталась надежда, что на твои мудрые советы.

ПИСЬМО CXXV

ОТ ГОДЭ К ЮРСЮЛИ

Мерзкие советы совратителя

Что же это, крошка? Слышу, что Вы не только следуете моим советам, но решаетесь даже превзойти их! Берегитесь, очаровательная Юрсюль! Ваши прелести — нежные цветы, они могут поблекнуть от сильных дуновений, а если прибегать к ним чересчур часто, они и вовсе могут сойти на нет; красавица должна походить на мимозу, — та съеживается при малейшем прикосновении. Никому не отдавайте ночи, они созданы для сна и для того, чтобы освежались Ваши прелести. Да и в другое время пусть утехи будут умеренны, иначе, волею Венеры, Вы рано утратите привлекательность. Остерегайтесь поцелуев, о которых говорит добрый Марциал:

Basia blandas imitata columbas[84]

Вам небезызвестно — у Вас прелестный ротик

---

[84] Примечания: 1.84

Я целоваться люблю, подражая нежным голубкам... *(лат.). Перевод Ф. А. Петровского.*

и соблазнительные нежно-алые губки; это — идеал красоты, их нужно тщательно оберегать. В отношении того, о чем скажу далее, — полная свобода.

Пишите нежные письма; упражняясь, человек развивает свой ум; расточайте милости, но такие, которые не во вред Вашей красоте; пойте, беседуйте, блистайте талантами, позволяйте обожать себя и не пренебрегайте ничем, чтобы вызвать обожание; дарите свой портрет и даже, если кто попросит у Вас то, что один великий человек попросил у прекраснейшей из француженок[85], не отказывайте ему; все это никому не вредит, зато создает друзей.

Мне не терпится попасть в Париж. . . . . .

(Я вынужден изъять последующие строки письма, как чересчур непристойные.)

Не забывайте, что знаменитая, великолепная Нинон, на которую я указал Вам как на образец, достойный подражания, предпочитала холодной, унылой добродетели приятную, разумную распущенность, благодаря коей ее любовники становились счастливейшими из смертных.

---

[85] Примечания: 1.85
Господин де В*** попросил у этой дамы ее туфельку и получил ее.

Поговорим о Вашем брате; бедный малый иной раз вызывает у меня зависть, а еще чаще — жалость. Из письма Лореты, только что полученного мною, я узнал, что он вынудил ее *нарушить клятву верности,* которую Лорета дала мне (это его выражения). Правда, я прощаю его, но согласитесь, что я имею право слегка отомстить ему, а именно — любить Вас, милая плутовка... Прощайте!

Ах, забыл... Берегите цвет лица, — но только в отношении свежести; никаких румян, никаких белил, никакой помады; больше покоя, почаще прохладные ванны.

ПИСЬМО CXXVI

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он упрекает своего развратителя, ибо люди порочные не могут не оскорблять друг друга

Твой неожиданный отъезд лишил меня возможности высказать тебе свое неудовольствие. Я думал, что ты подашь Юрсюли разумные советы, которые удержат ее в границах благопристойности, а случилось совсем наоборот. Теперь ее

не узнать; давая советы, ты думал лишь о том, как бы доставить самому себе удовольствия, на которые ты, по дружбе к нам, не должен бы был рассчитывать. Мы с Лоретой нанесли тебе обиду, но это случилось в минуту опьянения и ты должен меня простить. Я в полном отчаянии от дурного поведения Юрсюли; маркизу пришлось с ней расстаться; она ввела его в чудовищные расходы, причем сама ничем не воспользовалась. Я сделал ей на этот счет внушение, но... без видимого успеха и теперь буду вечно раскаиваться...

Все вокруг, кажется, объединилось, чтобы причинять мне огорчения. Маркиза со мною порвала; причина та, что при помощи преданной мне горничной я раскрыл ее новую измену. Я не собираюсь брать реванш, как она мне советовала; для этого пришлось бы заниматься с нею столько времени, сколько занимались все мои соперники вместе взятые. Ах, зачем я сам отказался от милой Фаншетты! Теперь я бросился бы в ее объятия, она утешила бы меня и в моей утрате, и в заблуждениях сестры, она предохранила бы меня от опасности еще большей, чем все предыдущие.

ПИСЬМО CXXVII

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Он трепещет при виде пропасти, в которую скатилась его сестра

Если в Вашем сердце еще сохранилась хоть капля нежности к моей сестре, придите, сударыня, ей на помощь! Не скрою, что время уже в значительной мере упущено, но не приписывайте случившееся ее врожденной испорченности; своими дурными примерами ее совратил брат, подлец, постоянно впадающий в постыднейший разгул, подлец, которого преследуют и гложут угрызения совести.. Не смею ничего к сему добавить... О, сколь я несчастен! Торопитесь, сударыня! Юрсюль погибает... увы, уже погибла!

ПИСЬМО CXXVIII

ОТ ЮРСЮЛИ К ГОДЭ

О боже, до чего всеобъемлюща развращенность городов. Сам воздух был бы осквернен, если бы это письмо прочитали вслух

Вы справедливо заметили, что брат мой малодушен, он не из тех независимых людей, которые, перешагнув через предрассудки, уже не считаются с заблуждениями рядовых людей; мне думается даже, что, не будь он так склонен к разного рода удовольствиям, он до сих пор не усвоил бы светских понятий.

Хочу рассказать Вам, какую я на днях сыграла с ним шутку. Он читал мне нравоучения и надоел мне донельзя. Я долго слушала; мое долготерпение все больше вдохновляло его; он продолжал разглагольствовать. Я встала и поцеловала его; от моей ласки он несколько повеселел. Мне пришла в голову сумасбродная мысль, а желание посрамить проповедника толкнула на ее осуществление...

*(Пьер Р*** изъял здесь большой отрывок; надо полагать, он вымарал то, чего нельзя было показать членам семьи, ибо это не принесло бы пользы.)*

Эдмон вполне заслуживает того, чтобы женщины сходили по нем с ума! Право же, у его ханжи-кузины недурной вкус и, вероятно, она не отказалась бы от нового повода проливать слезы и каяться.

(Здесь вымарку вынужден сделать Издатель — речь тут идет об образе жизни госпожи Парангон после ее невольного прегрешения с кузеном; Юрсюль самым предосудительным образом высмеивает основы добродетели, чести и религии. Она потешается также и над тем, как смущен был ее брат после преступления, на которое мы не решаемся даже намекнуть.)

После того как вы уехали, наши развлечения потеряли всякую остроту. Принять поклонника, выслушать его вздохи, получить от него подарки, расплатиться за них, а затем их истратить — вот и вся моя жизнь. Никакого разнообразия; все говорят и делают одно и то же. Вчера учитель танцев привел ко мне посла*** — это черный, высохший старик; я дурно его приняла; вечером мне принесли от его имени драгоценностей на десять тысяч экю. Волей-неволей пришлось про-

вести ночь с этим чучелом. Никогда еще меня так не терзали, а закончилось все это уж совсем безобразно...

(Вымарано несколько строк.)

Будет с меня итальянцев!

Знаете, что меня стращают приездом прекрасной и *чувствительной* Парангон: недавно у меня была тихоня Фаншетта (ее, конечно, прислала сестра); я постаралась, чтобы в ее присутствии все было, как полагается. Однако она посматривала на меня так кисло и жалостливо, что... Скажи, пожалуйста, неужели и у меня такой был вид, когда я была добродетельной? Если так, то я тебе крайне признательна, что ты рассеял мои иллюзии — они так портят хорошенькое личико! Положа руку на сердце, мне очень хотелось бы, чтобы брат поступил с ней так же, как с ее *добродетельной* сестрицей.

Приезжай поскорей, любезный мой Эпикур, надо расстроить происки недотроги-кузины в отношении брата; что до меня, то я выдержу любой наскок... А главное, не забудь воспользоваться услугами д'Арраса, чтобы настроить на нужный лад моих родителей — я все еще их побаиваюсь. Прощай, и т. д.

P. S. Не будь у меня огромных расходов, я просила бы тебя сделать моим старикам небольшой подарок, но отложим это на другой раз.

ПИСЬМО CXXIX

ОТВЕТ

Развращенность Юрсюли удивляет развратителя

Твои пожелания выполнены, моя прелесть; д'Аррас превзошел самого себя и добрые люди прибраны к рукам; они считают тебя чуть ли не весталкой; я сделал более — твой постскриптум принят во внимание; я не стал бы писать об этом, если бы не пришлось из-за подарка выдержать сражение со старшим братом и уломать его. — Подарок? А вправе ли она делать нам подарки? — Узнаешь братца? На всякий случай помни, что тут были упомянуты наградные из Оперы. Еще сценка: когда д'Аррас вернулся от них и я ему сказал все начистоту, он разревелся, как теленок, сокрушаясь о своем бесценном Эдмоне; он порывался ехать к нему и я еле-еле его отговорил. Подобно тому, как ради приличия требовалось,

чтобы монах заступился за тебя, так и мне по дружбе пришлось выгораживать Эдмона. Я постарался создать в воображении ваших родителей то, что собираюсь в скором времени сделать для него. Это не значит обманывать их, а только угождать им и радовать. Ведь счастье не что иное, как иллюзия. Кому знать это лучше тебя, которая так щедро дарует его! Не бойся, что Эдмон выведет их из заблуждения. Бедняга! Он похож на тех чревоугодников, которые беспрестанно проповедуют воздержание, ибо по горло сыты лакомствами; он влюблен в порок и даже его уродство кажется ему заманчивым, более привлекательным, нежели пресная красота добродетели. Твоя, как ты выражаешься, *проказа* представляется мне весьма ловким ходом; таким образом мы будем держать его в руках крепче, чем ты думаешь. А сознаешь ли ты, плутовка, что ты начисто освободилась от всяких предрассудков? Это весьма тебе к лицу, и я восторгаюсь тобою все больше и больше... Но трепещи! Прекрасная кузина уезжает; я узнал об этом и еду ей вслед... Обратить бы ее в нашу веру — вот был бы геройский подвиг! Не правда ли, прелесть моя? Эдмон может пособить в этом деле. Кстати, о нем. Я только что получил от него письмо, которое, уверен, он тебе не показал бы.

Письмо от Эдмона к Годэ

Право же, последние дни я сам не свой; не знаю, что со мной творится, чего хочу; но это не любовь овладела мною; неистовые, бешеные, одуряющие желания нельзя назвать любовью. Я не ревную; беспорядочное чувство, во власти коего я нахожусь, только крепнет при виде соперников и тогда желания мои распаляются до неистовства. Ее жесты, ее манеры, ее голос, шорох ее платья доводят меня до умопомрачения; я думаю только о ней; мой ум занят только ее совершенствами, подругам же ее я воздаю лишь внешние знаки поклонения; обладая ими, я вижу перед собою ту, что околдовала меня. Ах, сердце мое вконец развращено, испорчено; признаю это; я ненавижу себя, но излечиться от своего недуга не хочу... Знаю: невзирая на известное тебе препятствие, мне надобно привязаться к Фаншетте; да, надобно любить лишь одну эту очаровательную девушку, она — повторение ее обожаемой сестры и столь же добродетельна, как та. Вчера, доведенный до отчаяния терзающими меня чувствами, я решился обнаружить при ней весь пыл, зажженный во мне, правда, не ею; по глазам ее я понял, что она растрогана... по глазам прекрасным и ласковым,

в которых светится ангельская непорочность! — Вы губите себя, Эдмон, — сказала она мне, — губите себя, знаю; Юрсюль тоже себя губит — я поняла это, когда была у нее на днях; я больше к ней не поеду; но тете я ничего не сказала. Я хоть и младше вас всех, но вижу ваши заблуждения, и они приводят меня в ужас. А вы, по-видимому, не сознаете этого? Кто же так заколдовал вас? Друзья мои, кто же так заколдовал вас обоих?

Слова ее, произнесенные бесконечно трогательным тоном, взволновали меня до глубины души; греховный образ померк, милая Фаншетта воцарилась в ней как самодержавная владычица. Обрадованный происшедшей переменой, я вне себя бросился к ногам моей юной богини... Но тут же, по своей злосчастной привычке, разрешил себе вольность. Фаншетта оттолкнула меня с видом превосходства, свойственного душам невозмутимым, еще не подвластным буйным страстям. Я имел дерзость пожаловаться на такое обращение. — Напишите сестре, — сказала она, — чтобы она устроила нашу свадьбу; невзирая на грозящие мне опасности, я даю согласие и это, кажется, все, что я могу и должна сказать сейчас.

Кузина вот-вот приедет; ей придется побороть свою щепетильность. Не давай мне никаких

советов, в данном случае я не хочу их; у ног моих — бездна, и я уже склонился над нею. Предупреждаю тебя, что от сестры я скрываюсь, после нашей свадьбы жена моя... а пожалуй, и я сам не должны больше встречаться с нею.

Вот твой очаровательный братец! Надобно помешать этому браку, который превратит его в человека рассудительного и, следовательно, столь же несчастного, как и неудобного для окружающих. Ты, детка, знаешь его слабость; так удержи птенчика, чтобы он не улетел, устрой так, чтобы клетка стала ему желанной. Мне кажется, для того, чтобы излечиться от *бракомании* (к которой он всегда был весьма склонен), ему надлежит обработать Фаншетту. Жаль, что она не хочет повидаться с тобою! Ты сумела бы смягчить это гранитное сердце...

(Мы исключаем остальную часть письма, в которой совратитель расхваливает чувственность несчастной Юрсюли, ее мастерство в делах разврата, и спрашивает, где научилась она своей «сладострастной чувствительности»,)

ПИСЬМО CXXX

ОТВЕТ

Здесь опять говорит покинутая

Я одержала над Эдмоном полную победу: на маленькой ханже он не женится, будь уверен; бедная девочка, несмотря на свою ловкую невинность и хитрое простодушие, не получит его; ее не столь *добродетельной,* сколь *слабой* сестрице не придется более подвергаться добровольному насилию, от которого ее не спас бы и страх перед кровосмешением. Я, девушка и без того погибшая, решила взять на себя весь позор

*(К сожалению, мы вынуждены выпустить здесь некоторые подробности, которые Пьер Р*** почел долгом оставить в неприкосновенности; но среди них есть такие, на которые нельзя даже намекнуть. Далее Юрсюль приводит перечень мужчин, которым она отдавалась, причем хвалит или бранит их совершенно непристойным образом. Потом она*

описывает свои отношения с четырнадцатилетним подростком, которого она совратила. Об одном из самых подлых своих сообщников она говорит:)

Он воскликнул: — О божественная моя!.. — Но я знаю, что вы называете нас так именно тогда, когда хотите, чтобы ничего божественного в нас не осталось. Знайте, что с тех пор, как я заткнула рот своему проповеднику, жизнь моя протекает вполне счастливо, а во избежание какого-либо недоразумения он, по твоему совету, определил меня в магазин на улице Сен-Никез (признаюсь тебе, что начало было весьма неприглядно: мне пришлось доказать свое бесстрашие, проведя ночь с неким скелетом, другими словами с одним из господ директоров). Я хочу все мгновения жизни без остатка посвятить наслаждению. Что мне до того, что придет смерть, если к тому времени от моей красоты уже ничего не останется! Зато сейчас смерть была бы для меня истинным бедствием: передо мною еще немало упоительных дней!..

Только что узнала, что прекрасная Парангон приехала... Кстати: ты спрашивал, откуда у меня... сам знаешь что. Так вот: от нее самой, друг любез-

ный. Ее дружеские ласки ничем не отличаются от любовных. Суди же сам, что это за особа! По правде говоря, вам бы давно следовало низвести ее до моего уровня; дай она себе волю, из нее получилась бы очаровательнейшая *светская женщина.* Прощай.

P. S. Подумай, Негре тоже взбрело в голову... Но у меня ни малейшего желания нет и не будет.

Прогнала я также и того итальянца, о котором тебе писала, причем прогнала с позором. Один из моих приятелей напугал меня; говорит, будто люди эти очень опасны, когда вздумают мстить. А что он может мне сделать?

Приезжай же, дорогой мой! Вот еще письмо — я его только что перехватила: если оно и дойдет до Эдмона, то лишь после нас.

Письмо от госпожи Парангон к Эдмону

Я приехала вчера поздно вечером, кузен. При виде этого огромного города сердце мое сжалось: «Верни мне мою подругу! — вскричала я. — Верни, верни такою, какой я ее сюда привезла». Ночь я провела в страшной тоске; я пишу, а невольные слезы заливают бумагу... Ах, так значит подруга моя погибла! А брат ее... Какие мы все трое несчастные! На каждом шагу разверзаются без-

дны, так что не знаешь куда ступить... Вы вините себя, Эдмон, а ведь единственная виновница — я! Я ее сюда привезла, а небо меня наказывает за мои прегрешения, обращая кару на невинную голову! Юрсюль ведет предосудительный образ жизни! Это она-то! Нет, это сон: моя приятельница может любить только добродетель!

Скоро увидимся. Если бы Вы, кузен, не злоупотребили склонностью, весьма лестной для того, кто ее внушает, я прислушалась бы к тому, на что мне тут намекают, и снова стала бы стремиться к осуществлению своего первоначального плана насчет сестры. Но — предупреждаю Вас еще до нашей встречи — теперь об этом и думать нечего.

Вы, вероятно, слышали о несчастье, случившемся с господином Парангоном. Он на краю могилы из-за опасного недуга, который врачи зовут ишурия. Я сочувствую ему и буду его оплакивать. До скорого свидания. Вы проводите меня к Юрсюли. Но Вашего Годэ я видеть там не желаю.

ПИСЬМО CXXXI

ОТ ГОДЭ К ЮРСЮЛИ

Годэ рисует портрет госпожи Парангон, потом излагает взгляды истинного безбожника

Выполняю твои приказы, красавица моя; лакей расскажет тебе, как я по счастливой случайности встретился с ним, когда он нес твое письмо в почтовую контору; но прежде чем навестить тебя, мне пришлось принять меры, чтобы не столкнуться с прекрасной госпожой Парангон. Я приехал в том же дилижансе, что и сия несравненная ханжа, — теперь она еще больше ханжит, чем прежде, и, кажется, ее прелесть превосходит ее ханжество; у нее нежный, меланхолический вид и это на диво идет к ней и трогает до глубины сердца. Как я ни старался, она не потерпела моего присутствия под одной с нею крышей — этой привилегии удостоились только женщины. Однако, по укоренившемуся обычаю, в дилижансах едут вперемешку мужчины и женщины, солдаты и монахи, порядочные люди и мошенники, господа и слуги; тут полное подобие античных сатурналий и как бы преддверие столицы. В дневные часы я, однако, заходил к ней и всячески старался позабавить прекрасную печальницу, по ночам же дверь была на запоре; я развлекал,

читал вслух, затевал беседу, пел и, как ты выражаешься, дурачился (но не в том духе, какой ты, озорница, имеешь в виду) — в ответ на все это меня не удостоили ни единой улыбки. А ведь она женщина и женщина как все остальные, т. е. слабая... Но слабая-то она, видно, только для Эдмона. Счастливчик!.. Не заключай из сказанного, восхитительная плутовка, что в моих глазах госпожа Парангон тебя превосходит. Самое большее, она тебе не уступает; но пленительная нежность ее взора, чарующая неприступность, которая так красит ее, а быть может и сознание, что нельзя ею обладать, придают ей в глазах окружающих ценность, значительно превосходящую ценность действительную.

(Мы вынуждены полностью изъять вторую часть письма, где материалист Годэ проповедует развратное эпикурейство, прославляет цинизм и самоубийство: «Во всяком случае мы вполне вольны распоряжаться нашим телом, — говорит он, — это единственный суверенитет, которого социальные законы не могли нас лишить, ибо перед фактом самоубийства они оказываются в таком

же положении, в каком оказался Тиберий относительно Корнелия{63}*: оно от них ускользает». Затем он, прибегая к весьма опасным софизмам, тщится стереть различие между добром и злом. На вопрос, который он сам себе ставит от имени Юрсюли: «Следует ли считать, что, огорчая и доводя до отчаяния родителей, она повинна в преступлении по отношению к ним (то есть в нравственном пороке)», он отвечает: «Если хочешь быть всегда невинной, веди себя так, чтобы они оставались в неведении того, что может их огорчить; неизвестное им для них не существует». Все это он пишет, по его словам, для того, чтобы его наставления как можно глубже врезались в ее сознание.)*

ПИСЬМО CXXXII

{63} Комментарии: 2.63

Корнелий — римский военачальник и поэт (69—25 до н. э.); покончил жизнь самоубийством.

ОТ ЮРСЮЛИ К ГОДЭ

Несчастная переживает позорную неудачу, открывающую всю глубину ее падения

По получении этого письма брось все и приезжай ко мне. Я только что пережила развязку весьма неприятного приключения; оно длилось неделю, и я от всех скрывала его; завершилось оно катастрофой, которая и побуждает меня открыться тебе, чтобы просить совета.

В понедельник на прошлой неделе у моего подъезда остановился роскошный экипаж, из которого вышел прекрасно одетый, статный человек. Его ввели в комнаты. Он сделал мне вполне учтивые предложения; в те дни я находилась в стесненных обстоятельствах; я ужасно много трачу; я уже израсходовала пятьдесят тысяч экю из основного капитала; меня понемногу обкрадывают; но я начинаю всем пресыщаться; все мне надоело, все опротивело; мне потребно разнообразие, а за него приходится дорого платить.

Но вернемся к тому господину. То, что он сулил, могло возместить все мои расходы; я решила, что следует воспользоваться случаем и согласилась. Итак, нужно было спрятаться от всех остальных.

Поклонник хочет, чтобы я переехала в его домик; я в восторге — таким образом я становлюсь недосягаемой для старшей Парангон и даже для брата. Меня везут туда; домик обставлен с отменным вкусом. На каждом шагу меня ждут всякие приятности, я отплачиваю поклоннику, как могу. Заметь, что когда слуги приносили что-нибудь новенькое, когда трактирщик подавал блюда и т. п., все относились ко мне как к хозяйке дома; все обращались только ко мне. Наконец, когда негодяю-поклоннику, который все это подстроил, надоело играть комедию, он улизнул.

На другой день после его исчезновения, когда я еще была в постели, на домик напала целая орава: обойщик, трактирщик и т. п. словно сговорились подвергнуть меня самому постыдному унижению; они всячески поносили меня и угомонились лишь после того, как я расплатилась с ними по назначенной ими цене и за наем домика, и за мебель, и за угощение; пришлось рассчитаться с подставными слугами, привратником и даже с садовником. Покамест поклонник был здесь, я не жалела его кошелька, зато потом у меня украли и выманили целых десять тысяч экю!

Но это еще не все: когда орава разбрелась, ко мне явился лакей того старика-итальянца, о ко-

тором я тебе уже писала, и предложил мне экю. По этой выходке я узнала, кто автор всей этой гнусной передряги; я пришла в страшное негодование и отвергла негодяя. — Как же так, милашка, — возразил он, — ужели я хуже водоноса, который целую неделю... — Я не дала ему договорить, я схватила шпагу, забытую мерзавцем, которого наняли, чтобы разыграть меня, и пронзила бы подлеца, но он успел убежать. Худшее началось, когда он уже оказался на улице; под окнами он стал изрыгать всякие гадости, какие только можно вообразить, а в заключение этой безобразной сцены он ввел ко мне человека с лямкой и двумя ведрами, и я узнала в нем того, кого еще накануне принимала за самого изысканного вельможу. От обиды и негодования у меня перехватило дыхание, я лишилась чувств. Придя в себя, я увидела его у своих ног. — Несчастный, не притрагивайся ко мне! — вскричала я. — Сударыня, — ответил он, — я вернулся к вам и стою перед вами на коленях не по своей воле, — но позвольте мне сказать несколько слов в свое оправдание. — Говори, — сказала я в ярости, — да, пожалуй, и не в моей власти помешать тебе. — Так вот, сударыня, счастье, которым я наслаждался и которое было предназначено не мне, возвысило

мою душу: я боготворю вас и беру на себя смелость открыться вам в этом; я боготворю вас как раб, покорный любому вашему желанию, каково бы оно ни было; и это отнюдь не входит в роль, которую меня заставили разыграть, — добавил он, глядя на наглого лакея, который ввел его ко мне. — Решайте, сударыня, мою судьбу, жить мне или умереть. Увы, я не знатного происхождения, но и не столь низкого, как предполагают люди и как можно судить по моей внешности; если бы я остался в родной деревне, я стал бы там не последним человеком; отец мой в той местности был... старостой, двое моих братьев — духовные, а сам я учился... Но дурной образ жизни...

Потрясенная сходством наших судеб, я прервала его: — Здесь не место рассказывать мне вашу историю; видите этого негодяя? — я указала на лакея. — Я прощу вам все, если вы немедленно выбросите его из окна. — Не успела я договорить, как наглый лакей подлеца-итальянца оказался на мощеном дворе. Его жалобные вопли ничуть не тронули меня; впервые в жизни мое сердце оказалось бесчувственным. Сам итальянец прятался где-то в доме, а тут он прибежал и осмелился появиться передо мною. При виде его я схватила шпагу и, словно гордая амазонка, стала насту-

пать на него, собираясь его пронзить. Он решил защищаться. Тем временем водонос уговаривал меня уступить ему оружие, уверяя, что умеет с ним обращаться и хочет доказать, что предан мне безгранично. И действительно, он вынудил предателя отступить, а я его всячески поносила. В разгар перепалки появилась Тремуссе, моя горничная; она, как тебе известно, девица дородная; она бросилась на старика, обезоружила его и, не теряя времени, схватила излюбленное оружие людей ее склада, а именно метлу, и стала так орудовать ею, что я помирала со смеху. Я велела связать негодяя, и Тремуссе уже повалила его на пол, но водонос высказался против этого, и я его послушалась. К тому же Тремуссе сказала, что поблизости находятся слуги старика и что нам необходимо вызвать на помощь двоих моих лакеев; она велела моему негритенку запереть все двери, после чего возвратилась в мою комнату и стала на стражу, вооружившись шпагой и вскинув на плечо грозную метлу в виде карабина. Я воспользовалась передышкой и приказала водоносу досказать мне свою историю.

— Мне пришлось уехать из родного села и расстаться с семьей из-за похождения с девушкой, которую я любил не так пылко, чтобы женить-

ся на ней. Я приехал в Париж, где вскоре впал в крайнюю нищету. Чтобы выпутаться, мне представлялось несколько путей, я тщательно обдумал каждый из них. Прежде всего — воровство; но это ремесло столь опасно, что я отверг его. Заняться шулерством показалось мне менее отвратительным и более верным. Мысль эта пришла мне в биллиардной. Я заметил, что трое молодчиков в сговоре, как ярмарочные жулики: один делал очень маленькую ставку, второй держал пари на крупную сумму, третий уговаривал присутствующих ставить против второго, но сам не заключал парп. Тот, что играл, — проигрывал; тот, что держал пари, — выигрывал; а тот, что только шумел, начинал проклинать выигрывшего и утверждал, что он оказался классным игроком, а потому ему следовало бы дать шесть очков вперед. Что же касается проигравшего, то он скромно замечал, что обычно играет лучше, но сегодня что-то не в ударе. Временами он сравнивал счет, однако, никогда не выигрывал. Когда трое героев кончили комедию, я сел возле них, притворился, будто уснул, — о чем возвещал мой густой храп, — а сам стал внимательно прислушиваться к их беседе. Я услышал достаточно, чтобы все понять. Мошенники вышли,

я — за ними. — Друзья, — обратился я к ним, — я про вас все знаю, а вы про меня — ничего. Выбирайте: либо мы сообщники, либо враги; либо я вас выдаю, либо помогаю вам. Ваше дело — выбрать. — В ответ они знаком пригласили меня в трактир. Там они меня угостили; даже ничего не потребовав с них, я получил четвертую часть их выручки, — она оказалась значительно больше, чем я думал; из этого я заключил, что видел далеко не все. Мне назначили свидание на другой день в биллиардной В***. Здесь они действовали несколько осмотрительнее, чем накануне в биллиардной на улице Сент-А***, но выручка и тут была неплохая. В трактире мы встретились еще с четырьмя собратьями; одеты они были весьма опрятно, и в биллиардной я их принял за добропорядочных горожан, пришедших немного отдохнуть. Добычу мы разделили, и мне честно вручили восьмую часть. Я ушел оттуда счастливейшим из смертных, воображая, что открыл философский камень.

Но неделю спустя разразилась нежданная катастрофа. Мы с тремя первыми моими сообщниками действовали в биллиардной на улице М. Г***; пятый из наших, которого я раньше никогда не видел, вел игру, а трое остальных затевали па-

ри; добыча росла на глазах, как вдруг на *галерее* поднялась суматоха, кто-то крикнул: — Господа, не держите пари; тут мошенники! — Мы переглянулись, и в итоге этого маленького милашка, — возразил он, — ужели я хуже водоноса, который целую неделю... — Я не дала ему договорить, я схватила шпагу, забытую мерзавцем, которого наняли, чтобы разыграть меня, и пронзила бы подлеца, но он успел убежать. Худшее началось, когда он уже оказался на улице; под окнами он стал изрыгать всякие гадости, какие только можно вообразить, а в заключение этой безобразной сцены он ввел ко мне человека с лямкой и двумя ведрами, и я узнала в нем того, кого еще накануне принимала за самого изысканного вельможу. От обиды и негодования у меня перехватило дыхание, я лишилась чувств. Придя в себя, я увидела его у своих ног. — Несчастный, не притрагивайся ко мне! — вскричала я. — Сударыня, — ответил он, — я вернулся к вам и стою перед вами на коленях не по своей воле, — но позвольте мне сказать несколько слов в свое оправдание. — Говори, — сказала я в ярости, — да, пожалуй, и не в моей власти помешать тебе. — Так вот, сударыня, счастье, которым я наслаждался и которое было предназначено не мне, возвысило

мою душу: я боготворю вас и беру на себя смелость открыться вам в этом; я боготворю вас как раб, покорный любому вашему желанию, каково бы оно ни было; и это отнюдь не входит в роль, которую меня заставили разыграть, — добавил он, глядя на наглого лакея, который ввел его ко мне. — Решайте, сударыня, мою судьбу, жить мне или умереть. Увы, я не знатного происхождения, но и не столь низкого, как предполагают люди и как можно судить по моей внешности; если бы я остался в родной деревне, я стал бы там не последним человеком; отец мой в той местности был... старостой, двое моих братьев — духовные, а сам я учился... Но дурной образ жизни...

Потрясенная сходством наших судеб, я прервала его: — Здесь не место рассказывать мне вашу историю; видите этого негодяя? — я указала на лакея. — Я прощу вам все, если вы немедленно выбросите его из окна. — Не успела я договорить, как наглый лакей подлеца-итальянца оказался на мощеном дворе. Его жалобные вопли ничуть не тронули меня; впервые в жизни мое сердце оказалось бесчувственным. Сам итальянец прятался где-то в доме, а тут он прибежал и осмелился появиться передо мною. При виде его я схватила шпагу и, словно гордая амазонка, стала насту-

пать на него, собираясь его пронзить. Он решил защищаться. Тем временем водонос уговаривал меня уступить ему оружие, уверяя, что умеет с ним обращаться и хочет доказать, что предан мне безгранично. И действительно, он вынудил предателя отступить, а я его всячески поносила. В разгар перепалки появилась Тремуссе, моя горничная; она, как тебе известно, девица дородная; она бросилась на старика, обезоружила его и, не теряя времени, схватила излюбленное оружие людей ее склада, а именно метлу, и стала так орудовать ею, что я помирала со смеху. Я велела связать негодяя, и Тремуссе уже повалила его на пол, но водонос высказался против этого, и я его послушалась. К тому же Тремуссе сказала, что поблизости находятся слуги старика и что нам необходимо вызвать на помощь двоих моих лакеев; она велела моему негритенку запереть все двери, после чего возвратилась в мою комнату и стала на стражу, вооружившись шпагой и вскинув на плечо грозную метлу в виде карабина. Я воспользовалась передышкой и приказала водоносу досказать мне свою историю.

— Мне пришлось уехать из родного села и расстаться с семьей из-за похождения с девушкой, которую я любил не так пылко, чтобы женить-

ся на ней. Я приехал в Париж, где вскоре впал в крайнюю нищету. Чтобы выпутаться, мне представлялось несколько путей, я тщательно обдумал каждый из них. Прежде всего — воровство; но это ремесло столь опасно, что я отверг его. Заняться шулерством показалось мне менее отвратительным и более верным. Мысль эта пришла мне в биллиардной. Я заметил, что трое молодчиков в сговоре, как ярмарочные жулики: один делал очень маленькую ставку, второй держал пари на крупную сумму, третий уговаривал присутствующих ставить против второго, но сам не заключал пари. Тот, что играл, — проигрывал; тот, что держал пари, — выигрывал; а тот, что только шумел, начинал проклинать выигрывшего и утверждал, что он оказался классным игроком, а потому ему следовало бы дать шесть очков вперед. Что же касается проигравшего, то он скромно замечал, что обычно играет лучше, но сегодня что-то не в ударе. Временами он сравнивал счет, однако, никогда не выигрывал. Когда трое героев кончили комедию, я сел возле них, притворился, будто уснул, — о чем возвещал мой густой храп, — а сам стал внимательно прислушиваться к их беседе. Я услышал достаточно, чтобы все понять. Мошенники вышли,

я — за ними. — Друзья, — обратился я к ним, — я про вас все знаю, а вы про меня — ничего. Выбирайте: либо мы сообщники, либо враги; либо я вас выдаю, либо помогаю вам. Ваше дело — выбрать. — В ответ они знаком пригласили меня в трактир. Там они меня угостили; даже ничего не потребовав с них, я получил четвертую часть их выручки, — она оказалась значительно больше, чем я думал; из этого я заключил, что видел далеко не все. Мне назначили свидание на другой день в биллиардной В***. Здесь они действовали несколько осмотрительнее, чем накануне в биллиардной на улице Сент-А***, но выручка и тут была неплохая. В трактире мы встретились еще с четырьмя собратьями; одеты они были весьма опрятно, и в биллиардной я их принял за добропорядочных горожан, пришедших немного отдохнуть. Добычу мы разделили, и мне честно вручили восьмую часть. Я ушел оттуда счастливейшим из смертных, воображая, что открыл философский камень.

Но неделю спустя разразилась нежданная катастрофа. Мы с тремя первыми моими сообщниками действовали в биллиардной на улице М. Г***; пятый из наших, которого я раньше никогда не видел, вел игру, а трое остальных затевали па-

ри; добыча росла на глазах, как вдруг на *галерее* поднялась суматоха, кто-то крикнул: — Господа, не держите пари; тут мошенники! — Мы переглянулись, и в итоге этого маленького совещания было решено, что надо удирать. Однако один из наших шепнул, что столь поспешным бегством мы покажем, что приняли возгласы на свой счет. Дернуло же нас остаться! Не прошло и четверти часа, как является стража, бросается на нас и по одному выбирает нас из толпы всех восьмерых словно по чьей-то указке.

Нас отвели в тюрьму, а оттуда начальник полиции отправил нас на три месяца в знаменитый Шато, где командует великий Жентильи. Невзгоды, которые я там испытал, явились тяжелой расплатой за неделю благоденствия, добытого мошенничеством. Они внушили мне отвращение к таким проделкам. Я снова стал обдумывать, как бы мне выйти из нищеты. Правда, самым верным путем представлялся мне труд, но как он тягостен, когда ничего не умеешь делать! Я не раз вспоминал, что тот из наших сообщников, который посоветовал не убегать, тоже был задержан; однако впоследствии мы его ни разу не видели. Я спросил у товарищей, что тут за причина. — Он доносчик, — ответили мне. Эти два слова были

для меня лучом света, которым я не преминул воспользоваться.

Наконец, нас выпустили, и я употребил свободу прежде всего для того, чтобы лишать свободы других. К сожалению, не могу рассказать вам все, что со мною приключилось на этом моем новом поприще... Это — секрет. Достаточно сказать вам, сударыня, что я опять принялся за разные проделки и что око полиции, неустанно наблюдающее за жуликами вроде меня, заметило мои проказы: меня арестовали, уличили, судили, высекли, заклеймили, сослали на каторгу. Возвратившись оттуда, я стал водоносом, а в еще большей мере — исполнителем разных щекотливых поручений, которые мог дать мне любой желающий.

Я благословляю судьбу за поручение, которое должен был выполнить здесь, — оно принесло мне счастье, какое не всегда выпадает даже на долю монарха, оно так воодушевило меня, что нет столь возвышенного или чудовищного поступка, который я не совершил бы по вашему распоряжению. Моя жизнь, вся кровь моя — ваши.

При последних его словах в комнату вошли мои слуги. Я велела водоносу — герою в моем вкусе — водрузить старую обезьяну на извозчика, а слугам — сопровождать ее. Но едва слуги вышли

на двор, как появились лакеи старого негодяя, — они прибежали на помощь собрату, — тот все еще валялся на земле; лакеи старика бросились на моих и началось страшное побоище, весьма меня позабавившее, особенно когда в потасовку вмешались Тремуссе и мой негритенок. При виде горничной замахнувшиеся было противники замерли на месте; по изумленным взглядам развратных итальянцев можно было понять, что толстуха, могучие прелести которой еще довольно привлекательны, внушает им желание затеять битву другого рода. Но тут она увидела, что белокурого молодца, ее любимчика, держат за глотку, и немедленно отпустила нападавшему с дюжину тумаков. Негритенок не отставал от нее — он изо всех сил дубасил по спине тех, кто был занят с другим противником. Я из окна подзадоривала своих, и они, в конце концов, стали одолевать врагов; произошло это, несомненно, потому, что итальянцы, более деликатные, чем их хозяин, побоялись нанести ущерб пухлым и лакомым прелестям моей толстухи. Они уволокли с собою труп хозяина. Я этим огорчена; я собиралась как можно дольше преследовать злодея, ведь месть — самая упоительная радость для уязвленного сердца.

Я пишу тебе в ожидании, когда челядь моя немного отдохнет и будет в состоянии появиться на людях... Но вот пришел водонос, сейчас запечатаю письмо.

P. S. Брат еще ничего не знает... Ах, негритенок, вернувшись, позабыл подать мне письмо. Я ему поручила взять в почтовой конторе письма для меня и брата — особенно последние.

Письмо от госпожи Парангон к Эдмону

Третьего дня я поджидала Вас; не теряла надежды еще и вчера, сегодня уже не надеюсь. Бог праведен, и чем глубже я заглядываю в свое сердце, тем больше преклоняюсь перед Его божественной справедливостью.

Но Вы, как-никак, человек неблагодарный. Да что толковать, хорошо бы, если бы по отношению ко мне Вы были только неблагодарны... Мне не удалось повидаться с Вашей сестрой: где она скрывается? Ужели вы оба избегаете меня? Эдмон, ужели Вы поощряете ее распущенность? Но я говорю глупости, этого, конечно, не может быть; нет, Вы чересчур благородны... Ужели, однако, я не увижу ни Вас, ни ее? Окажите мне такую милость, на коленях молю Вас обоих, и даже больше Вашу сестру, чем Вас. Сердце под-

сказывает мне, что она меня все еще любит... Так вот к чему привела склонность, в которой я не решалась признаться самой себе до конца; Юрсюль ее разгадала; я омрачила чистоту ее души; я источник и Вашей безнравственности... Ах, зачем извлекла я Вас из дома Ваших почтенных родителей! Праведный боже! Нет такой кары, которой я не заслужила бы; покарай меня в гневе своем, если надо; но пощади две несчастные жертвы! Эдмон, устройте так, чтобы я повидалась с Вашей сестрой, чтобы повидалась хоть на миг (о Вас я уже и не говорю), — иначе Вы повергнете меня в отчаяние.

Что за жалобное стенание! И какое самопожертвование!

Приди поскорей,
Пронзи меня, не жалей!
Я хочу пострадать,
Жестокую смерть принять
За всех наших друзей![86]

А ведь она — добрая душа! Но что за беспомощность!.. Пишет она только Эдмону.

---

[86] Примечания: 1.86
Перевод Е. Н. Бируковой.

ПИСЬМО CXXXIII

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

Я резко укоряю его за брак Юрсюли с водоносом

Как мог ты допустить это, Эдмон! Юрсюль, наша сестра, вышла за водоноса после того, как отдалась ему! Да и хуже чем за водоноса, если верить письму без подписи, которое нам прислали: замужество ее — проделка, которую разыграли, чтобы наказать ее за... Перо отказывается вывести это слово... «Гнусный вор-шпион, бывший каторжник, водонос, рассказавший ей придуманную историю своей жизни, разыграл сестру, как и все остальные; он явился лишь с тем, чтобы осуществить и дополнить месть итальянского вельможи, который вытащил его из тюрьмы нарочно для того, чтобы разыграть эту комедию». Не могу повторить все бесчисленные гнусности, которые нам написали. «Не прошло и трех дней после женитьбы, как он избил ее, требуя, чтобы она распродала остатки своего имущества». Горе нам! И все это мы узнаём от постороннего чело-

века! А ты — ты молчишь, молчишь уже полгода! О бедный мой, любезный брат! Видимо, стыд не позволяет тебе написать нам! Кроме того, тебя обвиняют в ужасных вещах, и, хотя я и не верю, что это правда, а все-таки клевета — страшная сила, горе тому, на кого она ополчилась! Мы умираем от стыда, слушая, что о тебе рассказывают: бедная матушка изнемогает от горя и каждый день читает семь псалмов, молясь о своей бедной девочке (а в твой разврат она просто не верит). Эдмон! Отправь к нам Юрсюль; дома найдется для нее хлеб, найдется и нежность в наших сердцах... О, да будут прокляты города... Батюшка каждодневно читает книгу Иова{64}, он размышляет над нею и втихомолку заливается слезами. Увы! Он не вынесет этого! Во всех ваших заблуждениях он винит самого себя и, в отличие от Давида, говорит: «Господи, сердце мое возгордилось и взор устремился чересчур высоко... но Ты низринул меня вновь на землю». Эдмон, пришли к нам сестру! Что касается тебя, то ты — мужчина; если предашься пороку, то станешь презреннее паршивого пса. Прощай! Слова мои, любезный Эдмон, — вопль страдальца!

{64} Комментарии: 2.64
Книга Иова — одна из книг Библии.

ПИСЬМО CXXXIV

ОТВЕТ

Он все погубил, и тело, и душу, и уже больше ни во что не верует

В твоем сердце царит отчаяние, в моем — ярость. Счастлив ты, что еще можешь плакать, что у тебя есть бог, в объятия которого ты можешь броситься! У меня этой утешительной иллюзии нет.

Юрсюль для нас потеряна; после постыдного замужества, на которое ее вынудили согласиться, и ее полного разорения мне не удалось разыскать ее. Быть может, она закончила дни в порыве благородного отчаяния ... А я все еще живу!.. Ах, зачем не поступил я так же! Это мужественное и благородное решение стерло бы позор, которым запятнана моя жизнь! Но нет, я хочу еще больших мук; единственное мое желание — встретиться лицом к лицу с величайшими страданиями. Тогда я погибну от отчаяния... Боже мой! Кузина была здесь; я не виделся с нею; она не удостоила меня свиданием; она уехала и с нею Фаншетта. Я

этого не знал! Я не искал ее, не нашел, не преклонился перед нею, не заколол ее и вслед за нею и самого себя, чтобы умереть, смешав нашу кровь и тем самым слившись с нею вопреки всему, что нас разлучает!.. Да будет проклята любовь! Да будут прокляты дружба, природа! Они без конца предают меня! Да, я в таком бешенстве, что хотел бы, чтобы ты был жестокосерд, чтобы Годэ и д'Аррас, бесконечно дорогие мне друзья, были предателями и... чтобы у меня родилось желание всего лишиться, я хотел бы, чтобы моя кузина... Остановись, несчастный!.. Да, я несчастный, несчастный безмерно! Глубокое, страшное чувство влечет меня только к ужасам и к жесточайшим переживаниям; во сне я вижу только преступления; я вижу преступников, опьяненных дикой радостью, и жалею, что сам не могу испытать ее. Да, обещаю тебе отмщение не далее, как дня через три. Жди письма.

ПИСЬМО CXXXV

Декабря 25 дня 1755 г.

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Эдмон убивает Лагуаша

Свое обещание... пишу тебе кровью подлеца, которая каплет с моей одежды... Свое обещание я выполнил... После моего последнего письма я обнаружил страшные вещи. Юрсюль... отвратительный негр... Там хотели, чтобы в один прекрасный день она ужаснулась при виде того, что породила ее утроба... Люди видели, как она стояла на коленях перед чудовищем, которое дали ей в мужья, которому она пожертвовала остатки своих богатств ... Она рыдала, она протягивала к нему руки, умоляя избавить ее от этого позора или хотя бы даровать ей смерть... Но смерть я даровал негодяю. Я отправился по его следам в Лондон, я застал его там в трактире, в обществе шлюх; я выволок его на улицу. — Англичане! — воскликнул я. — Народ свободный, справедливый, великодушный и мудрый! Этот мерзавец обесчестил, погубил мою сестру! — С этими словами я пронзил его сердце. На всех лицах отразился восторг и ужас, мне дали возможность скрыться и в ту же ночь я прибыл в Дувр; здесь меня ждал Годэ, он хлопочет насчет

корабля, а я пишу тебе... Одежда моя окровавлена — она еще больше распаляет мою ярость, мне нужна еще одна жертва! Я сохраню эту одежду, дабы надевать ее в роковой день своего рождения, в день, когда я покинул родительский кров... в день, когда... О смертельная скорбь! Нестерпимые воспоминания!..

По вызову Юрсюли Годэ приехал к ней в первый же день ее разгрома; он застал в доме множество народа, и ему пришлось защищать свою жизнь... О проклятие, меня не было там!.. Горничная заключена в Госпиталь{65}, негритенок сослан на острова... Сильный подавляет слабого.

Подлость, подлость!

Не рассчитывай больше на своего несчастного брата; разум изменяет ему; он забросил свое искусство; это даром потраченный труд. Он впал в отчаяние, как в глубокую пропасть, и бродит, словно безумный; он слоняется по самым темным притонам, кабачкам, игорным домам; он вращается теперь только среди призраков, иссушенных голодом и нищетой; воры, бездельники, мошенники, аферисты забавляют его своими проделками; ему нравится наблюдать преступных,

---

{65} Комментарии: 2.65

Госпиталь — убежище для больных, инвалидов и нищих в Париже и в то же время место заключения бродяг и женщин дурного поведения.

опустившихся людей, бредущих по пути к виселице. Прощай. Я тебе уже не брат. Я бешеный.

ПИСЬМО CXXXVI

Январь 1756 г.

ОТВЕТ

Я стараюсь отрезвить бедного брата

Нет предела моему горю! Я оплакивал одну только сестру! И вот, оказывается, еще больше я должен скорбеть о брате! Эдмон, Эдмон, прислушайся еще раз к голосу брата, воззри на его слезы. Увы, может быть, мое письмо уже не застанет тебя в этом мире! Я все брошу, я уеду, отправлюсь искать тебя, найду, утешу, докажу, как любят, как прощают несчастным отчаявшимся и как лелеют в своем сердце страдальцев. Бедный Эдмон! Бедный Эдмон! Ты виновен, но еще более того — несчастен! Как могло случиться, что юноша, некогда преисполненный добрых задатков, оказался во власти пороков! Я всю ночь напролет проплакал, слезы оставили следы на моем лице. Наши поля стенают и вторят моим рыданиям, ко-

гда я оплакиваю того, кто обрабатывал их вместе со мною, а теперь погиб. Любимый сын нашего отца был наделен столькими достоинствами, а теперь утратил их все! Он совершил великий грех. Ноги его в грязи, ибо он не помышлял о конце пути. Господи! Обрати взор свой на его страдания, на его смертную тоску! О брат мой! О брат мой! Возвратись к Владыке Господу твоему!!.. — Вот как я стенаю, помышляя о тебе и читая Плач пророка Иеремии{66}.

Твое письмо я от всех скрыл; но, как видно, отец чутьем догадался о нем; он стал меня расспрашивать; он почти понял, о чем идет речь, ибо я плакал горючими слезами, и теперь отец изнемогает от горя... А вдруг он умрет? Вдруг умрет? Эдмон, сжалься над нами.. Я пашу один, без батрака, чтобы стенать и плакать сколько вздумается. Да вот только вчера еще я сидел под тем орешником, где мы однажды в детстве кололи орешки для наших любезных родителей; мне вспомнилось, как нам было хорошо, как мы шутили и смеялись, как к нам пришли еще совсем маленькие сестренки с Мари-Жанной, и как мы принялись играть в незатейливые игры, и как

{66} Комментарии: 2.66
Плач пророка Иеремии — одна из книг Библии.

на обратном пути мы поочередно несли на руках уставшую Юрсюль. О, как я залился слезами при этом дорогом и грустном воспоминании! Воплп и рыдания, терзавшие мне грудь, вырвались наружу; я хотел было произнести твое имя, но вместо него раздалось скорбное стенание...

Отвечай. Я подожду твоего письма до первой почты, а там уеду, получу ли ответ или нет, — все равно. Ты увидишь меня, выслушаешь и успокоишься.

(После этого Эдмон больше двух лет никому не писал. О, в какой тревоге и отчаянии пребывали мы все это время! Мы ничего не знали ни о нем, ни об Юрсюли, ибо во время поездки в Париж мне не удалось разыскать ни того, ни другую. Наконец, он прервал молчание, но написал, как сейчас будет видно, не нам, а своему совратителю.)

ПИСЬМО CXXXVII

1758 г.

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Глубина его падения

Тебе, конечно, хочется знать, что со мною сталось? Отец д'Аррас, которого я случайно встретил, рассказал мне о том, как ты обо мне беспокоишься с тех пор, как возвратился в О***. Надо тебя уважить.

Вопреки твоей философии, мне было стыдно за самого себя; я укрылся среди самой презренной черни; я поселился в предместье Сен-Марсо, у прачки; здесь я прозябал; в своем падении я занялся ремеслом, не требующим никаких умственных способностей, — к нему меня приобщил сын моей хозяйки, своего рода автомат. Я посещал кабачки, биллиардные — все притоны, где собирается всякий сброд ради самого мерзкого разгула. Я канул в бездну позора. Презирая самого себя, я прекратил знакомство со всеми порядочными людьми, а если по привычке к удовольствиям мне все еще хочется любовных утех, то я уныло удовлетворяю это желание в обществе женщин самого низшего разбора. Одна только мысль порою тревожит меня; тайный, тревожащий, страшный голос шепчет мне: «Что

сталось с твоею сестрой?» Прощай! Может быть, я изредка буду писать тебе, но я не хочу ни видеть тебя, ни получать от тебя письма; мне хорошо на моем гноище. Прощай... А я все-таки еще люблю тебя, но об этом забудь. А вот другая... О, кузина!.. Я стер бы здесь это имя, если бы мог вытравить его из своего сердца.

ПИСЬМО CXXXVIII

1759 г.

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Юрсюль дошла до последней ступени позора

Десять месяцев я преодолевал желание написать тебе, но новый удар судьбы, ополчившейся на меня, вынуждает меня уступить этому желанию, — хоть я и боролся с ним, оно во мне никогда не умолкало. О Годэ, ты ужаснешься!

Помнишь мое последнее письмо? Помнишь, как я описывал тебе свои падения и свои позорные утехи? Вскоре уличные девки мне опротивели, я стал водиться с девицами несколько высшего разбора и доходил даже до улицы Сент-Оноре.

Как-то вечером уличная посредница соблазнила меня описанием девушки; я уступил желанию увидеть красотку; меня вводят в дом, и я вижу двух очень красивых девочек лет двенадцатитринадцати. Мне стало совестно воспользоваться бедственным положением этих невинных созданий, я хотел уйти. Посредница посоветовала мне подождать немного — сейчас я увижу ту, которую она мне обещала. Я остался один. В соседней комнате слышится шум. От нечего делать я подхожу к перегородке и в щелку вижу женщину и толстяка в черном; он стоит так, что лица женщины мне не видно.

. . . . . .

(Мы вынуждены изъять здесь несколько строк.)

Я внимательно приглядываюсь к ним, как вдруг посредница крикнула женщине: — Эй, мадемуазель. Скоро вы там разделаетесь? Вас ждут. — Несколько минут спустя мужчина в черном ушел, и я сменил его. Девица сидела на бидэ, ко мне спиной. Нескладная посредница, принимая от меня деньги, задела за единственную свечу, горевшую в комнате, а покамест она ее опять зажигала, я подошел к красавице... Посредница

вошла в комнату со свечой в руках. Какое изумление, или вернее какой ужас!.. То была Юрсюль! — Уходите, оставьте нас, — сказал я старухе. Оставшись наедине, мы залились слезами. — О сестра, — вскричал я, — не по своей же воле дошла ты до такого падения? — Не по своей, братец, — отвечала несчастная; — когда мерзкий старик бросил меня в отвратительную яму, а другой уехал в Лондон, я, пожалуй, могла бы прибегнуть к помощи госпожи Парангон, но я побоялась, что она принудит меня вернуться в родительский дом, а этому я предпочла бы смерть. В конце концов я свыклась со своим положением; оно, правда, тяжелое и, более того, опасное, но нередко оно отвечает моей склонности...

(Нет возможности изложить здесь все рассуждения Юрсюли — столь они непристойны, как нельзя передать и рассказа Эдмона о том, что произошло между Юрсюлей и увальнем-приказчиком, которого посредница привела к несчастной; приходится опустить также рассказ Юрсюли об ее пребывании в тюрьме после вынужденного брака с водоносом, картину ужасов, которые ей пришлось

*пережить в непотребном доме, и т. п: Если Пьер Р*** сохранил все это в письмах, значит, у него были особые основания.)*

Все же она не хочет расстаться со своим отвратительным вертепом. Она окончательно развратится, подорвет свое здоровье и погибнет.

ПИСЬМО CXXXIX

Три месяца спустя после предыдущего

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Эдмон сообщает Годэ о постыдной болезни Юрсюли

Случилось то, чего я опасался; сестра заразилась болезнью, — легко догадаться, какой именно, а самое скверное то, что она не желает ни лечиться, ни прекратить... поэтому она в самом плачевном положении; она умирает... Плачь, несчастный! Это ты погубил ее; я недавно обнаружил письма, в которых ты поучал ее. Ужели ты не знал, что женщине не под силу эти коварные истины?.. Однако, если ты все еще мне друг, приезжай, чтобы помочь ей; приезжай и постарайся воздей-

ствовать на ум, который ты подчинил себе.

Что касается меня, то подобие покоя, каким я наслаждался до того, как разыскал эту несчастную, теперь окончательно рассеялось; меня угнетает горе и стыд. Все же я никого не виню; принципы, которые ты привил мне, благотворны, но я все обращаю в яд и злоупотребил ими, как и всем остальным. Едва освободившись от узды, я погрузился в беззаконие, как погружаются в свежую воду, — это доказывает, что у меня скверное сердце. Я перестал уважать социальные законы, мудрые законы, которые, как я теперь убедился, направлены на благо людей. До чего мы несчастны! В детстве нас воспитывают на вздорных идеях, которые не выдерживают света разума; когда настает полдень и мрачный призрак заблуждений рассеивается в прах, у нас не остается ни точки опоры, ни вожатого... О разум! Приди мне на помощь и вернемся на правильный путь, если для меня это еще возможно!

Я многим обязан д'Аррасу; он славный малый, надежный друг; он все бросил, чтобы мне услужить; грязь, которою я окружен, не пугает его; он окунается в нее вместе со мною, лишь бы вытащить меня. О, что такое наслаждения, когда с них сорваны украшающие их цветы и когда они

всего лишь наслаждения!..

От родителей у меня нет писем... Не пиши мне о них, я страшусь этих вестей. Прощай. Жду тебя на улице Сент-Анн, у расклейщика объявлений и фруктовщика.

P. S. Твоя Лора пошла по той же опасной дорожке, что погубила сестру, — до чего мы докатились!

ПИСЬМО CXL

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Несмотря на историю девушки по имени Зефира, которую здесь приводит Эдмон, все же справедливо сказать, что нельзя сохранить чистоту сердца, не соблюдая чистоты нравов. Ибо исключение, о коем здесь будет речь, встречается чересчур редко. Эдмон думает по-другому, и заблуждение вновь толкает его в бездну

Предыдущее мое письмо не было своевременно отправлено из-за забывчивости моей хозяйки; прилагаю его к нынешнему.

Еще до того, как д'Аррас мне признался, что он

находится возле меня в качестве твоего представителя, что-то подсказывало мне, что это именно так. О великодушный друг! Услуги, которые ты мне оказываешь, сколь они ни велики, — ничто в сравнении с тем, *как* ты их оказываешь... Но лучше умолкну: словами не выразить того, что мне хочется сказать.

Однако сначала я от него скрывался (прости это неистовство — причиною ему мои горести). Я скрывался. И вот, в то время, как я старался ускользнуть от д'Арраса, или вернее от Годэ, я понял, что иной раз тело, предающееся разврату, заключает в себе прекрасную душу... Ах, да и что такое добродетель, если Годэ и Зефира и без нее!..

Я познакомился с очень красивой девушкой, живущей поблизости от Оперы; она жизнерадостная, бойкая, веселая и чуточку излишне легкомысленная, а зовут ее Зефира, и это имя ей подходит как нельзя больше: она олицетворенная резвость, живость, непоследовательность; выражение ее лица, глаза, вздернутый носик, непоседливость сразу же выдают ее сущность. Вдобавок — всего четырнадцать лет! Она меня очаровала. — «Уличная девка», — скажешь ты. Тут у нее много общего с большинством здешних

порядочных женщин. Я стал встречаться с нею; она привязалась ко мне настолько, что этого даже нельзя было от нее ожидать. Ускользнув от дружеских забот доброго д'Арраса, я не хотел другого вида любви, однако по злобе — не по добродетели — я решил отказаться сразу от всего и перестал видеться с Зефирой... Столь жестокие лишения отняли у меня покой; я захворал. Тем временем д'Аррас, а в его лице — и ты, всюду разыскивали меня. Добрый д'Аррас нередко слышал от меня о Зефире; не раз, когда мы с ним гуляли у входа в Пале-Руаяль, я вдруг покидал друга, чтобы пойти к ней. И вот, невзирая на опасность, добрый патер решился отправиться в этот дом, надеясь застать меня у Зефиры.

Зефира не дала ему как следует объяснить, зачем он пришел; она страшно тосковала обо мне; ни матери, ни старшей сестре не удавалось утешить ее. Как только священник произнес мое имя, она по его одежде заключила, что именно он отдаляет меня от нее, и вскочила в порыве неистовой злобы, но обычный ласковый вид нашего доброго друга, его умильная речь сразу же успокоили ее; заливаясь слезами, она бросилась к его ногам. — Не отнимайте его у меня! — Увы, бедная барышня, я не знаю, где он, и пришел,

чтобы справиться у вас. — Неизвестно, где он находится? О боже! Отец мой, таким людям, как вы, многое доступно; не пренебрегайте никакими средствами, я помогу вам в поисках, — пусть даже вы потом отстраните его от меня, потому что я... — Я считаю это своим долгом, мадемуазель. — И патер ушел, произнеся эти слова с сожалением — до такой степени Зефира, несмотря на свое ремесло, привлекает к себе всех, кто с ней соприкасается.

Едва он ушел, милая девочка оделась и отправилась на розыски. Надо тебе признаться; что в те дни я нуждался решительно во всем; заработок мой тут же переходил к моим заимодавцам, я распродал все свои обноски, жил на чердаке, куда свет проникал только через кошачью лазейку; зато обои у меня были самые веселенькие, ибо я для оклейки дощатых перегородок употребил театральные афиши. Зефира со свойственной ею энергией ежедневно справлялась обо мне в сотне меблированных комнат, а так как начала она с окраин, то до улицы Сент-Анн добралась лишь на шестой день.

Дела мои были из рук вон плохи. Милое создание, сам понимаешь, никогда не интересовалось, как меня зовут; поэтому она описывала меня

и ей, конечно, пришлось выслушать все грубости, какие малолюбезные хозяйки столичных вертепов могут бросить в лицо девочке, разыскивающей молодого человека. Лишь на шестой день, в девять часов утра, преодолев все преграды, великодушная девочка оказалась, наконец, у порога моего логовища. Она повернула ключ, робко приотворила дверь и заглянула на чердак — нет ли меня тут. Я лежал в постели (так я высокопарно именую свое убогое ложе); меня она не заметила, зато узнала мою одежду, повешенную на сломанный стул. Тут она вошла на чердак в сопровождении хозяина, толстяка-савуяяра, довольно славного малого, хоть и жадного как Гарпагон{67}. — Вот он, — сказала она вполголоса, подавая мужлану деньги; — сходите поскорее за всем необходимым. — Прежде всего, мамзель, ему нужен суп.

Хозяин ушел, а Зефира бросилась ко мне на койку. — Жестокий! — воскликнула она со слезами на глазах, — вы скрываетесь от своих друзей! Прячьтесь от всего света, если хотите, но только не от Зефиры, она хорошая, ей можно доверить любую тайну; она не выдаст ее никому. — Суди

{67} Комментарии: 2.67
Гарпагон — герой комедии Мольера «Скупой» (1668).

сам о моем изумлении и... восторге! Я был не умыт, в страшном беспорядке; Зефира целовала мне руки, поправляла на мне ночной колпак, приглаживала растрепавшиеся волосы, вытирала пот с лица; она устраняла все, что могло мне мешать и что сам я не убрал по слабости, приподнимала меня своими нежными ручками; несколько минут спустя я уже чувствовал себя лучше и уютнее; она собственноручно подмела мою конуру, не жалея новенького платьица из белой тафты с газом и блондами. Возвратился хозяин. Зефира заставила меня немедленно поесть кушаний, соответствующих моему состоянию, и распорядилась, чтобы за мной внимательно ухаживали. Часа через два она ушла, обещав, что днем снова зайдет при первой возможности. Хозяин привел ко мне сиделку. Я сказал, что это расход совершенно лишний, и в самом деле, я чувствовал себя уже куда лучше — столь благотворна помощь, вдохновленная любовью и дружбой. — Да ведь так распорядилась ваша кузина, сударь, — ответил хозяин, — вот десять луидоров, она сунула их мне в руку, чтобы вы истратили их на все, что вам вздумается; она хочет, чтобы вы ни в чем не нуждались, а когда вы пожелаете и сможете, то мы вас переведем вниз,

в самую мою наилучшую комнату, сейчас ее для вас готовят; а ежели хотите отослать сиделку, так я сам с вами посижу, а деньги останутся мне.

Я был удивлен, ибо знал, что у Зефиры никаких денег быть не могло. Мне тотчас вспомнились Годэ и д'Аррас; мне стало стыдно, что я скрываюсь от таких великодушных друзей, и я мысленно попросил у вас прощения. Между тем, хоть я и не заблуждался относительно ваших намерений (ведь вы поступили бы именно так, как я предполагал), все же в данном случае я ошибся, — оказывается, Зефира заложила свои часы, серьги и жемчужное ожерелье (я узнал об этом только теперь), и за все ей дали пятнадцать луидоров, из коих четыре она потратила на разъезды. Ей потребовалось для этого большое мужество, ибо злая мать, конечно, устроила из-за вещей чудовищный скандал; сам понимаешь, что с точки зрения женщины такого сорта девочка совершила непростительную глупость. Итак, свою признательность я делю между вами троими. Когда она опять пришла, я стал настойчиво добиваться от нее правды и, к моему удовольствию, ей пришлось подтвердить мои предположения. Девочка была бесконечно рада, видя, что я ее разгадал; она все подтвердила и весь вечер была

в самом благодушном настроении. (К тому времени я уже перебрался в *лучшую* комнату господина фруктовщика и расклейщика афиш.) Между тем мать страшно разбранила ее и даже побила, в чем легко было убедиться по многочисленным синякам на теле девочки, хотя она их и объясняла другими причинами, едва я о них заговаривал. Сиделку она отослала и провела ночь при мне. Как заботливо она за мной ухаживала! Ах, друг мой! Дружба и любовь (не все ли равно какая) — что за упоительные вещи! Нет пороков, которых не смыло бы это двойное чувство! Да, я чувствую это, я в этом убежден; достаточно любить, чтобы быть добродетельнейшим человеком или, по крайней мере, готовым стать таковым, и именно с этой точки зрения я и собираюсь всегда взирать на своих верных друзей. За одну эту ночь здоровье мое поправилось лучше, чем за целую неделю равнодушного ухода. К утру сон одолел Зефиру и она уснула у меня на груди; я не смел дышать, так боялся ее разбудить, и я думал: «Черствые, надменные недотроги, — вот одна из Лаис{68}, но я

{68} Комментарии: 2.68

Лаиса — имя нескольких древнегреческих куртизанок, ставшее нарицательным для обозначения женщины легкого поведения.

уважаю ее во сто крат больше, чем Лукрецию{69}, если последняя похожа на вас».

Ну, что же ты скажешь об этом ангеле?.. На другой день она привела ко мне д'Арраса. Появление монаха произвело на хозяина и хозяйку благоприятное впечатление и подняло нас в их глазах. Не стану рассказывать тебе о нашей встрече, о том, как бесценный отец плакал от радости. Сколько раз он повторял: — Сын мой! Возлюбленный сын мой! Я снова вижу тебя! — Вот та, благодаря которой мы вновь соединились, — сказал я. — Ах, мадемуазель, — воскликнул он, обращаясь к Зефире, — самаритянка взята на небо...

На этом заканчиваю. Как я ни ценю ваши услуги, друзья мои, мне хочется (и вы мне позволите) прежде всего заняться той, которая вновь нас объединит и которой я обязан тем, что изменился, — неистовство мое почти совсем прошло.

{69} Комментарии: 2.69

Лукреция — римлянка, лишенная чести сыном Тарквиния Гордого и покончившая жизнь самоубийством, что повело к изгнанию Тарквиниев и основанию римской республики (510 г. до н. э.).

ПИСЬМО CXLI

Четыре месяца спустя после предыдущего

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Развратитель, верный себе, всячески изворачивается, чтобы обольстить

Итак, я льщу себя надеждой, что мое присутствие окончательно вывело тебя из дурного расположения духа. В каком состоянии я застал тебя! Вид твой приводил меня в ужас. Вот каковы наши молодые люди! Мы воображаем, будто они полны сил, а им еще потребны детские помочи! Кто же так унизил тебя в твоих собственных глазах? Чем был у тебя вызван такой упадок духа, такое уныние? Преступлением, — сказал бы ханжа, я же говорю: предрассудком, предвзятостью. Преодолей же самого себя, отбрось стыд, отбрось угрызения! Нет, ты еще ничего не утратил! Снова возьмись за свое искусство и (ты удивишься такому совету) возобнови связь с госпожой Парангон; это лекарство тебе необходимо для обновления

сердца; раз ты недостаточно силен духом, чтобы идти к великим свершениям без посторонней помощи, подкрепляйся, как рядовые души, любовью безупречной, чтобы не опуститься в болото... Признаться ли? Я побаиваюсь твоей Зефиры, я страшусь этой великодушной девочки; ее достоинства, ее недостатки, ее пороки и добродетели — все внушает мне опасения за тебя. Это маленькое совершенство удерживает тебя в сетях опасного цинизма и, хотя она после благородного поступка, спасшего тебя, не отдается другим, ты понимаешь, что для женщины прошлое, подобное прошлому Зефиры, — непоправимо. Излишества погубили ее, так же как и Юрсюль... Что за своевольные существа — женщины, и сколь трудно ими управлять! К тому же вы с Юрсюль оба склонны к крайностям, и, хотя я знал, что город несравненно опаснее для деревенских жителей, чем для горожан (ибо для последних все уже утратило остроту, меж тем как для деревенских все неожиданно и увлекательно; вдобавок впечатления поселян новы, разительны, сильны и дают им приятную встряску), хоть я и знал все это, тем не менее я никак не ожидал того, что случилось...

Что же, однако, делать с этой девушкой? Вот она

стала безобразной, страшной, отталкивающей... Ее дыхание... ее гнилые зубы... зарубцевавшиеся язвы на местах, бывших некогда особенно прекрасными... потухшие, запавшие глаза... ввалившиеся щеки... все это превращает ее в чудовище. Думаю, что теперь, когда она выздоровела, самым разумным было бы собрать остатки ее состояния и поместить ее в какое-нибудь убежище, где вид ее не будет возмущать окружающих. Как по твоему? Право же, безобразная женщина уже ни на что не годна. Все же я сделаю все необходимое, чтобы обеспечить ей приличное существование; вернуться в родную деревню я ей не советую, там она попадет в ад. Я поставил ее в пример своей Лоре — да воспользуется она им!

ПИСЬМО CXLII

ОТВЕТ

Эдмон рассказывает, как он устроил Юрсюль; потом по его легкомысленному тону становится ясным, что он вновь впал в распутство, из коего его на время извлекло глубокое отчаяние. Чтобы исправить очерствевшие сердца, нужны гром и молнии

Мы последовали твоим советам в отношении того, что осталось от Юрсюли. Но удалось это нам с большим трудом; несмотря на настойчивые хлопоты отца д'Арраса, ни одно убежище не соглашалось ее принять, нынешние христианские души остерегаются общества, дорогого их Учителю, который всегда был окружен хромыми, расслабленными, глухими, слепыми и прокаженными. Нам пришлось поместить ее в Сальпетриер, где она и находится со вчерашнего дня. Глаза ее источали потоки слез; я не в силах был выдержать это зрелище, рыдания душили меня, и мне слышалось, как моя бедная добрая матушка кричит мне: «О несчастный! Вот до чего ты довел сестру!». Все устроил д'Аррас; если не считать непривлекательности самого места, ей будет там хорошо, а д'Аррас собирается внимательно следить за нею и вносить положенную плату. Это меня успокоило. Зефире я о сестре, ко-

нечно, ничего не говорил, у этой девушки столь отзывчивое сердце, что она захотела бы во что бы то ни стало устроить Юрсюль к себе, но что стала бы делать Юрсюль в таком доме? Теперь я стараюсь развлекаться и мне это удается... как увидишь из дальнейших строк.

Прежде всего прошу, чтоб ты позволил мне не во всем следовать советам, которые содержатся в твоем последнем письме. Например, я отнюдь не намерен возобновлять отношения с кузиной; порядочные женщины уже не производят на меня впечатления, они чересчур пресны. Да здравствуют легкомысленные! Итак, не взыщи, я по-прежнему буду дружить с очаровательной Зефирой; но не беспокойся, я уже подыскал ей соперницу. Хватит с меня любви; сия роковая, жестокая и пагубная страсть отравляет все утехи, которые несет с собою; потому-то у меня теперь две любовницы, равно красивые; и мне уже невозможно чересчур привязаться к одной из них; разнообразие исключает несправедливое и неизменное предпочтение, которое мы отдаем одной-единственной. Зефира безумно весела и так хороша в своем безрассудстве, что мне все время приходится напоминать себе, что ее соперница Орора наделена не меньшими прелестями,

что ее черные глаза, при всей своей живости, не менее нежны, чем голубые. Какое, однако, чудесное лекарство от рецидивов благоразумия эта восхитительная Зефира! Знал бы ты, как она разнообразна, как переходит от беспечности к сердечному тону, от бесшабашности к нежности, от нежности к шалости, чтобы затем снова стать самым рассудительным, самым ласковым созданием! Она истинный Протей{70}, с той только разницей, что во всех своих превращениях она неизменно пленительна, в то время как мифологический старик Протей иной раз принимал обличия устрашающие.

Но и у Ороры есть достоинства, хотя и совсем иные: она вольнодумка, она соблазнительна, словом, она сокровище для obsoleti{71}[87] Петрония (если допустить, что она согласится развернуть свои таланты ради престарелых развратников). Я познакомился с ней при весьма забавных обстоятельствах.

{70} Комментарии: 2.70

Протей — морской бог, обладавший способностью принимать любые образы (греч. миф.).

{71} Комментарии: 2.71

Obsoleti Петрония — старики, о которых говорит Петроний в своем романе «Сатирикон».

[87] Примечания: 1.87

Старикашек *(лат.).*

Как-то вечером по улице Фроманто проходил некий ханжа, приятель нашего хозяина; на втором этаже одного дома он заметил у окна девушку — она улыбнулась ему. Праведник перекрестился, но был так поражен красотой Ороры, что помышлял о ней всю дорогу, да так неотвязно, что, придя к нам, первым делом воскликнул: — Господи Иисусе! Какая жалость! Такая прекрасная особа! Это прямо-таки преступление! — Его попросили объяснить, что случилось. Он рассказал о том, что видел, и стал сокрушаться о вреде распущенности; он назвал улицу, дом напротив Шато д'О. Я было уже разделся; поспешно скидываю халат, одеваюсь и собираюсь выйти. Меня спрашивают, что со мною и вернусь ли я к ужину. — Нет, — отвечаю, — гость нарисовал картину, преисполнившую меня благочестивого рвения; бегу на выручку прекрасной особе; но если беда уже так велика, что исправить ее невозможно, то мне поневоле придется воспользоваться некоторой долей столь заманчивой добычи. — Ханжа от изумления замер на месте. Я же, невзирая на все препятствия, которыми думали преградить мне дорогу, бросился к двери и несколько минут спустя оказался на улице Фроманто. Там я нашел Орору. Ханжа ничего не преувеличил; я убедился,

что в оценке красавиц можно вполне полагаться на мистиков. Как сам догадываешься, знакомство состоялось немедленно и мы с ней стали встречаться. Прелестная Орора — на редкость услужливая девушка. Вот тебе пример.

Однажды, когда у нее были причины опасаться обычного недомогания, великодушная Орора попросила меня подождать, а сама ушла в другую комнату, от которой у нее был ключ. Минут пятьдесять спустя она вернулась. — Иди, друг мой; у нас тут тринадцатилетняя эльзасочка... прелесть... настоящая миниатюра; мамаша бережет ее для стариков, которые платят любые деньги; я тебя расхвалила девочке и уговорила принять тебя по секрету; ты не раскаешься! Бедная девчурка еще не разочаровалась, такой славный подвиг как раз тебе под стать, доблестный рыцарь. Я постерегу у окна, — как бы мамаша вас не застигла, — и т. д. Не правда ли, любезный друг, это не назовешь иначе, как неоценимой услугой? Никогда не забуду о ней, удовольствие я получил полное! А что лучше удовольствия? У Ороры один только недостаток — она чуточку корыстна.

Что до Зефиры (которая мне столь же дорога, хоть я ей и не верен), она, сдается мне, не в меру ревнива. Считаясь с этой слабостью, я тщательно

скрываю от нее все свои похождения, героиня коих не она. Ах, кузен! Как Зефира соблазнительна и как она была бы опасна, если бы чаша весов не уравновешивались Ороpой и немочкой! Право, мне кажется, что Зефира могла бы оправдать твои опасения и вновь ввергнуть мое сердце во власть любви. Главное ее очарование в том, что она любит, а, сам знаешь, нет для нас ничего привлекательнее, как красивая и *ласковая* девушка. Нескромность не помеха для любви, особенно в тех случаях, когда вольности начались, как у Зефиры, еще прежде, чем ей стал светить свет разума и когда девушку приучила к распутству женщина, которой следовало бы ее всячески от него оберегать. Всякая девочка, естественно, вполне доверяет матери, посему Зефира приучилась к разврату, даже не будучи склонной к нему; нередко я краснею за себя, убеждаясь в ее душевной чистоте; девушка никогда не видела, не слышала ничего такого, что могло бы дать ей понятие о том, как она опустилась, а я... Прости, друг, — я отрекся от своего прежнего малодушия

ПИСЬМО CXLIII

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Мой несчастный брат, все более погружающийся в грязь, рассказывает своему совратителю о весьма гадком поступке, который он совершил; речь идет об отвратительном обмане неосторожной и незадачливой барышни

Я стал философом, мой друг, — но не из тех, что гоняются за мудростью, тщатся обнаружить в тяжеловесных и темных трактатах недоступную, ускользающую истину, не из тех, которых так бранят Фр***, Саб*** и Кл***; я из тех философов, что сочетают приятного Эпикура с циничным Диогеном, глумятся над предрассудками, стремятся только к удовольствиям и хватаются за них, где бы их ни находили, хоть в навозной куче, ибо они убеждены, что облагораживают все, к чему прикасаются. Предупреждаю, что благодатный переворот, происшедший в моих мыслях, скорее следствие моей здравой натуры, чем твоих внушений, посему не вздумай приписывать себе

такую заслугу. Вожатый, за которым я следовал, — случай; я завязал себе глаза его повязкой. Итак, я взял себе за правило — относиться ко всему одинаково — и к добру, и к злу, и безразлично предаваться тому или другому, подчиняясь инстинкту.

Да, любезный мой, я в восторге от своего блаженного цинизма и действительно наслаждаюсь жизнью только с тех пор, как усвоил его. Мне нравится бывать среди людей самого низкого разбора; нередко я выхожу на улицу в грязной рваной куртке и грубых подкованных башмаках; я прохожу под окнами Зефиры и Ороры, делаю им знаки и с бесконечным удовольствием наблюдаю с каким презрением эти две прелестных плутовки отвечают на приветствия человека, с которым они обходятся на редкость благосклонно при других обстоятельствах.

На днях мне приглянулась жена ювелира с улицы А***, и я решил потехи ради написать ей и излиться в своих чувствах. Письмо вышло весьма вольное, но я придал ему шутливый тон. Я сам отнес его, воспользовавшись своим савуаярским нарядом. Подавая письмо, я на грубом наречии пояснил, что оно от некоего молодого мушкетера. Я выбрал время, когда красотка была одна

в лавке. Читает; со мной особенно не церемонятся, поэтому я с удовольствием наблюдаю все оттенки чувств, какие вызывает в ней чтение, — они ясно отражаются на ее милом личике. Она то улыбается, то краснеет, иной раз прыскает со смеху. Стань на мое место — может ли доставить такое удовольствие даже сценка из какой-нибудь комедии? Чему я обязан этим удовольствием, как не собственному цинизму? А тут недавно я под видом трубочиста зашел к прелестной девочке, с которой мамаша глаз не сводит, и эту девочку... Но еще удивительнее другое, единственное в своем роде приключение, которым я также обязан своему савуаярскому наряду.

Недавно утром, когда я разгуливал в таком неряшливом одеянии, мне вздумалось предложить желающим свои услуги. Я остановился на перекрестке, где накануне наблюдал, как какой-то дурень-овернец тайно вручал кому-то письмо, причем на верзиле этом была такая же куртка, как у меня. Не прошло и четверти часа, как из лавки торговца высовывается лукавое личико совсем юной девицы; прехорошенькая малютка подает мне белоснежной ручкой душистую записку. — Друг мой, — шепчет она мне, — отнеси записку по адресу, а ответ вручи мне

половчее, понимаешь? — Я беру записку, беру двадцать четыре су и читаю: «Господину такому-то, в доме отца его, господина такого-то, на улице Сент-Оноре, возле дома***». Отправляюсь; право же, у меня не было другого желания, как только услужить красотке и посмотреть, чем это кончится; но дьявол и судьба распорядились иначе; в качестве чрезвычайного гонца я решил, что могу ознакомиться с содержанием доверенных мне посланий.

«Любезный друг мой, — писала девочка, — чувство мое к тебе разгорается со дня на день, и сердце мое бунтует при одной мысли, что меня могут отдать кому-то другому, кроме тебя. Знаешь ли ты, что *** ревнует? Да еще как! Кажется, он что-то заметил, когда мы вчера вечером ехали в карете. А что мне до того, что он думает? Я вся твоя, бесценный мой ***! Чтобы доказать это, я согласна исполнить твою просьбу, на которую я так рассердилась. Будь ровно в одиннадцать у калитки; я посвятила в наш секрет Жаннетону; она готова на все, ибо знает, что мы очень подходим друг другу. Прощай, мой ненаглядный! Я пишу, а сердце у меня буйно колотится. Жаннетона, когда тебе отворит, скажет, что разговаривать нам нельзя и нельзя зажигать света, но и я об

этом тебя предупреждаю. Приходи в чужом платье и спрячь лицо; лучше соблюсти излишнюю предосторожность, чем допустить какую-нибудь оплошность. Записку сожги».

Ну что, друг мой? Как бы ты поступил? Мне кажется, я слышу твой ответ. Действительно, приключение было чересчур заманчиво и упустить его было совершенно невозможно. Вместо того, чтобы отнести письмо, я вернулся домой; я вызвал парикмахера и причесался, смыл с себя всю грязь, приоделся; затем иду посмотреть на молодого суконщика, к которому я послан, — мне указала на него торговка фруктами. Вхожу к нему под предлогом присмотреть себе сукна, вслушиваюсь в звук его голоса, запоминаю его привычку подергиваться. На этом мои закупки и кончились. Возвратившись к себе, я как следует ужинаю, потом располагаюсь в кресле, в ожидании одиннадцати читаю несколько глав весьма полезной и поучительной книги мэтра Жана Шорье[88]{72}. Наконец, отправляюсь из дому,

---

[88] Примечания: 1.88

«Алоизия».

{72} Комментарии: 2.72

Шорье (1609—1692) — французский историк и писатель. Имеется в виду написанное им по латыни порнографическое сочинение, которое он выдал за произведение ученой испанки XVI века.

закутавшись как испанец, задумавший устроить своей даме серенаду, и подхожу к калиточке, кляня злополучного изобретателя фонарей. Я забился в угол, в тень, ожидая, когда калитка отворится. Жаннетона вскоре появилась; я повыше возлюбленного девицы, посему я чуточку согнулся и проскользнул столь стремительно, что служанка не могла меня разглядеть. Затворив калитку, она стала наставлять меня; тут я пустил в ход подергивание. Меня ведут к спальне красотки; входя, опять подергиваюсь; девица молчит, если и говорит, то настолько тихо... В ответ — подергивание и жгучие ласки...

Ах, какое наслаждение черпает в обмане человек, чье сердце озлоблено на род людской, тот, кто ненавидит себе подобных и не мирится с мыслью, что другой может быть счастлив, человек, жаждущий всех замарать грязью, в которой барахтается он сам...

Эдмон присутствует при туалете маркизы

. . . . . .

Когда я расстался с красоткой, Жаннетона проводила меня до калитки и хотела было сказать мне что-то, пользуясь тем, что нас уже не могли подслушать, но я убежал, не обратив на нее внимания.

В девять часов утра я (в рубище, конечно) снова появился у дома моей красотки; она сияла от счастья, в глазах ее светилась пленительная нега, яркий (притом естественный) румянец заливал ее лилейно-белые щечки. О, как она была прекрасна! И как я был польщен этим!.. Она подошла к калитке и опять подала мне записку. Я удалился, чтобы прочитать послание, считая, что на самом-то деле оно адресовано мне, а вовсе не бедняге, которого я одурачил...

. . . . . .

Вторая записочка меня обнадежила, я понял, что могу действовать смелее. Забыл тебе сказать, что первую записочку я красотке вернул, шепнув при этом, что не хотел рисковать, отвечая письменно. Итак, вечером я явился, как накануне. — Нельзя, сударь, — сказала Жаннетона, — хозяйка захворала и мы с барышней всю ночь проведем возле нее. До завтрего. Но право же, вас

никак не узнать в таком наряде, в нем вы словно бы повыше. Уверяю вас, вы совсем не похожи на самого себя, разве что привычка дергаться. — Я прервал болтунью, пожав ей руку и сунув шесть франков, которые произвели на нее такое же впечатление, как медовые лепешки, о коих говорится в «Энеиде»{73}, на Цербера; засим я скрылся.

На другой день я опять появился у калитки в обличии рассыльного, — но уже с некоторой опаской. Красотки я не видал; на следующий день, в воскресенье, калитка была заперта. Вечером я все-таки отправился на ту улицу, но не перерядившись, и стал в темном проходе напротив ее дома. Часов в одиннадцать показался человек, закутанный как я, а с ним еще пятеро. Они бродили вокруг дома до полуночи, потом разошлись. Из этого я заключил, что днем между влюбленными произошло объяснение. Я понял, что рассыльному больше появляться не следует. Но днем, опрятно одевшись, я прошелся возле дома моего божества. Ах, что за перемена! Она

{73} Комментарии: 2.73

... медовые лепешки, о которых говорится в «Энеиде»... — В «Энеиде» Вергилия (кн. VI, ст. 417—425) говорится, что Эней и его спутники дали псу Церберу, охраняющему вход в преисподнюю, медовые лепешки со снотворной травой, поев которых, грозный страж уснул.

была бледна, взор ее был затуманен, словно после слез. Я был до того взволнован, что замер на месте. Она пристально посмотрела на меня. Она, несомненно, меня узнала, а по моему наряду поняла, какую гнусную шутку я с нею разыграл; она резко отвернулась, а я, опасаясь последствий, не замедлил улизнуть.

Вот каковы дела. Само собой разумеется, здесь никто не знает об этой выходке, а то я, право же, краснел бы, несмотря на весь мой цинизм. Особенно я таюсь от д'Арраса. Боже, какие нескончаемые упреки пришлось бы мне выслушать! Только с тобою я ничего не стыжусь; твоеочаровательное учение о безразличии на руку всем порокам и люди безнравственные проходят перед тобою с гордо поднятым челом.

Продолжение моей выходки сообщу со следующей почтой. Честное слово, я рад, что познакомиться с этой девушкой мне, в сущности, невозможно, ибо чувствую, что во мне еще достаточно мещанства, чтобы влюбиться в порядочную женщину.

ПИСЬМО CXLIV

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Приключение, разыгранное на биллиардном языке. Эдмон позволяет себе бесчестную проделку с незадачливым молодым хлыщом. Барышня, которую он обманул, узнает его. Поведение Зефиры в этих опасных обстоятельствах

— Как-то утром я с одним пареньком, с Монтиньи, — да вы его знаете, весельчак такой, — оказались в биллиардной. Сами понимаете, в это время игроков не было, только мы с ним вдвоем и были. — Сыграем партию, Марготон? — он мне. — Сыграем, Монтиньи, — я ему, — вы откажитесь от пяти луз в мою пользу, и от выигрыша, и от проигрыша. — Идет! — он мне. — Согласен. Вот моя луза, средняя, и играть я буду только кием. — А я ему: — Только кием? А еще чем же вам играть-то? А я буду мазиком и по всякому, буду браться и за кий и за шары. А сколько вы мне дадите при всем том? — А он мне: — Даю шесть. — А я ему: — Ладно, шесть так шесть. — А

он мне: — Какая ставка-то будет? — А я ему: — Какая вам будет угодна. — А он мне: — Невинность на невинность. — А я ему: — На-ко-ся, выкуси! Ишь какой хитрый! Ты-то чем рискуешь? — А он уже приступает к игре. Я собираюсь как следует защищаться. Бросаю жребий: кому начинать? Ему, конечно. Он-то знает, как взяться за дело! Он целится в красный, но промахивается и шар проходит по самому краю средней лузы. Я бью мазиком, целюсь в шар, чтобы сыграть его дуплетом, но подставляю ему. Он не промазывает, шар удачно отскакивает и... крак! — он в лузе! — У меня три, — он мне. — Три, — я ему. Я бью и кладу белый. — Много ли у меня? — я ему. — Два, — он мне. Он бьет, задевает за дужку и, целясь в красный, в него не попадает, зато свой кладет в мою лузу. Значит, у меня три. Я бью, да так, что ему игры нет. Он бьет абриколем. Я бью, позиция у меня завидная, карамболем кладу белый. У меня еще четыре очка с одного удара, я бью клапштосом. Парень играет, красный шар повис над моей лузой; он снова бьет в него и свой вместе с моим падает в лузу. — Сверим-ка счет. Сколько у меня? — я ему. — Шесть даю тебе вперед, — он мне. — Да еще два за белый, итого восемь. Да три за то, что промахнулся в красный, — одиннадцать. Четыре

за карамбольный, получается пятнадцать, да три после клапштоса, когда я загнал свой в твою лузу. Значит, восемнадцать на три. Ты играешь за двоих, чертовка! Этак и фехтмейстера на две лопатки положить можешь. — Он бьет и кладет белый. — Пять, — говорит. Я бью и получается отменный дуплет, но луза не принимает. Он забивает рывком. — Семь! — восклицает он в восторге от своего удара. Я бью, но он кричит мне под руку: — В лузу!.. — и сует свой кий, покуда я целюсь. Я разозлилась. Я бью так сильно, что шар выскакивает за борт. Теперь у него девять. Я из себя вон выхожу. Бью в красный от двух бортов мимо и мой повисает над лузой. Он играет и легко забивает в ту же лузу. Я отыгрываюсь так, чтобы ему нечем было бить. Но он все же забивает оборотним: тринадцать! — Вот ты и ни с чем, Марготон!.. — он мне. — И то правда, Монтиньи, — я ему, — теперь бы мне хороший удар кием. Дайте мне ваш. — Я сильно бью, но шар был прямой и свой вкатывается у меня вместе с ним в лузу. У него получается пятнадцать. Он пропихивает красный в лузу. — Ну вот, — он мне, — теперь восемнадцать на восемнадцать. — Как бы мне не проиграть, — я ему. — Быть этого не может, — он мне. Я бью через весь биллиард. Он

бьет в мой толстым концом своего кия, чтобы отогнать его в дальний угол. — Ну, — думаю, — мне крышка! — Но он ударил чересчур низко. А я задумала удар от трех бортов и он мне удался на славу. — Партия! — я ему. — Так и знал, что проиграю, — он мне, — ведь в такой игре мазик всегда берет верх над кием!

Представляю себе, как ты сквозь зубы бранишься, словно щеголь из «Клевеланда»{74}, когда тот разоряется насчет нравственности. — Что за галиматья и что все это значит..? — Терпение! Я привел это в наказание тебе за недавние выпады против молодежи[89]. Теперь ты, может быть, воображаешь, что я намерен продолжить приключение с хорошенькой дочкой торговца? Вот и не угадал. Я хочу доканать тебя рассуждениями и отвести душу, возражая тебе.

Моя новая философия служит мне на славу: да, цинизм — единственный источник счастья.

{74} Комментарии: 2.74

«Клевеланд», точнее «История г. Кливленда, побочного сына Кромвеля, или Английский философ» — роман французского писателя аббата Прево (1732— 1739 гг.).

[89] Примечания: 1.89

См. письмо CXLI.

О Диоген{75}, о Антисфен{76}, его достойный наставник, вы — величайшие из греков! Какое наслаждение побывать в самых различных общественных положениях! Пользуясь соответствующей одеждой, сегодня я возвышаюсь до уровня вельмож, завтра опускаюсь и смешиваюсь с самыми презренными оборванцами. Эти внезапные, противоречивые превращения раздвигают границы моего существования; я принадлежу ко всем сословиям; с грубой, но хорошенькой торговкой рыбою я обретаю утехи, по меньшей мере равные тем, что доставляет мне маркиза де***; простодушные, неистовые, безудержные ласки Марго полны особой прелести, — их можно встретить только у такого рода девок. Надо видеть этих девиц в минуты упоения негой! Тут никакой метафизики, все дело в чувственности — она смела и прекрасна. От одной из таких красоток, не лишенной остроумия, я и слышал тот двусмысленный рассказ, которым начинается это письмо: так, помирая со смеху и

{75} Комментарии: 2.75

Диоген (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ из школы киников.

{76} Комментарии: 2.76

Антисфен (ок. 435—370 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы киников.

пользуясь лишь биллиардной терминологией, она мне поведала, при каких обстоятельствах лишилась невинности.

А теперь, созорничав, я намерен с тобою помириться.

После того, как, проходя мимо дома моей красотки, я убедился, что она меня узнала, я некоторое время соблюдал осторожность. Но это не помешало мне на другой же день совершить новую подлость (ибо как иначе назвать то, о чем я тебе сейчас поведаю?). У меня сосед — молодой щеголь с пресно-миловидным личиком, вполне выражающим его романтические наклонности. Я подучил горничную Лоры написать ему записку, следующего содержания:

«Сударь, молодая особа, о которой любезно говорят, что она не так уж дурна собою, увидев Вас, пленилась Вашей красотой. В записке большего сказать невозможно. Если же Вы пожелаете прийти сегодня в одиннадцать часов на улицу ***, к дому господина М., Вас впустят через потайную дверь и мы побеседуем без помех».

Я велел отнести записку щеголю, когда, как я знал, его не было дома. Вернулся он лишь в половине восьмого и нашел послание. Я следил за ним из окна; он был сам не свой; он раз трид-

цать выходил, возвращался, снова выходил, раз десять подходил к моей двери, вероятно, чтобы поделиться со мной своей удачей, но каждый раз что-то удерживало его. Я, откровенно говоря, завидовал тому обманчивому счастью, которое сам же ему подарил. В половине одиннадцатого он ушел; я опять пристроился в том тайничке, где накануне наблюдал за шествием суконщика и его спутников (ибо, как ты сейчас увидишь, это был именно он). Сосед прохаживался перед калиткой; за нею еще никого нет; он проходит шагов двадцать, снова возвращается; это длится с полчаса. В одиннадцать вижу вчерашнего закутанного человека, он осторожно крадется и замечает франта, который топчется возле дома и с любопытством заглядывает в окна. Закутанный подает знак, после чего появляется Жаннетона. Мой щеголь тотчас же подбегает к калитке. Славная Жаннетона спрашивает, что ему надобно. В ответ на его путаное объяснение плутовка кричит: «Караул!» Тут на беднягу наваливается суконщик со своими; они колотят его и ведут на гауптвахту Марше-Нёф; отсюда приятеля отправили прямо к комиссару, который назначил ему свидание в Пти-Шатлэ, где злополучный щеголь и дожидается до сих пор.

Понятно, я никак не ожидал, что суконщик и на следующую ночь пойдет дозором. Однако, оказалось именно так. Значит, подумал я, он не верит, что обнаружил истинного виновника: и правда, сосед мой с виду уж слишком глуп — он весьма неудачно оправдывался перед комиссаром (я понял это по тому, что он мне сам рассказал, когда я навестил его в тюрьме). Он очень гордился тем, что ему назначили свидание и в доказательство показывал записку; но суконщик, к тому времени объявившийся, сказал, что, судя по почерку, она не могла быть написана никем из лиц, живущих в доме М***, он готов за это поручиться. Следовательно, записка — не что иное, как увертка, заранее заготовленная мошенником. Мой дуралей не мог на это ничего возразить, кроме как: «За кого вы меня принимаете?» и т. п. в том же духе. Надеюсь, однако, что птичка скоро выпорхнет из клетки.

Я продолжал наблюдать за событиями до минувшего воскресенья, но тут вышла история, из-за которой я опять оказался в опасности и я до сих пор еще взволнован, ибо пока что не выпутался из нее. По правде же говоря, мне кажется, что вся эта шумиха только воодушевляет меня, в ней есть для меня нечто притягательное. Отсюда

я заключаю, что ты был неправ, говоря в одном из своих писем, будто тревога, которую приходится испытывать великим негодяям, не доставляет им никакого удовольствия.

В воскресенье мы втроем — твоя Лора и я с Зефирой отправились в Тюильри (я их познакомил и, надеюсь, ты на это не посетуешь). В аллее под террасой Фейянов прогуливалась разряженная толпа, привлеченная сюда дивной погодой. Мы резвились под деревьями, любовались гуляющими, критиковали их, и до слез хохотали, слушая уморительные замечания, какие Зефира отпускала в адрес всех хорошеньких женщин. Особенно поразила ее одна: то была моя красотка с матерью. Из страха, что она меня узнает, я спрятался за дерево. Между тем сумасбродка Зефира изощрялась в столь своеобразных замечаниях на ее счет, что — то ли это случайность, то ли плутовка хорошо разбирается в подобных делах — я был поражен правильностью ее суждений: лицо мое выражало явное удивление. — Ты что? — спросила Зефира, — уж не знаком ли ты с нею? — Я в смущении стал отнекиваться: плутовка говорила нарочито громко и тащила меня из-за дерева. Красотка моя обернулась, увидела меня и показала матери. Я побледнел и стал уговари-

вать девушек уйти из сада. Зефира в волнении сказала: — Я кое-что подозреваю; не понимаю, в чем дело; ты знаешь, как я люблю тебя; пойдем к выходу, но скажи мне правду, может быть, я могу быть тебе полезной? — Будучи уверен в ее преданности, я смущенно признался ей во всем. Она слушала, вся кипя от негодования, и шептала: — Хм! Негодяй! Подумать только! Занимается... Ну хорошо же, хорошо! — и тут же в клочья разорвала свой веер. То была единственная жертва, принесенная на алтарь ее гнева. Она велела мне немедленно удалиться, а сама вместе с Лорой вновь смешалась с толпой. Тебе известно, какие у этих двух плутовок честные, привлекательные личики и с каким благородным изяществом они умеют одеться. Зефира стала искать мою красотку, вскоре встретила ее и та ее узнала; да это было и не трудно, ибо красотка весьма внимательно разглядывала подружек. Тут Зефира, искавшая случая с нею поговорить, подошла к ней и с очаровательным видом, хорошо тебе известным, сказала: — Сударыня, я столь польщена вниманием, которым вы меня удостаиваете, что не могу не спросить: чему я обязана этой честью? Однако чем бы ни было вызвано такое внимание, заранее уверяю вас, что оно доставляет мне величайшую

радость. — Ответила ей мать моей красотки: — Сударыня, сейчас вы были с человеком, которого мы, кажется, знаем: помогите нам, пожалуйста, скажите не ошибаемся ли мы? — Охотно, сударыни, — ответила Зефира, — это мой жених. Вскоре я выйду за него замуж. — Ах, как мне жаль вас, мадемуазель, — продолжала мать, — поверьте, он не питает к вам искреннего чувства. — Если бы я и поверила вам, — ответила Зефира с живостью, которая сказывается у нее во всем, — все равно моя любовь... Да, да, по слабости своей я все бы ему простила... Сударыня, если он мне изменяет, не говорите мне об этом...

Во время этого разговора дамы отошли в сторону. Зефира взяла мою красотку за руки и несколько слезинок скатилось у нее из глаз. — Сударыня, — сказала Зефира, — он молод, очень легкомыслен... Могу я рассчитывать, что ни вы, ни ваша матушка не выдадите его?.. Увы, если он и провинился перед кем-нибудь, так, жалуясь на него, наказывают только меня. — Красотка моя взирала на Зефиру так внимательно, как смотрят на человека, который начинает нравиться; она была растрогана и даже поцеловала Зефиру (любящее сердце всегда податливо). Лора со своей стороны, мило улыбаясь, старалась завоевать

мамашу, которой она призналась, что я ее родственник. Уловки Зефиры произвели желательное действие: она очень понравилась и матери, и дочке. Тем не менее, они тут же рассказали о моей проделке (ведь женщин не удержишь), однако имя жертвы названо не было. — Одного не понимаю, — добавила мать (ибо дочка посвятила ее решительно во все подробности, и такая предосторожность спасла ее), — не понимаю, каким образом он вырядился савуаяром? — Зефире это также было невдомек, — я не успел посвятить ее во все подробности. Но она обещала дамам, что выведает у меня все и как следует накажет. Словом, Зефира и Лора действовали весьма ловко и, когда они выдали себя за вполне порядочных и назвались чужими именами, мать с дочерью предложили им еще повидаться. И вот Зефира нанесла им уже два визита и они ей ответили тем же в моей квартире, которую Зефира выдала за свою. Она сумела до такой степени втереться к ним в доверие, что стала наперсницей девушки, а матери внушила глубокое уважение. Девушка рассказала ей обо всем, что произошло в их доме после моей дерзкой затеи. Как я уже сказал, она во всем призналась матери; мать, по счастью, покровительствует суконщику, в то время как отец

на стороне другого поклонника, адвоката. Мать строго побранила дочку за неосторожность, но все же простила ее, убедившись в ее искреннем раскаянии, и главной задачей своей поставила так или иначе загладить беду. Красотка же, признавшись во всем Зефире, по-моему, намекнула ей, что малейшая нескромность с моей стороны будет для меня чревата серьезной опасностью. Как видишь, с моего хлыща, столь ловко угодившего в мышеловку, теперь снимается всякое обвинение, его скоро выпустят и т. д.

Что же скажешь ты о милой Зефире и об усердии, с каким она постаралась выгородить меня? Малютка эта — истинное сокровище. Право же, мне совестно обманывать ее... Но быть может и Орора поступила бы также?

Надо тебе сказать, что Юрсюль меняется к лучшему: внешность ее теперь терпима, если ее безобразие (прости мне это выражение) будет постепенно смягчаться, то можно будет взять ее из убежища.

P. S. Распечатываю свое письмо в большом волнении. Я только что вышел на улицу и увидел... госпожу Парангон с мадемуазель Фаншеттой!.. Первая была в трауре! Что это значит? Я весь затрепетал. О небеса! Как величественна красота

этой женщины!.. У нее голова Медузы, но в улучшенном варианте!

ПИСЬМО CXLV

На другой день после вышеприведенного

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Он завершает предыдущее приключение и рассказывает о поединке Зефиры с Ороpой

Я так взбудоражен тем, о чем написал тебе вчера в постскриптуме, что до самого утра не мог уснуть. О, жестокая ночь! Какие муки ты вновь оживила во мне! Но сейчас я взялся за перо лишь с тем, чтобы немного отвлечься.

Доскажу тебе приключение с прекрасной дочкой торговца, ибо, как я узнал, оно кончилось благополучно. Во время объяснения, происшедшего на другой день после моей проказы у девицы с ее обожателем, она довольно скоро убедилась, что не ему достались ее милости. В полном отчаянии от своей оплошности, она решилась обратиться к опыту и знаниям мамаши и после долгих обсуждений всех «за» и «против» было решено

поторопиться с выдачей ее за молодого суконщика из опасения некоего обстоятельства, которое может обнаружиться, если свадьбу отложить на несколько месяцев. Отца уговорили, сославшись с согласия жениха на то, что он принимает на себя какие-то выдуманные обязательства; итак со вчерашнего дня честь моей красотки вне опасности. Но надо отдать должное ее щепетильности: она пролила немало слез; такая сделка представляется ей преступным обманом, хоть сердце ее и непорочно, и чтобы склонить ее на этот брак, потребовался решительный приказ матери; к тому же она трепещет перед отцом, человеком весьма крутого нрава. Благородная душа! Пожалуй, она была единственной в Париже верной любовницей; но судьба мужей здесь неумолима и словно нарочно появился злодей, чтобы нанести суконщику положенный урон. Но он в полном неведении и, следовательно, все случившееся никак не повредит его счастью. Ах, сколько мужей позавидовало бы его неведению!

Есть тут одно обстоятельство довольно странное — ты удивишься; а именно, на свадьбе, под именем мадемуазель де Сентелье, будет присутствовать Зефира. Я был против и руководила мною осторожность: Зефиру могут узнать. Если

среди гостей окажется кто-нибудь из тех, кто воздавал должное ее прелестям и если притом он разгласит это, — какой произойдет скандал в мещанском обществе, где блещут городской советник и староста! Маркизы и герцогини почли бы себя менее оскорбленными, чем эта торгашеская знать. Но покамест еще никакой злополучной встречи не произошло и надеюсь, что и сегодня, накануне свадьбы, все пройдет гладко...

О, боже! Что это? Зефира явилась сама не своя!..

Удивительное происшествие! Зефира каким-то образом, от кого-то, узнала о моих отношениях с Ороpой и проч. Сегодня вечером она увидела ее в первый раз; красота соперницы преисполнила ее ревностью и негодованием; часов в шесть она сослалась на какое-то неотложное дело и уехала со свадьбы; она наняла карету и отправилась к Ороре. Та сидела у окна; Зефира знаком вызвала ее на улицу; Орора, видя перед собою девушку хрупкую и без сопровождающих, не колеблясь вышла из дому. — Вас зовут Орора? — Да, мадемуазель. — (Вспыхнув) — Вы знакомы с Эдмоном, самым вероломным, самым подлым, самым... вы знакомы с ним? — Знакома, мадемуазель. — На-

деюсь, вы не любите его? — Люблю, мадемуазель. — Вы его любите, он любит вас... — Да, очень, мадемуазель. — А дерзнешь ли ты разговаривать со мной с таким оскорбительным хладнокровием где-нибудь в сторонке и с оружием в руках? — Пожалуй, дерзну, милочка, хоть вид у вас довольно свирепый; но к чему все это? Если желаете, я могу оказать вам честь и выкупать вас в сточной канавке, здесь же, на улице. — Мерзавка! — Как видите, канавка достаточно широка; к тому же сегодня представление в Опере и она полна испражнений всех тамошних девиц... — Пойдем, пойдем, — прервала ее Зефира, задыхаясь от злобы, — нам двоим не жить... — Орора прыснула со смеху. — Ставить на карту жизнь из-за мужчины! Да все мужчины вместе взятые не стоят одного моего дня. — Тут Зефира уж совсем потеряла самообладание; она ударила Орору муфтой по лицу, воскликнув: — Прочь, презренная! Ты не достойна чести, которую я хотела тебе оказать, недостойна и сердца, которое я у тебя оспариваю. — Удар муфтой по носу сразу развеял игривость Ороры. Она бросилась в карету, чтобы вытащить оттуда врагиню, и началась весьма малопристойная драка. Но кучер имел на этот случай особое распоряжение; увидев, что обе соперницы

находятся в карете, он хлестнул своих кляч и те рысцой поплелись к Королевской площади; тут Орора, которую Зефира держала за руки, вырвалась и схватила соперницу за шиворот, а та сразу же выскочила из кареты, увлекая за собою нападающую. При падении Орора выпустила свою жертву. Освободившись, Зефира взялась за шпаги и одну из них подала врагине: — Держи, подлая тварь, — вскричала она, — нападай и отважно защищайся! — Орора, трусиха как все женщины, при виде сверкающих лезвий сразу побледнела. Все же она, дрожа, взяла одну из шпаг. Соперница ее была уже в боевой готовности и деваться ей было некуда. Начался поединок; Зефира храбро наступает, та обороняется; на Ороре стеганая атласная кофта на вате со вставкой на груди; на Зефире — корсет на китовом усу. Орора наносит ей легкую царапину повыше груди, а та ранит соперницу в руку; из ссадин показывается кровь и пурпуром окрашивает лилейную кожу. Красотки, испугавшись не столько боли, сколько крови, испускают пронзительные вопли и роняют клинки, отнюдь не созданные для их нежных ручек.

Кучер подобрал шпаги, водворил девиц в карету и развез по домам. Зефира сейчас вздремнула, а я тем временем навещу Орору...

Сейчас я от нее; что касается раны, то все благополучно, но ею я не доволен, она желает во что бы то ни стало отомстить и в этом есть нечто низкое. Зефира, с которой я уже повидался, наоборот, как всегда благородна и великодушна и прощает нас обоих; в ней нет злобы как и в... О, боже! Я чуть было не сказал!..

Право, я в восторге от этого сражения, — оно развлекло меня. С такой же целью хочу поделиться с тобою мыслью, которая возникла у меня после недавнего разговора с Негре: мулат справился у меня насчет Юрсюли; я ответил, что она очень подурнела. — Подурнела? — ответил он, — я всегда так восхищался ею, что, будь она теперь хоть страшилищем, я неизменно буду видеть перед собою прежнюю красавицу. — Я пытался опровергнуть это утверждение, хотя, в сущности, и считаю его правильным. Но он стоял на своем. Потом он стал рассказывать мне о своей семье, о видах на будущее, стал расписывать мне предстоящий, несомненный успех сочинения, которым он сейчас занят, и т. д. Все это свидетельствует о том, что он мечтает о руке Юрсюли. Что ты посоветуешь? Не возможное ли это дело, если бедная девушка станет сносной?

ПИСЬМО CXLVI

В тот же день

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ЭДМОНУ

Она берет Юрсюль из убежища

Наконец-то я обнаружила пристанище Юрсюли — не ищите ее более там, я ее увожу. Не ждите от меня ни наставлений, ни упреков — у меня нет слов... одни лишь слезы.

(Это письмо — единственное из ее трех последних, дошедшее до Эдмона.)

ПИСЬМО CXLVII

Несколько часов спустя

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

С тех пор как Эдмон погряз в разврате, благотворные впечатления мгновенно стираются в его сознании

Сердце мое трепещет, рука дрожит... Гром не так страшен... сама смерть не столь ужасна, как упрек добродетельной женщины... Прочти эту записку... Прочувствуй все, что в ней заключено... Я сражен... Закончу письмо немного погодя, сейчас писать не могу...

Благодаря Зефире, мрачные тучи, нависшие над моей душой, развеялись. Она рассказала мне о веселье, царившем на свадьбе, так спокойно, словно потасовка с Ороpой всего лишь сон. За нею ухаживали, но она с честью носила маску порядочной девушки, которую избрала на этот вечер, и притворялась недотрогой, требовательной и непреклонной до нелепости. Суди сам, какое о ней составилось хорошее мнение! Матери приводили ее дочерям в пример того, как честная девушка должна вести себя с мужчинами, — и, представь себе, были вполне правы. Представь себе также, как новобрачная и ее мамаша радовались новому знакомству!

Первым обожателем моей Зефиры оказался русый (чтобы не сказать: рыжий) малый, весьма

богатый и столь же придурковатый, единственный сын крупного торговца с улицы Сент-Антуан; он касался ее руки не иначе, как в белой перчатке, обращался к ней, низко склоняясь, с натянутой, дурацкой ухмылкой. Зефире он очень понравился; если бы она не любила меня — какого ни на есть прохвоста (говорит она, шутя), — то пошла бы за него; насчет мужей она такого мнения, что надо либо их обожать, либо, чтобы они были дураками.

Вторым поклонником оказался еще довольно бодрый старикан и такой веселый, что забываешь об его возрасте; Зефира не на шутку жалеет, что не может выйти за него. «Он мужчина любезный и жена будет с ним счастлива, — сказала она мне, — и это дело было бы вполне возможное, будь я уверена в твоем постоянстве, — ведь все старанья старикашки склонить меня на измену тебе будут тщетны; я стала бы богатой, а он не замедлил бы оставить меня вдовой — молодой и состоятельной, и тогда я могла бы обеспечить твою судьбу. Весь вопрос в том, как это обстряпать, — не придумает ли твой Годэ какую-нибудь плутню?»

Видишь, какое высокое мнение о тебе создалось у окружающих по моим рассказам; между нами, неплохо бы тебе об этом поразмыслить.

Третий воздыхатель оказался женатым; он проницательнее других и на второй день ему показалось, что маленькая Лукреция не так-то уж недоступна. В итоге этого удивительного открытия он сделал ей соответствующее предложение. Зефира дала ему такой отпор, что он раскаялся в дурных предположениях, которые (столь несправедливо!) возникли у него насчет столь благонравной девушки. Плутовка склоняется на сторону старикашки; он не выходит у нее из головы (он, разумеется, должен вручить ей приличную дарственную; великодушная девушка требует ее только ради меня). Посмотрим; мои финансы из рук вон плохи.

P. S. Я переезжаю в меблированные комнаты, а свою квартиру оставляю Зефире — она в ней собирается принимать старикана. Твоя Лора нам способствует: она надела черный чепец, и это придает ей вид молодой матери семейства. Делается это для того, чтобы не удивлялись, что Зефира (или, вернее, мадемуазель де Сентелье) находится под наблюдением столь юного существа.

ПИСЬМО CXLVIII

1760 г.

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ЭДМОНУ

Ему предлагают счастье, коего он уже недостоин

Уже целый час я сижу за столом, а взяться за перо не могу: слова ускользают от меня. Чувствую, что ум ничего не подскажет мне, нужно прислушаться к сердцу.

Я овдовела, кузен; за два месяца я лишилась отца и мужа. Две тяжелые утраты! В лице отца я лишилась горячо любимого человека и утешителя. Было время, когда друзья могли бы осушить мои слезы, а теперь на что мне рассчитывать? Бурные страсти совратили моего кузена с праведного пути, пагубное опьянение затмило его разум. О, если бы отец небесный внял моим мольбам, то человек, которого мы с Юрсюлью оплакиваем, вернулся бы к нам; если бы добро, которого он некогда горячо желал, все еще прельщало его, он мог бы быть счастлив. . . . . .

От Юрсюли к брату

Решись последовать моему примеру, Эдмон. Бесконечно любимый и бесконечно виновный брат, решись довериться добродетели! С тех пор, как я дышу тем же воздухом, что и она, душа моя очистилась; с тех пор, как я пошла по ее стопам, бездна преступности закрылась передо мной. Я утратила красоту и радуюсь этому, — я употребила ее во зло. Я вкушаю нечаянную, — ибо не надеялась на нее, — неизъяснимую сладость в безмятежной жизни, какую веду возле своего несравненного друга. Мне кажется, будто я достигла тихой гавани после страшного шторма, я с ужасом взираю на еще бушующий океан, я вижу брата в пучине вод, он жалкая игрушка волн и окружен чудовищами, готовыми его сожрать... Увы, если бы не жестокая тревога за него, я была бы совсем счастлива. Вернись! Если захочешь, мы заживем здесь тихой жизнью. Вернись! Мне позволяют призывать тебя... Вернись, чтобы соединиться с единственным существом, которое ты любишь. Дочка, в смерти которой тебя уверяли, жива. Эдмэ-Колетта прелестна. Оповещаю тебя об этом и тут же скажу, чтобы тебе приготовили комнату.

P. S. Господин советник овдовел. Поверишь ли, он говорил со мною! Великий боже, со мною... со мною, недостойной стать даже его служанкой.

Верьте, кузен, всему, что она пишет, кроме одного: красота постепенно возвращается к ней, у нее уже появилась прежняя чарующая улыбка... Больше ничего не скажу: приезжайте посмотреть на нее, любезный Эдмон.

ПИСЬМО CXLIX

В день получения предыдущего

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Зефира перехватила вышеприведенное письмо и просит у Лоры совета

Смотри, прочитай и скажи мне: знаешь ли ты эту женщину? У нее как будто какие-то права? Что это за девочка, о которой говорили, что она умерла и которая в действительности существует!.. И что это за сестра Эдмона, которая вновь стала добродетельной и тоже его уговаривает? Несчастная я! Решают вопрос о моей жизни, а я ничего и не знаю! Они воображают, будто могут

составить счастье Эдмона! Это они-то! Глубоко ошибаются! Только я, одна я могу и собираюсь это сделать. Эдмон! Лучше мне умереть, лучше погибнуть от твоей руки, чем лишиться тебя! Какое счастье, что в силу особого стечения обстоятельств я поселилась в его квартире и письмо попало в мои руки! Когда его принесли, я гадала на картах[90]: семерка пик легла между Эдмоном и мною. Тайное предчувствие подсказало мне распечатать письмо; в порыве ярости я разорвала его на клочки, растоптала... Минуту спустя я уже раскаялась в этом. Я поступила дурно, сознаю. Но как исправить ошибку? Я ли не люблю Эдмона, я ли не пожертвовала бы жизнью ради его счастья? Значит и любовь свою я могу принести ему в жертву? Да, я должна это сделать и сделаю!

Приезжай ко мне или напиши. Будь твой *друг* здесь, он, вероятно, научил бы меня как действовать.

ПИСЬМО CL

---

[90] Примечания: 1.90
Это легкомысленное развлечение публичных женщин.

ОТВЕТ

Лора успокаивает Зефиру

Если боишься лишиться Эдмона — храни полное молчание о своем поступке. Случай сыграл тебе на руку, пользуйся им — иначе все погибло. Женщина, написавшая письмо, — могучий магнит, который мог притянуть к себе Эдмона. Ты одна достойна моего кузена; ты, а не кто иной, вернула его к жизни; я говорю так, зная твое сердце и твой нрав. Как счастливы мы будем вчетвером! Мой *друг* присоединится к нам; отныне я собираюсь быть ему безупречно верной, Эдмон тебя обожает; мы заживем двойным хозяйством и оно не будет таким скучным, унылым, как те, где только двое; я хочу придать нашему союзу оттенок пикантной, но вполне приличной распущенности. У нас будет некоторый достаток; несмотря на все, что мой друг потратил на меня, на мою кузину Юрсюль, когда он ее любил, да и позже, и т. д., у него еще остается пять тысяч ливров дохода; у меня с мамой полторы тысячи в год. Все долги Эдмона будут в скором времени оплачены за счет нескольких лет пенсии, которую подарил ему бедняга д’Аррас, и тогда у

Эдмона будет по тысяче экю в год. Добавь к этому, что мы станем работать. Кузен опять взялся за искусство, он уже написал два портрета, за которые ему хорошо заплатили; сейчас он пишет картину на историческую тему, а именно: Юлия отвечает Каракалле {77}: «Вам все дозволено, государь». Мы вычитали эту сцену в «Истории римских императриц». Рисунок мне очень нравится.

Что до меня, то я начинаю извлекать пользу из искусства, которому меня научил мой *друг,* — я делаю небольшие гравюры; учитель мой займется крупными произведениями, а нежные пальчики Зефиры станут плести кружева. Ах, поскорее бы началась эта счастливая жизнь!.. Прощай, любезная Зефира!

P. S. Ты ни слова не сказала о своем старикашке... А Орора-то! Я помираю со смеху, думая о ней, — ловко же она за себя отомстила! К счастью, единственный виновник наказан, а на тебе это никак не отразилось. Эдмон, вероятно, был страшно смущен, оказавшись в столь жалком положении! Смеюсь помимо воли, ибо знаю, что тебе-то не до смеху, добрейшая Зефира!

{77} Комментарии: 2.77

Юлия отвечает Каракалле... Каракалла — римский император (188—217 н. э.).

ПИСЬМО CLI

15 июля

ОТ ЭДМОНА К Д'АРРАСУ

Он сообщает о своей болезни, говорит о Зефире и затем пускается в философию

Немало событий произошло тут после Вашего отъезда, любезный отец. С Ороpой, о которой Вы мне так дурно отзывались, я порвал; положа руку на сердце, должен признаться, что Вы были правы: в мире существует лишь одна-единственная Зефира; у всякой девушки, обладающей низкой душой и ставшей проституткой, неизбежны всевозможные недостатки и пороки. Я жестоко страдал! В каком я был положении! И что же, любезный отец, угрызения совести — еще более жестокая мука! В то время, как я выздоравливал, мать Лоры угомонилась, т. е. попросту умерла; великий план тотчас же был осуществлен; господин Годэ, чтобы бесповоротно удержать Лору, женился на ней, а меня с Зефирой пригласил к себе, дабы легче было устроить брак моей возлюблен-

ной с господином Трисмегистом, старикашкой, который влюбился в нее на свадьбе, и о котором Вы уже слышали. На первых порах наша жизнь вчетвером была несказанно приятна, никогда еще я не был так доволен; я любил, был любим. Но человек пресыщается всем, даже счастьем; подобное состояние стало мне надоедать.

Уже давно я томился, но виду не показывал; наконец, вчера все изменилось, — ведь сложившаяся обстановка только задерживала брак Зефиры и старикана. Однако Зефира в отчаянии, в бешенстве; друг мой тоже весьма сердит. Но во что же они хотели меня превратить? Право, дольше терпеть я уже не мог... О, что за нелепая вещь — любовь! Отрекаюсь от нее навсегда. Первая ее стрела щекочет нас, рана так приятна, что мы сами вонзаем острие поглубже; но понемногу приятное ощущение сменяется жжением, боль все усиливается, к ней прибавляется лихорадка, воспаление становится нестерпимым, теряешь сон, аппетит, охоту к любым развлечениям; все мысли и чувства сосредоточиваются на идоле; видишь только ее, дышишь только ради нее и ее дыханием... Наконец, бред проходит, возвращается спокойствие. Но это зря потерянное время приходится вычеркнуть из жизни. Не хочу боль-

ше любить, хочу порхать от одной красавицы к другой.

Наше легкомыслие, наши нравы, наши любовные измены осуждают. Право же, эти мнимые мудрецы, эти вечные интриганы, критикуя поведение большинства, куда больше рассуждают, чем чувствуют. Надо быть слепым, чтобы не понимать, что черты, ставшие основными у той или иной нации, основаны на природе, а сказать «природа» — значит сказать прежде всего «разум»; мы такие, какие есть, ибо в другом виде были бы хуже. Нравы наши созданы опытом, передающимся от поколения к поколению; опыт привел нас к некоей проверенной физической морали, в силу которой наши страсти стали длиться не более недели. Сам я, чье чувствительнейшее сердце вкусило все радости и пережило во всей их безмерности муки любви, полагаю, что наши так называемые пороки — верх мудрости и идеал душевного благоденствия. Размышляя над всем пережитым мною, я пришел к выводу: «Любить — великое несчастье, но еще большее несчастье — быть любимым». Искать упоительных потрясений любви, значит подвергать себя и противоположным потрясениям. Когда возлюбленная сидит на качелях, юноша с силою

раскачивает их и тем самым приближает к себе девушку; вот тут-то ей и следует отпрянуть от любимого. То же можно сказать и обо всех других удовольствиях, особенно же о радостях любви. Посему надобно ограничиваться лишь небольшими встрясками, волноваться лишь чуть-чуть, как можно менее отклоняясь от состояния покоя; легкое волнение приятно и длительное время, потрясение же резкое и сильное никогда не обходится без страдания. Эпикур говорил, что счастье богов зиждется на покое; он был прав; страдание неотделимо от услады, ибо оно — ее тень, ибо услада — волнение; значит, услада не дает счастья. Вот моя философия, любезный отец; как видите, она приближается к Вашей; это также философия и господина Годэ. Дайте мне несколько мудрых советов; вместе с советами нашего общего друга они будут мне крайне полезны.

У меня нет известий ни от кузины, ни от сестры. Никак не ожидал такого равнодушия!.. Но в сущности, не следует ли мне радоваться этому?.. Мой новейший стоицизм заменит мне все, кроме моих двоих друзей. Прощайте, любезный отец.

ПИСЬМО CLII

15 июля

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он окончательно лишает его той узды, какою является для дурных людей спасительный страх перед законами

Сейчас мне подали письмо отца д'Арраса, в котором имеется записка и для тебя, а также твое письмо к нему от пятого числа. Ну что ж, это письмо нас помирит. Какое же ты, однако, непоследовательное существо! Ты любишь меня и от меня скрываешься. Ты противишься всем моим планам. Что ж, будем приспосабливаться к твоим... Да, Зефира выйдет замуж, хоть ей это и противно; будь же доволен; всем людям приходится жертвовать собою, только ты — неизменный эгоист — ничего пе хочешь сделать для нас. Между тем, я работаю на тебя; посмотрим, не соблаговолишь ли ты позволить мне устроить твою судьбу?

Твое письмо к д'Аррасу философично: теперь

ты понимаешь любовь не так, как ее понимают, вступая в жизнь, а понимаешь здраво, видишь в ней то, что она и есть в действительности, Любовь всего лишь неистовое волнение — сердечный покой куда предпочтительнее. Признаться ли? Развязка твоего приключения с Зефирой доказывает, что ты наконец стал мужчиной. Ты не хотел возобновить связь с госпожой Парангон; я радуюсь, что Зефира привела тебя к тому, к чему неизбежно привела бы страсть к кузине. Ты познал услады любви во всех ее оттенках; теперь они уже не будут манить тебя; а до тех пор, покамест ты не разочаровался, ты не мог преуспевать — тебя мог бы остановить какой-нибудь пустяк; первое же смазливое личико, первый вздернутый носик мог толкнуть тебя на любую глупость. Зато теперь ты как властелин будешь диктовать свою волю предмету твоих вожделений. Теперь ты в том возрасте, когда необходимо хладнокровие, пора уже сластолюбию уступить место честолюбивым планам. Я хочу создать тебе имя, судьбу и надеюсь вознести тебя как можно выше; у тебя талант, энергия, привлекательная внешность, а у меня имеются друзья, я владею искусством интриги, изворотливостью; мы преуспеем и, возвысив тебя, я буду несказанно радоваться,

как радуется творец, любуясь своим созданием. Таким образом мы обезоружим твоих родителей, мы приведем их в восторг.

Эдмон пугает племянников

Эдмон под колесами экипажа

Не думай, что Юрсюль погибла, слушаясь моих советов; наоборот, произошло это оттого, что она их не слушалась; ее совратил чересчур пылкий характер. Ты, друг мой, не ветреная бабенка, и я полагаюсь на тебя в осуществлении широчайших планов. Что такое жизнь? Это промежуток времени, когда развертывается драма, в которой мы играем определенную роль; по окончании представления, когда тиран сражен, законный монарх восстановлен на троне, пленная принцесса освобождена героем и т. д. — участники всей гурьбой отправляются ужинать. Пойдем же, как персонажи театральной пьесы, решительным шагом к намеченной цели, не смущаясь ударами кинжалом, которые нам приходится наносить, чтобы прийти к развязке; постараемся, чтобы нас боялись, любили, восторгались нами; пусть все средства будут для нас хороши; в конце концов, чем мы рискуем? Действуя так, мы можем обрести только счастье. Что могут нам сделать законы, это пустое пугало робких душ? Худшее, чем они грозят нам, это смерть. Но скажи на милость, разве смерть в собственной постели не будет столь же мучительной и даже еще страшнее? Если бы законы не налагали путы

на преступника, разве стал бы он бессмертным? Зачастую они ускоряют развязку всего лишь на несколько месяцев, а то и дней; быть может, его стали бы в это время одолевать худшие муки, чем смерть? Станем же выше страхов. Ну, а честь? — скажешь ты. Эта химера уже не существует для мертвецов, и зачастую живые имеют о ней самые противоречивые понятия: на одном из Ладронских островов, расположенном вблизи Малабарского побережья, считается большой честью быть сыном человека, повешенного за кражу, а в соседних странах считают за позор, если у человека среди родственников нет казненных за такие же славные дела. Следовательно, нет ничего более надуманного, чем честь: все это человеческие условности и их легко разрушить; надлежит твердо признать эту истину. Все вместе взятые люди не в силах нанести никакого вреда человечеству; но они могут бороться между собою, урывать другу друга частицу жизни, богатства и таким образом причиняли друг другу относительный вред, но сводится он к тому же, к чему сводится работа лодочника, который вычерпывает со дна лодки воду, просочившуюся сквозь щели, и выливает ее обратно в реку.

Пусть ничто не останавливает тебя, не пугает

на том пути, по коему нам предстоит следовать: что могут сделать нам люди, если мы потерпим неудачу? Зато в случае успеха, какая славная роль нам предстоит, сколько упоительных ощущений выпадет нам на долю! Мы будем непрестанно пребывать в состоянии подъема и жизнь пролетит как одно мгновение. Если бы можно было взглянуть с большой высоты на все препоны, унижающие род людской, то мы убедились бы, что все это — ухищрения слабости и малодушия, имеющие целью заковать силу и мужество. Ибо именно к этому и привели социальные законы; мало того, что они создали среди людей неравенство, они особенно принизили именно наиболее полезных. В наш философический век, когда нет твердых точек зрения, в области теории делаются жалкие попытки воздавать человеку честь в зависимости от приносимой им пользы, но на деле все остается по-прежнему, и я ручаюсь, что всегда так и будет, ибо в королевстве, где слабые повелевают сильными, где подлинное всюду подменяется искусственным, стоит лишь воздать человеку полезному то уважение, какого он заслуживает, и он тотчас же возжаждет власти. Обитатели восточной Азии решительно утверждают эту

истину; малабарцы{78} разделили свой народ на отдельные касты; самая низшая из них состоит из людей физического труда, их зовут пульши, или сириперы; за ними следуют земледельцы, именуемые переями; их презирают и пользуются ими как рабами; судров, ремесленников, презирают меньше, ибо они менее необходимы; винсиасы, торговцы, пользуются некоторым уважением, они полезны только для роскоши; кшатрии, или наиры, люди военные, наделены властью; наконец, брамины, самые бесполезные из всех, пользуются большим почетом; индусы уразумели, что не будет вреда, если считать этих людей самыми достойными уважения; кшатрий может убить сирипера как дикого зверя. «Какое самоуправство!» — вопят слепцы-европейцы. Вовсе нет; подобные отношения проистекают из сущности вещей; как видно, эти народы рассуждают так: «При твоей полезности, перед, ты приобрел бы излишнее величие, наша жизнь и без того в твоих руках; будь же презираем, а власть мы доверим воинам, — они лентяи по самой природе своей; уважение же будет уделом браминов, которые заняты одними пустяками,

{78} Комментарии: 2.78
Малабарцы — жители Малабарского побережья в Индии.

посему их небрежность или забывчивость не может принести ни малейшего вреда». Впрочем, я не уверен, что пульши несчастнее наира. Ведь тебе известно (поскольку ты ссылаешься на Эпикура), что человек, находящийся на самой низшей ступени общества, наслаждается особой безмятежностью, лишенный забот и хлопот; быть может, в этой беззаботности и заключается единственная возможность быть счастливым. Когда благородная малабарская девушка провинится и ее хотят приговорить к наказанию хуже смерти, то ее отдают сириперам, и я думаю, что всеми презираемый мужчина получает тут такое удовольствие, какого человек знатный даже и представить себе не может. Посему я уверен, что султан, как и другие азиатские государи, а также и прочие монархи, в делах любви самые несчастливые люди; им всегда приходится нисходить, а самая приятная приправа в этой страсти — восхождение, возможность подчинить себе ту, которая, казалось бы, выше нас по положению.

Ты постиг еще одну великую, неоспоримую истину, а именно, что чем выше положение человека, тем уже сфера его развлечений; тут сказывается восхитительное равновесие природы, которая, вопреки всяким нравственным систе-

мам, восстанавливает равенство физическое!..

Но я чересчур распространяюсь на эту тему; чтобы сказанное мною сейчас не казалось противоречащим моим утверждениям, вернусь вспять. В Европе, где природе негде развернуться, можно быть действительно счастливым, лишь когда завоюешь уважение: крепко-накрепко усвой эту важную истину!

Вдумаемся же, друг мой, в положение вещей; знатность человека позволяет ему извлекать выгоду из возможно большего числа окружающих его людей; монархи извлекают выгоду из всего населения, к этому и сводится их величие; народы называют их дурными, если они пользуются всем добытым только для себя, и называют их хорошими, когда, извлекая из подданных выгоду, они оказывают пользу всему народу. Действительно, монархи так и обязаны поступать, зато частное лицо, более свободное, выполнив свой общественный долг, уже не имеет никаких обязательств по отношению к другим, наоборот, оно может извлекать выгоду из всего, даже из вельмож, как из мощного двигателя, помогающего ему достигнуть намеченной цели. Частное лицо подобно тем лайкам, какими пользуется татарский хан при охоте на медведя; сами по

себе они недостаточно сильны, чтобы напасть на страшного зверя, они только поднимают его из берлоги, причем тут же для подмоги им держат прирученных льва и леопарда[91]. Такова и наша роль, людей маленьких. Мы живем в тени и поэтому нам все доступно: мы, как истинные властелины, заставляем действовать тех, кто воображает себя нашими покровителями. Но для человека, желающего вкушать удовольствия, в основе коих лежит честолюбие, великим камнем преткновения оказывается сладострастие; не будем же слишком долго упиваться им — посмотри на влюбленного оленя: он дерется за лань, но покидает ее сразу же после того, как она ему отдалась, и снова вступает в бой за следующую.

Душою всех предприятий слабого должны быть хитрость и лукавство. Ты, конечно, видел, как подлый, робкий волк подбирается к овечкам: он нарочно показывается на глаза пастуху с овчар-

[91] Примечания: 1.91

Охота на медведя весьма занимательна; как только медведь увидит лайку, он выходит из берлоги, намереваясь схватить своего тщедушного врага, и направляется в лес; тут из засады выходят лев и леопард и преграждают ему обратный путь; медведь, поняв, что его перехитрили, собирается бежать, но попадает в засаду ко льву и леопарду, а те кидаются на него — один наносит ему страшный удар лапой, другой рвет когтями. Тем временем собаки лают, воображая, будто подзадоривают нападающих, а после расправы с медведем они бегут перед львом и леопардом с еще более гордым видом, чем сами победители.

кой, те пускаются за ним в погоню, волк убегает, однако время от времени останавливается, давая надежду настигнуть его. А если в это время обернуться в сторону стада, то оказывается, что у беглеца есть сообщник и тот уже схватил жертву, которую они и разделят между собою.

Я привожу тебе в пример зверей. А к чему же свет разума, как не для того, чтобы извлекать выгоду из инстинктов любых существ? Повторяю: надо извлекать выгоду из всего, надо пользоваться пороками и добродетелями окружающих, пользоваться их знаниями и невежеством; один злой человек правильно сказал: «Для государства невыгодно, чтобы чернь занималась великими истинами философии; ее невежество всегда на руку правителям», а я добавлю: «и тем, кто ее обманывает». Народам, конечно, следовало бы разорвать на клочья того, кто изрек сию истину, но мы с тобою, Эдмон, должны приветствовать его. Ах, если бы мы жили в те блаженные времена, когда наши предки лизали грязные ноги лицемерного монаха, — какие бы мы с тобою совершали дела! Но в наше время все чересчур образованны; надо быть гением или каким-нибудь ***, чтобы жить счастливо за счет других.

Прощай. Тысячу весьма важных соображений

откладываю до следующего раза.

P. S. Письмо патера я не прочитал, — оно запечатано, а я к вашим секретам отношусь с уважением.

Письмо от отца д'Арраса к Эдмону

Любезный сын мой, не могу сказать, до чего я обрадовался, получив Ваше письмо; расположение мое к Вам безгранично, ибо, несмотря на Ваши недостатки, я знаю многие Ваши прекрасные качества и посему полагаю, что в будущем от Вас можно ждать гораздо большего, чем от тех оцепенелых, холодных душ, которые всю жизнь прозябают, не творя ни добра, ни зла.

Сожалею, однако, что Вы все еще заблуждаетесь относительно страстей; Вы отстранились от Зефиры, это я одобряю, но безусловно осуждаю Ваши доводы. Легкомыслие, которое Вы постоянно проявляете, не философия, а признак пресыщенности. Больше ничего не скажу — еще не настало время обращаться к Вам с проповедью... Ограничусь только советом прислушиваться к мнению господина Годэ, хоть он и чисто светский человек, а ко мне обращаться для проверки и возможных поправок.

Несколько слов о Вашей кузине. В последних

строках Вашего письма я с удивлением прочел, что Вы почитаете себя забытым ею; но ведь она писала Вам два или три раза и мне известно, что ее весьма удивляет Ваше молчание. Видимо, у Вас какие-то особые на то причины? Не пытаюсь разгадать их. Впрочем, покамест я здесь, я всегда готов служить Вам, если сочтете уместным дать мне какие-либо поручения.

Прощайте, любезный сын мой.

ПИСЬМО CLIII

ОТВЕТ

Эдмон по-прежнему помышляет только об удовлетворении своих страстей

Право же, ты ударился в философию, да еще в самую что ни на есть высокую! Черт возьми, кузен! Что за рассуждения? Очень жаль, что вся эта превосходная система практической морали строится на основе, столь же хрупкой, как и стоицизм Эдмона! Я влюблен, влюблен безумно. Угадай-ка! Влюблен в незнакомку, ибо — клянусь тебе — имени ее не знаю. Вчера вечером, проходя с Негре по улице Шанфлери, я заметил в одной

лавочке прелестную покупательницу; из простого любопытства останавливаюсь и любуюсь ею. Она собиралась уходить; я просил Негре отойти от меня, чтобы он не мешал мне осуществить то, что я задумал. Красавица дошла до улицы Гренель, я за ней по пятам; она зашла за свечой в лавочку, из чего я заключил, что она живет в соседнем доме. Наугад бросаюсь в ближайший подъезд. Оказалось, что именно тут и живет юная красавица. Я стал подниматься по лестнице впереди нее так, что она меня не видела. На втором этаже сквозняк погасил ее свечу. Тут я притаился в утолку и на ступенях между вторым и третьим этажами (она живет на третьем) я оказался возле нее. Она испугалась. Я вежливо, шепотом успокоил ее. — Неужели? Это вы, аббат? — спросила она. Я робко ответил: — да. — Мы вошли. Девушка стала искать огниво — в это время у нее никого не было. В ее нежных руках вспыхивает искра; я обдумываю — оставаться мне или уйти? Мне кажется, что бежать было бы позорно; остаюсь; со вспыхнувшей серы голубой огонек переходит на лучинку, сейчас загорится заготовленная свеча... Я ловко помешал этому и сорвал поцелуй. Меня оттолкнули; я продолжал свое; слабое сопротивление разжигало во мне желанья и смелость, но

тут дверь отворилась и мы с красоткой предстали перед аббатом (свечу которого сквозняк, как на грех, пощадил). Бедная девочка пронзительно вскрикнула и лишилась чувств. Господин аббат замер на месте наподобие кариатиды, поддерживающей антаблемент. Я же, засмеявшись, взял свою трость и поднял с полу шляпу. — Оставляю юную особу на ваше попечение, сударь, — гордо сказал я ему, — воспользуйтесь этим как следует, или же... Несмотря на все улики, она ни в чем не повинна, я застал ее врасплох и вся вина на мне. Честь имею кланяться, господин аббат. — С этими словами я вышел, не преминув бросить на него взгляд, судя по которому меня можно было счесть человеком куда более свирепым, чем я есть на самом деле.

Но я и не подумал уходить, а устроился так, чтобы слышать, что последует далее. Воцарилось долгое молчание, — видимо, он старался привести девочку в чувство. Наконец, я услышал глубокий вздох. — Превосходно, мадемуазель, — сказал аббат, — превосходно! — Как я несчастна! — Во всяком случае неосторожна. — Полноте, сударь, неужели вы можете подумать... — Я ничего и не думаю. Вы в объятиях молодого человека, кругом — никого, нет даже света... Тут думать

нечего, уверяю вас, очевидность говорит сама за себя. — Поверьте... Никогда в жизни... — Оставьте, мадемуазель; с настоящей минуты вы не обязаны отдавать мне отчет, поэтому не стоит придумывать оправдания. Вместо того, чтобы изобретать лживые объяснения, скажите лучше, где вам посчастливилось с ним познакомиться, ибо он весьма хорош собою и вкус у вас отменный. — Надеюсь, сударь, что вы соблаговолите меня выслушать. — Право же, это совершенно ни к чему. — Не ввергайте меня в отчаяние. — У меня этого и в мыслях нет, клянусь; я так далек от этого, что тотчас же освобожу место для очаровательного утешителя. — И он уже собрался уйти, но тут девушка бросилась к его ногам. — Выслушайте меня! Соблаговолите выслушать, а потом хоть убейте, если хотите. — Он довольно грубо оттолкнул ее, однако сел, сказав: — Убейте! Хм, убейте! Да разве об этом речь... Если бы убивали всех, кто оказался в подобном положении, так в Париже, не осталось бы ни одной хорошенькой женщины!..

Между тем девушка правдиво рассказала ему обо всем, что произошло. Он не поверил ни слову и встал, собираясь окончательно уйти. Тогда бедная малютка, вконец отчаявшись, схватила что

попалось под руку и нанесла себе большую рану в грудь. Господин аббат скрылся, оставив ее в луже крови. Я вошел и оказал ей помощь. Рана была неглубокая; я не счел нужным звать лекаря, ибо умею наложить повязку. Все было сделано молча. Бедная девчурка ослабла и, конечно, стыдилась своего отчаянного поступка. Я делал перевязки целую неделю; за этот недолгий срок я убедился в прелести и достоинствах пострадавшей и влюбился в нее, влюбился тем сильнее, что, невзирая на все мои излияния и заботы, она не подавала мне ни малейшей надежды. Она поведала мне свою весьма несложную историю: аббат (а он аббат без прихода) — ее первый и единственный знакомый; ему она обязана всем своим достоянием и она решила, если он не вернется, отказаться от любых предложений, иначе она станет такой же девушкой, каких так много. Эти благородные слова произвели на меня большое впечатление, но не обескуражили меня. Я выказал возвышенные чувства, был нежен, но и это ни к чему не привело; меня принимают просто из благодарности. Посмотрю, есть ли еще верные женщины? А теперь перейдем к другим моим делам.

По словам отца д'Арраса, кузина пишет мне. Но почему же я не получил ни одного ее письма?

Впрочем, я не горюю об этом; я теряю тут, вероятно, одни попреки... вполне заслуженные. Не могу передать тебе в какую бездну лени и беспечности я погрузился последнее время: только жажда наслаждений в силах вытащить меня из постели, где я провожу часть дня. Зато ложусь я очень поздно; я брожу по пустынным столичным улицам; здесь становишься свидетелем множества мелких приключений, сам делаешься их участником, ибо в темноте женщины не так строги и иная особа, которая днем и взглядом тебя не удостоит, в темноте оказывается куда доступнее. Так иной раз завязываются весьма приятные мимолетные знакомства.

Но есть другой занимающий меня предмет, поведать о коем я предпочитаю письменно, а не устно, хотя вчера решил было нарочно для этого отправиться к тебе в Менильмонтан.

Прежде всего надо сказать тебе, что с некоторых пор я играю на сцене, в одном из театров «Комеди Буржуаз», где подвизаются пять-шесть бывших горничных, девушек весьма красивых и вполне сносных актерок. Это — благородное увлечение и ты не осудишь его; оно возникло у меня в связи с тем, что я стал часто бывать у Французов, от которых несколько отдалился, скорбя о гибели

прекрасной Геан; признаюсь, меня не привлекли туда вновь ни нежная Госсен, ни дивная Клерон, ни возвышенная Дюмениль, ни, тем более, остальные актеры; привлекло меня очарование маленькой Юс. Однако я еще не совсем уверен на каком жанре мне остановиться; мне кажется, что я с одинаковым успехом могу играть и лакеев и первые роли в трагедии, — в обоих этих амплуа я удостоился рукоплесканий (предвижу, что по этому поводу ты отпустишь какое-нибудь язвительное замечание). Решу этот вопрос, когда ты сюда приедешь. Не кажется ли тебе, что Зефира была бы хороша в ролях субреток? Полагаю, она вскоре достигла бы уровня неподражаемой Данжевиль; жаль, что я разлюбил ее, а то создал бы ей карьеру. Лучше всего, если не ошибаюсь, моя новая любовь была бы в ролях чувствительных; она стала бы нашей Госсен. Какое это было бы приобретение для нашей маленькой труппы! Ах, главное я и забыл! А ты-то! Мне кажется, что больше всего тебе подошли бы роли стариков: Жоржа Дандена, например, Гарпагона, Арнольфа, Сганареля{79}. Мы можем прославиться, со временем попасть в знаменитую Тр... Ах, что я чуть

{79} Комментарии: 2.79

Жорж Данден, Гарпагон, Арнольф, Сганарель — действующие лица комедий Мольера.

было не написал! Попасть в знаменитое Общество французских актеров его величества! Какая это была бы слава! Ибо, любезный друг, здесь по-настоящему ценят только людей, доставляющих удовольствие. Актер здесь — бог; актриса, певица, танцовщица — более, чем богини; мы стали бы членами, а то и возглавили бы величественный Сенат, который выносит окончательное решение о достоинствах всех чванливых шарлатанов, именуемых сочинителями; они стали бы ползать у наших ног, вертелись бы около нас, заискивали бы, низко-пренизко кланялись нам... Мы стали бы свидетелями, как они ухаживают за нашими девушками, восторгаются всеми их глупостями, ценят, уважают, почитают, боготворят их, причем все это отражается и на нас — только держись!.. Что ни говори — вот верный путь к счастью! Поразмысли над этим планом, — слышишь? Мне он по душе.

На днях я размышлял... (теперь, когда я ничего не делаю, воображение у меня работает отменно и я много размышляю; умственная работа уравновешивает безделье рук); так вот, я думал о толпах бесполезных людей, населяющих столицу, и вспомнил, как я возмущался ими, когда приехал сюда: какой я был новичок! Человек ра-

ботающий порывает узы с природой; бездельник, наоборот, сливается с нею. Что такое вельможа? Это счастливый дикарь, помышляющий лишь об охоте, о рыбной ловле; он живет, не заботясь о завтрашнем дне; насытившись, он, подобно доброму ирокезу, все выбрасывает вон; он человек свободный, у него нет ни религии, ни женщины, которая ему всецело принадлежала бы, ни детей, о которых надо заботиться; он бегает, носится, витает и покоряет первую встречную красотку, повергая ее пусть не на мшистую лесную полянку, а на софу, кушетку и т. п. — в этом единственная разница; у дикаря есть рабы, у вельможи — слуги, еще более покорные, они всячески угождают ему и он может не утруждать себя распоряжениями; он даже людоед, причем ни у кого не вызывает отвращения, но он пожирает не пленников, взятых в бою, а потомков тех, кто были лет тысячу или более тому назад хозяевами его теперешних земель; он питается мясом этих несчастных, откармливает им хорошеньких плутовок, которые обращаются с ним как он со своими вассалами, да еще издеваются над ним. Все это восхитительно! В конце концов мне начинает казаться, что крайнее развитие общества приводит к возврату в естественное состояние обе части рода людского,

т. е. пожирающих и пожираемых. Постараемся же, друг мой, — как ты мне однажды сказал, — оставаться в числе пожирающих; удел пожираемых сужден слабым и глупцам.

Как видишь, я, невзирая на свое новое увлечение и на лень, вполне готов следовать по твоим стопам; страстью своею я не пожертвую, но и жертвовать ради нее своим благосостоянием тоже отнюдь не намерен.

Вчера был в Опере; зрелище восхитительное и это еще более разжигает мои честолюбивые мечты; видя множество пленительных актерок, которые блистают там, я еще острее почувствовал прелесть земных благ.

ПИСЬМО CLIV

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он яростно восстает против театра и осуждает высказанное моим братом намерение стать актером

Ты что же это, совсем рехнулся, что хочешь стать актером? Ужели ты решишься надеть на себя хомут сельского лицедея и пуститься в

провинцию, чтобы годами орать там Корнеля, Расина, Вольтера и Кребийона{80}? Стать презренным, отверженным, если талант твой не окажется из ряду вон выходящим; стать жертвой зависти, склок, травли, если ты возвысишься над шутовской чернью? Сколь жалкий образ жизни! Не знаю, одобрил ли бы я твое намерение, даже если бы ты был допущен на столичный театральный Олимп, где на первый взгляд актерам обеспечено благосостояние и уважение. Ты упускаешь из виду, что тот, кто доставляет другим развлечение, сам в это время трудится; стать актером значит навсегда отказаться от удовольствия, какое доставляет театр. Но будь это единственный довод против — не велика была бы беда, ибо удовольствие быть зрителем заменяется удовольствием быть зримым (хотя в действительности последнее куда слабее, чем думаешь). Предположим, ты стал знаменитым актером, тебя приняли, скажем, в Комеди-Франсез и ты блистаешь там в прекрасных ролях. Какой это труд! Что за жизнь! Жизнь каторжника! Ты не представляешь себе, что это за ремесло; изучить его и загромоздить память чужими мыслями

{80} Комментарии: 2.80
Кребийон, Проспер (1674—1762) — французский драматург.

— дело не одного дня; надо выработать привлекательную жестикуляцию, надо уметь держать себя так, чтобы служить образцом для всего общества. Ибо я считаю, что у тебя достаточно хороший вкус и ты не можешь удовлетвориться игрой напыщенной, высокопарной, далекой от естественности и перенять походку чопорную и нелепую, как у большинства наших актеров.

Ты был прав, предвидя, что я отвечу не без иронии на твое утверждение, будто у тебя талант к изображению совершенно противоположных персонажей — и героев, и слуг; такой талант присущ всем молодым людям, лишенным таланта подлинного. Именно поэтому множество мелких артистов из светских кругов воображают себя Лекенами{81}, ведь ныне просто недопустимо, чтобы актер следовал прекрасной естественности; наш век уже не знает ее — не знает ни в жизни, ни на театре; и стиль и замысел произведений — все выдержано в духе напыщенности, преувеличений, все мелко-величественно или величественно-мелко (вот у меня и получилось почти что модное выражение). Скажи-ка, достаточно ли у тебя могучие легкие, чтобы вопить в

{81} Комментарии: 2.81

Лекен, Анри-Луи (1728—1778) — французский актер, прославленный исполнитель ролей в трагедиях Вольтера.

трагедии — в этой чудовищной разновидности драматических произведений, которая у нас якобы доведена до совершенства, а на самом деле лишена всякого смысла (Еврипид! Еврипид! Софокл! Греки! Вы изображали людей, а мы-то как их исказили!). Скажи, скажи удастся ли тебе достаточно напыщенно изображать надуманные персонажи, столь же далекие от природы, как и от наших нравов, и разглагольствующие лишь ради разглагольствования; которые из кожи вон лезут, чтобы произвести эффект под занавес, блеснуть хоть крошечной искоркой мысли и таким образом очаровать необузданную молодежь из партера и сорвать у нее рукоплескания, которые позорят рукоплещущих и терзают слух людей разумных? Ужели ты будешь столь же толстокожим, как д'Ал***, и, не умерев от стыда и негодования, вынесешь оскорбительный гвалт, который ставит актера ниже озорника, заплатившего двадцать су, чтобы освистать этого лицедея? Право, я опасаюсь за тебя, как бы ты в один прекрасный день со шпагой в руках не бросился через оркестр и четырнадцать рядов партера — карать своих проклятых хулителей. Что за ремесло, что за занятие для человека, которому предоставляется свободный выбор!

Не спорю, отличный комический актер — человек достойный уважения, он — чарующий художник, и его должно поощрять; но, признаюсь, мне одинаково противны и напыщенные трагики, которые заставляют королей изъясняться так, как они никогда не изъясняются, и бесстыжие слуги, которых изрядно лупили бы, если бы нечто подобное существовало в действительности.

Не кто иной, как Корнель особенно преуспел у нас в порче трагического жанра; раньше жанр этот был жалким и низким; Корнель думал, что, как ни возвышай его, — все мало, а после этого талантливого человека трагедия приобрела ложное величие. Нам вздумалось превзойти греков; они изображали великих людей с их достоинствами и недостатками, мы же пытаемся изображать людей выдуманных. Никто так близко не подошел к грекам как Шекспир, которого мы столь презираем за его несообразности. А я осмелюсь сказать, что в этих несообразностях и сказывается истинный гений, который хотел изображать жизненные события такими, какими они и бывают в действительности, а не превратил трагедию, как лучшие наши драматурги, в волшебную сказку, где вместо человеческих поступков одни

лишь чудеса[92]. Но если у нас раскритиковали Шекспира, то англичане отплатили нам тем, что в недавно изданной у них «Поэтической шкале», поместили нашего Корнеля на уровне своих посредственных поэтов.

Что же сказать о Расине? Он Рафаэль среди поэтов; но он искал природу в прекрасном воображении, вместо того, чтобы искать ее в самой действительности. Изымите этот восхитительный гений из атмосферы двора Людовика XIV и поместите в обстановку суровой республики; разожгите его талант, пусть снова он пишет пьесы, — и тут вы увидите подлинные шедевры: в изъянах Расина повинно его окружение, в изъянах же Корнеля — свойство его ума.

Самым естественным трагиком я считаю Кребийона, — не по его природным данным, а по избранному им жанру. Должен, однако, сделать ему упрек: порою он преувеличивает жестокость, как Корнель постоянно преувеличивает благородство.

А господин де Вольтер, еще здравствующий,

---

[92] Примечания: 1.92

При каждом первом представлении наших трагедий можно было бы печатать на афише: Актеры такие-то дадут первое представление *** новых трагических бредней, из коих видно будет, как разговаривают и действуют в стране пустопорожних мыслей *(прим. Годэ).*

по-моему, нередко вкладывает в свои пышные трагедии то же благородство, что и Корнель, те же трогательные сердечные переживания, что и Расин, и ту же сложность событий и напряженность, что и Кребийон. Но это в некотором роде его заслуга, ибо он внес в трагедию разнообразие, что и доказывает его вкус. Другая заслуга его в том, что большинство его героев ближе к реальности: вдохновенный араб, давший новую религию Азии{82} и половине двух других частей света, вероятно, в основном был таков, каким его изобразил господин де Вольтер. Одной этой трагедии вместе с «Меропой» {83}, где так хорошо выражены естественные чувства, было бы достаточно, чтобы обессмертить автора. И тем не менее я считаю, что в целом его трагедии нелепы: он первый ввел в них броские стихи; такие строки находишь в «Семирамиде», подобно тому, как в ясную ночь различаешь на небе звезды первой величины.

Все остальные трагические поэты, более или

{82} Комментарии: 2.82

... вдохновенный араб, давший новую религию Азии... — имеется в виду Магомет, жизнь и учение которого легли в основу одной из трагедий Вольтера («Магомет или Фанатизм», 1741).

{83} Комментарии: 2.83

... «Меропа» (1743), *«Семирамида»* (1748) — трагедии Вольтера.

менее, зависят от сих четырех главных и настолько уступают им, что говорить о них, по крайней мере в письме, не стоит.

Я знаю тебя, мой друг; ты обольщен мнимой возвышенностью трагедий и, еще не решаясь сочинять их, хочешь хотя бы играть в тех, которые уже сочинены. Ах! Откажись от этого заблуждения! Вникни в сей предмет и ты поймешь, какая это пошлость. Самый скверный наш роман — лишь бы его герои не выходили из свойственной им среды и обстановки — должен нравиться больше, чем самая прекрасная трагедия. Именно так и случается с молодыми читателями, еще не проникнутыми предвзятостью, с теми, кто еще не подпал под власть ходячих мнений и судит только в соответствии с собственными чувствами. «Мы не любим читать трагедии», — утверждают они.

Перейдем к жанру комическому: все роли слуг у нас ни с чем несообразны, как и персонажи трагические; им придают характер забавной подлости, что делает их, на мой взгляд, еще подлее, чем они в натуре. В наш презренный век все приносится в жертву вельможам; хотят не только, чтобы они были высокомерны, себялюбивы, бесчеловечны, но чтобы они считали себя

вправе быть такими, — ведь им дают понять, что человечество с радостью принимает уготованное ему рабство и мстит за него лишь мелкими проказами, которые могут скорее рассмешить, чем причинить какой-либо вред.

И ты станешь, Эдмон, глашатаем подлости, ты станешь шутом для тех, кого мы с тобой так презирали! Для людей черствых, несправедливых, наглость коих низводит нас до положения рабочего скота! Право же, ты не поразмыслил обо всем этом. Есть виды низости, виды подлости, которые позорят человека больше, чем преступление; преступление иной раз — могучий порыв, восстанавливающий поруганное человеческое достоинство; подлость же, низость... Они могут только преумножить зло. Вникни как следует в сущность смеха, какой вызывают слуги, и подумай: хотел ли бы ты играть в обществе роль такого подлого забавника? Поразмысли хорошенько о том, какая мысль прежде всего рождается у нас при виде лучших театральных слуг, появляющихся в гражданском обществе! Общепринятые взгляды вскоре эту мысль устраняют, и все же она возникает всякий раз, когда видишь подобного слугу: ведь человек этот — подлый шут, по отношению к публике он то же, что раболепный

придворный по отношению к монарху.

Ты возразишь, что остаются еще характерные роли и роли любовников. Но против первых можно многое возразить. Исполняющий подобную роль развращает человека, которого комический автор думал исправить; и автор, и актер изображают старость отца семейства лишь с ее нелепых сторон, вызывающих презрение. Вообще, изображение недостатков зачастую служит лишь к порче нравов и ослаблению общественного начала в обществе; не только потому, что таким образом недостатки подчеркиваются, им придается забавный оттенок, и за них можно уже не краснеть, но и потому, что это порождает насмешников, хулителей, язвительных критиков — всю эту несносную породу, и в конечном счете подрывает взаимосвязь людей, не исправляя притом ни одного порока; именно комедии обязаны мы нашими самонадеянными юношами, которые так глупо важничают, что людям рассудительным становится за них стыдно. Комедии мы обязаны и развратными старцами, и презрением, с каким теперь относятся к их возрасту; мы обязаны ей и нашими кокетливыми, бесстыжими, распущенными женщинами; именно в театре подогреваются неистовые желания, ко-

торые готова удовлетворить толпа проституток, собирающихся у выхода из театра; они отлично знают, какое действие оказывает комедия на зрителей. Ведь театр превозносит страсти и тем самым развращает сердце; страсти сами по себе хороши, но если их разбередить они подобны воспалительным процессам в теле; они становятся опасным недугом; это в равной степени ощутили на себе Афины и Рим, Париж и Лондон; знаменитая танцовщица Эмпуза и мим Парис несколько раз вызывали в двух первых столицах такое возбуждение, что оно влекло за собою супружеские измены и кровосмешение. Какой разгром производила в Лондоне красота ***фильд, а в Париже красота разных Пелиссье, Демар, Петипа и т. д., и т. п.! Мне думается, для того, чтобы искоренить этот порок, присущий зрелищам, следовало бы выпускать на сцену в качестве актеров и актрис лишь пошлых рабов. Но тогда комедия лишилась бы всех своих зрителей.

Откажись же от чересчур высокого представления о театре вообще и о лицедействе в частности; но для полноты картины я хочу опровергнуть твои доводы, основываясь лишь на общественном положении актера.

Кто он такой? Как я уже сказал, это — ничто-

жество, изрекающее только чужие мысли и ни одной своей. Чем больше искусства и пыла вкладывает актер в игру, тем более он теряет достоинство разумного существа, которое должно действовать только в соответствии со своими истинными переживаниями. В подтверждение сего я ссылаюсь на смешанное чувство презрения и жалости, какое вызывает актер у всякого, кто впервые видит театральное представление: это чувство естественное, это крик души, который уже не вырывается у городских жителей или никогда у них не вырывался, ибо они с малолетства усвоили образ мыслей своих наставников, а собственных мыслей у них никогда и не было, — и в этом они сродни актерам.

Но не это мой главный довод против ремесла лицедея: что это за занятие, скажи на милость, когда надобно возбуждать в душе своей страсти для забавы окружающих? Лакей, жалкий чернокожий раб, может служить своему господину, ограничиваясь своими внешними способностями и отдавая в его распоряжение одно лишь тело; лицедей же вынужден идти дальше; он подчиняет мне свою душу и ради моей забавы приносит в жертву свои благороднейшие способности. Я всегда испытывал странное чувство презрения

и сострадания при виде красивой актерки, когда она в роли Ариадны.{84} ставила себя в ужасное положение, стараясь собезьянничать скорбь, ревность и душераздирающую тоску; в качестве зрителя, я с высоты своего судейского кресла, совсем иначе, чем остальная публика, взирал на эту жалкую куклу, которую приводит в движение простая проволочка, и я задавался вопросом: какова же цель этой женщины? Заработать свои жалкие гроши? Вызвать жиденькие рукоплескания и дать повод к тому, чтобы вечером у такого-то вельможи, такого-то горожанина или в трактире оказали: «Она, видно, нынче изрядно хлебнула, ибо играла с особым пылом».

Презрение к актерам вытекает из самой природы их ремесла: мнимое уважение, каким они пользуются, не что иное, как плод развращенности и легкомыслия.

Но, скажешь ты, что нам до этого при наших с тобою взглядах? Согласен, друг мой; лишь бы приятно жить, а как это достигается — не имеет значения. Но я тебе доказал, что, если ты станешь актером, жизнь твоя отнюдь не будет приятной и что ремесло это весьма тяжелое. Добавлю еще

{84} Комментарии: 2.84
Ариадна — героиня одноименной трагедии Тома Корнеля (1672).

следующее соображение: что тебя ждет, бедняга Эдмон, человека с такими бурными страстями, если ты займешься ремеслом, при котором страсти изо дня в день распаляются и непрестанно возникают поводы для страстей и опасность поддаться им? Знаю — отдаваясь страстям, ты в скором времени притупишь их; знаю — закулисные девицы при ближайшем рассмотрении перестают быть опасными; но ты погубишь себя еще до того, как остынут страсти, и прежде, чем разочаруешься в актерках. К тому же, неосторожно избирать профессию, исключающую возможность сменить ее впоследствии на какую-либо другую. Скажи мне, какое дело, какие обязанности можно возложить на бывшего актера? Ремесло актера, друг мой, совершенно обособленное. И даже сами театролюбы принимают у себя актеров и актерок и чествуют их вовсе не так, как других людей. Достаточно вникнуть в их отношение к лицедеям, чтобы понять, что оно носит характер покровительства: от них требуют только одного — чтобы они забавляли, развлекали; если актер возомнит себя равным светскому человеку, то его поклонник тотчас же одним словом поставит его на надлежащее место и это слово должно показаться весьма оскорбительным всякому, кто под

личиною актера еще не убил в себе человека.

Говорят, будто Французская Академия предполагала принять в свое лоно Мольера. Я этому не верю, но предположим, что она пожелала бы опуститься до этого, так уж во всяком случае при условии, что он расстанется с театром. Академия имела в виду почтить в Мольере драматурга, актерская же его профессия являлась единственным препятствием, сводившим на нет уважение, заслуженное им в качестве писателя. Я всегда сожалею о том, что столь рассудительный человек, как Мольер, не понимал, какой вред он наносит хорошему сочинителю тем, что остается дурным актером, — да я не извинил бы его и в том случае, если бы он был хорошим лицедеем, но плохим сочинителем.

Такого же мнения о комедиантах придерживался и один из монархов и тебе известна острота знаменитого Барона{85}. Все народы одинаково судят об актерах, и всегда так судили, ибо всякий шут ставит себя в положение ниже положения того, кого он потешает. Для мыслящего актера аплодисменты — знак оскорбительного покровительства, а свист — удар кинжалом. У всех

{85} Комментарии: 2.85
Барон, Мишель (1653—1729) — французский актер и комедиограф.

народов женщины этой профессии были, есть и будут продажными; даже самые суровые законы, как видно, допускают такого рода позор, словно существа эти — вне общества и составляют сословие ниже рабского.

Остается сказать еще одно слово (и я приберег его напоследок) относительно того, что ты считаешь актеров непогрешимыми судьями драматических произведений. Признаюсь, хоть я и не сочинитель, я не раз трепетал от негодования, что этот род литературы, самый блестящий из всех, подвергается подобному бесчестью. Я считал, что такие произведения могут быть здраво оценены только лишь Французской Академией; сердце у меня колотилось когда я вспоминал, что, по словам Пирона{86}, нашего прославленного соотечественника, его «Метромания» — «Метромания», которую хвалили даже люди, ничего не хвалящие! — не понравилась скомороху Дюфрену{87} и тот святотатственно забросил пьесу

{86} Комментарии: 2.86

Пирон, Алексис (1689—1773), французский поэт и драматург, в лучшей своей комедии «Метромания» (1739) высмеивает страсть к стихотворству.

{87} Комментарии: 2.87

... скоморох Дюфрен — по-видимому, имеется в виду известный актер Кино-Дюфрен (1690—1767); в «Метромании» Пирона он играл роль Дамиса.

на балдахин своей кровати, чтобы она служила пищей мерзким насекомым, которые там, несомненно, обретаются в изобилии; я испытывал непередаваемое чувство досады и гнева, когда слышал как три-четыре дурочки или четыре-пять наглецов судят о стихе, замысле и построении художественного произведения. Но, к стыду своему, должен признаться: я возмущался так по недомыслию и по незнанию самых простых законов.

Что такое драматург? Это умный или глупый сочинитель, написавший хорошую или плохую пьесу. Кто должен познакомить зрителей с этой пьесой? Актеры. На чей счет, на чей риск (денежный) должна быть представлена пьеса на сцене? На счет актеров. Кому принадлежит театральное помещение? Актерам. К кому пойдет публика, чтобы увидеть представление? К актерам. А вы считаете, что кто-то посторонний может судить о произведении, которое эти люди поставят за свой счет, в своем помещении и что кто-то посторонний может предписывать им свои законы! Это нелепо. Всяк хозяин в своей конуре, — гласит поговорка и неужто актерская труппа не будет хозяйкой в своем вертепе, куда она нас милостиво допускает? Сообразно с этим основополагающим законом всякого общества, я внес поправку в свое

суждение об актерах; у них неоспоримое право считаться только с самими собою; к тому же у них известное чутье, позволяющее предвидеть, какое впечатление произведет пьеса, — если только предвзятость не помешает им быть беспристрастными.

А знаешь ли ты на кого теперь обрушилось мое негодование? На просвещенную, богатую нацию, жадную столько же до славы, сколько и до удовольствий, которая решается извратить собственные развлечения, набивается в душные вертепы людей, отвергаемых и религией, и законами, и отвергаемых с полным основанием. О, эллины! — воскликнул, я, — нередко граждане вашей республики участвовали в народных трагедиях! О, римляне! Ваши юноши представляли веселые ателланы, развлекавшие их почтенных отцов. Благородные народы, знавшие истинное величие, истинную отвагу, истинное достоинство! Право же, вы не вонзали меча в грудь вашего лучшего друга только из-за неосмотрительного слова или движения, зато вы обладали подлинным чувством чести и у вас публика не стремилась к самым презренным людям, чтобы

получить у них сомнительные удовольствия[93].

Что ж, Эдмон, ступай к ним, ступай если осмелишься; спеши поменять положение независимого человека, гражданина, на положение презренного скомороха, угодливого изобразителя чужих поступков; заклейми свою жизнь неизгладимой печатью, стереть которую было не под силу даже таланту Мольера; перекрасься так, чтобы о тебе стали думать совсем иначе, чем прежде, и чтобы для тебя навсегда был закрыт доступ к должностям, которые всякому человеку лестно занимать и которые придают особую ценность нашему существованию; пожертвуй всем этим, несчастный сумасброд, ради ребяческого удовольствия услышать в одном из трех вертепов, именуемых в Париже театральными залами, случайные рукоплескания, которые к тому же будут отравлены происками товарищей, прихотями изменчивой публики, а то и заговором трех-четырех прокурорских писарей, коим ты не угодишь. Стань в один ряд с презренными уличными скоморохами (ибо всякие Тако***,

[93] Примечания: 1.93

Не следует понимать буквально все, что Годэ говорит здесь и в письмах CLVII и CLIX; он нарочно сгущает краски, чтобы отвадить своего друга от ремесла, которое и в самом деле было ему неподходящим *(прим. издателя).*

Конст***, Нико*** и Полишинели тоже ведь актеры!); превратись в сотоварища Жана-Мукомола и Пожирателя Кудели. Но прежде обдумай все хорошенько. А ежели ты не хочешь приехать ко мне из боязни повстречаться с Зефирой, цазначь мне где-нибудь свидание или хоть напиши мне и соблаговоли еще раз посоветоваться с твоим другом.

Конец пятой части

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПИСЬМО CLV

10 часов вечера

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он отвечает на предыдущее. Приключение с танцовщицей из Оперы

Ты прямо-таки вошел в раж, разглагольствуя на тему о театре! И не проронил ни слова ни о чем другом! А между тем, мне было бы отрадно, если бы ты подметил мое равнодушие к письмам кузины, и если бы ты разгадал, что оно лишь показное.

Мое приключение на улице Гренель пришло к концу: малютка решительно дала мне отставку, она остается при своем аббате, который ей дороже меня. Тонзурованный самолично удостоверился каким-то непостижимым образом в том, что в течение недели меня удерживали в границах самой строгой благопристойности, — и помирился с ней. Но скажи мне по правде, уж не подурнел ли я? Я, кажется, впервые встречаю такую жестокую после Неприступной... Впрочем, эта девица не подошла бы мне по своему характеру: скромная, мягкосердечная... Фи, фи! От такого рода женщин меня воротит.

Но вот тебе новость, нечто из ряда вон выходящее, чудесное! В нашей «Комеди Буржуаз» на днях появилась восхитительная актрисочка; она не блещет дарованием, но как видно, обладает опытом и держится с той непринужденностью, какую сообщает нам привычка. Она была субреткой, я — лакеем; роли позволили нам показать себя с выигрышной стороны, и моя игра была столь естественной, что я вызвал продолжительные аплодисменты. По мере того, как возрастал мой успех, актрисочка выказывала мне все большее внимание, подконец она дала понять, что я ей нравлюсь. Я проводил ее до дому. Квартира во

втором этаже, роскошная обстановка, располагающий к неге уютный будуар. Я подумал: «Где же я нахожусь — у светской особы или у актрисы?» Оба предположения оправдались: это танцовщица из Оперы, обладающая пристрастием к «Комеди Буржуаз». Она сказала мне, как ее зовут и чем она занимается. Представь себе, дорогой, брюнеточку шестнадцати лет, на содержании шестидесятилетнего старика, который навещает ее каждые два дня, девушку совершенной красоты, в которой тысячу раз старались пробудить сладострастие, но она его не испытала; чтение Аретино {88} и его преемников разожгло в ней воображение и просветило ее; она живет в обществе подруг, беседы с которыми возбудили в ней несказанное любопытство и желание изведать все на опыте. Теперь посмотри, как твой Эдмон сгорает от желания, воображая, что заключает или будет заключать в свои объятия актрису из Оперы, сиречь божество (ибо, дорогой мой, для нас, молодых людей мимофилов или, если угодно, мимоманов, актриса — неземное создание, приблизительно то же, что фея для детей). Посмотри,

{88} Комментарии: 2.88

Аретино, Пьетро (1492—1556) — итальянский писатель и публицист; сочинения его, рисующие современные нравы, изобилуют вольными описаниями.

говорю я, на твоего друга, который в опьянении скорее жаждет подарить счастье, чем его вкушать. Напрягай творческие силы, фантазируй, — все равно действительность превосходит всякое воображение...

Это мое первое посещение, но я надеюсь завтра на вторичное. Ты, конечно, назовешь все это бреднями, но согласись, что влечение к прекрасной Обскурофиле (она избрала себе это столь выразительное имя) — достаточное основание, чтобы посвятить себя театру, и перед ним не устоят все твои доводы. До свидания, — я отлучусь на несколько часов — отправляюсь в «Комеди».

Да будет тебе известно, что выходя от Итальянцев, я повстречался с Зефирой. Без сомнения, она приметила меня и следила за мной. Она осыпала меня упреками, и поскольку она имела на то основания, я вынужден был признать свою вину, более того, она в этом меня убедила. Но скажу тебе по секрету, я хочу набить себе цену. Вдобавок Зефира ревнует, и прежде чем возобновить с ней связь, я посмотрю, как завтра пойдет у меня дело с хорошенькой танцовщицей. Следуя твоим советам, я хочу всегда иметь противовес в лице Зефиры. О, какая у нее душа, друг мой, какое бескорыстие! Или, как выражаются святоши, какое

самоотречение, какая готовность пожертвовать собой ради предмета своей любви! Это душа моей ку... Не дерзаю завершить это сравнение. По правде говоря, я не в силах свергнуть иго сей последней, хоть и почитаю это предрассудком: эта женщина... нет, не то слово!.. Это ангелическое создание превосходило человеческую природу даже в миг, когда я своей преступной дерзостью осквернил бы всякую другую... Что до Зефиры, ты знаешь мое к ней отношение. Все же я страшусь ее цепей; нет, не буду их носить, как в былое время, и впредь не стерплю ничьих цепей!

Прощай, друг; напишу тебе еще прежде, чем с тобой свидеться; но лишь через неделю ты узнаешь то, что я имею тебе сообщить.

ПИСЬМО CLVI

Через неделю после предыдущего

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Эдмон сообщает своему другу, что он сделался сочинителем

Умолкни, строптивый, задорный, язвительный

и критический ум моего друга! Я не замедлю заслужить твое одобрение. Я вступил на стезю славы; я больше не буду презренным гистрионом, который живет лишь заимствованной жизнью, который передает чужие мысли подобно тому, как орган исполняет музыку композитора: у меня своя душа; я мыслю самостоятельно, я уже написал две книги!.. Я держал от тебя в тайне свои труды, сатирический ум, хотя твои критические замечания были бы весьма уместны; но мне хотелось вызвать у тебя приятное изумление, хотелось лететь на своих собственных крылах. Посылаю тебе свои труды, будь для меня Фрероном[94]{89}. Прежде всего тебе понравится заглавие (а это чрезвычайно важно!) «Кодекс Киферы». Стиль изящный (как мне кажется), познания обширные, предмет любопытный. Но это еще не все: после создания Проекта Законодательства Киферы (которая, несомненно, в сем нуждается), я оставил этот жанр и написал роман;

---

[94] Примечания: 1.94

Прославленный критик, поселившийся на равнине Монруж, биз мельницы Янсенистов, где он живет отшельником, страдая подагрой и трудясь над своими «Бюллетенями», которые причиняют страдания столь многим *(прим. Годэ).*

{89} Комментарии: 2.89

Фрерон, Эли (1719—1776) — французский критик, противник Вольтера и энциклопедистов, основатель журнала «Литературный год».

я нахожу его превосходным, там много фантазии, самые необычайные события, о которых возвещает весьма удачное заглавие: «Славные деяния весьма доблестного принца О-Рибо, и Чудесные приключения сверхдобродетельной принцессы Пюселломани, преследуемой некромантом Сакрипандидонданук ом и охраняемой феей Клотюкуннимани»; вольное подражание некоей ирландской повести... Ты увидишь, язвительный ум, к какому насмешливому тону я счел нужным прибегнуть, и как я бичую наши пороки и наши нелепости, изображая под видом аллегории все наше сумасбродство. Я знаю тебя; конечно, ты одобришь содержание, но форма?.. Посмотрим, посмотрим... Оба эти произведения на будущей неделе выйдут в свет, и книгопродавец сказал мне, что, прочитав одно, захотят познакомиться с другим. Теперь меня можно уподобить драматургу, ожидающему окончания первого представления своей пьесы. Правда, я не подвергаюсь такой опасности, как он, но ощущаю ее, быть может, не менее остро. Прощай, любезный ментор, еще в большей мере мизомим, чем

император Юлиан был мизопогоном[95] {90}. Хотя я все время взывал к твоему уму, я хочу поведать твоему сердцу, что я, и т. д.

ПИСЬМО CLVII

ОТВЕТ

Годэ перечисляет Эдмону неприятности, выпадающие на долю литератора

Я получил твои произведения. Но что это за новую карьеру ты избрал? Неужто мне всегда придется брать на себя неприятную обязанность противоречить тебе, отклоняя от неподобающих занятий?.. Друг мой, что слаще сахара? Но презренный злосчастный раб орошает его потом и горькими слезами. Сахар — это литература: светский человек наслаждается ею и черпает в ней утонченные радости, тебе известные, а ав-

---

[95] Примечания: 1.95

«Мизопогон» (Враг бороды) — остроумная сатира этого императора, направленная против обитателей Антиохии; единственное, чем он отомстил им за оскорбления *(прим. издателя).*

{90} Комментарии: 2.90

«Мизопогон» — памфлет императора Юлиана (331—363), направленный против антиохийских христиан (362). В памфлете, в частности, содержится любопытное описание Лютеции (древнее название Парижа), где жил Юлиан, будучи правителем Галлии.

тор, бедный автор — злополучный колонист, что проливает пот, изнемогая от непосильного труда. Все взирают на сочинителя, во всяком случае при его жизни, как на всеобщего раба. Люди, которых он забавляет, высказывая о нем суждение, не ценят понесенные им труды, даже не упоминают об испытанном ими удовольствии, но почитают себя вправе предъявлять требования к его таланту; и можно сказать, что автора, выступающего в печати, ждет даже горшая судьба, нежели актера, ибо последний замухрышка-приказчик выступает в роли судьи великих людей: «Вольтер чертовски сдает! Руссо скорее оригинален, чем основателен. Бюффон говорит вздор. Дидро пишет как маньяк. Тома — раздутая величина. Мармонтель скорее холоден и мелкотравчат, чем изыскан. У Дора ничего, кроме мишуры. Фрерон чересчур пристрастен и уж очень часто в скверном настроении, — его раздражительность вызвана подагрой. У де Лагарпа отрывистый слог, и т. д. и т. п. — вот что слышишь со всех сторон, а когда замухрышка-приказчик, конторщик, маркиз или щеголиха доберутся до авторов твоего пошиба, до каких-нибудь Д.-Л.-Б.***, Д.-Р***, Мо..., Н***, С***, Кл***, Де* л.* с., Дю***, Ши***, до бесчисленных писак, не обладающих ни стилем, ни

познаниями, ни вкусом, — как оценишь ты свое дарование, увидав, что они отшвырнули твою книгу, воскликнув: «О боже, что за бездарность! Попадись он мне на глаза, я надавал бы ему оплеух! Ни огня, ни стиля! Никакой выдумки! Ни тени естественности! Затасканные образы, поет с чужого голоса и вдобавок плохо! И чего только эти букашки лезут в печать?» Если б ты услыхал, как некий карапуз, слывущий остроумцем лишь потому, что он горбатый, бросит небрежно: «Что ж! Ведь все эти книжонки — статья дохода! Да уж лучше этим бездельникам сочинять романы, чем заниматься чем-нибудь еще более предосудительным. Пусть себе марают бумагу, а мы будем потешаться над их глупостью».

Быть может, все это уже тысячу раз было сказано по поводу твоих двух брошюр. А между тем, в первой из них немало язвительности и подлинного остроумия. Но что за сюжет ты избрал?

Что до второй, то ты предался там разгулу воображения, не удержавшись в пределах морали; ты мог бы создать произведение критического характера, поучительное и не лишенное приятности. Но я нахожу, что в своем труде ты лишь редко достигаешь этой цели. К тому же своим писанием ты можешь нажить себе врагов, а

враги тебе вовсе ни к чему, особенно же опасно нападать на клики.

То же самое оружие, каким я хотел отбить у тебя вкус к комедиантству, я направлю против твоей мании сочинительства. Что такое сочинитель? «Это, — сказал ты мне однажды, — талантливый человек, предлагающий публике собрание своих мыслей и творения своей фантазии». Я отвечаю: Заблуждаешься, но на минуту я готов это принять. Я даже оставляю в стороне стиль и манеру писать; допустим, что они на высоте (а это уже много!). Если наш сочинитель и вправду обладает талантом, если он распознает истину, истину, которая всегда идет вразрез с господствующими предрассудками, то он либо выскажет ее, либо умолчит о ней: если он ее выскажет, то его произведение, выйдя в свет, будет распространяться лишь тайком; тогда его ждет печальная судьба — он подвергнется преследованиям; быть может, он даже будет вынужден совершить подлость и отречься от «плодов своего таланта, собрания своих мыслей и творения своей фантазии»; или же ему придется бежать, и он будет скитаться, всеми оставленный; или же, — что еще хуже, — беглец попадет в зависимость от наглых покровителей, которые будут ему помогать лишь

из тщеславия, и к которым, к своему огорчению, он не сможет испытывать благодарность. Итак, даже если мы примем все твои положения, то сочинитель окажется весьма несчастным! Но следует отказаться от некоторых из них. Если писатель утаит истину (это наиболее надежный путь, которым следует большинство авторов), — то сколько его ждет других тяжелых переживаний! Ему придется непрестанно обманывать самого себя, он лишится того глубокого удовлетворения, какое испытывает человек, просвещая себе подобных, не будет радоваться при мысли об их уважении, их благодарности и восхищении. Вот господин сочинитель и окажется на одной доске с лицедеями! Ибо подобно им, он будет говорить то, чего не думает, почитать то, что презирает, выражать и изливать чувства общепризнанные, но отнюдь не свои. Какое унижение, какая фальшь! Сколь ужасна жизнь этого человека! Сколь горько порой он себя осуждает! Подобно импотенту, обманутому супругой и почитающему чужих детей своими, он ласкает лишь ублюдков, которых вынужден усыновить! Он передает потомству не плоды своего таланта, но приблудное дитя, порожденное страхом, подлостью, лестью, духовным рабством, которое

тысячекратно унизительнее рабства телесного.

Допустим теперь, что вышедшее из-под твоего пера превосходное произведение, отмеченное печатью гения, избегло мелочных придирок со стороны цензоров, поставленных государством. Именно в силу того, что отмечено печатью гения, оно на первых порах не встретит признания; ты не будешь наслаждаться славой: Гомера вздумали превозносить лишь через много времени после его смерти, поэтому так и не удалось узнать, где он родился и где закончил свои дни. Тита Ливия почитали дурным историком; Бэкон не был понят современниками; Мильтон получил за свою поэму всего двадцать экю; «Атали» и «Федра» Расина не имели успеха; если б не имя ее творца, «Меропа» не водворилась бы под сенью «Комеди Франсез»; «Дух законов»{91}, появившись в свет, был оклеветан; «Энциклопедия», — начинание, столь широко задуманное и полезное, было подвергнуто поруганию, которое продолжается и сейчас; наш Плиний был вынужден предпослать своему бессмертному труду, мягко выражаясь, извинения. Скажи мне, прибавила ли что-нибудь к счастью Гомера, Тита Ливия, Бэкона, Расина

{91} Комментарии: 2.91
«Дух законов» — сочинение Монтескье (1748).

их теперешняя слава? Если предположить даже самое лучшее, ты подвергнешься презрению, преследованиям или по меньшей мере встретишь возражения, — и не будешь счастлив. Расин, кроткий, любезный Расин, этот художник-чародей, умер от горя, нарисовав в своем самом значительном труде правдивую картину страданий народов, предназначенную для монарха, который мог бы их облегчить.

Но, скажешь ты, не все сочинители испытывают в одинаковой степени подобные муки. Согласен, но это потому, что не все в одинаковой степени обладают достоинствами, навлекающими на человека великие муки. Большинство из них погрязло в тине презрения; иные обладают истинным талантом, но никто не воздает им должного; то ли их не знают и не превозносят, то ли находят в их творениях недостатки и отвергают их. А между тем у злосчастного сочинителя имеются новые мысли, любопытные воззрения; сам он знает это, и, жестоко страдая от несправедливости современников, испытывает к ним те же чувства, что злосчастная Гекуба, которая

... missum rauco cum murmure saxum

Morsibus insequitur[96]{92}.

К тому же писателя нередко обвиняют в том, что он придерживается ложных взглядов, или находят его идею бессмысленной; открывают его книгу и тычут вам в глаза. Если вы согласитесь с этим, как соглашаются и три четверти читателей, то злосчастному автору уже вынесен приговор. На минувшей неделе подобный случай имел место на моих глазах. Некто утверждал, что Жан-Жак Руссо в «Новый Элоизе» оправдывает самоубийство; перечти письмо Сен-Прё, где идет речь об этом. Все единогласно завопили, что такая книга подлежит сожжению; да и ее автор... И его чуть-чуть было не сожгли. Но поскольку Жан-Жак Руссо великий человек, нашлись люди, которым пришло в голову, что прежде чем его сжигать, следует вникнуть в его произведение. Они прочитали предыдущее письмо, затем следующее: и вот оказалось, что в этом последнем Жан-Жак Руссо решительно высказывается против самоубийства, развивая вполне здравые мысли. Однако

---

[96] Примечания: 1.96

... кусаясь, она уж бежит за брошенным камнем.
Хрипло рыча.*

{92} Комментарии: 2.92

... кусаясь, она уж бежит... — цитата из «Метаморфоз» Овидия (XIII, 567—568). Перевод А. А. Фета.

глупцы не сдавались, они твердили, что Руссо все же призывает к самоубийству на таких-то страницах, хотя на других страницах и осуждает таковое. Разве что-нибудь вдолбишь этим ослам? Героем второго происшествия был не Жан-Жак, посему у него не оказалось защитников. Он самолично присутствовал на обсуждении. — Эта глава имеется в вашей книге? — спросили его. — Да, но... — Ему тут же заткнули рот, решив, что он не заслуживает, как Руссо, чтобы выслушали, одобряет он или отвергает предосудительное место.

В наши дни, хотя и разбираются в оттенках стиля и умеют его ценить, все же в литературе господствует дурной вкус; дабы снискать многочисленных читателей, надлежит писать в духе той напыщенной декламации, в которой, по словам Петрония, упражнялись школяры. Ежели ты станешь придерживаться естественного тона, то заявят, что ты дурно пишешь, найдут твой стиль холодным, низким и ползучим. Жан-Жак Руссо поистине высокий образец; он пленил всех своими яркими красками, своей мужественной и чувствительной манерой; он пишет в естественном тоне, но это столь прекрасная естественность, что, пожалуй, она является единственной в своем роде. Пусть другой автор добьется есте-

ственности, хотя и менее прекрасной, но весьма достойной похвал, которую оценят здравые умы, — все же у книгопродавца его творения не пойдут. Какой толк от достоинств, которых не ценят в книжных лавках?

Чтож, пиши, Эдмон! Я бешусь... Ну, что за мания побудила тебя заняться ремеслом, которое доставит тебе лишь сомнительные, ничтожные, нечистопробные приятности и достоверные, жестокие, душераздирающие муки! С твоей внешностью, с твоими дарованиями, твоим образом мыслей и с таким другом, как я, — что остается тебе теперь, как не наслаждаться радостями жизни? Предоставь желчным безумцам, которым никто не мил и которых ненавидит весь свет, гоняться за эфемерным счастьем, переживаемым в одиночестве и вполне ими заслуженным! Да, я утверждаю: надобно быть неспособным вкушать отрады, сопряженные с жизнью в обществе, удариться в высокомерную мизантропию, наконец, стать отпетым маньяком и не страшиться утратить счастье и честь, — чтобы избрать профессию сочинителя, — даже обладая талантом, как Жан-Жак Руссо, Вольтер и некоторые другие. Взгляни, с каким остервенением посредственные умы обрушиваются на гениев, их просвещающих!

Взгляни на оборонительные и наступательные союзы, которые заключаются в борьбе со светом и с истиной! Надлежит ли против их воли выводить глупцов из заблуждения? Можно ли при этом льстить себя надеждой на успех? И не следует ли опасаться, что этими истинами завладеют враги, которые будут их замалчивать, а быть может, и придушат их? А между тем, если мы будем трудиться в безмолвии, в семейном кругу, то в конце концов получится, что totus orbis mirabitur se esse philosophum[97]. Я мечтаю об этом счастливом преобразовании; но мы его не узрим и уж, конечно, его не ускорят твои слабые писания.

Таково мое мнение. Если я тебя не убедил, то существует еще одно средство.

Расскажи мне о твоем приключении с... Мракофилой, не так ли? Не могу вспомнить ее имени, но там звучат слова «мрак» и «фила». Если бы ее знала Зефира!.. Она сказала вчера, что в иные минуты попадись ты ей в руки, она выцарапала бы тебе глаза. Хуже всего, что господин Трисмегист, тот, что не способен, но... страдает от дурного настроения, какое ты вызываешь у этого милого создания. Ведь она очаровательна; я лишь в твое

---

[97] Примечания: 1.97
Весь мир будет дивиться, что он философ *(лат.).*

отсутствие обратил должное внимание на ее достоинства и прелести.

ПИСЬМО CLVIII

ВОЗРАЖЕНИЯ

Эдмон превозносит профессию литератора и повествует в связи с этим об одном приключении

Друг мой, отъявленный софист! Дочитываю твое письмо. Но скажи мне, чего добился бы ты своими превыспренними рассуждениями, если бы мною и впрямь овладела мания писательства? О! Сколь многое я мог бы сказать тебе в ответ! (Между нами, я радуюсь, что мы обсуждаем этот вопрос в письмах, ибо, судя по твоему жару, при очной встрече мы, вероятно, поссорились бы). Прежде всего я приведу тебе знаменитый стих Депрео:

> *Готов хвалить глупца другой, еще глупее*{93}.

{93} Комментарии: 2.93

Готов хвалить глупца... — цитата из «Поэтического искусства» Буало-Депрео (п. I, ст. 232).

Даже самый посредственный сочинитель, если только он умеет заинтересовать читателя, всегда обретает поклонников, и они утешают его, когда ядовитые критики наносят ему оскорбления. Восхваляемый одними и порицаемый другими, он то взлетает вверх, то падает вниз, и это вырывает его из подобного смерти забвения, которое является уделом обыкновенных людей: как-никак он *существует;* и Негре при всей призрачности своего существования ни за что не променяет его на участь какого-нибудь безвестного Ла-Б***. Более того: даже если взять из сочинителей только романиста или поэта с его скоропреходящей славой (согласись, что это самый низменный вид сочинительства), я утверждаю, что они стоят выше всех художников, подвизающихся в области изящных искусств, таких, как живопись, музыка, танцы, лицедейство и пр. Сочинитель — человек в самом полном смысле этого слова; самое благородное из свойств человеческой натуры он доводит до совершенства. Если мы являемся подобием божества, то литератор, без сомнения, наиболее ему уподобляется. Не знаю, всем ли доставляет такое же наслаждение, как мне, чтение хорошо написанного романа; увлеченный фабулой, я испытываю восхитительные чувства

— радость, очарование, отрадную иллюзию, разделяя все счастливые переживания героя (на чье место всякий раз становлюсь), и даже его страдания. Признаюсь, чтение вызывает у меня некое опьянение, и это опьянение, эта иллюзия несомненное благо, подобное другим благам жизни. Обладание прекрасным имением лишь относительное благо, от которого мало толку, когда человек в нем не нуждается; но сколько людей, удрученных печалью или обремененных делами, обретают в чтении целительное отдохновение, подлинную, отнюдь не условную радость! Сколь часто, испытывая очарование увлекательной повести, мы забываем о своих огорчениях, и все вокруг представляется нам в ином свете! Что бы там ни говорили и раньше, и теперь против романов, они несчетное число раз доставляли отраду человечеству. И ужели человек, создающий подобные произведения, не заслуживает одобрения современников? Ужели он подвергнется их презрению и не возбудит благодарности ни в одном сердце? Он всеобщий раб? Пусть так, но этого раба публика обожает и венчает славой. Я поведаю тебе о недавно имевшем место приключении, и ты убедишься, что известная часть публики преклоняется перед сочинителем.

Молодой писатель, чьи произведения, если и не безупречны в отношении слога, то возбуждают живой интерес, на этих днях зашел с приятелем в кафе Александра. Там играл оркестр, привлекший многочисленную публику. Пожилой господин с супругой и дочкой, прехорошенькой молодой особой, подошли к столику, за которым сидели приятели. Писатель тотчас уступил место девице, которая и уселась на его стул, а его друг оказал подобную же любезность мамаше. В кафе комедиант артистически подражал пению соловья, и по этому поводу молодой автор сказал несколько слов девице, преподнеся ей комплименты, которые у всех на устах, но всегда кажутся новыми той, к которой они обращены. Тем временем приятель его вступил в беседу с родителями и, между прочим, упомянул о замечательной мысли, встречающейся в последнем произведении этого сочинителя. Дама ответила, что читала эту книгу и очень высоко ее ценит. Нередко человек кичится талантом своего друга даже в большей мере, чем последний своим собственным: молодой человек не удержался ют искушения похвалиться дружбой с писателем и указал на него. Ты не можешь себе представить, какое впечатление произвело это открытие! Даме вообразилось, что

с ее дочерью беседует не обыкновенный смертный, а некий полубог — автор книги, вызвавшей ее восхищение, в которой, как ей казалось, излилась его прекрасная душа! Простую учтивость, впрочем, обычную для наших нравов, она восприняла как проявление изысканных чувств его возвышенной души, пленившей ее при чтении книги. Она стала вся внимание, ловила каждое его слово и, чтобы не препятствовать излияниям столь прекрасной души, не стала вмешиваться в разговор. Беседа и впрямь была весьма оживленной. Молодой автор, по натуре капризный и не слишком любезный, пленился девицей, — она обладала именно теми прелестями, какие были ему по вкусу, и говорила непринужденным тоном, свойственным состоятельным людям и это особенно подчеркивало ее красоту. Не будучи знаменитостью, он не стремился в разговоре выказывать свое остроумие, хотя и обладал им в достаточной мере. Встречаясь с сочинителями, я приметил, что большинство из тех, что вращаются в известном кругу, считают долгом непременно метать молнии и каждым словом хотят вызывать аплодисменты; вследствие чего они становятся аффектированными и нередко прямо невыносимыми. Пришло время покидать кафе; папаша

заявил, что надобно спешить домой, ибо у него разыгрался аппетит; супруга дала ему понять, что следует воспользоваться случаем и завязать знакомство с человеком столь редкостных достоинств. Расточив похвалы его произведению, сочинителя и его друга пригласили отобедать у них на следующий день. Ты догадываешься, что писатель пожурил приятеля за его нескромность, но с таким выражением и столь мягко, что это послужило ему к чести и его не заподозрили в тщеславии. Отказаться было невозможно, ибо молодая особа в полном восхищении присоединила свой голос к голосам родителей: она, как и мамаша, восторгалась этим сочинением и мечтала о знакомстве с его автором.

После первого же посещения семья утвердилась в вынесенной ему высокой оценке. Поскольку он был из порядочной семьи и склонен был отдать свое сердце девице, он решил не упустить счастливого поворота фортуны, — и не ошибся в своих расчетах. Когда его узнали поближе и он окончательно покорил обеих дам, — папаше, помышлявшему о солидной партии для дочки, втолковали, что обладающий высокими достоинствами сочинитель вполне достоин ее руки, — и тот согласился на их брак. В настоящее время

молодой человек женат, весьма состоятелен и как никогда блещет остроумием.

Вот на что может надеяться человек, блистательно подвизающийся на поприще литературы. Мне известно, что художникам порой так же улыбалась фортуна; но куда более лестно добиться успеха таким же путем, как сей сочинитель. Если картине не посчастливится попасть на выставку в Лувр, — ее созерцают лишь немногие, она единственна, — меж тем как книга, не говоря уже о том, что литературная слава предпочтительнее всякой другой, — широко распространяется, переходит из рук в руки, создает автору бессмертное имя, которое устоит против разрушительного действия времени, против огня и опустошительных войн. Будучи напечатана, книга не только сама по себе обретает известность, но о ней пишут в периодических изданиях, которые все читают, и если она обладает достоинствами, там ее хвалят, и тысячи прелестных уст повторяют, читая статью, посвященную вам: «Остроумный автор, пленительный автор» и т. д. «Его произведение исполнено огня, какой полет фантазии! Какая чувствительность! Какая красочность!» Появитесь после этого в обществе и вы услышите: «Вот что говорится о вас в «Меркурии», в «Лите-

ратурном году»{94}. В другой раз вы встречаете очаровательную девушку с вашей книгой в руке, поглощенную чтением, растроганную... О, друг мой, какая это ни с чем несравнимая радость... Вы, миллионеры, богачи, утопающие в неге; день вашей кончины будет последним днем вашей бесполезной жизни. А для стяжавшего славу литератора смерть является достойным завершением жизни; замолкает зависть, прекращается лай критиков, равнодушие или даже признание сменяется благоговейным почитанием. А вы, несправедливые люди, обременяющие собой землю, подвергнетесь полному уничтожению, забвению, а то и проклятиям.

Мне не безызвестно, что не все идет гладко, случаются и огорчения, — но это лишь частность.

В наказание тебе ни слова не скажу о том, что в настоящее время происходит. Другой раз будь осторожнее в своих выводах. Пусть совершится моя судьба! Хоть я имею против тебя зуб, все же остаюсь твоим другом, и т. д.

P. S. Целую ручки Лоры и становлюсь на колени

{94} Комментарии: 2.94

«Меркурий» — один из старейших французских журналов; основан в 1672 г. В XVII—XVIII столетиях являлся органом, рассчитанным на вкусы высшей аристократии. *«Литературный год»* — журнал, основанный Фрероном и выступавший против идей энциклопедистов.

перед забиякой, только пусть ее ручонки остаются в покое.

ПИСЬМО CLIX

ОТВЕТ

Годэ с иронией сообщает Эдмону о провале двух его произведений

Меня беспокоит, что мой слуга не мог поговорить с тобой нынче утром, и я спешу тебе написать, чтобы ободрить тебя и утешить. Без сомнения, ты прочел отзыв о себе в трех различных периодических изданиях. Крепись, мой друг! Главное, не отвечай им или же вовсе откажись от звания сочинителя. Эти господа орудуют пером, полным сарказмов, как искусный фехтовальщик — рапирой, — и всякий раз, как будут появляться в свет твои злосчастные произведения, тебя станут позорить и втаптывать в грязь. Если праведник грешит семь раз на дню, то наилучший автор спотыкается не менее семи раз на одной странице, — и критики всегда правы. Дорогой мой Эдмон, тебе не предложат девицу с приданым в награду за твои выдающиеся литературные заслуги. Если

ты окажешься в обществе, ты не услышишь: «Смотрите, вот остроумный сочинитель, вот пленительный автор!», но скажут громким шепотом: «Взгляните-ка на беднягу сочинителя, которого так отделали в „Меркурии“ и у Фрерона! Вот он перед вами!» — «И впрямь, — послышится в ответ, — у него преглупые глаза». Ты услышишь это и, быть может, потеряешь самообладание, — и окажешься в еще более нелепом положении. Некоторое время ни с кем не встречайся — вот мой совет.

Прощай, бедный мой Эдмон.

(Это письмо, написанное в Менильмонтане, находилось в конверте, на котором стоял адрес Зефиры, оставшейся в Париже, там был следующий постскриптум:)

Я самолично сделал извлечения из двух трудов нашего друга и напечатал отзывы о нем в трех газетах, вам известных, дабы излечить его от соблазнительной мании, которая ни к чему не приводит. Писатели, с которыми я поделился своими соображениями, одобрили их. Со своей стороны, окажите мне поддержку всеми доступными вам способами.

ПИСЬМО CLX

ОТ ЭДМОНА К ГОДЭ

Он отказывается от сочинительства, но лишь для того, чтобы заняться худшими делами

Полмесяца я не смел никуда показаться!.. Следовало обождать, пока новая жертва не затмит в памяти мое злосчастье! Но вот Д.-Р*** и Негре пришли мне на смену. Дочитываю отзывы о них, которые С*** принес мне нынче утром; их растерзали в клочки и низвергли в преисподнюю. Однако меня уверяют, что они тем не менее расхаживают с высоко поднятой головой! В добрый час; я не завидую их философии. Отказываюсь от литературы! Я так настрадался, что даже будь я автором превосходных сочинений (на что я никогда не смел надеяться), все равно я дал бы клятву впредь никогда не писать, даже писем своим друзьям (исключая тебя, мой друг). Не подлежит сомнению, что я исцелился; это не стоило мне ни малейшего усилия, — влечение к литературе угасло столь же внезапно, как и воз-

никло. Ты прав: пусть меня всецело поглощает любовь и ее радости, доколе я не войду в возраст, когда человека поглощают дела. Не нужно мне более фимиама суетной славы, которую не так-то легко стяжать. Допустим, я стяжал бы ее. Ведь к ней быстро привыкаешь и еле замечаешь ее: в последние дни своего призрачного триумфа я уже почти не радовался ему... Очаровательная Обскурофила, теперь я буду занят лишь тобой! (Не отказываясь при этом от дружбы с любезным Годэ и от посещений малютки Забияки.)

ПИСЬМО CLXI

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Бедняжка Зефира пишет о том, какого рода любовь испытывают девицы ее пошиба, и далее ведет речь о браке, основанном на обмане, в который она соглашается вступить, имея в виду интересы Эдмона

Нет, моя дорогая, я не исцелилась, и твое сочувственное письмо, за которое я тебе весьма признательна, застигло меня в плачевном со-

стоянии[98]. Не следует обо мне судить по образу действий большинства женщин. Забвение, обиды, гордость, прирожденная нашему полу, самолюбие, слава, словом все, что может исцелить честную женщину, — не оказывает действия на подобных мне девиц, с ранних лет привыкших к презрению и к дурному обращению со стороны мужчин. Стоит нам полюбить, — и уже нет исцеления; пороки, преступления, самая возмутительная несправедливость — ничто не может угасить в нашем сердце злосчастное пламя; можно привести тысячи примеров такого рода привязанности у подобных мне особ. Суди же о моем несчастье, (ведь я до глубины души проникнута чувствительностью и не могу жить без любви! Эдмон овладел всем моим существом; когда он появляется, сердце мое трепещет, бурно колотится, готово выпрыгнуть из груди, рвется к нему — к существу, в котором вся моя отрада... И так будет, друг мой, до самой могилы....Ты отняла у меня всякую надежду на брак: «Сейчас это невозможно», — говоришь ты? Так потолкуем лишь о средствах, которые могут обеспечить его в будущем. Я серьезно говорю: уж не выйти ли мне

---

[98] Примечания: 1.98
Это письмо утеряно.

замуж за престарелого господина Трисмегиста? Тебе и мужу твоему известно, что он преследует меня уже добрые полгода... (Неужто можно встретить постоянство лишь со стороны безразличных нам людей!..)

Наш друг из О*** приехал сюда. В темно-каштановом парике, в необычном платье, он до того смахивает на англичанина, что сам сатана, будь он монахом его ордена, нипочем не узнал бы его. Обстоятельства складываются на диво благоприятно, и ему будет легко разыграть роль моего папаши. У него был старший брат, который лет тридцать тому назад уехал с женой в Канаду; известно, что лет пятнадцать тому назад у них родилась дочь; все они умерли, мы их воскресим, а я буду их дочерью. От старикана мы скроем все, что касается моей семьи, ибо это не имеет значения; главное его заверят, что мне не на что рассчитывать в Америке и тем более во Франции. Наш друг уже беседовал с простаком, он завещает мне все свое состояние. Одно меня тревожит: пожелает ли воспользоваться этими благами тот, для кого я все это затеваю? Ты виделась с ним, и меня утешаешь? Ах! Мне блеснул луч надежды и утихли мои отчаянные муки, но если я снова впаду в состояние безнадежности, из которого

выбралась, это сведет меня в могилу. Заверь своего кузена (я не дерзаю сказать: моего возлюбленного), смотри, заверь его, что старикашка ни вот столечка от меня не получит... Помнишь девчушку, которую ты однажды повстречала у моей матери, — Заиру? Я возьму ее к себе в горничные. Она была в черной нищете, она испытала невообразимые страдания; все это говорит в ее пользу; добавлю, что она уже давно меня любит, сперва у нее были на меня виды, тебе известные, но поскольку я никогда не имела к этому склонности и убедила ее, что ничего подобного не позволю ни одной из моих приятельниц, — она ввела свое чувство в русло благопристойности. Она будет помогать мне, прибегая к средствам, о которых я сообщу тебе при свидании, а ты окажешь мне нарочитую услугу, если сообщишь о моих замыслах человеку, в жертву которому я готова принести тысячу жизней.

ПИСЬМО CLXII

ОТ ЭДМОНА К ЛОРЕ

Его любовь к госпоже Парангон не позволяет ему пойти на низкий поступок и вступить в брак с распутной женщиной

Могу ли я не воздать дань восхищения моей Зефире? Нет, дорогая кузина, нет! Ее поступок меня покоряет. Да, ради нее я воздержусь от зла. Если в отношении меня осуществятся замыслы твоего мужа, то я пущусь во все тяжкие. Но они должны во что бы то ни стало осуществиться. Скажи только половину всего этого Зефире и подай ей лишь слабый луч надежды... Бедная дорогая малютка!.. Но я хочу выговорить слова, которые вот-вот сорвутся с моего пера: будь Зефира единственной, я все принес бы ей в жертву.

ПИСЬМО CLXIII

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Она изливается здесь в своей ревности и своей любви

Почему было не показать мне эту записочку, в которой, по твоим словам, много такого, что превосходит все мои надежды? Но он запретил это

тебе. Умолкаю. Впрочем, Эдмон уже причинил мне немало обид. Нынче пришло еще письмо на квартиру, которую он покинул ради меня — и вот новый удар. Я распечатала конверт... Самая злая ненавистница Эдмона не могла бы так скверно с ним обойтись! Но ведь я поступаю так по вашим советам!..

Письмо от госпожи Парангон к Эдмону

Ваше молчание не было вызвано ни равнодушием, ни презрением: нет, кузен, я знаю ваше сердце. Итак, повторяю свое приглашение: приезжайте и вы узнаете, на что способна истинная дружба, вы увидите, что она забывает обиды, что она изгоняет порок, что она изглаживает до конца следы преступления, что она согревает в сердце росток добродетели и способствует его развитию; что из еле заметного зернышка она выращивает большое дерево, под сенью коего подобные вам обездоленные могут отдыхать и восстанавливать свои силы. Юрсюль будет этим деревом, мой кузен; небо вернуло ей целомудрие, нежность ко мне, чистую привязанность к вам, а также ее прелести и первого ее поклонника. Но она отвергает его, она желает одного — чтобы вы объединились с нами... Любезный Эдмон, вы

познакомились со светом, он причинил вам жестокие страдания и подарил обманчивые отрады. Не довольно ли уже всего этого?.. Вернитесь к вашим почтенным родителям и подарите им жизнь и радость. Мне известны все их пожелания. Если мы будем с вами общаться, минувшее покажется нам лишь страшным сновидением, которое будет быстро забываться. Пусть ничто не удерживает вас, кузен. Если, в довершение наших бед, у вас в Париже есть привязанность, — тем не менее приезжайте!.. Если эта особа достойна нас, она станет нашей подругой; вы прекрасно знаете, что я охотно иду на жертву... В каком бы вы ни находились состоянии, — приезжайте, и будьте уверены, что вы осчастливите всех любящих вас.

Фаншетта кланяется вам и поддерживает нашу просьбу.

И это я причиняю страдания столь великодушной женщине! «Если, в довершение наших бед, у вас в Париже есть привязанность, тем не менее приезжайте... Если эта особа достойна нас, она станет нашей подругой: вы прекрасно знаете, что я охотно иду на жертву»...

Кто бы ты ни была, незнакомка, ты меня превосходишь как раз в той области, в которой мне казалось, что я превосхожу всех на свете!.. Да,

будь я уверена... Я не вынесла бы... Да что говорить, лишь был бы он счастлив... Какой сумбур у меня в голове! Великодушная женщина! Так у него новая привязанность, но это не Зефира, которая так восхищается тобой! Нет, это уже не она!.. Быть может, в эту минуту другая наслаждается счастьем, которое она уступила бы тебе... Ах, если бы я знала, кто она! Я не жестокая, но я пустила бы в ход огонь, железо, яд, все на свете, — чтобы отомстить за нас обеих... недостойной сопернице, неспособной любить, подобно нам... лишившей Эдмона счастья, которое могли бы мы ему подарить!..

Наведи справки, любезная Лора, и помоги мне кое-что выяснить... Моя соперница — актриса из Оперы. Ах, вы бесстыжие твари, мало вам того, что вы развращаете дворян, похищаете у женщин, которым годитесь только в служанки, их возлюбленных, супругов, отцов, братьев, портите их сыновей, едва вышедших из пеленок; нужно же вам еще на мою беду опуститься до простых людей и производить в их среде опустошения... Да погибнет храм вашего распутства! Пусть молния, выполняя мое желание, превратит его в груду пепла, — лишь бы мне это увидеть, даже если самой пришлось бы сгореть на этом костре... Лора,

друг мой, удостоверься в том, что я жажду узнать; в эту минуту я испытываю такую же потребность в ненависти, как и в любви: не обретая себе выхода, бурные чувства раздирают мою душу.

ПИСЬМО CLXIV

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он сообщает ему о замужестве Зефиры

Ксенократ, — не знаменитый Ксенократ{95}, о коем Платон сказал, сравнивая его с Аристотелем, что надлежало бы его пришпорить, меж тем как последнего не мешало бы сдержать удилами, — но другой Ксенократ, написавший весьма любопытный трактат «О предзнаменованиях», где говорится, например, о том, что означает, когда видишь в доме змею пли ласку, а за городом — зайца, или, когда поутру встретишь старуху, и т. д., Ксенократ, говорю, без труда догадался бы о том, что предвещают посещения распутником девицы из Оперы, и даже я, которому далеко до Ксенократа, могу это весьма точно предсказать.

{95} Комментарии: 2.95

Ксенократ — древнегреческий философ (406—314 гг. до н. э.), ученик Платона.

Две недели назад я покинул Менильмонтан, и я наблюдаю за каждым твоим шагом; ты чересчур увлечен своей танцовщицей. У меня было желание с тобой поговорить, но моя беседа наскучила бы тебе, а мне не хотелось услыхать, что хотя бы один раз, один единственный раз в жизни моя дружба была тебе в тягость.

Итак, продолжай в том же духе, ты узришь меня, лишь когда я найду, что приспело время. Тем не менее, я помышляю только о тебе. Благодаря моим стараниям, Зефира нынче утром обвенчалась со стариком. Свадьбу справили скромно, без огласки, ибо этого требовали обстоятельства. Лора хотела повидаться с тобой по поручению Зефиры, но я взял это на себя и передал Зефире, якобы от твоего имени, следующее: «ты одобряешь решение, принятое мадемуазель Зефирой, ты любишь ее всей душой, но считаешь, что тебе не следует появляться при настоящих обстоятельствах; к тому же ты страдаешь небольшим недомоганием, которое требует крайней осмотрительности при посещении любимой женщины». Смотри, не говори ничего вразрез со мной! Ведь таким путем, сам понимаешь, я тебе предоставляю свободу действий на продолжительный срок, покамест твоя Обскурофила тебе не приестся.

Я не ответил тебе своевременно на один вопрос касательно писем известного лица... Мы поговорим об этом при ближайшей встрече; что до текущего момента, то твое время чересчур драгоценно, чтобы тратить его на чтение подобных пустяков. Поэтому спешу закончить.

***Твой per fas et nefas*[99].**

ПИСЬМО CLXV

ОТВЕТ

Радуется этому известию и благодарит Годэ

Вот очаровательный гостинец! Вот подарок, достойный лучшего из друзей! Я снова и снова целую это благословенное письмо! Как! Зефира вышла замуж! О, какое бремя ты снял у меня с плеч, любезный ментор! Кто ты — гений, демон или бог, — я разумею одного из добрых малых, о коих повествует мифология. Честное слово, это вполне возможно, если судить по твоему пристрастию к нимфам. В этом отношении ты превосходишь даже самого Юпитера. Ты оказал

---

[99] Примечания: 1.99
Всеми правдами и неправдами *(лат.).*

мне огромную услугу и как нельзя более кстати. Не знаю, какой дьявол шепнул моей божественной Обскурофиле, что я веду другую интригу; она ежедневно ссорилась со мною из-за этого. Твое письмо позволило мне дать столь убедительный ответ, что королева моя удовлетворилась им, — и мы поладили наилучшим образом! Я живу у нее; старик, у которого она на содержании, ничего не подозревает; мы обманываем его на славу с помощью маленькой дурнушки-горничной, кривой и рябой, и я обнимаю Обскурофилу чуть не под носом у него. Если б ты знал, как мы с ней милуемся!.. Но здесь тебе нечего опасаться — о браке не может быть и речи. Бог ты мой! Даже если б я просил ее, умолял на коленях, она не стала бы меня слушать.

Ну, а твои идеи, твои замыслы? Ты не говоришь о них ни слова! Восхищаюсь твоей деликатностью, но со временем она может стать смешной. Я не замедлю тебя навестить, дабы удовлетворить свое любопытство по части провинциалок... Между прочим! Я говорил о тебе своей подружке: она хочет тебя видеть и может нам предоставить кредит. Приходи как можно скорей, и мы снюхаемся. Если красавица нас поддержит, — на что только мы не отважимся!

ПИСЬМО CLXVI

РЕПЛИКА

Разоблаченный обман Обскурофилы

Знаешь ли ты, что я недавно хохотал, да хохотал, как говорится, до упаду — что может быть забавней и потешней, — хоть это и обыкновенная история, весьма обыкновенная, ибо речь идет об обманутом фате. У меня есть в свете приятель, красивый малый, который уверен, что его обожает танцовщица — некая нимфа, полубогиня, светило, одна из самых блистательных див в Опере. На днях он повел меня к ней; мы говорили о делах; я подробно изложил некоторые свои планы, их весьма одобрили, ибо нашли, что на этом можно хорошо нажиться. Я собрался уходить, и покамест мой обожаемый друг разыскивал веер, за которым его послали, мне было сказано:

— Завтра, в девять часов; мы будем одни.

На другой день, в восемь часов пятьдесят девять минут, я стоял у дверей красавицы. Меня ввела маленькая *дурнушка-горничная, кривая и рябая.* Вскоре я убедился, что имею дело с полной

противоположностью мадемуазель Прево[100]; прелестная малютка в ночном наряде ничуть не хуже, чем в блестящем уборе — такова привилегия молодости. Мы поговорили о моем друге. Я откровенничал с ней, или по крайней мере, делал вид, что откровенничаю; она как будто уловила мою мысль и осмелела: — Ваш друг вполне мне подходит, однако я отделаюсь от него. Какой толк от сутенера? К тому же у меня есть свои основания... — Сутенер! Эдмон сут...? — Я спросил, какие она имеет основания. — Я на содержании у молодого вельможи, пресыщенного наслаждениями. — Молодой вельможа? Я слышал о старике... — О, да, да! Но это великая тайна. Она неизвестна ни старику, ни вашему другу. — Вы меня удивляете! Но как же старик и ваша горничная... — Танцовщица разразилась хохотом. — Ну, прямо умора! — воскликнула она, давясь от смеха. — Вы видели рябую кривулю, которая открывала вам двери?.. Так вот... она... и ваш друг... — Понимаю, — прервал я ее. Мне сразу стала ясна вся комбинация, придуманная танцовщицей, — и теперь ты ви-

---

[100] Примечания: 1.100

Очаровательная танцовщица на театре. Сколько подобных ей богинь находится в таком же положении: А*, А**, В***, Г*, Д***, Д**, и т. д. — их наберется по несколько чуть ли не на каждую букву алфавита *(прим. Годэ)*.

дишь, в каких дураках оказался мой друг! Однако пусть он утешится, ему были оказаны милости днем; мне сказали об этом, а ему это известно лучше, чем кому-либо. Но рябая кривуля-то... Великий боже! Я сгорел бы со стыда!

Поговорив сколько следовало о своем друге, я замолвил словечко и за себя. Мне подарили улыбку... Когда я собирался уходить, было замечено, что у меня на пальце великолепный брильянт. Я отдал его без колебаний, но я знаю, как получить его обратно. Итак, друг мой, прелестную шестнадцатилетнюю особу оплачивают два с половиной человека и два с половиной проходят даром. Поясню: молодой вельможа и старик платят, красивый юноша, мой друг, не платит, напротив, он жаждет, чтобы ему платили; я плачу и в то же время не плачу; а некий пигмей по имени Пайардель, что ломает комедь, также налету ловит кое-какие ее милости, ничего не платя. В итоге — нас пятеро.

Теперь выслушай разгадку: Эдмон — Обскурофила.

ПИСЬМО CLXVII

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Подробности посещения ее Эдмоном

Не успела ты вчера уйти, любезная моя Лора, как появился твой муж. У господина Трисмегиста оказались важные дела, и он оставил нас одних. Господин Годэ, с нетерпением ожидавший возможности свободно поговорить, сообщил мне, что ночью я увижусь с Эдмоном. Сама не знаю почему, я вздрогнула при этом известии! Затем он подробно поведал мне, что он предпринял, дабы оторвать Эдмона от танцовщицы, в которую тот был влюблен. Еще три недели назад при этих словах я упала бы в обморок, — но вчера они меня лишь глубоко огорчили. Надо признать, что только господин Годэ способен на подобные махинации; он орудует без устали, не щадит ни денег, ни усилий, подмешивает крупицу правды в ушат лжи, и на случай, если потребуется объяснение, всегда оставляет для себя лазейку. Но все же я не могу не пожелать ему добра за то, что он оторвал Эдмона от этой недостойной особы;

не то, чтобы я хотела завладеть им; увы, теперь уже не то время и виды у меня другие!.. Конечно я по-прежнему его люблю; это чувство никогда не умрет в моем сердце; но я питаю к нему такую же любовь, как госпожа Парангон, и желаю вернуть его сей достойной женщине. Какое я имела право перехватывать ее письма? Теперь, когда я живу в порядочном обществе, я понимаю, что это неблаговидный поступок; если б я не боялась причинить вам неприятность, письма были бы давно возвращены...

После полуночи появился Эдмон. Я встретила его трепеща, я упрекала себя даже за то, что меня обрадовал его приход. Он бросился к моим ногам, я слегка отодвинулась. Я стала его умолять, заклинать всем святым, чтобы он обрел счастье с госпожой Парангон. Я поклялась ему в своей вечной любви, которая, однако, не должна выходить за границы долга. (Помнишь, что я недавно сказала тебе на этот счет?) Казалось, он принял все это, как надлежит; он не лишен чувства чести, справедливости, даже великодушия. Взяв меня за руку, он сказал:

— Так значит, есть души, которым свойственна добродетель; созерцая ее, они исполняют ее веления. — Потом, закрыв лицо руками, добавил:

— Лишь я один созерцаю ее, но не в силах следовать ее стезей! — Что хочет он этим сказать? И что он разумеет под словами «угрызения совести», которые он упомянул в следующую минуту? Если не ошибаюсь, Эдмон до сих пор делал только то, что ему было свойственно. Он, я, ты сама и тысячи других — все мы разве не вправе поступать, как нам угодно? В настоящее время я должна вести себя сообразно с моим новым положением, сознаю это; но прошлое?.. К чему угрызения совести?.. Тут что-то кроется! Ибо, по правде говоря, я почти ничего не разумею из того, о чем толкуют в обществе людей, окружающих моего мужа: там говорят о девицах, одной из которых я была, с некоей презрительной жалостью, близкой к отвращению. Я воздерживаюсь от суждений, а главное, не осмеливаюсь противоречить, доколе не обрету достаточных познаний. Я вижу также, сколь важно для меня, чтобы по-прежнему не знали о моей прошлой жизни. По счастью, мой мнимый отец хорошо маскируется, ибо если бы он был узнан!.. Но возвращаюсь к Эдмону.

Он не делал мне никаких неблаговидных предложений. Он смотрел на меня, вздыхал, горько сетовал на свою напасть (не знаю только, какую); он поклялся, что будет вечно меня любить, и

сердце мое исполнилось блаженства.

Между тем, я испытывала беспокойство, хотя у меня не доставало сил попросить его удалиться; я обрадовалась, когда он ушел... Быть может, меня обрадовало, что он, казалось, с трудом расставался со мной; он уходил, возвращался, прижимал мою руку к своему сердцу, вновь уходил и опять возвращался... Наконец, он удалился... быть может, навсегда... ибо я только что отослала отцу д'Аррасу, который в настоящее время находится здесь, письма госпожи Парангон с просьбой, чтобы он распорядился ими должным образом... А что, если Эдмон рассердится на меня? Ведь я так долго держала их у себя! Мне следовало бы предупредить его об этом. Но я была так взволнована!..

Я прошла через спальню мужа, и он проснулся в момент, когда я ложилась в постель. Он высказал столь трогательное беспокойство о моем здоровье, что я сгорела со стыда!.. Как ни отрадно было мне свидеться с Эдмоном, я не хотела бы, чтобы это часто повторялось...

Вот господин Трисмегист заглянул ко мне, чтобы узнать, как я чувствую себя нынче утром, приходится спрятать письмо; нет, лучше я отошлю его тебе с Заирой неоконченным.

P. S. Боже мой! По словам твоего мужа, Обскуро-

фила прибегает к уловке вроде той, какую, как ты знаешь, я собиралась применить, дабы сохранить верность Эдмону! И он именует это коварством, он, который придерживается вольной морали... Так, значит, я поступила бы весьма дурно!

Прощай, прощай, моя Лора!

ПИСЬМО CLXVIII

ОТВЕТ

Лора сообщает Зефире о двоеженстве Годэ и о браке по расчету, заключенном Эдмоном

Заира скажет тебе, моя дорогая, что я не в состоянии выходить, — дела и жестокие терзания удерживают меня дома, — но в ближайшие дни тебе не следует у меня появляться. Господин Годэ причиняет мне серьезные огорчения и как бы ему не пришлось раскаиваться в этом! Он всецело завладел моим кузеном: он вертит им как хочет, причем ему помогает д'Аррас, которого он, видимо, обманывает; они собираются женить его на богатой женщине, которой исполнилось семьдесят девять лет одиннадцать месяцев и двадцать девять дней, а сам господин Годэ, другими

словами мой муж (тебе это покажется уж совсем непостижимым), женился на ее дочери, чудовищной уродине. При заключении брака обе стороны делают в пользу друг друга завещания. Господин Годэ требует, чтобы я молчала, иначе — говорит он — он сумеет расторгнуть наш брак, ибо у него хватило ума не соблюсти некоторые формальности, которые делают брак неоспоримым. Что ты скажешь о подобном поведении?.. Итак, господин Годэ стал полным хозяином состояния богатой семьи (ты прекрасно понимаешь, что Эдмон ни во что не будет вмешиваться). Он уже зажил на широкую ногу, он уже что-то продает, пускается в махинации, и ничего не страшится, рассчитывая со временем переселиться в Англию. К несчастью, мои интересы, а также и твои, связаны с судьбой этого человека: поскольку ему удалось это мошенничество, у него может возникнуть искушение пойти на другое; когда человек привыкает совершать преступления, он перестает соблюдать осторожность и в скором времени своей неосмотрительностью навлекает на себя кару.

Между прочим, скажу тебе, что ты напрасно послала отцу д'Аррасу письма госпожи Парангон к моему кузену; их не возвратят этой даме

и не передадут Эдмону. Сейчас даже невозможно предупредить последнего, — господин Годэ не допускает к нему никого, а нас тем более. Но, повторяю, он раскается, если выведет меня из терпения. Он почитает меня чересчур легкомысленной и непоследовательной, чтобы содействовать ему в его великих замыслах, однако кое-что я принимаю близко к сердцу, и могла бы справиться с этим не хуже его. Я уже начинаю мстить ему — излюбленной женской местью.

ПИСЬМО CLXIX

От того же числа

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Новое свидание, назначенное Эдмону Зефирой

Ты повергаешь меня в трепет. Не столько за себя, сколько за Эдмона... Женить его! И твой муж сам женился!.. О небо!.. Как раз когда пришло твое письмо, ко мне вошел злокозненный господин Годэ, — и я отложила письмо, чтобы прочесть после его ухода... Нынче в ночь я должна увидеть Эдмона! Я согласилась на это... О, как могла бы я

отказать? Я нахожусь в положении, какого так опасалась... Я отдала бы все на свете, чтобы сохранить эти письма и самой передать их ему... Если есть что-нибудь новое, сообщи мне; иначе этой ночью я выскажу все.

ПИСЬМО CLXX

Написанное на следующий день после предыдущего

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Благоразумное поведение старого мужа. Свидание Эдмона с Зефирой

Годэ — сущее чудовище. Но коварство его обрушится на его же голову. Друг мой, пишу тебе в присутствии господина Трисмегиста, перед которым я благоговею; он... Но он удерживает мою руку, чтобы я не расточала ему похвал. Итак, я попросту изложу тебе события.

Знаешь, что предпринял господин Годэ, расставшись вчера со мной? Вот, читай.

От Годэ к господину Трисмегисту

Не сомневаюсь, сударь, что ваша супруга вам верна, но поскольку известная мне ее связь может стать для нее опасной, то присущая мне порядочность обязывает меня предупредить вас, что былой любовник, гонявшийся за нею до вас, нынче ночью сделает попытку свидеться с ней с глазу на глаз. Советую вам не ожидать этого события, но предотвратить его. Это красивый малый, а женщина так слаба! Особенно, когда любезный воздыхатель, проливая слезы, упрекает ее в жестокости, в крайней бесчеловечности и клянется, что расставшись с нею, заколет себя кинжалом, повесится или бросится в воду, — смотря по его рангу. Эта уловка стара, как мир, а меж тем женщину так легко провести, как если бы к ней прибегли впервые. Ведь так отрадно обманываться, хотя впоследствии мучительно переживаешь обман! Прощайте, сударь. Последуйте же моему совету, помешайте свиданию, пусть волокита вернется восвояси, слегка разочарованный, а вам послужит это ко благу.

Остаюсь, и т. д. Годэ.

Получив это письмо, господин Трисмегист не исполнил в точности всего, что ему советовали.

Он пришел ко мне, он был со мною ласков, как никогда, и спросил меня, какого рода чувство я испытываю к нему. Я ответила, следуя велению сердца, ничего не утаивая. Наконец настал час ночного посещения; он оставил меня одну. Появился Эдмон, и вот что воспоследовало.

— Почему, дорогой Эдмон, вы снова пришли? Вам известно мое умонастроение и вам должны были вручить переданные мною письма. — Я пришел, надеясь возле вас обрести успокоение, ибо я жестоко терзаюсь, — и мне хочется вспомнить счастливые дни. — Желанное успокоение может даровать вам другая, не изменяя своему долгу и не подрывая устоев общества, которые так прекрасны. — Я не затем пришел, друг мой, чтобы уговаривать вас изменить вашему долгу, хотя человек, недавно бывший у вас, и подозревает у меня подобные намерения. Нет, сударыня, нет, оставайтесь добродетельной, вам дается это по заслугам, мне же недоступно ни счастье, ни добродетель. — Сердце подсказывает мне, что вы заблуждаетесь, сударь... Но вы не ответили мне на мой вопрос... Отец д'Аррас передал вам письма?.. — Какие письма? — От вашей кузины, госпожи Парангон; она призывает вас, она вас ждет. — Ждет?.. Прошу вас, оставим эту тему.

Сейчас я менее чем когда-либо в состоянии воспользоваться добротой моей кузины. Судьба... преследующая меня фурия, всегда разъединяла нас... Ах, друг мой, как я несчастен! — Вы пугаете меня, милый Эдмон!.. Не поведаете ли вы мне о своем новом горе? Будьте уверены, я пойму вас. — Это единственная отрада, на какую я надеюсь... Желая мне добра, Годэ и д'Аррас погубили меня!.. Годэ заправляет всем... Я и сам подумал, что Лора... Он обманул ее... Недавно он женился на старой деве, чудовищно безобразной; у этой особы есть мать, или прабабушка, кто их там разберет, сущая развалина, но еще с претензиями, ибо, по ее словам, женщина не стареет, когда у нее сорок тысяч ливров дохода; она влюблена и так требовательна, как только может быть уродина; а ее безобразие таково, что даже самый мужественный человек может умереть от отвращения, и эта старуха, эта старуха... неделю назад стала моей женой... я дал себя окрутить. Эта дряхлая сивилла, у которой месяца три назад умер двадцатипятилетний муж, конечно, вышла бы за кого-нибудь замуж и от нас уплыла бы половина ее состояния, ибо моему другу, женившемуся на ее уродине-дочке, она передает лишь двадцать тысяч ливров ренты. Поймите же мое горе, мое

отчаяние! Надобно ласкать такую! Она уже грозилась, что возьмет себе любовника! Хоть бы тридцать взяла, я не буду ревновать.

Я ответила, чтобы его успокоить, что готовилась к еще большей напасти.

— Да может ли быть для меня что-либо хуже! — воскликнул он.

Его признания навели меня на мысль, что не следует распространяться о содержании писем его кузины и что будет своевременно их обсудить после смерти старой совы. Ко мне вернулась шутливость, я попыталась развеселить Эдмона, но он столь угнетен, что мне не удалось вызвать у него улыбки. Он удалился довольно рано, попросив разрешения повременам беседовать со мной. Я охотно дала согласие, добавив, что, как ему известно, я не в силах отказать ему ни в одной просьбе, которая не идет вразрез с моим долгом.

Едва он удалился, вошел господин Трисмегист; он взял меня за руку, с нежностью глядя на меня, и ласково спросил, почему я не в постели. Я ничего не ответила.

— Вы не умеете лгать, — сказал он. — Лживая жена быстро нашла бы что ответить. С кем вы сейчас разговаривали? — Без всякого колебания я ответила, сгорая со стыда: — С Эдмоном. — Муж

обнял и поцеловал меня. — Я это знаю, — продолжал он, — и ваша беседа мне по душе. Но не думай, дружок, что я мрачный ревнивец и слежу за каждым твоим шагом. Вот прочитай, — и он протянул мне письмо господина Годэ.

Я удивлю тебя, любезная Лора. Зная, что этот предатель способен на все и что мужу известен мой образ мыслей, я последовала велению сердца, и обо всем рассказала господину Трисмегисту. Не желая клеймить себя пороками, не разъевшими до глубины мое сердце, я сделала признания, которые были бы мучительны для всякой другой, но дались мне совсем легко, ибо меня ободряла доброта человека, внимавшего мне.

— Благодарю вас за вашу искренность, Зефира, — промолвил он, когда я кончила, — благодарю вас за то, что вы не сделали мне этих признаний до вашей сегодняшней беседы с Эдмоном. Сейчас ваши чувства таковы, что вы можете подарить мне счастье... Мне не подобает ставить вам в вину те или иные проступки, о которых я не знал. Теперь мне открыто ваше сердце, и я разумею вас, быть может, лучше, чем вы сами себя разумеете, ибо ваши признания объясняют мне многое, что поражало меня в вас, прежде всего удивление, которое я не раз читал в ваших глазах, когда

при вас заходила речь о правилах приличия и основах нравственности. Зефира!.. Дабы вы убедились, что ваши признания не вызвали у меня к вам ни тени отвращения, я буду называть вас этим именем, оно мне мило... Вы сохранили, моя Зефира, девственную душу в развращенной среде, меж тем как многие другие, почитаемые чуть ли не святыми, обладают развращенной душой. Я вновь избираю тебя, теперь уже все зная, в спутницы жизни и в супруги. Дай мне руку, мой друг, и я поклянусь тебе...

Я была потрясена его речью, я бросилась к его ногам и стала без конца целовать ему руку, и, лишь когда он приказал мне подняться, нежно обняла его.

После этих признаний я почувствовала облегчение и повеселела. Я крепче привязалась к великодушному человеку, который простил мне все. Сердце мое стало как будто спокойней, и раздиравшая его злосчастная любовь, до сих пор повелевавшая мною, едва дает о себе знать, — столь велика моя благодарность, столь окрепло во мне чувство долга... Однако любовь моя не угасла, — увы! — она умрет лишь вместе со мной... Я забываю в чьем присутствии сейчас пишу, но уверена, что никогда не злоупотреблю

его добротой.

ПИСЬМО CLXXI

Полгода спустя

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он разъясняет ему свое поведение и издевается над отвращением Эдмона

Зачем ты избегаешь меня, приходишь в уныние и без конца ворчишь? Разве я женил тебя на моей прапрабабке для того, чтобы ты был ее супругом? Право же, ты поглупел, бедняга Эдмон! Ведь мы же заранее сговорились, как нам действовать! Скажите на милость, я обидел месье! Подвернулись две партии, я избрал ту, что станет железной цепью, которую мне не порвать, а ему предоставил другую, и он связал себя лишь гнилой нитью! Известно ли вам, господин Эдмон, что вы отнюдь не умеете вести дела? Вам надлежало бы иметь своим другом эгоиста, какие встречаются на каждом шагу! Впрочем, если вас соблазняет дочка, — скажите лишь слово. Она предана вам душой и телом и я не посоветую ей напускать на себя

неприступность. Я заметил, что с некоторых пор она присматривается к вам! А вы знаете, что обитателей нашей страны можно охарактеризовать словами, с какими Абул-Фарадж{96} обратился к своим соотечественникам — арабам: «Ни у одного из вас не достанет благородства, чтобы давать. Ни у одной из ваших женщин не достанет целомудрия, чтобы отказать».

Что до моего письма к господину Трисмегисту, содержавшего серьезное предостережение, письма, из-за которого ты на меня дуешься с тех пор, как госпожа Зефира разбранила меня на чем свет стоит (ведь все эти добрые души не променяют своего грошового злоречия на тысячу добродетелей)... что до того письма, говорю я, то неужто столь сообразительный малый, как ты, не догадался, ведь оно написано с целью заслужить глубокую благодарность? Я, конечно, умолчал обо всем неприглядном, что мне известно о госпоже Зефире, и рассчитывал, что старый дурень воспрепятствует свиданию, что он затаит в сердце ревность; эта страсть свойственна преклонному возрасту и старики, предавшись ей, впадают в такие же излишества, как юноши, предаваясь

{96} Комментарии: 2.96
Абул-Фарадж (1226—1286) — арабский историк и врач.

любви, — поэтому я рассчитывал, что ревность подточит здоровье нашего знакомца и он станет подстать моей прапрабабке. Но дело обернулось по-другому, — а мне не дано предвидеть чудеса; твоя Зефира — сущее чудо или по меньшей мере феномен. Прямо не знаешь, чего ждать от наших женщин: шлюхи ведут себя как порядочные женщины, а порядочные как... Боюсь изречь глупость, но, как видно, приближается чудесный год[101].

Возвращайся же, голубчик, к своей Бавкиде{97}, возвращайся и порадуй ее; длительное удовольствие — яд для старух, меж тем как огорчения и противоречия питают их и восстанавливают их силы. Итак, если не хочешь, чтобы твой брак длился вечно, возвращайся поскорей с веселым лицом; твое присутствие здесь необходимо. Обеспечить тебе доход в двадцать тысяч ливров стоит мне немалых трудов!

---

[101] Примечания: 1.101

В то, время из уст в уста передавалось некое предсказание, или вернее, шутка, — возвещался чудесный год, когда все пойдет наоборот: изменятся все обычаи, взаимоотношения между полами, порок станет именоваться добродетелью, а добродетель — пороком *(прим. издателя).*

{97} Комментарии: 2.97

Возвращайся... к своей Бавкиде... — Филемон и Бавкида — идеальная супружеская чета (греч. миф.).

ПИСЬМО CLXXII

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Годэ вознамерился охаить и опорочить все искусства

Я заметил во время нашего последнего свидания, что ты вновь взялся за живопись. Что это тебе взбрело в голову? Иль ты и впрямь все делаешь невпопад? Когда тебе надлежало трудиться, ты гонялся за удовольствиями, теперь трудишься, вместо того, чтобы развлекаться. Помышляй о другом, о том, что ты должен усыпать цветами путь твоей полезной спутницы. Я прекрасно понимаю, что ты трудишься с целью убежать от самого себя, а главное — от твоей Бавкиды. Но ты позоришь себя: мы живем в такое время, когда смешно заниматься изящными искусствами. Что такое художник? Это попросту работник. Истинные любители искусств нынче вынуждены прятаться — и они правы. У нас во Франции все принимает характер мании, и наши бездельники как бараны слепо следуют за другими, подражая им: нынче они агрономы, хоть не

имеют ни малейшего понятия об основах агрикультуры, завтра — механики, затем живописцы, граверы, наконец литераторы, — и всякий раз они бесчестят искусства или науки своими дурацкими опытами, которым подло рукоплещут голодные прихвостни. Трудно себе представить более вредную и нелепую прихоть! Но это имеет свое основание: дело в том, что люди привилегированные, люди богатые, неспособны выносить смелую, основательную мысль; они только расточают, а не собирают плоды; посему у них не созревает ни одна мысль: едва она наметится, как ее выбрасывают наружу — бесформенный, хилый зародыш. Если эти господа ударяются в науку или в художества, они рождают на свет высоконравственные произведения, потом носятся с ними, украшают их побрякушками и лентами, белят их и румянят. Сей мишурный блеск соблазняет художника, и ему приходит в голову, что, подражая им, он наверняка угонится за славой (или, вернее, за модой). Всяк знай свое ремесло, иначе пропадешь.

Воспользуюсь случаем обосновать одну прекрасную истину, доказать необходимость существования сословных различий и вытекающих из них разнообразных обязанностей, необходи-

мость соблюдения приличий и т. д. Естественным путем образовались различные сословия, причем скорее достоинства, нежели сила, давали человеку доступ в высшие из них. Подобно тому, как в сфере морали невозможно, чтобы все люди находились на одном уровне, так и в области физической они не могут быть одного роста, обладать одинаковым темпераментом, одинаковой внешностью и т. д. Если бы искони не произошло распределение людей по сословиям в зависимости от присущих им способностей, то властям предержащим пришлось бы взять это на себя и распределить между ними обязанности. И если бы сперва было достигнуто равенство, вскоре обозначились бы резкие различия между индивидами и целыми семьями. И именно потому, что сейчас существуют сословные различия, некоторые занятия почитаются у нас унизительными. В наши дни уверяют, что тут нет никакого унижения, это, мол, предрассудок, я же говорю, что в этом заключается мудрость. Да! Что бы мы стали делать, если бы лень и гордость не препятствовали бездельникам выполнять сельские работы, строить дома, шить нам обувь и одежду! Вскорости мы испытали бы недостаток в хлебе и в вине, дома рушились бы на нас и мы ходили бы

разутые и раздетые[102]. Итак, господствующие в обществе правила приличия, отнюдь не предрассудок, а мудрое установление, как я уже говорил по поводу индийцев[103].

У лоботрясов так и чешутся руки и они всюду суются, это и губит искусства во Франции.

Древние справедливо почитали Аполлона как бога Солнца; без сомнения, это была эмблема, выражавшая мысль, что искусства подобно дневному светилу озаряют своим блеском то одну, то другую страну; не столь давно в Париже был яркий полдень, теперь уже приближается вечер, а лучезарный день скоро засияет в Лондоне. Поэзия, литература, живопись, скульптура, архитектура, танец, музыка — все пришло у нас в упадок: даже предметы необходимости изго-

---

[102] Примечания: 1.102

Меценат и наличие рабства испортили римлянам вкус, — говорит Квинтилиан, — и даже Август, смеявшийся над дурным вкусом своего фаворита, нередко совершал промахи, в которых упрекал последнего. Сенека не без оснований хочет оправдаться в глазах потомков, цитируя жалкие стихи знаменитейшего из любителей искусств:

Debilem facito manu,
Debilem pede coxa...
(Бессильными сделай их руки,
Бессильными ноги и чресла ...)

[103] Примечания: 1.103

Письмо CLII.

товляются небрежно, и наши ремесленники начинают так же скверно работать, как наши литераторы и живописцы.

Что представляет собой наша современная поэзия? В мелких легковесных безделушках — манерность, жеманство; в трагедиях — германское влияние. Нежная гармония угасает в стихах вместе с Фернейским старцем{98}.

Что представляют собой наши романы? Затасканные истории, фривольности, или метафизику. Впрочем, этот жанр настолько презирают, почитая чересчур легким, что в нем упражняются только жабы, обитающие в болоте на Парнасе, а между тем лишь парящие в небе орлы могли бы преуспевать на этом поприще. Французы — прямо непостижимый народ! У них на первом месте мода, мода правит всем, она выдвигает служителей искусства и создает им славу. Но приведу одно исключение; у французов есть вкус к романам, и следуя моде, все их читают, но у нас модно и презирать сочинителей, если только роман не написан в форме диалога, не

{98} Комментарии: 2.98

Фернейский старец — так называли Вольтера, проведшего последние двадцать лет жизни возле селения Фернэ, около швейцарской границы.

сведен к суткам или тридцати шести часам {99} и не разыгран членами одной из трех «Драматических академий». (Если бы комедианты услыхали, как я их величаю, то они, вероятно, приняли бы, не прочитав, и сыграли бы первую же принесенную мною пьесу, будь она столь же скверной, как лирические драмы*** и комедии***.) Но не будем толковать о том, каким должен быть этот жанр, посмотрим, каков он в действительности. Сколь же низок уровень романов, если два твоих небольших произведения, которые я разнес в пух и в прах, были лучшими из всех, что появлялись за последние двадцать лет!

А как обходятся с историей? Ее свели к анекдотам, и кем же они собраны? После изобретения алгебры мужи науки стали изъясняться на некоем отвратительном варварском наречии, непонятном для огромного большинства людей; поэтому от них все и отвертываются.

Что такое живопись? Если отбросить яркий колорит, то наши картины окажутся заурядными эстампами — ни вдохновения, ни правдивости,

---

{99} Комментарии: 2.99

... если только роман не написан в форме диалога, не сведен к суткам или тридцати шести часам... — т. е. если это не драматургическое произведение. Поэтика классицизма требовала, чтобы события, изображенные в пьесе, развивались в течение одних суток или, в крайнем случае, в течение тридцати шести часов.

ни рисунка. Воображение наших живописцев до крайности убого и трафаретно: все они подражают друг другу. Знаю, у нас еще есть Буше, Ванлоо, Галле {100} и некоторые другие, но я не раз наблюдал, как эти великие люди, в фартуке, под навесом расписывали стенки кареты.

Что такое наша скульптура? Ваяют лишь из гипса или из глины, словно опасаются, что их творения увидит потомство. Сравни статую Людовика XV с той, что стоит на Вандомской площади и барельефы на ее постаменте с барельефами на площади Побед.

Да! Есть где развернуться нашим архитекторам! Но взгляни на здания наши! Не отрицаю, квартиры в них прекрасно расположены, но лишь за счет прочности. Я наблюдал, как строился один дом в Париже — и как закладывали фундамент, и как настилали крышу, и с тех пор хожу по улицам великого города с опаской; постройки подпирают друг друга, это подлинные карточные домики, снаружи оштукатуренные. А между тем

{100} Комментарии: 2.100

Буше, Ванлоо, Галле. — Франсуа Буше (1703—1770) писал картины на пасторальные и мифологические сюжеты; произведения Жана-Батиста Ванлоо (1684—1745) и его брата Карля Ванлоо (1705—1765) отличаются совершенством колорита и композиции; Клод Галле (Hallé, 1652—1736) писал картины на религиозные сюжеты, а также жанровые сцены. Отец и сын Клода Галле тоже известные живописцы.

утверждают, будто мы мастера строить жилые дома и даже превосходим древних. Что же сказать о постройках другого рода, в которых мы бесспорно им уступаем? Что представляют собою наши зрительные залы? Я убежден, что если бы сгорело здание Оперы (что было бы неудивительно) и пришлось бы построить новый зрительный зал, — то вновь проявилось бы варварское безвкусие; вся Франция ожидала бы некий шедевр; вспоминали бы театр в Неаполе, надеясь узреть нечто лучшее, ибо всегда легче что-либо усовершенствовать, нежели создать новое. Но нет, конечно, вновь предпочли бы изящные формы зала для игры в мяч. Наши строители походят на грамматиков-этимологов, которые сохраняют замысловатую орфографию тех или иных слов, дабы выявить их основу. Основой для наших зрительных залов является зал для игры в мяч; следовательно, надо, чтобы каждый зрительный зал более или менее уподоблялся по форме сараю и залу для игры в мяч. Что же, это весьма резонно! Другие наши общественные здания или имеют жалкий вид, или это какие-то бонбоньерки, или в них не соблюдены пропорции, а всё в целом — уныло, бесталанно, беспомощно.

Ну, а увеселительные искусства, например та-

нец? Сущее убожество! Так оно и будет, доколе все будет здесь сводиться к примитивным приемам. Что вытворяют наши танцовщики из Оперы? Они семенят ногами или выделывают пируэты. Я предпочитаю прыгунов Николе{101}, — меня поражают их фортели и его представления по крайней мере единственные в своем роде. Нельзя отказать в таланте танцорам из Оперы — Добервалю и мадемуазель Алар, Вестрису и мадемуазель Гимар. Но у них увидишь лишь красивые позы, великолепные па, изящество, грацию, и немного, лишь чуточку темперамента, — одним словом лишь элементы, из которых складывается танец. Что сказал бы ты о живописце, который превосходно изображал бы то глаз, то ногу, то руку и т. д.? Ты похвалил бы эти детали, но все же попросил бы его написать фигуру целиком. Танец непременно должен что-нибудь выражать, и чепуху мелют завсегдатаи Оперы, уверяя, будто прыгают лишь для того, чтобы прыгать, как скачут бараны, — и что это и значит подражать природе! Искусства должны подражать прекрасной природе, природе разумной, они должны живописать нравы. Все

{101} Комментарии: 2.101

Николе, Жан-Батист (1710—1796) — сначала канатный плясун, потом антрепренер труппы странствующих комедиантов. Приехав в Париж, основал здесь свой театр и содержал его целых полстолетия.

пляски дикарей отражают те или иные пристрастия этих племен. Но, возразят мне, ужели танец Доберваля ничего не выражает? Согласен, он выражает французское веселье; но что выражает в своем танце Вестрис, стоя на одной ноге и медленно описывая круг другой на уровне колена? Повторяю, ему не сравниться с акробатами от Николе, и самое большее он может позабавить школяров.

Без сомнения, ты принял меня за вандала, когда я сказал, что музыка у нас в упадке. Да она только зарождается! — должно быть, воскликнул ты. И тут же привел на память Рамо и прелестные музыкальные комедии, которыми так восхищаются. Я готов признать заслуги нашего прославленного соотечественника и с радостью отмечаю, сколь богата Бургундия выдающимися людьми: Кребильон, Бюффон, Пирон, Рамо — какие имена! Академия столицы Бургундии подарила Руссо удивленной Европе; у границы Бургундии старейшина Парнаса обрел убежище, где его не оглашают еженедельно своим лаем фрероны, клеманы и пр.; порой я чувствовал в музыке Рамо нечто неуловимое, невыразимое очарование,

о коем скажу дальше. В комедиях с пением[104] встречаются прелестные арии{102}, и мы очень сильны в инструментальной музыке. Но разве наша музыка когда-нибудь оказывала на душу столь могучее воздействие, как музыка наших далеких предков? Разумеется, нет, — и я догадываюсь, почему это так. Тебе приходилось слышать бесхитростные напевы, которые ты воспринимал всеми фибрами души и сразу же запомнил, — они вызывали у тебя слезы или дарили чарующую радость? Так вот, припомни, что эти мотивы отличались простотой, выдерживались в одном темпе, и строились преимущественно на басовых нотах; у них было мало общего с музыкой наших опер, еще того менее — с итальянской музыкой, они не были похожи и на наши легкие песенки. Что же это такое? Это именно та музыка, какая процветала у наших предков. На всю жизнь запомнилась мне песенка, которую однажды вечером пела на бургундском наречии молодая

[104] Примечания: 1.104

В то время у нас были только: «Садовник и его господин», «Законник», «Маршал», «Нельзя объять необъятное», «Солдат-колдун» и др. Начиная с 1762 г. появилось немало музыкальных шедевров как в Итальянской комедии, так и в Онёре *(прим. издателя).*

{102} Комментарии: 2.102

Комедии с пением — так первоначально назывались во Франции пьесы, получившие позже название комических опер; а комическими операми в те времена назывались только пародии на оперы.

женщина из Морвана {103} во время сбора винограда:

1-й куплет. Влюбленная поручает соловью повторить ее вздохи возлюбленному, когда он будет пасти в роще свои стада.

2-й куплет. Она просит его утолить печали пастушка своей могучей и сладостной песнью. «Повторяй его вздохи, — говорит она, — и твоя чудная песнь станет еще нежнее».

3-й куплет. Она обещает соловью в награду за это защищать его гнездо, его самку и птенчиков от озорников, если те вздумают покуситься на них.

4-й куплет. «О, почему не свил ты гнезда в чудесном кусте сирени или роз, что я посадила в саду батюшки моего! Украшала бы его роза, защищали бы его шипы, укрывала бы его сирень».

5-й и последний куплет. «Хорошенький мой соловушка, ты видел бы нас всякий день, мой дружок научил бы тебя любить, а я научила бы тебя каким тебе надо

{103} Комментарии: 2.103
Морван — местность в Бургундии.

быть».

Нет возможности высказать чувства, какие пробудили во мне эти грубоватые слова, правда, выражавшие тонкие мысли, переданные напевом наивным, простым, нежным, сладостным; нет ни рулад, ни диезов, у каждого слога лишь одна нота; но напев столь гармоничен, столь мелодичен, что непосредственно говорит сердцу. Больше месяца, при пробуждении или днем в часы одиночества мне казалось, что вдалеке звучит этот пленительный напев. Такова была, думается мне, музыка у греков. Заметь, что для аккомпанемента во время пения у них не было других инструментов, кроме струнных, таких как арфа, лира, кифара, гусли и пр. Если у фиванцев звуки флейты и волынки сопровождали декламацию драматических актеров, то, строго говоря, это не был гармонический аккомпанемент в нашем вкусе, — на фоне этих звуков голос актера обретал силу и ему легче было сохранять повышенный тон. Вот тебе доказательство: речи ораторов также порой сопровождались звуками флейты с тою же целью, разница же между выступлением актера и оратора заключалась только в том, что в первом случае флейта передавала ритм стиха,

а во втором лишь слегка оттеняла окончание фразы. Но довольно о музыке.

Какую же честь принесет тебе служение искусствам, которые тебе не к лицу при теперешнем твоем положении и отвлекают тебя от насущных обязанностей — необходимых занятий юриспруденцией, — служение искусствам, которые исчезают от нас и уже не приносят славы художнику? Невзирая на свои знания, ты заразишься дурным вкусом, даже если у тебя будут и хорошие модели, ибо вкус, хороший или дурной, — всегда своего рода эпидемия, доказательство сему мы обретаем во всех науках и искусствах. При жизни ты будешь иметь лишь посредственный успех, а потомство причислит тебя к мастерам, испортившим вкус французов. После заключенных нами браков, попытайся воспринять более возвышенные идеи или же позволь мне руководить тобою, ибо я ими обладаю: тебе надлежит стать покровителем, а не искать покровительства. Что нам до того, что искусства покидают нас? Нам с тобой не удержать их; будем же спокойно взирать, как они переходят в жадную и завистливую Англию. Лишь одно может послужить нам утешением: сия страна превзойдет нас в области прекрасного и величавого, но в области изящного и причудли-

вого ей вовек не сравниться с нами, — разве это не в радость сибаритам?

Есть у меня и еще одно опасение: поскольку тобой овладевают одна за другой всевозможные прихоти, то не взбредет ли тебе на ум променять карьеру судейского на военную карьеру? Ты возлюбил славу. Бранную славу справедливо называют великой славой, но поскольку все имеет свою противоположность, то позор, столь часто постигающий человека на этом поприще, поистине великий позор. Что такое военное искусство, друг мой? Первоначально это было почетное искусство, необходимое для защиты своей свободы, супруги, детей, близких, отчизны. Впоследствии этим искусством стали заниматься грабители и преступники, нападавшие врасплох на мирных соседей, истреблявшие их, превращавшие в рабов, к вящему позору несчастного рода людского. Военное искусство породило все пороки и преступления на свете, внезапно создав чудовищное неравенство между хозяином и рабом, неравенство, лишающее последнего свободы, нравственного достоинства и всякой добродетели. Это вопиющее неравенство столь возмутило нас, европейцев, что мы предали забвению его наименование, сохранив, однако, его на деле. Ибо

известно, что хотя у нас больше нет рабов как таковых, тем не менее существует чрезвычайное неравенство, не менее пагубное для нравственности. Дело в том, что богатства принадлежат лишь одной трети людей, во власти коих оказываются остальные две трети. Честь, честность, средства к существованию — все зависит от тех, кто обладает богатством. Поэтому лишь тогда в Европе будет процветать нравственность, когда все богачи станут добродетельными. Но они далеки от этого, ибо богатые особенно подвержены страстям, вследствие излишеств в пище, вследствие праздности и т. д. Итак, наша нравственность зависит именно от наиболее порочных, наиболее необузданных и сластолюбивых! Можно ли после этого удивляться их развращенности?

Что такое война? Это ремесло, в силу которого солдат убивает или дает себя убить, не сознавая, что он делает, и не проявляя доблести, меж тем как офицер живет лагерной жизнью, старается развлекаться игрой, блистать в обществе, и предается всем удовольствиям, процветающим в развращенных городах; он пускается в безумные траты, а разорившись, выхлопатывает себе пенсию. Война — это ремесло, занимаясь которым, люди ставят под удар свою жизнь, опустошают

целые провинции, грабят имущество мирных поселян, посягают на честь бедных беззащитных девушек и все это из-за распрей между монархами, из-за интриг их министров или их фавориток. Тысячи жизней приносятся в жертву стратегами, хладнокровно измышляющими планы военных действий в полной безопасности в стенах кабинета.

Ну, что ж, Эдмон, ступай в армию и становись жертвой какой-нибудь бабенки, ступай! Что может быть унизительнее? Это значит уподобиться английским догам, которые дерутся насмерть на потеху хозяину.

«Какое же положение в жизни мы изберем?» — спросишь ты. Наше собственное, ибо мы не слепим людям глаза роскошью и мишурным блес-ком, но обладаем действительным, прочным могуществом. В силах ли ты уразуметь все прерогативы твоего нового положения?.. Что ж, я укажу тебе на них, когда миллионер или хорошенькая истица обратятся к тебе с ходатайством. При нашей теперешней позиции, милый мой, нам надлежит вращаться в обществе, приобретать друзей, завязывать полезные связи и сделаться столь значительными персонами, чтобы с нами все считались. Исключительный случай помог

нам занять настоящее почетное положение, — это был искусный ход, но несомненно, люди, игравшие в нашу пользу, будут и впредь нас поддерживать, и нам предстоит подняться еще выше, но отнюдь не опускаться. Кто знает, сколь далеко мы сможем продвинуться, выполняя мои обширные замыслы? Нас двое, мы связаны глубокой дружбой, при которой все достояние одного принадлежит и другому, и это позволит нам совершить великие деяния.

У нас две пары зорких глаз и две умные головы, ибо твоя стоит золота. У Альберони{104} была только одна голова, и все же он стал министром. Кем был он прежде? Он стоял ниже нас. Я чувствую в себе талант, не уступающий таланту этого мужа, который тем более достоин похвалы, что поднялся на вершину из самых низов.

Теперь изложу тебе план наших дальнейших действий. Во-первых, нам надлежит приумножить свое богатство: благодаря женитьбе мы располагаем вдвоем доходом в сорок тысяч ливров, надобно его удвоить, а для этого... *(Здесь издатель почел необходимым сделать значительный пропуск).* Если ты спросишь, как же

{104} Комментарии: 2.104

Альберони, Джулио (1664—1752) — испанский государственный деятель, родился в семье садовника.

относиться к подобным способам обогащения, отвечу тебе кратко: *так заведено.* Я уже давно советую тебе все происходящее у нас на глазах почитать законным — и у меня имеются на это основания. Общепринятое всегда хорошо, все, что угодно, можно оправдать, если оно вошло в обычай. «Говорят», «допускают», «думается», «возможно» — если начнем фразу с этих слов, то решительно все окажется допустимым, даже если оно запрещено законами. Посему заклейми презрением людей, которые пускаются в ламентации и вопят, обнаруживая злоупотребления. Нет ничего легче, как выступать в подобной роли, но и нет ничего глупее, — в основе этого лишь трусость и скудоумие. Посмотри на тех, кто успешно добивается своего: вот престарелый распутник, уже неспособный предаваться утехам; вот старая ханжа, которой хотелось бы, чтобы все утратили чувство красоты, как она — свои прелести; вот оборванец, не имеющий средств для удовлетворения своих страстей; вот лицемер, который тайком творит все то, что порицает во всеуслышание, и т. д.

ПИСЬМО CLXXIII

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Не получив ответ на несколько писем, посланных Эдмону, я обратился к этой даме

Сударыня, нельзя ли через Ваше посредство хоть что-нибудь узнать о нашем брате Эдмоне? Он уже давно ничего нам не пишет, а Вы всегда были так добры к нашей семье, оказывали нам столько внимания, что ежели Вы не знаете, что сейчас происходит, то кому же еще знать? Посему, любезнейшая сударыня, я не прошу Вас навести справки об Эдмоне и утешить нас в нашей печали, но попросту сообщаю Вам, что мы крепко печалимся, и я знаю, что этого будет достаточно. Мои бедные родители низко кланяются Вам; в частности, матушка не препоручает Вам свою дочку Юрсюль, которую Вы уже так облагодетельствовали, да и сейчас благодетельствуете ей, но она на коленях, со сложенными руками умоляет Вас, чтобы Вы нипочем не отпускали ее от себя. А я, сударыня, присоединяю и свою просьбу. Жена кланяется Вам, ведь это добрая душа и достойная

супруга, и я всякий день благодарю господа бога за то, что он даровал мне ее. И будь некто благоразумнее, он был бы еще счастливее меня, и его счастью радовались бы многие.

Остаюсь, и т. д.

Детки наши подрастают; мой Эдмон больно похож на своего крестного; как взгляну на него, слезы навертываются на глаза. Малышка Колетта все время лепечет про Вас, ведь Вы были так добры к ней.

ПИСЬМО CLXXIV

ОТВЕТ

Госпожа Парангон сообщает нам о женитьбе Эдмона на старухе

Любезный Пьер, Ваш брат женился в Париже. Отец д'Аррас признал совершившийся факт, ибо я сказала ему, что уже осведомлена об этом. Получив Ваше письмо, я тотчас же взялась за перо и написала Вашему брату послание, которое и переписываю для Вас.

Письмо госпожи Парангон к Эдмону

Узнав о происшедшем событии, я имею обыкновение, любезный кузен, покоряться судьбе. Но все же не могу прийти в себя от удивления, в какое поверг меня Ваш недавний поступок; полагаю, что Вы не менее меня удивитесь, узнав, что я уже о нем осведомлена. Как! Вами руководил один лишь низменный расчет? Не узнаю Вас! Но довольно упреков. Вы все же заслуживаете известного снисхождения, так как не получили моих писем. Не знаю, восхищаться ли мне особой, осведомившей меня об этом, или сетовать на нее. Хотелось бы мне ее увидеть, дабы определить, что это за женщина. Письмо ее дышит наивностью, какой мне еще не доводилось встречать; она с небывалой искренностью признается в своих переживаниях и руководствуется благородными побуждениями, — эта женщина вправе давать мне наставления.

Напишите о себе Вашим родителям, кузен, — нехорошо держать их в неизвестности. Другая сказала бы Вам об этом в более резкой форме. Поскольку Ваш поступок по существу не является преступлением, напрасно Вы скрываете его; отец, мать и старший брат, да еще такой, как Ваш,

должны узнать о Вашей женитьбе. Сестра Ваша целует Вас. Что до меня, то чувства мои к вам неизменны и это не доказывает моей слабости; ведь если бы я вдруг изменила свое отношение к Вам, то мне пришлось бы стыдиться своих прежних чувств.

Вот что я ему пишу. Я присоединяю к этим строкам письмо, полученное мною от незнакомки, и мой ответ на оное. Воздерживаюсь от всяких суждений. Прощайте, любезный Пьер. Искренне преданная Вам и Вашей семье, дорогой моему сердцу. Целую сотни раз малютку Колетту.

(Письма, о которых идет здесь речь, приводятся и в следующем послании, к которому я отсылаю читателя.)

ПИСЬМО CLXXV

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Она сообщает ей о своем обращении к госпоже Парангон и приводит ответ этой дамы

Следуя твоему совету, любезная Лора, дней десять—двенадцать назад я написала госпоже

Парангон, и по тому, как обернулось дело, вижу, что ты была права. Поскольку ты не видела моего письма, посылаю тебе черновик и прошу прочесть его прежде полученного на него ответа.

Письмо Зефиры к госпоже Парангон

Я провинилась перед Вами, сударыня; Вы не знаете в чем дело, и я могла бы не признаться в своей вине перед Вами. Но вот что Вас, без сомнения, поразит: в ту пору, когда я провинилась перед Вами, я не сознавала, что поступаю дурно. Мы таковы, какими нас сделало воспитание, и я являюсь живым доказательством этой истины. Воспитанная женщиной, лишенной нравственных устоев, я даже не подозревала, что существуют какие-то устои и нравственность; поступки, которые я теперь воспринимаю как преступления, привычки, в которых вижу нынче проявления постыдных пороков, — в то время казались мне чем-то вполне естественным. Я из всего извлекала выгоду для себя, ибо так поступала моя воспитательница. Я не владела ни своими чувствами, ни свободой действий, ни своим телом, — я была предметом своего рода торговли, и это казалось мне вполне законным: я только старалась не упустить своего и обходилась с людьми,

как они обходились со мной. Теперь я с ужасом взираю на бездну, в которой едва не погрязла навек. Оглядываясь назад, я помышляю о том, как я была оттуда спасена. Всякий раз при этой мысли я испытываю ликование и вместе с тем невольно содрогаюсь. Но моя вина, как меня уверяют, не столь велика, ибо я не ведала, что творила; к тому же человек, по праву интересующийся больше всех моим прошлым, доволен мною и даже простил мне обман, прибегнув к которому я заняла незаслуженное мною положение, посему я не слишком печалюсь о прошлом и не испытываю угрызений совести; я счастлива — вот и все. Но чем отраднее моя участь, тем чаще я думаю о том, кто первый дал мне познать блаженство: это Эдмон, это Ваш кузен, сударыня; он внушил мне пылкую любовь и тем самым направил мои стопы на честный путь. Моя душа, пребывавшая в тягостном оцепенении, внезапно встрепенулась; нежный жар любви пробудил во мне доселе неведомые чувства: я стала великодушной, эгоизма как не бывало. Из бесед с Эдмоном я почерпнула некое понятие о нравственности, меня пленила красота честного поступка. Я мало что могла сделать, но почувствовала, что способна совершить многое. Однако я все еще не понимала, что имену-

ют *долгом,* и столь глубоко было мое неведение, что, принимая решение выйти замуж, я преследовала лишь интересы Эдмона. Я посвятила ему свою жизнь, он стал для меня тем, чем раньше была особа, помыкавшая мной.

Став замужней женщиной, я оказалась в обществе почтенных людей, сперва я почитала себя равной им, но вслушиваясь в их беседу, поняла, что существуют устои чести, нравственности, благопристойности. В одной из тайных бесед с Эдмоном я обратилась к нему за советом; он оказался порядочным человеком и ничего не скрыл от меня — назвал книги, в которых я могла бы почерпнуть знания, указал мне, в каком тоне задавать вопросы пожилым, благоразумным, примерным женщинам, чтобы не уронить себя в их глазах. Итак, я приобрела познания. Темная завеса спала с моих очей; мне стало страшно самой себя. Я обратилась за советом также и к мужу, и он окончательно просветил меня. Сей достойный человек в настоящее время является моим наперсником, сударыня, он руководит мною во всем и посоветовал мне написать Вам это письмо. Ему известна моя привязанность к Эдмону, но он знает также, что я горячо желаю, чтобы Вы осчастливили человека, который дорог нам

обеим. Сударыня, еще не будучи просвещенной, я получила два Ваших письма, адресованных Эдмону, и оставила их у себя. Сейчас это приводит меня в отчаяние, и я хочу исправить свою ошибку. Напишите своему кузену, поручите моему мужу вручить ему письмо, и будьте уверены, что мы оба сделаем все на свете, чтобы соединить его с единственной женщиной, имеющей на него подлинные права. Не смущайтесь тем, что он женился на богатой старухе, — это лишь слабое препятствие, и сама природа его вскоре устранит... Но, получив Эдмона из моих рук, не питайте ко мне ревности, если он сохранит воспоминания обо мне. Кончаю, надеясь, что Вы удостоите меня ответом, и т. д.

Ответ госпожи Парангон

Прежде чем Вам ответить, сударыня, я спросила отца д'Арраса, при каких обстоятельствах был заключен брак, о котором Вы лишь бегло упоминаете. Он дал мне исчерпывающие сведения, но ни слова не сказал о том, что есть на свете такие особы, как Вы, сударыня. Многократно перечитывала я Ваше письмо, и все вновь и вновь поражалась. Итак, я отвечаю Вам, ничего не утаивая, поскольку Вы обратились ко

мне по совету Вашего супруга. Я готова была бы принять кузена из ваших рук и на Ваших условиях, будь в Вашей власти мне его передать. Но разве не очевидно, что препятствие, которое Вы почитаете пустячным и скоропроходящим, по существу непреодолимо? Не говоря уже о том, что неизвестно, долго ли оно продлится, для меня ужасна самая мысль, что придется ждать смерти этой женщины... Нет, дозвольте мне выбросить эту мысль из головы. При всем том, не думайте, сударыня, что я отказываюсь от Вашей любезной помощи, Вы предлагаете ее с такой очаровательной непосредственностью, с такой подкупающей искренностью, что я не могу не испытывать благодарности. Я горячо желаю быть Вам обязанной счастьем моего кузена. Наблюдайте за его поступками, сударыня, и благоволите уведомлять меня о них, дабы общими силами мы смогли содействовать его благополучию. Примите, сударыня, уверение в глубоком уважении, вполне Вами заслуженном, и т. д.

После этого, друг мой, потщимся сообща наблюдать за Эдмоном. Надо постараться завладеть им и отнять его у Годэ. Я охотно верю, что этот человек его искренний друг, однако он крайне опасен. Меня особенно поражает то, что он беспринци-

пен принципиально: он выработал себе систему безнравственного поведения, которая, по моим теперешним понятиям, прямо-таки чудовищна, но представляет собой некое гармоническое целое. Любезная Лора, откажись от мысли отомстить этому человеку; месть обернется против тебя самой.

Меня огорчает, что ты видишься с Обскурофилой. Такого рода особы для других женщин то же, что Годэ для Эдмона. Сохраняй уважение к себе; мстя другому, ты роняешь свое достоинство. Прощай! Господин Трисмегист не любит завтракать один и не надо заставлять его ждать.

ПИСЬМО CLXXVI

1 января 1761

ОТ ТОЙ ЖЕ К ТОЙ ЖЕ

Она сообщает, что Эдмон и Годэ заняли пост в ...

Боже мой! Тревога моя все возрастает, и я возвращаюсь к поведению Годэ! Оно приводит меня в ужас! Господин Трисмегист сообщил мне, что

Годэ обеспечил Эдмону важный пост в... и сам занял такой же... На месте ли они там?

Лора, любезная моя Лора, переезжай жить ко мне. Повторяю: откажись от мысли о мщении, это только унизит тебя. Главное, больше не встречайся с Обскурофилой! Она превратит тебя в такую же, как она сама. А у нас твоя жизнь будет не лишена приятности. Я никогда бы не поверила и, конечно, трудно себе представить, что молодая женщина может быть счастлива со стариком. А между тем, я поистине счастлива, и если господин Трисмегист сделал меня счастливой, — меня, меня! — то посуди сама, сколь счастлива была бы с ним порядочная женщина! Женщина, которой не приходилось бы искоренять в себе дурные привычки, чьим сердцем не владел бы другой!.. Ты знаешь, что за человек мой муж. Это старик чистоплотный, еще бодрый, приятного нрава; он никогда не повторяет своих слов, если они внимательно выслушаны; он нежен, любезен, предупредителен и отнюдь не докучлив, как и подобает быть в его возрасте; он постоянно заботится обо мне; в мое отсутствие он только и думает о том, чтобы доставить мне удовольствие, обеспечить мне удобства, он предвосхищает все мои желания, старается угадать их

по случайно оброненным мною словам; в моем присутствии он держится непринужденно, без всякой аффектации, отклоняя вполне заслуженную благодарность. Так, думается мне, и должен поступать всякий благоразумный старик, женившийся на молодой особе, если она пойдет к нему навстречу. Много ли надо старику? Ласка, знак внимания, приветливое слово, нежный тон — и он уже на верху блаженства. Ужели это так трудно? Посему ты обретешь у нас только приятности и никогда не будешь свидетельницей семейных сцен. Ты будешь участвовать в моих развлечениях, они весьма разнообразны: для господина Трисмегиста великая радость доставить мне удовольствие. Когда он убедится, как я тебя люблю, ты сразу же станешь ему дорога. Ах, друг мой, какую отраду испытываешь при мысли о том, что даришь счастье другому!.. И ты знаешь, как дорог мне Эдмон: лишь бы он здравствовал, лишь бы он был доволен своей жизнью, и я буду счастлива.

Но этот Годэ! Если он искренний его друг, то весьма печально, что он недобродетелен! Он мог бы стать для Эдмона ангелом-хранителем!.. Если же он только прикидывается другом, то какое же преступление должен был совершить сей

Злосчастный, чтобы заслужить столь жестокую кару — стать жертвой обмана? Прощай, любезная Лора. С тех пор, как я написала письмо госпоже Парангон, на душе у меня спокойнее.

ПИСЬМО CLXXVII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Наконец он пишет мне и рассказывает о своих делах

Прости мое чересчур затянувшееся молчание, любезный старшой, но я не хотел тебе писать, доколе мои дела не примут счастливый оборот, как это случилось ныне. Я возведен в звание адвоката: этот предварительный шаг был необходим, дабы занять пост...

> *(Для читающего достаточно будет знать, что это был пост в высшей магистратуре. Мы умалчиваем кое о каких обстоятельствах, о которых никто не догадается, ибо мы постарались все это тщательно скрыть.)*

Вдобавок, надобно держаться на высоте своего

ранга, — и мне это удается, любезный старшой. Ты одобришь мое поведение. Я поступал не как какой-нибудь вертопрах, как юнец, помышляющий лишь о чувственных утехах, но как умудренный жизнью старец; так поступил бы и ты: я избрал себе в спутницы почтенную даму, которой имел счастье понравиться; ей около семидесяти пяти лет. Как видишь, любезный старшой, нравственные правила, усвоенные в юности, рано или поздно приносят свои плоды, и в человеке всегда сказывается полученное им воспитание. У моей почтенной супруги лишь одна внучка от покойного сына (а, может быть, это *его* внучка) — ей около тридцати; мой друг женился на этой барышне, и благодаря этому двойному союзу мы с ним стали обладателями всего состояния весьма богатой семьи, имеющей отношение к магистратуре. Надеюсь, наши родители одобрят мой брак и не откажут мне в своем благословении. Моя жена тоже испрашивает у них этой милости, и хочет собственноручно написать им следующие строки:

«Любезный папа и любезная мама! Я родилась в 1687 году и, следовательно, многое видела на своем веку, но, поверьте, со дня моего рождения я никогда не наслаждалась жизнью так, как с

вашим драгоценным сыном. Он столь кроток, обходителен, любезен... по чести я без ума от него. Благодаря ему, я подобно раку, пячусь назад, и молодею вместо того, чтобы стареть. Прощайте, папа и мама! Рука моя немного дрожит, но это от радости, ибо ею водит рука моего душки. Целую моих братьев и сестер, племянников и племянниц».

Видишь, любезный старшой, как она расположена ко мне. Пиши мне со следующей же почтой. Пользуйся моим кредитом как для себя, так и для наших родителей и знакомых. Остаюсь, и т. д.

P. S. Как поживают малютки, столь дорогие моему сердцу?

Мой адрес: господину Р*** де Л. Б., квартал Лувра, улица Демисен, собственный дом.

ПИСЬМО CLXXVIII

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Игривый тон и весь дух этого письма показывают, как ловко Годэ управлял Эдмоном

Ну, что, любезный мой прапрадедушка, как твои загородные увеселения? Доволен ли ты

мной? Я удерживаю здесь старуху и мою уродину, а тебя отправил, как будто против воли, в прелестный уголок и с кем? С четырьмя очаровательными женщинами! А сам мужественно составляю компанию представительнице прошлого столетия, ее дочери и другим археологическим древностям, которым место в коллекции графа де Келюса {105}.

Невзирая на это, держу пари, что я счастливее тебя! Ты не умеешь наслаждаться жизнью, а я во всем нахожу забавную сторону. Например, вчера я не без удовольствия производил изыскания в области любовных интриг доброго старого времени Людовика XIV: я сделал занятные открытия в живой летописи; почтенная женщина в раннем возрасте находилась при особе герцогини Фонтанж{106}. Она преподнесла мне удивительные факты и я получил подтверждение стиху Овидия, в котором идет речь о старухах: iste serendus

{105} Комментарии: 2.105

Граф де Келюс, Анн-Клод-Филипп де Тюбьер (1692—1765) — французский археолог, академик. Руководил раскопками в Азии и привез оттуда много ценного материала.

{106} Комментарии: 2.106

Герцогиня де Фонтанж, Мари-Анжелик (1661—1681) — фаворитка Людовика XIV.

ager[105]{107}. Здесь было бы уместно пародировать письмо твоей Зефиры[106], которое я недавно нашел у моей Лоры, и воскликнуть: «Ах, друг мой, сколь отрадно вызывать благодарность доброй старушки, всеми покинутой, и...»

(Продолжение этой пародии мы опускаем). По чести, порой я испытываю влечение даже к моей жене и после нашей свадьбы раза два-три готов был ее поцеловать, не будь желтого клыка, торчащего у нее изо рта, и здоровенной бородавки на носу, смахивающей на рог носорога.

Потолкуй немного с Лорой, покамест она с тобой за городом. Удивительно, что она принимает всерьез разыгрываемый нами фарс. Впрочем, при таких условиях развязка еще более обрадует ее.

А теперь согласись, милый мой, что нынешнее твое положение куда лучше положения актера, сочинителя или художника. Тебя встречают с почтением, наслаждения следуют за тобой по пятам, дружба оказывает тебе всевозможные

---

[105] Примечания: 1.105

Это поле тоже должно быть возделано* *(лат.).*

{107} Комментарии: 2.107

... должно быть возделано — цитата из «Искусства любви» Овидия (кн. II, ст. 668).

[106] Примечания: 1.106

См. письмо CLXXVI.

услуги: если твои теперешние спутницы тебе надоели, скажи только слово, и я пришлю *других*.

Мне думается, письмо, которое я посоветовал тебе написать брату, произвело чудесное впечатление! Твои добряки, верно, очарованы стилем и дрожащим почерком моей прапрабабушки; после твоего отъезда я внушил ей, что она сама написала нелепые строки, которые я подсказал ей, и которые она даже не перечитала! Правда, она кается, что написала их после того, как за ужином хлебнула не в меру шампанского, и очень смущена этим. Я решил за ней приударить, я уже убедил ее, что она куда лучше своей внучки (а, может быть, так оно и есть). Таким путем, я отведаю вкус сушеных фруктов, подобно тому, как в свое время отведал зеленых плодов; думается, обе эти крайности не так уж соблазнительны. Но надлежит вкусить всего на свете.

Нынче должна прибыть почта из Бургундии; я не запечатаю этого письма, доколе не узнаю, пришел ли ответ от твоего брата и всецело ли подтвердились мои предположения; ибо кое в чем я вполне уверен...

Ей-ей я не ошибся, рассчитывая на успех! Я мог бы сам написать за них ответ. Прощай! И больше доверяй мне; главное — следуй моим

советам в отношениях со своей драгоценной ханжой, госпожою Парангон, ибо я опасаюсь ее с тех пор, как д'Аррас имел глупость отослать ей письма, не посоветовавшись со мной. Неужто с нее недостаточно, что мы оставляем ей Юрсюль, чья заштопанная добродетель и подновленные прелести дают ей повод к пространным мизантропическим рассуждениям! Но на твоем месте, черт побери, я не доверял бы никому, кроме твоего друга, на все готового Годэ.

ПИСЬМО CLXXIX

ОТ ПЬЕРРО К ЭДМОНУ

По поводу двух несправедливостей. Я приношу жалобу Эдмону с предосудительной самонадеянностью

Мы были в горести, когда получили твое письмо, любезный Эдмон! Но теперь все слава богу! Ведь я не допускаю, чтобы добрая и богатая дама, на которой ты женился, пошла бы за тебя, не уверившись в тебе; и надобно было, чтобы произошло нечто славное и необычайное, чтобы заткнуть рты всем, кто говорил здесь о тебе дур-

ное, — ведь мы стали посмешищем для наших сельчан, отец и мать со стыда опускали глаза и у них сердца прямо разрывались. Но теперь мы ходим с высоко поднятой головой. Вот я и решил воспользоваться твоим предложением и, как говорится в таких случаях, предлагаю на твое рассмотрение дело кузена Жако Бужа, которого обвиняют в подложной подписи. Вот как было дело. Должны были назначить прокурора в нашу округу, и надобно было подписать какую-то бумагу только для проформы вместо письмоводителя. Судья и податной инспектор велели Жако расписаться чужим именем, нужным для них, а он был еще совсем молокосос, было ему всего восемнадцать годков. И судья и податный инспектор оба померли, и на их место вступили другие. И вот враги Жако, чтобы его погубить, откопали бумагу с подложной подписью, а ты сам знаешь, в нашем сельском суде это дело примет дурной оборот; ведь если заплатить, так сойдет с рук нивесть что, а если нет, то раздуют из мухи слона.

Итак, поручаю тебе нашего родича: был он неопытный юнец, та бумажонка никому не во вред, жаль, не сожгли ее, на беду сохранилась она у секретаря.

Но хватит об этом, дружок. Перехожу к друго-

му делу. Наши братья Жорже и Бертран только что понесли тяжелую потерю. Один из городских богачей отнял по суду у них лучший ихний виноградник, — он выиграл дело благодаря протекции, а братья не решаются обжаловать дело в Париже, — боятся, как бы им не разориться вконец на судебные издержки. Дядюшка Сервинье помер с горя, — уж очень было ему дорого это наследье, и он обрабатывал его с любовью. У нас говорят, что право было на его стороне, только в купчей крепости что-то было упущено, к этому и прицепились и оттягали у него виноградник. Если ты можешь чем-нибудь помочь, то постарайся для нас, мы уж так на тебя надеемся.

Подумай только, советник снова стал интересоваться Юрсюль! Правда, он не все знает. Но ведь теперь и ты чиновник... нельзя ли как-нибудь уладить дело с замужеством нашей сестры? По-мне, не худо бы, а? Напиши-ка ей об этом, она наверняка послушает тебя.

Еще одно дельце. Тут у нас ребятишки, двоих я взял к себе в тяжелый час, а третью мне препоручили, чтобы я воспитал ее с ними. Они растут как все равно тополя, и один другого пригожее. Ты знаешь меня и не подумаешь, что я хочу от них избавиться. Но ты спрашивал меня об них и,

думается мне, сейчас самая пора что-нибудь сделать для них. Мальчугану скоро десять, девчушке — восемь, а милой чужой малютке пять годков. Прощай, любезный Эдмон. Батюшка и матушка и все семейные просят засвидетельствовать свое почтение твоей супруге и низко ей кланяются.

ПИСЬМО CLXXX

ОТВЕТ

Прочитав это письмо, я преисполнился тщеславием и господь покарал меня за это

Когда ты получишь это письмо, любезный старшой, виноградник, отнятый у наших братьев, будет уже им возвращен. Этим ты обязан не мне; у меня есть друг, который исправляет должность... и он проявил больше рвения, чем я. Богача вызвали сюда, разбранили на чем свет стоит, его купчую крепость рассмотрели, сравнили с предыдущей, признали недействительной и сожгли; он подписал отказ. Пусть себе почувствуют эти зарвавшиеся провинциалы, с кем они имеют дело и что нам доступно... К тому же посылаю нашим братьям тысячу экю, чтобы возместить их

убытки, а тебе, друг мой, пенсию на троих детей, на всех троих, это лично мой долг и я почитаю его священным. Имей также в виду, что я возьму к себе всех троих; я говорил о них жене, и она горит желанием иметь их возле себя; она хочет их усыновить и будет их любить как своих кровных.

Друг мой, любезный старшой, обращаюсь к тебе с просьбой, не объясняя тебе, чем она вызвана: я надеюсь, что ты, по искренней дружбе ко мне, пришлешь мне всех троих; я непременно хочу иметь у себя пятилетнюю малютку. Никому не говори о моей просьбе, а не то возникнут неприятности. Это дитя весьма дорого моему сердцу. Тем более, что долгое время я думал, что мать навсегда ее потеряла; это заблуждение было вызвано одним двусмысленным выражением, и не нашли нужным меня разубедить. Слава богу! Ее поручили моей любезной сестре, твоей супруге, и час, когда я узнал об этом от отца д'Арраса, был счастливейшим часом моей жизни. Не замедли прислать мне всех троих, и прежде всего эту последнюю, — прислать как можно скорей. Жена имеет некое намерение в отношении их, и я горячо желаю, чтобы оно осуществилось.

Что до нашего кузена Жако, — то скажи ему: пусть он будет благонадежен, я беру его под свое

покровительство. Напишу нашим судьям, что если они дерзнут дать ход этому делу, то я покажу им где раки зимуют. Прощай, любезный старшой. В моем новом положении мне отраднее всего, что я могу вам послужить и добиться, чтобы вам оказывали уважение люди, прежде презиравшие вас. Мой поклон уважаемым батюшке и матушке. Жена моя кланяется им.

ПИСЬМО CLXXXI

ОТ ЛОРЫ К ЗЕФИРЕ

Преступное поведение Годэ

Надобно признать, что к нам привалило такое счастье, какого я не ожидала; покамест все идет хорошо; а между тем я не спокойна. У меня роскошная квартира и в квартале Парижа, где я живу, у меня репутация и положение, какие я утратила в другом; но я страшусь катастрофы! Когда наше счастье и безопасность зависят от смерти двух человек, то их никак не назовешь прочными! Старуха больна. Господин Годэ подверг ее лечению удовольствиями, дабы избавить от нее Эдмона, который из них самый нетерпели-

вый; зато молодая особа здорова, и мой предатель говорит, что весьма этому рад: он уверяет меня, будто легкие укусы опасностей и тревог не дают любви задремать, и от этого мы с ним только счастливее. Но мне это не по вкусу.

Меня чрезвычайно удивило, что Эдмон велел привезти сюда троих детей — сына той первой женщины, воспитанного под покровом тайны, девочку, которой я весьма интересуюсь по известным причинам, о коих, быть может, тебе когда-нибудь поведаю, и еще малютку, которой я не знаю; это прелестное существо, без сомнения, дитя любви, — до того она хороша и такой у нее плутоватый и лукавый вид. Старуха без ума от этой девочки, которая младше всех; между тем она обеспечила ее не больше других; тебе, должно быть, известно, что господин Годэ добился, чтобы старуха в своем завещании отказала этим детям все, что у нее осталось от состояния, завещанного ее мужу. Госпожа де Сарра (имя де Сарра принял мой изменник после своего возвышения) содействовала этому, и, в свою очередь, сделала подобного же рода завещание. Я могу это только одобрить.

Теперь скажу тебе кое-что по поводу нашего вчерашнего разговора по душам. Твоя беремен-

ность не удивляет меня, хотя она и кажется тебе неким дивом, принимая во внимание твой прежний образ жизни. Голубушка моя, обращаясь к твоему прошлому, можно сказать, что она является сомнительным доказательством сомнительной добродетели. Но все же признаюсь, она меня огорчает. Если ты забеременела за какую-нибудь неделю до свадьбы, то надлежит об этом молчать, и пусть себе порадуется господин Трисмегист. Если же ты забеременела значительно раньше, то придется воззвать к его милосердию. И хотя тебе и претит ложь, я горячо желаю, чтобы тебе в данном случае пришлось к ней прибегнуть. Серьезно поразмысли над этим, и прежде, чем делать какой-либо шаг, посоветуйся со мной.

Все это невеселые предметы. Дабы тебя позабавлечь, поделюсь с тобою только что выслушанным мною рассказом, героем которого является господин Годэ; это довольно забавное приключение, хотя и не совсем для него приятное.

Не столь давно он подарил кольцо с брильянтом Обскурофиле (с которой, кстати, я поругалась) при обстоятельствах, которые ты легко можешь себе представить. Дней восемь—десять назад он навестил маленькую танцовщицу и был ею благосклонно принят. На пальце у него красовалось

взятое на время кольцо с великолепным брильянтом, превосходившим величиной и блеском подаренный ей, и он умышленно выставлял его напоказ. Разумеется, Обскурофиле захотелось его получить, и решено было обменяться кольцами. Схватив ее кольцо, господин Годэ не дал ей взамен своего и проговорил сквозь смех: — Ну что ж, если б я вздумал тебя надуть, мне ничего бы не стоило это сделать! Ты хочешь получить великолепное кольцо с фальшивым камнем взамен кольца с настоящим брильянтом. Но нет, душенька, я чересчур честен, чтобы пускаться в такие проделки. Возьми назад свой брильянт, я не хочу лишать тебя вещицы, которую подарил тебе и которая тебе по вкусу. — Тут он вытащил из кармана кольцо с фальшивым брильянтом, совершенное подобие взятого у ней, и надел его на палец одураченной танцовщице. Внушив ей полное доверие, ловкий штукарь ускользнул. Но этого показалось ему мало, и, возвратившись домой, он написал анонимное письмо малютке Ариане, приятельнице, сопернице и завистнице Обскурофилы, сообщив ей, какую он сыграл штуку; он упомянул и о том, что побудило его так поступить, и о пяти ухаживателях, которых она одновременно ублажает. Ты, конечно, догадыва-

ешься, что при первой же встрече с Обскурофилой Ариапа не преминула рассмотреть брильянт и заявить, что он фальшивый. Обскурофила стала это отрицать и они побились об заклад. Вызвали Теньера, который установил, что брильянт фальшивый. Осмеянная, одураченная и униженная Обскурофила занемогла, и не в состоянии была танцевать в этот вечер. Но говорят, что когда она уходила из театра, у нее вырвалось: «Я отомстила прохвосту!». Эти слова проливают свет на некоторые загадочные выражения господина Годэ и на его обращение со мной после нашего полупримирения. Нынче ночью он сказал мне про старуху: — Увы, это я наградил ее болезнью.

Прощай, любезная моя. Твоя Заира торопит меня кончать письмо.. Ничего не предпринимай без моего совета.

ПИСЬМО CLXXXII

ОТ ГОДЭ К ЭДМОНУ

Он признается, что был болен и болезнь дала ему повод совершить злодеяние

Тебе сказали правду, но, по чести, это меня не

слишком огорчает. Честно говорю, я не сделал бы этого умышленно, но раз уж так вышло, постараемся извлечь из этого пользу... Ей и в голову не приходит, чем вызвано ее недомогание. Сам я уже почти закончил лечение; благодаря господину де Пр ***, я с этим разделался, да я и не слишком пострадал. Но Обскурофила!.. Клянусь, она ответит мне за это!.. Уезжай немедленно: опасность возрастает. Прощай.

ПИСЬМО CLXXXIII

1762 г.

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Как ведет себя Зефира с мужем при весьма щекотливых обстоятельствах

Болезнь старухи и полученные тобою предостережения не позволили тебе, любезная Лора, быть возле меня в часы, когда ты была мне особенно нужна. Заира обо всем тебе расскажет. Я родила уже неделю назад, а чувствую себя сносно лишь последние два дня. Пишу тебе весьма конфиденциально. Семья моего мужа считает, что я родила

на седьмом месяце. Что до меня, я исполнила свой долг, — правда, с опозданием. Когда господин Трисмегист подошел к моему ложу — посмотреть на дитя, я взяла его руку и сжала ее в своих руках. Мы были одни. — Мне надо кое-что сказать вам, — проговорила я, — и опять просить у вас снисхождения. — Я понимаю вас, — ответил он. — Не тревожьтесь, я вижу в ребенке лишь ваши черты; это ваша кровь, я буду считать его своим. С тех пор, как вы стали моею, вы загладили все прошлое... В одном только упрекну вас, — что вы так долго скрывали свое положение и могли себе повредить этим... Любезная женушка, пусть впредь у нас все будет общее — мысли, желания, планы, имущество. Со временем я объяснюсь подробнее, а пока — вот мой наследник. Я хочу назвать его Зефир-Эдмон-Жозеф, дабы в его имени соединились имена всех нас.

Прощай, любезная Лора. Скажи словечко обо всем этом тому, кого касается сия новость.

ПИСЬМО CLXXXIV

ОТВЕТ

Смерть старухи

Нынче утром старуха умерла. Если, как ты мне неоднократно говорила, для душевного спокойствия твоего мужа и для тебя самой, необходим брак Эдмона с известной тебе дамой, то напиши сама этой даме. Сейчас представляется как нельзя более благоприятный случай оторвать его, наконец, от Годэ. Господин Годэ принимает все меры, дабы придать законную силу завещанию, в котором упомянут лишь он и Эдмон, ибо госпожа де Сарра, естественно, является единственной наследницей. Посему нашим покамест еще не грозят неприятности, коих я опасаюсь со стороны косвенных наследников, ведь они уже не раз грозились предъявить свои права. Однако это благополучие не может долго продолжаться! Особа, на которой оно зиждится, нездорова и при ее образе жизни болезнь только усиливается. Прощай, дорогая. Должна сказать тебе, что Обскурофила на днях заглянула ко мне. Она вне себя от ярости — так насолил ей господин Годэ, и рассчитывает ему отплатить.

ПИСЬМО CLXXXV

От того же числа, что и предыдущие

ОТ ЗЕФИРЫ К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Она уговаривает ее приехать и завладеть Эдмоном

Сударыня! Я знаю, что особам моего пола не пристало первым предпринимать известные шаги, но речь идет о больном, о человеке духовно порабощенном, — надо его исцелить, вырвать его из сетей соблазна, не дать ему ускользнуть от нас, или вернее, ускользнуть от самого себя. Эдмон свободен. Этим все сказано. Я дерзаю затребовать вас сюда, вы одна сможете воздействовать на него. Приезжайте же, сударыня, повидать не только человека, дорогого нам обеим, но и женщину, которая почитает вас, и ежели внушит вам добрые чувства, то обретет и уважение к самой себе.

Имею честь, и т. д.

Господин Трисмегист просит меня передать Вам уверение в его глубоком почтении.

ПИСЬМО CLXXXVI

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ГОСПОЖЕ ЛУАЗО

Она мечтает о счастливой участи

Вот я снова в Париже, любезные друзья мои. Надеюсь, что в недалеком будущем придет конец всем моим горестям. Эдмон свободен; мы уже виделись с ним, и я убедилась, что он питает желанные мне чувства... Бедная моя Тьенетта! Сколько раз терпели мы кораблекрушение, прежде чем достигнуть гавани! Впрочем, такова неотвратимая судьба всякой незаконной страсти!.. Но ныне, думается мне, небесное правосудие удовлетворено: мой кузен в корне изменился, мне кажется, он стал таким, каким ты его увидела, когда он прибыл в О***. Мне внушает беспокойство лишь господин Годэ! Не стану распространяться о поведении этого человека. С сегодняшнего утра он вдовец. Быть может, он отдаст должное Лоре и спасет ее от гибели, у нее ведь очень дурные знакомства. Я не причисляю к ним госпожу Трисмегист, ту самую, которая сообщила мне обо всем происходящем и посоветовала, когда мне

выезжать. Это превосходная женщина, вернее, просто чудо. Надеюсь познакомить вас с нею, вы будете мне за это признательны. Юрсюль осталась в О***. Боже мой! Когда я думаю об Юрсюль и представляю себе, чем она была раньше и что стало с ней впоследствии, и вижу, какую жизнь она ведет теперь, я думаю: уж не было ли сном все приключившееся с ней?

Прощайте, мои любезные друзья. Вы скоро получите от меня известия, без сомнения, еще более обстоятельные и приятные.

ПИСЬМО CLXXXVII

ОТ ЛОРЫ К ЗАИРЕ

Зефира ранена Эдмоном

Заира, наблюдай за господином Трисмегистом и не допусти, чтобы он явился сюда! Друг мой! Чудовищная сцена! Твоя хозяйка опасно ранена... Будь начеку! Я отблагодарю тебя. Прощай, дочь моя.

Конец шестой части

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПИСЬМО CLXXXVIII

ОТ ЛОРЫ К ЮРСЮЛИ

Она сообщает ей о катастрофе, которая окончательно погубила Эдмона

Кузина! Имею вам сообщить самую горестную новость. Госпожа де Сарра умерла. Не успели ее похоронить, как появились двое родственников по боковой линии в сопровождении комиссара, урядника и стражников. Они набросились на господина Годэ и надели ему наручники. Одновременно Эдмон был схвачен двумя солдатами; они крепко держали его, предварительно не связав. Первый обвиняется в том, что отделался от госпожи де Сарра, прибегнув к яду, а второго подозревают, что он об этом знал. Их должны были отвезти в тюрьму. В этот момент вошла Зефира (дама, о которой вы, вероятно, слышали) с госпожой Парангон. Первая замерла на месте, а вторая не могла сдержать слез.

— Что он сделал? В чем его вина? — воскликнула Зефира, бросаясь к вашему брату. Ей вежливо ответили, что его подозревают... — Подозревают! Его! В таком черном злодеянии! Не может этого быть! Ведь я люблю его и питаю невыразимое отвращение к преступлениям и ко всякой гнусности. Он невиновен! Готова взять его на поруки и отвечаю за него головой!

Ей возразили, что по законам, существующим во Франции, уголовных преступников не дают на поруки. Невозможно описать возбуждение, охватившее Зефиру. Увидав, что их собираются увести, она бросилась к дверям, пытаясь помешать этому. Госпожа Парангон испустила глубокий вздох и упала в обморок; мы с Зефирой стали оказывать ей помощь. Видя, что она умирает, Эдмон, который до сих пор молчал, но чье лицо выражало мрачный ужас, оттолкнул державших его стражников и, вырвавшись от них, устремился к своей кузине. Пять или шесть человек набросились на него. Он уподобился разъяренному льву. — Чудовища! — завопил он, — подлецы и мерзавцы! Вы не позволяете мне ей помочь! Пусть грянут с неба громы и молнии! Они не спасут вас от моей ярости! — Он схватил штык и в мгновение ока заколол троих. До этой

минуты господин Годэ сохранял благоразумие и с величайшим хладнокровием весьма умно отвечал на все вопросы, но тут он потерял голову; то ли он имел основания страшиться суровых взоров правосудия, то ли Небу наскучили его преступления... но когда стражники бросили его, устремившись на Эдмона, он напал на них сзади, обезоружил одного из них, и не успели они опомниться, как он поверг наземь четверых стражников, урядника и комиссара. Ни у кого не вырвалось ни звука, лишь перепуганный комиссар хотел было позвать на помощь, — но Годэ поволок его, истекающего кровью, в кабинет, где и запер. Ужасно было видеть содрогания умирающих, слышать сдавленные яростные крики Эдмона, возгласы исступленного Годэ: «Умри, негодяй!» и душераздирающие вопли Зефиры, которая тщилась остановить Эдмона и его сообщника, ускользая от ударов кинжалов и спотыкаясь о трупы. В эту минуту пришла в чувство госпожа Парангон. Узрев окровавленного Эдмона, она из последних сил ринулась к нему и упала у его ног. Злосчастный хотел ее поднять и, чувствуя, что его удерживают, не оборачиваясь, ударил кинжалом, сам не видя кого. То была Зефира... — Спасайся, — бросил ему Годэ, испуган-

ный этим ударом, — ты еще можешь жить. Что до меня, то моя карьера окончена. — Комната была завалена телами, и дверь не удавалось отворить ни до смерти перепуганным наследникам, ни другим свидетелям этой чудовищной сцены. Но Годэ быстро проложил путь к двери, вытолкнул наружу своего друга и запер за ним. Тут двое виновников этого бедствия принялись вопить от ужаса. — Негодяи! — в бешенстве крикнул Годэ, — вам не воспользоваться плодами своего преступления, несчастьем моего друга и моей гибелью, — умрите же! — и он заколол их. Судите сами, кузина, в каком состоянии находились три женщины, одна из которых умирала от раны, другая — от скорби, а третья оказывала им помощь! — Я удовлетворен, — продолжал разъяренный Годэ. — Теперь я готов к смерти. — Тут он вышел и, сразив часового, схватившего Эдмона, дал своему другу возможность убежать.

Но вот появились два новых отряда стражников с другим комиссаром. Годэ вошел в дом и стал спокойно их поджидать; едва они появились, он нанес себе удар кинжалом и упал у их ног. Когда нас начали допрашивать, некоторые из смертельно раненных, еще дышавшие, указали на Годэ как на виновника этой бойни. Я попро-

сила разрешения пойти за врачом для оказания помощи моей подруге, и уже выходила, когда появилось несколько лекарей, в том числе личный врач господина Трисмегиста, чему я весьма обрадовалась. Он занялся только Зефирой, и наше знакомство с ним внушило комиссару к нам доверие; лекарь признал рану Зефиры смертельной. Однако теперь она снова обрела дар речи. Я умышленно сказала ей, ничего не зная об Эдмоне, что он в безопасности. Она слегка улыбнулась и промолвила слабеющим голосом: — Дорогой... это последнее твое благодеяние! — Мне послышался в ее словах упрек, и я указала ей, что надлежит ему простить. Она не ответила мне, но поцеловала портрет своего убийцы, который висит у госпожи Парангон на браслете. Она обратилась к этой даме: — Дорогая моя, его несчастье... мой сын. Не оставьте его в беде, а также моего сына... — Госпожа Парангон онемела, слезы у нее иссякли, доказывая безмерное отчаяние; она подняла очи к небу, и ее скорбный взор растерзал мне сердце.

Между тем осматривали раненых. Господину Годэ, как и прочим, оказали помощь, ибо несчастный еще дышал. Но весьма вероятно, что, отчаянно раздирая свои раны, он не позволит

остановить кровь, обильно из них текущую.

Новый комиссар успел допросить умирающих и, выслушав их, заявил, что мы свободны, но должны явиться на допрос по первому требованию. Затем он обязал нас держать все происшествие в тайне ввиду значительности постов, какие занимали преступники. Госпожа Парангон ответила лишь кивком головы; неожиданно для меня, она поднялась, дважды поцеловала в уста умирающую Зефиру и промолвила ей: — Я покидаю тебя, иду сделать то, о чем ты меня просишь. — И она удалилась с быстротой молнии и я не успела, мне даже не пришло в голову спросить у нее объяснения.

Какая ужасная катастрофа, любезная кузина, и кто бы мог ожидать такого оборота событий?

ПИСЬМО CLXXXIX

ОТ ГОСПОДИНА ТРИСМЕГИСТА К ГОСПОДИНУ ЛУАЗО

Продолжение предыдущего

Госпожа Парангон поручила мне, сударь, довести до конца рассказ о приключившейся беде, о

которой Вы были кратко уведомлены письмом, адресованным мадемуазель Юрсюли. Я особенно охотно выполняю ее волю, ибо знаю, что Вы прольете слезы вместе с нами.

Злополучный господин Эдмон, после всех совершившихся у него убийств, бежал, скорее из любви к другу, чем из желания спасти свою жизнь. Его соучастник, господин Годэ, без содрогания жертвовавший собственной жизнью, спустился вниз, дабы помочь ему бежать; итак, господин Эдмон скрылся, а господин Годэ, как вам известно, закололся на глазах у арестовавших его. Выбежав наружу, госпожа Парангон помчалась вслед за Эдмоном. Она нашла его в предместье Сен-Марсо, в доме их знакомых, где, как она предполагала, он укрылся. При виде ее он упал на колени. — Боже мой! — воскликнул он, — если ты помышляешь о своем немощном создании, — благословляю тебя!.. Кузина!.. Неоднократно меня посещала зловещая мысль, что, совершив против воли преступление, я должен сам покарать себя... Но вот вы здесь, сударыня... — Тут он прервал свои излияния. — Что делаете вы, достойная уважения женщина? Зачем пришли вы сюда по следам чудовища!.. Вы же видите, что любовь к нему — преступление, караемое

божественным провидением, которое наказывает его тем, что наказывает вас, воплощенную добродетель! Некогда вы стали жертвой гнусного насилия, а теперь я делаю вас соучастницей убийц, которых ожидает эшафот. Вам не место рядом со мной! Бегите! Я должен внушать вам отвращение! — Госпожа Парангон тщилась его утешить, ее лицо было залито слезами. Внезапно Эдмон воскликнул: — Вы пришли одни, сударыня!.. Беги, — обратился он к находившемуся там молодому человеку, — и принеси мне два-три слова, написанных ее рукой... — Он назвал Зефиру. Молодой человек быстро вышел. Он застал Зефиру при смерти, но она написала довольно отчетливо две строчки, прося его поберечься. Ей не удалось дописать слово, которым начиналась третья строка, ибо она потеряла сознание. Кое-кто пытался дописать за нее и, казалось, удачно, но Эдмон не поддался обману. — Она умерла, — промолвил он, дочитав ее послание, — это я ее убил! — Затем с деланным спокойствием он обратился к госпоже Парангон: — Скажите мне правду, кузина; удар будет не столь чувствительным, если о нем возвестят ваши уста. — Дама ответила ему, указывая на свое сердце: — Вот куда надлежало вам ударить! — Эдмон вскакивает, словно наме-

реваясь уйти, переводит взгляд с двери на кузину и, выдержав жестокую душевную борьбу, бросается к ее ногам: — Почему принимаете вы во мне участие? — восклицает он, глотая слезы. — Ах, зачем я удостоен неоценимого блага — дружбы вашей! Это для меня самая жестокая пытка! Я хотел бы быть покинутым всеми на свете!.. Покарай меня, всемогущий боже, молю, обрушь на меня твой гнев!.. Но... но та, которая воплощает образ твоего милосердия, твоей благости... разве она не заслуживает счастья?

Госпожа Парангон преодолела свою скорбь, и ей удалось немного успокоить кузена. Казалось, еще никогда она не имела над ним такой власти. Она не давала ему впасть в отчаяние, роняя слезы, она удерживала его у своих ног. Но вот в десять часов взломали двери и пригрозили преступнику, что будут стрелять, если он пошевельнется. — Не опасайтесь моего сопротивления, — сказал он стражникам, — вы мне оказываете услугу, и я хочу молить моих судей о единственной милости, — чтобы они велели отсечь у меня эту руку... Ах, наконец-то я могу плакать и скорбь будет мне в радость!.. Кузина, без вас... без вас... О боже, сделай ее счастливой! Я чудовище, я мучил ее всю жизнь. Все пережитые ею страданья стали

моим уделом! Мне доступно теперь лишь одно блаженство — это страдать за вас, сударыня... О боже, я заколол мою вторую благодетельницу, а первую ввергаю в муки!.. О лучшая часть моей души!.. Плачь, несчастный, ты окончательно погиб! — Пока Эдмон это говорил, его накрепко связали. Потом его увезли. Госпожа Парангон решила его сопровождать. Не имея возможности проникнуть в его подземную камеру, она жила в тюрьме, с утра до вечера стонала она в этих стенах, где находилась ближе к нему. К каким только средствам ни прибегала она, пытаясь его спасти! Она пожертвовала всем своим состоянием.

Теперь несколько слов о господине Годэ. Он немного оправился от нанесенной себе раны и уже в состоянии говорить. Он предстал перед следователями. На вопрос, отравил ли он свою жену, он ответил «да», но добавил, что Эдмон невиновен. Тело умершей выкопали из земли и подвергли вскрытию, мужи науки заявили, что ими не обнаружено следов яда. Следователи вновь подвергли допросу заключенного; последний, хотя и был еле жив, ответил с улыбкой: — Уж они-то понимают в этом толк! — Тут же он признался, что один совершил все убийства в день своего ареста. Ему возразили, что у него

имелся сообщник. — Где у вас доказательства? — возразил он. Надобно вам сказать, что ни госпожа Парангон, ни Зефира ничего не видели, Лора не дала никаких показаний, а раненые указали лишь на господина Годэ. Против Эдмона не нашлось свидетелей. — Ну, что ж, почитайте меня одного habetis confitentem reum[107], как гласит ваш закон. — Когда его спросили, каково его подлинное имя, откуда он родом и к какому принадлежит сословию, он впал в полное изнеможение.

Тут ввели Эдмона. Несчастный бросился в объятия к своему другу. Их грубо растащили. — Вы люди или тигры? — слабым голосом промолвил Годэ. — Господа! Вы не даете обняться двум несчастным, которые обречены на смерть!.. Вы недостойны слушать меня, — с этого мгновения мои уста навеки замкнулись.

На допросе Эдмон признал себя виновным в убийствах; он уверял, будто все убиты его рукой, доказывая, что его друг, человек хладнокровный и благоразумный, не способен впасть в такое исступление. — Но за одно из убийств, — добавил он, — я прошу у вас смертной казни. Одну женщину

---

[107] Примечания: 1.107
Признавшим свою вину *(лат.)*.

я поразил клинком, который вы мне предъявляете... мои преступления довели до отчаяния другую... Нет такой казни, которой я не заслужил бы... — Следователи догадались, что перед ними не рядовые преступники, не какие-нибудь закоренелые в злодеяниях негодяи, в которых уже давно угасли все человеческие чувства. Их снова отвели в тюрьму.

Наконец, над ними состоялся суд; Годэ, на которого показали умирающие, был приговорен к смерти. Эдмон, как соучастник в убийствах, должен был присутствовать на казни своего друга и приговорен к девяти годам каторжных работ. Все же с них обоих было снято обвинение в отравлении. Вследствие этого объявлено, что родственники госпожи де Сарра не вправе опротестовать завещание, сделанное на имя детей, и т. д.

Когда вывели Годэ из камеры, дабы подвергнуть его казни в тюремном дворе, — он находился при последнем издыхании. К нему подошел священник, но он попросил его не тратить даром усилий и удалиться. Священник начал настаивать. — Ну, хорошо, — промолвил приговоренный. И они разговаривали наедине с четверть часа. По просьбе священника, Эдмону разрешили сказать

несколько слов Годэ, и послали за монахом, чье имя он назвал[108]. — Ты умираешь, — проговорил Эдмон своему другу, — несчастьям твоим наступит конец. А я обречен прозябать в позоре. Ах, Годэ, есть карающий бог! — Мужайся, — ответил приговоренный, — я всегда говорил тебе правду, тем более сейчас, когда я уже отрешен от мира. Я всегда питал к тебе искреннюю дружбу, я был тебе бесконечно предан. Дружба доставляла мне отраду; ты был для меня сыном и созданием рук моих, — я жил больше твоими радостями, нежели своими, — это сущая правда. Величайшее твое несчастье в том, что ты теряешь меня. Но помни, что ты ничем себя не унизил; люди могут объявить, что такой-то из их ближних опозорен, но опозорить его они не в силах. — Не успел он договорить, как появился монах, за которым посылали. При виде его Эдмон испустил крик удивления, Годэ улыбнулся; все трое обнялись. Монах залился слезами, он преклонил колена рядом с Годэ и, казалось, горячо молился. Затем он кое-что им сказал в присутствии наблюдающего за казнью. Меж тем Годэ удалось высвободить правую руку, ибо ввиду крайней его слабости, он

---

[108] Примечания: 1.108
д'Арраса.

был связан кое-как. Он протягивает руку и, никем не замеченный, хватает большой гвоздь, валяющийся у подножия эшафота, где ему должны отрубить голову. — Смотри, друг, — обратился он к монаху, — вот плоды твоих наставлений. Они не убьют меня, — я сам порешу себя! — С этими словами он пронзил себе гвоздем сердце и тут же скончался. Но поскольку он еще содрогался, ему отрубили голову. Во время этой мрачной экзекуции Эдмон лежал без чувств у подножия эшафота, и был залит кровью друга. В таком виде его отвели в камеру, а оттуда отправили в Турнель{108}, где госпоже Парангон дозволили с минуту поговорить с ним.

Наконец, сударь, Злосчастный, закованный цепями, отправился к месту своего назначения... в закрытой повозке с другими незаурядными преступниками. Но ужаснее всего была раздирающая скорбь госпожи Парангон. Несмотря на смертельную слабость, она присутствовала при его отъезде. Ей хотелось последовать за Злосчастным и лично наблюдать за ним, дабы он в порыве отчаяния не наложил на себя руки. Но магистрат запретил ей выезжать из Парижа;

{108} Комментарии: 2.108
Турнель — название башни в здании парижского суда.

впрочем, он позволил ей вернуться в О***. Без сомнения, кто-то сообщил ему о ее намерениях, думаю, что монах. Поэтому ей удалось лишь послать человека, который должен сопровождать Эдмона и оказывать ему всевозможные услуги. Несчастная дама вконец разорилась, но думается, ей дает силы к жизни лишь грустное удовлетворение, испытываемое ею при мысли, что она истратила все свои деньги на кузена. Она сейчас у нас, и мы решили, когда утихнет острое горе, предложить этой достойной женщине заняться тремя детьми и распоряжаться завещанными им суммами. Мы хлопочем перед гражданским судьей о назначении ее их опекуншей. Мне до сих пор еще мнится, сударь, что все это страшный сон, и порой я невольно спрашиваю себя: «Когда же я проснусь?»

Жена моя уже сорок дней в тяжелом состоянии, и только позавчера появилась надежда на выздоровление, — ей стало лучше с того дня, когда она увидела госпожу Парангон, которая теперь неотлучно при ней. Эти два сердца тяготеют друг к другу как железо и магнит. Когда они повстречались, уже не могло быть речи о том, чтобы их разлучить. Жизнью своей жены я обязан госпоже Парангон. Не будь ее с нами, я страшился бы от-

крыть моей Зефире всю правду. Она думает, что Эдмон в Голландии, и мы добились разрешения дать ему подписать письмо к его кузине, якобы написанное оттуда.

Вот, любезный сударь, все что здесь произошло. Осмеливаюсь передать низкий поклон Вашей супруге. Та, ради которой я Вам пишу, конечно, попросила бы Вас принять привет от незнакомца, каким я являюсь в Ваших глазах. Честь имею..., и т. д.

ПИСЬМО СХС

Из Тулона, 21 мая

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Для истинной дружбы не существует бесчестья

Утешьтесь, глубокоуважаемый друг! Еще есть сердца, способные испытывать те же чувства, что и вы, и любить подобно вам. Первым моим побуждением было устремиться к вам, но по кратком размышлении я решил, что окажу вам большую услугу, если приеду сюда. Я нахожусь

с вашим другом. Мне удалось избавить его от отчаяния. Я убедил его, что хоть он и виноват, он по-прежнему дорог нам. Разве истинную дружбу могут угасить проступки друга? Покамест сей последний счастлив и добродетелен, откуда ему знать, сам ли он мне дорог или общение с ним, в коем я черпаю удовольствие? Или мне доставляет честь его высокий сан? Или я восхищаюсь его талантами? Не следует желать, подобно Мизантропу, чтобы друг нуждался в нас; но сколь сладостно, сколь почетно, в случае несчастия, доказать ему все бескорыстие нашей привязанности! Лишь одно мне тяжело в этом случае, — что мы счастливы, меж тем как наш друг страдает.

Этот мой образ мыслей, сударыня, определил и мое поведение в отношении Эдмона. Я разделяю с ним его позор и бесчестье, вернее, они делают мне честь. Меня видят с ним в порту, в городе, мы разлучаемся лишь, когда его уводят в тюрьму. Если б я только мог последовать с ним и туда... Ах, глубокочтимый друг мой! Люди злы, по крайней мере так говорят, — а между тем меня почитают здесь как некое божество. Когда я иду один, я слышу, как говорят, с умилением указывая на меня: «Вот друг каторжника!» И тотчас же во всех взорах я вижу самое горячее

сочувствие; мне кланяются, ко мне подходят и всякий раз заговаривают со мною сердечным тоном, исполненным уважения. Меня никогда не спрашивают о моем друге; поистине, предупредительность и утонченная вежливость присущи всем людям, когда они испытывают подлинное почтение. Доэтому я невольно кое-что им открыл, хотя и не слишком распространялся; с моих уст сорвались правдивые слова: «Несчастный случай, непреднамеренное преступление». Правда, этому несколько противоречат мрачные речи Эдмона, который все твердит, что ему оказали милость, что он заслужил смертную казнь или по меньшей мере ему должны были отрубить руку, которой он нанес роковой удар. Между тем, эти его слова не служат к его обвинению, напротив, ему жадно внимают, его жалеют, почитают его невиновным, или лишь отчасти виновным, и я испытываю сугубое удовлетворение, ибо мне удается избавить его от душевных терзаний и от людского презрения... Но, сударыня, поведаю вам от избытка чувств: кто знает, быть может, я больше обязан Эдмону, нежели он — мне: я никогда не представлял себе, что так отрадно служить обездоленным!

Пусть успокоют вас эти новости, в какой-то

мере приятные; если же нет, то я прибегну к крайнему средству... Я сообщу вам, что я не единственный друг, утешающий Эдмона, — за ним последовал отец д'Аррас, это он служил ему в дороге вместо посланного вами человека. Но с тех пор, как я прибыл сюда, он прячется; меня уверяют, что его непрестанно видят в слезах...

Написано Эдмоном:

Если бы изверг, пишущий эти слова, не рождался на свет, вы были бы счастливы.

Сударыня, сейчас пришел Эдмон; эта строка написана его рукой. Прощайте, о достойнейшая из женщин!.. Неужели никогда не наступит час...! Остаюсь, и т. д.

P. S. Я уклоняюсь от разговоров обо всем происшедшем, я ни слова не говорю ему, а он меня не спрашивает.

ПИСЬМО CXCI

Париж, 1 июля

ОТВЕТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН

Великодушные чувства этой доброй дамы

Муж возле Эдмона, а жена в моих объятиях! Ах, любезные друзья мои! Благодаря вам я начинаю чувствовать, что у меня еще бьется сердце в груди. Письмо ваше, любезный Луазо, вывело меня из оцепенения... Я непрестанно его перечитываю, и всякий раз мне мнится, что я читаю его впервые... Я плачу!.. Но это уже не те горькие слезы, что раздирают сердце... Ваше деяние, любезный друг, ваше прекрасное деяние смягчило мою скорбь... Вы были правы, вы избрали истинный путь, — я была душою в Тулоне. Подумайте только, вы оба покинули свой дом, своих детей... Но чем значительнее ваша жертва, тем больше я вам обязана... Довершите свой труд — ободрите Злосчастного, который вне себя от горя... Боже мой, в каком он состоянии!.. Спрашивал ли он о Зефире после вашего письма? Если он спросит, скажите ему, что она жива. Если же не спросит... то заговорите о ней первым.

О друг мой! Что рассказать вам о нас!.. Супруга ваша сообщит вам все. Глядя на женщину, находившуюся на самом дне, но не запятнанную

пороком, мне становится стыдно самой себя: это воплощенная добродетель, великодушие, любовь, небесная дружба, это наш ангел-хранитель, наша покровительница... Гордитесь же теперь своей случайной добродетелью, спесивые женщины, высокомерные недотроги!

Семья Эдмона находится в ужасном состоянии. Юрсюль, подвластная столь же бурным страстям, как и ее несчастный брат, впала в безумие, добрый старец Р*** сошел в могилу, покрытый позором... его добродетели не спасли его от бесчестия!.. а жена последовала за ним спустя два дня... Старший брат, пользовавшийся всеобщим почетом в округе и поистине заслуживающий его, втоптан в грязь, опозорен! Добродетель и набожность не помогают ему, и сами небеса к нему несправедливы... Великий боже, прости мне это кощунство!.. Но если он в силах пережить свое несчастье (ибо нет пределов терпению истинного христианина), то переживут ли его дети и жена!.. Жена его олицетворение добродетели, — и вот она опозорена!.. Зефира, добрейший господин Трисмегист и я решили взять их всех сюда, и ваша любезная супруга должна их уговорить... Еще остается утешение для живых... но почтенного отца, благочестивую мать... горе убило! А между

тем, какой-то Годэ умер с улыбкой, — умер героем на поприще дружбы, которую он осквернил!.. Да, друг мой, я чувствую, что господь наградит праведника.

Я опекунша и гувернантка троих детей. Они дороги мне, каждый по-особому. Вы знаете первого; вторая — дочь Эдмона, а младшая на всю жизнь связала меня нерасторжимыми узами с человеком скорее несчастным, чем преступным. Они хорошо обеспечены, но честные ли это деньги? Я краснею, помышляя о том, каким путем они нажиты: преступления, нарушения самых священных обязательств... Не бросает ли тень на этих милых детей дар человека (я имею в виду Годэ), поправшего все законы?..

У нас уже были пререкания по поводу одной из девочек. Лора пожелала, чтобы я ей вернула ее дочь. Я сделала бы это, но меня удерживает ее теперешнее поведение, а госпожа Трисмегист, ее закадычная подруга, заявила мне, что если бы даже я согласилась отдать малютку Лорету, она все равно оставила бы ее у себя.

Я многое сказала вам, мой друг, гораздо больше того, что я могла бы вам написать, не приведи ваше прекрасное деяние, хотя бы в слабое движение, остановившуюся машину? Ваша любезная

жена целует вас тысячу раз.

Остаюсь, и т. д.

P. S. Передайте эти строки Злосчастному.

Для Эдмона

Кузен, не ваше сердце раздирает самая жестокая скорбь, но мое. Зефира поправляется. Она уже начала выходить и говорить со мной только о вас. Ей еще неизвестны все беды, постигшие нас, она думает, что вы в Голландии. Прощайте, кузен. Целую вас.

(Это письмо господин Луазо получил лишь по возвращении из Тулона; таким образом оно не попало на глаза Эдмону, а тем самым и строчки, ему адресованные.)

ПИСЬМО CXCII

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Я благодарю ее за сделанное мне предложение

Благодарю, глубокочтимая сударыня, смиренно

благодарю за предложение, переданное от Вас и от Ваших друзей добрейшею госпожой Луазо! Ваше предложение преисполнило меня глубокой благодарностью. Но я не покину землю, где покоится прах моего достойного батюшки и доброй матушки. Нет, я не покину ее, я не уклонюсь от десницы божьей, отяготевшей на мне. Да и куда мне бежать? Господь вездесущ. Я унижен, — ну, что ж, я этого заслуживаю. Я всегда был спесив, мне всегда хотелось, чтобы мой брат был осыпан почестями и высоко вознесен, дабы я мог этим кичиться. Он достиг высокого положения, и я кичился этим, — и вот я за это наказан. Господь справедлив, да будет благословенно имя святое его! И если бы ко мне, как к праведному Иову{109}, пришли друзья с четырех концов королевства, чтобы исцелить меня от гордости и побудить меня сознать свою вину, я не стал бы с ними спорить и немедля покаялся бы в своих грехах. Ну, не безумцы ли мы? Когда мы чувствуем за собой силу, мы бываем заносчивы с людьми, и даем им почувствовать их зависимость от нас! А вот теперь с нами поступают так же, и не без

{109} Комментарии: 2.109

Иов — благочестивый человек, терпеливо перенесший все испытания, ниспосланные ему богом; его истории посвящена одна из книг Библии.

основания! Ребятишки не хотят играть с моими, соседки сторонятся моей жены, мужчины не заговаривают со мной, возвращаясь из церкви или с поля. Я-то, по-прежнему, здороваюсь с ними, да они мне не отвечают, но я все-таки здороваюсь и замолкаю в смущении. И я напоминаю жене евангельские слова: «Если мы приветствуем только тех, кто нас приветствует, какая нам награда?» Раньше-то с нами все здоровались... А она в ответ вздохнет, да так, что у меня сердце разрывается. А я ей и говорю: — Вот мы жаловались, что детишки наши частенько убегали из дому и резвились с другими, и мы не успевали учить их уму-разуму. — А она отвечает сквозь слезы: — Теперь-то уж они не убегут. — А я ей: — Женушка, их еще лучше научит уму-разуму лоза господня. Давай-ка прочитаем главу из книги Иова. — И мы читаем, и Священное писание дает ей силы, и как я кончу, она целует меня, совсем успокоенная. А потом я указываю ей на то место из пророка Исайи{110}, где сказано: «К злодеям он был причтен, тогда как он понес на себе грехи многих... Многие изумлялись, глядя на него, так был обезображен лик его». — И это малость ее поддерживает. Всякий

{110} Комментарии: 2.110
Книга пророка Исайи — одна из книг Библии.

вечер мы ходим с ней на могилы моих и ее родителей и взываем к господу, умоляя о пощаде. И это утешает нас, и мы возвращаемся почти успокоенные, с облегченным сердцем. Как-то вечером, возвращаясь с кладбища, мы услыхали, как бедный парнишка, что прежде работал у нас, спорил с нашими сельчанами, которые хулили нас: «И как это у вас язык поворачивается говорить такое, клеветники вы этакие! Уж такие добрые люди, такие услужливые, каждому готовы одолжить и последним поделиться!» — И он принялся плакать и их проклинать. — Не проклинай их, М'ло[109], — крикнул я ему. — Я заслужил их поношения. — И теперь он больше их не проклинает. Так вот, сударыня, надлежит мне оставаться здесь и терпеть заслуженные мной поругания и загладить добром зло, которое сотворил мой бедный брат. По мне, больше ничего и не поможет в нашей беде. От того, который обрек нас на смерть, не укроешься, пряча голову, подобно страусу. Остаюсь, сударыня, с великой благодарностью, которая может сравниться разве что с моим почтением.

Ваш, и т. д.

---

[109] Примечания: 1.109
Эдм.

P. S. Вот что крепко меня удручает: как обрушилось на нас несчастье, у моих братьев Жорже и Бертрана снова отняли виноградник, и у нас в суде опять будут разбирать дело бедного моего кузена Жако, которого обвиняют в подложной подписи. Мне написали из О***, что Юрсюль поправляется.

ПИСЬМО CXCIII

ОТ ЗЕФИРЫ К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Ей сообщили о печальной участи Эдмона

Все ли я узнала, не скрывают ли еще чего-нибудь от меня?.. О мой нежный, мой единственный друг! Он жив, он дышит! Его утешает друг! Он хотел, чтобы ему отрубили руку! Боже мой!.. Он любит нас... мы снова его увидим!.. Можно облегчить его участь, сократить срок!.. Как только силы мои восстановятся, я хочу туда поехать, хочу... снова привести его к вам, любезный друг мой. Он будет вашим супругом... И для вас и для меня его бесчестие — ничто... Итак, я увижу его счастливым!.. И вы будете временами дружески общаться со мной... Ах, друг мой, когда же наста-

нет эта счастливая пора!

Да, я принимаю предложение, которое вы сделали мне вчера: вы будете руководить воспитанием моего сына. Господин Трисмегист ждет не дождется, когда вы возвратитесь из Менильмонтана. Более того, госпожа *** поручит вашим заботам свою дочку[110]. Весь Эдмон будет ваш[111], вы будете его повелительницей, властительницей его судьбы... и моей.

Тысячу раз целую вас в прелестные ваши губки.

ПИСЬМО CXCIV

*Из О ***, 1763 г.*

ОТ ЮРСЮЛИ К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Она советуется с госпожой Парангон о том, как ей поступить

Вы столько выстрадали из-за нас, сударыня, что все мы должны представляться вам некими

---

[110] Примечания: 1.110
Ту самую, о которой будет идти речь в письме CCXV.

[111] Примечания: 1.111
Это выражение вырвалось у нее и в то время не было понято.

извергами, и прежде всего я, ибо мое распутство навлекло на брата и на всю нашу семью возмездие небес. Но при всем том, я отваживаюсь просить вашего совета в вопросе, касающемся моей участи. После постигшего нас недавно несчастья, господин советник, которого мои упорные отказы, казалось, лишили всякой надежды, с еще большим рвением стал домогаться моей руки. Отказывая ему, я ссылаюсь на наше бесчестие. Он отвечает мне, что желает соединить свою судьбу с моей, дабы принести утешение моей удрученной горем семье, испившей до дна чашу позора. Не знаю, на что мне решиться, — не о себе я помышляю, — мне сужден горький стыд, — а о моих близких, о сестрах, девушках на выданье, о братьях и племянниках. Мне думается, честь, которую хотят мне оказать, устранит немало трудностей и заставит замолчать злые языки! А главное, господин советник намеревается занять место старшего судьи в нашей округе, которое ему принадлежит по праву! Вот доводы в пользу брака с ним, но сколько их против него! Они вам известны, мой достойный друг, за исключением одного, который надлежит вам сообщить.

Несколько дней назад маркиз де ***, пребывая в своем поместье Шитри, всего в трех лье от на-

шего города, направил ко мне дорогого моему сердцу сына, которого графиня, мать маркиза, в свое время куда-то упрятала, вознамерившись сделать своей невесткой мадемуазель де ***. Это премилый мальчик, и я нахожу, что для своего возраста он воспитан превосходно. Маркиз наказал передать мне, что он овдовел и что этот мальчик его единственный сын, — более ничего к этому не присовокупив. Маркиз мне ненавистен, к господину советнику я питаю вполне заслуженное им чувство, но сын... Прошу вас, разъясните мне, может ли мой брак с отцом узаконить ребенка, несмотря на имевший место другой союз... Если вы ответите мне утвердительно и подадите совет, я безоговорочно приму решение.

Сообщите мне, пожалуйста, новости, касающиеся известного вам лица.

Мадемуазель Фаншетте весьма в тягость разлука с вами! Она сказала мне нынче утром, что, наученная выпавшими мне на долю опасностями (опасности! это очень мягкое выражение!), она решила в ваше отсутствие не встречаться с воздыхателем, заслужившим ваше одобрение. Она права, и хотя господин Кенси и ропщет, говоря, что она лишает его надежды, — она все-таки права.

Остаюсь питающая к вам глубочайшее уважение, и т. д.

ПИСЬМО CXCV

ОТВЕТ

Госпожа Парангон выносит решение по вопросу, затронутому в предыдущем письме

Прежде нежели ответить, любезная дочь моя, я вознамерилась повидать маркиза, вернувшегося позавчера. Это конченный человек, первым делом он осведомился о твоей внешности. Я удовлетворила его любопытство на этот счет. Из разговора с ним я убедилась, что в отношении него твоя жертва будет тщетной и тебе не удастся его исправить. Между тем сына можно узаконить, поскольку во время его зачатия и даже рождения вы оба были свободны от брачных уз. Так вот что я тебе скажу: прекрасно, когда мать жертвует собой для сына, и добавлю: это ее долг. Таково мое мнение, которое ты пожелала узнать.

Некто находится, по-прежнему, в известном тебе месте; друг, по-прежнему, забросил все свои дела, чтобы служить ему, а подруга моя была бы

еще со мною, если бы я не отослала ее, воспользовавшись своим авторитетом. Неустанно тщатся приблизить его к нам, и надеюсь это удастся. Я тем горячее этого желаю, что другу пришлось расстаться с ним и вернуться к своим обязанностям сразу же после Троицина дня.

Поцелуй за меня милую мою Фаншетту; скажи ей, что в недалеком будущем мы все соединимся, а господину Кенси скажи, что все будет хорошо. Передай мой поклон тетушке Канон, которая вечно ворчит, впрочем, у нее есть все основания ворчать, особенно на меня. Это достойная женщина! Согласись с этим, моя Юрсюль, — ведь без нее мы оказались бы в весьма затруднительном положении! Какое прекрасное сердце!.. Прощай, друг мой. Весьма сочувствую господину советнику! Доводы в его пользу весьма убедительны, но сын должен быть на первом месте. Прощай, прощай.

ПИСЬМО CXCVI

*Из О***, 20 мая.*

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Как священное пламя дружбы растопляет холодное сердце и человек вскоре изменяется

Пять минут назад я получил ваше письмо и весть о помиловании; хотя оно и полное, ему запрещено в течение полугода приближаться к столице на расстоянии десяти лье. Если б я узнал об этом неделю назад, Эдмон был бы уже здесь со мной. Это меня огорчает, но я хочу, чтобы наш друг как можно скорее узнал, что он освобожден от каторжных работ и может покинуть порт, — через четыре дня я буду в Тулоне.

А теперь, любезный и глубокочтимый друг мой, немного радости. Дозвольте мне поговорить о счастливых днях для вас, а главное для моей жены и для меня. В Париже вы жить не можете, в О*** вы привлекли бы к себе излишнее внимание, — на мой взгляд, лишь в моем городке мы обретем рай, из коего изгнал нас грех. Приезжайте к вашему покорному слуге, друг мой, привезите к нам несравненную Зефиру и ее почтенного супруга, а если возможно, то и Лору и ваших милых воспитанников. У меня три дома, я освобожу их от жильцов, не ожидая вашего

ответа. Все будет готово к вашему приезду, и я поручаю первому же почитателю священной дружбы всеми достойными и разумными доводами убедить вас приехать и осчастливить нас, а если ему это сразу не удастся, то прибегнуть к упрекам в неблагодарности. Городок наш очарователен, вино у нас доброе, повсюду царит добродушие; пейзаж самый разнообразный. Есть у нас горы, которые, хоть и не похожи на Альпы, все же достаточно высокие, есть леса, луга, а главное — хорошие люди. Я так мечтаю развлекать Эдмона! Я хочу сделать из него охотника, и даже немного приучить к вину, — ведь вино, доброе вино, прогоняет уныние, закоренелую черную меланхолию, источник наших пороков. Подобное наблюдение было сделано неким турецким султаном, который оставил в своей стране запрещенные законом кабачки, но запретил кофейни. Да здравствует веселье, черт возьми! Веселый человек чист сердцем.

Согласитесь со мною, сударыня, скажите: «да» — и вы осчастливите целую кучу людей: меня, мою жену, детей, родителей моих, наших друзей, Эдмона и себя самое. В ожидании радостной встречи со всеми вами под моим кровом, по моем возвращении из Тулона, остаюсь

Ваш, и т. д.

ПИСЬМО CXCVII

ОТВЕТ

Согласие на переезд в О***

Да, вы нарисовали, любезный друг, чересчур соблазнительную картину, чтобы можно было отказаться от вашего предложения. Я говорю «да» от своего имени и от имени всех, приглашенных вами, в присутствии коих пишу. Я согласна...

От Зефиры

Я тоже хочу охотиться. Мне нужно хорошенькое ружьецо, совсем легонькое. Впрочем, я не буду прибегать ни к пороху, ни к свинцу, ибо я не хочу убивать...

От господина Трисмегиста

Еще никогда в жизни я так не радовался. Друг мой, мы будем с вами пить! Вы правы, доброе вино рождает радость в сердце; оно — друг добродетели.

Не правда ли, у этого письма премилое начало! А далее оно еще красноречивее. Мы будем готовиться к путешествию, друг мой. Надеюсь, вы совершите свою поездку в самый непродолжительный срок; итак, через полмесяца, быть может, мы все соберемся вместе, за исключением злополучной Лоры, которой вы уделяете внимание и которую у нас много оснований жалеть, прежде всего из-за ее дочери. Прощайте, любезный мой благодетель. Равнодушные, быть может, не испытывают горестей, подобно нашим, но разве им доступны наши радости!

ПИСЬМО CXCVIII

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Бегство Эдмона

Человек предполагает, а бог располагает. Покоритесь судьбе, друг мой. Эдмон не умер, я даже полагаю, что он в добром здравии, поскольку он нас избегает. Как только он очутился на свободе, он сразу же исчез. Он ускользнул даже от отца д'Арраса, который его ожидал, а теперь отправился его разыскивать. Покамест не переезжайте

к нам. Пусть наблюдают за госпожой Трисмегист. Я черкну словечко Юрсюли и Пьеру[112], — предупрежу их и посоветую им всеми средствами удержать его у себя, буде он у них появится. Боже мой! Боже мой! Какие препоны! И кто бы мог этого ожидать! Без денег, без одежды, он скрылся, хотя и знал, что я вот-вот приеду! Я разыскивал его повсюду, но нанятые мною люди обнаружили только одно, — что он сменял свой арестантский халат на лохмотья какого-то нищего. Из-за этой уловки я потерял руководящую нить, и теперь его нельзя будет опознать по одежде. Однако я оповестил о нем все конные жандармерии; если он будет обнаружен, его задержат и вернут нам. Полагаю, я прибег ко всем доступным мне мерам. Я подожду здесь еще несколько дней, ибо я повсюду опубликовал, что если кто-либо обнаружит человека с соответствующей внешностью, то пусть укажет мне на него и он получит в награду десять луидоров. Если мои старания не увенчаются успехом, я покину Тулон и приеду к Вам.

(Между этим письмом и следующим прошло два года и тем временем намере-

---

[112] Примечания: 1.112
Содержание писем к Юрсюли и Пьеру то же, что и это.

*ние поехать в О*** осуществилось, но об Эдмоне почти ничего не удалось узнать. Отец д'Аррас, тоже отправившийся на розыски, погиб между Тулоном и Марселем при переходе с корабля в шлюпку, а о том, что случилось с Юрсюлью, говорится в нижеследующем письме.)*

ПИСЬМО CXCIX

1766 г.

ОТ МАРКИЗЫ к ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Юрсюль, ставшая маркизой де ***, сообщает госпоже Парангон о своих обстоятельствах и о том, как отразился ее брак на нашей семье

Я принесла себя в жертву, пошла на нее только ради сына, — и вовек в этом не раскаюсь. Преимущества, какие дает ему мой брак, который я столь долго откладывала, не желая его заключать, хоть он и не из веселых, покамест мой несчастный брат... эти преимущества, друг мой, искупают все. Хотя матушка маркиза удостаивает меня своего нежного внимания и приложила все усилия, дабы

совершить эту церемонию, я не могу именовать себя счастливой, — нет, я далеко не счастлива!.. Да я и не заслуживаю счастья! Если бы только мне было дано, друг мой, достаточно долго пожить, дабы воспитать сына, внушить ему ужас перед моим былым распутством, распутством его отца и Злосчастного!

По счастью, имения моего мужа заложены, а не то он уже давно бы их промотал.

Я снова стала жертвой... но не жалуюсь и несу как крест страдания, искупая преступления свои; и те, и другие в равной мере тяжелы, ибо господь справедлив, как не раз говорил наш почтенный старшой.

О, этот любезный брат! Я не перестаю восхищаться, видя, как явно господь превознес его над нами! Его добродетель восторжествовала в округе, хотя никто из людей не приложил к этому руку. Сперва на него обрушился всею тяжестью наш позор. Но в скорости его кротость, терпение, покорность судьбе и благочестие, благодаря коему он всякий вечер подолгу просиживает на могиле давших нам жизнь... и убитых двумя из нас... благодеяния, оказываемые им оскорблявшим его, — все это естественно возымело свое действие; злоба и яростная клевета были обезору-

жены, и в настоящее время глубокое презрение сменилось глубоким почтением. Когда я посетила его за несколько дней до свадьбы, я видела, проливая слезы умиления, как в послеобеденные часы человек двадцать сельчан приходили к нему и, обнажив головы, просили у него прощения: — Пьерро, уж такая тебе выпала честь — ты охраняешь наш край, потому как ты святой. А мы, мы сущие негодяи. Прости уж нас и помолись богу, чтобы он нас простил. — Ради него, пожалуй, и простит, — перебил другой. — Ежели и простит нас господь, то уж ради него. — Как видите, друг мой, мой любезный брат ничем не обязан моему браку. Правда, во всей округе царило немалое удивление, о чем вы, конечно, узнали, приехав в О***, где мне так хотелось вас увидеть. — Что это творится с этой семьей? — говорили вокруг. — То она возносится чуть не до небес, то низвергается в бездну! Вот одна из сестер стала маркизой! Уж верно это по молитвам их старшого, ведь он святой человек. Поэтому, чтобы породниться с нашим добрым братом, наперебой стали просить руки моих сестер, уже старых дев, и даже у братьев нашлись невесты. Таким образом, быть может, впервые в жизни сей можно наблюдать, как благоухание добродетели заставляет поза-

быть о злосмрадии порока. Я только что узнала эти новости от брата Бертрана, который присутствовал на нашей свадьбе как представитель всей семьи.

Передайте мой сердечный привет любезным друзьям, с которыми вы живете. Выражаю свое соболезнование госпоже Зефире по поводу кончины ее супруга, сего почтенного старца. Могу от души порадоваться за господ Луазо, которые наслаждаются вашим обществом, имеют прекрасных детей и неизменно осенены благополучием. Так ваша очаровательная Фаншетта наконец вышла замуж? Поздравляю господина де Кенси. Увы! Вслед за поздравлением у меня вырывается вздох... весьма тяжелый!.. Вы можете постоянно с ней видеться, поскольку Семюр неподалеку от вас. Почему мне не даны эти радости!.. Но надо покоряться своей участи... Целую детей. Ах, если бы вы могли, друг мой, выслушать хоть половину тех речей, с какими я ежедневно обращаюсь к вашему драгоценному портрету! Но нет, тогда вы проливали бы со мной слезы!

ПИСЬМО CC

ОТ ФАНШЕТТЫ К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Она подает милостыню Эдмону

Только что в сумерках однорукий нищий попросил у меня милостыню; длинная седая борода скрывала его черты, но звук его голоса поразил меня. Я дала ему три ливра, ибо он внушил мне интерес. Получив деньги, он пристально поглядел на меня. Я увидела, как он побледнел и тут же поспешно удалился. Никогда еще не испытывала я такого волнения. Несмотря на темноту и робость, свойственную нашему полу, я последовала за ним. Он стоял за углом и не мог меня видеть, но я услыхала его стоны. — Голубчик, — сказала я, подойдя к нему, — может быть, вы плачете оттого, что у вас нет крова над головой? Идите к нам, мы дадим вам приют. — Он поблагодарил меня движением руки, показав мне полученное от меня экю. Я не осмелилась настаивать, но быстро вернулась домой и попросила мужа привести его. — У меня есть подозрения, что это Эдмон, — прибавила я. При этих словах господин Кенси

устремился за ним со всеми нашими слугами, но им так и не удалось его обнаружить. Спешу отослать вам сию записку, любезная сестра, чтобы вы были наготове, если кто-нибудь увидит его в вашем городе. Пусть примет меры господин Луазо. Остаюсь, любезная моя сестра-мама, преданная вам, и т. д.

ПИСЬМО CCI

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Злосчастный возвращается в родные места

«Третьего дня я облобызал твой порог, я упал ниц перед жилищем наших почтенных родителей. Я увидел тебя и задохнулся от рыданий. Твой пес бросился ко мне и хотел меня укусить, но вдруг, почуяв мой запах, с воем шарахнулся прочь, словно от дикого зверя. Ты, конечно, подумал то же самое, ибо ты бросил камень, и он угодил в меня, — это первый камень возмездия... но это чересчур мягкая кара для отцеубийцы! Твоя жена позвала тебя, вы вышли вместе и отправились на могилы. Я опередил вас. Вы помолились. И ты сказал жене: „Нынче обильная роса, камень совсем влажный. Как бы тебе не повредила сырость. Уйдем-ка“. Роса! То были мои слезы!»

Злосчастный Эдмон

(На конверте было написано: «Госпоже Парангон».)

Вот письмо, любезная сударыня. Оно все вам скажет. Посылаю вам его с нарочным и прошу мне его вернуть. Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО CCII

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОДИНУ ЛУАЗО

Злосчастный подробно повествует обо всем, что с ним приключилось. Его поразила десница господня, он чувствует это, и поскольку с ним уже нет его совратителя, заглушавшего в нем укоры совести, — он раскаивается, но вместе с тем впадает в отчаяние. Надежда на милосердие божие должна непрестанно смягчать горечь нашего раскаяния

Я скитаюсь вот уже три года, и уже три года казню себя. Но небесное правосудие не определило мне заурядное наказание: оно отняло у меня руку... Неужто вы могли думать, что, избавив меня от кары, избавите от мук? Неужто вы предполагали, что я злоупотреблю вашей добротой и добротой***? Кто? Я? Неужто гнусный каторжник навязал бы вам свое общество! Ведь если бы я появлялся на улицах, на дорогах, рядом с вами, на меня указывали бы пальцем, говоря: «Вот он!» Это самые обыденные слова, но они как молния разят того, о котором сказаны... Нет, сударь, мне

не суждено счастье, а ведь жить с вами и с ** значило бы быть счастливым. Преступление должно быть заклеймено, этого требует законность; законность и справедливость, что одно и то же. Не говорите мне, что меня погубил Годэ, — это я погубил его. Наименее виновный, увы! был приговорен к смертной казни. Если бы я избрал путь добродетели, на него вступил бы и Годэ. Не знаю, какие тайные чары влекли его ко мне, но любовь сделала его моим рабом, я властвовал над ним; всякий день он поражал меня все новыми проявлениями героической дружбы... Злополучный Годэ! Будь ты жив, мы бы вместе... Ах, он навеки погиб и, без сомнения, я погибну вместе с ним...

Я должен рассказать вам, что со мной приключилось после вашего отъезда из Тулона.

На меня еще падали отблески вашей добродетели, но подобно жалкой планете я был осенен лишь заемным блеском, от которого ярче выступала вся чернота моих духовных язв. Всеобщее сочувствие возрастало благодаря тому, что отец д'Аррас связал свою участь с моей. Это смущало меня. Я не выходил из каторжной тюрьмы, дабы порядочные люди не роняли себя, заговаривая со мной. Но вот пришло помилование; мне сообщили, что я свободен. Я услыхал, что

распространился слух, якобы доказана моя невиновность... Моя невиновность!.. Я знал, что меня будут приветствовать как вашего друга... Но как мог я принимать поздравления, отвергаемые моей совестью! Д'Аррас намеревался разгласить историю моих отношений с Годэ, уподобив нас друзьям, представшим перед сиракузским тираном{111}! Ах, какая разница!.. Я не мог вынести незаслуженного мною уважения, и в день освобождения вечером тайком ускользнул. Я прошагал без передышки десять лье; за сутки я прошел целых двадцать. На другой день, оказавшись в окрестностях Ледигьера, я зашел передохнуть в дом одного поселянина. Мне предложили хлеба и фиг, я поел, а затем растянулся в саду в тени дерева и заснул. Меня разбудила острая боль: левая рука распухала у меня на глазах, — я вспомнил, что это та самая преступная рука, которою... В нескольких шагах я заметил большую змею, уползавшую прочь от меня. Я вскочил и убил ее. В эту минуту мальчишка, который раздразнил змею и видел, как она меня ужалила, появился со своими родителями. Они сказали, что надо бежать к лекарю, и повели меня

{111} Комментарии: 2.111

... друзьям, представшим перед сиракузским тираном! — Имеется в виду сиракузский правитель Дионисий (ок. 430—367 до н. э.).

к нему. Последний, видя, что опухоль распространяется с поразительной быстротой, счел нужным немедленно отрезать мне руку. Местная сеньора, узнав о моем несчастье, велела перенести меня к ее фермеру, которого и обязала оказывать мне необходимые услуги. Я жил у этих добрых людей, но принимал одного только лекаря и не желал ни с кем говорить. Я выздоровел, ибо я жаждал смерти и был никуда не годен, — человек полезный, конечно, умер бы.

Я поправился и уже хотел покинуть эти места, когда однажды утром вошла фермерша вся в слезах, восклицая, что сельчане лишились доброй сеньоры... Вскоре должны были состояться похороны. Я решил задержаться и присутствовать на ее погребении, чтобы пролить над ее прахом слезы благодарности. Но каково же было мое изумление, когда назвали имя покойницы: маркиза де***! Я впал в тупое оцепенение, поразившее всех, и все повторял, как бы говоря сам с собой: «Маркиза де***!» Меня обступили и стали расспрашивать, кто я такой и почему так интересуюсь этой сеньорой, которую муж по королевскому приказу заточил в замке за ее распутство. Они добавили, что ее смерть положит конец процессу о расторжении брака, — его

затеял маркиз, намереваясь жениться на любовнице, от которой у него ребенок. Я отвечал, что я всего лишь жалкий горемыка, но знал маркизу в Париже.

Я покинул селенье, где потерял руку, я пересек Жеводан и направился в Лион, откуда пришел в нашу провинцию. Проходя через Семюр, я просил милостыню, и молодая дама подала мне экю. Я никогда не получал от людей такой крупной монеты и намеревался вернуть ее, когда узнал мадемуазель Фаншетту. Я был так потрясен, что отошел на несколько шагов и завернул за угол, чтобы скрыть свои слезы. Она приблизилась ко мне и предложила приютить. У меня чуть не разорвалось сердце при звуке ее голоса, столь схожего с голосом... Я удалился. В ту же ночь я пришел в ваш город. Я смотрел на ваши окна, ибо они были освещены. Я подошел к самому низкому из тех, что выходят на улицу, и услыхал, вернее, мне ясно послышался голос... той, чье имя больше никогда не выговорят мои осквернённые уста, и не напишет преступная рука... Этот чарующий голос поразил мое воображение, я совсем забылся; я все прислушивался, но слышал не то, что говорили, а то, что являло мне воспаленное воображение. События минувшей жизни проносились передо

мной и с такой ясностью, что я принимал все это за действительность. Я видел Годэ, я обращался к нему, он мне отвечал; его призрак приближался ко мне, собираясь меня поцеловать. Я простирал к нему руки и обнимал пустоту. Я видел... я видел ее... в тот ужасный час, о котором вы, быть может, не знаете... на коленях у моих ног... «Прочь, прочь! — вскричал я, — ужасные призраки, прочь!» ... В этот миг мне послышался голос той, чью невинную жизнь я оборвал, — голос Зефиры. Мне мнилось, она говорит: «Как! Как! Он так близко, — и он ускользнет от нас! Ах, мы всего лишь женщины, но все же бежим, бежим! Сердце говорит мне, что мы найдем его!» Это было столь реально, что я бросился было бежать. Но меня удержало видение. Мне показалось, что я заметил в окне, совсем близко от меня, гневный образ Зефиры и рядом с ней... Я упал на колени и воскликнул: «О любимая тень, прости, прости! Виновна была лишь моя рука, а у меня ее больше нет! А вы... вступитесь за меня!..» Мне почудилось, что после этой моей мольбы она смягчилась. Я больше не видел их; свет погас, и я удалился.

Несмотря на крайнее изнурение, я прошел еще три лье, направляясь в родные места. Не доходя четверти лье до селения, я увидел лесок, куда в

дни юности не раз ходил с братьями. Я спрятался там и просидел до ночной темноты. Я ел хлеб, поданный мне накануне, и пил воду, которая, как я знал, сохранялась в дуплах старых деревьев. Ах, сударь, сколько воспоминаний нахлынуло на меня в этом укромном уголке! И сколько я пролил там слез! Но какой был от них толк! Вечером, в сумерках я подошел к дому брата. Он возвращался с работы со своим псом, который залаял и чуть не выдал мое присутствие. После этого я пошел на могилу батюшки и матушки. Тут из глаз моих снова хлынули потоки слез... О боже, сколь горькими были они!.. Но вот пришел старшой со своей супругой. Камень был весь мокрый, они заметили это!.. они это заметили!.. Кто мог бы пролить столько слез на могиле твоего отца, о брат мой, как не отцеубийца!.. Лишь утром я покинул родные места. Я обошел их в темноте и вместо людей видел только ночных птиц, слышал их зловещие, наводящие жуть крики, которые еще усиливали мрак и ужас, царившие у меня в душе, но этот ужас был мне желанен. На заре свет, небесный свет прогнал меня вместе с ночными птицами, я бежал и скрылся в лесах.

Я медленно брел и к вечеру достиг О***. Там никто меня не узнал. Я посетил лишь одни могилы...

О Манон! Твой преступный супруг, униженный, постаревший, искалеченный, твой преступный супруг проливал слезы над холодным прахом твоим. Но вот появился священник. — Гоните этого оборванца, он явно помешанный! — И меня грубо прогнали. Я повернулся к часовне, возле которой находится могила, и воскликнул: — У меня отнимают и это последнее утешение! Я заслужил это! — Сердце у меня было разбито. Я упал на землю от слабости. У меня выступил холодный пот, какой бывает у умирающих, и мне стало ясно, что приходит мой смертный час. Тут какой-то солдат и рыбак воскликнули: — Ей-богу, этот человек помирает, господин кюре! — Они переплели руки, положили меня, как на носилки, и отнесли в больницу. Подкрепившись немного едой, я уже через час вышел оттуда.

Не успел я отойти от больницы, как повстречал Мадлон с ее сестрами. При виде моего бледного лица, всклокоченной бороды и рваной грязной одежды, как у virgines squalidae[113], о коих пишет пророк Иеремия, они отвратили от меня взоры. И я промолвил: «viderunt me et horruerunt»[114]

---

[113] Примечания: 1.113
Девушек в лохмотьях *(лат.)*.

[114] Примечания: 1.114
Увидели меня и ужаснулись *(лат.)*.

и возопил вместе с Иовом «Miseremini mei, miseremini mei, saltem vos, amici mei»[115].

Я прошел мимо крылечек Жорже и Бертрана; перед домом играли вместе их дети. Их юность и невинность привели мне на память мои детские годы. У одного из мальчиков были совсем такие же черты, как у меня в годы невинности, одна из девочек походила на Эдме. Я пристально смотрел на них, они испугались меня и убежали домой. Тут вышли их матери и увидели меня, но я закрыл лицо рукой, и они не могли меня узнать. Они подали мне милостыню, хотя я и не просил. Я отошел в сторону и съел поданные мне куски, орошая их слезами. «Viderunt me proximi mei et non agnoverunt me, quia manus Domini tetigit me»[116].

Затем я подошел к дому, где некогда обитал, где познакомился с вами, сударь, где ваша жена видела меня, когда я еще не был отверженцем. Я опустился на каменные ступени, и сам того не замечая, долго там просидел, поглощенный

---

[115] Примечания: 1.115

Сжальтесь надо мной, сжальтесь надо мной, хотя бы вы, бывшие мне друзьями *(лат.)*.

[116] Примечания: 1.116

Увидели меня близкие мои и не узнали, ибо рука господня поразила меня *(лат.)*.

мыслями, нескончаемой вереницей проносившимися у меня в голове. Наконец я услыхал, как молодая девица сказала служанке, чтобы та меня прогнала, потому что я грязный. Я удалился, вспомнив, что с такими же словами однажды обратился к бедняку, сидевшему на этом самом месте.

Из О*** я отправился в Париж. Здесь все вызывало у меня дорогие сердцу и мучительные воспоминания! Я выходил только в сумерках, скитался по улицам и сокрушался, видя мое былое жилище, дом, где... жили Фаншетта и моя сестра. Я содрогнулся от ужаса, проходя мимо дома, где падшая Юрсюль... Я умилялся, глядя на дом, где Зефира оказала мне помощь, на дом, где я наслаждался мимолетной славой, и я испытал презрение к себе, вспомнив о браке, на который пошел из корысти, о своем поведении с женой и о своем разврате.

Я повстречал женщин, соучастниц моих преступлений. Я видел их, но они меня не видели, — их взоры привлекает лишь блеск; есть среди них и такие, которые живут в Париже по многу лет, не зная, есть ли другие люди кроме тех, что окружены роскошью. Видел я и Обскурофилу. Будучи уверен, что она меня не узнает, я подошел

к ней совсем близко в момент, когда она входила в здание Оперы, и постарался, чтобы она заметила меня. Я догадался, что она меня видит, по флакону, который она стала нюхать. На другой день я написал ей следующие строки:

«Развейте овладевшие Вами чары, мадемуазель. Стезя порока не всегда усеяна розами. Оборванец, при виде которого Вам пришлось вчера прибегнуть к флакону, в свое время был Вами любим; он разделял с Вами преступные утехи, Вы припадали устами к его устам, и из Ваших объятий он попал в руки палача... Нынче он беден, молодость его увяла под гнетом преступлений и скорбей; он лишился руки, и проливаемые им слезы ослабили его зрение. Облегчите его участь, — но не денежной помощью, которой он не примет, а изменив к лучшему свое поведение. Прощайте, мадемуазель. За истекшие годы Вы значительно утратили свою прелесть!»

Мне горячо хотелось узнать, что сталось со злополучной Лорой. Я наводил о ней оправки в тех местах, где она раньше жила; о ней говорили как о погибшем создании. После этого я стал еще усерднее разыскивать ее. И вот однажды вечером, проходя по улице дез-Англе, я заметил двух несчастных, которые приставали к прохожим;

голос одной из них поразил меня, и я подошел к ним. То была горничная Лоры. Я спросил ее, что сталось с ее хозяйкой. Оглядев меня с презрением с ног до головы (ибо даже подонки меня презирают), она ответила мне, что ее хозяйка продается по дешевке, и что хоть я и мужлан, но если оденусь поприличнее, то могу ее видеть на улице Тикетон в доме, который она мне указала. Я удалился, пожурив эту девицу и получив от нее в ответ тумака, и скрылся в своем убежище на дворе д'Альбре, где в заброшенной конюшне я сплю на соломе с другими подобными мне горемыками, однако далеко не столь преступными. На другой день, едва рассвело, я написал Лоре приблизительно следующее:

«Виновник ваших заблуждений наказан, кузина; он наказан законом, наказан потерей руки, но главное его наказание — ваше распутство. Какое удовольствие доставляет вам, любезная моя Лора, по-прежнему вести преступную жизнь? Неужели вам это не надоело, не внушает вам отвращения! Неужели вы не устали от этого? На моих глазах один из ваших сообщников погиб на эшафоте; другой, тот, что вам сейчас пишет, заклеймен позором, подвергшись наказанию, уготованному злодеям, и он не дерзнет сказать, что не заслужил

оного, хотя с него и снято основное обвинение: сколько других преступлений тяготеет на мне, на Годэ и на вас! Лора, я привел бы вам в пример Юрсюль, если бы недостаточно было моего собственного страшного примера; мог бы я указать вам и на Зефиру... Но не вздумайте себя с ней сравнивать; она оставалась чистой, хотя и совершала гнусности; тело ее было осквернено, но душа — чиста, и небесное провидение не дало ей закончить свои дни в позоре. Но все же, кузина, подумайте о том, кто вас погубил, когда вы пребывали в невинности в родном краю; подумайте о Годэ, который из дружбы ко мне употребил все силы ума, данного ему богом для лучшего применения, чтобы соблазнить вас, развратить, — и вы поймете, что и для вас возможно подняться на высоту, подобно Зефире. Поразмыслите об этом, о Лора! Существует убежище, которое все еще открыто для вас, но уже недоступно для меня... Прощайте».

Я отправил это письмо с одним из моих товарищей оборванцев. Вот ответ Лоры.

«Приходи, но не с тем, чтобы проповедовать мне, а чтобы вкусить в моих объятиях сладострастие, которое рассеет твою черную меланхолию. Мораль — плод горести, ее создали люди, неспособные предаваться наслаждениям. Я хочу, чтобы ты вновь стал самим собой. Мы прольем, если тебе угодно, слезы о Годэ, но прольем их за бокалом шампанского, и наш покойный друг будет играть роль скелета на пире Тримальхиона[117] {112}. Я приглашу Обскурофилу. Мне сказали, что твой гардероб не в порядке, посему присылаю тебе портного. Прощай, любезный Эдмон. Право же, я больше всего на свете желаю видеть тебя.

Лора».

Вот как обстоят у меня дела, сударь, на сегодняшний день. Я сам отнесу ответ на эту записку. Я хочу, чтобы моя внешность, моя нищета, мои угрызения, мои слезы, мои вопли привели в ужас этих двух легкомысленных особ и чтобы у них навсегда пропал бы вкус к шуткам, особенно со мною.

---

[117] Примечания: 1.117
См. Петрония.

{112} Комментарии: 2.112
Тримальхион — действующее лицо из романа Петрония «Сатирикон».

Прощайте... Но еще два слова. Что делает *она?* Довольна ли *она* своей жизнью? Или по крайней мере в удовлетворительном ли *она* состоянии?.. А сестра моя Юрсюль? А ее дети? А ваша жена?.. Тьенетта! Тьенетта! Как далеко то время, когда я называл вас этим именем! Когда *она* держала нас с вами возле себя! Ни слова *ей;* не дерзаю. Повергаюсь к ее стопам. Все вы не давайте *ей* говорить обо мне, думать обо мне.

Несчастный Эдмон.

P. S. Ответьте мне по адресу: Улица Тикетон, дом парикмахера, в квартиру Лоры. Не вздумайте туда приходить, — я убежал бы от вас и вы причинили бы мне еще большее горе. Немедленно же пришлите мне ответ с нарочным, а если нет, то я не буду ждать вашего письма.

ПИСЬМО CCIII

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Убийство Юрсюли

Сударыня! Вот выдержка из письма, полученного мною от маркиза.

«Любезный Пьер, пишу вам в полном отчая-

ньи. Мою жену, вашу любимую сестру, убили... Вчера, двадцать пятого, в день Рождества она по обыкновению развозила подарки беднякам и заключенным и, возвратясь домой, выходила из кареты, когда к ней подошел какой-то злодей и пронзил ей грудь широким ножом; она тотчас же скончалась. Господин Пьер, за последнее время я поддался обаянию ее добродетели, помогал ей в делах милосердия, и мы нередко выезжали вместе. Я не заслуживал ее! Но мой сын!.. Он так много потерял! Я не способен его воспитать, как это удавалось ей; под ее руководством мальчик делал отменные успехи, он боготворил ее. Прощайте, господин Пьер. В заключение этого печального письма могу лишь высказать свою скорбь и уверить вас в моей сердечной приязни».

Боже мой! Боже мой! Какой удар! Несчастный ребенок! Несчастная сестра! Она только что оказала помощь беднякам! Все же эти слова принесли мне облегчение в моей скорби! Да забудет господь ее проступки и воспомянет лишь бедняков, которым она помогала! О боже мой! Ты был в темнице, и она посетила тебя; ты был голоден, и она накормила тебя; ты жаждал, и она напоила тебя. Умилосердись над ней, боже, и воззри на ее бедного сына!.. Прошу прощения, сударыня! Вме-

сто того, чтобы обращаться к вам, я обращаюсь к отцу нашему. Если я могу что-нибудь сделать для маркиза или для ребенка, скажите мне, пожалуйста, сударыня. С уважением и т. д.

ПИСЬМО CCIV

ОТВЕТ

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ПЬЕРРО

Подозревают маркиза

Вместе с моими друзьями я разделяю ваше горе, уважаемый Пьер. Я не причисляю к нам госпожу Парангон. Ее скорбь превосходит вашу, этот новый удар сразил ее. Она проливала потоки слез, читая бумагу, которую я вам посылаю. Это письмо, посланное мне Эдмоном. Она перечитывала его, когда вошел ваш нарочный. Я прочитал первым, повинуясь некоему предчувствию. Прервав чтение, я увидел, что она читает вместе со мной. У нее вырвался душераздирающий крик, и она надолго лишилась чувств.

Хотите, любезный Пьер, я сообщу вам, что думают наши друзья, а главное Фаншетта, которая

не расстается с сестрой после того, как Эдмон появился в округе? Они подозревают, что этот удар нанес маркиз или велел его нанести. Если так, примем смиренно волю провидения, но умолчим об этом из-за маленького графа, вашего племянника. Таково наше мнение. Впрочем, если дела позволяют вам, отправляйтесь в путь. Я готов, или вернее, горячо желаю вам сопутствовать.

ПИСЬМО CCV

ОТВЕТ

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО НА ПИСЬМО ЭДМОНА

Сам того не подозревая, он сообщает Злосчастному нечто душераздирающее

Ужели ты и впредь будешь проявлять жестокость и нас избегать? Твое письмо у всех нас вызвало слезы, особенно его конец привел нас в отчаяние. Неблагодарный! Ужели ты стал бесчувственным? Ужели ты хочешь вдобавок к былым своим проступкам сделать несчастными всех твоих друзей?.. Увы! После неожиданного происшествия, твое присутствие у нас было бы

весьма необходимо! Тебя не могли известить обо всем, что произошло за последние годы. Юрсюль была замужем, она вышла за маркиза. Мать этого сеньора сама приехала за ней в О***, дабы узаконить внука. Родственники по боковой линии, имеющие только дочерей, высказали такое же пожелание и привели в порядок расстроенные дела главы их семьи. Твой племянник, теперь граф де***, законный и признанный наследник знатного дома. Юрсюль оказалась на высоте своего нового положения и проявляла одни добродетели. Госпожа Парангон руководила ее поведением, вдохновляя на все прекрасное. Но можно подумать, что небесам угодны лишь жертвы невинные, или же очищенные добрыми делами. Юрсюль вчера убили, и госпожа Парангон умирает с горя... Подозревают, что маркиз посягнул на жизнь женщины, которую он больше не любил, и на которой женился лишь с целью усыновить сына.

Признаюсь тебе, неблагодарный друг, что нас вначале порадовал интерес, какой ты начинаешь проявлять к любящим тебя, но постскриптум убил все наши надежды, а смерть достойнейшей из женщин и друзей переполнит чашу наших страданий. Еще по поводу твоих писем. Клянусь

тебе честью, что не сделаю ни одного неприятного тебе шага. Пиши мне без всяких опасений... Без опасений! Эдмону ли бояться своего друга!

Кончаю, — нужна моя помощь. С нами находится одна особа, которой ты никак не ожидал бы здесь увидеть! Если хочешь узнать, приезжай к нам или ты никогда не узнаешь.

Луазо.

P. S. Взгляни на это имя, — оно принадлежит старому другу, которого ты так огорчаешь.

ПИСЬМО CCVI

Отправлено до получения предыдущего

ОТ ЭДМОНА К ГОСПОДИНУ ЛУАЗО

Злосчастный признается в убийстве сестры

Не преследуйте меня, фурии!.. Они осаждают меня, осаждают! Но я бросаю им вызов... Я совершил лишь доброе дело... Доброе!.. Больше я не владею своей рукой, она дрожит, и у меня получаются какие-то каракули... Все же буду писать... Я привел в смятение наглых бесстыжих женщин... Я привел их в смятенье... вместо одной... я нака-

зал трех... Ты знаешь, что я тебе писал о Лоре! Помнишь ли ты об этом, друг мой?.. Мысли у меня путаются... У тебя голова яснее... Вчера я отнес... Нет, это было нынче утром... Как тянется время!.. Да, это было нынче утром, часов в десять-одиннадцать, а, может, и в двенадцать, не знаю точно... Я отнес мой ответ, написанный кровью... я хочу сказать, кровью сердца. Кто-то пришел! Верно, меня арестуют!.. Вот это письмо:

«Вы пожелали увидеть Эдмона, — надо удовлетворить вашу просьбу, сударыни: он предстанет вашим взорам... Но как бы вам в этом не раскаяться! Податель письма покажет вам его. Прощайте.

Несчастный Эдмон».

— Где же он? Пусть появится! — воскликнули обе женщины. — Право же, — прибавила Обскурофила, — Эдмон сущий чудак, — зачем прислал он нам этого мерзкого урода? — Он прислал вам самого себя, — ответил я. — С вами говорит Эдмон. — При этих словах они испустили пронзительный крик. Прибежали двое слуг — лакеи Лоры и Обскурофилы и две горничные; они набросились на меня и стали выгонять меня пинками. Тут Лора приказала им отпустить меня и удалиться. Когда мы остались одни, она спросила, почему я не захотел переодеться и

прийти к ней в приличном виде. — Чтобы ты увидела, как меня изуродовал порок, — ответил я. — Я оказался в таком состоянии по заслугам, и ты заслужишь то же самое, если не изменишься. Видишь, какой я грязный и растерзанный? Но еще в более ужасном состоянии наши с тобой души. О кузина! Подобно тебе я находил удовольствие и очарование в преступлении, попадал из одной ловушки в другую, и подконец оказался на дне бездны, куда предательски столкнули меня мои злодеяния. Отвечай мне: не пойдешь ли ты в своем теперешнем положении на любое преступление, чтобы удовлетворить корысть или жажду наслаждений? Откажешься ли ты от самого гнусного разврата? Побоишься ли ты разорить отца семейства, довести до отчаяния его жену и ввергнуть в нищету его детей? Скажи, существует ли для тебя хоть какая-нибудь узда? Нет! Тебе еще не представился случай заслужить смертную казнь! Скажи еще, заглядываешь ли ты хоть когда-нибудь в свою душу и доставляет ли это тебе удовольствие? Нет! Ты ищешь только развлечений, ты убегаешь от себя, ты пришла бы в ужас, если бы себя увидела! Слушай, ты моя родственница, я желаю тебе добра. Пусть тебя вразумят мои проступки и ужасное возмездие,

которое они навлекли. Вглядись в меня: я живая книга, где господь повествует о судьбе беспутного негодяя. Смотри и не отвращай от меня взора!.. — Она залилась слезами. — О, Эдмон, каким ты стал... — вырвалось у нее. Тут ее прервала Обскурофила: — Ей-ей, дорогая, я ни за что бы не простила! Но, быть может, вам надо кое о чем поговорить. Я покидаю вас. Армида! — позвала она горничную, — мы уходим! Я не останусь обедать. Мне опять не по себе... — Прощай, — сказал я ей, — ты недостойна меня выслушать! — Ах, что за грубиян, что за наглец! — Тут я в приступе ярости вытолкал ее за дверь. Этот мой поступок возмутил Лору. Мы наговорили друг другу резкостей. Ей было Досадно, что я поссорил ее с влиятельной подругой, благодаря которой она принята в число внештатных и ограждена от всяких неприятностей. Я не проповедник морали и мне не пристала эта роль, — я вышел из себя и сослался на свою сестру, которая ... Она прервала меня: — Которая живет с маркизом де***. — Ошибаетесь, она находится в О***. — На днях я видела ее в карете, я прекрасно ее разглядела, она сидела рядом с маркизом де***... Иди, бедный мой Эдмон, иди обращать свою сестру, а потом уж принимайся за меня. — В ответ у меня вырвался яростный вздох.

Почти непроизвольно я направил свои стопы к особняку маркиза***. Смеркалось, но я собственными глазами увидел сестру, празднично, хотя и скромно одетую; она выходила из кареты. Мной овладело бешенство... Нет, это не преступление. О, священные тени моих родителей! Примите эту жертву!.. Зачем, зачем эта кровь?.. Не осквернила ли она ваш прах?.. Говорят об Оресте {113}, об испытанных им угрызениях, о преследовавших его фуриях. Говорят правду, во всяком случае нечто похожее на правду: оправдывая себя, я трепещу, содрогаюсь... Меня никто не видел... Но Юрсюль, без сомнения, узнала меня, она упала без единого крика. У меня осталась лишь одна рука. Скажи мне, друг, не лучше ли мне и ее лишиться?..

ПИСЬМО CCVII

ОТ ПЬЕРРО К ЛУАЗО

Господь покарал нас в ярости своей

Я плачу и горестно восклицаю! Ах, дорогой

{113} Комментарии: 2.113

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры, убившей своего мужа. Орест отомстил за смерть отца, убив мать и ее возлюбленного Эгиста (греч. миф.).

сударь, дорогой сударь! Что будет с нами? Я обращаюсь к богу! Пощади, пощади нас, господи боже мой! Возьми лучше жизнь слуги твоего! Возьми его из мира сего, ибо ты сделал для него жизнь непосильным бременем. Прочтите, дорогой сударь, прочтите эту записку.

«Нет такого проклятия, которого я бы не заслужил!.. Пьер, изверг убил свою сестру... он убил ее, добродетельную, невинную... он зарезал ее ножом... он обагрил себя ее кровью... И вы меня не поглотите, бездны ада, извергнувшие меня!.. Он убил ее! Изверг ее убил! Эдмон, изверг, бешеный, одержимый, заклейменный, обесчестивший всех вас, убил ее!.. Человеческое правосудие, готовь костер! Пусть погибнет он в огне, испытав длительные, чудовищные пытки!.. Я иду туда, бегу. Прощай! Я отдамся в руки правосудия! Иначе могут обвинить кого-либо другого... О, кто же, кроме меня, способен на подобные злодеяния? Прощай. Ведь одной рукой... О зачем, небесное правосудие, не отняло ты у него обе руки? Прощай.

Изверг».

О, дорогой сударь! Что делать? Первая беда непоправима, а вторая... вероятно, тоже... Несчастный, должно быть, уже признался в преступлении... Что будет с нами?.. Буду ждать

вашего ответа, добрый сударь.

ПИСЬМО CCVIII

ОТВЕТ

Господин Луазо летит к нам на помощь

Пишу вам, сидя верхом. Я уже уезжал, когда прибыл ваш нарочный: я узнал ужасную новость раньше вас. Оставайтесь на месте. Я буду один действовать за двоих. Завтра же я буду в Париже. Не пытаюсь вас утешить, — столь благочестивый человек, как вы, обретет утешение, покорившись воле всевышнего.

ПИСЬМО CCIX

Из Парижа

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ЕГО ЖЕНЕ

Маркиз отправил Эдмона в Англию. Господин Луазо посещает Лору и пробуждает в ней совесть

Любезная жена! Спешу поведать тебе обо всем, что было мною совершено после прибытия в Париж. Прямо с дороги я явился к маркизу и застал его в глубоком горе. Я отрекомендовался ему. После необходимых объяснений он сказал: — Дорогой сударь, я весьма удручен, крайне несчастен. Преступник приходил сюда. Он испугал меня. Он требовал, чтобы я его убил, бросился на гроб сестры, которая еще не была погребена. Он катался по полу и хотел покончить с собой. Из его бессвязных речей я уразумел, что он почитал ее распутницей... Боже мой! Странно: стоит человеку вернуться в лоно добродетели, как на него обрушиваются все беды! Бедняжка маркиза непрерывно страдала с тех пор, как ее поведение стало образцовым... Она начинала свободно дышать: ей удалось воздействовать на меня своими достоинствами, — и вот я потерял ее!.. Как надлежало поступить с этим злосчастным, сударь? Я велел двум своим слугам унести его на моем портшезе и отправить за границу. Он — в Лондоне, он при деньгах, мой слуга наблюдает за ним и не

даст ему вернуться на родину. — Вы воскрешаете нас! — воскликнул я в неудержимом порыве. — Ах, сударь!.. — Это еще не все, — продолжал он, — я знал, что если бы моей жене пришлось кому-либо поручить сына, она доверила бы его только госпоже Парангон. Попросите ее взять это на себя и совершить доброе деяние, — не ради меня, ибо я этого не заслуживаю, но в память ее приятельницы, ради ребенка, предмета нежной любви Юрсюли. Мне ясно, что воспитание моего сына надлежит продолжать в том же духе, в каком оно было начато, а не то он подвергнется участи младенца, которого берут от хорошей кормилицы и передают дурной, это хуже, чем если бы все время его кормила последняя. — Если она выживет, она станет его воспитательницей, будьте в этом уверены, сударь, — ответил я, — но она подвергается ужасным припадкам, и я опасаюсь, как бы они не доконали ее! — Напишите ей немедля о моем предложении. Я полагаю, благодаря ее дружбе к моей жене, это произведет на нее впечатление и отвлечет от горя, внушив желание послужить дорогой ее сердцу покойной Юрсюли. — Итак, любезная жена, прибегни к этому средству, постарайся вырвать ее из оцепенения, пробудив свойственное ей великодушное

стремление жертвовать собой ради любимых существ.

Как видишь, теперь у меня остается немного дел в Париже. Вчера я навестил бедную Лору и, по счастью, застал ее одну. Не зная меня, она оказала мне прием как рядовому посетителю. — Мадемуазель, — обратился я к ней, — мое имя Луазо. Годэ и несчастный Эдмон, без сомнения, говорили вам обо мне? — Она ответила мне любезностью. — У меня есть серьезные основания упрекнуть вас, — продолжал я, — но разве можно жалобами и упреками исправить беду? — Затем, не входя в подробности, я протянул ей письмо Эдмона. Она прочитала: я видел, как она содрогнулась, побледнела и залилась слезами. Ни слова не говоря, я тут же дал ей письмо Пьера со вложенной запиской Эдмона. — Это уже слишком! — воскликнула она, возвращая мне письмо. — О боже! Я виновата в смерти кузины и в преступлении Эдмона!.. Но вы убедитесь, сударь, что у меня не каменное сердце! — При этих ее словах вошла красивая дама. Я догадался, что это Обскурофила. Лора в двух словах рассказала ей о происшедшем. — Боже мой! — воскликнула танцовщица. — Надо повесить этого негодяя!.. Слышишь, милая? Имей в виду, моей ноги больше не будет у тебя.

Если он вновь появится, я умру от страха. Тьфу! Убийца! Какой ужас! — Пустоголовая женщина еще несколько минут распространялась в том же духе, причем ее никто не прерывал, потом она поднялась: — Ты плачешь! Ну что ж, я покидаю тебя. Прощайте, люди добрые, у меня нет с вами ничего общего. — Лора проводила ее до дверей и сказала, что настоятельно просит позабыть ее. Танцовщица ответила ей дурацкими шуточками и удалилась. Но я понял по сухому тону, каким Лора с ней говорила, что она растрогана и готова измениться к лучшему. Я поддержал ее в этом намерении, пояснив ей, что для вящего успеха ей надлежит покинуть Париж и жить с дочерью. — А где она, сударь? — У меня, ее воспитывает госпожа Парангон. — Ах, сударь, я поеду с вами, если вы мне окажете такую любезность. — Итак, если она в ближайшие дни не переменит своего решения, чего я не думаю, я возьму ее с собой. Предупреди об этом наших дам; без сомнения, они одобрят меня. Это мать малютки Лоры и родственница Эдмона, который так хотел, чтобы она исправилась.

До свидания, любезная жена. Надеюсь, что вскоре буду иметь удовольствие видеть тебя.

*(Здесь перерыв в несколько месяцев. За это время маркиз побывал в О*** вместе с сыном и уговорил госпожу Парангон переехать в Париж и там воспитывать мальчика на глазах у его родных и вывозить его в свет. Он оставил у нее юного графа, согласившись, чтобы он прожил некоторое время в провинции. По возвращении в Париж маркиз получил нижеследующее письмо.)*

ПИСЬМО CCX

5 мая того же года

Письмо переведено с английского

МАРКИЗУ ДЕ *, В ПАРИЖ**

Ваша светлость! Проживающий у меня человек, по его словам француз и лакей убийцы, скрывшегося в Англии, просит меня получить для него удостоверение от мирового судьи в том, что убийца скрылся, обманув его бдительность. Вслед за сим, в доказательство правдивости своих слов, слуга вручил мне деньги, полученные им от вас, маркиз, на расходы его так называемого хозяина, и просил добросовестно их переслать вам. Итак, вы можете, маркиз, получить эту сумму в Кале, в конторе судоходства. Низко кланяюсь вам, маркиз.

Эндрьюз Поуэл, хозяин гостиницы «Золотой лев» в Портсмуте близ гавани.

УДОСТОВЕРЕНИЕ МИРОВОГО СУДЬИ

На основании свидетельства Эндрьюза Поуэла, хозяина гостиницы «Золотой лев» в городе Портсмуте, а также ввиду бескорыстия, проявленного упомянутым Лажарри, по происхождению французу, слугой некоего сьера Эдмона, также французу, обретшего убежище в нашем королевстве, можно признать, что без ведома упомянутого слуги упомянутый сьер Эдмон скрылся из города, причем не удалось установить, куда он направился. Вслед за сим нам была передана сумма денег, принадлежащих упомянутому беглецу, с тем, чтобы их переслать во Францию маркизу де***, которым были выданы эти деньги. Подтверждая вышеизложенное, мы подписали настоящее удостоверение.

Кавалер Тюрнил.

*(Приписка маркиза Зе*** на конверте, заключающем эти две бумаги и адресованном господину Луазо.)*

Вот что я получил из Кале, любезный сударь. Пересылаю все это вам.

Целую своего сына и его любезную наставницу и от всей души радуюсь, что она несколько утешилась. По правде сказать, тот, кого она опла-

кивает, не стоит и половины пролитых ею слез. Сердечный привет госпоже Луазо. Никогда не забуду внимания, которое она оказывала мне во время моего пребывания в О***. Весьма огорчен, что прелестная вдова[118] отвергла мои утешения; она почти столь же печальна, как и госпожа Парангон. Это как-то не вяжется с ее хорошенькой мордашкой. Нет, ей это не к лицу, ей это не к лицу. Я не забываю ни очаровательную Фаншетту, ни кающуюся[119]. Что до мужчин, они знают, что я их друг.

*(Перерыв в три года, в течение коих все друзья жили вместе в О***, а Эдмон не давал о себе знать, посему не было и писем.)*

ПИСЬМО CCXI

Из Канады, 1768 г.

---

[118] Примечания: 1.118
Зефира.

[119] Примечания: 1.119
Лору.

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он рассказывает мне о своем бегстве и о пребывании среди дикарей

Если ты еще не потерял интереса к извергу, то прочитай его письмо. После совершенного мною преступления меня перевезли в Англию. Надеясь, что море поглотит меня во время плавания, я без сопротивления взошел на борт пакетбота. Столица Англии чересчур похожа на Париж, и мне казалось, что я все еще нахожусь там. Я поехал в Портсмут, откуда отправлялось судно в кругосветное плавание. Я убежал от моего стража, предложил денег капитану и он принял меня на борт. Мы отплыли.

Когда мы очутились в южном полушарии, я стал надеяться, что меня погубит цынга, — но она пощадила меня, — мне уготована небесами смерть столь же чудовищная, как и моя жизнь. Я сошел на берег в стране патагонцев {114} и встретился с двумя мужчинами очень высокого роста, но кроткими, как агнцы, ибо им еще не ведомы

{114} Комментарии: 2.114

Патагонцы — общее название южноамериканских индейских племен.

наши страсти и пороки. Я блуждал в лесах, где росли мачтовые сосны. Перейдя реку, я очутился в безлюдной пустыне, где нет пресной воды и почва пропитана солью. Мне показалось, что эта проклятая земля создана для меня. Я хотел здесь умереть, но меня прогнали отсюда, и я направился дальше через Чили, через страну отважных людей, которые стали жестокими потому, что им причинили много зла; но ни один из них не пожелал покарать меня; на мне, как на Каине, лежит печать отверженности и ни одно живое существо не хочет коснуться меня. Я видел остров Хуана Фернандеса и хотел укрыться там; я спал под открытым небом и кровожадные псы, бич тех мест, не трогали меня. Но лаем своим они меня выдали и я был снова водворен на корабль. Наконец я добрался до Канады, новой английской колонии, раньше принадлежавшей французам. Почувствовав себя на свободе, я бежал к диким племенам. Гуроны, ирокезы, иллинойсы, сиу, альгонкины отвергли меня с презрением, зато эскимосы приняли, ибо они удушают своих престарелых отцов. Я живу среди них. Отцеубийца не внушает им ужаса. Я живу с ними как дикий зверь, но я оплакиваю свои преступления, а мои хозяева не испытывают угрызений совести. Уста-

лый от жизни старик весело сходит в могилу, и его дети убивают его, совершая священный сыновний долг, а между тем я...

О, счастливое время, когда я бродил в безлюдных просторах, о, С***, где я не мечтал об обманчивых удовольствиях, погубивших меня, — ты больше не вернешься! Покой, безмятежность, душевное удовлетворение, я больше не буду вас вкушать! Моя душа опустошена, подобно земле, отданной на произвол жадным наемникам... О, ненавистная городская утонченность, создающая все новые потребности, жадная до изысканных наслаждений, скольких ты сделала несчастными! О, мнимое варварство, драгоценная грубость, вернись, вернись! Пусть снова мы будем жить в лесах и питаться желудями! Люди (я-то уже не человек!) обретут там счастье, недоступное в пучинах грязи, дыма, пороков и ужасов, именуемых городами, где, как в тюрьмах, бедствует род людской. Неведение, драгоценное неведение! Зачем, подобно Адаму, я захотел тебя лишиться и обрести знание добра и зла!.. О, отец мой! Что ты сделал? Ведь ты оторвал меня от своей отцовской груди и удалил от себя!.. Я приблизился к тебе потом лишь с тем, чтобы пронзить твою грудь кинжалом... Несчастный! Ты дерзаешь трево-

жить его прах!.. Прости, о, отец мой! Прости!.. Простить? Меня? Такого изверга! Я вижу, как матушка удерживает его от прощения и требует у меня свою дочь!.. Они уже не могут меня простить; я погиб, навеки погиб!.. О, Сена, зачем ты не поглотила меня, не похоронила на дне, но донесла до обиталища коварных наслаждений и жестоких укоров совести, сопровождающих преступление!.. И моря, моря не поглотили в бездонной пучине изверга, обагренного кровью сестры, который бесчеловечно утолял жажду слезами подруги своей... который, в довершение злодеяний, обесчестив свою семью, заколол женщину, спасшую ему жизнь!.. О, все вы, делавшие мне добро, вы наказаны за это, и, конечно, вы понесли справедливое наказание... Злодеев надлежит уничтожать... Сколько преступлений я совершил! Когда я мысленно останавливаюсь на них, я вижу перед собой безбрежный океан! Мои преступления, подобно всеистребляющему пламени, лежали передо мной и сжигали добродетель, честь и все блага, дарованные мне любовью и дружбой... *Вы,* которую я не дерзаю назвать! *Вы,* которую я осквернил... Манон, которую я убил своими пороками... Злосчастная, которую я совратил и заколол!.. Зефира, которую я лишил

жизни!.. Все мои друзья, которых я опечалил, и ты, о мой... (я больше тебе не брат). Беспощадно терзайте мое сердце!.. Я обнимаю лишь твою тень, о, Годэ! Я неразлучен с твоей горестной тенью. Я вижу, как она реет вокруг меня в этих безлюдных просторах, изливая своему несчастному другу свое отчаяние и ярость... Прощай. Еще недолго и я исчезну подобно тени. Жизнь моя канет в забвенье как жизнь злодея.

Приписка. Я вручаю это письмо французскому купцу, возвращающемуся в Париж. Но не надеюсь, что оно будет тебе передано.

ПИСЬМО CCXII

Из Парижа
Получено одновременно с предыдущим

ОТ ЗЕФИРЫ К ГОСПОЖЕ ЛУАЗО

Она приехала в Париж по своим делам, когда госпожа Парангон только что возвратилась в О, завершив воспитание сына Юрсюли***

Говорят, с годами страсти угасают. Так обычно бывает. Что до меня, с тех пор, как я в Париже,

мнимое спокойствие, какое я вкушала близ вас, рассеялось. Здесь все напоминает мне об Эдмоне. Я больше не видела его после того дня... ужасного дня, положившего начало бесчисленным бедствиям, которые обрушились на него и сделали его неузнаваемым!.. Я пристально вглядываюсь в лица всем встреченным мною беднякам, мне кажется, что вот-вот я обнаружу его в лохмотьях жестокой нищеты... О, мой друг, предчувствия не обманывают меня! Помните, в ночь, когда он находился в О*** и, когда как раз говорили о нем, я отворила окно, словно надеясь его увидеть, а Злосчастный действительно стоял под окном, но я не могла усмотреть его в темноте!.. Не знаю, сохранила ли я хоть отчасти былые прелести, привлекавшие ко мне поклонников, но какое было бы счастье, если бы они помогли мне уготовить Эдмону, как бы он ни изменился, участь, достойную зависти! О! пусть он обезображен и изувечен, от этого я стану еще нежнее с ним! О, если б я могла, если б я могла ему доказать, что будь он самым страшным уродом, я всегда буду его обожать!.. Эти мысли непрестанно меня занимают...

Посудите сами, друг мой, могу ли после всего этого быть чувствительной к улещиваниям

маркиза де***? Я говорю *улещивания*, ибо, хотя он и свободен от брачных уз и я остановилась у него, как все вы мне посоветовали, — он ни разу не позволил себе нарушить уважение, какое надлежит оказывать особе, ему равной. Правда, присутствие любезного юноши, воспитанного нашей несравненной приятельницей, достаточно ограждает меня от проявлений цинизма со стороны отца. Маркиз боготворит сына и гордится его достоинствами. Он задумал его женить. Недавно он представил его ко двору. Некая герцогиня, близкая родственница покойной маркизы, его первой жены, и мать очаровательной девушки, как видно, обратила на юношу внимание. Она беседовала с ним, и он так ей понравился, что она выразила живейшее желание видеть его, и теперь он ежедневно бывает в ее особняке. Мне известно, что юный де*** пишет своей милой мамочке (как он все еще ее называет) и в своем поведении руководствуется ее советами, посему от него можно ждать лишь самого лучшего. На этот счет не буду входить в подробности, вы живете у источника всяких сведений.

Мои дела с фермерами в деревне и с жильцами городских домов, принадлежавших господину Трисмегисту, весьма продвинулись. Я отпустила

долг наиболее бедным, и поскольку не могу касаться сумм, завещанных покойным моему сыну, я, как могла, узаконила за ним это состояние, восстановив в правах на доходы с него прямых наследников. Я только что выдала замуж двух племянниц, единственных близких родственниц, имеющих права на наследство, и выделила им по двадцати тысяч экю, причем одну треть наличными, вторую я обязуюсь уплатить через два года, а последнюю — через шесть лет. Это меня стеснит, я не буду пользоваться доходами, но я считаю долгом подвергнуть себя этим лишениям. Я уже в настоящее время вознаграждена за это: ко мне стали дружески относиться семьи, близкие с семьей моего мужа, которые прежде относились ко мне сдержанно.

Любезный друг, передайте от меня поклон госпоже Парангон и скажите нашим друзьям, что мне очень хочется их видеть.

ПИСЬМО CCXIII

Спустя неделю

ОТВЕТ ЛОРЫ

Впервые заходит речь о весьма несчастном союзе

Пишу от имени госпожи Луазо, которая нездорова. Больше ни на что не надейся, любезная Зефира. Только что получено письмо, доставленное судном, возвратившимся из Америки. Мы навсегда потеряли Эдмона. К тому же, другая имела бы на него более давние и более священные права. Не стану сообщать тебе подробностей, ты сможешь прочитать это письмо, — Пьер посылает его копию маркизу де***, в надежде уговорить его предпринять шаги к возвращению Злосчастного. Боже мой! Сколько слез пролито из-за этого молодца! Есть на свете существа, созданные, чтобы терзать других, но к их судьбе никак не проявишь равнодушия, даже если б тебе посулили высшее блаженство!

Друг мой, госпожа Луазо недавно сказала мне, что Злосчастный сразу же после появления на свет моей Лоры возымел намерение в один прекрасный день выдать ее за юного Парангона. Тут мне пришла в голову такая мысль: твой Зефирен и прелестная Эдме-Колетта во всех отношениях

подходят друг другу. Вы соедините в лице сына и дочери, в коих узнаете самих себя, то, что было разлучено судьбой, — кровь Эдмона, кровь обожаемой нами женщины и твою собственную. Дорогая моя, подумай об этом. Госпожа Луазо без ума от юной Эдме — точной копии своей мамы; и если бы у госпожи Луазо был сын подходящего возраста, то я не решилась бы заговорить о твоем.

Госпожа Парангон сообщила, как обстоит дело с юным графом. Герцогиня де*** страстно желает иметь его своим зятем. Но хотя это весьма завидная партия и юная девица, которой всего лишь двенадцать лет, обладает пленительной внешностью, граф сказал, что примет оказываемую ему честь лишь при условии, что мадемуазель де**** возьмут из монастыря в Патнемоне, где она сейчас находится, и передадут в руки госпожи Парангон. Я одобряю его. В Париже женщины очаровательны, но весьма дурно воспитаны! Мне, пожалуй, скорее по душе усвоенный тобой образ мыслей. Если бы его придерживались представительницы нашего пола, они проиграли бы в смысле стыдливости, зато не проявляли бы язвительности и склонности командовать мужьями, столь пагубной для семейной жизни.

Узнай, принято ли это условие. Я буду в восторге, если смогу первой сообщить парижанам столь приятную новость.

ПИСЬМО CCXIV

ОТВЕТ

Госпоже Парангон поручается воспитать юную девушку, на которой должен жениться сын Юрсюли

Любезная Лора, герцогиня согласна отдать свою дочь под руководство нашей достойной приятельницы. Но не могу сказать, что эта новость уж так хороша и что она радует всех нас, ведь госпоже Парангон придется переехать в Париж. Крыло особняка, в котором она будет жить на правах хозяйки со своей ученицей, уже обставлено мебелью. Молодые люди смогут там видеться под ее присмотром и проводить вместе все свободное время, остающееся у графа после его занятий. Герцогиню убедил маркиз, проявивший незаурядный энтузиазм; говоря о госпоже Парангон, он превозносил ее до небес. Если бы шла речь о какой-либо другой женщине, можно было бы

опасаться, что ее подлинные достоинства не соответствуют столь блестящей рекомендации. Но в отношении нашей приятельницы не приходится этого страшиться, — она выше всяких похвал. Я полагаю, она оставит у вас детей до тех пор, пока не уверится в успехе своего дела; по крайней мере, мне так кажется. Нечего и говорить, что ее прибытие задержит мой отъезд в Париж.

Твой замысел насчет Эдме-Колетты и Зефирена приходил и мне в голову! Но я не решалась поговорить об этом с госпожой Парангон, что-то труднообъяснимое удерживало меня. Между тем, мне это желаннее всего на свете.

Маркиз начал хлопоты о Злосчастном. Он встретил при дворе капитанов двух судов, которые направятся в Америку и должны остановиться у берегов страны, где находится Эдмон. Он исхлопотал, чтобы им дали приказ привезти его, хотя бы и против воли, наказав, однако, бережно обращаться с ним и проявлять к нему всяческое уважение... Но мы еще не скоро узнаем, к чему приведут эти хлопоты!.. Быть может, как ты мне намекаешь, теперь уже поздно хлопотать!..

Ты говоришь мне относительно Эдмона, что «другая имеет на него права». Я знаю это и смиренно склоняюсь перед этими более священными

правами...

Сообщи мне о дне отъезда, — я хочу первой узнать о нем.

ПИСЬМО CCXV

ОТВЕТ

Госпожа Парангон возвращается в Париж

Она уезжает в четверг 16-го. Дети остаются у меня. Я очень этому рада. Буду содействовать столь желанной для меня привязанности. Мне не хочется, чтобы в один прекрасный день чужие люди вошли в состав нашей семьи; впрочем эта невинная страсть будет забавлять меня. Малютка *****[120] уезжает с нашей приятельницей, чтобы жить со своей матерью, недавно потерявшей двух других своих детей. Фаншетта будет сопровождать сестру, а господин Кенси во время отсутствия жены будет проводить время с нами. Посылаю тебе лишь эти краткие строки. Прощай, моя Зефира.

---

[120] Примечания: 1.120

Это девочка, появившаяся на свет после плутовской проделки, о коей идет речь в письмах CXLIII, CXLIV и CXLV.

ПИСЬМО CCXVI

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Госпожа Парангон успешно воспитывает дочь герцогини. По-прежнему идет речь о браке Эдме-Колетты с Зефиреном

Все совершается так, как я и предвидела: нашу приятельницу здесь обожают. Девочка столь же горячо ее полюбила, как Эдме-Колетта, Лора и юный граф. Ей сообщаются солидные познания, наряду с этим идут занятия изящными искусствами, преимущественно живописью, и герцогиня в восторге от успехов дочки. Ознакомившись с системой преподавания нашей приятельницы, она предоставила ей полную свободу действий, и когда герцогиня ездит в город с юной девицей, гувернантка всякий раз их сопровождает.

Тебе предоставляется полная возможность осуществить свой замысел: госпожа Парангон так занята с мадемуазель де****, что еще не скоро затребует детей. Хотя она и была склонна взять в Париж Эдме-Колетту, но ей приходится постоянно выезжать с герцогиней и своей воспитанницей,

и она решила, что этой девушке не подобает ни сопутствовать им, ни оставаться одной. Правда, она обратила взор на меня, но я столь горячо желаю успеха твоему замыслу в отношении моего сына и дочери обожаемой мною особы, что не пошла ей навстречу. Я сказала, что намереваюсь скоро вернуться. Фаншетта тоже не может долго оставаться в Париже. Таким образом, девочка наверняка останется с вами, ибо наша приятельница сама говорит, что ей только как матери хотелось бы иметь Эдме-Колетту рядом с собой, ибо той ничуть не хуже живется под руководством госпожи Луазо, чем под ее собственным.

Казалось бы, здесь нам живется спокойно... Однако все напоминает нам о Злосчастном. Корабли отплыли, — когда-то они возвратятся?.. Нежно целую тебя, любезная Лора.

(Перерыв в полгода; за это время не сохранилось писем. Между тем я знаю, что госпожа Парангон, господин Луазо, а также Зефира и Лора переписывались друг с другом.)

ПИСЬМО CCXVII

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

О картине, обнаруженной в С-ской церкви

Сударыня! Вот происшествие, чрезвычайно удивившее меня, да и все селение. Нынче утром увидели, что двери нашей церкви распахнуты; они запираются изнутри всего на один засов. Тщательно осмотрели храм, опасаясь какого-либо святотатства. Ничего не обнаружили, но рядом с изображением святого Эдма увидели картину четырех футов в высоту и двух с половиной в ширину, на которой изображен мужчина, закалывающий женщину. Мужчина походит на Злосчастного, а женщина — на Юрсюль. На картине еще три фигуры — две женщины, из коих одна напоминает Вас, а другая Зефиру. Над ними реет ангел с огненным мечом в руке. Женщины простирают руки ввысь, моля отвести удар, который вот-вот будет нанесен. Внизу, под ногами Злосчастного разверзается огненная бездна. Не знаю, любезная сударыня, что подумать и что сказать. Кто мог принести эту картину, если не

сам Злосчастный?.. Но может ли он находиться во Франции? Неужто он возвратился? Я теряюсь в догадках, не зная, как велико расстояние и каким путем можно добраться из Нового света и из страны эскимосов до нашей бедной страны. Господин кюре и господин бальи (он же господин советник, который по временам приезжает к нам и вершит суд; он выказывает самое дружеское участие мне и всей нашей семье) говорит, что картина написана мастерски! Что до меня, то я в этом не разбираюсь, но я нахожу, что персонажи (как выражаются эти господа) совсем как живые и кажется вот-вот заговорят. Так вот, мне думается, что мой несчастный брат, у которого лишь одна рука и который давно забросил свое ремесло, не мог написать эту картину. Впрочем, сударыня, ни об этом, ни о чем другом я не берусь судить. Господь всемогущ. Я счел долгом поскорее уведомить Вас обо всем этом, дорогая и добрая сударыня, с целью спросить, согласны ли Вы, чтобы картина осталась там, где она сейчас находится. Господин кюре склонен оставить ее, а господин бальи говорит, что не следует ничего предпринимать без Вашего согласия, ввиду наличия сходства. Итак, сударыня, представляем все на Ваше усмотрение. В ожидании решения

остаюсь, сударыня,

Ваш, и т. д.

ПИСЬМО CCXVIII

ОТВЕТ ЗЕФИРЫ

Госпожа Парангон просит прислать ей картину

Пишу Вам, любезный Пьер, от имени нашей высокочтимой приятельницы, и первым долгом сообщаю, что мы изумлены не меньше Вашего. Однако мы не допускаем сомнения в том, что картина принадлежит кисти Эдмона: наверняка он возвратился. По мнению маркиза, это вполне вероятно: матросы одного из кораблей могли найти Злосчастного среди дикарей, взять его на борт и доставить на родину; он мог приехать в Париж, написать картину, скатать полотно в трубку и доставить в С**, а там вставить ее в раму и поместить в церкви. Но все это крайне удивительно. Госпожа Парангон полагает, что картина должна остаться там, куда принесена с благочестивой целью. Но ей желательно ее увидеть, и она просит, чтобы ее доставили ей, приняв

всевозможные предосторожности, дабы она не пострадала в пути. Она намеревается показать ее знатокам, чтобы они определили, так ли она хороша, как уверяют; она будет отослана Вам обратно с надлежащим благоговением.

Теперь, любезный Пьер, хочу сказать Вам несколько слов лично от себя. Мне думается, наша приятельница хочет увидеть картину лишь для того, чтобы дать пищу своему горю, ибо скорбь составляет единственную ее радость (прошу извинить это выражение). Все свободное время, какое остается у нее после занятий с ее воспитанницей, она употребляет на служение несчастным в больницах и в тюрьмах. Я сопровождаю ее. Я вижу, как всякий раз, встретив новое лицо, она вздрагивает, пристально вглядывается в него и отворачивается, причем глаза ее полны слез. При всей своей нежности и чувствительности я лишь жалкий ручеек по сравнению с океаном чувств, бушующим в груди нашей высокочтимой приятельницы. Все же я опасаюсь, что мы станем искать Эдмона там, где его больше нет: если он пишет картины, если он вновь занимается своим искусством и преуспевает в нем, — значит им уже не владеет столь беспросветное отчаяние. Ни слова не говоря госпоже Парангон, я наведу

справки у художников, и если его обнаружу, то уж знаю, как мне с ним обойтись.

Прощайте, любезный Пьер. От всей души целую Вашу жену и милых деток. Как видно, старший начинает вам помогать? Ваша дочка, не отстающая от брата, представляется мне портретом своей матери. Она не сознает своей прелести, — пусть она и впредь пребывает в неведении; как только девушка начинает кичиться своей внешностью, она уже вступает на путь, ведущий к развращению. Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО CCXIX

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Встреча при возвращении с кладбища. Статуи, обнаруженные мною на могилах. Я отсылаю картину

Сударыня! Если картина и не написана Злосчастным, то во всяком случае это он ее принес, ибо он обретается в нашей округе... На днях, вечером, возвращаясь с кладбища, где похоронены наши родители, я услыхал, что кто-то идет позади меня. Я остановился, остановился

и некто. Я пошел дальше, пошел и он. Так было три раза. От природы я не робкого десятка, к тому же, сударыня, бог видит все. Я повернул назад. Некто бросился в сторону, давая мне дорогу, и когда я прошел, то услыхал близ водоема вздох, от которого весь содрогнулся. — О, если это ты, несчастный брат, — крикнул я, — покажись мне хоть еще раз, чтобы я мог оросить тебя слезами! О приди! Они так и текут у меня, ты слышишь, как я рыдаю? — И вот, сударыня, покамест я взывал к нему со слезами, некто по всей видимости удалился, ибо мне послышался приглушенный голос, доносившийся с той стороны водоема: — Никогда! Никогда! — Я бросился в ту сторону и прошел через водоем по пояс в воде, чтобы сократить расстояние. Но я больше не слыхал ни шагов, ни вздохов. Я вернулся домой, совсем убитый, но никому не сказал ни слова... Если б я возвратился на могилы, послушавшись внутреннего голоса, звавшего меня туда, я увидел бы нечто еще более поразительное. Добропорядочная вдова, дом которой у самого кладбища, ее сын и дочка, старшему из коих всего лет пятнадцать, видели на могиле моего бедного батюшки нечто вроде горящей свечи. Вместо того, чтобы оповестить кого-нибудь из соседей, они сидели у

окна и дрожали как осиновый лист. Свеча стояла все на том же месте с того часа, когда я вернулся домой, и угасла за час до рассвета. И время от времени слышались как бы легкие удары молотка, — это приводило в ужас вдову и детей, и они всю ночь не смыкали глаз. Рано утром, едва рассвело, не решаясь пойти и посмотреть в чем дело, они оповестили соседей, и те пришли за мной. Я отправился с ними, и мы обнаружили на могиле моего бедного батюшки две небольшие мраморные фигуры, крепко вделанные в плиту; первая из них — изображение почтенного старца, изможденного, со скорбным лицом, лежащего на плите, вторая — простертая ничком в пыли у его ног, — изображение самого Злосчастного. На основании или подставке стояли такие слова: «Parricida furiis agitatus, indignusque venia, posuit opt. Par. signum poenit». Господин кюре так нам это перевел: «Отцеубийца, терзаемый фуриями и недостойный прощения, поставил это на могиле своего доброго родителя в знак покаяния». И на могиле нашей доброй почтенной матушки также была укреплена мраморная змея, жалящая в грудь умирающую женщину, и стояли такие слова: «Quem fovit sinu, interemit morsu». — «Она отогрела змею у себя на груди, и та ужалила ее

насмерть». Я не в силах описать Вам, сударыня, всеобщее изумление, а у меня слезы так и катились по щекам, словно два ручья, и я опустился на колени и молил батюшку и матушку вступиться за Злосчастного и за меня. Посылаю Вам, сударыня, картину. Быть может, Вы пожелаете увидеть и две статуи, но они накрепко вделаны в плиту, и я не дерзну отбивать их молотком от надгробий батюшки и матушки и нарушить волю Злосчастного.

Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО CCXX

ОТВЕТ ЗЕФИРЫ

Высокие достоинства картины.

Эдмон влачит самое жалкое существование

Картина — подлинный шедевр, — ей дали здесь такую оценку. Там все на высоте — колорит, выразительность, плавность жестов, красота лиц, изящество драпировок, мягкость письма и прочее; все художники в восторге от нее. Маркиз хотел оставить ее у себя, внеся вместо нее значи-

тельный вклад в церковь, но госпожа Парангон считает это святотатством, она хочет, чтобы картину отослали назад после того, как она будет вставлена в другую раму поверх деревянной, которую оставят из уважения. Моя приятельница, увидев ее, твердо уверилась, что она написана Эдмоном; она узнает его манеру, доведенную до совершенства. Но если бы она даже и сомневалась, ее убедило бы то, что я обнаружила, удалив раму: там стоит имя Эдмона с эпитетом «Изверг», который он присвоил себе после убийства Юрсюли.

Ваше сообщение о ночной встрече прямо-таки привело нас в ужас. Если статуи не уступают картине, то это должны быть мастерские произведения! Но вы правильно поступили, оставив их на месте.

Мы полагаем, что Эдмон в Париже, но до настоящего времени нам не удалось обнаружить его следов. В артистической среде столицы не знают однорукого художника. Мы удостоверились в И***, где он работал в ту пору, когда я с ним познакомилась, что невозможно писать одной рукой. Правда, несколько недель назад видели бедно одетого человека, по виду иноземца, который остановился перед особняком маркиза и с любо-

пытством заглядывал во двор и в окна, но у этого человека был один глаз и две руки. Выходит, то был не он. Я сама на днях посетила на чердаке одного умирающего и оказала ему помощь; вид его вызвал у меня глубокое волнение. Лицо его было закрыто густой бородой, но голос был гнусавый и какой-то замогильный и нимало не походил на голос Эдмона. Вдобавок неужто сердце не подсказало бы мне, что это он? Бедняга не видел меня, он был в тяжелом состоянии. Между тем я была крайне взволнована... Но это не мог быть Эдмон. Я вернулась туда на следующий день, однако бедняка там больше не было; никто не знал, что со ним сталось. — Но ведь он был при смерти, — сказала я хозяйке. — Сударыня, — отвечала она, — покамест этот человек жил здесь, мне добрых десять раз казалось, что он вот-вот отдаст богу душу, но спустя несколько часов он вставал и принимался писать картины. — Писать картины! — воскликнула я. — И он мастер своего дела, — продолжала хозяйка. — Мне страсть как досадно, что он съехал от меня, — я думала взять в уплату его картину. — Но у него две руки? — Он плохо владеет левой, как мне кажется. — У Эдмона совсем ее нет. Боже мой! Я прямо в отчаянии, что упустила этого человека. Правда, я взяла

слово с этой женщины, что она известит меня в случае, если он вернется, или же ей удастся где-нибудь его обнаружить. Наконец вчера моя приятельница, возвращаясь пешком с сестрой от соседей, почувствовала, что кто-то прикоснулся к ее платью. Обернувшись, она увидела человека, который поднес к губам край ее платья. Но у того человека были две руки. Он тотчас поспешно удалился. Фаншетта отлично его разглядела и уверяет, что это совсем не тот, что проходил через Семюр. Вот и все на сегодняшний день, любезный Пьер. Кажется, Вы находились ближе, чем я, к Злосчастному, но он все равно избегает всех нас. Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО CCXXI

ОТ ЛОРЫ К ЗЕФИРЕ

Дети получают свои портреты от однорукого и одноглазого художника

Эдмон во Франции, он здесь, это совершенно несомненно, и вы именно ему оказывали помощь; он занимался живописью и вы сейчас узнаете, с какой целью.

Вчера наши юнцы прогуливались одни во фруктовом саду, детей господина Луазо не было с ними. И вот в том месте, где несколько дней назад обрушилась стена, появился человек, у которого лишь одна рука была настоящая, а левая — искусственная, и со слезами попросил у них милостыню. Все они были потрясены, как никогда. Парангон, выступив вперед, ободрил остальных и дал нищему монету. Моя Лора, не имея денег и не зная, что дать, предложила ему совсем новенький, очень красивый носовой платок. Эдме-Колетта, очаровательное дитя, сказала ему: — Милый старичок, не плачьте так (ибо он проливал слезы, дорогая моя), у вас только один глаз и он совсем красный! Как бы вам не лишиться его, как и другого! Вот, возьмите мой серебряный игольник и браслет. — Нет, дитя мое, — отвечал нищий, — я принимаю лишь одну вещь — ваш браслет... — Она дала ему его, и бедняк, получив браслет, поцеловал его. — Ну, а я, — сказал ваш сын, — неужто ничего не дам этому милому человеку? Вот мои часы, они не ходят, но все-таки стоят не меньше двадцати четырех су; мне хотелось бы, чтобы они были серебряные или золотые, и я все равно подарил бы их вам, милый человек, потому что вы такой бедный и

такой несчастный. — Вы сказали правду, дитя мое, — ответил нищий, — но если я принимаю от вас, то хочу тоже кое-что вам подарить, — вот, прелестные мои дети, вот картинки, которые вас порадуют. Но сперва не скажете ли вы мне свои имена? — Парангон назвал себя, и бедняк закрыл лицо рукой. То же сделала моя Лора, — и он поднял взор к небесам, вздыхая (от детей ничто не ускользнуло). Эдме-Колетта сказала: — А я, милый папаша, Эдме-Колетта. Моя дорогая мамочка оставила меня здесь у своей подруги госпожи Луазо, которая любит меня от всей души, и у мамы моей дорогой подруги Лоры, которая тоже крепко меня любит. Не будь у меня такой мамочки, как моя, я бы ничего на свете не желала... но я так хочу видеть мамочку!.. Если б вы только ее знали!.. Ах, если б она увидела вас, она помогла бы вам, ведь она любит всех, кто страдает... Боже мой, — обратилась она к остальным, — какие же мы недогадливые! Нам надобно отвести милого дяденьку домой, ему окажут там помощь, как оказывают всем, кто в ней нуждается.

Бедняк поблагодарил и спросил, как зовут вашего сына, и тот ответил ему, что его мама — госпожа Зефира и она сейчас в Париже вместе с мамой его дорогой Эдме-Колетты. — Я не

понимаю вас, сын мой, — ответил бедняк, — кто ваша мама? — Мальчик повторил свои слова. Парангон, видя удивление нищего, подтвердил сказанное вашим сыном. — Но ведь она умерла, — возразил нищий. — Нет, она не умерла, — отвечал Парангон, — она была нечаянно ранена одним человеком, которого она оплакивает и которого все мы оплакиваем. Он решил, что убил ее, но она выздоровела. — Так это была она! — вполголоса проговорил нищий. Он роздал подросткам картинки и поспешно удалился. Они стояли и восхищались прелестной живописью, вначале не узнавая себя. Наконец Парангон, смотревший на портрет Лоры, сказал: — Но ведь это ты, друг мой! А это похоже на меня! — Эдме-Колетта тут же воскликнула, чтоу нее в руках ее собственный портрет и портрет Зефирена! У каждого был свой портрет, причем все четыре миниатюры были исполнены великолепно. К несчастью, молодежь долго забавлялась, рассматривая их, и не сразу вернулась домой, где, впрочем, никого не было, кроме госпожи Луазо и меня; муж ее находился на судебном заседании, господин Кенси на охоте, а слуги на полевых работах. И весьма вероятно, что Эдмон, если это был он, в чем почти нет сомнения, — воспользовался всеми этими обсто-

ятельствами, о которых без труда узнал.

Итак, любезная Зефира, вам есть чем руководствоваться в поисках, которые вы теперь предпримете.

Взаимная склонность твоего сына и Эдме-Колетты день ото дня становится все более явной. Мы с госпожой Луазо только и говорим Зефирену, что об Эдме-Колетте, а этой последней — о Зефирене. Я убеждена, что мы преуспеем, и коль скоро этот замысел тебе по душе, ты можешь питать надежду. Однако лучше сказать об этом госпоже Парангон лишь когда дело увенчается успехом, — хочется приготовить ей радостный сюрприз.

ПИСЬМО CCXXII

ОТВЕТ

Зефира видела Эдмона, но не узнала его. Она рассказывает свой сон

У него лишь один глаз! Боже мой! Я видела его, и сердце не подсказало мне, что то был он! Я никогда не утешусь в этом!.. Он полагал, что лишил меня жизни!.. Судя по самой себе, могу себе представить, как он страдал от этого ужас-

ного сознания!.. Любезная Лора, нынче ночью я размышляла о твоем письме, о врожденном инстинкте, повинуясь коему, наши дети оказали помощь своему отцу, а Эдме-Колетта обнаружила к человеку, столь дорогому ее матери, горячее сострадание, объяснимое лишь голосом крови, — и после этого мне приснился сон, который я не могу вспомнить без ужаса. «Ну, что такое сон!» — скажешь ты. Друг мой, я знаю не хуже тебя, что это лишь пустая иллюзия, но все же эта иллюзия обладает известным правдоподобием, и после того, что мы пережили, надлежит быть готовыми ко всему.

Мне привиделось, что идут приготовления к свадьбе Эдмона и моей кузины. Все было уже готово; радость царила в наших сердцах и отражалась на лицах наших. В этот самый миг появились два отвратительных чудовища. Одно из них схватило Эдмона и, с жутким смехом указав ему на его кузину, оторвало его от нее и стало его пожирать у нее на глазах. Другое принялось терзать самое госпожу Парангон и, несмотря на наши крики и попытки ее освободить, швырнуло ее в бездонную пропасть. Затем чудовища устремились на Эдме-Колетту и на Зефирена, они вырвали у меня сына и убили его. Я проснулась от ужасной ду-

шевной боли в тот момент, когда чудовища стали подбираться ко мне. Настало утро и мне стоило труда убедить себя, что то была лишь иллюзия.

Милая Лора, нет нужды наказывать тебе, а также всем нашим друзьям, принимать все меры, чтобы захватить жестокого и дорогого нам человека, который избегает нас и чересчур сурово наказывает себя за проступки, совершенные непроизвольно в бурном порыве. Со своей стороны, мы здесь сделаем все, что в наших силах. Прощай, милая Лора, я крайне опечалена!

P. S. Распечатываю письмо, чтобы сообщить тебе о странном происшествии, только что имевшем место! Я возвращалась домой, совершив кое-какие добрые дела по поручению нашей высокочтимой приятельницы, когда на углу улицы Прувер и улицы Дёз-Экю увидала порядочную толпу. Я приблизилась. Оказывается, женщина выбросилась из окна, спасаясь от человека, который преследовал ее намереваясь поколотить или убить за то, что она причинила вред его здоровью. Я подумала, нельзя ли оказать помощь несчастной, которая еще дышала, я велела тотчас же отнести ее в квартиру и послала за искусным хирургом и врачом. И что же ты думаешь, любезная Лора, кто была эта женщина? Обскурофила.

Ее жизнь в большой опасности и она испытывает нестерпимые боли.

ПИСЬМО CCXXIII

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Эдмон сообщает намеками Зефире о новых огорчениях, посланных ему небесами

Сердце мое все еще трепещет, и рука дрожит... Я только что получила письмо от Эдмона. Посылаю тебе его копию для его родных и для друзей.

От Эдмона к Зефире

Я оплакивал Вашу кончину, сударыня, а между тем небеса сохранили Вам жизнь... Они не столь сурово меня покарали, как я полагал!.. Я лишился руки, нанесшей Вам удар кинжалом... Но остающейся у меня рукой я убил сестру!.. Господь мститель! Без сомнения, ты направлял мою руку, и я был лишь гнусным и преступным орудием, которое ты в скором времени ввергнешь в пламя! Моя сестра была виновна, хотя и гораздо менее моего. Покамест она была несчастна, небеса оставляли ее в живых, дабы она могла искупить

свои преступления. Но вот кончились ее беды, и божественное провидение было оскорблено, когда столь виновная женщина стала наслаждаться счастьем. Господь мститель послал ей смерть... От чьей же руки? От руки ее совратителя и соучастника, который прозрел в следующую же минуту!.. Достаточно ли низко я пал, великий боже? И удовлетворено ли твое правосудие? Сударыня, Вы отлично понимаете, что извергу, подобно мне, нет и не может быть места в человеческом обществе; даже самое низкое положение чересчур высоко для него. Пусть испытывает он непрестанные терзания, соразмерные его преступлениям. Пусть тень Годэ, витающая надо мной, содрогается от ужаса и почитает себя счастливой в сравнении с несчастным, который был с ним связан... О дружба! Ты, что смягчаешь сердца людей и делаешь их добродетельными; дружба, которую я осквернил, ты не принесла мне счастья, — так будь же моим палачом, отрави мою минувшую жизнь, текущий момент и мой последний вздох!.. А ты, любовь, что была всегда нечистым излиянием моего испорченного сердца, любовь, что все еще терзает мою душу, я навсегда затворю перед тобой двери сердца, раздираемого тобой!.. Прощайте, сударыня. Забудьте

меня, и пусть Ваша приятельница также меня забудет. Когда Вы получите эту записку, человека, которого Вы знали под именем Эдмона, уже не будет в числе живых.

Ах, Лора! «Когда Вы получите эту записку, человека, которого Вы знали... уже не будет...» Ах, он обо всем позабыл!

Он не знает, что я его люблю! Он все забыл! Он забыл, что моя жизнь связана с его жизнью... Он забыл, что моя дивная приятельница не переживет его!.. Итак, все кончено!.. Я все еще надеялась до этой минуты! Теперь я потеряла надежду... О, друг мой и все вы, которые были мне дороги, не обижайтесь на меня. Мне казалось, что я была к вам привязана, мне казалось, что я была обязана вам выпавшими мне на долю отрадными минутами, которые скрашивали мое печальное существование. Я ошибалась. Но сейчас я прозрела. Мне доставляла радость лишь надежда увидеть Эдмона в нашем обществе, лишь он один, даже будучи в отдалении, придавал очарование моему общению с вами... Но это обманчивое очарование рассеялось, — жизнь мне в тягость, веселье мое угасло... Я решила следовать по пятам за госпожой Парангон и стать ее тенью. Я буду разделять с нею скорбь и умру, говоря об Эдмоне.

ПИСЬМО CCXXIV

ПРОДИКТОВАННОЕ ГОСПОЖОЙ ПАРАНГОН ЗЕФИРЕ ДЛЯ ПЬЕРРО

Госпожа Парангон, убедившись в смерти Эдмона, оплачивает для него заупокойные мессы на два срока и просит меня их заказать

Злосчастного уже, без сомнения, в эту минуту нет на свете, любезный Пьер... Такова жизнь! Высокие достоинства ума, привлекательная внешность, многообразные таланты, более того, доброе сердце не предохранили его от падения! Юность его увяла подобно весеннему цветку, и он видел лишь начало лета своей жизни, — ему не суждено было дожить до зрелых лет! Небо покарало его за безумства бурной юности столь же сурово, как оно карает за обдуманное коварство зрелых годов... Ах! Мне хочется плакать, хочется стонать и посвятить слезам остаток моей жизни! Увы, несчастная! Я не могу назвать себя невинной... я питала преступную страсть... некогда... и небо покарало его одного столько же за мои, как

и за его проступки... Во всяком случае он много страдал, а праведный господь не наказывает дважды: без сомнения, Эдмон пребывает в обители блаженных... Достойный мой друг, любезный Пьер, нам надлежит исполнить печальный долг, позаботившись о его бессмертной душе, коль скоро для нас уже потерян его земной облик. Прошу Вас, на посылаемые мною деньги, заказать в Вашей церкви непрерывные заупокойные мессы на два срока по шести месяцев и пусть совершают их в алтаре святого Эдма, куда вновь водворят картину после моей смерти... ибо я не в силах с ней расстаться... Друг мой! Брат мой! Мы пережили его!.. В отношении меня это кажется мне невероятным... О, друг мой! Вы пожалеете меня... Как! Все кончено! Жизнь моя была лишь длительным ожиданием, или вернее, ужасным сновидением, — и вот пришла смерть!.. Ибо он умер, — так говорит его записка... а главное, мое сердце.

Пусть на службу придут все дети, в том числе и моя дочь, и облекутся в глубокий траур. Скажите им: «Он умер, молитесь за него». Но больше ни о чем не распространяйтесь в данный момент... Он умер!.. И что же его погубило при столь чистом сердце и столь ясном уме! И при множестве

обожавших его людей! — Его погубили город и его удовольствия, Годэ, я и сотни других!.. Плачь, несчастная, плачь: все удары уже нанесены... И чего же мне теперь еще страшиться? Но этот последний удар меня доконал... Достаточно ли я наказана?.. Мне слышится грозный голос: «Нет, недостаточно!..» Если требуется моя жизнь, я готова...

У меня остается здесь одна Зефира. Не знаю, какими тайными узами я связана с ней столь тесно, что потерять ее из виду значило бы для меня впасть в гнетущую тревогу... Быть может, она будет отнята у меня, и небо готово уже лишить меня последней обители, где еще запечатлен образ Эдмона... Господь справедлив... Благословим же его, любезный Пьер, и молитесь обо мне.

Конец седьмой части

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ПИСЬМО CCXXV

ОТВЕТ ПЬЕРРО ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Я сообщаю ей о том, что произошло во время заупокойной службы об Эдмоне

Ваше благочестивое намерение приведено в исполнение, сударыня: все селение присутствовало на службе. «Это об Эдмоне, — слышалось со всех сторон. — Это об Эдмоне!» Нет такого человека, который не проливал бы слез о злосчастном!.. О мой высокочтимый друг, сердце мое обливалось кровью. Моя жена, все наши сестры и жены братьев присутствовали на приношении даров. У них был вид плачущей Магдалины, особенно у моей жены и у жены Бертрана, бедной Эдме. Но когда все уже совершили свои приношения, Эдме заметила еще одно и вся в слезах взяла его со словами: «Разве вы не видите, что это приношение Юрсюли?» И она возложила его. При имени «Юрсюль», любезная сударыня, у меня болезненно сжалось сердце, и я громко вскрикнул, — на меня нахлынуло столько горестных воспоминаний, что я потерял власть над собой, да и все громко завопили, ибо это имя... надорвало нам сердце. И никто не знает, каким образом очутилось еще одно приношение.

Теперь сударыня, я расскажу Вам о детях. Все четверо присутствовали на мессе в глубоком тра-

уре. Парангон спросил меня: — Кто же это умер? — Я ответил ему, как Вы мне наказали, и юноша, казалось, этим удовлетворился. Эдме-Колетта задала мне тот же вопрос, и я сказал ей: — Дитя мое, это человек, который всегда был несчастлив, а между тем мог бы быть счастливейшим из смертных, ибо он был любим вашей матушкой. Молитесь о нем. — А милая малютка продолжала: — Я догадываюсь, что это тот самый бедняк, что подарил нам наши портреты. Ах, как я огорчена! Мне так хотелось бы с ним поговорить, если бы он вернулся! — Двое других детей тоже задавали мне вопросы, и решили, подобно Эдме-Колетте, не услыхав ее слов, что это человек, подаривший им портреты.

После мессы все родичи собрались вместе, но никто не мог есть. Все говорили: — Здесь недостает Эдмона, недостает Юрсюли и наших любезных батюшки и матушки. — И вместо того чтобы есть, все проливали слезы. Во двор вошли нищие, и их посадили за обед. И вот Эдме-Колетта, видя, что все плачут, вдруг возьми да и скажи: — Боже мой, как вы все опечалены! Мне так бы хотелось сказать вам что-нибудь в утешение, как я говорила маме, когда она плакала, но я не знаю о причинах вашей скорби, хотя и понимаю, что она вызвана

не одной только смертью. — С этими словами она отправилась за нашими детишками, привела их и наказала им, чтобы они покрепче нас приласкали. Несмотря ни на что, эта тринадцатилетняя девочка сумела смягчить горечь нашей скорби и остановить излияние слез.

Пусть же она утешит также и Вас, сударыня. Я бы советовал Вам взять ее к себе: она столь мила, столь рассудительна, столь чувствительна, что будет для Вас нечаянным утешением. Она так мечтает об этом и просит той же милости и для Зефирена! Я присоединяюсь к ее просьбе, глубокочтимая сударыня и друг мой. Примите уверения в почтительной приязни, и т. д.

ПИСЬМО CCXXVI

ОТВЕТ

Характер юного графа и его нареченной

Я проливала слезы вместе с Вами, достойный друг мой, и это уже с давних пор единственная моя отрада. О, сколь умилила меня бедняжка Эдме! Я так и вижу, как она со взором, затуманенным слезами, как бы в некоем наитии возлагает это

позабытое приношение... Друг мой, наши сердца испытали то же чувство; Вы громко воскликнули, услыхав имя Юрсюли, такой же возглас вырвался и у меня, когда я прочла имя ее в Вашем письме... и, прервав чтение, я проговорила: «Юрсюль! Юрсюль! О, друг мой! Это мы с Эдмоном убили тебя!..» Лишь конец Вашего письма, любезный Пьер, слегка рассеял эти мучительные мысли, да, конец письма весьма утешителен для матери. У этой милой девочки столько достоинств! Да, Вы правы, я должна взять ее к себе, но сейчас этого еще нельзя сделать: вскоре состоится свадьба юного графа, и в такое время моей дочери не подобает находиться здесь. Мать Зефирена рассчитывает также, что он приедет с Эдме-Колеттой.

Любезный брат мой (дозвольте мне называть Вас этим нежным именем), если мне доступны какие-либо утешения, то мне могут доставить их двое моих воспитанников. У Вашего любезного племянника прекрасная душа, это всецело душа его матери. Девушка же — маленькое чудо; она умна, пожалуй чересчур жива, хороша собой, кротка и чувствительна, пожалуй также чрезмерно, ибо избыток чувствительности нежелателен!.. С чудесной легкостью она овладевает всеми искусствами. Добавьте к этому, что во всех

ее поступках сквозит желание нравиться графу, что доказывает, в какой мере он ей уже понравился. Обе матери, мать маркиза и мать герцогини, соревнуются в любви к этому очаровательному созданию. Я несколько опасаюсь чрезмерных похвал, ей расточаемых, боюсь даже, как бы не повредили моей юной воспитаннице похвалы, какими меня награждают: все это возбуждает чванство, умеряет осмотрительность и при самых лучших намерениях вызывает небрежное отношение к своим обязанностям.

Однако, мой друг, я могу с уверенностью сказать, что в скорости будет заключен счастливый брак, а именно, брак сына Юрсюли. Вот, любезный Пьер, единственная отрадная мысль, которую я не отвергаю. Впрочем, для меня вполне естественно принимать эту мысль. Я говорю про себя: «О, любезная моя Юрсюль! Если бы ты видела своего сына!» И я умиляюсь, у меня вырываются рыдания, передо мною встает образ Эдмона, и эта мысль, вначале столь сладостная, под конец раздирает мне душу... Любезный Пьер! *Он умер!..* Чего только я не испытываю при этом слове!.. Прощайте! Мой сердечный привет Вашей милой жене, — ее чувствительность весьма тронула меня!

ПИСЬМО CCXXVII

ОТ ЭДМЕ-КОЛЕТТЫ К ЕЕ МАТЕРИ

Она употребляет все свое девичье красноречие, чтобы убедить мать взять ее к себе

Любезная моя мамочка!

Неужто не будет конца нашей разлуке? Ах, если бы ты знала, как я по тебе тоскую, ты сжалилась бы над своей бедной крошкой, которая томится вдалеке от тебя, хотя ей оказывают столько внимания! Мне кажется, обожаемая мамочка, что мне надобно сделать тебе некое признание, но когда я хочу разобраться, в чем дело, мысли мои путаются. Мне ясно одно: я нахожусь в каком-то необычном состоянии; меня что-то тревожит, мой сон, который был столь спокоен, когда ты находилась со мной, теперь нарушен, — то меня мучают страшные сновидения, то не дает уснуть множество мыслей. Я немного успокаиваюсь лишь в присутствии Зефирена. Мне хотелось бы, чтобы он был старше меня, мне думается, тогда я больше бы надеялась на его дружбу и, поверяя ему свои треволнения, обретала бы значительное

утешение. Моя чудесная и обожаемая мамочка, хочу тебе сказать, что на третью ночь после заупокойной службы, которую ты здесь заказала, я уснула довольно поздно, и мне привиделся тот бедняк, он взял за руку Зефирена и меня и ласкал нас, проливая слезы, а потом его единственный глаз вдруг померк, и он уже ничего не видел и попросил нас проводить его. Мы взяли его за руку, и пошли по узкой-узкой тропинке, и вот он оступился и увлек нас за собой в бездну. Я тотчас же потеряла из виду бедняка и очутилась на дне пропасти одна с Зефиреном; упав, он страшно разбился и умер у меня на руках. У меня вырвался крик отчаяния. Тут вновь появился бедняк; оба глаза у него были здоровые, он поглядел на меня суровым взором и, ни слова не говоря, взял тело Зефирена и опустился с ним в еще более глубокую пропасть. Я хотела было броситься вслед за ними, но тут проснулась в невыразимом ужасе. Что может быть страшнее?

Милая, хорошая моя мамочка, прошу тебя, возьми меня к себе, и одновременно я прошу маму Зефирена вызвать его, ибо не подобает нас разлучать, а не то я буду очень огорчена; а Зефирен, думается, умрет от тоски. Между прочим, он рвется к своей маме так же, как я рвусь к своей. Порой он мне говорит: — Без тебя, Эдме-Колетта, несмотря на всеобщее расположение ко мне, я не перенес бы отсутствия мамы, но, глядя на тебя, я испытываю несказанное очарование и оно смягчает мою скорбь. — Видишь, мамочка, как его огорчила бы разлука, да и меня также. В ожидании счастливого часа, когда я смогу покрыть тебя поцелуями, милая, хорошая мамочка, остаюсь

твоя дочка, и т. д.

ПИСЬМО CCXXVIII

ОТВЕТ

Мудрые советы госпожи Парангон ее дочери

Дочь моя! Я всегда буду радоваться изъявлениям твоей нежности, на которую рассчитываю, ибо заслужила ее. Но мне не менее отрадны изъявления твоей покорности. Если ты любишь свою

маму, в чем я нимало не сомневаюсь, если ты питаешь к ней доверие, как к матери, умудренной житейским опытом, то будешь сообразовываться с ее желаниями в своих поступках и в выборе своего местопребывания. Тебе не следует, любезная дочь, пренебрегать своими обязанностями, отвлекаться от предметов, какие тебе надлежит усвоить, предметов, требующих напряженного внимания, и заниматься ненужными вещами. Что сказала бы ты о садовнике, который, вместо того чтобы обрабатывать сад и поливать растения, сидел бы день-деньской, мечтая о дожде или об ясной погоде? Милое дитя мое, ты еще находишься в том счастливом возрасте, когда девушке оказывают всевозможные заботы, а ей остается думать лишь об учении. Итак, не предавайся пустым мечтам, которые ни на минуту не приблизят желанный миг, но только привьют тебе нетерпение; нетерпение — величайший порок женщины, в то время как противоположная этому пороку добродетель наиболее всего потребна представительницам нашего пола. Я непрестанно помышляю о тебе, дочь моя, и желаю соединиться с тобой, и что могло бы помешать нам быть вместе, если бы это было уместно? Будь же покорна матери своей, дитя мое, ибо тебе

всю жизнь надлежит покоряться либо ей, либо мужу. Меня радует твоя дружба с Зефиреном, она доказывает, что у тебя чувствительное сердце и хорошая натура, но в твоем возрасте не следует допускать вольностей. Вы уже не дети и принадлежите к разному полу; благопристойность требует, чтобы ты не находилась все время с ним. Что до твоего сновидения, это всего лишь сон, пустая игра воображения, которая не должна оставлять следов в душе благоразумного существа. Прощай, любезная дочка. Не говорю тебе о том, как я горячо тебя люблю, — чувство мое не выразить словами.

Твоя мама и друг твой.

ПИСЬМО CCXXIX

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Она подозревает, что могут возникнуть трудности в отношении брака Эдме-Колетты и Зефирена

Свадьба графа должна состояться через неделю, друг мой. Отправляйся как можно скорее с Парангоном и твоей Лорой, милые дети будут

обвенчаны, как только прибудут в Париж. Граф в качестве свадебного подарка обеспечивает молодому человеку должность, которую будет занимать другой до тех пор, пока он сможет с нею справиться. Что до дочери госпожи Парангон и моего сына, они останутся под руководством госпожи Луазо, покамест не отпразднуют эти свадьбы и не улягутся вызванные ими шум и суета. Сейчас не время помышлять в отношении этих детей о хорошо известном тебе плане. Если не ошибаюсь, здесь могут возникнуть самые непредвиденные затруднения. На этих днях я сказала, как бы мимоходом, своей приятельнице о том, что их связывает самая нежная дружба, и отважилась прибавить, что она может очень легко перейти в любовь. Она посмотрела на меня и сказала ледяным тоном: — Этого не должно быть!.. — Я не осмелилась допытываться о значении этих слов, ибо уверена, что у нее еще нет планов относительно дочери; будь они у нее, я знала бы о них, — она ничего не скрывает от меня. Недавно она сказала мне по поводу предполагаемого замужества твоей Лореты: — Меня весьма радует этот брак! Благодаря ему иллюзия станет реальностью. — Как же это так? — спросила я ее. — Друг мой, — продолжала она, — не

стану более скрывать от вас того, о чем я до сих пор умалчивала: Лорета — дочь Злосчастного, но у Парангона другой отец. — Я всегда полагала, что Лорета — дочь друга Эдмона, а молодой человек... — Парангон сын моего мужа, чье имя он и носит; оно дано ему при крещении и вместе с тем является его фамилией. Лора подтвердит вам то, что имеет отношение к ее дочери, а я твердо уверена в остальном.

Вслед за тем она поведала мне об одном приключении Эдмона. Ее объяснение удивило меня, но оно, как видишь, не меняет положения дел. С минуту мы помолчали, потом госпожа Парангон, словно очнувшись от глубокого раздумья, сказала мне: — Наших детей надлежит разлучить, милая моя. — Почему, друг мой? — спросила я. — Этим мы причиним им большое горе. Ведь, как я вам уже говорила, они любят друг друга. — У них есть основания ко взаимной любви; однако, друг мой, они не знают друг друга, и слишком горячая привязанность может стать опасной. — Не знают друг друга! — воскликнула я. — Поймите меня: откуда им знать друг друга? Хотя каждая из нас знает все, касающееся своего дитяти, однако мне известны далеко не все обстоятельства, имеющие к ним отношение.

По правде сказать, я не поняла, что имела она в виду. Она смотрела на меня, словно спрашивая у меня нечто о Зефирене, стремясь проникнуть в тайну его рождения. Неужто она не знает? Однако я подожду, покамест она не выскажется яснее; в былое время я поведала бы ей обо всем, не дожидаясь ее вопросов; но теперь... С другой стороны, быть может, она лишь смутно страшится опасностей, связанных с любовью: у нее на руках дочь, а при заключении брака больше всего рискуют представительницы нашего пола, и матерям надлежит особенно осторожно делать выбор, ибо идет речь о выборе повелителя. Несомненно, этими соображениями и были продиктованы ее ответы.

Передай это письмо госпоже Луазо, дабы она вела себя с детьми в твое отсутствие сообразно с намерениями нашей глубокочтимой приятельницы. Прощай, любезная Лора.

(Тут имелся ответ Лоры, сообщавшей о своем отъезде, и записка госпожи Парангон, приглашавшей меня на свадьбу графа. Я не привожу их здесь.)

ПИСЬМО CCXXX

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ПЬЕРРО

Ей передают ее портрет, который она некогда подарила Эдмону

Мой достойный друг! Я уже давно не писала Вам и за это время получила новые доказательства понесенной нами утраты. Один бедняк, еще не совсем здоровый, выйдя из больницы Отель-Дье, передал мне мой портрет, который я некогда подарила Эдмону. — Есть ли при нем записка? — живо спросила я его. — Нет, сударыня; бедняк, который поручил мне полгода назад передать вам эту карточку, был не в силах писать. Он с трудом мог мне сказать, кому ее передать. Но особняк знатного сеньора нетрудно разыскать в Париже.

Я наградила товарища Эдмона по несчастью и спросила, что бы он хотел, чтобы я для него сделала. — Испросите для меня, сударыня, если возможно, помилование: я дезертир, но мне так худо на чужбине, что, хотя мне и грозило наказание, я возвратился на родину с паспортом

человека, умершего в больнице, где я лежал. — Я обещала ему похлопотать за него, и, к счастью, мне удалось добиться его помилования, прибегнув к протекции графа и матери его супруги. Этот человек остался у нас в особняке, он исполняет известные обязанности и получает жалованье. Это служит для меня новым поводом для слез. Между тем он так и не смог удовлетворить мое жгучее любопытство. Больной, передавший ему портрет, жил, вероятно, под чужим именем, ибо просмотр больничных ведомостей ни к чему не привел.

Ваш любезный племянник, друг мой, снискал всеобщее уважение, достоинства его тем замечательнее, что ему еще немного лет. То же я могу сказать и об его юной супруге. Она уже не столь часто бывает со мной, как бы ей хотелось, — герцогиня вывозит ее в свет. Однако я надеюсь, что она сохранит там принципы морали. Она любит мужа; она сообщает мне обо всем, что ей приходится видеть, и превосходно во всем разбирается.

Что до Лореты и ее молодого супруга, то они, как и моя Зефира, неотлучно пребывают со мной. Со мной уже нет Лоры, ибо она только что уехала в О***, чтобы через некоторое время привезти

мне двоих детей.

Любезный Пьер, хотя мы проводим здесь дни в большом спокойствии, но еще покойнее было бы мне в обществе госпожи Луазо и ее превосходного супруга. Однако сын Юрсюли и ее невестка удерживают меня. Если мне так и не удастся вернуть себе свободу, то постараюсь обосноваться в Париже и водворить там детей, а также сестру мою Фаншетту. Я вновь взяла малютку ***[121] мать которой всецело предоставила ее в мое распоряжение. Невинные создания будут расти у меня на глазах, давая пищу моей печали и умиротворяя ее.

Вы хорошо делаете, любезный друг, не принимая весьма радушных приглашений графа и графини. Держите при себе своих дочерей и сыновей, сделайте из них мужчин и женщин, весьма надежных и полезных на своем скромном и честном поприще. Живи они здесь в полном достатке, разве были бы они счастливее? Если бы даже и так, все равно их потомки вскорости неизбежно бы развратились, и рано или поздно их постигли бы те беды, которые мы с вами оплакиваем. Вы находитесь в тихой пристани, там не составишь

---

[121] Примечания: 1.121
См. о ней примечание к письму CCXV.

себе состояния, зато и не потерпишь крушения. Хотя это сравнение и не вполне уместно, оно передает мою мысль. Со временем я сообщу Вам план, имеющий целью обеспечить благополучие всем нашим потомкам. Остаюсь до последнего своего вздоха, и т. д.

ПИСЬМО CCXXXI

Около 1772 г.

ОТ ЛОРЫ К ЗЕФИРЕ

Она совершила большую неосторожность в отношении Эдме-Колетты и Зефирена

Находясь в Париже, я допытывалась у госпожи Парангон, что именно побуждает ее желать, чтобы разлучили Эдме-Колетту и Зефирена, и мне показалось, что, как ты мне однажды говорила, все дело в смутных опасениях, возникающих у нее при мысли о любви, о ранах, какие она может нанести юным сердцам. Это меня успокоило, и я воспользовалась властью, какую она мне дала. А у тебя, дорогая моя, я усматриваю чрезмерную робость, и вот мне показалось, что я поступлю

как истинный друг, совершив без твоего ведома шаг, тебе желанный, которому, полагаю, в глубине души порадуется и госпожа Парангон. Дети обвенчаны, от этого уже не уйдешь. Дорогая моя, сердце и чувства уже заговорили: Зефирен, несмотря на свою юность, становился настойчив; Эдме-Колетта нередко подвергалась известному риску, будучи влюбленной и неопытной. Итак, я решила их обвенчать, дабы избежать падения, которое опечалило бы нашу достойную приятельницу, или разлуки, которая привела бы в отчаяние Зефирена и его юную возлюбленную. Этот брак тайна для всех, кроме госпожи Луазо и ее мужа и двух необходимых свидетелей, один из коих господин Кенси. Господин кюре не чинил никаких препятствий. Ах, как они любят друг друга! Это два голубка. Если бы ты видела, какую нежность выказывает Эдме-Колетта! Сколь пылок Зефирен! Но мы так устраиваем, что они бывают наедине друг с другом лишь столько времени, сколько нам желательно. Мы проявляем должное благоразумие. Кратко сообщаю тебе обо всем этом, чтобы ты соответствующим образом вела себя с нашей приятельницей. Прощай, любезная Зефира. Радуюсь, что совершила нечто, угодное тебе, и пусть уж винят за это одну меня

(если есть за что винить).

ПИСЬМО CCXXXII

ОТВЕТ

Нарастающее беспокойство Зефиры в связи с браком юнцов

Вы чересчур поторопились, друг мой. Я серьезно опасаюсь, как бы Ваша поспешность не причинила изрядного огорчения госпоже Парангон! Она настаивает на том, чтобы разлучили наших детей, и чем больше я говорю об их взаимной любви, тем решительнее она этого требует. Наконец, я осмелилась признаться ей, чей сын Зефирен. Сперва она, казалось, была удивлена, потом стала еще решительнее требовать, чтобы разлучили этих двух прелестных созданий, и ее горячность прямо-таки привела меня в смущение. Она поручила мне написать тебе, чтобы ты их привезла, и просит госпожу Луазо им сопутствовать. Не думаю, чтобы Последняя отказала нам в этой любезности. Спешу запечатать это письмо и отправить на почту, дабы не пришлось мне ей его показать.

ПИСЬМО CCXXXIII

ОТВЕТ

Лора пытается ее успокоить

Мы отбываем через неделю или через полторы. Но, по правде говоря, друг мой, мне непонятны твои страхи! Разве господин Луазо — это воплощение благоразумия — содействовал бы нам, если бы можно было опасаться каких-либо осложнений? К тому же дорогая девочка в скором времени сделает тебя бабушкой; она обнаруживает первые признаки интересного положения. Я весьма этому радуюсь, и мне хотелось бы, чтобы скорей пролетели эти пять-шесть месяцев, или же, чтобы ее мама позвала нас к себе через полгода. Добейся, чтобы она дала нам отсрочку, а не то придется нам уехать. Все же не скрою от тебя, что госпожа Луазо уже не пребывает в такой уверенности, как я; она говорит, что слишком хорошо знает госпожу Парангон, чтобы заподозрить ее в капризе, и что, вероятно, у нее имеются серьезные основания противиться браку детей! Она вспоминает некие обстоятельства и некие

разговоры с этой дамой... (Но это совершенно невозможно!) В итоге она сожалеет о том, что произошло. Но теперь уже поздно. Будем надеяться, что все пойдет хорошо. Прощай. Надеюсь вскоре тебя обнять, любезная Зефира, или же получить от тебя известие.

ПИСЬМО CCXXXIV

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Я посылаю ей все письма, входящие в состав настоящего сборника

Любезная сударыня! Увы! Что скажете Вы, увидав пачку писем, которые я Вам пересылаю? Их передали нам в момент, когда дома находились лишь наши младшие дети. Это почти все письма, адресованные Эдмону, — Ваши, господина Годэ, господина Луазо, отца д'Арраса, мои собственные, а также письма, адресованные господину Годэ как Эдмоном, так и Юрсюлей. Любезная сударыня, здесь все обнажено! Я увидел весь ход событий! Сколько ужасов и преступлений! Виновные выступают в этих письмах такими, каковы они на самом деле, люди добродетельные также таки-

ми, каковы они есть... Я до сих пор еще не могу опомниться от изумления... Эдмон! Эдмон! Ты раскаялся... Юрсюль тоже... и другие тоже... Но Годэ и тот другой... Боже мой! Сжалься над нами и над ними! О сударыня! Неужто эти мерзости постоянно совершаются в городах?.. Больше не буду говорить об этом печальном предмете. Перед Вами письма, сударыня и высокочтимый друг! Вы сами все увидите. Остаюсь, и, т. д.

ПИСЬМО CCXXXV

ОТ ЗЕФИРЫ К ЛОРЕ

Прочитав письма, о коих говорится в предыдущем письме, она приходит в ужас от брака детей

Ах, друг мой, что ты натворила! Я не доверила бы бумаге эту зловещую и фатальную тайну, — и я прямо в отчаяньи... Что скажет госпожа Парангон! Какой новый сокрушительный удар! И я этому содействовала!.. Бедная моя Лора, какой ужас! Мы погибли и дети тоже! Пьер получил, неизвестно от кого, все письма, адресованные Злосчастному. Он отослал эти письма госпоже Парангон, и она,

потрясенная прочитанным, будучи не в силах сама дочитать из-за слез, застилавших ей взор, заперлась со мной и попросила меня читать ей вслух. Представь себе, что сталось со мной, когда среди ужасов, которыми изобилуют эти письма, я увидела нечто, касающееся Эдме-Колетты!.. О, бедная моя Лора! То, что мы совершили, равносильно тягчайшему преступлению... Это и моя вина! Почему я не объяснилась до конца с госпожой Парангон! Как видно, ей этого хотелось, и она даже кое-что мне приоткрыла. Без сомнения, она ответила бы признанием на признание, и теперь я не пребывала бы в безутешном горе!.. Такие достойные и любезные дети! О боже мой! Что станется с матерью Эдме-Колетты! Надобно все ей открыть... Между тем ничего не говорите детям. Они чисты сердцем, и если кто виновен, то во всяком случае не они.

ПИСЬМО CCXXXVI

ОТ ЭДМОНА К ЗЕФИРЕ

Он вознамерился возбудить к себе презрение друзей и родных

Вы, женщины, которые любили меня и уважали! Вы, родные, которые сожалели меня и оплакивали! Я принес вам последнюю жертву, на какую только способен... Вы, о Вы, которую я не дерзаю назвать и которую я поклялся больше не лицезреть, я вернул Вам Ваш портрет; это была величайшая моя драгоценность. Но этого мало, — и я возвращаю Вам Ваше уважение. Я возвращаю моим родным их жалость и сострадание, обнажая перед Вашими взорами мою мерзостную душу, — теперь Вы менязнаете. Но для довершения портрета недоставало лишь одной черточки, — то были мои письма к Годэ — вот они. Теперь я предстал перед Вами, как предстанет сатана перед лицом всей Вселенной, когда Великий Судия обнажит его на глазах у всех племен и народов, которые будут лицезреть всю его невообразимую гнусность.

Наконец-то Вы видите меня таким, каков я на самом деле, и оцениваете по заслугам. Я лишен страстей; во мне иссяк источник самой бурной из них! У меня лишь одна рука, один глаз, или, вернее сказать, я почти лишен зрения!.. Мне уже

почти не дано созерцать небесный свет. Унизительная работа убивает мои последние силы, и я бываю наименее несчастен, именно когда кажусь особенно несчастным. Несмотря на все это, я чувствую, что Вы еще властвуете в моем сердце; я не краснею теперь при этом признании, и делаю его Вам, *Вам...* ибо оно уже не внушено необузданной страстью... Ах, это правда, что моя привязанность носила порочный характер, но в сущности своей она была чиста, ибо только такое чувство и могли Вы внушить.

Что касается Вас, Зефира, то теперь, уже без всяких иллюзий оценивая свои чувства, я признаю себя виновным перед Вами только в неблагодарности (чудовищная неблагодарность — это еще наименьшее из всех моих преступлений)! Заглядывая в свое сердце, я убеждаюсь, что люблю Вас как отец любит свою дочку.

Поносите же меня, о все вы, любившие меня, гнушайтесь моими чувствами! Презирайте тень человека, пережившего самого себя, а главное, узнайте, что все потери, недавно им понесенные, произошли не по его воле, но были следствием его былой распущенности. О, небесное провидение! Ничто не ускользает от тебя!.. После этих признаний я осмелюсь однажды предстать перед

вами, дабы подвергнуться последней каре, мною заслуженной, — пережить равнодушие родных и отвращение друзей!

Сын Юрсюли... счастлив и добродетелен (что одно и то же, как видно на моем примере), он этого заслуживает. Впрочем, его мать во время его зачатия пребывала в невинности; она умерла, став жертвой клеветы и безумного ослепления. Однако оберегайте детей, появление которых на свет было связано с преступлением!..

Изверг Эдмон.

ПИСЬМО CCXXXVII

ОТ ЛОРЫ К ЗЕФИРЕ

Тревоги Лоры в связи с браком детей, хотя она и не догадывается, на что намекала ей Зефира

Боже мой! Друг мой, не могу передать тебе волнения, в какое повергло меня твое письмо! Но напрасно я ломаю голову, стараясь разгадать, о каком это ужасе и о каком преступлении ты ведешь речь! Поверь, я не решаюсь отправиться в дорогу и отпустить детей в теперешнем их

состоянии... В чем же состоит мое преступление? Я твердо знаю, что Зефирен сын **... Но Эдме-Колетта, чья мать воплощенная добродетель... Как печально, что вы предоставили мне эти полномочия! Должна признаться, что воспользовалась ими, чтобы убедить кюре и господ Луазо. Я прячусь от семьи Пьера, этот последний еще не извещен о браке. Что же мне делать? Что мне говорить?.. По зрелом обсуждении нахожу, что лучше всего нам уехать. Завтра же пускаюсь в путь вместе с детьми. Заклинаю тебя, предупреди об этом госпожу Парангон. Когда мы приедем, мне придется первой увидеться с ней и испить одной всю чашу горечи. Прощай.

ПИСЬМО CCXXXVIII

ОТ ЭДМОНА К ПЬЕРРО

Он сообщает мне о кровосмешении

Не на твоих ли глазах недавно совершился брак? Нет, иначе ты воспрепятствовал бы ему... Мой сын... и моя дочь стали мужем и женой!.. Ты прочитал письма и знаешь все... Все же, как ни велики мои преступления, признаюсь, гнев

небесный чересчур беспощаден... Храни эту роковую тайну в сердце своем. Проведи ночь на могиле наших родителей. Я буду близ тебя, но ты меня не увидишь. Мы будем вместе молиться. Я начертаю на камне мысли, какие придут мне в голову, и ты увидишь, соответствует ли это тому, что тебе внушат священные тени. Прощай.

ПИСЬМО CCXXXIX

ОТ ГОСПОЖИ ПАРАНГОН К ЭДМОНУ

Она убеждает Эдмона возвратиться к ней

Я положу это письмо на место, где было найдено Ваше; но достигнет ли оно Вас?.. О, мы злосчастные! Гнев божий с ужасной силой обрушился на нас! Вы бежите от меня, а я стремлюсь к Вам! Такова, думается мне, одна из пыток, уготованных навеки погибшим... О, придите, если только сам господь не возбранил Вам этого, придите! Завтра приезжает наша дочь. Завтра мое сердце будут раздирать противоположные чувства — радость свидания с возлюбленной дочерью и скорбь, которую я испытываю, видя, в каком состоянии ее отец, и эта скорбь удвоится от связующего нас

звена...

Пока я писала, в мой кабинет вошла Зефира. Я показала ей это письмо. Она побледнела, обняла меня и упала в обморок. Стоило немалых трудов привести ее в чувство, и с тех пор она не перестает вздыхать. Прощайте. Если позволит вседержитель, придите умерить мои страдания, придите в объятия Вашей дочери.

ПИСЬМО CCXL

ОТВЕТ ЭДМОНА

Скорбь его смягчилась

О, безмерно великодушная женщина, Вы ничуть не изменились! Как! Я не внушаю Вам ужаса!.. Ах! моя окоченелая душа наконец оттаивает! Я чувствую свои несчастья... а я уже перестал их чувствовать... Кузина! Так это правда, что я отравил Вашу жизнь! Но берегитесь! Вы желаете видеть меня лишь для того, чтобы скорей получить удар, который оборвет Вашу горестную жизнь!.. Мне ли помышлять о том, что я являюсь отцом, когда я у самого неба вызываю ужас... О кузина! Соберитесь с силами, — Вам уго-

товано еще новое огорчение... О, почему не могу я один взять на себя все бремя?.. Умоляю Вас, во имя Вашей любви, во имя моей, памятуя о наших несчастиях и о моем желании видеть Вас (если я вправе употребить это слово), умерьте Вашу печаль, — я слышал Ваш скорбный голос и до сих пор потрясен... Да, кузина, согбенный человек, что работал вчера в саду, где Вы находились, этот человек был Эдмон. Могли ли бы Вы подумать, что этот отвратительный урод, черный от загара, трудившийся под палящим солнцем, превозмогая свою немощь, могли ли бы Вы подумать, что это Эдмон?.. Я надеюсь, что Вас несколько успокоит письмо, которое должен Вам написать любезный старшой. Я вернулся от него позавчера. Его молитвы, а также молитвы наших праведных родителей вновь вселили в меня утраченную мною надежду на божественное милосердие.

Остаюсь, исполненный уважения, в ожидании часа, когда мне будет дано предстать перед Вами

Ваш покорный слуга Эдмон.

ПИСЬМО CCXLI

ОТ ПЬЕРРО К ГОСПОЖЕ ПАРАНГОН

Я сообщаю ей, как надлежит себя вести с детьми

Все идет одно за другим, высокочтимый друг мой, — поскольку дети приехали, Вы уже обо всем осведомлены. Какой ужас! Но ведь никто о том не знает, кроме людей, которые с наилучшими намерениями устроили все это, а господь не карает за проступки, совершенные по неведению. Вам известно, сударыня, что Эдмон жив. Он посетил наши края, известив меня об этом кратким письмецом. По его приказанию (ибо то было приказание) я провел следующую ночь на могиле наших родителей и обращался к ним с молитвой. Он должен был тут же находиться, и я просил господа поведать мне его волю, как повелел мне Злосчастный, и я воззвал к батюшке и к матушке. И вот поутру я вдруг почувствовал себя как бы совсем другим человеком и в моем сердце словно бы прозвучал голос: «Надлежит оставить детей вместе». И поскольку брат заранее указал мне, каким путем я могу узнать его мысли, то при свете дня я принялся искать и увидал надпись на могиле нашей матери: «Пусть

они остаются вместе». Отсюда явствует, сударыня и высокочтимый друг, что следует наложить печать молчания на уста посвященных в тайну, и пусть себе дети пребывают в невинности. Таково решение Злосчастного, а также мое и, смею думать, праведных душ родителей наших. Остаюсь, преисполненный дружеского уважения, и т. д.

ПИСЬМО CCXLII

Утром
Вечером

ОТВЕТ

Госпожа Парангон вновь видит Эдмона

Любезный друг! Принимаю Ваше решение, но накладываю на себя обязательство весь остаток дней своих оплакивать проступок, который совершают дети, сами того не ведая; ибо юная супруга, познав любовь своего мужа, понесла ее последствия, и теперь уже ничего не поделаешь. Таково мнение и высокопросвещенных людей, к которым я обращалась под вымышленным именем; они ответили так же, как отец и Вы.

Любезный Пьер, опасаюсь, что после этого нового несчастья мне уже не дано будет *его* увидеть. А между тем у меня появилась надежда на основании записки, переданной им мне за несколько дней до получения Вашего письма. Его *дикая* скорбь обретает более *человеческий* характер, если можно так выразиться. Но пожелает ли он видеть этот союз?.. Ах, друг мой, без сомнения, я не достойна была вкусить отрады материнства и утешений, каких можно было ожидать от дочери, наделенной такими достоинствами! Небо лишает меня их, и для меня становится пыткой зрелище, столь дорогое и сладостное для каждой матери: счастье моей дочери, взаимная нежность супругов... Преступление это совершилось лишь мне в наказание. И быть может, сын Юрсюли тоже был бы несчастлив, будь в живых его мать... Меня прерывают...

Любезный Пьер! О, друг мой! В тот момент меня прервал он, Эдмон! Я видела его! Я его поцеловала!.. Нет, нет, драгоценный и безмерно несчастный друг не внушил мне ужаса... Он окончательно ослеп. Он дождался этого несчастья, дабы не увидеть меня. Все та же свирепость!.. Он дождался слепоты, дабы наказать себя и не нарушить данной им клятвы!.. Но я вижу его, рука его

покоится на моей... Ах, брат мой! Чувствительность не угасла во мне, она проявляется с новой силой... Прощаюсь с Вами, чтобы быть с ним.

ПИСЬМО CCXLIII

ОТ ЗЕФИРЫ К ПЬЕРРО

Брак госпожи Парангон и Эдмона

Любезный Пьер! На наших глазах разыгрался целый ряд умилительных сцен. Первая из них — выражение благодарности детей Эдмона. Этот столь желанный для нас человек находился с нашей достойной приятельницей, когда вошли четверо детей; первой появилась Эдме-Колетта. Всмотревшись в него, она воскликнула: — Ах, мамочка! Вот он! Это тот, кто подарил нам наши портреты!.. Милый старичок, я так вам и говорила, что вы потеряете зрение, если будете все время плакать! — За ней следовали остальные, все они тотчас его узнали, окружили и начали забрасывать вопросами. Но поскольку все мы были в сборе, господа Кенси, господа Луазо и мы с Лорой, госпожа Парангон прервала детей и попросила нас поддержать ее настоятельную

просьбу и уговорить Эдмона стать ее супругом. Мы убеждали его столь горячо, что он даже почти не сопротивлялся. Он не выдвинул никакого возражения, кроме того, что закон запрещает заключать фиктивный брак. — Но если я ничего не требую, — отвечала госпожа Парангон, — если этот союз принесет мне радость и покой? — Эдмон сдался. За три дня были выполнены все формальности, и нынче утром в часовне особняка *** их благословил самолично приходской кюре. Госпоже Парангон весьма хотелось, чтобы Вы приехали, но когда она об этом упомянула, Эдмон сказал со вздохом, что по его убеждению, Вы больше не должны его видеть. Ответ его не испугал нас, это отголосок застарелой меланхолии, владеющей им столько лет.

Забыла Вам сказать, что с нами нет ни маркиза де***, ни юного графа, ни его любезной супруги; они пребывают за городом, в прелестном доме герцогини, расположенном на дороге в Фонтенебло; вчера к ним послан был нарочный, дабы уведомить о происходящем.

Тотчас же после совершения обряда новобрачная заявила юной Лоре, что Эдмон ей приходится отцом, и все дети, ничуть не удивленные слезами сообщавшей им об этом особы, стали поздрав-

лять Лору, бурно выражая свой восторг. Малютка ****[122] также присутствовала при этом, но ей не открыли тайну ее рождения, так же как Зефирену и Эдме-Колетте. Однако последняя, казалось, подозревала тайну, она была столь взволнована, испытывала столь нежные чувства... Но вернемся к Эдмону. Он был явно подавлен, — ему не под силу были сладостные переживания, чуждые его сердцу. Нам пришлось отослать детей, прежде всего известную Вам пару. Боже мой! Ужели и впредь к нашим радостям будет примешиваться горечь! — Вы жена моя! — обратился он к нашей приятельнице... — Боже! — Я ношу твое имя, — ответила новобрачная, — и оно смывает с меня позор. Я горжусь им! Эдмон! Тебя одного я любила всю жизнь! С первого же взгляда мне стала дорога твоя душа, ты пленил меня своей трогательной искренностью, драгоценной для меня чертой; эта прелестная искренность до сих пор чарует меня.

В этот же день госпожа Луазо, которая не могла насытиться беседой с Эдмоном и всюду следовала за ним, попросила рассказать, при каких обстоятельствах он возвратился в Европу. Эдмон сказал:

---

[122] Примечания: 1.122
О ней говорится в письме CCXV.

— Как вы знаете, я жил среди нодвеев, или эскимосов. Это племя смотрело на меня как на диво, ибо я был однорукий и одноглазый, и мой недостаток возбуждал у них восхищение. Довольно долгое время я не замечал этого, не понимая их языка и не имея ни малейшего желания ему научиться. Но благодаря странной случайности мне открылось, как они смотрят на меня. Я проводил с ними зиму, и вот оказалось, что, по свойственной им беспечности не сделав нужных запасов, они стали нуждаться в продовольствии. В этой беде они прибегли не к богу Укума, чье имя на их языке означает «Дарующий все блага», но к Уйка, виновнику всех зол. Было решено утолить гнев этого злого бога молитвами и дарами. Однако эскимосы чувствовали, что все они заслужили его ненависть, и им подумалось, что удастся его смягчить, если от их лица ему воздаст хвалу и поднесет дары столь удивительный с виду иноземец, как я. Итак, они явились ко мне всем скопом и объяснили знаками, чего от меня хотят. Мне претило, в довершение всех моих преступлений, стать жрецом-идолопоклонником. Я бросился на землю, давая им понять, что отказываюсь наотрез. Но мой поступок произвел совсем неожиданное действие, ибо именно в

такой позе они молились Уйке. Эскимосы разразились радостными криками и принялись плясать и водить хороводы вокруг меня. Они решили воздать мне божеские почести, когда тут же узнали, что иноземное судно, пробившись сквозь льды, вошло в Гудзонов залив, и европейцы предлагают им в обмен на меха всякого рода съестные припасы. И вот эскимосы понесли меня в триумфальном шествии, причем я не знал, чем они движимы, благодарностью или гневом. Один эскимос, находившийся на борту английского судна и служивший переводчиком, растолковал мне смысл происходящего. Само собой разумеется, после такого объяснения я решил более не оставаться среди этого жалкого племени. Я сел на корабль; совершив погрузку в Квебеке, он снялся с якоря и взял курс на Европу. Я сошел на берег в Бордо, где корабль останавливался, дабы погрузить местные вина...

Тут Эдмон остановился, ибо мы услыхали во дворе стук колес и решили, что это приехал молодой граф с супругой. Эдмон отправился к ним навстречу, его вела жена.

При всех наших несчастьях, любезный Пьер, мы испытываем некое удовлетворение, правда, к нему примешивается горечь! Но все же

Эдмон наконец с нами! Надеюсь, мы совместно с господами Луазо сможем осуществить наш давнишний замысел. Эдмон еще не стар; зрения мы своими заботами ему не вернем, но укрепим его организм; по крайней мере, он останется в живых, и мы будем жить вместе с ним...

О боже! Какое несчастье!.. Эдмон... умер!..

ПИСЬМО CCXLIV

ОТ ГОСПОДИНА ЛУАЗО К ПЬЕРРО

Смерть Эдмона

Любезный друг, недолго длилось кажущееся спокойствие, и Злосчастный имел основания говорить, что Вы больше не увидите его живым!..

Приехал граф с молодой супругой. Эдмон и его жена вышли их встретить и спустились во двор. Карета остановилась, и дверца распахнулась. Наша высокочтимая приятельница обратилась к сыну Юрсюли: «Вот ваш дядя Эдмон». Вдруг с улицы прилетел камень, брошенный неизвестно кем и почему; камень попал в лошадей, они понесли. Граф, выходивший из кареты, потерял равновесие. Слепой Эдмон не отпрянул в сторону,

был повален; он попал под колеса и грудь его была раздавлена. Вообразите себе вопли молодой графини, отчаяние новобрачной, которая, увидев, как упал ее племянник, устремилась к нему, а обернувшись, увидала, что ее муж извергает изо рта потоки крови!.. Зрелище, любезный Пьер, было ужасающее, и я не перенес бы его, если бы мне не придало силы желание спасти Злосчастного. Снова мы впали в глубокую скорбь, друг мой, — у нас царит такое отчаяние!.. Эдмон только что скончался.

Тело будет перенесено в С*** вместе с гробом Юрсюли, — такова воля Эдмона; это были его последние слова; он произнес их при конечном издыхании, сжимая руку жены и привлекая ее к себе изо всех своих слабеющих сил. Ему недолго придется ее ждать в его мрачной обители, или вернее, в обители праведных! Ибо оба они перенесли столько страданий, что смыли до конца все, чем запятнали себя по немощи человеческой...

Он погиб под колесами все той же кареты... Это сказал один из слуг, Эдмон услыхал его слова и поднял к небу угасшие глаза, словно воздавая хвалу правосудию божьему. Без сомнения, это последняя кара, посланная ему благим Отцом.

ПИСЬМО CCXLV

ОТ ЗЕФИРЫ К ПЬЕРРО

Смерть госпожи Парангон, ставшей госпожой Р***

Все кончено!.. Ее больше нет!.. Они лягут в одной могиле.

От господина Луазо

Ее душат рыдания, поэтому я берусь за перо. Приятельница наша, несравненная особа, ставшая несчастной, но не преступной из-за овладевшей ею любви, только что скончалась; она потонула в море скорби. Вот, любезный Пьер, ее последняя воля, продиктованная ею.

Завещательные распоряжения

I. Прошу, чтобы мои бренные останки погребли вместе с останками моего второго мужа и чтобы в С***кую церковь внесли отложенную мною сумму денег и вечно совершали за упокой моей души две мессы, подобные тем, какие установлены

мною за упокой души моего мужа; упомянутые мессы должны совершаться в дни его кончины и его рождения, и подобным же образом в дни моей кончины и рождения. Прошу, чтобы нас похоронили в ногах родителей вышеупомянутого мужа моего. Мне желательно, чтобы Эдме-Колетта, Зефирен, Лора и Парангон сопровождали наши тела до места погребения. Прошу любезного старшего брата Пьера пригласить и объединить всех членов семьи на церемонии погребения.

II. Завещаю вышеупомянутому брату моему, с тем чтобы он передал ее в свое время моей дочери, картину, которая была поставлена в алтаре святого Эдма; ей не надлежит быть там, ибо я получила ее от покойного. Кроме того, я завещаю Пьеру все вещи, предназначавшиеся для его покойного брата, моего мужа, — одежду, часы и драгоценности.

III. Завещаю моим братьям и сестрам сумму в тысячу ливров каждому, которую они могут взять с оставленного мною личного счета.

IV. Оставляю моей сестре, жене старшего брата, треть моих драгоценностей, а другие две трети моей дочери и сестре моей Фаншетте.

V. Оставляю сестре Фаншетте Кенси все земли, полученные мною по наследству, а дочери моей

— имения, пожалованные мне семьей графа де***, в том числе поместье Валь-Д-Р.

VI. Оставляю под мудрым руководством старшего брата большую ферму Уден, великодушно пожалованную мне графиней де***, а также две смежные с нею фермы, с тем чтобы там построили поселок или селение, где должны объединиться братья и сестры покойного господина Эдмона Р***, моего мужа, со своими семьями и жить там согласно уставу, который введет любезный старший брат и который мы составили с ним сообща[123].

Подписано: Колетта С, вдова Р***.***

От Зефиры

Любезный друг, все кончено навсегда, навсегда!.. О, я несчастная, при моем рождении небо дало мне только мачеху. Бесчестие и порок окружали мою колыбель, оскверняли мою юность... Один ангел спас меня, другой меня поддерживал... и я потеряла их обоих!.. Я чувствую себя столь же одинокой... как и в день, когда родилась

---

[123] Примечания: 1.123

См. этот устав и рассказ о том, как было проведено в жизнь то, о чем идет здесь речь, в трех последних письмах настоящего сборника *(прим. издателя).*

на свет... Оставшееся у меня имущество не имеет для меня цены... я не интересуюсь им и больше не буду интересоваться.

От господина Луазо

Запечатаю письмо, — она вне себя от отчаяния... Между тем, любезный Пьер, мы надеемся доказать ей, что у нее еще остаются достойные ее друзья.

Конец истории Эдмона

Дети мои! Вот какие удивительные совершились события! Я предложил их вашему вниманию не с тем, чтобы удовлетворить праздное любопытство, но дабы вы извлекли из них должный урок.

Преступление никогда не остается безнаказанным. Манон, а также господин Парангон были наказаны мучительной болезнью, кара Годэ оказалась еще суровее, отец д'Аррас погиб, десница Всевышнего покарала Юрсюль; высокочтимой особе причинял огорчения полюбившийся ей человек; сам Эдмон, скорее слабый, чем преступный, получил по делам своим; маркиз и его первая жена пали под ударами бича ангела-ис-

требителя. Бог справедлив.

* * *

Поскольку нижеследующие письма имеют отношение к истории моего несчастного брата, я счел нужным присоединить их к остальным.

ПИСЬМО CCXLVI

ОТ ГОСПОЖИ ЛУАЗО К ПЬЕРУ

Смерть госпожи Зефиры. Госпожа Луазо предлагает мне заключить брак наших детей

Двадцать пять лет тому назад, любезный Пьер, вот в такой же день, как нынче, наш бедный покойный Эдмон прибыл в дом господина Парангона, где и я тогда жила. С этого дня, о коем я всегда вспоминаю с умилением, утекло немало воды, и предо мной прошли и канули в вечность люди, среди которых я жила в лучшие годы своей юности: моей первой подруги уже нет на свете, и все окружавшие ее исчезли вместе с ней. Манон и господин Парангон опередили ее; я уж не говорю об Юрсюли и Эдмоне — со времени

их утраты она уже не жила, а только томилась. Лора и все остальные ее знакомые последовали за ней — остались здесь лишь Фаншетта да мы... ибо, друг мой, мы только что схоронили госпожу Зефиру. Вы знаете, какими достоинствами обладала эта любезная особа; ее необычайная жизнь доказывает, что от природы душа ее была прекрасной. Вы знаете также, что она Вас любила, и она доказала это в свои последние минуты, сделав Вам довольно крупный подарок и поручив мне просить Вас принять его во имя Эдмона и ради нее. Она просила в ответ на это у Вас одной милости — положить ее в могилу двух супругов, дабы ее прах смешался с их прахом. Я обещала ей это за Вас.

Друг мой, если бы Вы знали, сколь горестным размышлениям я предаюсь с той минуты, как она испустила дух. Покамест госпожа Зефира была со мной, мне казалось, что я еще вижу Эдмона и нашу несравненную приятельницу. Зефира хранила их в своем сердце, говорила только о них и, так сказать, возвращала их к жизни; лишь нынче они окончательно умерли для меня. Воздаю благодарение небу за то, что оно даровало мне детей, которые извлекают меня из состояния уныния, в какое я непрестанно впадаю. Если б не

они и не муж, мне думается, любезный Пьер, я не вынесла бы угнетающего меня бремени скорби и тоски по ушедшим.

Но коль скоро речь зашла о детях, на которых дорогая покойница имела известные виды, то позвольте поделиться с Вами планами, какие мы составили вместе с ней и какие она, умирая, поручила мне привести в исполнение. У Вас есть дочь, которую я очень люблю, у меня — сын, которого Вы знаете; так сочетаем же кровь Эдмона с моей кровью (ибо для меня сей Злосчастный всегда будет душой нашей души). Моя дочь, если Вам будет угодно, станет женой Вашего старшего сына. Таким образом мы исполним намерения Вашей высокочтимой невестки, она не раз говорила мне об этом. Не вздумайте возражать, ссылаясь на то, что мы богаче вас, — помните лишь, что милость, которую я испрашиваю у Вас, мне и моему мужу дороже всех благ на свете. Увы! Если бы любезная Зефира прожила еще неделю, Вы выслушали бы из ее уст предложение, какое я Вам делаю. Сей план был ей столь дорог, что вчера она потребовала, чтобы в том же самом письме, где я сообщу о ее кончине, я передала Вам то, что она именовала своим предложением.

Госпожа Зефира неделю назад получила из-

вестие о детях, к которым я причисляю и графа, племянника Вашего. Все идет как нельзя лучше, молодая графиня хранит с любовью и благоговением память о своей тетушке и наставнице. Она потеряла мать и заняла ее место при дворе. С той поры она стала избегать всякого для нее бесполезного общества; она только выполняет свои обязанности в отношении принцессы, которая ее ценит и которую она обожает. Супруг Лоры с честью подвизается на своем посту. Двое других... счастливейшие из влюбленных, ибо это наименование им пристало; они вкушают заслуженное ими блаженство, какое вкусили бы и виновники их дней, если бы обстоятельства не сложились для них столь плачевно.

Вы видите, любезный Пьер, что я смягчаю горечь печальных новостей, сообщая Вам более радостные. Возблагодарим же небо за то, что я могу Вам сообщить эти последние.

Остаюсь, и т. д.

*Я самолично отправился в О***, дабы принять почетное предложение и выразить свою благодарность.*

ПИСЬМО CCXLVII

ОТ ЭДМЕ-КОЛЕТТЫ К ПЬЕРУ

Зефирен заболевает смертельным недугом

Любезный мой второй папа! Приезжайте ко мне, помогите своими советами, своей набожностью, своей крепкой верой. Мне нанесен самый ужасный удар: мой муж занемог недугом, который распознали чересчур поздно, и уже больше нет надежды... Боже мой, мы должны разлучиться в расцвете юных лет!.. Казалось, все завидовали нашему счастью!.. А теперь все жалеют меня. Приезжайте мне на помощь, прошу Вас.

Остаюсь, и т. д.

ПИСЬМО CCXLVIII

ОТВЕТ

Я утешаю любезную племянницу и стараюсь внушить ей веру в благость господа, при этом давая ей понять, что ее брак не согласовался с волей божьей

Я отправляюсь, любезная дочка. Но поверьте, бог справедлив, и все в жизни совершается по его премудрой воле. Порой, сами того не подозревая, мы совершаем нечто недолжное. Быть может, Ваш брак, дитя мое, относится именно к такого рода проступкам. С тех пор, как я живу на свете, я непрестанно вдумываюсь в пути провидения, и всякий раз убеждаюсь в его непогрешимости. Я наблюдал, как тот или иной проступок долгое время оставался без видимых последствий, и человек даже забывал о нем; но затем я видел, как, подобно зловредной закваске, поступок оказывал свое действие и плодом его были страдания, порой кратковременные, но чаще всего длительные, и всегда тяжелые и ужасные. Между тем (подобное утешение, любезная дочь, религия доставляет лишь людям, чуждым лицемерия) эти заслуженные страдания, если их переносят в терпении, удостаиваются вечной награды, и не только в вечности мы получаем награду, но и в сей временной жизни. Заметьте, любезная доч-

ка: особа, придерживающаяся подобного образа действий и побеждающая себя, усваивает сию спасительную привычку и тем самым сглаживает в своем характере острые углы; к тому же, обратите внимание, как все ее уважают, восхищаются ею и радушно ее принимают.

Вот, например, моя бедная жена; она страдает. Дети и всевозможные огорчения вызвали расстройство в ее организме, но если б Вы видели, как она переносит страдания! Какая кротость! Какое опасение обеспокоить нас! Мы наблюдаем все это, и как нас это трогает! О, любезная дочь моя! Даже будь это единственным преимуществом доброго христианина, не вознаграждает ли это его? Но есть и много других преимуществ. Впрочем, я не называю добрым христианином человека, который читает длинные молитвы, заказывает мессы, порой выслушивает две или три мессы в день, как иные святоши, которых я видел в городе. Если человек проводит много времени в церкви, пренебрегая семьей и хозяйством и не принося пользы ближнему, то он совершает великий грех. Бог хочет, чтобы мы с утра до ночи творили лишь одну молитву, а именно, все делали по правде. Чтить бога — это не значит разглагольствовать о милосердии, это значит

совершать дела, ему угодные, поступать по справедливости, им заповеданной; более того, это значит делиться своим добром с другими. То, что мы отдаем, не бывает потеряно, напротив, оно возвращается к нам удвоенным; и будь я скупцом, то, и не любя бога, я стал бы делать людям добро из корыстных расчетов. Итак, бросимся в объятия божии; сей добрый отец не вменяет нам в вину невольные проступки, заслуживающие кары, если мы терпим страдания как покорное дитя, наказанное отцом.

Однако, любезнейшая дочь моя, я проповедую Вам то, что Вы и сами хорошо знаете, и отнимаю у Вас время, которое не принадлежит Вам. Увы! Сейчас Вам так потребны силы, и я указываю их источник, хотя он уже Вам известен. Что такое в большинстве случаев человеческие утешения? Пустые, бессмысленные слова, которые выбрасываются на ветер и никак не воспринимаются.

Я перечел свое письмо, и меня беспокоит, что Вы можете подумать, будто я Вас в чем-то обвиняю. Я не имел подобного намерения, любезная дочь моя; я знаю Ваше сердце. Однако в иных случаях обстоятельства складываются столь неблагоприятно, что, не будучи преступными, мы совершаем нечто, неугодное богу. Но доволь-

но об этом.

Через три дня, милое дитя мое, я буду с Вами. Остаюсь в надежде доказать Вам свое дружеское расположение

Ваш второй отец.

ПИСЬМО CCXLIX

ОТ ПЬЕРА К ЕГО ЖЕНЕ

Я сообщаю ей, в каком состоянии находятся все дети Эдмона, и кратко излагаю историю Злосчастного

Дражайшая моя половина! Наш бедный племянник только что отдал богу душу — столь же чистой, как получил при рождении. У него не было ни одного порока. Он обладал пылкой душой, но поскольку с детства у него было кого любить, весь его пыл был обращен на сей достойный предмет. Он страдал болезнью легких. Графиня взяла кузину к себе, намереваясь ее утешить, а также и обоих ее детей. Мне поручено устроить все дела за время ее отсутствия и перевезти всю обстановку в другой дом, также принадлежащий молодой вдове.

С остальными детьми несчастного Эдмона все обстоит благополучно. Малютка ****[124] на этих днях вышла бы замуж; если бы не смерть Зефирена, ее мать мечтает выдать Эдме-Колетту за брата жениха своей дочери, и готова ждать, сколько будет потребно. Лора и ее муж счастливейшие люди на свете. Я нахожу, что они несколько балуют своих детей, и говорил им об этом; они охотно выслушивают меня, но не придают большого значения моим словам и опять принимаются за свое. Что до графа, то я не больно-то разбираюсь в нравах сеньоров, но нахожу его малость вольным в обращении. Во всяком случае, со мною он не таков; он оказывает мне почет, какого я не заслуживаю да и не желаю. Он так носится со мной, как если бы я был французским маршалом, и делает это как бы напоказ, а я полагаю, что все показное не имеет цены. Милый племянник не раз заговаривал со мной о планах любезнейшей сестры относительно постройки селения. Я сообщил ему, что его уже начали строить и кое-что уже сделано. Он хочет принять участие в этом деле и должен выплатить мне известную сумму; он намеревается также приехать и посмотреть

[124] Примечания: 1.124
О ней идет речь в письме CCXV.

на месте, как идет постройка. Что до его молодой и любезной супруги, то она малость холоднее, но мне более по душе ее обращение со мной. Не успеешь подумать, что она пренебрегает тобой, как она скажет тебе самые что ни на есть ласковые слова, и все это столь непринужденно, с такой естественностью и добротой... они изливаются у нее прямо из сердца. Она на седьмом месяце беременности и чувствует себя отменно в этом положении. Какими превосходными людьми были бы эти дети, получившие такое воспитание, не живи они в городе! Но (говорю это с грустью) после кончины высокочтимой особы они с каждым днем нечто утрачивают, сами того не примечая. И вот, что тебя удивит, любезная Мари-Жанна, я сам уже не так возмущаюсь, как на первых порах, при виде вещей, оскорбляющих здесь мой взор, да и не только мой взор, но и мой разум, мое сердце, вещей, несовместимых с честностью, благопристойностью и с самой добродетелью! Вот какова сила влияния! Оказывается, Эдмон, любезная моя женушка, не столь виновен, как мы полагали! Ну, как ему было избегнуть соблазнов при его характере, внешности и прочих данных?.. Посему господь наверное оказал ему милосердие.

Любезная женушка, после всего, что я здесь

видел и тебе описал, если бы господа Луазо жили в Париже, как ни почтенно для нас общение с ними, полагаю, я отказался бы от него. Поразмыслим-ка с тобой о том, что творится в свете, глядя на печальные примеры наших родичей! Юноша вышел из нашей семьи; он был умен, красив, хорошо сложен и способен, как здесь говорится, проложить себе дорогу в жизни. Между тем, перебери в уме, любезная жена, все, что с ним приключилось. Кто из поселян мог бы надеяться на подобное богатство? Но кто из поселян не предпочел бы страдать от холода и от жары, жить впроголодь, лишь бы не испытать бедствий, последовавших за сим благоденствием и кратковременными наслаждениями? Кто из наших поселян не содрогнулся, узнав о страданиях Злосчастного? Кто из них не почитал нас, в дни нашего позора, наиболее достойными жалости во всей округе?.. О, любезная жена! Если б этот несчастный юноша не покинул плуга, наши любезные родители и он сам безмятежно проводили бы свои дни. Бог благословил бы его труды, ибо юноша чтил его, и те, которых уже нет с нами, отошли бы в мире в обитель предков.

Что до намеченных нами союзов, то я рассчитываю возвратиться через неделю либо полторы.

Пускай господа Луазо наберутся терпения, ведь свадьбы состоятся не сразу после моего возвращения. Я хочу, чтобы на них присутствовали наши городские племянники и племянницы, а главное, удрученная горем бедняжка. Я передал им всем приглашения. Граф приедет с супругой. Только вчера я узнал, что у него в кабинете находятся портреты всех членов нашей семьи и наших друзей, полученные из дорогих нам рук высокочтимой особы, пробывшей лишь несколько часов нашей невесткой, и из рук Юрсюли. Сделано все, чтобы они оставались в сохранности на века. И вот на днях, когда мы сидели за обедом и было немало народу, он заговорил о браках, которые предстоит заключить, и объявил всей честной компании, что сейчас покажет тех, кого я собираюсь обвенчать. Мы прошли в кабинет, и он попросил меня их показать. И я их показал, ибо на портретах они похожи как две капли воды. Гости спросили, не приукрашены ли они? И я ответил, что отец не может ответить на подобный вопрос, но что дети господ Луазо нимало не приукрашены. Из этого заключили, что и наши дети хороши собой, и мне наговорили кучу любезностей. О, высокочтимая приятельница наша и сестра! Она была занята только нами! И

доставляет нам отраду даже теперь, когда ее уже нет... Затем граф и графиня подвели всю компанию к небольшой нише, закрытой занавесью из драгоценной ткани, граф отдернул занавесь, и мы увидели портрет Юрсюли кисти Эдмона. О боже мой! Сколь она хороша на этом портрете! Хотя она и в весьма открытом платье, он придал ее чертам выражение такой скромности и невинности, что ее обнаженность не оскорбляет взор! Все в один голос сказали, что это образцовое произведение искусства, и графу особенно польстило, что в его чертах обнаружили сходство с чертами его матери. Он опустился на колени перед портретом и простоял так минуты две, а потом задернул занавесь.

Желаю тебе доброго здоровья, любезная Мари-Жанна. Что до меня, то я чувствую себя как нельзя лучше, и ежели мне не по себе, то это не из-за недуга и не из-за невнимания ко мне окружающих, но лишь потому, что мне недостает тебя, и что меня нет с любезной женой и с любезными детками. Остаюсь твой любящий супруг.

*(Здесь было письмо графа, извещавшего меня о рождении сына, и другое письмо от госпожи ****, сообщавшей о свадьбе*

*мадемуазель ****; которая была отложена в связи с кончиной Зефирена.)*

ПИСЬМО CCL

ОТ ТОГО ЖЕ К ГРАФУ ДЕ***

Я прошу его прислать мне пачку писем, которую на беду забыл у него

Сударь и любезный племянник! Я совершил по рассеянности ужасный промах! Занятый приведением в порядок бумаг Вашей кузины Эдме-Колетты, я позабыл захватить с собой известные Вам письма. Между тем они находились в полном порядке в секретере, где их заперла высокочтимая особа[125]. Я намеревался увезти их и здесь на досуге снять с них несколько копий, одну для Вас, одну для господ Луазо, затем для Вашей кузины Лоры, и еще для других членов нашей семьи. Прошу Вас, исправьте мою ошибку и достаньте их оттуда, но сделайте это осторожно, чтобы они не попались на глаза нашей любезной вдове, Вы сами знаете, почему. Будьте столь лю-

---

[125] Примечания: 1.125
Госпожа Парангон.

безны послать их мне, дабы я мог осуществить свое намерение, или же, если Вам будет угодно, привезите их мне, когда приедете к нам в середине июня почтить своим присутствием свадьбы моих детей. Пакет запечатан, и я прошу Вас оставить в сохранности печать. На это у меня есть особые причины, которые Вам станут известны из писем высокочтимой особы. Впрочем, даю Вам слово, что из Вашей копии не будет изъято ни одно письмо, если только, чего не думаю, я не получу особого приказа. Жена вместе со мной сердечно поздравляет Вас и любезную Вашу супругу с рождением сына. Пусть будет он столь же добродетельным, как его любезные родители.

Честь имею, и т. д.

P. S. Желаю счастья любезной мадемуазель****, и пусть брат ее любезного мужа хоть малость утешит нашу молодую вдову.

ПИСЬМО CCLI

ОТ ЭДМЕ-КОЛЕТТЫ К ПЬЕРУ

Она обнаруживает из писем, что Зефирен был ее братом

О я несчастная! Завеса упала! И я узрела причины слез моей матери, проливаемых ею надо мной! Так вот почему мать моего му... порой глядела на меня вздыхая, подходила ко мне и отстраняла от меня сына!.. Я роптала на это... Так значит, будь наше происхождение нам известно, нам пришлось бы расстаться!.. Господи боже мой, ты сам этого восхотел... А наши двое сыновей... но от этого они мне еще дороже... Любезные детки! В ваших жилах кровь двух женщин, которых любил Эдмон и каждой из которых он всецело отдавался! Живите, дети мои, будьте счастливы. Увы, ваша убитая горем мать не увидит вашего счастья!.. Прощайте, любезный дядюшка. Вот роковые письма. Отсылаю Вам их. Замените отца моим сыновьям; они более, чем кто-либо, имеют на это священные права.

ПИСЬМО CCLII

ОТ ПЬЕРА К ГРАФУ ДЕ***

В трех письмах, предлагаемых вниманию читателя, дается картина учреждения, созданного согласно завещанию госпожи Парангон и госпожи Зефиры; граф де *** соблаговолил принять участие в этом деле. Я сообщаю этому молодому и достойному уважения сеньору обо всем, что сделал, осуществляя волю высокочтимой особы, госпожи Зефиры и его собственную

Сударь и любезнейший племянник! Тотчас же после свадьбы моих детей я занялся заветным проектом Вашей любезной и высокочтимой наставницы. Вы видели, что я уже начал его осуществлять, преобразовав в обнесенный стеной поселок прекрасную ферму в окрестностях С**; она называется Уден и принадлежала монахам упраздненного монастыря. Я велел построить на этой земле, близ источника, двадцать пять единообразных домов и отвести площадь еще для семидесяти пяти, которые со временем образуют четыре одинаковые улицы. При каждом доме имеется двор, сад и все службы. Будет построена церковь, и я прошу Вас, а также Вашу любезную

супругу похлопотать, дабы был учрежден церковный приход; кюре будет избираться обитателями поселка из числа самых добродетельных членов нашей семьи, подобно тому, как избирались пастыри в древние времена. На содержание кюре будет выделена двадцатая часть доходов с данных земель, что составит приблизительно тысячу ливров, не считая побочных доходов, которые будут возрастать с увеличением населения. Будет также избран школьный учитель из наиболее способных; в его распоряжение будет предоставлена ферма, приносящая около шестисот ливров дохода; следовательно, он будет преподавать бесплатно, согласно регламенту, который имеет быть утвержденным.

К землям Удена, объемлющим четыреста арпанов, и к землям двух ферм — Ложа и Ворма, объемлющим по сто арпанов, — я присоединю, благодаря Вашей щедрости, земли шести небольших окрестных хуторов, объемлющих столько же арпанов, сколько три первых фермы. Я узнал, что Вы договорились о покупке у нашего владельца ста арпанов земли, поросшей кустарником и не приносящей никакого дохода, на которой мы сможем вырастить лес. Это Ваш новый значительный дар Общине, за который выражаю

Вам глубокую признательность как от ее имени, так и от своего. Что до расходов, связанных с постройкой церкви, дома священника, дома учителя и общественного здания, то мы просим Вас умерить свою щедрость. Вот как я предполагаю действовать.

Я соберу в двадцати пяти построенных домах всех своих братьев, шуринов и племянников, женатых людей, всего двадцать пять человек. Вот их имена: 1) Я, Пьер, 2) мой старший сын, только что женившийся на мадемуазель Луазо (моя замужняя дочь принадлежит к другой семье, с которой и должна жить), 3) Жорже, брат, 4) его старший сын, который на этих днях женится на племяннице мужа Кристины Р**, 5) Бертран, брат, 6) его старший сын, который женится на второй дочери господина Луазо, 7) Огюстен-Николя, брат, 8) Шарль, брат, 9) Жан-Марсиньи, шурин, муж Брижиты Р**, старшей сестры, 10) их старший сын, женатый, 11) Жак Бертье, их зять, 12) Филипп Мушу, муж их второй дочери, 13) Батист, шурин, муж Кристины Р**, 14) их старший сын, которого женят на его кузине, дочери Бертрана, 15) их зять по имени Поль Донден, 16) Эйсташ Доре, муж Мартоны Р**, сестры, 17) их старший сын, 18) их зять по имени Алексис Гарнье, 19) Бе-

нинь Грендаржан, муж Марианы Р**, сестры, 20) их старший сын, 21) их зять Тома Виар, 22) Матьё Беро, муж Клодины Р**, сестры, 23) их старший сын, 24) Александр Бужа, муж Баботы или Барбы Р**, 25) Андре Ферле, муж Катишы Р**, младшей из сестер. Каждый из мною поименованных получит дом и участок земли.

Вот что сделано в настоящее время. Я стану сообщать Вам о дальнейшем, по мере того, как будет продвигаться дело.

Остаюсь, сударь и любезный племянник, и т. д.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Я сообщаю ему, что наши жилища построены и поселок процветает

Сударь и любезнейший племянник!

Приношу Вам сердечную благодарность за все, что Вы сделали и продолжаете делать для нашей Общины.

Мы возликовали, получив известие о том, что монсиньор епископ дал согласие на избрание нашего кюре и принял предложенные условия

и что, с другой стороны, светские власти соизволили утвердить наш Регламент. Прошу Вас прислать мне его копию, дабы напечатать в О***, исполняя Ваше желание и мое собственное. Я хочу, чтобы наши дети после утренних и вечерних молитв прежде всего выучивали этот Регламент и носили его с собой в школу; по этому случаю я позабочусь о том, чтобы он был напечатан крупными буквами.

В настоящее время у нас построены две улицы, включающие пятьдесят домов. Господин Луазо соизволил стать нашим первым бальи{115} и переехал к нам; однако он не поселился в нашей ограде, у него отдельный дом. Что до пастыря, я едва осмелюсь сказать Вам, что мне предложили эту должность; произошло это после того, как моя любезная супруга отошла к господу, у коего обретет награду за свои добродетели. Я недостоин исполнять священные обязанности, я обладаю лишь рвением, а тут нужны и знания. С меня будет достаточно, если я займу важную должность учителя, и прошу Вас исхлопотать, чтобы к нам был назначен в качестве кюре праведный

{115} Комментарии: 2.115

Бальи — в дореволюционной Франции чиновник, исправлявший в сельских местностях судейские и некоторые административные функции.

священник Л* Г**, каноник в О***, с которым я уже сносился, а он сам воспитает себе преемника из числа наших детей.

Третьего дня мы сделали раскладку налогов по податному списку, присланному нам из Тон **, ибо знаем, что подобает платить падающую на нас долю общественных налогов государю, который защищает нас от внешних врагов и всячески охраняет нас внутри страны. Мы относимся к нему как к отцу большой семьи, членами коей все мы являемся, и как такового любим его и почитаем. Жорже и Марсиньи — наши первые синдики и сборщики налогов, ибо у нас эти две должности совпадают, поскольку не происходит сбора налогов, а Община платит монсеньору интенданту за всех.

Остаюсь, сударь и любезный племянник, Ваш, и т. д.

Через неделю по получении этого письма граф возвратил мне нижеследующий Регламент, который я ему вручил, дабы он исхлопотал его утверждение. Он внес туда лишь кое-какие изменения в пользу старших сыновей.

Желательно, чтобы чтение сего Уста-

ва побудило и других к созданию поселений, подобных осуществленному в Удене, — более совершенному, чем поселения, существующие в Оверни и в окрестностях Орлеана. Мы не будем приводить описания этих общин, уже давно осуществленных во Франции; с ними вскоре можно будет ознакомиться в труде, озаглавленном «Новый Эмиль», том I, стр. 472, коему предпослана «История общин в Спарте», а также история общин Моравии и Лаузица в Германии.

УСТАВ ПОСЕЛКА УДЕН, В КОТОРОМ ЖИВУТ ОБЩИНОЙ ЧЛЕНЫ РОДА Р***

Раздел первый

Распределение имущества; постройка домов; избрание пастыря и т. д.

Принимая во внимание, сколь пагубно для нравственности пребывание в городе, мы порешили навсегда запретить жить там всем членам семьи Р***, к тому непривычным. Чтобы добиться этого, мы сообща учредили семейный договор, ко-

торый все наши потомки обязаны соблюдать, под страхом лишения наследства, во всяком случае до тех пор, покамест они не уплатят всей стоимости причитающегося им имущества. Настоящий договор включает нижеследующие пункты:

I. Селение будет управляться по образцу объединенных семей в Оверни. Мы выносим решение, чтобы наши вышеупомянутые дети все обладали совершенным равенством как в отношении имущества, так и воспитания. Дабы даже наши самые отдаленные потомки непрестанно помнили, что все они братья и члены одной семьи, им надлежит подчиняться старшему сыну Старшого в нашей семье, каковой будет как бы всеобщим отцом. Мы желаем, чтобы кюре и школьные учителя всегда избирались из числа самых достойных потомков упомянутого Старшого, если только найдутся способные к тому; за отсутствием таковых, из числа потомков следующего по старшинству брата; если же таковых не окажется, то из числа потомков старшей дочери. Всеобщий отец, или Старшой, будет раздатчиком земельных наделов и, посоветовавшись с братьями, будет представлять достойное лицо епископу. У кюре не будет наследственного достояния.

II. Как только приобретенные и подлежащие

приобретению земли станут пригодными к распределению, они будут разделены на сто наделов, а поскольку наше общинное землевладение объемлет тысячу арпанов, не считая земель, поросших кустарником, лугов и виноградников, каждый надел будет включать десять арпанов. Эти наделы будут предоставлены каждому брату и шурину, представителям одного колена; таким образом каждое колено получит восемь наделов и три арпана; сверх того десять арпанов — арпан виноградника и девять арпанов, подлежащих обработке под виноградник, а также тридцать арпанов лугов в полную собственность, с правом выгона после покоса на всех общинных лугах. Чинш{116} будут платить одному только кюре; он будет обладать правами сеньора, не имея его титула.

III. Церковь будет построена таким образом, что жилища пастыря и школьного учителя будут к ней примыкать, не нанося ни малейшего ущерба величию храма. Его будут окружать сады, прилегающие к домам священника и учителя, за исключением северной его стороны, к которой будет примыкать участок, обнесенный высокими

{116} Комментарии: 2.116
Чинш — плата арендатора собственнику земли.

стенами и предназначенный для погребений. У церкви будет трое врат, на западе — врата для входа молящихся, на юге — врата для свадебных шествий и напротив них, на севере, — врата для погребальных процессий; двое последних врат будут открываться лишь в случае надобности и будут именоваться Свадебными и Погребальными.

IV. Чтобы теперь же ввести в действие устав, которому подчинена сия маленькая Спарта, первым кюре избирается господин аббат Л* Г**, за отсутствием подходящих лиц из представителей старшей линии; это будет достойный пастырь. Что до места школьного учителя, то предлагается Пьеру Р*** взять на себя исполнение сих важных обязанностей.

Раздел второй

Общественные столовые и развлечения

V. Посреди селения, у самого источника и близ церкви, будет построено основательное здание, где будет находиться общественная пекарня, построенная таким образом, что в случае, если там вспыхнет пожар, огонь не распространится на остальную часть здания. Рядом с пекарней

будет находиться большой зал, могущий вместить тысячу человек, его будут освещать сто окон с переплетом, расположенных на том же уровне, как окна в приделах наших церквей. Это будет общественная столовая и вместе с тем зал для совершения суда (который будет лишь третейским за отсутствием поводов к тяжбам — при общинном владении). К столовой будет примыкать другое помещение, более обширное и менее освещенное — общинная рига, куда будут привозить весь урожай зерна. Над этими двумя помещениями сводчатая галерея будет служить амбаром для хранения пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороха и чечевицы, — каждого вида зерновых в особом отсеке. Что до сена и соломы, то их будут распределять между всеми сразу же после стогования; и после каждой молотьбы мякина (так называются отходы хлебных злаков после веяния) и отруби, остающиеся после помола, также должны быть распределены, кроме количества, необходимого для Общины.

VI. У каждого будут в собственности только мебель, белье и одежда, которые будут одинаковыми у всех; можно будет выбирать лишь цвет ткани и фасон.

VII. Скотина будет принадлежать Общине, хотя

и будет распределена между ее членами, чтобы на ней пахать и пользоваться молочными продуктами.

VIII. Два синдика, избираемые на один год, будут надзирать за работой, за пахотой и уходом за животными. Лентяи будут подвергаться порицанию и даже наказаниям, а трудолюбивые, деятельные и искусные будут получать награды.

IX. Всякий глава семьи, который будет пренебрегать сельскими работами, — дурно пахать, дурно полоть и, следственно, соберет меньший урожай и т. д. и т. д., — будет в течение года получать лишь половину порции вина в воскресные дни и праздники и занимать последнее место у входных дверей как в церкви, так и в общественной столовой. Если на следующий год он не станет лучше работать, то начнут тщательно доискиваться причины, и если это произошло по его вине, он будет пребывать в унижении, но если это вызвано его слабосилием, ему будут обрабатывать половину и даже две трети участка, доколе он окажется в состоянии поднять весь участок целиком.

X. Тот, кто превзойдет остальных умелостью, трудолюбием и добьется наиболее высоких урожаев, будет занимать первые места в церкви и

в столовой; каждое воскресенье к нему будут торжественно приносить части просфоры, его сыновья (если таковые у него имеются), получив преимущества перед сверстниками, представителями младших ветвей, будут исполнять обязанности клириков во время богослужения, и т. д.

XI. Молодой человек или девушка, которые выдвинутся в ранней юности, обнаружив особые успехи в чтении, письме и в работах, приличествующих их возрасту, получат как знак отличия кокарду, и им будет оказано особенное внимание во время общественных увеселений. Если, достигнув шестнадцатилетнего возраста, они будут по-прежнему выделяться своими заслугами, то получат самую лестную награду: юношам будет предоставлено исключительное право самолично выбирать себе невесту; девушки обретут равноценную прерогативу, по постановлению объединенной Общины, о чем будет речь в параграфе XLIV.

XII. Свадьбу будут праздновать не два дня, как обычно, а целых три, а в случае, когда взаимный выбор совершат самые достойные представители обоих полов, свадебный пир будет длиться четыре дня. Вся Община будет праздновать рождение

первого ребенка, отмечая его не только ужином с двойной порцией вина и вкусных блюд, как на прочих празднествах, но и увеселениями, которые будут длиться целый день.

XIII. Работы будут проводиться пять с половиной дней в неделю и прекращаться в субботу в полдень. По воскресеньям будут вкушать полный отдых, если не считать ухода за животными.

XIV. Увеселения будут носить общественный характер и, следственно, будут сохранять благопристойность; мужчины будут играть в шары, а старики даже в карты, и каждый из них получит после вечерни бутылку вина.

XV. Месса всегда будет совершаться в девять часов и заканчиваться (включая и проповедь) к десяти; сразу после этого — общественный обед; в полдень — вечерня, заканчивающаяся к часу дня; затем уроки катехизиса, который будут преподавать кюре и школьный учитель, первый в церкви — молодым людям, второй в школе — детям, — до двух часов. Час на домашние дела. В три часа будут начинаться игры и продолжаться до общественного ужина, т. е. до восьми часов.

XVI. Юноши будут метать диск, играть в лапту и т. д., мальчики будут бегать наперегонки и т. д.

XVII. Развлечения пожилых женщин будут

заключаться в том, что они будут сидеть и беседовать друг с другом, наблюдая за молодежью обоего пола.

XVIII. Развлечения девушек и молодых женщин, еще не ставших матерями, будут состоять в танцах под звуки волынки, с юношами, которые в течение недели хорошим поведением заслужили эту милость (лентяи, грубияны и др. не будут допускаться на танцы, доколе не исправятся), или же в комнатных играх, если погода дурная.

XIX. В танце будут принимать участие молодожены, а также молодые люди, готовые вступить в брак. Те же, которым еще рано помышлять о брачных узах, будут участвовать в этих увеселениях лишь в качестве учеников, с которыми взрослые будут заниматься, обучая их различным танцам, какие в ходу в настоящее время.

XX. После танцев юноши получат по полбутылке вина, а девушки такое же количество сидра или ломоть хлеба с маслом — на выбор. Дети получат половину порции девушек.

XXI. Сверх того в воскресный полдник будут поданы особого рода пироги, которые замесят накануне вечером все матери семейств, а общественный пекарь испечет в воскресенье непосредственно после вечерни.

XXII. Зимой увеселения будут происходить в большой трапезной и в общественной риге; помещение будет освещаться фонарями наподобие тех, какие теперь горят на парижских улицах. Летом это будет происходить в аллее на северной стороне поселка, обсаженной тутовыми деревьями и яблонями. В погожие весенние и осенние дни — на поляне на южной стороне.

XXIII. Что до приготовления пищи, то каждую неделю пятнадцать матерей семейств с помощью пятнадцати девушек на выданье будут по очереди заготовлять продовольствие: свежую и соленую свинину, приправленную различными овощами. Община будет содержать стадо свиней. Раз в неделю и на большие праздники будут резать быка и несколько баранов из общинного стада. Остатки мяса пойдут для кюре и для больных; кроме того, для последних будут резать домашнюю птицу. В известные дни, такие, как сельский праздник, день основания Общины и другие, будут угощать сельчан живностью и дичью; птицу будут резать лишь по такому случаю. В постные дни будут подаваться яйца, сыр и пирожки.

XXIV. Хлеб будет высокого качества. Каждый мужчина будет получать к обеду и к ужину по полбутылке вина. Женщины, девушки и дети

будут пить воду. Таков, впрочем, обычай во всех окрестных местах.

Раздел третий

О труде

XXV. После обеда, который будет в восемь часов в рабочие дни, каждый вновь возьмется за труд, к которому приступил с утра. В час дня будут раздавать хлеб к полднику. Каждый возьмет, сколько ему угодно. Летом в конце дня, а зимой в восемь часов будут ужинать, затем пойдут в церковь, где пастырь поднимется на кафедру и прочтет главу из Библии, главу из Евангелия, урок катехизиса и «Отче наш», — это и будет вечерней молитвой. Все разойдутся по домам. Будет предписано соблюдать благопристойность и спокойствие. А если через полчаса после того, как колокол возвестит окончание дня, помощники дежурных синдиков, которые будут совершать обход в молчании, обнаружат кого-нибудь на улице, то на следующий день его подвергнут наказанию.

XXVI. Заниматься будут обработкой земли — и пахотой, и уходом за виноградниками. Все будут делать одно и то же и в то же самое время. В дождливые дни будут чинить сельскохозяйственные

орудия, изготовлять жерди для виноградников, заготовлять навоз и т. п.

XXVII. Зимой будут молотить зерно и т. д. Ни один день не должен проходить в праздности.

Раздел четвертый

Обучение естественным наукам

XXVIII. Между тем, если молодые люди, подчиняясь режиму, проявят большое рвение и у них окажется свободное время, то пастырь будет знакомить прихожан с теорией сельского хозяйства; он будет им читать и объяснять «Естественную историю» господина де Бюффона{117}, будет знакомить их с детских лет с основными истоками естествознания, как-то: неподвижность Солнца, вращение Земли и планет, и сообщать им кое-какие географические познания.

XXIX. Эти занятия он будет сообщать им не только в свободные от работы дни, ибо таковых оказалось бы недостаточно. В четверг после полдника на работу не пойдут, а соберутся в Общей комнате, где пастырь сперва будет читать, а

{117} Комментарии: 2.117

Бюффон, Жорж-Луи Леклер, граф де Бюффон (1707—1788) — французский ученый, автор «Естественной истории».

затем давать пояснения по поводу упомянутых предметов. Он ознакомит поселян с основами наиболее полезных ремесел, будет давать советы по мере надобности и в случае, если им угрожает или уже постигла их какая-нибудь беда. Ибо пастырь будет воистину отцом своего народа. Он должен быть справедлив, ревностен, одним словом, воплощать христианский идеал.

Раздел пятый

Сбережения, или Частные доходы

XXX. Кроме общественных средств, принадлежащих в равной мере всем обитателям, у всякого будут свои личные сбережения, которые будут состоять как из заслуженных им наград, так и из денег, причитающихся ему из излишка, оказавшегося после продажи зерна и других припасов, после уплаты королевских податей и необходимых общинных расходов. Этот излишек будет разделен поровну между всеми, за исключением тех, которые за какой-либо серьезный проступок будут частично или всецело лишены этого дохода.

XXXI. Такого рода приговоры будут торжественно провозглашены судьей по настоянию

налогового надзирателя после того, как двенадцать прихожан, друзей провинившегося, сами осудят такового.

XXXII. Из этих средств обитатели смогут покупать книги, мебель и т. д., или же участки земли за пределами общинного владения, или же помещать эти средства в торговые предприятия; но лишь при условии, что это не будет в ущерб их личному хозяйству, ибо они могут привлечь к участию в работах лишь своих детей, им возбраняется нанимать других прихожан, а тем более посторонних лиц.

XXXIII. Лица, имеющие много детей, не должны приучать их к безделью, полагая, что от них нет никакой пользы. Напротив, это будет подлинное богатство и вдобавок принесет великую честь на общественных трапезах, где отцы восьми и большего числа детей будут получать двойную порцию вина и занимать первые места. Если в какой-нибудь семье недостанет детей для совершения работ, то ей будут даны в помощь дети из другой семьи, где их даже слишком много. Отец и мать семейства должны будут относиться к ним как к родным детям, а последние почитать старших как лиц, облеченных родительской властью. В награду отец этих детей получит часть личных

средств, принадлежащих людям, которым помогают их дети. Таким путем семья разбогатеет и положение ее упрочится.

Раздел шестой

Участь детей, которые не смогут жить в поселке

XXXIV. В Общине люди не будут заботиться о пропитании, об уплате налогов, которые будут вноситься синдиками за всех; благодаря развлечениям, жизнь будет приятной, девушки ввиду всеобщего благополучия будут красивее и любезнее, чем в других местах, — поэтому население станет многочисленным, а жители будут горячо любить родные места и бояться их покинуть. Однако территория Общины все же ограничена и предназначена лишь для ста семейств. Когда число семейств превысит сотню, придется произвести расселение.

XXXV. О сем позаботятся заранее, построив новый поселок на некотором расстоянии от первого и в столь же приятной местности.

(*Примечание.* Граф, после того как я отослал ему этот Регламент, уже всту-

пил в переговоры с жителями селения, называемого Пайо, и они уступили ему свои жилища, а он расселил их в других приходах по их выбору, где предоставил им дома и усадьбы, равноценные уступленным ими. Это новое селение будет именоваться Вторым Уденом и образует с первым единый приход. Земля будет обрабатываться нашими детьми, а доходы с нее пойдут на завершение общественных зданий, о коих я уже говорил, а также на постройку домов для новобрачных.)

Раздел седьмой

Проступки и наказания. Семейный суд

XXXVI. Есть основания думать, что в поселках Общины не будут иметь место преступления, караемые правосудием. Но если впоследствии кто-нибудь совершит преступление, он будет изгнан из Общины и немедленно предан королевскому суду. И хотя все члены Общины являются единой семьей, к которой принадлежит и преступник, его проступок и наказание не бросят ни малейшей тени на его близких.

XXXVII. Серьезные проступки, например ссоры,

драки или оскорбительная брань, будут караться штрафом, уплачиваемым из личных средств, о коих шла речь в пункте XXX, и вдобавок провинившийся будет лишен развлечений.

XXXVIII. Легкие провинности, неоднократно допущенная неосмотрительность и т. д., повлекут за собой унижения в общественной трапезной, — лишение вина и некоторых блюд.

XXXIX. Лень и небрежность, допущенные при обработке земли, в уходе за скотом и т. д., будут строго пресекаться: взрослые и женатые люди получат суровые выговоры и будут подвергнуты личным взысканиям, которые не набросят тени на их детей, а молодые люди и девушки принесут перед всеми покаяние в трапезной и даже в церкви, будут посажены на хлеб и на воду и лишены всех развлечений. Покамест остальные будут веселиться, они будут закрыты поодиночке в комнате и должны будут исполнять работу, которую им назначат в зависимости от их проступка.

XL. Наказания будет налагать Семейный суд под председательством кюре (замещаемого школьным учителем), в составе двенадцати старейших отцов семейств, двух синдиков, бальи, его заместителя, налогового надзирателя и письмоводителя, которые будут обладать ре-

шающим голосом. Приговор будет выноситься по большинству голосов. В случае, если голоса разделятся, призовут двенадцать старейших, сверх двенадцати, образующих совет, и, не сообщая им о разделении голосов, изложат им дело, затем присоединят их голоса к уже имеющимся и вынесут решение по большинству голосов.

Раздел восьмой

О религии

XLI. Богослужение будет совершаться в часы, предписанные в пункте XV. В хоре будут участвовать представители старшей семьи до тех пор, покамест будут иметься мужчины, способные к пению. За неимением таковых будут привлечены представители следующей по старшинству семьи. На время к старшей семье будут причислены дети, которые отличаются либо успехами в учении, либо послушанием. Они будут прислуживать в церкви в стихаре, награждаться книгами и т. д. Пастырь будет обучать паству, надзирать за ее поведением и предотвращать беспорядки. Когда Община окончательно станет на ноги, там будет иметься викарий или коадъютор, который будет проживать во втором селении и после кончины

кюре займет его место. Женщины будут стоять в церкви отдельно от мужчин. По воскресеньям все юноши и девушки во время дароприношения будут прикладываться к дискосу, при этом у них ничего не будет в руках, если только это не день причастия. Таким образом они пройдут перед своими родителями. Провинившиеся в чем-либо не будут принимать участия в этом шествии. Тот, кто позволит себе нарушить приличия в церкви, в наказание будет стоять во время службы на коленях среди певчих.

Раздел девятый

Браки и выбор невест

XLII. Дабы избегнуть развращения нравов, в селения Общины не будут допускаться посторонние люди. А через несколько поколений, когда степень родства позволит лицам, принадлежащим к тому же роду, соединяться браком, уже больше не будут жениться на девушках из других селений и брать оттуда зятьев. В настоящее же время будут заключаться браки с молодыми людьми и девушками хорошего поведения, которые ознакомятся с Уставом и готовы будут ему подчиниться; им надлежит пройти своего

рода испытания, прожив до свадьбы в Общине не менее двух лет.

XLIII. В случае, если юноша и девушка обнаруживают приблизительно одинаковые достоинства, то при заключении брака пойдут навстречу их взаимной склонности. Но, как было упомянуто в пункте XI, право выбора будет предоставлено лишь тому, кто тщательно выполняет все свои обязанности: юноша, который заслужит в течение года награду за все виды работ, а именно, за пахоту, обработку виноградника, жатву, молотьбу и веяние, обретет право в порядке старшинства выбрать себе невесту из числа девушек на выданье в текущем году.

XLIV. Ежегодно на другой день после праздника Усекновения головы Иоанна Крестителя — 29 августа, будут отбирать юношей и девушек для заключения браков в текущем году; а еще через день будут делать оценку успехам представителей обоих полов и раздавать награды. Высшая награда будет за образцовое поведение и вместе с тем за пахоту; она даст право выбрать себе супругу. Отличившиеся только в благонравии или полевых работах будут в награду занимать первые места в трапезной, в церкви и во время занятий. Девушки, проявившие благонравие

и вместе с тем достигшие успехов в труде, не получат права выбора, предоставленного лишь мужчинам, зато будут иметь право в течение года руководить развлечениями девушек и в свое время право избавить от наказания за два серьезных проступка своего мужа или старшего сына. Остальные награды будут устанавливаться и распределяться стариками, богатыми житейским опытом.

Заключение

Настоящий Регламент будет всегда соблюдаться потомками семьи Р***, оставаясь для них нерушимым семейным законом.

Обсуждено и утверждено по взаимному соглашению всеми детьми Эдма Р*** и Барбы де Бертро...

После основания нашей Общины господь излил на нас свои щедроты. Благодаря нашему Уставу мы все являемся единой семьей, обладающей общим имуществом. Однако общность имущества не снижает трудолюбия, ибо можно добывать себе средства и другим путем. Главное, мы сумели внушить любовь к родным местам и поэтому самым страшным наказанием, равносильным смертной казни для других людей,

является изгнание. Достаток, развлечения, познания — плоды обучения — все это возбуждает любовь к нашей Общине, и каждый взирает на другие места с жалостью, в которой нет ничего оскорбительного, но к которой примешивается презрение к их обычаям, а главное, к их порокам. Во время наших увеселений царит самая чистая радость, не отравленная ни заботами, ни беспокойством. Ни одна женщина не стенает, сетуя на отсутствие мужа, который может вернуться в пьяном виде и т. д.; все развлекаются с легким сердцем. Добавьте к этому, что дети, чьи умы мы пестуем, не пребывают в заброшенности, как дети большинства поселян, и лучше воспитаны, чем дети в городах, где дурные примеры и извращенные взгляды непрестанно препятствуют усвоению нравственных принципов.

Пастырь руководит всем, имеющим отношение к религии, школьный учитель надзирает за развлечениями, бальи и налоговый инспектор с двенадцатью старейшинами улаживают все дела, имеющие отношение к законам. Избираемые на год синдики присутствуют на полевых работах, во время трапезы и ведают распределением доходов. Помощники синдиков, которым на следующий год предстоит занять их место, на-

блюдают за ходом домашних работ, за чистотой улиц и дорог и являются церковными ктиторами. Старейшины ведут общий надзор над поселком, причем в этом им предоставлены неограниченные возможности, однако сами они не могут отдавать приказаний; они докладывают Совету, и последний отдает приказы, исполнителем коих всегда является старейшина, сделавший соответствующее представление.

Поскольку в будущем почти все будет зависеть от кюре, придется избирать его с чрезвычайной осмотрительностью. Горе нашим потомкам, если у них окажется дурной кюре, из числа легкомысленных или из тех ханжей-лицемеров, которые проявляют чрезмерную строгость, превратно толкуя предписания религии!.. Поскольку кюре будут всегда избираться из членов Общины, подчиненных ее законам, то в случае его дурного поведения будет нетрудно его сменить.

Таковы средства, к которым мы прибегли, дабы на веки вечные предохранить наших детей от неизбежной заразы, какой все подвергаются в городах, и избавить их от нужды, какую чересчур часто испытывают в деревнях.

Конец

ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Иные прославляют героев, одержавших победы силой оружия; академии награждают лаврами писателей, придающих новый блеск славе бывших министров или выдающихся литераторов; я же вознамерился возложить венок на могилу честного человека, чья добродетель была скромна и, так сказать, обыденна... Он был всего-навсего справедлив и усерден в трудах, но на этих качествах зиждется благополучие всякого общества, и не будь их, герои умерли бы с голода.

Я открываю новое поприще для сыновней преданности: если бы сын всякого достойного человека был обязан составить жизнеописание своего отца, это принесло бы величайшую пользу. Какой отец, зная, что сын должен стать его правдивым историографом, не потщился бы приобрести добродетели и совершить добрые дела, дабы впоследствии не быть обесславленным тем, кто призван увековечить его имя. То была бы, несомненно, мощная препона на пути быстрой порчи наших нравов.

ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО

Omnia non pariter rerum sunt omnibus apta,
Fama nec ex aequo ducitur ulla jugo.
***Propertius*[126] {118}.**

Смиренный смертный, наделенный добродетелями, лишенными блеска, творивший добро по врожденной склонности и живший в бедности по собственной воле, о, отец мой! Прими сию дань уважения, которую дерзает воздать твоей памяти самый недостойный из твоих сыновей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КНИГА ПЕРВАЯ
[Глава I]

Эдм Ретиф, сын Пьера и Анны Симон, родился

---

[126] Примечания: 1.126

Каждое дело не всем в одинаковой мере подходит,
И не на всяком холме равный пылает огонь.
Проперций, III, 9 *(лат.).*
Перевод Льва Остроумова

{118} Комментарии: 2.118

Проперций (ок. 47—ок. 15 г. до н. э.) — римский поэт. Здесь цитируется элегия IX из III книги «Элегий», ст. 7—8.

16 ноября 1692 года, в Нитри, на земле, принадлежавшей аббатству Молема, около Тоннера {119}. Отец его располагал независимым состоянием. Он обладал привлекательной наружностью и был приятен в разговоре. Все искали его общества, и если не удавалось пригласить его к себе, приходили к нему. Избалованный всеобщим вниманием, он приобрел склонность к рассеянной жизни. От этого пострадали его дела.

Уму Эдма недоставало блеска, и отец, почитая его ограниченным, не уделял ему внимания. Однако молодой человек обладал твердым характером, здравым смыслом и был благоразумен: уже в двенадцатилетнем возрасте, напутанный расстройством семейных дел и тронутый слезами нежнейшей матери, он взял в свои руки хозяйство, дабы предотвратить окончательное разорение. Поведение отца, хотя и непредосудительное с точки зрения света, послужило для него полезным уроком, ничуть не умалив его уважения к родителю; уважение это было столь велико, что в Нитри и по сие время существует поговорка: «Такой-то боится своих родителей,

{119} Комментарии: 2.119

Тоннер — город в департаменте Ионны, в 300 км к юго-востоку от Парижа.

как Эдм боялся своего отца»[127].

Отец, столь любезный с посторонними, был грозой для своих близких: он повелевал взглядом, значение коего надлежало угадывать; только дочери (их было у него три) пользовались некоторым снисхождением. Я уже не говорю о его жене: преисполненная глубокого уважения к супругу, она видела в нем лишь обожаемого господина. Хотя Анна Симон была более высокого происхождения, ибо состояла в родстве с Кёрдеруа, семейством, из коего вышло несколько председателей парламента Бургундии {120}, она предупреждала малейшие желания мужа, и когда ей удавалось ему угодить, лучшей наградой для нее служили слова властного супруга: «Супруга моя, отдохните!». Едва ли был бы более польщен царедворец, удостоенный лобзанием монарха.

Если Анна Симон чтила своего супруга как повелителя, ее с лихвой вознаграждала нежность детей: они всегда были с ней заодно. Прп малей-

---

[127] Примечания: 1.127

Слово «бояться» здесь заменяет слово «любить»; так принято выражаться в наших местах, говоря о боге и родителях.

{120} Комментарии: 2.120

Парламент — в дореволюционной Франции — судебное учреждение, выполнявшее вместе с тем и некоторые административные функции. Провинциальных парламентов было двенадцать, они подчинялись парижскому. Бургундский парламент учрежден Людовиком XI в 1477 г.

шем огорчении дочери окружали ее, осушали ее слезы, и если порой с их уст по адресу отца слетало недостаточно почтительное слово, Анна тотчас их останавливала и строго им выговаривала.

Сын был для нее великим утешением. Какая нежность! Он питал к матери такое же почтение, как та к своему супругу. Посему Анна не раз говорила дочерям: — То, что я делаю для одного мужчины, делает для меня другой, в чем же моя заслуга? Дети мои, если бы в недобрый час мне случилось возмутиться против моего супруга, негодование тотчас погасло бы при мысли: «Ведь он отец Эдмона!»

Нежность Эдмона Ретифа к матери сквозила во всех его поступках: если при нем ее бранил требовательный супруг, он не ласкался к отцу, зная, что тот все равно бы его оттолкнул; он обнимал мать и тут же рассказывал об успешном выполнении каких-нибудь поручений. Тогда гордый повелитель волей-неволей обращался к жене; он смягчал тон и удалялся успокоенный.

Эдм получил начальное образование вне стен родительского дома, этим он был обязан двум весьма достойным людям, из тех, что приносят счастье прихожанам. Я имею в виду кюре Нитри и школьного учителя, почтенного Бертье, чье

имя спустя восемьдесят лет благословляют во всей округе. Вот уж подлинная доблесть и благородство!.. Этот школьный учитель был женат, обременен большим семейством и тем не менее весьма достойно, добросовестно и бескорыстно исполнял свои обязанности! Его поведение, как отца семейства, вызывало всеобщее уважение: не служит ли это лучшим доказательством, что безбрачие отнюдь не обязательно для лиц, занимающихся обучением, и даже для служителей алтаря? Напротив, холостяк всегда себялюбив, он вынужден быть эгоистом: тот, кто никем не дорожит, вправе предполагать, что и сам никому не нужен; холостяк должен обладать незаурядной добродетелью, чтобы проявлять добронравие, подобно иным кюре. Они заслуживают тем большего уважения; но следует ли делать путь к добродетели столь трудным? Когда же наступят желанные времена?.. Увы! Быть может, мне вменят в вину сие патриотическое пожелание!

Я дам портрет почтенного Бертье, рассказав о его поступках. Я уже поведал о них в «Школе отцов» {121}, сочинении, которое всякие Д. Л. Г., С

{121} Комментарии: 2.121

«Школа отцов» — сочинение Ретифа де ла Бретона, вышедшее в свет в 1776 г. Первый его вариант под названием «Новый Эмиль» был запрещен цензурой.

**и Ленг ** расценили как скверный роман, хотя в сущности это кладезь героических добродетелей. Хорошо, пусть это дурной роман; но знайте, о вы, что с трудом верите в правдивость других: я писал эту книгу от чистого сердца, я передал то, что слышал; если она плоха, значит, тому виной добродетель, — так превзойдите ее! Я приведу из нее строки, характеризующие достойного Бертье; они помещены сразу после пассажа, где дается портрет почтенного кюре, который я помещу в конце этого сочинения.

«Наш школьный учитель с начала до конца выполнял роль пастыря. Считаю долгом пояснить. Он давал детям начатки знаний, наставлял юношей и девушек, как надлежит вести себя в повседневной жизни, как должен обращаться муж с женой, брат с сестрой и т. д. Поскольку он был отцом многочисленного семейства, казалось, что его советы подсказаны личным опытом; однако впоследствии стало известно, что он заранее обсуждал их с пастырем. Два раза в год детей отпускали на каникулы: во время жатвы и сбора винограда. Лишь немногие ученики возвращались после жатвы, большинство оставалось дома до завершения полевых работ. Занятия кончались в последний день июня и возобновлялись 20

октября. В эти дни уроков не было: добрый старец посвящал учебные часы беседам, которые я не могу вспомнить без умиления.

В июньской беседе шла речь о зле, какое можно причинить ближнему в деревне во время жатвы, а также о том, как проводить часы отдыха в промежутках между работами.

— Дети мои, — говорил он, — мы расстаемся на четыре с лишним месяца; вас призывают полевые работы; нужно облегчить труд отцам и матерям, которым вы обязаны жизнью; которые вас кормят; которые ради вас терпят холод и зной, голод и жажду; добрые родители поручают вам в лучшую пору года самые легкие работы, а самые тяжелые неизменно оставляют себе; этим они весьма отличаются от городских ремесленников, которые принуждают учеников выполнять все самое трудное и утомительное, что только есть в их ремесле, и тем истощают их и калечат еще нежные и не вполне сформировавшиеся тела. Таким образом, любезные дети, одни из вас будут продолжать, а другие начнут сладостное усвоение самого благородного, самого полезного людям искусства, искусства, которому наставлял людей и коим руководит сам бог. Проникнитесь, милые чада, сознанием его значительности и

не унижайте его никогда, не бесчестите дурным поведением: остерегайтесь быть несправедливыми, злыми, лукавить, портить чужое добро — сами, или же распуская свой скот. Это самое главное, мои возлюбленные юные друзья. Вы будете целые дни проводить в лесу и на полях с ветреными сверстниками, вдали от ваших добрых отцов и матерей, которые внушили бы вам страх божий и почтение к людям; один дурной человек способен своими советами и наущениями совратить с праведного пути половину детей прихода. Милые ученики мои, прошу вас ради господа бога, ради вас самих и ради меня, который всех вас любит, вспоминать в таких случаях те наставления, что вы здесь слышали. Представьте себе нашего доброго кюре, который учит вас добру, и бедного старого Бертье, помогающего ему в меру своих слабых сил. Любезные друзья мои: когда вы услышите дурной совет или вам в голову придет дурная мысль, остановитесь на мгновение и спросите себя: «Что это я собираюсь сделать? Допустим, я увидел бы, что кто-то хочет посягнуть на наше добро. Что бы я ему сделал? Что бы сказал? Было ли бы это мне по душе? Быть может, бог в наказание за мое дурное намерение позволит, чтобы нам причинили такой же или

еще горший вред? Как посмею я жаловаться на воришку, если сам буду воровать? И что подумает тот, кто меня застанет за кражей? Но, допустим, никто меня не увидит, — бог видит тебя, злосчастный, бог видит, и ты не трепещешь!..» Милые дети мои, никогда ни один юноша и ни одна девушка, вспомнив то, что вы сейчас слышите, не совершит дурного поступка. Мы в приходе все братья и должны оберегать добро своих ближних. Если все будут так поступать, как приятно станет жить в нашей общине! Призываю вас, любезные ученики мои, оспаривать друг у друга славу первого почина: Нитри подаст пример всем соседям, и о нашей деревне будут упоминать только с похвалой. Каждый от этого выиграет, никто не будет терпеть ущерба от злых, да и злые не будут подвергаться наказаниям. Таким путем уже в этой жизни вознаграждается доброе поведение. Прошу вас, милые дети, поступайте так, чтобы я не огорчился, услыхав, что кто-нибудь из вас не считается с моими словами; умоляю вас об этом со слезами на глазах: пожалейте старика, который ответит перед богом, не снимая вины с вас, за все зло, какое вы сделаете и какое он мог бы предотвратить...

Вы пробыли семь-восемь месяцев в школе,

— постарайтесь же, дети мои, не забывать того, чему научились; отправляясь на пастбище со скотом, берите с собой вот эту краткую Библию; и если соберетесь вместе, прочитайте оттуда вслух несколько глав, — это будет упражнением в чтении; по воскресеньям переписывайте по нескольку страниц; вы будете делать это с пользой для себя, — впоследствии вы сможете самостоятельно вести свои дела. Прощайте, любезные мои ученики; да благословит вас бог, как даю я вам свое слабое благословение, и давайте, прежде, чем расстаться, совершим краткую молитву, чтобы нас подкрепил господь. — После молитвы он целовал нас всех по очереди и отпускал.

Беседа в первый день занятий делилась на две части. Сперва добрый учитель перечислял все проступки, совершенные за лето его учениками; он делал нам выговоры, или, вернее, мягко упрекал, призывая исправить причиненное зло. Следует сказать, что и во время каникул добрый старец не переставал следить за нами; он узнавал, как мы себя ведем, это стоило ему невероятных усилий, но все делалось так осторожно, что мы ничего не подозревали. Он не позволял себе никаких упреков в то время, когда «был

отрешен от власти», как он выражался, однако своими сведениями он делился с добрым кюре, и они обсуждали, как исправить причиненное зло и добиться раскаяния виновников. Все это держалось в секрете как важные государственные дела. Вторая часть беседы была посвящена уговорам — он наставлял нас, как с пользой проводить время; затем он распределял места, сажая на первую скамью поближе к себе самых невежественных учеников и помещая позади более успевающих; при этом он говорил, что невежда должен слышать объяснения, какие он дает другим. Таким образом, сидящие на первой скамье отвечали последними. Я передам вкратце содержание его беседы, оказавшейся последней, — смерть похитила его у нас три месяца спустя.

— Вот мы и встретились снова, дети мои. Как отраден был бы для меня этот первый день моих трудов и радостей, если бы все вы заслуживали похвал, и я мог бы поздравить себя с тем, что ни один из вас не пренебрег словами бедного старца, который умолял вас, простирая к вам руки, не отягчать его бремени, навлекая на него кару Всевышнего Судии проступками, которые он мог бы предупредить! О дети мои! Вы, как видно, боитесь бога меньше, чем людей! А между тем,

люди — ничто, они в большинстве случаев не ведают всей черноты своих проступков: один бог проникает в самые сокровенные недра сердца. Сколь добр сей отец! Он дает урожай, который нас кормит, без его промысла ничто не могло бы прозябать, — а вы его оскорбили в то самое время, когда он протянул вам руку с хлебом; обидели его в лице его братьев, его друзей, жителей нашего селения, с коими всякое воскресенье мы собираемся как единая семья в доме господнем, в лице тех, с кем мы вкушаем хлеб, освященный служителем божьим и раздаваемый в знак единения и братства[128],

О чада мои! Так, значит, в доме господнем нашлись предатели? Надлежало отказаться от этого хлеба, если вы пожелали зла одному из тех, кому была обещана дружба от вашего имени; надлежало отделиться от него уже в церкви и не пребывать там вместе с ним; по крайней мере, вы не совершили бы тяжкого греха, подобно апостолу, предавшему Христа, не оскорбили бы храм и таинство... Я ничего не добавлю к этому... слезы мои дополняют сказанное, дети мои... Но да будет вам известно, что нет ничего тайного, что

[128] Примечания: 1.128

Превосходный деревенский обычай, выродившийся в городах в нелепую церемонию, имеющую целью лишь выгоду причта.

не стало бы явным.

После этого учитель называл поименно тех, кто причинил зло ближнему: одного упрекал в том, что тот кормил своих волов чужим овсом; второго — в том, что он пас их в чужом люцернике или на эспарцетовом поле; третьему напоминал о ссорах, следующему о драках, тому — о дурном обращении с чужими волами, на которых он пахал, сберегая своих; иному припоминал, что он работал дольше положенного времени в дни, когда была его очередь на плуг, и, наоборот, урезывал время работы, когда пахали его соучастники и товарищи по обработке земли; других он упрекал за то, что они запахали две-три борозды на соседнем поле или захватили сноп-другой, или же лакомились виноградом и фруктами на соседнем участке; иные провинились тем, что вели непристойные разговоры, бранились, позволяли себе вольности с девушками или грубые слова в разговорах с ними; те сплетничали или наговаривали на других; наконец он пенял на недостаточно ревностное посещение церкви, на то, что ленились читать и писать, причем заставлял всех показывать книги и тетради. После беседы с мальчиками он переходил к девушкам; наши юные поселянки вели себя

достаточно скромно, им были несвойственны пороки, обычные у мужчин, и язык их был, пожалуй, главным орудием того зла, в котором они могли себя упрекнуть. За это более всего и журил их наш добрый учитель, порой он выговаривал им за лень и за небрежность; о более серьезных проступках девушек он говорил с ними наедине. «Почему они, становясь женщинами, не остаются такими, какими были девушками? — восклицал он порой. — Однако их портят мужчины своим дурным примером, они ожесточают их, угнетают и т. д.» Затем, указав каждому из нас, как загладить совершенный проступок, он переходил ко второй части своей беседы.

— Не впадайте в уныние, дети мои: лучший способ раскаяния в дурных делах — это хорошее поведение. Сделаемся новыми людьми; усвоим другие привычки; заставим забыть этот год, и пусть сохранят память о том годе, когда мы будем вести себя хорошо. Вот уж пятидесятый раз я начинаю занятия в этой школе: я застал в ней ваших отцов и даже ваших дедов. И что же? Из года в год дела у нас идут все лучше, если не считать последние годы, ибо я в мои семьдесят пять лет уже не могу выполнять свой долг по отношению к вам так же хорошо, как я делал

это с вашими предшественниками. Но, быть может, так мне предопределено: я выполнил свое назначение, и близится мой срок. Да пошлет вам бог старость, подобную моей, чтобы вы не испытывали иных немощей, кроме охлаждения крови и постепенного угасания. Дети мои, как вам кажется — долгий ли это срок — семьдесят пять лет? Вы молоды, и потому вам представляется, что это срок весьма долгий. Но для меня эти годы промелькнули как один день: мне кажется, что только вчера я был в вашем возрасте, еще вчера бегал ребенком. В тридцать лет молодость казалась мне более отдаленной, чем ныне; друзья мои, если бы меня не утешало сознание, что я хорошо прожил свою жизнь, мне было бы теперь очень тяжко; но я подобен виноградарю, который перенес палящий зной, терпел жажду и обливался потом; я испытываю лишь радость, видя, что день склонился к вечеру и надвигается ночь. Поразмыслите над этим, дети мои, как следует: жизнь лишь краткий день; вы переживаете утро, для меня наступил вечер; иные переживают свой полдень, они не видят ни утра, ни вечера, но ощущают лишь полуденную жару, которая их горячит и опьяняет. Будем же добрыми, дети мои, дабы вечер и приход ночи не страшил нас. О дру-

зья мои! Сколь ужасно приближение смерти для злого человека! Сколь она утешительна для того, кто творил добро, служил богу, помогал своим братьям! Он подобен тому усердному наемнику, который смело идет за расчетом, уверенный, что хозяин не только его похвалит, но вознаградит сверх уговора.

Каждому возрасту присущи свои обязанности. Старец готовится достойно встретить смерть, увенчивая свою жизнь выполнением христианских обязанностей; зрелый мужчина содержит семью, воспитывает детей, заботится об их образовании; единственный долг дитяти — работать для себя, идти навстречу родителям, окружающим его заботами. Это относится именно к вам, дети мои. Посмотрим же, что мы будем делать в этом году, выполняя свой долг. Чтобы двигаться вперед, каждый из вас должен проверять, что он делает; как только вы усвоите то, что вам преподается, вы пересядете на следующую скамью, и т. д.

Такие речи держал нам сей добрый наставник, пребывающий ныне на лоне господнем с мудрым пастырем, который сумел его избрать. Стоило бы посмотреть, каковы были тогда люди в Питри! Мы узнаем оставшихся в живых — их становит-

ся все меньше. Даже сохранившейся поныне чистотой языка, отличающей наше селение во всей округе, мы обязаны образованию, которое учитель и кюре сделали всеобщим; эта чистота отражала чистоту нравов, о поддержании коей они пеклись.

И сколько, думаете вы, мы ежемесячно платили этому доброму учителю (ибо у нас никогда не было, как это встречается в других местах, бесплатного обучения)? Три су в месяц, покамест ученик не выучивался писать, пять су платил тот, кто выучился письму. Такова была цена его отеческим заботам; впрочем, он никогда не требовал платы, и находились бессердечные отцы, не вносившие ее за своих детей. Община добавляла к этому пятнадцать бишэ{122} пшеницы и столько же ячменя в год; в то время это зерно могло стоить от семидесяти до семидесяти двух ливров. Таким образом, этому достойному человеку едва хватало на пропитание, однако он никогда не жаловался.

Обо всем этом постоянно рассказывал мой почтенный родитель, когда я был маленьким, всякий раз проливая слезы при воспоминании

{122} Комментарии: 2.122

Бишэ — мера сыпучих тел в Бургундии, равная одной пятой гектолитра.

о своем добродетельном учителе. Эти рассказы запечатлелись у меня в памяти, и все, что мне довелось написать хорошего, принадлежит не мне, но моему отцу, моему деду и адвокату Ретифу — достойным моим наставникам, чья мудрость состояла в чистейшей добродетели. Если вы соблаговолите прочитать «Школу отцов», то узнаете, сколь высоко ценили эти примерные граждане достоинства кюре и школьного учителя, и убедитесь, что счастье селений, чистота нравов, а отсюда и благосостояние государства зависят от этих двух лиц: именно они выпестывают добрых отцов семейств, в первую очередь школьный учитель, если он таков, как Бертье.

Пьер Ретиф был достаточно умен, чтобы оценить достоинства сына и его доброе сердце; он стал больше считаться с ним, нимало не поступаясь своим авторитетом; как видно, это имело благие последствия. Когда они шли куда-нибудь вместе, отец шагал впереди, роняя на ходу скупые замечания о том, что встречалось на пути. Сын почтительно следовал сзади, не осмеливаясь задавать вопросов.

Ужасная зима 1709 года окончательно открыла Пьеру глаза на достоинства сына. Этому любителю развлечений никогда недоставало денег,

посему он рано запродал хлеб и не воспользовался теми неслыханно высокими ценами, какие установились на зерно шесть месяцев спустя: напротив, ему пришлось в течение двух месяцев покупать хлеб для собственных нужд, ибо он оставил зерна в обрез, чтобы дотянуть до созревания ранних хлебов. Так же поступил он с кормовыми злаками.

Эдмон страстно любил лошадей; это благородное животное, верный помощник на пашне, было ему столь дорого, что он не мог допустить, чтобы отец полностью лишил лошадей овса и ячменя. Эдмон припрятал довольно большой запас зерна в старых бочках и убедил своих товарищей, чьи отцы походили на Пьера Ретифа, поступить подобным же образом. Такой поступок не следует считать ребячеством: то была предосторожность, имевшая существенное значение в местности, где по сие время так плохо обращаются с домашними животными, что они рано становятся непригодными для работы; далее я поясню, в чем тут дело. Пьер Ретиф столь поверхностно занимался своим хозяйством, что не заметил припрятанного сыном зерна; Эдмон же, со своей стороны, понял, что отца можно безнаказанно обкрадывать, и извлек из этого урок.

Когда заморозки погубили всходы, Эдмон в смертельной тревоге отправился посмотреть посевы, над которыми он столько трудился, — ему шел тогда семнадцатый год. Ни единого ростка, но мороз так размягчил землю, что она словно ожидала нового посева. Внезапно Эдмона осенило. Не сказав дома никому ни слова, он выехал с плугами в поле, слегка взрыхлил землю и засеял ее очень редко ячменем пополам с овсом. Над ним смеялись, отец побранил его и велел прекратить посев. Эдмон подчинился, но подговорил своих друзей выполнить то, чего сам не мог довести до конца. Успех превзошел все ожидания, и селяне были спасены: редко посеянное зерно дало кустистые всходы; столь крупного ячменя прежде никогда не родилось. Те арпаны, которые Эдмон успел засеять до запрещения отца, дали отличный урожай: ячмень отделили от овса, и его хватило, чтобы прокормить семью. Таким образом юноша спас семью от окончательного разорения и тем самым спас родной край. Если бы Пьер Ретиф не вмешался, сын сделал бы его богачом: в тот год многие владельцы охотно отдавали свои поля под посев за обычную плату, составлявшую четверть урожая.

Убедившись, наконец, в здравом смысле сына,

Пьер признал, что это драгоценное свойство стоит блестящего ума. Он был прево {123} в Нитри, эта должность дорого ему обходилась: собрания происходили в его доме и всегда за его счет, — угостить вином было некому, кроме судьи. Пьер решил позаботиться об образовании Эдмона.

У него был родственник, носивший наше имя, адвокат в Нуайе, опытный юрист, чья честность и неподкупность не позабыты и по сие время. Он был состоятельным человеком, его внуки занимают ныне значительные должности в Дофинэ. Пьер поручил этому человеку своего сына, которого мог бы воспитать сам, если бы не так любил развлечения; при этом им было поставлено условие: он отдавал адвокату на зиму Эдмона с тем, чтобы тот весной возвращался домой пахать и выполнять все полевые работы.

Я не дерзаю порицать поведение своего деда: Эдмон Ретиф, не последовавший его примеру в воспитании детей, всегда говорил о нем с почтительным восхищением; он признавал, что обязан отцу тем, что не сбился с пути истинного. Чистосердечие, которое он мог утратить за шестимесячное пребывание в городе, он вновь

{123} Комментарии: 2.123

Прево — наименование различного рода чиновников; в данном случае речь идет о судье.

обретал в родном доме.

[Глава II]

По истечении шести месяцев Пьер не преминул затребовать сына у адвоката; тот отослал его со следующим письмом, которое бережно хранится в нашей семье.

«Любезный кузен,

Отсылаю вам доброго малого; он не поразит вас блеском ума, но, ручаюсь, он в избытке обладает качествами, необходимыми, чтобы быть хорошим судьей, хорошим мужем (не под стать вам![129]), хорошим отцом и честным человеком. Эдмон успешно усваивает все практические науки, но в той области, которая столь тебе дорога, любезный Пьерро, он, право же, совершенный олух.

Поздравляю вас с его качествами и недостатками, именно с недостатками: он возвратит семье то, что у нее отнял некто другой. Говорю это не в упрек тебе, любезный Пьерро; ты знаешь, как я тебя люблю, хотя кое за что и пробирал, но в

[129] Примечания: 1.129

Когда отец читал нам письмо, он пропускал эти слова, и мы прочитали их лишь после его смерти; они были наполовину стерты.

нашей семье все прямодушны и готовы простить друг другу все, кроме бесчестия.

Благодарение богу, о бесчестии и речи нет. Твой сын завоевал нашу любовь; суди же сам, каков он! Кланяюсь твоей жене и сто раз ее поздравляю, а тебя лишь один раз, — с таким сыном. Скажи ей это, смотри, не забудь! Черт побери, я хочу этого, а ты знаешь, что я упрям, как настоящий Ретиф{124}, итак, запомни! Я непременно справлюсь; убавь малость спеси, или при первой встрече я с тобой разделаюсь. Забыл сказать, как я удостоверился в достоинствах твоего сына: дело в том, что он тебя чтит и уважает как господа бога и любит безмерно. В заключение благодарю тебя за то, что ты дал мне возможность показать такой пример моим двум молодцам.

Прощай, Пьерро. Искренне твой, остаюсь добрым кузеном Анны Симон. Целую твоих малюток. Желаю им быть ретивыми, тогда они поддержат честь семьи.

Нуайе, 10 марта 1710 года.

Ретиф, адвокат».

Возвратившись под отчий кров после легкой и покойной городской жизни, Эдмон с прежним

{124} Комментарии: 2.124

... как настоящий Ретиф... — «ретиф» по-французски значит «упрямый», «неподатливый», «норовистый», «ретивый».

рвением принялся за сельские работы. Без него за полгода все пришло в упадок: рабочий скот был в плохом виде, амбары и конюшни в беспорядке. Молодой человек, покинувший богатый дом, где с ним обходились как с родным сыном, должен был выполнять самую тяжелую работу, какая еще не выпадала ему на долю. Но любовь к труду, не угасавшая в нем до конца дней, нежность к матери, глубокое уважение, какое он питал к отцу, — все это так его одушевляло, что за неделю он привел хозяйство в порядок. Рабочий скот поправился за две недели. По истечении этого срока, благодаря усердию Эдмона, все вошло в обычную колею.

Рассказать ли о том, как он проливал слезы, увидев, что превосходная лошадь за его отсутствие превратилась в клячу? Почему бы и нет? Разве можно назвать смешной чувствительность, проявляемую к полезному животному, которое отплачивает нам за ласку усердным трудом и любовью? Брессан, рослый и статный конь, на редкость умный, питал к своему юному хозяину привязанность более прочную, чем иные человеческие чувства; он слушался Эдмона с первого слова, но делал это из любви к нему. Однажды телегу с навозом никак не удавалось вывезти из

ямы, в которой ее грузили; двое поденщиков ничего не могли поделать ни уговорами, ни бранью, обломали бич, но так и не добились, чтобы четверка лошадей стронула воз с места. Появляется Эдмон: — Пошли прочь, палачи! — кричит он работникам; он целует коня, треплет его рукой и дает ему передохнуть. Когда конь отдышался, Эдмон берется за дышло, делая вид, что впрягся в воз, и восклицает: — Брессан, трогай! Вперед, друг мой! — При звуке любимого голоса благородное животное влегло в хомут и, думая, что ему помогает друг, одно вынесло повозку из ямы и потащило ее дальше. Пришлось остановить коня, а то бы он надорвался. Судите после этого, каково было горе Эдмона, когда, по возвращении, он нашел своего верного слугу в самом плачевном состоянии!

Посвящая себя сельским работам, Эдмон отказывался от всех удовольствий, каким предавались его сверстники. Но есть сладостное чувство, заглушить которое не может и самый тяжкий труд: честные души живут любовью, она проникнута их благородством и становится самой привлекательной из добродетелей.

В Нитри жила девушка по имени Катрина Готерен, добрая, трудолюбивая, с открытым, веселым

лицом; ее щеки были свежее и ярче распускающейся розы; при некоторой полноте она обладала стройным станом; словом, то была очень приятная девушка. Эдмон обратил на нее внимание: его пленили ее достоинства, равно как и ее прелести. В нашей местности до сих пор существует обычай обкрадывать девушек, которые нравятся: кавалеры похищают у них, что могут, — букет, кольцо, игольник и т. п. Как-то в воскресенье Эдмон, выходя из церкви после мессы, увидел, что один из его соперников вырывает у Катрины букет; это возбудило его ревность. Он подошел к сей любезной девушке и подал ей букет, приколотый у него к куртке, с такими словами: — Эти розы вам больше к лицу, чем мне. — Девушка зарделась. — По крайней мере, разделим их, — предложила она. Букет был составлен из алых и белых роз; она оставила себе белые. Но едва Эдмон, соблюдая приличия, отошел от Катрины, как некий смельчак сделал попытку отобрать у нее цветы. Катрина, легко расставшаяся с первым букетом, на сей раз изо всех сил старалась сохранить розы. — Это потому, что их подарил Эдмон! — буркнул раздосадованный кавалер.

Эти слова услыхал грозный Пьер. Его поразило, что сын в столь юном возрасте осмелился, без

разрешения отца, поднять глаза на девушку. За обедом он не сказал ни слова, но потом искусно навел справки. От какой-то кумушки он узнал, что Эдмон, с тех пор как вернулся, три раза разговаривал с Катриной Готерен. На следующий день Пьер подошел к сыну в тот момент, когда он отправлялся в поле и уже сидел верхом на Брессане. Эдмон был в одной рубахе. — Дайте мне ваш бич. — Вот он, отец. — Три удара бичом, нанесенные самым сильным человеком своего времени, рассекли рубаху в трех местах и обагрили ее кровью. Эдмон лишь стиснул зубы. Пьер небрежно передал ему бич, сказав: — Запомните, — и возвратился в дом, не прибавив ни слова.

Эдмон не знал, что навлекло на него столь суровое наказание. Не обращая внимания на свои раны, он отправился в поле и, как обычно, проработал целый день. По возвращении Эдмона Анна Симон, увидев его окровавленную рубаху, решила, что случилось несчастье. Она громко вскрикнула. Сын успокоил ее. — Это пустяки, матушка. — Она стала расспрашивать поденщиков и узнала о происшествии, но не понимала, чем оно вызвано. Она возвратилась к сыну и перевязала ему раны, нуждавшиеся в уходе: за день полотно присохло к телу. Тут вошел Пьер, Анна

взглянула на него со слезами на глазах: — Вот как вы его отделали! — Пьер отвел взгляд. — Так я поступаю с влюбленными! — Трудно было угадать, что означал этот лаконичный ответ.

Однако этот человек, столь суровый в обхождении, обладал чувствительным сердцем. Выйдя из дома, он отправился в сад. Когда мать сделала перевязку, Эдмон пошел посмотреть, не нуждаются ли растения в поливке, не надобно ли выполоть грядку, ибо он не избегал никакой работы. Он вошел в сад; но тот был обширен, зарос густыми деревьями, и они с отцом не увидели друг друга. Эдмон шел, то и дело нагибаясь, чтобы вырвать сорную траву. Вдруг он заметил отца; тот стоял, опершись о деревцо, посаженное Эдмоном, и, закрыв лицо рукой, вытирал слезы... Никогда еще Эдмон не видел отца плачущим; казалось, весь мир рушился: отец проливает слезы! — Как я его отделал! — пробормотал Пьер. Эти слова потрясли Эдмона, но, не смея показаться отцу на глаза, он упал на колени, повторяя про себя: — О, отец мой! Я удостоился ваших слез, вы любите меня, и я преисполнен счастья! — И он простирал к нему руки, оставаясь незамеченным. Услыхав, что отец двинулся с места, Эдмон поднялся и направился в глубину сада. Обнаружив невскопанный участок,

он принялся за работу.

Отец, как видно, услышал; он подошел к сыну и отнял у него лопату: — Сын мой, на сегодня достаточно; ступайте отдыхать, я закончу сам.

Еще никогда с уст Пьера не слетали слова «сын мой», никогда не брал он в руки лопату и не полол сорняков у себя в саду; на сей раз он перекопал участок. Эдмон, трепеща от восторга, поведал матери о происшествии. То был праздник для всей семьи, ибо сестры обожали Эдмона. Добрая Анна то и дело приотворяла окошко и смотрела, как ее супруг копает землю. — Он заканчивает, дети мои, он заканчивает участок Эдмона! Не говорила ли я вам, что он любящий отец! Он боится, как бы сын не стал копать. О, какой у вас добрый отец! — И дети повторяли: — О, какой у нас добрый отец!

Эдмон не мог вспоминать без слез эту сцену: он благословлял отца за его строгость. — Не будь он таким, — непрестанно твердил он нам, — я мог бы распуститься, как многие другие, но отец пресек зло в самом зародыше; тут была потребна строгость, ведь я уже поддавался соблазнам!

Правда, Катрина была прекрасным существом: она составила счастье Жака Бертье, одного из сыновей школьного учителя. Но разве можно

было в то время оценить ее по достоинствам?

Этому грозному отцу были свойственны прекрасные чувства: особенно ценил он в людях щедрость и великодушие. Его сын, как это нередко бывает у отцов, одаренных блестящим умом, был молчалив и застенчив: понятливый ребенок не смеет развернуться перед высокоразвитым отцом, способным заметить малейший промах. Эдмон обладал чувствительным сердцем и так сострадал обездоленным, что в десятилетнем возрасте отдал свою одежду сыну нищего, ходившему нагишом. Об этом случае мне не раз рассказывала тетка, старшая сестра отца. Пьер похвалил сына и ласково потрепал его по щеке. Но я приведу еще более разительный пример его милосердия, черты характера, с которой он был бессилен совладать, если позволительно так выразиться.

Случилось одному несчастному нечаянно совершить убийство; его вполне могли помиловать, но темный крестьянин и не подозревал об этом. Убийцу посадили в весьма своеобразную тюрьму. До сих пор в селении в таковой не было надобности; пришлось использовать загон для свиней, даже не имевший крыши. Преступника посадили под большой опрокинутый чан, ноги

забили в колодки, которые скрепил гвоздями местный кузнец. Несчастный стонал день и ночь. Маленький Эдмон, охваченный жалостью, ходил его утешать и носил ему фрукты. Однажды, когда все работали в поле, мальчик, оставшись один возле чана, спросил узника:

— Дяденька, разве вы не можете уйти? — Увы, нет! Ноги у меня забиты в колодки, крепко сколоченные гвоздями; вот будь у меня клещи! — Мальчик сбегал за клещами. Убийца высвободил ноги из колодок. — А теперь вы можете приподнять чан? — Нет, дитя мое, он слишком тяжелый; вот если бы мне достать лом... — Эдмон сбегал и за ломом и просунул его в отверстие, через которое подавали еду. Узник проделал себе лазейку, выбрался из-под чана и бросился бежать, сказав мальчику: — Да благословит тебя бог, малыш! — Больше об этом человеке не слышали.

Когда селяне вернулись с поля, то обнаружился побег; однако никто не знал, кто помог убийце бежать. Слыша, что говорили по этому поводу, мальчик побоялся сознаться. Стали допытываться, кто освободил узника, но никого не обнаружили. В деревне проживал некто Д***, прескверный человек, который злобствовал на некоего Л**. Он стакнулся с двумя приятелями,

и они показали, что побег устроил Л**; беднягу посадили под чан.

Как только мальчик услышал об этом и узнал, за что его посадили, он побежал к матери и со слезами поведал ей, что дал клещи и лом узнику, а Л** даже не приближался к этому месту. Анна Симон, боявшаяся мужа, оказалась в немалом затруднении. Наконец она отважилась рассказать ему все, как было, постаравшись его задобрить и оправдать поступок Эдмона. — Где он? — воскликнул отец. — Нежная мать решила, что мальчик погиб, но волей-неволей пришлось его позвать. Она пошла ему навстречу и прикрыла его своим телом.

— Эдмон, — сказал отец, — преступника не следовало освобождать, это предосудительный поступок, но такого малыша, как ты, можно за него только похвалить, и я рад, что раз уж так должно было случиться, что это сделал мой сын, а не кто-нибудь другой. Будь тебе сорок лет, надлежало бы, по всей справедливости, освободив виновного, строго наказать тебя. Ступайте, я доволен вами. — Когда мальчик хотел удалиться, отец благословил его. Анна Симон в восторженном порыве бросилась на колени перед мужем, восклицая: — И вы благословили его! О, он будет

счастлив всю жизнь! Я уж так вам благодарна, ибо люблю сына больше самой себя!

Сезон полевых работ миновал без особых происшествий, если не считать беседы, какую Эдмон однажды вечером вел с глубоким стариком, по прозванию папаша Брадаржан {125}, которому было сто пять лет. Этот человек был еще довольно крепок и сам ездил в поле убирать снопы. Возвращаясь на возу с дальнего поля, Эдмон увидел, что старик нагружает на телегу снопы. Пораженный его почтенным видом, он остановил лошадь и подошел к нему, чтобы помочь.

— Ты вовремя пришел, дитя мое, — сказал Брадаржан, — мне приходится класть снопы на самый верх, а руки уже не слушаются меня.

Нагрузив телегу, они вместе тронулись в путь. Эдмон в почтительном молчании шагал позади человека, который знал его дедов и видел его отца еще младенцем; эта мысль поразила его, и он испытывал к старику глубокое уважение. Но вот старец нарушил безмолвие; указывая на усеянное звездами небо, он спросил Эдмона:

— Читал ли ты Библию, дитя мое?

— О да, папаша Брадаржан, и знаю многие ме-

{125} Комментарии: 2.125
Брадаржан — по-французски значит «серебряная рука».

ста из нее наизусть.

— Так, так! Значит, ты знаешь Того, кто все это создал: это бог Авраама, Исаака и Иакова. Он сказал, и все сотворилось. Вот на что мне надлежит взирать! Как же я люблю ясные ночи! Они открывают мне создателя... Днем, когда яркое солнце, видны лишь наши труды, но такая прекрасная ночь, как нынешняя, говорит мне о нем самом. Каждая звездочка вещает о нем, и в сердце моем разгорается любовь к нему!

Отец не раз уверял нас, что эти простые речи, эти бесхитростные слова о величии божием, сказанные стопятилетним старцем, произвели на неговпечатление, сохранившееся на всю жизнь. Ему казалось, что он слышит голос существа, превзошедшего человеческую природу, отрешившегося от всего земного и уже, по выражению отца, «стоящего на пути к вечности».

Затем они беседовали о том, что довелось Брадаржану видеть в правление Генриха IV, Людовика XIII и, наконец, Людовика XIV, уже переживавшего свой закат. Отцу особенно запомнились слова старца о том, что народ восчувствовал понесенную им утрату лишь после кончины Генриха IV: при жизни этого короля народ роптал.

Он приводил еще следующие слова старца: — Всю свою жизнь я наблюдаю, как измышляют все новые средства сдерживать народ и всячески отягощают ему жизнь. Как будто мало заморозков, града и пожаров, разоряющих нас, и люди еще добавляют к этим бедам новые напасти. Но чем изощреннее становятся законы, тем изворотливее делается злой человек и придумывает способы их обходить. Если так пойдет и дальше, то состязание в хитрости не доведет до добра; дело может кончиться тем, что правители и народ честно скажут друг другу: «Хочу, чтобы было так, справедливо это или нет». — «А я этого не желаю, хорошо это или плохо!» — и тогда между ними порвутся всякие связи. Не лучше ли идти более простым путем? Разве министр или судья больше, чем простой смертный? А рядовой подданный и даже последний жулик не человек? Ежели ты придумаешь одну хитрость, я живо придумаю другую, и в этим соревновании проиграет только честный человек[130]. У вора воровать — только

[130] Примечания: 1.130

Сколь прекрасная, возвышенная истина! Когда в конце последнего царствования стали издавать запреты, недальновидные люди говорили: «Больше не будет вредных книг». Мудрец же говорил: «Их станет еще больше: опасность всегда подстрекает». Законы следует составлять в духе терпимости. Пусть судья походит на доброго отца, который умеет закрывать глаза в случае нужды.

время терять! Правители должны подавать пример откровенности, прямоты, честности, а не то труды священников, проповеди, мессы, вечерни, говение — все будет напрасно!

— Какой вы счастливый, папаша Брадаржан, вы столько видели на своем веку и все помните! — Дитя мое, не завидуй ни моей судьбе, ни моей старости: вот уже сорок лет, как я потерял последнего друга детства и чувствую себя чужим в своем родном селении и в своей семье; мои правнуки смотрят на меня как на выходца с того света. Нет у меня больше ни ровни, ни друга, ни приятеля. Чересчур долгая жизнь — сущее наказание. Подумай только, дитя мое, вот уже двадцать пять или тридцать лет, как я всякий новый год почитаю своим последним годом. Для меня уже нет надежды, что утешает человека в жизни, сулит счастливую будущность в юности и даже в зрелые годы; мне уже не так милы мои дети, и больше не радуют меня внуки. На моих глазах подрастает пятое поколение. Видать, с годами притупляется чувствительность — правнуки кажутся мне чужими. Да и у них нет ко мне никакой привязанности; наоборот, я их пугаю, они убегают от меня. Такова правда, дружок, и не верь ты городским писакам, что плетут всякие

небылицы.

Эти суждения нельзя не признать здравыми. Правда, то, что он сказал под конец, неутешительно, но его мысли об ухищрениях со стороны правительства мне кажутся прямо откровением[131]. Не припомню, чтобы я где-нибудь об этом читал или слышал, хотя плачевные последствия такого положения вещей встречаются на каждом шагу.

По окончании посева Эдмон возвратился к адвокату Ретифу и продолжал свои мирные занятия с такой легкостью, словно он их не прерывал. У этого родственника, кроме двух сыновей, был еще двоюродный братец (меж тем как отец мой был сыном двоюродного дяди адвоката) по имени Дэгморт. Молодой человек подавал блестящие надежды: тонкостью ума и рано проявившимися дарованиями он снискал особое внимание и дружбу адвоката, и почтенный человек стал даже опасаться, как бы Эдмон не стал ему завидовать. Однажды он позвал его к себе и пригласил прогуляться с ним по саду. После краткой дружественной беседы он обратился к нему со следующими словами:

---

[131] Примечания: 1.131
Эти суждения приписывают духовным лицам.

— Эдмон, я доволен вами; вы делаете все, что можете, и если у вас есть недочеты в работе, это не по вашей вине, а из-за недостатка способностей. Дитя мое, я люблю тебя потому, что ты добряк, и буду говорить с прямотой, свойственной нам, Ретифам, еще в большей мере, чем бургундцам. Вероятно, ты заметил, что я как бы отдаю предпочтение Дэгморту и отличаю его: он мой двоюродный брат, сын моей тетки, заменившей мне мать. Но это еще не все, он на редкость одарен, и я поставил себе целью всеми средствами развить таланты, какими его наделила природа. Я убежден, что молодой человек составит себе имя и прославит нас всех. Вот все, что я хотел о нем сказать. Теперь поговорим о тебе. Носиться с тобой, как с ним, было бы напрасной затратой времени и сил: у него живой ум, у тебя нет оного[132]. Я говорю без обиняков: другой польстил бы тебе, а я выкладываю всю правду. Однако,

[132] Примечания: 1.132

По своей скромности отец, передавая нам этот разговор с адвокатом Ретифом, всякий раз восхвалял его проницательность. Я мог бы привести множество примеров, доказывающих, что он был далеко не глупцом; скажу лишь одно: он с детства был привержен к чтению — все свои деньги тратил на покупку книг у разносчиков, к тому же у него была такая память, что на седьмом десятке он пересказывал нам содержание книг, словно читал их лишь накануне. Отказываюсь верить всякому, кто заявит, что знает глупца, пристрастившегося к чтению. Любовь к книгам и любознательность решительно несовместимы с глупостью.

любезный Эдмон, тебе не надобно жаловаться на судьбу, ты отнюдь не обездолен. Не стану распространяться об этом предмете. Скажу только, что если бы я мог создавать людей, был бы, как говорили греки, Теантропом {126}, то уж знаю, каких бы я стал преимущественно производить на свет: во всяком случае, не Дэгмортов. Как я тебе говорил, он мой двоюродный братец, и нас связывает более близкое родство. Но мы с тобой носим одинаковое имя, и посему вы для меня равны. Итак, милый племянник, ступай работай и помни, что я твой друг по гроб жизни. Кто знает, не окажешь ли ты мне со временем больше чести, нежели он. Я как чумы боюсь чересчур умных людей и мог бы кое-что о них порассказать, но воздержусь.

Отец любил, рассказывая об этой беседе, подчеркивать места, выставлявшие его в наименее выгодном свете. Дело в том, что, будучи лишен блестящих дарований, он обладал прочными добродетелями, именно теми, какие поистине украшают человека! Неизвестно, что получилось бы из Дэгморта, — сей юноша умер в девятнадцатилетнем возрасте.

Следующей весной Эдмон возвратился к отцу.

{126} Комментарии: 2.126
Теантроп — богочеловек *(греч.).*

Он нашел хозяйство в значительно лучшем состоянии, чем в прошлый раз. Дело в том, что еще летом он подготовил себе помощника: то был работник, приходившийся сродни Ретифам. (Все, кто носит это имя как в Анжу, так и в Бургундии, и Дофинэ, происходят из одного рода, — отец неоднократно нам это говорил.) Этому честному малому дали кличку Тулежур {127}. В «Школе отцов» я уже упоминал, откуда пошла эта кличка, но сие полезное сочинение мало известно, очевидно потому, что не слишком хорошо написано, и я снова об этом расскажу.

Мальчику было девять или десять лет. В школе учили катехизис, ученики и ученицы постарше отвечали на вопрос кюре: «Сколько раз надобно прощать ближнему?». Одни сказали: «Седмижды семьдесят», как написано в Евангелии, другие: «Как можно чаще». Когда пастырь обратился к мальчику, тот ответил: — Надобно прощать каждый день.

— Ты прав, дитя мое, — сказал кюре и потрепал его по щеке. — Ты ответил лучше всех: если наш ближний будет обижать нас ежедневно, то мы должны прощать его каждый день.

{127} Комментарии: 2.127
Тулежур — по-французски значит «каждый день».

Этот ответ не позабыли, и мальчику дали прозвище Тулежур: он его оправдал, как это можно видеть в упомянутом сочинении.

Эдмон был весьма доволен поведением юного Тулежура, и между ними завязалась тесная дружба. Этот помощник давал ему возможность кое-когда передохнуть, и он возобновил изучение священного писания, столь полезного для нашей души.

В отчем доме имелась полная Библия, разве чуть переделанная на галльский лад, но благодаря этому вечные истины, заключенные в этой древней-предревней книге, казались еще наивнее и трогательнее. Именно в Библии Эдмон, обладавший открытой душой, почерпнул ту возвышенную философию, которая была ему присуща впоследствии. Библия привила ему вкус к патриархальным добродетелям. В книге Левит, в книге Чисел, а главное, во Второзаконии он обретал основы справедливости и источник всех законов. Книги Премудрости вызывали его восхищение; он почерпнул в них милые сердцу правила разумной бережливости, а также правила поведения супругов; наконец, чтение убедило его в том, что брак единственное законное состояние человека, и ежели нет каких-либо

физических препятствий, избегать его равносильно преступлению. Он прочитал писания пророков, но никогда не высказывал нам о них свое мнение: столь уравновешенному человеку, как видно, была чужда их восторженная приподнятость. Из Нового Завета, составляющего вторую часть Библии, он читал своим домашним только евангелие от Матфея, Деяния апостолов и послания апостола Иоанна. Мне неизвестны причины подобного отбора, ибо отец никогда их нам не открывал. Но более всего он восхищался книгой Бытия, постоянно к ней возвращался и читал нам отрывки из нее; его любимым героем был Авраам. Его преклонение перед этим патриархом распространялось на его потомков, ставших ныне предметом недоброжелательства, и отец не раз оказывал им знаки трогательного расположения и относился к ним с уважением[133]{128}.

---

[133] Примечания: 1.133

Прочитайте в романе «Сорокалетний»*, часть II, главу «Еврейская любовь»; там я изобразил евреев такими, какими их всегда изображал мой отец. У моих сочинений лишь одно достоинство — это правдивость, и я ставлю себе в упрек труды, в коих несколько от нее отступил; это и заставило меня отказаться от их переиздания.

{128} Комментарии: 2.128

«Сорокалетний» — роман Ретифа де ла Бретона («Le Quadragénaire», 1777).

[Глава III]

Осенью Эдмон не вернулся в Нуайе к адвокату Ретифу. Было решено, что ему надлежит повидать столицу. Он отправился в Париж 11 ноября 1712 года и поступил клерком к прокурору парламента мэтру Молэ.

Здесь царили иные порядки, но Эдмон оставался верен себе. Несмотря на пылкий темперамент, он оказывал уважение представительницам пола, к коему принадлежала его мать; это и предохранило его от распутства; впрочем, Эдмон был трудолюбив, а усердные занятия, как известно, лучшее противоядие против всех пороков.

Мне следует упомянуть о небольшом приключении, бывшем с ним во время путешествия.

На диво выносливый и здоровый, Эдмон не пожелал ехать в почтовой карете и отправился пешком. Он нес на спине, в непромокаемой козьей шкуре свое платье — парадную одежду, два жилета, две пары штанов, восемь сорочек и несколько пар чулок. Весело отмахивал он в день по восемнадцати льё, и мог бы прошагать и больше, если бы ему предстоял лишь один день пути;

но идти надобно было не менее трех дней[134]. На третий день, в каких-нибудь пяти льё от Парижа, к нему подошел седовласый старик, тащивший тяжелую корзину. Некоторое время они шли вместе. Эдмону хотелось прибыть в Париж засветло, и он шагал очень быстро.

— Ах, молодой человек! Какой вы счастливец, — сказал старик, — ваш мешок для вас сущее перышко, а между тем я готов побиться об заклад, что он тяжелее моей ноши! Дело в том, что помимо корзинки я несу бремя своих семидесяти лет. Лучше ступайте дальше один.

Эдмона тронули слова старика.

— Если вам угодно, — ответил он, — я донесу до города вашу корзину; она не обременит меня, а я не лишусь вашего приятного общества и вашей занимательной и поучительной беседы.

Рассказы старика (то был уроженец Лиона, то и дело пребывавший в разъездах по торговым делам) вызвали восхищение юного Ретифа. Торговец не сразу согласился на его предложение;

---

[134] Примечания: 1.134

Отец, будучи в расцвете сил, неоднократно совершал путешествие из родных мест в Дижон пешком и проходил за день двадцать два льё; в семьдесят четыре года он отправлялся в Оссер и возвращался в тот же день, что составляло в оба конца четырнадцать льё. Вот каковы были люди! Говорят, в природе все вырождается; но это справедливо лишь в отношении города.

но оно отвечало его желаниям, и Эдмону не пришлось долго его упрашивать. Так дошли они до Вильжюифа, где старик предложил спутнику небольшое угощение; но молодой человек не пил вина, к тому же он торопился прибыть на место и попросил отложить угощение до Парижа.

— Но вы наверно устали?

— Если бы на беду вы не владели ногами, я понес бы и вас с вашей корзиной.

Лионец был в восторге, что нашел столь услужливого попутчика.

— Я надеюсь на вас, как на родного сына, — сказал он. — Мне необходимо здесь немного задержаться. Передайте мне корзину, но, если позволите, я переложу в ваш мешок самые тяжелые вещи.

По своей невинности и простоте Эдмон охотно согласился. Старик распорядился по-своему; сложив свои вещи в мешок Эдмона, он снова зашил козью шкуру толстой ниткой; молодой человек взвалил ношу на плечи и собрался в путь.

— Если я вас не нагоню у городских ворот, — сказал ему старик, — то подождите меня вот в этом месте, — и он дал юноше адрес трактира на улице Муфтар, где был завсегдатаем.

Эдмон один подошел к заставе. Его спросили,

что у него в мешке. Он отвечал, что там его одежда и белье.

Кожу слегка распороли и, удостоверившись, что он сказал правду, не стали рыться в его вещах. Впрочем, известно, что таможенные надсмотрщики тщательно обыскивают лишь подозрительных. Лицо юноши дышало наивностью и простодушием и, естественно, он не вызвал у них подозрений. Его пропустили; он разыскал трактир и стал поджидать старика, чтобы вернуть ему вещи.

Тот и не думал догонять Эдмона и не вошел в город через ту же заставу. Он направился к воротам Сен-Бернар, где его обыскали до рубашки. За ним даже следили некоторое время, ибо знали его хитрости и были уверены, что он что-то проносит. Лионец пошел на улицу, находящуюся далеко от трактира, указанного им Эдмону, и тут же послал к нему мальчугана. Тот проводил Эдмона к знакомым старика, которым юноша и передал доверенные ему вещи; затем его провели к лионцу.

Хитрый старик, едва увидев Эдмона, бросился его обнимать, рассыпался в благодарностях и всячески выражал свою признательность. Такие чрезмерные изъявления чувств поразили

Эдмона. Обласкав юношу, старик предложил ему луидор. Эдмон, красный от смущения, поблагодарил старика, уверяя, что рад оказать услугу почтенному человеку и не нуждается в столь высокой оплате. Он только попросил, чтобы его проводили к прокурору, к которому направлялся. Однако торговец настаивал, чтобы он принял луидор и, желая его убедить, открыл ему, сколь важна оказанная им услуга.

— Вы пронесли для меня больше чем на сто тысяч ливров товаров, — сказал он. — Я предлагаю вам сущий пустяк, честно говоря, я должен бы вознаградить вас гораздо щедрее. Но теперь я знаю ваш адрес. Поверьте, я никогда не забуду вашей услуги.

Тут Эдмон понял, что перед ним контрабандист: очевидно, он пронес через заставу драгоценные камни. Эдмон всегда честно уплачивал налоги, зная, что они установлены на пользу королевства. Никогда у себя в селении он не жульничал при оплате сборов с вина, соли или табака. И он ответил старику как человек, убежденный в своей правоте.

— Сударь, я оказал вам услугу от чистого сердца и не раскаиваюсь в этом; но я в отчаянии, что способствовал нарушению прав короля: получить за

это вознаграждение, значило бы участвовать в предосудительном поступке. Не беспокойтесь, я буду молчать — я не доносчик. Прощайте; от вас я не приму и кружки воды.

И он удалился, к величайшему удивлению старика и его хозяев.

Прокурору Молэ сразу приглянулся Эдмон, красивый малый, сложенный как Геркулес и застенчивый как девица, но он решил подвергнуть юношу различным испытаниям, чтобы узнать, заслуживает ли тот доверия. Эдмон по своей наивности не подозревал, что его испытывают; ему казалось естественным, что в богатом доме повсюду лежит золото; но будучи от природы аккуратным, он подбирал валявшиеся червонцы и складывал их стопками на письменном столе прокурора. Беседуя с глазу на глаз с двумя молодыми особами — дочерью господина Молэ и ее компаньонкой, Эдмон был с первой почтителен, со второй только учтив, но всякий раз сокращал разговор, торопясь вернуться к своим занятиям. Прокурор был счастлив, что у него в доме такое сокровище: Эдмон был неутомим, он работал быстро и споро; вдобавок он обладал на редкость

красивым почерком[135], таким отчетливым, что написанное им читалось как печатный текст; он охотно брался за всевозможные дела и был на все руки мастер, — ему казалась постыдной только праздность, — таковы были нравы у него на родине, и он никогда не изменял своим принципам.

В скором времени все в доме его полюбили. Ему открыто высказывали симпатию, хвалили, но это нимало его не портило. Когда Эдмону поведали о том, как его испытывали, он был удивлен, но в ответ лишь добродушно улыбнулся.

Его высокие достоинства едва не обеспечили ему счастливую участь, и тут был им совершен едва ли не самый прекрасный поступок за все его молодые годы.

Когда Эдмон прожил год у прокурора, тот так хорошо его узнал, что пожелал иметь своим зятем; они с женой поговорили об этом с дочерью; однако сердце юной особы не лежало к Эдмону. Не осмеливаясь сказать об этом родителям, она скромно промолчала. После этого разговора на

---

[135] Примечания: 1.135

Эдмон писал каллиграфическим почерком; он выработался у него сам собой, или, вернее, потому, что юноша всегда старался как можно лучше выполнить любую порученную ему задачу: качество, редкое у молодых людей!

Эдмона стали смотреть как на родного сына и ему предоставили полную свободу. Он заметил, что мадемуазель Молэ ищет случая побеседовать с ним наедине; врожденная стыдливость и застенчивость побуждали его избегать свидания. Наконец им довелось встретиться с глазу на глаз.

— Мне надобно с вами поговорить, — сказала ему мадемуазель Молэ, — о чрезвычайно важном для меня предмете. Обещаете ли вы исполнить мою просьбу?

— От всей души, мадемуазель.

— Чего бы я ни попросила?

— Да, чего бы вы ни попросили.

— Знаете ли вы о решении моего отца?

— Он соизволил намекнуть мне об этом; однако я сознаю, что недостоин подобной чести.

— Нет, сударь, вы вполне достойны. Это я вас не заслуживаю, ибо сердце мое отдано другому... Вы удивлены? Но, любезный Эдмон, я жду от вас услуги — обещайте же, что не откажете мне...

— Охотно обещаю.

— Вы должны отказаться от меня, только никому ни слова о том, что я сейчас вам говорила.

— Это будет мне тяжело и горько! Ведь мне придется говорить наперекор своему чувству... Но

раз такова ваша воля, я готов отказаться от вас, мадемуазель. Однако, если отец мне прикажет... мы очутимся в затруднительном положении.

— Я уже приняла меры, попросила Терезу написать ему нечто такое, что наверняка его напугает.

— Вы можете вполне на меня положиться.

На следующий день прокурор объяснился с Эдмоном, но тот сказал ему в ответ, что в его годы еще рано думать о женитьбе. Зная, сколь скромны средства молодого клерка, прокурор был поражен его отказом.

— До сих пор я считал вас разумным человеком, — заявил он, — но, скажите на милость: как мне назвать молодого человека, который отказывается от красивой девушки с приданым в пятьдесят тысяч экю? Я люблю свою дочь, она моя единственная наследница; я хочу обеспечить ей счастье, отдав ее не какому-нибудь изнеженному щеголю, но достойному человеку, который будет хранить ее как зеницу ока и не допустит до измен. Скажи откровенно, разве она тебе не нравится?

— Что вы, сударь, напротив: мадемуазель Молэ очаровательная девица!

— И ты не помышляешь о женитьбе?

— Я недостоин такой партии.

— Если дело только за этим! Я напишу твоему отцу.

— Воля ваша, сударь... Я глубоко признателен вам за ваши милости, но не могу принять высокой чести, которой вы меня удостаиваете.

— Пусть так! Я не намерен женить вас насильно, сударь, и вижу, что ошибся в вас. Вам вскружила голову какая-нибудь деревенская потаскушка... Можете к ней вернуться, когда вам вздумается.

Прокурор не на шутку разгневался, этому великодушному человеку всегда претили проявления неблагодарности; он отправился к жене и высказал ей свою обиду на Эдмона. Почтенная дама, в отношении которой Эдмон также проявлял покорность, уважение и преданность, была поражена не менее мужа. Но женщины хитрее мужчин, и она догадалась, что Эдмон отказался неспроста.

— Наверняка он влюблен в поселянку, — сказал прокурор.

— Ну, нет, поселянке не сравниться с нашей дочерью, и за полтора года разлуки он позабыл бы и думать о своей зазнобе. К тому же я убедилась, что Эдмон неравнодушен к нашей дочери.

— Как не убедиться после нынешнего разго-

вора!

— Если позволите, я все выпытаю у дочери.

Тем временем в доме стало известно, что Эдмона отсылают прочь. Все сожалели о нем и недоумевали, чем мог он вызвать недовольство прокурора. Мадемуазель Молэ сразу догадалась, в чем дело. Юная особа, не посмевшая поведать о своих чувствах не только отцу, но и матери, была глубоко тронута благородством Эдмона. Убедившись во время обеда, что отец лишил юного Ретифа своей благосклонности, она пошла к родителям. Супруги обсуждали, как добиться правды от дочери, когда та появилась перед ними, красная от смущения. Она принялась ласкаться, потом попросила прощения. Ее спросили: что ей простить? Запинаясь, она призналась, что принудила Эдмона отказаться от нее, и сообщила, по какой причине. Господин Молэ обрадовался, что его любимец ни в чем не провинился, первая мысль его была о нем.

— Вы были правы, жена... Что до вас, мадемуазель, ступайте к себе, мы с вами поговорим в свое время.

Вызвали Эдмона.

— Итак, мой друг, — начал прокурор, — ты чуть было меня не покинул, угождая девице, которая

от тебя отказывается?

— Сударь, прежде чем исполнить просьбу мадемуазель, я размышлял целую ночь и пришел к выводу, что вам гораздо важнее быть в ладу с дочерью, чем с вашим клерком. Это истинная правда. Знайте, сударь, что я глубоко вас уважаю, и от всей души любил бы мадемуазель Молэ, будь мне это позволено. Смею просить вас об одной милости, сударь: пожалуйста, не упрекайте из-за меня мадемуазель; это было бы для меня слишком тяжело. Больше всего на свете мне хочется, чтобы вы исполнили ее заветное желание, ибо она достойная девица и заслуживает счастья!

— Бедный юноша, — вздохнул мэтр Молэ, — он принес себя в жертву!.. Да, теперь я вдвойне сожалею, что ты не станешь моим зятем. Но я последую твоему совету, и ты не будешь в убытке.

Теперь я поведаю о поступке, о коем уже упоминал вскользь: все рассказанное до сих пор было только вступлением. Мадемуазель Молэ вышла замуж за своего возлюбленного, молодого нотариуса; казалось, это была вполне подходящая партия. Однако брак не принес ей счастья; об этом будет вкратце рассказано дальше.

На свадьбе дочери господин Молэ говорил об Эдмоне со своим другом, господином Помбеле-

ном, богатым торговцем шелками, у которого была лавка, и поныне находящаяся на углу улиц Траверсиер и Сент-Оноре, неподалеку от Кенз-Вен {129}. Он рассказал ему о случившемся и не поскупился на похвалы молодому человеку. Господин Помбелен весьма обрадовался. У него были две прелестные дочки; особенными достоинствами отличалась старшая, и отец души в ней не чаял. Он до смерти боялся, что дочь неудачно выйдет замуж и станет безвинной жертвой, и когда с ним заговаривали о браке, он со слезами на глазах повторял строчки Еврипида {130}:

> *... ее*
>
> *Блаженство ждет в Пелидовом чертоге,*
>
> *А все ж отцу, когда он выдает*
>
> *Дочь из дому, печаль терзает сердце*[136].

{129} Комментарии: 2.129

Кенз-Вен — убежище для слепых в Париже, основанное в 1260 г.

{130} Комментарии: 2.130

Еврипид (480—406 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург.

[136] Примечания: 1.136

«Ифигения в Авлиде», ст. 687—690. *Перевод Иннокентия Анненского (ред.).*

[Глава IV]

Особенно беспокоился господин Помбелен, помышляя о высокомерии и надменности, присущей красавице Розе, ибо он знал, что мужья-грубияны с особым удовольствием глумятся над женщинами, доставшимися им с немалым трудом. Услыхав признания друга, добрый папаша по зрелом размышлении решил познакомиться с Эдмоном и посмотреть, не подойдет ли ему сей юноша.

Во время свадьбы для этого не представилось удобного случая: покамест все веселились, Эдмон один сидел в конторе; озабоченный тем, чтобы не пострадали дела, он трудился за себя и за товарищей. Но когда все вошло в обычное русло, у него появилось свободное время. Тут мэтр Молэ сообщил юноше, что господин Помбелен проникся к нему уважением и желает с ним познакомиться. Он добавил, что коммерсант хочет, чтобы его дочки усовершенствовались в арифметике, и просит его с ними заниматься. Эдмон был всегда готов принести пользу людям. Он тут же отправился к господину Помбелену. Впоследствии он признавался, что его ослепила красота Розы, — он

еще никогда не видел столь прекрасного существа: у девушки были обворожительные черты, безупречная фигура и вместе с тем она обладала чувствительным сердцем и живым умом. Эдмон не устоял перед столькими совершенствами: то была его первая и единственная любовь. В двух предыдущих случаях он не дал воли своему увлечению. И на сей раз он опасался отдаться склонности сердца, надеясь прежде узнать, идут ли ему навстречу родители прелестной Розы. Добрых три месяца он преподавал девицам, не обнаруживая своих чувств. Но он с рвением исполнял свои обязанности, и можно было предположить, что ему приятно посещать их дом.

Вначале обе его ученицы делали быстрые успехи: они уже обладали известными знаниями, и в первые дни Эдмон усомнился — способен ли он их чему-либо научить? Но потом он не без удивления обнаружил, что сестры не продвигаются дальше; решив, что это его вина, Эдмон удвоил усилия.

Не блистая красотой, как старшая сестра, Эжени была миловидна и обладала веселым, даже легкомысленным нравом, чем также отличалась от серьезной и положительной Розы. Эжени скоро заметила, что отец благоволит к молодому

Ретифу; вдобавок она подслушала, как господин Помбелен хвалил Эдмона своей супруге, и, не вполне зная намерения родителей, заключила, что не навлечет на себя их недовольство, если окажет молодому человеку внимание.

Однажды за уроком юная особа, смеясь, сказала своему учителю:

— Не ломайте себе голову: поверьте, что это правило я знаю не хуже вас и даже могу изложить его короче. Сейчас мы одни, — давайте поговорим.

Удивленный ее словами, Эдмон не знал, что ответить. Эжени продолжала:

— Я уверена, что папа и мама вас любят и согласятся выдать за вас меня либо сестру Розу; она красивее меня и, если захочет, добьется своего. Не зная, что у моей сестрицы на уме, я боюсь вас полюбить... покамест она не выскажет своих намерений. Добейтесь от нее решительного ответа и, если она вам откажет, то рассчитывайте на меня! Вы искренний человек, и я говорю с вами откровенно: ответьте мне так же прямо. Разумеется, я не собираюсь вас просить, — поспешно добавила она, заметив смущение своего собеседника, — чтобы вы предпочли меня сестре. Но, предвидя возможный отказ с ее стороны, я хочу

смягчить его, — знайте, что на худой конец у вас есть выход... не столь уж неприятный! Мои слова, быть может, покажутся вам чересчур вольными, в вашем краю девушки вряд ли говорят так свободно; прошу вас поверить, что я не влюблена в вас... нет, разумеется, но... но мне хотелось бы иметь такого мужа, как вы. Мне думается, женщина проживет счастливо с таким благоразумным и положительным молодым человеком, непохожим на наших порочных парижан. Поверьте, господин Эдмон, они мне вовсе не по душе. Вот и все, что мне хотелось вам сказать.

Тут вошла сестра Эжени. Эдмон дал Розе урок и удалился.

Когда сестры остались одни, Эжени, догадываясь, что сердце Эдмона отдано Розе, вознамерилась вызвать сестру на откровенность, чтобы знать, как поступить самой.

— Милая Роза, — начала она, — мы с тобой не только любящие сестры, но и добрые друзья. Скажи, положа руку на сердце: если родители предложат тебе выйти замуж за господина Ретифа, согласишься ты или нет? У меня есть основания задавать тебе этот вопрос, скажи всю правду. Нечего тебе краснеть, ужели ты меня боишься? Ну, что ты скажешь?

— Право же, — ответила Роза, — что за странная мысль взбрела тебе в голову!

— Повторяю, у меня есть свои основания: какого ты мнения о нашем учителе?

— Мне кажется, он совсем не походит на молодых людей, с которыми мне доводилось встречаться до сих пор.

— Значит, ты не стала бы от него отказываться?

— Я еще не помышляла об этом.

— А вот я так помышляла! Быть замужем, мне кажется, весьма почетно; ведь мама отнюдь не стыдится, что вышла замуж за папу. Мне думается, надлежит относиться к браку весьма серьезно, — ведь он связывает на всю жизнь!

— Право же, милая Эжени, тебя напрасно считают ветреной! Я и не подозревала, что ты способна так здраво рассуждать. Так что ж, сестричка... если бы этого захотели родители... я, пожалуй... Не скажу, что я люблю этого молодого человека; но он отнюдь не внушает мне отвращения и я пошла бы за него.

— Именно так я ему и сказала! У нас с тобой одни мысли!

— То есть как... кому ты сказала?

— Да Эдмону. Его застенчивость меня тронула.

Я боялась, что ты ему откажешь, а он так робок, что твой отказ сразил бы его... вот я и дала ему понять, желая выказать ему уважение и ободрить его, что в случае твоего отказа он может рассчитывать на меня.

— Как, сестра! Ты решилась...

— Тут ничего нет дурного. Раз он тебе нравится, мне найдут другого. Завтра же я скажу ему, что ты согласна.

— Но это так не делается, Эжени! Будь же благоразумна...

— Хорошо, я ничего ему не скажу. Ведь ты должна выйти замуж первой, а я готова подождать хоть до тридцати лет. Он не скажет ни слова, ты тоже промолчишь... напротив, я же знаю тебя, ты станешь еще неприступней...

— Это дело наших родителей...

— Ты права. Пойду, скажу папе.

И ветреница, не слушая сестру, помчалась, напевая, к отцу.

Родители обрадовались, узнав секрет старшей дочки. Однако они не стали смущать ее расспросами, а она своим поведением старалась опровергнуть слова сестры. В тот же вечер господин Помбелен навестил мэтра Молэ и сообщил ему, что их замысел близок к осуществлению.

— Остается узнать, — добавил гость, — насколько надежен молодой человек.

— Могу за него поручиться, — ответил господин Молэ, — но если у вас есть сомнения, испытайте его, я помогу вам в этом и не выдам вас, — честь моя тому порукой.

На следующий день молодого Ретифа встретили в семье господина Помбелена еще радушнее, чем обычно. Почтенный отец семейства впервые приоткрыл ему свои планы относительно будущего дочек.

— Друг мой, — сказал он Эдмону, — с тех пор, как я стал отцом, я стараюсь как можно лучше исполнять свои обязанности по отношению к детям. Покамест дочки не подросли, они были целиком на попечении матери, я же занимался делами, старался обеспечить их будущее. С божьей помощью я в этом преуспел: оставшиеся у меня из шестерых детей две дочки получат достойное приданое. Теперь, когда они взрослые, у меня другие заботы. Помышляя об их счастье, я внимательно приглядывался к людям, особенно же изучал характер горожан; познать его было необходимо, раз мы живем в городе и дочерям предстоит здесь устраивать свою жизнь. Мои наблюдения привели меня к грустному открытию:

человек, родившийся в городе, куда менее стоек, нежели тот, кто увидел свет в деревне[137]; по сравнению с последним он легковесен, беспечен, хотя бы его и тщательно воспитывали. Чтобы из горожанина сделать настоящего мужчину, следовало бы взращивать его в деревне, держать там с самого рождения до пятнадцати и даже двадцати лет, если окажется, что он развивается медленно. Каковы причины развращенности римлян и падения республики? Об этом много спорят, но все дело в том, что латиняне изнежились, проживая в городах. Это и привело к их вырождению. Покамест молодые патриции обрабатывали землю, они были добродетельны. Как однажды прекрасно сказал господин Молэ, человек, который не ценит благополучия в жизни, предается сластолюбию и становится тщеславен. Я сделал еще одно наблюдение не столько нравственного, сколько политического характера: наши старинные торговые дома, по мере того как стареют, утрачивают свою деловитость и даже, осмелюсь

[137] Примечания: 1.137

Осмелюсь ли повторить слышанные мною в детстве слова адвоката Ретифа? При нем как-то прочитали небольшой рассказ господина де Вольтера. «— Ах, если бы этот человек не родился в Париже!» — невольно воскликнул адвокат. Все, что было в этом великом человеке поверхностного, он почитал не свойством его ума, а приписывал пустоте городского воспитания и присущим горожанам взглядам на жизнь, которыми заражаются самые стойкие люди.

сказать, поступаются честностью, причем последняя выветривается, пожалуй, быстрее, чем глохнет деловое рвение. Это вполне естественно, друг мой: они становятся менее предприимчивыми, а потребность в роскоши возрастает, поневоле они забывают про честность. Я давно пришел к выводу, что мудрому отцу семейства надлежит приучать сыновей жить иначе, чем живет он сам[138], и заниматься другим делом. Скрещивание пород в сельском хозяйстве ведет к их усовершенствованию и, подбирая мужей для дочерей, отец должен помышлять об освежении крови, если можно так выразиться, и выдавать их только за молодых провинциалов — деятельных, трудолюбивых, бережливых, здоровых телом и духом, другими словами, не обладающих ни физическими, ни моральными изъянами. Пусть у этих молодых людей нет ни гроша, их добронравие и трудолюбие стяжают им состояние.

Я встречал отцов семейств, следовавших моим принципам, — их фирмы и поныне в цветущем состоянии. Но если отцы заставляют сыновей

[138] Примечания: 1.138

Египтяне и индийцы придерживались противоположного правила: посему мы вправе назвать их законы безумными и тираническими, ведь именно законы повинны в том, что эти народы остановились в своем развитии. То же можно сказать о китайцах и др.

также заниматься торговлей, то последние проявляют лень и беспечнрсть; если они выдают дочерей за горожан, то их потомство вырождается не позднее, чем в третьем поколении.

Но, возразят мне, при таком порядке, где горожанам искать себе жен?.. Я предложил бы совершать обмен: пусть горожане женятся на девушках из провинции, а парижанки подыскивают себе мужей в деревне. К сожалению, это неосуществимо: что станут делать наши парижанки в деревне? Да они умрут со скуки! Я знал двух молодых парижанок, выданных замуж в деревню в Бургундии: они так и не могли привыкнуть к одиночеству, их удручали манеры мужей, и обе зачахли с тоски. Кроме того, парижанки не приспособлены к деревенской жизни и не умеют хозяйничать. Остается, таким образом, сказать: «Спасайся, кто может!» Но для своей семьи я постараюсь сделать то, что недоступно для других. Поверьте, друг мой, что если бы не ваша чрезвычайная скромность, вы не услышали бы от меня таких речей... Итак, я хочу подыскать своим дочерям партию в провинции, и еще лучше — в деревне; пусть у жениха не будет ни гроша за душой, я предпочту его парижанину, хотя бы тот и обладал независимым состоянием.

Полагая, что им сказано достаточно, господин Помбелен закончил на этом разговор, а дабы Эдмон не сомневался, что ему предназначена прелестная Роза, устроил так, чтобы она была его единственной ученицей. Эжени отправили на время к одной из теток, госпоже де Варипон, которая только что овдовела и чей единственный сын был в отъезде.

Несмотря на овладевшее им чувство, Эдмон целых два месяца не осмеливался о нем заговорить, хотя молодые люди нередко оставались с глазу на глаз. Мысль о том, что он неизмеримо беднее Розы, сковывала его откровенность. Впрочем, и врожденная скромность мешала ему признаться в любви. Эдмон был почтителен и внимателен с отцом и матерью, а к Розе относился с таким уважением, выказывал такую преданность и привязанность, что господин Помбелен уже не сомневался в подлинности его чувства. Между тем он не торопил развязки, будучи уверен, что лишенный средств молодой человек не способен отказаться от выгодной партии; как всякому наблюдательному отцу, ему доставляло удовольствие следить за развитием пылкой любовной страсти в сердце правдивом и неискушенном. Гордая Роза, покоренная достоинствами Эдмона,

все же почитала себя свободной и была вполне счастлива. Опьяненный любовью Эдмон, оставаясь наедине с красавицей, говорил как можно ласковее, и голос его, ласковый от природы, был проникнут большой нежностью. В каждом его слове, даже самом незначительном, звучало «Я вас люблю!», это угадывалось и по его интонациям, и по робким почтительным взглядам.

Установившаяся между Розой и Эдмоном нежная близость таила бы в себе опасность, не будь юный любовник столь добронравен. При посторонних они обменивались многозначительными улыбками. Роза благосклонно просила его о маленьких услугах, и он спешил исполнить ее желания; она повелевала им, а он охотно повиновался.

Так обстояли дела, когда Эжени возвратилась от тетки. Несколько дней она молча наблюдала за влюбленными, потом обратилась к сестре:

— Любезная Роза, я хочу сделать тебе одно признание.

— Охотно выслушаю тебя, сестрица.

— Дело в том, что и у меня есть возлюбленный.

— «И у меня»?!

— Ну да, это мой кузен де Варипон — он признался мне в любви накануне моего отъезда. Я

ему еще не ответила, но теперь, кажется, могу это сделать: ты поладила с господином Ретифом и я уже не связана обещанием.

— Право же, моя младшая сестра обладает изрядной проницательностью!

— Так я угадала? Милая сестричка! У меня гора с плеч. Вчера папа сказал мне, что, по его мнению, мой кузен благоразумен, хорошо воспитан и не походит на парижанина. Поэтому мои чувства, полагаю, придутся ему по душе; и мы обе будем счастливы, не так ли?

Красавица Роза вспыхнула и ничего не ответила. Вошел Эдмон, проказница нарочно приноровила разговор ко времени, когда он обычно к ним приходил.

— Ах, как кстати вы появились! Помните ли вы, что я вам однажды сказала?

— Я имел честь многое от вас слышать, мадемуазель.

— А! Так вы хитрите!.. Я имею в виду нечто, что вы вряд ли забыли, сударь, при всей вашей скромности.

— Нет, мадемуазель, ваши слова я не забыл и никогда не забуду.

— Ну, так нынче я разрешаю вам их забыть... вы меня понимаете?

— Ужели я так несчастен, мадемуазель?..

— Нет, вы совсем не так несчастны, — передразнила она его, — наоборот, так счастливы, что более не нуждаетесь в моем великодушии... Что это вы оба на себя напускаете? Право же, можно подумать, что это для вас новость!

— Для меня это именно так, мадемуазель, — ответил Эдмон.

— Слава богу, значит, хорошо, что я приехала.

— Моя сестра не стала серьезнее, сударь, — прервала ее Роза, — хотя и провела столько времени в обществе самой разумной и самой печальной женщины в Париже.

— Ручаюсь, что вы еще не признались друг другу в любви... Ну, что ж: пришло время объясниться, вот сейчас, при мне. Ведь вы, в самом деле, горячо любите друг друга.

Эдмон затрепетал от восторга; но Роза... в эту минуту она была прекраснейшей из роз!

— Ты такая болтушка, Эжени! Видишь ли... твои слова... сказанные столь необдуманно... могут дать господину Эдмону повод бог знает что подумать...

— О, я уж знаю, что говорю! Мои слова сказаны от чистого сердца, из желания помочь ему и избавить от затруднений. Я уверена, что хоть

его сердце и занято тобой, в нем есть местечко и для меня.

При этих словах обычная сдержанность изменила Эдмону — слезы радости хлынули у него из глаз:

— О, вы сказали сущую правду, мадемуазель! — воскликнул он. — Боже мой! Какие вы чудесные люди! Как счастлив я, что ваша семья меня ценит! Я уважаю господина Помбелена наравне со своим отцом: он такой мудрый и достойный человек! Я не подберу слов, чтобы выразить, как я почитаю и люблю его. Госпожу Помбелен я сравниваю со своей матушкой; если бы вы знали Анну Симон, вы бы поняли, какая это высокая похвала! Что до вас, любезные девушки, я воздерживаюсь от комплиментов; вы драгоценные редкие жемчужины! Да пошлет господь вам счастье, — вы его достойны! Если мне дано содействовать вашему счастью, то знайте, что одной из вас я отдал всю свою любовь и нежность, а другой самую горячую дружбу, и она никогда не пожалеет, что была так добра ко мне!

Сельская школа

— Ну вот, мы и выслушали признание! — захлопала в ладоши Эжени. — Оно несколько необычно, или, вернее, старомодно, но мне было приятно услышать то, что было сказано обо мне... А вам, мадемуазель?

— Господин Эдмон говорил, как благородный человек, и слова его весьма разумны, хоть и вызваны твоей легкомысленной выходкой, сестра, — ответила Роза, краснея.

— А! Наконец и ты призналась! — воскликнула Эжени. — Так вот. Раз объяснение в любви произошло, теперь можно считать, что вы почти что муж и жена ... Так будьте нежны друг с другом, чтобы и я, младшая, кое-чему научилась. Начинайте же любезничать ... только без пошлых комплиментов!.. Вам обоим не занимать ума!

— Мне придется, мадемуазель, лишь высказывать чувства, переполняющие мое сердце, — пылко сказал Эдмон, — и ваша сестра услышит слова самые лестные ... Но, пожалуй, мне лучше их не высказывать, ибо они могут смутить мадемуазель Розу, а это омрачило бы мою радость.

— Ах, Роза, тебе, с твоим возвышенным характером, нужен был именно такой возлюбленный!

— Если вы соблаговолите мне разрешить, маде-

муазель, — обратился Эдмон к Розе, — я надеюсь доказать своим поведением убедительнее, чем словами, всю прочность и глубину моего чувства. Я жду от вас лишь одобрительного взгляда, он придаст мне духу.

Роза молча потупила глаза.

— Но ведь он ждет ответа, — заметила Эжени.

Прелестная Роза обратила чарующий взор на Эдмона и сказала, протягивая ему руку:

— Вас избрал мой отец, которого я люблю и уважаю так же глубоко, как вы чтите своего: о моих чувствах вы узнаете у него, если ему будет угодно высказать их вам за меня.

Тут господин и мадам Помбелен вошли в комнату дочерей. Они поведали Эдмону о своих видах на него и предложили ему руку Розы. Выслушав полные признательности слова юноши, господин Помбелен добавил:

— Напишите вашему отцу: нам остается получить его согласие.

Эдмону шел двадцатый год, он уже около трех лет жил в столице. Ему казалось, что перед ним открывается блестящее будущее и не приходило в голову, что его родители могут иметь что-нибудь против. Увы, он заблуждался! Но именно в этих обстоятельствах Эдмон явил высокий образец

сыновней любви.

Отец его Пьер Ретиф никогда не выезжал за пределы своей провинции, и у него сложились самые превратные представления о столице; на беду Эдмона, их подтвердило письмо, написанное ему по поручению мадемуазель Молэ с просьбой запретить Эдмону на ней жениться. Об этом письме Пьер не сказал ни слова адвокату Ретифу, другу мэтра Молэ.

Когда в Нитри было получено письмо Эдмона, его сочли обманутым, погибшим, жертвой какой-то постыдной сделки, навлекающей позор на семью. Считая, что его сын недостаточно послушен и уже испорчен, Пьер прибег к средству, которое наверняка должно было заставить Эдмона вернуться. Однако в таком средстве не было надобности, и эта выдумка едва не сорвала его план. Узнав, что отец его при смерти и ему надо спешно ехать домой, Эдмон лишился чувств и слег, и пришлось задержаться с отъездом. Помбелены не хотели отпускать Эдмона прежде, чем будет написано письмо адвокату Ретифу и получен от него ответ. Прокурор, которому дочь, выйдя замуж, рассказала о своем письме, заподозрил неладное. Но Эдмон ни за что не хотел ждать. Он отправился совсем больной, дружески

напутствуемый господином Помбеленом, вызвав огорчение у Розы, которой разрешили получать от него письма и отвечать ему.

КНИГА ВТОРАЯ
[Глава V]

В Оссере Эдмона встретил Тулежур, выехавший за ним верхом.

— Как здоровье отца? — с нетерпением спросил Эдмон, обнимая товарища.

— Отлично! — ответил Тулежур, не посвященный в тайну.

— Значит, он уже вне опасности? Я могу вздохнуть свободно?

— Как так, вне опасности? Да он и не был болен.

Это известие чрезвычайно обрадовало Эдмона; и хотя он тут же с тревогой подумал о том, зачем его отозвали из Парижа, в тот момент он испытал огромное облегчение, — об этом отец не раз говорил нам впоследствии. Сойдя на берег с парома, Эдмон тотчас же отправился в дальнейший путь.

Беседуя по дороге с Тулежуром, он говорил лишь о домашнем хозяйстве и расспрашивал его

о сельских работах. Проехав около четырех льё, они достигли Прованшерского леса, близ которого дорога раздваивается. Тулежур, ехавший немного впереди, свернул направо.

— На Нитри надобно сворачивать налево! — крикнул ему Эдмон.

— Знаю, но ваш отец сейчас в Саси и ждет вас у своего кума господина Дондена.

Господин Донден был одним из богачей Саси: то был весьма здравомыслящий, трудолюбивый, бережливый, сведущий человек, и благодаря своему усердию и способностям составил себе состояние. Достойный и похвальный путь к обогащению! Однако характера он был сурового и обладал отталкивающей внешностью; его считали силачом даже жители этого края, здоровые, как быки. Недостатки, присущие Тома Дондену, были свойственны большинству его земляков: люди здесь грубы и черствы от рождения; я приписываю это двум причинам: во-первых, деревня расположена в болотистой ложбине, не просыхающей девять месяцев в году, и воздух там влажный и тяжелый; зато поля и виноградники находятся на холмах, где никогда не стихает ветер, это действует раздражающе на организм; резкая перемена, вероятно, сказы-

вается на натуре жителей Саси. Замечено, что они съедают вдвое больше хлеба, чем крестьяне соседних деревень. Естественно, в этих условиях жители не могут отличаться любезностью, зато они обладают другими достоинствами, и когда их ближе узнаешь, они внушают уважение и, глядя на них, испытываешь нечто вроде умиления; в наши дни это, быть может, самые трудолюбивые люди во всем мире[139].

Эдмон был знаком с Тома Донденом и недолюбливал его; он знал, что у него три дочери. Но там его отец, он здоров и ждет его... Сердце Эдмона сжималось, — он предчувствовал катастрофу. Когда перед ним открылись неровные бесплодные поля Саси, усеянная камнями и выжженная солнцем земля, когда до него донеслись

---

[139] Примечания: 1.139

Нравы обитателей Саси, а равно и Нитри, родины моего отца, подробно изображены в «Школе отцов». Привожу одно из примечаний к этому сочинению: «Селение Нитри отличается редкостной чистотой языка, хотя в окрестных деревнях изъясняются на весьма грубом наречии. Это явление, как мне удалось установить, обусловливается причинами и физического, и общественного порядка. К физическим причинам относится чистый, легкий воздух, который не застаивается на высокорасположенной обширной равнине; зерно здесь хорошо наливается, хлеб полезен для здоровья, молочные продукты, яйца и мясо лучшего качества, чем в селениях, находящихся в более низких местах. Из причин общественного порядка — прежде всего торговля, благодаря коей жители Нитри непрестанно посещают соседние городки и приучаются к вежливому обхождению; далее, сравнительно легкий труд не притупляет их умственных способностей. Их ужасает грубость соседей и даже у детей вызывает презрительную улыбку. Здесь говорят

с весьма приятным акцентом; этот говор даже благозвучнее прованса́льского и гасконского. Пожалуй, он чересчур мягок и утончен для мужчин, но как нельзя более к лицу женщинам, особенно девушкам. Однажды я слышал, как говорила девушка лет восемнадцати: в ее устах французский язык звучал гармоничнее итальянского. (Кокетки с берегов Сены, потщитесь усвоить это чарующее произношение!) Женский пол обладает здесь нежным звучным голосом. Мужчины худощавы и проворны, они могли бы сказать вместе с Овидием: «Пусть мой вес невелик, жилисто тело мое». Жители Нитри представляют собой полную противоположность обитателям селения Саси. Последнее окружено высокими холмами; сжатый в лощинах воздух бурно из них вырывается, и там постоянно господствуют ветры. Воздух далеко не чистый и не здоровый, ибо в одной из долин шесть—восемь месяцев в году застаиваются воды, от которых поднимаются тяжелые, вредоносные испарения. Посему жители Саси отличаются тяжеловесностью, угрюмостью, молчаливостью. Они поглощают неимоверное количество черного, дурно пропеченного хлеба, и кровь у них лениво движется в жилах. У женщин низкие, грубые голоса, наречие их неблагозвучно, наряд уродлив, и они производят отталкивающее впечатление. Нитри и Саси расположены всего на расстоянии одного льё друг от друга и в малом виде представляют картину сельской жизни нашего королевства».

глухие невнятные крики грузных пахарей, как бы насиловавших природу, чтобы заставить ее их кормить, — это вселило в его сердце тоску и уныние, доселе им неиспытанные.

Едва Эдмон въехал в Саси, как местный воздух стал оказывать свое действие; ему захотелось есть и пить, ибо, пожалуй, лишь в этой местности любовь и страдания не в силах лишить человека аппетита.

В конопляник у въезда в деревню он увидел трех неповоротливых мужиковатых на вид девушек, собиравших коноплю; их усердие, прилежание, с каким они трудились, перенося тяжелые охапки конопли, поразили Эдмона. Он поделился своими мыслями с Тулежуром:

— Они не больно хороши собой, но из них выйдут отменные хозяйки.

Войдя в дом Тома Дондена, Эдмон увидел отца. После трехлетней разлуки он встретил сына с обычной строгостью:

— Вы заставили себя ждать, сын мой!

— Известие о вашей болезни меня напугало, дорогой батюшка, и я едва не слег.

— Хочу верить, что не было других причин задержки.

— Разумеется, не было... Благодарение богу, я

вижу вас в добром здравии.

— И даже очень веселым, — вставил Тома Дондeн. — Однако, кум, вот гляжу я на твоего щеголя и думаю: впору ли ему пахать нашу каменистую землю?

— Никаких таких нарядов не будет.

Невозможно передать всю грубость выражений Тома Дондена: местное наречие отражает суровость и неприглядность окружающей природы.

— Я вызвал вас, мой сын, намереваясь вас женить. Вместо коварных и испорченных городских кокеток, я выбрал вам добродетельную девушку, которая будет нежно любить своего супруга. Вы, может быть, находите больше прелести у девушек, украшенных прической с бантом, но я запрещаю вам о них думать и не желаю слушать никаких возражений. Ослушание навлечет на вас отцовское проклятие.

— Я еще не успел спросить вас о здоровье матушки, — произнес Эдмон, дрожа всем телом.

— Вы прежде всего должны быть во всем мне послушны. Что до вашей матери, она здорова и рассчитывает на вашу покорность. Я так говорю с вами, потому что вы еще не видели особу, предназначенную мною вам с согласия моего кума: из приязни ко мне он готов отдать вам дочь, еще не

зная, подойдете вы ему или нет.

— Здорово сказано! — одобрительно крякнул Тома. — Эй, жена, — обратился он к супруге, — сбегай-ка за дочерьми: они в конопляник, пускай живо придут сюда. Этому парню жарко, да и аппетит он, видать, нагулял хороший, не говоря уже о жажде.

Он хотел налить Эдмону стакан вина. Однако молодой бургундец, воспитанный в обычаях того времени, вина не пил. В то время ни молодые люди, ни женщины, не употребляли вина, только матери семейства, которым было лет за сорок, слегка подкрашивали воду; ранее этого они не отведывали вина, даже во время родов. Эдмон поблагодарил.

— Дайте ему молока, — распорядился Пьер, — он предпочитает его вину.

Эдмон еще допивал молоко, когда вошли три дочери Тома в сопровождении матери. Старшая Мари обладала наименее привлекательной внешностью, но лицо ее выражало доброту. Какая перемена для Эдмона! Отец представил его Мари, объявив ей тут же, что она станет через три дня женой его сына; все приготовления были уже сделаны. Скромная девушка покраснела и, хотя жених пришелся ей по вкусу, сказала отцу:

— Милый батюшка! Ясное дело, я ничего не имею против этого славного молодого человека, которого все уважают. Но нам, может быть, следовало бы друг друга распознать: тогда он увидел бы, подхожу ли я ему. У меня-то нет колебаний, раз такова ваша воля, но мужчины, думается мне, могут поступать по-другому.

В ответ Мари услышала грозное: — Молчать!

— Вы слыхали о нашем решении? — спросил Пьер своего сына.

— Слыхал, батюшка.

— Знай, что я не потерплю никаких возражений.

— Батюшка, я был бы несчастлив в жизни и недостоин когда-либо сам стать отцом, если бы вздумал вас ослушаться. В подобном вопросе выбор принадлежит отцу и в этом высшее проявление его власти» До конца дней буду повиноваться вам и моей достойной матушке. Приказывайте и будьте уверены, что я послушаюсь вас.

— Пышные фразы, сын мой! — ответил Пьер, слегка улыбнувшись. — По крайней мере в городах научают достойно отвечать, даже поступая наперекор своему желанию.

Уселись за стол. После обеда отец и сын уехали в Нитри. Когда деревня осталась позади, Пьер,

вопреки своему обычаю, поехал рядом с сыном.

— Перед тобой, мой мальчик, — начал он, — открывается новое поприще. Ты вступаешь в него, выказав послушание: этим ты заслужишь благословение божие и почет у людей. Знай же, сын мой, что когда-нибудь твои дети окажут тебе такое же уважение, какое ты оказал своему отцу.

Пьер еще никогда так трогательно не говорил с сыном, и слова его глубоко взволновали Эдмона. Он схватил руку отца и сказал со слезами на глазах:

— Я приношу вам тяжелую жертву, батюшка!

— Пустое! Все они шлюхи и околдовали тебя!

— Ах, батюшка! Если бы вы ее знали! Если бы вы видели ее достойного отца!

— Не будем говорить об этих тварях, — сказал Пьер дружелюбно, ласковым голосом, каким еще никогда не говорил с сыном.

— Я послушаюсь вас, батюшка, хотя бы это стоило мне жизни.

— Мне не по вкусу такой жалостный тон, — сказал Пьер, нахмурившись, — чтоб я его больше не слышал!

Помолчав несколько минут, он заговорил уже более мягким тоном:

— Любезный Эдмон, сын мой дорогой, вот ты

вступаешь в брак. Не следуй моему примеру — мое поведение не заслуживает подражания. Я исправлюсь, если бог продлит мои дни. В настоящее время я договорился с нашими монахами из Молема об одном деле, в которое ты войдешь на половинных началах. Это послужит утешением для твоей матери, о которой мне надлежит позаботиться. Став женатым человеком, ты сделаешься мне другом и ровней: отцовская и сыновняя любовь лишь окрепнет, ибо возрастет взаимная привязанность и мы глубже поймем друг друга...

При этих словах Эдмон, у которого перехватило дыхание, спрыгнул с лошади и поцеловал ногу отца. Пьер, тронутый его поступком, тоже слез с лошади и проговорил, обняв сына:

— Я всегда тебя любил, сын мой единственный, и хочу, чтобы ты был хорошим деревенским семьянином, а не городским буржуа. На лоне природы ведут более патриархальный образ жизни...

Если бы не потеря Розы, как счастлив был бы Эдмон, вдруг обретя в суровом господине отца, исполненного нежных чувств!

Они пошли пешком, ведя лошадей в поводу, а Тулежур поскакал вперед, чтобы предупредить

об их возвращении добрейшую Анну Симон.

— Кем стал бы ты в городе? Допускаю, что из тебя получился бы хороший гражданин. Но дети твои, вдали от родного края, нашего гнезда, смешавшись с толпой горожан, весьма скоро утратили бы память о своем происхождении. Ты знаешь, какого мы рода — адвокат Ретиф говорил мне, что кое-что тебе о нем рассказал. Верно, что все люди дети Адама, но все же почетно принадлежать к такому роду, как наш. Фамилия Ретиф лишь прозвище, оно получено нашими предками столь давно, что их настоящее имя забыто, особенно теперь, когда мы потеряли все после злосчастных религиозных войн. Ты в будущем поймешь, как приятно жить в краю, где нашу семью еще так ценят и чтут: я всегда умиляюсь, когда бываю в Виллье, Эгремоне, Куртенэ... Будем же держаться родного гнезда, не станем переселяться в большие города; постараемся не терять привязанности и уважения, какими пользовались здесь наши предки. По матери ты в родстве с лучшими фамилиями нашей провинции: она предпочла меня из-за моего имени, которое мой отец, мой достойный и высокочтимый отец прославил так широко. Ты знаешь, что его прозвали Справедливым. Какое прозвище! Его унаследовал

один из наших родственников — оно осталось за нами... Подобное свидетельство о благородстве стоит дороже, чем утраченные дворянские грамоты, — оно стократ драгоценнее! Говоря по совести, я презираю старые пергаменты, которые чаще всего получены путем интриг, а не служат наградой за добродетель предков. Сколько видим мы дворян, чьи отцы были алчными угнетателями! Я имею в виду родовое дворянство. Что до новоиспеченных дворян, до финансистов, покупающих дворянство... они, быть может, и полезны государству, которому приносят доход, — пускай себе, — но, в сущности, они приобретают за ничтожную плату то, что должно быть наградой доблести и истинных заслуг. Сын мой, ныне мы принадлежим к третьему сословию {131}, чему я искренне рад. Третье сословие — самое полезное, оно платит налоги, трудится, сеет хлеб, жнет, торгует, строит, производит товары. Право быть бездельником — жалкое право! Не будем жалеть об этом. Ты видел дворянчиков в Пьюзе — охотников в гетрах, подкованных башмаках, со старой ржавой шпагой, умирающих с голоду

{131} Комментарии: 2.131

Третье сословие — в дореволюционной Франции сословие буржуазии (городских жителей, мещан, ремесленников, купцов); первое и второе сословия составляли дворянство и духовенство.

и все же считающих для себя позором трудиться. Хотел бы ты быть на их месте?

— Нет, батюшка: среднее состояние наиболее достойное и любезное сердцу добрых королей, — в нем я хочу прожить жизнь и умереть. Вы, любезный батюшка, придерживаетесь тех же взглядов, что и почтенный господин Помбелен.

— Пусть так, но он хотел оставить тебя в городе! Подумай, что стало бы с нашим потомством, если бы оно смешалось с городской чернью? Повторяю, не будем уезжать отсюда: здесь мы у себя, здесь все говорит о чести нашего рода, а этим нельзя пренебрегать... Господин Помбелен, этот превосходнейший человек, на деле твой злейший враг.

— Я подчиняюсь вашей воле, любезный батюшка... только пе говорите ничего дурного про человека, которого вы полюбили бы, если бы узнали; не говорите, заклинаю вас, ничего плохого и об этой девушке... Ах, почему она не моя четвертая сестра!

Слезы хлынули из глаз Эдмона. Пьер, словно позабыв свою гордость, мягко сказал ему:

— Чувствительность — украшение высоких душ: ты плачешь, но слушаешься меня. Я не тиран и мне надлежит похвалить тебя, что я и делаю. Сын мой, твое счастье в этом веке и в

будущем зависит от твоего поведения. Своим послушанием ты заслужишь хороших детей.

И с вдохновенным видом, словно предчувствуя свой близкий конец, сей почтенный муж продолжал горячо:

— Эдмон, да будут прокляты сын и дочь, не почитающие отца! Да будут благословенны сын и дочь, подчиняющиеся ему, даже наперекор своему чувству! Их благословит небо, им покажутся легкими тяготы супружеской жизни, раз они смогут с чистой совестью сказать: «Я послушался, боже, я послушался тебя в лице своего отца!». Любезный сын, дай мне благословить тебя — я выражу этим свою радость и удовлетворение... Благословляю тебя и на то, чтобы ты, когда меня не станет, принял на себя заботы о своей бедной матери и сестрах. У Катрины трудный характер, — прояви терпение; Маделон сама доброта, — нежно люби ее; Марион — ветренна, легкомысленна — характер ее внушает мне опасения — сдерживай ее. Еще при жизни я передаю тебе свою власть, ты будешь моим наместником, а после моей смерти — преемником. Что до твоей матери, этой достойной женщины, чьим терпением я злоупотреблял и перед которой я в большом долгу, оплати его, сын мой, пусть твое уважение

и нежность вознаградят ее за все выстраданное из-за вспышек моего гнева и суровости. Я был дурным человеком, о боже! Но вот сын мой, — прими все, что он сделает за меня.

— Я не в силах выразить, — не раз говорил впоследствии отец, — какие чувства овладели мной при этих словах, сказанных человеком, столь гордым и недоступным, вдруг проявившим такую нежность! У меня кружилась голова. Я женился бы на самой страшной уродине и отдал бы ей свою любовь, если бы только отец потребовал этого в ту минуту.

В таком настроении они прибыли домой, и мать заключила Эдмона в свои объятия. Здесь перо выпадает у меня из рук. О, почтенная женщина! Ее переполненное любовью сердце рвалось к сыну, но силы покинули ее, и ей пришлось сесть на стул: руки ее были протянуты, слова самые нежные, казалось, были готовы слететь с ее уст, но она не могла произнести ни звука. Но вот у нее хлынули слезы, они оросили лицо сына, которого она прижимала к груди. Наконец Анна обрела дар речи.

— Пьер, — обратилась она к мужу, — простите мое волнение: он мой сын, я вижу в нем вас!

— К тому же достойный сын, — подхватил Пьер.

— Почтенная мать, этот любезный сын утешит ваше материнское сердце. Он с честью займет мое место, когда меня не станет.

Эти неожиданные слова изумили Анну Симон: она благословила сына и, поднявшись, по своему обыкновению бросилась помогать мужу поудобнее расположиться в кресле.

— Я не могу уделять внимание сыну и забывать об отце, — сказала она. — Дочки, услужите брату. Мое назначение быть подле моего супруга, и я никогда не уступлю этой чести никому, даже своим детям.

Когда мужчины подкрепились, Пьер стал излагать сыну свои планы. Задуманное дело требовало, чтобы Эдмон поселился в Саси, у своего тестя, который обязан был внести свою долю. Пьер говорил обо всем весьма доброжелательно, и Анна Симон, почтительно сидевшая в стороне, слушала речи мужа и сына с восхищением, проливая слезы радости.

— Супруга, — обратился к ней Пьер, — через три дня мой сын станет мужчиной. И мы с вами будем говорить с ним с тем уважением, какое подобает женатому человеку.

Только мать может представить себе, как дрогнуло сердце Анны Симон, когда ее муж произнес

эти слова, столь для него характерные: лишь мать способна оценить их силу и значение. В ответ у нее вырвался крик радости. И позже, за ужином, казалось, эта достойная женщина прислуживала сыну и обращалась к нему с особым уважением. Пьер несколько раз назвал ее Саррой {132}, добродетельной Саррой, и это, несомненно, высшая похвала, какой может удостоиться женщина.

Затем Пьер обратился к сыну:

— Хлепобашество — занятие, наиболее достойное человека, оно является основой всех других занятий. Одно земледелие придает силу богатству. Так пребудем же у источника, — он чище любого потока. Прекрасно заниматься делом, от которого зависят все другие дела. Что делает торговец? Он исполняет поручения пахаря. Не будь землепашца, не стало бы ни ремесленника, ни художника. Будем же помнить о своем назначении, мой сын, и гордиться им.

Весь этот вечер Эдмон был как бы вне себя, в некоем опьянении после сцен, столь необычных в его семье. Однако ночью, когда улегся восторг, он предался горестным размышлениям. Любовь, сей требовательный повелитель, всецело овла-

---

{132} Комментарии: 2.132
Сарра — жена патриарха Авраама (Библия).

девает возвышенными сердцами. Вынужденный отказаться от своей любви, Эдмон страдал невыносимо. Перед ним вставал образ прелестной Розы Помбелен, он вспоминал ее достойного и добродетельного отца, чудесную семью, в которой ему было так хорошо, и испытывал горькие сожаления. И все же, очутившись перед роковым выбором: лишиться всего, что должно было составить счастье его жизни, сулило обеспеченное будущее, приятную долю и даже богатство, или сохранить все это, но ослушаться воли отца, Эдмон не колебался ни минуты. Он был таков от природы и так воспитан[140], что ослушание внушало ему ужас, и он не мог бы нарушить волю отца. Выполнение сыновнего долга далось Эдмону ценой тяжелой внутренней борьбы. И сорок лет спустя он не мог позабыть пережитого — я убеждался в этом, слушая его рассказы.

Измученный скорее тяжкими переживаниями, чем дорогой, Эдмон не сомкнул глаз всю ночь и забылся лишь под утро; он поднялся несколько позднее обычного. Проснувшись, он увидел, что все в волнении, и узнал, что у отца сильный жар.

---

[140] Примечания: 1.140

Пьер воспитывал и учил детей, как это делали древние римляне и было принято во Франции двести лет назад. Я не хвалю и не порицаю — пусть судит читатель по фактам.

Он бросился к нему.

— Сын мой, — начал Пьер, не дав сыну сказать ни слова, — если я умру, обещай выполнить мои указания в назначенные мною сроки. Я настаиваю на этом, такова моя воля.

— Клянусь вам, батюшка.

— Будь благословен! Ты успокаиваешь душу умирающего отца.

— Умирающего? Что вы говорите, батюшка! Бог не допустит этого.

— Близок мой час, я чувствую это... — и не дав сыну возразить, он продолжал: — Успокой меня: ступай, посмотри за работами. Пусть мать и сестры ухаживают за мной. Иди, распорядись, будь достоин звания мужчины, — в этом доме ты скоро останешься один с женщинами.

Нетерпеливый жест отца не допускал промедления, и Эдмон вышел от него, охваченный тревогой. Он в точности исполнил распоряжения отца, руководствуясь списком хозяйственных дел, переданным ему матерью. Отца он увидел лишь в обеденное время. Жар как будто спал, но больной был в угнетенном состоянии; все знали, с каким предубеждением относится Пьер к кровопусканию, и были в отчаянии, что нельзя

прибегнуть к этому средству[141]. Эдмон дал отцу отчет по хозяйству. Однако Пьер был не в силах отвечать и лишь одобрительно кивал головой. Ему захотелось пить.

— Сын мой, подайте мне питье.

Катрин бросилась исполнять его просьбу.

— Нет, я хочу, чтобы это сделал сын. Да благословит тебя бог, Эдмон, как благословляю тебя я. После меня будь отцом для этих юниц и опорой для достойной и доброй женщины.

Больной опорожнил кружку не без жадности. Эдмон заплакал. Анна Симон горько разрыдалась.

— Разрешите пустить кровь, — воскликнула она.

— Нет, нет, — остановил ее Пьер, — бог сохранит меня, если ему будет угодно.

— Батюшка... — начал Эдмон.

— Сын мой, не надобно просить: природа мне мать, и я могу принять помощь только от нее... Ступай же по своим делам.

Эдмон удалился. К вечеру больному стало немного лучше, но он испытывал упадок сил. На следующий день состояние Пьера ухудшилось,

---

[141] Примечания: 1.141

Откуда взялось это непреодолимое предубеждение? И почему его унаследовали как отец мой, так и его дети?

он утратил ясность мысли, нетерпеливо отстранял посторонних, но был по-прежнему ласков с женой и сыном. Больной узнавал их даже в бреду. На третий день он на несколько минут пришел в себя и вспомнил, что на этот день была назначена свадьба. Сказав об этом кюре, он выразил сожаление, что ему не дано будет испытать эту радость.

— Не может же он жениться, провожая отца в могилу, — возразил кюре.

— Вы правы, святой отец.

В доме уже готовились к отъезду в Саси, но ночью наступил тяжелый кризис, и на следующий день его не стало. Пьер Ретиф скончался в час дня, на сорок третьем году жизни.

[Глава VI]

В первую минуту Эдмон ощутил только боль невозместимой утраты. Это было чувство, весьма отличное от того, что обычно испытывают осиротевшие дети: для Эдмона отец был образом божества, и он его терял! Никакое горе не могло с этим сравниться. При виде отчаяния молодого человека самые равнодушные люди не могли удержаться от слез.

Приехал Тома Донден, которому дали знать о

смерти Пьера. Увидев его, Эдмон устремился ему навстречу.

— Отныне вы будете мне отцом, — сказал он, — покойный отдал меня вам: выбор сделан им. Клянусь, я буду вас слушаться и почитать как родного отца.

Зная о сердечной склонности Эдмона, Тома полагал, что брак не состоится. Он собирался вернуть ему данное слово, считая, что прежнее соглашение утратило силу. Речи Эдмона удивили и растрогали Тома, и он обнял его, говоря:

— Ты будешь мне не зятем, а сыном. Я скажу дочери, что ее счастье обеспечено, — почтительный сын всегда будет примерным супругом. Ты понравился ей: да благословит бог ваш союз. Вы станете утешением моей старости, и мы вместе будем оплакивать смерть моего друга. Сейчас я уеду и вернусь завтра с дочерью; хочу, чтобы она в трауре присутствовала на похоронах почтенного Пьера, как если бы уже была его снохой. Пусть она разделит твое горе и слезы...

— Батюшка, — сказал Эдмон, — почтенный мой отец хотел... чтобы венчание состоялось сегодня.

— Отложим до завтра, — ответил Тома, — послушание дороже соблюдения приличий. Если только наши кюре согласятся, почтенный Пьер

в гробу будет первым и самым уважаемым свидетелем.

Так совершилась эта свадьба, ибо оба священника, считаясь более с духом, нежели с буквой закона, дали свое согласие. Эдмон выполнил свой долг, опустив голову: он обручился с Мари Донден возле тела своего возлюбленного отца, вознося горячие молитвы вседержителю о вечном упокоении души родителя и давая обет покорности воле божьей.

Кюре, присутствовавшей при венчании, обратился к пастве с кратким словом. — Дети мои, — сказал он, — вот сын, который выполняет волю усопшего отца. — И он объяснил, что Эдмон женится в столь странной обстановке из уважения к покойному и следуя его распоряжению... О, если бы он мог поведать обо всем! Оба почтенные пастыря — и мудрый Пинар, кюре Нитри, и добрый Пандеван, кюре Саси, знали обо всех обстоятельствах и в восхищении рыдали, проникнутые сочувствием и скорбью.

Пьера похоронили после бракосочетания. Эдмон шел за гробом отца, обливаясь слезами, убитый горем, не замечая происходящего вокруг. Все же он держал за руку свою супругу, словно представляя ее отцу и как бы говоря ему: «Я послу-

шался вас, благословите же меня вновь!» Когда гроб опустили в могилу, кюре Пинар, не в силах сдержать чувства, воскликнул по-французски: — Пьер, друг мой, старый товарищ, воля ваша исполнена! Да вкушает ваша душа вечный покой, аминь! — Все присутствующие трижды повторили «Аминь». Пьер Ретиф был нелицеприятным судьей, отвергал посулы и взятки и пользовался всеобщей любовью, ибо старался большую часть тяжб кончать мировой. Сын оказался его достойным преемником.

Кюре, как было принято, первый бросил на гроб пригоршню земли. Услыхав этот глухой стук, Эдмон потерял сознание. Его унесли тесть и жена в сопровождении сестер. Анна Симон по-прежнему стояла на коленях возле могилы неподвижно, подняв к небу глаза, полные слез; ее неподдельное горе вызвало всеобщее сочувствие. Вдову привели домой оба кюре, когда все было уже кончено. — Где мой сын? — едва очнувшись, спросила она. Эдмон, поддерживаемый тестем, тотчас подошел к ней. Мари Донден стала прислуживать Анне Симон, помогла ее раздеть и уложить в постель.

В день свадьбы и похорон не было никакого угощения: все ушли, отказавшись от еды, унося

в сердце скорбь по умершему. Мари осталась, чтобы служить мужу и свекрови и утешать невесток. Она провела у них три дня и три ночи, без отдыха и не раздеваясь. Тронутый ее добротой и усердием, Эдмон, желая выказать ей свою признательность, превозмог себя и обратился к ней со следующими словами:

— Дорогая супруга, вы заслуживаете более счастливой и радостной доли, и все же пришли, чтобы великодушно разделить наши слезы и горе. Да благословит вас бог! Что до меня, я буду всю жизнь вам благодарен.

— Я предпочитаю плакать вместе с вами, чем смеяться в вашем отсутствии, — ответила Мари. — Ваша скорбь вполне естественна и доказывает вашу доброту, о Эдмон! Не сдерживайтесь и позвольте мне разделить ваше горе, ибо мне дорого все, что связывает меня с вами, даже ваши слезы.

Все эти подробности я почерпнул из черновика письма, которое мой отец послал господину Помбелену через неделю после свадьбы. Это трогательное письмо написано без всякого вступления и представляет собой простой пересказ событий. Заканчивается оно следующими строками:

«Я выполнил свой долг, уважаемый и дорогой отец. Пишу, ничего не утаивая: было бы недостойно мужчины и сына Пьера Ретифа (да упокоит господь его душу!) говорить о том, что сердце мое кровоточит: свою участь надобно переносить мужественно. Разрешите мне через вас передать горячие пожелания счастья мадемуазель Розе... и мадемуазель Эжени. Пусть обеим дочерям лучшего из отцов и самой почтенной из матерей бог пошлет столько счастья в жизни, сколько потерял я... во всех отношениях! Человек не может сильнее и искреннее желать кому-нибудь счастья, чем желаю я вашим достойным дочерям...

Слезы не дают мне писать... Кончаю, о достойный, достойнейший из отцов...Почему Вы не стали моим батюшкой?

Эдм Ретиф».

Спустя три месяца Эдмон получил следующий ответ:

«Любезный мой Ретиф!

Только два дня назад я показал своим близким Ваше письмо. Оно глубоко меня огорчило и, восхищаясь Вашим поведением, я скорбел о зяте, который пришелся мне по сердцу и которого отняла у меня жестокая судьба. Да, любезный сын мой, ибо я так люблю тебя и уважаю, что считаю

своим сыном: я хвалю тебя — ты заставил меня пролить слезы, но к моей печали примешивается восхищение и чувство удовлетворения. Между тем Роза... Нет, перо отказывается передавать мои мысли; не рискну открывать чувства девушки женатому человеку. Итак, позавчера, расстроенный и исполненный сочувствия, я зашел к жене с письмом в руках. Она расположилась в кресле, Роза сидела у нее на коленях, Эжени вышивала, сидя в стороне.

— Несчастный Эдмон прислал письмо, — сказал я.

— Наконец-то! — воскликнула супруга.

— Его письмо уже три месяца лежит у меня. Я не хотел показывать его раньше ни вам, ни дочерям... Увы! Он много перестрадал, но поведение его заслуживает похвалы!.. Вы пожалеете Эдмона и будете им восхищаться.

Услыхав это, все три как бы замерли на месте: одна из них протянула ко мне руки. Я ничего не добавил; сел в кресло и стал читать, мой друг, твое повествование, начиная с приезда в Оссер и до той минуты, когда ты взял перо, чтобы мне написать. Нет нужды передавать, какое впечатление произвело твое письмо. Одна Эжени порицает тебя, но из преданности к сестре...

Чудный сын! Славный молодой человек! Увы! Мне не дано было составить твое счастье!.. Все же, любезный друг, я не могу не восхищаться прекрасными качествами твоей супруги: что за милое чистосердечие! Какая благородная откровенность! Мне все кажется (одна из дочерей сказала, что полюбила ее за эти слова), что я непрестанно слышу, как кто-то повторяет: «Эдмон, мне дорого все, что у нас общего — даже ваши слезы!» Любезное и доброе создание! Да благословит ее господь! Ведь она ни в чем не повинна, да и не принесет ли она, милый Ретиф, в будущем вам благополучие?

Вы видите, что я перенял у Вас и выражения и стиль: это потому, что он хорош, а слова Ваши вырываются из сердца, и все же я полагаю, любезный сын, что нам надлежит переписываться лишь изредка — как для Вашего благополучия, так и для покоя моей семьи. Эжени очень отзывчива и служит мне большим утешением; когда-нибудь я Вам об этом поведаю. А сейчас, возлюбленный сын мой и друг, прошу Вас и впредь вести себя так, как Вы вели себя до сих пор и следовать, как и прежде, советам любезного адвоката. Вам кланяется господин Молэ. Этому почтенному человеку не повезло с зятем. Нет второго Эдмона!

Прощайте, прощайте, любезный друг! Вы вполне заслуживаете, чтобы Вас любили, как любим Вас мы, хотя любой другой на Вашем месте вызвал бы противоположные чувства.

Остаюсь по-прежнему к тебе привязанный, безоговорочно тебя уважающий,

сердечно твой Антуан Помбелен.

P. S. Моя жена тебе кланяется, к ней присоединяются остальные... Я не хотел тебе писать, но рука моя порывается это сделать, и сердце приказывает, наперекор разуму».

Но возвратимся к нашему повествованию. Эдмон провел с молодой супругой у матери неделю. На третий день утром приехал адвокат Ретиф. Он молча вошел в комнату и, увидав кресло, где обычно сидел его друг, испустил горестный вздох:

— О, славный друг! Грозный человек, которого я так любил... Он женил сына тайком от меня... Любезный и жестокий человек!

— Милый кузен, — ответила Анна Симон, находившаяся в то время одна дома, — вы появились как добрый ангел перед бедными, убитыми горем людьми. Но не гневайтесь на моего сына... на любезного (рыдания не дали ей выговорить имя)... Я уверена, вы не станете обвинять того, кто не

может более ни защищаться, ни ответить.

— Нет, нет, я и не думаю его обвинять! Да упокоит бог душу дорогого умершего! Но поведайте мне, кузина, о странных событиях, слухи о которых до меня дошли, и эта свадьба, которую так спешно справили втайне, над гробом отца?

Анна, с трудом справляясь со своим горем, подробно пересказала обо всех происшествиях; когда она закончила, почтенный родственник воскликнул в глубоком волнении: — Узнаю любезного Пьера! Но Эдмон, ваш сын превзошел все мои ожидания: да будет он благословен. Он станет утешением вашей старости, окажет честь нашему имени. Где он, я хочу его обнять.

Тут в комнату вошла Мари Донден, усердно занимавшаяся хозяйством. Она скромно поклонилась гостю, подошла к свекрови, поцеловала ее и вытерла ей слезы. Все это она проделала молча, ибо была родом из местности, где люди не разговорчивы.

— Что это за милое и услужливое создание? — спросил адвокат.

— Моя невестка.

— Ах простите, сударыня... простите, кузина!

— Мне придется простить вам чрезвычайно лестные для меня слова.

— Где ваш муж, дочь моя? — спросила Анна.

— Он исполняет свой долг. — Она имела в виду, что Эдмон, закончив свои дела, отправился плакать на могилу отца, как он это делал по три раза в день.

— Далеко ли он? — спросил адвокат.

Мари Донден не хотелось давать подробное объяснение при свекрови, и она предложила господину Ретифу проводить его к Эдмону. Он последовал за ней. По дороге она сообщила ему, где находится ее муж.

— Вернитесь к своей матушке, кузина; я один найду Эдмона — мне не терпится его увидеть.

Нежнейший из сыновей лежал распростертый на каменной плите, под которой покоился прах его почтенного отца. Адвокат опустился на колени, — Эдмон и не заметил, как он подошел. Прочитав молитвы, адвокат заговорил со слезами в голосе:

— Ах, Пьер, друг моего детства, товарищ моей юности, самый близкий мой родственник, кто бы мог подумать две недели назад, когда мы были вместе и ты казался задумчивым и озабоченным, что я вижу тебя в последний раз, о товарищ мой и спутник на заре жизни! Увы, увы, не печален ли наш удел? Теряя друзей, мы сами отчасти

умираем, и нельзя назвать самым несчастным из нас того, кто, подобно тебе, умирает первым, в расцвете лет!

Услышав эти слова, исполненные горя и любви, Эдмон поднялся и обнял любезного родственника. Они стояли без слов, обнявшись, скорбя и проливая слезы. Затем они медленно направились домой; по пути Эдмон рассказал своему достойному второму отцу все, что не могла ему передать Анна Симон. Он поведал о господине Молэ, о мадемуазель Помбелен, о чувстве, каким ему пришлось пожертвовать.

В нашей семье, когда видят прекрасный поступок, легко приходят в неописуемый восторг. Жан Ретиф, сей достойный муж, не был исключением (да благословит его бог, как благословил его, даровав ему прекрасных детей!), он остановился, онемев от изумления.

— Жалеть тебя? О нет, — горячо воскликнул он, — тысячу раз нет! Ты безмерно счастлив, и мне надлежит тебе завидовать! Знай, Эдмон, я завидую тебе и твоему отцу, хотя его и нет на свете... Я завидую всем вам... и больше вам не соболезную... Разумеется, я знал, что всем нам присущи и великодушие, и сердечный жар, и благородство, достойные нашего происхождения, но наши доб-

родетели полностью воплотились лишь в тебе, в твои двадцать лет! Оставайся всегда таким, Эдмон; не все ли равно, будешь ты богат или беден? Твой жребий ясен, он куда лучше благосостояния... О наши предки! Если сейчас вы взираете на своего правнука, сколь велика должна быть ваша радость в горних обителях, как должны ликовать ваши добродетельные души!.. А вы, прелестная Роза, сколь велика ваша утрата! Однако, мой друг, я видел твою жену, — это она мне указала, где ты находишься. Несомненно, это достойная женщина. Да благословит ее небо. Вряд ли я ошибаюсь, полагая, что она будет второй Анной Симон.

Восторженная речь адвоката на некоторое время умерила горе Эдмона и приободрила его; он впервые ощутил удовлетворение при мысли о принесенной им прекрасной жертве.

[Глава VII]

Я не намереваюсь поведать здесь обо всех поступках моего отца; многие из них относятся к обыденной, повседневной жизни. Скажу лишь, что он переселился в Саси, и там в течение семи лет служил своему тестю и имел семерых детей от Мари Донден; ему пришлось немало претер-

петь из-за крутого нрава тестя; но он проявил героическое терпение, и ему помогала все переносить супруга, которая оказалась в самом деле превосходной женщиной; его рабство (ибо то было подлинное рабство, — желание помочь доброй матушке и трем сестрам вынуждало Эдмона работать за двоих) окончилось со смертью почтенной Мари; после этого он оставался вдовцом в продолжение семи лет. Приведу все же некоторые подробности.

Скажу лишь несколько слов о детях Эдмона, особенно о его пяти дочерях; но да будет мне позволено в надлежащее время рассказать подробнее о его любезных сыновьях. Старший из них, ныне один из самых почитаемых пастырей нашей церкви, принадлежит к низшему духовенству; он является как бы наградой Эдмону за его добродетели и покорность воле отца, избравшего ему супругу. Я счел возможным во всеуслышание воздать хвалу сему достойному служителю алтаря, хотя он здравствует и поныне, ибо уверен, что моя книга никогда не проникнет в его уединенное убежище и не смутит сего смиренного и скромного человека.

Из пяти дочерей от первого брака иные были недурны собой, особенно вторая обладала при-

ятной внешностью; она походила на старшего брата, который, в свою очередь, был копией отца. Второй сын от первого брака, названный в честь деда с материнской стороны Тома, походил на мать: он унаследовал ее доброе сердце, а также искренность Эдма Ретифа. Намереваясь говорить о старшем брате, я должен упомянуть и о младшем, раз они живут вместе; мой рассказ явит пример людей, исполняющих в жизни евангельские заветы.

Овдовев, Эдм Ретиф тотчас расстался с семьей тестя; он поступил так из предусмотрительности и заботясь о своей семье. Он уехал от тестя и стал работать на себя, чего никогда не делал раньше. Такое решение как бы шло вразрез с интересами детей, поскольку Тома Донден был богат, и совесть Эдмона была неспокойна; но следует помнить, что он переселился к тестю, уступая желанию супруги. Редкий случай, когда мужчина идет на жертву, желая угодить женщине, на которой женился из послушания.

Дабы читатель мог справедливо оценить труды моего отца, прежде чем о них поведать, я расскажу, что представлял собой приход Саси, когда он туда переселился.

Некогда говорили «побирушки из Саси», ибо

жители деревни почти поголовно нищенствовали, что и не удивительно при такой неплодородной почве. В Нитри же, напротив, земля очень хорошая и все там жили в достатке. Ныне все в корне изменилось! Как раз жители Нитри, где такие тучные пашни, ходят просить милостыню к соседям в Саси.

Вечернее чтение

Двоеженец

О благосостоянии прихода можно сказать примерно то же, что о победах армии: надобен хороший военачальник, руки всегда найдутся. В Саси Эдм Ретиф научил людей умело пользоваться руками и его наставления не забыты и по сей день. Живя с тестем и лишь исполняя его распоряжения, Эдм указывал, какими способами можно улучшить землю, считавшуюся непригодной. Само название этого места как бы говорит о его природе: по-латыни оно звучит «Саксиакус» (от слова «саксум» — камень). И в самом деле, поля там усеяны крупными камнями и валунами, из которых можно бы извлечь доход, будь поблизости город, но деревня эта удалена от крупных поселений, и ее каменные карьеры, легко поддающиеся разработке, выветриваясь, лишь увеличивают бесплодие почвы.

Впервые свой способ Эдм Ретиф применил на поле, принадлежащем тестю; там, под камнями, обнаружили черную, довольно плодородную землю. Эдм пожертвовал частью поля, наименее пригодной для пахоты, и стал свозить туда камни. Удаление камней — одна из самых тяжелых полевых работ, но Эдмон выполнял ее с неослабевающим рвением, и ему помогали работники.

Эдмон следил, чтобы основание кучи выкладывалось тщательно и состояло из самых крупных камней, в промежутки между ними подсыпали землю с семенами различных кормовых трав. Таким образом, не только укреплялось основание холма, но создавалась площадка для выпаса скота, почти равная участку, занятому кучей. Эдмон позаботился об устройстве дороги, которая, поднимаясь по спирали, вела к вершине холма, и по ней ежегодно, перед началом весенней пахоты, возили с полей камни, выступившие из земли.

Ничто так не повышает урожайность земли, как очистка ее от камней. Первый урожай с поля превысил почти вдвое прежний, и таким образом произведенные затраты оправдались в первую же осень; последующие урожаи приносили уже чистую прибыль. Отец не раз при мне высказывал мысль, что было бы целесообразно использовать преступников, находящихся до суда в тюрьмах, для очистки полей от камней; присматривать за ними могли бы солдаты местных гарнизонов, где они не приносят никакой пользы. Не мешало бы даже в некоторых случаях заменять этим на-

казанием галеры{133}; уборку камней следовало бы производить тщательно, под присмотром приходского синдика, назначенного на эту работу. Отец полагал, что преступников следует использовать также для выпрямления русел речек, которые подмывают превосходные луга одного берега и образуют песчаные отмели на противоположном.

Успешный опыт Эдмона, однако, вызвал возражения тестя, и тот не позволил заложить вторую груду. Несколько соседей все же последовали примеру отца; но они не сумели прочно закрепить основание, не засеяли травой, отчего камни скоро развалились и покрыли все поле. Между темхолм, сделанный Эдмоном, стоит и по сие время и служит через шестьдесят лет ему памятником.

Когда Эдм обрел самостоятельность, он с пользой применил дарованные ему природой таланты в самом благородном и первостепенном искусстве. Он пахал на редкость умело, применяясь к свойствам почвы, — где глубоко вонзая лемех, где лишь слегка взрыхляя поверхностный слой, в зависимости от толщины плодородной земли,

---

{133} Комментарии: 2.133

Галеры... — В старину тяжких преступников приговаривали к работе в качестве гребцов на королевских галерах; позже под галерами стали подразумевать каторгу.

остерегаясь выворачивать лежащие под ней камни или смешивать ее с бесплодным туфом. Участки Эдмона можно было издали узнать по высоте и густоте хлебов. Жители Саси, видя успехи Эдма, стали брать с него пример: на бесплодных вершинах холмов вырастали огромные кучи камней, а поля становились плодородными.

Вскоре селяне стали распахивать заброшенные земли, занимавшие около трети их владений. И тут пример подал Эдм Ретиф. Распашка пустырей — весьма тяжелая работа и обходилась бы чересчур дорого, если нанимать для нее батраков, тем более в такой неплодородной местности, где нет лишних рабочих рук. Эдм Ретиф начинал распахивать пустыри и заброшенные земли в конце января, после первой вспашки он сеял овес. Этот злак родился довольно хорошо, однако его глушили сорняки. Но разве это могло остановить Эдмона? Труды, затраченные на пахоту, вознаграждались отличным урожаем трав, который давали распаханные участки. Разрыхленная земля трижды перепахивалась, и на следующий год ее можно было засевать рожью. Если поднималась залежь, заросшая можжевельником и колючками, участок приходилось предварительно очищать от них, но и эта дополнительная

работа приносила пользу, ибо хворостом топили печь, где выпекали хлеб.

Жителям Саси, от природы трудолюбивым, нужен был только пример, которому они могли бы последовать, и они охотно пошли по стопам Эдма Ретифа, хотя им и было стыдно, что приходится все перенимать у пришельца.

Но в этом приходе оставалось понести еще немало трудов.

Эдм Ретиф скоро убедился, что некоторые холмы вовсе непригодны под пашню из-за крутизны склонов. Жители Саси почти не занимались виноделием, и прежние сеньоры, взимая с них чудовищную десятину в один сноп с двенадцати и добавочно сноп с каждого арпана[142]{134}, не установили налога с виноградников. Эдмон на свой страх и риск попробовал засадить лозой небольшой участок на склоне, непригодном для пахоты. Через семь лет, после упорных трудов, пустырь превратился в виноградник. Отец стал

---

[142] Примечания: 1.142

Эту десятину установили епископы и каноники Оссера; тамплиеры (и в наши дни Мальтийский орден) владевшие частично сеньориальным правом, взимали с цензовых земель не более шести денье* с участка, который можно вспахать одним плугом за день.

{134} Комментарии: 2.134

Денье — старинная французская мелкая монета, двенадцатая часть су (су равно пяти сантимам).

получать с него отличное вино, правда, обладавшее одним недостатком — хранить его можно было не более трех лет, после чего оно утрачивало свои качества, зато оно очень быстро поспевало, через полгода становилось пригодным к употреблению.

Подражая Эдмону, трудолюбивые обитатели Саси начали засаживать лозой пустыри на крутых склонах, и настало время, когда доходы с виноградников стали превышать доходы с полей. Однако на устройство виноградников потребовалось немало трудов: прошло около тридцати лет, пока были созданы существующие ныне прекрасные виноградники.

Опыт показал, что в местных условиях лоза плодоносит не больше двадцати лет, после чего ее необходимо заменять. Убедившись в этом, Эдм Ретиф стал искать способ устранить этот недостаток. По мере того, как уменьшалась площадь залежей, больше становилось тяглового скота, необходимого для пахоты; жители богатели и стали держать больше коров, коз и овец, столь полезных в сельском хозяйстве. Понадобилось больше кормов; зато в хлевах и конюшнях накапливалось больше навоза и от этого выигрывали хлебопашцы, В долине близ деревни находился

превосходный луг, но в те времена лишь с половины его собирали хорошее сено. Эдм решил использовать старые виноградники для посева трав; он считал, что земля за семь-восемь лет достаточно отдохнет, и можно будет снова сажать на ней лозу. Свойства почвы подсказали ему, какой травой ее следует засевать. Он видел, что на вершине холмов, там, где оставалось немного земли после дождя, рос эспарцет, и стал засевать этой горной травой старые виноградники; к своей радости, в первый же год он получил превосходные корма. Вскоре его примеру последовала вся округа, и ныне про человека, выкорчевавшего лозы, говорят, что он сеет эспарцет. В первый год эта трава дает немного сена, посему оставляют те старые лозы, которые еще немного плодоносят; на следующую зиму их срезают, после чего оставшийся стебель выпускает нежные побеги, которые скашивают вместе с травой. После косьбы корневища лоз погибают.

Эдм Ретиф потратил на эти труды более тридцати лет, и я, рассказывая о них, забегаю вперед, чтобы более к ним не возвращаться. Выше я упоминал, что лишь часть деревенского луга приносила хорошее сено, но и она нередко заливалась водой, и все же, не находилось никого, кто

бы подсказал, как помочь делу. Эдм посоветовал прорыть по середине луга широкую осушительную канаву. Его послушались и с луга стали собирать вдвое больше сена лучшего качества. Гораздо больше трудов потребовала другая половина луга, где плохо росла трава и пасли скот. Эдм Ретиф владел на этой половине луга довольно большим участком: он находился с края, у подножья холма. Когда этот холм стали распахивать, с него скатывались вниз камни, которые загромоздили все поле. Эдм выкопал на своем участке продольную канаву глубиной в десять футов; в нее свалили камни со всего поля; затем их покрыли слоем глины толщиной в один фут, а сверху засыпали землей на четыре фута и накрыли ее дерном, который сохранили при рытье канавы. Таким образом вырос земляной вал вышиной в три с лишним фута. Вблизи канавы была вырыта вторая и заполнена таким же образом, затем третья, пока не покрыли весь участок канавами. Что же получилось? Река разлилась, но не затопила луг Ретифа — он возвышался над водой зеленым островом, давшим хозяину изрядное количество отличного сена. Участок в дальнейшем оправдал все хлопоты — на нем уродилась пшеница, какой прежде никогда не видывали в этих местах.

На следующую осень у Ретифа появилось немало подражателей. Некоторые крестьяне вывезли камни даже с отдаленных полей. Ныне в этой части долины собирают самые высокие урожаи. Не видно ли из моего рассказа, сколько добра может сделать своему приходу один человек, если он не гонится за наживой, но бескорыстно старается произвести улучшения, которые служат к общему благу? Вот почему никто не завидовал благосостоянию Эдма Ретифа, достигнутому путем усердных и разумных трудов.

Достойный адвокат Ретиф, наслышавшись много лестного о моем отце, однажды приехал посмотреть на его работы. Достигнутые результаты его поразили, и он не скрывал своего восхищения. Отец находился в то время в поле, и адвокат решил повидать преподобного Антуана Фудриа, тогдашнего кюре, желая поговорить с ним прежде, чем встретиться с Эдмом. Увидев моего отца в пыли и поту после работы, адвокат не удержался от слез. Бросившись ему на шею, он воскликнул:

— Любезный Эдмон! Глядя на то, что здесь сделано, я вижу, что бог вдохновляет отцов, когда они приказывают своим детям: кто не счел бы безумием поведение почтенного Пьера, зная, какой благополучной доли и какого счастья он тебя

лишил? А между тем, сколь полезным оказалось для всей округи, что твой достойный отец, по внушению свыше, велел тебе жить на родине, где ты применил свои отменные способности на благо целого прихода! Что значат теперь пережитые тобой огорчения? Какой честный человек не позавидует твоей участи? Я завидую тебе, Эдмон, о достойный мой родственник, честь нашего рода! Завидую тебе сам, завидую и за моих сыновей. Я знаю, какую ты стяжал добрую славу. Твоего деда, моего почтенного дядю, прозвали «Справедливым»: память о нем оживает всякий раз, как говорят о тебе «Правильный человек»! Ах, друг мой, любезный Эдмон! Этот великолепный титул, добровольно и единодушно присвоен всей округой человеку, которому еще нет и тридцати шести лет! Будь благословен, Эдмон! Пусть будет благословен твой отец за то, что оставил тебя на родине! Бог вознаградит его за это. Благословенна будь и твоя мать, воспитавшая тебя в духе любви к труду и верности долгу, служившая тебе драгоценным примером!

Я привел здесь сие чувствительное излияние добродетельного сердца, дабы достойно завершить рассказ о сельских трудах моего отца. Однако наиболее драгоценной для него

наградой, подобающей его великодушию, было благосостояние, достигнутое жителями Саси: они нищенствовали, когда Эдмон у них поселился, а к концу его жизни сделались самыми состоятельными в округе. Иначе сложилась судьба Нитри. Эту историю я изложил в «Школе отцов», и отсылаю читателей к этому сочинению[143].

Заботы Эдма Ретифа о благе и — дерзаю сказать — о счастье прихода, где он жил по воле отца, не ограничились рассказанным. Он оказал Саси множество других услуг еще до того, как сделался судьей: это звание позволило ему проявить великодушие и щедрость, лежавшие в основе его характера.

Беседуя со стариками, Эдм нередко слышал жалобы на то, что какой-то сеньор, в чей лен входили их земли, завладел общинными лесами. Они говорили об этом робко, вздыхали, высказывая туманные сожаления.

— Есть у вас документы? — спросил Эдм Ретиф.

— Как же, были, да неизвестно, куда они делись.

Эдм стал наводить справки, расспрашивать и

---

[143] Примечания: 1.143

Оно содержит подробности, отсутствующие в других моих книгах. Там изложена программа воспитания, способного превратить наших самых знатных сеньоров в истинных граждан.

наконец услыхал от одного из старейших жителей села, папаши Дожи:

— Ежели документы не сожгли, они должны находиться у сына прежнего наместника, который был тут шестьдесят лет назад. Нынче он уж больно стар и служит кюре в Аннэ-ла-Кот.

Получив эти сведения, Эдм, не теряя времени, отправился верхом в Аннэ. Он прибыл туда к вечеру, и обнаружил, что старый кюре впал в детство; он не мог получить у него нужных справок. Эдмон стал расспрашивать домоправительницу кюре, но та ничего не знала. Его накормили ужином и оставили ночевать, ибо час уже был поздний.

На следующее утро добрая домоправительница сказала ему:

— Знаете, сударь, ночью я думала о том, что вы спрашивали, и вспомнила, что над пологом постели господина кюре лежат старые бумаги. Если вам охота на них взглянуть, подождите, покамест он встанет: там столько пыли, что она засыплет ему глаза.

Ее слова взволновали Эдма. Он с нетерпением дожидался, пока кюре встанет. Наконец ему вынесли связку старых бумаг, они пролежали над пологом сорок лет, и никто в них не заглядывал. В

связке оказались все нужные акты, кроме одного, довольно важного: той бумагой накрыли банку варенья, которую отослали в Париж. Когда отец стряхнул с бумаг пыль, он обнаружил основной документ, по которому прежний сеньор отдавал общинные леса в вечное владение крестьянам деревни Саси за оказанные ими великие услуги и преданность. Вне себя от радости, Эдм отложил остальные бумаги, убедившись, что они касались лично кюре. Отец тотчас отправился в обратный путь, невзирая на надвигавшуюся грозу. Она разразилась по дороге. Эдм промок до нитки, но с великим трудом уберег акты от воды. Это поспешное возвращение дорого обошлось отцу: жестокий плеврит едва не свел его в могилу... Это доказывает, что прекрасные поступки не получают вознаграждения! Несмотря на недомогание, он поспешил повидать кюре и рассказать ему о находке документов. Добрый пастырь искренне радовался удаче и даже не обратил внимания на состояние отца. Они решили, что будут хлопотать и добьются восстановления жителей Саси в их правах.

Из-за болезни отца дело задержалось; но как только он стал поправляться, друзья принялись действовать. Кюре отправился в Дижон, а Эдм Ре-

тиф вступил в переговоры с соседним сеньором, который беззаконно пользовался общинными лесами. Он добился соглашения, которое подписали обе стороны: жители прихода вводились во владение лесом, но отказывались от взыскания денег за прошлое. Уступившему свои права сеньору предоставили почетное место в приходской церкви, Эдм Ретиф приложил все усилия, чтобы не поссорить его с общиной[144]. Успешное завершение дела упрочило гражданскую славу моего отца, и он сделался первым человеком в приходе.

Отец превосходно разбирался во всех отраслях сельского хозяйства, но особенно хорошо умел ухаживать за домашними животными. Заботы о мелком скоте возлагались на женщин и слуг, — отец лишь бегло ежедневно его осматривал, зато уход за лошадьми он целиком взял на себя. Я упоминал о его любви к этому благородному животному, однако отцу приходилось считаться

[144] Примечания: 1.144

В общинном лесу введены регулярные рубки каждые двадцать пять лет, и ежегодно крестьянам отводится сеча, причем одна делянка оставляется под взрослый лес, идущий на строительный материал; в случае надобности он поступает в продажу в пользу всего населения. Такой случай представился в 1755 г., когда вырученные от продажи строевого леса три тысячи ливров употребили на устройство в деревне фонтана, подведя к нему воду за четверть льё: она более пригодна для питья, чем колодезная.

со своими средствами, не позволявшими ему держать больше лошадей, чем требовалось для хозяйства. Благодаря особому чутью отец стал тонким знатоком лошадей: он мог бы стать крупным барышником и нажить на этом состояние, но он чересчур почитал хлебопашество, чтобы бросить его. Купленные им лошади на глазах поправлялись от его ухода. Он выбирал обычно молодых тощих лошадей, работал на них в течение двух лет, потом продавал за надлежащую цену. Он был так справедлив и такой знаток, что ему предоставляли назначать цену. Были случаи, когда после первого осмотра лошади он сбавлял цену, назначенную покупателем. Благодаря безукоризненной честности и другим добродетелям, о которых я скажу в свое время, он заслужил прозвище «Правильного человека»; его так прозвали во всей округе, и дети Эдмона, когда навещают свою родину, и сейчас его слышат.

Выше я рассказал, как лошадь отплатила хозяину за его доброту и заботы; подобных случаев можно бы привести очень много.

Однажды отец работал на пашне, когда к нему подошла партия рекрутов, которые направлялись пешком по дорогам королевства к месту своего назначения. Они попросили дать им ло-

шадей до следующей деревни, находившейся в трех льё[145]. Эдм согласился, но предупредил, что лошади строптивые и слушаются его одного. Самонадеянные парни посмеялись над ним и забрались по двое на каждую лошадь. Покамест отец держал коней под уздцы, они повиновались, но едва кавалькада отъехала и перестал доноситься голос хозяина, как одна из лошадей, несмотря на усилия всадника, повернула и, почуяв, что хозяина нет, стала бить задом, сбросила седока и умчалась с громким ржанием к отцу. Остальные три лошади, услыхав ее ржание и увидав, что она убежала, тоже сбросили наземь солдат и поскакали вслед за ней. Любой человек на месте Эдмона порадовался бы такому приключению, но не таков был отец. Он не стал, как намеревался сначала, посылать с лошадьми работника, а отправился с ними сам. Посадив рекрутов на лошадей и держа самую горячую из них под уздцы, отец прошел пешком всю дорогу, несмотря на сильную жару. Присмиревшие солдаты уже не смели его ослушаться и дурно обращаться с лошадьми.

Увидев моего отца в пыли и поту, мэр Нуайе,

---

[145] Примечания: 1.145
Излишне упоминать, что такие злоупотребления ныне изжиты.

наш родственник господин Мирэ, так возмутился, что хотел отправить рекрутов в тюрьму, но Эдм за них заступился, и они перед ним извинились.

— Мы приняли вас за простого крестьянина, — сказал ему офицер.

— Вы не ошиблись, сударь; но вы не знаете, что я этим горжусь.

Второй случай гораздо серьезнее, ибо на сей раз лошадь спасла отцу жизнь. Он возвращался из Тоннера; на опушке леса, неподалеку от Шишэ, на него напали четверо разбойников. Один схватил поводья, второй угрожал пистолетом, а двое остальных принялись обшаривать карманы и сумки, приказав всаднику сойти с лошади. В первое мгновение отец, испугавшись, замер, не зная, как поступить, но мелькнувшая в голове мысль тут же вернула ему смелость. «Эти господа все равно меня убьют — отдам я им кошелек или нет, чтобы схоронить концы; попытаюсь вырваться от них, а там что будет!». Решившись, отец крикнул слова, какими поощрял лошадь, когда надо было преодолеть трудное препятствие или сделать чрезвычайное усилие: «Вперед, мальчик!», — и взял лошадь в шенкеля. Отмечу, что отец никогда не пользовался шпорами. Едва он произнес эти слова, конь рванулся изо всех сил и,

хотя державший его разбойник повис на поводе, протащил его вскачь шагов двадцать, пока тот не оступился и не грохнулся на дорогу. Если бы не чрезвычайная любовь лошади к своему хозяину и ее привычка мгновенно выполнять его команду, злоумышленники убили бы Эдма Ретифа.

И другие животные были так же к нему привязаны; будучи добрым и справедливым к себе подобным, этот человек столь же справедливо и мягко относился к существам, стоящим ниже человека. Подходя к ним, отец не забывал их приласкать, да и руки его не бывали пустыми, и самые неосмысленные животные выказывали ему привязанность[146].

В хозяйстве отца был молодой, статный бык, прекрасно откормленный, не знавший ярма (Эдм Ретиф предназначал его для случки с коровами села, чтобы улучшить породу, ибо владельцы общественных быков обычно держат беспородных, мало пригодных животных), но такого горячего нрава, что никто не мог к нему подойти, и приходилось оставлять его гулять во дворе без привязи; но едва появлялся отец, бык спешил к нему, шел за ним, не отставая, в сад, и там ел траву из его

[146] Примечания: 1.146

Не покажутся ли эти штрихи мелочными? Не знаю, но в моем представлении истинно добрый человек добр ко всем живым существам.

рук. Отец таким же манером отводил его в стойло, сам привязывал, причем бык не сопротивлялся и только жалобным мычанием проявлял свое недовольство. В деревне способность подчинять животных и внушать им любовь прямо неоценима, и обладающие ею извлекают из своих смиренных слуг куда больше пользы, нежели те, кто жестоко с ними обращается.

О любви собак к моему отцу и говорить не приходится. Соседи его не раз забавлялись, устраивая всякие испытания. Я не стану здесь об этом распространяться, приведу лишь один трогательный случай.

Отец жил в усадьбе Ла Бретон, расположенной в стороне от деревни, за обширным огороженным загоном. Он нередко жаловался, что ворота запирают небрежно и их легко открыть снаружи. Однажды, возвращаясь с поля, он не захотел никого беспокоить и не стал стучать. Повозившись немного, он отодвинул засов, которым ворота запирались изнутри. Среди прочих собак у него была в то время рыжая сука, полуборзая, отличный сторож для овец, способная отогнать

волка[147]; вдобавок, с ней успешно охотились на зайцев. Такой собакой, естественно, дорожили, весьма ценил ее и хозяин, она же была безмерно к нему привязана, и он в шутку говорил: «Нет у меня лучших друзей, после семейных, Тулежура, Жермена (отличный конюх), чем Фламан (лошадь, о которой я уже упоминал) и Фрикетта (так звали суку)». Шум у ворот привлек внимание собаки. Она подошла к ним, по своему обыкновению молча, вероятно, обдумывая, как бы ей лучше проучить предполагаемого вора. Едва задвижка упала и отец стал просовываться в щель, как собака ухватила его за икру. Однако она его не поранила: Фрикетта почуяла хозяина. Собака жалобно завыла, так страшно, что перепугала весь дом. Все выбежали во двор с фонарями. Тут увидали хозяина и собаку, которая в отчаянии, визжа и взлаивая, валялась перед ним на земле. Она бросалась под ноги отца, едва он делал шаг, словно хотела, чтобы он на нее наступил. Сначала он не обратил на это особого внимания, занятый мыслью о том, как опасно столь небрежно запирать ворота. Когда он вошел в дом, сука

[147] Примечания: 1.147

Этой суке, ростом менее обыкновенного сторожевого пса, случалось одной прогонять двух волков. Я видел это несколько раз: брала она хитростью и умелым преследованием.

продолжала выражать свою покорность, прыгала по стульям, металась, выла, каталась у него в ногах, задыхалась, пока отец не прикрикнул на нее. Невозможно передать, какой вопль издала Фрикетта, из глаз ее закапалп крупные слезы, и отец вынужден был ее успокоить, ласково поговорить, погладить и накормить из своих рук. Только тогда ее заставили выйти из помещения, чего не могли добиться, сгоряча хлестнув ее несколько раз бичом. Целую неделю она молча просила прощения у хозяина, так настойчиво и выказывая такую преданность, что все были тронуты. Отцу пришлось, чтобы успокоить собаку, брать ее повсюду с собой и обходиться с ней так, чтобы она убедилась, что ее ошибка им забыта. О Декарт! {135} Вам следовало бы лучше наблюдать природу, прежде чем порождать ваши хитроумные системы![148]{136}

Я уже говорил о том, что отец продавал лоша-

{135} Комментарии: 2.135

Декарт, Рене (1596—1650) — французский философ.

[148] Примечания: 1.148

Ла Меттри* сказал по этому случаю, что у Декарта, видимо, были какие-то таинственные соображения, когда он приравнивал животных к машинам. Оказывается, и теологи того времени придерживались того же мнения.

{136} Комментарии: 2.136

Ла Меттри (1709—1751) — французский философ и врач, сторонник материализма.

дей, проработав на них два года: превосходное хозяйственное правило, допускающее, разумеется, исключения. В самом деле, отец, однажды потратившись на покупку лошадей, потом, сменяя их, уже ничего на них не затрачивал, хотя за его долгую жизнь немало их прошло через его руки. Напротив, отец извлекал из этой смены лошадей (единственный вид торговли, каким он занимался) некоторую выгоду. Расскажу по этому поводу, как он покупал и продавал лошадей.

О том, как он их продавал, я уже говорил выше. Добавлю, что он почти никогда не принимал в расчет состоятельность покупателя, и это не из-за отсутствия практического смысла, а по природной доброте. Поэтому он и не разбогател, хотя по своим способностям мог нажить состояние, не поступаясь своей неподкупной порядочностью. Но когда приходил к нему какой-нибудь бедняк и, плача, рассказывал, что у него лошадь сдохла от старости, отец не мог ему отказать и отдавал лошадь, довольствуясь обещанием впоследствии с ним рассчитаться. Эдм Ретиф ни разу в жизни не взыскивал долги через судебного исполнителя; он удовлетворялся самыми маленькими взносами и нередко, объезжая своих должников, ссужал их деньгами и помогал им уплатить об-

рок. Его благословляли женщины и дети, когда он появлялся в их деревне. Этот человек, столь бережливый и трудолюбивый в своем обиходе, никогда не жалел ни времени, ни трудов, ни средств, если нужно было помочь ближнему. После его смерти мы обнаружили на две тысячи экю невзысканных долговых расписок с его пометкой: «Эти люди бедны и добросовестны». Иные расписки были частично оплачены. Не утаю, что моя мать порой пеняла ему за такое попустительство должникам. На что он ей отвечал:

— Помилуйте, супруга, у нас есть хлеб, вино и еще многое сверх этого; а у этих людей нет и самого необходимого; они наши братья — могу ли я оставлять их умирать с голоду, отнимая у них последний кусок! Боже сохрани! Вы и сами бы этого не сделали.

— Но наши дети?

— Я хочу оставить им хорошее наследство, и это с вашей помощью, моя дорогая, и благодаря примеру, который вы им подаете: у них будет по крайней мере три тысячи экю доходу... — Заметив ее удивление, он пояснял: — Наш с вами пример учит их обходиться самым необходимым: они не привыкли ни к табаку, ни к вину, ни к игре — это сбережет им по крайней мере пятьсот

франков в год. Они не избалованы; не уповают ни на врачей, ни на лекарства; трудолюбивы, бережливы, все это можно приравнять доходу в тысячу пятьсот ливров: вот вам уже две тысячи франков. Далее, они не любят наряжаться; уважают любое полезное занятие, презирают праздность, каким бы красивым именем она ни прикрывалась, — это стоит добрых тысячу франков. Вот и набралось три тысячи экю. К кому бы им ни пришлось обратиться, все встречают их доброжелательно, велика этому цена! Мы привили им вкус к скромному состоянию; любовь к справедливости и честности, бескорыстию, независимости; благодаря нашему внушению, они твердо убеждены, что богатство — ничто, и сто крат дороже сердечный мир и чистая совесть; что в роковой час король, правящий могущественным государством, и волопас в лохмотьях, изведавший стужу и непогоду, будут равны перед лицом вечности. Все это, о жена, не имеет цены: поверьте, мы оставим нашим детям наследство более значительное, более достойное, чем герцог

или пэр Франции[149]{137}.

Когда отцу приходилось покупать участок земли, он предварительно справлялся, нет ли у продавца возможности его сохранить, и уговаривал его не расставаться с наследием отцов. Если выяснялось, что продажа неминуема и необходима, он назначал цену по совести. Зная, что цены на землю понемногу растут, он повышал цену в такой мере, в какой она могла, по его расчетам, увеличиться за десять лет. Купив землю у бедного человека, он спустя несколько дней после сделки дарил ему два-три буассо{138} зерна для нужд его семьи и для скота. Посему, когда кто-нибудь собирался продать землю, он прежде всего предлагал ее отцу. Если возникали споры с родственниками продавца, Эдм Ретиф никогда не улаживал их в

[149] Примечания: 1.149

Не было на свете человека, который легче переносил бы бедность, чем мой отец; он был неутомим на работе и ел очень мало, привыкнув с детства соблюдать во всем чрезвычайную умеренность. Кто поверит, что самый сильный и выносливый человек своего времени довольствовался за ужином одним яйцом, примерно четырьмя унциями хлеба и двумя стаканами старого вина? Он всю жизнь делал то, что венецианец Корнаро* стал делать на склоне лет, и воспитал своих детей в тех же правилах. Мой старший брат съедает лишь половину того, что потребно весьма воздержанному человеку, да и все мы едим очень мало, хотя и родились в Саси. Отец ложился рано и вставал с петухами, и хотя спал мало и чутко, мог заснуть под говор служанок, собравшихся на посиделки. Ночевал он, в случае нужды, где попало: под деревом, во время жатвы возле копны, и переносил это очень легко.

{137} Комментарии: 2.137

Корнаро, Луиджи (1462—1566) известен своими опытами по долголетию. До сорока лет вел беспечный образ жизни, затем изменил режим, стал изучать влияние той или иной пищи на организм, соблюдал строжайшую диету. Выводы из своих опытов изложил в книге «Рассуждения о воздержании» (1558).

{138} Комментарии: 2.138

Буассо — старинная французская мера сыпучих тел, равная 12,5 литрам.

суде: он даже не требовал возмещения задатка, нередко довольствуясь обязательством его возместить.

Мне остается рассказать, как отец подвизался в должности судьи.

Эдм Ретиф рано сделался нотариусом, сразу же после женитьбы. Всю жизнь он исполнял эти обязанности, почти не извлекая дохода: его наследники едва могли возместить суммы, переданные ему под залог документов. Мальтийский командор, сеньор села, назначил отца судьей после смерти мэтра Бужа, состоявшего в этой должности сорок лет. Отец не домогался ее: судьей он согласился стать после того, как к сеньору без его ведома обратилась депутация от двенадцати селений. Отец благодарил за почетное предложение, но отнекивался, ссылаясь на свою неспособность.

«Если Вы и впрямь неспособны, — писал ему командор, — то, зная Ваше усердие, я все же не приму Вашего отказа, но дам Вам помощника. Итак, не терзайтесь сомнениями. Впрочем, решения, которые Вы вынесли, замещая Вашего предшественника во время его болезни, отнюдь не говорят о Вашей неспособности, но доказывают рассудительность, весьма меня по-

радовавшую. В дальнейшем Ваш опыт и Ваши знания только возрастут. Таким образом, я на Вас надеюсь и верю, что все будут благословлять выбор, сделанный мной по горячей просьбе моих вассалов. Примите и пр.

Командор Сос-лэз-Оссер».

Назначенный судьей по просьбе жителей, Эдм Ретиф исполнял свои судейские обязанности охотно, однако прочим юристам его деятельность не слишком пришлась по вкусу. В селе было очень мало образованных людей, и младшие судейские должности и даже должность сборщика налогов предоставлялись не местным жителям, а гражданам Вермантона, большого села в одном льё от Саси. Эти господа очень скоро убедились, что новый судья не только не любит раздувать дел, но, наоборот, как бы умышленно лишает их выгодных тяжб, стараясь не заводить излишних и предпочитая кончать споры полюбовным соглашением. Он пытался примирить враждующих в послеобеденные часы по воскресеньям и в праздничные дни, после церковной службы. Коллеги горько ему пеняли, однако Эдм Ретиф не обращал внимания на их сетования.

По счастью, податной инспектор поддержал Эдма Ретифа, хотя люди, исполняющие эту долж-

ность, слишком часто становятся бичом для крестьян. Податным инспектором был в то время мэтр Будар, уроженец Вермантона, племянник Мари Донден. Это был порядочный человек, с независимым состоянием, не дороживший доходами своей должности; мэтр Будар весьма ценил своего дядю, советовался с ним перед выступлением в суде и стремился, следуя его примеру, предупреждать проступки, а не наказывать их; но, разумеется, он не делал неуместных поблажек, поощряющих порок.

С другой стороны, этим двум людям помогал в подвластной ему сфере отец Антуан Фудриа, пастырь редких добродетелей. То был весьма просвещенный, умный человек, умевший управлять; своей поддержкой он придавал вес постановлениям судьи и податного инспектора, разъясняя с амвона всю их полезность. Почтенное и мудрое сотрудничество двух авторитетов — церковного и светского, управляющих людьми! Самый верный способ обеспечить им счастье — это дать им священника и судью нелицеприятных и умеренных взглядов! Отец Антуан однажды сказал своим прихожанам: — У вас в селе два пастыря, дети мои: один представитель бога — я имею честь быть им, другой — представитель закона. И

тот и другой выполняют почетные обязанности и являются для вас наместниками самого бога; и оба они — ваши отцы; оба хотят вам лишь блага. Мы с судьей надеемся, что нам удалось доказать это нашими поступками.

Так говорил он уже после того, как парламент постановил вернуть жителям Саси отнятые у них общинные леса, и посему его слова вызвали всеобщий восторг: священника и нового судью с торжеством отнесли из церкви домой на руках.

Но свою склонность к добрым делам судья в Саси преимущественно проявлял, производя опись имущества умерших, чем и навлекал на себя недовольство прочих должностных лиц. Тронутый слезами вдовы или неутешных сирот, он спешил ввести их во владение наследством за одну сессию, отказываясь при этом от следуемого ему отчисления.

— Вы больно торопитесь, — намекали ему.

— Вы правы, — отвечал он с улыбкой. — Но поверьте, мне также хочется поскорее закончить дела, как вам — их затянуть. Это в моих интересах, а вы ведь сами уверяете, что человеком всегда движет корысть.

Вскоре молва о мудрости и неподкупности Эдма Ретифа распространилась по всей округе;

жители окрестных селений приезжали (я сам тому свидетель) получить от него совет или выслушать его решение как третейского судьи. Всякий праздник у него был прием, как у судьи в большом городе. Он весьма охотно обсуждал дела всех этих славных людей, но в первую очередь принимал своих односельчан. «Друзья мои, — говорил он приезжим, как бы оправдываясь перед ними, — сначала следует уплатить долги, а потом заниматься благотворительностью». Ему привозили подношения — какую-нибудь дичину или домашнюю птицу. Чтобы не обижать людей, он не возвращал подарки, но заставлял принять от него их стоимость деньгами либо съестными припасами. Прознав об этом, приезжие (односельчане никогда бы не осмелились так поступить) пробирались в птичник, и там тайком выпускали своих петушков и курочек. Это обнаруживали только вечером, когда уже нельзя было узнать, кто подбросил этих птиц, которые метались, разыскивая себе насест. Можно сказать, то были единственные подарки, которые принимал отец.

Он и с посторонних ничего не брал за советы, даже если ему приходилось выезжать, чтобы разобраться на месте. Эти выезды приходились на праздники, и он говорил, что священное писа-

ние запрещает работать ради денег в эти дни.

Находились все же прихожане, усердные не по разуму, которых смущало отсутствие Эдма Ретифа на праздничных богослужениях. Услыхав об этом ропоте, Антуан Фудриа пояснил с амвона своей пастве, что их судья отлучается не по личным делам, и нет лучшего способа почитать праздники и воскресные дни, чем творить добрые дела. Прихожане весьма уважали отца Антуана, и его слова положили конец толкам и пресекли соблазн.

Говоря об услугах, оказанных Эдмом Ретифом родному краю (услугах столь значительных, что благодаря ему нищий край в наши дни достиг процветания), следует упомянуть еще об одной. Дело идет о наблюдениях за чередованием хороших и неурожайных годов, особенно ценных для виноградарей, у которых заморозки столь часто отнимают плоды трудов. Он вел эти наблюдения в течение тридцати лет. Собранные им сведения позволяли предсказать, какой в основном будет температура в течение года, другими словами, будет ли зима долгой, холодной или же дождливой; лето — сухим и жарким или же прохладным и сырым; будут ли весной поздние заморозки, и т. д. Эти записи не раз его выручали, особенно в 1749

году, когда он отложил подрезку лоз, ожидая, что будут поздние заморозки. В середине мая как раз приключился такой заморозок, прихвативший только кончики побегов, однако задержка в росте ослабила лозы. В другой раз (в 1753 году) он снова воспользовался своими эфемеридами, да и весь приход извлек благодаря им большую выгоду. Следуя его примеру, все закупили бочки постом, когда на них не было спроса и они стоили дешево. Эдм Ретиф сделал большой запас бочек и часть их уступил своим соседям в кредит. Год выдался урожайный, и цена на бочки, которые продавались в марте по сорок су, в сентябре поднялась до четырех франков{139}. Впоследствии я с восхищением установил, что отец, не знавший древних римлян, не слыхавший ни о Катоне{140}, ни о Варроне{141}, ни о Колумеле{142}, подражал им,

---

{139} Комментарии: 2.139

Цена на бочки... поднялась до четырех франков... — т. е. вдвое (двадцать су равны одному франку).

{140} Комментарии: 2.140

Катон (234—149 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель, автор трактата о земледелии.

{141} Комментарии: 2.141

Варрон (116—27 гг. до н. э.) — римский поэт и ученый, автор трактата о сельском хозяйстве.

{142} Комментарии: 2.142

Колумела (I в. н. э.) — римский писатель, автор «Трактата о земледелии».

заведя эфемериды{143}: древние[150]{144} делали подобного рода наблюдения над чередованием урожайных годов, передавали их из поколения в поколение, и они становились достоянием всего рода. Из записей отца я узнал, что в 1731 году в наших местах не было ни одного дождя с февраля по сентябрь, что привело к неурожаю яровых и недороду сена.

Не могу не помыслить о том, кем был бы Эдм Ретиф, родись он в Риме во время Валерия Публиколы{145}, Брутов{146} и т. д. В моих глазах он столь же велик, как и они; ему недоставало лишь их высокого положения, но он не уступал им в добродетели!

Эту первую часть я закончу примеча-

{143} Комментарии: 2.143

Эфемериды — записные книги, в которых отмечались одни и те же явления, имевшие место в различные годы, но в один и тот же день.

[150] Примечания: 1.150

Как использовали мы разумные и полезные календари древних? Стали составлять басенки и нелепые предсказания, какие видим в Льежском календаре, в календарях Шатильона и Труа! В наш просвещенный век все сделалось мелким и ничтожным! Книгоиздатель Кайо* печатает в год более ста тысяч лживых календарей которых нет никакого смысла, ибо он составляет их сам, — и все-таки находятся покупатели!

{144} Комментарии: 2.144

Кайо, Андре-Шарль (1731—1798) — французский литератор, драматург, издатель и книготорговец, автор многочисленных произведений, в том числе «Библиографического, исторического и критического словаря редких книг» (1790).

{145} Комментарии: 2.145

Валерий Публикола — римский консул с 508 по 504 г. до н. э., один из основателей римской республики.

{146} Комментарии: 2.146

Брут, Люций Юний — древнеримский государственный деятель, провозгласивший в 509 г. до н. э. Рим республикой.

нием по поводу изложенного в начале книги. В нашей семье существует предание о том, что первоначально она носила имя Монруаяль или Монтруаяль, и прозвище Рестиф, или Ретиф, было ей присвоено в 1309 году, из-за тамплиера Жана де Монруаяль, который во время расправы с орденом{147} присоединился к его защитникам и произносил пылкие речи, исполненные силы и справедливости, перед представителями Филиппа Красивого и папы Климента V. Предполагается, что прозвище «Ретиф — Резвый» перешло к роду этого рыцаря. Защитников ордена не казнили, в отличие от отступников, которые, признав по слабости возводимые на них преступления, потом отреклись от своих признаний (см. Дюпюи{148}).

Покойный преподобный Ретиф, кюре в Оксонне, один из сыновей адвоката Ре-

{147} Комментарии: 2.147

... расправа с орденом... — Рыцарский орден Тамплиеров был основан в 1119 г. для защиты паломников, направляющихся в Иерусалим. Желая захватить богатства ордена, французский король Филипп Красивый заключил в темницу гроссмейстера ордена Жака де Моле и 54 рыцаря; после пристрастного суда все они были сожжены (1314 г.).

{148} Комментарии: 2.148

Дюпюи, Пьер (1582—1651) — французский историк, автор книги «Правдивая история осуждения Тамплиеров» (Брюссель, 1751).

тифа, превосходно знал историю нашего рода, ибо занимался ее исследованием. Однако он ничего не опубликовал, не имея подлинных документов. Его отец нередко говаривал: «Наше новое имя окружено почетом, меж тем как мы не знаем, как обстояло со старым!» От Оксоннского кюре мы знаем, что Шарль Ретиф, из предместья Сент-Амар в Оссере, подал в 1582 году петицию на имя Карла IX от имени своих единоверцев (он был протестантом), в которой просил разрешения открыть школы на средства Общины и предлагал уступить католикам те, которые были уже основаны. Все наши грамоты погибли во время религиозных войн: наши предки одними из первых примкнули к Реформе и потому подверглись всем напастям. Мне довелось слышать, что у нас имеются родственники в Англии, сохранившие старое имя; они называют оставшуюся во Франции родню «Ретифами».

У нас была очень знатная родня... Но, как бы там ни было, мы с братьями всю жизнь гордились лишь именем и репута-

цией нашего отца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КНИГА ТРЕТЬЯ

Ampliat aetatis spatium sibi vir bonus; hoc est
Vivere bis, vita posse priori frui.
***Mart*[151]{149}**

[Глава VIII]

Я возобновляю повествование о жизни Эдма Ретифа с того времени, когда он, овдовев, расстался со своим тестем.

Смерть добродетельной супруги чрезвычайно огорчила Эдма. Он потерял любящую жену, которая, зная о чувствах мужа к другой женщине, всегда так себя держала, словно они были ей неведомы. Справедливо, впрочем, и то, что ее бла-

---

[151] Примечания: 1.151

Верь: долготу бытия он, достойный муж, умножает.
Дважды живешь, если ты жизнью былого живешь.

Марциал[1], X, 23 (лат.). Перевод Ф. А. Петровского.

{149} Комментарии: 2.149

Марциал — римский поэт (I в. н. э.).

горазумный супруг своим поведением никогда не давал повода предположить о существовании этих чувств.

Эдм Ретиф остался один с семью детьми, из которых старшая еще находилась в младенческом возрасте; потребовалось все его терпение и мудрость, чтобы с честью выйти из трудного положения. Он призвал себе на помощь свою достойную матушку: она откликнулась на его зов и в течение четырех лет была своим внукам второй матерью.

Старший сын уже в раннюю пору стал проявлять качества, отличавшие его впоследствии, но у этого милого ребенка было слабое здоровье и в возрасте двенадцати лет он перенес мучительную операцию. Он терпел боль с покорностью и упованием на провидение, о которых вспоминают и поныне. Когда он поправился и должен был стать помощником отцу, его забрал к себе дед, заявив, что берет на себя заботы о его воспитании. Мальчик стал учиться, однако отец не допускал, чтобы кто-нибудь, кроме него, оплачивал его содержание: — Это долг природе, — говорил он, — а я не хочу быть у нее в долгу.

На третий год его вдовства, в 1725 году, дела потребовали поездки Эдмона в столицу: он впервые

повез на продажу вино своего изготовления, а также вино односельчан. Поселившись в гостинице, он первым долгом отправился навестить мэтра Молэ, о котором уже десять лет ничего не знал. Он застал почтенного старца в большой печали, — его разорил ажиотаж{150}. Эдм Ретиф был огорчен до глубины души, а его старому другу было отрадно встретить сочувствие своей беде; Эдм предложил старцу переехать к нему или в дом адвоката Ретифа.

— Как поживает наш почтенный друг? — поинтересовался Эдм.

Господин Молэ ответил ему со вздохом:

— Господин Помбелен и его супруга, увы, покинули земную юдоль; Роза вышла замуж за своего кузена де Варипона по просьбе Эжени, которая любила этого молодого человека и уступила сестре, объяснив это следующим образом: «С ним я была бы счастлива, — сказала она, — ты же гораздо лучше меня, значит, тем более будешь с ним счастлива». Эжени хотелось помочь сестре оправиться после перенесенного ею горя. Ибо Роза познала горе, о Эдмон, и очень большое горе! Однако вас она не упрекала, после того, как ей все

{150} Комментарии: 2.150

...его разорил ажиотаж... — Имеются в виду события, связанные с крахом банка Лоу (1720).

объяснил ее достойный отец. Все мы одобряли ваше поведение и восхищались вами... Итак, Эжени уступила сестре своего возлюбленного; ей пришлось долго ее упрашивать, плакать, даже настаивать... Наконец, Роза дала согласие, покоренная достоинствами сестры, а может быть, и по другим причинам, приведенным прелестной Эжени. Роза заявила, что соглашается из уважения к столь редкостным чувствам и к такому великодушию. Господин де Варипон оказался превосходным мужем; Роза достойная супруга, но они не любят друг друга. У них самые очаровательные дети, каких можно себе представить. По просьбе отца, Эжени вышла замуж за молодого провинциала вроде вас, из очень хорошей семьи; это достойный человек... Мой досточтимый друг и госпожа Помбелен скончались, убедившись, что дети счастливо устроены, мне же, любезный Эдмон, довелось стать свидетелем несчастий моей дочери. Она призналась нам, что ею было вызвано странное решение твоего отца, ибо она велела написать ему письмо, где его предупреждала, чтобы он не давал своего согласия на твой брак с нею, — ей казалось ненадежным твое обещание. Ни она, ни мы, несмотря на наш возраст и опыт, не встречали такого молодого человека,

как ты. Во всем была виновата моя дочь. Но мы все ее простили. Теперь она возле Эжени... К счастью... у нее нет детей, и позор, который навлек на себя ее муж, добыв себе богатство нечестными способами, умрет вместе с ним.

Мы отказались от помощи, которую он нам предлагал. Наша дочь живет только на проценты со своего приданого и поддерживает нас. Вот какие перемены произошли, любезный Эдмон, за ваше длительное отсутствие. Мы едва ли не каждый день вас вспоминали, и я полагаю, что госпожа де Варипон и ее сестра — госпожа Буржуа будут рады, если вы их навестите. Однако я прошу вас пойти сначала к Эжени.

Слушая рассказ господина Молэ, Эдмон оплакивал супругов Помбелен, которых надеялся застать живыми и благополучными, он еще так нуждался в отеческих советах и ободрении почтенного господина Помбелена! О замужестве его дочерей Эдмон слышал раньше, но впервые узнал подробности. Он попросил мэтра Молэ отвести его к госпоже Буржуа.

В тот же день они отправились к ней после обеда. Друзья застали Эжени с ее тремя прелестными детьми. Господин Молэ заговорил первым и, заметив, что хозяйка не узнает Эдмона, сде-

лал ему знак не называть себя. Тут вошла дочь господина Молэ, но и она не узнала Эдмона — до того изменилась его внешность. Двенадцать лет назад он был юн и свеж, ныне же лицо его и руки были темны от загара. Не осталось и красивых волос, — Эдмон носил парик, к тому же неважно прилаженный, и одет он был, как одеваются бургундские крестьяне, приезжающие продавать вино у ворот св. Бернара. Эдмон молчал, если бы он заговорил, его сразу выдал бы мягкий тембр голоса.

— Я проходил мимо, сударыня, и мне захотелось справиться о вашем здоровье, а также приветствовать вашу милую сестру, — сказал господин Молэ.

— Она сейчас придет сюда со своими детьми, — ответила Эжени, — подождите немного. Мадам*** (так звали дочь господина Молэ) пошла за ней. Нам хотелось вместе съездить после обеда в город. — Она добавила, видя, что спутник господина Молэ стоит с непокрытой головой:

— Как, господин Молэ, вы не приглашаете мсье сесть?

— Не беспокойтесь, сударыня, мне и так хорошо, — сказал Эдмон в большом волнении.

Эжени сдвинула брови как человек, который

силится что-то припомнить; она стала вглядываться в лицо возлюбленного своей сестры.

— Не обманываюсь ли я?.. Не он ли это? — обратилась она к господину Молэ, прижав руки к сердцу.

— Да, сударыня, это наш Эдмон.

Не успел он выговорить эти слова, как Эжени бросилась в объятия Эдмона и дважды подставила ему щеки для поцелуя.

— Так уж устроено наше сердце, — сказала она со слезами в голосе, — оно не способно забыть друзей, хотя бы они нас забыли... Ах, злой человек! Верно ли все то, что нам о вас рассказывали?.. Если правда, то вы вовсе не злой, а, напротив, чудесный человек.

Волнение не давало Эдмону говорить, из глаз его хлынули обильные слезы, — слова Эжени живо напомнили ему дорогое прошлое. Он как бы заново переживал минуты прощания с Розой, прощания, означавшего разлуку навсегда... То было очень тяжелое воспоминание, и Эдмон не мог думать о пережитом без сердечной боли.

— Узнаю Эдмона... Счастлив ли он? Богат или беден? — обратилась Эжени к господину Молэ. — Он обладает чем-то лучшим, чем богатство и счастье: он благодетель и гордость своего края.

Слезы умиления увлажнили при этих словах глаза Эжени. — Значит, мы не ошиблись? Роза будет рада об этом услышать... Есть ли у вас дети? — Семеро, сударыня. — Довольны ли вы ими? Похожи ли они на вас? — Благодарю вас, сударыня, они хорошие дети, а мой старший сын... мне неудобно его хвалить, но, право, он послан нам небом. — О, нежный отец! Это онв вас пошел... А ваша супруга? — Уже три года, как я овдовел. — Как? Вы потеряли жену? О, милостивый боже! — Увы, это так, сударыня. — Вы были счастливы? — Более, чем я заслуживал: она была достойной женщиной. — Ах Эдмон, я так рада ... Поздравляю вас, бедный мой Эдмон... Сейчас вы увидите мою сестру. Но вы знаете Розу: позвольте мне ее предупредить. Не угодно ли вам перейти с господином Молэ в соседнюю комнату? — Я был безмерно счастлив увидеть вас, сударыня, но встретить вашу сестру... не выше ли это моих сил? — Я беспокоюсь и за нее и посему хочу ее подготовить, а там будет видно. — Ах, если бы я, по крайней мере, застал вашего достойного батюшку! — Полноте, господин Ретиф! Поверьте, я охотно буду о нем говорить с вами, — ложная деликатность тут неуместна ... Расспрашивайте меня! Дорогой отец, умирая, упоминал не только имена своих детей,

но и ваше. — Ваши слова для меня величайшее утешение, сударыня! — Не обращайтесь ко мне так, называйте меня по-прежнему Эжени! Ваше посещение перенесло нас назад на двенадцать лет. Ведь вы должны были называть меня сестрой; могу ли я слышать от вас слово «сударыня»? — О, добрая великодушная женщина! Ах, я больше не владею собой... Прежде чем придет ваша достойная сестра ... или покамест вы будете ее ждать, дайте мне прийти в себя ... Но мне поможет господин Молэ... — Эдмон порывисто к нему обратился: — Любезный друг, сердце мое переполнено, я чувствую, оно не выдержит... Если она войдет, я лишусь чувств. Проводите меня к вашему достойному другу, там я изолью свое сердце... — Я не понимаю вас... — В какой церкви он покоится, и как мне опознать его могилу? — Что вы говорите, Эдмон? — Дорогой, достойнейший господин Молэ, я вас умоляю! — Лучше в другой раз, Эдмон... давайте отложим. — Нет, нет, прошу вас, окажите мне услугу! — Пусть так. Мы ненадолго отлучимся, сударыня. В наше отсутствие предупредите вашу сестру, и если вы решите, что нам следует вернуться, пошлите за нами к церкви святого Рока; мы будем возле ограды.

По дороге первым заговорил Эдмон: — У нас в

деревне женщины по большей части сердечны и добродетельны. Однако, любезный друг, только в Париже можно встретить женщин, обладающих всеми достоинствами. Как они здесь милы, как умеют выражаться, как непринужденно держатся и как прелестен их облик! С каким вкусом они одеваются! О, сколь велика моя утрата!.. Но я был недостоин такого счастья... К тому же, я подчинился воле отца, который был для меня воплощением божества. Но наравне с ним я почитал и человека, которого мы сейчас навестим. О, дорогой покойник! Чудное сердце! Он был добродетелен, снисходителен, он был само совершенство... О, почтеннейший Помбелен!

До церкви было совсем недалеко, и они скоро дошли. Господин Молэ подвел Эдмона к могиле своего незабвенного друга, находившейся в часовне. Могила была без надписи. Эдмон тотчас простерся ниц возле нее и, вне себя от горя, прижался лицом к камню. В присутствии господина Молэ он старался сдерживать рыдания. Не в силах покинуть место упокоения друга, он попросил господина Молэ вернуться к Эжени и сообщить ему, согласна ли Роза с ним увидеться.

Оставшись наедине, он дал волю слезам. Храм был пуст, и Эдмон порой вполголоса обращался к

покойному с трогательными словами. — Чистая и святая душа, — восклицал он, — с горних высот, где ты пребываешь, брось отеческий взгляд на своего друга! Умоляю тебя, излей на это одинокое сердце целительный бальзам утешения! О, если бы ты был жив, одним своим взглядом ты вернул бы покой моей истерзанной душе!

Почтенный старец (как выяснилось потом из разговора, то был достойный служитель алтаря на покое) стоял на молитве в дальнем неосвещенном углу церкви. Он услышал жалобы Эдмона и подошел к нему. Услыхав шаги, Эдмон обернулся и, увидев седовласого старца почтенной наружности, поднялся с пола и отвесил ему глубокий поклон. — Сын мой, — сказал ему ласково незнакомец, — последуйте за мной. Ваша скорбь обличает доброту и искренность вашего сердца. Пойдемте.

Он подвел Эдмона к главному алтарю. — Если вы оплакиваете отца, сын мой, вот лучший из всех отцов. Предайтесь ему своим отзывчивым сердцем, и вас утешит божественное милосердие.

Эдмон опустился на колени, и священник, стоя возле него, прочитал псалом: Laetatus sum in his quae dicta sunt mihi; in domum Domini

ibimus[152]{151} и т. д. Дочитав псалом до конца, старец облобызал Эдмона и удалился. Его слова и псалом утешили Эдмона. Он поднял глаза и оглянулся: его утешителя нигде не было. Глубоко растроганный, Эдмон возблагодарил создателя, возвратился к могиле и, не предаваясь более скорби, стал тихо беседовать с покойным.

Тут пришел посланец Эжени и попросил Эдмона вернуться домой. Роза уже около часа находилась там с детьми. Возвратился и муж Эжени. То был весьма приятный человек. Увидев Эдмона, господин Буржуа пошел к нему навстречу и, взяв его за руки, как давнишнего знакомого, сказал: — Я счастлив, сударь, что вовремя вернулся и могу приветствовать вас в своем доме, который я вас отныне прошу считать своим. — Представляя его Розе, он продолжал: — Сестра моя, этого человека я стал уважать еще задолго до того, как его увидел.

Мадам де Варипон поднялась, сделала Эдмону глубокий реверанс и указала ему на место подле себя. Затем, кивнув в сторону детей, промолвила: — Поцелуйте их... Видите, как они милы... — Ми-

---

[152] Примечания: 1.152

Возвеселился я, когда сказали мне: «Пойдем в дом Господень»* *(лат.).*

{151} Комментарии: 2.151

Возвеселился я, когда сказали мне... — псалом CXXI.

лые детки!.. Чудесные милые детки!.. — повторял Эдмон, не в силах ничего прибавить. — Мне сказали, что у вас их семеро? — Совершенно верно, сударыня. — И говорят, вы довольны? — О да, сударыня, весьма доволен: в них мое утешение. — Так же как они — моя отрада. — Она указала на сыновей.

Тут все остальные поднялись и оставили Розу и Эдмона наедине с мальчиками.

— Когда я вошла, мне сказали, что вы в церкви. — Да, сударыня. — Узнаю вас и хвалю: вы не забыли его. — Забыть его...

При этих словах у Эдмона потекли слезы. Роза прижала к глазам платок, скрывая свои.

— Вы расстались с ним двенадцать лет назад. Знаете ли вы, что он вспоминал вас ежедневно?

— Достойный, почтенный человек! — воскликнул Эдмон сквозь рыдания. — Сердца наши не разлучались; я думал о нем каждый день... но мне не с кем было о нем поговорить. — Вы не писали ему. — Поверьте, сударыня, если бы он только разрешил... — Понимаю... об этом мне не говорили.

Она приласкала детей. Наступило долгое молчание. Роза наконец его нарушила. — У них достойный отец, — сказала она, — это честней-

ший человек... Он мой кузен — вы знаете об этом? — Да, сударыня, сегодня мне сказали. — Долго ли вы пробыли в церкви? — У меня там была замечательная встреча. — Вот как? Расскажите же, кто это был? — Сударыня... я лежал... распростертый на могиле, почти в забытьи... когда святой старец, почтенный священник, подошел ко мне... Между нами завязалась беседа... перед лицом божьим... Это весьма достойный человек... глубокий старец, высокого роста, величавой наружности, седовласый... Он внушает уважение одним своим видом... его речи целительны... Вы должны его знать. — Нет, я не знаю в нашем приходе никого, кто обладал бы такой внешностью. — Смею вас уверить, сударыня, он походил на... господина Помбелена.

Роза, словно искавшая предлога переменить разговор, позвала сестру, и спросила ее, знает ли она священника с такой наружностью. Эжени и господин де Варипон предположили, что это был священник из другого прихода. Эдмон, и без того сильно взволнованный, вообразил, что видел самого господина Помбелена, который пришел его утешить, приняв образ священника. Он не смел высказать вслух эту мысль и сидел молча, с разгоревшимся от волнения лицом; казалось,

и у Розы возникла такая же догадка. Они молча поглядели друг на друга и, словно сговорившись, одновременно поднялись и упали на колени. Возбуждение быстро прошло у Эдмона, и разум вновь взял верх над чувствами. Но впоследствии он признавался нам, что несколько минут был во власти этой иллюзии. Он так и не узнал, что происходило в душе Розы, она ничего ему не сказала... а это была их последняя встреча.

— Господин Ретиф, — заговорила она через некоторое время, — признаюсь, ваше посещение доставило мне удовольствие. Прежде я опасалась свидания с вами, а теперь вижу, что оно совершилось по воле провидения. Так, вероятно, должно было быть. Сейчас я вернусь домой и буду ждать вас к ужину с господином Молэ и с семьей моей сестры. Если у вас есть дела, займитесь ими теперь. Прощаюсь с вами до вечера. Мой муж уже расположен к вам и будет рад с вами познакомиться короче... Те, кого я уважаю, должны вас любить. Я покидаю вас.

Роза тотчас вышла с детьми и уехала в наемной карете.

Эдмон был в восторге. Расставшись со своими друзьями, он отправился в город по делам.

Закончив их, Эдмон заглянул на минуту в гости-

ницу. Там ему вручили письмо, принесенное еще днем рассыльным. Ему сообщали об огромном несчастье: часть деревни Саси была уничтожена пожаром. Никаких подробностей не приводили. Бедствие произошло после уборки урожая: крестьяне были разорены! Эдмон пришел в ужас при этой мысли, им овладела тревога. Письмо прислал его работник Жермен. Этот преданный слуга был малограмотным, и ничего толком описать не мог. «Что с моими детьми?» — мелькнуло в голове Эдмона. Он побежал к торговцу, сразу сговорился с ним о продаже вина и в тот же вечер отправился домой. По дороге, в Понтьерри, он вспомнил об ужине и написал записку с извинениями. Ее получили на следующий день. Тут улеглась тревога, вызванная его исчезновением: о нем посылали справиться на винную биржу, но ничего там не узнали. Наконец стало известно, что Эдмон выехал, получив известие об ужасном пожаре. Его письмо дополнило эти отрывочные сведения. Так расстался он с добродетельной Розой Помбелен и любезной Эжени... навсегда!

Почтенные женщины! Вас больше нет на свете, но дети Эдма Ретифа будут всю жизнь испытывать к вам благоговение и любовь, чтить вас наравне со своими матерями... В конце этой

книги я вернусь к их семьям и расскажу о замечательном случае, произошедшем в 1765 году, через год после смерти отца.

Приехав в Саси, Эдм узнал, что три четверти его односельчан вконец разорены. Но его дом уцелел благодаря расторопности Жермена; спасла его и устроенная особым образом крыша. Эдмон еще не был тогда судьей, но сделал все, что было в его силах, дабы помочь своим несчастным односельчанам. Добродетельный священник, отец Пандеван, предшественник Антуана Фудриа, бывшего в то время викарным, откладывая деньги, накопил изрядную сумму, предназначенную в приданое его племянницам, сам он жил на самые скромные средства, тратя не более ста экю в год. Тронутый несчастьем своих прихожан, он решил великодушно пожертвовать своими сбережениями: всю зиму кормил погорельцев и помог кое-как восстановить сгоревшие дома. Год спустя он умер, не взяв расписок со своих должников. Свидетели его щедрости — преподобный Антуан Фудриа и Эдм Ретиф подождали, покамест крестьяне немного оправились после пожара, затем новый священник обратился к ним в церкви с кафедры с пламенным словом, призывая их сложиться и вернуть долг наслед-

ницам Пандевана, у которых не было никаких средств. Отец Антуан первый подал пример, хотя сам ничего не был должен своему предшественнику; так же поступил и Эдм Ретиф; и вышло так, что не пострадавшие от пожара внесли больше, чем пользовавшиеся помощью отца Пандевана. Наследницам была возвращена вся сумма с процентами; их благодарило все село, единодушно восхваляя их покойного дядю.

[Глава IX]

На следующий год кто-то оклеветал отца Антуана перед почтенным прелатом Шарлем Габриэлем де Келюсом{152}, оссерским епископом, который был, совместно с капитулом Мальтийского ордена, сеньором Саси. Эдм пригласил к себе односельчан и стал их спрашивать: есть ли у кого жалобы на священника? Получив от всех отрицательный ответ, он предложил составить депутацию из двенадцати лиц, чтобы вступиться за близко знакомого им священника перед епископом. Эдм сам возглавил депутацию и выступил от ее имени перед прелатом. Речь отца

{152} Комментарии: 2.152
Монсиньор де Келюс (1669—1754) — епископ, богослов.

так тому понравилась, что он принял его в частной аудиенции, а остальных депутатов угостили обедом в трапезной. Епископ беседовал с Эдмом больше двух часов. Прелат расспрашивал его о состоянии прихода, о нравственности жителей, интересовался всем, что неизбежно заботит человека, почитающего себя отцом паствы. Ответы пришлись ему по душе, и он предложил отцу навещать его всякий раз, когда тот будет по делам в городе. Внимание этого выдающегося человека польстило отцу гораздо больше, чем его сан, и он впоследствии не раз бывал у епископа. Поближе познакомившись с моим отцом, монсиньор де Келюс, сей достойнейший прелат, уже наслышанный о нем, весьма любезно сказал ему: «Господин Ретиф, если бы я вас знал раньше, одного вашего свидетельства было бы достаточно, чтобы оправдать господина Фудриа в моих глазах. Я хочу быть вам полезен — располагайте мной: охотно буду вашим духовным отцом и вашим другом в миру. Прошу вас в этом удостовериться».

Подобные слова в устах такого человека, как монсиньор де Келюс, представляются мне вдвойне ценными. Я привожу их здесь еще и потому, что его дружественное расположение к отцу распространилось и на моего старшего

брата. Епископ проявил живейшее участие к этому молодому человеку, и когда тот поступил в семинарию, предложил отцу оплачивать его содержание. Однако Эдм Ретиф, когда-то отклонивший подобное предложение тестя, и тут не захотел принять помощь от покровителя бедняков всей епархии. Отец ответил, что, благодарение богу, он в состоянии оплачивать пансион сына и не считает возможным воспользоваться тем, что принадлежит обездоленным. Это еще повысило отца и моего брата в глазах монсиньора де Келюса; он понял, что отказ вызван состраданием к бедным. Всем было известно, что доходы монсиньора от епархии составляли от шестидесяти до семидесяти тысяч ливров в год, между тем как ежегодно он тратил на нее более восьмидесяти тысяч. И все же монсиньор де Келюс умер, не оставив долгов: распродажа имущества после его смерти их покрыла.

Эдм Ретиф был весьма польщен дружбой епископа, но это не мешало ему завязывать добрые отношения и с другими почтенными людьми. Так, он был в дружбе с прокурорами монастыря

иезуитов {153} в Оссере: с отцом Скрибо и отцом Годо. Они советовались с ним по делам фермы ордена, находящейся на землях Саси, и были ему всегда признательны за бескорыстные указания. Им случалось расходиться во мнениях, но споры велись всегда в учтивой форме, и не могли повредить их дружбе. Отец Скрибо не раз ему говорил: «Вам, с вашей деликатностью, дозволительно придерживаться любого мнения. Я настаиваю на этом слове — любого!» Этот иезуит был примерным человеком, обладал добрым сердцем и оказывал услуги всем, кому только мог помочь; невозможность выполнить чью-нибудь просьбу так его огорчала, что отказ никого не обижал.

Отца Годо, человека вполне достойного, все же меньше любили: в этом было повинно его воспитание. Он был дворянином и привык с детства к высокому положению. Все же у отца и с ним сложились самые короткие отношения, и когда он нас навещал, это было для всех праздником.

Горячие люди иногда упрекали отца за дружбу с иезуитами. Вместо ответа Эдм Ретиф приглашал тех, кто его порицал, присутствовать при их

{153} Комментарии: 2.153

... с *прокурорами монастыря иезуитов.* — Прокурором называлось духовное лицо, ведавшее мирскими делами религиозного ордена или монастыря.

встречах, и они убеждались, что в них нет ничего предосудительного. Отца одобрял и епископ; он знал о его дружбе с иезуитами и как-то сказал ему, что так и надо жить в мире со всеми людьми, и кое-кому следовало бы брать с него пример: от этого выиграли бы они сами, да и все вокруг[153].

В 1727 году скончалась Анна Симон, достойнейшая из матерей. Почувствовав приближение конца, она попросила сына предупредить своих дочерей. Старшая была замужем в Эгремоне, две младшие — в Нитри. Это известие их сильно огорчило, особенно Мадлену, которая была любимой сестрой Эдма, ибо они были схожи характером. Когда все собрались, Анна велела сыну и Мадлене встать по одну сторону ее кровати, а Катрине и Мари по другую.

— Милые дети, — начала она, — скоро я последую за вашим отцом. Верю, что обрету его счастливым на лоне господнем и дам ему отчет о поведении его детей. Да благословит вас бог, любезная старшая дочь, вас и ваших детей. У вас одни дочери; сделайте из них добрых и кротких, а также трудолюбивых женщин. Им больше ничего не надобно: кротость и труд — все, что требуется

[153] Примечания: 1.153

Монсиньор де Келюс отличался большой терпимостью; к сожалению, далеко не все, кого он удостоил доверия, походили на него.

в нашем деревенском хозяйстве. Подавайте им пример, особенно теперь, когда они подрастают. Обещаешь ли ты мне, милая Катрина?

— Да, дорогая матушка.

— Будь уступчивой, дочь, чтобы твои, пусть даже ничтожные ссоры с мужем, не потревожили мой прах.

Вам, Мадлена, да пошлет бог детей! Я так довольна своими, что желаю иметь их всем, кого люблю, особенно тем, кому я дала жизнь. После моей смерти утешай брата, будь ему второй Анной Симон, матерью, которую он так любил! Люби сестер, а если бог не пошлет тебе детей, пусть их дети станут твоими. Если не суждено, чтобы тебя называли «милая матушка», пусть говорят тебе «дорогая тетушка»... Бог да благословит тебя, дочь моя!

Вы самая младшая, бедная моя Мари. Советую вам быть серьезнее, оставить всякую ветреность. Вы очень порывисты: это не недостаток, но достоинство, при умении владеть собой. Смотрите, уважайте старших сестер. Вы должны относиться к Мадлене, с которой живете в одной деревне, как к моей заместительнице. Обещайте следовать ее советам после моей смерти.

— Обещаю, милая матушка.

— Любезная дочь, твой муж имеет основания на тебя жаловаться; он хороший добрый человек, твой сын славный мальчик и уже теперь, в младенчестве, обнаруживает задатки превосходного характера. Поощряй его добрые наклонности, дочка. Сын для матери — второй муж, притом муж почтительный. Взгляните на брата. (Да благословит его бог во веки веков, аминь!) Он был опорой и утешением моей старости. Он закроет мне глаза и будет меня оплакивать столь искренне, как любил меня. Он положит меня в могилу со своим достойным отцом, моим почтенным супругом, и мы соединимся навеки, как были соединены в его сердце.

Любезные дочери! Вот ваш достойный брат. Не почетно ли для вас быть его сестрами? Все его поступки, все его слова с тех пор, как он вошел в разум, служат к нашей пользе и к нашей чести! Нежно любите его и уважайте: он замещает вам отца. Вы знаете, как благородно Эдмон поступил со мной: он не прикоснулся к своему наследству, предоставив мне пользоваться им пожизненно. Всем, что у него есть, он обязан трудам своих рук: лучший из сыновей до сего дня не имел ни гроша за душой. Это всегда меня огорчало, и мне хотелось бы, чтобы он взял свою долю. Но все же

моя бедная душа радовалась, и я говорила себе: «На том свете я поведаю Пьеру, как поступил с матерью его почтительный и преданный сын, и тем еще увеличу его блаженство». Эта мысль так утешительна, и смерть становится мне отрадной: это праздник для меня — я покидаю детей лишь для того, чтобы соединиться с их отцом...

— О, конечно, смерть должна быть для вас праздником! — воскликнул Эдмон, задыхаясь от рыданий. — Из вашего сердца исходили лишь добрые мысли и великодушные желания, ваши руки творили лишь добрые дела. Но вот мы остаемся сиротами, лишаемся заботливой матери, потеряв славу свою и венец в лице нашего отца! Как же нам не плакать, — добавил он горестно, видя слезы сестер, — больше никогда не скажем мы: «мой отец, моя мать»; эти самые дорогие слова отныне не для нас...

— Послушай меня, сын мой, — прервала его Анна Симон, ласково улыбаясь, как если б она была здоровой, — вы будете говорить: «мои дети, моя дочь, мой сын», — эти слова не менее сладостны. Благословим всевышнего, ибо близок мой час, и мне посылается прекрасная кончина. Я желаю всем вам такого же конца, как мой, любезные дети мои.

Спустя несколько дней она скончалась. Тело ее дети несли вчетвером всю дорогу от Саси до Нитри три четверти льё. Они захотели исполнить свой долг перед матерью и никому не позволили разделить с ними драгоценную ношу, им помогали одни внуки, которые шли в белой одежде, символизировавшей их чистоту.

Я не упускаю ни одной черты, отражающей подлинную сыновнюю любовь, от которой в городах осталась одна видимость. Эти простые обычаи, столь согласные с нравами древних, ближе к истинной невинности и добрым правилам, чем принято думать. Возможно, что нынешняя развращенность вызвана забвением древних обычаев, или, вернее, наши старинные обычаи исчезли из-за нашей развращенности.

В конце 1728 года Эдм Ретиф узнал о смерти Розы Помбелен. Он сказал по этому случаю: «Я еще молод, но уподобился папаше Брадаржану», намекая на приведенный выше рассказ этого старца. Эдм облекся в траур и не снимал его два года в память отца и дочери.

[Глава X]

В 1729 году Эдм Ретиф сделался доверенным лицом всех трех сеньоров прихода и управлял их владениями от их имени. Дел у него прибавилось, дети были еще малолетними (старший сын только что поступил в семинарию), — и все это заставило его вторично жениться.

Прежде чем рассказать об этой поре, следует познакомить вас со второй женой Эдма Ретифа. Как всегда бывает, ее невзлюбили дети от первого брака; в деревне, где она была чужой, у нее также не было доброжелателей. Она мне мать, но говоря о ней со всею почтительностью, к какой обязывает меня это священное звание, я буду, тем не менее, совершенно беспристрастным. К счастью, чтобы воздать ей должное, достаточно рассказать правдиво о главных событиях, сопровождавших свадьбу, и описать ее дальнейшее поведение.

Барб Ферлэ де Бертро родилась в 1713 году в Акколе, небольшом поселке, расположенном при слиянии Ионны с Кюрой. Ее отец, Никола Ферлэ принадлежал к знатной семье, это был превосходный человек; благодаря безукоризненной честности, мягкости характера и набожности, он

пользовался любовью всего прихода. Его супруга, моя бабка, рано умерла и дед женился вторично, на хорошей женщине, относившейся к двум его дочерям как к родным детям.

Моя мать была младшей; хорошенькая, белокурая, она отличалась живостью, даже бойкостью, от которой ее не сумели избавить. Ее баловали все в доме: отец обожал ее, восхищался ею и прощал ей все. Мачеха, еще более снисходительная, была с ней чрезвычайно нежна и любовалась даже недостатками своей милой Биби. Таким образом, в доме властвовала юная особа, меж тем как старшая дочь, обладавшая здравым смыслом и положительным характером, почти не пользовалась авторитетом. Бедняжке Биби впоследствии суждено было дорого поплатиться за своеволие юных дней.

Ее опрометчивостью было вызвано происшествие, нанесшее удар ее безоблачному счастью. Веселый и приветливый нрав Биби снискал ей любовь подруг; девушки собирались у нее по вечерам и были всегда желанными гостьями в доме, где приветствовали все, исходящее от Биби. Отец радовался, глядя на молодежь, царило беззаботное веселье, а его дочка была предметом всеобщего восхищения. Как-то осенним вечером

засиделись допоздна; натрепали целую гору конопли, пересказали множество забавных сказок; Биби клонило ко сну, и она не позволила вынести костру и убрать комнату. Ее сестру не стали слушать, и легли спать. Едва все уснули, как из груды костры вырвался язык пламени, и тотчас же загорелся весь дом. Никола Ферлэ и его семья спаслись чудом, выскочив наружу в одних рубашках. Этот пожар нанес значительный ущерб благосостоянию семьи, и в дальнейшем она так и не оправилась. Дом сгорел вместе с прекрасной старинной мебелью, одеждой, бельем, купчими, серебром. Господин Ферлэ был так потрясен, что ничего не сумел спасти, не сберег и остатков состояния. Чтобы выстроить новый дом, он заложил земли и вошел в долги.

Но отца и его супругу больше всего огорчало (как они потом признавались), что пожар произошел по вине их любимицы Биби, да и она была неутешной.

Беды и неудачи на этом не кончились. Госпожа Пандеван, принадлежавшая к роду Бертро и обладавшая крупным состоянием, обожала Биби и попросила обедневших родителей отдать ей их дочь. Поплакали, погоревали, но интересы дорогой девочки требовали, чтобы с ней расста-

лись. Биби отпустили, и она переехала к этой родственнице в Оссер, а затем последовала за ней в Париж, где прожила два года.

В этом городе Биби, благодаря своей наружности и характеру, была окружена поклонниками. Все, кто с ней знакомился, в нее влюблялись; не склонная к увлечениям, она смеялась над воздыхателями, а если кому и уделяла внимание, то лишь в расчете на высокое положение, какое мог бы ей доставить брак с ним[154].

В числе ее кавалеров оказался мужчина лет сорока пяти, представительной наружности, обладавший независимым состоянием, приятный в обхождении и принадлежавший к почетной семье. Внезапно он предложил Биби руку и сердце. Он пришелся по вкусу Биби, мечтавшей о богатстве, и она попросила его поговорить с госпожой Пандеван. Оценив преимущества, какие подобная партия сулила ее воспитаннице, та дала согласие. Через неделю справили свадьбу, и молодожены тотчас же отправились жить в деревню. У Биби, сделавшейся мадам Бужа, ро-

[154] Примечания: 1.154

Лишь один человек заставил забиться ее сердце, но он никогда об этом не узнал. Звали его Шамбоннэ, он принадлежал к старой дворянской семье, состоящей в родстве с моей матерью и насчитывающей несколько рыцарей тамплиеров. Однако в настоящее время род этот так обеднел, что один из Шамбоннэ в 1754 году работал красильщиком в Оссере.

дился сын, которого муж поместил к кормилице в Пуррен, в десяти льё от их усадьбы, хотя можно было найти кормилицу по соседству.

Однажды, когда господин Бужа спозаранок уехал, как он говорил, проведать сына, к его жене явилась дама лет пятидесяти, почтенного вида, лицо ее дышало добротой. Она хотела видеть господина Бужа.

— Он в отъезде, сударыня. — Далеко ли он уехал, мадемуазель? — За десять льё, сударыня, он поехал навестить нашего сына, который находится у кормилицы. — Когда он вернется? — Обычно он отсутствует несколько дней, из-за разных дел, которыми ему приходится там заниматься.

— Давно ли вы замужем? — Полтора года, сударыня. — Как вы познакомились с господином Бужа?

— У моей родственницы госпожи Пандеван, — она устроила наш брак. — А! Так вы вышли за него замуж с ведома родных... это меняет дело. — Как меняет? Простите, сударыня, но я полагаю, что это решительно ничего не меняет. — И у вас есть сын? — Да, сударыня. Ах, какой он прелестный! Я видела его только раз, но горю желанием снова его увидеть!

Дама глубоко вздохнула.

— Простите меня, ради бога, сударыня! Я не предложила вам кресло... Вы знаете моего мужа? — Очень хорошо, смею вас уверить.

— Это мне приятно; он обаятельный человек, и я к нему очень привязана. Господин Бужа так внимателен...

Дама снова вздохнула, и на глазах ее блеснули слезы.

— Охотно вам верю, сударыня, вы молоды, прелестны, подарили ему сына... — Если бы вы знали, как он его любит! Он души в нем не чает, говорит лишь о нем! — Я верю вам, сударыня... Скажите, задолго ли до свадьбы вы познакомились с господином Бужа? — За неделю. — В каком приходе Парижа вы венчались? — Сент-Эсташ. Не угодно ли вам подкрепиться, сударыня? — Благодарю вас, сударыня, но меня ждут.

— Вы не одни? Тем лучше, вы не уедете, не оказав мне чести. — Это невозможно.

Во время разговора Биби шепнула на ухо служанке; та вышла к спутникам гостьи, дожидавшимся ее в карете у подъезда, и пригласила их зайти в дом. То были родственники незнакомки. Войдя, они как-то странно взглянули на Биби, здороваясь с ней, назвали ее мадемуазель, однако она ничего не заподозрила. Да и что могла она за-

подозрить? Могла ли она себе представить, какое несчастье нависло над ее головой. К тому же при своем легкомыслии она ничего не замечала и не придавала значения тому, как на нее смотрят.

Гостья долго перешептывалась с тремя мужчинами, очевидно, передавая им то, что услыхала от хозяйки. Это было не слишком вежливо, но Биби в это время отлучилась, хлопоча об угощении. Таков обычай в деревне, где все еще не забыто пресловутое старинное гостеприимство, ибо оно там совершенно необходимо. Зато в Париже, хоть и восхищаются им, считают, что давно миновали времена хлебосольства.

Посоветовавшись между собой, дама и ее спутники вышли, ничего не объяснив Биби.

Оставшись одна, Биби задумалась: посещение показалось ей крайне загадочным. От служанки она узнала, что, садясь в карету, все четверо говорили с большим жаром и дама сказала: «Я убедилась в ее искренности. Зачем мне было ей все открывать? Оставим все как есть, милые кузены... ради бога, замнем это дело!»

Эти разговоры не на шутку встревожили несчастную Биби. Не зная за собой никакой вины, она старалась успокоиться и с нетерпением ждала возвращения мужа.

Он должен был отлучиться на неделю, но вернулся на следующий день в обеденное время. Вошел он со смущенным видом. Но догадавшись по виду жены, что ей ничего не известно, он ободрился.

— Дорогая, — обратился он к ней, — срочное дело требует моего присутствия в Париже. Собирайтесь, — завтра мы уезжаем. Я буду также готовиться к отъезду.

Укладывая вещи, Биби рассказала мужу о загадочном посещении. По описанию наружности гостьи, он узнал, что то была его жена: ибо господин Бужа был женат! Он увидел Биби в Оссере, когда еще не был ей представлен, и без памяти в нее влюбился; последовав за ней в Париж, он присвоил себе имя своего родственника, давно скончавшегося в Новом Свете, женился на Биби и увез ее в Саси, полагая, что в стороне от больших дорог обретет надежный приют и все же сможет заниматься своими делами. Здесь знали его настоящее имя, неизвестное в Оссере и его окрестностях. Первая супруга господина Бужа была старше его и вдобавок не могла иметь детей, а ему страстно хотелось иметь ребенка; он давно к ней охладел, а тут в его сердце вспыхнула любовь, всепоглощающая страсть, способная погубить

человека, если он недостаточно тверд на стезе добродетели.

Итак, супруги Бужа готовились к отъезду в Париж. Но когда все в доме улеглись, в ночной тишине раздался громкий стук в дверь. Слуга пошел отпирать, не дожидаясь приказания хозяина, а тот, проснувшись, соскочил с постели и вооружился двумя пистолетами. Едва отворили дверь, как вошла его первая супруга с тремя родственниками. Господин Бужа был уничтожен. Мужчины стали гневно упрекать его и угрожать наказанием. Супруга плакала. Злосчастная Биби, увидав, в какой бездне она очутилась, впала в отчаяние. Все ее надежды рухнули. Она вышла замуж из честолюбивых побуждений, нежные чувства не имели власти над ее сердцем... Судите же о ее переживаниях! Полураздетая, она бросилась к ногам плачущей дамы.

— Я не виновата ни перед кем, — воскликнула она, — даже перед богом, но чувствую свою вину перед вами. Простите мне невольное зло, какое я вам причинила, и поверьте, что я отнюдь не преступница! Я не прошу оставить мне вашего мужа, но хочу лишь спасти свою честь! Только бы меня вместе с ним не таскали по судам! Только бы там не произносили мое имя! Мой бедный отец этого

не перенесет, — он умрет с горя. Сжальтесь же над его сединами и... над моей молодостью!

Дама подняла ее и поцеловала. Слезы Биби возымели такую силу — чего не сделает красота! — что умерили гнев кузенов. Утихла брань, последовали сетования, потом приступили к переговорам. Супруга господина Бужа полюбила свою соперницу и, узнав ее короче, приняла к себе и стала для нее как бы матерью. Их связывала самая искренняя дружба, и если бы только это было возможно, она признала бы брак законным. Ее расположение к Биби еще усилилось, когда она увидела младенца. Она приняла на себя заботы о нем, своим великодушием уподобляясь королеве Елизавете Португальской{154}, которая нянчила детей любовниц своего мужа-короля. Постыдный брак был сохранен в тайне. Биби, злосчастная Биби, вверила свою судьбу госпоже Бужа и жила с ней как с матерью. Все держали в тайне, и господин Ферлэ ни о чем не узнал. Читатель догадывается, что господину Бужа было запрещено показываться на глаза и своей законной супруге, и той, которую он обманул.

Мадам Бужа скончалась два года спустя. Она

{154} Комментарии: 2.154

Елизавета Португальская — жена Альфонса V, короля Португалии (XV век).

завещала Биби и ее сыну все свое состояние, даже недвижимость, доказав, сколь искренне была к ней привязана. Овдовев, господин Бужа сделал Биби предложение через посредство госпожи Пандеван, к которой она переехала с сыном. Та посоветовала своей воспитаннице принять предложение и не встретила возражений. Биби вторично обвенчалась с господином Бужа и счастливо прожила с ним (он ее обожал) до его смерти, приключившейся в 1732 году.

Едва он закрыл глаза, как алчные побочные наследники вознамерились открыть тайну рождения молодого Бужа. Его растерянную, перепуганную мать хотели выставить в роли незаконной сожительницы... Я описал бы все эти мерзости, будь я сыном другой женщины...

Госпожа Бужа решила поведать свое горе священнику и обратилась к отцу Антуану Фудриа; но тот был еще молод и побоялся общения с молодой привлекательной женщиной: он пожелал, чтобы Эдм Ретиф присутствовал на их собеседованиях. Молодая дама поведала свою историю, представив в доказательство своей правдивости письма первой жены господина Бужа, членов семьи ее мужа, относившихся к ней сочувственно, особенно же одной родственницы, проживавшей в

Шитри. Священник и наместник сеньора (Эдм Ретиф тогда занимал эту должность) прониклись к ней глубоким сочувствием и стали всемерно ей помогать.

Однако наследники, с которыми Биби при жизни обожавшего ее супруга обходилась свысока, продолжали преследовать молодую и красивую вдову. Они противодействовали всем стараниям священника избежать огласки. Однажды, в отчаянии от их упорства, он сказал Эдму, взяв его за руку:

— Друг мой, мы относимся к ней как к сестре; эти люди способны свести ее в могилу. Вы вдовец, женитесь на ней, и к вам перейдут все ее права. Так мы остановим этих несчастных, их удержит уважение, которым вы пользуетесь. Ваша безупречная репутация заставит умолкнуть оскорбительные слухи: Вы спасете ее честь, а сами получите приятную супругу, которая составит ваше счастье. Вы слишком молоды для безбрачной жизни: сие бремя непосильно для мужчины скромного поведения, который не растратил свои силы, предаваясь всяким излишествам. Таков мой совет, более того, моя просьба... с которой обращается к вам человек, глубоко вам преданный... Я распоряжаюсь вашей судьбой, —

обратился он к молодой вдове, — однако хлопочу о столь достойном человеке, что не сомневаюсь в вашем согласии.

Больше всех был смущен Эдмон. Он видел перед собой плачущую, доведенную до отчаяния, красивую молодую женщину, которую мог оградить от ужасных неприятностей. Сочувствие имеет большую власть над благородными сердцами; отец Фудриа продолжал настаивать; Эдм не отказался, но попросил дать ему время на размышление.

— Даю вам двадцать четыре часа, — сказал кюре, ибо эта отсрочка ничему не повредит. В воскресенье — первое оглашение, а от двух других я вас освобождаю{155}. Обвенчаны будете в четыре часа утра в ближайший день.

Слова кюре повергли Эдмона в глубокое раздумье. Семеро детей! Впрочем, это обстоятельство должно было отпугнуть не его, а молодую женщину. В порыве великодушия он решил от нее отказаться, а потом всеми силами ей помогать. Эдм поделился этими соображениями со своим тестем. Тома Донден взвился на дыбы, услыхав о предполагаемом браке зятя. Придя в ярость, он на следующий же день велел составить опись

{155} Комментарии: 2.155

...от двух других я вас освобождаю... — По закону оглашение о предстоящем браке должно было совершаться трижды.

своего имущества в пользу внуков. Эта мера не остановила Эдма Ретифа; напротив, видя, что дети обеспечены, сообразив, что его состояние и состояние детей лишь преумножатся благодаря браку с женщиной, располагающей независимыми средствами, он отправился к кюре, уже склоняясь в пользу женитьбы.

Отец Антуан стал горячо его убеждать и не отпустил, пока он не дал согласия. Тут же был составлен брачный договор... и свадьба состоялась в срок, назначенный преподобным Антуаном Фудриа.

Как и предвидел священник, брак имел благодетельные последствия: смолкла стоустая молва, наследники сделались уступчивее, дело обошлось без судебного процесса, и все было улажено у нотариуса.

Женившись, Эдм вскоре почувствовал, что поступил правильно. В доме царил неописуемый беспорядок: никто не присматривал за бельем, не заботился о столе, хозяйство было запущено. После смерти матери Эдмон позабыл не только об отрадах жизни, но даже об удобствах: отсутствие забот и ухода пагубно отражалось на его настроении и здоровье.

Покамест он занимался имущественными де-

лами, его новая супруга восстанавливала в доме порядок и налаживала обиход. Она решила, что будет руководить и падчерицами, хотя те были уже взрослыми и привыкли к самостоятельности; это ей не удалось, — сказались недостатки ее воспитания. Привыкнув встречать беспрекословное повиновение, она проявляла чрезмерную требовательность. Правда, и дочери стали вести себя по отношению к ней неподобающим образом. Однако Эдм не подозревал об этих домашних неладах. Едва он появлялся, жена принимала веселый вид и почти никогда ему не жаловалась. О том, что происходило в семье, он узнал от постороннего человека. Это произошло уже после моего рождения: я был первым плодом второго брака отца. За мной последовали почти без перерыва другие дети, и к 1745 году Эдм Ретиф стал отцом четырнадцати живых детей, восьми девочек и шести мальчиков. Когда дома находился молодой Бужа, всех детей оказывалось пятнадцать, причем все называли родителей: «батюшка, матушка». Любопытно, что от обоих браков родилось поровну детей, только от первого были два мальчика, от второго — четыре.

Младшая сестра отца Мари провела у нас несколько дней. Первое время при ней все сдер-

живались, но уже на третий день старшие дочери дали волю своей неприязни. Тетка стала свидетельницей ссоры, причем оказались неправыми ее племянницы, и она заступилась за невестку. Однако ей не удалось восстановить мир. Девушки проливали слезы, жаловались, что они заброшены с тех пор, как эта прекрасная дама похитила у них сердце отца. Подобные сцены повторились и в следующие дни. Видя, что мачеха и падчерицы не могут ужиться и только мучают друг друга, тетка решила поговорить с братом.

— Происходит то, что я предвидел, — ответил он. — Я слишком рано стал радоваться, что мои опасения не сбылись. Но я знаю, как помочь делу. Все зло от старших дочерей. У меня просили руки старшей; я колебался, хоть партия выгодная. Теперь я ее отдам. Вторая хочет поступить в учение в город, — пускай едет. Мой тесть Донден просит, чтобы ему отдали третью, и это будет сделано. Четвертая уже у него. Дома я оставлю только пятую, младшую; она кроткого нрава и еще совсем юная. Не знаю, перетянули ли они на свою сторону моих сыновей. Во всяком случае старший, несмотря на свою молодость, уже обрел свое призвание и учится в семинарии. Младший вскоре за ним последует. Впрочем, у него чудес-

ный характер, и мне нечего его опасаться. Таким образом, все устраивается естественным путем. Поверьте, сестра, будь я в других обстоятельствах, я заговорил бы как отец и господин и призвал бы к порядку этот юный народец! Они злоупотребляют моей добротой. Скажите им, что если бы Пьер Ретиф был жив (да упокоит господь его душу!), и узнал, как они себя ведут, он пришел бы сюда и нагнал бы на них страху! Он не допускал, чтобы девушки до замужества проявляли свои чувства, имели собственное мнение, говорили «да, нет!»[155]. Передайте им все это и скажите, что я буду с ними говорить в духе моего отца; прошу вас, сестра, предупредите их... Потакать их раздражительности значило бы оказать им дурную услугу. Мои дети мне чересчур дороги, и я не потерплю их недостатков.

Слова отца были в точности переданы молодым девицам и повергли их в трепет. Однако Эдм Ретиф привел в исполнение свой план, и мир был восстановлен навсегда.

---

[155] Примечания: 1.155

Я часто слышал от моей тетки Мадлены, что когда она и ее сестра были девицами, они не отвечали иначе, как: «мне кажется, казалось бы, если можно»; за более решительные выражения отец тотчас же строго бы их наказал. Подобное воспитание представляется мне разумным, во всяком случае, если судить по тому, как обстояло дело в моей семье. Нет на свете более возмутительного существа, чем самоуверенная девица: это сущее чудовище.

На другой день после разговора с сестрой отец велел собрать всю семью и, обращаясь по очереди к каждой из дочерей, сказал следующее:

— Только вчера мне стало известно, что в моем доме царят постыдные раздоры и непослушание так далеко зашло, что попирается авторитет старших. Если бы я вздумал назначить своей наместницей дочь нищего или служанку и передать ей свою власть, я потребовал бы беспрекословного исполнения ее приказаний и не потерпел бы возражений или неуважения. Но речь идет о моей супруге: сопротивляются моей половине, осмеливаются опорочивать мой выбор! И кто же? Девушки, чей удел лишь скромность и подчинение! Вы заслуживаете, чтобы я тут же проучил вас, бесстыдницы, забывшие свое место! Но меня еще удерживают просьбы той, кого вы имели низость оскорблять... Вы, Анна, позорите имя вашей бабки (да упокоит ее господь!), которое носите... У вас, Мари, привлекательное лицо, как бы свидетельствующее о нежном и любящем сердце, между тем, вы проявляете злобу! Берегитесь, как бы я не обошелся с вами сурово; вы злобны не от природы, но потому, что распускаетесь. Вам, Марианна, я простил бы ваше легкомыслие, если бы вы, по своей опрометчивости, не переступали

границ. И все же, будучи самой вспыльчивой, вы не зашли так далеко, как ваши сестры. Печален удел отца, который вынужден хвалить одну из дочерей за то, что она не так провинилась, как ее сестры! А вы, Мадлона, носите имя тетки (да благословит и сохранит ее бог!), но ни в чем ей не подражаете. Хоть вы и живете у своего деда, я потребовал, чтобы вы выслушали мои справедливые упреки, ибо до меня дошло, что вы при посторонних позволяете себе слова, оскорбительные для спутницы жизни вашего отца; это низко, и я никогда не думал, что мои дети способны на такую подлость! Итак, — страшно сказать! — у меня не дети, а наставники, строгие судьи! Сколь превратно истолковывают они мое поведение; и если они не смеют открыто меня порицать, то что помышляют они обо мне? Надеюсь, мои сыновья не присоединились к этому отвратительному бунту... Но если бы это было так, и я об этом узнал, на них обрушилось бы негодование оскорбленного отца, я так бы их покарал, что вы, негодницы, пришли бы в ужас. Пусть я услышу хоть слово... Раз вы хотите вместо нежного отца, каким я всегда был для вас, иметь господина... вы его получите! Жалкие дуры! Будь на моем месте Пьер Ретиф (да помилует его бог!), что бы с вами

стало? Спросите вашу тетку, — она здесь... Но при подобном отце вы не вели бы себя так дурно... Я всякий день благословляю его мудрость и восхищаюсь ею. Справедливая строгость необходима для вас, строптивиц, похожих на самых упрямых тварей: стоит их распустить, как они выходят из повиновения... На колени, все, сию же минуту, и просите прощения у моей супруги и у меня за свое вероломство! Не вынуждайте меня повторять...

У отца был столь грозный вид, что все четыре ослушницы упали на колени; тетка стала им подсказывать, как просить прощения. Но едва она заговорила, как мачеха, отстранив мужа, подбежала к ним и стала поднимать и целовать.

Эдм Ретиф ничего не сказал дочерям о доброте, проявленной его супругой, он молча вышел, оставив дочерей с теткой и мачехой. Так разыгралась сия памятная сцена. Но Эдм Ретиф достаточно знал свойства человеческой природы и не рассчитывал на длительный мир: он сразу же начал осуществлять план, о котором сообщил сестре. Целых два месяца все были заняты приготовлениями к свадьбе старшей дочери; затем стали снаряжать вторую дочь, отправлявшуюся в Париж, и т. д.

Сыновья Эдма Ретифа готовились к духовной

карьере, и он не стал им выговаривать за то, что они, доверившись словам сестер, опрометчиво приняли их сторону. Он воздержался, уважая чистоту помыслов и чувств, подобающих служителям алтаря; в беседе с ними ему пришлось бы сказать о необходимости брака, поведать о супружеских обязанностях, о любви, сливающей мужа и жену в единое существо, и о многом другом. Эдм Ретиф решил поговорить с ними об этом, когда они станут взрослыми мужчинами. Он полагал, что кюре способен разбираться в семейных делах и улаживать домашние ссоры, лишь когда знаком с интимными сторонами жизни, которые ему может открыть лишь добропорядочный женатый мужчина.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
[Глава XI]

[В оглавлении оригинала обозначена как глава X]

Здесь идет речь о домашней жизни моего отца и ее патриархальном укладе. Я поведаю об Эдме Ретифе как об отце семейства, как о судье, как о главе прихода, который, по своему устройству,

во многих отношениях походит на республики древних.

Леонар Донден, племянник Тома, простой крестьянин, никогда не слыхавший не только о Цезаре, но и о римлянах, говаривал: «Лучше быть первым в Водюпюи[156]{156}, чем последним в Париже». Первый человек в местечке всегда лицо уважаемое, и презирать его могут одни городские дурни да грубияны, лишенные нравственных устоев!

В маленьком приходе Саси имеется несколько общин, которые управляются как одна большая семья. Все дела решаются большинством голосов на собраниях, происходящих на площади по воскресеньям и в праздники, после мессы; народ созывают, звоня в колокол. На этих собраниях выбирают синдиков, чьи обязанности схожи с функциями консулов в древнем Риме, сборщиков податей, сторожей, охраняющих посевы и виноградники, наконец, общинных пастухов. На собраниях председательствует управляющий

---

[156] Примечания: 1.156

Название хуторка, примыкающего к Саси, на земле которого находятся наши леса.

{156} Комментарии: 2.156

Лучше быть первым в Водюпюи... — Леонар, сам того не сознавая, перефразирует слова, приписываемые Плутархом Юлию Цезарю: «Я предпочел бы быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

сеньора; сборщик податей подготовляет повестку собрания; каждому его участнику предоставлено право сообщать об известных ему злоупотреблениях или предлагать полезные меры. Все вопросы обсуждаются на месте; в важных случаях собрание направляет синдиков к уполномоченному фискального правления для утверждения принятого решения. На этих же собраниях отводят ежегодно участки для рубки в общественных лесах, распределяемые по жребию, его тянут все, кроме кюре, главы прихода, если он местный житель, и двух синдиков, которым отводят самые лесистые участки. Мой отец был последним судьей родом из Саси; после его смерти судьи и другие должностные лица назначались из числа жителей Вермантона, которых считают более просвещенными. Не могу не сожалеть об участи прихода, предоставленного посторонним чиновникам, заинтересованным в ссорах и тяжбах. Было бы куда целесообразнее отдавать эти должности местным крестьянам, которых почему-то считают неспособными их исполнять. Местному жителю лучше известны имущественные отношения односельчан, и посему любой спор или недоразумение можно разрешить до того, как будет подано в суд. Местный судья никогда не

станет разбирать пустую жалобу... Однако умолкаю; пусть эта критика предварит мой рассказ о том, как Эдм Ретиф исполнял обязанности судьи.

Он знал не только всю подноготную лиц, обращавшихся в суд, но и образ мыслей и подлинные их побуждения. Исходя из этого, он всегда старался помирить враждующие стороны. Для сего он не жалел усилий, но если ему это не удавалось, он давал делу ход, и строго следовал закону. Посторонние мотивы не влияли на него, он следил за тем, чтобы соблюдались законы и справедливость. Отец был судьей много лет, и за все это время ни разу не отменяли вынесенного им приговора, а если это изредка и случалось в судебном округе Оссера, то в парламенте решение отца неизменно утверждалось. Благодаря такому постоянному успеху он пользовался уважением и доверием односельчан и жителей соседних сел.

Как судья он не ведал жалости и сострадания; эти чувства он проявлял лишь как частное лицо. Некий молодой юрист, сын сборщика налогов, сделавшийся впоследствии известным адвокатом в королевском суде, выступая с речами, произносил их с необычайным пафосом, если дело давало к этому повод. Защищая как-то бедного крестьянина, у которого состоятельный буржуа

из Кревана отсуживал наследство, юрист так растрогал присутствующих, что даже судья не мог удержаться от слез. Тем не менее бедняк проиграл дело и должен был вдобавок заплатить протори. Богач представил полноценный документ, а у бедняка не было никаких бумаг — они сгорели во время пожара, о котором я рассказывал.

По окончании заседания мой отец пригласил приезжего буржуа к обеду. За столом были достойный отец Антуан Фудриа, сборщик налогов и потерпевший поражение молодой стряпчий. Эдм Ретиф в душе был уверен в правоте крестьянина. Он вызвал его к концу обеда, тот явился и стал просить отсрочить ему уплату проторей, составлявших незначительную сумму. Эта сцена так растрогала приезжего, что он отказался от причитающейся ему доли и выдал расписку. Бедняка отпустили.

Когда тот ушел, судья отвел гостя в сторону и попросил уделить ему время для частной беседы. Он высказал гостю свои сомнения в справедливости приговора. Доводы судьи были так убедительны, что истец заколебался; однако отсуженный им участок был ему очень нужен, и он уехал, не совершив акт справедливости. Кюре, судья и сборщик, посоветовавшись, решили сообща

приобрести на свои средства небольшой участок земли, смежный с полем проигравшего бедняка, и отдать ему, дабы вознаградить за потерю. Они тотчас же исполнили свое намерение, поскольку судья был одновременно и нотариусом, и послали за бедняком; ему предложили поставить подпись под купчей, не сообщив, кому он обязан щедрым подарком. Крестьянин заключил, что проституший ему протори и тут проявил великодушие. На следующий день он отправился в Креван поблагодарить буржуа и понес ему гостинец — немного дичи и домашней птицы. Пораженный этим, буржуа заявил, что не имеет никакого отношения к покупке участка, но догадался, кто вознаградил крестьянина за потерю. Он тотчас же написал своему арендатору в Саси, чтобы тот дал бедняку выбрать в его владениях участок, равноценный отнятому у него по суду, и закрепил его за ним. Распоряжение было исполнено, и крестьянин получил два поля вместо одного и сделался другом и любимцем своего бывшего обидчика, который впоследствии неизменно его поддерживал.

Всякому ясно, что в больших городах не может быть судей, которые бы так хорошо знали всех жителей. Но мы осмеливаемся просить сеньоров приходов предоставлять своим вассалам подоб-

ное преимущество; пусть будет меньше знаний, но больше честности, — это принесет огромную пользу при первичном разборе дел. Впрочем, судья и податной инспектор, проживая в своем приходе, осведомлены обо всем, и могут всегда предупредить злоупотребления или пресечь их в самом начале. Но продолжаю прерванное повествование.

Когда заседание кончилось, все стали поздравлять молодого оратора, его отец — податной инспектор — похвалил его, сказав, что он продолжает дело Эдма Ретифа. Тут он вспомнил одну защитительную речь моего отца, когда тот был адвокатом, а судьей его предшественник, мэтр Бужа.

Некая крестьянка подала в суд жалобу на своих детей, прося утвердить ее право пожизненно распоряжаться имуществом покойного мужа. Просьба была необоснованной, но Эдм Ретиф, желая повлиять на детей и растрогать их, подготовил речь об обязанностях детей в отношении матерей. Сам он был примерным сыном и относился к своей матери именно так, как истица хотела, чтобы относились к ней дети, посему он и говорил от всего сердца. Эдм Ретиф нарисовал трогательную картину: поведал о горячей любви

вдовы к ее двум сыновьям и дочери, о лишениях, которые она терпела, когда они были маленькими и ей пришлось, после смерти мужа, одной поднимать их. Она трудилась день и ночь, говорил он, всем известно, что она отказывала себе в самом необходимом, лишь бы дети ни в чем не нуждались. Публика плакала навзрыд, слушая его рассказ, и восхищалась поведением матери. Взволнованный и тронутый до глубины души судья воскликнул:

— Стойте, стойте, мэтр Ретиф, вы расставляете правосудию ловушку; природа и разум на стороне матери, но закон на стороне детей.

— Закон и есть природа и разум, — пылко отпарировал оратор, — и навлек на себя замечание судьи.

— Позвольте мне, господин судья, — продолжал Ретиф, — прежде чем вы вынесете решение, обратиться к детям. Не удастся ли мне тронуть их каменные сердца? Не разбужу ли я в них сочувствия к любвеобильной матери, согбенной под бременем лет! Она даровала вам жизнь: неужели вы, находясь в расцвете сил, откажете ей на пропитание? Она хочет лишь хлеба... если поданный вами ей кусок покажется слишком черствым, она размочит его слезами...

Подобные слова сильнее действуют на крестьян, чем могут себе представить горожане: все присутствующие плакали навзрыд, лишь у детей глаза оставались сухими.

— Вы выиграли иск, — продолжал Эдм, — вы торжествуете... над матерью: горестная и печальная победа! Во имя человечности, ради ваших собственных интересов, не злоупотребляйте победой, не доводите до отчаяния эту несчастную, которая вас так любит!.. — Взяв истицу за руку, он вывел ее вперед. — Что ей предпринять? Просить милостыню у вас? Да и подадите ли вы ей? — Видя, что и эти слова их не тронули, он воскликнул: — Злосчастная! Вы выносили в чреве тигров, а не людей, и ныне они вас терзают! Пойдемте со мной, я буду вам вместо сына... А вы, несчастные, трепещите! Трепещите, но не опасайтесь материнского проклятия... Ваша нежная мать чересчур добра и снисходительна, она и сейчас благословляет вас дрожащими устами... тем ужаснее будет ваша кара! Я вижу десницу, готовую покарать неблагодарных детей!

Последние слова он произнес с такой силой, что у присутствующих вырвался крик ужаса. Дрогнули, наконец, и ожесточенные сердца детей: они бросились обнимать мать и тут же на суде

отказались от своего иска, обещая и торжественно обязуясь перед согражданами предоставить матери спокойно и мирно пожизненно пользоваться отцовским имуществом.

Придя в себя после своего порыва, Эдм Ретиф извинился перед судьей и присутствующими, а также перед детьми за конец своей речи, который он признал чересчур драматическим. Но судья его обнял, зал рукоплескал и даже дети выразили ему благодарность.

Эдм подошел к судье и сказал ему вполголоса, в присутствии сборщика налогов, писца и других должностных лиц:

— Ваша милость, я умышленно взял на себя защиту дела, которое должен был проиграть. Посему я должен оплатить издержки и, в какой бы сумме они ни выразились, пришлите мне исполнительный лист; пусть эта несчастная семья никогда не узнает об этом. Так поступить я решил, еще когда эта бедная мать ко мне обратилась.

Вот что поведал сборщик налогов об этом великодушном поступке своего дяди. Кюре его похвалил, молодой адвокат радовался, что идет по стопам Эдма Ретифа, а тот проливал слезы умиления. Эта сцена напомнила ему о почтенном отце и доброй матери, о которых он и плакал.

— Дети мои, — сказал добрый Антуан Фудриа в тесном кружке друзей, — любите отца своего и матерь свою и вы обретете все добродетели. Вы полюбите бога и ближнего, а в этом весь закон, как сказал Христос. Любите и чтите своего отца, ибо он подает вам пример достойного поведения.

Я бегло осветил две стороны деятельности моего отца — в качестве главы прихода и судьи[157]; но как ни велико их значение в глазах доброго гражданина, они менее интересны и менее характерны, чем его поведение в качестве отца семейства. В этой роли Эдм Ретиф был, возможно, первым человеком своего времени. Да будет разрешено сыну, ставшему историографом своего отца, воздать ему сию хвалу. Все же я надеюсь, что

---

[157] Примечания: 1.157

Я опустил несколько случаев, касающихся разбирательства уголовных дел. Эдм Ретиф постоянно приводил следующее изречение: «Сколько людей оставались бы честными, если бы могли доказать, что всегда были такими». Он прекратил два уголовных дела; в первом случае речь шла о молодом крестьянине, чьи лошади убили человека; и таково было общее доверие к моему отцу, что виновник прибежал искать убежища в доме судьи, покамест тот улаживал дело с родителями пострадавшего. Во втором хотели обвинить бедную девушку, с ко торой случилось несчастье, давшее повод для опорочивающих ее слухов. Будь отец жив, я не осмелился бы открыть эту тайну, но он умер с отрадным сознанием, что ему удалось спасти полезного гражданина, который бы иначе развратился в тюрьме, и прекрасную мать семейства. Деревенские поборники справедливости имеют пристрастие к уголовным процессам и готовы затеять их по самому ничтожному поводу, думая этим придать себе весу. Приведу недавний пример.

Владелец виноградного пресса обнаружил в нем дыру, через которую убегало вино; напрасно пытался он ее заткнуть, она снова открывалась под давлением вина. Винодел умолчал об этом изъяне, чтобы не отвадить от своего пресса, и подставил посуду для вытекающего вина, которое он собирался потихоньку слить в жёлоб. Это приметил один грубый крестьянин и затеял уголовное дело, за которое с жаром взялись приезжие следователи. Мать подсудимого умерла с горя прежде чем сын ее мог доказать свою невиновность. Такой прискорбный случай никогда не имел бы места при Эдме Ретифе.

читатель, познакомившись с фактами, которые я намерен изложить, разделит мое преклонение перед ним, или, по крайней мере, извинит его и сочтет справедливым.

Любезные сограждане! Картина, которую я нарисую, отражает добродетель повседневную, непринужденную, приятную, являющуюся единственным основанием счастья в жизни сей и доброй славы после смерти.

Справившись с анархией, возникшей в его первой семье, Эдм Ретиф счастливо зажил в лоне второй. Труды принесли ему относительное благосостояние; он пользовался заслуженным почетом; его старшие дети, сыновья и дочери, были здоровы; вдобавок, его ценила и уважала супруга, подобно тому как в свое время Анна Симон уважала Пьера.

Вечером к ужину собирались все домашние, и Эдм Ретиф оказывался, подобно почтенному патриарху, во главе многочисленной семьи. Обычно за стол садилось двадцать два человека, считая работников и виноградарей, зимой молотивших хлеб, волопаса, пастуха и двух служанок, из которых одна помогала в виноградниках, а другая ведала коровами и молочным хозяйством. Все сидели за одним столом: глава семьи на почет-

ном месте возле очага, жена рядом с ним; перед ней стояли блюда, из которых она раскладывала на тарелки (на кухне распоряжалась она одна, служанки, проработавшие целый день, сидели и спокойно ели); далее сидели дети, занимая места по старшинству, иного порядка не было; затем старший работник и его товарищи; потом виноградари, за ними волопас и пастух, наконец, замыкая круг, сидели служанки. Они помещались в конце стола, напротив хозяйки, которая видела малейшее их движение.

Все ели один и тот же хлеб: в нашем доме не существовало достойного порицания обычая давать одним белый хлеб, а другим пеклеванный. Добавлю, что поступать так и невыгодно: отруби потребны лошадям, дойным коровам, свиньям на откорме и овцам с ягнятами.

Глава семьи почти не употреблял вина, начал пить его поздно и признавал только старое вино. Мать семейства пила одну воду, и ему стоило немалых трудов убедить жену чуть подкрашивать ее вином. Все дети без исключения пили только воду. Батраки и виноградари получали напиток, более отвечающий их вкусу, чем вино хозяина, — молодое вино, процеженное на выжимках. Известно, что крестьяне ценят вино,

которое дерет горло. Это тем более верно для Саси, где люди гораздо грубее и тяжеловеснее, чем в других местах, даже в Германии. Жермен, старший работник, походил на немца. Это был дородный мужчина с квадратным, хотя и не расплывшимся лицом. Он обладал незаурядной силой. При этом лицо его выражало доброту, и к нему льнули дети, любившие с ним играть. После хозяина и хозяйки он пользовался наибольшим уважением в доме. Работники и слуги прежде чем начинать работу, спрашивали его указаний: он охотно их давал, не принуждая им следовать. Это был отличный малый, и счастливы дома, где имеются подобные слуги! Счастливы и хорошие слуги, обретающие хозяев, способных оценить их усердие! Волопас и пастух, молодые ребята, относились с уважением к работникам и виноградарям; служанки были внимательны ко всем и, по указанию хозяйки, чинили одежду и белье мужчинам. У этих девушек были свободные часы, когда они могли заниматься своими делами.

Эдму Ретифу невозможно было установить одинаковый порядок для всех не только в отношении молитв, но даже обедов, — у каждого работника были свои обязанности и свои часы. Только за завтраком, в пять часов утра, собирались почти

все домашние, да и то волопас и пастух летом уходили раньше. Утром прочитывали краткую молитву, ограничиваясь одним «Отче наш», а затем все расходились по своим делам на весь день. Вновь собирались лишь поздно вечером за ужином. Тут уже присутствовали все. Глава семьи после трапезы читал священное писание. Он начинал с книги Бытия и с чувством прочитывал три или четыре главы, в зависимости от их длины, сопровождая чтение краткими замечаниями; он делал их редко, лишь когда считал пояснение необходимым. Не могу без умиления вспомнить, с каким вниманием слушали чтение, каким духом братства и доброжелательности проникались все члены многочисленной семьи (включая и слуг). Отец неизменно начинал со слов: «Давайте сосредоточимся, дети мои, — говорить будет святой дух». На следующий день во время работы прочитанное накануне вечером было предметом разговоров, особенно между батраками.

Мне следует по этому случаю поделиться наблюдениями, которые я уже приводил в «Школе отцов»: работа пахаря более способствует невинности нравов, чем работа на виноградниках, хотя последняя и весьма тяжела; в этом отношении волопасы стоят ниже виноградарей, а пастухи

еще менее простодушны и менее целомудренны, чем волопасы.

Летом после чтения совершали краткую общую молитву; затем молодых парней заставляли рассказать урок из катехизиса, после чего все молча расходились спать; после молитвы строго запрещалось громко разговаривать и смеяться.

Зимние вечера в деревне особенно длинны (в городе они всегда одинаковы), и после чтения и урока катехизиса отец рассказывал о каком-нибудь событии нашего времени или о старине. Он к месту приводил прекрасные изречения древних[158]. Это был отдых. Его поучительные рассказы слушали с чрезвычайным вниманием, всем дозволялось смеяться, делать замечания, и воцарялось восхитительное оживление; ни крестьянам, ни детям никогда не доводилось слышать более занимательных рассказов. Как беседы, так и чтения всем очень нравились. У нас нередко работали сыновья зажиточных крестьян, и когда родители спрашивали, что заставляет их наниматься к нам, они отвечали, что их привле-

[158] Примечания: 1.158

В конце «Школы отцов» помещен образчик этих бесед. Большинство сведений, приведенных в этой книге, почерпнуто мною из рассказов отца, остальные я узнал от почтенной своей тетушки Мадлены и некоторых стариков, жителей Нитри.

кает обычай читать и беседовать по вечерам.

Глава семейства без устали трудился и подавал остальным пример скорее делом, нежели словами. Свет не видывал столь прекрасного хозяина, которого так ценили бы служившие у него люди. Когда представлялся случай, они оказывали друг другу услуги. Эдм Ретиф нередко приводил такое изречение мудреца: «Если есть у тебя раб, то поступай с ним, как с братом, ибо ты будешь нуждаться в нем, как в душе твоей» («Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», гл. XXIII, ст. 32), а также следующие слова: «Не обижай раба, трудящегося усердно, ни наемника, преданного тебе душою» (там же, гл. VII, ст. 22). Отец поднимался рано и с утра брался за плуг. Пахал он превосходно, его работникам оставалось только подражать ему, но ни один из них, даже Жермен, не мог с ним сравняться. Лишь этой своей сноровкой он гордился; легкая улыбка на его лице, всегда открытом и приветливом, показывала, как ему льстит, когда его называют искусным пахарем. «Это искусство из искусств, — утверждал он, — и в этом деле допустимо быть малость честолюбивым». Он не любил работу на виноградниках и участвовал только в сборе винограда. Но как хороший хозяин он посещал

виноградники и замечал все недочеты. Нелюбовь его к этой работе нельзя назвать недостатком: он уделял немало времени обязанностям нотариуса и судьи, арбитражу, консультациям, и если бы пристрастился к виноградарству, ему некогда было бы заниматься своим любимым делом — пахотой.

Его никогда не видели праздным, разве только по воскресеньям или в праздники, но и в эти дни он, если оставался один, прогуливался с книгой в руках. То были сочинения по вопросам морали и юриспруденции, — в юридических трудах он почерпал сведения, необходимые для текущей судейской практики. Отец уверял, что «Французский юрист» — превосходный молитвенник, ибо в этой книге узнаешь о своем долге.

Отец держал себя просто с сыновьями, но был несколько сдержан с дочерьми, к которым он никогда не обращался на «ты».

Желая теснее связать свою первую семью со второй, он давал младшим в крестные своих старших детей. Меня крестили достойный кюре из Кюржи и Анна, старшая дочь; так же было и с остальными, вплоть до младшего, чьим крестным отцом был я, а крестной — младшая дочь от первого брака; это происходило в 1745 году, когда

отцу было пятьдесят три года.

Хотя Эдму Ретифу приходилось воспитывать четырнадцать детей, благосостояние его возросло и на следующий год возбудило зависть одного жителя Саси, сборщика податей, который обложил его невероятно высоким оброком. Эдм сдержанно указал ему на это, но тот с его возражениями не посчитался. Отца это раздосадовало, быть может, более чем заслуживало дело (это его собственные слова), и он решил воспользоваться льготами, предоставляемыми законом отцам двенадцати детей. Он подал прошение господину де Бру, тогдашнему интенданту, проживавшему в Тоннере, изложив суть дела, но ни на кого не жалуясь. Господин интендант своей рукой написал на прошении: «Эдм Ретиф, отец четырнадцати детей, шесть ливров», и велел ему передать на словах:

— Бас следовало бы вовсе освободить от налогов, но раз вы сами попросили установить вам ставку, я ее и назначил с тем, чтобы она оставалась навсегда неизменной. Впрочем, мне известно, что вы как истинный верноподданный не хотели бы, чтобы вас совсем исключили из списка налогоплательщиков.

Спустя несколько лет должность господина де

Бру занял господин Бертье де Совиньи, и те же завистники поспешили вновь обложить отца большим налогом. Эдм Ретиф обратился к новому интенданту с прошением в каких-нибудь три строчки; тот ответил без промедления, подтвердив решение своего предшественника. Господин Бертье пригласил Эдма Ретифа к себе, представил его своим чиновникам как отца четырнадцати детей и, похлопав по плечу, поздравил с таким прекрасным потомством. С тех пор отец до конца жизни платил шесть ливров.

Стремление к истине побудило меня упомянуть об этом случае, который, быть может, удивит читателя, уже знакомого с характером Эдма Ретифа и его образом мыслей. Да будет мне позволено объяснить причины его поведения. Советуясь с ним об общественных делах, порой спрашивали его мнения об обложении налогом. Но в любом приходе находятся смутьяны, любители заводить свары и злоупотреблять своей властью. Нередко случалось, что вопреки возражениям Эдма Ретифа и других разумных сельчан, бедняков облагали чересчур высоким налогом, то ли из личной неприязни, то ли из-за неправильного исчисления их достатков. Эдм Ретиф и отец Антуан Фудриа имели обыкновение втайне помогать

беднякам выплачивать подати: читатель поймет, что если бы Эдма Ретифа обложили непомерным налогом, он не был бы в состоянии помогать наименее обеспеченным односельчанам.

[Глава XII]

[В оглавлении оригинала обозначена как глава XI]

Я посчитал бы свой рассказ о муже недостаточно полным, если бы умолчал о супруге, ведь отец и мать семейства составляют единое целое.

В отношениях как с первой, так и со второй женой Эдм Ретиф придерживался известной церемонности: он не обращался к ним на «ты» и они также говорили ему «вы». С женой он обходился с достоинством, однако в его манере не было ничего напускного или натянутого. Жена, со своей стороны, относилась к нему с уважением. Правда, поведение Эдма Ретифа, окружавший его почет — всегда внушали уважение к нему всем, кто имел с ним дело. Мне мало что известно, и то лишь по рассказам, о его отношениях с Мари Донден. Зато жизнь моих родителей я наблюдал собственными глазами и знаю ее доподлинно.

Мне рассказывали, что в первые годы замужества моя мать, из-за чрезмерной живости своего характера и полученного ею воспитания, привыкнув удовлетворять все свои прихоти, не сразу уразумела как себя вести, чтобы добиться привязанности супруга. С другим человеком она была бы несчастна. Но Эдм Ретиф, как мудрый и осмотрительный супруг, изучил характер новой жены и понял, что надлежит взывать к ее воображению. Воздействуя на чувства жены, он приучил ее понемногу сдерживать свою живость; затем он стал терпеливо внушать ей ее обязанности, но делал это лишь оставаясь с нею с глазу на глаз. Никто в семье не знал, что между ними происходит. При детях и посторонних он подчеркивал свое глубокое уважение к супруге. Приведу кое-какие его беседы с моей матерью, о которых знаю от нее самой. Рассказывая о покойном муже, она не скрывала своей привязанности к нему и безутешного горя, вызванного утратой такого человека.

— Любезная супруга, — обращался он к ней, — самый опасный недостаток мужа — это слабохарактерность и неумение держать в руках бразды правления. Этот недостаток я приметил у парижских мужей. Поверьте, я желаю вам сча-

стья, и не женился бы на вас, если бы не имел в виду нашей взаимной пользы, но я стремлюсь к ней не вслепую. Когда я решил предложить вам свою руку, у меня созрел план, как лучше устроить наше счастье. Я поставил своей целью стать вашей опорой и защитником; но защитник и опора отнюдь не раб. Скажите мне, почему мужчина наделен силой? Не думаете ли вы, что независимый характер, смелость, мужество, даже дерзость, даны ему лишь для того, чтобы он ползал перед вами или был ничтожным льстецом? Почему природа сделала вас такими прелестными, но вместе с тем слабыми и боязливыми? Почему она наделила вас таким нежным голосом? И звучит он так приятно ведь не для того, чтобы вы его резко повышали и отдавали приказания? Нет, любезная супруга, все это вам дано, чтобы очаровывать, говоря точнее, чтобы смягчать более сильное существо, располагать его в вашу пользу. Ваш удел — нравиться и скрашивать прелестью ваших ласк тяжкие труды, которые берет на себя сильное существо, с которым вы соединены и слились воедино; эта очаровательная улыбка имеет целью на мгновение отвлечь его от трудов, доставить отдых и вдохновить на еще более трудные дела.

Если женщина выходит замуж за слабого человека, то она повелевает и почитает себя счастливой; но властолюбие не приносит счастья, хоть это одна из страстей человеческого сердца. Впрочем, подобные страсти лишь восстанавливают против ближних и скорее вносят в жизнь смуту, чем дают подлинное удовлетворение. Посему исполняйте предназначенную вам роль и не выходите за ее пределы; я не тиран... и нам придется поменяться ролями, и как ни смешно будет мне, с моими мужественными чертами и густой бородой, исполнять вашу роль, придется с этим примириться до тех пор, пока вы мне не вернете мою... Вы улыбаетесь, но, по чести, я говорю серьезно. Чтобы обеспечить счастливую семейную жизнь, прежде всего надлежит главе распоряжаться, а нежно любимой супруге — исполнять его волю по склонности и велению сердца; если бы речь шла о посторонней женщине, я назвал бы это послушанием.

— Вы золотите пилюлю, но я понимаю вас.

— Потому я и говорю столь откровенно, любезная супруга, следует всегда говорить так, чтобы вас понимали. Не возражайте мне, уверяя, что в первом браке вы были счастливы при диаметрально противоположных отношениях между

мужем и вами. Ваша совместная жизнь началась с того, что он вас обманул. Естественно, в дальнейшем он всеми силами старался загладить свою вину. Это было мудрое поведение, оно заслуживает похвалы, и на его месте я поступил бы точно так же. Но мы с вами в другом положении; мы больше не дети, которые тешат друг друга, а зрелые супруги, обязанные поступать обдуманно и исполнять каждый свое назначение. Лишь следуя велениям натуры, можно обрести счастье: естественно, что тот, кого она сделала более сильным, должен повелевать; более слабому, более приятному существу она предназначила умерять его суровость, не только по отношению к себе, но и к окружающим. Любезная супруга, я твердо решил исполнять веления натуры: будьте нежны, просите, но не требуйте. Впрочем, в доме у вас столько же власти, сколько у меня, поскольку муж и жена единое целое. Тот, кому натура определила быть господином по праву сильного, должен добиться, чтобы его право основывалось на уважении и сочувствии, он должен уважать подчинение жены и пользоваться своей властью как отец. Сообразуйтесь впредь с его приказаниями. Если бы дело шло только о моем счастье, я мог бы пойти на любую жертву, — у меня достало

бы на это сил, но я по опыту знаю, что супруги-повелительницы наименее счастливые из жен. Женщины наделены пылким и пугливым воображением, присущим восточным народам, и отчасти схожи с ними, они невольно, помимо сознания, тянутся к жизни, не требующей от них рассуждения, но только подчинения. Если бы им был предоставлен выбор, жить по своей воле или в подчинении, они вечно бы колебались и прожили бы жизнь в мучительной нерешительности. Избавьте нынче азиатов от одного деспота, они на следующий день возьмут себе другого; я читал, что римляне некогда проделали подобный опыт с племенами, обитавшими в Каппадокии{157}, которые предпочли свободе неограниченного монарха[159].

— Но, любезный супруг, я вовсе не хочу господствовать над вами.

— Не хочу этого и я, милая супруга: каждый из

{157} Комментарии: 2.157

...с племенами, обитавшими в Каппадокии. — Каппадокия — область в Малой Азии.

[159] Примечания: 1.159

Эдм Ретиф почти не читал светской литературы, но приводил цитаты и принимал, когда надо, ученый вид, считая, что это производит впечатление на невежественных людей, вызывает их восхищение и помогает их убедить. Я сотни раз удостоверялся в верности этого средства, а деревенские кюре ежедневно наблюдают, насколько невежды благоговеют перед наукой.

нас должен занимать свое место, вот и все. Пусть между нами царят согласие и гармония, подобная той, какая существует между членами одного и того же тела. Выслушайте меня: всякий раз, как вам чего-нибудь захочется, откровенно поведайте мне об этом. Мы с вами спокойно обсудим, и если ваше желание не повредит нам... если оно послужит на пользу лишь вам одной, я тотчас его исполню.

— Обещаю вам.

Избалованная в детстве и привыкшая ко всеобщему поклонению, Барб Ферлэ сперва стала заурядной супругой, однако с течением времени она сравнялась достоинствами с Анной Симон. Слушая по вечерам священное писание, она почерпнула там правильное представление о своем долге. Моя мать поступала так, как вели себя женщины в первые века христианства. Я неоднократно наблюдал, как трогательно следовала она их примеру. Невозможно передать, как она во всем старалась угодить мужу, выказывая послушание без тени раболепства. Сне зрелище, отрадное для посторонних, всегда доказывает, что в подобной семье следуют велениям натуры и в них царит столь желанное для всех согласие.

Чем покорнее и внимательнее была супруга,

обходившаяся с мужем как с обожаемым владыкой, тем больше уважал ее Эдм Ретиф: он следил за тем, чтобы все в доме ее почитали и. беспрекословно слушались, и заявил раз навсегда, что готов простить обиду, нанесенную ему лично, но пусть не рассчитывает на снисхождение тот, кто выкажет неуважение его жене. Одна служанка как-то раз умышленно уморила великолепную суку, которую Эдм Ретиф очень любил. Все испугались за виновницу, зная, как привязан хозяин к этому полезному животному. Но он ограничился сдержанными упреками и распекал служанку так по-отечески, что она плакала, раскаиваясь в своем поступке. Месяц спустя эта же служанка, осерчав на хозяйку, грубо ей ответила. Узнав об этом, Эдм Ретиф немедленно ее уволил, не желая слушать никаких извинений и просьб своей жены.

— Любезная супруга, — сказал он потом моей матери, — если я допущу, чтобы вам выказывали неуважение, в доме очень скоро воцарится беспорядок. Имейте в виду, уважая вас, тем самым уважают и меня и доставляют мне радость. Тот, кто выражает вам почтение, как бы вдвойне выказывает его мне. Любезность, оказанная вам, стоит десятка любезностей по моему адресу. Так

же обстоит дело и с нашими детьми: приласкав моего сына или дочь, меня куда больше обрадуют, чем осыпав меня похвалами. Почему мужчина принимает так близко к сердцу, если без всякого повода дурно обойдутся с его собакой? (Простите мне этот пример, но он весьма выразителен). Почему иной раз можно приобрести расположение хозяина, погладив его животное или дав ему кусок хлеба? Да потому, что он усматривает в этом искреннее желание сделать ему приятное. Но это лишь слабый пример: услуги, оказанные жене или детям, куда больше трогают сердце мужа и отца!

Не удивительно, что подобного человека почитала жена и обожали дети. Он был душою дома, даже когда отсутствовал; что бы ни делали и ни говорили его семейные, они всегда помышляли о нем. Если он был в отлучке и опаздывал к ужину, вся семья — дети и слуги, ждали его с озабоченным видом. И когда раздавался стук молотка у двери, ему вторил дружный крик радости. Бывало, услыхав этот стук, моя мать так и встрепенется от радости. Вскочив с места, она посылала нас отпирать, хотя пять-шесть человек уже бежали к дверям; она хлопотала, сама доставала ночной колпак и сабо (деревянные

башмаки, заменяющие в наших краях туфли), согревала их, не давая дочкам сделать это за нее; ставила его стул на место, где он любил сидеть; наливала ему в стакан подогретого вина и подавала ему, едва он входил, не сказав еще ни слова. Патриарх выпивал с довольным видом; потом он кланялся ей, приветствовал всех нас, вплоть до пастушонка, справлялся о каждом с доброжелательным и приветливым видом...

Увы! Вот оно истинное счастье! Я видел его только в нашем доме. Горе мне! В поисках за счастьем я отправился в иные края!

Затем отец рассказывал новости, какие слышал в Оссере, Вермантоне, либо в Нуайе, Тоннере или Везеле. Судите сами, как жадно слушали его люди, жившие в глухом селении! Если кому-либо приходилось отлучиться во время его рассказа, по его лицу было видно, как это его огорчает. Но когда тот возвращался, Эдм Ретиф любезно повторял для него рассказанное в его отсутствие. Он неустанно проявлял внимание к своим слугам: если, как нередко случалось, в течение дня он слышал что-либо интересное или любопытное, он вечером всем об этом сообщал. Но эти рассказы никогда не отвлекали его от чтения Библии.

Эдм Ретиф обладал приятным голосом и любил

рождественским постом петь ноэли{158}. Эти наивные гимны служили развлечением для всех в доме.

Сей мудрый и добрый отец, столь требовательный во время работы, старался всякий день развлекать своих семейных. — Удовольствие, — говорил он (Юнга {159} он не читал, но это весьма естественная мысль!), — это бальзам для нашей жизни, и ему искренне предаются лишь чистые души[160].

Однажды вечером произошел любопытный случай, доказавший, как его любили все поселяне. Некто Бальтон, уроженец Нитри, пропьянствовал в Саси до темноты, и, возвращаясь, вздумал звать на помощь: «Убивают, убивают!». Он кричал, стоя на горке, у подножья которой находится усадьба Ла Бретон. Как на беду, отец, уехавший утром в Нитри, еще не возвратился. Услышав приглушенный вопль пьяницы, моя мать едва не лишилась чувств; она кликнула слуг, еще не собравшихся

{158} Комментарии: 2.158

Ноэли — рождественские песнопения.

{159} Комментарии: 2.159

Юнг, Эдуард (1683—1765) — английский поэт, автор «Ночных дум».

[160] Примечания: 1.160

«Это — добродетель, лишь под более веселым наименованием», — говорит Юнг; та же мысль, но выраженная другими словами.

к ужину. Они вооружаются чем попало и бегут; мать посылает за помощью в деревню. Услыхав, что на Эдма Ретифа напали, все вскакивают из-за стола, хватают, что подвернулось под руку и устремляются по дороге в Нитри. Там они никого не обнаружили. Пьяница, услышав топот бегущей толпы (собралось добрых пятьсот человек), спрятался в виноградниках. Поселяне продолжали поиски и наверняка дошли бы до Нитри, если бы на опушке общинного леса не повстречали моего отца, спокойно возвращавшегося домой. Его поразил шум, доносившийся из темноты. Он окликнул первых, попавшихся ему навстречу: — Эй, друзья, что случилось? Не стряслась ли какая беда? — Ему сказали причину переполоха. Он горячо всех поблагодарил и, вернувшись домой, велел откупорить бочку лучшего вина, и маленькая армия живо опорожнила ее.

Слух о приключении разнесся по всей округе, и рассказывали о нем по-разному; все знали, что Эдм Ретиф шел с деньгами, ибо возвращался с обхода своих должников, и решили (многие и поныне в этом уверены), что Бальтон на него напал, но Эдм, желая его спасти, скрыл это преступление. Однако я передаю все, как было на самом деле.

Рассказав о том, как Эдм Ретиф относился к супруге и к слугам, я хочу поведать о его отношениях с детьми.

Он был с нами строг, но не суров. Вот доказательство, что это лучший метод воспитания: с детьми от первого брака он был гораздо строже, чем с младшими, и первые оказались лучше вторых. Вот и другое доказательство: со старшими детьми от второго брака он был почти столь же строг, как с детьми от первого, и они по своим моральным качествам превосходят младших. Я говорю совершенно беспристрастно, не помышляя о себе и заботясь лишь о правдивости рассказа. В старости Эдм Ретиф стал проявлять изрядную снисходительность. Это послужило к чести почтенного патриарха. Однако все мы, Ретифы, так своевольны, что нам не приносят пользы поблажки.

Впрочем, отец никогда не был строг со старшим сыном: тот с раннего возраста проявлял благие наклонности и в своем стремлении к добродетели даже впадал в крайности. Он был в этом отношении ретив, как настоящий Ретиф{160} (так говорил про него наш родственник-адвокат).

{160} Комментарии: 2.160

Он был... ретив как настоящий Ретиф... — см. прим.7 в части первой.

Брата приходилось сдерживать на пути к совершенствованию. По свидетельству Платона, таков был Аристотель. Сколь счастлив отец подобного сына! Если бы это счастье порой не омрачал страх потерять возлюбленное дитя!

Отцу не приходилось проявлять строгости и к младшему сыну от первого брака. Тот был несколько ленив и проявлял чрезмерную доброту. Ныне она служит всем ко благу, но в то время эту крайнюю мягкость воспринимали как недостаток. Его недолюбливал Тома Донден, дед его и крестный отец, восхищавшийся блестящими качествами старшего внука. Но Эдм Ретиф поощрял младшего сына, проявлял к нему нежную привязанность, и нередко говорил: «Тома, я любил своего отца больше, чем самого себя, и бог даровал мне первенца, унаследовавшего его редкостную доброту. Но он послал мне и второго сына, в котором я с радостью узнаю себя. Будь добрым, милый сын. Ум весьма опасный дар, если его не вдохновляет доброе сердце. Пусть ты не совершишь ничего примечательного, — ты создан, чтобы быть самым счастливым. Да послужит это тебе утешением, любезный Тома!».

Я старший из детей от второго брака. Чертами лица я похожу на отца и старшего брата, но

не обладаю их привлекательностью. Я весьма уступаю отцу в отношении твердости характера, доброты и нравственных качеств, стяжавших ему всеобщее уважение; мне далеко и до старшего брата с его талантами и знаниями и, жалкий выродок, я стенаю при мысли о том, что позорю свой славный род и не извлек пользы из примеров, бывших у меня перед глазами! О, тень отца моего, прости мне! И вы, почтенный старший брат, заменивший мне отца, также простите меня! Я приложу все усилия, чтобы с честью носить наше общее имя!

Жан-Батист Ретиф, второй сын от второго брака, умер в четырнадцатилетием возрасте; он был несколько ограничен, но со временем из него получился бы второй Тома Ретиф; над его простотой и добродушием подшучивали во времена моей юности, правда, весьма осторожно, — отец не потерпел бы никаких насмешек, хотя наивность сына не раз вызывала его улыбку.

Третьего сына звали Шарль. Он был живым портретом отца, походил на него и внешностью и характером. При этом был он выдумщиком и отличался пылкостью. Он унаследовал дух своего деда — Пьера Ретифа, живость нашей матушки и облик отца. Этот, подававший большие надежды

юноша был убит в 1757 году в Ганновере, служа в Овернском полку; ему не было еще и семнадцати лет.

Самый младший — Пьер, жил в отцовском доме. Как я уже упоминал, снисходительность, какую проявлял отец в старости, отразилась на воспитании Пьера. Он умер 5 августа 1778 года, оставив семерых детей, из которых четверо — мальчики. Прибавлю, что мы получаем хорошие отзывы о старшем (ему лишь двенадцать лет): он прилежно работает, бережлив и любит сельское хозяйство. Дал бы бог этому внуку походить на Эдма Ретифа и воскресить память о нем в крае, которому тот служил всю жизнь, принося великую пользу!

Когда кто-нибудь из нас совершал поступок, ему тотчас строго выговаривали. В зависимости от тяжести проступка отец устанавливал степень наказания, или подвергал какому-нибудь лишению или прибегал к порке. Провинившегося приговаривали к тому или иному ограничению на несколько дней, и всякое утро ему повторяли, за что он наказан. Если предстояла порка, ее откладывали на неделю. Следующее за выговором наказание объявлялось в таких выражениях: «Сын мой (имярек) или дочь (имярек), через

неделю, в таком-то часу, вас будут за вашу провинность сечь, дабы сие послужило примером вашим братьям и сестрам. Порка будет совершаться мною или (если наказывалась дочь) вашей матерью». Этот приговор объявлялся всего один раз. В назначенный час виновного призывали, и обсуждалось его поведение за истекшую неделю. Если оно признавалось отличным, его прощали; если оказывалось посредственным, порка была умеренной; если — плохим, экзекуция была... изрядной. Отцовскую порку я испытал дважды: после нее две недели было больно сидеть. Излишне говорить, что скрыться от наказания было невозможно. Однако порка была чрезвычайным наказаньем и назначалась лишь за самые серьезные проступки. Секли меня оба раза без всякого снисхождения. Большинство детей, тем более два старших брата и сестры, этой каре не подвергались.

Совершив хорошие поступки, дети удостаивались похвалы, это происходило в тот же день, вечером, когда вся семья была в сборе; чем выше была проявленная доблесть, тем больше хвалили.

Так, одного из сыновей похвалили за то, что, находясь в поле, где он сторожил зерно, рассы-

панное для просушки на полотнищах, он отдал больному бедняку принесенный им завтрак — молочный суп и свежее яйцо. За похвалой последовало отцовское благословение.

Другой удостоился похвалы за то, что самоотверженно бросился выгонять скот с чужого поля, и тем избавил хозяина от убытков, а владельца скота от штрафа и платы за потраву; мальчику было в то время восемь лет.

Один из нас получил похвалу — в не менее торжественной обстановке, — за то, что в десятилетнем возрасте отбил от волка овцу, смело напав на него с окованной железом палкой. Подбежавшие ему на помощь люди подтвердили, что мальчик один справился с хищником.

Торжественных похвал удостоилась дочь за то, что устыдила толпу жнецов, осыпавших бранью бедную приятную на вид сборщицу колосьев; более того, она разделила с девушкой завтрак, чтобы внушить к ней уважение. Дабы показать жнецам всю низость их поведения, Эдм Ретиф прибег к трогательной церемонии и вслед за тем перевел сборщицу колосьев в разряд жниц, доставив ей хороший заработок.

Старший сын, досточтимый Эдм-Никола Ретиф, в юности неоднократно удостаивался похвал за

проявленную им скромность, сыновнюю преданность и сострадание к людям.

Старшая дочь Анна заслужила похвалы, уже будучи замужем, за примерное ведение хозяйства. Своего распущенного, нерадивого мужа она исправила, проявляя кротость, услужливость, всячески его поощряя, трудясь с нарочитым усердием, и делая за мужа все, что было в ее силах, а порой и сверх сил.

Мари Ретиф, проживая в Париже, удостоилась заочных похвал за свое поведение в этом городе: редкое добронравие девушки засвидетельствовали ее хозяйка и одна из наших теток. Мари была хороша собой и подвергалась кое-каким испытаниям, из коих вышла с честью, проявив мужество и скромность.

Излишне указывать читателю на пользу, какую приносило такое поистине патриархальное воспитание, способствуя укоренению добрых нравов. Иные из детей нашей семьи отведали соблазнов развращенного света и несколько лет вели разгульный образ жизни, предаваясь опасным наслаждениям, но своевременно они взялись за ум и стали вновь проводить в жизнь добрые правила.

Я опускаю немало подробностей, дабы меня

не обвинили в мелочности. Но сказанное мной, думается, может дать представление о достойном человеке, коему я обязан жизнью.

Эдм Ретиф заслужил прозвище «Правильного человека», о котором мечтал всю жизнь. Ему ежедневно приходилось слышать, что его так величали. Но однажды вечером он случайно подслушал разговор между пастухом Жаком Блэзом и работником Жерменом и это, конечно, доставило ему удовольствие.

— *Жако.* Скажите мне, Жермен, почему это, говоря о нашем хозяине, его называют «Правильным человеком»? — *Жермен.* Разве ты не понимаешь, что это означает? — *Жако.* Малость кумекаю, да кое-что мне неясно. — *Жермен.* Знаешь ли ты, что такое хороший отец? — *Жако.* Знаю... — *Жермен.* А хороший муж? — *Жако.* Ну да. — *Жермен.* А хороший хозяин? — *Жако.* Еще бы. — *Жермен.* А хороший судья? — *Жако.* Малость знаю. — *Жермен.* Который с каждым обходителен, боится бога? — *Жако.* Да, все это я понимаю. — *Жермен.* Вот все это и значитбыть «Правильным человеком». — *Жако.* Вот, я и узнал! Ей-ей, нашего хозяина прозвали по заслугам: он таков, как вы говорили, Жермен.

Вечером, после ужина, «Правильный человек»

сказал в кругу домашних: — Дети мои, я мечтаю оставить вам некое наследство: хочу, чтобы куда бы вы ни пошли, с кем бы ни встретились, всякий раз, узнав, что вы мои дети, вам тотчас сказали: «А, так вы сын Эдма Ретифа! Правильный был человек!» Поверьте мне, дети мои, это стоит дороже, чем если бы вам сказали: «То был богатый человек! То был ловкий человек! То был ученый человек. Он один победил целую армию, и король сделал его графом, маркизом, герцогом, или чем там еще можно сделать!» Дети мои, вы только начинаете жить, но сколько бы вы ни прожили, не имейте иной цели, не ищите другой славы, как заслужить это прекрасное и полезное звание; ведь если вы его заслужите, вам под конец его дадут. — Как дали его вам, хозяин, — сказал Жермен. — Все вас так называют, и особенно мы, ведь мы видим вас всякий день, и вы от нас ничего не скрываете! — Возблагодарим же бога, Жермен!

[Глава XIII]

[В оглавлении оригинала обозначена как глава XII]

Я расскажу вам об одном случае, когда почтен-

ный старец от души порадовался, услыхав, что его называют «Правильным человеком».

Один из его сыновей, в то время проживавший в Оссере, отправился с товарищем навестить отца накануне праздника «Всех святых». Они проходили через деревню, где жил наш близкий родственник. Однако юного Ретифа плохо приняли из-за его недавней проделки. Ему стало стыдно, что с ним так обошлись при его приятеле, и они тотчас отправились дальше по лесной дороге. Пройдя полпути, юноши вконец проголодались и устали. Им было лет по шестнадцати, и денег в кармане у них было не густо. Юный Ретиф до сих пор еще не испытывал нужды в деньгах и даже не захватил с собой монетки в два су, что валялись со всяким хламом. Добравшись до деревни Пюи де-бон, приятели постучались в один дом. Добрых хозяев юнцы застали за ужином; те ели солонину, на очаге подогревался большой кувшин вина. Три семьи издольщиков, сообща владевших трехконным плугом, угощались, закончив посев.

— Мы не прочь выпить глоток, и само собой готовы заплатить, — сказали голодные путники. — Милости просим, судари, садитесь-ка поближе к огню. Эй, дружки, уступите место гостям! — Да

только, — смущенно проговорил юный Ретиф, — денег у нас маловато. — Товарищ его вынул из кармана шесть с половиной су, составлявшие все их богатство. — Что и говорить, на это не попируешь, — рассмеялись крестьяне. — Ладно, усаживайтесь, судари. Спрячьте свои деньги, — здесь не берут вперед... Можно вас спросить, издалека ли вы? — Из Оссера. — Что же вы так поздно собрались в путь? — Как видите, — сказал приятель Ретифа, — воров мы не боимся. Да и ночевать мы должны были в полутора льё отсюда, у родни моего товарища... да нам указали на дверь...

Юный Ретиф краснел, толкая локтем болтуна. — Вот я тебе малость и отомстил — тихонько ответил тот, — Но не бойся, твоему отцу я ничего не скажу.

Приятели принялись за еду, однако они сдерживали свой аппетит, сознавая, что у них в кармане по три су и одному ливру.

Тем временем хозяин с любопытством разглядывал гостей; особенно поразила его физиономия молодого Ретифа. — Простите за любопытство, судари, но дозвольте спросить, далеко ли вы держите путь? — В Саси. — Так я не обознался, — обратился хозяин к своим дружкам, — это сы-

новья... Как вас зовут? — Меня Рамо, а его Ретиф. — Услыхав это имя, все сидевшие за столом поднялись как один. — Так вы сын господина Ретифа! — восторженно воскликнул хозяин. — Что же вы не сказали об этом сразу? Вот уж правильный человек ваш отец! Нет в нашем Пюи-де-бон поселянина, кому бы он не оказал услугу, в том числе и мне... Жена, принеси-ка кровяную колбасу, угостим на славу! И не придумаешь более почетных гостей, разве что сам господин Ретиф пожаловал бы к нам! Оставайтесь, судари, у меня ночевать; вам приготовят постели. — Весь дом пришел в движение. Приятель Ретифа, смышленый паренек, был в восторге. Славные поселяне то и дело восклицали: — Что за правильный человек ваш отец! Сударь, — говорили они Рамо, — в любом селении нашего округа вашего приятеля встретили бы не хуже, чем у нас. — Теперь я понимаю, — сказал Рамо, — почему ты не ценишь денег: они тебе не надобны в дороге. Так и быть, прощаю тебе давешнюю встречу и проделку, из-за которой перед нами захлопнули двери![161]

Как ни уговаривали хозяева остаться, юноши, подкрепившись как следует, решили тронуться

---

[161] Примечания: 1.161

Речь шла о любовном письме, посланном Жанетте Руссо, юной и любезной особе из селения Куржи.

дальше. На прощание вся компания выпила за Эдма Ретифа и пожелала ему всяких благ.

Угощение и вино добрых крестьян восстановили силы приятелей. Остающиеся до Саси три льё они отшагали за два часа. Юноши вошли в дом в тот момент, когда отец семейства оканчивал чтение Библии. То была глава из книги Бытия, в которой рассказывается, как Иаков, возвращаясь от Лавана, встретил своего брата Исава и уговорил его {161}. Этот трогательный рассказ умилил всех; сына встретили с радостью, хотя и пожурили за опоздание. Столь же приветливо обошлись и с его товарищем. Путники уже успели проголодаться, едва ли меньше, чем по дороге в Пюи-де-бон. Им дали поужинать, и все остались за столом, желая послушать рассказ об их путешествии, ибо Рамо заявил, что им встретилось немало трудностей.

Когда они поели, отец опросил: — Расскажите же, дети мои, что с вами приключилось за ваше длительное путешествие? — Не смейтесь над нами, сударь, — ответил юный Рамо, — нам пришлось хлебнуть горя — мы едва не умерли с голоду. Из Оссера мы вышли в девять часов утра... — Что же, вы сбились с пути? — Вот имен-

---

{161} Комментарии: 2.161

...Иаков, возвращаясь от Лавана, встретил своего брата Исава и уговорил его. — Книга Бытия (Библия), гл. XXXII.

но. — Как, сын мой, ты до сих пор не запомнил дорогу? — Дело в том, сударь, — продолжал Рамо, — что мы пошли проселками, и до шести часов вечера у нас во рту не было ни крошки: завтрак в Оссере был очень легким! В карманах же у нас — пусто. Но если бы я знал, каким кредитом пользуется ваш сын... — Каким таким кредитом? — И весьма надежным — вашим именем. Едва мы его произнесли, как на нас, словно из рога изобилия, посыпались хлеб, мясо, вино, превкусная кровяная колбаса, нас усадили у очага, привечали почти как в вашем доме. Уж так мы были довольны! Никогда в жизни я не видел подобной встречи!

Молодой человек, не переводя дыхания, рассказал обо всем, что произошло в Пюи-де-бон. Всякий раз, как он повторял присказку добрых поселян: «Что за правильный человек ваш отец!», почтенный старец возводил очи к небу, с трудом сдерживая слезы.

Чудесные минуты! Если бы добродетель получала лишь такую награду, и то она была бы дороже мнимых наслаждений, доставляемых пороком!

Я приближаюсь к концу своего занимательного рассказа. Дополню его некоторыми подробностя-

ми из жизни моих старших братьев; они дадут более полное представление о добродетельном отце, воспитавшем подобных сыновей.

Эдм Ретиф никогда не жаловался на здоровье, лишь в 1763 году у него обнаружилась болезнь, которая и свела его в могилу в декабре 1764 года. В тот год дожди затопили луга. Пришло время сенокоса, и почтенный старец, продолжавший усердно трудиться, вообразил, что все еще обладает «неуязвимостью» молодости (да простят мне это выражение!). Он принялся косить, стоя в воде, проделывал это с неподражаемой ловкостью и сам переносил траву на сухое место. Вода была столь холодна, что все, помогавшие ему, занемогли, мой младший брат захворал перемежающейся лихорадкой. Но ужаснее всего косьба в воде отразилась на отце, который работал дольше других. На этого богатыря напала ползучая лихорадка, около двух лет она неприметно подтачивала его силы.

Мне еще не довелось рассказать о старшем сыне моей матери: он стал лекарем и отличился на этом полезном и благородном поприще. Он успешно лечил отца и мать, хорошо зная их натуру. То ли ему помогало его искусство, то ли вера в него пациентов, которая бывает действеннее

лекарств. Этот превосходный молодой человек умер двадцати шести лет, упав с лошади; после него осталась молодая вдова, родившая сына после его смерти. Во время болезни, преодолевая страдания, Эдм Ретиф повторял: «Ах, если бы со мной был бедный Бужа!». То была его единственная жалоба.

Отца Антуана Фудриа уже не было в живых, когда заболел Эдм Ретиф, и его причащал молодой кюре. Юный служитель алтаря отнесся к умирающему старцу с редким вниманием и проявил к нему необычайное уважение. Болезнь Эдма Ретифа волновала весь приход, старики в слезах теснились в его комнате, а остальные, стоя на коленях во дворе, молились о его выздоровлении.

Молодой кюре, напомнив присутствующим о необходимости заблаговременно готовиться к смерти, добавил, обращаясь к богу: «О, господи, сегодня ты сойдешь в достойное святилище, ибо тело праведного человека прекраснейший храм для божества. Мужайтесь, достойный отец (кюре впоследствии говорил, что не дерзнул назвать умирающего братом), вы или останетесь в живых по нашим молитвам, или будете вкушать блаженство на лоне Авраамовом со всеми праведниками, которым вы уподобились. Но среди всех

праведников, смею сказать, нет более достойного славной награды, чем добрый отец семейства, который сделал всех своих близких счастливыми и добродетельными; дал церкви достойных служителей, отечеству храбрых защитников, государству — полезных граждан на всех поприщах, особенно же — примерных и плодовитых матерей семейств. На небесах встретят вас радостными кликами, и святой патриарх Иаков, и все святые первых веков, которых вы чтили, подведут вас к подножию престола, на котором восседает Сущий во веки, и т. д.».

Подобное напутствие было во вкусе почтенного старца и тронуло его до слез. С этой минуты он ждал смерти спокойно и даже с радостью; его тревожила лишь скорбь моей матери.

Его больше нет! Всемогущий боже! Не стало достойнейшего твоего творения! Ибо добродетельный отец — твой живой и святой образ на земле! Будьте же благословенны, отец, и из обители праведных воззрите милостиво на вашего скорбного сына! Аминь.

Во имя справедливости я, пожалуй, должен сделать этому добродетельному человеку упрек. Он хотел непременно всех своих детей вывести в люди. Лишь одного сына он сделал пахарем. Он

дал нам образование, не жалея на это средств, и даже тратя больше, чем позволял его достаток. Всех нас он предназначал к жизни в Париже. Вероятно, он помышлял при этом о достойном господине Помбелене и о тех благах, какими мог бы воспользоваться, если бы остался в столице. Мечтая о том, чтобы мы устроились в Париже, отец решительно отговаривал нас от жизни в провинциальных городах.

— Дети мои, — непрестанно убеждал он нас, — звание человека столь почетно, что следует избегать всего, что его унижает. Между тем достоинство человека нигде так не попирается, как в маленьких провинциальных городах. Пять-шесть влиятельных лиц держат себя там как хозяева, и как бы из милости терпят остальных обитателей, тех, что приносят пользу, — обрабатывают землю, занимаются торговлей и ремеслами. Мне приходилось видеть, как возмутительно ведут себя в общественных местах эти самозванные хозяева, в чьих руках главные должности в магистратуре, а следовательно, и вся власть. Я умер бы с горя, если бы мне пришлось жить в таком городке. В Париже, напротив, человек даже свободнее, чем здесь. Там над всеми лишь один господин. Если герцог или пэр обдаст вас на улице грязью, вы можете

отплатить ему тем же. Вот вам доказательство, какая свобода царит в этом огромном городе; там не только созерцаешь народ во всем его величии, там люди дышат благодатным воздухом и драгоценным ароматом равенства. На Париж я всегда взирал издалека с нежным сыновним чувством как на родную мать. По правде сказать, эта мать бывает немного капризной, порой даже очень суровой, но чаще всего она балует своих детей и портит их. Не стану говорить о развлечениях и увеселениях, какие обретаешь в Париже; в этом большом городе происходит нескончаемое представление: сцены сменяют друг друга на каждом шагу и всякую минуту. Но вот что лучше всего в Париже: он — подобен открытой книге, которую вы читаете весь день. Если вы ничем не заняты, ступайте на набережные, перелистайте книги, которые продают букинисты. На гравюрах изображены великие исторические события, и если вы получили кое-какое образование, вы можете его пополнить на этих прогулках, даже если у вас много дел. В Париже в любой момент вы можете оказать услугу ближнему, даже не открывая кошелька, если вы не богаты. В любое время вы можете заглянуть в церковь; день и ночь там возносят хвалу богу. Добавьте к этому,

что в столице больше заботятся о теле: ухоженное и свежее, оно походит на розу в утренний час, когда солнце и пыль еще не высушили росу на ее лепестках. Я не осуждаю парижан за их любовь к нарядам: их одежда придает им довольный и независимый вид[162]; женщины там в сто раз любезнее, чем в других местах. Да, дети мои, выбор только один: Париж, или наша деревня! Но все же — лучше Париж!

Я на опыте убедился, что сей достойный человек в своем роде был прав, считая столицу убежищем для угнетенных и отрадой рода человеческого: Париж и впрямь — порождение человеческого гения, и впечатление от него трудно выразить словами. Но нравственность подвергается там изрядным опасностям. Увы! Присущ ли порок столице, или тот, кто в ней развращается, уже приезжает туда с порочными наклонностями? Эдм Ретиф остался в Париже столь же чистым, как и на лоне природы... Счастливый смертный! Счастливое отечество, имеющее подобных тебе сыновей!

---

[162] Примечания: 1.162

Почтенный человек видел вое в розовом свете: таковы все прямодушные люди. «Люди язвительные и мрачные больны духом, — говаривал он, — злым все представляется в уродливом виде, потому что у них некрасивая душа».

Отец оказался пророком, ожидая, что столица будет благоприятным поприщем для его детей. Если бы не превратности судьбы, двое его сыновей обрели бы в столице, подобно отцу, свое счастье. Шарль Ретиф, безвременно погибший в Ганновере, сделался любимцем одного нотариуса, которого так очаровали его достоинства, что он задумал выдать за него свою племянницу. У нас сохранилось письмо, присланное им по этому поводу отцу после того, как Шарль завербовался в королевские войска. Тот сделал это не из любви к беспутной жизни, но из пламенного желания пожертвовать собой ради отечества.

Другой сын устроился бы еще лучше, но его всю жизнь преследовал злой рок... Печальный пример для непослушных детей, которые предаются пылким страстям, и считают себя вправе самостоятельно решать самый важный вопрос — выбор подруги жизни... Прежде, чем поведать о его судьбе, я расскажу читателю об одном удивительном происшествии.

По странному совпадению (в котором, впрочем, нет ничего чудесного) в 1764 году в Париже возглавлял такое же дело, как господин Помбелен, его внук, сын Эжени; он был столь же богат, как дед, и имел двух очаровательных дочерей, стар-

шую из коих звали Розой, а младшую Эжени, в честь бабки и ее сестры. Как это ни странно, один из сыновей Эдма Ретифа, случайно встретив этих девушек и не будучи с ними знаком, без памяти влюбился в старшую. Увлеченный страстью, с которой он был не в силах совладать, злосчастный молодой человек стал писать анонимные письма, не преследуя при этом никакой определенной цели, ибо он был женат; на девушку эти письма не произвели впечатления, несмотря на выраженные в них пламенные чувства и признания, но ее отец обратил на них внимание. Ему захотелось узнать их автора, и он велел своим приказчикам его выследить. Они скоро его поймали, но не в тот момент, когда влюбленный опускал письмо в ящик — он делал это чересчур осторожно, — его обнаружили в подвале, из окошка которого он созерцал несравненную Розу Б.; его схватили и потащили в залу, где находились обе сестры, их брат и остальная семья, отсутствовал лишь отец. Какое испытание для человека застенчивого от природы, вдобавок неряшливо одетого! Он испытал стыд и унижение, выслушивая заслуженные упреки, но более всего страдал от презрения, какое выказывала ему обожаемая особа.

Отец Розы появился в момент, когда его застав-

ляли написать несколько слов, желая убедиться, что он автор писем. Увидав молодого человека, господин Б. выслал всех из комнаты; почувствовав невольную симпатию к незнакомцу, он мягко обратился к нему:

— Почему вы стараетесь разбудить в сердце моей дочери пагубную страсть? Почему вы оскорбляете меня? Ведь я вам ничего худого не сделал? Что вы можете сказать в свое оправдание?

Молодой безумец, тронутый добротой господина Б., бросился к его ногам. — Виноват! — воскликнул он. — Вот все, что я могу и хочу сказать. Но страсть оказалась сильнее меня, я действовал как бы против своей воли. — Обычное оправдание тех, кто дурно поступает. — Я в отчаянии от того, что сделал, но скажу по правде: не поручусь, что снова этого не совершу. — Кто вы такой? — Я из провинции. — Из какой? — Из Бургундии. — Из Бургундии? Как вас зовут? — Он назвал себя. — Друг мой, успокойтесь. Ваш отец жил некогда в Париже? — Да, сударь, и был здесь счастливее меня. — Не знал ли он господина Помбелена? — Знал, сударь и даже очень близко, смею вас уверить. — Близко, говорите вы... То, что произошло, меня огорчает, но... приходите ко мне

завтра, да приоденьтесь. Мы побеседуем. Полагаю, вы свободны, то есть холосты и не связаны никакими обязательствами. Ступайте через заднюю дверь: все уже разошлись... Возвращайтесь завтра и спросите меня, слышите?

Молодой человек вышел с отчаянием в сердце. У него не хватило мужества прийти на следующий день; если бы он был свободен!.. Он написал письмо, в котором умолял господина Б. хотя бы намекнуть ему, о чем он хотел с ним поговорить.

Ответ

«Вы знаете мое имя — я сын Эжени Помбелен. Мать рассказала мне о том, что произошло между вашим отцом и моей теткой. Союз между нашими семьями тогда не состоялся, но я с удовольствием заключу его теперь... лишь бы вы походили на своего отца, как Роза, моя старшая дочь, походит на свою тетку, а Эжени, младшая, на мою мать. Ждем вас вечером. Эжени Помбелен еще жива и будет рада увидеть вас».

Ответное письмо

«Милостивый государь!

Злой дух, похитивший мой покой, привел меня на улицу, где вы живете. Я не могу к вам прийти — это стоило бы мне жизни. Остаюсь с глубоким уважением...»

Молодой человек поступил правильно. Зачем бы он пошел в этот дом? Но происшествие пагубно отразилось на его жизни. Он и раньше не был счастлив, а тут затосковал и опасно занемог, он был на краю могилы; сильный организм справился с болезнью, но он так никогда и не изведал счастья, не говоря уже о покое. Его беспрерывно томили сожаления, он нес справедливое наказание за нарушение родительской воли. Да будет его судьба уроком всем, кто склонен следовать его примеру! Итак, мы видим, порок сам себя казнит.

Отцы как бы продолжают жить в детях, и рассказывая о добродетелях двух старших сыновей Эдма Ретифа, я только подчеркну его заслуги.

Эдм-Никола был вторым сыном Эдма Ретифа. О нем можно сказать то же, что пишется в житиях почти всех святых: он возлюбил добродетель с детских лет. Это тем более достойно удивления, что сия природная склонность сочеталась у него с резвым характером, незаурядным умом и на редкость приятной внешностью. Он обнаружил поразительное рвение к наукам: просиживал ночи напролет за книгами, в ущерб своему здоровью. Естественно, что он делал быстрые успехи, ибо если pertinax labor vincit naturam — упорный

труд побеждает природу, — то он служит также к ее усовершенствованию. Эдм-Никола преподавал несколько лет философию в семинарии в Оссере, где тогда проходили все науки, и нотабли города, в большинстве его ученики, до сих пор вспоминают о нем с глубоким уважением. Впоследствии он был викарием по соседству с родными местами — в Вермантоне, в одном из самых благополучных приходов епархии. Там его очень любили, хотя он вел жизнь замкнутую и выходил из дому лишь для совершения служб.

После этого он был назначен в бедный многолюдный приход Куржи, небольшое селение по соседству с Шабли. Местные жители отличаются тяжелым характером, хотя с виду довольно приветливы; они до крайности упрямы и скрытны.

Получив этот приход, Эдм-Никола Ретиф привязался к нему и решил остаться там до конца жизни. Монсиньор де Келюс весьма его ценил; достойного прелата радовало, что Эдм-Никола, к которому он всегда благоволил, за десять лет своего служения оправдал возложенные на него надежды. Епископ не скупился на знаки внимания, когда кюре Куржи посещал его в Реженне, и однажды перед многочисленным собранием назвал его гордостью своей епархии. Зная, сколь

бескорыстно распоряжается молодой кюре доходами своего бенефиция, прелат решил дать ему более значительное место и перевести в Вермантон, где тот раньше был викарным и пользовался любовью паствы. Он поручил отцу Крезо, почтенному священнику одного из приходов епископской резиденции, человеку подлинно апостольских правил и возвышенной добродетели, предложить Эдму-Никола этот приход. Но молодой пастырь ответил своему духовному отцу (он исповедовался у отца Крезо), что нерасторжимо связал себя с церковью в Куржи, и не покинет ее до конца дней. Этот ответ понравился благочестивому епископу и он оставил Эдма-Никола на старом месте, ибо для него все приходы были одинаково дороги. В самом деле, зачем давать более доходный приход кюре, который как истинно добрый пастырь не печется о своей выгоде?

В наш век утешительно знать, что в иных местах имеются достойные служители церкви, которые своим примером указывают духовенству, как надлежит употреблять средства, посвященные богу. По правде сказать, их можно встретить только среди кюре, которые приносят истинную пользу, заслуживают уважение и плохо обеспечены земными благами. Эдм-Никола никогда не

жаловался на бедность кюре; напротив, я не раз слышал, как он ставил своим коллегам в заслугу это качество, роднившее их с Иисусом Христом. Он считал нравственную чистоту большинства представителей низшего духовенства следствием сей благотворной бедности, предписанной Христом апостолам и посему обязательной для его служителей.

Такова картина его жизни, полностью соответствующая истине: она воспроизведена мною в «Школе отцов», книге, получившей заслуженное внимание в Германии, где она опубликована в переводе.

Кюре Куржи воистину отец для своих прихожан, он улаживает их споры, утешает, ухаживает за больными, раздавая милостыню, он руководится правилами давать вдвое больше, чем у него есть... Сейчас я объясню, как это происходит. Он лишь незначительно помогает своим неимущим родственникам, и когда один из них на это пожаловался, кюре ответил: — Я распоряжаюсь значительной частью десятинного сбора. Мой приход приносит в год около десяти тысяч ливров, для моего содержания достаточно пятисот франков, приход бедный и излишки надлежит тратить на него. Но я не раздаю эти

деньги. Зимой я отпускаю хлеб и все остальное по половинной цене бедным и больным прихода. Все это как бы находится у них на хранении, я занимаю у богатых, чтобы получить средства для помощи обездоленным. Когда летом мне возвращают мою половину, я выплачиваю то, что мне ссудили, а если у меня недостает средств, обращаюсь в город за милостыней, не допуская, чтобы ее просил хлебопашец. — Вот как Эдм-Никола ухитряется давать больше, чем у него имеется. — Приняв этот приход, — продолжал кюре, — назвавшись пастырем этих бедняков, я тем самым их усыновил. Мои поучения не доходили бы до их сердец, если бы я не выполнял своего долга и не подавал им примера христианских добродетелей. Им известно, какими средствами я располагаю, знают они и то, что весь излишек принадлежит им; для них я являюсь образом самого Иисуса Христа. Итак, я должен кормить их, стяжать их любовь, чтобы проповедь моя трогала их сердце, в противном случае мне придется отказаться от бенефиция. Теперь вы видите, любезный кузен, что я могу для вас сделать. Моя доля отцовского наследия приносит мне около трехсот ливров дохода. Возьмите себе в нынешнем году, раз вас постигли беды, допущенные ботом для вашего

спасения, половину этой суммы, вторую я уже отдал другому родственнику. Ежели этих денег мало, я еще сокращу свои расходы, — долю моей паствы я не имею права урезывать, — и отдам вам все, что мне удастся сэкономить. Я с радостью буду питаться одним хлебом, лишь бы помочь любезным родственникам. Но если бы вы были на моем /месте и посещали на смертном одре несчастных, чья последняя надежда на вас, которым вы обязаны отдать не только свое имущество, но, если потребуется, и жизнь, как предписывает Спаситель, — разве могли бы вы от них отвернуться, оставаясь верующим, называя себя христианином, служителем алтаря, кюре?

Родственник должен был признать, что кюре Куржи выполняет свой долг.

Этот человек ведет образ жизни более суровый, чем последний из его прихожан; все свое время он посвящает служению ближним. Он встает в три часа утра и предается размышлениям над священным писанием, подготавливая очередную проповедь. В шесть часов он идет в церковь готовиться к мессе, которая начинается в семь. После службы он обычно остается в храме, в ожидании тех, кто обратится к нему за требой. Стоя на коленях перед алтарем, он ждет, когда звонок

возвестит ему, что пора идти просвещать души или дать отеческий совет. Эти дела занимают все его время до полудня, если ему не надобно навестить больных; в таком случае, обойдя их, он возвращается в храм. Он обедает, затем час прогуливается — летом в саду, зимой ходит по холодной комнате: обеспечивая дровами всех своих прихожан, кюре не отапливает свой дом. В это время он выслушивает прихожан, вникая в их нужды, а в послеобеденные часы хлопочет о них, стараясь облегчить их участь. Каждую неделю он обходит свой приход. Его любовь и доброта снискали ему всеобщее расположение, и этого дня все ждут с нетерпением: никто его не боится, как другого кюре, который подражает ему своим поведением, но не умеет сопровождать творимое им добро приветливым словом, а сохраняет неизменно строгое выражение лица, свидетельствующее о его высокой нравственности.

Эдм-Никола основал на свои средства школы, где детей учат бесплатно. Школой для мальчиков ведает Тома Ретиф, который не считает это занятие несовместимым со своим достоинством. Школой для девочек руководит одна из наших сестер; ее преемницами будут две примерные вдовы. Кюре и сам присматривает за детьми. Он

заставляет родителей посылать их в школу, и если их помощь нужна в хозяйстве, добивается, чтобы они посещали занятия по очереди. Случается иной раз, дети целый день проводят в поле, тогда пастырь раз в неделю приходит к ним по вечерам, заставляет их читать и писать, дает им книги и бумагу. В остальные дни его заменяет брат Тома, а того заменяют по очереди наиболее обеспеченные и отзывчивые прихожане, согласившиеся, по просьбе кюре, посвящать два часа в неделю обучению детей. Создается впечатление, будто те, кому труднее всех живется и недоступно даже обучение, для кюре дороже остальных. Если его спрашивают: — Зачем нужна грамотность таким беднякам?, — он отвечает: — Она доставляет им сладчайшую из отрад — радость познания. Отрада сия столь велика, что если бедняку предложить расстаться с нуждой ценой отказа от умственных занятий, он предпочтет отказаться от лучшей доли. Вот почему познание бога — несказанное блаженство для святых на небесах.

Но это еще не все, — Эдм-Никола заботится и об одежде детей, тратя на нее десятину с виноградников. Название этой повинности не точное, ибо то лишь двадцать первая часть, как, впрочем, и десятина с жатвы: священник берет себе каждый

двадцать первый сноп, а не десятый, что справедливее, чем наша десятина... Добрый пастырь поощряет и устраивает браки как бедных, так и богатых прихожан. Он говорит, что человек, все богатство которого заключается в руках, — сокровище для общества, если он в шестнадцать-семнадцать лет проявляет трудолюбие и крепок телом и духом. Чем бы вы ни предложили ему заняться, — искусством или ремеслом — он за все берется с усердием, радуется, что собственным трудом добывает себе пропитание. — Деятельный человек образует вокруг себя, — поясняет кюре, — род круговорота, какой, говорят, существует вокруг планет: он вовлекает в свою деятельность по крайней мере десять человек, которые становятся полезными членами общества. Если бы я посоветовал кому-нибудь безбрачие, — продолжает он, — так это состоятельным людям; они рождаются, чтобы повелевать, и двадцать, тридцать, пятьдесят человек обеспечивают их бесполезное и обременительное существование, Вокруг этих людей тоже образуется круговорот, но вовлекает он больше людей, чем круговорот вокруг полезного человека, он использует тысячи рук, которые его кормят, одевают, холят, меж тем как деятельный человек один кормит десятерых,

и поощряет их добывать пропитание для сотен других. Не думайте, будто вельможа или откупщик, для которого строят замок, раскрашивают и золотят экипажи, вышивают платье, который оплачивает содержанок и всякую подлую челядь, не думайте, будто он кормит этот люд: он отрывает их от полезной деятельности. В других условиях, они жили бы скромнее, содействовали бы общему благу, и т. д.

Достойному кюре Куржи довелось пройти через тяжелое испытание: в 1749 году, помнится 22 октября, в его приходе сгорело дотла сто сорок девять домов. Монсиньор де Келюс подал руку помощи, — он всю зиму кормил погорельцев, приходский пастырь рассылал письма по соседним провинциям, ездил повсюду сам, просил, и его просьбы не оставались без отклика.

Между прочим, однажды он послал человека к кюре прихода, расположенного между Тоннером и Куржи; тот жил как истинный философ, не заботясь о завтрашнем дне, не оставляя себе ничего про запас. Он не придавал значения деньгам и даже не прятал их: оставленные где попало, они валялись и на кирпичах очага, в золе, испачканные в саже. Когда вошел посланец и сообщил о цели своего приезда, кюре-философ

стал расхваливать своего коллегу в Куржи, его брата Тома, состоявшего при нем викарным, и добрейшего капеллана господина Фуана — прекрасного человека и достойного священника. Прихожане философа были люди состоятельные, и он повел посланца из дома в дом, приглашая хозяев жертвовать. Вернувшись домой и угостив гостя обедом, он сказал: — Друг мой, взгляните-ка на очаг — там все мои сокровища; мы их поделим. — В очаге лежало несколько луидоров; кюре отдал половину и послал любезное письмо, выражая симпатию и уважение трем духовным лицам, о которых знал только понаслышке.

Но больше всех после епископа помог погорельцам господин Клеман, казначей собора, близкий родственник господ Клеманов, советников парламента в Париже. Он хотел доказать свое глубокое уважение к кюре Куржи, оказывая помощь его пастве и тем самым доставляя ему великую радость.

Эдм-Никола не ограничился этими хлопотами и съездил в Париж за пожертвованиями. Заручившись рекомендациями господина Клемана, он прожил в столице около трех месяцев. Кюре не беспокоился за свою паству, которую оставил на попечение не наемных лиц, а достойного

капеллана господина Фуана; тот служил мессу, а Тома Ретиф, еще не возведенный в сан священника, преподавал катехизис и читал священное писание, заменяя проповеди старшего брата. На собранные средства и щедрые ссуды господина Дешана-отца, податного инспектора в Оссере и сеньора Куржи, селение было заново отстроено, и его жителям не пришлось нищенствовать и бродяжничать, что навсегда бы их погубило и отняло бы у государства полезных подданных.

У кюре Куржи имелись враги, но они не осмеливались поднимать голову, ибо поведение его не давало повода для малейших обвинений и сплетен. Оно заслуживает подражания, так как обезоруживает клевету, и молодым кюре не следовало бы пренебрегать подобным примером.

Эдму-Никола ныне за шестьдесят, и он даже удваивает рвение, приближаясь к желанному концу, который должен увенчать его труды. Преемники монсиньора де Келюса относились к нему с уважением, но прежней близости не было: тот был для него вторым отцом и преданным другом.

Прихожане все же упрекают своего кюре в том, что он затягивает службу и тратит много времени на поучения. Этот упрек не лишен ос-

нования, хотя почтенный кюре надеется таким путем удержать прихожан от легкомысленных и опасных развлечений. Ему, вероятно, следовало бы подумать о том, что люди не ангелы и надлежит считаться с человеческими слабостями. Впрочем, побуждения служителя алтаря столь возвышенны, что нельзя усомниться в его беззаветной преданности пастырскому долгу.

Да будет мне позволено в заключение привести отрывок из «Школы отцов», где идет речь о почтенном отце Пинаре, который был кюре в Нитри в дни молодости моего отца. Рассказ о нем записан со слов Тулежура.

— Некогда в Нитри устраивались на площадке перед церковью игры, борьба, танцы, состязания в беге. Ни добрейший кюре Пинар, ни школьный учитель Бертье не возражали против этих развлечений, даже против танцев по воскресеньям и в праздники, хотя они привлекали парней и девушек. Тут никогда не происходило ничего предосудительного: дети, привыкшие сидеть в школе бок о бок на уроках закона божьего, не занимаются глупостями, когда развлекаются вместе. Это происходит лишь там, где девочек держат взаперти, воспитывают отдельно, словно хотят сделать из них затворниц. И что же полу-

чается? Это все равно, что сильно натягивать тетиву арбалета: чем дальше ее оттянуть, тем сильней она отскочит назад. Когда встречаются юноши и девушки, воспитанные порознь, они ведут себя дурно из желания воспользоваться случаем. Вот почему наш добрый кюре и слышать не хотел об обучении мальчиков отдельно от девочек, чего добивались семьи буржуа из Ноайля, переселившиеся в Нитри. Могу сказать, что сохранившаяся еще у нашей молодежи сдержанность — следствие совместного обучения, при котором мальчики и девочки постоянно видятся. Я знаю, что в городах подобное совместное обучение привело бы к иным последствиям. Дело в том, что в городских женщинах и девушках мужчины привыкли видеть лакомство, которое их манит отведать. Их одежда и украшение — как сахар и мед; мужчины и даже юноши не могут видеть их равнодушно, привычка не притупляет возникшее желание, ибо мода заботится о разнообразии, и таким образом они предстают в вечно новом обличии. Парижанка меняет пять-шесть раз на дню прическу, придающую ей все новый вид. Что говорить об остальных ухищрениях! О румянах и множестве других прикрас, хорошо мне известных по рассказам земляка, служивше-

го лакеем в Париже? Таким образом в столице одна женщина появляется перед мужчинами в двадцати видах, меж тем как наша деревенская девушка всегда одна и та же; воскресный наряд, будучи незатейливым, не слишком ее изменяет. В заключение можно сказать, что в деревнях нет никакой необходимости разделять мальчиков и девочек в школах: подобная мера может дать мыслям дурное направление. Итак, возле церкви происходили различные игры. Взрослые наблюдали, образуя большой круг. Перед лицом подобных свидетелей вряд ли кто-нибудь отважился бы на вольность! Наш добрый кюре не только не отговаривал прихожан от посещения игр, но поощрял их. — Ступайте, ступайте, — говорил он им, — поглядите, как резвится молодежь. В вашем присутствии эти игры всегда будут носить невинный характер. Я сам не могу всюду поспеть: вместо меня пусть приглядывает каждый отец семейства. — Таким образом молодежь по воскресеньям достойно развлекалась, а взрослые забавлялись, на нее глядя; веселье отражалось на всех лицах, и к вечеру все расходились довольные. В наши дни ничего этого уже нет, наши молодые люди встречаются украдкой и говорят при этом одни мерзости.

Кюре Пинар не был столь набожным, как кюре Куржи, — тот, пожалуй, единственный служитель церкви во всей округе, придерживающийся апостольских правил. Отец Пинар был снисходительный священник с доброй, открытой душой, он вмещал всех прихожан в своем сердце. Если бы вы видели, как поселяне окружали его в праздники и по воскресеньям, когда он выходил после мессы, если бы вы слышали, как он всех приветствовал, справлялся о членах их семей, вы бы сказали: «Вот отец своих детей; быть может, он чересчур добр, дурной человек может злоупотребить его добродушием, но, несомненно, людей прямодушных он своим примером побуждает ревностнее исполнять обязанности и свой долг!» Мне вспоминаются последние годы его жизни. О, сколь светла была вера, сиявшая на этом покойном и ясном челе! Какое почтение внушал убеленный сединами старец! Тем немногим, что есть во мне хорошего, я обязан, после бога, этому человеку и его незабвенному помощнику учителю Бертье! Он не терпел ссор между нами (его преемники их заводят сами), и мирил всех, отлично угадывая правду и ложь, ибо он знал превосходно всех нас. Его молитвы и поучения в церкви были кратки, но как проникновенно

он их произносил! Сколько чувства вкладывал в проповеди! Я запомнил слово в слово проповедь, которую он произнес как-то в воскресенье в августе. Всю ночь шел дождь, в воскресенье с утра прояснилось, и его попросили отслужить мессу пораньше, чтобы просушить сжатый хлеб и успеть к вечеру связать его в снопы. Отец Пинар не поднялся на кафедру, но вышел на амвон.

— Дети мои, чада господни, — сказал он, — я призываю вас всех отправиться в поле и вязать снопы, покамест стоит прекрасная погода. Вы взысканы небесной благодатью, вас осеняет милость господня, пользуйтесь же этим. Народу, повиновавшемуся закону Моисееву, не дозволено было нарушать день субботний; но мы, дети искупления, свободны от мертвой буквы и слепого подчинения ей. Наше единственное обязательство состоит в любви к богу и к нашим братьям. Любовь к богу умиротворяет нас и удовлетворяет в этой жизни; любовь к братьям вызывает их ответную любовь к нам. Мы даем, и нам дают. О дети мои, будем любить друг друга!

Я призываю тех, у кого нет сжатого хлеба, оказать помощь тем, у кого он есть; эта услуга принесет душе больше пользы, чем посещение церкви. Дети мои, когда будут звонить к вечерне,

не приходите сюда; будьте со мной своими добрыми помыслами. Я буду служить во имя своих детей, распростертый перед святым алтарем, перед которым вы обещали быть верными богу своему. Наш школьный учитель, ваш второй отец, и несколько стариков будут петь со мной. Да благословит вас бог, как я благословляю вас сейчас от его имени.

Отец Пинар поучал молодежь, всякий раз сообразуясь с умственным уровнем своих слушателей; он приводил доказательства, подсказанные здравым смыслом, говорил просто и вразумительно. Рассуждая о морали, он старался нам показать, какую пользу она приносит людям. Его наставления были столь просты и безыскусственны, что и самые ограниченные высказывали свое мнение. Затем он повторял все, что было сказано каждым из нас, делая поправки, кое-что дополнял, убедительно доказывая необходимость нравственного поведения.

Я считаю, что отец Пинар образцовый сельский кюре. Но не все придерживаются такого мнения. Впрочем, я не беру на себя смелость давать советы старшему брату; у него больше разума, знаний и опыта, и я полагаю, что он действует превосходно, применяясь к душевному складу

своих прихожан: не для всех больных пригодны одни и те же лекарства.

Тома Ретиф, брат кюре Куржи, моложе его на несколько лет и обладает счастливым характером, какой приписывают людям золотого века. На челе его написаны скромность и простодушие, а едва он заговорит, к нему проникаешься совершенным доверием. По своей скромности он отказался от посвящения в сан, который несколько раз ему предлагал монсиньор де Келюс. Прелат даже поручил написать ему следующее:

«Я знаю, что вас удерживает: не обладая дарованием своего старшего брата, вы почитаете себя неспособным; но, любезный сын мой, в моей епархии не найдется и трех людей, похожих на вашего брата, и не надобно на него равняться. И во многом ему уступая, можно быть весьма полезным человеком. Прошу вас больше не отказываться! В качестве вашего епископа я заявляю, что иначе вы будете в ответе перед всевышним за талант, который он даровал вам для спасения душ...»

Слова епископа испугали Тома Ретифа, но кюре, которому очень хотелось оставить его при себе, ответил за него монсиньору, сославшись на пользу, которую приносит брат, обучая детей,

на многолюдность прихода и другие обстоятельства.

— Но у него нет прочного положения?

— О нем есть кому позаботиться: бог — отец всех людей на земле!

Этот чистосердечный ответ весьма понравился прелату, и он послал свое пастырское благословение добродетельному молодому человеку, который предпочел «быть последним в доме господнем, чем первым в чертогах грешников».

Я переступил бы рамки своего повествования, если бы продолжал описывать жизнь Тома Ретифа. Вдобавок, я опасаюсь, что мой труд попадет в руки моих почтенных братьев, и это мешает мне сказать о них все, что мне бы хотелось. Пусть моя краткая похвала будет данью моей любви к ним! Их признательность я надеюсь заслужить своим молчанием.

Барб Ферлэ на восемь лет пережила мужа, она умерла в июле 1772 года. Мы обошлись с ней, как наш почтенный батюшка поступил со своей матерью, и с общего согласия предоставили ей пожизненно распоряжаться имуществом, которое должно было перейти к нам после смерти отца, и она пользовалась доходами с него до последнего вздоха.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕТИФЕ

Никола-Эдм Ретиф де ла Бретон родился в 1734 г. и умер в 1806 г., таким образом нас отделяют от него почти два столетия. Но еще значительно ранее, чем они истекли, имя этого писателя, в свое время известного и привлекавшего внимание современников во Франции и в других странах, старались предать забвению. Ретифом французская критика вплоть до последнего времени занималась мало. После довольно обширной монографии и подробного библиографического справочника, составленных в тридцатых годах девятнадцатого века его другом Кюбьер-Пальмезо, о Ретифе вышло несколько критических работ в пятидесятых, затем в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов. Тогда же начали переиздавать некоторые сочинения Ретифа с очерками Жюля Ассеза, поэта Жерара де Нерваля, Монселе, Анри ле Бретона, Сури, Поля Лакруа и других. В нынешнем столетии на Западе Ретифу де ла Бретону было посвящено два исследования Функ-Брентано в двадцатых годах и нескольких других авторов в позднейшие годы (Мариус Буассон — 1924, Адольф Табаран — 1936, Арман Беге

— 1948 и др.).

Между тем — и это важно подчеркнуть — все критики и биографы Ретифа почти единодушно — если, разумеется и не одинаково одобрительно, — признают его одним из самых демократических, плебейских, писателей XVIII в. Никола Ретиф иногда искал общество аристократов (знатные покровители Вольтера и Руссо не давали ему покоя!), иногда похваливал просвещенный абсолютизм, однако все это следует считать наносным, данью времени и обстоятельствам нелегкой жизненной судьбы, следствием его личных свойств — Ретифу ничего не стоило всполошиться, забить тревогу по пустому поводу, вообразить опасность — он легко пугался, воображал мнимые угрозы и преследования. Но до каких бы нелепостей Ретиф ни договаривался, он неизменно оставался демократическим писателем, все его симпатии на стороне униженных и обездоленных, он проявляет редкое в его эпоху уважение к труду, верит в его воспитательное значение и выказывает инстинктивное отвращение к произволу, паразитизму и привилегиям.

Ретиф был наблюдателем, художником-реалистом почти в современном значении этого слова (мы не будем касаться здесь разногласий по пово-

ду роли и значения Ретифа в становлении раннего романтизма, равно как и корней его творчества в сентиментальном направлении). В его сочинениях важны не его выводы, а то, что он изобразил и как он это сделал. Вероятно, справедливо сказать, что образы Ретифа не достаточно динамичны, но все же сочинения его дышат такой правдой, насыщены такими живыми наблюдениями, что по ним и сейчас легко себе представить жизнь, характеры и образ мыслей людей того времени. Трудно вообразить себе лучшую базу для суждения о социальных, экономических и идеологических сдвигах и изменениях во Франции двух предпоследних Людовиков, чем оставленные нам Ретифом картины обычаев и нравов его современников. Ретиф почти всегда писал по горячим следам: возвращаясь домой после своих излюбленных ночных прогулок по Парижу, он тут же записывал впечатления, нередко сразу превращая их в эпизоды романов.

Наша оценка творчества Ретифа совпадает с суждениями его выдающихся современников. Шиллер писал Гете после чтения «Господина Никола», что он нашел в романе: «...бесчисленные характерные картинки, живо рисующие нравы и национальный быт французов..., неизмеримой

ценности для изучения природы человека». Гете согласился и назвал книгу бесценной, «несмотря на все пошлости и возмутительные подробности, которые в ней находятся». Гумбольдт считал «Господина Никола» наиболее правдивой и живой книгой, какая когда-либо была написана. Лафатер, именуя Ретифа «Ричардсоном французов», находил у него наиболее верное изображение физиологии французского характера. Можно привести и отзыв Гюго, своеобразно выразившего свою оценку Ретифа: «Всякий человек каменщик, — сказал он, — и Ретиф де ла Бретон принес на стройку свою полную плетушку штукатурки».

Что же представляет собой литературное наследие Ретифа, этого «Тенирса романской культуры» или «Бальзака XVIII века», как величали его некоторые критики? Оно составило около двухсот томов вобравших более полуторы тысяч рассказов, новелл и романов. Большинство их носит автобиографический характер: недаром Ретиф писал в предисловии к своему центральному произведению «Господин Никола», что он дает «историю своего тела, своей души, своего сердца, своих любовных и литературных трудов». Эта особая черта творчества Ретифа заставляет, хотя бы бегло, остановиться на основных вехах его

биографии.

Никола-Эдм Ретиф, позднее облагородивший свою простонародную фамилию прибавкой «де ла Бретон», по названию фермы, принадлежавшей его отцу, родился в 1734 г. в деревне Саси, в Нижней Бургундии. Его отец был крестьянином и принадлежал к старинной деревенской семье, в которой жили отголоски отдаленных протестантских традиций. Это обстоятельство дало впоследствие писателю повод сочинить себе фантастическую родословную, возводимую к римскому императору Пертинаксу, правившему около трех месяцев в 193 г. н. э., и наградить себя именитыми предками, будто бы лишившимися титулов во время религиозных войн XVI в. Как бы ни было, отец Ретифа был потомственным крестьянином, а его дядья — священниками-янсенистами: в этом, очевидно, сказывались пережитки старинной вражды с католичеством.

Родственник отца — адвокат — посоветовал дать Никола образование, чтобы сделать его священником. Заметим, что научившись как следует читать лишь к одиннадцати годам, мальчик еще в десять лет делал заметки, словно чувствовал, что ему понадобится материал для будущих романов. В этом весь Ретиф, с его

преждевременным развитием и беспокойной любознательностью. Дядя-кюре выучил Никола с грехом пополам латыни — умея читать, тот почти не понимал прочитанного. Эти факты позволили впоследствии критикам презрительно называть Ретифа «неотесанным мужиком, свинопасом, набравшимся скудных сведений по латыни». Следует, впрочем, сказать, что Никола учился неохотно, отлынивал и ленился, просил отца взять его домой и оставить пахать в деревне — сельские работы он любил всю жизнь.

Духовная карьера так и не удалась, отчасти из-за гонений на янсенистов, скомпрометировавших положение дядей Никола.

Юношу отдали учеником в провинциальную типографию, где он быстро усвоил ремесло наборщика. Последствия любовной связи с женой хозяина заставили Ретифа спешно покинуть город. Он переселился в Париж и нанялся простым наборщиком. Ретиф работал усердно и в недолгом времени стал руководить типографией. Позже писатель стал незаурядным знатоком типографского дела и в дальнейшем писал по специальным вопросам книгопечатания, в котором разбирался как в крестьянской работе. Ретиф неоднократно набирал и печатал сам свои сочи-

нения, как это делал его старший современник Ричардсон, а после него — Бальзак.

Работа печатника ввела Ретифа в мир литературы. В 1767 г. — Ретифу было уже тридцать три года — он опубликовал первый роман «Добродетельная семья», подражательный с начала и до конца, в котором описывалась любовь некой Леоноры, чьи приключения «лишь прибавляли блеску ее добродетели». Один из исследователей творчества Ретифа, Адольф Таберан, иронически заметив, что следует восхищаться цензором, одобрившим роман без всяких оговорок и отметившим, что он обладает двойным достоинством, доставляя развлечение и оправдывая свое название, пишет, что «Добродетельная семья» самое пустопорожнее и унылое произведение Ретифа, в котором на одной тысяче ста пятидесяти страницах развертывается повествование, лишенное красок и движения, безнадежно пошлое, чтение которого вдобавок затруднено изобретенной самим автором орфографией».

За этим романом последовало скороспелое сочинение «Люсиль, или Успехи добродетели», также не обратившее на себя внимания публики, впервые заинтересовавшейся романом «Ножка Фаншетты, или Французская сирота, история

поучительная и интересная» (1769). Подлинный успех принес Ретифу роман «Совращенный поселянин», появившийся в 1775 г. Критика, до того враждебно относившаяся к Ретифу, встретила роман сочувственно, и сам Дидро одобрил его. «Совращенный поселянин» перекликается с «Удачливым крестьянином» Мариво и навеян им, но в этом сочинении проявились лучшие стороны дарования Ретифа. Он и сам считал «Поселянина», наряду с последовавшим за ним вскоре романом «Совращенная поселянка», своим самым значительным произведением.

Дальнейшая жизнь Ретифа проходит в напряженном литературном труде. Хотя он писал необычайно легко и быстро, никогда не правил написанное, нельзя не удивляться его продуктивности.

Со временем появились литературные знакомства. Ретиф довольно коротко сошелся с Бомарше, постоянно встречался с Мерсье, знавал Шенье, Сенака де Мейлана, Клода Кребийона, которого впоследствии высмеял заодно с Вольтером в памфлете «Парижские супруги». Литературные связи не сделали Ретифа чьим-нибудь последователем, и если он испытал, особенно в первый период, влияние Руссо, то все же до конца жизни не при-

мкнул ни к одной литературной группе, всегда был самостоятельным, и от страниц его романов веет крестьянским духом независимости.

Биографы Ретифа, рассказывая о его распущенности и низменных вкусах, вместе с тем отмечают его непритязательность и неприхотливость. Ретиф легко переносил бедность, почти неразлучную спутницу всей его жизни. Он удовлетворялся убогим обиходом, не притязал на роскошь и, не в пример большинству собратьев, не заботился о благополучном существовании, не искал почестей и отличий, ниже покровителей. Правда, он считал себя жертвой козней, лишивших его заслуженных лавров и богатства, однако эти сетования Ретифа относились главным образом к его непризнанным проектам реформ.

Ретиф бесспорно принадлежал к тем слоям населения, которые ждали крушения абсолютизма, так или иначе он расшатывал устои феодализма и приветствовал наступление революции — в ряде сочинений он очень определенно предсказывал ее неизбежность, и все же развернувшиеся события застали стареющего писателя врасплох. Он растерялся, был напуган, во многом разочарован и многое не понял, и так до конца не мог определить свое отношение к революции. Обес-

ценивание ассигнаций и другие обстоятельства лишили Ретифа средств к существованию, он бедствовал, и все же радовался, вместе со всей крестьянской Францией, крушению феодальных порядков. Ретиф попеременно то сочинял хвалебные послания Конвенту, прославлял Марата и Робеспьера, то призывал громы на голову террористов, а потом клеймил термидорианцев, требовал уничтожения религиозных культов и тут же превозносил роль католического духовенства. Ретиф мало заботился о логической последовательности выводов, ибо действовал и писал под влиянием самых различных, преходящих побуждений. Устойчивыми в нем были только его крестьянские симпатии и уважение к труду — все остальное носит характер эклектический и случайный. Неустойчивая позиция делала поведение Ретифа двусмысленным, и в накаленной атмосфере революционной борьбы он внушал подозрения обоим лагерям — как роялистам, так и якобинцам. Современникам запомнился силуэт сутулого, нелюдимого старика, бедно и неряшливо одетого, с кульком дешевых груш или слив и копеечным хлебцем в руках — Ретиф завтракал и ужинал таким образом, совершая свои бесконечные уличные прогулки. В самые тревожные дни

революции он не изменял своим привычкам и, остановленный ночным патрулем, отвечал: «Это идет совращенный поселянин!». Популярность романа была настолько велика, что писателя пропускали беспрепятственно. Излюбленным местом прогулок Ретифа по ночам были древние улицы и набережные острова св. Людовика, где он часто делал на камнях надписи, афоризмы, максимы. За это его иногда штрафовала полиция, дети бегали за чудаковатым стариком. Сам Ретиф придавал этим надписям значение и опубликовал целый том под заглавием «Мои надписи».

Возвращаясь под утро домой, он ложился в постель и начинал писать. В период между 1790 и 1806-м годом Ретиф написал огромное количество всевозможных произведений. Бывал Ретиф и в обществе, посещал литературные салоны, но водился он и со своднями, шулерами, проститутками, бродягами, сыщиками.

Жемчужные зерна наследия Ретифа приходится отбирать из огромного количества страниц, исписанных неряшливой рукой, нередко подталкиваемой разнузданным воображением. Главное в Ретифе это — то, что он писатель неуживчивый и неудобный: он постоянно недоволен, критикует, и, при всей своей непоследовательности,

склонен обличать общественные язвы и существующие порядки. В своих сочинениях Ретиф де ла Бретон всюду и везде, даже нагромождая небылицы или обнаруживая вопиющее незнакомство с предметом, о котором судит, верен и правдив в передаче условий жизни, обстановки, социальных отношений, наблюдения его всегда остры, и в его романах содержится верное отражение обычаев и нравов современного ему общества. Писал же он их во времена, когда особенно остро обнаруживалась несостоятельность абсолютной монархии и феодальных порядков, рушились вековые авторитеты, и, как часто бывает перед крупными социальными потрясениями, в обществе царили разброд и злоупотребления. Свидетельства Ретифа приобретают характер обличения.

Ретиф, человек своего времени, был хорошо знаком с трудами Вольтера, Руссо, энциклопедистов, нередко сам набирал сочинения своих собратьев, находился, словом, в самом средоточии литературного потока тех лет. Однако, в отличие от большинства литераторов и философов XVIII века, Ретиф не принадлежал к привилегированным сословиям, и даже к средним слоям горожан: он выходец из деревни, крестьянин, что само по

себе представляет явление исключительное в истории литературы эпохи последних Людовиков. Мужицкая жилка билась в нем всю жизнь, и, оказавшись на самом «дне» городского общества, он не переставал вспоминать о деревне как о потерянном рае. Его сочинения вылились в обличение испорченности городских нравов, гибельности городской почвы для нравственных и чистых людей из деревень. Сокрушаясь об этом, Ретиф за полстолетия до формулы Прудона: «собственность — это кража» сказал, что «собственность — источник всех пороков, всех преступлений, всякого разврата». Это делало Ретифа в глазах идеологов собственности вредным смутьяном — «Вольтером рынка» (Le Voltaire des halles) и «Руссо сточных ям» (Le Rousseau du ruisseau).

Писатель сам давал сильное оружие недоброжелателям. Было не трудно, сославшись на эротические мотивы сочинений Ретифа, объявить его писателем порнографическим и безнравственным, и исключить из литературного обихода. Неприемлемый по своим социальным симпатиям и резким суждениям, Ретиф де ла Бретон был именно под таким предлогом вычеркиваем из большой литературы. Во времена Ретифа

издавались альковные романы Кребийона-сына и «Похождения кавалера де Фобласа», мемуары Казановы, не вызывая чрезмерно строгих оценок. Ретиф попал в немилость не из-за описания «любовных трудов», а потому, что дух его произведений, их социальная направленность встречали враждебное отношение буржуазной критики. Слов нет — любовные похождения занимают в сочинениях Ретифа де ла Бретона весьма значительное место, но рассказ его всегда бесхитростен, искренен до наивности, поэтому рискованные описания выливаются из под его пера естественно и не выглядят безнравственными.

Сам Ретиф всегда считал — и это очень важно для понимания сути и мотивов его творчества, — что своим литературным трудом он поучает людей, исправляет нравы и служит человечеству. Рассказывая о пороках, Ретиф тут же дает рецепты, как с ними бороться, указывает пути к исправлению. «Я предполагаю в дальнейшем, — пишет он, — издавать труды не только оригинальные в смысле выдумки, но содержащие планы и взгляды, полезные для счастья человечества».

Он почитал себя реформатором и учителем

человечества, более значительным, чем Руссо или Вольтер, которых критиковал, простодушно возмущаясь тем, что их популярность затмевает его заслуги.

Вспомним, что Ретиф создал целую серию программных сочинений, в которых он, касаясь самых различных сторон человеческой жизни и устройства общества, предлагает свои реформы, советы и нововведения. Назовем хотя бы его «Фесмограф» — содержащий пересмотр существующего законодательства и предлагающий замену его новым, составленным в духе философских учений XVIII века; «Андрограф» — длинное рассуждение об исправлении нравов; «Антропограф» — посвященный специальному рассуждению о человеческой природе и способам воздействия на нее; «Мимограф» — многостраничный сборник писем вымышленной актрисы, предлагающей пути преобразования театра, рецепты для постижения сценического искусства; «Глоссограф» — предлагающий коренную реформу орфографии французского языка и поражающий более своей пародоксальностью, чем научной обоснованностью.

Эта группа сочинений Ретифа де ла Бретона вызвала презрительные отзывы его ученых

современников, которые просто высмеяли его проекты как перепевы носившихся в то время в воздухе и поверхностно воспринятых идей. Один из критиков назвал многосторонние писания Ретифа «бредовым энциклопедизмом». Коснувшись разных сторон человеческой деятельности, всей совокупности интересующих человечество вопросов, Ретиф обо всем высказал свое мнение, предложил реформы и исправления, проявив во многих случаях легковесность суждений.

Ретиф де ла Бретон не был призван стать реформатором и учителем человечества. У него не найти ни страстной убежденности и силы красноречия Руссо, ни разящей язвительности Вольтера, ни широты охвата Дидро. По глубине мысли, способности обобщения, теоретической подготовке Ретиф безусловно уступает не только названным философам и писателям, но и другим деятелям эпохи Просвещения. Однако мало кто из писателей и философов той эпохи так пристально вглядывался в жизнь городских низов и деревни, и знал их так основательно, как Ретиф. Он поразительно тонко и верно во всех оттенках отобразил быт и условия существования крестьян на протяжении всего XVIII столетия. В этой области — знании деревни, — Ретифа не

обвинишь ни в фантастических представлениях, ни в поверхностной осведомленности: тут он в родной стихии — нет мелочи обихода или стороны хозяйства, нет принадлежности упряжи или секрета настройки плуга, которые бы он не знал так же досконально, как и бедственное социальное положение деревни в целом. Очень нетрудно от крестьян «Жизни отца моего» провести преемственную нить к мужикам Золя.

Знакомясь с почти беспримерным по объему — около двухсот томов — наследием Ретифа, приходишь к выводу, что его роль бытописателя эпохи не только не утратила значения, но становится все очевиднее по мере того, как его век уходит от нас.

В советском литературоведении Ретифом де ла Бретоном первыми занялись историки, исследовавшие его место в ряду мыслителей социологов, изучавшие его влияние на Шарля Фурье и показавшие корни его утопии «Южное открытие». Именно этот утопический роман Ретифа де ла Бретона был, правда с большими купюрами, издан в 1936 г. издательством «Академиа» под общей редакцией академика В. П. Волгина и с предисловием и комментарием А. Р. Ионнисяна, впоследствии академика АН Армянской ССР. В

1924 г. была выпущена издательством «Молодая гвардия» небольшая брошюра (125 стр.) — «Ночи революции», в переводе А. Н. Чеботаревской, представляющая коротенькое извлечение из многотомного труда Ретифа «Ночи Парижа», — ставившее своей целью познакомить широкого советского читателя с самыми революционными высказываниями писателя.

В кратком, но точном и компетентном очерке творчества Ретифа, написанном в 1935 г. для «Литературной энциклопедии» Б. П. (т. е. Б. И. Пуришевым), «Южное открытие» характеризуется как роман, связанный с идеологией плебейско-демократических слоев, — «...в котором автор, окрыленный идеями Руссо о естественном человеке, набрасывает картину идеального государства, каковым оказывается вымышленное государство мегапатагонцев, населяющих один из островов южного океана. Здесь царят всеобщее довольство и счастье, так как туземцы не знают социального и имущественного неравенства, порождающего страдания и пороки. Здесь все трудятся, но труд здесь не изнурителен, а почетен. «Между равными все должно быть общим, каждый трудись для общего блага, каждый получает в нем одинаковую долю»

— гласят правила, регулирующие их общественную мораль. Отношение полов отличается здесь относительной свободой, однако женщина рассматривается как пол, подчиненный мужчине. К роману Р. де ла Б. прилагает «Письмо обезьяны к своим соплеменникам» («Lettre d'un singe aux animaux de son espèce») — ядовитый памфлет на государственные и социальные учреждения дореволюционной Франции».

В трехактной пьесе «Двухтысячный год» Ретиф еще раз пытается нарисовать грядущее общественное устройство планеты, но ему лучше всего удается обстоятельное описание подготовки брачной церемонии в обществе будущего.

Многие сочинения Ретифа имеют полуавтобиографический характер, где он часто выставляет в них под вымышленными именами своих родственников и знакомых, передает события и факты своей жизни, разумеется, привнося в эти рассказы и характеристики все, что подсказывало ему его необузданное воображение. На наиболее последовательное изложение переосмысленных событий своей жизни претендует многотомный роман «Господин Никола, или Разоблаченное человеческое сердце». Эта огромная летопись целой жизни. Нет мелкого происшествия, ин-

тимного переживания, нет даже неблаговидного поступка или постыдной мысли, о которых бы Ретиф не рассказал без утайки, с предельной откровенностью.

В шестнадцати частях «Господина Никола», впервые опубликованного в выпусках, выходивших с 1794 по 1797 г., выпукло обнаруживается стремление Ретифа к реалистическому изображению действительности: типография, обстановка работы, подробности деревенской жизни, быт провинциалов и мелких парижских буржуа, повседневные заботы, происшествия, все это описано так рельефно и верно, что вводит читателя в круг интересов и понятий героев и переносит в современную автору жизнь Франции. Ретифу несомненно удается обнаружить типичное и, не запутываясь в подробностях, он вскрывает суть социальных явлений и передает самое характерное в людях разных профессий и положений. Свойственная автору искренность тона придает иным страницам подлинный пафос: там, где Ретиф возмущается или негодует, раскаивается или высказывает восхищение, читатель ощущает биение горячего сердца.

Доступнее по объему и, пожалуй, ценнее с познавательной стороны, поскольку он рассказы-

вает о мало известной области жизни Франции XVIII века, другой роман Ретифа — его «Жизнь отца моего». Задавшись целью описать жизнь отца, Ретиф на этой основе показал преимущества деревни перед городом, как их понимали в то время под влиянием Руссо и его школы. Романист развернул превосходную по своей полноте и правдивости картину французской деревни в третьей четверти XVIII в. Написанная Ретифом с целью «воздвигнуть памятник добродетели отца», как говорится в предисловии, книга превратилась в маленькую энциклопедию деревенской жизни. Отметим прежде всего литературные достоинства романа — сжатость и простоту слога, живость диалогов, лапидарность описаний — все это делает книгу легко читаемой, особенно по сравнению с витиеватостью и манерностью слога, распространенными в его время. «Жизнь отца моего», разумеется, книга своей эпохи: в ней немало нравоучительных рассуждений, прописей, сентиментальной идеализации характеров, преувеличения эмоций и чувств. Однако это занимательно и не утомляет внимание читателя, так как все это чуждо педантизму и связано с выведенными в романе характерами. Содержание книги предельно просто, она лише-

на драматических приключений, и тем не менее читается с неослабевающим интересом.

Ретиф рассказывает о своем детстве и юности, проведенных в доме отца, зажиточного крестьянина, патриархально управляющего своими многочисленными домочадцами, хозяйством и приходом, в котором он был нотариусом и судьей. Писатель не скупится на похвалы его мудрости, справедливости и добродетели, стараясь подкрепить их живыми примерами — эпизодами семейной жизни, разбирательством дел в суде, высказываниями и советами этого почтенного патриарха, отца четырнадцати детей, образцового хозяина и члена общины. Перед нами старозаветного склада землепашец, каждое слово и поступок которого — выражение вековечной деревенской мудрости: к нему прислушиваются и важный королевский наместник, и монсиньор, возглавляющий епархию, он арбитр во всех спорах и несогласиях, благодетель всей округи.

Автор вводит нас в обстановку захолустной французской деревни, идеализированной им — ведь ему нужно показать, после «Совращенного поселянина», где искать «утраченный рай», — но описанной верно и с исчерпывающим знанием предмета.

Идет последнее десятилетие перед 1789 годом. По некоторым штрихам чувствуется, что веяния предреволюционной эпохи успели проникнуть в провинциальную глушь и на феодальном укладе деревни сказывается влияние забурлившего Парижа. Авторитет церкви тут, правда, еще не поколеблен (взять, хотя бы превосходную сцену, в которой крестьяне жалуются кюре на то, что судья пропускает воскресную мессу), но в разных областях уже чувствуется нарушение прежнего летаргического сна.

Повествование изобилует подробностями о взаимоотношениях крестьянской общины с сеньором; мы читаем о тяжбах по поводу пользования общинными лесами; о введении в округе виноградарства; об уборке камней с пашни; об обременительных судебных пошлинах, десятине, сборе двенадцатого снопа; любопытные сведения о кооперативных ячейках крестьян, сообща владеющих плугами и другими орудиями; мы узнаем о порядке обучения в начальной школе, об оплате учителя и кюре, о введении обязательной грамотности; об обычае «обворовывать» приглянувшихся девушек, о посиделках, на которых треплют кудель... Чего стоит, например, рассказ о том, как брат Ретифа завербовался в

солдаты! Сколько потратил автор красноречия, дабы убедить читателя, что тот сделал это не из распущенности, а из желания отдать жизнь за Францию! Подобный штрих говорит о репутации солдат и рекрутах того времени больше, чем самое подробное исследование: в королевские войска вербовался всякий сброд, и это вынуждает Ретифа выгораживать своего брата перед читателем. Нельзя переоценить сочность описаний, насыщенных подобными деталями!

Не следует думать, что рассказ Ретифа статичен: наоборот, это живая и убедительная картина истории крестьянства во Франции. Здесь и расслоение французского крестьянства накануне революции, и разрушение патриархальных нравов, и наступление центральной власти на местное самоуправление, и прочие социальные перемены и сдвиги — все это Ретиф подметил и отразил в своем романе. Читатель особенно оценит описание быта зажиточной крестьянской семьи — это поможет разобраться в причинах поразительной устойчивости французской деревни, сохранившей на протяжении веков, вопреки социальным бурям и крутым переменам, стойкую привязанность к традициям и верность земле.

За полсотни льё от деревни Саси, описанной Ре-

тифом, — кипящий Париж, с его двумя тысячами кафэ, где, уже не страшась Бастилии, на все лады обсуждают жгучие социальные вопросы и политические новости, где открыто поносят королеву. Древняя монархия трещит по швам, многовековая эпоха накануне краха. Тут же, в просторном помещении с земляным полом, очагом и распятием в углу, сидят в порядке старшинства дети и внуки, слуги, батраки, виноградари, служанки, при чем эти посажены так, чтобы каждое их движение было видно хозяйке — упаси бог перемигнуться с пастушком!.. На верхнем же конце, возле очага, восседает сам родоначальник, при котором нельзя ни обменяться словом, ни поднять глаза... У Седрика Саксонского, семьсот лет назад, гости и слуги чувствовали себя вольнее, чем у этого хозяина! Он — отец, глава семьи, владыка; жена и домочадцы — покорные и любящие рабы. Когда ему случается задержаться — никто не смеет сесть за стол и даже думать об ужине. Он говорит, обращаясь к жене: Ваш удел — нравиться и скрашивать прелестью ваших ласк тяжкие труды, которые берет на себя сильное существо, с которым вы соединены и слились воедино...

LE PAYSAN PERVERTI,

OU

LES DANGERS DE LA VILLE;

HISTOIRE récente, mise au jour d'après les véritables LETTRES des Perſonages.

Par N. E. RÉTIF DE LA BRETONE.

Tome Premier.

Premiere Partie.

Imprimé À LA HAIE.

Et ſe trouve à PARIS,

La veuve DUCHÉNE, Libraire, rue Saintjacques,

VALADE, Libraire même rue.

M. DCC. LXXVI

Титульный лист одного из первых французских изданий романа Ретифа де ла Бретона «Совращенный поселянин»

Пусть Мольер сто лет назад в «Школе жен» издевался над подобными речами — то было в «развращенном» городе, где служат Ваалу, тут же нравы золотого века и каждый вечер глава семьи читает и толкует Библию, наставляя жену: — Чтобы обеспечить счастливую семейную жизнь, прежде всего надлежит главе распоряжаться, а нежно любимой супруге — исполнять его волю по склонности и велению сердца; если бы речь шла о посторонней женщине, я назвал бы это послушанием.

Тем, кто следует подобным указаниям, не отступает от старых заветов, и, не рассуждая, послушен отцу, кюре и власти, обеспечены благополучие и счастье в рамках жизни «согласной природе»...

«Сельское хозяйство — наиболее достойное человека занятие, пахарь выполняет божье назначение на земле», — эти слова, высказываемые главой семьи, выражают мысль, составляющую стержень книги. Вслед за Руссо, Ретиф устами мудрого крестьянина повторяет, что «человек, родившийся в городе, не обладает столь устойчивыми добродетелями, как поселянин», и что

«человек остается добродетельным до тех пор, пока пашет землю». «Не следует гнаться за богатством или суетными почестями, — говорит он, — потому что... среднее состояние, средний класс всего более любезны добродетельным королям».

Даже в этом романе-идиллии Ретиф вовсе не безоговорочно принимает старые порядки. Напротив: он приводит яркие примеры злоупотребления отцовской властью, заставляет читателя возмущаться тираническим воспитанием детей. Ретиф показывает, насколько бывает косной и отсталой община, враждебная новшествам, не без иронии говорит об обучении детей в приходской школе. Однако он тут же противоречит сам себе. Косность крестьян препятствует введению улучшенных методов обработки земли, от этого страдает их собственное благополучие, но ... общество держится на авторитете старших, он единственная защита против развращенности века и падения нравов! Отец разрушил счастье сына, жестоко высек его бичом, но ... сын остался зато в деревне, сделал в ней много добра, народил детей. Это все, уверяет Ретиф, стоит отказа от любви. Порка, де, всегда идет на пользу! Читатель должен сам разобраться в значении и справедливости описанных обычаев и порядков:

Ретиф вырисовывает все так выпукло и полно, что оно само говорит за себя, иногда — наперекор авторским суждениям.

Однако «Жизнь отца моего» — не трактат о деревне или социологическое исследование, а живая, исполненная красок и движения книга. С ее страниц глядят на нас из глубины столетий французские крестьяне, какими они были в жизни: богатые хозяева и батраки, корыстные и добродетельные кюрэ, женщины покорные и строптивые, деревенские жантильомы, древние деды, разносчики и трактирщики, синдики и мелкие чиновники. Если любви в романе придан характер жертвенности, если она описана как чувство высшее и идеальное, воспринимаешь это как дань эпохе. Примерно так объяснялись влюбленные в век романов аббата Прево, Стерна или Бернардена Сен-Пьера...

Читая «Жизнь отца моего», видишь перед собой людей XVIII века и в них веришь. Исторически глубоко верен и правдив художник Эварист Гамелен, которого Анатоль Франс заставляет говорить образами Плутарха — ведь имена Гракхов и Брутов не сходили со страниц газет во время Французской революции, они гремели с трибуны Конвента. Точно так же правдоподобно звучат

сентенции в духе Руссо у отца Ретифа. Он говорит: «Богатство, добытое трудами рук своих, есть богатство праведное», или: «Я оставляю детям в наследство добродетель». Таков был дух времени, когда умами владели «Общественный договор» и «Эмиль» и сентенции из этих книг сделались обиходными, в обществе было модно жить по Руссо — вспомним Марию-Антуанетту с ее барашками в Трианоне, слесарное ремесло Людовика XVI, речи о добродетели в Законодательном собрании и в Конвенте!

С «Жизнью отца моего» тесно перекликается, а кое в чем и повторяет ее, другое сочинение Ретифа о деревне — двухтомный роман «Школа отцов». Название книги говорит о ее дидактическом характере: в ней, действительно, значительно меньше живых эпизодов и описания повседневных сцен, чем в «Жизни отца моего». Ретиф тут больше занимается вопросами нравственного воспитания и общими рассуждениями о деревне. В «Школе отцов» привлекает внимание изложенный в романе проект организации сельского хозяйства на основе обобществления земли, орудий и тягла. Живо и остроумно составлено рассуждение о возможности сделать из сеньоров полезных для общества людей. Об устройстве

идеального сельского хозяйства он пишет и в романе «Совращенный поселянин», принесшем, как упоминалось, известность автору. Этот роман написан в форме писем. В издании 1776 г. с пометкой «Гаага» — к этой уловке прибегали парижские издатели, чтобы избавиться от придирок цензуры, — к письмам приложено добавление под названием «Устав поселка Уден, в котором живут общиной члены рода Р*» — это и есть проект сельскохозяйственной коммуны, изобретенный Ретифом для идеальной деревенской общины, о котором он говорит в «Школе отцов». В этом уставе развернута предметная программа реформированного сельского хозяйства. Ретиф описывает практическую форму, какую, по его мнению, должно принять землевладение во Франции. В уставе немало любопытных подробностей, предложений, как делить доходы, сообща работать, распределять обязанности, хотя, если верить критикам, Ретиф тут не так оригинален, как в своем проекте рабочей ассоциации, с которым он обратился к властям после революции.

Однако значение «Совращенного поселянина» не в этом уставе и не он, разумеется, обусловил успех книги Ретифа. «Совращенный поселянин» ближе всего подходит к представлению о

реалистическом романе, как о сочинении, где развертывается личная судьба человека, описанная художественными средствами и представленная в связи с событиями на фоне реальной жизненной обстановки. Биографические моменты в «Совращенном поселянине» менее выставлены, чем это обычно бывает у Ретифа, и если, как было сказано выше, мотивы этого романа близки личным переживаниям автора, он сумел тут, наделив ими другое лицо, художественно их обобщить в судьбе своего героя.

В «Совращенном поселянине» перед нами молодой человек, который покидает деревню, описанную идиллически прекрасной, так как считает, что только в городе он найдет применение своим способностям и обретет счастье. Действительность его разочаровывает очень скоро. Юноша убеждается в том, что в обществе следует проводить разницу не столько между городом и деревней, как между пожирателями и пожираемыми. Любой человек неминуемо попадает в тот или другой разряд. Переводя это на современный язык, скажем, что Ретиф очень отчетливо разглядел имущественную основу разделения людей и понял, что социальное неравенство основано именно на разнице состояний.

Последующая судьба молодого крестьянина наглядное тому подтверждение.

Он попадает в общество развращенных горожан, желание понравиться любимой женщине заставляет его идти на сделки с совестью. Со ступеньки на ступеньку он скатывается в бездну порока и, лишенный чести, деревенской невинности и чистоты, идет на уголовное преступление. Тщеславие и жажда наслаждений губят героя и доводят его до каторги.

Как видим, сюжет романа напоминает судьбу кавалера де Грие, а противопоставление города деревне — идея не новая в век Руссо, но она получает дальнейшее развитие у Ретифа, который описывает обе стороны социального процесса — имущественное разделение в городе и расслоение в деревне. Он умножает примеры, чтобы показать, насколько развитие буржуазного общества способствует порче нравов: прежде крестьяне были добродетельны и вели нравственный образ жизни, но дети их развратились под влиянием торговли, роста значения денег и доступных соблазнов городов.

В «Совращенном поселянине» Ретиф подробно рассказывает, как городские богачи скупают у крестьян землю, и скорбит о том, что «сок земель

уходит к буржуа — детям, зятьям и племянникам фермеров». Каков же рецепт Ретифа? Чтобы предотвратить уход крестьянских парней в город и переход исконных деревенских земель в руки горожан, надо преобразовать деревню, избавить ее от тлетворного влияния города. В этой связи Ретиф и дает свой проект сельской общины, в которой ассоциация основана на общности имущества.

Как уже сказано, в «Совращенном поселянине» много места уделено чувствам и душевным переживаниям героя. Следует признать, что Ретифу удалось создать подлинно драматические ситуации, иные сцены исполнены искреннего чувства и силы. Переживания молодого крестьянина под влиянием разочарований, последующие терзания совести, страсть и увлечение, все сильные движения души описаны остро и живо.

Но уже в этом романе Ретифа сказывается один из основных пороков его прозы, достигший со временем роковых размеров: мы имеем в виду его многоречивость и громоздкость объяснений; он нередко бегло и бездумно заполняет страницу за страницей, сбиваясь, повторяясь, не заботясь о логике и последовательности. Повесть о молодом человеке, потерпевшем крушение

в городе, возможно бы, выиграла, будь часть писем, составляющих роман, изъята автором. В целом же роман производит впечатление хорошо слаженного произведения, с сочными подробностями, прекрасными характерами, выразительно обрисованными положительными и отрицательными типами, написанного с подъемом и искренне.

Выпущенная Ретифом вскоре после этого романа «Совращенная поселянка» дополняет его. В город попадает не юноша, а деревенская девушка, сестра героя первого романа. Ее судьба складывается так же плачевно, она становится жертвой соблазнителя, потом сговаривается обобрать своего любовника, правда, с целью вернуть драгоценности его жене. Далее она, как и ее брат, совершает преступление, за которое ей грозит каторга.

В «Совращенной поселянке» социальные описания отходят на второй план, а любовные приключения занимают центральное положение. Он также написан в виде писем, часть которых составлена мастерски. Особенно сильно выражено отчаяние осознавшей свою гибель девушки, трогательно звучат ее призывы о помощи, местами ощущается подлинная страсть. Однако роман

растянут и грешит излишней обнаженностью любовных сцен.

Таков перечень самых значительных, на наш взгляд, произведений Ретифа де ла Бретона. Правда, одно из самых больших мест в его творчестве занимают по объему сорок два тома «Современниц», представляющие перечисление типов женщин всех сословий, состояний и профессий, классифицированных по признаку их нравственности, податливости и склонности к любви, с присовокуплением тысяч приключений и анекдотов. В этом нагромождении, размерам которого нельзя не подивиться, поскольку Ретиф снабжает свои суждения о женщинах комментарием, ссылками на какие-то сочинения, выдержками из всевозможных трактатов и трудов, которые он с труднопостижимой быстротой успевал листать, встречаются интересные мысли, верные описания, рассуждения о праве женщин на труд и восхваление этого труда, об оздоровлении общественной морали, но в основном эта громоздкая хроника остается, как гласит, впрочем, подзаголовок, «историей галантных приключений самых красивых женщин века».

Нам остается остановиться на «Ночах Парижа», о которых упоминалось выше. Это сочинение

также представляет сборник рассказов и анекдотов, но оно одновременно отражает волнение и переживания автора, связанные с эпохой Революции. В книге встречаются полные пафоса страницы, прославляющие «священную свободу» или «добродетельного Марата». Звучат отголоски событий, волновавших в то время Париж, и Ретиф то пламенно требует отмены «суеверий» религиозных культов, то, растерянный и напуганный, глухо рассказывает о казни короля и преследованиях жирондистов. Немало в «Ночах Парижа» сетований постаревшего Ретифа на литературных врагов и проклятий в адрес интриганов, воспрепятствовавших его приему в академию и похитивших, будто бы, плоды его трудов (эта история подробно изложена в последней части «Господина Никола»). Живо описан Париж и парижане во время патриотических празднеств и политических потрясений. Больной и одряхлевший Ретиф оставался, по-прежнему, острым наблюдателем, не утратившим способность схватывать окружающее и метко описывать. Уличные сценки, толпа на площади Согласия, спекулянты Пале-Рояля, «мюскадены» и поднявшие после Термидора голову роялисты, такие описания — подлинные перлы, вкрапленные в

эклектическое, написанное неровно сочинение.

Ретиф откликался на перемены, произошедшие во Франции с 1789 г., не только занося свои впечатления в дневники и записи, но и сочиняя проекты, предлагая мероприятия и реформы в самых различных областях. По ряду дошедших до нас памфлетов можно полагать, что Ретиф считал нужным откликаться и высказывать свое мнение по жгучим политическим вопросам и, таким образом, принимал непосредственное участие в событиях. Свои памфлеты он писал от лица вымышленного аббата Мори. Эти памфлеты представляют ныне библиографическую редкость — большая часть их утрачена. Нам удалось познакомиться с некоторыми из них. Можно заключить, что Ретиф де ла Бретон был незаурядным журналистом. Так, в письме вымышленному корреспонденту в армии («Письмо аббата Мори виконту Мирабо») Ретиф набрасывает запоминающую картину революционного Парижа 1790 года. От этих строк веет тревогами тех дней. Тут и волнующие парижан слухи об изменах генералов, бегство аристократов, высмеивание жирондистов, меткие характеристики политических деятелей, фактические справки о росте цен, рассказы о настроениях, словом вся

накаленная атмосфера столицы, готовившей отпор врагу.

Предлагаемые в нашей книге романы дадут возможность читателю самому судить о неугомонном писателе-плебее XVIII в., оставшемся жить в большой литературе, несмотря на козни и уверенные пророчества недоброжелателей.

РЕТИФ ДЕ ЛА БРЕТОН В РОССИИ

С творчеством Ретифа де ла Бретона русская общественность познакомилась еще при жизни писателя. Судьбу его творчества в России следует рассматривать в свете общего интереса к передовым идеям и художественным ценностям французского Просвещения. Хорошо зная Лесажа, Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, русские писатели, переводчики и критики с серьезным вниманием следили также за творчеством писателей-демократов: Луи-Себастьена Мерсье, аббата Дюлорана, Ретифа де ла Бретона. Разумеется, рассматривая судьбу книг Ретифа в России, нельзя упускать из виду общих пропорций: во французском Просвещении Ретифу принадлежит своеобразное, но весьма скромное место.

В «Ночах Парижа» Ретиф замечает: «В течение пятнадцати лет я предоставлял работу тринадцати отцам семейств: граверам, рисовальщикам, печатникам, переплетчикам, не считая книготорговцев. За свои сочинения я получал деньги из разных стран, вплоть до России. Иные из моих книг перевели в Англии и Германии. Таковы мои заслуги перед современниками и перед

потомством»[163]. В «Господине Никола», говоря о себе в третьем лице, Ретиф возвращается к этому утверждению: «За этот труд он получил значительные суммы, поскольку его сочинения были очень распространены в Швейцарии, Германии и вплоть до России»[164]. Так ли это было действительно или здесь одна из многочисленных мистификаций Ретифа? Дополнительные факты и документы смогут пролить свет на этот вопрос. А пока нет оснований не верить автору. Остается уточнить, перевод каких именно произведений имел он в виду.

Первым из четырех произведений, переведенных при жизни Ретифа на русский язык, был роман «Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть, в трех частях. Переведена с французского», появившийся в Петербурге в 1774 г. Роман, опубликованный во Франции в 1769 г., уже в следующем году был переведен на немецкий язык. Русский перевод является вторым по счету.

---

[163] Примечания: 1.163

Restif de la Bretonne. Les Nuits révolutionnaires. Impressions et récits contemporains. Publiés avec une Introduction par Fr. Funck-Brentano et illustrés d'après les documents du temps. Paris, s. a., p. 99.

[164] Примечания: 1.164

Restif de la Bretonne. Monsieur Nicolas ou le coeur humain dévoilé. Chez Jean-Jacques Pauvert. Paris, MCMLIX, t. 4, p. 273.

Человек, впервые познакомивший русскую публику с творчеством Ретифа, — граф Александр Семенович Хвостов (не путать с Д. И. Хвостовым, старшим современником Пушкина), — не будучи профессиональным литератором, был довольно тесно связан с литературной жизнью своего времени и отличался независимостью взглядов. Родился А. С. Хвостов в 1753 г. в селе Кежове Гдовского уезда, Петербургской губернии, скончался в 1820 г. в Петербурге. Окончив академическую гимназию, Хвостов в разное время находился на дипломатической, военной и государственной службе. Участвуя в турецкой войне, Хвостов отличился при взятии Измаила. Почти все литературные опыты А. Хвостова относятся к годам его молодости. В 1772 г. выходит в его переводе «Португалия» немецкого географа Бюшинга, в следующем году — комедия Теренция «Андриянка». С французского Хвостов перевел одноактную комедию Леграна «Любовные оборотни» (1770) и интересующий нас роман Ретифа «Ножка Фаншеттина». К переводу Ретифа А. С. Хвостов пришел с определенными установками, как об этом свидетельствует его «Послание к творцу послания, или Копия к оригиналу», в котором значительное место уделено критике переводов,

сделанных Фонвизиным. Хвостов выступал с требованием верности духу и смыслу подлинника, он был против произвольного толкования текста подлинника, подчеркивал роль слога перевода. По мысли А. С. Хвостова, архаический, недостаточно образный язык вообще может погубить перевод.

Интересно суждение Хвостова о романе Ретифа, высказанное им в предисловии: «Отважась перевесть сию книжку, особливого рода слогом писанную, весьма не сходную с обыкновенным текущим стилем повестей, отдаю ее на рассмотрение благосклонным читателям. Добрые примеры, а особливо множество хороших мыслей и отменным образом предлагаемых нравоучений, которые, от самых ненавистников морали, без скуки прочтутся, заставили меня избрать, а праздные часы довольно подали времени перевести оную. Награжденным себя, за небольшой труд мой, почту, ежели будет он не отвержен от людей, вкус и силу знающих, и когда удостоится милостивого внимания от прекрасного пола, который победами и добродетелью Фаншетты прославляется».

Роман переведен полностью. А. С. Хвостов стремится передать дух подлинника путем при-

ближения мира иностранного произведения к миру русского читателя, в частности, как многие переводчики XVIII в., приближает звучание иностранных имен к нормам русского языка: Ненея, Агафа. Язык перевода довольно богат и нюансирован. Так например, подобрана удачная синонимическая гамма для передачи различных свойств отрицательного персонажа Апатеона: для чувственности — сластолюбивый, лакомый; для лицемерия — благочинный вид, старый Тартюф, лицемер, беззаконник, плут, вероломец и т. п.

Талантливый переводчик, Хвостов, не выставляет вперед свою индивидуальность в ущерб избранному для перевода автору. Ретиф впервые был представлен русскому читателю в творческом, одухотворенном переводе.

НОЖКА
ФАНШЕТТИНА,

ИЛИ

СИРОТА ФРАНЦУЗСКАЯ;

полезная и нравоучительная повѣсть, вЪ трехЪ частяхЪ,

переведена сЪ Французскаго.

Продается у книгопродавца С. Шеля,
при сухопутномЪ кадетскомЪ корпусѣ.
цѣна 85 коп.

ВЪ Санктпетербургѣ
1774 года.

Титульный лист первого русского издания романа Ретифа де ла Бретона «Ножка Фаншеттина»

Данная статья была в наборе, когда удалось установить, что вторым произведением Ретифа, переведенным на русский язык Иваном Марковым (1782), был роман «Побочная дочь» («La Fille naturelle», 1769). Заглавие перевода подчеркивало сентиментальный дух романа: «Обретенная дочь, или Отеческая склонность» (см.: иллюстрацию на стр. 631).

Это издание примечательно тем, что оно вышло в типографии Н. И. Новикова — центре русского просветительного книгопечатания XVIII в.

Следующий перевод Ретифа появляется четыре года спустя, уже с указанием имени автора. К этому времени Ретифом были написаны «Совращенный поселянин», «Жизнь отца моего», «Современницы», «Южное открытие», «Совращенная поселянка». Однако Евграф Комаровский отдал предпочтение второму по счету и художественно незрелому произведению Ретифа — «Люсиль, или Успехи добродетели», хотя у переводчика была возможность познакомить русского читателя со значительно более интересными вещами Ретифа.

Книга «Lucile, ou les Progrès de la vertu» вышла первым изданием в 1768 г. Русский перевод[165], по всей вероятности, сделан с восьмого издания этого романа, озаглавленного «L'Innocence en danger, ou les Evénemens extraordinaires». A Liege, M.DCC.LXXIX.

«Невинность в опасности» — сентиментальный роман с торжеством добродетели и наказанием порока. Образы схематичны. Книга в значительной степени подражательная. Сама «перевоспитываемая» героиня в восторге от г-жи Риккобони, сочинениями которой в те годы зачитывался Ретиф.

В переводе «Невинности в опасности» встречаются случаи сокращенного или приблизительного воспроизведения ретифовского текста, и мало творческих находок, ярко переведенных мест. Комаровский, обращаясь к стилистическим соответствиям, часто прибегает к безликой перифразе. Возможно отрицательно сказывается обилие штампов, эмфаза и другие недостатки самого романа Ретифа.

Последним прижизненным русским переводом

---

[165] Примечания: 1.165

«Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения». Г. Ретиф де ла Бретонь, переведена с французского языка Е. К. В Санкт-Петербурге..., 1786.

Ретифа является «Жизнь отца моего»[166], одна из наиболее своеобразных его книг. На этот раз переводчик не указан, но в примечании переводчика говорится: «Надеясь, что Жизнь отца Р. понравится нашей публике, посвящу я праздное мое время переводу и некоторых других творений сего сочинителя, между которыми не из последних будет собственная его Жизнь и Ш кола отцов. — Октября 15 дня 1795 года, на Днепре при Кайдацком пороге в слободе Чаплях. В Кр.»[167]. Впервые упоминается о других произведениях Ретифа, причем выбор «Жизни отца моего», знакомство с «Господином Никола» и «Школой отцов» говорит о том, что переводчик — знаток и ценитель творчества Ретифа. Перевод «Жизни отца моего» — творческий и живой, но по сравнению с А. Хвостовым переводчик позволяет себе больше вольностей в обращении с текстом, порою произвольно сокращая и облегчая его.

---

[166] Примечания: 1.166

«Жизнь отца моего». Сочинение Ретифа де ла Бретона. С Указаного Дозволения. Москва, в Типографии Селивановского и тов., 1796.

[167] Примечания: 1.167

Там же, часть II, стр. 145.

ОБРѢТЕННАЯ

ДОЧЬ,

ИЛИ

ОТЕЧЕСКАЯ СКЛОННОСТЬ.

Переведена съ Французскаго

Иваномъ Моркопымъ.

Magna eſt veritas, et praevalet.
Eſdras Liv. III. ch IV. v. 41.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1782 года.

Титульный лист русского издания романа Ретифа де ла Бретона «Побочная дочь»

Несмотря на то, что со второй половины XIX

в. русские критики интересуются творчеством французского писателя, следующий перевод появляется лишь в 1913 г. Это — «Картинки из жизни XVIII века». Рассказы Ретиф де-ла-Бретонна, гравюры Моро-младшего. Перевод с французского К. Боссе, под ред. и с предисловием В. Филатова. М., «Образование», 1913. Текст этой книги был написан Ретифом на сюжеты гравюр Моро-младшего. Как явствует из предисловия к книге В. Филатова, произведение Ретифа заинтересовало его, в первую очередь как «действительные картинки жизни XVIII века, данные лучшим реалистом того времени». В том же предисловии читаем: «Перевести Ретиф де-ла-Бретонна был труд нелегкий, — рассказы эти написаны языком небрежным, с массой намеков, теперь непонятных. Местами рассказы для читателя наших дней несколько тяжелы, и так как это издание не преследует научных целей, — специалисты все равно будут обращаться к подлиннику, — то мы позволили кое-что выпустить в них. Пропуски эти невелики и, облегчая чтение, не нарушают общей цельности картины: XVIII век, как в зеркале, отразится в этой превосходной, полной вкуса книге». Хотя перевод К. Боссе читается действительно легко, два недостатка снижают его художественную

ценность: с одной стороны — склонность переводчика к буквализму, с другой — вопиющие неточности. Эти свойства, казалось бы противоположные, здесь сопутствуют друг другу. Перевод пестрит оставленными в тексте французскими словами и ребусами, вроде следующего: «Исполняете акт взрослого человека».

В 1924 г. вышли «Ночи революции»[168], первый советский перевод произведения Ретифа. «Ночи революции» являются сокращенным переводом XV и XVI томов «Ночей Парижа», изданных отдельной книгой с обстоятельным предисловием и пояснениями в тексте Франца Функ-Брентано[169]. Название «Ночи революции» принадлежит ему[170]. В книге, подготовленной Ф. Функ-Брентано, охватывается исторический период с 23 апреля 1789 г. по 31 октября 1793 г. Книга содержит 42 «ночи». В русском переводе хронологически представлен тот же период (начало и конец полностью совпадают), но здесь

[168] Примечания: 1.168
Ретиф де ла Бретон. Ночи революции. Перевод с франц. А. Н. Чеботаревской. М.—Л, «Молодая гвардия», 1924.

[169] Примечания: 1.169
Restif de la Bretonne. Les nuits révolutionnaires. Paris, s. a.

[170] Примечания: 1.170
Ibid., Introduction, p. 10.

— всего 38 глав, т. е. на четыре меньше. Опущены главы XXXII, XXXIV, XXXVII и XXXIX. Главы эти содержат описание событий частного характера, эпизоды из жизни автора. В самом тексте перевода есть незначительные пропуски. Ценность книги снижает то, что в русском переводе допущены пусть незначительные, но все же досадные отклонения от текста, который еще раньше был сокращен Ф. Функом-Брентано.

Переводчица А. Н. Чеботаревская местами несколько архаизирует текст, стремясь создать колорит русского языка конца XVIII в. В переводе хорошо переданы ретифовские эллиптические фразы, постоянное чередование времен, что сообщает тексту живость, разговорность, непосредственность. Наряду с динамикой речи, переводчица находит соответствия многочисленным безличным оборотам, передающим у Ретифа динамику народных масс, приведенных в движение революцией.

Важным событием было советское издание интересного утопического романа Ретифа «Южное открытие»[171] в 1936 г. В переводе дана лишь

[171] Примечания: 1.171

Ретиф д-е-ла-Бретон. Южное открытие, или Французский Дедал. Общ. ред. В. П. Волгина. Вступит, ст. и комментарии А. Р. Иоанисяна. М.—Л., Academia, 1936.

часть четырехтомного романа «La Découverte australe»[172]. Сохраняя наиболее существенные особенности ретифовского текста, переводчик, вместе с тем, жертвует подробностями, которые затруднили бы восприятие произведения современным читателем и потребовали бы громоздкого комментария.

Творчество Ретифа в его наиболее характерных проявлениях было недостаточно полно представлено на русском языке.

Наименее удачен был выбор для перевода незрелого сентиментального романа «Невинность в опасности», поскольку творческое развитие писателя шло как раз в направлении преодоления элементов сентиментализма и утверждения реалистического подхода в отражении жизни.

Хотя элементы сентиментализма еще сильны и в «Ножке Феншеттиной», но уже в этом романе дают о себе знать реалистические тенденции ретифовской прозы. С яркими примерами ретифовского просветительского реализма русский читатель знакомится по переводам «Жизни отца моего» и «Картинок из жизни XVIII века», осо-

[172] Примечания: 1.172

Restif de la Bretonne. La Découverte australe Par un Homme-volant, on le Dédale français..., vol. I—IV. Imprimé à Leipsick, 1781.

бенно по первому из названных произведений, которое признано одним из шедевров писателя; с особенностями ретифовского очерка — по переводу «Ночей революции»; с созвучным нашей эпохе пафосом дальних странствий и необыкновенных открытий читатель встретился в переводе научно-фантастического и утопического романа «Южное открытие». Интерес к тем или иным сторонам творчества Ретифа — сентиментализму, бытовому реализму, реалистическому очерку, утопическому роману — отражает разные тенденции дореволюционной русской и советской культуры в соответствующие периоды ее истории.

Произведения Ретифа распространялись в России и в подлинниках. Экземпляры его произведений имелись, например, в частных библиотеках Н. Н. Бирукова, П. К. Зик, графа М. П. Келлера и других. В 1914 г. в Петербурге на пятой выставке редких книг на русском и иностранных языках, организованной «Кружком любителей русских изящных изданий», был экспонирован представляющий собой библиографическую редкость экземпляр «Южного открытия», описание кото-

рого помещено в книге В. А. Верещагина[173].

В критической литературе ставился вопрос о возможном влиянии Ретифа на «Новейшее путешествие» В. Левшина, «Путешествие в землю Офирскую» князя М. М. Щербатова, «Белые ночи» Достоевского. Однако ни в одном из этих произведений мы не обнаружили конкретных следов такого воздействия. Единственным достоверным фактом литературного влияния Ретифа в России является написанная на сюжет его романа пьеса «Развращенный поселянин, или Пагуба от дружества с злодеем. Драма в 3-х действиях, взятая из французского романа „Развращенный поселянин“. Сочинение Ретиф ла Бретона. Переделанная Н. Б. М., 1834». Сам Ретиф написал на сюжет «Совращенного поселянина» пьесу «Эдмон, или Могилы»[174]. О русской переделке упоминает в своем этюде, на котором мы остановимся дальше, Алексей Веселовский: «Любопытно, что в тридцатых годах в Москве кто-то отважился переделать

[173] Примечания: 1.173

В. А. Верещагин. Русская и иностранная книга XV—XIX века. — Кружок любителей русских изящных изданий. СПб., 1914, стр. 78.

[174] Примечания: 1.174

«Théâtre de N.-E. Restif de la Bretonne», t. I. A Paris, 1793.

эту повесть в драму...»[175].

Сюжетная канва русской пьесы взята из двух последних частей романа: седьмой и восьмой. Это — части с налетом сентиментализма, содержащие описание небесной кары за грехи и преступления Эдмона. Сложная канва упрощена в пьесе и сведена к основной ситуации — возвращению кающегося грешника в лоно семьи. Соответственно изменена фабула: финал пьесы счастливый, удалены подробности падения Эдмона, кровосмешение. Из действующих лиц романа свои имена сохранили лишь два персонажа пьесы: Петр (Пьер) и Едмон (Эдмон). Образ г-жи Парангон сохранен, но в пьесе ее зовут г-жой Дилон. У Эдмона и г-жи Дилон не дочь Эдме-Колетт, а 13-летний сын Виктор. Образы жены Петра — Эмилии, их детей Юлии и Изидора и племянника Ипполита принадлежат творческой фантазии автора переделки.

Роман озаглавлен «Совращенный поселянин, или Опасности города», а пьеса — «Развращенный поселянин, или Пагуба от дружества с злодеем». Иначе говоря, в романе на первый план выступает социальная идея о пагубном влия-

---

[175] Примечания: 1.175

А. Веселовский. Этюды и характеристики, т. I. Изд. 4. М., 1912, стр. 331.

нии городской цивилизации, а в пьесе — мотив «злого гения» Годэ. Однако тема Эдмона — Годэ не развернута: в пьесе нет ни «развращенного поселянина», ни «пагубы от дружества с злодеем» в действии. Оба момента даны в ретроспекции, в основном в исповеди г-жи Дилон, служащей экспозицией к действию пьесы. В диалоге г-жи Дилон с Эмилией содержится довольно близкая к ретифовской характеристика основных сторон взаимоотношения персонажей романа: Эдмона, г-жи Парангон, г-на Парангона и Годэ. Диалог свидетельствует о том, что автор переделки знаком со всем произведением, хотя сосредоточился на наиболее сентиментальных — седьмой и восьмой частях романа. Пьеса своим резонерством напоминает ранние произведения Ретифа, такие, как «Люсиль».

Интерес в пьесе представляет завуалированная в ней аллегория, использование внешне безобидных слов и положений для того, чтобы высказать смелые по тому времени идеи. Проклиная свой жребий, Эдмон говорит и о страждущем человечестве: «Люди, скитающиеся под сим раскаленным небом, слышите ли вы сии вопли! кто эти несчастливцы, обремененные цепями? Видите ли вы их? тело их истерзано;

кровь ручьями льется из ран их, обагряя землю (простирая руки, как бы умоляя). Ангелы казни! исполните вышнее правосудие! прекратите их мучения (наклоняется) и мне угрожают они, и над моею главою возносятся их пламенники!.. ах! — вот удел детей, проклятых отцами, — говорят они! терзайте; соедините жребий мой с жребием этих отступников — этих исчадий ада! Терзайте нечестивца, над коим еще гремят страшные проклятия» (69). Следующий пассаж свидетельствует о том, что Эдмон имеет в виду также народные страдания: «Где я? где блуждают дрожащие стопы мои? кто занес меня в эту пустыню? откуда взялись эти источники, падающие с шумом со скал высоких?., кровию текут они! кровию... Кто колеблет сии сосны, презиравщие и ураган, и гром небесный! лютые тигры стадами бегут от меня ... солнце горит на небе, и кровавые тучи затмевают блеск его, и хищный вран спешит улететь от изверга. Все, все ужасается меня как страшилища самой природы...» (70). И не картина ли счастливого будущего человечества грезится ему «после страшной бури»? «Какая тишина наступает после страшной бури? какая цветущая долина расстилается передо мною вместо бесплодной степи? как люблю я это озеро, отражающее лазурный

свод в чистых волнах своих!.. (он подходит как бы к озеру, вглядывается и отступает). О Небо! это мой образ отражает поверхность радужного кристалла! так, это он! я узнаю кровавую печать отвержения на челе моем!..» (70—71). Во всех трех репликах, Эдмон, под конец, как бы спохватывается и маскирует иносказательный смысл только что произнесенных слов и намеренно туманных образов.

Пьеса «Развращенный поселянин» и семь переводов свидетельствуют об интересе русского читателя к Ретифу. Не обошла его и русская критическая мысль.

С первым откликом на творчество Ретифа мы встречаемся в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790), хотя Радищев и не называет его. В главе «Яжелбицы» говорится о проституции и ее пагубном влиянии на жизнь общества. Радищев со всей страстностью выступает против «мздоимного распутства» и обвиняет в его существовании правительство: «Кто причиною, разве не правительство?»[176]. На следствии на вопрос Шешковского: «на стр. 203. — Для чего вы поместили брани на проповедующих мир

[176] Примечания: 1.176

А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I. М.—Л., Academia, 1935, стр. 202.

и тишину?» — Радищев ответил: «Здесь мысль моя была порицать защитников публичных женщин, а особливо тех авторов, которые преподают установления оных, как то есть о сем книга, называемая Порнограф»[177]. Радищев имеет в виду книгу Ретифа де ла Бретона «Порнограф» (1769), входящую в цикл утопических проектов, названных автором «Странные идеи». Это трактаты, преследующие цель преобразовать общество на началах утопического социализма (вклад Ретифа в историю утопического социализма, как мы увидим дальше, по достоинству оценили советские историки): в «Мимографе» Ретиф излагает свой проект реформы театра, в «Гинографе» — касается положения женщин в обществе, в «Андрографе» — предлагает реформу нравов и законов. Что касается «Порнографа», то здесь Ретиф предлагает как «наименьшее зло», при решении проблемы проституции, — контроль государства. Радищев, конечно, прав, резко нападая на Ретифа за это половинчатое решение, не устраняющее зло из общественной жизни. Есть, однако, основания предполагать, что Радищев в других аспектах разделял социальную критику Ретифа.

---

[177] Примечания: 1.177
Там же, т. II, стр. 415.

В 1806 г. в журнале «Лицей», близком по своей направленности к Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств и объединявшем последователей и единомышленников Радищева, был напечатан некролог Ретифу. О воздействии творчества Ретифа на Радищева писали советские литературоведы: «Как писатель, особенно как поэт, Радищев воспринял довольно значительные немецкие влияния, что не умаляет, однако, общеизвестного факта воздействий на него также и левого крыла французской литературы, в первую очередь Ж.-Ж. Руссо (в «Путешествии»), Вольтера (в поэме «Бова»), Монтескье (в «Песни исторической»), а также Мабли, Мерсье, Ретифа де ла Бретона, Рэналя»[178].

Первыми упоминаниями Ретифа в русской периодике, которыми мы располагаем, являются некрологи, появившиеся в журналах «Вестник Европы» и «Лицей». «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н. М. Карамзиным, был в течение первого десятилетия своего существования ведущим литературным журналом. Достаточно отметить, что в нем в разное время сотрудничали Державин, Жуковский, Батюшков, Гнедич,

[178] Примечания: 1.178
«Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937, стр. XX.

Вяземский, Пушкин, Грибоедов, одним словом — лучшие литературные силы. В программе «Вестника Европы» указывалось, что он «будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов», и что «литература и политика составят две главные части его». Некролог Ретифу помещен в начале рубрики «Смесь»: «В начале февраля месяца умер в Париже известный Писатель Ретиф де ла Бретон, на 72 году от рождения. Отец его был достаточный поселянин в Саси, что близ Окзера. Ретиф де ла Бретон, окончив свои науки, сделался типографщиком в Окзере; потом определился в Париже к факторской должности. Сочиненная им книга Развращеннный крестьянин сделала известным Ретифа, и была причиною, что он, оставя ремесло типографщика, принялся за авторство. Современники, Парижские ночи и более тридцати, написанных им, других романов, составляют около трех сот томов. Он имел особливое дарование сочинять книги — не принимаясь за перо; приходил в типографию, становился у ящика, выдумывал план и обстоятельства, и в то же время набирал литеры. У него слог особенный, ему одному приличный, не совсем правильный, но сильный. Г. Ретиф был добр и чистосердечен,

следственно имеет право на сожаление тех, которые знали его. (Из Фран. Журн.)»[179].

Установить из какого именно французского журнала взят и действительно ли заимствован приведенный некролог нам не удалось. Текст его не совпадает ни с одним из пяти некрологов, воспроизведенных в книге Р. Чайлдза[180]. Доброжелательный тон опубликованного «Вестником Европы» некролога контрастирует с холодным, иногда издевательским тоном большинства некрологов, появившихся на родине писателя. Авторы некоторых из них признают, что совсем или почти совсем не знакомы с творчеством Ретифа, оставляя, вместе с тем, за собою право судить о нем. Искажая фактические данные жизни Ретифа, автор некролога в «Журналь де Пари» упражняется в остроумии: «Сама его жизнь, — пишет он о Ретифе, — была лишь печальным романом, мораль которого можно было бы свести к следующему: что талант без хорошего поведения — плохой дар небес; или же к следующему: что ум без суждения только отдаляет нас от путей

[179] Примечания: 1.179

«Вестник Европы», 1806, ч. XXVI, апрель, № 7, стр. 209—210.

[180] Примечания: 1.180

J. Rives Childs. Restif de la Bretonne Témoignages et Jugements. Bibliographie. Paris, 1949.

счастья. Говорят, что г-н Ретиф вывел себя во многих своих произведениях, нам об этом ничего не известно. Но мы скажем о нем то, что автор сказал об одном из своих героев: если бы он остался в своей деревне, то был бы менее знаменит и более счастлив»[181]. В отличие от подобных отзывов, некролог в «Вестнике Европы» верно подмечает сильные и слабые стороны творчества писателя и с уважением относится к Ретифу как к человеку. Вместе с тем, в «Вестнике Европы» не удалось избежать и некоторых неточностей или опечаток, например, вместо «Современниц» в русском журнале значится «Современники».

Прогрессивный журнал «Лицей», издававшийся И. И. Мартыновым и просуществовавший всего один год, писал: «Г. Ретиф де ла Бретонь умер в Париже на семьдесят третьем году от роду. Сей изобильный, оригинальный и еще более странный сочинитель написал более ста томов книг. С начала был он работником в типографии, где, говорят, напечатал одно из своих сочинений, никогда его не писавши. Много пиитического духу в Развращенном крестьянине, который есть весьма открытое описание самых подлых поро-

[181] Примечания: 1.181
Rives Childs. Op. cit., p. 46.

ков и отвратительнейших нравов. Жизнь моего отца менее известна; но может быть, есть лучшее его сочинение, которое переведено и на русский язык. Его прозвали площадным Руссо, которое название его хорошо изображает»[182].

Под рубрикой «Некрология» приведенное сообщение идет первым, вслед за ним помещены заметки об историке Гайлерде и ученом Колен д'Арлевиле. Наиболее пространна заметка о Ретифе. Как некролог в «Вестнике Европы», так и этот, нигде не упоминаются исследователями. В отличие от первого, некролог «Лицея» показывает двойственное отношение к Ретифу. Особенно интересно сочетание формулы «весьма открытое описание самых подлых пороков и отвратительнейших нравов», с лестной констатацией «пиитического духа».

После этих некрологов имя Ретифа встречается лишь в 1834 г., когда «Библиотека для чтения» сообщила о пьесе «Развращенный поселянин». Еще через полсотни лет историк Д. Щеглов в книге «История социальных систем от древности до наших дней» (т. I, СПб., 1870; изд. 2. СПб., 1891), рассматривая различные утопии, передает, со

---

[182] Примечания: 1.182
«Лицей», 1806, ч. 2, кн. I, стр. 105—106.

слов тенденциозного немецкого исследователя Р. Моля, содержание «Южного открытия».

В апреле 1880 г. в серии статей о французском XVIII веке, опубликованных «Отечественными записками» и подписанных инициалами «А. П.» — принадлежащих перу поэта-демократа Алексея Николаевича Плещеева — появилась статья «Ретиф де-ла-Бретонн». К этому моменту в изучении творчества Ретифа произошел известный сдвиг. Вышли повесть Жерара де Нерваля «Les confidences de Nicolas» (1850), монография Шарля Монселе (1854), книга Гонкуров «Женщина в XVIII веке» (1862), на которую ссылается Плещеев, труд Поля Лакруа (1875), монография Ф. Буассена (1875) и ряд статей и исследований. В 1879 г. Жюль Сури опубликовал книгу под тем же названием, что и серия статей Плещеева — «Портреты XVIII века».

В 1880 г. в трех первых номерах «Отечественных записок» появляются в переводе А. Н. Плещеева главы из книги братьев Гонкуров — «Женщина в XVIII веке». В этом красочно написанном исследовании, в котором прослеживается судьба француженки в разных слоях общества, братья Гонкуры широко использовали произведения Ретифа де ла Бретона. Ссылки на Ретифа имеются и в тех главах, которые перевел А. Н. Плещеев.

Главы, переведенные А. Плещеевым, послужили как бы прологом к появившемуся в 1913 г. переводу «Картинок из жизни XVIII века». Значение перевода заключается и в том, что он подал мысль самому Плещееву заняться Ретифом. «Братья Гонкуры, — читаем у Плещеева, — с этюдами которых о женщине XVIII века мы недавно познакомили читателей в извлечении, также ссылаются весьма часто на Ретифа, и, между прочим, говоря о женщине в буржуазии, указывают на г-жу Парангон, являющуюся в автобиографии Ретифа («M-r Nicolas»), как на типический образ замужней буржуазии этой эпохи, из чего следует, что они видят в нем не одну документальную точность описаний, но и творческую способность»[183]. Приведенные слова взяты из статьи А. Н. Плещеева. Сравнение ее с соответствующей главой («Restii de la Bretonne») книги Жюля Сури «Портреты XVIII века» показывает, что статья является видоизмененным вольным переводом этой главы, хотя первая и вторая страницы написаны Плещеевым и включают помимо суждений в духе приведенного выше, положительные отзывы о Ретифе — Шиллера, Гёте и Гумбольдта.

---

[183] Примечания: 1.183
«Отечественные записки», 1880, № 4, стр. 513—514.

Жюль Сури не избежал традиционной тенденциозности в обрисовке романиста, что явственно проявляется и в противопоставлении «аристократа» де Сада и плебея Ретифа. Плещеев смягчает или вовсе опускает в статье подобные выпады Сури и тем самым представляет читателю более привлекательный — и в то же время более правдивый — образ Ретифа.

Изучение творчества Ретифа в России углубляется в дальнейшем в исследовании, посвященном писателю Алексеем Николаевичем Веселовским, младшим братом знаменитого ученого, и вошедшим в третье (1907) и последующие издания его «Этюдов и характеристик». Сохранилась запись лекций А. Н. Веселовского, которые он читал в 1883/84 учебном году, т. е. за 24 года до появления печатной работы. В этюде «К истории реального романа. Ретиф де ла Бретон» А. Н. Веселовский развил положения, содержавшиеся уже в его лекции. Этюд написан как бы во имя «реабилитации» творчества Ретифа, написан проникновенно, со знанием дела, с учетом основных данных, которыми располагала наука. Верна общая направленность этюда, не теряют интереса многие наблюдения ученого. Три стороны творчества Ретифа особенно привлекают внимание А. Н. Ве-

селовского: 1) реализм его книг, широкий охват явлений действительности, хорошее знание жизни, живая картина быта и нравов французского XVIII века; 2) демократизм писателя, его гражданственность, «заступничество за права и нужды» народных масс, внимание к жизни крестьянина, пролетария, представителя городских низов; 3) боевой, наступательный характер социальной критики в его книгах. И еще одна черта, которой отмечен этюд Веселовского: это — серьезный, без иронии разговор о писателе, характеризующий в целом подход русской критики к Ретифу. А. Н. Веселовский выражает общую позицию русской критики и тогда, когда отметает обвинение в порнографии, брошенное Ретифу частью западной критики.

В первом томе работы академика М. Н. Розанова «Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.» (1910) Ретифу посвящена особая глава. Творчество Ретифа интересует М. Н. Розанова в аспекте руссоизма, но исследователь понимает, что творчество такого писателя, как Ретиф, не укладывается в рамки руссоизма. Сохраняют актуальность слова М. Н. Розанова: «Этот крайне интересный писатель, далеко выходящий за пределы руссоизма, ждет еще

монографического исследования»[184]. М. Н. Розанов солидаризируется с А. Н. Веселовским в определении Ретифа как демократического писателя. По мысли Розанова, Ретиф выступает в ряде произведений пропагандистом руссоизма, как бы иллюстрируя идеи Руссо более доступными широким массам примерами. Сходную мысль высказывал Гюстав Лансон, однако из этого наблюдения исследователи делают разные выводы: если Лансон в значительной степени отказывает Ретифу в оригинальности, то русский ученый видит в популяризации идей руссоизма заслугу писателя. Однако М. Н. Розанов, в отличие от А. Н. Плещеева, преуменьшает художественные достоинства произведений Ретифа и сводит его реализм к «фотографированию» действительности.

В предисловии к «Картинкам из жизни XVIII века» (1913) В. Филатов обнаруживает меньшее знание специфики и размаха творчества Ретифа, чем А. Н. Веселовский и М. Н. Розанов. В. Филатов, как и автор статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, на которую он частично опирается, иногда черпает аргументы из противоположных

[184] Примечания: 1.184

М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в, т. I. М., 1910, стр. 333.

лагерей критики, но его, как и других русских критиков, волнует нравственный вопрос, и следуя Радищеву, Веселовскому, Розанову, он решает этот вопрос, в целом, в пользу Ретифа.

Советский историк А. Р. Иоаннисян, начиная с 1931 г., занимается вопросами социальной утопии Ретифа[185]. До работ Иоаннисяна на «реформаторскую» деятельность Ретифа и на Западе, и в России (В. Филатов) склонны были смотреть как на причуду. Советская наука возглавила поход за глубокое и объективное изучение наследия утопистов. В этом свете В. П. Волгин и А. Р. Иоаннисян подвергли всестороннему анализу проекты и утопии Ретифа. Иоаннисяну принадлежит заслуга выявления общей концепции ретифовской утопии (развитие от руссоизма к социализму), ее сильных и слабых сторон, ее основных моментов (две фазы социалистического общества) и оригинальности ретифовской мысли. После работ А. Р. Иоаннисяна стало невозможным прежнее пренебрежительное отношение к «реформома-

[185] Примечания: 1.185

См.: «Утопия Ретифа де-ла-Бретона». — «Известия АН СССР», Отд. обществ, наук, № 2, 7; «Ретиф де ла Бретон и французский реализм XIX века». — Журн. «Литературный критик», 1936, № 7; «Ретиф де ла Бретон», вступит, ст. в кн.: «Южное открытие». М.—Л., 1936; «Из истории идей утопического коммунизма в эпоху Директории». — «Вопросы истории», 1957, № 6.

нии» Ретифа де ла Бретона. Отныне эта сторона творчества Ретифа принадлежит истории социалистических идей.

Известный советский ученый — академик В. П. Волгин тщательно проанализировал социальную природу и классовую направленность утопических проектов Ретифа, находя в них целый ряд черт, характерных для мелкобуржуазных концепций. Если работы А. Р. Иоаннисяна в первую очередь преследовали цель привлечь внимание к незаслуженно забытым социальным утопиям Ретифа, то В. П. Волгин рассматривал уже «восстановленного в своих правах» писателя. Поэтому в своих работах, наряду с выделением безусловно прогрессивных сторон социальных концепций Ретифа, В. П. Волгин анализировал и слабые, противоречивые стороны этих концепций. Подобно Иоаннисяну, Волгин признал за Ретифом почетное место в истории социалистических идей и рассматривал его произведения в различных работах, посвященных общественной мысли французского XVIII века[186].

К Ретифу в связи с творчеством других писате-

[186] Примечания: 1.186

См. напр.: «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке». М., Изд-во АН СССР, 1958; «Французский утопический коммунизм». М., Изд-во АН СССР, 1960.

лей обращается ряд советских исследователей: в книге о Гете В. М. Жирмунский писал о Ретифе, в связи с Себастьеном Мерсье Ретифа называют Г. Белицкий, Л. Левбарг, Т. Л. Занадворова, в связи с общими вопросами истории реализма — Н. Берковский, в связи с Дюлораном — Л. Гордон.

Творчеству Ретифа уделяется внимание в «Истории французской литературы», выпущенной АН СССР, в советской «Литературной энциклопедии» и в других работах по истории литературы. Советское литературоведение ратует за пересмотр вопроса о роли Ретифа в истории литературы. Одним из конкретных проявлений этого стремления является факт включения отрывка из «Южного открытия» Ретифа и краткой историко-литературной оправки о нем в вузовский учебник — «Хрестоматию по западноевропейской литературе XVIII века» (1938).

В 1960 г. интересные страницы литературному анализу творчества Ретифа посвятил Б. Г. Реизов. В одной из своих книг[187] исследователь специально рассматривает вопрос Ретиф — Бальзак, вскрывая точки соприкосновения между «Совращенным поселянином» и романами «Че-

[187] Примечания: 1.187
Б. Г. Реизов. Бальзак. Сб. статей. Изд-во Ленинградского ун-та, 1960.

ловеческой комедии», между образами Годэ, д'Арраса и Вотрена. Предлагая понятие «романа развращения», Реизов относит произведение Ретифа к ряду аналогичных явлений европейской литературы. В этом освещении представляется возможность глубже вскрыть социальный подтекст и объективную обусловленность появления произведений разных эпох и народов, таких, как «Селестина» Фернандо де Рохаса и как «Совращенный поселянин» Ретифа. В центре внимания Б. Г. Реизова — два традиционных для русской критики объекта наблюдения: реализм и социальная критика в творчестве Ретифа.

Резюмируя путь, пройденный русской ретифовской критикой, можно сказать, что на сегодняшний день у нас лучше всего изучены социальные проекты писателя, воссоздание же общей картины творчества Ретифа и определение его значения продолжает оставаться важной задачей литературоведения.

Таковы основные аспекты освоения русской литературой и критической мыслью творчества Ретифа де ла Бретона. При осуществлении всестороннего анализа творчества французского писателя советская наука будет развивать опыт русских писателей, переводчиков, критиков,

наметивших определенные пути осмысления идейного и художественного мира Ретифа.

КОММЕНТАРИИ

«СОВРАЩЕННЫЙ ПОСЕЛЯНИН»

Первое издание «Совращенного поселянина» вышло в свет в Париже в 1775 г., без иллюстраций, в количестве трех тысяч экземпляров. В тот же год роман напечатали еще двое парижских издателей и начались самовольные перепечатки его как во Франции, так и за границей, с которыми Ретиф де ла Бретон бороться не мог, ибо тогда не существовало законодательства, защищающего авторские права.

Настоящий перевод сделан с издания: «Le paysan perverti, ou Les dangers de la ville... par N. E. Rétif de la Bretonne». A Amsterdam, aux dépens de la Compagnie. M.DCC.LXXVI[188].

«ЖИЗНЬ ОТЦА МОЕГО»

Первое издание «Жизни отца моего» вышло в свет в ноябре 1778 г. (с пометкою: 1779) как сочи-

[188] Примечания: 1.188

Слово rétif (а следовательно, и фамилия писателя) в старину писалось restif («s» не произносится), но уже в XVIII в. было принято написание «rétif». Поэтому применительно к фамилии допустимы обе формы.

нение «автора „Совращенного поселянина“» (без указания имени писателя). Издание в двух томах без иллюстраций.

Настоящий перевод сделан с издания: Restif de la Bretonne. La vie de mon père. Collection du Flambeau (Libraire Hachette, 1963), которое воспроизводит указанный выше текст 1778 года.